РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. НОЯБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго ..... 249—299

II. Воспоминанія педагога. (Оконч.). В. Г. фонъ-Бооля..... 300—348

III. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго..... 349—370

IV. Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ. (Окончаніе). Пав. Майкова. 371—429

V. Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ..... 430—460

VI. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщилъ В. В. Щегловъ..... 461—484

VII. Къ портрету Святого о. Серафима Саровскаго. В. Смирнова..... 485—487

VIII. Дурной сонъ. Сообщилъ Д. У..... 488

IX. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ св. о. Серафима Саровскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1904 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XVI.—Записки, собранныя по повелѣнію импер. Павла I о началѣ регулярнаго войска, о ново и славяно-сербскихъ поселеніяхъ, о полкахъ гусарскихъ и пандурскихъ и о военныхъ школахъ.

Въ настоящее время, когда наше доблестное воинство ведетъ кровопролитную и упорную войну съ коварнымъ врагомъ, небезъинтересно прослѣдить исторію возникновенія нашихъ регулярныхъ войскъ.

Разсматриваемый нами XVI выпускъ Сборника военно-историческихъ матеріаловъ заключаетъ въ себѣ очень интересныя свѣдѣнія по этому вопросу, а именно записки, собранныя по повелѣнію императора Павла Петровича: I. Извѣстія о началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи, съ показаніемъ перемѣнъ, какія по временамъ и обстоятельствамъ въ ономъ производимы были. II. Экстрактъ учиненный съ котораго времени и какія войска въ коликомъ числѣ учреждены. III. Объ остзейскихъ и внутреннихъ гарнизонахъ. IV. Экстрактъ о новосербскомъ бывшемъ поселеніи и о полкахъ гусарскихъ и пандурскихъ, подъ командою Хорвата учрежденныхъ и состоявшихъ. V. О славяно-сербскомъ поселеніи, о учреждавшихся тамъ гусарскихъ школахъ, гдѣ тогда сдѣлана была Екатерининская провинція, гусарскіе и пикинерные полки составлены. VI. О военныхъ школахъ.

Эти шесть записокъ въ рукописномъ видѣ, безъ подписей, составляли особое дѣло, хранившееся въ Московскомъ отдѣленіи Архива Главнаго штаба,—Дѣло по 2-му отдѣленію дежурства Главнаго штаба Его Императорскаго Величества по военному поселенію „о свѣдѣніяхъ, собранныхъ по повелѣнію блаженныя памяти императора Павла I“ (начато 9-го августа, окончено 2-го октября 1830 г.).

Изъ приложенной въ концѣ дѣла переписки видно, что онѣ по повелѣнію императора Николая I были уже напечатаны въ количествѣ десяти экземпляровъ, изъ коихъ пять было разослано: цесаревичу Константину Павловичу, великому князю Михаилу Павловичу, генералъ-фельдмаршаламъ: графу Дибичу Забалканскому, графу фонъ-деръ-Остенъ-Сакену и графу Паскевичу-Эриванскому.

Сдѣланныя Общимъ архивомъ Главнаго штаба попытки разыскать хотя бы одинъ печатный экземпляръ этихъ „записокъ“ не увѣнчались успѣхомъ.

Мы ознакомимъ читателей съ содержаніемъ наиболѣе интересной записки—о началѣ регулярнаго войска.

Нѣтъ, кажется, надобности упоминать, сколь полезно есть содержаніе въ государствахъ по правиламъ учрежденнаго войска,—говорится въ началѣ этой записки,—поелику частые, неожидаемые и непредвидимые случаи требуютъ непрестанно, дабы войско было въ готовности или защитить области отъ враговъ внѣшнихъ, нарушающихъ доброе согласіе сосѣдственной дружбы, или укротить враговъ внутреннихъ, возстающихъ на разрушеніе спокойствія и безопасности гражданъ. Время, опыты и самое уваженіе на нужду сего учрежденія не только въ Россіи, но и во всѣхъ государствахъ образовали постепенно какъ состояніе, такъ исправность и вооруженіе войскъ. Воинская наука, какъ и всѣ другія, не вдругъ достигла своего совершенства. Надлежало многія преодолѣть трудности и побѣдить предразсудки, чтобъ успѣть въ предпріятіи толико полезномъ благосостоянію государственному.

Повѣствованія временъ, древностью отъ насъ отдаленныхъ, представляютъ арміи воюющихъ народовъ въ видѣ хищниковъ: ибо они не знали ни порядочно сражаться, ни удерживать мѣста, коими овладѣли. По нуждѣ собранные обыватели производили военныя дѣйствія столь долго, пока могли имѣть пропитаніе; недостатокъ онаго отпускалъ ихъ въ домы. Часто безъ правилъ и подчиненности на возвратѣ своемъ подвергались они конечному истребленію отъ того, что, удаляясь въ безпорядкѣ, не рѣдко учинивъ въ земляхъ непріятельскихъ знатные успѣхи и завоеванія, по отходѣ въ домы свои, отмщеваемы были сами разореніями и опустошеніями: и сіе происходило отъ того, что не было готоваго войска къ защищенію.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный первый положилъ начало около 1554 года къ учрежденію порядочнаго войска. При немъ, во время осады Казани, составлены изъ людей боярскихъ нѣкоторыя порядочныя сотни, названныя потомъ стрѣльцами, и содержаны оныя были какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Къ его царствованію должно отнести начало употребленія въ Россіи артиллеріи и инженерства, ибо при той же казанской осадѣ находился у него въ службѣ одинъ иностранный инженеръ, коего россіяне не инженеромъ, но розмысломъ называли.

Преемники Грознаго содержали во всей цѣлости сіе его учрежденіе, а послѣдовавшія вскорѣ за кончиною его бѣдствія внѣшней междоусобной войны и большую еще открыли нужду въ содержаніи непремѣнныхъ войскъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и конныхъ, подъ названіемъ стрѣлецкихъ.

Царь Михаилъ Ѳедоровичъ умножилъ число ихъ, а мудрый его преемникъ, царь Алексѣй Михайловичъ, положилъ основаніе и тому, чтобъ не только имѣть всегдашнее войско, но и содержать его по правиламъ военной науки. Для сего выписаны были иностранные чиновники, переведены разныя книги, касающіяся до военной науки, и въ 1654 г., при осадѣ Смоленска, въ арміи его находились уже семь полковъ, обученныхъ по европейскому обычаю и имѣю-

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

VI [1]).

Учрежденіе новаго управленія намѣстника.—Дѣятельность спеціальнаго комитета.—Моя борьба съ сочленами.—Знаніе сердца и страстей человѣческихъ, выказанное при этомъ случаѣ княземъ.—Рѣшимость князя утвердить новые проекты своею властью.—Знаменитый домъ Аршакуни, гдѣ должны были размѣститься нѣкоторые департаменты.—Торжественное открытіе новаго управленія.—Оригинальное замѣщеніе одной изъ вакансій моего учрежденія.

Характеръ нашего преобразовательнаго комитета отличался упорнѣйшимъ столкновеніемъ мнѣній. Кр—нъ, впрочемъ, неувѣренный въ своихъ силахъ, постоянно молчалъ; Харитоновъ, имѣвшій нѣкоторую дѣловую опытность, былъ скученъ и мелокъ во всѣхъ вопросахъ, требующихъ широкаго взгляда и законодательной сообразительности. Мелочность его, съ одной стороны, и страшное тщеславіе, съ другой, дѣлали его просто невыносимымъ. Онъ претендовалъ на каждый вздоръ, прося каждое ничтожное обстоятельство вносить въ новое положеніе о главномъ управленіи. Справедливость требуетъ сказать, однако, что Харитоновъ, многословный и мелочной до безконечности, былъ только скученъ ужасно; но никакой серьезной и стойкой оппозиціи онъ держать не могъ ужъ по самой слабости своего характера, нервнаго, какъ у женщины. Витте, человѣкъ очень благо-

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1904 г.

разумный, постоянно находился на моей сторонѣ и держался моихъ мнѣній. Но самымъ упорнымъ моимъ антагонистомъ явился князь Георгій Мухранскій. Я выше много говорилъ объ этой личности, и изъ всего, что сказано мною, можно вывести только одно искреннее мое уваженіе къ этой замѣчательной личности, уваженіе, основанное на ближайшемъ знакомствѣ моемъ съ нею впослѣдствіи. Не такъ было во время нашихъ комитетскихъ занятій.

Предложенія князя Мухранскаго, его мнѣнія, его возраженія—отличались такимъ упорствомъ, что я не считалъ его и имѣлъ полное основаніе не считать его человѣкомъ ученымъ. Способный и даровитый человѣкъ можетъ быть неопытенъ къ какомъ-нибудь дѣлѣ; но онъ сейчасъ пойметъ сущность вопроса, когда ему представятъ дѣльныя объясненія. Князь Мухранскій, напротивъ, при совершенной неопытности въ законодательныхъ работахъ, неопытности, совершенно очевидной, не только не хотѣлъ при происходящихъ дебатахъ внимать соображеніямъ и доводамъ противной стороны, но съ упорствомъ и самонадѣянностью противупоставлялъ этимъ доводамъ свои умствованія, рѣшительно ни на чемъ не основанныя и къ дѣлу совершенно не примѣнимыя. И теперь, когда я такъ сблизился съ Мухранскимъ, такъ уважаю его преимущественно за его тонкій умъ, я не могу постигнуть, откуда проистекала тогдашняя его оппозиція. Само собою разумѣется, что обращаться къ нему самому за разъясненіемъ этого недоумѣнія и тѣмъ самымъ возбуждать воспоминанія о періодѣ самыхъ непріязненныхъ нашихъ отношеній я считалъ совершенно неудобнымъ. Всего вѣроятнѣе думать, что этою массою сбивчивыхъ, темныхъ, неосновательныхъ возраженій, мнѣній и предложеній онъ разсчитывалъ если не совершенно уронить проектъ, то по крайней мѣрѣ задержать его осуществленіе изъ той ненависти его къ Кр—ну, о которой я выше говорилъ...

Бурный характеръ нашихъ преній сдѣлался извѣстнымъ не только всему Тифлису, имѣвшему всѣ свойства провинціальнаго города, но и самому князю Александру Ивановичу, и въ слѣдствіе того произошла однажды между нимъ и мною та сцена, которую я давно уже разсказалъ и которую, за всѣмъ тѣмъ, позволяю себѣ здѣсь повторить. Какъ теперь вижу князя предъ своими глазами. Онъ лежалъ на кушеткѣ, опять больной, въ Тифлискомъ уже дворцѣ. Я сидѣлъ противъ него. Послѣ постороннихъ предметовъ, князь коснулся занятій нашихъ въ комитетѣ.

— Я слышалъ, что у васъ происходятъ ужасно бурныя пренія, —сказалъ князь. Я слышалъ, что вы хотите присоединить къ положенію портреты сторожей.

— Столь же бурныя, сколько и безплодныя, — отвѣчалъ я. Крайняя неопытность нѣкоторыхъ членовъ въ законодательныхъ работахъ главною тому причиною. Князь подумалъ нѣсколько минутъ, что всегда онъ дѣлалъ, собираясь сказать что-нибудь исключительное. Потомъ сказалъ: «зачѣмъ вы это говорите, Василій Антоновичъ! не надо никогда задѣвать чужаго самолюбія»... «Я это сказалъ только вашему сіятельству»,—замѣтилъ я. «Знаю, знаю!»—возразилъ князь и, вставъ съ кушетки, началъ, по обычаю, ходить по кабинету. «Но я хочу вамъ вообще дать дружескій совѣтъ. Конечно, вы не будете за это на меня сердиться. Бога ради никогда не затрогивайте чужаго самолюбія. Это самая оскорбительная вещь, которая никогда не забывается. Вамъ все простятъ; но оскорбленія, нанесеннаго самолюбію, никогда. Я знаю, что вы никогда не произнесете оскорбительныхъ словъ; но иногда одинъ жестъ какой-нибудь, улыбка бываетъ оскорбительнѣе самыхъ словъ. Вотъ примѣръ. Когда я играю въ карты съ Зи—вымъ, онъ страшно шумитъ, горячится и положительно грубитъ мнѣ; но это меня нисколько не оскорбляетъ; мнѣ даже пріятно и весело смотрѣть на его вспышки, слышать его указы и замѣчанія, отъ которыхъ онъ, по натурѣ своей, не въ силахъ удержаться, хотя бы игралъ съ самимъ царемъ. Напротивъ, не знаю ничего хуже и непріятнѣе, какъ играть съ Мі—мъ. Этотъ господинъ не шумитъ, не кричитъ и даже не говоритъ. Но когда сдѣлаешь иногда какой-нибудь ходъ не по его вкусу, онъ только усмѣхнется такимъ образомъ, какъ будто даетъ знать: «вотъ дуракъ!» Такая усмѣшка въ тысячу разъ оскорбительнѣе грубостей Зи—ева и при видѣ этой усмѣшки Мі—го такъ бы и бросилъ ему карты въ рожу!» Князь долго разсуждалъ на этотъ мотивъ и хотя онъ не прилагалъ этихъ разсужденій лично ко мнѣ; но ясно было, что онъ желалъ ими сдержать мои порывы, въ самомъ дѣлѣ иногда очень энергическіе...

Два вопроса особенно были причиною нашихъ комитетскихъ преній: во-первыхъ, упраздненіе округовъ и во-вторыхъ—образованіе особой канцеляріи при намѣстникѣ. Составляя свой проектъ, я рѣшительно былъ чуждъ всякаго лицепріятія. Не говоря уже о томъ, лежитъ ли это свойство вообще въ моей натурѣ, или нѣтъ, я былъ безпристрастенъ уже по той простой причинѣ, что не успѣлъ еще, по краткости моего пребыванія въ Тифлисѣ, образовать такихъ связей, которыя вліяли бы на мои предположенія. Отсюда становится ясною та безцеремонность, съ которою я наложилъ руку на округа, слѣдуя единственно глубокому моему убѣжденію въ безполезности ихъ. Не то было съ моими товарищами по комитету. Ихъ устрашала одна мысль посягнуть на положеніе такихъ знатныхъ и могущественныхъ личностей, какъ Дю—си, баронъ Н—и, которые были могущественны именно потому,

*

что владѣли округами и, располагая огромною массою хорошихъ и выгодныхъ мѣстъ, дѣлали своимъ сослуживцамъ тысячи услугъ, предоставляя эти мѣста родственникамъ и благопріятелямъ сотоварищей. Эту главную причину своей оппозиціи мои сочлены прикрывали опасностью оставить такія важныя части: какъ учебная, финансовая, почтовая, безъ ближайшаго за ними надзора, который сосредоточенъ былъ въ лицѣ управляющихъ округами. Однимъ словомъ мои товарищи приходили въ ужасъ отъ одной мысли о закрытіи округовъ. Даже молчаливый Кр—нъ, равнодушно слушавшій всѣ другія статьи проекта и загоравшіяся на нихъ пренія—и тотъ, вѣроятно, нашпигованный Дю—си, къ которому Кр—нъ питалъ какое-то благоговѣніе и изъ-подъ котораго грозила окончательно улетучиться комфортабельная почва,—заговорилъ тутъ оппозиціоннымъ тономъ.

Ужасъ этотъ, естественно, начиналъ обнимать и всѣхъ тѣхъ, которые, принадлежа къ этимъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ, связаны были съ управляющими округами особыми пріятными интимными узами, такъ что число лицъ, не сочувствующимъ закрытію округовъ, образовалось довольно значительное, и разнохарактерный говоръ, завязавшійся на этомъ пунктѣ, занялъ почти все чиновничье населеніе Тифлиса.

Въ одно прекрасное утро я передалъ дѣйствительное положеніе этого вопроса князю Александру Ивановичу и предложилъ ему: не угодно ли будетъ отложить окончательное разрѣшеніе вопроса объ округахъ до времени. «И прекрасно! очень радъ», сказалъ князь. «Не надо вдругъ возбуждать большой оппозиціи. Пусть сдѣлается сперва главное; остальное мы сдѣлаемъ постепенно, потихоньку. Пусть теперь остаются округа; мы ихъ уничтожимъ черезъ годъ!»

Сообразно этому князь подписалъ заготовленное мною предложеніе комитету, гдѣ говорилось, что князь полагаетъ оставить вопросъ объ округахъ въ прежнемъ видѣ впредь до того времени, когда департаменты главнаго управленія получатъ прочное и окончательное устройство и вступятъ въ кругъ дѣятельности, каждому предназначенный...

Идея объ образованіи особой канцеляріи при намѣстникѣ оспаривалась еще болѣе ожесточеннымъ образомъ. Всѣ хорошо знали, и самъ князь не скрывалъ, что учрежденіе это будетъ отдано въ мои руки. Отсюда явилась мысль, что я стану выше всего главнаго управленія и буду истиннымъ двигателемъ всѣхъ дѣлъ; что главное управленіе будетъ, въ существѣ, относиться ко мнѣ, а не къ князю, и что такимъ образомъ оно приметъ второстепенное, отдаленное отъ князя, положеніе, а канцелярія завладѣетъ самымъ высшимъ въ краѣ положеніемъ. Вѣрна ли была эта мысль или нѣтъ—это другой вопросъ; но она была достаточно сильна для того, чтобы возбудить энергическую оппозицію въ моихъ сочленахъ по комитету, т. е. въ будущихъ директорахъ

главнаго управленія. Во слѣдъ этимъ господамъ потянулся опять и молчаливый Кр—нъ, какъ главный представитель этого управленія. Они утверждали, что, при существованіи этой канцеляріи, страна вовсе не пойметъ самаго преобразованія. Народонаселеніе будетъ считать главное управленіе чѣмъ-то въ родѣ губернскаго правленія и попрежнему лѣзть со всѣми просьбами и дѣлами въ канцелярію намѣстника, которую десятки лѣтъ привыкло считать самымъ главнымъ и высшимъ мѣстомъ.

Такъ какъ вопросъ касался личнаго моего положенія и такъ какъ идея объ учрежденіи при князѣ особой канцеляріи принадлежала ему самому, то я и находилъ приличнымъ воздерживаться отъ преній. Соперники мои, опровергая учрежденіе этой страшной для нихъ канцеляріи, признавали, что для разработки органическихъ вопросовъ и различныхъ предположеній князя совершенно достаточно оставить то временное отдѣленіе для дѣлъ гражданскаго устройства края, которое именно съ этой цѣлью и было учреждено. Хотя всѣ доклады по комитету шли чрезъ меня; но этотъ вопросъ именно потому, что онъ касался лично моего положенія, я предоставилъ Кр—ну доложить князю, въ тѣхъ видахъ, чтобы устранить отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи повернуть его въ свою пользу. Кр—нъ получилъ отъ князя странное, хотя въ высшей степени лестное для меня, порученіе передать этотъ вопросъ на мое разрѣшеніе.

Кр—нъ передалъ мнѣ, что князь желаетъ непремѣнно устроить для меня, при настоящемъ преобразованіи, такое положеніе, которое было бы пріятно мнѣ. «Поэтому, говорилъ Кр—нъ, если вы желаете сохранить учрежденію, которое онъ предназначилъ имѣть при себѣ и поручить вашему завѣдыванію, наименованіе канцеляріи, то и онъ не отступитъ отъ этого наименованія; но если во избѣжаніе различныхъ неудобствъ, высказанныхъ комитетомъ, вы согласны оставить при немъ наименованіе временнаго отдѣленія, то онъ былъ бы очень благодаренъ».

Князь очень хорошо зналъ, что никакимъ предложеніямъ, сдѣланнымъ въ такой очаровательной формѣ, я противиться не въ силахъ. Я поручилъ Кр—ну передать князю благодарность мою за столь милостивое вниманіе и удостовѣрить его, что я всегда готовъ служить усердно ему, какія бы оффиціальныя наименованія ни присвоивались моимъ должностямъ и тѣмъ учрежденіямъ, какія отданы будутъ въ мое управленіе. Такимъ образомъ и сохранилось важнѣйшему изъ новыхъ учрежденій, по его существу, это отвратительное и въ то же время совершенно неправильное наименованіе: «Временнаго отдѣленія для дѣлъ гражданскаго устройства Кавказскаго и Закавказскаго края». Князь, при послѣдующемъ свиданіи со мной, любезно благодарилъ меня

за согласіе на это наименованіе, утверждалъ, что мое значеніе нисколько не потерпитъ отъ того, такъ или иначе будетъ называться мое учрежденіе, и что наконецъ онъ находитъ правильнымъ назвать это учрежденіе именно Временнымъ, потому, что, какъ только устроится главное управленіе по новому порядку, онъ тотчасъ переименуетъ мое отдѣленіе все-таки въ свою канцелярію.

Я такъ былъ глубоко преданъ князю Александру Ивановичу, что всѣ эти утѣшенія мнѣ вовсе не были нужны. Я такъ искренно вѣрилъ въ великолѣпіе моихъ исключительныхъ отношеній къ князю, что если бы и на половину осуществилось для меня то, что, по существу этихъ отношеній, можно было ожидать, то и то было бы ладно. Слѣдовательно, настаивать на томъ или другомъ наименованіи учрежденія, которое мнѣ ввѣрялось, не было никакой дѣйствительной надобности, не говоря уже о томъ, что такія настоянія были бы и неудобны по отношенію къ князю, предъ которымъ я истинно благоговѣлъ. Съ должностью управляющаго этимъ отдѣленіемъ соединялось и званіе директора походной канцеляріи намѣстника, званіе, которое, будучи взято отдѣльно, не представляло ничего особеннаго, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствовало нѣкоторымъ образомъ объ исключительномъ моемъ положеніи при князѣ...

Не безполезно замѣтить, что въ дѣлѣ преобразованія главнаго управленія былъ еще одинъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго я принималъ самое горячее участіе—именно вопросъ о содержаніи Кр—на, какъ начальника главнаго управленія. Вопросъ этотъ возникъ, какъ хорошо помню, еще то время, какъ князь Александръ Ивановичъ находился въ Боржомѣ. Надо замѣтить, что по прежней должности директора канцеляріи Кр—нъ получалъ весьма умѣренное содержаніе, что-то отъ 3.000 до 4.000 руб. въ годъ. По новымъ штатамъ, содержаніе директорамъ департаментовъ опредѣлялось въ 4.500 руб.; являлся вопросъ: какой окладъ назначить Кр—ну по новой его должности, гораздо высшей сравнительно съ директорскими должностями, и на этомъ-то вопросѣ завязалась упорная битва между мной и княземъ Александромъ Ивановичемъ.

Я доказывалъ въ своихъ письмахъ, на имя Булатова, занимавшаго въ то время положеніе директора походной канцеляріи при князѣ, что Кр—нъ, какъ ближайшій помощникъ князя и высшее лицо въ гражданскомъ мірѣ, долженъ получать такой окладъ, который если не превосходилъ, то никакъ не уступалъ бы другимъ высшимъ окладамъ, существующимъ уже въ этомъ гражданскомъ мірѣ; а такъ какъ окладъ кутаисскаго генералъ-губернатора составляетъ 10.000 руб., а окладъ тифлисскаго генералъ-губернатора еще выше, то и Кр—ну нельзя назначить меньшій окладъ. Роскошный и щедрый всегда князь, къ

удивленію, явился здѣсь упорнѣйшимъ экономомъ. Подъ вліяніемъ страшнаго перехода къ этому окладу отъ того умѣреннаго содержанія, которое Кр—нъ прежде получалъ, т. е. отъ 4.000 къ 10.000 руб., князь не соглашался на мои представленія и находилъ достаточнымъ назначить ему отъ 7.000 до 8.000 руб., что́ удвоивало его окладъ. Я не отступалъ и, зная, что мои письма Булатову будутъ подлинникомъ читаны княземъ, я не затруднялся, защищаемый свободною и дружескою формою моихъ писемъ, довольно круто называть совершенно нелогичнымъ всякій другой окладъ кромѣ 10.000 руб., точно такъ же, какъ я признавалъ нелогичнымъ всякое сравненіе прежняго положенія Кр—на съ новымъ его положеніемъ, прежняго его содержанія съ тѣмъ содержаніемъ, которое онъ долженъ получать по новой должности. Я прибавлялъ, что въ настоящемъ вопросѣ личность Кр—на полезнѣе вовсе забыть, потому что рѣчь идетъ вовсе не о Кр—нѣ, а объ установленіи закономъ правильныхъ отношеній, въ которыя долженъ быть поставленъ начальникъ главнаго управленія, и что съ этой точки зрѣнія никакого другаго оклада, кромѣ 10.000 р., ему, безъ нарушенія стройности этихъ отношеній, назначить нельзя. Побѣда осталась на моей сторонѣ, и начальнику главнаго управленія назначено всего содержанія именно 10.000 руб., раздѣленнаго, какъ это обыкновенно дѣлается, на столовыя, квартирныя и т. п.

Такимъ образомъ проектъ приходилъ къ окончанію, и вмѣстѣ съ тѣмъ приближался 1859 годъ, съ котораго онъ долженъ былъ осуществиться. Подъ моимъ руководствомъ составлено уже было росписаніе дѣлъ, которыя находились и производились въ канцеляріи намѣстника, по департаментамъ будущаго главнаго управленія, и распредѣленіе между ними чиновниковъ, составлявшихъ канцелярію. Когда все было готово, предсталъ вопросъ: должно ли представить проектъ преобразованія со всѣми приложеніями на предварительное утвержденіе въ Петербургъ, или князь можетъ привести его въ исполненіе собственною властію?

Хотя князь имѣлъ высочайше дарованное право преобразовать главное управленіе; но самая форма этого преобразованія была такъ широка и значительна, что я, а вмѣстѣ со мною и всѣ сочлены комитета, признавали совершенно необходимымъ представить наши проекты прежде въ Петербургъ. Но князь думалъ объ этомъ совершенно иначе.

— Если послать имъ проектъ,—говорилъ князь,—они непремѣнно начнутъ умничать и писать свои замѣчанія, такъ что и конца не будетъ, а если я ихъ введу прежде, а потомъ уже пошлю, тогда уже нечего будетъ имъ разсуждать. При всей вѣрности этого взгляда, пріученный петербургскими порядками видѣть, что министры о всякомъ ничтожномъ вздорѣ пишутъ всеподданнѣйшіе доклады, я боялся, что приведе-

ніе въ дѣйствіе такого важнаго дѣла, какъ созданіе многихъ департаментовъ, безъ предварительнаго его утвержденія высочайшею властью, взбаломутитъ все петербургское высшее управленіе и даже произведетъ скандалъ. Мысль эту я высказывалъ князю Александру Ивановичу, но онъ остался непоколебимъ и рѣшился самъ утвердить проекты и потомъ уже послать ихъ, для свѣдѣнія только, въ Кавказскій комитетъ. Сообразно этому, на поднесенныхъ ему проектахъ, написано было имъ такъ: «По высочайше предоставленной мнѣ власти, въ видѣ опыта, на одинъ годъ, утверждаю».

Для размѣщенія большей части новыхъ департаментовъ нанята была часть знаменитаго дома Аршакуни, столь извѣстнаго всѣмъ, кто посѣщалъ Тифлисъ.

Аршакуни былъ когда-то совершенно простой армянинъ. Проходя различныя прикащичьи должности, онъ попалъ наконецъ въ управляющіе Сальянскими рыбными промыслами въ то время, когда они находились въ содержаніи у какой-то компаніи, тоже изъ армянъ. Въ этой-то именно должности онъ и нажилъ значительное богатство. Есть какое-то повѣрье, что деньги, не добромъ нажитыя, идутъ прахомъ. Такъ было и съ Аршакуни, увлеченнымъ самымъ глупѣйшимъ тщеславіемъ. Если не все, то большую часть своего богатства онъ убилъ на свой домъ, дѣйствительно, замѣчательный по громадной массѣ денегъ, въ него засаженныхъ. Домъ этотъ онъ предположилъ отдѣлать въ восточномъ вкусѣ. Для этого онъ выписалъ изъ Персіи толпы рабочихъ и различныхъ мастеровъ, которые постоянно и нескончаемо кишѣли, какъ муравьи, около его дома; различныя принадлежности, какъ, напримѣръ, разноцвѣтныя стекла различныхъ формъ и размѣровъ, заказывались въ Англіи; Франція изготовляла люстры, вазы и т. п. Въ цѣломъ выходило нѣчто поразительное и въ то же время страшно безвкусное. Поразительное потому, что персидскія работы, а особенно лѣпныя, перемѣшанныя съ мельчайшими зеркальными стеклышками, дѣйствительно, представляли прелесть несказанную; знатоки утверждали положительно, что у самого персидскаго шаха не было въ его дворцѣ такихъ комнатъ, какія были въ домѣ Аршакуни. Безвкусное потому, что грубый армянинъ Аршакуни не имѣлъ архитектора и претендовалъ самъ лично быть архитекторомъ, оттого въ общемъ расположеніи комнатъ была замѣчательная чепуха, въ которой смѣшивались условія европейскія съ обычаями восточными. Точно также онъ самъ занимался и внутреннимъ убранствомъ комнатъ и въ этомъ отношеніи былъ еще хуже: въ персидскую комнату ставилъ французскую бронзу; комнату европейскую устилалъ персидскими коврами. Онъ часто ѣздилъ за границу и всегда вывозилъ оттуда разнороднаго хламу. И удивительное дѣло! этотъ сумасшедшій человѣкъ вовсе не имѣлъ дѣтей, а женой имѣлъ какое-то армянское пугало, которая гнѣ-

здилась гдѣ-то въ одной изъ заднихъ комнатъ и никогда не показывалась изъ своего гнѣзда.

Для чего онъ строилъ этотъ глупый, но все-таки великолѣпный домъ? При изслѣдованіи этого вопроса многіе говорили, что Аршакуни предполагаетъ, по совершенномъ окончаніи дома, поднести его въ даръ государю, или наслѣднику, или кому-то изъ императорской фамиліи. Увы! Если, дѣйствительно, таково было его предположеніе—онъ не успѣлъ привести его въ исполненіе. Смерть застигла его на окончательныхъ работахъ, и знаменитый домъ, вмѣсто высокой чести принадлежать царской фамиліи, попалъ въ грязныя руки дикой вдовы Аршакуни и толпы какихъ-то его родственниковъ, которые начали съ того, что раздѣлили его какъ-то на части и, не понимая ни значенія ремонта, ни необходимости бдительнаго надзора, тотчасъ превратили его въ какую-то, полную пыли и грязи, казарму.

Надобно замѣтить, что всяческое великолѣпіе сосредоточено было собственно во второмъ этажѣ; первый же этажъ не заключалъ въ себѣ особенной роскоши, и онъ-то былъ нанятъ подъ главное управленіе. Подъ моимъ руководствомъ произведено было распредѣленіе этого этажа на департаменты, меблировка ихъ, снабженіе царскими портретами и т. п. Такимъ образомъ здѣсь помѣстились: мое временное отдѣленіе и департаменты: общихъ дѣлъ и судебный. Департаментъ государственныхъ имуществъ остался въ томъ же отвратительномъ помѣщеніи, которое занимала прежняя экспедиція государственныхъ имуществъ; департаментъ финансовый и управленіе сельскаго хозяйства размѣстились въ другихъ наемныхъ домахъ.

Когда все готово было къ открытію главнаго управленія, князь Александръ Ивановичъ назначилъ для торжественнаго совершенія этого открытія особый день. Къ извѣстному времени собралась во дворцѣ намѣстника вся тифлисская знать, военная и гражданская, потомъ пріѣхалъ митрополитъ съ духовенствомъ, а потомъ вышелъ въ большую залу изъ внутреннихъ комнатъ самъ намѣстникъ, окруженный своею свитою. Торжество открытія началось чтеніемъ главныхъ основаній преобразованія главнаго управленія. Для этого чтенія самъ князь назначилъ одного изъ состоящихъ при немъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ—грузина Іоселіани, человѣка, популярнаго въ высшей степени, туземнаго литератора и оратора. Этимъ избраніемъ князь какъ бы желалъ показать туземцамъ, что преобразованіе дѣлается для ихъ пользы, для благоденствія страны. Послѣ этого чтенія митрополитъ началъ богослуженіе, въ концѣ котораго голосистый протодіаконъ провозглашалъ различныя многолѣтія государю, намѣстнику, главному управленію и пр. По окончаніи богослуженія провозглашены были имена лицъ, которымъ поручались департаменты и другія части новаго глав-

наго управленія. Этимъ лицамъ самъ князь вручалъ печати, заготовленныя для департаментовъ и частей, имъ ввѣряемыхъ. Такимъ образомъ главное управленіе новыхъ, широкихъ размѣровъ было открыто и воспріяло свое дѣйствіе. До какой степени вѣрно и хорошо все было предусмотрѣно и подготовлено, тому служитъ лучшимъ доказательствомъ, что департаменты не встрѣтили рѣшительно никакихъ затрудненій въ своихъ первоначальныхъ дѣйствіяхъ и съ разу безпрепятственно пошли по пути къ предназначеннымъ имъ цѣлямъ. Дошли ли они до этихъ цѣлей—это совершенно другой вопросъ, и я менѣе всѣхъ готовъ принять на себя его разрѣшеніе.

Я вступилъ, какъ и предназначено было, въ управленіе временнымъ отдѣленіемъ и на-ряду съ Д. А. Милютинымъ и Крузенштерномъ получилъ личный докладъ намѣстнику. Личный составъ этого отдѣленія я сформировалъ отлично. Въ этомъ составѣ были великолѣпные практики по всѣмъ частямъ; были юристы, были люди ученые, были, наконецъ, молодые люди, только-что вышедшіе изъ учебныхъ заведеній и жаждавшіе дѣятельности. Одну изъ вакансій я оставилъ для моего бывшаго почтоваго сотрудника Коковцева, о блестящихъ способностяхъ котораго я выше говорилъ, и когда этотъ молодой и даровитый человѣкъ споткнулся и не могъ уже воспользоваться моимъ предназначеніемъ, вакансія эта замѣщена была З—омъ, военнымъ офицеромъ, тоже человѣкомъ очень умнымъ и извѣстнымъ нѣсколько въ нашей литературѣ по нѣкоторымъ статейкамъ, напечатаннымъ имъ въ различныхъ изданіяхъ.

Замѣщеніе это совершилось съ такими подробностями, которыя, какъ мнѣ кажется, не лишены интереса. Когда я убѣдился окончательно въ невозможности предоставить эту вакансію (мѣсто VI класса съ жалованьемъ до 2.000 рублей) Коковцеву, я долженъ былъ искать другаго кандидата изъ мѣстныхъ дѣятелей, что̀ было очень затруднительно. Мои чиновники оффиціально, по самому штату, назывались редакторами, и это названіе указывало уже нѣкоторымъ образомъ на тѣ условія, которыя эти господа должны были соединять въ себѣ. Само собою разумѣется, что искателей этой солидной и привлекательной, особенно для молодыхъ людей вакансіи являлось множество, но всѣ они меня не удовлетворяли. Наконецъ, по рекомендаціи и ходатайству Орловскаго, который и въ то уже время, будучи еще только тифлисскимъ вице-губернаторомъ, былъ на дѣлѣ настоящимъ начальникомъ губерніи, я остановилъ вниманіе на родственникѣ его, Прибылѣ, молодомъ человѣкѣ весьма представительной наружности. Этому предпочтенію содѣйствовало то обстоятельство, что Прибыля я видѣлъ въ Москвѣ у князя, во время коронаціи, и зналъ, что онъ писалъ тамъ для него какія-то бумаги. Мнѣ казалось, что князю пріятно будетъ зачислить въ учре-

жденіе, которое будетъ заниматься разработкою его идей, человѣка, который уже имѣлъ счастіе съ нимъ заниматься.

Вышло, однако, не такъ. Когда я передалъ князю первоначальное предположеніе мое относительно Коковцева, затрудненія, встрѣтившіяся въ его исполненіи, и, наконецъ, соображенія, по которымъ я рѣшился взять Прибыля, князь не согласился. Я отвѣчалъ, что буду искать другаго кандидата. «Не хотите ли, я вамъ буду рекомендовать человѣка?»—сказалъ князь. Я отвѣчалъ, что буду очень благодаренъ. Князь продолжалъ: «видите, въ чемъ дѣло. Есть одинъ З—нъ, чрезвычайно способный человѣкъ, но такой интриганъ и проныра, что безъ интригъ жить не можетъ. Онъ служилъ у Евдокимова, человѣка, кажется, смѣтливаго, но и тотъ разочаровался потомъ и долженъ былъ удалить его. Сначала Евдокимовъ души не слышалъ отъ радости, что нашелъ такое золото, и вѣрить не хотѣлъ никакимъ замѣчаніямъ на счетъ его нѣкоторыхъ свойствъ. Потомъ онъ мнѣ самъ говорилъ: «ваше сіятельство! я не люблю ни о комъ говорить худо, но скажу, что З—нъ, дѣйствительно, дурной человѣкъ!» Разладивъ съ Евдокимовымъ, онъ перешелъ въ штабъ Врангеля, въ Дагестанъ, и, вѣроятно, тамъ начнетъ тоже интриговать. Я долженъ взять его оттуда, и именно теперь прекрасный случай для этого. Вчера онъ пріѣхалъ курьеромъ отъ Врангеля и теперь въ Тифлисѣ. Хотите назначить его вашимъ редакторомъ? Ручаюсь, батюшка, что никому не уступитъ. Умный и бойкій, но ужъ зато интриганъ. Да намъ-то что до этого за дѣло? Мы будемъ знать, что онъ интриганъ, а способностями его будемъ пользоваться. Хотите?» Само собою разумѣется, что я не могъ не изъявить полнѣйшаго согласія, когда самому князю принадлежала и нравилась эта идея: «ну, какъ же»,—продолжалъ князь. «Вы что ль сдѣлаете ему это предложеніе или я?». «Я вовсе его не знаю, ваше сіятельство,—отвѣчалъ я,—и никогда не видалъ. Мнѣ кажется, что личное предложеніе вашего сіятельства будетъ для него и болѣе лестно, и болѣе обязательно». «Ну, и прекрасно,—сказалъ князь,—завтра онъ долженъ явиться ко мнѣ, и я объявлю ему новое и, конечно, неожиданное для него назначеніе».

На другой день, по своимъ дѣламъ, я явился въ пріемную князя и въ ожиданіи доклада обо мнѣ, вмѣшался, по обычаю, въ толпы, почти всегда наполняющія пріемную. Случайно совершенно я присоединился къ одной изъ группъ и слушалъ какой-то разсказъ, изрѣдка присоединяя и свое слово. Въ этотъ моментъ двери кабинета князя растворилось, и онъ самъ на минуту взглянулъ въ пріемную. Замѣтивъ въ толпѣ различныхъ гражданскихъ и военныхъ фигуръ и мою фигуру, онъ тотчасъ пригласилъ меня въ кабинетъ. При самомъ входѣ моемъ туда, князь спросилъ: «вы говорили уже съ З—мъ?» «Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я докладывалъ вамъ, что вовсе его не знаю!» «Да, вѣдь вы сейчасъ съ

нимъ говорили»,—живо сказалъ князь. Оказалось, что одинъ изъ офицеровъ, который стоялъ въ той же группѣ, гдѣ и я, и съ которымъ я перекинулся нѣсколькими словами, былъ З—нъ. Когда разъяснилось это обстоятельство, князь спросилъ: «ну, что, позвать что ли его? Хотите?» Я повторилъ, что З—ну будетъ пріятнѣе принять отъ самого князя новое назначеніе. «Ну, такъ позовите его»,—сказалъ князь. Видно было, что самъ князь предчувствовалъ, что это назначеніе не будетъ пріятно З—ну. И, дѣйствительно, съ первыхъ же словъ князя лицо этого господина приняло самое отвратительное выраженіе. Вѣроятно, противъ его собственнаго желанія, на немъ написано было въ одно и то же время и нежеланіе принять это предложеніе, и трусость отказаться отъ него. Проницательный князь быстро угадалъ все это и потому, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «потрудитесь, Василій Антоновичъ, подробнѣе объяснить З—ну положеніе, которое я ему назначаю, въ особенности разъясните, что онъ тутъ ничего не теряетъ, напротивъ, выигрываетъ».

Я видѣлъ, что миссія, возложенная на меня, будетъ довольно затруднительна. Когда мы вышли изъ кабинета князя, З—нъ тотчасъ началъ разъяснять мнѣ, что это предложеніе перевертываетъ совершенно всю его карьеру; что, посвятивъ себя исключительно военному поприщу, онъ, переходомъ къ статскимъ дѣламъ, къ которымъ никогда не чувствовалъ никакого призванія, теряетъ все, что пріобрѣтено уже имъ въ военной службѣ и т. п. Я долго и внимательно слушалъ его. Потомъ, когда изліянія его ослабѣли, я сказалъ: «позвольте мнѣ, прежде всего, обратить ваше вниманіе на тотъ простой фактъ, что до настоящей минуты я не имѣлъ удовольствія знать васъ, ни вашихъ достоинствъ, ни вашихъ предположеній. Ясно, что я не имѣлъ рѣшительно ни повода, ни побужденія желать, чтобы вы, именно, замѣстили извѣстную вакансію въ учрежденіи, которымъ управляю. Это идея самого князя, который, повидимому, слишкомъ хорошо знаетъ ваши достоинства, потому что превосходно о нихъ отзывается и который слишкомъ могущественъ, чтобы вознаградить всевозможныя потери, какія будутъ сдѣланы для исполненія его воли. И теперь—послѣ вашихъ объясненій, я лично еще менѣе могу желать поступленія вашего ко мнѣ, поступленія, столь противоположнаго вашимъ видамъ, за всѣмъ тѣмъ долгомъ считаю выразить вамъ убѣжденіе, что лучше плыть по теченію, т. е. слѣдовать волѣ князя, который позаботится о вашей карьерѣ именно потому, что вы исполните его волю, чѣмъ противиться этой волѣ и, слѣдовательно, рисковать всѣмъ».

З—нъ внялъ этому внушенію и просилъ только заявить князю, что онъ съ благоговѣніемъ исполняетъ его предназначеніе, несмотря на то, что всѣ его виды и интересы сосредоточены были на военной службѣ,

что̀ мною добросовѣстно и было исполнено. Этого мало. Я былъ постояннымъ представителемъ и посредникомъ его послѣдующихъ желаній и интересовъ предъ княземъ. Надобно сказать, что З—нъ имѣлъ способность вѣчно ныть и этимъ нытьемъ страшно надоѣлъ мнѣ, такъ что, если онъ желалъ вырваться изъ области гражданскихъ дѣлъ, то я еще болѣе желалъ избавиться отъ него, разумѣется, съ полнымъ соблюденіемъ его интересовъ. Его интересы имѣли впрочемъ мало возвышеннаго. Онъ постоянно мечталъ быть командиромъ полка или бригады линейныхъ казаковъ, съ завистью и злобою разсказывая, какими громадными выгодами пользуются эти командиры. Именно, подъ вліяніемъ желанія возвратить его въ военный міръ, я бралъ его съ собою въ знаменитый походъ 1859 г., разсчитывая, между прочимъ, что, находясь вмѣстѣ со мною подлѣ князя, онъ какъ-нибудь успѣетъ проявить себя, какъ человѣка, именно созданнаго для военнаго дѣла. Сначала казалось, что разсчеты эти обѣщаютъ осуществиться; но походъ былъ конченъ, а З—нъ снова начиналъ ныть, не принося почти никакой пользы моему отдѣленію.

Спустя значительное время, не помню уже, когда именно, князь отправлялся въ Владикавказъ. Предъ этимъ отправленіемъ, занимаясь съ нимъ дѣлами, я сказалъ ему, между прочимъ: «не изволите ли, ваше сіятельство, при свиданіи съ Евдокимовымъ, замолвить ему слово о З—нѣ?». «А что такое?»—живо возразилъ князь и потомъ тотчасъ прибавилъ: «а! понимаю! вы хотите, чтобы я избавилъ васъ отъ него! Ну, хорошо—избавлю». «Совсѣмъ нѣтъ, ваше сіятельство,—началъ я,—я имъ очень доволенъ, но онъ такъ любитъ военную службу»... «Ну, хорошо, хорошо! — прервалъ меня князь,—будьте благонадежны, устроимъ!» И, дѣйствительно, скоро З—нъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіи Евдокимова, а затѣмъ получилъ казачій полкъ или казачью бригаду; но, вѣроятно, усердіе его по части разработки тѣхъ выгодъ, которыми, по его собственнымъ словамъ, пользуются командиры казачьихъ полковъ и казачьихъ бригадъ, вышло уже изъ предѣловъ, потому что въ заключеніе онъ какъ-то довольно скоро ушелъ съ Кавказа.

VII.

Работы моего учрежденія.—Нѣкоторое сходство этого учрежденія со II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи.—Разнородные проекты.—Отъѣздъ моего семейства въ Петербургъ.—Рѣшимость моя идти въ походъ.—Услуга моя военному міру по части денежныхъ пособій.—Поѣздка князя въ Петербургъ.—Начало карьеры Д. А. Милютина.—Начало исторіи объ отчетѣ.—Переходы отчета изъ рукъ въ руки и различныя при этихъ переходахъ приключенія.

Отдѣленіе, мнѣ порученное, имѣло оригинальное назначеніе: писать и издавать законы. Въ этомъ назначеніи было нѣкоторое сходство съ назначеніемъ II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи: то и другое издавало законы. Этимъ только сходство и ограничивалось. Между тѣмъ въ дѣятельности этихъ учрежденій представлялась та существенная разница, что одно изъ нихъ само не писало законовъ, а только приводило въ систему законы, выходящіе въ различныхъ частяхъ и вѣдомствахъ государственнаго управленія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ давало заключеніе о томъ, въ какой степени изготовляемый какимъ-либо вѣдомствомъ новый законъ соотвѣтствуетъ общему духу, или, какъ Сперанскій говорилъ, «разуму» нашего законодательства, тогда какъ ввѣренное мнѣ учрежденіе должно было само писать новые законы. Однимъ словомъ, II отдѣленіе собирало, такъ сказать, плоды законодательной дѣятельности другихъ вѣдомствъ, мое отдѣленіе должно было изготовлять законы, относящіеся до различныхъ частей и вѣдомствъ. Я даже не знаю, существуетъ ли и существовало ли гдѣ-нибудь подобное, столь оригинальное заведеніе, да и можетъ ли оно, не нарушая «законовъ чистаго разума», существовать.

Въ организаціи блаженной памяти V отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи было нѣчто подобное: предпріимчивые и черезчуръ ужъ смѣлые Киселевъ и Карнѣевъ могли бы изготовить въ нѣсколько часовъ отличную конституцію для китайскаго государства, если бы это было имъ поручено; но и ихъ трескучая дѣятельность не выходила изъ области государственныхъ имуществъ, по правдѣ сказать, имѣвшей безконечныя и разнообразныя развѣтвленія и отрасли. Съ этой стороны и V отдѣленіе, эта школа моего дѣловаго образованія, этотъ образецъ храбрости, все преодолѣвающей и ни предъ чѣмъ не останавливающейся—должно уступить моему кавказскому отдѣленію, которое должно было своею мудростію обнимать всѣ области.

Но на Кавказѣ все возможно. Когда въ битвѣ съ турками у князя Андроникова были перебиты артиллерійскія лошади, онъ, не задумы-

ваясь, запрегъ подъ пушки почтовыхъ лошадей, къ величайшему изумленію почтоваго вѣдомства, и выигралъ сраженіе. Другой кавказскій полководецъ князь Григорій Орбеліани, какъ я говорилъ выше, при атакѣ какого-то аула, нашелъ совершенно ненужными штурмовыя лѣстницы, которыхъ у него требовали, по правиламъ военной науки, петербургскіе офицеры генеральнаго штаба, и все-таки взялъ аулъ. Нѣчто подобное этому презрѣнію къ существующимъ правиламъ, къ установившимся обычаямъ, къ законамъ науки,—существовало и въ гражданскомъ мірѣ.

Вопросъ о томъ: можетъ ли одинъ и тотъ же человѣкъ, какъ бы даровитъ и опытенъ онъ ни былъ, изготовлять законы по всѣмъ частямъ, какъ бы разнородны онѣ ни были, рѣшительно никого не занималъ.

Второстепенныхъ дѣятелей онъ не занималъ потому, что такъ уже рѣшено было княземъ; а князя онъ не занималъ потому, что тотъ разсчитывалъ на безусловное исполненіе.

У меня, въ ряду другихъ свойствъ, хорошихъ или дурныхъ, было свойство, отличающее, болѣе или менѣе, русскаго человѣка,—свойство, развитое и усовершенствованное въ V отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи, свойство дѣлать все, что велятъ, «по крайнему разумѣнію»; а какъ разумѣнія этого было достаточно, то въ результатѣ и выходило нѣчто порядочное, по крайней мѣрѣ относительно. На этомъ основаніи, еще въ молодыхъ лѣтахъ, я писалъ техническую инструкцію, какъ должны поступать ученые нѣмецкіе садовники, чтобы садоводство въ Россіи процвѣтало, или какъ должны дѣйствовать учебныя агрономическія фермы, чтобы поднять народное сельское хозяйство и т. п. На томъ же основаніи, но уже несравненно съ большею самоувѣренностію, я сталъ писать все, что заказывалъ князь.

До какой степени разнообразны были мои работы по отдѣленію, приведу нѣкоторыя изъ нихъ: положеніе объ Обществѣ для возстановленія христіанства на Кавказѣ и уставъ о конскихъ скачкахъ въ краѣ; положенія о новыхъ городахъ и уставъ тифлисскаго собранія; положеніе объ Обществѣ сельскаго хозяйства на Кавказѣ, и положеніе о вспомогательныхъ кассахъ; уставъ благотворительнаго общества св. Нины, и дѣло объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Поти до Баку; уставъ о строительной и дорожной частяхъ на Кавказѣ и составленіе всеподданнѣйшаго отчета намѣстника государю. Но составленіе отчета сопровождалось такими замѣчательными обстоятельствами, что они должны составить предметъ особаго повѣствованія; а теперь я отмѣчу двѣ черты, относящіяся къ моимъ занятіямъ по отдѣленію.

Я сказалъ уже, что мнѣ, по должности управляющаго этимъ отдѣ-

леніемъ, предоставленъ былъ личный докладъ князю въ опредѣленные для того дни. Это была высокая честь, которою пользовались только Кр—нъ и Д. А. Милютинъ; но я рѣшительно не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этою честью. Какъ ни быстро изготовлялись мои работы, все-таки физически было невозможно приносить князю еженедѣльно по проекту устава или положенія. Предварительными же вопросами, относящимися къ этимъ уставамъ, я не хотѣлъ обременять князя, зная, съ одной стороны, что эти частности только затруднятъ его, а съ другой, полагая свою гордость именно въ томъ, чтобы приносить ему всегда уже совершенно готовыя и отдѣланныя вещи. Отъ этого и при совершенномъ отсутствіи текущихъ дѣлъ, которыми такъ удобно могли наполнять свои доклады Д. А. Милютинъ и Кр—нъ, случалось, что, въ мой докладной день, я рѣшительно не имѣлъ ничего, подлежащаго докладу. Это неудобство я заявлялъ князю; но онъ отвѣчалъ на это: «ну что жъ? все равно, приходите съ пустыми руками; потолкуемъ!»

Другое обстоятельство, которое я хотѣлъ замѣтить, заключается въ томъ, что ни одного проекта я не представлялъ князю, не сообщивъ его предварительно директорамъ главнаго управленія, на томъ основаніи, что исполненіе проектовъ переходило уже въ ихъ руки. Къ замѣчаніямъ, которыя проявляли эти господа, я относился совершенно добросовѣстно. Все, что улучшало дѣло, по моимъ убѣжденіямъ, я принималъ; затѣмъ всѣ замѣчанія, съ которыми, по тѣмъ же убѣжденіямъ, я не могъ согласиться, я представлялъ князю на рѣшеніе.

Въ заключеніе позволяю себѣ повторить, что частная переписка князя перешла уже, такъ сказать, оффиціально на мою обязанность. Въ этомъ отношеніи письма къ членамъ императорской фамиліи или отвѣты на ихъ письма занимали, конечно, первое мѣсто.

Между тѣмъ, какъ я возился съ работами моего отдѣленія, семейныя мои дѣла приходили постепенно въ страшное разстройство. Жена моя, послѣ родовъ, впала, какъ говорится, «въ тяжкую и продолжительную болѣзнь» и должна была уѣхать съ Кавказа.

Какъ ни грустна казалась мнѣ ожидающая меня перспектива одинокаго, бобыльскаго моего существованія въ такомъ отдаленномъ краѣ, который встрѣтилъ меня однѣми потерями; за всѣмъ тѣмъ, однако же, я не только не препятствовалъ, но даже усердно содѣйствовалъ этимъ приготовленіямъ. Въ іюнѣ 1859 г. я самъ проводилъ мою семью до Владикавказа и тамъ съ нею распрощался.

Между тѣмъ изготовлялся знаменитый походъ 1859 г. Надо замѣтить, что хотя по должности директора походной канцеляріи я долженъ былъ сопровождать князя во всѣхъ его поѣздкахъ, но князь

былъ такъ великодушенъ, что во вниманіе ли къ моему семейному положенію, или во вниманіе къ моимъ серьезнымъ занятіямъ, или, наконецъ, къ замѣченному имъ, быть можетъ, нерасположенію моему рыскать по разнымъ концамъ края, оставлялъ меня въ покоѣ и при случавшихся поѣздкахъ бралъ съ собою большею частію Булатова. Отправивъ свою семью и значительно скучая, я предоставилъ Кр—ну заявить князю, что я желаю идти съ нимъ въ походъ. Его я уполномочилъ къ этому заявленію потому, что имѣлъ правиломъ никогда не говорить князю прямо о себѣ или о своихъ желаніяхъ. По отзыву Кр—на, князь самъ не хотѣлъ предложить мнѣ идти съ нимъ, чтобы не связать меня этимъ предложеніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что тончайшая деликатность была постояннымъ спутникомъ всѣхъ отношеній князя ко мнѣ, и этою-то деликатностію онъ умѣлъ поселить во мнѣ самую необъятную, по силѣ и искренности, преданность къ себѣ.

Въ дальнѣйшихъ переговорахъ моихъ съ княземъ относительно предстоящаго похода, я рѣшилъ доложить ему: не позволитъ ли онъ мнѣ взять съ собою N? Князь съ удивленіемъ взглянулъ на меня и живо спросилъ: «это зачѣмъ?» «N. кажется очень хорошо знаетъ тотъ край»,—отвѣчалъ я,—«и быть можетъ своею опытностію будетъ полезенъ въ военномъ отношеніи». Князь подумалъ съ минуту и потомъ сказалъ: «ну, хорошо! возьмите его!» N., дѣйствительно, подробно зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства страны, въ которую направлялся походъ, и знакомъ былъ почти со всѣми туземными личностями, сколько-нибудь замѣчательными. Владикавказъ, въ которомъ преимущественно производились различныя походныя заготовленія, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе онъ былъ нѣсколько разъ самъ въ походахъ и подробно зналъ всѣ пріятности и удобства походной жизни. Понятно, какъ мнѣ важно и полезно было имѣть при себѣ такого опытнаго человѣка, мнѣ, который, долженъ былъ вкусить впервые сладости похода. Точно также понятно, какъ я радъ былъ согласію князя на мое предложеніе. Я тотчасъ передалъ N всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовленію для меня во Владикавказѣ комфортабельной походной палатки, по покупкѣ верховыхъ лошадей, по пріобрѣтенію вещей, необходимыхъ для походной канцеляріи, и т. п., и справедливость требуетъ сказать, что трудно было найти для всего этого болѣе ловкаго исполнителя.

Въ этихъ же переговорахъ съ княземъ мнѣ удалось оказать и кавказскому военному міру большую услугу, которая, впрочемъ, осталась какъ-то мало оцѣненною. Дѣло въ томъ, что свита главнокомандующаго и различные военные чины, которые должны были идти въ походъ, страшно жаловались на разорительныя издержки, имъ предстоя-

25220.

щія, и на вопросъ мой, какія именно пособія выдаются имъ въ подобныхъ случаяхъ отвѣчали, что никакихъ или почти никакихъ потому, что какія-то фуражныя и, кажется, еще прогонныя деньги составляли ничтожнѣйшую сумму. Удивленный этимъ отвѣтомъ и зная, что всѣ гражданскіе чины, при различныхъ командировкахъ, получаютъ всегда довольно значительныя пособія, я, подъ вліяніемъ стремленія къ тому молодечеству, о которомъ выше говорилъ, объявилъ, что такое ненормальное положеніе оставаться не можетъ и что я его исправляю. Свитскіе мои друзья стали усердно поддерживать меня въ этой пріятной для нихъ рѣшимости. «Разумѣется, ты одинъ можешь это сдѣлать», говорили они. «Скажи князю. Онъ не знаетъ. Когда онъ узнаетъ, сейчасъ прикажетъ дать и намъ такія пособія, какими вы, штафирки, пользуетесь. Чѣмъ мы хуже васъ» и т. п.

И, дѣйствительно, при докладѣ объ обычныхъ пособіяхъ чинамъ, составляющимъ походную канцелярію, я сказалъ князю: «и военныя лица, отправляющіяся въ походъ, находятъ справедливымъ, чтобъ имъ тоже было назначено пособіе. Но никто не осмѣливается доложить вашему сіятельству объ этомъ». Князь пріятно улыбнулся; но ничего не отвѣчалъ. На другой или на третій день, къ величайшему моему удовольствію, узнаю, что вышла утвержденная княземъ табель о пособіяхъ военнымъ лицамъ, которою опредѣлялось: сколько слѣдуетъ подъемныхъ полковнику, маіору, поручику и т. д. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ возрадовались всѣ тѣ, которые жаловались на предстоящее разореніе, не ожидая сверху, на основаніи прежнихъ порядковъ, никакой помощи.

До начала похода князь нашелъ нужнымъ отправиться въ Петербургъ для предварительныхъ переговоровъ съ государемъ и оттуда возвратиться прямо въ крѣпость Грозную, гдѣ, если не ошибаюсь, къ 10-му іюля должно было сосредоточиться все, что назначено къ участію въ походѣ. Въ день отъѣзда князя я съ ранняго утра такъ сильно былъ занятъ съ нимъ въ его кабинетѣ, что, при наступленіи часа торжественнаго съ нимъ прощанія всѣхъ тифлисскихъ властей, онъ не позволилъ мнѣ даже съѣздить домой, чтобы надѣть мундиръ, и разрѣшилъ мнѣ остаться въ сюртукѣ. Надо замѣтить, что при обыкновенныхъ докладахъ князь не только не требовалъ никакой формальности въ платьѣ, но даже не любилъ положительно этой формальности. Приводя въ порядокъ различныя бумаги, которыя князь долженъ былъ взять съ собою, я волею неволею видѣлъ сверху ихъ реэстръ, собственноручно имъ написанный, важнѣйшимъ вопросамъ, по которымъ онъ предполагалъ переговорить съ государемъ. Во главѣ этихъ вопросовъ стояли слова: «Милютинъ товарищъ военнаго министра». Нѣтъ сомнѣнія, что эта лаконическая строка была первымъ основаніемъ всей по-

слѣдующей карьеры Д. А. Милютина. Прощаясь со мной, князь въ особенности просилъ меня заняться отчетомъ, къ исторіи котораго и перехожу...

Начать съ того, что еще въ концѣ 1858 г., когда я заваленъ былъ текущими дѣлами прежней канцеляріи намѣстника и занятъ сильнѣйшимъ образомъ проведеніемъ проекта преобразованія главнаго управленія, князь, въ одно прекрасное утро, въ присутствіи Кр—на, сказалъ между прочимъ: «однако пора заняться гражданскимъ отчетомъ, займитесь!» Я взглянулъ выразительно на Кр—на, тотъ сказалъ князю: «ваше сіятельство! Василій Антоновичъ такъ сильно обремененъ занятіями, что увеличивать ихъ физически не возможно!»—«Я знаю это; но что же прикажете дѣлать?»—замѣтилъ князь. «Позвольте отложить составленіе отчета до 1-го января 1859 г.,—отвѣчалъ Кр—нъ,—тогда вѣроятно Василій Антоновичъ будетъ свободнѣе и будетъ въ состояніи заняться отчетомъ».—«Ну, нечего дѣлать!»—какъ-то грустно отозвался князь,—«только мнѣ хотѣлось бы какъ можно скорѣе; военный отчетъ ужъ пишутъ».

Дѣйствительно, мнѣ было извѣстно, что пріятель мой Фадѣевъ занимается именно подготовкою военнаго отчета. У меня блеснула мысль, которую я тотчасъ и заявилъ князю. «Ваше сіятельство»,—сказалъ я,—«чтобы обезпечить скорое составленіе гражданскаго отчета, не угодно ли сдѣлать распоряженіе, подобное тому, какъ сдѣлано по военному вѣдомству?»—«Какъ это?»—спросилъ князь. «Такъ какъ подготовка военнаго отчета поручена Фадѣеву»,—отвѣчалъ я,—«не угодно ли будетъ поручить кому-либо подготовку гражданскаго отчета».—«Кому же?»—снова спросилъ князь. «Да хоть Ки—ни, напр.»,—отвѣчалъ я,—«онъ совершенно свободенъ, хорошо пишетъ и будетъ очень радъ этому порученію».—«Ну, хорошо»,—отозвался князь,—«я ему скажу». Дѣйствительно, князь пригласилъ его и поручилъ заняться отчетомъ. Ки—ни, восхищенный этимъ порученіемъ, тотчасъ разослалъ во всѣ мѣста и ко всѣмъ лицамъ сотни бумагъ съ требованіемъ разнородныхъ свѣдѣній для отчета и съ жаромъ принялся за работу. Затѣмъ онъ выпросилъ у князя позволеніе читать ему лично части, по мѣрѣ ихъ изготовленія. По Тифлису тотчасъ разнеслось, что Ки—ни каждое утро пріѣзжаетъ къ князю и читаетъ ему свой отчетъ.

Въ такомъ положеніи дѣла наступилъ отъѣздъ князя. За день или за два князь говоритъ мнѣ, между прочимъ: «мнѣ Ки—ни читалъ свой отчетъ. Хорошо. Только еще не конченъ. Остается немного. Мнѣ очень бы хотѣлось поднести его лично государю. Если бы вы могли взять военный отчетъ у Фадѣева, а гражданскій у Ки—ни, слить ихъ въ одно, исправить, гдѣ найдете нужнымъ, напечатать и прислать мнѣ въ Петербургъ, гдѣ я пробуду недѣли двѣ? Скажите, можете вы это сдѣ-

*

лать?» — «Это рѣшительно невозможно, ваше сіятельство!» — твердо отвѣчалъ я. «О моемъ усердіи исполнить вашу волю не можетъ быть и рѣчи; но это именно такая работа, которая требуетъ непремѣнно вашего личнаго участія и руководства. Я не видалъ ни отчета Фадѣева, ни отчета Ки—ни; тѣмъ не менѣе вполнѣ убѣжденъ, что какъ бы совершенны они ни были, все-таки, при сліяніи ихъ, неизбѣжно явятся такіе вопросы и недоумѣнія, которыя только вы одни можете разрѣшить. Потомъ печатаніе отчета»... «Правда, правда»,—перебилъ меня князь, — «срокъ слишкомъ малъ и поспѣшностію можно все дѣло испортить. Въ такомъ случаѣ прошу васъ, во время моего отсутствія, переговорить съ этими господами, а также и съ Д. А. Милютинымъ, и приготовить отчетъ къ моему возвращенію въ Грозную. Мы можемъ его оттуда послать государю»...

На другой же день я получилъ отчетъ Ки—ни и, быстро пробѣжавъ его, пришелъ въ ужасъ. И по системѣ, и по изложенію вещь, совершенно невозможная, въ которой предметы излагались съ отсутствіемъ всякой послѣдовательности, часть гражданская перепутывалась на каждомъ шагу съ военною и въ которой, въ заключеніе, оставалось множество пробѣловъ, пополненіе которыхъ требовало и большаго труда, и большаго времени. Я принудилъ Кр—на прочитать это произведеніе и сказать свое мнѣніе. Мнѣніе его было, что отчетъ Ки—ни надо совершенно бросить и написать другой. На вопросъ мой: какимъ же образомъ князь могъ остаться доволенъ такой работой? Кр—нъ отвѣчалъ, что это произошло отъ того, что этотъ отчетъ читалъ самъ Ки—ни князю, а не князь лично, и что Ки—ни читаетъ такъ громко и такъ торжественно, что во время его чтенія всякій вздоръ кажется краснорѣчіемъ.

Это обоюдное впечатлѣніе я передалъ Д. А. Милютину и молилъ его также, Христомъ Богомъ, прочитать отчетъ. Усѣявъ его безчисленными критическими замѣтками, Милютинъ также отозвался, что отчетъ совершенно негоденъ. Что касается до военнаго отчета, то Милютинъ сказалъ, что о немъ онъ ничего не знаетъ, и что такое пишетъ краснорѣчивый Фадѣевъ, ему совершенно не извѣстно. Всѣ эти факты погрузили меня въ размышленіе о томъ, что же теперь я долженъ дѣлать?

Вопросъ этотъ я рѣшилъ такимъ образомъ, что я долженъ довести до свѣдѣнія князя наше соединенное мнѣніе о совершенной негодности отчета и, для устраненія всякаго сомнѣнія въ пристрастіи съ моей стороны, довести не самъ лично, а чрезъ Милютина, какъ человѣка, непремѣнно безпристрастнаго по отношенію къ гражданскому міру и, главное, человѣка, вполнѣ компетентнаго въ произведеніяхъ подобнаго рода. Но какъ въ этомъ докладѣ никакого особеннаго труда съ моей стороны не могло быть, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было извѣстно,

что князь настоятельно желалъ ускорить составленіемъ отчета, то я призналъ нужнымъ и безопаснымъ, на случай требованія князя во что бы то ни стало дать ему отчетъ, приготовить планъ и матеріалы, которые дали бы мнѣ возможность исполнить это требованіе.

Такимъ образомъ, вооруженный сильнѣйшимъ убѣжденіемъ, составленнымъ изъ мнѣній: моего собственнаго, Милютина и Кр—ва, что отчетъ никуда не годится, и въ то же время подготовительными средствами для составленія новаго отчета, я ожидалъ прибытія князя въ Грозную. О передвиженіи туда всей свиты я буду говорить особо, а теперь нахожу нужнымъ сохранить цѣлость разсказа собственно объ отчетѣ. На другой день прибытія князя, послѣ Милютинскаго доклада, князь потребовалъ меня къ себѣ. Первое дѣло, которое мнѣ было поручено—это представленіе въ Петербургъ о перенесеніи губернскаго города изъ Шемахи, подвергавшейся и прежде землетрясеніямъ, а въ отсутствіе князя окончательно почти разрушенной сильнѣйшимъ землетрясеніемъ, въ Баку, который, по своему приморскому положенію, представлялъ тысячи благопріятныхъ условій. Затѣмъ, послѣ многоразличныхъ вопросовъ, отвѣтовъ, объясненій, я самъ коснулся вопроса объ отчетѣ, вполнѣ убѣжденный, что Милютинъ, согласно нашему условію, передалъ уже ему наше совокупное мнѣніе относительно произведенія Ки—ни. Подъ вліяніемъ этого убѣжденія, я первый спросилъ князя: «вашему сіятельству докладывалъ Дмитрій Алексѣевичъ объ отчетѣ?»—«Нѣтъ, а что такое?»—какъ-то чрезвычайно встревоженно спросилъ князь.

По тону, которымъ сдѣланъ былъ этотъ вопросъ, и вообще по выраженію озабоченнаго лица князя, я тотчасъ понялъ, что сдѣлалъ большую глупость, коснувшись этого вопроса. Въ этомъ сознаніи я уклончиво отвѣчалъ: «вѣроятно, онъ завтра, при докладѣ вашему сіятельству, представитъ вамъ нужное объясненіе».

— Да что такое, Боже мой?—Говорите!—нетерпѣливо сказалъ князь. Отступать было невозможно. «Мы нашли, что отчетъ не годится!»—отвѣчалъ я.—Господи! а я государю сказалъ, что отчетъ пришлю, какъ возвращусь!—вскричалъ князь съ какимъ-то отчаяніемъ. Краска выступила ему на лицо. Князь промолчалъ нѣсколько минутъ.—Да чѣмъ онъ не годится?—спросилъ онъ потомъ.—Ваше сіятельство!— отвѣчалъ я—это трудно объяснить въ нѣсколькихъ словахъ и требуетъ особаго доклада!—Я не понимаю, почему онъ не годится?—опять возразилъ князь и въ голосѣ его слышался уже капризный оттѣнокъ: Ки—ни читалъ мнѣ его...—Это не мое только личное мнѣніе—отвѣчалъ я,—это также мнѣніе Милютина и Кр—на.—Удивительно!—сказалъ князь—ну, приходите завтра и доложите мнѣ подробно!

Съ нѣсколько тревожнымъ чувствомъ притащилъ я на другой день

къ князю толстѣйшее произведеніе Ки—ни и готовился, какъ всегда, словесными объясненіями убѣдить князя въ негодности этого произведенія. Но съ первыхъ же словъ я замѣтилъ, что дѣло принимаетъ серьезный характеръ и должна произойти буря, которой я никакъ не могъ ожидать. Возраженія князя были такого рода, что въ нихъ ясно можно было видѣть преднамѣренную его рѣшимость отдѣлать или, лучше сказать, осадить меня. Чѣмъ болѣе старался я придать силы моимъ замѣчаніямъ, тѣмъ болѣе князь капризничалъ и раздражался. Преднамѣреніе это положительно обнаружилось, когда князь, почти въ самомъ началѣ моихъ объясненій, бросилъ предметы, спеціально относящіеся къ отчету, и перешелъ къ общимъ взглядамъ, смыслъ которыхъ оставался для меня въ ту минуту рѣшительно неуловимымъ.

— Это непониманіе не только моей воли, но и моего характера,—говорилъ князь весьма суровымъ тономъ. Я стоялъ предъ нимъ, раскрывъ удивленные глаза и рѣшительно ничего не понимая.—Я хочу самъ управлять и никакъ не хочу, чтобы мною другіе управляли,—продолжалъ князь тѣмъ же тономъ. Но трудно и припомнить и передать всѣ тѣ варіаціи, которыя князь развивалъ предо мною на этотъ мотивъ. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сохранять видъ молчаливаго и почтительнаго слушателя. Смутно и неопредѣленно я могъ догадываться только, что или кто-нибудь отлично насплетничалъ на меня князю или ему самому показалось, что я слишкомъ зазнался, и потому онъ рѣшился меня проучить. Однимъ словомъ, вышла сцена, самая тяжелая, непріятная и едва-ли не единственная во всѣхъ моихъ отношеніяхъ къ князю. Разстались мы на этотъ разъ также весьма холодно.

Прямо отъ князя я отправился къ Милютину и, передавъ ему такое оригинальное свойство моего доклада, вопросилъ его: что все это значитъ? Послѣдствіемъ обоюдныхъ нашихъ изысканій и соображеній по этому вопросу былъ тотъ выводъ, что гордый и властолюбивый князь призналъ въ насъ преступленіемъ единственно смѣлость нашу не одобрить то, что онъ уже одобрилъ. Другихъ причинъ рѣшительно не было никакихъ. Онъ не могъ безнаказанно допустить, чтобы мы дозволили себѣ опорочить вещь, которую онъ въ теченіе многихъ дней слушалъ самъ по утрамъ и призналъ удовлетворительною. Кто-нибудь изъ насъ ошибался въ оцѣнкѣ этой вещи: или мы или онъ! Насъ троихъ, самыхъ важныхъ его помощниковъ, онъ не могъ заподозрить въ томъ, чтобы мы не понимали дѣла; съ другой стороны ему тяжело было допустить, безъ протеста въ той или другой формѣ, тотъ фактъ, что онъ ошибался.

Князь былъ молодой и можно сказать гуманный человѣкъ; но въ немъ было много такого, что, во времена Николая, считалось большимъ достоинствомъ въ начальникахъ—именно непогрѣшимость власти. Дурно

ли, хорошо ли приказаніе власти, оно должно быть исполнено. Я не сомнѣваюсь, что я, лично, въ глазахъ его, былъ бы менѣе виноватъ, а можетъ быть и не былъ бы вовсе виноватъ, если бы представилъ ему только мои личныя замѣчанія на отчетъ. По всей вѣроятности онъ бы принялъ ихъ равнодушно и далъ бы приказаніе или исправить по нимъ отчетъ Ки—ни, или написать новый отчетъ; но я имѣлъ не осторожность, такъ сказать, обнародовать это дѣло, призвать къ участію въ немъ и Кр—на, и Милютина, такъ что ошибочный взглядъ князя на трудъ Ки—ни получилъ значительную извѣстность, а къ такому положенію дѣла князь, по справедливости, не могъ отнестись равнодушно и вслѣдствіе того запечатлѣлъ наши, всегда милѣйшія отношенія, замѣчательной и единственной головомойкой, мною полученной.

Между тѣмъ военныя дѣла приняли столь неожиданно благопріятный оборотъ, что почти совершенно поглотили вниманіе князя. Съ другой стороны въ нашъ лагерь прибылъ находившійся въ отрядѣ барона Врангеля Фадѣевъ, сочинитель военнаго отчета, также съ великолѣпными извѣстіями о дѣйствіяхъ того отряда. Я передалъ Фадѣеву всю исторію съ гражданскимъ отчетомъ и замѣтилъ, что такое солидное дѣло крайне неудобно дѣлать на походѣ. Созналъ ли Фадѣевъ справедливость этого замѣчанія или его военный отчетъ былъ тоже не въ порядкѣ, только, при первыхъ же объясненіяхъ съ княземъ, онъ провелъ ту мысль, что вообще дѣло объ отчетѣ было бы лучше отложить до окончанія похода, тѣмъ болѣе, что самый этотъ походъ обѣщаетъ дать матеріалы для самыхъ блистательныхъ страницъ. Къ величайшему и пріятнѣйшему моему удивленію, князь согласился, какъ можно думать подъ вліяніемъ того сознанія, что вѣроятное покореніе восточнаго Кавказа даетъ его отчету такое значеніе, какого нельзя достигнуть никакими краснорѣчивыми изъясненіями о разныхъ, такъ называемыхъ, предварительныхъ распоряженіяхъ по устройству и умиротворенію Кавказа. Но походъ кончился, восточный Кавказъ покоренъ, Шамиль взятъ въ плѣнъ, а отчетъ долго еще продолжалъ подвергаться различнымъ переходамъ и истязаніямъ, въ которыхъ было много драматическаго, а еще болѣе комическаго.

Начать съ того, что по окончаніи похода князь все дѣло объ отчетѣ передалъ Фадѣеву, который, съ его бурнымъ характеромъ, страшно грубилъ и надоѣдалъ всему гражданскому міру. Всегда заносчивый, строптивый, хотя въ душѣ нисколько незлобный, Фадѣевъ сильно кичился сдѣланнымъ ему порученіемъ и относился къ нашимъ директорамъ высокомѣрно въ высшей степени. Въ свою очередь директоры злобствовали на него. Князь снова жилъ въ это время въ Боржомѣ. Фадѣевъ, тоже для поддержанія и продленія своего величія, предполо-

жилъ читать князю по частямъ свой отчетъ и для этого рѣшился ѣхать въ Боржомъ. Какъ ни просто было это дѣло, тѣмъ не менѣе этотъ оригиналъ умѣлъ учинить неосторожность относительно Д. А. Милютина. Дѣло въ томъ, что Фадѣевъ, въ сознаніи своего величія, явился къ Д. А. требовать курьерской подорожной. Д. А. замѣтилъ, что ему, какъ начальнику главнаго штаба, слѣдуетъ знать, по какому дѣлу онъ ѣдетъ въ Боржомъ? Фадѣевъ торжественно отвѣчалъ, что по такимъ дѣламъ, о которыхъ онъ не можетъ сказать.—Въ такомъ случаѣ—сказалъ Д. А.—я не могу дать курьерской подорожной потому, что выдача этихъ подорожныхъ ограничена самою настоятельною экстренностію дѣла, а вашихъ дѣлъ я не знаю.—Фадѣевъ началъ такъ неумѣренно шумѣть и кричать, что скромный и учтивый Д. А., по собственнымъ словамъ Фадѣева, употребилъ способъ, совершенно несвойственный ни его личному характеру, ни характеру его оффиціальныхъ отношеній.—Если вы будете возвышать голосъ—сказалъ Милютинъ,—я прикажу васъ арестовать. Вещь по истинѣ удивительная до невѣроятности! Когда Фадѣевъ, явившійся отъ Д. А. Милютина прямо ко мнѣ, разсказалъ мнѣ всю эту исторію, я тотчасъ посовѣтовалъ этому непрактическому господину смягчить, а если можно и совершенно загасить ее, сознавая вполнѣ, что во всякомъ случаѣ вся невыгода этого столкновенія, предъ глазами князя, останется на сторонѣ Фадѣева, а въ заключеніе далъ ему курьерскую подорожную изъ находившихся въ моемъ распоряженіи и по званію директора департамента общихъ дѣлъ, и по званію директора походной канцеляріи.

Что именно дѣлалъ бурный мой пріятель для того, чтобы загладить невыгодное для него столкновеніе и дѣлалъ ли что-нибудь, я не знаю; но только между нимъ и Д. А. навсегда остались весьма непріязненныя отношенія. Фадѣевъ, при всякомъ случаѣ, открыто выражалъ непріязнь къ Милютину; скромный Д. А., также въ свою очередь, постоянно саркастически относился къ Фадѣеву. Должно полагать, однако, что случай, который я разсказалъ, только уяснилъ, такъ сказать, ихъ отношенія; но и независимо отъ этого случая между ними существовала замѣтная для всѣхъ антипатія, весьма легко объясняемая совершенною противуположностію ихъ свойствъ и характеровъ. Въ какой степени одинъ былъ скроменъ, сдержанъ, учтивъ—въ такой степени другой былъ рѣзокъ, грубъ, дерзокъ, можно сказать, нахаленъ, хотя, какъ я сказалъ уже, безъ малѣйшей злобы.

Обращаюсь къ отчету. Слушалъ или нѣтъ князь Александръ Ивановичъ сдѣланное Фадѣевымъ гражданское изложеніе отчета—я ужъ не знаю и не помню; но вслѣдствіе ли неудачнаго опыта съ отчетомъ Ки—ни или вслѣдствіе доклада Кр—на, подбитаго директорами, что Фадѣевъ черезчуръ уже безцеремонно обходится съ доставленными

ему по гражданской части матеріалами, только послѣдовало приказаніе разсмотрѣть фадѣевскій отчетъ въ собраніи директоровъ, подъ предсѣдательствомъ Кр—на. Медаль обернулась. Озлобленные рѣзкими выходками Фадѣева, его повелительнымъ тономъ, съ которымъ онъ относился къ нимъ по вопросамъ, относящимся до отчета, директоры яростно накинулись на его произведеніе и разбили его въ пухъ и прахъ. Князь, изумленный и затрудненный этими колебаніями, этими критиками и антикритиками, приказалъ окончательно передать отчетъ въ мои руки съ полномочіемъ слить обѣ части, гражданскую и военную, исправить, дополнить и даже напечатать.

Я усердно занялся этимъ порученіемъ и напечаталъ отчетъ. Къ этой части работы, именно печатанію, я привлекъ всѣхъ моихъ сотрудниковъ, такъ что корректуру держали по крайней мѣрѣ человѣкъ десять. Но здѣсь торжественно оправдалась пословица: «дѣло мастера боится». Несмотря на многочисленность корректоровъ, несмотря на величайшее усердіе ихъ уловлять всевозможныя ошибки и опечатки, все-таки, въ результатѣ, занятія ихъ оказались малоцѣннѣе занятій какого-нибудь одного опытнаго, журнальнаго корректора. Когда я торжественно поднесъ напечатанный отчетъ князю, онъ замѣтилъ, что было бы полезно дать прочитать его Филипсону, заступившему уѣхавшаго уже въ Петербургъ Д. А. Милютина въ должности начальника главнаго штаба, въ томъ вниманіи, что бо́льшая половина отчета заключалась собственно въ изложеніи военныхъ дѣлъ, соображеній и предположеній. Я отвѣчалъ, что это не только полезно, но даже необходимо.

На этомъ основаніи отчетъ переданъ Филипсону. Къ ужасу моему, онъ нашелъ въ отчетѣ нѣсколько опечатокъ; но главное онъ призналъ, что нѣкоторыя военныя статьи дурно или превратно изложены, а потому требуютъ исправленія, о чемъ и доложилъ князю. Когда князь передалъ мнѣ все это, я энергически отвѣчалъ, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ и что сдѣлать больше или лучше я рѣшительно не въ состояніи; а такъ какъ отчетъ долженъ перепечатываться по причинамъ, относящимся до военной части, а у штаба есть своя военная типографія и цѣлая толпа офицеровъ генеральнаго штаба, быть можетъ болѣе опытныхъ въ работахъ этого рода, чѣмъ мои чиновники, то всего лучше и правильнѣе новое печатаніе отчета предоставить попеченію самого Филипсона. Князю видимо надоѣло все это, и онъ какъ то лѣниво отвѣчалъ: «ну, какъ хотите; переговорите съ Филипсономъ».

При переговорахъ съ Филипсономъ я, прежде всего, разсказалъ страданія моихъ чиновниковъ съ корректурою отчета, а потомъ удивленіе мое, что за всѣмъ тѣмъ онъ, Филипсонъ, все-таки нашелъ нѣсколько опечатокъ. Сей почтенный человѣкъ съ нѣкоторою гордостію

сталъ увѣрять меня, что у него глаза такъ устроены, что съ разу падаютъ на опечатки, въ какой бы книгѣ онѣ ни встрѣтились, и я, конечно, не имѣлъ никакого повода сомнѣваться въ этомъ исключительномъ достоинствѣ его зрѣнія. Въ заключеніе я объявилъ Филипсону волю князя, чтобы новое печатаніе отчета совершилось уже въ военной типографіи, подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ, что онъ также принялъ не безъ нѣкоторой гордости и, тотчасъ пригласивъ при мнѣ же молодаго и милаго офицера, кажется, Корниловича, возложилъ на него все это дѣло и снабдилъ его различными спеціальными наставленіями.

Я очень радъ былъ избавиться отъ этого тяжелаго, почти совершенно матеріальнаго дѣла и только просилъ Филипсона, когда будетъ готовъ новый отчетъ, прежде представленія его князю, прислать одинъ экземпляръ предварительно мнѣ на тотъ конецъ, чтобы, въ свою очередь, я могъ просмотрѣть и провѣрить гражданскую его часть. Тутъ наступилъ высшій моментъ комизма, которымъ, какъ я сказалъ уже, частію сопровождалось все это дѣло. Когда мнѣ прислали обѣщанный экземпляръ, я быстро развернулъ его въ двухъ или трехъ мѣстахъ, чтобы взглянуть, такъ сказать, на внѣшнюю его сторону. Удивительное дѣло! На всѣхъ тѣхъ страницахъ, которыя я развернулъ, такъ и били въ глаза самыя грубѣйшія опечатки и даже не въ самомъ текстѣ, но въ оглавленіяхъ, раздѣляющихъ главные періоды отчета и сдѣланныхъ крупными буквами. Я не сталъ уже читать отчета въ подробности, но заложилъ только тѣ страницы, на которыхъ являлись безобразныя опечатки, и тотчасъ отправилъ отчетъ Кр—ну, поздравляя его съ этимъ произведеніемъ военнаго искусства и приглашая его заявить отрадный фактъ о совершенной негодности этого произведенія князю. Въ душѣ я не могъ не посмѣяться надъ наивнымъ заблужденіемъ почтеннаго Филипсона о необычайныхъ достоинствахъ его зрѣнія, не пропускающаго нигдѣ ни малѣйшей опечатки.

Когда окончательно былъ вывѣренъ печатный экземпляръ, тогда съ него уже составленъ былъ писаный экземпляръ, такъ что государю, въ одно время, посланы были два экземпляра: одинъ писаный, требуемый установленнымъ порядкомъ и облеченный въ роскошнѣйшую папку, какую только можно было сочинить въ Тифлисѣ, а другой печатный, который, по убѣжденію князя, государю будетъ пріятнѣе читать, нежели писаный. Въ одно почти время съ представленіемъ отчета государю, экземпляры его разосланы членамъ императорской фамиліи, министрамъ и нѣкоторымъ, по особому назначенію князя, государственнымъ людямъ. При опредѣленіи числа печатныхъ экземпляровъ проявился странный и оригинальный капризъ князя: онъ требовалъ непремѣнно, чтобы за разсылкою и раздачею этихъ экземпляровъ назначеннымъ

имъ самимъ лицамъ, оставался только одинъ экземпляръ у него самого, и затѣмъ ни у кого болѣе, такъ что даже директоры остались безъ отчета и должны были свои воспоминанія о содержаніи его основывать на черновыхъ матеріалахъ, вошедшихъ въ составъ отчета. Я даже, столько послужившій составленію отчета, не рѣшился оставить для себя экземпляра.

Если бы меня спросили: сознаю ли я самъ какой-либо интересъ во всѣхъ этихъ словесныхъ подробностяхъ составленія отчета,—я истинно затруднился бы отвѣчать положительно на этотъ вопросъ. За симъ я предвижу возможность совершенно основательнаго укора; зачѣмъ же я наполняю свои записки такими подробностями, въ которыхъ самъ не сознаю положительнаго интереса? На этотъ укоръ можно много сказать, дѣльно или нѣтъ,—это другой вопросъ. Прежде всего я скажу, что мое страшное многословіе мучитъ меня самого. Мнѣ самому кажется, что оно, такъ сказать, поглощаетъ въ себѣ все то, что дѣйствительно могло бы имѣть нѣкоторый интересъ, если бы было представлено въ сжатыхъ чертахъ. Но мои благопріятели, которымъ я читалъ отрывки изъ моихъ записокъ и передавалъ мучившее меня сомнѣніе относительно неумѣренной плодовитости ихъ, энергически говорили мнѣ: «пишите, пишите больше!» Потомъ записки, чьи бы то ни были, можно уподобить вину: «чѣмъ старше, тѣмъ лучше». И, дѣйствительно, когда пройдутъ десятки лѣтъ, когда явятся новыя системы, новые люди, не похожіе на старыхъ, тогда все старое можетъ сдѣлаться цѣннымъ и интереснымъ, какъ какое-нибудь неуклюжее кресло, бывшее въ распоряженіи нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ; тогда, быть можетъ, интересно будетъ знать, какъ думалъ, какъ говорилъ, въ такой-то періодъ, о Кавказѣ человѣкъ, который въ свое время считался тамъ и дѣльнымъ, и значительнымъ. Наконецъ, кто можетъ провидѣть будущее? Кто можетъ поручиться, что имя князя Барятинскаго, съ которымъ такъ долго и такъ крѣпко связана была судьба моя, не пріобрѣтетъ въ потомствѣ того блеска, въ которомъ отказываютъ ему его несовсѣмъ справедливые современники? Я, по крайней мѣрѣ, за это нисколько не ручаюсь. А если потомство вздумаетъ обратить на него вниманіе, узнать ближе, что это за личность, какія его были достоинства и недостатки, мое многословіе, лишенное стройности и изящества, весьма и весьма пригодится на томъ основаніи, что оно отражаетъ одну чистѣйшую правду. Тогда и скучный разсказъ объ отчетѣ все-таки будетъ имѣть какую-нибудь цѣну въ томъ отношеніи, что и въ немъ видно, какъ дѣлались дѣла на Кавказѣ въ мое время, какъ князь Александръ Ивановичъ относился къ этимъ дѣламъ, какъ защищалъ онъ свое значеніе и какъ щекотливъ онъ былъ, когда видѣлъ малѣйшее проявленіе самостоятельности, несогласной съ его воззрѣніями. Подъ вліяніемъ этихъ разнородныхъ причинъ и об-

стоятельствъ, я не только оставляю все то, что сказалъ объ отчетѣ, но рѣшаюсь дополнить это сказаніе повѣствованіемъ о томъ, какъ составлялось донесеніе государю, при которомъ представлялся отчетъ.

Надо сказать предварительно, что отчетъ, обнимая дѣятельность князя, военную и гражданскую, за три первые года его управленія, былъ великолѣпенъ. Дѣйствительно, и сдѣлано было и начато много хорошаго. Но онъ былъ страшно обширенъ, такъ что существенныя черты, какъ въ моихъ запискахъ, расплывались во множествѣ второстепенныхъ подробностей и оттого значительно утрачивали свой блескъ и цѣну. Ясно было, что прочитать его въ одинъ пріемъ не было никакой возможности; а при чтеніи въ нѣсколько пріемовъ всякое произведеніе, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ, теряетъ и даже наводитъ утомленіе. Отъ этого ли или изъ желанія князя облегчить государю возможность короче ознакомиться съ содержаніемъ отчета, а быть можетъ и вовсе избавить его величество отъ подробнаго чтенія его, предназначено было приложить къ отчету такое донесеніе, которое, въ краткихъ чертахъ, изображало бы сущность его. Приготовить такую штуку заказано было тому же Фадѣеву на томъ основаніи, что военная дѣятельность князя за этотъ періодъ, заключавшаяся плѣненіемъ знаменитаго Шамиля, представляла все-таки несравненно болѣе блеску, нежели гражданская. Не излишне замѣтить, что отчетъ и это донесеніе составлялись и оканчивались послѣ этого плѣненія и послѣ возвращенія князя изъ С.-Петербурга, гдѣ каждый день для него былъ новымъ торжествомъ и гдѣ до такой степени завалили его хвалебными спичами, что онъ самъ вынужденъ былъ, несмотря на обычное недовѣріе къ своимъ силамъ и въ особенности къ своему ораторскому таланту, размѣры котораго дѣйствительно были крайне скудны, отвѣчать и говорить. Все, что онъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ, представляло тотъ смыслъ, что онъ довершилъ только труды своихъ предшественниковъ. Фадѣевъ не былъ въ Петербургѣ съ княземъ и не зналъ этого обстоятельства, а если и зналъ, то не счелъ нужнымъ обращать на него, при составленіи заказаннаго ему донесенія, особенное вниманіе. Когда донесеніе это было готово, князь выразилъ желаніе, чтобы я присутствовалъ при чтеніи его Фадѣевымъ.

Въ назначенный день и часъ Фадѣевъ и я явились къ князю. Фадѣевъ началъ читать свой проектъ; мы съ княземъ стали внимательно слушать. Съ первой же страницы я убѣдился, что Фадѣевъ, такъ сказать, ступилъ не съ той ноги. Онъ началъ съ того, что всѣ предшественники князя ошибались и увлекались ложными системами и что только князь избралъ вѣрный путь. Какъ въ Мингрельскомъ дѣлѣ, я призналъ этотъ пріемъ, кромѣ несправедливости его, далеко не возвышеннымъ уже потому, что тѣ, на которыхъ опрокидывались укоры въ неразуміи,

не могли оправдываться. Движимый этимъ убѣжденіемъ, я энергически сказалъ: «дѣла вашего сіятельства такъ велики, что для объясненія ихъ, кажется, нѣтъ нужды, затрогивать и обвинять вашихъ предшественниковъ». Фадѣевъ тотчасъ забарабанилъ что-то въ защиту своего изложенія; но князь прервалъ его и въ отвѣтъ мнѣ весьма нетерпѣливо и капризно сказалъ: «напротивъ, прекрасно написано; читайте дальше». Такой отвѣтъ, сдѣланный такимъ тономъ, значительно задѣлъ мое самолюбіе. Я покраснѣлъ и замолчалъ. Фадѣевъ продолжалъ пѣть ту же пѣснь. Я не выдержалъ. «Ваше сіятельство!»—сказалъ я,—«это донесеніе—вещь невозможная! Въ Петербургѣ вы сами нѣсколько разъ говорили, что вы шли по слѣдамъ вашихъ предшественниковъ и только довершили труды ихъ. Эти слова слышали самые высшіе представители государства въ Петербургѣ и Москвѣ. Потомъ они перешли въ газеты и разнесены по всей Россіи. Скромность, выраженная этими словами, увеличила общее къ вамъ уваженіе. Можно ли, послѣ этихъ словъ, писать въ отчетѣ, что предшественники ничего не понимали и вы только одни это сдѣлали. Тутъ явится поразительное противорѣчіе, которое поставитъ всѣхъ въ тупикъ! Это просто невозможно!»

Князь, какъ я сказалъ уже, былъ большой сердцевѣдецъ. Онъ читалъ не только въ словахъ, произносимыхъ предъ нимъ, но и въ голосѣ, глазахъ, во всей физіономіи говорящаго. Мой голосъ, моя вся фигура исполнены были величайшей рѣшимости, непреклоннаго убѣжденія. Кромѣ того, князь всегда принималъ въ соображеніе, что если я не унимаюсь сразу, такъ тутъ дѣйствительно должно быть что-нибудь неладное. Поэтому князь, выслушавъ меня и съ видимымъ желаніемъ замаскировать отступленіе, какъ-то нерѣшительно сказалъ: «да развѣ всѣ отчеты печатаются?»—«Одни печатаются, а другіе не печатаются; да это все равно. Намѣстнику и главнокомандующему нельзя говорить одно, а писать другое»,—съ прежнею энергіею отвѣчалъ я. Князь подумалъ нѣсколько минутъ, потомъ посмотрѣлъ на Фадѣева и, улыбаясь, сказалъ ему: «дѣйствительно, кажется, это надо согласить какъ-нибудь». Довольный своимъ торжествомъ, я быстро успокоился, и когда пошла рѣчь собственно о томъ, что сдѣлано, я только подхваливалъ. Когда кончилось чтеніе, князь благодарилъ Фадѣева и опять, указывая на меня, сказалъ: «надо сознаться: онъ правъ; нечего дѣлать—потрудитесь передѣлать начало и принесите мнѣ»... Чтобы истребить совершенно слѣды этого столкновенія, я сказалъ князю: «вашему сіятельству извѣстны мои отношенія къ этому господину; никто не цѣнитъ такъ высоко его прекраснаго дарованія, какъ я, и онъ самъ, я увѣренъ, и минуты не усомнился въ томъ, что я своими замѣчаніями хочу уронить его прекрасный трудъ; единственная цѣль моя»... «Ну, ну, знаю, знаю!»—пре-

рвалъ меня князь и разстался со мною самымъ благосклоннымъ образомъ.

VIII.

Приготовленія къ знаменитому походу 1859 года.—Составъ походной канцелярін.—Замѣчательный подвигъ молодаго чиновника.—Переѣздъ во Владикавказъ.—Моя походная палатка и ея исторія.—Передвиженіе въ кр. Грозную.—Билліардныя битвы мои съ княземъ Суворовымъ.—Ближайшее знакомство мое съ саранчей.—Донскіе казаки, ко мнѣ назначенные.—Вьюки, какъ варварскій способъ передвиженія.—Прибытіе князя въ Грозную.—Первое впечатлѣніе, произведенное на меня горцами.—Парадный обѣдъ у графа Евдокимова.—Татары, какъ наши политическіе агенты.—Сунженскіе пѣсельники.—Слѣпцовъ и князь Барятинскій.—Исторія окрошки.—Графъ Ферзенъ и его исторія.—Едминскій, знаменитый острякъ.—Нѣмецкій артистъ Горшельтъ, старавшійся превратиться въ джигита.—Великолѣпная нагайка, подаренная мнѣ Едминскимъ.

Исторія отчета, подобно многимъ другимъ предметамъ, увлекла меня далеко впередъ. Возвращаюсь къ походу. Я сказалъ уже, что князь, отправившись въ Петербургъ, приказалъ, чтобы все, принадлежащее къ походу, сосредоточилось въ крѣпости Грозной къ 10-му іюля (1859 г.). Съ приближеніемъ этого срока, началось отправленіе изъ Тифлиса различныхъ частей и различныхъ личностей. Очередь дошла и до меня.

Моя походная канцелярія была сформирована довольно комфортабельно. Булатовъ входилъ въ составъ ея въ качествѣ походнаго казначея и тащилъ съ собою сундуки, набитые серебромъ и золотомъ и такъ называемыми экстраординарными вещами, т. е. часами, кольцами, браслетами, оружіемъ и т. п., которыхъ въ казначействѣ намѣстника всегда хранится значительный запасъ. Разнородныя эти вещи, доставлявшіяся прежде изъ кабинета государя, предназначались для подарковъ туземцамъ, а такъ какъ во время похода необходимость этихъ подарковъ предстояла въ весьма значительныхъ размѣрахъ, то Булатову и отдано было все, что состояло на лицо, да и того оказалось недостаточно. Роскошный князь Александръ Ивановичъ сталъ такъ щедро сыпать этими подарками во время похода, что весьма скоро потребовался новый запасъ.

Способъ доставленія этого дополнительнаго запаса, составленнаго уже наскоро изъ вещей, купленныхъ въ Тифлисѣ, изъ Тифлиса въ мѣсто походнаго нашего расположенія, былъ такъ оригиналенъ, что

изумилъ всѣхъ, даже самого князя. Доставить эти вещи поручено было одному изъ чиновниковъ моего отдѣленія, милому молодому человѣку Рутковскому, совершенно незнакомому съ тонкостями и опасностями военнаго быта. Это-то незнакомство и помогло ему совершить подвигъ, который всѣ единогласно признали дивнѣйшимъ. Дѣло въ томъ, что, получивъ экстраординарныя вещи, Рутковскій отправился къ намъ не тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, а какимъ-то другимъ, встрѣчнымъ. Собственное ли соображеніе руководило его въ этомъ или указанія другихъ, я не знаю и не помню; но въ началѣ своего пути онъ ѣхалъ по тѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были наши войска, которыя и отдѣляли нужныя части для его конвоированія. Потомъ пункты эти, неожиданно для него, какъ-то прекратились, и онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что за нимъ лежалъ пройденный уже, довольно длинный путь, а впереди враждебная страна дикихъ и хищныхъ горцевъ. Всякій другой на его мѣстѣ, болѣе его опытный, возвратился бы назадъ, какъ это ни было бы непріятно; неопытный Рутковскій пошелъ впередъ и—удивительное дѣло!—здравъ и невредимъ явился въ нашъ лагерь, доставивъ въ совершенной цѣлости всѣ порученныя ему вещи.

Изъ разсказовъ его видно, что, являясь въ какой-нибудь аулъ, онъ относился къ нему, какъ къ какому-нибудь селу въ Тамбовской губерніи, требовалъ лошадей и проводниковъ, на томъ основаніи, что «казну везетъ». По словамъ Рутковскаго, слово «казна» имѣло на дикихъ горцевъ какое-то магическое дѣйствіе, и они относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ, какъ къ чему-то священному. Онъ говорилъ, что при появленіи его въ немирномъ аулѣ, почти все населеніе его выползало изъ сакель и группировалось вокругъ его съ физіономіями, на которыхъ удивленіе смѣшивалось съ непріязненностію. Слово «казна» какъ будто тотчасъ вразумляло и умиряло ихъ. Этого мало. Рутковскій говорилъ, что онъ нѣсколько разъ распаковывалъ вещи, показывалъ ихъ осаждавшимъ его толпамъ и любовался ихъ безконечнымъ изумленіемъ. Князь часто любилъ касаться этого предмета и говорилъ, что Рутковскій сдѣлалъ неслыханное дѣло. Картинный Фадѣевъ говорилъ, что поведеніе Рутковскаго во всемъ этомъ дѣлѣ походило на поведеніе ребенка, который находилъ веселымъ и забавнымъ огонь, обхватившій домъ, гдѣ онъ находился. И дѣйствительно, по свидѣтельству самого Рутковскаго, онъ не сознавалъ и не чувствовалъ рѣшительно никакой опасности, проходя чрезъ немирные аулы. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ состояніи страны, готовой уже покориться, надо искать объясненія замѣчательнаго подвига Рутковскаго.

Справедливость требуетъ сказать, что бѣдному Булатову было

много труда и возни съ своими деньгами и своими вещами, потому что расходованіе тѣхъ или другихъ, расходованіе, почти всегда экстренное и потому безпорядочное, все-таки требовало отчетности. Отъ этого происходило, что въ то время, когда всѣ другіе члены походной свиты намѣстника кутятъ или спятъ, Булатовъ вѣчно считалъ свои деньги или свѣрялъ свои счеты. Мнѣ лично было очень пріятно, что вся денежная часть была поручена такому солидному и опытному господину, и я избавленъ былъ отъ необходимости принимать въ ней какое-либо непосредственное участіе.

Потомъ къ составу походной канцеляріи, какъ я сказалъ уже, принадлежалъ Зиссерманъ, который былъ необычайно радъ этому назначенію и, чтобъ оправдать его, старался, повидимому, сдѣлать для меня предстоящій походъ однимъ удовольствіемъ, устранивъ отъ меня рѣшительно всѣ хлопоты и безпокойства. Наконецъ, къ походной канцеляріи присоединенъ былъ одинъ изъ наилучшихъ и наитолковѣйшихъ моихъ писцовъ, на руки котораго здана была вся матеріальная часть, включительно съ походною мебелью, состоявшею изъ складныхъ столовъ и стульевъ, нарочно для похода приготовленныхъ.

Для того, чтобы не затруднить почтовое передвиженіе всѣхъ частей изъ Тифлиса до Владикавказа, части эти выступали въ очередномъ порядкѣ по особо составленному росписанію. Въ назначенный день тронулась моя походная канцелярія и безъ особыхъ приключеній прибыла во Владикавказъ. Во Владикавказѣ Зиссерманъ, какъ говорится, плавалъ, какъ рыба въ водѣ. Всѣ и все тамъ были ему знакомы, какъ свои пять пальцевъ. Съ гордостію онъ являлъ прежнимъ своимъ сослуживцамъ въ лицѣ своемъ господина, принадлежащаго къ свитѣ намѣстника, хотя впослѣдствіи, къ сожалѣнію, оказалось, что эта коварная свита относилась къ нему съ величайшимъ пренебреженіемъ. Въ Владикавказѣ представлены были на мое усмотрѣніе пріобрѣтенныя и заготовленныя предварительными распоряженіями Зиссермана походныя принадлежности. Изъ нихъ наиболѣе достойными моего вниманія были: во-первыхъ, походная лошадь и, во-вторыхъ, походная палатка. И то и другое оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ.

Исторія лошади была слѣдующая: въ какомъ-то бывшемъ не задолго предъ тѣмъ сраженіи съ какимъ-то возмутившимся племенемъ и ауломъ убитъ былъ знаменщикъ враждебной партіи, которому именно принадлежала эта лошадь. За смертію хозяина она досталась вдовѣ его. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, полковникъ или генералъ, кажется Кундуховъ, самъ татаринъ и величайшій лошадникъ, къ которому обратился Зиссерманъ по части пріобрѣтенія для меня походнаго коня, насѣлъ, какъ говорится, на эту вдову и отбилъ у нея лошадь убитаго знаменщика, разумѣется, не жалѣя денегъ. Счастливый всегда и во

всемъ, я и здѣсь оказался счастливцемъ. Это была не лошадь, а сокровище. Необычайной силы, умна, быстра, послушна и въ высшей степени осторожна. Слава ея весьма скоро разнеслась по лагерю. Какихъ хитростей ни употребляли мои свитскіе друзья, чтобъ отбить ее у меня посредствомъ мѣны и различныхъ другихъ средствъ, безпрестанно и безуспѣшно ими изобрѣтаемыхъ!

Шагъ у нея былъ удивительный, и ни одна лошадь не могла равняться съ ней въ этомъ отношеніи, такъ что когда мы, въ отсутствіе князя, о которомъ сказано будетъ ниже, переходили съ позиціи на позицію, и когда я, выдвинувшись впередъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ адъютантовъ, въ качествѣ пѣсельниковъ, они часто злились на меня именно за то, что я на своемъ шагистомъ конѣ утомляю ихъ лошадей, которыя никакъ не могли поспѣвать за нимъ и шли большею частію рысью. Рысь эта лошадь имѣла также необычайную, и я смѣло вызывалъ всѣхъ на состязаніе, оканчивавшееся всегда моею побѣдою. Въ особенности милый и добродушный Суворовъ принимался нѣсколько разъ оспаривать эту побѣду и всегда безуспѣшно. Однимъ словомъ, я гордился своею великолѣпною лошадью и благодаря ея необычайнымъ достоинствамъ превратился въ совершеннаго джигита. Въ то время, когда адъютанты и другіе свитскіе господа, запасшіеся двумя или тремя лошадьми, бросали ихъ постепенно въ слѣдствіе слабости, изнуренія или болѣзней, мой конь постоянно оставался здравъ и невредимъ, не теряя ни тѣла, ни силы. Когда пріѣзжалъ въ нашъ лагерь какой-нибудь петербургскій господинъ, напр. Свѣчинъ, Перфильевъ и др., и начиналъ розыскивать, гдѣ бы пріобрѣсти хорошую походную лошадь, онъ тотчасъ накидывался на моего коня и дѣлалъ самыя блистательныя предложенія въ матеріальномъ отношеніи. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что лошадь эту, во время похода, нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги, явилось много желающихъ купить ее по окончаніи похода. Въ числѣ этихъ желающихъ былъ и мой пріятель Фадѣевъ. Продать лошадь за высшую цѣну противъ той, которую я самъ заплатилъ, я считалъ неприличнымъ; слѣдовательно, если я долженъ былъ уступить ее за свою цѣну—то, конечно, естественнѣе уступить ее пріятелю. На этомъ основаніи Фадѣевъ былъ предпочтенъ и объявленъ будущимъ владѣтелемъ моей лошади. Это объявленіе освободило меня отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній по этой части, такъ что когда кто-нибудь потомъ обращался съ разспросами и предложеніями относительно лошади, я коротко говорилъ: «эта лошадь не моя, а Фадѣева», Фадѣевъ же съ своей стороны гордо заявлялъ, что онъ этой лошади не продаетъ.

Что касается до походной палатки, изготовленной для меня во Владикавказѣ, то и она меня также удовлетворила вполнѣ: подбитая

сукномъ, съ прекрасно устроеннымъ окномъ, она обѣщала оправдать свое назначеніе. И дѣйствительно, устланная ковромъ, заставленная уютною походною мебелью, она представляла очень милую комнатку. Но мое личное пользованіе этою комнатою ограничивалось почти тѣмъ только, что я въ ней спалъ. Моя палатка какъ-то съ разу сдѣлалась общимъ достояніемъ всей свиты, такъ что почти въ теченіе всего дня она служила сборнымъ пунктомъ для всѣхъ адъютантовъ, и для меня попасть въ нее было такъ же трудно, какъ и для всякаго посторонняго. Этому содѣйствовало, во-первыхъ, комфортабельное устройство и убранство моей палатки, какихъ не было ни у кого другаго на всей улицѣ, заселенной свитскими господами, во-вторыхъ, обиліе всевозможныхъ запасовъ, находившихся въ распоряженіи моего камердинера, и необычайное его умѣнье удовлетворять желаніямъ и требованіямъ каждаго, и въ третьихъ, учрежденіе между свитскими господами страшной по увлеченію и размѣрамъ карточной игры, для которой мои походные столы служили важнымъ и, можно сказать, единственнымъ основаніемъ. Просто непостижимо, какъ умѣли эти господа набиваться и умѣщаться въ эту, во всякомъ случаѣ, не большую палатку, человѣкъ по 20. Я помню, что на одной моей походной кровати размѣщалось какъ-то, въ различныхъ изломанныхъ положеніяхъ, человѣкъ по 6 и по 8. Палатка моя освободилась нѣсколько тогда только, когда князю Александру Ивановичу была прислана великолѣпная, круглая, татарская палатка, которую князь на первое время отдалъ, какъ я выше говорилъ, въ распоряженіе Тромповскаго и которая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ картежныхъ сраженій.

О походныхъ ящикахъ, заготовленныхъ для меня во Владикавказѣ, говорить нечего; для тѣхъ, кто незнакомъ съ ихъ устройствомъ практически, достаточно сказать, что это просто продолговатые сундуки извѣстной мѣры, снабженные всевозможными ремнями, петлями, крючьками, за которые они и прикрѣпляются на вьючной лошади къ сѣдлу особаго устройства.

Во Владикавказѣ мы пробыли весьма не долго, дня два или три и затѣмъ, въ тѣхъ же экипажахъ, но только не на почтовыхъ, а ужъ на казачьихъ лошадяхъ, передвинулись въ крѣпость Грозную. Эта крѣпость, въ то время, также мало походила на крѣпость, какъ и Владикавказъ. Это скорѣе былъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ средней руки. Стараніями и распоряженіями того же Зиссермана, намъ отвели квартиру, далеко не блестящаго вида, въ домѣ какого-то офицера изъ татаръ. Но задача состояла уже не въ томъ, чтобъ имѣть хорошую квартиру; хорошихъ квартиръ и вовсе не существовало въ Грозной, а въ томъ, чтобы имѣть какое-нибудь помѣщеніе, а съ этой точки наше помѣщеніе было еще лучшимъ, сравнительно съ другими. Грозная, можно

сказать, была биткомъ набита, и конечно во все время своего существованія она не имѣла такого оживленія, какъ въ этотъ моментъ. Хозяиномъ нашимъ здѣсь былъ Евдокимовъ. Домъ, который онъ постоянно занималъ, былъ имъ очищенъ для князя, а самъ онъ помѣщался въ какомъ-то другомъ изъ казенныхъ домовъ.

Домъ, приготовленный для князя, представлялъ для меня величайшій интересъ. Я зналъ, что князь Александръ Ивановичъ, по должности начальника лѣваго фланга, жилъ въ этомъ домѣ нѣсколько лѣтъ; что въ этомъ домѣ получались, распечатывались и читались мои петербургскія письма, которыя я адресовалъ въ крѣпость Грозную, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что это за крѣпость, гдѣ и какъ она стоитъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ я разсматривалъ его. Я нашелъ, что и по фасаду, и по внутреннему расположенію онъ очень походитъ на одинъ изъ помѣщичьихъ домовъ средней руки нашей внутренней Россіи: одноэтажный, обширный, чуждый изящества и великолѣпія, но удобный и покойный. Въ этомъ домѣ, еще до пріѣзда князя, мы собирались ежедневно въ назначенный часъ обѣдать. Обѣды эти совершались уже, если не ошибаюсь, на счетъ князя или, лучше сказать, на казенный счетъ, подъ командою милаго Тромповскаго, назначеннаго комендантомъ главной квартиры и дѣлавшагося истиннымъ мученикомъ по этой должности, потому что безконечная его доброта производила то, что, съ одной стороны, его никто не хотѣлъ слушаться и признавать въ немъ какое-либо серьезное значеніе, а съ другой—на него сыпались со всѣхъ сторонъ всевозможные упреки самаго мельчайшаго свойства, и за то, напр., что супъ не хорошъ, и за то, что вина мало и т. п. Послѣ обѣда, большею частію, вся свита высыпала гурьбой въ городской или, лучше сказать, крѣпостной садъ, по срединѣ котораго устроена была деревянная площадка. На этой площадкѣ играла музыка и происходили танцы. Наши адъютанты пускались танцовать и волочиться. Въ этотъ періодъ скупой Н. рѣшился задать намъ праздникъ. Нижегородскій полкъ стоялъ верстахъ въ десяти отъ Грозной, и всѣ мы пустились туда верхами, пробуя по дорогѣ впервые нашихъ походныхъ коней. Справедливость требуетъ сказать, что праздникъ былъ очень хорошъ: съ иллюминаціей, моремъ вина, пѣснями, добрымъ ужиномъ, качаньемъ на рукахъ и всею обстановкою, какою отличаются полковые праздники на Кавказѣ.

Между тѣмъ жары стояли нестерпимые, такъ что до обѣда, т. е. до 6 часовъ, почти носу высунуть было нельзя изъ квартиры. Изрѣдка только собирались мы въ дрянномъ трактирчикѣ, играли на дряннѣйшемъ биллiардишкѣ и пили скверное шампанское. Надо замѣтить, что я очень любилъ биллiардное искусство и въ ряду мастеровъ этого дѣла всегда занималъ довольно почетное мѣсто, такъ что и по петербург-

*

скому Англійскому клубу, вмѣщавшему въ себѣ истинныхъ художниковъ по этой части, я былъ зачисленъ знаменитымъ маркеромъ Павломъ въ высшій разрядъ, какъ-то замысловато и не совсѣмъ удобопонятно раздѣленный имъ на пятки и десятки. Два билліардные генерала этого клуба: Нарышкинъ и Алединскій, весьма выгодно отзывались о моей игрѣ. И, дѣйствительно, если она не поражала блескомъ какихъ-нибудь знаменитыхъ ударовъ, зато исполнена была большаго разсчета и большой осторожности и отъ этого дѣлалась для моихъ противниковъ столь упорною, что одолѣть меня было чрезвычайно трудно. Многіе считавшіе себя великими артистами, какъ напр. князь Иванъ Грузинскій, князь Борисъ Голицынъ и др., сначала свысока смотрѣвшіе на мою игру, вынуждены были признать, что въ ней заключается значительная сила.

Ужъ не знаю почему и на какомъ основаніи считалъ себя тоже артистомъ на Кавказѣ милѣйшій и безпутнѣйшій Суворовъ и также высокомѣрно относился къ моей игрѣ. Еще въ Тифлисѣ были уже у насъ жаркія битвы. Однажды, я помню, мы схватились у Гильома въ гостинницѣ «Кавказъ». Въ своемъ высокомѣріи князь Суворовъ никакъ не соглашался играть иначе, какъ на довольно значительный кушъ, если не ошибаюсь, рублей по пятидесяти партію. Я всегда избѣгалъ денежной игры; тутъ же въ особенности было множество причинъ избѣгать ее. Я зналъ, во-первыхъ, что я гораздо сильнѣе Суворова, слѣдовательно, идти на такой большой кушъ значило почти навѣрное обыгрывать его; во-вторыхъ, я еще лучше и положительнѣе зналъ, что Суворовъ почти вѣчно былъ безъ денегъ и не имѣлъ ни возможности, ни охоты расплачиваться съ долгами, несравненно болѣе важными и серьезными, нежели билліардные проигрыши. Но Суворовъ въ этотъ моментъ не соглашался иначе играть, какъ на деньги, и я рѣшился проучить его, о чемъ торжественно и заявилъ всѣмъ другимъ товарищамъ, принимавшимъ участіе въ нашихъ предварительныхъ спорахъ. Игра началась. Суворовъ проигрывалъ, горячился и увеличивалъ куши. Сначала проигрышъ его удерживалъ нѣкоторый смыслъ; но потомъ, послѣ многихъ сряду проигранныхъ имъ партій, самъ Суворовъ старался уже придать ему баснословный, несбыточный характеръ. Мы играли уже на сотни тысячъ, которыя онъ также проигрывалъ, такъ что общая сумма его проигрыша составляла уже милліоны. Само собою разумѣется, что все это обращено въ шутку.

Съ сожалѣніемъ, свойственнымъ всякому русскому порядочному человѣку, я видѣлъ много примѣровъ, что наши аристократы, обыкновенно задирающіе носъ предъ другими смертными, по части денежныхъ дѣлъ являлись часто менѣе корректными, чѣмъ люди изъ среды, несравненно низшей и по происхожденію, и по матеріальному

положенію. Я говорилъ уже, что Суворовъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ добрый, милый, хотя и пустой господинъ; поступки его въ денежномъ отношеніи были ниже всякой критики.

Обращаюсь къ Грозной. Уничтоживъ всякое серьезное значеніе нашей Тифлисской игры, Суворовъ относился къ ней только со стороны искусственной и постоянно утверждалъ, «что онъ шалилъ, не хотѣлъ меня обыгрывать или былъ не въ ударѣ» и т. п. Я, конечно, протестовалъ противъ такого самохвальства, и отъ этихъ споровъ мы переходили къ дѣлу, испытывая на практикѣ справедливость нашихъ противоположныхъ воззрѣній. Но при этихъ новыхъ опытахъ рѣшительно и положительно устраняя рѣчь о денежныхъ кушахъ, я замѣнялъ ихъ винными кушами: нѣсколько бутылокъ шампанскаго должны были вѣнчать побѣдителя. Практика была на моей сторонѣ, и Суворовъ долженъ былъ разсчитываться за шампанское, которое тутъ же и распивалось значительнымъ обществомъ нашихъ пріятелей. Уже въ Грозной можно было предугадывать по несомнѣннымъ признакамъ, что если не пьянство, то страшное питье будетъ отличительною чертою предстоящаго похода.

Вспоминая мое пребываніе въ Грозной, я долженъ замѣтить, что здѣсь именно я увидѣлъ и узналъ впервые, что такое саранча, этотъ бичъ Божій! Не знаю почему, но всѣ слухи и разсказы о саранчѣ еще прежде постоянно интересовали меня. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что саранча застилаетъ солнце, превращаетъ хлѣбныя поля мгновенно въ голую степь и т. п. Какъ-то, проѣзжая однажды по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, я встрѣтилъ какого-то господина, который въ стеклянной банкѣ везъ нѣсколько экземпляровъ живой саранчи изъ Новороссійскаго края и торжественно показывалъ ее всѣмъ желающимъ. Любопытныхъ было множество; видно было, что на сѣверѣ не я одинъ жаждалъ взглянуть на это, ничтожное въ отдѣльности, но страшное въ массѣ насѣкомое жаркихъ странъ. Я разсматривалъ экземпляры, заключающіеся въ банкѣ, съ величайшимъ любопытствомъ, видѣлъ въ нихъ нѣчто въ родѣ обыкновенныхъ, только большихъ размѣровъ, кузнечиковъ и все-таки не могъ понять страшной истребительной силы этого слабаго творенія... Я помнилъ также оффиціальный разсказъ, напечатанный въ газетахъ, въ родѣ какого-то донесенія, гдѣ говорилось, что въ какомъ-то селеніи одной изъ Закавказскихъ губерній появилась саранча, что жители, слѣдуя стариннымъ преданіямъ, избрали изъ среды себя самаго благочестиваго человѣка и послали его, въ сопровожденіи депутатовъ или ассистентовъ, къ какому-то извѣстному ключу за водой; потомъ разсказывалось, какъ онъ почерпнулъ этой воды въ какой-то сосудъ и понесъ ее торжественно въ свое селеніе, какъ при этомъ обратномъ шествіи надъ головой его вились во множествѣ какія-то птицы и вмѣстѣ съ нимъ прилетѣли въ

селеніе и какъ, наконецъ, птицы эти напали на саранчу и истребили ее. Этотъ разсказъ, исполненный чего-то чудеснаго и въ то же время имѣвшій оффиціальный характеръ, еще болѣе приковалъ мое любопытство къ вопросу о саранчѣ.

При этихъ условіяхъ понятно, какое чувство испыталъ я, когда однажды утромъ мой камердинеръ сказалъ мнѣ: «не угодно ли взглянуть на саранчу? летитъ тучей чрезъ Грозную». Когда я вышелъ изъ своихъ комнатъ, мнѣ, прежде всего, представилось, что вмѣсто яснаго утра наступило что-то въ родѣ сумерекъ. Необъятной тучей саранча затемнила все видимое пространство и летѣла такъ низко, что щелкалась о мой лобъ. Милліоны или, лучше сказать, неизчислимыя числа этихъ летучихъ существъ съ легкимъ шумомъ и какъ-то бочкомъ проносились надъ Грозной. Множество мальчишекъ, вооруженныхъ палками, махали противъ теченія и разомъ побивали тысячи. Взрослое населеніе оставалось совершенно равнодушно и не обращало на саранчу рѣшительно никакого вниманія, продолжая заниматься своими обычными дѣлами. Что касается до меня, то я долго оставался въ созерцаніи безконечной тучи саранчи и даже принимался на-ряду съ мальчишками содѣйствовать истребленію ея тѣмъ простымъ способомъ, который они употребляли. Саранчи, дѣйствительно, падало множество подъ нашими ударами; но совокупныя дѣйствія наши имѣли на уменьшеніе саранчи то же вліяніе, какое можетъ имѣть, напр., на уменьшеніе многоводной Невы стаканъ воды, почерпнутый изъ нея. Вообще въ то лѣто, въ томъ краѣ, было особенно много саранчи, и вопросъ о способахъ истребленія ея, я помню, былъ не разъ предметомъ разговоровъ за обѣдами князя, по его прибытіи въ Грозную. Я помню, какъ онъ самъ разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при первоначальномъ знакомствѣ съ саранчею; изъ его словъ, между прочимъ, видно было, что тѣ священныя птицы, о которыхъ я выше упомянулъ, не что иное, какъ скворцы какой-то особой породы; что вслѣдъ за саранчей всегда появляются и они; что птицы эти имѣютъ, по природѣ своей, какую-то непостижимую ненависть къ саранчѣ и потому не пожираютъ ее, что́ дѣйствительно и было бы невозможно, но истребляютъ, т. е. побиваютъ; по словамъ князя, когда птицы эти утомятся этимъ побіеніемъ, онѣ летятъ, окровавленныя къ ближайшей рѣкѣ, купаются тамъ, обмываются, освѣжаются и съ новыми силами опять летятъ на враговъ и опять побиваютъ.

Человѣкъ ко всему привыкаетъ; точно такъ и я, познакомившись съ саранчею, потомъ почти вовсе уже не обращалъ на нее вниманія. Между тѣмъ, когда я изъ похода возвращался въ Пятигорскъ и проѣзжалъ степными мѣстами, саранча почти постоянно была моимъ спутникомъ. Ѣдешь, напр., по степи, ничего не видя ни впереди, ни по

сторонамъ, вдругъ предъ вами начинаетъ взвиваться отъ земли какой-то дымокъ. Это значитъ, что начинаетъ подниматься саранча, встревоженная вашимъ почтовымъ колокольчикомъ. Дымокъ, сначала едва замѣтный, поднимается выше, становится гуще и образуется въ большую тучу. Вы скоро въѣзжаете въ эту тучу; яркій свѣтъ, которымъ вы наслаждались, меркнетъ нѣсколько; вы окружены со всѣхъ сторонъ саранчей; она бьетъ васъ въ лицо, набивается въ тарантасъ, въ складки вашего платья; колеса вашего экипажа, копыта вашихъ лошадей мнутъ ее въ невообразимомъ множествѣ. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ часто приходило на умъ, что, еслибы это насѣкомое, страшное только своимъ множествомъ, способно было наносить непосредственно человѣку вредъ, хотя равносильный только тому вреду, какой наноситъ комаръ или ничтожнѣйшая мошка? Саранча была бы страшнѣе льва.

Между тѣмъ, мой дѣятельный Зи—нъ продолжалъ распоряжаться. Онъ зналъ, какъ говорится, всѣ выходы и входы. Онъ не только распоряжался, но постоянно училъ. Благодаря этому ученію или этимъ совѣтамъ, я былъ снаряженъ и обезпеченъ со всѣхъ сторонъ. У меня было походное военное пальто, на генеральскій манеръ, шашка чрезъ плечо, подаренная мнѣ Суворовымъ, сапоги по колѣна, бурка, башлыкъ и, наконецъ, усы.

Для Зи—на всего этого, однако же, было недостаточно. Онъ вытребовалъ и прикомандировалъ ко мнѣ, или, лучше сказать, къ походной канцеляріи, значительное число донскихъ казаковъ, этихъ несчастныхъ паріевъ кавказскаго военнаго міра. Относительно военнаго достоинства этихъ казаковъ я слышалъ различныя мнѣнія. Смотря на какое-то общее презрѣніе, съ которымъ относился къ нимъ Кавказъ въ мое время, на унизительныя и часто совершенно чуждыя всякаго военнаго оттѣнка обязанности, которыя тамъ на нихъ возлагались, я имѣлъ основаніе заключать, что собственно къ боевому дѣлу они или вовсе негодны или пригодны, да мало, особенно при сравненіи ихъ съ кавказскими линейными казаками, которые, по общему убѣжденію и по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, имѣли полнѣйшее право называться «молодцами». Между тѣмъ люди знающіе и опытные говорили, что у донцовъ все зависитъ отъ полковаго командира. Если полковой командиръ молодецъ, то они превращаются въ молодцовъ не хуже линейныхъ казаковъ. Въ примѣръ ставили знаменитаго Бакланова, который съ тѣми же донцами дѣлалъ на Кавказѣ такія чудеса, которымъ удивлялись и рукоплескали кавказцы. Самъ князь Александръ Ивановичъ имѣлъ высокое мнѣніе о донцахъ. Онъ много разсказывалъ примѣровъ ихъ изумительной храбрости. Изъ числа ихъ я особенно живо помню одинъ и, конечно, потому, что князь разсказывалъ его съ неподражаемымъ искусствомъ. Гдѣ-то когда-то шли два дон-

скіе казака безъ оружія. Вдали пробѣжалъ какой-то невиданный ими звѣрь, что-то въ родѣ волка. Впослѣдствіи оказалось, что это была гіена, звѣрь, попадающійся на Кавказѣ. Казаки замѣтили, что звѣрь тотчасъ скрылся въ разщелину какой-то скалы. Они — туда и послѣ розысковъ замѣтили нѣчто въ родѣ естественной норы. Они стали шумѣть, чтобы выгнать оттуда звѣря, но безуспѣшно; тогда казаки сами полѣзли въ нору и вскорѣ, въ глубинѣ ея, замѣтили сверкающіе глаза и щелкающіе зубы. Пріостановясь, они стали разсуждать о томъ, какъ имъ взять звѣря; взять однако было нечѣмъ, потому что съ ними не было никакого оружія. Они порѣшили такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ пойдетъ назадъ на свой постъ, въ нѣсколькихъ верстахъ, и принесетъ ружье, а другой останется въ норѣ стеречь звѣря, чтобъ не ушелъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Одинъ путешествовалъ нѣсколько часовъ, а другой все это время, совершенно безоружный, оставался съ глазу на глазъ съ гіеной, въ ея собственномъ жилищѣ. Когда принесено было ружье, казаки преспокойно ее застрѣлили, не подозрѣвая, что они совершаютъ такой подвигъ, о которомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ самъ главнокомандующій будетъ разсказывать.

Но, оставляя вопросъ о храбрости донцовъ въ сторонѣ, я могу положительно сказать, что на Кавказѣ положеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, было самое отвратительное. Кавказъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на сторожей или разсыльныхъ. Они разсыпаны были по кордоннымъ линіямъ; они стояли на постахъ, по почтовымъ трактамъ, гдѣ не было кавказскихъ казачьихъ станицъ, и сопровождали почту и проѣзжающихъ; они перевозили летучую почту, которая напоминаетъ мнѣ также одинъ разсказъ, не лишенный комизма. Летучая почта учреждалась тамъ, гдѣ не существовало почтовыхъ трактовъ, и перевозилась въ особыхъ сумкахъ верховными казаками отъ одного пункта до другаго. На одномъ изъ подобныхъ пунктовъ очутился какъ-то какой-то значительный господинъ изъ чиновныхъ. Вынужденный оставаться нѣкоторое время въ этомъ пунктѣ, т.-е. въ какомъ-то казенномъ домѣ, онъ замѣтилъ гдѣ-то, подъ лавкой или столомъ, кожанную сумку и спросилъ: что это такое? Ему отвѣчали: «Это летучка (т.-е. летучая почта) бѣгитъ!» «А давно она бѣгитъ?» спросилъ господинъ. «Нѣтъ! вчера только сюда пришла; скоро отправимъ»,—отвѣчали ему. Размѣщали этихъ несчастныхъ донскихъ казаковъ въ самыхъ болѣзненныхъ мѣстахъ, подобно Елисаветпольскому тракту, на которомъ я своими глазами видѣлъ ихъ валяющихся безъ памяти кучами, въ лихорадочномъ жару, съ открытыми ртами, въ которыхъ свободно расхаживали мухи и различныя букашки. Я съ ужасомъ представляю себѣ, какъ много донцовъ сложили свои кости въ этомъ гибельномъ и не-

привлекательномъ для нихъ краѣ и какое впечатлѣніе производятъ въ донскихъ семьяхъ разсказы уцѣлѣвшихъ и возвратившихся казаковъ о безчисленныхъ страданіяхъ, которымъ они дѣйствительно тамъ подвергаются.

Главная обязанность назначенныхъ къ намъ казаковъ заключалась въ томъ, чтобы, во-первыхъ, ухаживать за нашими походными лошадьми; во-вторыхъ, состоять при насъ ординарцами во время нашихъ разъѣздовъ и переходовъ и, въ-третьихъ, охранять и сопровождать наши вьюки, во время передвиженія ихъ съ одной позиціи на другую. Само собою разумѣется, что сюда же относилось снимать и укладывать наши палатки со всѣмъ нашимъ имуществомъ, когда снимался нашъ лагерь, и разбивать и устанавливать все это на новой позиціи; вообще они составляли второстепенныхъ нашихъ слугъ, и состояли, преимущественно, въ распоряженіи моего камердинера. Впрочемъ, въ хозяйственную часть я нисколько не углублялся и зналъ только своего ординарца. Такъ какъ въ составѣ походной канцеляріи я былъ первый человѣкъ, то въ должность ординарца при мнѣ вступилъ донской унтеръ-офицеръ, начальникъ, или старшій надъ всѣми другими казаками, къ намъ назначенными. Это былъ удивительный человѣкъ, и я съ благодарностью о немъ вспоминаю. Умный, ловкій, расторопный! Безъ сомнѣнія, снабженный нѣкоторыми опытными совѣтами и указаніями моего камердинера, онъ быстро примѣнился къ моему характеру и къ моимъ привычкамъ. Во время разъѣздовъ онъ ни на минуту и ни на вершокъ не отставалъ отъ меня. Стоило только вздумать что-нибудь и выразить свое желаніе, чтобы оно мгновенно исполнилось. На рукахъ этого казака была моя бурка, мой башлыкъ, а главное весьма помѣстительный сакъ-вояжъ, который заключалъ въ себѣ рѣшительно все, чего только душа попроситъ. Въ этомъ сакъ-вояжѣ находилось все, способное удовлетворить не только меня самого, но и всѣхъ товарищей, которые безпрерывно обращались ко мнѣ то за тѣмъ, то за другимъ. Питейная и съѣстная часть, конечно, занимала главное мѣсто въ ряду нашихъ потребностей, и части эти всегда отличались не только изобиліемъ, но и разнообразіемъ. Мой казакъ съ его запасами пріобрѣлъ, какъ и мой камердинеръ, величайшую популярность въ различныхъ толпахъ похода. Адъютанты, для которыхъ онъ особенно былъ пріятенъ, называли его не иначе, какъ по имени и отчеству. Все это очень льстило моему донцу, а мои щедрые подарки радовали его и въ матеріальномъ отношеніи. Видно было, что онъ считалъ себя счастливымъ, что попалъ къ такому веселому и тароватому господину. Когда я вырвался изъ похода, онъ со слезами прощался со мною, и въ сію минуту я испытываю величайшее сожалѣніе, что не записалъ его имени и тѣмъ лишилъ себя великаго

удовольствія, въ воспоминаніе самыхъ рельефныхъ дней моей жизни, поддерживать его, для чего у меня много и готовности и достаточно средствъ.

Я упомянулъ о вьюкахъ. Вьюки—принадлежность тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ правильныхъ путей сообщеній. Еще при самомъ пріѣздѣ на Кавказъ, я былъ уже пораженъ на Военно-Грузинской дорогѣ безконечными вереницами верблюдовъ, подъ громадными вьюками медленно и осторожно переставляющихъ свои длинныя ноги. Но товарный правильный вьюкъ на спинѣ верблюда, какъ будто нарочно приспособленный именно къ перевозкѣ тюковъ, не представлялъ еще ничего особенно отвратительнаго. Съ отвратительными зрѣлищами по части вьюковъ я познакомился ближе въ Тифлисѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что нѣкоторыя изъ этихъ зрѣлищъ способны навести дурноту, даже и обморокъ на какого-нибудь чувствительнаго члена одного изъ безчисленныхъ обществъ хорошаго обращенія съ животными. На каждомъ шагу тамъ можно видѣть небольшаго ешака, или просто осла, положительно изнемогающаго подъ массою дровъ, на него нагроможденною, въ сопровожденіи туземца, (въ довершеніе колючекъ, которыя бѣдное животное получаетъ отъ своей ноши), осыпающаго его ударами дубины, по ногамъ или головѣ и всюду, куда только дубина, не задерживаемая дровами, можетъ достать. Что касается до меня, то я положительно имѣю омерзѣніе ко всевозможнымъ вьюкамъ, какъ къ самому дикому и варварскому способу передвиженія тяжестей.

Между тѣмъ еще до похода я слышалъ уже, что заподряжено огромнѣйшее число вьючныхъ лошадей. Изъ этого числа распорядительный N успѣлъ пріобрѣсти солидную часть для походной канцеляріи.

Лошади эти не находились, впрочемъ, при насъ постоянно и оставались на попеченіи своихъ хозяевъ; но въ назначенный часъ для передвиженія онѣ являлись, навьючивались и навьюченныя слѣдовали, въ сопровожденіи нашихъ казаковъ, на новый пунктъ, тамъ развьючивались и пропадали до новой надобности. Этихъ операцій навьючиванія и развьючиванія я постоянно, вслѣдствіе сильнѣйшей къ нимъ антипатіи, избѣгалъ, предоставляя моей прислугѣ и нашимъ казакамъ укладываться и раскладываться, какъ знаютъ. Мнѣ даже совѣстно было слушать, когда камердинеръ упоминалъ, что шестомъ моей палатки, напримѣръ, испортило ногу у одной лошади, и что у другой походнымъ столомъ весь бокъ стерло. Мнѣ казалось, что это я самъ надѣлалъ всѣ эти гадости, и краснѣлъ, что онѣ такъ противоположны прекраснымъ цѣлямъ обществъ покровительства и защиты животныхъ, цѣлямъ, которымъ я постоянно и искренно сочувствовалъ.

Наконецъ сталъ приближаться день прибытія князя въ Грозную. Я уже много говорилъ о могуществѣ и значеніи намѣстника и главнокомандующаго на Кавказѣ. Вспоминая день прибытія князя въ Грозную, я не могу не сказать, что день этотъ наиболѣе осязательнымъ практическимъ образомъ свидѣтельствовалъ о могуществѣ и значеніи его. Уже за нѣсколько дней до его пріѣзда пошли различныя приготовительныя распоряженія для встрѣчи его, но какъ распоряженія эти относились преимущественно до военнаго міра, то, не принимая въ нихъ никакого участія, я даже мало зналъ, въ чемъ они состояли. Я видѣлъ только значительную суетню и слышалъ постоянно одни и тѣ же вопросы и отвѣты: «Когда», «тогда-то».

Когда стало положительно извѣстно, что князь прибудетъ въ такой-то день и часъ, къ этому времени военный и гражданскій міръ высшаго разряда собрался при домѣ, назначенномъ для князя; на площадкѣ предъ домомъ поставленъ былъ почетный караулъ, и устроены были другія военныя почести, которыя всегда оставались для меня мало понятными.

Часовъ въ пять или шесть прискакали, какъ бѣшеные, передовые люди съ извѣстіемъ, что ѣдетъ... Все стало устанавливаться въ извѣстный порядокъ и принимать неподвижный видъ, какъ будто проникнутое торжественнымъ величіемъ предстоящей минуты, такъ что и я невольно почувствовалъ какое-то нервное волненіе. Скоро стало видимо для насъ громаднѣйшее облако густой черной пыли, скрывавшее поѣздъ князя. Облако быстро приближалось къ намъ; раздались крики: «смирно» и другія военныя команды. Почти въ непроницаемой тучѣ страшной пыли меня, прежде всего, поразили страшныя образины татаръ, сопровождающихъ, въ видѣ конвоя, князя. Съ черными отъ пыли лицами, съ сверкающими глазами, съ бритыми головами, съ громаднѣйшими на нихъ папахами, заломленными назадъ и покрывавшими длинными лохматыми клочьями милыя физіономіи этихъ господъ—они были истинно страшны и въ то же время великолѣпны. Ничего подобнаго я дотолѣ не видывалъ. Наши линейные казаки, сходные съ горцами по одеждѣ, казались мнѣ въ эту минуту милашками предъ этими ужасными людьми. Подъ вліяніемъ величайшаго любопытства я впивался глазами въ нѣкоторыя, особенно типическія физіономіи, но какъ только падалъ на меня гордый, несказанно самоувѣренный и въ то же время свирѣпый взглядъ татарина, я тотчасъ отводилъ, какъ школьникъ, отъ него свои глаза: взгляда этого, быстраго, смѣлаго, упорнаго, въ высшей степени, я положительно выносить не могъ. Я тотчасъ старался собрать свѣдѣнія, что это за люди? Мнѣ отвѣчали, что это конвой, составленный изъ горцевъ только-что покоренныхъ ауловъ. «Ну», думаю себѣ, «хороши! Каковы же должны быть оби-

татели ауловъ непокоренныхъ?» Однимъ словомъ, впечатлѣніе, произведенное на меня этими господами, было необычайно сильно. Мнѣ какъ-то вдругъ сдѣлались понятны всѣ ужасные разсказы различнаго содержанія, которые связывались съ «гибельнымъ Кавказомъ».

Но въ числѣ достоинствъ и недостатковъ истинно-русскаго человѣка есть та черта, что онъ способенъ удивляться чему бы то ни было одинъ только, и то первый разъ. Потомъ онъ не только привыкаетъ къ тому, что его впервые поразило, но и начинаетъ находить, что тутъ и нѣтъ ничего поразительнаго. Если тотъ, кто, быть можетъ, будетъ читать мои записки, вспомнитъ мой разсказъ о томъ, какъ мои пріятели и пріятели хромаго Языкова затащили его почти насильно во дворецъ, какъ онъ сначала трусилъ и жался въ заднихъ рядахъ и какъ потомъ, освоившись и осмотрѣвшись, онъ сталъ безцеремонно расхаживать тамъ уже, откуда тѣ же пріятели, во избѣжаніе скандала, должны были извлекать его со внушеніемъ большей скромности,—тотъ, повторяю, пойметъ ту черту русскаго человѣка, которую я хочу здѣсь отмѣтить. Именно эта самая черта нашлась и въ моей русской душѣ по отношенію къ горцамъ. Глубоко пораженный впервые ихъ видомъ, я потомъ уже такъ расходился, что называлъ ихъ не иначе, какъ сволочью. Однажды это презрѣніе я выразилъ даже въ присутствіи князя. Приглашенный къ обѣду въ его собственную палатку, вмѣстѣ съ другими знатными лицами походнаго міра, я долженъ былъ оставаться довольно долго нѣмымъ слушателемъ различныхъ разсказовъ изъ военной исторіи Кавказа. Рѣчь шла большею частію о томъ, что тогда-то тамъ-то намъ приходилось плохо, и что если бы не это, то вовсе была бы бѣда и т. п. Во время какой-то паузы, я дерзнулъ сказать: «я сознаю свое глубокое невѣжество въ военномъ дѣлѣ, но изъ всѣхъ непонятныхъ вещей для меня наиболѣе непонятно то, какимъ образомъ сильное государство, въ теченіе столь продолжительнаго времени, своими громадными регулярными войсками не можетъ одолѣть толпу оборвышей, хотя и прикрытыхъ мѣстностію. Къ чему же тогда наука?» Потому ли, что такое заявленіе было слишкомъ нелѣпо, или, потому, что въ немъ былъ серьезный смыслъ—не знаю; но только послѣ моихъ словъ наступило молчаніе, продолжавшееся нѣсколько секундъ, такъ что я начиналъ уже тревожиться за свои слова, быть можетъ, крайне неумѣстныя. Князь Александръ Ивановичъ, отъ котораго я преимущественно ожидалъ отвѣта, прервалъ это странное молчаніе. Совершенно спокойно, безъ всякаго изумленія моему оригинальному заявленію, онъ сказалъ: «Видно, однако, не такъ легко одолѣть этихъ оборвышей, какъ вы говорите, когда столько главнокомандующихъ старались объ этомъ, да ничего

не могли сдѣлать». Я былъ очень доволенъ, что такъ дешево отдѣлался за мое вмѣшательство въ военныя сужденія.

Обращаюсь къ встрѣчѣ князя. За отрядомъ этихъ страшныхъ людей, составлявшихъ передовой конвой, летѣлъ экипажъ князя. Его положительно узнать нельзя было. Я не говорю уже о томъ, въ какомъ положеніи было его платье. Самое лицо, усы, бакенбарды покрыты были такимъ толстымъ слоемъ черной пыли, что все это въ совокупности представляло одно сплошное черное пятно съ одними прорѣзами, изъ которыхъ виднѣлись глаза. Мнѣ даже непріятно было, что князь рѣшился въѣхать въ Грозную въ такомъ странномъ видѣ. Какъ ни велико было общее къ нему благоговѣніе, все-таки при взглядѣ на его фигуру каждый испытывалъ невольное желаніе засмѣяться. Вообще я находилъ, что главнокомандующему не ловко было явиться къ ожидающимъ его толпамъ въ видѣ араба. Должно быть, князь и самъ сознавалъ это, потому что, выйдя изъ коляски, онъ быстро подошелъ къ стоявшимъ тутъ солдатамъ и затѣмъ тоже быстро скрылся. Спутники его были, разумѣется, не въ лучшемъ видѣ и тоже скрылись. Всѣмъ знатнымъ особамъ объявлено было, что князь переодѣвается и скоро всѣхъ приметъ. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ, князь вышелъ къ намъ въ залу свѣжій и блестящій и по обычаю, начавъ съ одного конца, сталъ обходить весь кругъ ожидающихъ «движенія воды» и съ каждымъ говорилъ по нѣскольку словъ.

Когда кончилось это представленіе, князь перешелъ въ столовую залу, блистательно освѣщенную, въ которой стояли накрытые и убранные столы. За нимъ потянулись всѣ приглашенные. Надо замѣтить, что по соглашенію Евдокимова съ Тромповскимъ этотъ первый обѣдъ, знаменующій встрѣчу князя, далъ Евдокимовъ, и потому всѣ приглашенія заблаговременно сдѣланы были отъ имени Евдокимова. За этимъ обѣдомъ я впервые увидѣлъ много татарскихъ физіономій въ высокихъ папахахъ. Мнѣ разсказывали значеніе и исторію каждаго; но я конечно все перезабылъ, чему впрочемъ очень радъ, потому что повтореніе этихъ исторій еще болѣе усложнило бы и то уже черезчуръ пространныя мои записки. Помню однако же, что сущность этихъ исторій имѣла ту основную черту, что всѣ эти горскіе люди были люди столь же способные, сколько и неблагонадежные, что они по нѣскольку разъ переходили то къ намъ, то къ Шамилю, и что, несмотря на ихъ азіатское коварство и продажничество, эти люди въ рукахъ такихъ людей, какъ князь Барятинскій и Евдокимовъ, знавшихъ ихъ вдоль и поперекъ, приносили своимъ умомъ, своими связями, своимъ знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, огромнѣйшую пользу. Это были, такъ сказать, лучшіе наши политическіе агенты, колебавшіе нравственное могущество нашего врага. Князь Александръ

Ивановичъ относился къ нимъ чрезвычайно ласково и привѣтливо. Потомъ я замѣчалъ, что они вѣчно вертѣлись около палатки Евдокимова, составлявшаго все-таки главный центръ и основную связь похода, и при передвиженіяхъ съ позиціи на позицію находились въ составѣ его свиты.

Во время обѣда играла полковая музыка; но она, можно сказать, совершенно стушевывалась предъ Сунженскими пѣсельниками, которые великолѣпно пѣли залихватскія казацкія пѣсни и прославляли въ нихъ Барятинскаго и Слѣпцова. Надо замѣтить, что Слѣпцовъ оставилъ великолѣпную по себѣ память на Кавказѣ, такъ что въ преданіяхъ и пѣсняхъ имя его постоянно сливается съ именемъ Барятинскаго и даже преимущественно предъ нимъ. Есть много людей, которые, въ невѣдѣніи своемъ, и доселѣ находятъ справедливымъ и возможнымъ сравнивать эти двѣ личности; но на самомъ дѣлѣ, сколько по моимъ собственнымъ соображеніямъ, столько и по отзывамъ людей, дѣйствительно способныхъ разсматривать этотъ вопросъ, между ними не могло существовать никакого сходства. Слѣпцовъ, по общему свидѣтельству, былъ идеалъ храбраго человѣка. Съ своими Сунженскими казаками онъ дѣлалъ чудеса, и эти чудеса окружили эту личность, особенно въ глазахъ казаковъ, чѣмъ-то чудеснымъ. Отъ казаковъ благоговѣніе предъ его именемъ распространилось далѣе и составляетъ справедливую дань безпримѣрному мужеству и храбрости Слѣпцова; но здѣсь все и оканчивается. Признаковъ полководца, администратора, однимъ словомъ, государственнаго человѣка Слѣпцовъ въ себѣ никакихъ не явилъ, и я даже не знаю, задѣвалъ ли его кто-нибудь и когда-нибудь именно съ этой стороны: до такой степени она была въ немъ ничтожна. Между тѣмъ князь Барятинскій уродился по преимуществу государственнымъ человѣкомъ. Въ молодости и онъ, будучи на Кавказѣ, рубился знатно, и конечно никому въ голову никогда не приходило заподозрѣвать его въ недостаткѣ мужества и храбрости; но это не было исключительнымъ его свойствомъ и призваніемъ. Съ молодыхъ еще лѣтъ онъ смотрѣлъ уже далеко и былъ такъ счастливъ, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ возможность проявить въ себѣ не храбраго рубаку только, но истиннаго полководца и государственнаго человѣка, разрѣшившаго задачу, надъ которой трудились такіе умные люди, какъ Ермоловъ, баронъ Розенъ, князь Воронцовъ. Поэтому пусть за Слѣпцовымъ остается справедливо заслуженная имъ слава храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, какіе появлялись только на Кавказѣ; но тотъ, кто вздумаетъ сравнивать его и ставить на одну ногу съ Барятинскимъ, не только поступитъ несправедливо, но и окажетъ славной памяти Слѣпцова плохую услугу. Всякому свое.

Еще во время обѣда князь вызывалъ изъ толпы пѣсельниковъ нѣко-

торыхъ усачей, которыхъ онъ лично зналъ и которые, конечно, лично знали его, на ступеняхъ, отдаленныхъ отъ положенія главнокомандующаго; вспоминалъ то или другое дѣло, обоюднопамятное, и своею привѣтливостію электризовалъ, такъ сказать, ихъ простыя сердца и доводилъ восторгъ ихъ до крайней степени. Предъ окнами дома и у сада, къ нему принадлежащаго, двигались огромныя толпы разнокалибернаго народа.

Я уже не могу сказать положительно, сколько именно дней князь, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ, что собрались для похода, провели въ Грозной; помню только, что не много. Всѣ дни, разумѣется, походили одинъ на другой. Утромъ совершались различные доклады князю, о которыхъ частію я говорилъ уже выше. Въ назначенный часъ собирались всѣ къ обѣду князя. Пользующіеся этою честію раздѣлялись на два разряда: одни, почетнѣйшіе и ближайшіе, къ числу которыхъ и я былъ отнесенъ, имѣли постоянное приглашеніе обѣдать у князя, другіе, не почетнѣйшіе и не ближайшіе, приглашались въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ. За этими обѣдами, по случаю величайшихъ жаровъ, всегда являлась окрошка, или холодникъ, по-малороссійски, которою князь постоянно восхищался и объ изобрѣтеніи которой любилъ часто разсказывать.

Дѣло въ томъ, что для изготовленія окрошки нуженъ великороссійскій квасъ. Между тѣмъ этого истинно народнаго произведенія и въ самомъ Тифлисѣ почти не существовало, за исключеніемъ развѣ какой-нибудь солдатской кислятины. Любитель квасу вообще и считая его самымъ лучшимъ и могущественнѣйшимъ лѣкарствомъ для моей желчной натуры, я постоянно, живя въ Тифлисѣ, выписывалъ солодъ изъ Ставрополя, за 600 верстъ, откуда мнѣ его и доставляли съ экстрапочтой. Камердинеры мои, превыше всѣхъ другихъ обязанностей, должны были владѣть искусствомъ дѣлать квасъ, который составлялъ для меня величайшую необходимость. Все это въ совокупности имѣло результатомъ, что я славился на весь Тифлисъ своимъ квасомъ. Свитскіе господа, постоянно меня посѣщавшіе, непремѣнно требовали квасу, прежде вина, которое буквально на каждомъ шагу было у всѣхъ подъ рукою, тогда какъ квасъ, и квасъ великолѣпный, составлялъ истинную рѣдкость въ томъ краѣ. Даже самъ князь иногда присылалъ ко мнѣ за этимъ продуктомъ. Понятно, что если онъ составлялъ рѣдкость въ Тифлисѣ, то въ другихъ мѣстахъ, особенно въ походахъ, о немъ и думать было нечего.

По словамъ князя, гдѣ-то и когда-то стояли страшные жары. Садясь однажды за обѣдъ, князь замѣтилъ: «какъ бы хорошо теперь русской холодной окрошки!» Опочининъ, тутъ присутствовавшій, тотъ самый Опочининъ, который обладалъ вліятельною барынею, именуемою

«Бабаля», который считалъ обязанностію знать все лучше всѣхъ, начиная отъ какой-нибудь стряпни до джигитства на бѣшеномъ конѣ, и о которомъ самъ князь разсказывалъ по этому поводу тысячи уморительныхъ анекдотовъ, тотчасъ вызвался приготовить окрошку. «Какимъ образомъ?»—спросилъ князь. «Это мой секретъ», самоувѣренно отвѣчалъ Опочининъ. Вызовъ этотъ былъ такъ оригиналенъ, что возбудилъ общее недоумѣніе и любопытство. Рѣшено было пріостановить обѣдъ и ждать окрошки. Опочининъ скрылся и предался таинственнымъ занятіямъ. Всѣ ждали, что выйдетъ? Чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно подаютъ окрошку, и князь утверждаетъ, что она всѣмъ чрезвычайно понравилась. Оказалось, что, за неимѣніемъ квасу, Опочининъ сдѣлалъ нѣсколько подобную ему смѣсь воды съ уксусомъ и посредствомъ сметаны и другихъ вспомогательныхъ средствъ такъ искусно замаскировалъ эту поддѣлку, что обѣдающіе только кушали, удивлялись и похваливали искусство Опочинина. Князь, хотя почти всегда болѣзненный и—странное дѣло!—несмотря на величайшую роскошь яствъ, на которыхъ онъ выросталъ, чрезвычайно не разборчивый и непретендательный по этой части, болѣе всѣхъ восхищался изобрѣтеніемъ Опочинина и покровительствовалъ ему съ такимъ ожесточеніемъ, съ какимъ стремился водворить Кахетинское вино на мѣсто шампанскаго. Успѣхъ, вѣроятно, былъ одинаковый потому, что если на обѣдахъ въ Грозной, въ глазахъ князя, присутствующіе и раздѣляли восхищеніе его, то истинно русскіе люди, которые единственно могли дать основательное мнѣніе по этому вопросу и къ которымъ безспорно принадлежалъ я, называли это изобрѣтеніе порядочною гадостію. И, дѣйствительно, сколько настоящій квасъ могъ быть полезенъ для русскаго желудка, столько эта смѣсь воды съ уксусомъ была вредна.

Изъ числа новыхъ лицъ, появлявшихся въ Грозной за обѣдами князя, нельзя было не обратить вниманія на молодаго графа Ферзена, сына петербургскаго Ферзена, начальника придворной егермейстерской части. До того времени я почти не имѣлъ никакого понятія объ этой личности. Дѣло въ томъ, что онъ состоялъ при Евдокимовѣ и только разъ прискакалъ при мнѣ въ Тифлисъ курьеромъ къ князю, а имъ тотчасъ отправленъ былъ тоже курьеромъ въ Петербургъ къ государю. Это было тотчасъ послѣ взятія Веденя, резиденціи Шамиля. Странное дѣло—это посылка курьеровъ! Связанная съ несомнѣнными благами, она всегда достается не тѣмъ, кто по праву заслуживаетъ этихъ благъ, а тѣмъ почти исключительно, которыхъ вся заслуга въ томъ, что они носятъ какое-нибудь звучное имя. Вопіющая несправедливость здѣсь очевидна! Между тѣмъ она такъ вѣлась въ нашъ военный бытъ, что ей подчиняются не только такіе люди, какъ Барятинскій, напр., связанные различными придворными и аристократическими отношеніями, ко-

торыя хоть сколько-нибудь если не оправдываютъ, то по крайней мѣрѣ объясняютъ эту несправедливость, но и такіе господа, какъ Евдокимовъ, не имѣющій ни родовыхъ предковъ, дальше отца и много уже дѣда, ни знатности, ни высшихъ связей. Взявъ Веденъ, онъ послалъ курьеромъ графа Ферзена. Между тѣмъ за то только, что онъ проскакалъ въ Петербургъ и обратно, онъ получилъ флигель-адъютанта, одну изъ величайшихъ и почетнѣйшихъ наградъ для военнаго человѣка. Но справедливость требуетъ сказать и то, что если Ферзенъ и подобные ему не способны брать крѣпости, то, съ другой стороны, тѣ, которые берутъ эти крѣпости, едва-ли способны быть хорошими курьерами. Кажется, даже были нѣкоторые опыты въ этомъ отношеніи; но сколько извѣстно, во дворцѣ они не имѣли никакого успѣха. Всякому свое. Нельзя не сожалѣть только, что простому вѣстнику извѣстнаго событія достаются царскія милости, несравненно высшія противу тѣхъ, которыми правительство расплачивается потомъ съ самыми дѣйствительными участниками и совершителями этого событія.

Обращаюсь къ Ферзену. На обѣдахъ князя онъ блисталъ уже своимъ флигель-адъютантствомъ. Князь относился къ нему весьма благосклонно и часто обращался съ рѣчью о разныхъ петербургскихъ отношеніяхъ. Я помню, что за однимъ изъ этихъ обѣдовъ князь разсказывалъ всѣмъ присутствующимъ, какъ отецъ Ферзена умѣетъ сохранять себя, какъ съ этою цѣлью ежедневно взвѣшиваетъ себя и если замѣтитъ въ себѣ фунтъ лишній противу извѣстной нормы, старается избавиться отъ него посредствомъ гимнастики и другихъ различныхъ способовъ. Однимъ словомъ, князь видимо ласкалъ молодаго Ферзена ради отношеній къ старому Ферзену или, лучше сказать, ради отношеній этого стараго Ферзена ко двору и къ петербургскому аристократическому міру. Между тѣмъ не безполезно замѣтить мимоходомъ, что въ интимныхъ разговорахъ со мною князь постоянно отзывался о старомъ Ферзенѣ, какъ о человѣкѣ хитромъ. Само собою разумѣется, что молодой Ферзенъ тотчасъ примкнулъ къ свитѣ намѣстника, среди которой я былъ свой человѣкъ, и потому познакомился со мной. Знакомство это состоялось при весьма благопріятныхъ условіяхъ и мгновенно перешло въ дружбу, въ ту дружбу, военнаго характера, которая преимущественно выражалась и укрѣплялась крестообразнымъ питіемъ вина «на брудершафтъ» и словомъ: «ты». Дѣйствительно, умный, острый съ пріятною наружностію, Ферзенъ, на первыхъ порахъ, просто очаровалъ меня. Въ вящшее доказательство и укрѣпленіе нашей дружбы, я даже подарилъ ему великолѣпную нагайку, только-что полученную мною самимъ въ подарокъ.

Надо сказать, что по пути отъ Владикавказа къ Грозной мы проѣзжали чрезъ казачьи станицы. Въ одной изъ этихъ станицъ была

квартира командира какого-то казачьяго полка или казачьей бригады Едминскаго, личности въ высшей степени замѣчательной, исторіи которой я однако же разсказывать не буду по той простой причинѣ, что хотя я самъ много разъ слышалъ эту исторію, однако же помню ее весьма смутно и неопредѣленно. Скажу только, что это былъ полякъ, весьма образованный, но дурно говорившій по-русски, сто разъ бывшій богатымъ и столько же разъ разорявшійся, человѣкъ, пользовавшійся почему-то особеннымъ вниманіемъ намѣстниковъ и составившій себѣ огромную славу своими знаменитыми по остротѣ и вѣрности изреченіями, которыя ходили по всему краю. Когда началось передвиженіе изъ Тифлиса въ Грозную, господинъ этотъ, жившій на перепутьѣ, счелъ долгомъ открыть у себя какое-то безконечное угощеніе и зазывать къ себѣ всѣхъ мимо идущихъ и ѣдущихъ. При моемъ пріѣздѣ въ эту станицу я нашелъ уже тамъ большую часть свиты князя, которая слѣдовала верхами вмѣстѣ съ конвоемъ князя, выступившимъ изъ Тифлиса за нѣсколько дней до моего отъѣзда. Все было положительно пьяно, а пьянѣе всѣхъ былъ художникъ Горшельтъ, нѣмецъ великолѣпный, прибывшій въ Тифлисъ за нѣсколько дней до похода и получившій дозволеніе участвовать въ немъ. Талантъ его, проявившійся потомъ во многихъ картинахъ и рисункахъ кавказскаго содержанія, извѣстенъ публикѣ. Но въ ту минуту, когда я въѣхалъ въ станицу, вопросъ шелъ не о томъ, какой талантъ у Горшельта, какъ живописца, а о томъ, есть ли у него талантъ джигита. Длинноногій нѣмецъ, въ чрезвычайно оригинальномъ костюмѣ, имъ самимъ сочиненномъ, на какой-то маленькой лошаденкѣ, всѣми силами старался сдѣлать свои джигитскія способности не подлежащими сомнѣнію; но это ему плохо удавалось; на крутыхъ поворотахъ онъ терялъ равновѣсіе, падалъ, потомъ снова укрѣплялся въ сѣдлѣ и снова падалъ. Толпа свитскихъ господъ хохотала и подбивала артиста на новые опыты.

Раздѣляя общее веселье при видѣ такого оригинальнаго и даровато спектакля, я былъ атакованъ самыми настоятельными приглашеніями радушнаго хозяина удостоить вниманіемъ его, какъ онъ выражался, «хлѣбъ и соль», которые, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ яствъ, повидимому, не сходили съ его гостепріимнаго стола съ утра до вечера. Послѣ того, какъ я ближе познакомился съ обиліемъ и качествомъ этихъ блюдъ, хлѣбосольный и радушный хозяинъ представилъ мнѣ огромную коллекцію казацкихъ нагаекъ разнаго рода и высшаго сорта и просилъ меня принять одну изъ нихъ на память. Я былъ очень изумленъ этимъ предложеніемъ и, вовсе не будучи съ хозяиномъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, при которыхъ такіе сувениры имѣли бы мѣсто и смыслъ, сообразилъ, что это не что иное, какъ ловкая продѣлка господина польской крови. «Баринъ этотъ пригодится», вѣроятно ду-

малъ смѣтливый Едминскій, наслышавшись, конечно, о моей близости князю. Само собою разумѣется, что началась такъ называемая «борьба великодушія». Я упорно отказывался; онъ еще упорнѣе настаивалъ и такъ какъ мой рѣшительный отказъ могъ бы показаться обиднымъ для него, то я и долженъ былъ уступить. Послѣ различныхъ благодарностей я сказалъ: «собраніе этихъ вещей такъ великолѣпно, что я истинно затрудняюсь сдѣлать выборъ и потому, если вамъ такъ настоятельно угодно дать мнѣ матеріальный знакъ вашего добраго расположенія ко мнѣ, то потрудитесь сдѣлать этотъ выборъ сами». Едминскій взялъ изъ цѣлой кучи нагаекъ самую лучшую и богатую, сплошь задѣланную въ серебро, и преподнесъ мнѣ. Я ужасно франтилъ этой великолѣпной нагайкой, подобной которой дѣйствительно ни у кого не было. Свитскіе пріятели по очереди стали выпрашивать у меня ее въ подарокъ, то «въ знакъ любви», то «въ знакъ дружбы», то «въ знакъ удовлетворенія», какъ пишутъ на фарфоровыхъ чашкахъ плохаго издѣлія; но я оставался упоренъ до тѣхъ поръ, пока не образовалась дружба съ Ферзеномъ, которому именно, въ знакъ этой дружбы, я и преподнесъ эту великолѣпную нагайку.

Но, увы! дружба эта, еще во время похода, начала охладѣвать съ моей стороны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Воспоминанія педагога [1]).

1-я Петербургская военная гимназія.

Учебный 1864—65 годъ я началъ службу въ прежней должности (помощника инспектора классовъ) въ новомъ учебномъ заведеніи—1-й Петербургской военной гимназіи, которая фактически была переименована изъ 1-го кадетскаго корпуса, несмотря на то, что всѣ старались увѣрить, будто 1-й корпусъ преобразовался въ Павловское военное училище. Къ началу августа, наконецъ, назначенъ былъ и инспекторъ классовъ—Порфирій Никитичъ Бѣлоха.

Директоромъ 1-й гимназіи былъ назначенъ Евгеній Карловичъ Баумгартенъ, а Н. П. Гартонгъ, признанный неспособнымъ къ должности педагога, назначенъ состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. Хотя нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Гартонгъ вовсе не былъ педагогомъ и былъ бы не на мѣстѣ при новыхъ требованіяхъ отъ военныхъ гимназій; но замѣна его Баумгартеномъ вполнѣ подходила подъ извѣстную поговорку: «промѣняли кукушку на ястреба».

Евгеній Карловичъ былъ человѣкъ до крайности ограниченный, но считавшій себя необыкновенно умнымъ и потому пускавшійся въ разсужденія о какомъ угодно вопросѣ. Говорилъ онъ всегда много, но рѣчь его представляла словоизверженіе, безъ всякаго опредѣленнаго взгляда, нерѣдко конецъ рѣчи противорѣчилъ тому, что онъ высказывалъ въ началѣ ея. Духъ противорѣчія былъ развитъ въ немъ въ сильнѣйшей степени. О чемъ бы вы ни заговорили съ нимъ, онъ будетъ вамъ доказывать противное, въ тотъ же день, если услышитъ отъ васъ то, что онъ сегодня высказывалъ, онъ станетъ говорить и

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь, 1904 г.

доказывать совершенно противоположное. Этотъ человѣкъ всегда спорилъ только ради спора, нисколько не заботясь объ истинѣ. Никакого твердаго убѣжденія онъ не имѣлъ; сдѣлавъ сегодня какое-нибудь распоряженіе, онъ завтра выражалъ неудовольствіе, почему исполняется такъ, а не иначе, и если ему указывали, что самъ же онъ приказалъ сдѣлать такъ,—онъ отпирался, увѣряя, что никогда ничего подобнаго не приказывалъ и не могъ приказывать, такъ какъ это не согласно съ его взглядомъ. Все это говорилось не потому, чтобы онъ былъ лживъ; нѣтъ,—не имѣя памяти, онъ самъ былъ искренно увѣренъ, что говоритъ правду. Въ первое время своего управленія заведеніемъ, Евгеній Карловичъ приводилъ въ отчаяніе воспитателей своими противорѣчивыми распоряженіями, но потомъ лучшіе воспитатели согласились между собою никогда не противорѣчить ему, чтобы его не раздражать, а соглашаться съ нимъ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, какія бы ни отдавалъ приказанія, но продолжать дѣлать по-своему, не обращая вниманія на его распоряженія. Дѣло отъ этого выигрывало. Бывало, встрѣтитъ Баумгартенъ воспитанниковъ съ воспитателемъ и всегда найдетъ что-нибудь замѣтить: или не въ такомъ порядкѣ у него воспитанники идутъ, или не то дѣлаютъ, хотя бы все исполнялось согласно составленнымъ въ комитетѣ правиламъ; воспитатель молчитъ или говоритъ: «слушаю». Баумгартенъ уходитъ, а воспитатель дѣлаетъ такъ же, какъ и дѣлалъ, и обѣ стороны довольны.

Передаю со словъ одного изъ лучшихъ воспитателей слѣдующій случай, хорошо характеризующій Баумгартена.

Является Баумгартенъ въ старшій возрастъ во время приготовленія воспитанниками уроковъ. Воспитанники встали, Баумгартенъ велѣлъ имъ садиться и обходитъ ихъ, выискивая случай что-нибудь замѣтить, чтобы пуститься въ разсужденія. Дежурный воспитатель — Лейхтъ, молча идетъ за нимъ. Воспитанники уставили глаза свои въ книги, кажется, все въ порядкѣ; но Баумгартенъ не можетъ обойтись безъ разговора, онъ останавливается между столами и начинаетъ: «Вы, господа, занимаетесь? (молчаніе). Но что это за занятія? Каждый изъ васъ сидитъ и читаетъ про себя. Это не занятія, надо, чтобы одинъ читалъ другому и объяснялъ ему, тогда только каждый пойметъ то, что ему не понятно»... На эту тему Баумгартенъ продолжалъ говорить, наконецъ, пошелъ въ спальню. Здѣсь онъ видитъ, что двое воспитанниковъ занимаются у столика около кровати, онъ подходитъ къ нимъ. «Вы что здѣсь дѣлаете?»—Занимаемся. «Какъ же вы занимаетесь?» Я, говоритъ одинъ изъ нихъ, объясняю ему по математикѣ. «Да, это значитъ, что одинъ читаетъ, а другой ничего не дѣлаетъ. Такъ нельзя заниматься. Надо, чтобы каждый изъ васъ занимался отдѣльно и самостоятельно приготовлялъ урокъ. Разойдитесь въ разныя

мѣста и занимайтесь отдѣльно». Хотя тотъ же воспитатель находился при этомъ, но Баумгартенъ нисколько не стыдился говорить при немъ такимъ образомъ, потому, что онъ говорилъ, не сознавая, что противорѣчитъ себѣ же, даже забывъ то, что говорилъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ другимъ юношамъ. Вотъ какому человѣку поручено было преобразовать заведеніе!

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію моей двухлѣтней службы въ 1-й военной гимназіи, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о значеніи преобразованія прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. Была ли необходимость преобразовывать кадетскіе корпуса? На этотъ вопросъ можно отвѣчать только утвердительно. Прежніе корпуса отжили свой вѣкъ и настоятельно требовали обновленія отчасти въ учебномъ дѣлѣ, но главнымъ образомъ въ воспитательномъ отношеніи; да въ нихъ, строго говоря, и не было воспитанія, въ смыслѣ воздѣйствія приставленныхъ для этой цѣли лицъ на развитіе нравственныхъ силъ дѣтей. Воспитывала наука и сама дѣтская среда. Наука, дѣлая дѣтей и юношей умнѣе (развивая умственно), вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала ихъ и лучше. Вліяніе товарищеской среды могло быть лучше или хуже, потому, каковы были традиціи этой среды; но каково бы ни было это вліяніе, оно не могло быть даже удовлетворительнымъ, такъ какъ всегда масса была угнетена кулаками болѣе сильныхъ и наглыхъ товарищей и должна была служить интересамъ ихъ, несмотря на то, что интересы эти нерѣдко противорѣчили нравственному чувству отдѣльныхъ личностей. Воспитывала дѣтей отчасти и военная дисциплина, въ смыслѣ пріученія ихъ сдерживать свои порывы, а черезъ это въ нихъ отчасти развивались самообладаніе, воля, и это составляло лучшую сторону воспитанія прежнихъ корпусовъ. Но, съ другой стороны, военная дисциплина, сдерживая однимъ только страхомъ проявленіе дурныхъ наклонностей дѣтей, сдерживала ихъ только въ данное время, а не искореняла ихъ, и потому кадетъ, казавшійся въ глазахъ старшихъ вполнѣ нравственнымъ, за глазами ихъ, съ удаленіемъ страха наказанія, проявлялъ эти наклонности тѣмъ съ бо́льшей силой. Вотъ почему нерѣдко прекрасные кадеты, собравшись гдѣ-нибудь въ отпуску, зная, что ихъ не видятъ, дѣлали отчаянныя выходки, которыя, если случайно доходили до ушей начальства, то заставляли послѣднихъ въ недоумѣніи разводить руками и повторять вѣчно одну и ту же фразу: «признаюсь, отъ этого воспитанника не ожидалъ, готовъ былъ голову прозакладывать, что онъ на это не способенъ». Но до начальства весьма рѣдко доходили проступки кадетъ, совершенные за его глазами, потому что, при отсутствіи нравственной связи между начальствующими лицами и кадетами, сами кадеты составляли твердую замкнутую среду, почти всегда враждебную начальству. Жизнь этой среды проявлялась, хотя нерѣдко, уродливо,

но тѣмъ съ большей энергіей, что она подавлялась военной дисциплиной въ присутствіи старшихъ. Дѣти оберегали и защищали самостоятельность своей жизни, которая и могла проявляться только за глазами старшихъ, и начальство вполнѣ сознавало, что воспитанники за ихъ глазами живутъ не такъ, какъ на глазахъ, и что только заглазная жизнь, въ которой проявляются настоящія нравственныя качества воспитанниковъ, могла бы дать имъ правильное понятіе о ихъ характерѣ и душевныхъ свойствахъ. Вотъ почему эта послѣдняя жизнь воспитанниковъ особенно интересовала начальствующихъ лицъ, которыя, стараясь проникнуть въ нее, искали себѣ союзниковъ въ слабо-характерныхъ или въ совершенно нравственно-испорченныхъ дѣтяхъ, создавая себѣ изъ нихъ шпіоновъ, всячески поддерживая и поощряя ихъ къ исполненію этой роли. Такой образъ дѣйствія начальствующихъ лицъ вносилъ въ среду кадетъ еще бо̀льшую нравственную порчу, развращая тѣхъ, которые поддавались увѣщаніямъ принимать на себя эту роль, и разрушая добрыя товарищескія отношенія, вызывая кадетскій самосудъ, нерѣдко переходившій въ жестокое преслѣдованіе шпіоновъ. Узнаваніе жизни кадетъ черезъ шпіоновъ было такимъ обычнымъ явленіемъ въ то время, что даже лучшіе люди, каковымъ былъ, напр., А. П. Выходцевскій [1]), которые и въ настоящее время могли бы считаться лучшими воспитателями, къ сожалѣнію, также выразились общимъ взглядомъ.

Составляя свой тѣсно сплоченный кружокъ, почти всегда враждебный начальству (исключенія бывали рѣдко и то только въ младшихъ ротахъ), кружокъ этотъ имѣлъ свои убѣжденія и взглядъ на вещи, нерѣдко совершенно противорѣчившіе взглядамъ нравственно развитаго человѣка. Такъ, напр., наживаться на счетъ солдата и казеннаго имущества, по понятіямъ кадетскаго кружка, считалось дѣломъ не только не безчестнымъ, но даже должнымъ. Въ разговорахъ между собою кадеты высчитывали, сколько доходовъ должны имѣть начальники, начиная отъ ротнаго и до полковаго командира включительно. Такіе разговоры пріучали будущихъ командировъ съ ранней юности смотрѣть на казнокрадство совершенно съ спокойной совѣстью, какъ на обыкновенное дѣло, связанное съ службою. Вотъ чѣмъ объясняется такое большое число случаевъ воровства, какое обнаружено было въ послѣднюю войну Крымскую. Многія изъ лицъ, преданныхъ за это суду, были воспитанники прежнихъ корпусовъ. Въ кадетскій кружокъ, убѣжденія котораго сложились еще въ старое время, почти не проникало освѣжающаго внѣшняго вліянія, такъ какъ только вліянія можно и

---

[1]) См II-й отдѣлъ моихъ записокъ: «1-й кадетскій корпусъ».

должно было ожидать отъ воспитателей, а ихъ-то, въ истинномъ значеніи этого слова, и не было.

Такова была внутренняя жизнь кадетъ. Если прибавить къ этому тотъ вредный въ нравственномъ отношеніи элементъ, который вносилъ въ среду маленькихъ кадетъ ближайшій ихъ руководитель и начальникъ,—унтеръ-офицеръ (объ этомъ вліяніи я высказалъ подробно въ описаніи моего воспитанія въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ), то будетъ ясно, какъ необходимо было измѣнить воспитательныя условія кадетъ, чтобы дать государству людей, обновленныхъ правильнымъ нравственнымъ воспитаніемъ.

Самыя условія жизни кадетъ прежнихъ корпусовъ были также неестественны. Воспитаніе происходило въ массѣ (въ одномъ корпусѣ было 600 и даже 1.000 человѣкъ), индивидуальныя особенности личности вовсе не принимались въ соображеніе; мало того, не принимался въ разсчетъ даже возрастъ кадетъ: и десятилѣтнее дитя, и юноша 20—21 лѣтній, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ожидалъ офицерскій чинъ, находились подъ однимъ и тѣмъ же режимомъ: тотъ и другой (если онъ не получилъ особаго права) ходили въ отпускъ только съ провожатымъ, тотъ и другой не смѣли выйти безъ спроса по своей нуждѣ, изъ той комнаты, куда ихъ привелъ дежурный офицеръ; оба получали одинаковый столъ, одинаковой величины порціи, носили одинаковыя курточки. Словомъ, девять или десять лѣтъ, проведенныя кадетомъ въ корпусѣ, онъ оставался въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, какъ въ первый день поступленія своего въ корпусъ, такъ и въ послѣдній день передъ выпускомъ въ офицеры [1]), по этому-то нерѣдко молодые офицеры во многихъ отношеніяхъ оставались дѣтьми, и только дальнѣйшая служба измѣнила взгляды и убѣжденія этихъ дѣтей.

Такъ какъ все воспитаніе кадетъ основано было на одномъ только страхѣ, то дѣлается понятнымъ, почему прежніе корпуса стали быстро распадаться, какъ только духъ времени конца пятидесятыхъ и начала 60-хъ годовъ заставилъ уменьшить строгость наказаній и нѣсколько ослабить военную дисциплину корпусовъ. Все воспитаніе, основанное на одномъ страхѣ, оказалось никуда негоднымъ, какъ только наказанія стали слабѣе и черезъ то уменьшился страхъ. Все зданіе, такъ долго сдерживаемое въ порядкѣ и казавшееся такимъ прочнымъ, оказалось расшатаннымъ въ

[1]) Не лишнимъ считаю прибавить, что какъ маленькіе воспитанники пѣли дискантомъ, такъ и старшіе пѣли густымъ басомъ одну и ту же молитву за своихъ начальниковъ:

„Спаси, Господи, начальниковъ, наставниковъ, учителей и всѣхъ пекущихся о насъ“.

Отъ маленькихъ это было пріятно слышать, но отъ большихъ, нерѣдко враждебно относившихся къ своимъ начальникамъ,—такая молитва звучала скажемъ,—диссонансомъ.

самомъ основаніи своемъ; распущенность корпусовъ и деморализація кадетъ, особенно тѣхъ корпусовъ, гдѣ не существовало хорошихъ традицій, сдѣлались тогда для всѣхъ явленіемъ очевиднымъ. Требовалось принять какія-нибудь радикальныя мѣры, для приведенія ихъ въ порядокъ. По сознанію всѣхъ понимавшихъ дѣло, одно только введеніе правильнаго воспитанія въ корпусахъ могло возстановить эти заведенія.

И такъ, главные недостатки прежнихъ кадетскихъ корпусовъ состояли въ слѣдующемъ:

1) неумѣстность совмѣстнаго воспитанія дѣтей съ юношами, готовившимися вступить въ жизнь.

2) неумѣстность въ дѣтскомъ возрастѣ военной дисциплины, замѣнявшей правильное воспитаніе.

3) большое число воспитанниковъ, собранныхъ въ одномъ заведеніи, вслѣдствіе чего воспитаніе массы было единственною заботою руководителей, а единичнымъ воспитаніемъ совершенно пренебрегалось. Къ этому можно прибавить еще

4) почти отсутствіе понимавшихъ дѣло воспитателей, такъ какъ дежурные офицеры и ротные командиры по большей части не имѣли понятія о правильномъ воспитаніи и передавали его въ руки унтеръ-офицеровъ, еще менѣе ихъ способныхъ понимать и вести это дѣло, требующее серьезной подготовки.

Вотъ на какія стороны слѣдовало обратить вниманіе при преобразованіи кадетскихъ корпусовъ. Ни одна изъ этихъ сторонъ не ускользнула отъ вниманія коммиссіи, на которую возложено было выработать проектъ преобразованія военно-учебныхъ заведеній. Въ теоретическомъ отношеніи преобразованіе было ведено совершенно правильно: было признано необходимымъ отдѣлить спеціальные классы въ особыя заведенія—военныя училища, которымъ предположено придать болѣе строгую военную организацію, а общіе классы отдѣлить въ военныя гимназіи, въ которыхъ вмѣсто военной дисциплины рѣшено было ввести правильное воспитаніе подъ руководствомъ особыхъ воспитателей, безъ всякаго участія унтеръ-офицеровъ. Комплектъ военныхъ гимназій считалось необходимымъ никакъ не доводить выше 300, если можно, то и меньше, раздѣлить это число на болѣе мелкія части, для каждаго воспитателя около 25 человѣкъ. Отношеніе между директоромъ заведенія и воспитателями также было въ принципѣ совершенно измѣнено: было признано, что директоръ военной гимназіи только старшій воспитатель, дающій совѣты младшимъ и направляющій ихъ дѣятельность къ одной опредѣленной цѣли.

Подъ вліяніемъ такихъ гуманныхъ взглядовъ, имѣлось въ виду приступить къ преобразованію кадетскихъ корпусовъ. Къ великому несчастью для самихъ корпусовъ, для русскихъ дѣтей и юношей и для

родителей ихъ, исполненіе преобразованія было поручено генералу Исакову, не только не имѣвшему понятія о томъ дѣлѣ, за которое онъ брался, но и не любившему заниматься и потому даже не вникнувшему въ это дѣло, но за то относившемуся къ прежнимъ корпусамъ съ какимъ-то непонятнымъ враждебнымъ чувствомъ. Все прежнее Исаковъ попиралъ самымъ неуважительнымъ, безпощаднымъ образомъ. Это враждебное чувство Исакова было тотчасъ подхвачено Баумгартеномъ, который полагалъ, что онъ вноситъ новый духъ въ заведеніе, уничтожая и попирая все, что только носило какіе-нибудь слѣды прежнихъ корпусовъ, какъ бы хорошо оно ни было. Впрочемъ, и въ другихъ заведеніяхъ также была ломка, а не преобразованіе.

Замѣчу еще, что не успѣли окончить начатое преобразованіе корпусовъ, какъ уже начали нарушать нѣкоторые изъ тѣхъ принциповъ, которые были выставлены и приняты въ началѣ: единичное воспитаніе не могло правильно установиться, такъ какъ заведенія еще не привели своего комплекта къ нормальному трехсотенному, какъ уже должны были увеличивать его до 400, а въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ до 500. Правда, заведенія разбивались на возрасты по 100 человѣкъ въ каждомъ, но и 100 человѣкъ вмѣстѣ трудно воспитывать, тѣмъ болѣе, что во многихъ заведеніяхъ каждая сотня не была должнымъ образомъ отдѣлена отъ остальной массы. Въ первое время лучшіе воспитатели посвящали бо̀льшую часть своего времени своимъ питомцамъ и такимъ путемъ могли еще отдѣлять своихъ 25 человѣкъ отъ остальной массы и, вникая въ индивидуальныя свойства ихъ характера, воспитывать сообразно съ этими свойствами; но это продолжалось не долго, такъ какъ принципъ, по которому предполагалось, что директоръ былъ только старшимъ воспитателемъ, остался только на бумагѣ, а на дѣлѣ отношеніе его къ воспитателямъ было чисто-формальное. Убѣдившись въ этомъ, лучшіе воспитатели стали быстро уходить прочь, воспитательныя силы заведеній стали падать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единичное воспитаніе стало снова замѣняться воспитаніемъ массы. Черезъ какіе-нибудь два—три года, изъ всей хорошо задуманной системы воспитанія въ военныхъ гимназіяхъ осталось только одно существенное измѣненіе противъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ (кромѣ отдѣленія спеціальныхъ классовъ): воспитанниковъ окружаютъ (вообще говоря), лица, болѣе образованныя, нежели прежніе дежурные офицеры (замѣтить не лишне, что прежніе офицеры получали содержаніе 300 р., а воспитатели 1.200 р.). Безъ сомнѣнія, это—очень важное измѣненіе, имѣвшее огромное значеніе въ воспитательномъ отношеніи, но только оно совершенно не соотвѣтствуетъ тому шуму, который приданъ былъ вначалѣ всему дѣлу преобразованія кадетскихъ корпусовъ, ужъ не говоря о той безпощадной ломкѣ, которую я лишь слабо изобразилъ въ преды-

дущей главѣ моихъ записокъ, и при которой не щадили даже дѣтей, такъ что служащіе остроумно и справедливо назвали это время «избіеніемъ младенцевъ».

Первое дѣло генерала Баумгартена состояло въ томъ, чтобы перестроить самое зданіе, сообразно требованіямъ новыхъ воспитательныхъ условій. Взявъ планы зданія, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись и не понимая строительнаго дѣла, Баумгартенъ отмѣтилъ, гдѣ ломать стѣны, гдѣ строить новыя. Архитекторъ составилъ смѣту, согласно указаннымъ перестройкамъ; оказалось, что затѣя Баумгартена обходилась до 40 тысячъ. Пошло представленіе въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, и ген. Исаковъ разрѣшилъ расходъ. Началась ломка. Четырехъэтажное зданіе стали растатывать: капитальныя стѣны, даже перваго этажа, стали пробивать во всѣхъ направленіяхъ, не оставили въ покоѣ даже своды. При перестройкахъ оказалось, что въ пробиваемыхъ капитальныхъ стѣнахъ шли дымовые ходы, которые пришлось переустраивать, пробивать новые ходы въ капитальныхъ стѣнахъ. По окончаніи перестройки оказалось, что зданіе, въ которомъ когда-то безъ тѣсноты помѣщалось 1.000 человѣкъ воспитанниковъ дворянскаго полка, стало тѣсно для 350-ти. Всѣ стали жаловаться на неудобства помѣщенія, Баумгартенъ же пренаивно сказалъ: «ну, что же, сразу не сообразить, какъ лучше, на будущій годъ мы все передѣлаемъ» и составилъ новый проектъ, который потребовалъ новыхъ 25 тысячъ, затѣмъ постоянно все передѣлывалось, такъ что когда я, черезъ три года послѣ выхода своего изъ 1-й воен. гимназіи, заѣхалъ въ это заведеніе, то Баумгартенъ съ первымъ же вопросомъ обратился ко мнѣ: «хотите посмотрѣть мое зданіе? вы его не узнаете». И точно, все было перестроено на новый ладъ.

При этомъ переустройствѣ, всѣ памятники корпусовъ были заброшены: мраморныя доски съ именами первыхъ выпущенныхъ изъ корпуса воспитанниковъ были оставлены въ складѣ (впрочемъ, воспитанники этимъ и не дорожили, такъ какъ доски принадлежали не 1-му, а Павловскому корпусу), точно также бюстъ великаго князя Михаила Павловича, съ извѣстнымъ сердечнымъ его «прощаніемъ съ моими дѣтьми», былъ заброшенъ въ манежѣ вмѣстѣ съ различнымъ хламомъ.

Порѣшивъ у себя въ кабинетѣ вопросъ о перестройкѣ зданія, Баумгартенъ занялся выборомъ воспитателей. Всѣхъ прежнихъ дежурныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ Баумгартенъ удалилъ изъ заведенія, несмотря на то, что между ними находились достойные люди, которые и были рекоменцованы ему. Одного отличнаго, образованнаго офицера, о которомъ со всѣхъ сторонъ Баумгартенъ слышалъ прекрасные отзывы, онъ призвалъ къ себѣ и сказалъ ему: «хотя васъ мнѣ особенно реко-

мендуютъ, но я не могу васъ оставить, такъ какъ я удаляю всѣхъ прежнихъ офицеровъ». Между тѣмъ когда вновь набранные воспитатели явились въ гимназію, то оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ были и по уму, и по образованію, и по своему воспитанію несравненно ниже нѣкоторыхъ прежнихъ офицеровъ; но Баумгартенъ не любилъ входить въ оцѣнку лицъ, дѣлая все сплеча. По настоянію, кажется, главнаго начальника, онъ однако снова принялъ къ себѣ на службу воспитателемъ бывшаго ротнаго командира—Козлова, обремененаго 7 или 8-ю малолѣтними дѣтьми, и далъ ему возможность дослужить послѣдніе годы до пенсіи.

Точно также безцеремонно Баумгартенъ готовъ былъ поступить и съ учителями, но при этомъ даже Исаковъ, ни во что не входившій, посовѣтовалъ ему удержать хорошихъ учителей. Исполняя въ это время должность инспектора классовъ, я по просьбѣ его долженъ былъ дать свой отзывъ объ учителяхъ и увидѣлъ, что Баумгартенъ хотя никого не зналъ, склоненъ удалить едва-ли не всѣхъ поголовно. Я долженъ былъ ихъ отстаивать. Интересно, что мнѣ съ большимъ трудомъ удалось отстоять Порфирія Никитича Бѣлоху, учителя географіи, только-что издавшаго тогда для того времени очень хорошіе учебники. Баумгартенъ, наконецъ, согласился оставить его преподавателемъ, хотя съ видимымъ неудовольствіемъ. Это было въ іюнѣ, а въ августѣ Исаковъ назначилъ Бѣлоху инспекторомъ классовъ въ 1-ю военную гимназію, и Бѣлоха совершенно взялъ въ руки бездарнаго и безхарактернаго Баумгартена.

Точно также принялся Баумгартенъ за порядки заведенія: онъ уничтожилъ хоръ пѣвчихъ и обычай пѣть молитву утромъ, вечеромъ, до и послѣ обѣда. На слѣдующій годъ то и другое было рекомендовано ему генераломъ Исаковымъ, какъ нѣчто новое и прекрасное, и потому снова введено, но уничтожать было легче, нежели создавать: пришлось формировать новый хоръ почти цѣлый годъ.

Всѣ бывшія свѣдѣнія о воспитанникахъ, какъ-то: характеристика ихъ, проступки, взысканія, баллы за поведеніе и т. п., записанныя въ аттестаціонныхъ тетрадяхъ ихъ, Баумгартенъ велѣлъ сложить въ канцеляріи и не выдавать воспитателямъ, говоря: «вы, господа, получили однихъ только прекрасныхъ дѣтей», забывая, что воспитывающій долженъ по возможности знать все, что было съ ребенкомъ до поступленія его къ нему. Всѣ ходили въ потемкахъ, не зная своихъ воспитанниковъ, а когда черезъ полгода воспитатели получили аттестаціонныя тетради, то оказалось, что въ нихъ большая часть воспитанниковъ была отлично охарактеризована и что знакомство съ предыдущей жизнью каждаго могло бы только облегчить трудъ воспитателей, на

что̀ и было впослѣдствіи указываемо Баумгартеномъ, какъ-бы на имъ самимъ открытую истину [1]).

Точно также имъ было пренебрежено опрятностью дѣтей и ихъ помѣщеній: все это признавалось мелочью, ниже его педагогическихъ принциповъ. Въ октябрѣ пріѣхалъ въ новую гимназію государь императоръ (Александръ II) и удивился отсутствію той чистоты и опрятности, которыя онъ привыкъ видѣть въ корпусахъ. Государь указалъ на это Баумгартену, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Развѣ ты не зналъ, что они должны быть чисты, опрятны и выстрижены такъ же, какъ это было прежде?» Онъ уѣхалъ недовольный, что̀ и высказалъ встрѣтившемуся ему на улицѣ военному министру Д. А. Милютину. Милютинъ на другой день посѣтилъ гимназію, велѣлъ всѣхъ выстричь и вычистить и сказалъ, что онъ просилъ императора посѣтить заведеніе еще разъ, чтобы успокоить воспитанниковъ и служащихъ, огорченныхъ его неудовольствіемъ, и что государь обѣщалъ снова пріѣхать на недѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ и остался доволенъ [2]).

---

[1]) Въ то время, какъ во вновь преобразованныхъ военныхъ гимназіяхъ проводились взгляды, что всѣ воспитанники только отличныя дѣти, въ военныхъ училищахъ проводился совершенно противоположный взглядъ: тамъ смотрѣли на только-что переведенныхъ къ нимъ этихъ дѣтей такими суровыми глазами, что въ Константиновскомъ училищѣ лучшій изъ переведенныхъ изъ 1-го корпуса кадетъ, спустя мѣсяцъ послѣ перевода,—застрѣлился, оставивъ такую записку: „лишаю себя жизни изъ-за подлости начальства“. Точный смыслъ этой фразы мнѣ—не знавшему хорошо это училище—непонятенъ.

[2]) Надо замѣтить, что военныя гимназіи первое время, въ противоположность калетскимъ корпусамъ, стали даже щеголять неряшливостью. Такъ, напр., 2-ю петербургскую военную гимназію инспектировалъ въ 1865 году генералъ Сутговъ: когда онъ замѣтилъ, что одежда у воспитанниковъ не въ порядкѣ, то Да—чъ спокойно отвѣтилъ ему: это мы васъ встрѣтили въ парадѣ, а не угодно-ли вашему превосходительству посмотрѣть, въ чемъ мы ходимъ ежедневно, и приказалъ показать классную курточку одного изъ воспитанниковъ. Сутговъ, брюзга, взялъ курточку двумя пальчиками, разложилъ ее на кровати, надѣлъ свое пенсне и, отойдя на нѣсколько шаговъ, долго любовался ею, наконецъ, сказалъ: „да это мозаичная работа!“. Спокойный видъ Да—ча не выдалъ его злораднаго настроенія: это вы-де старые генералы, занимаетесь такими мелочами, какъ одежда, а у насъ-де высшія задачи воспитанія.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ государь посѣтилъ 2-ю петербургскую военную гимназію, нашелъ все грязно, неряшливо, воспитанники не умѣли даже прилично стоять передъ нимъ; государь уѣхалъ и сказалъ Милютину слѣдующее: „Можетъ быть, то, что я нашелъ, такъ и должно быть, но только я больше туда не поѣду!“

Въ засѣданіяхъ своего педагогическаго комитета Да—чъ всегда гово-

Началъ Баумгартенъ воспитаніе съ того, что предложилъ воспитателямъ составить таблицу наказаній воспитанниковъ за различные проступки. Воспитатели указывали, что неудобно воспитывать по таблицѣ, но упрямый Баумгартенъ, несмотря на вѣскіе доводы воспитателей, настаивалъ на своемъ; когда же, послѣ ежедневной работы цѣлой недѣли, таблица была составлена, Баумгартенъ заявляетъ уже отъ себя, что неудобно воспитывать по таблицѣ, и уничтожилъ ее.

Во время ежедневныхъ, а потомъ еженедѣльныхъ комитетовъ воспитателей, Баумгартенъ постоянно повторялъ воспитателямъ: «чтобы не были палки, не пугайте воспитанниковъ наказаніями, не наказывайте ихъ» и т. п., а уже съ октября мѣсяца онъ ввелъ розги, примѣняя довольно часто, при чемъ при каждомъ, назначенномъ имъ наказаніи, вынималъ изъ кармана списокъ и отмѣчалъ человѣкъ 16 или 20, которыхъ и приказывалъ воспитателямъ привести смотрѣть на это зрѣлище, чтобы поучаться. Когда я однажды напомнилъ ему въ комитетѣ принципъ не воспитывать изъ-подъ палки, то онъ отвѣтилъ: «отъ этого мы ужъ давно отказались».

Я могъ бы привести множество и другихъ примѣровъ, въ которыхъ выражалось желаніе Баумгартена уничтожать все старое, а также доказывающихъ шаткость его убѣжденій. Воспитатели часто не знали, что дѣлать. Тѣхъ воспитателей, которыхъ онъ вначалѣ цѣнилъ вскорѣ, за твердость ихъ убѣжденій, призналъ негодными и сталъ выживать; въ короткое время лучшіе воспитатели стали выходить изъ заведенія, тѣмъ болѣе, что этому много способствовалъ П. Н. Бѣлоха.

П. Н. Бѣлоха, человѣкъ умный, имѣлъ, однако, слабость признавать свой авторитетъ выше всего и постоянно боялся, чтобы кто-нибудь не подорвалъ его авторитетъ. Ко мнѣ онъ сразу всталъ въ отношенія холодныя только потому, что, исправляя предшествующій годъ должность инспектора классовъ, мнѣ пришлось два раза вводить его въ классъ, изъ котораго его воспитанники выгоняли; такого, какъ ему казалось, униженія, онъ не могъ простить мнѣ, свидѣтелю. Онъ не могъ выносить противорѣчій своимъ мнѣніямъ, которыя высказывались лучшими воспитателями въ нашихъ еженедѣльныхъ комитетахъ; всѣхъ такихъ воспитателей Бѣлоха считалъ какъ-бы врагами своими и, пользуясь слабохарактерностью Баумгартена, постоянно нашептывалъ ему о непригодности того или другаго воспитателя, который былъ ему

рилъ воспитателямъ: „намъ некогда заниматься чистотой заведенія, конечно, въ этомъ отношеніи мы отстали отъ бывшихъ корпусовъ, но это такая мелочь, что если отъ насъ потребуютъ, то мы въ одну недѣлю придемъ въ прежній порядокъ“. Когда послѣ этого посѣщенія государя, отъ Да—ча потребовали этого порядка, то онъ уже вовсе не могъ его достигнуть и послѣ этого пересталъ говорить о томъ, какіе все это пустяки и мелочи.

не понутру. Баумгартенъ очень скоро усвоивалъ себѣ взглядъ Бѣлохи на воспитателя, быстро мѣняя о немъ свое мнѣніе и къ концу учебнаго года Бѣлоха, подготовивъ такимъ образомъ почву, напускалъ Баумгартена на этого воспитателя, оставаясь самъ въ сторонѣ. Воспитателю или отказывали отъ мѣста, или прилично спускали его, выхлопотавъ ему назначеніе на такое мѣсто, которое затѣмъ вскорѣ упразднялось, и онъ оставался за штатомъ. Ниже я укажу, какіе воспитатели были такимъ образомъ удалены.

Баумгартена Бѣлоха съумѣлъ расположить къ себѣ, по наружности исполняя только его приказанія, какъ-бы подчиняясь ему совершенно; въ особенности Бѣлоху полюбилъ Баумгартенъ за его, какъ ему казалось, высокія литературныя способности, выразившіяся при слѣдующемъ случаѣ. Баумгартенъ былъ честолюбивъ (лучше сказать, суетенъ), ему казалось обиднымъ, почему протоколы педагогическихъ комитетовъ его заведенія не печатаются въ «Педагогическомъ Сборникѣ» въ то время, когда протоколы сосѣдней ему 2-й военной гимназіи печатались часто. Съ должностью помощника инспектора классовъ была связана должность секретаря педагогическихъ комитетовъ, и однажды Баумгартенъ обратился ко мнѣ: «почему наши протоколы не печатаютъ?». Я отвѣчалъ, что, вѣроятно, вопросы, подымаемые у насъ, представляютъ мало общаго интереса. «Нѣтъ, вы составьте такой протоколъ, чтобы его напечатали». Я составилъ протоколъ почти стенографически, но отказался сочинять ихъ, тогда за это взялся Бѣлоха. Онъ, дѣйствительно, сочинилъ протоколъ, въ которомъ сочинилъ вопросы, сочинилъ дебаты на нихъ; одни члены комитета высказались въ пользу такого-то мнѣнія, другіе возражали то-то и то-то, и протоколъ вышелъ настолько интересенъ, что былъ напечатанъ въ № VIII «Педагогическаго Сборника» за 1866 годъ, съ помѣткою въ началѣ: «директоръ гимназіи генералъ-маіоръ Е. К. Баумгартенъ» [1]). Баумгартенъ долго веселый ходилъ по заведенію и сталъ съ особымъ уваженіемъ смотрѣть на Бѣлоху. Когда впослѣдствіи стали изъ главнаго управленія требовать обширные отчеты отъ гимназіи по учебной и воспитательной части, то отчеты эти, по просьбѣ Баумгартена, всегда составлялъ Бѣлоха, запершись на цѣлую недѣлю на своей квартирѣ и выдумывая по своему усмотрѣнію, лишь бы вышло гладко, а Баумгартенъ за него

---

[1]) Въ протоколѣ этомъ выставлено три вопроса, которые какъ-будто обсуждалъ комитетъ въ засѣданіи: 1) О точнѣйшемъ опредѣленіи содѣйствія воспитателей успѣху учебныхъ занятій воспитанниковъ; 2) раздѣленіе классовъ на параллельныя отдѣленія; 3) размѣщеніе воспитаниковъ гимназіи.

Ни одинъ изъ этихъ вопросовъ даже не былъ предложенъ комитету. По написаніи сочиненнаго протокола, его обнесли для подписи учителей, во время уроковъ, и каждый, не читая, подписалъ его.

ходилъ по классамъ, никому не позволяя въ это время безпокоить Бѣлоху.

Въ отношеніи учебнаго дѣла Баумгартенъ совершенно былъ сбитъ съ толку введенными въ то время новыми пріемами преподаванія. Этимъ же, хотя и въ болѣе умѣренной степени, страдалъ и Бѣлоха. Побывавъ во 2-й петербургской военной гимназіи на урокахъ нѣкоторыхъ новыхъ педагоговъ въ младшихъ классахъ, Баумгартенъ вообразилъ себѣ, что онъ проникся духомъ инаго взгляда на учебное дѣло и, являясь на уроки въ своемъ заведеніи, сталъ рѣшительно мѣшать дѣлу преподаванія. Придетъ, напр., къ учителю русскаго языка, посѣдитъ минуты двѣ-три и затѣмъ давай вмѣшиваться въ преподаваніе: самъ начинаетъ предлагать вопросы, часто совершенно ни къ селу, ни къ городу, самъ отвѣчаетъ, все перепутаетъ, а учитель остается постороннимъ зрителемъ. Однажды онъ пришелъ на урокъ русскаго языка къ учителю Н. Л. Ломану; идетъ диктовка. Кажется, нечего ему тутъ вмѣшиваться, нѣтъ, услыхалъ онъ слово «мѣдный»; тотчасъ принялся за роль учителя. «А какъ пишется слово «мѣдный»? Ученики отвѣчаютъ: черезъ *ѣ*. Онъ обращается къ одному: «почему черезъ *ѣ*?» Ученикъ молчитъ. «Кто знаетъ?» — всѣ молчатъ. «Оттого, поучаетъ Баумгартенъ, что не говорятъ мёдный, а мѣдный». Одинъ ученикъ встаетъ: «ваше превосходительство, вѣдь не говорятъ дёрево, а здѣсь не пишется *ѣ*». Баумгартенъ быстро обращается къ учителю: «а что они у васъ не шалятъ?» Нѣтъ, не шалятъ. «То-то, вѣдь они большіе шалуны», и скорѣе уходитъ.

Учитель математики, А. Ѳ. Фроловъ, очень добросовѣстно готовился къ своимъ урокамъ, составлялъ планъ урока, выбиралъ соотвѣтствующія задачи, но Баумгартенъ особенно любилъ посѣщать его уроки, и Фроловъ съ отчаяніемъ выходилъ изъ класса, говоря: «опять пропалъ урокъ, все перепуталъ мнѣ, переливая изъ пустаго въ порожнее, такъ что я сегодня ничего не сдѣлалъ».

Бѣлоха также любилъ соваться въ преподаваніе съ своими вопросами, но, какъ человѣкъ умный, не желая попасть въ просакъ, дѣлалъ это только на урокахъ географіи и исторіи, а на остальныхъ предметахъ сидѣлъ молча.

Преподаватели, видя такое требованіе начальства, стали вести дѣло преподаванія, постоянно прерывая сами себя и все только предлагая вопросы. Объяснять что-нибудь ученикамъ въ продолженіе даже пяти минутъ считалось полнымъ нарушеніемъ педагогическихъ требованій; точно также преслѣдовалось спрашиванье одного ученика. «Тревожьте постоянно весь классъ, не давайте ученикамъ покоя, всегда катехизація», вотъ что постоянно твердилось всѣмъ и каждому, по крайней мѣрѣ, въ 1-й военной гимназіи. Ухватившись за слово «катехизація»,

совали его каждому учителю на всякомъ шагу, злоупотребляя имъ до безобразія. Результаты такихъ требованій выразились самымъ очевиднымъ образомъ уже черезъ два года: ученики привыкли лишь къ отдѣльнымъ вопросамъ и не были въ состояніи связно изложить свою мысль: сказалъ слово или два и ждетъ вопроса. Присутствуя на экзаменахъ, я былъ просто пораженъ полнымъ неумѣньемъ воспитанниковъ выражать свои мысли. Пониженіе уровня умственнаго развитія военныхъ гимназистовъ первыхъ выпусковъ,—вотъ плоды такого способа преподаванія [1]). Не знаю, долго ли держалась эта система въ 1-й военной гимназіи, такъ какъ черезъ два года я перешелъ оттуда въ другое учебное заведеніе.

Въ отношеніи веденія хозяйства, Баумгартенъ былъ такъ же безалаберенъ, какъ и во всемъ остальномъ. Онъ, напр., задумалъ устроить подъемныя машины для доставки дровъ во всѣ этажи зданія. Машины въ числѣ двухъ существовали еще въ то время, когда зданіе принадлежало Дворянскому полку; онѣ состояли изъ четырехъ толстыхъ дубовыхъ мачтъ съ желѣзными зубчатыми полосами, по которымъ подымался на цѣпяхъ ящикъ съ дровами. Когда 1-й корпусъ перешелъ въ это зданіе, то машины оставались безъ употребленія, какъ говорили, потому, что однажды цѣпь оборвалась, ящикъ упалъ и убилъ подымавшаго его служителя. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, Баумгартенъ призвалъ какого-то механика и заказалъ ему новыя двѣ машины за 2.000 руб. и въ придачу отдалъ ему старыя дорогія машины. Механикъ поставилъ два тонкіе желѣзные стержня, между которыми долженъ былъ подыматься ящикъ на маленькихъ колесикахъ, а цѣпи замѣнилъ простой веревкой. Поставивъ такія машины, механикъ получилъ деньги, при чемъ машины даже не были испытаны. Когда вздумали примѣнить осенью машины для подъема дровъ, то оказалось, что стержни въ верхнихъ частяхъ расходились и ящикъ качался во всѣ стороны, грозя паденіемъ, къ тому же веревки при морозѣ (машины стояли на дворѣ) должны были разрываться. Такимъ образомъ бросили машины, ни разу не употребивъ ихъ.

Много подобныхъ заказовъ было сдѣлано Баумгартеномъ, окончившихся неудачей (классные шкафы, доски, машина для подъема пищи изъ кухни въ столовую и т. п.).

При преобразованіи корпуса въ военную гимназію, должность особаго

[1]) Интересно, что, толкуя постоянно о катехизаціи и поучая учителей на ихъ урокахъ своему методу, Баумгартенъ и Бѣлоха говорили вмѣстѣ съ тѣмъ, что только ихъ методомъ и можно достигнуть умственнаго развитія учениковъ. Результаты получились какъ разъ противоположные, чего, однако, они вовсе и не замѣчали. И другія военныя гимназіи вначалѣ чрезмѣрно увлекались тѣмъ же духомъ, хотя съ бо́льшимъ смысломъ.

казначея упразднялась, и бывшій казначей капитанъ Флоровъ, съѣздивъ послѣдній разъ за жалованьемъ служившихъ тогда въ корпусѣ лицъ, похитилъ это жалованье (около 5.000 руб.). Привезя деньги изъ казначейства, Флоровъ роздалъ жалованье Баумгартену и членамъ бывшаго въ это время въ канцеляріи корпуса хозяйственнаго комитета, а остальныя деньги не положилъ въ казенный ящикъ, какъ слѣдовало по закону, а унесъ къ себѣ домой. На другое утро Флоровъ заявилъ собравшимся за жалованьемъ лицамъ, что ночью у него украденъ былъ портфель съ деньгами, при чемъ пустой, разорванный портфель былъ найденъ въ саду. Въ тотъ же день я былъ по дѣлу у книгопродавца Я. А. Исакова, и въ разговорѣ съ нимъ между прочимъ разсказалъ объ этомъ происшествіи. Яковъ Алексѣевичъ спросилъ только: не Флоровъ ли казначей? Я говорю: да.—Ну такъ онъ самъ укралъ ваши деньги. Взявъ съ меня слово никому не говорить о томъ, что онъ мнѣ сообщитъ, онъ разсказалъ слѣдующее.

Въ концѣ 1863 г. онъ получилъ отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній увѣдомленія, что всѣ кадетскіе корпуса представятъ ему свои остаточныя суммы, на которыя онъ впослѣдствіи долженъ будетъ высылать книги и пособія [1]). Въ январѣ 1864 г. управленіе запросило Исакова, отъ какого заведенія и сколько онъ получилъ денегъ. Составивъ вѣдомость (сколько помню, до 70 тысячъ), онъ не помѣстилъ въ нее 1-го корпуса, отъ котораго ничего не получилъ. Черезъ недѣлю является къ нему Флоровъ и привозитъ залоги подрядчиковъ которые и проситъ принять временно вмѣсто денегъ (кажется, 6 тыс.) съ обязательствомъ обмѣнять ихъ на деньги въ самое короткое время Яковъ Алексѣевичъ говорилъ, что онъ сперва отказывался принять чужіе залоги, но послѣ усиленныхъ слезныхъ просьбъ Флорова согласился на это, взявъ съ него соотвѣтствующую росписку. Въ мартѣ Флоровъ выкупилъ часть залоговъ, а остальные залоги, прибавилъ Я. А. Исаковъ, онъ выкупилъ только вчера, и теперь я понимаю, на какія деньги! Не считая себя въ правѣ распространять сказанное мнѣ Я. А. по секрету, я тогда промолчалъ объ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ слѣдствіе окончилось и предстоялъ судъ. Тогда Баумгартенъ, опасаясь отвѣтить за то, что допустилъ казначея унести деньги изъ канцеляріи на домъ, приказалъ служащимъ росписаться въ полученіи жалованья. Флоровъ былъ спасенъ и поступилъ на службу въ полицію, а мы такъ и лишились третнаго жалованья. При этомъ

[1]) Это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы оставшіяся суммы не сдавать въ казначейство, какъ слѣдовало по только-что вышедшимъ тогда новымъ кассовымъ правиламъ, а по усмотрѣнію главнаго управленія, распорядиться ими впослѣдствіи. Мнѣ лично пришлось имѣть дѣло съ Я. А. Исаковымъ, по поводу этихъ денегъ спустя три года послѣ 1863 г., т. е. въ 1866 году.

былъ такой случай. Одинъ изъ оставшихся за штатомъ офицеровъ, Н. И. Тваневъ, заявилъ Баумгартену, что онъ не роспишется, пока ему не выдадутъ жалованье, за нимъ то же повторили еще двое или трое, говоря, что имъ и безъ того нечего ѣсть. Баумгартенъ разсердился и приказалъ написать всѣмъ имъ предписаніе очистить немедленно казенную квартиру (которую имъ было дозволено занимать цѣлый годъ) и сдать эти квартиры въ наемъ, полученныя же за нихъ деньги выдать имъ въ счетъ жалованья. Предписанія были уже заготовлены, но кто-то вразумилъ недальновиднаго Баумгартена, и онъ ихъ уничтожилъ, а деньги приказалъ имъ выдать изъ тѣхъ, которыя частію внесъ Флоровъ.

Приведу два случая изъ педагогической дѣятельности Баумгартена, хорошо характеризующіе его какъ педагога.

Однажды онъ входитъ въ столовую въ то время, когда обѣдали воспитанники младшаго возвраста (10—12 л.). Едва онъ вошелъ въ дверь, какъ ему попадаетъ въ лицо ломоть хлѣба, брошенный кѣмъ-то изъ шалости, но вѣроятно случайно попавшій въ него [1]). Баумгартенъ страшно вспылилъ, раскричался на воспитанниковъ, что за это онъ тотчасъ высѣчетъ, а потомъ выгонитъ изъ гимназіи, затѣмъ потребовалъ, чтобы бросившій хлѣбъ вышелъ. Разумѣется, дѣти, такъ напуганныя,—не выходятъ. Баумгартенъ настаиваетъ: «выходи, а не то я всѣхъ строго накажу». Никто не выходитъ. Баумгартенъ растерялся. Онъ велѣлъ воспитанникамъ построиться въ столовой и три раза медленно обошелъ всѣхъ, пристально смотря каждому въ глаза, надѣясь найти виновнаго. Всѣ смѣло смотрятъ въ глаза, никто не обнаруживаетъ признака смущенія. Что дѣлать? Помявшись на мѣстѣ, Баумгартенъ погрозилъ дѣтямъ пальцемъ, говоритъ: «шалуны» и съ тѣмъ уходитъ.

Въ 1867 г. въ «Педагогическомъ Сборникѣ» была помѣщена небольшая замѣтка директора Орловской-Бахтина военной гимназіи ген. Бушена объ отдаленной прогулкѣ воспитанниковъ этой гимназіи, которую предпринялъ самъ директоръ. Написана она была не дурно, указывалось на пользу подобныхъ прогулокъ въ педагогическомъ отношеніи. Эта книжка «Пед. Сборника» была получена Баумгартеномъ въ концѣ іюля, и едва онъ прочелъ замѣтку Бушена, какъ тотчасъ призналъ необходимымъ совершить такую же прогулку своимъ воспитанникамъ. Самому ему было однако трудно подняться, и онъ рѣшилъ отправить воспитанниковъ съ двумя воспитателями. Взявъ планъ Петер-

[1]) Объясняя этотъ поступокъ даже нечаянностью, нельзя не придти къ заключенію о плохомъ воспитаніи мальчиковъ, бросавшихъ за обѣдомъ ломти хлѣба, тѣмъ болѣе непростительномъ, что это случилось въ 1867 г. въ февралѣ, уже послѣ трехлѣтняго существованія гимназіи.

*

гофа и его окрестностей, Баумгартенъ отсчиталъ кругъ приблизительно въ 100 верстъ и, призвавъ воспитателей старшаго возраста, приказалъ въ тотъ же день вести своихъ воспитанниковъ (35 чел.) на прогулку по этому плану. Воспитатели говорятъ, что воспитанники къ этому не приготовлены, да и они сами не ознакомились съ той мѣстностью, куда надо идти. Баумгартенъ настаиваетъ; они идутъ къ воспитанникамъ и сообщаютъ имъ приказаніе директора. Воспитанники заявляютъ, что они не хотятъ идти на шесть дней, что они лучше останутся дома. Воспитатели сообщаютъ Баумгартену желаніе воспитанниковъ. Баумгартенъ разсердился, явился въ лагерь, приказалъ воспитанникамъ старшаго возраста построиться и сказалъ имъ, что они тотчасъ же выступаютъ на прогулку, а кто не желаетъ идти, тотъ не будетъ переведенъ въ военное училище, а будетъ исключенъ домой. Затѣмъ онъ выдалъ воспитанникамъ деньги на расходы, скомандовалъ: «направо, маршъ», и воспитанники отправились на прогулку. Воспитатели разсказывали мнѣ потомъ, что, вмѣсто всякаго удовольствія, прогулка эта была чистымъ наказаніемъ какъ для воспитанниковъ, такъ въ особенности для воспитателей. Воспитанники все время ворчали, просили воспитателей вернуться домой, безпрестанно останавливались и садились отдыхать, такъ что воспитателямъ пришлось какъ можно чаще останавливаться, покупать молоко и крупы и варить кашу, или картофель, словомъ, имъ удавалось успокаивать воспитанниковъ только ѣдой. Кое-какъ отошли отъ лагеря верстъ 15-ть, переночевали, а на другой день, по другой дорогѣ, вернулись домой. Въ это время Баумгартенъ уже на столько остылъ, что даже не разсердился на такое скорое возвращеніе воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтилъ возвращавшихся большею частію хромавшими и только удивлялся: «Какъ они такъ не привычны къ походамъ?»

Лучшими воспитателями въ 1-й военной гимназіи были слѣдующіе.

Степанъ Андреевичъ Лейхтъ. Окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, по выдержаніи установленныхъ испытаній, былъ учителемъ математики въ Дворянскомъ полку, а при преобразованіи поступилъ на должность воспитателя, вполнѣ отдавшись этому дѣлу. С. А. имѣлъ одинъ очень важный недостатокъ: онъ былъ вспыльчивъ, но вліяніе его на воспитанниковъ было такъ сильно, что они прощали ему его, несмотря на то, что въ горячности своей онъ иногда ихъ выбранитъ. Воспитанники до такой степени уважали его, видя его умственное надъ собою превосходство, что старались сами успокоить его, приходили къ нему съ повинной, и онъ, очень добрый по природѣ своей, скоро остывалъ; тогда все забывалось, онъ снова дѣлался ихъ другомъ, снова бесѣдовалъ съ ними, а бесѣды его воспитанники особенно любили. Баумгартенъ, считавшій себя необыкновенно умнымъ, и тотъ въ

первое время видимо признавалъ надъ собою умственное превосходство С. А. Лейхта; но самостоятельность мнѣній Лейхта не нравилась Е. К. Баумгартену, тѣмъ не менѣе онъ, по прошествіи перваго года, не рѣшился его спустить, сознавая его сильное и полезное вліяніе на воспитанниковъ, тѣмъ болѣе, что воспитанники Лейхта переходили въ старшій классъ и мѣнять на одинъ годъ воспитателя было неудобно. Въ теченіе втораго учебнаго года Баумгартенъ окончательно разошелся съ Лейхтомъ, постоянно дѣйствуя наперекоръ его взглядамъ, и положеніе Лейхта сдѣлалось до такой степени невыносимымъ, что онъ, не дождавшись конца учебнаго года, въ началѣ марта оставилъ своихъ воспитанниковъ и удалился изъ гимназіи, предпочитая остаться безъ всякаго мѣста. Въ это время, въ ожиданіи новыхъ военныхъ судовъ, по иниціативѣ Д. А. Милютина, открылось въ Петербургѣ общество для приготовленія военныхъ юристовъ, гдѣ искавшіе должности офицеры разбирали старыя уголовныя дѣла и представляли по нимъ защиту и обвиненіе. Лейхтъ случайно попалъ на засѣданіе этого общества, заинтересовался разборомъ дѣлъ и просилъ дать ему одно дѣло на разсмотрѣніе. Въ слѣдующемъ засѣданіи Лейхтъ представилъ такой обстоятельный разборъ этого дѣла, что Лохвицкій, Философовъ и др. юристы обратились къ нему съ вопросомъ: вѣроятно, вы окончили курсъ по юридическому факультету? Когда же они узнали, что онъ никогда даже не занимался юридическими науками, то предложили ему разобрать еще одно дѣло. Второе дѣло оказалось разобраннымъ столь же блестяще, и тогда-то Лейхту было предложено записаться кандидатомъ на штабъ-офицерскую должность для военныхъ судовъ. Послѣ этого Лейхтъ занялся изученіемъ законовъ и въ 1866 г., при открытіи судовъ, получилъ мѣсто при Петербургскомъ судѣ, потомъ былъ переведенъ въ Харьковъ и наконецъ сдѣланъ предсѣдателемъ Петербургскаго военно-окружнаго суда.

Платонъ Степановичъ Цытовичъ, окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, былъ учителемъ артиллеріи въ Новгородскомъ графа Аракчеева корпусѣ; при преобразованіи корпусовъ взялся за должность воспитателя и въ 1863 г. поступилъ во 2-ю военную гимназію, а въ 1864 г. перешелъ въ 1-ю военную гимназію, гдѣ принялъ самыхъ старыхъ и загрубѣлыхъ воспитанниковъ старшаго класса, но въ одинъ годъ измѣнилъ ихъ нравы до такой степени, что къ концу года ихъ нельзя было узнать. Бѣлохѣ Цытовичъ не понравился, такъ какъ не раболѣпствовалъ передъ нимъ, и потому черезъ годъ его спустили, съ просьбою передъ Исаковымъ дать ему какое-нибудь мѣсто. Исаковъ далъ ему, въ видѣ повышенія, должность начальника военно-начальной школы въ Смоленскѣ (бывшій батальонъ военныхъ кантонистовъ). Раньше чѣмъ черезъ годъ школу эту закрыли, и Цытовичъ остался за

штатомъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось получить черезъ годъ мѣсто инспектора классовъ военно-начальной школы въ Псковѣ, переименованной въ военную прогимназію. Лѣтъ черезъ пять Цытовичъ получилъ мѣсто начальника Петербургской военно-фельдшерской школы; но былъ здѣсь недолго: заслужилъ нерасположеніе главнаго военно-медицинскаго инспектора — Козлова, который постоянно жаловался на него, почему на инспекторскомъ смотру заведенія придрались къ тому, что воспитанники имѣли мало бѣлья (Цытовичъ по честности своей никогда не позволялъ себѣ воспользоваться ни одной казенной копѣйкой),—смѣнили его. Цытовичъ былъ назначенъ помощникомъ инспектора классовъ Павловскаго военнаго училища (съ 2.400 р. жалованье перешелъ на 1.200 р.). Впрочемъ, черезъ годъ онъ былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Симбирской военной гимназіи, а еще черезъ годъ,—директоромъ Омской военной гимназіи.

Федорченко окончилъ курсъ въ университетѣ по математическому факультету, былъ учителемъ въ Одесскомъ учебномъ округѣ, пожелалъ принять должность воспитателя изъ любви къ этому дѣлу, но не понравился Бѣлохѣ и Баумгартену, не любя угождать, и черезъ годъ былъ удаленъ изъ 1-й военной гимназіи. Онъ снова перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ впослѣдствіи получилъ мѣсто инспектора гимназіи, а потомъ, кажется, директора какой-то гимназіи на югѣ.

Александръ Яковлевичъ Гердъ, извѣстный педагогъ, былъ принятъ Баумгартеномъ съ большимъ трудомъ, потому, что рекомендованъ былъ ему Ѳ. Ѳ. Резенеромъ. Онъ поступилъ въ гимназію черезъ два года послѣ ея открытія, но долго не оставался въ ней, гдѣ его не умѣли цѣнить. При открытіи Петербургской земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ, Гердъ получилъ мѣсто директора колоніи, гдѣ и работалъ вмѣстѣ съ Резенеромъ.

Кромѣ этихъ четырехъ выдающихся воспитателей, были и другіе хорошіе воспитатели: И. Ѳ. Бурачковъ, В. К. Человъ, Н. С. Большаковъ, Ганике, — всѣ окончили курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Были также и плохіе воспитатели: Ма—въ, Хель—мъ, Брю—ръ, Ан—съ,—эти держались дольше хорошихъ, и Ма—въ,—единственный воспитатель, продержавшійся до конца управленія Баумгартена,—считался въ концѣ уже лучшимъ воспитателемъ, будучи вначалѣ худшимъ.

И такъ, почти половина воспитателей были хорошіе; если бы къ нимъ подбирали другихъ подходящихъ, то дѣло воспитанія пошло бы отлично, но въ 1-й воен. гимназіи поступали какъ разъ наоборотъ: хорошихъ воспитателей выгоняли и замѣняли ихъ худшими. Когда я въ

1874 году, будучи въ Петербургѣ, заѣхалъ въ 1-ю въ гимназію, то Бѣлоха сказалъ мнѣ между прочимъ: помните ли вы, В. Г., какіе были у насъ хорошіе воспитатели въ началѣ преобразованія, а теперь у насъ такая шушера (собственное выраженіе Бѣлохи).

Преобразованіе корпусовъ началось въ самое благопріятное время; тогда въ русскомъ обществѣ пробудилось стремленіе къ дѣятельности, и педагоги были очень рады приложить свои силы къ настоящему воспитанію, которое, какъ предполагалось, нашло себѣ мѣсто въ военныхъ гимназіяхъ. Вотъ почему съ такой охотой пошли тогда образованные и опытные люди на должность воспитателя. Умѣй тогдашніе директора военныхъ гимназій поддержать этихъ людей, и гимназіи были бы вскорѣ обставлены прекрасными воспитательными силами; но, какъ мы видѣли, въ Петербургѣ было поведено дѣло такъ дурно, что черезъ два—три года послѣ преобразованія стали раздаваться такіе голоса: «да стоитъ ли идти хорошему воспитателю, если такой-то и такой-то (указывались фамиліи), люди завѣдомо прекрасные педагоги, не могли удержаться на этой должности», и стремленіе настоящихъ педагоговъ къ военнымъ гимназіямъ прекратилось. Воспитатели стали обращаться въ чиновниковъ, отбывающихъ свои часы, и преобразованіе окончилось очень немногимъ: окружавшіе дѣтей люди стали умнѣе и образованнѣе (въ общемъ, конечно) прежнихъ офицеровъ, а самое воспитаніе подвинулось противъ прежняго немного.

Если такъ отбили охоту отъ педагоговъ въ петербургскихъ военныхъ гимназіяхъ, то въ провинціальныхъ воен. гимназіяхъ, преобразованныхъ двумя годами позже, хорошіе воспитатели составляли рѣдкость.

При преобразованіи 1-й гимназіи воспитателемъ желалъ поступить даже извѣстный, опытный, теоретически подготовленный, въ педагогическомъ мірѣ считавшійся однимъ изъ лучшихъ (если даже не безусловно лучшимъ) русскихъ педагоговъ—Ѳедоръ Ѳедоровичъ Резенеръ, но онъ долженъ былъ остановиться передъ фактомъ удаленія лучшихъ силъ и затѣмъ отказался отъ своей мысли.

Ѳ. Ѳ. Резенеръ—человѣкъ, настолько замѣчательный, что я считаю долгомъ своимъ сказать о немъ хотя нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что онъ игралъ нѣкоторую роль въ ходѣ дѣла 1-й военной гимназіи.

Ѳ. Ѳ. Резенеръ окончилъ курсъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, откуда былъ переведенъ въ Петербургскій университетъ, какъ одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ; здѣсь онъ окончилъ курсъ по юридическому факультету. Будучи въ университетѣ, Резенеръ хорошо сошелся съ товарищемъ своимъ Сѣраковскимъ, высланнымъ впослѣдствіи изъ университета за какую-то исторію рядовымъ въ Оренбургскій линейный батальонъ. Изъ университета Ѳедоръ Ѳедоровичъ поступилъ на службу въ бывшій тогда при военномъ министерствѣ коммисса-

ріатскій департаментъ, но вскорѣ принужденъ былъ оставить эту службу, которой впрочемъ не сочувствовалъ съ самаго начала. Самъ Резенеръ черезъ 15-ть лѣтъ разсказывалъ мнѣ причину, по которой онъ долженъ былъ оставить службу и, несмотря на свою всегдашнюю крайнюю сдержанность, говорилъ мнѣ это съ необыкновеннымъ волненіемъ; представляю себѣ, что онъ тогда пережилъ.

Резенеръ хорошо зналъ, что арестъ Петрашевскаго и другихъ лицъ, между которыми были пріятели его (особенно Толь), былъ произведенъ по доносу Антонелли (чиновникъ тайной полиціи), вошедшаго въ знакомство съ кружкомъ и сочинившаго доносъ, съ цѣлью отличиться по службѣ. Собирался кружокъ только для бесѣдъ, во время которыхъ молодежь часто несдержанно выражалась о правительствѣ, и высказывались желанія, чтобы были освобождены крестьяне; но никакого заговора, никакой организаціи, никакой опредѣленной цѣли или плана кружокъ не имѣлъ. Антонелли записывалъ всякую фразу, кѣмъ бы то ни было сказанную, и простыя пріятельскія бесѣды представилъ въ видѣ заговора, составивъ сочиненный имъ доносъ, вслѣдствіе котораго члены кружка поплатились семилѣтней каторгой. Это было въ 1849 г.; Антонелли, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ ходить въ общество и между прочимъ бывалъ иногда за табльдотомъ (Мильбрета) у Полицейскаго моста, гдѣ собиралось ежедневно очень большое общество.

Однажды Резенеръ, придя въ отель, увидѣлъ тамъ Антонелли и обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, знавшимъ Антонелли, съ предложеніемъ удалить его. Но, какъ разсказывалъ мнѣ Резенеръ, всѣ эти лица сдѣлали видъ, что не слышали его предложенія и, наклонившись надъ тарелкой, стали ѣсть супъ. А между тѣмъ Антонелли подходитъ то къ одной, то къ другой группѣ и вступаетъ въ разговоръ, который шелъ по поводу арестованія Петрашевскаго, при чемъ молодежь не стѣсняясь говоритъ очень свободно. Тогда, говорилъ мнѣ Резенеръ, я рѣшился дѣйствовать одинъ. Подойдя къ Антонелли, я сказалъ ему громко: «вы знаете меня и знаете, что мнѣ извѣстны ваши дѣла; поэтому, если вы не хотите огласки,—прошу васъ выйти и больше сюда не являться». Антонели на это сказалъ ему: — прошу васъ выйти со мною на два слова.

Резенеръ, опасаясь, что Антонелли предъявитъ ему полисъ 3-го отдѣленія и потребуетъ его съ собою, отказался выйти съ нимъ. Тогда Антонелли далъ ему пощечину.

«Первымъ моимъ движеніемъ, говорилъ Резенеръ, было ударить подъ грудь и нанести ему смертельный ударъ (Резенеръ отличался большой силой); но я тотчасъ остановился, разсудивъ, что это будетъ драка. Я схватилъ его крѣпко за обѣ руки и, обратясь къ присутствовавшимъ,

сказалъ: «господа, пощечина отъ шпіона не есть безчестіе» и объяснилъ, кто находится передъ ними». Все общество бросилось на Антонелли и, избивъ его, вытолкали вонъ, а Резенеру всѣ выразили свое уваженіе.

На другой день начальникъ Резенера, генералъ Булгаковъ, призвалъ его къ себѣ и спросилъ: «правда ли, что онъ получилъ пощечину?» Резенеръ разсказалъ, какъ было дѣло. «Что же это такъ и останется?» спросилъ Булгаковъ. Резенеръ отвѣтилъ, что если бы Антонелли не былъ шпіонъ, то онъ не оставилъ бы этого дѣла. Послѣ этого Резенеръ прослужилъ еще два или три мѣсяца и, давъ успокоиться молвѣ, подалъ въ отставку.

Съ этого времени Ѳ. Ѳ. Резенеръ принялся за литературную работу и за частные уроки. Въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ для Резенера открылась возможность заняться серьезно педагогическимъ дѣломъ. Онъ сталъ во главѣ Васильеостровской безплатной школы, открытой на небольшія средства, ассигнуемыя городской думой, и въ то же время сдѣлался сотрудникомъ только-что открытаго І. И. Паульсономъ педагогическаго журнала «Учитель». И раньше Резенеръ занимался изученіемъ педагогики, но тутъ онъ изучилъ ее основательно; это было ему тѣмъ легче, что онъ прекрасно владѣлъ языками: французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ. Дѣятельность Резенера въ Васильеостровской безплатной школѣ была описана сотрудникомъ его по этой школѣ В. П. Острогорскимъ въ некрологѣ Резенера, помѣщенномъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1881 годъ; въ то же время Резенеръ не переставалъ заниматься литературными трудами. Онъ перевелъ съ англійскаго Логику—Миля (въ сотрудничествѣ съ Петромъ Лавровичемъ Лавровымъ, съ которымъ и сошелся съ этого времени), множество книгъ по естествознанію, главнымъ образомъ съ нѣмецкаго написалъ много статей въ журналъ «Учитель», былъ редакторомъ «Чтенія для юношества», издававшагося при «Учителѣ». Строгій, сильный умъ Резенера, крайне скромная жизнь, удивительное трудолюбіе и положительное посвященіе себя на пользу школъ возбудили уваженіе въ его пріятелѣ—Чернышевскомъ, который въ романѣ своемъ «Что дѣлать?» лучшія черты характера Рахметова списалъ съ Ѳ. Ѳ. Резенера.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ, будучи человѣкомъ замѣчательнаго ума, въ то же время владѣлъ словомъ, логикой и силою убѣжденій до такой степени, что трудно было оспаривать его въ какихъ бы то ни было вопросахъ. Въ короткихъ словахъ, но съ замѣчательной ясностью и до такой степени логично онъ разовьетъ свой взглядъ на вещи и уничтожитъ мнѣніе противника, что обыкновенно послѣдній рѣшительно оказывается не въ силахъ съ нимъ спорить. Онъ производилъ всегда сильное впечатлѣніе на тѣхъ, кто узналъ его; никто не могъ относиться къ нему безразлично: или преданный другъ, или злой врагъ,—вотъ чѣмъ всегда

оканчивалось болѣе короткое знакомство съ Резенеромъ. Поэтому у него было столько же враговъ, сколько и друзей. Я зналъ Резенера съ 1864 года и до смерти его въ 1881 году, но былъ близокъ съ нимъ только до іюля 1867 г., когда мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга а затѣмъ мы съ нимъ изрѣдка переписывались и видѣлись только при кратковременныхъ моихъ пріѣздахъ въ Петербургъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ я по отношенію знавшихъ Резенера лицъ составлялъ заключеніе о достоинствахъ самыхъ этихъ лицъ и ни разу не ошибся: хорошій человѣкъ дѣлался почитателемъ Резенера и наоборотъ. Можетъ быть, и бывали исключенія, но я по крайней мѣрѣ не встрѣтилъ ни одного.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ книгопродавецъ М. О. Вольфъ вздумалъ издавать журналъ «Заграничный вѣстникъ»; онъ представилъ редакторомъ этого журнала П. Л. Лаврова, но министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ представленія по неблагонадежности Лаврова, тогда Вольфъ предложилъ редакцію—Резенеру; къ удивленію Резенера, его также не утвердили по неблагонадежности. Резенеръ объяснилъ это мщеніемъ Антонелли.

Въ 1866 году Паульсонъ, уѣзжая за границу на два слишкомъ года, передалъ редакцію журнала «Учитель» Резенеру, который, не имѣя возможности получить разрѣшенія издавать журналъ, издавалъ его сперва за подписью Паульсона, а когда цензоръ требовалъ, чтобы за отсутствіемъ редактора подписывалось какое-нибудь другое лицо, то подписывался Фанъ-деръ-Флитъ.

Резенеръ издавалъ «Учитель» годы 1866 и 1867 — 68. Изданіе 1866 года отличается замѣчательно хорошимъ выборомъ статей; Резенеръ самъ указывалъ сотрудникамъ, какого рода статьи желательны для журнала, и нерѣдко составлялъ планъ статьи и множество статей было написано имъ самимъ. До 4-го апрѣля журналъ издавался довольно легко; цензоръ Вилькенъ снисходительно пропускалъ статьи; но послѣ 4-го апрѣля Вилькена смѣнили, назначили другаго цензора, и тогда началось для журнала трудное время. Бывало, три статьи въ одномъ № не пропускались, въ то время, когда ихъ всего-то было пять или шесть; вслѣдствіе этого журналъ сталъ опаздывать выходомъ, и къ январю 1867 года изъ 24 нумеровъ 6-ть не успѣли выйти. Пришлось начать новый годъ съ іюля, и журналъ опять протянулся полтора года, такъ что къ январю 1869 г. Резенеръ отказался отъ редакціи, видя личное къ себѣ недовѣріе.

Въ 1870 г. Резенеръ былъ посланъ за границу вмѣстѣ съ А. Я. Гердомъ, по возвращеніи откуда, онъ былъ сдѣланъ директоромъ пріюта малолѣтнихъ преступниковъ въ Петербургѣ, открывъ это заведеніе, а

Гердъ директоромъ земледѣльческой колоніи [1]). Здѣсь Резенеръ управлялъ заведеніемъ три года, живя съ питомцами и посвящая имъ все свое время, но потратилъ здѣсь много силъ и здоровья, такъ что долженъ былъ отказаться отъ дѣла, на которое положилъ свою душу. Переѣхавъ въ Петербургъ, Резенеръ снова жилъ частными уроками, переводами и литературными занятіями. Послѣднее время онъ поступилъ учителемъ въ учительскую семинарію въ Твери, гдѣ опасно заболѣлъ, былъ перевезенъ въ больницу душевнобольныхъ въ Петербургѣ и здѣсь вскорѣ скончался (1881 г.).

Всю жизнь свою Резенеръ прожилъ частными занятіями на скромномъ поприщѣ учителя и литературнаго дѣятеля. Работая буквально цѣлые дни, нерѣдко и ночи, онъ, человѣкъ выдающагося ума, обширной эрудиціи и необычайной энергіи, едва-едва перебивался изо дня въ день. Пріѣзжая въ Петербургъ, я всегда отыскивалъ Резенера въ какой-нибудь крошечной меблированной комнаткѣ (всегда на Васильевскомъ островѣ), на столѣ которой всегда найдешь заказанный ему книгопродавцемъ переводъ. Съ грустью смотрѣлъ я, какъ этотъ человѣкъ, эта высокая личность, которой можно было только удивляться, долженъ былъ даже подъ старость лѣтъ биться изъ-за куска хлѣба, не имѣя даже постоянныхъ уроковъ въ какомъ-нибудь казенномъ заведеніи, какъ-будто онъ былъ лишнимъ человѣкомъ, и это у насъ въ Россіи, гдѣ такъ нуждаются въ честныхъ, умныхъ, образованныхъ и дѣятельныхъ людяхъ. А что Резенеръ былъ идеально честнымъ человѣкомъ, я знаю много фактовъ; достаточно указать на то, что, работая въ Васильеостровской школѣ цѣлые дни, онъ не бралъ никакой платы, и когда, наконецъ, совѣтъ школы заставилъ его получать жалованье 300 руб. въ годъ, грозя въ противномъ случаѣ закрыть школу, то онъ согласился, но черезъ три или четыре мѣсяца заявилъ, что онъ получилъ большую литературную работу, которая можетъ его обезпечить, а въ школѣ наступаютъ каникулы, когда его занятія уменьшаются; пользуясь этимъ случаемъ, онъ отказался отъ жалованья и больше уже не бралъ его. Друзей своихъ Резенеръ готовъ былъ спасать, не жалѣя себя.

Въ 1864-мъ году Резенеръ явился къ Баумгартену просить мѣсто воспитателя; какъ самъ мнѣ Резенеръ говорилъ, онъ, слѣдя за разработкой вопроса о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній, увидѣлъ, что военное вѣдомство желаетъ настоящаго воспитанія дѣтей и юношей, и по его понятію на это желаніе обязаны были отозваться всѣ пони-

[1]) Во время поѣздки за границу Резенеръ, ожидая впереди дѣло, которому онъ былъ преданъ, былъ особенно веселъ, о чемъ свидѣтельствуетъ присланное имъ ко мнѣ письмо, которое онъ писалъ въ вагонѣ карандашемъ на пути изъ Петербурга. „Дѣла поворачиваются въ хорошую сторону“,—писалъ онъ. Давно не слыхалъ я отъ него ничего подобнаго.

мающіе дѣло воспитанія. При этомъ Резенеръ не скрылъ передъ Баумгартеномъ, что онъ опасается, что находится на замѣчаніи въ 3-мъ отдѣленіи, изложивъ и причину этого. Баумгартенъ взялся устроить опредѣленіе Резенера черезъ генерала Исакова. Вѣроятно, дѣло это и состоялось бы, но, какъ увидимъ ниже, обстоятельства заставили самого Резенера отказаться отъ своего желанія. Въ февралѣ 1865 г. Баумгартенъ выдумалъ пригласить Ѳедора Ѳедоровича въ педагогическій комитетъ 1-й Васильеостровской гимназіи, прося его изложить свою систему воспитанія, которой онъ держался, управляя Васильеостровской школой. Резенеръ явился въ комитетъ и употребилъ цѣлое продолжительное засѣданіе на подробное изложеніе своей системы, въ основаніи которой лежало: отсутствіе наказаній, укорененіе нравственной связи наставниковъ съ учениками и разборъ каждаго проступка ученика всѣмъ классомъ, съ тѣмъ, что и самое наказаніе за него, если только это признается нужнымъ, налагается также классомъ [1]). Система эта вызвала не только оживленныя пренія, но даже въ большей части членовъ комитета раздраженіе (довольно трудно объяснимое), многіе члены вызвались представить письменно свои возраженія, но кончилось только одной запиской учителя исторіи и географіи—Д. Ѳ. Щеглова. Въ своей пространной запискѣ Д. Ѳ. Щегловъ все дѣло свелъ къ одному выводу: Резенеръ нигдѣ не говоритъ о религіозномъ воспитаніи, слѣдовательно, онъ его отвергаетъ, а слѣдовательно Резенеръ своей системой будетъ воспитывать только нигилистовъ [2]). Такимъ образомъ диспутъ принялъ какое-то странное направленіе.

---

[1]) Относительно веденія дѣла въ Васильеостровской безплатной школѣ было Резенеромъ изложено, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, въ журналѣ „Учитель“ 1867—68 гг. Въ томъ же году Резенеръ помѣстилъ въ журналѣ статью „О наказаніяхъ“, гдѣ въ принципѣ отвергаетъ всѣ вообще наказанія въ школѣ и указываетъ недостатки каждаго наказанія въ частности.

[2]) Нигилизмъ составлялъ idée fixe Щеглова. Не было, кажется, человѣка, познакомившись съ которымъ, Дмитрій Ѳедоровичъ не сталъ бы упрекать его въ нигилизмѣ: товарищей-сослуживцевъ, начальство, всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло служебное или частное, онъ упрекалъ въ этомъ ученіи. Только одни ученики оставались свободными отъ его обвиненій (да и то, я думаю, онъ только не рѣшался бросать въ нихъ это обвиненіе). За это свойство своего характера Щегловъ чувствительно платился: ему отовсюду отказывали въ урокахъ; тогда онъ перенесъ свои обвиненія въ частные дома, гдѣ давалъ уроки, и кончилъ судомъ, который въ свое время надѣлалъ въ газетахъ много шума и къ которому привлекъ его одинъ отецъ семейства за обвиненіе его въ нигилизмѣ. Куда затѣмъ дѣлся Щегловъ,—мнѣ не извѣстно. Интересно то обстоятельство, что въ одномъ изъ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній (кажется, въ Елисаветинскомъ институтѣ) начальница обвинила самого Щеглова передъ принцемъ Ольденбургскимъ въ нигилизмѣ, за что̀ ему было отказано въ этомъ заведеніи.

Во время диспута многіе члены комитета неоднократно указывали Резенеру, что въ 1-й Васильеостровской гимназіи наказанія налагаются лишь въ крайнихъ случаяхъ, что ему не извѣстно только заведеніе, а то онъ не могъ бы указать на нецѣлесообразность мѣръ. Баумгартену такія рѣчи очень понравились, онъ вообразилъ себѣ, что и дѣйствительно у него дѣло идетъ превосходно, и онъ предложилъ Резенеру познакомиться съ заведеніемъ. Двѣ недѣли Резенеръ провелъ въ заведеніи, находясь въ немъ все время съ утра до ночи, пересмотрѣлъ штрафные журналы воспитанниковъ, и когда Баумгартенъ собралъ новый комитетъ, чтобы продолжать пренія по реферату Резенера, то Резенеръ сталъ фактами доказывать нецѣлесообразность мѣръ, практикуемыхъ въ заведеніи. Какъ нарочно Резенеръ, не зная, кѣмъ были наложены взысканія на воспитанниковъ, привелъ рядъ проступковъ и наказаній, наложенныхъ за нихъ самимъ Баумгартеномъ. Баумгартенъ, разсердившись, заявилъ, что это имъ принятыя мѣры, и выразилъ сожалѣніе, что онъ допустилъ Резенера къ осмотру заведенія, и тотчасъ прекратилъ засѣданіе комитета. Этимъ и окончились дебаты по вопросамъ, поднятымъ Резенеромъ. Послѣ этого Резенеръ уже не возобновлялъ рѣчи о своемъ поступленіи воспитателемъ въ 1-ю Васильеостровскую гимназію, тѣмъ болѣе, что увидѣлъ вслѣдъ за симъ стремленіе изгнать изъ Васильеостровской гимназіи лучшія силы.

Хотя пребываніе Ѳ. Ѳ. Резенера въ 1-й Васильеостровской гимназіи было не продолжительно, но тѣмъ не менѣе оно оставило за собою слѣдъ. Во-первыхъ, нашлись воспитатели, вполнѣ сочувствовавшіе ему, и они старались въ своемъ отдѣленіи если не совершенно уничтожить наказанія, то по крайней мѣрѣ прибѣгать къ нимъ весьма рѣдко, дѣйствуя болѣе убѣжденіями и постоянными бесѣдами. Во-вторыхъ, и тѣ воспитатели, которые не сочувствовали взглядамъ Резенеръ, увидѣли, что кромѣ наказаній есть и другія мѣры, а что наказанія даже вполнѣ осуждаются, и потому стали рѣже прибѣгать къ нимъ. Наконецъ, въ-третьихъ, во время преній (продолжавшихся 10-ть засѣданій) выяснилось много вопросовъ, приведено было много примѣровъ; сдѣлано было много указаній на авторитеты различныхъ писателей, и такимъ образомъ для воспитателей, по большей части мало знакомыхъ съ теоретической частью воспитанія, пренія эти были въ высшей степени поучительны. Можно было только пожалѣть, что дѣло было прервано на половинѣ.

Когда въ 1966 г. Резенеръ принялъ редакцію «Учителя», онъ, зная, что у меня собраны матеріалы относительно преобразованія 1-го кадетскаго корпуса, просилъ меня написать статью въ его журналъ. Служа въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, я не находилъ возможнымъ исполнить его просьбу, тогда онъ попросилъ у меня матеріалы и, сдѣлавъ извле-

ченіе, просилъ разрѣшить напечатать подъ своимъ именемъ. Статья эта, уже набранная, не была пропущена цензоромъ, который заявилъ, что отъ министра народнаго просвѣщенія, Головнина, онъ имѣетъ приказаніе пропускать снисходительно статьи, касающіяся его министерства, но отъ генерала Исакова такого распоряженія не имѣетъ. Тогда Резенеръ отнесъ статью къ генералу Исакову, который оставилъ ее у себя и, по прочтеніи, написалъ слѣдующее:

«Предлагаю г. Резенеру познакомиться съ Константиновскимъ, Павловскимъ и съ Московскимъ военными училищами, съ 1-й и 2-й Петербургской, съ 1-й и 2-й Московской и съ Орловской военными гимназіями и тогда позволяю ему писать на меня, что ему угодно».

Эта резолюція показывала, что генералъ Исаковъ такъ высоко ставилъ преобразованныя имъ заведенія, что считалъ ихъ совершенно выкупающими тотъ вредъ, который онъ нанесъ корпусамъ, и что жертвы, принесенныя несчастными дѣтьми и юношами, погубленными при преобразованіи, ничто въ сравненіи съ той пользой, какую якобы извлекутъ послѣдующія поколѣнія отъ преобразованныхъ военно-учебныхъ заведеній. Я же, съ своей стороны, думаю, что если бы даже и, дѣйствительно, преобразованныя заведенія выпускали нѣчто особенное (чего нѣтъ, да и не откуда было явиться), то и тогда они во сто лѣтъ не выкупили бы сдѣланнаго при преобразованіи вреда, тѣмъ болѣе, что и вредъ-то этотъ вовсе не вызывался необходимостью преобразованія, а былъ вызванъ лишь полнымъ равнодушіемъ генерала Исакова къ судьбѣ дѣтей.

На основаніи этой резолюціи, Резенеръ потребовалъ въ главномъ управленіи открытый листъ для осмотра названныхъ заведеній. Получивъ запечатанные пакеты на имя директоровъ этихъ заведеній, Резенеръ явился прежде всего въ 1-ю Васильеостровскую гимназію, гдѣ Баумгартенъ любезно предоставилъ ему осмотръ заведенія. Когда же онъ явился во 2-ю Васильеостровскую гимназію, то Г. Г. Да—чъ не допустилъ его для осмотра заведенія, говоря: «эти дни заведеніе мое имѣетъ особыя занятія, и вы можете помѣшать намъ, а я вамъ дамъ знать, когда вы можете посѣщать насъ».

Выждавъ недѣли двѣ, Резенеръ снова явился къ Да—чу и получилъ тотъ же отвѣтъ; при третьемъ посѣщеніи,—опять просили отложить. Итакъ вовсе не допустилъ Резенера къ осмотру. На этомъ осмотрѣ указанныхъ генераломъ Исаковымъ заведеній Резенеръ и остановился.

Статью Резенера, однако, Исаковъ не забылъ и въ разговорѣ со мной, во время моего пребыванія въ должности инспектора классовъ въ Полтавѣ, сказалъ мнѣ о ней нѣсколько словъ, изъ которыхъ можно было видѣть, что онъ очень удивлялся и недоумѣвалъ, почему Резенеръ

обращалъ вниманіе на такія м е л о ч и (?!), о которыхъ не стоило и говорить, такъ что, по его мнѣнію, Резенеръ не такъ уменъ (это заключеніе на основаніи статьи о безобразіяхъ при преобразованіи), какъ ему приходилось о немъ слышать съ разныхъ сторонъ. При этомъ Исаковъ вдругъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «вы читали эту статью?» Сознаюсь откровенно: подозрѣвая въ этомъ вопросѣ умыселъ—уловить меня въ участіи въ составленіи статьи, я солгалъ,—сказавши: «нѣтъ».

Переходя къ учителямъ 1-й военной гимназіи, я буду говорить здѣсь только о тѣхъ изъ нихъ, которые поступили въ 1-ю военную гимназію послѣ преобразованія ея изъ 1-го корпуса, такъ какъ объ остальныхъ учителяхъ я уже говорилъ въ разныхъ частяхъ моихъ записокъ.

Николай Логиновичъ Ломанъ, учитель русскаго языка, былъ прежде преподавателемъ 2-го кадетскаго корпуса, съ преобразованіемъ перешелъ на службу въ 1-ю военную гимназію, оставаясь приватнымъ учителемъ 2-й военной гимназіи. Человѣкъ талантливый, учитель хорошій, котораго, однако, загубило честолюбіе.

Въ первые годы существованія журнала Степанова—«Искры», Ломанъ былъ въ немъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, гдѣ подписывался подъ псевдонимомъ—Гнутъ. Отличаясь остроуміемъ и имѣя поэтическія дарованія, Ломанъ писалъ хорошія пародіи на К. К. Случевскаго, В. Крестовскаго и другихъ въ то время молодыхъ писателей. Окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью дѣйствительнаго студента, Ломанъ поступилъ учителемъ русскаго языка въ Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, гдѣ посватался къ дочери директора корпуса барона Корфа. Но Корфъ, гордый своимъ баронствомъ и генеральствомъ, отказалъ ему, что̀ и заставило его перейти въ Петербургъ. Свое неудачное сватовство Ломанъ, обладавшій талантомъ все изображать въ юмористическомъ видѣ, даже и свои собственныя чувства,—выразилъ въ извѣстномъ стихотвореніи:

Я былъ титулярный совѣтникъ,
Она—генеральская дочь,
И сдѣлалъ я ей предложеніе—
Она прогнала меня прочь и т. д.

Редакторъ «Искры»—Степановъ, написалъ однажды въ журналѣ слѣдующее двустишіе:

Судьбой и счастьемъ избалованъ:
Сегодня Гнутъ, а завтра—Ломанъ.

У насъ между служащими было въ ходу другое стихотвореніе, не знаю кѣмъ написанное:

Весьма не знаменитъ,
Судьбой не избалованъ:
Онъ былъ и Гнутъ и Ломанъ,
И вѣрно будетъ б и т ъ.

Какъ я сказалъ, Ломанъ былъ крайне честолюбивъ. Онъ всегда носилъ въ карманѣ орденъ, который не рѣшался надѣвать въ классахъ, такъ какъ въ 1-й военной гимназіи это было не въ обычаѣ; но когда онъ являлся въ тюрьму, гдѣ состоялъ членомъ тюремнаго комитета и директоромъ одного изъ отдѣленій тюрьмы,—онъ тотчасъ навязывалъ на шею Станислава и напускалъ на себя столько важности въ осанкѣ и въ голосѣ, при разговорѣ съ просителями, что послѣдніе пугались его и относились къ нему съ самымъ заискивающимъ видомъ. Будучи однажды приглашенъ въ тюрьму самимъ Ломаномъ, въ качествѣ эксперта (по поводу одного проекта машины, представленнаго однимъ изъ арестантовъ, съ просьбою выдачи ему денегъ на устройство модели этой машины), я, сидя въ сторонѣ, долго смотрѣлъ на Ломана, котораго я нѣсколько лѣтъ хорошо зналъ и въ домашнемъ быту, и на учебной службѣ, — и рѣшительно не узналъ его въ тюрьмѣ. Если бы я не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, я счелъ бы его за другое лицо, только едва на него похожее,—такъ могъ онъ мѣняться. Въ тюремномъ комитетѣ Ломанъ исполнялъ должность секретаря и, какъ человѣкъ умный,—пользовался уваженіемъ превосходительныхъ членовъ комитета, передъ которыми онъ разсыпался въ любезностяхъ, но въ то же время, въ частныхъ разговорахъ,—бывало, представлялъ ихъ до такой степени въ смѣшномъ видѣ, что мы, слушатели, хохотали до упада.

Ломанъ никакъ не могъ примириться съ скромной должностью учителя; онъ хлопоталъ о полученіи должности инспектора классовъ военной гимназіи; генералъ Исаковъ обѣщалъ ему ее, но не знаю почему, постоянно, на открывавшіяся вакансіи назначалъ другихъ лицъ. Между тѣмъ Ломанъ не могъ довольствоваться чиномъ статскаго совѣтника, ему хотѣлось повышенія, котораго, какъ учитель, онъ получить не могъ; тогда онъ воспользовался предстоявшимъ столѣтнимъ юбилеемъ тюремнаго комитета и предложилъ членамъ комитета взять на себя трудъ составленія исторіи этого учрежденія, за что отъ комитета его должны были представить къ юбилею къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Принявшись усердно за трудъ, Ломанъ составилъ довольно подробно исторію первыхъ лѣтъ существованія комитета и тотчасъ же напечаталъ эту часть; но затѣмъ оказалось такъ мало матерьяла, что слѣдующая часть выходила слишкомъ сжатой и несоотвѣтствующей началу. Онъ остановился и не зналъ, какъ выйти изъ этого положенія; время шло, а дѣло не подвигалось, это его безпокоило, и онъ, для облегченія

тяжелаго чувства, сталъ выпивать. Это повторялось ежедневно, а день юбилея близился. Мѣсяца за два до юбилея отъ комитета была составлена коммиссія, которая должна была подвинуть дѣло, если Ломанъ самъ не можетъ справиться; но Ломанъ объявилъ коммиссіи, что онъ вскорѣ окончитъ трудъ. Черезъ мѣсяцъ повторилась та же исторія, Ломанъ опять не отдалъ матерьяловъ, заявивъ, что онъ самъ представитъ на-дняхъ оконченную исторію. Наконецъ, за три недѣли до юбилея коммиссія явилась на квартиру къ Ломану, отобрала отъ него всѣ матерьялы, и сами члены кое-какъ составили исторію; но Ломанъ уже былъ представленъ къ чину и въ день юбилея получилъ его. Такъ какъ въ то же время Ломанъ почти совершенно не посѣщалъ уроки, то ему, жившему исключительно уроками, разомъ отказали почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; это его еще болѣе огорчило, и онъ окончательно запилъ горькую, оставивъ семью почти безъ хлѣба. Бѣлоха и Баумгартенъ попробовали было сдѣлать его запаснымъ воспитателемъ съ платою 1.000 р., но онъ нѣсколько мѣсяцевъ не являлся на службу, а когда, наконецъ, явился, то весь трясся, и его должны были отправить домой. Такъ и пропалъ безспорно талантливый человѣкъ изъ-за честолюбиваго стремленія быть превосходительнымъ.

Викторъ Петровичъ Острогорскій, авторъ «Мглы», «Липочки», «На однѣхъ сѣняхъ» и др. театральныхъ произведеній, человѣкъ даровитый, оказался хорошимъ преподавателемъ; онъ былъ раньше учителемъ только въ одной Васильеостровской безплатной школѣ и былъ въ числѣ пріятелей Резенера. Онъ также имѣлъ слабость выпивать, хотя больше въ праздники и въ каникулярное время. Въ старшихъ классахъ 1-й военной гимназіи Острогорскій читалъ словесность и увлекалъ къ занятіямъ учениковъ [1]). При удаленіи Баумгартена изъ 1-й военной гимназіи, Острогорскій не сошелся съ новымъ директоромъ и вышелъ въ отставку, сдѣлавшись редакторомъ журнала «Дѣтское чтеніе», который онъ принялъ отъ своего двоюроднаго брата Алексѣя Николаевича.

Василій Яковлевичъ Баулеръ, учитель математики, былъ переведенъ Баумгартеномъ изъ Москвы, гдѣ онъ преподавалъ математику въ Александринскомъ сиротскомъ кадетскомъ корпусѣ. Какъ учитель математики, Баулеръ былъ не выше посредственности; но это была настоящая артистическая натура: игралъ на роялѣ превосходно, при чемъ не любилъ играть по нотамъ, хотя хорошо ихъ разбиралъ, но больше фантазировалъ и фантазировалъ увлекательно. Сильно любилъ выпить, но пьянъ почти не бывалъ, только въ веселомъ настроеніи и при

[1]) Впослѣдствіи редакторъ журнала „Міръ Божій“ и авторъ многихъ книгъ и статей.

этомъ игралъ особенно хорошо. Попросишь его что-нибудь съиграть, онъ фантазируетъ такъ, что заслушаешься, когда же попросишь его повторить то же, то онъ уже забылъ то, что игралъ, и фантазируетъ что-нибудь еще болѣе прекрасное. Этотъ человѣкъ былъ положительно не тѣмъ, чѣмъ бы ему слѣдовало: изъ него вышелъ бы замѣчательный композиторъ, если бы онъ серьезно занялся изученіемъ теоріи музыки, о чемъ я ему много разъ говорилъ; но онъ по лѣности своей и безпечному характеру не могъ ни за что приняться серьезно. Жизнь свою Баулеръ велъ какъ настоящій артистъ: будучи женатъ и имѣя взрослыхъ дѣтей (замужнюю дочь), Баулеръ проводилъ время какъ юноша: со всѣми заводилъ знакомство за первой рюмочкой, съ новымъ знакомымъ, не зная даже его фамиліи, уже за панибрата, кутитъ съ нимъ, пропадаетъ два—три дня, не являясь ни домой, ни на уроки. Семья его такъ къ этому привыкла, что даже и не безпокоится его отсутствіемъ. Спросишь у жены его: да вѣдь онъ можетъ быть гдѣ-нибудь погибъ; отвѣчаетъ: не въ первый разъ, и по недѣлямъ пропадалъ,— придетъ, а искать его негдѣ. Какъ онъ сводилъ знакомство, можно видѣть изъ слѣдующаго. Однажды онъ зашелъ въ какой-то трактиръ, тамъ разговорился съ какимъ-то господиномъ, стали вмѣстѣ пить до поздней ночи, затѣмъ этотъ господинъ совѣтуетъ ему остаться у него ночевать, такъ какъ онъ живетъ въ номерѣ тутъ же въ гостиницѣ. Баулеръ идетъ къ нему, ложится спать, а на утро, проснувшись, видитъ, что новый пріятель его куда-то вышелъ. Одѣвшись, Баулеръ вышелъ въ корридоръ, но номеръ не посмотрѣлъ и потому не могъ попасть назадъ, такъ какъ дверей много, а фамилію новаго знакомаго своего онъ не зналъ; между тѣмъ въ номерѣ осталась его шуба, и потому уйти онъ не могъ; онъ спрашиваетъ половаго по описанію, но тотъ не знаетъ, кого спрашиваютъ, и предлагаетъ ему подождать въ общей залѣ. Здѣсь Баулеръ провелъ цѣлый день, и только вечеромъ Соколовскій (такъ звали незнакомца), придя домой, удивился, увидѣвъ чужую шубу. Тогда только дѣло объяснилось. По этому случаю они вдвоемъ пропьянствовали и вторую ночь.

Пропуская уроки, ведя безобразную жизнь, преподавая плохо, Баулеръ однако держался въ заведеніи, благодаря Баумгартену, семья котораго особенно его любила за его музыкальный талантъ [1]). Съ

[1]) Замѣчательно то обстоятельство, что Е. К. Баумгартенъ, выживая изъ заведенія людей дѣйствительно достойныхъ, поддерживалъ и давалъ полное число уроковъ плохому учителю и отчаянному гулякѣ Баулеру. Лѣтомъ 1866 г. Баулеръ жилъ на дачѣ, въ деревнѣ Мартышкино (около Ораніенбаума), гдѣ отчаянно пилъ и вздумалъ на мѣстномъ кладбищѣ переставлять памятники. Къ коменданту петергофскому посылались жалобы, и Е. К. едва потушилъ это дѣло, благодаря знакомству съ комендантомъ.

Острогорскимъ Баулеръ быстро сошелся: вмѣстѣ пили и гуляли; бывало, встрѣтивъ на улицѣ плотную веселую фигуру Баулера, рядомъ съ нимъ увидишь маленькую, худенькую, косую фигурку В. П. Острогорскаго. На всѣхъ гуляньяхъ они неразлучны, покачиваясь и сталкиваясь плечами.

Однажды эти талантливые люди задумали прекрасное дѣло: Острогорскій началъ писать либретто оперы, а Баулеръ сочинялъ къ ней музыку, прекрасно исполняя ее на роялѣ; но тутъ замѣшались какія-то семейныя отношенія между ними, и они поссорились. Начатое дѣло было брошено, но Острогорскій написалъ затѣмъ комедію «Мгла», въ которой выставилъ Баулера, его дочь и самого себя.

Д. Щ—въ, о которомъ мнѣ приходилось говорить выше, окончилъ курсъ въ Педагогическомъ институтѣ, бывшемъ тогда при Петербургскомъ университетѣ, въ одно время съ Добролюбовымъ, съ которымъ постоянно состязался въ старшинствѣ по успѣхамъ въ наукахъ. Не знаю, по этой ли причинѣ, или почему-нибудь другому,—онъ очень не любилъ Добролюбова и постоянно называлъ его нигилистомъ, далеко не стоющимъ той репутаціи, какою онъ пользовался. Щ—въ былъ характера подозрительнаго и, какъ говорили у насъ служащіе (не выдаю это за истину), не брезгалъ доносами. Человѣкъ онъ былъ способный и занимающійся и написалъ хорошую книгу.

Когда я былъ инспекторомъ классовъ въ Кіевѣ, Щ—въ пріѣхалъ въ Кіевскій университетъ держать экзаменъ на степень магистра, не рѣшившись для этого явиться въ Петербургскій университетъ, гдѣ имѣлъ враговъ (особенно въ лицѣ профессора статистики—Вредена, съ которымъ препирался въ печати, подъ псевдонимомъ Крапивинцева). Профессора Кіевскаго университета отнеслись къ Щ—ву съ уваженіемъ и почти безъ экзамена пропускали его; но профессоръ Бунге (впослѣдствіи министръ финансовъ) сказалъ ему: «мы поговоримъ лучше о вашемъ сочиненіи, съ которымъ я во многомъ не согласенъ», и,—замѣчательное дѣло,—Щ—въ не только не могъ возражать Бунге, но даже оказался незнакомымъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ писалъ, какъ будто книга была написана не имъ, и онъ даже не читалъ ее. Экзамена Щ—въ не выдержалъ и уѣхалъ изъ Кіева ни съ чѣмъ Изъ 1-й военной гимназіи онъ вышелъ очень скоро, не ладя ни съ Баумгартеномъ, ни въ особенности съ Бѣлохой.

Изъ другихъ лицъ, поступившихъ въ 1-ю военную гимназію, заслуживаетъ вниманія преподаватель естественной исторіи—Марковъ, который пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Тулы и принятъ былъ по рекомендаціи генерала Исакова, лично знавшаго его. Онъ былъ человѣкъ способный и очень хорошій преподаватель, но пробылъ въ гимназіи

*

менѣе двухъ лѣтъ, перейдя снова въ министерство народнаго просвѣщенія.

Остальные приглашенные учителя не заслуживаютъ никакого вниманія, а два брата Якимовы (одинъ учитель русскаго языка, другой—географіи)—были ниже всякой посредственности; можно было только пожалѣть, что умнаго старика В. Т. Плаксина замѣнили ничтожнымъ Якимовымъ.

Замѣчателенъ также былъ вновь опредѣленный законоучитель—протоіерей Романовъ, къ сожалѣнію, пробывшій въ заведеніи едва одинъ годъ и удалившійся недовольный Баумгартеномъ и Бѣлохой. Отецъ Романовъ былъ кѣмъ-то рекомендованъ ген. Исакову, который и указалъ на него Баумгартену при преобразованіи 1-го корпуса. Отличаясь истинно христіанскимъ благочестіемъ, Романовъ съумѣлъ сразу пріобрѣсть огромное вліяніе на воспитанниковъ, развивая въ нихъ религіозное настроеніе; но Баумгартенъ не умѣлъ цѣнить людей: будучи лютеранинъ, онъ вмѣшивался въ преподаваніе православнаго Закона Божія, дѣлая указанія, которыя не соотвѣтствовали взгляду самого Романова. Черезъ годъ Романовъ возвратился въ Смольный монастырь, откуда былъ переведенъ въ 1-ю гимназію и куда приняли его съ распростертыми объятіями, а вмѣсто него назначенъ былъ законоучителемъ Василій Герасимовичъ Пѣвцовъ, оказавшійся также умнымъ и хорошимъ законоучителемъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о Егорѣ Ивановичѣ Шульманѣ, съ которымъ мнѣ пришлось служить и въ 1-мъ корпусѣ, и въ 1-й военной гимназіи, а впослѣдствіи и въ Кіевской военной гимназіи.

Шульманъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ по математическому факультету, потомъ поступилъ юнкеромъ въ артиллерію, былъ произведенъ въ прапорщики, прослужилъ въ артиллеріи года два или три и поступилъ репетиторомъ математики въ 1-й кадетскій корпусъ, кажется, годомъ раньше моего поступленія на службу въ тотъ же корпусъ. Выдержавъ пробную лекцію изъ математики, Шульманъ былъ утвержденъ преподавателемъ, при чемъ оказался учителемъ не выше посредственнаго и, не отличаясь качествами хорошаго учителя, имѣлъ за собой еще плохой выговоръ въ русскомъ языкѣ. При преобразованіи корпуса въ военную гимназію въ 1864 г., Шульмана предполагалось оставить за штатомъ; опасаясь этого, онъ обратился къ Баумгартену съ просьбой дать ему мѣсто воспитателя. Сперва Баумгартенъ не желалъ брать Шульмана, но потомъ, не успѣвъ пополнить комплектъ воспитателей, онъ принялъ его, и Шульманъ оказался совершенно безсловеснымъ во всѣхъ комитетахъ и покорнымъ подчиненнымъ, чѣмъ очень понравился не любившему возраженій Баумгартену. При такихъ качествахъ Шульманъ вѣроятно долго бы служилъ

въ 1-й военной гимназіи, но на второй годъ службы въ военной гимназіи, во время каникулярнаго мѣсячнаго отдыха, Шульманъ сошелся съ В. Я. Баулеромъ, и мы видѣли ихъ почти каждый день вмѣстѣ нѣсколько навеселѣ. По окончаніи мѣсяца Шульманъ обязанъ былъ ѣхать въ лагерь подъ Петергофомъ и вступить на дежурство. Не вполнѣ еще освѣжившійся, Шульманъ сѣлъ на пароходъ, потребовалъ себѣ пива, выпилъ нѣсколько бутылокъ и на берегу оказался уже значительно охмѣлѣвшимъ. Сослуживцы его, ѣхавшіе съ нимъ на пароходѣ, замѣтивъ нетрезвое состояніе Шульмана, привели его подъ руки въ баракъ, уложили спать, заперли его на ключъ, а сами отправились въ засѣданіе комитета, заявивъ Баумгартену, что Шульманъ хотя и явился въ лагерь, но нездоровъ и потому легъ въ постель. Между тѣмъ Шульманъ одѣлся, увидѣвъ дверь запертою, вылѣзъ въ окно и неожиданно для всѣхъ явился въ комитетъ. Усѣвшись на стулъ, молчаливый до тѣхъ поръ Шульманъ вдругъ заговорилъ, да еще самымъ неподчиненнымъ тономъ: «я вижу, что безъ меня здѣсь завелись новые порядки, я съ этимъ не согласенъ»... Тутъ Баумгартенъ прервалъ его рѣчь и закрылъ засѣданіе, затѣмъ, отозвавъ Шульмана, предложилъ ему ѣхать обратно въ Петербургъ и удалиться изъ военной гимназіи.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Шульманъ обратился къ бывшему своему инспектору классовъ—К. А. Линдену, который въ это же время привезъ въ главное управленіе свой проектъ преобразованія Омскаго кадетскаго корпуса въ военную гимназію. Линденъ взялъ Шульмана въ Омскъ воспитателемъ. Черезъ три года службы въ Сибири Шульманъ сталъ хлопотать о переводѣ своемъ въ Кіевскую военную гимназію. Здѣсь онъ прослужилъ года три и кончилъ тѣмъ, что по нѣмецкой системѣ воспитанія избилъ одного своего воспитанника, почему ему было предложено удалиться. Воспользовавшись тѣмъ, что бывшій директоръ Кіевской военной гимназіи—Кузьминъ-Короваевъ былъ въ это время директоръ 2-й московской военной гимназіи, Шульманъ обратился къ нему съ просьбою о переводѣ, и Караваевъ, любя безсловесныхъ,—взялъ его къ себѣ воспитателемъ. Тамъ онъ находится и въ настоящее время [1]).

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, общіе классы приняли другое наименованіе и порядокъ, и измѣнилось въ нихъ преподаваніе. Во 1-хъ, прежнее раздѣленіе классовъ на приготовительный и общіе уничтожено, и всѣ классы назвали по порядку, начиная съ I-го до VI-го (впослѣдствіи въ 1870 г. былъ прибавленъ еще VII-й классъ). Во 2-хъ, вмѣсто $1^1/_2$ часовыхъ уроковъ введены были уроки въ $1^1/_4$ часа (ежедневно по 4-ре урока), а черезъ

[1]) Въ 1893 году вышелъ въ отставку.

годъ замѣнили эти уроки—часовыми, по пяти уроковъ въ день. Въ 3-хъ, снова ввели тѣ предметы, которые изгнаны были изъ корпусовъ послѣ Ростовцева: естественную исторію и обязательными сдѣлали оба иностранные языка—французскій и нѣмецкій. Но за то уничтожили русскую словесность и исторію литературы, замѣнивъ ихъ разборомъ образцовъ. Послѣднее сохранилось до 1880 г. (т. е. въ продолженіе 16-ти лѣтъ), когда наконецъ убѣдились въ непроизводительной тратѣ времени, назначеннаго на эти разборы образцовъ. Для того, чтобы разборъ образцовъ получилъ смыслъ, учитель долженъ былъ обладать талантомъ, но большинство учителей русскаго языка (изъ тѣхъ, которыхъ я зналъ всѣ, за однимъ только исключеніемъ) занимались такими мелочами, что не только наводили на учениковъ скуку, но и уничтожали въ нихъ всякую любовь, всякое чутье къ поэтическимъ произведеніямъ. Чѣмъ болѣе учитель вдавался въ мелочи каждаго произведенія, привязываясь къ каждому его слову, тѣмъ лучше считался разборъ, такъ что красота и истинный смыслъ произведенія совершенно исчезали за, если можно такъ выразиться, анатомированіемъ подробностей. Приведу нѣсколько примѣровъ такихъ разборовъ учителей, считавшихся въ свое время мастерами своего дѣла.

Разбирается басня Крылова «Квартетъ». Почему, спрашиваетъ учитель, всѣ четверо усѣлись играть подъ липки? Такъ какъ въ то время считалось чуть не преступленіемъ что-нибудь сообщать ученикамъ и на всѣ вопросы ученики должны были непремѣнно отвѣтить сами, то учитель потѣлъ почти полчаса, чтобы добиться отвѣта отъ учениковъ. Много онъ давалъ такъ называемыхъ наводящихъ вопросовъ, много ученики давали отвѣтовъ, но все это было не то, чего хотѣлъ учитель. Находясь въ классѣ, я только удивлялся потерѣ времени, но, наконецъ, учитель самъ подсказалъ таки, а ученики повторили, что это потому, что они надѣялись собрать на свой концертъ большую публику на лужкѣ подъ липками!? Хотя я послѣ урока и сказалъ учителю, что по моему разумѣнію этого изъ басни не видно, а если такой выводъ онъ хотѣлъ сдѣлать, то проще было бы, не теряя времени и не мучая себя и дѣтей, прямо сказать имъ это; но учитель не согласился со мною и былъ доволенъ, что ученики будто-бы сами нашли отвѣтъ.

Тотъ же учитель, при разборѣ басни «Щука въ судѣ», спрашивалъ: «почему щуку принесли въ судъ въ лоханки». Какъ онъ ни бился, но оставался недоволенъ отвѣтами и наконецъ сказалъ потому, что щука любила комфортъ (?!)

Другой учитель разбираетъ балладу Пушкина «Утопленникъ». Что значитъ: «Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка, съ нимъ я вѣкъ не разберусь?»

Ученикъ. Мужикъ боялся суда.

Учитель. Почему?

Ученикъ. Потому что надо оправдываться, могутъ его обвинить.

Учитель. А въ настоящее время можно ли такъ бояться суда?

Ученикъ. Нѣтъ.

Учитель. Теперь гласный судъ, судятъ иначе. Остальная часть урока пошла на описанія гласныхъ судовъ. И это урокъ словесности!

Я могъ бы привести много другихъ, болѣе куріозныхъ разборовъ, но откладываю это до другихъ частей записокъ, къ описанію того времени, къ какому это относится; теперь же разскажу о переходѣ моемъ изъ 1-й с.-петербургской военной гимназіи въ Николаевское кавалерійское училище.

Въ мартѣ 1866 года призвалъ меня Баумгартенъ къ себѣ на квартиру, встрѣчаетъ очень любезно, пожимаетъ руку и проситъ садиться. Затѣмъ онъ обращается ко мнѣ съ слѣдующей просьбой: С. А. Лейхтъ,—говоритъ онъ,—отказывается отъ должности воспитателя, и я желалъ бы, чтобы вы приняли на себя эту должность и взяли его отдѣленіе.

— Позвольте вамъ сказать,—говорю я,—что я уже отказался отъ этой должности три года тому назадъ, когда мнѣ предлагали ее во 2-й военной гимназіи, тогда же я предпочелъ ей должность помощника инспектора классовъ.

— Да, но вскорѣ выйдетъ новое положеніе, по которому директоръ гимназіи получитъ право переводить помощника-инспектора на должность воспитателя.

— Когда я принималъ должность помощника-инспектора классовъ,—говорю я,—мнѣ это не было заявлено, но какъ только выйдетъ такое положеніе, я тотчасъ же откажусь отъ этой должности, а пока положенія такого нѣтъ, я считаю себя въ правѣ отказаться отъ должности воспитателя.

— Но почему вы отказываетесь отъ такой благородной должности?

— Потому, ваше превосходительство, что я съ званіемъ воспитателя связываю и обязанность воспитывать ввѣренныхъ мнѣ дѣтей, а чтобы воспитывать, надо жить съ дѣтьми; получаемое же воспитателемъ содержаніе не окупаетъ такого полнаго посвященія себя этому труду. Въ настоящее время, я имѣю много занятій, которыя долженъ буду тотчасъ же оставить, если возьмусь за обязанности воспитателя.

Тогда у насъ начался интересный разговоръ: директоръ сталъ доказывать мнѣ, приглашаемому имъ на должность воспитателя, что

этого вовсе не нужно, что достаточно дежурить, а въ остальные дни жертвовать двумя часами, затѣмъ остальное время заниматься гдѣ и чѣмъ я хочу; я же, приглашаемый, сталъ доказывать ему неправильность такого взгляда и говорилъ, что самое названіе воспитателя (а не надзирателя), которому при томъ поручается вести физическое, нравственное и умственное воспитаніе дѣтей, показываетъ, что онъ долженъ посвятить себя этому дѣлу и т. д. Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ около часа, наконецъ, Баумгартенъ разсердился, всталъ и сухо поклонился мнѣ, не подавая руки, и два дня со мной не хотѣлъ разговаривать.

Спустя мѣсяцъ, Бѣлоха сказалъ мнѣ, что въ кавалерійскомъ училищѣ открывается вакансія помощника-инспектора классовъ и что, если я желаю, онъ вмѣстѣ съ Баумгартеномъ будетъ хлопотать для меня это мѣсто. Я изъявилъ согласіе, и они оба начали хлопотать.

Въ началѣ іюня Баумгартенъ говоритъ мнѣ: дѣло ваше удалось, Н. В. Исаковъ обѣщалъ отдать о васъ на-дняхъ приказъ, съѣздите теперь къ нему для формы и попросите сами о переводѣ. Я поѣхалъ, и Н. В. Исаковъ, принявъ меня очень любезно, завелъ со мной слѣдующій разговоръ, весьма интересный въ его устахъ:

— Что заставляетъ васъ переходить въ училище?

— Директоръ заявилъ мнѣ, что по новому положенію о военныхъ гимназіяхъ, которое вскорѣ выйдетъ, помощникъ-инспектора можетъ быть по его усмотрѣнію переведенъ въ должность воспитателя. Не желая принимать на себя воспитательскія обязанности, я не могу оставаться въ должности помощника-инспектора классовъ военной гимназіи.

— Да, конечно, въ воспитатели идутъ только такіе люди, которые не имѣютъ ничего лучшаго; вы же получите повышеніе. Но почему же вы соглашаетесь на должность помощника-инспектора классовъ въ военномъ училищѣ?

— Въ училищѣ, ваше превосходительство, нѣтъ такого положенія, и при томъ тамъ съ должностью этой связано большее содержаніе.

— А сколько тамъ вы будете получать?

— Здѣсь я получалъ 1.200, а тамъ 1.500 р.

— Это очень странно, что тамъ жалованье выше, я полагаю, что должности эти одинаковы. Объ этомъ надо подумать. Но почему бы вамъ не остаться здѣсь до выхода новаго положенія о военныхъ гимназіяхъ, а потомъ оставить за собой должность преподавателя?

— Я прежде такъ и полагалъ поступить, но такъ какъ мнѣ было предложено мѣсто въ училищѣ, то я и согласился на него.

— Я полагаю, что вамъ лучше оставаться на прежнемъ положеніи,

тѣмъ болѣе, что я имѣю въ виду назначить васъ инспекторомъ классовъ въ скоромъ времени. На короткій срокъ не стоитъ мѣнять заведеніе. Оставайтесь пока на прежнемъ мѣстѣ

Мнѣ оставалось только поклониться, и мы разстались.

Я передалъ этотъ разговоръ Баумгартену, который очень удивился, говоря, что не далѣе какъ наканунѣ онъ обѣщалъ отдать обо мнѣ приказъ. Еще болѣе пришлось намъ удивляться, когда черезъ двѣ недѣли вышелъ приказъ о моемъ переводѣ на должность помощника-инспектора классовъ въ Николаевское кавалерійское училище. О разговорѣ нашемъ Николай Васильевичъ забылъ въ тотъ же день, а приказъ обо мнѣ онъ подписалъ еще утромъ.

Такимъ образомъ я разстался съ 1-й военной гимназіей, сохранивъ однако въ ней уроки физики. Я не особенно сожалѣлъ о заведеніи, въ которомъ прослужилъ столько лѣтъ, такъ какъ оно совершенно утратило характеръ и даже названіе 1-го кадетскаго корпуса.

Николаевское кавалерійское училище.

Въ августѣ 1866 года я перешелъ на службу въ Николаевское кавалерійское училище помощникомъ инспектора классовъ. Начальникомъ училища въ то время былъ замѣчательно добрый и сердечный человѣкъ генералъ-маіоръ Максимъ Антоновичъ Таубе. Этотъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ, однако, слабо относился къ учебнымъ занятіямъ юнкеровъ. Инспекторъ классовъ, полковникъ Юлій Ѳедоровичъ Нейманъ, былъ также прекрасный человѣкъ; всѣ служившіе тогда въ училищѣ офицеры отличались замѣчательно дружными отношеніями, такъ что я сразу почувствовалъ себя въ этой средѣ легко и тепло. Одно только непріятно было видѣть — слабыя отношенія начальства къ успѣхамъ юнкеровъ, чѣмъ сами юнкера пользовались въ полной мѣрѣ и учились по большей части довольно плохо. Комплектъ училища состоялъ тогда изъ 200 юнкеровъ, но, несмотря на то, что въ томъ году всѣхъ державшихъ вступительный экзаменъ приняли безъ отказа, какъ бы плохо онъ его ни выдержалъ, желавшихъ поступить было такъ мало, что всего набралось 140 юнкеровъ. Опасаясь, чтобы заведеніе не осталось безъ учениковъ, Таубе и принималъ всѣхъ безъ исключенія, затѣмъ приходилось и переводить всѣхъ ихъ въ старшій классъ, исходя опять изъ того же опасенія. Не знаю, долго ли продолжалось такое снисходительное отношеніе къ занятіямъ юнкеровъ, но въ томъ году меня и преподавателей крайне возмущала такая слабость требованій начальства отъ юнкеровъ учебныхъ занятій, о чемъ постоянно заявлялось Таубе въ педагогическихъ комитетахъ, но онъ

всегда возражалъ на это, что при настоящихъ условіяхъ надо поневолѣ снисходительнѣе относиться къ ученію юнкеровъ, иначе наша гвардейская кавалерія, гдѣ могутъ служить только богатые люди, останется безъ офицеровъ.

Надо замѣтить, что кавалерійское училище пополнялось изъ трехъ источниковъ. Во-первыхъ, больше всего изъ учениковъ окончившихъ курсъ въ кадетскихъ корпусахъ. Это были юнкера разнообразнаго состава, преимущественно лѣнивые и плохо занимавшіеся въ корпусахъ, но имѣвшіе кое-какія средства (часто очень небольшія), разсчитывавшіе выйти въ красивые гвардейскіе кавалерійскіе полки, безъ особыхъ трудовъ въ занятіяхъ [1]). Другіе же изъ этихъ кадетъ были хорошіе ученики, имѣвшіе хорошія средства и желавшіе служить въ кавалеріи; они составляли обыкновенно лучшихъ учениковъ училища. Во-вторыхъ, изъ такъ называемаго Шакѣевскаго пансіона. Это были, за рѣдкимъ исключеніемъ, плохіе ученики, уже исключенные изъ многихъ заведеній, но богатые родители ихъ хорошо платили Шакѣеву, и онъ вытягивалъ ихъ до конца курса; всѣ они были въ училищѣ своекоштными юнкерами. Въ-третьихъ, изъ поступившихъ со стороны, также богатые и также своекоштные юнкера.

Въ училищѣ былъ особый духъ, вѣроятно, усвоенный отъ прежней школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Младшій классъ (въ училищѣ было два класса) долженъ былъ безусловно подчиняться старшему, долженъ былъ служить ему, исполнять всѣ его приказанія и порученія; юнкера старшаго класса даже наказывали младшій классъ безъ отпуска, называли ихъ не иначе какъ з в ѣ р я м и. Всѣ юнкера должны были одѣваться франтами, а для этого не брать казенные мундиры и сапоги, а заказывать собственные. По городу юнкера обязаны были ѣздить непремѣнно на лихачахъ; въ отпуску они собирались компаніями, чтобы кутить. Такъ какъ для всего этого нужны были средства, то, поступивъ въ младшій классъ, небогатые юнкера сразу входили въ долги, которые къ выпуску въ офицеры доходили до нѣсколькихъ сотъ, а иногда даже тысячъ рублей. При мнѣ былъ такой случай. Юнкеръ А., перешедшій изъ 1-го корпуса, поэтому мнѣ хорошо извѣстный, какъ скромный и хорошій ученикъ, настолько тяготился своимъ положеніемъ бѣднаго, сравнительно съ товарищами, юнкера, что, соблазнившись небрежно лежавшими деньгами своего товарища—укралъ ихъ; его уличили въ воровствѣ, за что онъ былъ исклю-

[1]) Тогда еще не требовали отъ желающихъ поступить изъ корпусовъ въ кавалерійское училище никакого реверса, который былъ установленъ впослѣдствіи, въ виду того, что въ гвардейскую кавалерію, гдѣ требуется дорого содержать себя, стали выходить бѣдные люди. Для выпуска въ гвардію требовалось тогда всего 8 балловъ въ среднемъ.

ченъ изъ заведенія и такимъ образомъ пропалъ. Одинъ юнкеръ, уже будучи офицеромъ, разсказывалъ мнѣ, что онъ не имѣлъ средствъ ѣздить на лихачахъ; родители его жили на Васильевскомъ островѣ въ 14-й линіи, такъ что ему пришлось бы платить рубля два, чтобы пріѣхать въ училище, а между тѣмъ родители давали ему на извозчика всего 40 копѣекъ; онъ всю дорогу шелъ пѣшкомъ и только, подходя къ воротамъ училища, нанималъ возвращающагося изъ училища лихача за 40 к., чтобы въѣхать во дворъ и чтобы товарищи видѣли его на лихачѣ.

Нѣкоторые юнкера были на столько богаты, что имѣли въ городѣ свою наемную квартиру съ богатой обстановкой, куда и ходили въ отпускъ; были даже и такіе, которые имѣли на этой квартирѣ содержанку. Вообще нравственностью юнкера не отличались. Правда, въ самомъ заведеніи юнкера не кутили, и въ этомъ отношеніи Таубе былъ строгъ и не допустилъ бы такой безпорядокъ въ училищѣ, но тогда каждый юнкеръ могъ ходить въ отпускъ три раза въ недѣлю и, при имѣніи собственныхъ квартиръ, было и время, и мѣсто собираться и кутить въ отпуску. Въ заведеніи же были развиты обманы учителей, списываніе уроковъ, такъ называемые шпаргалки.

Каковъ былъ взглядъ на нравственность самихъ юнкеровъ, приведу небольшую выдержку, записанную мною тогда же изъ урока русскаго языка, на которомъ я лично присутствовалъ.

Преподаватель Н. Л. Ломанъ (описанный мною въ 1-й военной гимназіи) разбиралъ комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума» и по временамъ обращался съ вопросами къ юнкерамъ. Прочитавъ первую сцену Фамусова съ Лизой, которую онъ засталъ переводящею часовую стрѣлку, Ломанъ обращается къ юнкерамъ съ вопросами.

Вопросъ. На основаніи этой сцены можно ли сказать, чтобы Фамусовъ отличался строгой нравственностью?

Отвѣтъ. Кажется, онъ ничего дурнаго не сдѣлалъ.

В. Но онъ ухаживаетъ за горничной?

О. Такъ что жъ? Холостой человѣкъ.

В. Какъ холостой? Вѣдь у него же взрослая дочь—Софья?

О. Ахъ, да! Ну, все-равно – вдовецъ.

Въ 1866 году училище было только-что преобразовано изъ бывшей Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; пѣхотная рота была уничтожена, а кавалерійская расширена до комплекта 200 человѣкъ вмѣсто прежнихъ 100. Введено было преподаваніе въ аудиторіяхъ, т. е. весь классъ помѣщался въ одной комнатѣ, гдѣ читалась лекція, а по вечерамъ назначались репетиціи юнкерамъ. Эта система образованія юнкеровъ очень нравилась начальнику Павловскаго училища Ванновскому, по иниціативѣ котораго помощникъ инспектора классовъ этого училища полковникъ Кржановскій написалъ ей хвалеб-

ное слово въ «Педагогическомъ Сборникѣ», выставивъ эту систему, какъ совершенную. Это хвалебное слово системы развилъ еще болѣе помощникъ инспектора Константиновскаго училища Альбедиль, я же, убѣдившись въ теченіе года въ худыхъ сторонахъ этой нелѣпой системы, изложилъ въ двухъ статьяхъ [1]) всѣ недостатки ея, разобравъ и тѣ выгоды, которыя приписываются этой системѣ. Этими статьями я еще болѣе усилилъ враждебное отношеніе къ себѣ Ванновскаго, который не простилъ мнѣ этого до конца жизни. Вслѣдъ за этимъ я уѣхалъ изъ Петербурга и уже затѣмъ узналъ, какъ эта система преподаванія стала измѣняться: сперва нѣкоторые предметы перенесены были изъ аудиторій въ небольшія классныя отдѣленія, потомъ число предметовъ, читаемыхъ въ аудиторіяхъ, стало уменьшаться и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ аудиторіи были совершенно уничтожены. Осталась только система репетицій, но и та совершенно измѣнила свой первоначальный характеръ, такъ что статьи мои не прошли безслѣдно.

Пробывъ въ кавалерійскомъ училищѣ менѣе года, я болѣе ничего не могу сказать о немъ. Въ маѣ мѣсяцѣ юнкерамъ были произведены экзамены, показавшіе вообще довольно слабые успѣхи юнкеровъ.

Къ Святой недѣлѣ меня произвели въ чинъ капитана; этого только и ждалъ Исаковъ, чтобы сдѣлать меня инспекторомъ классовъ. По порученію Исакова, въ началѣ мая, пригласилъ меня къ себѣ генералъ Корсаковъ, который за отъѣздомъ Исакова, остался исправлять его должность и предложилъ мнѣ мѣсто инспектора классовъ въ Полтавской военной гимназіи. До меня въ Полтавѣ инспекторомъ классовъ былъ полковникъ Кругликовъ; онъ былъ тамъ всего одинъ учебный годъ и, какъ мнѣ было извѣстно, выходилъ оттуда по непріятностямъ съ директоромъ, полковникомъ Францемъ Ивановичемъ Симашко, вотъ это обстоятельство, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, заставило меня на первыхъ порахъ отказаться отъ предложеннаго мнѣ мѣста. Генералъ Корсаковъ былъ очень удивленъ моимъ отказомъ и сказалъ мнѣ, что при моемъ чинѣ и моей молодости (я былъ всего одиннадцатый годъ на службѣ) это назначеніе показываетъ особое вниманіе ко мнѣ начальства, поэтому онъ совѣтуетъ мнѣ не отказываться отъ предлагаемаго мѣста, чтобы не разсердить начальство, и потому даетъ мнѣ на размышленіе одну недѣлю. Тогда я прямо заявилъ Корсакову, что мнѣ извѣстно, что Кругликовъ имѣлъ непріятности съ Симашко, поэтому я желаю знать, что вышло между ними. Корсаковъ сказалъ мнѣ, что генералъ Исаковъ разрѣшилъ ему показать мнѣ переписку Кругликова и Симашки съ главнымъ управленіемъ, если я этого пожелаю, и тотчасъ же

[1]) „Педагогическій Сборникъ“ 1867 г. № 8 и „Педагогическій Сборникъ“ 1868 г. № 3.

далъ мнѣ прочесть письма того и другаго къ генералу Исакову. Въ своемъ письмѣ Кругликовъ жаловался, что Симашко позволилъ себѣ кричать на него въ присутствіи швейцара, а Симашко обвинялъ Кругликова въ жестокости; когда онъ, Симашко, уѣхалъ на мѣсяцъ въ Петербургъ, а Кругликовъ остался исправлять за него должность директора гимназіи, то онъ своими жестокими мѣрами (хотя меня удивило, что жестокія мѣры заключались въ сбавкѣ у воспитанника трехъ балловъ поведенія) довелъ одного воспитанника до того, что Симашко, возвратясь въ Полтаву, нашелъ, что воспитанникъ этотъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ, и хотя онъ, Симашко, по пріѣздѣ своемъ, тотчасъ возвратилъ воспитаннику баллы, но было уже поздно и его пришлось исключить изъ гимназіи домой, какъ помѣшаннаго. Прочитавъ оба эти письма, я, хотя и удивился такому результату отъ сбавки трехъ балловъ за поведеніе, но мнѣ и въ умъ не приходило, чтобы здѣсь была ложь съ стороны Симашко, и я нашелъ, что Кругликовъ виноватъ. Впослѣдствіи, уже будучи въ Полтавѣ, я узналъ, что воспитанникъ этотъ (выпускной) дѣйствительно обнаруживалъ нѣкоторые признаки ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей, но происходило это оттого, что онъ влюбился въ дочь діакона заведенія и, будучи исключенъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ отрезвился и въ августѣ выдержалъ экзаменъ въ медико-хирургическую академію, откуда вскорѣ по поступленіи прислалъ въ военную гимназію товарищамъ письмо, объяснивъ въ немъ, почему онъ бросилъ заниматься въ гимназіи. Дѣло въ томъ, что былъ фактъ проступка воспитанника и былъ фактъ сбавки трехъ балловъ за этотъ проступокъ, что, впрочемъ, Кругликовъ сдѣлалъ не самъ, а на основаніи рѣшенія педагогическаго комитета, въ которомъ обсуждался этотъ проступокъ. Это было на 1-й недѣлѣ великаго поста, Симашко пріѣхалъ на 3-й недѣлѣ, а признаки нѣкоторыхъ ненормальныхъ проявленій воспитанникъ обнаружилъ передъ Святой недѣлей, и Симашко, который, вѣроятно, и самъ не вѣрилъ, чтобы воспитанникъ помѣшался черезъ шесть недѣль послѣ сбавки трехъ балловъ, да и могъ бы какъ слѣдовало разобрать это дѣло, чтобы выяснить его, этого, однако, не сдѣлалъ, а прямо воспользовался случаемъ, чтобы обвинить Кругликова въ жестокости, которая довела воспитанника до такого состоянія. Въ Полтавѣ, впрочемъ, всѣ хорошо знали причину ненормальнаго состоянія воспитанника, и никто не думалъ, что Симашко объясняетъ ее такимъ образомъ.

Не зная вовсе этого дѣла, я призналъ Кругликова виноватымъ, однако, отказался отъ назначенія, не желая уѣзжать изъ Петербурга въ такую глушь, какъ Полтава, которая лежала тогда далеко отъ желѣзныхъ дорогъ. Корсаковъ горячо уговаривалъ меня и въ заключеніе

сказалъ мнѣ, что ждетъ окончательнаго отвѣта отъ меня черезъ недѣлю.

Черезъ недѣлю я снова явился къ нему съ отказомъ, но онъ снова уговаривалъ меня и, узнавъ, что я не хочу уѣзжать изъ Петербурга, далъ мнѣ честное слово, что при первой же вакансіи инспектора классовъ въ Петербургѣ, меня снова переведутъ въ Петербургъ, при чемъ назначилъ срокъ никакъ не болѣе двухъ лѣтъ. Въ то время я еще вѣрилъ словамъ начальства (за что и былъ наказанъ) и согласился взять мѣсто и когда черезъ пять лѣтъ я встрѣтился въ первый разъ съ Корсаковымъ и напомнилъ ему его честное слово, то онъ удивился и сказалъ, что этого не помнитъ.

Петровская Полтавская военная гимназія.

1-го августа 1867 года пріѣхалъ я въ Полтаву и въ тотъ же день поѣхалъ въ лагерь воспитанниковъ, находящійся въ семи верстахъ отъ города, около такъ называемой Шведской могилы, съ тѣмъ, чтобы явиться директору гимназіи Францу Ивановичу Симашко.

Назначеніе полковника Симашко директоромъ военной гимназіи, да еще въ Полтаву, было крупной ошибкой, безпрестанно повторяющейся въ Россіи, гдѣ не существуетъ выдержки какой бы то ни было системы. Польское возстаніе 1862—63 года вынудило наше правительство сдѣлать нѣкоторыя ограниченія полякамъ: въ артиллерійское училище былъ вовсе прекращенъ пріемъ молодыхъ людей-поляковъ, въ гимназіяхъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ военныхъ и гражданскихъ пріемъ ихъ былъ ограниченъ 10%; запрещено было принимать ихъ въ военно-учебныя заведенія въ должности учителей и воспитателей, и въ то же время полякъ Симашко назначается директоромъ заведенія (назначеніе С. было въ августѣ 1865 года) съ четырехсотеннымъ интернатомъ, да еще за 1.000 слишкомъ верстъ отъ Петербурга, гдѣ и надзоръ-то за нимъ былъ недоступенъ (желѣзныхъ дорогъ въ то время не было).

Передъ назначеніемъ Симашко многіе родители воспитанниковъ Полтавскаго корпуса отправили къ Н. В. Исакову письмо за общею подписью, въ которомъ просили его не назначать поляка воспитателемъ ихъ дѣтей, такъ какъ до нихъ дошли слухи о назначеніи Симашко. Что было сдѣлано съ этимъ письмомъ, мнѣ неизвѣстно; но представленіе о назначеніи Симашко было сдѣлано. Государь Александръ Николаевичъ въ это время и самъ не довѣрялъ полякамъ, а потому на представленіи сдѣлалъ сбоку помѣтку: «полякъ?» Тогда ген. Исаковъ, а вмѣстѣ съ нимъ и военный министръ Д. А. Милютинъ ручались передъ

государемъ въ томъ, что «Симашко болѣе русскій, нежели они сами», и настолько успѣли убѣдить государя, что онъ подписалъ приказъ о его назначеніи.

Назначенный директоромъ Полтавскаго кадетскаго корпуса, Симашко и преобразовалъ его въ военную гимназію.

Какъ видно, Симашко зналъ о недовѣріи къ нему родителей и полтавскаго общества и въ началѣ былъ очень остороженъ; онъ, тотчасъ по пріѣздѣ, приблизилъ къ себѣ стараго служащаго въ корпусѣ, всѣми уважаемаго учителя математики Г. В. Котельникова, зная, что человѣкъ этотъ пользовался въ Полтавѣ общею любовью, что онъ большой говорунъ и можетъ быть ему полезенъ, если будетъ прославлять его на всѣхъ городскихъ перекресткахъ. Затѣмъ онъ выписалъ себѣ изъ Новгородскаго Аракчеевскаго корпуса двухъ братьевъ Гудимъ, старшаго Александра Васильевича, бывшаго учителя географіи, въ должность воспитателя, а младшаго Петра Васильевича, бывшаго ротнаго командира,—въ должность завѣдывающаго обмундированіемъ; другаго ротнаго командира того же корпуса — Макшеева, перевелъ въ должность смотрителя дома. Всѣхъ этихъ лицъ Симашко зналъ, будучи инспекторомъ классовъ въ Аракчеевскомъ корпусѣ, и считалъ ихъ полезными для своихъ цѣлей. По рекомендаціи Гудимъ, онъ перевелъ къ себѣ изъ Нѣжинской гражданской гимназіи племянника ихъ Виктора Константиновича Вульфа, учителемъ русскаго языка и помощникомъ инспектора классовъ. Въ то же время всѣхъ служившихъ въ корпусѣ поляковъ—учителей и дежурныхъ офицеровъ, Симашко хотя и не удалилъ изъ заведенія, переведя послѣднихъ воспитателями, но не допускалъ ихъ къ себѣ даже въ квартиру. Такъ продолжалось два года. Котельниковъ и другіе друзья его стали вездѣ славить Симашку какъ прекраснаго начальника, хотя и поляка, но совершенно не расположеннаго къ полякамъ, а любящаго лишь русскихъ. Но вздорный и грубый характеръ Симашки началъ тотчасъ обнаруживаться, несмотря на всю его сдержанность. Инспекторомъ классовъ былъ въ это время полковникъ Румель, съ которымъ Симашко началъ ссориться почти съ перваго же дня своего пріѣзда. Румель былъ старый полковникъ и ожидалъ мѣста директора; два мѣсяца онъ прожилъ съ Симашкой и видя, что за человѣкъ новый директоръ, выхлопоталъ себѣ временное назначеніе состоять при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и уѣхалъ въ Петербургъ. Такимъ образомъ, едва вступивъ въ должность директора, Симашко уже успѣлъ поссориться съ ближайшимъ своимъ помощникомъ; ссора эта не успѣла принять острый характеръ, и сообщилъ ли о ней Румель Исакову, ничего не извѣстно. По отъѣздѣ Румеля, должность его сталъ исправлять его помощникъ полковникъ Дудышкинъ. Стараясь подлаживаться къ

русскимъ учителямъ и воспитателямъ, Симашко за то принялся усиленно ссориться съ Дудышкинымъ. Дошло до того, что Дудышкинъ не могъ болѣе жить съ Симашкой и, едва окончился первый учебный курсъ, онъ поѣхалъ въ Петербургъ жаловаться на Симашку; не получивъ удовлетворенія, Дудышкинъ перешелъ преподавателемъ математики въ Межевой институтъ въ Москвѣ.

Вмѣсто Дудышкина, котораго имѣлось въ виду назначить инспекторомъ классовъ, назначенъ былъ инспекторомъ полковникъ С. Н. Кругликовъ, бывшій помощникъ инспектора классовъ въ кавалерійскомъ училищѣ. Несмотря на свой флегматическій темпераментъ и крайнюю доброту, Кругликовъ не могъ ужиться съ Симашкой; вскорѣ у нихъ началась ссора; Симашко не стѣсняясь говорилъ ему дерзости, такъ что къ концу учебнаго года Кругликовъ написалъ въ Петербургъ письмо, прося перевести его въ другое заведеніе; въ то же время Симашко написалъ ложный доносъ о томъ, что Кругликовъ довелъ одного воспитанника до сумасшествія (о чемъ сказано было выше), и Николай Васильевичъ назначаетъ Кругликова въ Омскую военную гимназію (въ Сибири) на ту же должность инспектора классовъ, что̀ дало поводъ Симашко лѣтъ десять повторять одну и ту же фразу: «я сослалъ Кругликова въ Сибирь, только кандалы не надѣлъ на него!» Вмѣсто Кругликова инспекторомъ классовъ въ Полтаву назначили меня. Такимъ образомъ въ два года Симашко успѣлъ выжить трехъ лицъ, исполнявшихъ должность инспектора классовъ.

Первый разговоръ, который завелъ Симашко со мною въ день моего представленія, былъ о Кругликовѣ. Симашко прямо назвалъ Кругликова набитымъ дуракомъ[1]) и выразилъ свою радость о томъ, что его отъ него взяли.

Дѣла, о которыхъ я выше говорилъ, я засталъ уже значительно из-

---

[1]) До своего назначенія директоромъ Полтавской военной гимназіи, Симашко былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ у генерала Ванновскаго, гдѣ впрочемъ онъ былъ всего одинъ годъ. Въ этотъ годъ онъ съумѣлъ угодить П. С. Ванновскому, который, полюбивъ его, просилъ Исакова о его назначеніи; чѣмъ объясняю я то обстоятельство, что во время моего пребыванія въ Кіевѣ, Ванновскій въ разговорѣ со мною сказалъ: „неудивительно, что Симашко поссорился съ Кругликовымъ, какой это инспекторъ классовъ, вѣдь это „набитый дуракъ“. Выраженіе это Ванновскій повторялъ со словъ Симашки, самъ же Ванновскій почти не зналъ Кругликова. Слова эти въ устахъ Ванновскаго тѣмъ болѣе имѣютъ значеніе, что впослѣдствіи, будучи военнымъ министромъ, онъ не остановился передъ назначеніемъ этого „набитаго дурака“ въ должность директора той же Полтавской военной гимназіи (корпуса)!! Что касается лично меня, то я хотя и мало знаю Кругликова, но съ такимъ рѣзкимъ приговоромъ о немъ не согласенъ.

мѣнившимися. Симашко уже пробылъ директоромъ два года и считалъ себя настолько утвердившимся на своемъ мѣстѣ, что призналъ возможнымъ сбросить съ себя маску. Въ годъ моего пріѣзда, въ мартѣ мѣсяцѣ Симашко поѣхалъ въ Петербургъ узнать, будетъ ли онъ утвержденъ въ своей должности (онъ назывался исправляющимъ должность директора); ему было сказано, что имъ очень довольны и что въ 1868 году къ Пасхѣ онъ будетъ представленъ къ чину генерала съ утвержденіемъ въ должности директора. Когда Симашко задумалъ ѣхать въ Петербургъ, то поляки стали агитировать между служащими, чтобы устроить ему торжественные проводы. Это нѣсколько удивило служащихъ, такъ какъ поляковъ Симашко, казалось, держалъ въ черномъ тѣлѣ; но, видно, имъ была извѣстна программа его дѣйствій. По подпискѣ пять троекъ было нанято для проводовъ директора до первой станціи; было взято съ собой много вина, закусокъ, и на первой станціи началась оргія. Подъ вліяніемъ шампанскаго говорили самыя горячія рѣчи, благія пожеланія Симашкѣ; при этомъ нѣкоторые подпили, и одинъ изъ присутствовавшихъ, будучи навеселѣ, прямо обратился къ Симашкѣ съ слѣдующимъ вопросомъ: «вы думаете, Францъ Ивановичъ, что все это дѣлается искренно, а не изъ льстивыхъ побужденій?» На что Симашко, съ свойственнымъ ему цинизмомъ, отвѣтилъ: «Мнѣ это все равно, мнѣ были бы факты!» А факты были: вся Полтава и окрестные помѣщики стали говорить о томъ, что за прекрасный директоръ въ военной гимназіи, котораго такъ любятъ всѣ служащіе.

Возвратясь изъ Петербурга, Симашко почувствовалъ силу; выдержки однако у него не было, чтобы выждать еще годъ до полученія утвержденія въ должности; его строптивый характеръ началъ обнаруживаться: съ своимъ инспекторомъ Кругликовымъ онъ вступилъ въ открытую непріязнь и написалъ на него доносъ, о которомъ я говорилъ выше. Вслѣдъ затѣмъ онъ поссорился и удалилъ отъ себя всѣхъ тѣхъ русскихъ, которыхъ вначалѣ приблизилъ къ себѣ, а на мѣсто нихъ къ нему вошли въ домъ служившіе въ военной гимназіи поляки. Полякъ маіоръ Моралевскій, бывшій въ корпусѣ дежурнымъ офицеромъ и оставленный Симашкою воспитателемъ, сдѣлался любимцемъ и ближайшимъ совѣтникомъ Симашки; для него всегда были открыты двери его квартиры, и онъ чаще бывалъ у Симашки чѣмъ у себя дома. Полковникъ Липинскій, экономъ заведенія, котораго Симашко сдѣлалъ потомъ воспитателемъ, также былъ постояннымъ его гостемъ. Учителя-поляки Шишко, Михальскій и Туржанскій пользовались особеннымъ его довѣріемъ; два брата Ганнотъ—воспитатели (замѣчу очень плохіе) и нѣкоторые русскіе, угождавшіе полякамъ, также пользовались его расположеніемъ. Самъ Симашко, опасаясь при представленіи въ генералы новаго вопроса государя: «полякъ?»,—нашелъ полезнымъ измѣнить като-

лицизму и въ іюлѣ мѣсяцѣ принялъ лютеранство, не умѣя даже читать по-нѣмецки, при чемъ отговаривался тѣмъ, что его жена лютеранка и будто бы это обстоятельство заставило и его принять лютеранство. Бывшіе друзья Симашки: Котельниковъ, братья Гудимы, Макшеевъ, Вульфъ и нѣкоторые другіе преслѣдовались; въ особенности упорно преслѣдовался Симашкою священникъ заведенія протоіерей Катрановъ. Въ такомъ положеніи я засталъ заведеніе, когда прибылъ въ него въ должность инспектора классовъ. Всѣ эти подробности я узналъ почти черезъ полгода, когда я собирался уже уѣзжать изъ Полтавы.

Первый педагогическій комитетъ, бывшій 16-го августа, въ день открытія учебнаго курса, поразилъ меня тѣми враждебными отношеніями, которыя мнѣ, какъ новому лицу, невольно бросились въ глаза, въ особенности въ отношеніяхъ между воспитателями и преподавателями. Не преувеличивая говорю, что когда кто-нибудь изъ воспитателей говорилъ, то у нѣкоторыхъ преподавателей сверкали злобой глаза, и наоборотъ: рѣчи преподавателей вызывали озлобленіе воспитателей. По окончаніи комитета я обратился къ Симашкѣ съ вопросомъ: неужели здѣсь существуетъ вражда между воспитателями и преподавателями? Симашко поморщился и спросилъ: отчего вы такъ думаете?

— Изъ того, что я видѣлъ сегодня въ комитетѣ: изъ возраженій той и другой стороны, а еще болѣе изъ тѣхъ взглядовъ, которые бросались другъ на друга.

— Ну, это вамъ такъ показалось, этого нѣтъ.

На другой день помощникъ мой В. К. Вульфъ сказалъ мнѣ, что озлобленіе давно существуетъ, иногда оно въ комитетахъ выражается въ рѣзкой формѣ, но что вчера всѣ видимо сдерживались.

Прослуживъ нѣсколько недѣль, я не только самъ убѣдился въ страшномъ антагонизмѣ двухъ корпорацій, но и узналъ причину этого. Дѣло въ томъ, что Симашко далъ слишкомъ большое значеніе воспитателямъ въ ущербъ преподавателей. Разумѣется, преподаватели остались недовольны, такъ какъ воспитатели, люди большею частію не отличавшіеся большимъ развитіемъ, переименованные въ это званіе изъ прежнихъ дежурныхъ офицеровъ (когда они находились въ полномъ загонѣ у прежняго начальства), совершенно не понимали своихъ отношеній къ преподавателямъ, а поддерживаемые Симашкой, они начали какъ бы мстить за свое прежнее униженіе (прежде преподаватели третировали дежурныхъ офицеровъ) и начали позволять себѣ вмѣшиваться въ классныя занятія учителей, чѣмъ помѣшали успѣшному ходу этихъ занятій. Отношенія между преподавателями и воспитателями дошли, наконецъ, до того, что нерѣдко при встрѣчѣ другъ съ другомъ они не только не здоровались, но обходили одинъ другаго черезъ боковыя залы. Случалось, что во время урока воспитатель входилъ въ классъ, останавливалъ

занятія учителя и начиналъ разбирать проступки воспитанниковъ или раздавалъ имъ книги и тетради, дѣлая это даже съ умысломъ, чтобы доставить непріятность учителю. Въ началѣ учителя жаловались инспектору и Симашкѣ, но Симашко всегда принималъ сторону воспитателя, и, вѣроятно, это и было поводомъ ссоры его съ двумя первыми инспекторами, а Кругликовъ молчалъ. Потомъ учителя перестали жаловаться и по окончаніи урока нерѣдко сами вступали въ споры съ воспитателями. Конечно, между воспитателями было человѣкъ пять очень умныхъ и дѣльныхъ, они были сами преподаватели и умѣли себя держать съ должнымъ тактомъ, но именно самые плохіе воспитатели, а ихъ было большинство, старались при всякомъ случаѣ показать каждому учителю свое значеніе.

Вотъ эта-то ненормальность отношеній между воспитателями и учителями очень скоро бросилась мнѣ въ глаза, и я рѣшился для пользы дѣла возстановить значеніе учителя въ классѣ и указать должное мѣсто воспитателю во время классныхъ занятій его воспитанниковъ. Съ этою цѣлью я составилъ двѣ инструкціи: одну преподавателямъ, а другую воспитателямъ въ ихъ учебныхъ занятіяхъ съ воспитанниками. Въ инструкціяхъ этихъ, между прочимъ, было указано, что въ классѣ учитель есть полный хозяинъ, и воспитатель безъ разрѣшенія преподавателя не только не дѣлаетъ никакихъ распоряженій, но даже и замѣчаній ученику, которыя можетъ сдѣлать послѣ.

Надо замѣтить, что Симашко въ началѣ былъ со мною въ отличныхъ отношеніяхъ. Передъ каждымъ педагогическимъ комитетомъ, въ которомъ предстояло обсужденіе какого-нибудь вопроса, онъ заходилъ ко мнѣ на квартиру и совѣтовался со мною, какое рѣшеніе слѣдуетъ ему дать. Августъ, сентябрь и октябрь мѣсяцы мы жили мирно. Наши хорошія отношенія были не по нутру полякамъ, особенно упомянутому мною воспитателю Моралевскому, который началъ опасаться, чтобы вліяніе его на Симашку не ослабѣло черезъ меня; онъ постоянно говорилъ ему даже при другихъ воспитателяхъ,—и это доходило до меня,—что инспекторъ классовъ человѣкъ новый, не вполнѣ знакомъ съ нашими порядками, и потому не слѣдовало бы допускать въ комитетѣ обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые онъ возбуждаетъ. Замѣчательно, что Симашко въ этихъ разговорахъ съ Моралевскимъ всегда съ нимъ соглашался, а въ разговорахъ со мной соглашался съ моимъ мнѣніемъ. Все это показало мнѣ безхарактерность Симашки, и потому, составивъ инструкціи, я прочелъ ихъ ему, объяснивъ тѣ обстоятельства, которыя заставили меня написать ихъ (желаніе прекратить тѣ безобразія, которыя мнѣ приходилось наблюдать въ короткое время моего пребыванія въ заведеніи). Симашко вполнѣ одобрилъ обѣ инструкціи и просилъ ихъ налитографировать для раздачи членамъ комитета. Я налитографиро-

*

валъ ихъ въ видѣ проекта и далъ ему ихъ подписать, чтобы тѣмъ предупредить жалобы Моралевскаго, который видѣлъ бы, что подпись директора указываетъ, что инструкціи вносятся для обсужденія самимъ директоромъ. Симашко подписалъ, просилъ меня также подписаться, и, за три дня до комитета, объ инструкціи были розданы членамъ комитета.

Инструкція для преподавателей, послѣ непродолжительныхъ обсужденій, была принята; что же касается до инструкцій воспитателей, то она вызвала цѣлую бурю: въ теченіе двухъ комитетовъ ее обсуждали вкривь и вкось, и тутъ-то стало всѣмъ очевидно, какое озлобленіе существовало между воспитателями и преподавателями. Въ концѣ-концовъ инструкція такъ и осталась безъ окончательнаго рѣшенія, что въ ней слѣдуетъ принять и что нѣтъ, но все-таки она принесла большую пользу дѣлу: она заставила воспитателей измѣнить свои наглыя вмѣшательства въ классныя дѣла учителей; они перестали хозяйничать въ классѣ въ присутствіи учителя и такъ отучились отъ этого безобразія, что когда черезъ три мѣсяца послѣ обсужденія инструкціи ревизоръ В. В. Авиловъ (которому была извѣстна причина, вызвавшая составленіе инструкціи) спросилъ воспитателей въ частномъ комитетѣ (гдѣ отсутствовали преподаватели): позволяютъ ли они себѣ вмѣшиваться въ занятія преподавателей или нарушать эти занятія, то всѣ воспитатели единогласно (а вмѣстѣ съ ними и Симашко) заявили, что они никогда не позволяютъ себѣ этого дѣлать и остаются только наблюдателями въ классахъ. Хотя они и обобщали это и по прежнее время, но въ данное время это было совершенно вѣрно.

Несмотря на то, что инструкція, какъ я сказалъ, была подписана Симашкой, Моралевскій, въ присутствіи другихъ лицъ, жаловался Симашкѣ, что я внесъ въ комитетъ эту инструкцію, и Симашко не только одобрилъ его, но мнѣ выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ была написана инструкція, а впослѣдствіи онъ донесъ въ главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, что я составилъ въ комитетѣ инструкцію безъ его вѣдома и обвинялъ меня въ превышеніи власти.

В. Г. Фонъ-Бооль.

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

III [1]).

Вечеръ, проведенный въ сообществѣ этихъ молодыхъ людей, равно какъ и стариковъ, повидимому, уже совершено примирившихся въ душѣ съ неопредѣленными стремленіями путешественника-гостя, оставилъ въ душѣ Перепелкина глубокіе слѣды. Онъ почти всю ночь не спалъ, несмотря на то, что рано простился со всѣми, чтобы на другой день, никого не безпокоя, часовъ въ пять выѣхать. Ворочаясь съ бока на бокъ, онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ мыслей, вызванныхъ явленіями, которыя прошли передъ его глазами въ этотъ день и, по ассоціаціи идей, привели на память множество другихъ аналогичныхъ изъ другаго времени. Ему казалось, что много силы уже прибавилось въ сферѣ его отвлеченнаго мышленія, при легкомъ пока знакомствѣ съ жизнью,—что же будетъ—мечталъ онъ—если путемъ серьезнаго изученія ея онъ до возможныхъ предѣловъ расширитъ горизонтъ знанія? Неужели, при ясно поставленныхъ и правильно сознанныхъ цѣляхъ жизни, онъ не въ состояніи будетъ осуществить этическія начала на поприщѣ практической дѣятельности? Вѣдь, въ этомъ состоитъ прогрессъ человѣчества—почему же и ему не посвятить себя на то, чтобы, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать этому прогрессу? Но устойчивы ли наши желанія и стремленія,—соображалъ онъ, приводя въ связь всѣ разрозненныя понятія, какія возникали въ его умѣ относительно молодой четы, задавшейся цѣлью до гроба идти рука объ руку въ стремленіи къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, путемъ развитія между ними гуманныхъ на-

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1904 г.

чалъ? Эта легкая, набѣгавшая по временамъ на чело молодой супруги, мимолетная задумчивость; эта очевидная неувѣренность въ самомъ себѣ со стороны ея мужа, всѣ свои упованія и надежды, повидимому, возложившаго на нее одну; эта порывистая страстность въ выраженіи пламенной любви другъ къ другу, какъ бы изъ боязни ея ослабленія и потери—не служатъ ли они признакомъ того, что время и обстоятельства могутъ представить серьезный искусъ для этихъ молодыхъ людей? Но нѣтъ, впрочемъ: «разъ вкусивши отъ плодовъ мысли, не найдешь удовлетворенія внѣ ея. Вѣдь, это неисчерпаемая задача—исканіе Бога, исканіе истины. Жизни не достаточно, чтобы удовлетворить неутолимой жаждѣ—мыслію и чувствомъ постигнуть многообразный міръ явленій и согласовать ихъ съ требованіями духа». Вотъ и эти простые помѣщики, почти не тронутые наукой, застывшіе въ рутинномъ взглядѣ на жизнь, не лишены же стремленія и способности опознаться въ сферѣ непривычной мысли и примирить ее съ своимъ опытомъ. Несомнѣнно, есть и идеалы у нихъ свои, иначе откуда бы взялась у маіора, при разнорѣчивыхъ и совершенно противорѣчивыхъ толкахъ объ извѣстныхъ личностяхъ, такая опредѣленная характеристика ихъ. Очевидно, они есть плодъ согласованія этихъ толковъ съ своими взглядами на жизнь, съ своими требованіями, съ своими идеалами. «За сухость сердца»,—говоритъ маіоръ, «не любитъ его племянникъ извѣстнаго ученаго богослова. Аскетъ въ своемъ же братѣ по духу, аскетѣ, не любитъ того, что составляетъ аттрибутъ касты, какъ слѣдствіе отрѣшенія отъ міра. Что же—унаслѣдована ли эта сухость отъ предковъ, или она есть результатъ односторонняго знанія, вращавшагося только въ сферѣ отвлеченной мысли, безъ всякаго живаго приложенія къ человѣку? Но знаніе во всякомъ случаѣ—сила, которая бодритъ и оживляетъ духъ, а что оживляло или оживляетъ вотъ этихъ простыхъ людей, матеріально обезпеченныхъ въ такой степени, что они не имѣли и не имѣютъ надобности прикладывать умъ или руки къ какому-нибудь дѣлу, а внѣ матеріальныхъ потребностей, лишенныхъ всякихъ другихъ интересовъ до того, что отъ скуки начинаютъ хандрить и для развлеченія ихъ приходится съ дороги зазывать незнакомыхъ людей? Вѣра, говорятъ, удовлетворитъ человѣка всегда, вездѣ и во всемъ. Да, какъ живое начало, а не какъ заученная обрядность. Но, какъ живое начало, она наполнитъ душу идеями о благости Творца, внесетъ въ сердце жизнерадостное чувство, а не наклонность къ угрюмости и отчужденію отъ всего живаго. Воспринятая человѣкомъ какъ живое начало, а не какъ формальная обрядность, она поставитъ человѣка сразу въ правильныя отношенія къ ближнему, запечатлѣвъ въ его душѣ принципъ: «не дѣлать другому того, чего не желалъ бы, чтобъ тебѣ дѣлали». А это могло бы вызвать цѣлый рядъ обязанностей по отношенію къ закрѣпощеннымъ

людямъ, обязанностей, которыя наполнили ли бы всю жизнь человѣка—и до скуки ли ему было бы тогда? Слѣдовательно, и этихъ двухъ факторовъ—силы знанія и вѣры—важнѣйшихъ въ отправленіи моральной жизни, не было у этихъ людей. Въ чемъ же состояла ихъ духовная жизнь? Не ниже ли они тѣхъ людей простыхъ, совершенно не тронутыхъ наукой, которые нуждой поставлены въ необходимость напрягать физическія и умственныя силы къ пріисканію средствъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей, и той же нуждой, знакомящей ихъ съ ранняго возраста со всевозможными лишеніями, приводятся къ пониманію безпомощности человѣка, предоставленнаго самому себѣ и лишеннаго содѣйствія другихъ, а вслѣдствіе того и къ невольному сочувствію чужой бѣдѣ, чужому горю. Не даромъ же въ народѣ сложилась поговорка: «сытый голоднаго не понимаетъ».

Эти безпорядочныя, безсвязныя и неопредѣленныя мысли смѣнились другими, вылившимися въ болѣе стройной и ясной формѣ на бумагѣ, когда онъ, потерявъ надежду уснуть, при едва брезжущемъ свѣтѣ, принялся за письма къ своимъ друзьямъ. «Путешествіе—хотя бы и по способу апостольскому, въ видѣ пѣшаго хожденія—чрезвычайно полезное дѣло, особенно въ молодые годы,—писалъ онъ въ Бреховъ Смоквину и Неглигентову,—вы не можете себѣ представить, какъ я въ короткое время преобразился физически, подъ животворнымъ вліяніемъ великой матери-природы,—и морально, подъ давленіемъ массы разнообразныхъ впечатлѣній, пережитыхъ мною со времени разлуки съ вами. Мысль не дремлетъ и нѣтъ-нѣтъ—да и хватитъ на лету какой-нибудь могучій штрихъ изъ двухъ широко передо мною развертываемыхъ ежедневно книгъ — природы и жизни, глубоко запечатлѣетъ его въ душѣ, и носишься съ нимъ, анализируя его и такъ и сякъ до утомленія мозга, пока не вытѣснитъ его другой такой же, или еще болѣе могучій, и не займетъ его мѣста для тѣхъ же операцій. Но не мастеръ я читать ни въ той, ни въ другой книгѣ. Что я говорю—читать! Не то что читать, а разбирать даже пока еще очень трудно: знанія, знанія, знанія нѣтъ! Изъ естественныхъ наукъ почти никакого, или жалкіе обрывки изъ кое-какихъ наскоро прочитанныхъ журнальныхъ статей; по части антропологіи ничего солиднаго, устойчиваго, и думаю, что наши академіи ничего по этой части не въ состояніи дать, а потому безъ колебанія и сожалѣнія оставляю проторенную дорогу и стремлюсь въ университетъ. Избираю историко-филологическій факультетъ, но прислушаюсь къ правовѣдамъ и къ естественникамъ, разумѣется, выдающимся, кого стоить будетъ послушать. Все это, конечно, не для того, чтобъ наполнить голову чѣмъ попало и сдѣлать ее похожею на кладовую, въ которой разный хламъ въ безпорядкѣ валяется по угламъ: въ дѣлѣ знанія я ищу не количества, а качества. Мнѣ до тошноты опротивѣли

тѣ профессора, которые на лекціи, поскребши себѣ голову и наморщивши чело, выкопаютъ и вынесутъ на свѣтъ какую-нибудь мелочь, въ родѣ монеты, до того истертой, что и признаковъ печати на ней не видно, и, съ свойственною имъ мертвенной апатіей, преподносятъ аудиторіи, какъ нѣчто годное для возбужденія мысли. Но еще противнѣе тѣ изъ слушателей, которые, изъ угодничества профессору, именно эту-то мелочь, иногда помимо всего существеннаго, и сохраняютъ въ своей памяти, и въ видѣ сюрприза и сами преподнесутъ ее публикѣ на экзаменѣ, къ крайнему смущенію своего патрона и удивленію экзаменаторовъ и ассистентовъ. Нѣтъ, мнѣ дай свѣта побольше въ наукѣ, или аріаднину нить въ руки, чтобы я самъ могъ выйти на свѣтъ изъ темнаго научнаго лабиринта. Чарующее дѣйствіе производитъ на меня природа, особенно по утрамъ, когда она какъ бы пробуждается отъ сна, и хотя ея законы для меня еще подъ семью печатями, но подъ обаяніемъ ея прелестей, доступныхъ моему чувству, такъ и хочется говорить за Лермонтовымъ: «И счастье я могу постигнуть на землѣ, и въ небесахъ я вижу Бога». И невольно припоминается великій Пушкинъ съ его суровымъ укоромъ кому-то, «враждебной властью вызвавшему его изъ ничтожества» для безцѣльной жизни, — и какъ-то не хочется вѣрить въ искренность словъ поэта, и думается, что если бы онъ, вмѣсто того, чтобы вращаться въ душной атмосферѣ пустой, тщеславной, безсмысленной и бездушной великосвѣтской черни, почаще уходилъ въ эту природу и внимательнѣе прислушивался бы къ біенію ея пульса, то онъ, по своей высокой артистической природѣ, можетъ быть, извлекъ бы изъ нея такія гаммы, отъ которыхъ растаяли бы и ледяныя сердца».

Во все время, пока Перепелкинъ писалъ это письмо, раздавались въ саду великолѣпныя трели соловья, но вотъ, наконецъ, заслышались другіе звуки и могучей волной стали вливаться въ растворенную форточку окна. Это маіоръ спозаранку упражнялся на своемъ любимомъ инструментѣ, кларнетѣ, и извлекалъ изъ него такіе чудные для Перепелкина звуки, что онъ вздрогнулъ отъ переполнившихъ вдругъ его сердце невѣдомыхъ сладостныхъ чувствъ, пріотворилъ окно и, усѣвшись на подоконникѣ, слушалъ, слушалъ и слушалъ, притаивъ дыханіе и глубоко умиляясь душою. Долго лились чудные звуки, становясь, чѣмъ далѣе, все задушевнѣе и обаятельнѣе, и дотого покорили впечатлительнаго юношу своей чарующей силѣ, что онъ и не замѣтилъ, какъ они порвались и предъ нимъ предсталъ самъ виртуозъ.

— Вы не спите?—сказалъ онъ и, опершись рукой о подоконникъ, съ ловкостью молодаго человѣка вскочилъ черезъ окно въ комнату Перепелкина.

— Боже мой! Какую душу надо имѣть, чтобы играть такъ, какъ

вы играете,—сказалъ взволнованный Перепелкинъ и никакъ не утерпѣлъ, чтобъ не броситься ему на шею и не осыпать его поцѣлуями.

— Душу-съ... душа—самая простецкая, самая простецкая-съ,—говорилъ маіоръ, — отмахиваясь руками отъ неожиданныхъ и какъ бы незаслуженныхъ похвалъ. А я вотъ для васъ приготовилъ письмецо-съ къ племяннику. Зайдите-съ... всего двѣ версты отъ большой дороги-съ. Да, вотъ, еще-съ... если смѣю предложить-съ... Маіоръ замялся и какъ-то робко посмотрѣлъ на Перепелкина: я, вѣдь, человѣкъ состоятельный-съ... Чѣмъ вамъ идти пѣшкомъ, я могу снабдить васъ деньгами-съ...

— О, что вы, что вы!—заговорилъ раскраснѣйшійся Перепелкинъ: у меня болѣе семидесяти рублей и если бъ я хотѣлъ ѣхать, то съ обозомъ могъ бы безъ затрудненія, но я хочу пѣшкомъ идти, во 1-хъ, изъ любознательности, которой легче удовлетворить именно такимъ способомъ, т. е. путешествуя пѣшкомъ, во-вторыхъ, съ цѣлію укрѣпить свое здоровье, въ чемъ и чувствую успѣхъ.

— Ну, какъ хотите!—сказалъ какъ бы обиженнымъ тономъ маіоръ: а то, вѣдь, я человѣкъ со средствами-съ... Здѣсь живу только по дружбѣ къ этому милому семейству-съ, да по своему круглому сиротству-съ... только племянникъ-монахъ—больше никого-съ.

Перепелкинъ отклонилъ его предложеніе, завѣривъ, что въ средствахъ не нуждается.

— Да вотъ еще я хотѣлъ васъ предупредить, чтобъ вы при встрѣчахъ съ помѣщиками-съ не сдавались на ихъ приглашенія къ себѣ, потому бываютъ между ними кутящіе и могутъ выйти большія непріятности-съ...

Перепелкинъ сдѣлалъ изумленные глаза.

— Да-съ! заставятъ пить, безобразничать-съ, а чуть что не по нимъ—прибьютъ-съ... а то и высѣкутъ-съ.

На физіономіи Перепелкина выразилось крайнее изумленіе и смущеніе.

— Да-съ! Здѣсь былъ такой случай; отставной капитанъ Рюшкинъ зазвалъ къ себѣ съ дороги семинариста-богослова, проэкзаменовать дѣтей въ наукахъ, да и высѣкъ его-съ.

— Помилуйте!—развелъ руками Перепелкинъ,—да за что же?

— Не одобрилъ отвѣтовъ-съ.

— Неужели за это?

— Только за это-съ. Дѣло третій годъ уже ведется-съ... въ Петербургъ ушло-съ... тысячъ пять ужъ капитану стоитъ-съ. Архіерей стоитъ крѣпко за богослова-съ.

— Да какъ же это подробно объясняютъ?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Вотъ и всѣ тутъ подробности: не нашелъ успѣховъ-съ... жена попрекнула мужа-съ, что много ушло денегъ на обученіе дѣтей, а толку, какъ видно, никакого нѣтъ-съ. «А! такъ ты смущать, разбойникъ, вздумалъ насъ?»—вскинулся онъ въ бѣшенствѣ на растерявшагося семинариста-съ, позвалъ людей и высѣкъ-съ... Жена и дѣти въ слезы-съ, а онъ тумаками разогналъ ихъ-съ.

Какъ ошеломленный стоялъ Перепелкинъ передъ майоромъ, широко раскрывъ глаза и не вѣря своимъ ушамъ. Но несомнѣнно честная натура нехитраго разсказчика не давала ни малѣйшаго повода къ предположенію, что въ его словахъ есть преувеличенія или неточности.

— Да-съ! есть безобразники-съ... особенно изъ бывшихъ военныхъ-съ... колотятъ женъ и дѣтей-съ... даже истязаютъ-съ.

— Да откуда же такая дикость и звѣрство?—спросилъ взволнованный Перепелкинъ.

Маіоръ задумался.

— Въ натурѣ ли это человѣка, или въ условіяхъ его жизни, воспитанія—разсуждалъ вслухъ Перепелкинъ.

Маіоръ воззрился на него, но ничего не сказалъ.

Пробило пять часовъ. Къ окну подошелъ кучеръ и сказалъ, что лошади готовы. Перепелкинъ подалъ ему вещи.

— Я васъ провожу-съ до околицы... пѣшкомъ-съ.

Перепелкинъ хотѣлъ было посмотрѣть на дѣтей, но оказалось, что лѣтомъ ихъ укладываютъ спать, обыкновенно, въ девять часовъ, а будятъ въ шесть—тѣхъ, что постарше, а самыя маленькія и ложатся, и встаютъ, какъ случится. Молятся же Богу утромъ и вечеромъ всегда въ присутствіи молодой барыни, которая и сама съ ними молится, читаетъ вслухъ молитвы, объясняетъ ихъ дѣтямъ и заставляетъ самихъ читать наизусть.

— Это зрѣлище умилительное-съ!—замѣтилъ съ задушевною искренностію маіоръ.

— Прекрасные люди—эти Бугаевскіе,—сказалъ Перепелкинъ,—желая вызвать маіора на отвѣтъ, по поводу звѣрства другихъ.

— Рѣдкіе-съ! Бога въ душѣ имѣютъ-съ...

Маіоръ замолчалъ. Перепелкинъ, въ ожиданіи продолженія разговора со стороны маіора на затронутую тему, тоже упорно молчалъ, идя рядомъ съ нимъ и засматривая ему въ лицо. Но объясненій, почему другіе помѣщики такъ безобразничаютъ, не послѣдовало, а надумался маіоръ поразсказать, въ краткихъ предложеніяхъ, съ обычными прибавками къ послѣднему слову «съ», о нѣкоемъ Ургинѣ нижеслѣдующее:

Служилъ въ кавалеріи, женился на некрасивой, но чрезвычайно богатой дочери помѣщика, вышелъ въ отставку и въ пять лѣтъ всѣ

имѣнія заложилъ и перезаложилъ. Велъ большую игру въ карты, свирѣпствовалъ въ спорахъ объ игрѣ и лѣзъ въ драку, за что часто бывалъ битъ и имѣлъ тѣлесныя поврежденія. Всѣ свои имѣнія разорилъ, людей поразогналъ, такъ что до пятисотъ душъ обоего пола считалось въ бѣгахъ, многихъ забилъ до смерти, или искалѣчилъ. Тиранилъ жену, билъ ее чубукомъ по чему попало и ставилъ на колѣни на гречиху, на что она никому не смѣла жаловаться изъ боязни худшаго. Позадолжалъ многимъ въ окрестности порядочныя суммы и всѣмъ кредиторамъ понадѣлалъ дерзостей, а денегъ не возвратилъ. Взялъ и у него, маіора, на честное слово, три тысячи рублей, а на требованіе возвратить эти деньги прислалъ ему непристойные, облитые дрянною жидкостью, рисунки, обозвавши его дуракомъ. По двумъ стамъ дѣламъ производились о немъ слѣдствія, пока смерть не убрала его.

— Однажды утромъ, послѣ неистоваго кутежа и дебоша съ самыми отчаянными людьми, былъ найденъ мертвымъ въ своемъ кабинетѣ-съ. Неизвѣстно-съ, своею ль смертью умеръ, или задушенъ-съ... всю дворню развратилъ-съ... всѣмъ сталъ ненавистенъ-съ.

— Да отчего жъ такіе звѣри выходятъ?—вновь полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

Маіоръ опять воззрился на Перепелкина и молчалъ.

— А? Николай Ивановичъ? Вѣдь есть же причины, отчего человѣкъ дѣлается такимъ звѣремъ?

— Не знаю-съ.

— Какъ вамъ не знать! Вы много прожили на свѣтѣ.

— Бога нѣтъ въ душѣ—вотъ-съ!

Крѣпко обнялъ старика Перепелкинъ на прощанье.

IV.

Бога нѣтъ въ душѣ... да какъ же его водворить тамъ? И водворить безъ искаженія облика его? назойливо раздумывалъ Перепелкинъ, улегшись въ тарантасикѣ и подремывая. Спать хочется, но лѣзетъ неотвязчивая мысль: кто несомнѣнно имѣлъ въ душѣ Бога—Коперникъ, Галилей, Ньютонъ, или тѣ мизерныя исчадія религіознаго фанатизма, которыя изобрѣли инквизицію и создали хищнически-злодѣйскій принципъ: цѣль оправдываетъ средства? И стала передъ нимъ развертываться, въ полуснѣ, картина несправедливостей, жестокостей, кровавыхъ дѣлъ, въ періодъ христіанства совершенныхъ людьми, часто съ крестомъ въ рукахъ, во имя милосерднаго Бога, заповѣдавшаго: «воз-

любиши ближняго, какъ самого себя». И невольно навертывалась мысль, что трудно человѣчеству проникнуться евангельскимъ ученіемъ, въ виду фальши, охватившей мірскую жизнь; что эгоизмъ человѣческій, для удовлетворенія своихъ животныхъ вожделѣній, найдетъ лазейку вездѣ и во всемъ, и именемъ распятаго Богочеловѣка способенъ прикрыть всевозможныя дѣла и поступки. И грезится ему уже во снѣ, что человѣчество, наконецъ, поняло тактику этого эгоизма и, строго осудивъ проявленія его въ прошедшемъ, сурово стало относиться ко всѣмъ лицемѣрамъ, которые только умѣютъ искусно прикрываться именемъ распятаго на крестѣ Богочеловѣка, совершенно не думая объ исполненіи Его заповѣдей, изъ которыхъ главная: «возлюбиши ближняго, какъ самого себя». И чудится ему, что человѣчество даже торжественно предаетъ проклятію ежегодно всѣхъ тѣхъ, которые носятъ маску лицемѣрія, не знаютъ правды и, такъ или иначе, нарушаютъ права человѣка, забывая ту заповѣдь, или прибѣгая, по усмотрѣнію, къ хитрымъ толкованіямъ ея: что это произвело своего рода дѣйствіе, и дошло уже до того, что люди несправедливые, нечестные, жестокіе никакими софизмами и масками не могутъ уже прикрыть своей нравственной наготы; что отъ нихъ, какъ отъ зачумленныхъ, сторонятся, чуждаются ихъ сообщества, что они, какъ презрѣнные паріи, осуждены вести жизнь унылую, постылую, и волей-неволей должны отрѣшиться отъ всякихъ злодѣйствъ, чтобы войти въ общеніе съ людьми, имѣющими Бога въ душѣ; что...

Хлопъ, хлопъ, хлопъ! Явственно слышитъ во снѣ Перепелкинъ какіе-то звуки, но онъ уснулъ на спинѣ и никакъ не можетъ освободиться отъ кошмара и очнуться, хотя слухъ его и поражается неистовымъ окрикомъ возницы: «Ты чаво дерешься? Я, вѣдь, господъ Бугаевскихъ...» И опять: хлопъ, хлопъ, хлопъ, тутъ ужъ что-то задѣло по ногамъ Перепелкина, онъ почувствовалъ боль и раскрылъ глаза. Изумленнымъ его взорамъ представилась такая картина: Тарантасикъ, въ которомъ онъ ѣдетъ, стоитъ среди дороги, пристяжной лошади не видать; возница его стоитъ у экипажа, отираетъ кровь съ лица и болѣзненно поводитъ плечами, то сжимая, то разжимая ихъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, вправо стоитъ маленькая бричонка, на которой лежитъ перепачканная пылью и засохшею грязью шинель, а на ней кожаный портфель. Обладателя этихъ предметовъ не видать, а возится около лошадей только его кучеръ, ямщикъ съ мѣдной бляхой на шапкѣ, весь избитый, съ слѣдами запекшейся крови на лицѣ. Коренная лошадь, вся въ пѣнѣ и взмыленная, тяжело дышала, широко раздувая свои бока; въ пристяжной Перепелкинъ узналъ лошадь изъ-подъ его тарантасика, а тутъ же, невдалекѣ, лежала раздувшаяся, какъ гора, издохшая лошадь.

— Что все это значитъ?—протирая свои глаза отъ изумленія, спросилъ Перепелкинъ своего возницу.

— Хвитегиръ,—неохотно проронилъ онъ,—прикладывая руки то къ затылку, то къ щекамъ: кульеръ такой, значитъ,—добавилъ онъ,—видя, что Перепелкинъ уставился на него изумленными глазами.

Вотъ выскочилъ изъ канавы рыжій, свирѣпаго, даже, просто, звѣрскаго вида, человѣкъ, въ какой-то странной военной формѣ, съ длинными висячими усами и такими же бакенбардами, крѣпкимъ сиплымъ голосомъ непристойно выругался на кучеровъ, вскочилъ въ бричонку, набросилъ на себя шинель и не сѣлъ, а, ставъ на колѣни, пустилъ въ ходъ толстую ременную трехвостку. Лошади помчались, только и видно было, какъ помахивалъ фельдъегерь трехвосткой, которая поминутно падала то на лошадей, то на возницу.

— Ну, я теперь пойду себѣ пѣшкомъ,—сказалъ Перепелкинъ,—собирая свои вещи.

— Почто пѣшкомъ... доѣдемъ до станціи, а тамъ какъ хотите.

— За что онъ тебя билъ?

— Не остановилъ сразу лошадей. Онъ кричитъ въ догонку: стой! а я, невдомекъ, кому кричатъ «стой» ѣду себѣ рысцой. Вотъ за это самое,—говорилъ флегматичный возница, какъ-будто такъ и слѣдовало, и ему досталось по дѣломъ.

— Да, по какому жъ праву онъ отобралъ лошадей?

— А кто жъ его знаетъ! Вѣстимо, хвитегиръ. Лѣтось попа и попадью спихнулъ съ телѣги, кучеру ихъ расквасилъ носъ и рыло свернулъ на бокъ, самъ вскочилъ въ телѣгу и пять верстъ гналъ до станціи, а сѣдоки вернулись на станцію пѣшкомъ: онъ навстрѣчу имъ ѣхалъ.

— А его экипажъ и кучеръ?

— Его кучеръ колесо налаживалъ—сломалось, вишь,—да вышибленные кульеромъ зубы вынималъ, да выбрасывалъ изо рта.

Лошадь, брошенную на станціи фельдъегеремъ, нашли въ такомъ видѣ, что не раньше, какъ часовъ черезъ пять, можно было запречь ее, а потому Перепелкинъ, давъ возницѣ, по его просьбѣ, записку къ его господамъ о случившемся въ дорогѣ приключеніи, одинъ побрелъ пѣшкомъ, въ надеждѣ догнать Кулика, что могло бы осуществиться въ этотъ же день, если бы онъ, залюбовавшись видами какой-то холмистой, покрытой мелкимъ лѣсомъ, мѣстности, не запоздалъ на ночлегъ въ деревню, гдѣ, какъ послѣ оказалось, нарочно поджидалъ его Куликъ, но имъ пришлось ночевать на двухъ противоположныхъ концахъ и они, не подозрѣвая того, въ разное время вышли изъ деревни и только черезъ семь дней уже сошлись опять. Хотя онъ, съ годъ тому назадъ, и совершилъ въ одиночествѣ путешествіе изъ Брехова до города М., но онъ шелъ по мѣстностямъ своей и сосѣдней губерній, болѣе или

менѣе ему извѣстнымъ, и потому въ спутникѣ не ощущалъ особенной нужды. Здѣсь же другое дѣло, да при томъ онъ считалъ себя какъ-бы виноватымъ въ томъ, что Кулику пришлось одному продолжать путь, вопреки его привычкамъ никогда не уходить на богомолье, не заручившись спутникомъ, хоть въ одинъ конецъ. Перепелкинъ и въ деревняхъ, чрезъ которыя проходилъ, и встрѣчныхъ разспрашивалъ, не проходилъ ли съ такими-то примѣтами человѣкъ, но всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «А не въ примѣту: мало-ли тутъ какого народа ходитъ!» Онъ сталъ мало-по-малу привыкать къ одиночеству, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ находилъ его даже болѣе удобнымъ для себя, какъ, напримѣръ, въ выборѣ времени и мѣста для дневнаго роздыха и для ночлега.

Такъ въ одной деревнѣ, съ цѣлію ознакомиться съ убогою жизнію бѣднѣйшихъ людей, онъ попросился ночевать въ очень неприглядную избушку, на завалинкѣ которой, съ улицы, сидѣла старушонка, а возлѣ нея, тутъ же, копались въ землѣ двое маленькихъ ребятъ, на которыхъ онъ и засмотрѣлся, едва только вошелъ въ деревню.

— Можно, бабушка, у васъ переночевать?—обратился онъ къ старухѣ.

— Чаво? Гаркни дюжѣй, не слышу.

Перепелкинъ нагнулся къ уху старухи и громко выразилъ свою просьбу.

— А кто ты будешь такой—дворовой, аль...

— Поповичъ,—опять громко произнесъ Перепелкинъ.

— Ну, что жъ—ночуй, только у насъ ничаво нѣтъ тебѣ покушать, аль напиться. Вотъ ужо развѣ молочка тебѣ раздобудемъ, какъ придетъ съ поля молодуха, а можа, и большакъ пріѣде и тады раздобуде тебѣ винца.

Перепелкинъ прокричалъ ей на ухо, что ничего ему не нужно, что покушать есть у него кое-что свое, а до винца онъ не охотникъ. При этомъ онъ досталъ изъ сумки два пирожка (ему полный мѣшочекъ съѣдобнаго положили въ тарантасъ безъ его вѣдома, по распоряженію молодой барыни, какъ объяснилъ возница) и отдалъ дѣтямъ, которыя и не знали, какъ съ ними справиться. Старуха одобрительно взглянула на него, но тутъ же спохватилась:

— Да не скоромные ли они? Вѣдь, нонѣ Петровки,—сказала она, поспѣшно отбирая пирожки отъ дѣтей.

— Какъ же ты, бабушка, маленькихъ дѣтей боишься оскоромить, а мнѣ думаешь раздобыть молочка?

— И! что вамъ, господамъ! Деньги есть, отмолишь грѣхи, какіе ни на есть; а то попомъ будешь, еще лучше: сорокъ акатистовъ прочиталъ Миколѣ угоднику и сниметъ грѣхъ.

Дѣти запросили ѣсть. Вошли въ избу. Все тутъ глядѣло бѣдно, черно и непріютно. Дѣти—дѣвочка трехъ лѣтъ и мальчикъ—четырехъ—вскарабкались на лавку около стола и дожидались ужина, робко поглядывая на Перепелкина. Старуха принесла изъ кладовки краюху хлѣба и свѣжаго зеленаго лучку, накрошила того и другаго въ миску, налила туда квасу и заправила солью. Дѣти взялись за ложки и усердно стали хлебать это незатѣйливое кушанье.

— Попробуй нашей-то тюри, касатикъ,—предложила старуха,—можа, не ѣдалъ никогды?

Перепелкинъ попробовалъ. Ничего, ѣсть можно, подумалъ онъ, только будешь ли сытъ отъ одной тюри.

— Вотъ бы кашки тебѣ: спорѣе бы она супротивъ тюри; да, вишь ты, ни крупы, ни пшена нѣту-ти, только на заправу щецъ и осталось малесенько,—говорила старуха,—сокрушительно качая головой: хлѣбушка тоже на исходѣ, дотянуть бы только далъ Богъ до новаго... мякинки подбавляемъ... въ хлѣбушко-то. А вотъ и самъ большакъ ѣде,—сказала она,—взглянувъ въ окошечко.

Во дворъ въѣхала телѣга, на которой сидѣли двѣ женщины и мужикъ, который ввелъ лошадь въ ворота. Женщины сейчасъ же вошли въ избу и очень изумились, увидѣвъ Перепелкина.

— Поповичъ... напросился ночевать... ѣсть ничаво не надо-те... свое все есть,—рекомендовала старуха гостя.

Женщины молчали и только оправили на себѣ кое-что. Обѣ были не дурны. Одна постарше—лѣтъ за тридцать, другой—съ небольшимъ развѣ двадцать. Старшая отличалась свѣжестью, здоровьемъ, смуглымъ цвѣтомъ загорѣлаго лица; младшая—худобой, блѣднымъ, безжизненнымъ цвѣтомъ нетронутаго загаромъ лица. Послѣдней и принадлежали дѣти. Она два года какъ овдовѣла. Мужъ ея уѣхалъ съ транспортомъ въ Венгрію и оттуда не вернулся: пришла вѣсть, что умеръ тамъ. «Вотъ съ того-то что-то и попритчилось съ нею: лѣтомъ, на зарѣ, въ полѣ или въ огородѣ, смотрится то въ осколокъ зеркальца, которое всегда носитъ съ собою, то на зарю, и воетъ, воетъ съ какими-то причитаніями, заливаясь слезами. Любитъ дѣтей. Смирна и послушна. Другая жена большака—съ «ндравомъ», капризна. Дѣтей у ней не было» Все это старуха успѣла сказать про своихъ невѣстокъ, пока онѣ въѣзжали во дворъ.

Вошелъ «большакъ», крѣпкій, мускулистый мужичокъ, лѣтъ 35. Онъ оказался очень общительнымъ и сейчасъ же вызвался сбѣгать «за перцовочкой, аль за наливочкой, коли ежели что потребовается».

— Я важивалъ въ городъ поповичей: важно пьютъ. Ну, и драчуны же во хмѣлю!

Перепелкинъ сказалъ, что онъ не охотникъ до напитковъ.

— Пошто не пить... зелье-то пользительное, у! какъ пользительное... при работѣ-то... вотъ такъ бы и пропустилъ топеря шкаличекъ.. другой, да, вишь, въ мошнѣ-то ни денежки нѣту-ти.

Перепелкинъ далъ двугривенный. «Большакъ» живо исчезъ. Старшая невѣстка приготовляла тюрю; младшая, уложивъ дѣтей на полатяхъ, стала ей помогать, робко посматривая на всѣхъ. Унынie и какая-то затаенная дума выражались на ея блѣдномъ, исхудаломъ и кроткомъ лицѣ. Ни та, ни другая не обмолвились еще ни однимъ словомъ. Только старуха трещала безъ умолку, не дожидаясь ни отъ кого ни отвѣтовъ, ни запросовъ. «Ѳаддей-то, Ѳаддей какъ обрадовался»,— говорила она про сына. «Обѣдняли мы, слышь ты,—обратилась она къ Перепелкину: допрежъ не то было... и въ будни ѣли лапшу и кашу съ масломъ... умеръ Ванюха-то,—не то стало (у вдовы закапали слезы, и она вышла изъ избы). Одинъ кормилецъ остался... коровушку лѣтось продали... за недоимку... мерина соблюлъ... для пахоты больше: извозомъ нонѣ не занимацца».

Явился Ѳаддей съ сіяющимъ лицомъ и, поставивъ посудинку на столъ, подошелъ къ рукомойнику и вымылъ руки. Бабы продѣлали это раньше, когда только приступали къ приготовленію ужина. Всѣ чинно помолились на чернѣвшія въ углу иконы безъ видимыхъ обликовъ и усѣлись за столъ. Но тутъ оказалось, что рюмки «нѣтути», давно разбилась.

— Тамотка, въ кладовкѣ, стаканчикъ изъ-подъ лампадки валяцца,— давай его суды,—командовалъ Ѳаддей.

— Что ты, что ты, шальной, святыню-то подъ водку!—ужаснулась старуха,—справимся, купимъ маслица и опять приспособимъ къ святымъ образамъ лампадку-то.

Достали съ полки чайную чашку безъ ручки и съ выбитымъ краешкомъ.

— Ну, милость ваша—не знаемъ, какъ тя величать,—обратился Ѳаддей къ Перепелкину:—садись-ко съ нами вечерять, да и винца-то хоть маленько пропусти, аль, коли не употребляшь, хошь пригубь для компанства-то; а то что такъ-то глядѣть, какъ другіе станутъ ѣсть да пить.

Перепелкинъ усѣлся за столъ и «пригубилъ» ему первому поданную чашку. Затѣмъ «большакъ», наполнивъ чашку до разбитаго краешка, выпилъ ее залпомъ всю и крякнулъ. Выпила и старуха полчашки и стала морщиться и сплевывать.

— Гдѣ ты такого зелья досталъ?—сказала она, тряся головой съ закрытыми глазами и вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— У кого такой запеканки раздобудешь, какъ не у Трохима,—говорилъ, заливаясь заразительнымъ смѣхомъ, очень повеселѣвшій сразу

Ѳаддей. Вторила его смѣху жена, улыбалась молодка-вдова, весело стало почему-то и Перепелкину.

Молодухи оказались не пьющими, но по желанію большака, для компанства, должны были пригубить.

— Ну тебя съ этимъ винищемъ! ажно жжетъ,—сказала старуха, выходя изъ-за стола,—запью водицей, квасъ-отъ не помогаетъ.

Этотъ эпизодъ еще больше настроилъ всю компанію къ веселому расположенію духа. Обѣ молодухи съ искреннею непринужденностію стали хохотать, глядя, съ какимъ усердіемъ старуха отплевывалась и запивала водой жгучую запеканку. И безъ того симпатичное лицо молодухи-вдовы сдѣлалось необыкновенно пріятнымъ и привлекательнымъ, когда съ него сошла тѣнь обычнаго унылаго выраженія. Всѣ шутили надъ старухой, пока она не оправилась и не усѣлась снова за столъ. Чинно и мѣрно опускались ложки въ большую миску, наполненную тюрей до краевъ. Перепелкинъ въ пріемахъ ѣды старался подражать компаніи. Онъ теперь только разобралъ, что кушанье невкусно и, главное, очень горьковато. Оно состоитъ изъ четырехъ элементовъ, изъ которыхъ три можно отдѣльно испытать, а потому онъ пробовалъ брать въ ложку одного квасу, одного крошева хлѣба, и одного лучку, но все-таки той горечи не ощущалось, какъ во всемъ вмѣстѣ. Соль,—думалъ онъ,—но, вѣдь, она растворилась въ квасѣ, а все-таки квасъ не имѣетъ той горечи, какъ всѣ составныя части вмѣстѣ. Ѣли молча. А пока Перепелкинъ умственно производилъ анализъ тюри, большакъ, не считая уже нужнымъ безпокоить другихъ предложеніемъ пригубить или отпить винца, нѣсколько разъ приложился къ посудинкѣ и осушилъ ее всю до дна. Онъ сильно раскраснѣлся, глаза заискрились, но мягкій, какъ видно, характеромъ, онъ только улыбался, глядя на всѣхъ, и очень уже лѣниво запускалъ свою ложку въ хлебово.

— Ну, спасибо тебѣ, Савичъ,—обратился онъ къ Перепелкину,—умильно смотря ему въ глаза:—важно угостилъ меня. Давно не лакалъ этого зелья. Обезсилили мы, слышь ты, а допрежъ и у себя дома держали посудинку съ винцомъ. Вотъ, какъ передъ Богомъ, тебѣ говорю: дома винцо держали! Одинъ, вишь, кормилецъ остался, а за шесть ревизскихъ душъ должонъ платить, да постои, да наряды, да опчественные сборы—вотъ-те и кружись, какъ знашь.

— Да братъ давно померъ?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Померъ... какъ бы померъ!

Вдова встала изъ-за стола, помолилась на образа и проворно полѣзла на полати къ дѣтямъ.

— Это, видишь, въ волость пришла бумага, что померъ, а сказываютъ не то: сказываютъ, что забили до смерти—вотъ оно что!

Съ полатей послышалось сдерживаемое всхлипыванье.

— Полно-те, Аксюха, не плачь: не воротишь... знать, на то воля Божья! Квартировали, слышь ты,—обратился онъ опять къ Перепелкину,—военные, антиллерія. Ну, объявился имъ походъ на венгровъ, значитъ. Господа такіе все знатные, капитаны да полковники. Братъ важивалъ ихъ часто въ губернскій городъ... ничего, платили и водкой потчивали. Вотъ они и сманили его, какъ объявился походъ: вези, молъ, снаряды, дадимъ хорошія деньги и запишемъ тебя подрядчикомъ на торгахъ, а залогъ сами внесемъ. Братъ сдуру-то и послушался ихъ, взялъ задатокъ, прикупилъ лошадокъ, да еще подбилъ изъ разныхъ деревень пять возчиковъ. Свалили на 25 подводъ снаряды и пустились въ путь. Ты жъ, Гаранька, давай намъ вѣсточки, гдѣ будешь, не скупись на писарей отписывать то,—говоритъ ему на прощанье Аксюха (съ полатей учащается всхлипыванье).—Чаво скупиться! не каменный я,—говорилъ онъ,—а самъ такъ и затрясся, какъ сталъ прощаться съ нею, да съ малыми дѣтьми.

Съ полатей раздалось рыданіе.

— Ну, Савичъ, пойдемъ со мною спать на сѣновалъ, я тебѣ тамъ доскажу.

Когда улеглись, Ѳаддей продолжалъ: «Вотъ проходитъ мѣсяцъ, другой, третій, полгода, а объ Гараньѣ ни слуху, ни духу. Пошелъ девятый мѣсяцъ—нѣту. Сѣмъка, я съѣзжу въ Карасевку—оттеда тоже пошелъ возчикъ. Поѣхалъ туды, а онъ какъ разъ въ ту пору вернулся, возчикъ этотъ-то. Что, говорю, какъ дѣла? Убѣгомъ, говоритъ, ушелъ, все бросилъ: вотъ какъ есть, оборванцемъ пришелъ, христовымъ именемъ пробивался въ дорогѣ. Ну, а братъ мой? Братъ твой, говоритъ, въ могилѣ. Что съ нимъ, говорю, приключилось? А денегъ, говоритъ, господа не давали, скотинѣ подтянуло бока отъ безкормицы,—хошь самъ вези,—ну, онъ пожаловался какому-то начальству тамъ. Явился полковникъ-отъ, что подряжалъ. «А, такъ ты бунтовать, говоритъ, сякой-такой!» Связали его, собрали насъ, да пять пучковъ березовыхъ и истрепали на немъ, «Довольно!»—кричитъ начальникъ—становый-ли аль исправникъ—не знаю. Перестали его полосовать, а онъ лежитъ. Подняли это его, а онъ только потянулся—и духъ вонъ. Я такъ и не пошелъ на постоялый, думаю себѣ: пропадай мое все, только бы живу быть. Да и другіе, должно быть, либо разбѣжались, либо забиты, какъ Гаранька твой, потому, не слыхать, чтобъ кто воротился.

— Боже мой, какіе треклятые бываютъ люди на свѣтѣ! – невольно сорвалось у Перепелкина.

— Какъ есть господа,—хладнокровно замѣтилъ Ѳаддей.

— Да развѣ жъ всѣ такіе?

— А то какъ же! Всѣ они норовятъ притѣснить мужика, содрать съ него, а не то—побить ни за что, ни про что.

— Ну, это вздоръ, что всѣ такіе! Бываютъ между ними очень добрые, я это самъ знаю,—вступился за господъ Перепелкинъ.

— Какъ, поди, не бывать! Должно быть, бываютъ, да я-то такихъ не видалъ.

— Да вотъ же ты самъ говорилъ, что братъ твой важивалъ ихъ въ городъ, они ему хорошо платили и угощали.

— Это что! Всякій пьющій тебя угоститъ, а то еще и побьетъ, коли не станешь пить: а то что! А ты сосчитай-ка, сколько бабъ они тутъ изобидили и всякихъ бѣдъ натворили крестьянамъ, такъ и не скажешь, что добрые, потому много ихъ, и будь хошь одинъ между ними добрый, то по крайности пристыдилъ бы другихъ и хошь маленько пріудержалъ бы ихъ. Такъ-то! И пьяницы они всѣ. Братъ сказывалъ: повезъ-эфто я, говоритъ, разъ полковника къ Лемеховскому барину, а тамъ ужъ, говоритъ, видимо невидимо охвицеровъ эфтихъ самыхъ, антиллеріи, значитъ. Вотъ, братецъ ты мой, они сперва все гуляли въ большомъ барскомъ домѣ, а потомъ ночью перешли въ хлигиль въ саду, и ужъ тамъ-то покойный братъ подивился, что они продѣлывали. Нагнали, говоритъ, туда бабъ, и онѣ сначала однѣ плясали голыя, какъ мать родила, а потомъ и господа раздѣлись и нагишомъ, какъ есть, стали съ ними отплясывать и вертѣться, а дворня, говоритъ братъ, и я съ ними стоимъ подъ окнами и посматриваемъ въ щели ставень. А потомъ, говоритъ, срамъ дѣлали, что всѣ, кто тутъ были, сплюнули и бѣгомъ оттуда убѣжали во дворъ.

Перепелкинъ уснулъ съ мыслью проснуться по зарѣ, чтобъ прислушаться и посмотрѣть, что будетъ причитывать и дѣлать молодая вдова на огородѣ. Его предупредилъ, впрочемъ, Ѳаддей, проснувшійся какъ разъ въ то время, когда кто-то вышелъ изъ избы и направился въ огородъ.

— Ну, Савичъ, ползи вонъ къ той щели, указалъ онъ рукой: оттеда все увидишь—вышла уже молодуха.

Перепелкинъ подползъ къ щели, присѣлъ на корточки и съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться появленія вдовы-молодухи. Вотъ она показалась изъ-за плетня и направилась къ многовѣтвистой вербѣ, росшей надъ «копанкой» съ небольшимъ срубомъ, изъ которой берутъ воду для питья. Остановилась у сруба, осмотрѣлась кругомъ и, вынувъ изъ тряпочки осколокъ зеркальца, стала смотрѣть то въ него, то на востокъ. Все лицо облилось слезами. Слышались: легкое всхлипываніе, завыванія, причитанія, сопровождаемыя какъ бы укоризненной жестикуляціей правой руки по направленію къ востоку; но уловить какой-нибудь членораздѣльный звукъ не представлялось никакой возможности.

*

Болѣзненно сжималось сердце Перепелкина при видѣ этой процедуры, продолжавшейся минутъ пять—шесть. Потомъ она зачерпнула воды стоявшимъ на срубѣ спускомъ, умылась и, вытершись полотенцемъ, которое достала изъ-за пазухи, помолилась на востокъ и на церковь и проворно ушла въ избу.

Пока большакъ съ молодухами приготовлялись къ отъѣзду въ поле, Перепелкинъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣнной сцены, и живо заинтересованный симпатичной личностью несчастной молодой женщины, набросалъ карандашомъ въ дневникъ, на сѣновалѣ, слѣдующее стихотвореніе:

Подымусь я съ зарей,
Погляжу на себя:
Гдѣ краса ты моя,
Гдѣ пригожество?
Ахъ, ты грусть, тоска,
Ты сгубила меня:
Ужъ не я ли была,
Что румяна заря!
Не румянься жъ, заря,
Не стыди ты меня:
Нажила я тоску,
Потеряла красу!
Все ждала я его
Изъ чужой стороны,
Сердце ныло по немъ,
Краса вяла моя.
И дождалась я
Горькой вѣсточки,
Что полоненъ онъ
Смертью лютою,
Не румянься жъ заря,
Не стыди ты меня:
Нажила я тоску,
Потеряла красу!

«Сирыхъ дѣточекъ сбереги, Боже, а вдову младу подкрѣпи въ горѣ!»—прибавилъ уже отъ себя впечатлительный юноша.

Войдя въ избу, онъ далъ старухѣ 20 коп., чтобъ она купила баранокъ дѣтямъ сегодня въ лавочкѣ, а на два рубля, вручаемые ей тутъ же, прикармливала малютокъ молочкомъ и кашкой. Сильно переконфузился Перепелкинъ, когда старуха и вдова бросились моментально ему въ ноги, причитывая: «пошли Богъ счастья и здоровья тебѣ и всему твоему роду-племени, касатикъ христовенькій!» Поднявшись, онѣ рукавами рубахъ отирали слезы на глазахъ. Ѳаддей и жена его, озадаченные этимъ сюрпризомъ, низко поклонились Перепелкину и съ благоговѣйнымъ подобострастіемъ посматривали на него.

Перепелкинъ сейчасъ же и ушелъ. Но семейная радость по поводу этого событія, должно быть, шумно выразилась, потому что объ этомъ узнали въ волости, и Перепелкинъ чуть не поплатился кутузкой за свою щедрость: только напускная смѣлость спасла его.

Не прошелъ онъ и трехъ верстъ, какъ его нагнала телѣга, запряженная парой лохматыхъ лошадокъ, съ свѣжимъ репейникомъ въ гривахъ и хвостахъ. На телѣгѣ сидѣли двѣ заспанныя, мозглявыя, противнаго вида, личности: сухопарый, лѣтъ подъ сорокъ, мужичокъ, съ рыжей, клинообразной, жиденькой бородой и съ вялымъ, апатичнымъ выраженіемъ лица, да лакейскаго типа угревастый молодой человѣкъ, въ нанковомъ сюртукѣ.

— Прохожій, а прохожій!—закричалъ осипшимъ голосомъ рыжебородый, останавливая лошадей близко отъ Перепелкина,—ты кто будешь такой?

— А тебѣ какое дѣло?—сердито и съ напускною храбростью обратился къ нему Перепелкинъ, какъ-бы предчувствуя что-то недоброе.

Угревастый что-то пошепталъ на ухо рыжебородому.

— А пачепортъ есть у тебя?

— И до паспорта нѣтъ тебѣ дѣла!—грозно отвѣчалъ Перепелкинъ. Угревастый и рыжебородый переглянулись.

— Да мы изъ волости,—рявкнулъ, какъ изъ бочки, лакейскаго типа человѣкъ, распространивъ благовоніе сивухи на далекое разстояніе вокругъ себя.

— А почему же вы тамъ, въ деревнѣ, не освѣдомлялись о моемъ паспортѣ, если это требуется закономъ?

Угревастый опять принялся нашептывать что-то на ухо рыжебородому.

Перепелкинъ, впрочемъ, досталъ билетъ и показалъ его обоимъ имъ, не выпуская изъ своихъ рукъ. Они, внимательно осмотрѣвъ подписи билета и печать, опять стали между собой переглядываться и перешептываться.

— Надыть топереча, значитъ, его прописать въ волости,—сказалъ рыжебородый.

— Это зачѣмъ,— вскрикнулъ Перепелкинъ, изумляясь такой наглости.

— Зачѣмъ... вѣстимо зачѣмъ: человѣкъ пѣшкомъ пробираца, а деньги зря бросать! Можа, пачепортъ не твой!

— Ну, въ такомъ случаѣ, вези меня къ становому,—сказалъ разгорячившійся Перепелкинъ, быстро вскочивъ на телѣгу и помахивая крѣпкой суковатой палкой въ виду растерявшихся полупьяныхъ и не выспавшихся волостителей-мозгляковъ.

— Пошто жъ къ становому,—робко заговорилъ угревастый, лакей

скаго типа, человѣкъ, по всей вѣроятности, волостной писарекъ: мы такъ... примѣрно... для порядка... а, впрочемъ, извольте идти.

Перепелкинъ соскочилъ съ телѣги и пошелъ.

— На полуштофикъ бы съ вашей милости,—крикнулъ въ догонку рыжебородый, вѣроятно, староста.

— Вотъ я тебѣ дамъ на полуштофчикъ!—погрозивъ Перепелкинъ палкой.

Сконфуженные волостители повернули назадъ и тихонько поѣхали.

V.

Въ губернскомъ городѣ N Перепелкинъ долженъ былъ получить письма отъ своихъ друзей академистовъ, а также корреспонденцію отъ другихъ лицъ, если бы таковая оказалась, которую они должны были направлять въ губернскіе города, лежащіе по пути, соображаясь съ временемъ его выхода, и надписывая: «до востребованія».

Шесть писемъ на его имя оказалось въ почтамтѣ. Прежде всего онъ бросился на письмо Ничипоренко, надѣясь найти въ немъ записку отъ Клодочки, не предупрежденной объ его исчезновеніи изъ города. Съ замираніемъ сердца онъ вскрылъ конвертъ, но, увы! Письма отъ Клодочки въ немъ не оказалось, а первыя строки письма Ничипоренко вызвали даже блѣдность на его лицѣ, и онъ, опустивъ его въ карманъ къ другимъ письмамъ, поспѣшно вышелъ изъ почтамта. Ничипоренко, принимавшій ближайшее и самое горячее и искреннее участіе въ его отношеніяхъ къ Клодочкѣ, извѣщалъ, что приносила-де горничная письмо отъ барышни, но, узнавъ отъ сторожа о выбытіи Перепелкина изъ города, не отдала его никому, а затѣмъ больше уже не являлась.

«Ты, въ нѣкоторомъ родѣ, сдѣлался предметомъ обожанія для нашего, зѣло строптиваго по временамъ, начальства,—писалъ Ѳаворовъ. Представь себѣ, что всѣ близкіе къ тебѣ получили, подъ рукой, наказъ убѣждать тебя письменно воротиться назадъ непремѣнно. Особенною ревностью воспылалъ къ тебѣ нашъ краснобородый, именуемый между нами, отецъ Рыло и, говоритъ, покоя не даетъ инспектору, чтобъ онъ всѣ усилія употребилъ къ возвращенію и водворенію тебя въ промозглыхъ стѣнахъ нашей академіи. А вотъ тебѣ ни за что не угадать, съ чего сыръ боръ загорѣлся, хотя, собственно, самъ ты и виновникъ этого казуса. Дѣло вотъ въ чемъ: полюбопытствовалъ владыка просмотрѣть сочиненія послѣдняго выпуска на тему: преимущества Восточной церкви предъ Западной. Ему понравились пять, но особеннаго вниманія заслужили два—мое и Богородскаго... Что, смекаешь? И тебѣ не стыдно такъ хитрить передъ друзьями и не предупредить насъ, что ты скоту написалъ сочиненіе. Но слушай далѣе. На сочине-

ніи Богородскаго написано рукою владыки: «очень талантливо написано и блистательное поприще ждетъ такого богослова. Христосъ да благословитъ юношу, такъ горячо и строго умѣющаго разграничивать правое отъ неправаго!» Владыка потребовалъ, чтобъ ему лично представили этихъ пятерыхъ, выдающихся, какъ онъ говорилъ, авторовъ. Вотъ мы и предстали предъ нимъ, предшествуемые отцомъ ректоромъ и отцомъ инспекторомъ. Владыка соблюдалъ свою градацію и, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ авторами трехъ сочиненій, вошелъ въ болѣе обстоятельныя разсужденія со мною, а, наконецъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, подступилъ къ Богородскому для самаго уже, что ни на есть, обстоятельнаго коллоквіума, но, увы! чуть не отскочилъ отъ него, когда тотъ, смотря ему растерянно въ глаза, понесъ невыразимо страшную ахинею. На лицѣ владыки выразилось недоумѣніе, и онъ только вопросительно посматривалъ то на начальство, то на студентовъ. Наконецъ, не дослушавъ, благословилъ всѣхъ и удалился во внутренніе покои. Инспекторъ, прежде чѣмъ мы, студенты, возвратились въ академію, произвелъ обыскъ и нашелъ «чернякъ» сочиненія Богородскаго, писанный сплошь твоей рукой. Представь себѣ, какую рожицу сдѣлалъ постный отецъ ректоръ, когда ему преподнесли поличное. Что будетъ Богородскому—пока не извѣстно. Думаемъ, что—ничего, чтобъ не было огласки. Но владыкѣ все-таки конфиденціально сообщено объ этомъ, какъ говоритъ секретарь конференціи. Такъ вотъ плоды твоего зловредства, юноша и сердечный мой другъ! Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя дорожныхъ писемъ».

Изъ Горохова Неглигентовъ и Смоквинъ писали, что университетъ мало удовлетворяетъ ихъ. Прежде будто бы лучше читались лекціи, но вдругъ почему-то начались урѣзки по философіи; наблюденія за профессорами, которые какъ будто обрадовались оному и впали въ такую апатію, что на лекціяхъ смертельную скуку нагоняютъ на самыхъ ярыхъ приверженцевъ науки. Такое положеніе нравится-де шалопаямъ, которые поступили въ университетъ ради диплома для карьеры, но любители истиннаго просвѣщенія упали духомъ и сильно озлобляются противъ духа тьмы, ставящаго науку въ такое двусмысленное и ложное положеніе.

Отецъ Савва жаловался, что предписывается-де строго внушать паствѣ истины евангельскія и всячески стараться, чтобы внѣдрить въ души пасомыхъ добрыя правила, но какъ ихъ внѣдрить, когда мужикъ съ головы до ногъ опутанъ всяческими неправдами, подрывающими вѣру въ добро и справедливость, а потому постоянно ожесточается и озлобляется противъ всѣхъ и всего.

И гдѣ жъ тѣ истинные и смѣлые патріоты у насъ, думалось Перепелкину, которые раскрыли бы всю правду царю: что лучшее моло-

дое юношество, ищущее свѣта истины и правды, цвѣтъ и надежда государства, ожесточается за неудовлетвореніе самыхъ существенныхъ духовныхъ своихъ потребностей, что оно озлобляется за приниженіе науки, за святотатственное обращеніе въ машинную толчею, въ которой мелко-намелко перемалывается всякій вздоръ и хламъ, не имѣющій и признаковъ плодотворнаго зерна и давно потерявшій уже всякую цѣну у опередившихъ насъ развитіемъ народовъ. Что упадкомъ науки въ заведеніи только поощряется и поддерживается шалопайство, которое образуетъ самый зловредный и опасный элементъ въ сложномъ административномъ механизмѣ—людей безнравственныхъ, корыстолюбивыхъ, жестокосердечныхъ, совершенно равнодушныхъ къ пользамъ государства, всегда думающихъ: «а послѣ насъ хоть трава не расти», но вѣчно лицемѣрящихъ патріотизмомъ, преданностію престолу, набожностію и всѣмъ тѣмъ, что̀ требуется минутой. Что неблагоразумно и опасно допускать нелѣпый принципъ: «чѣмъ бы дитя ни тѣшилось,—лишь бы не капризничало и не плакало», а ужъ если нельзя не держаться его, то, въ интересахъ самой опеки надъ незрѣлой юностью, лучше же предоставить молодымъ людямъ тѣшиться углубленіемъ въ науку, чѣмъ шалопайствомъ, верхоглядствомъ, ранними мечтами о карьерѣ и другими безпутствами, потому что душа молодаго человѣка, разъ тронутая лучомъ истиннаго научнаго свѣта, неудержимо рвется къ нему и сильно озлобляется противъ всего того, что̀ заслоняетъ этотъ свѣтъ или и совсѣмъ старается скрыть его. Вѣдь былъ же такой случай,—продолжалъ фантазировать съ разгорячившимся воображеніемъ Перепелкинъ: что государственный человѣкъ, въ припадкѣ высокаго патріотическаго настроенія, дерзнулъ разорвать указъ, подписанный царемъ, упустившимъ изъ виду, какой вредъ могъ бы послѣдовать для государства, если бы онъ былъ исполненъ — и что же? великій царь еще болѣе приблизилъ къ себѣ этого государственнаго человѣка, еще бо̀льшаго довѣрія удостоилъ его, и поступокъ его всегда ставилъ другимъ въ примѣръ истиннаго патріотизма. А простой священникъ Сильвестръ развѣ не произвелъ переворота въ душѣ Іоанна, раскрывъ предъ нимъ мрачную картину несчастнаго управленія подъ вліяніемъ недостойныхъ людей. И опять засѣлъ въ голову Перепелкина и мучилъ вопросъ: на какомъ поприщѣ можно принести наибольшую пользу людямъ. Архіерейство,—но жизнь безъ подруги сердца онъ считалъ невозможнымъ дѣломъ для себя, да и вообще не любилъ безбрачія и считалъ его противоестественнымъ, несогласнымъ съ законами матери-природы. Губернаторство,—но оно дается людямъ искательнымъ, карьеристамъ, а у него и тѣни нѣтъ качествъ, свойственныхъ такимъ людямъ. Да и холодно на этихъ верхахъ: черствѣютъ люди и больше походятъ на муміи, чѣмъ на живыхъ людей. Конечно, лучше всего

педагогическое поприще, хотя, какъ оказывается, и тутъ можно зачерствѣть и обратиться если не въ мумію, то въ говорящую машину, въ попугая. Какъ же! урѣзки, да инструкціи, да наблюденія — вотъ и пошла механика. Человѣку хочется душу вложить въ живое дѣло, а тутъ взвѣшивай каждое слово, оглядывайся, не сказалъ ли чего лишняго. Вотъ Петръ Ивановичъ, напримѣръ, въ академіи вступительную лекцію прочелъ такъ, что всѣ какъ очарованные сидѣли, изъ аудиторіи не хотѣли выходить, пока, подъ живымъ впечатлѣніемъ, не набросали ея, каждый для себя отдѣльно, а потомъ сообща не возстановили въ томъ видѣ, какъ она была сказана. А потомъ никто уже не наводилъ на всѣхъ такой смертельной скуки, какъ этотъ несомнѣнно даровитый человѣкъ. Выкопаетъ ничтожный фактикъ и тянетъ канитель, разжевывая его до тошноты вяло, апатично, сонно, осторожно избѣгая соприкосновенныхъ съ этимъ мелочнымъ фактикомъ серьезныхъ животрепещущихъ вещей. Или эти громы, фарисейски направляемые противъ серьезныхъ мыслителей, развѣ они не плодъ этой странной опеки надъ наукой? И въ какой просакъ попадаетъ запуганный профессоръ! Любитель философіи Іоанна, экзарха Болгарскаго, напримѣръ, по поводу эклектизма Кузена, хотѣлъ наговорить любезностей по адресу этого представителя амальгамированной философіи и, желая на примѣрахъ доказать, какъ разборчивъ и строгъ онъ былъ въ оцѣнкѣ философомъ предшественниковъ и современниковъ, нагородилъ такихъ противорѣчивыхъ и нелѣпыхъ вещей, что сразу подорвалъ довѣріе и къ себѣ, и къ Кузену. А переконфузился и перепугался-то какъ, когда на другую лекцію, въ видѣ букета, былъ преподнесенъ ему Перепелкинымъ сводъ этихъ, противорѣчащихъ одна другой, нелѣпостей! Вотъ откуда, вѣроятно, и проистекаетъ его нелюбовь ко многимъ извѣстнымъ философамъ и горячая рекомендація основателя славянской философіи, Іоанна, экзарха Болгарскаго.

Перебравъ опять въ умѣ разныя поприща, гдѣ можно приносить, въ качествѣ общественнаго дѣятеля, наибольшую пользу, онъ безповоротно остановился на педагогическомъ, такъ какъ оно, по его мнѣнію, менѣе другихъ способствуетъ человѣку обратиться въ рутинера или въ машинальное орудіе для другихъ, предоставляетъ, сравнительно, больше почина и самостоятельности въ дѣятельности, волей-неволей заставляетъ держаться на извѣстной высотѣ развивающейся науки и несомнѣнно требуетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ руководствоваться принципіальными убѣжденіями людей мыслящихъ, а не инстинктами животной натуры или стадными побужденіями толпы. Рѣшеніе этого вопроса необходимо было для него теперь и въ виду настоятельнаго требованія со стороны отца и сестеръ опредѣлить яснѣе и точнѣе свои стремленія, цѣли и намѣренія, и для отвѣта товарищамъ-академистамъ, кото-

рымъ поручило начальство настаивать о возвращеніи его въ академію. «Не дастъ мнѣ ваша академія того, чего, какъ вамъ хорошо извѣстно, я ищу, да и вообще наши академіи не такъ устроены, чтобы въ нихъ можно было получить удовлетвореніе своей любознательности, а потому принимаю рѣшительную мысль выйти въ свѣтское званіе и закончить образованіе въ университетѣ, чтобы сдѣлаться педагогомъ», писалъ онъ товарищамъ по академіи. Отцу въ первый разъ еще Перепелкинъ откровенно сообщилъ, что онъ положительно не намѣренъ оставаться въ духовномъ званіи и, по прибытіи въ Петербургъ, немедленно будетъ хлопотать объ увольненіи его въ свѣтское званіе, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи образованія въ университетѣ, отъ котораго онъ бо́льшаго ожидаетъ, чѣмъ отъ духовной академіи, сдѣлаться педагогомъ. Онъ зналъ, что это откровенное признаніе можетъ повергнуть въ печаль не только старика, но и всѣхъ его домочадцевъ, такъ какъ имъ разрушаются завѣтныя мечты всего дома о будущей карьерѣ Савоньки, который долженъ служить подпорой всякому обездоленному члену семейства, а потому и счелъ нужнымъ расписать заманчивыми красками положеніе учителя въ свѣтскихъ заведеніяхъ.

«А что касается спасенія души, которое вы находите болѣе удобнымъ въ духовномъ званіи, чѣмъ въ свѣтскомъ,—заключилъ свое письмо къ отцу Перепелкинъ,—то я его полагаю въ нравственной чистотѣ, пріобрѣтаемой и укрѣпляемой просвѣщеніемъ, а потому и удобнѣе сохраняемой именно на томъ поприщѣ, которое имѣетъ цѣлію свѣтъ истины, правды и добра. Архіерейство же, которое такъ занимало мою покойную мать и которое вы рекомендуете мнѣ предпочтительно, какъ наилучшее во всѣхъ отношеніяхъ, а особенно въ отношеніи спасенія души, поприще, мнѣ совсѣмъ не по сердцу уже по одному тому, что я безбрачія терпѣть не могу. А вѣдь этого и Спаситель не осуждаетъ: «могій вмѣстити, да вмѣститъ», сказалъ Онъ относительно этого пункта. А сколько же нечистоты душевной могло оказаться у человѣка съ моимъ темпераментомъ, принявшаго иночество! Затѣмъ сообразите, сколько зла и вопіющихъ къ небу неправдъ творится въ консисторіяхъ вольнымъ и невольнымъ попущеніемъ архіереевъ и увидите, что и тутъ спасеніе души подъ большимъ сомнѣніемъ. Я сказалъ—невольное, потому что иные боятся искоренять злоупотребленія, чтобъ самимъ не слетѣть съ мѣста или не попасть еще въ большую бѣду, такъ какъ взяточничество у насъ повсемѣстно распространено и составляетъ силу, съ которою бороться не легко; оклевещутъ, донесутъ и выйдутъ сухи изъ воды, при легкой подкупности бюрократическихъ верховъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ.

II [1]).

Охлажденіе къ работамъ законодательной коммиссіи со стороны императора.—Школа правовѣдѣнія.—Еще характеристика Александра и Наполеона.—Чарторыйскій и Будбергъ.—Ухудшеніе матеріальнаго положенія Розенкампфа.—Нерѣшительность Александра.—Охлажденіе къ Новосильцову.—Перемѣна политики послѣ Прейсишъ-Эйлау.—Новое порученіе коммиссіи законовъ.—Сперанскій по описанію Розенкампфа.—Паденіе Новосильцова.—Возвышеніе Сперанскаго.—Преобразованіе коммиссіи законовъ.—Закрытіе школы правовѣдѣнія.—Государственный Совѣтъ.—Невзгоды и смерть Розенкампфа.

На основаніи высочайше утвержденнаго положенія о коммиссіи законовъ, 28-го февраля 1804 года (I. П. С. З. № 20171), подписаннаго княземъ Лопухинымъ и Новосильцовымъ и скрѣпленнаго мною какъ главнымъ секретаремъ и первымъ ея референдаріемъ, коммиссія находилась въ полной независимости отъ Сената и другихъ учрежденій и получала приказанія только отъ его императорскаго величества. Она занималась единственно законами, устарѣлый слогъ которыхъ представлялъ собою не мало затрудненій, очень не многія лица могли хотя отчасти понимать законы и еще меньшее число—толковать ихъ. Положенія о коммиссіи законовъ были въ 1805 г. переведены на иностранные языки и напечатаны, кромѣ русскаго языка, еще на англійскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и французскомъ [2]).

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1904 г.

[2]) Упоминаемыя Розенкампфомъ положенія были напечатаны въ 1805 г. въ типографіи Шнора подъ заглавіемъ «Труды коммиссіи составленія законовъ» и при томъ въ двухъ видахъ: въ одну 8 долю листа, а другое въ

Англійскій переводъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ ганноверскаго посольства въ Петербургѣ, въ то время, Таттеромъ или скорѣе самимъ графомъ Мюнстеромъ; я имѣю у себя оригиналъ его руки. Императоръ не разъ бесѣдовалъ о законодательствѣ съ весьма образованнымъ графомъ. Латинскій переводъ сдѣлалъ Гаубольдъ (Haubold). Я охотно признаю себя авторомъ этого положенія и сопровождающаго оное плана со всѣми приложеніями и разъясненіями, положившихъ начало историко-практическому методу разработки права въ Россіи, который я съ тѣхъ поръ проводилъ и въ моихъ лекціяхъ по русскому праву, во многихъ моихъ разсужденіяхъ о правѣ и въ совѣщаніяхъ законодательной коммиссіи, особенно въ происходившихъ въ 1812 году. Нѣкоторыя мѣста утвержденнаго въ 1804 году плана могли бы быть изложены обстоятельнѣе на русскомъ языкѣ, но не должно забывать, что это было не обстоятельное изслѣдованіе, а только программа для большой работы, относящейся къ области юридической литературы.

Правильныя засѣданія дирекціи коммиссіи происходили еженедѣльно по субботамъ въ ея помѣщеніи. Докладчики представляли дирекціи свои работы по мѣрѣ ихъ исполненія, я же составлялъ общіе ежемѣсячные отчеты занятіямъ, изъ которыхъ составлялись доклады его величеству, представляемые княземъ Лопухинымъ. Новосильцовъ попрежнему являлся главнымъ руководителемъ нашей дѣятельности. На сколько было возможно, я пользовался случаемъ обсуждать съ нимъ и княземъ Чарторыйскимъ разнообразные, возникавшіе при нашихъ работахъ вопросы. Чарторыйскій обыкновенно говорилъ очень мало, выражался кратко, односложными словами и казался разсѣяннымъ, но это потому, что предавался вполнѣ предмету и болѣе обдумывалъ, нежели говорилъ. Онъ высказывался только въ рѣдкихъ случаяхъ, обуреваемый различными воззрѣніями, и при томъ въ сильныхъ, образныхъ выраженіяхъ и словахъ, которыя должно было тщательно улавливать, такъ какъ рѣчь его быстро прекращалась. Онъ обладалъ большою проницательностію, въ полномъ значеніи этого слова, но не могъ тягаться въ преніяхъ съ Новосильцовымъ, говорившимъ очень хорошо, потому что обращалъ вниманіе исключительно на главную мысль, оставляя все прочее безъ вниманія. Его письменныя произведенія чужды всякихъ литературныхъ украшеній и отличаются силою выраженій. Въ этомъ всякій можетъ легко убѣдиться, прочтя со вниманіемъ записки его на французскомъ языкѣ о политикѣ въ отношеніи Франціи. Я читалъ

одну 4, и въ этомъ послѣднемъ, кромѣ высочайше утвержденнаго доклада 28-го февраля 1824 о преобразованіи коммиссіи составленія законовъ и различныхъ выписокъ изъ журналовъ коммиссіи за время съ 26-го марта по 13-е сентября 1804 г., имѣются и переводы ихъ на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій. Польскаго перевода не оказывается.

также въ рукописи его основательныя сужденія объ англійскихъ учрежденіяхъ и рѣчь его при погребеніи графа Бѣлинскаго [1]), а также примаса Польши—Воронича [2]); все это написано рукою мастера. Въ многочисленныхъ совѣщаніяхъ нашихъ я имѣлъ не слишкомъ много съ нимъ объясненій, но достаточно, чтобы оцѣнить его способности. Я получилъ отъ него непосредственно порученіе составить проектъ конституціи для Іоническихъ острововъ [3]), принадлежавшихъ одно время Россіи; министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда графъ Каподистріа. Не могу сказать, чтобы эта работа была удачна, но я старался на сколько могъ сохранить своеобразность этой страны и ея обывателей.

Его величество обратилъ вниманіе на нѣкоторыя части составленнаго мною плана по русскому государственному праву, и въ началѣ іюня князь Лобановъ, потребовавъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ высочайшее приказаніе—заняться закономъ о престолонаслѣдіи и проектомъ конституціи для Россіи! Я едва вѣрилъ своимъ ушамъ...

Коммиссія не успѣла еще ознакомиться съ основными началами существующаго государственнаго строя Россіи, а отъ нея желаютъ имѣть окончательный ихъ выводъ, конституцію. Это вѣнецъ великаго зданія, который должно не только нарисовать на бумагѣ, но основать на прочномъ русскомъ фундаментѣ. Между тѣмъ, не только не были еще собраны многіе законы, относящіеся до различныхъ сословій подданныхъ въ государствѣ, до городскаго и общиннаго правленія, до правъ и преимуществъ дворянства, городскихъ обывателей, до крестьянскаго населенія, гражданскихъ правовыхъ ихъ отношеній и т. д.,

---

[1]) Бѣлинскій (Петръ), р. 1754 г., служилъ при королѣ Станиславѣ-Августѣ, былъ членомъ Гродненскаго сейма и большой патріотъ. Послѣ 3-го раздѣла Польши удалился въ деревню, но въ 1807 г. былъ снова членомъ временнаго правительства, составлялъ польскую конституцію 1807 года, участвовалъ въ Байонской конвенціи; былъ сдѣланъ графомъ въ 1825 г. и умеръ въ Варшавѣ въ 1829 году. Онъ отличался замѣчательною справедливостью.

[2]) Вороничъ, р. 1757 г. въ Волыни, былъ сперва въ орденѣ іезуитовъ и потомъ миссіонеромъ варшавскимъ и достигъ званія епископа краковскаго въ 1815 г., а затѣмъ и архіепископа варшавскаго въ 1827 г. Онъ совершалъ обрядъ коронованія въ Варшавѣ императора Николая въ 1829 г. и въ томъ году умеръ. Вороничъ занимался много литературою и оставилъ много сочиненій въ стихахъ и прозѣ и былъ замѣчательный проповѣдникъ.

[3]) Іоническіе острова близъ береговъ Греціи, принадлежавшіе Турціи были завоеваны въ 1797 г. Франціею, затѣмъ были заняты въ 1799 году Россіею и составили особую республику подъ покровительствомъ Россіи и Турціи. По Тильзитскому миру 1807 г. эти острова уступлены опять Франціи и находились въ ея владѣніи до 1815 года, когда на основаніи Парижскаго мира были преобразованы въ полусамостоятельное государство подъ покровительствомъ Англіи.

все это предстояло еще разобрать по народностямъ и различнымъ мѣстностямъ, разсмотрѣть и вызвать къ большей жизни,—прежде, нежели докладывать государю о конституціи. Неужели же намъ предстояло, какъ прежнимъ кодификаторамъ или эмпирическимъ смѣльчакамъ прожекторамъ, составить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только весьма поверхностный очеркъ, остовъ, который ничего въ точности опредѣлять не будетъ. Исполняя подобное порученіе, можно было только набросать очеркъ. Однако и для составленія хорошаго очерка необходимо по крайней мѣрѣ изучить анатомію всего организма и имѣть предъ собою хорошій манкенъ. Тутъ же однако рѣчь шла не о рисованіи, но объ основательномъ начертаніи строя всего государственнаго организма, составленнаго изъ весьма разнообразныхъ частей. Все это я высказалъ Лопухину быть можетъ для него не достаточно ясно, а затѣмъ обязанный повиноваться, составилъ ему общій желаемый очеркъ съ необходимыми подраздѣленіями, заполнивъ ихъ ссылками на различныя государственныя правовыя положенія, почерпнутыя изъ разнообразныхъ узаконеній. Тѣмъ не менѣе и этотъ очеркъ имѣлъ множество пробѣловъ; я въ немъ не касался вовсе правъ низшаго (крестьянскаго) сословія, предоставивъ себѣ изложить это впослѣдствіи.

Что же касается закона о престолонаслѣдіи, то онъ не могъ представлять собою что-либо иное, какъ постатейное систематическое изложеніе акта избранія на царство Михаила Ѳеодоровича и указовъ Петра I, Анны Іоанновны и Павла I; онъ могъ имѣть за собою ту заслугу, что соединялъ въ одно цѣлое всѣ разновременно изданныя объ этомъ узаконенія.

Мои труды являлись по истинѣ дѣйствительно какими-то спѣшными, незрѣлыми, въ которые я едва-ли могъ вложить какія-либо начала къ будущему ихъ развитію. Мнѣ было очень прискорбно, что его величество, повидимому, уже забылъ происходившій со мною разговоръ и, такъ какъ, по словамъ князя Лопухина, государь остался моими трудами очень доволенъ, то меня заботила все болѣе и болѣе мысль, что и прочіе отдѣлы законодательства будутъ разсматриваться столь же поверхностно.

Чѣмъ болѣе я свыкался съ Петербургомъ, чѣмъ болѣе знакомился съ людьми и его величествомъ, тѣмъ болѣе меня безпокоило то особенное направленіе, которое принимало дѣло вообще. Я замѣчалъ ясно сомнѣнія, безпокойство, проявлявшіяся въ ближайшихъ къ государю лицахъ, какъ напр. у Новосильцова, Чарторыйскаго, Кочубея, Строганова и прочихъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе частыя сношенія съ его величествомъ и окружавшими его лицами. Не только измѣнились дворъ и все высшее управленіе, но даже всѣ стремленія и направленія. Старое и новое какъ-бы таились въ темнотѣ. Никто по истинѣ не

зналъ, что собственно желаетъ государь. Замѣчали только, что не господствовалъ болѣе ни духъ царствованія Екатерины II, ни духъ временъ Павла I и что не будетъ болѣе господствовать. При дворѣ не было прежней торжественности. Только вдовствующая императрица (Марія Ѳеодоровна) держалась въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ старыхъ традицій; но она лучше всякаго другаго знала непреклонность государя. Разныя канцеляріи умножились, но уваженіе къ нимъ исчезло, такъ какъ онѣ сами относились съ меньшимъ уваженіемъ къ возложеннымъ на нихъ занятіямъ. Ощущался недостатокъ въ общемъ руководящемъ принципѣ правленія. Все раздробилось на мелкія части. Толчекъ, ранѣе исходившій непосредственно сверху, не руководилъ уже общественное мнѣніе, какъ это было во времена великой императрицы. Правда, на обществѣ не тяготѣлъ уже страхъ, отличавшій дни Павла I; положеніе вообще не было уже столь жестко; но отсутствіе опредѣленныхъ правилъ и началъ стало не только менѣе, но гораздо болѣе. Съ введеніемъ министерствъ, нападкамъ новыхъ преобразованій подверглось все старое управленіе, своимъ столѣтнимъ существованіемъ достигшее извѣстной устойчивости. Эти новаторы, опираясь на взгляды, выраженные въ запискѣ 1803 года іюня, выдвинули изъ колеи всю основу государственнаго зданія.

Вниманіе его величества было скорѣе обращено на другіе предметы, казавшіеся ему во всякомъ случаѣ болѣе важными, нежели моя дѣятельность въ коммиссіи, и хотя онъ по-прежнему благосклонно читалъ представляемые ему мною отчеты, но пересталъ уже обращать свое непрерывное вниманіе на самый ходъ работъ коммиссіи. Я еще находился въ заблужденіи, что мой докладъ разъяснитъ ему сущность дѣла, и только позднѣе покинулъ я эту мою вѣру и надежду.

Неправедные захваты Бонапарта съ каждымъ днемъ увеличивались все болѣе и болѣе. Проницательный, искренно преданный своему другу и державному повелителю, Чарторыйскій давно уже подмѣтилъ это и настаивалъ на необходимости заключить союзъ съ Англіею. Оцѣняя вѣрно способность Новосильцова въ изложеніи дѣлъ, Чарторыйскій предлагалъ избрать его орудіемъ для заключенія подобнаго союза. Дѣйствительно, поздно осенью Новосильцовъ отправился въ Готеборгъ, откуда на ожидавшемъ его фрегатѣ «La Chiffone» переѣхалъ въ Англію. Строгановъ долженъ былъ замѣщать его въ совѣщаніяхъ, касавшихся различныхъ дѣлъ по законодательной коммиссіи. Государю по-прежнему докладывали о всемъ происходившемъ въ коммиссіи. Лопухинъ очутился единственнымъ моимъ начальникомъ по виду. Онъ дѣлался выдающимся человѣкомъ; мнѣ предстояло его изучать и обучать новымъ для него занятіямъ, чтобы склонить его въ пользу моихъ воззрѣній. Онъ скоро съ ними согласился, сталъ приглашать къ себѣ

редакторовъ, шутилъ надъ маргиналами, предложенными мною для выписокъ опредѣленій изъ законовъ, и все шло очень хорошо. Послѣ перваго своего доклада государю, онъ очень изумилъ меня предъявленіемъ указа, которымъ мое содержаніе увеличивалось прибавкою 3.000 руб. столовыхъ денегъ. Я напрягалъ до чрезвычайности мои силы къ работѣ, мое умственное достояніе достигло высшаго развитія, и мнѣ въ настоящую минуту все улыбалось. Государь остался очень доволенъ первымъ годовымъ отчетомъ о трудахъ коммиссіи и пожаловалъ мнѣ 1-го января 1805 г. орденъ св. Анны 2-й степени. Въ чемъ же состояли мои занятія? Въ томъ, чтобы собрать и привести въ порядокъ весь матеріалъ для пересмотра нашего законодательства и тѣмъ положить основаніе такъ называемымъ въ римскомъ правѣ институціямъ. Все въ дѣлѣ этомъ зависѣло однако отъ воли его величества и отъ его воззрѣній. Такъ какъ мнѣ не представлялось случая имѣть какое-либо вліяніе на эти воззрѣнія лично или непосредственно, то мнѣ оставалось только вліять на нихъ очень посредственно, и нерѣдко самыя цѣлесообразные предположенія и проекты оставались безъ той жизненной силы, исходящей въ Россіи только отъ монарха. Всѣ эти проекты являлись прекрасными желаніями (pia desideria), которыя, до дѣйствительнаго ихъ осуществленія проходя рядъ посредствующихъ инстанцій, встрѣчаютъ на пути своемъ неопреодолимыя препятствія.

Отъ меня императоръ могъ требовать обстоятельно обдуманной работы и при этомъ большаго вниманія, ему же, какъ и моему начальнику, предстояло не только ее разсмотрѣть, но и точно также провѣрить, взвѣсить и серьезно обсудить представляемое; недостатка въ проницательности, для этого необходимой, не было.

Читающій въ сердцахъ людей знаетъ, что я при своихъ трудахъ не руководился никакими посторонними побужденіями или стремленіями. Я не искалъ ни чиновъ, ни почестей и не добивался имѣть вліяніе; я хотѣлъ быть только полезнымъ; это была единственная цѣль моихъ стремленій. Домашнія заботы меня не тревожили, я не имѣлъ дѣтей которыхъ бы предстояло мнѣ воспитывать.

Бесѣды съ моею высоко образованною супругою отрадно и пріятно заполняли время, не посвященное служебнымъ занятіямъ. Какъ счастлива была бы моя старость, если бы я съумѣлъ предотвратить первый мой шагъ на скользкомъ поприщѣ петербургской службы! Но мнѣ недостало тогда ни зрѣлаго обсужденія, ни твердаго рѣшенія, а между тѣмъ представлялись ежедневно новые соблазны. Уже въ то время, когда я цѣлые вечера просиживалъ съ моими благожелателями, считавшимися тогда любимцами государя, имѣвшими со своими докладами всегда открытый къ нему доступъ, уже въ то время я примѣтилъ, что имъ также предстояло преодолѣвать не мало затрудненій, изъ числа

которыхъ однимъ изъ самыхъ главныхъ являлось то, что они стояли на зыбкой почвѣ и не на вполнѣ соотвѣтствующей имъ ступени. Въ то время мнѣ легко было бы съ полнымъ почетомъ возвратиться къ моимъ сельскимъ занятіямъ въ Лифляндіи, снова жить для себя и посвятить себя любимымъ историческимъ занятіямъ, ранѣе мною уже начатымъ. Я по временамъ читалъ тогда сочиненіе Цицерона De officiis,—богатое сокровище жизненныхъ истинъ, полное утѣшеній при неудавшемся жизненномъ поприщѣ. Занятія исторіею несравненно болѣе удовлетворяютъ человѣка, нежели законодательныя работы, при которыхъ всегда находишься въ борьбѣ съ дѣйствительностію и отвлеченностію.

Весною Новосильцовъ возвратился изъ Англіи, съ которою былъ заключенъ въ то время союзъ. Война съ Франціею становилась неизбѣжною. Я опасался не безъ основанія, какъ того вліянія, которое такая война окажетъ на ходъ нашего законодательства вообще, такъ и того, которое занятія по дипломатической части могутъ оказать на Новосильцова. Послѣдствія подтвердили мои опасенія и доказали, что таковыя были болѣе или менѣе основательны.

По возвращеніи своемъ изъ Англіи, Новосильцовъ уже не сталъ обращать, какъ прежде, напряженнаго вниманія на законодательныя работы и въ особенности на самую важную часть ихъ, на основныя начала государственныхъ учрежденій. Я очень часто повторялъ ему и также друзьямъ его, Чарторыйскому и Строганову, съ которыми теперь встрѣчался гораздо рѣже, что работа коммиссіи законовъ отнюдь не можетъ ограничиваться однимъ составленіемъ, такъ называемой, книги законовъ, что частное гражданское право, какъ это ясно и кратко высказано въ предварительномъ объясненіи къ французскому кодексу, можетъ основаться на государственномъ публичномъ правѣ, на которое и должно обратить особенное вниманіе, потому что иначе нельзя многое исправить и улучшить въ гражданскихъ законахъ, что законодательныя работы должны главнымъ образомъ коснуться пересмотра законовъ о состояніяхъ, какъ-то законномѣрнаго положенія нижняго класса населенія Имперіи, составляющаго $^{9}/_{10}$ всего ея населенія, городскаго общественнаго управленія, положенія о дворянскихъ собраніяхъ и т. д. Между тѣмъ коммиссія пока занимается только выясненіемъ современнаго положенія различныхъ частей дѣйствующаго права. Основныя начала частнаго права были намъ настолько достаточно извѣстны, что самыя важныя изъ нихъ не были бы отодвинуты на задній планъ. Вниманіе его величества, какъ я всегда утверждалъ, должно непрестанно обращаться на учрежденія государственныя, какъ наиболѣе постоянныя, всѣ же остальныя подвергались непрерывно измѣненіямъ. Должно было опасаться, что неизбѣжно долгій ходъ нашихъ подготовительныхъ работъ будетъ казаться государю скучнымъ. Но мои слова

оказывали мало вліянія... Самый существенный предметъ законодательства былъ отстраненъ отъ глазъ, и предстояло заняться только механическою стороною дѣла, которая и находилась въ моихъ рукахъ.

Тѣмъ временемъ я жилъ очень пріятно. Пріѣздъ въ столицу двухъ очень интересныхъ лицъ, каждый въ своемъ родѣ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе; это были: совѣтникъ финансовъ Гекингъ [1]), извѣстный ветеранъ среди писателей, и Піатоли, прибывшій по тяжебному дѣлу [2]) курляндскаго герцогскаго семейства. Я велъ это дѣло для нихъ въ Сенатѣ и совершенно его выигралъ. Піатоли былъ нѣкогда пріятель и другъ Чарторыйскаго. Онъ былъ классически образованный и ученый человѣкъ, обладавшій большими познаніями и владѣвшій многими языками, кромѣ нѣмецкаго однако. Я съ ними обоими велъ впослѣдствіи въ продолженіе многихъ лѣтъ переписку. Они оба были сдѣланы почетными членами коммиссіи законовъ.

Не стану говорить о ходѣ военныхъ дѣйствій въ 1805 году, всѣмъ извѣстныхъ уже; замѣчу только, что Новосильцовъ и Чарторыйскій сопровождали императора Александра I въ этомъ его походѣ въ предѣлы австрійскихъ владѣній. Кампанія кончилась сраженіемъ при Аустерлицѣ, въ которомъ потерпѣло первое пораженіе и вліяніе обоихъ друзей, пытавшихся удержать государя отъ сраженія, принимаемаго въ неблагопріятныхъ для насъ условіяхъ. Кутузовъ также раздѣлялъ ихъ

---

[1]) Гекингъ (Göking) Леопольдъ, р. 1748 г. въ Геттингенѣ, занимался камеральными науками и служилъ по финансовому вѣдомству въ Берлинѣ и былъ тайный совѣтникъ. Онъ умеръ въ 1828 году. Піатоли (Сципіонъ), р. въ 1750 г. въ Флоренціи, былъ священникъ у графа Маркизіо, перваго министра въ Моденѣ, и, пользуясь его библіотекою, пріобрѣлъ большія, разностороннія свѣдѣнія. Познакомившись съ княземъ Любомірскимъ, переѣхалъ въ Варшаву, предался политикѣ, имѣлъ большое вліяніе на Станислава-Августа и вмѣстѣ съ нимъ покинулъ Польшу. Онъ жилъ въ Прагѣ, гдѣ познакомился съ герцогомъ Курляндскимъ и сдѣлался учителемъ его дочерей. Вмѣстѣ съ опекуномъ и Гекингомъ Піатоли прибылъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу курляндскихъ герцогинь и познакомился съ Адамомъ Чарторыйскимъ, который опредѣлилъ его на русскую службу въ качествѣ секретаря своего и взялъ его съ собою во время войны 1805 года въ армію. Піатоли велъ тогда большую переписку и писалъ не мало важныхъ дипломатическихъ бумагъ По возвращеніи въ Петербургъ онъ вышелъ въ отставку, покинулъ Россію поселился въ Альтенбургѣ и предался вполнѣ филологическимъ занятіямъ, онъ особенно занимался Ювеналомъ. Піатоли умеръ въ 1809 г. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Фитингофъ, покинувъ духовное званіе.

[2]) По этому дѣлу младшая мужская линія заявляла притязанія на наслѣдство, доставшееся женской линіи курляндскихъ герцоговъ, болѣе чѣмъ на милліонъ альбертъ-талеровъ доходовъ съ герцогскихъ аллодіальныхъ владѣній. Вдовствующая герцогиня сама прибыла въ Петербургъ, чтобы хлопотать по этому дѣлу.

мнѣніе. Но государь былъ увлеченъ юношескимъ пыломъ князя Долгорукова.

По возвращеніи Александра I въ столицу, все повидимому пошло обычнымъ путемъ. Между тѣмъ, по словамъ молвы, Новосильцовъ и Чарторыйскій перестали уже пользоваться довѣренностію государя, всѣмъ казалось несомнѣннымъ, что, несмотря на продолжавшіяся по-прежнему съ ними занятія по дѣламъ государства, его величество рано или поздно порветъ всякія съ ними сношенія. Такъ полагалъ и Козодавлевъ, но я продолжалъ сомнѣваться, потому что былъ убѣжденъ, что въ отношеніи дѣлъ законодательныхъ было трудно положиться на кого-либо инаго, какъ Новосильцова, съ большимъ основаніемъ. Продолжая непрерывно свои занятія, я долго пребывалъ въ нерѣшительности, искать ли мнѣ еще разъ случая къ личному объясненію съ государемъ или нѣтъ, но наконецъ къ этому представился весьма удобный поводъ. Я составилъ особую записку объ учрежденіи при коммиссіи законовъ школы правовѣдѣнія [1]) и вручилъ ее Новосильцову, представившему ее

---

[1]) Для удовлетворенія потребности въ юридической подготовкѣ лицъ, посвящающихъ свою дѣятельность службѣ по судебной и административной части, была давно уже учреждена по шведскому образцу, такъ называемая, школа для юнкеровъ при Сенатѣ. Ученики ея назывались титулярные юнкера коллегій и получали преимущественно практическую подготовку. Съ цѣлью доставить преимущественно научное юридическое образованіе и практическую подготовку молодымъ людямъ, поступающимъ на службу, Розенкампфъ основалъ особое училище (школа юнкеровъ упразднялась при этомъ) правовѣдѣнія, въ которое поступали лица, уже окончившія курсъ въ университетахъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а также въ гимназіяхъ. Принимали въ школу не болѣе 25 лицъ, которыя получали отъ казны по 300 руб. въ годъ жалованья каждый и полное содержаніе, считаясь на службѣ. Курсъ ученія продолжался три года. Первый годъ читали право естественное, римское (институціи, пандекты), общую теорію процесса, энциклопедію русскаго права и законодательство другихъ европейскихъ народовъ. Во второй годъ— институціи русскаго права, дѣйствующія законодательства, и продолжалось чтеніе по теоріи процесса и энциклопедіи русскаго права. Въ третій годъ читали общее право русское и мѣстное различныхъ губерній и оканчивали теорію процесса и энциклопедію права. Кромѣ теоретическихъ занятій существовали ежедневно еще практическія: молодые люди занимались разборомъ и обработкою матеріаловъ русскаго дѣйствующаго права, при чемъ обращалось вниманіе на то, чтобы направлять умы и силы учениковъ къ самостоятельнымъ работамъ. Ежегодно происходили испытанія. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ опредѣлялись на службу по министерству юстиціи.

Училище помѣщалось въ томъ же домѣ, гдѣ находилась юнкерская школа, которая упразднялась. Содержаніе училища обходилось въ 18.000 руб., въ томъ числѣ 25 стипендій по 300 руб.—7.500 р. всѣмъ; 4 профессора—6.000 руб., содержаніе помѣщенія 2.000 руб. и т. д. Положеніе объ этомъ училищѣ учреждено было государемъ 1-го августа 1805 года. Розенкампфъ былъ назначенъ директоромъ этой школы правовѣдѣнія въ началѣ 1806 года и былъ тогда же

*

государю. Мои предположенія удостоились высочайшаго одобренія. Я пріискалъ профессоровъ, достаточно удовлетворительныхъ на первое только трехлѣтіе, такъ какъ имѣлось въ виду впослѣдствіи подготовить профессоровъ изъ числа лицъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ. До 30 молодыхъ лицъ выразили желаніе поступить въ школу: они были большею частію изъ числа получившихъ образованіе въ С.-Петербургской семинаріи или университетѣ. Школа должна была состоять подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ. Я старался придать ей практическое для русскаго права направленіе, такъ какъ за исключеніемъ повторительнаго курса, естественнаго права, римскаго права и энциклопедіи права, большая часть занятій была направлена на практическую разработку русскаго права, при чемъ учащіеся могли пользоваться всѣми матеріалами архива коммиссіи законовъ и нашими трудами. Два раза въ недѣлю я самъ читалъ лекціи по различнымъ частямъ русскаго права, обращая вниманіе слушателей на источники права и способы пользованія ими. Я возлагалъ большія надежды на эту школу и съ большимъ рвеніемъ занимался ею.

Его величество, по просьбѣ Новосильцова, удостоилъ своимъ присутствіемъ открытіе училища, послѣдовавшее въ августѣ мѣсяцѣ. Всѣ гг. министры, сенаторы и высшія должностныя лица были приглашены на это торжество; я встрѣчалъ государя императора на самой послѣдней ступенькѣ лѣстницы и сопровождалъ его въ зало, гдѣ старшій профессоръ произнесъ съ каѳедры рѣчь. Государь императоръ былъ очень милостивъ и выразилъ мнѣ, что съ удовольствіемъ пріѣхалъ, чтобы меня снова увидѣть. Я попросилъ его пройти въ другое зало и взглянуть на работы редакторовъ. Въ этомъ залѣ были представлены его величеству всѣ чиновники и тетради двухлѣтнихъ ихъ занятій. Государь сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, которые, по его замѣчанію, свидѣтельствовали, что онъ хорошо помнитъ о происходившемъ нѣкогда между нами разговорѣ. Я началъ съ гражданскаго права, потомъ перешелъ къ уголовному, торговому и т. д. и старался обратить въ особенности монаршее вниманіе на государственное право, по отношенію къ внутреннему положенію Имперіи, на раздѣленіе обывателей на сословія, а также на мѣстные законы отдѣльныхъ губерній и т. д. Я очень охотно говорилъ объ этомъ, близкомъ моему сердцу предметѣ, и повидимому его величество слушалъ меня со вниманіемъ. Я не успѣлъ однако докончить свои объясненія, потому что князь Лопухинъ, бывшій,

---

произведенъ въ статскіе совѣтники. Это училище было окончательно упразднено въ 1816 г. по докладу кн. Лопухина (I. П. С. З. № 26170), по разнымъ неудобствамъ еще въ 1809 году остановленное. Истиннымъ побужденіемъ къ закрытію училища была необычайная скупость Лопухина къ казеннымъ деньгамъ, по словамъ гр. Корфа („Рус. Стар.“ 1903 г., апр., стр. 33).

такъ сказать, хозяиномъ торжества, предполагая, что моя продолжавшаяся съ четверть часа бесѣда съ государемъ можетъ его утомить, прервалъ ее, пригласивъ его величество къ завтраку, накрытому въ помѣщеніи библіотеки коммиссіи.

Во время завтрака, его величество бесѣдовалъ съ княземъ и другими приглашенными лицами. По окончаніи завтрака, государь подозвалъ меня къ окну для возобновленія прерваннаго разговора и сказалъ:

— Вы мнѣ только-что говорили о законахъ областныхъ и мѣстныхъ?

Я возобновилъ разговоръ и старался уяснить мою мысль, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, образованномъ изъ столь различныхъ частей, не могутъ существовать повсемѣстно одинаковыя законоположенія и одинаковые правовые порядки, потому что таковые проистекаютъ изъ свойствъ самихъ народностей, сохранившихся въ продолженіе многихъ столѣтій, народностей, которыя могутъ быть разрушены грубою силою или слиты съ другими народностями. Всѣ нынѣ существующія учрежденія покоятся на этихъ свойствахъ и такъ какъ они вмѣстѣ съ тѣмъ заключаютъ въ себѣ наилучшія обезпеченія для сохраненія, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ правъ обывателей, то было-бы совершенно безполезно нарушать усвоенныя преданіями правовыя воззрѣнія многихъ милліоновъ покорныхъ императору и преданныхъ государству подданныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ и исправно отбывающихъ повинности и подати, и навязывать этимъ подданнымъ правовыя воззрѣнія совершенно чуждыя, изложенныя на другомъ совсѣмъ языкѣ.

— Но развѣ моя бабка не распространила учрежденіе о губерніяхъ на всѣ губерніи безъ различія народностей, ихъ населяющихъ, и ихъ языка? Развѣ равенство правъ можетъ оскорбить одну народность скорѣе, нежели другую?

— Да, ваше величество. Императрица Екатерина II установила это, но вашъ августѣйшій родитель возвратилъ отдѣльнымъ провинціямъ ихъ мѣстные законы.

— Но дѣла въ послѣдней инстанціи должны рѣшаться Сенатомъ; какимъ же образомъ сей послѣдній въ состояніи будетъ хорошо знать и разобрать всѣ видоизмѣненія въ законахъ и отправлять высшую справедливость во всѣхъ провинціяхъ Имперіи, коль скоро въ каждой изъ нихъ должны будутъ примѣняться особые законы, особые порядки и при томъ на различныхъ языкахъ?

— Сенатъ, ваше величество, о д и н ъ и, въ интересахъ самой справедливости, скорѣе пусть самъ Сенатъ изучитъ законы каждой отдѣльной провинціи, нежели всѣ различныя народности должны были бы изучить русскій языкъ, чтобы быть судимыми по законамъ, которыхъ они не понимаютъ. Правосудіе не можетъ быть отправляемо безъ изу-

ченія законовъ и обрядовъ, существующихъ и утвержденныхъ вашимъ величествомъ, а также вашими августѣйшими предшественниками. Министръ юстиціи можетъ всегда наблюдать за дѣятельностью судебныхъ мѣстъ въ провинціяхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда высшая инстанція этого суда не будетъ находиться въ Петербургѣ. Благоугодно вашему величеству припомнить проектъ закона о перемѣщеніи по мѣстностямъ различныхъ отдѣленій Сената, который, собственно говоря, представляетъ собою коллегію юстиціи, въ извѣстныхъ округахъ. Если трудно Сенату знать законы и языки всѣхъ народностей Имперіи или провинцій, находящихся подъ его вѣдѣніемъ, то совершенно невозможно, чтобы эти народности выучились бы русскому языку и русскимъ законамъ. Законы приводить трудно. При томъ же единообразіе въ законахъ или правѣ среди 50 мил. населенія и въ 50 губерніяхъ существуетъ только повидимому. На дѣлѣ же слишкомъ мало единообразія; различія возникаютъ сами собою и рождаются повсюду, гдѣ встрѣчается различіе въ мѣстности, народности, языкѣ.

— Но есть же однако много правъ общихъ всѣмъ подданнымъ имперіи?

— Права, ваше величество? Позвольте мнѣ утверждать, что очень мало п р а в ъ, одинаково принадлежащихъ всѣмъ народамъ вамъ подвластнымъ и всѣмъ сословіямъ. Общаго у нихъ то, что нельзя называть правомъ; — это р а б с т в о, крѣпостное состояніе, въ которомъ находится девять десятыхъ всего народа.

Государь очень хорошо понялъ, что я намекаю на сообщенную мнѣ имъ записку, пожалъ плечами и сказалъ:

— Это правда, но необходимо время. Мы возвратимся къ этому.

Послѣ этого его величество отошелъ отъ окна и, обращаясь опять ко мнѣ, произнесъ очень громко:

— Я въ особенности ввѣряю вамъ заботу хорошо наблюдать за новою школою правовѣдѣнія. Я надѣюсь, что ваши ученики будутъ заниматься прилежно и что вы доставите государству хорошихъ юрисконсультовъ.

Государь послѣ этого обратился снова къ тѣснившемуся около него кругу присутствующихъ, поговорилъ немного съ княземъ Лопухинымъ и другими лицами и затѣмъ уѣхалъ.

Князь Лопухинъ и Новосильцовъ послѣдовали за нимъ, и я поспѣшилъ снова стать на послѣднюю ступень, на которой его величество мнѣ еще разъ очень благосклонно выразилъ:

— Я всѣмъ очень доволенъ. То же самое изволилъ онъ повторить на другой день Новосильцову. По принятому въ Россіи порядку я получилъ разрѣшеніе представить къ наградамъ моихъ подчиненныхъ. Вскорѣ послѣ этого я былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и получилъ орденъ св. Анны съ алмазами.

Здѣсь я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ и упомянуть о совершившемся въ томъ же 1806 году, но ранѣе открытія школы правовѣдѣнія.

Новосильцовъ, повидимому, пользовался еще прежнимъ довѣріемъ государя, хотя личныя его объясненія и доклады его величеству стали рѣже. Расположеніе государя къ нему замѣтно уменьшалось; снова надвигавшіяся на дипломатическомъ горизонтѣ тучи разразились скоро бурею, которая произвела большое разрушеніе.

Послѣ сраженія при Аустерлицѣ отношенія Россіи къ Франціи были неопредѣленны и очень шатки. Необходимо было приступить къ переговорамъ, и съ этою цѣлью Новосильцовъ былъ отправленъ въ Парижъ, его сопровождалъ Піатоли. Между тѣмъ свершилось присоединеніе къ Франціи Генуи.

Вслѣдствіе этого Новосильцовъ на пути своемъ въ Парижъ получилъ въ Берлинѣ приказаніе вернуться обратно въ Петербургъ. Князь Чарторыйскій предложилъ начать новые переговоры съ Франціею и при томъ исключительно о взаимной выдачѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ минувшую войну. Назначенный для этого статскій совѣтникъ Убри [1]) получилъ въ то же время обширныя полномочія и на тотъ случай, если бы представилась возможность заключить миръ на выгодныхъ къ тому условіяхъ. Такъ и случилось. Вмѣсто того, чтобы посылать еще особаго курьера съ проектомъ мирнаго условія, Убри заключилъ миръ. Этотъ миръ былъ на самомъ дѣлѣ очень почетенъ и выгоденъ, на сколько это было въ то время только возможно, въ особенности же сохраняя за нами Іоническіе острова. Сравнивая условія этого мира съ заключеннымъ годомъ позже въ Тильзитѣ, трудно понять, почему встрѣтили препятствія его ратификовать. Чарторыйскій, бывшій въ то время еще министромъ, былъ того мнѣнія, что надо ратификовать мирный договоръ, заключенный Убри; такого же мнѣнія былъ и Новосильцовъ, хотя и отстаивалъ это свое мнѣніе довольно слабо. Эта загадка разрѣшается однако тѣмъ, что императоръ Александръ, отправляя Убри въ Парижъ, составилъ себѣ уже заранѣе рѣшеніе, тщательно скрываемое отъ своихъ министровъ. Когда Убри вернулся, онъ былъ очень изумленъ такимъ оборотомъ дѣлъ и полагалъ, что столь важное дѣло должно подлежать разсмотрѣнію Совѣта. Если бы у каждаго члена Совѣта въ отдѣльности спросили по совѣсти его мнѣніе объ этомъ трактатѣ, то каждый изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выразилъ, что необходимо принять этотъ трактатъ обѣими руками. Но эти господа обладаютъ до-

---

[1]) Убри, Петръ Яковлевичъ, р. 1774 г. и умеръ въ 1847 г. въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Онъ служилъ по дипломатической части и былъ посланникомъ въ Мадридѣ и Франкфуртѣ.

стойнымъ изумленія талантомъ угадывать истинное намѣреніе государя. Самъ Убри былъ приглашенъ въ засѣданіе Совѣта, въ которомъ онъ самъ, а также Чарторыйскій отстаивали трактатъ, насколько только было возможно. Однако трактатъ этотъ значительнымъ большинствомъ Совѣта былъ признанъ невыгоднымъ для Россіи. Пренія объ этомъ происходили на русскомъ языкѣ. Порицали дѣйствія Убри и находили, что онъ преступилъ свои полномочія. Убри былъ на нѣкоторое время удаленъ въ деревню, но впрочемъ ничего не потерялъ и былъ даже скоро награжденъ. Только Чарторыйскій почувствовалъ двуличность государя и, не будучи въ силахъ снести подобное униженіе, просилъ уволить его отъ дѣлъ. Государь, казалось, былъ этимъ изумленъ и, не соглашаясь на его просьбу, укорялъ Чарторыйскаго, что онъ хочетъ поставить его въ затруднительное положеніе, зная хорошо, что онъ никого не имѣетъ въ виду, кому бы могъ вручить портфель министерства иностранныхъ дѣлъ. На неоднократные вопросы государя, кого князь можетъ указать ему какъ его замѣстителя, князь между прочимъ назвалъ Румянцева (министра коммерціи), но государь отклонилъ это какъ нѣчто смѣшное (dérision), зная хорошо, что Румянцевъ очень расположенъ къ Франціи. Такимъ образомъ государь и Чарторыйскій разстались. Государь въ то время и не думалъ о Румянцевѣ, котораго онъ очень хорошо понималъ и судилъ. Румянцевъ былъ тогда, какъ и позднѣе, горячій приверженецъ Наполеона. Оба императора совершенно не могли существовать одновременно. Оба не признавали инаго божества кромѣ силы. Наполеонъ безконечно превосходилъ Александра I геніальностію, познаніями и своими великими военными дарованіями, но Александръ превосходилъ его именно настолько же въ хитрости, притворствѣ и лукавствѣ. Онъ былъ всегда полный властелинъ своей тайны, которую никогда нельзя было отъ него вывѣдать. Онъ умѣлъ сдерживать все хитростью, кажущеюся податливостью и уступчивостью и очаровывать хоть только на время; но никто изъ знавшихъ его не любилъ и не цѣнилъ его подъ конецъ. До самой своей кончины Александръ I умѣлъ всѣхъ и все держать въ рукахъ своихъ, тогда какъ Наполеонъ, своею личностью умѣвшій приковывать къ себѣ людей всякаго рода и навсегда, кончилъ тѣмъ, что возстановилъ противъ себя всѣхъ и все, и бѣжавъ два раза долженъ былъ пасть предъ собственными своими кумирами. Оба они будутъ жить въ исторіи, но они не умѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и не осуществили своего великаго предназначенія.

Александръ I въ то время полагалъ, что настало для него время вмѣстѣ съ прочею Европою помѣриться съ Наполеономъ. Ему нельзя сдѣлать упрека, что онъ въ какомъ-либо случаѣ упустилъ достойно и справедливо оцѣнить дѣйствія своего противника и побудительныя къ

тому причины и что не слѣдовалъ самъ его правиламъ. Какъ Наполеонъ устроилъ лагерь Булонскій, ни минуты не вѣря въ возможность высадки въ Англію, но единственно съ цѣлію имѣть предлогъ дѣлать во Франціи необходимыя вооруженія, точно также Александръ I стоялъ съ поднятымъ мечемъ надъ турками, съ которыми по желанію своему во всякое время могъ заключить миръ, и увеличивалъ все свои военныя силы, чтобы двинуть ихъ прежде всего противъ Наполеона, а затѣмъ и противъ Австріи, и никогда не упускалъ изъ вида славянъ. Онъ держался тутъ логикѣ и правиламъ, неразрывно связаннымъ съ большою деспотическою властію, которая обращаетъ вниманіе на учрежденія и людей, по сколько ихъ можно направить къ тому, чтобы пріобрѣсти силу и господство. Оба они, Наполеонъ и Александръ, простирали руки на славянъ, но Александръ имѣлъ при этомъ то надъ Наполеономъ преимущество, что былъ одного племени со славянами, отчасти одного съ ними вѣроисповѣданія, говорилъ на одномъ съ ними языкѣ и не упустилъ случая собрать различныя о нихъ свѣдѣнія.

Средства, къ которымъ прибѣгали эти оба представителя властолюбія, были также одинаковы; они не пренебрегали ничѣмъ и совершили при этомъ тѣ же непослѣдовательности, потому что таковыя, при слабостяхъ человѣчества, которыхъ нельзя отрицать, нераздѣльны съ системою абсолютной власти. Чарторыйскій, хотя и желалъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ серіозно получить отставку, но Новосильцовъ и Строгановъ съумѣли убѣдить его отказаться отъ этого намѣренія. Первый очень сильными доводами представлялъ государю, чтобы онъ не отпускалъ Чарторыйскаго, котораго ему удалось также убѣдить отступиться отъ своего намѣренія.

Тѣмъ болѣе было ему тягостно услыхать, когда государь, пожавъ плечами, отвѣтилъ ему, что онъ съ большимъ сожалѣніемъ узнаетъ объ этой перемѣнѣ желанія Чарторыйскаго, но уже поздно, такъ какъ выборъ его преемника имъ уже сдѣланъ. Александръ I настаивалъ, чтобы князь сохранилъ за собою прочія занимаемыя имъ должности, въ особенности попечителя Виленскаго учебнаго округа и оставался бы по прежнему его другомъ и добрымъ совѣтникомъ. Но кто была особа, на которую уже палъ выборъ его величества, въ преемники Чарторыйскаго,—оставалось еще ему неизвѣстнымъ. Объ этомъ узнали только нѣсколько дней спустя, когда состоялся высочайшій указъ, которымъ Будбергъ [1]), громче всѣхъ возставшій противъ ратификаціи мир-

[1]) Будбергъ, Андрей-Эбергардъ р. 1750 г. близъ Риги и позднѣе, въ 1806 г., назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будучи противникомъ Тильзитскаго мира, въ заключеніи котораго не принималъ участія, Будбергъ вышелъ въ отставку въ 1808 г. и умеръ въ Петербургѣ въ 1812 году.

наго договора, заключеннаго Убри, назначался министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будбергъ былъ вовсе не дипломатъ и вообще не имѣлъ ни научнаго образованія и ни малѣйшаго знанія въ дѣлахъ. Въ первый годъ царствованія Александра I онъ былъ временнымъ военнымъ губернаторомъ въ Петербургѣ, но не могъ долго удержать за собою это мѣсто; каждому было ясно, что и на этотъ разъ онъ будетъ управлять министерствомъ не долго, только временно, пока состоится выборъ другаго лица, болѣе соотвѣтствующаго обстоятельствамъ времени.

Я не былъ близокъ къ Чарторыйскому и встрѣчался съ нимъ очень рѣдко, и тѣмъ безпристрастнѣе наблюдалъ я за образомъ его дѣйствій. Перемѣна въ его положеніи была поучительна и въ томъ отношеніи, что коль скоро человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшій столь высоко, долженъ былъ удалиться, то и каждому другому, въ болѣе ограниченной сферѣ дѣятельности, ничего лучшаго предстоять не могло. Я не сомнѣвался болѣе въ томъ что цѣль законодательной коммиссіи никогда вполнѣ достигнута не будетъ предоставленными въ ея распоряженіе средствами. Достиженіе цѣли являлось возможнымъ только въ томъ случаѣ, если бы государь со своими приближенными и совѣтниками, проникнутыми соотвѣтствующими къ тому воззрѣніями, какъ Новосильцовъ и Чарторыйскій, пожелалъ бы принять участіе въ работахъ коммиссіи съ полною самодѣятельностію и искреннимъ намѣреніемъ. Но къ этому повидимому не было никакой надежды, тѣмъ болѣе, что все болѣе и болѣе пріобрѣтала распространеніе система управленія департаментами и канцеляріями, совершенно не согласная съ моими воззрѣніями на законодательство и администрацію. Послѣ камеръ и мануфактуръ-коллегіи исчезли постепенно одна за другою и прочія коллегіи. Личный составъ канцеляріи, бумажное дѣлопроизводство увеличивалось непрерывно, и временемъ освященные порядки и формы, совмѣщавшія и опытность и контроль, вытѣснялись все болѣе и болѣе усиливающимся потокомъ новыхъ формальностей. Мѣстныя власти утратили свое значеніе; все сосредоточилось въ министерскихъ управленіяхъ, которыя не въ состояніи были всего обнять и постичь. Должностныя лица быстро смѣщались и замѣнялись одно другимъ; ни одно изъ нихъ не имѣло ни времени, ни способовъ изучить основныя начала ввѣренной ему отрасли управленія и пріобрѣсти должную опытность. Потокъ становился все сильнѣе; разобраться въ этомъ хаосѣ отдѣльныхъ частныхъ улучшеній было трудомъ совершенно тщетнымъ, тѣмъ болѣе, что подобный ложный кругъ нигдѣ не имѣлъ твердой точки опоры.

Такимъ образомъ я ограничилъ всю свою дѣятельность возможнымъ улучшеніемъ законодательнаго матеріала и выясненіемъ его современнаго содержанія, которое должно было служить основаніемъ будущаго

законодательства. Живѣйшею моею заботою при этомъ являлось училище правовѣдѣнія. И это уже было прекрасное признаніе, которому я охотно и совершенно вполнѣ посвятилъ себя. Прошедшее и столь лестную для меня въ началѣ надежду содѣйствовать вблизи императора достиженію великой прекрасной цѣли отодвинулъ я совсѣмъ на задній планъ. Я и моя жена жили впрочемъ въ очень благопріятныхъ условіяхъ, въ кругу добрыхъ и любезныхъ людей и посѣщали нерѣдко Козодавлева, дюка Серра де Капріолли [1]), князя Голицына и многихъ другихъ лицъ. Я посѣщалъ также часто домъ Нарышкиной [2]) (Маріи Антоновны). Тѣмъ временемъ, со дня водворенія моего въ Петербургѣ испыталъ я нѣкоторыя невзгоды въ моемъ семействѣ. Въ Лифляндіи экономическія условія дворянства ухудшились вслѣдствіе различныхъ мѣръ и событій. Первая война съ Англіей, а также происшедшія измѣненія въ Голландіи дали иное направленіе вывозной нашей торговлѣ. Нарушеніе торговыхъ сношеній съ Голландіею, существовавшихъ въ продолженіе двухъ столѣтій, было самимъ чувствительнымъ ударомъ для балтійскихъ провинцій.

Недочетъ ежегодно поступавшихъ въ эти провинціи суммъ отъ 4 до пяти сотъ тысячъ альбертталеровъ, которые Голландія ежегодно выдѣлывала исключительно для торговли съ прибалтійскимъ краемъ, принудилъ значительную часть землевладѣльцевъ съ предложеніемъ избытка ихъ хлѣбныхъ произведеній обратиться въ Россію и преимущественно въ Петербургъ, гдѣ, вслѣдствіе конкуренціи съ хлѣбомъ внутреннихъ русскихъ губерній, цѣны на хлѣбъ значительно упали; кромѣ того прибалтійскія губерніи были наводнены русскими бумажными деньгами. На серебряную же монету, на которой заключались всѣ торговыя сдѣлки Россіи, постоянно стоялъ лажъ, вслѣдствіе постоянно неблагопріятныхъ для Россіи ежегодныхъ торговыхъ балансовъ. По всему этому цѣны на хлѣбъ въ имѣніяхъ прибалтійскихъ упали, а затѣмъ и всѣ прочіе предметы хозяйства соотвѣтственно понизились въ цѣнѣ. Все пришло въ разстройство, и значительное число землевладѣльцевъ потеряли свои помѣстья. Мой братъ, который

---

[1]) Серра Капріолли (Антуанъ Мареска) р. 1750 г., былъ неаполитанскимъ посланникомъ въ Петербургѣ съ 1782 по 1807 годы, а затѣмъ дипломатическимъ агентомъ монархической клерикальной реакціи, поддерживавшей на вѣнскомъ конгрессѣ права Бурбоновъ на неаполитанскій престолъ. Онъ умеръ въ 1822 году.

[2]) Марія Антоновна Нарышкина, рожд. Четвертинская, р. 1779 г., вступила въ бракъ въ 1795 г. съ оберъ-егермейстеромъ Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ и пользовалась большимъ расположеніемъ Александра I. Овдовѣвъ въ 1838 г., она позднѣе вступила во второй бракъ съ Брозинымъ и умерла въ 1854 году.

взялъ на себя арендованіе большими имѣніями, очень пострадалъ преимущественно отъ этихъ обстоятельствъ.

Къ этому присоединились другіе, совершенно непредвидимые, несчастные случаи, такъ что, хотя мой братъ и былъ извѣстенъ какъ опытный дѣятельный сельскій хозяинъ, но не могъ удержать за собою наше родовое имѣніе Керзель, доставшееся намъ отъ нашего дѣда. При этомъ и я потерялъ всю причитавшуюся мнѣ по наслѣдству часть этого имѣнія; за мною осталась только небольшая деревня Куксъ, къ которой я прикупилъ небольшой еще дворъ. Въ 1791 году я пріобрѣлъ имѣнія г. Бока, Репгофъ и Фокферъ, и затѣмъ вскорѣ продалъ ихъ съ значительнымъ барышемъ въ 45.000 рублей серебромъ. Къ этому надо присоединить еще капиталъ въ 6.000 руб., который моя мать получила по наслѣдству отъ Кампенъ.

Съ этими деньгами я купилъ имѣніе Вительгофъ и затѣмъ промѣнялъ его тайному совѣтнику барону Кампенгаузену на замокъ Амесъ, купленный у моего свояка, барона Унгерна. Мой братъ очень запутался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ и изъ вниманія и расположенія къ дружественному, уважаемому семейству Кампенгаузенъ, я согласился на заключенную имъ уступку имѣнія Лиліенфельду съ значительной потерею.

Подобное положеніе дѣлъ явилось отчасти слѣдствіемъ моего пребыванія въ Петербургѣ, потому что, находясь на мѣстѣ, въ Лифляндіи, я могъ бы успѣшнѣе быть полезнымъ моему брату совѣтами своими и содѣйствіемъ. Теперь же я не могъ да и не желалъ заниматься ничѣмъ инымъ, какъ моими служебными дѣлами. Я мечталъ, что живу единственно для законодательства Россіи и долженъ всѣмъ для него пожертвовать. Эти мои мечты были разсѣяны самымъ жестокимъ для меня образомъ.

Я нашелъ средство помочь моему брату. Онъ былъ зачисленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и какъ опытный сельскій хозяинъ посланъ въ Саксонію для закупки мериносовъ. Позднѣе онъ былъ инспекторомъ иностранныхъ колоній на югѣ Россіи подъ начальствомъ герцога Ришелье въ Одессѣ, гдѣ и умеръ въ 1814 году. Я взялъ его сыновей къ себѣ, изъ которыхъ старшій теперь уже служитъ по управленію водяныхъ коммуникацій и начальникъ по урегулированію рѣкъ и пороговъ въ Финляндіи, а младшій состоитъ въ томъ же вѣдомствѣ.

Я скоро понесъ еще одну утрату.

Отношенія Новосильцова къ его величеству становились все холоднѣе. Послѣднее доказательство довѣрія къ нему государя заключалось въ томъ, что когда возникли несогласія между Беннигсеномъ и

графомъ Буксгевденомъ [1]), послѣ сраженія при Пултускѣ, Новосильцовъ былъ посланъ въ главную квартиру Беннигсена, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, до прибытія въ армію его величества. Александръ I по отчету Новосильцова склонялся на сторону Беннигсена; захваченныя при Пултускѣ французскія знамена имѣли большее при этомъ значеніе, нежели старшинство службы Буксгевдена. Битва при Прейсишъ-Эйлау, въ которой принялъ такое большое участіе Барклай-де-Толли, укрѣпила довѣріе императора къ Беннигсену.

Отправляясь въ армію въ сопровожденіи Новосильцова, Александръ I взялъ съ собою также и Будберга, чтобы имѣть его подъ рукою на случай паденія Новосильцова.

По прибытіи государя въ армію послѣдовало дѣло при Гейльсбергѣ, гдѣ былъ убитъ достойный Анрепъ.

Неблагопріятный исходъ сраженія при Фридландѣ произвелъ очень сильное впечатлѣніе на государя.

Такъ какъ его армія была слишкомъ слаба, то онъ рѣшился еще разъ умилостивить грозу, и послѣдовавшее за тѣмъ свиданіе въ Тильзитѣ разомъ измѣнило всю его политику. Достовѣрный свидѣтель разсказывалъ мнѣ, что императоръ за день передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на полную перемѣну своей политики, сидѣлъ нѣсколько часовъ одинъ, запершись въ комнатѣ, терзаемый то мыслію отступить въ предѣлы своего государства для продолженія войны, то мыслію заключить сейчасъ же мирныя условія съ Наполеономъ. Недостатка въ средствахъ продолжать войну не ощущалось; ополченіе было уже сформировано; я самъ принималъ участіе въ планѣ его организаціи, составленномъ Новосильцовымъ съ Дружининымъ. Это было почти тотъ же самый планъ, который, позднѣе, въ 1812 г., стоявшій во главѣ ополченія престарѣлый графъ Татищевъ снова выдвинулъ въ переработанномъ Олениннымъ [2]) видѣ.

Финансами завѣдывалъ очень разумный и практическій Васильевъ,

---

[1]) Буксгевденъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, р. 1750 г., былъ при Павлѣ I генералъ-поручикомъ и петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, но въ 1798 г. уволенъ отъ службы. При Александрѣ I назначенъ инспекторомъ лифляндской инспекціи и рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ началѣ войны 1806–1807 г. командовалъ корпусомъ, но былъ отозванъ отъ арміи, а послѣ Тильзитскаго мира получилъ начальство надъ арміею послѣ Беннигсена. Въ шведскую войну 1808 г. командовалъ нашими войсками въ Финляндіи, а затѣмъ поселился въ Эстляндіи и умеръ 23-го августа 1811 г. въ Лоде.

[2]) Олениннъ Алексѣй Николаевичъ, р. въ 1763 г. и при Павлѣ I былъ оберъ-прокуроромъ Сената и директоромъ школы юнкеровъ, учрежденной при Сенатѣ для образованія дѣятелей по судебному вѣдомству. Позднѣе онъ былъ директоромъ Публичной библіотеки и президентомъ Академіи Наукъ въ 1817 году. Онъ умеръ въ 1843 году.

и они находились въ прекрасномъ состояніи; подати были не велики, и народъ преисполненъ рвенія.

Даже въ завоеванныхъ отъ Польши губерніяхъ не выказывалось ни малѣйшихъ признаковъ возстанія, потому что императоръ Павелъ возвратилъ ихъ обывателямъ прежніе статуты и съ ними обращались хорошо. Если бы дѣло дошло до необходимости, не оказалось бы недостатка и въ другихъ вспомогательныхъ средствахъ, которыя могли бы поддерживать и подкрѣплять побудительные поводы къ продолженію войны; не было недостатка также и въ совѣтахъ продолжать войну. Новосильцовъ находился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ главной квартиры и могъ бы явиться очень скоро къ дѣлу, Будбергъ также. Но государь не призвалъ ни одного изъ нихъ, потому что нисколько не дорожилъ мнѣніемъ ни того, ни другаго. Графъ Толстой, оберъ-гофмаршалъ, былъ единственный, съ которымъ онъ въ это время говорилъ. Конечно, этотъ ловкій царедворецъ, бывшій рѣшительнымъ врагомъ Новосильцова, посовѣтовалъ государю то, что по мнѣнію его являлось наиболѣе пріятнымъ Александру I.

Толстой хорошо видѣлъ, что императоръ, подобно тому, какъ и при Аустерлицѣ, находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видимой опасности; великій князь Константинъ Павловичъ былъ также не изъ храбрыхъ; Беннигсенъ не вселялъ къ себѣ большаго довѣрія; Анрена не было въ живыхъ, Барклай единственный не совѣтовалъ заключать мира и утверждалъ, что возможно продолжать войну. Но этотъ дальновидный мужъ не обладалъ даромъ сильно высказывать свои мнѣнія и доказать ихъ; однако императоръ не забылъ нѣкоторыхъ высказанныхъ имъ мыслей. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, и государь въ сильно возбужденномъ состояніи переходилъ отъ одного рѣшенія къ другому.

Должно было для виду поручить кому-нибудь вести переговоры; къ этому былъ призванъ генералъ-отъ-инфантеріи Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій [1]), племянникъ Репнина и Панина; онъ и подписалъ Тильзитскій мирный трактатъ во французской редакціи, одобренной уже государемъ. Этотъ договоръ въ сравненіи съ заключеннымъ Убри былъ несравненно болѣе для насъ невыгоденъ. Онъ видимо по-

---

[1]) Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, р. въ 1758 г. и съ 14 лѣтъ находился въ военной службѣ. Онъ участвовалъ въ войнѣ 1807 г. и въ заключеніи Тильзитскаго мира и Наполеономъ былъ назначенъ въ 1810 г. военнымъ губернаторомъ Риги и генералъ-губернаторомъ трехъ балтійскихъ провинцій, формировалъ резервныя войска въ 1812 г., а въ 1815 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1817 г. министромъ юстиціи. Онъ отправлялъ эту должность до 1827 года, когда былъ уволенъ по прошенію.

ложилъ основаніе преимущественному господству Наполеона во всѣхъ дѣлахъ европейскаго материка. Но это было еще не такъ важно, потому что императоръ Александръ I могъ на материкѣ опять пріобрѣсти господство, какъ это и показали послѣдующія событія. Самая непростительная ошибка заключалась въ предстоящемъ разрывѣ съ Англіею, который нельзя было не предвидѣть и въ потерѣ Іоническихъ острововъ, этого столь важнаго пункта для морской силы Россіи, безъ котораго оба флота, находящіеся въ крѣпостяхъ Кронштадтѣ и Севастополѣ, и весь остальной флотъ военный (торговаго флота собственно не имѣлось вовсе), являются для насъ только чрезвычайно дорогимъ предметомъ роскоши.

Государь заключилъ миръ; увидѣвъ Новосильцова въ какомъ-то мѣстечкѣ на возвратномъ пути въ Россію, онъ встрѣтилъ его словами: «итакъ я получилъ орденъ Почетнаго Легіона».

Чувства Новосильцова были раздражены до чрезвычайности; съ этого времени онъ былъ утраченъ для русскаго законодательства. Онъ зналъ государя слишкомъ хорошо и имѣлъ слишкомъ большія права на его къ нему довѣріе, чтобы не выразить своихъ чувствъ. Онъ уже ранѣе выѣхалъ изъ дворца, въ которомъ жилъ, а теперь даже не являлся съ докладами къ государю лично, но посылалъ съ портфелемъ своего директора канцеляріи Дружинина, очень ловкаго и жизнерадостнаго человѣка.

Это неудовольствіе не могло долго продолжаться; Новосильцовъ наконецъ уѣхалъ къ графинѣ Софіи Потоцкой, бывшей нѣкогда красавицѣ-гречанкѣ и во всякое время ловкой интриганкѣ безъ всякаго образованія, но обладавшей изумительною хитростію и ловкостью, благодаря которымъ она умѣла узаконить всѣхъ своихъ дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, и выиграть самыя трудныя тяжбы.

Новосильцовъ передалъ завѣдываніе дѣлами духовныхъ исповѣданій князю Александру Голицыну, назначенному оберъ-прокуроромъ Синода. Голицынъ былъ другомъ дѣтства и собственно довѣреннымъ человѣкомъ и угодникомъ государя, умѣвшимъ всегда пріятно съ нимъ бесѣдовать. Онъ никогда не имѣлъ собственнаго о чемъ-либо мнѣнія, но схватывалъ съ величайшей готовностью и самымъ безграничнымъ подражаніемъ воззрѣнія своего повелителя. Ему поручено было завѣдывать и дѣлами просвѣщенія. Новосильцовъ былъ назначенъ сенаторомъ. Графъ Павелъ Строгановъ, послѣ того какъ Кочубей пересталъ завѣдывать министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, перешелъ въ военную службу генералъ-маіоромъ. Онъ былъ слишкомъ прямой и откровенный человѣкъ, чтобы пожелать оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ. За одно блестящее кавалерійское дѣло Беннигсенъ вполнѣ справедливо представилъ его къ наградѣ. Строгановъ удостоился получить орденъ

св. Георгія 3 класса и позднѣе былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Въ дѣлѣ законодательства я остался теперь одинъ подъ начальствомъ князя Лопухина, который вовсе не интересовался этимъ дѣломъ и только по временамъ отдавалъ разныя приказанія. Онъ и прочіе министры неоднократно посѣщали мои лекціи въ школѣ правовѣдѣнія и оставались очень довольны. Молодые люди были прилежны и очень понятливы.

Профессора со своими тетрадями, въ которыхъ излагались извлеченія изъ сочиненій нѣмецкихъ ученыхъ съ русскимъ переводомъ, являлись не всегда вполнѣ удовлетворительными, но практическія занятія, которыя производились при первомъ публичномъ испытаніи по печатной программѣ, дали очень благопріятные результаты. Государь на этотъ разъ на экзаменъ не пріѣхалъ.

Я по-прежнему работалъ съ большимъ рвеніемъ по составленію изложенія дѣйствующаго права и дѣлалъ первые опыты составленія отдѣльныхъ статей по различнымъ главамъ. Мы всѣ изучали источники, и я могу сказать о себѣ, что не былъ самымъ лѣнивымъ изъ всѣхъ насъ. Князь Лопухинъ, любившій шутить, забавлялся очень, когда я доказывалъ, что каждый по окончаніи своего обученія и достиженіи 20 лѣтъ долженъ быть опредѣленъ по призванію своему къ какой-либо дѣятельности, одинъ въ профессора, другой въ доктора, третій въ школу правовѣдѣнія, коммиссію законовъ, по судебной части и т. д., чтобы въ 45—60 лѣтъ быть совершенно пригоднымъ руководить извѣстными отраслями дѣятельности, если только не отступать отъ своего предназначенія. Я указывалъ въ подтвержденіе моего мнѣнія на графа Оксенштерна [1]) и еще болѣе знаменитаго Питта [2]), при чемъ первый въ концѣ своего долгаго земнаго поприща выразилъ своему сыну, что «міръ управляется ничтожною долею мудрости». Лопухинъ замѣтилъ, что такимъ образомъ не много окажется занимающихся по призванію и, указавъ на одного изъ писцовъ, который очень хорошо переписывалъ, не понимая ни одного слова изъ того, что онъ списывалъ, спросилъ меня, на что предназначить можно этого генія? Я отвѣтилъ, что этотъ примѣръ подкрѣпляетъ высказанное мною, такъ какъ этотъ писецъ прекрасно уже исполняетъ свое предназначеніе, будетъ въ немъ усовершенствоваться и далѣе этого призванія и не пойдетъ. Другой разъ

---

[1]) Оксеншернъ (Аксель, р. 1583 † 1654), извѣстный шведскій дипломатъ и министръ при Густавѣ-Адольфѣ, принявшій начальство надъ войсками послѣ его смерти. Онъ былъ полнымъ правителемъ Швеціи при королевѣ Христинѣ.

[2]) Питтъ Вильямъ, р. 1759 † 1806 г., первый министръ Англіи, возвысилъ ея морскія силы, сильный защитникъ роялизма, боровшійся всѣми силами противъ французской революціи.

въ тотъ день, когда Лопухинъ около 12 часовъ долженъ былъ быть съ докладомъ у государя, я отправился къ нему со своимъ шуриномъ, очень милымъ молодымъ человѣкомъ, состоявшимъ въ то время помощникомъ при мнѣ и потомъ пріобрѣвшимъ извѣстность, какъ ученый знатокъ Ольвійскихъ и другихъ греческихъ древностей. Я передалъ Лопухину записку о немедленномъ опредѣленіи этого молодаго человѣка на службу съ производствомъ, сказавъ, что полагаю самъ едвали это исполнимо, потому что я на лѣстницѣ встрѣтилъ священника и старую женщину и при этомъ забылъ по обычаю плюнуть на лѣвую сторону. Лопухинъ отвѣтилъ мнѣ, что трудно исправить подобный съ моей стороны промахъ, но тѣмъ не менѣе въ тотъ же день прислалъ мнѣ указъ объ опредѣленіи молодаго человѣка на службу и приписалъ «il ne faut pas désesperer de rien» (не надо ни въ чемъ отчаяваться). Но эти добрыя отношенія между нами являлись солнечнымъ лучемъ, который первая туча могла легко закрыть.

Я долженъ тутъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ особыхъ порученіяхъ, которыя получала коммиссія законовъ по порученію государя, а именно въ началѣ 1807 года ей было повелѣно неотлагательно заняться преобразованіемъ въ Петербургской губерніи губернскаго управленія и судебной части, вмѣстѣ съ аппелляціонной инстанціею во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ. Это сообщили мнѣ князь Лопухинъ и Новосильцовъ по приказанію государя, съ тѣмъ чтобы окончить эту работу какъ можно скорѣе; государь приказалъ при этомъ сообщить мнѣ и всѣмъ редакторамъ, которые въ той работѣ будутъ участвовать, что если наша работа будетъ соотвѣтствовать его ожиданіямъ, то послѣдующія съ его стороны награды за это превзойдутъ всѣ наши ожиданія.

Мнѣ показался только весьма страннымъ тотъ спѣхъ, съ которымъ не только сопровождалось это порученіе, но самое приказаніе его скорѣе исполнить. Я представилъ князю Лопухину, что мы конечно вполнѣ всецѣло предадимся этой работѣ, съ наибольшимъ прилежаніемъ, но возможность скораго его окончанія крайне сомнительна, такъ какъ мы должны ближе ознакомиться собственно на дѣлѣ съ практической стороною дѣлопроизводства въ губернскихъ учрежденіяхъ и потому уже не можемъ работать со спѣхомъ. Кромѣ того общія начала тяжебнаго дѣлопроизводства, компетенція судебныхъ мѣстъ и исполнительной власти не были еще установлены, а затѣмъ, улучшенія, которыя предположено будетъ ввести въ предметы вѣдомствъ учрежденій Петербургской губерніи, необходимо должны повлечь за собою различныя измѣненія и въ установленіяхъ первой инстанціи, подчиненныхъ губернскимъ. Вмѣстѣ съ двумя лучшими редакторами (Геномъ и Беллингсгау-

зеномъ) [1]) мы отправились по формальному приказанію министра юстиціи въ губернскія присутственныя мѣста, ознакомились съ разными бумагами и дѣлами въ канцеляріяхъ, а также бывали въ присутствіяхъ при засѣданіяхъ. Мы не щадили трудовъ и открывали, насколько могли, различные недостатки и злоупотребленія, изыскивали средства къ ихъ устраненію, совѣщались съ самими членами присутствій объ установленіи болѣе цѣлесообразныхъ порядковъ дѣлопроизводства и о возможномъ усиленіи началъ, выраженныхъ въ уставѣ судопроизводства, но худо соблюдаемыхъ на дѣлѣ.

Мы скоро замѣтили, что недостатки кроются собственно не столько въ отсутствіи знаній законовъ и порядковъ дѣлопроизводства, сколько въ другихъ обстоятельствахъ, безъ отмѣны которыхъ даже наиболѣе обдуманныя и цѣлесообразныя правила не принесутъ существенной пользы, какъ, напр., въ худо оплачиваемомъ трудѣ, въ отсутствіи независимости суда и должнаго его значенія, а слѣдовательно и отсутствія чувства должностной чести какъ въ членахъ различныхъ судовъ, такъ и у служащихъ въ канцеляріяхъ. Давно существовало правило, по которому судьи за каждое въ высшей инстанціи отмѣненное ихъ рѣшеніе подвергались штрафу отъ 5 до 10 процентовъ исковой суммы. Губерскія судебныя учрежденія, какъ апелляціонная инстанція, присуждали къ штрафамъ въ подобныхъ случаяхъ членовъ уѣздныхъ и надворныхъ судовъ, какъ суда первой инстанціи, а Сенатъ, въ свою очередь, какъ третья инстанція, присуждалъ къ штрафамъ членовъ губернскихъ судебныхъ палатъ, а въ концѣ концовъ все это падало на самихъ тяжущихся. Это чудовищное правило было невозможно совмѣстить съ совѣстью судей и безопасностью сторонъ, такъ какъ подобное правило ставило судей и секретарей въ необходимость, чтобы не умирать съ голоду, соглашаться на всякіе подкупы. Мы подробно изслѣдовали всѣ эти чудные порядки и ни одного не скрыли, чтобъ придать бо̀льшую силу предлагаемымъ нами мѣрамъ къ уврачеванію подобнаго зла.

Негласное производство дѣлъ и неопредѣленное изложеніе различныхъ порядковъ процесса были вторымъ основаніемъ, поводомъ къ выше указанной продажности. Не упоминаю о многихъ другихъ недостаткахъ. Мы раздѣлили всю сдѣланную нами работу на двѣ отдѣльныя части, при чемъ въ одной было изложено устройство судебной части,

---

[1]) Первый былъ ранѣе секретаремъ губернскаго правленія, а второй губернскій прокуроръ. Генъ состоялъ послѣ при герцогѣ Ольденбургскомъ, былъ очень способный человѣкъ. Въ 1820 г. государь черезъ графа Аракчева предложилъ ему мѣсто статсъ-секретаря у принятія прошеній, но Генъ отказался отъ этого. Они оба уже умерли. Мнѣ также это дѣло не было совершенно чуждо, такъ какъ я 13 лѣтъ былъ окружнымъ судьею и ландсратомъ. (Kreis und Landrath).

а во второй—самый порядокъ тяжебнаго дѣлопроизводства. Мы ограничивались предварительно только общимъ порядкомъ [1]) судопроизводства, предоставивъ себѣ изложить позднѣе различныя особенности судопроизводства. Эта работа заняла до 2 мѣсяцевъ, чему конечно никто ни удивится. Я дѣлалъ все, что только могъ, чтобъ ускорить работу, и тѣмъ не менѣе опоздалъ, какъ это сейчасъ объясню. Государь только бросилъ бѣглый взглядъ на работу. Чтобы представить ему этотъ трудъ нагляднѣе и понятнѣе, мнѣ слѣдовало бы самому лично явиться съ объясненіями къ его величеству, но государь меня не потребовалъ, а князь Лопухинъ, хотя самъ и не имѣлъ никакого вліянія на эту работу, былъ однако не вполнѣ согласенъ съ многими изъ моихъ воззрѣній. Онъ преимущественно не соглашался съ тѣмъ, чтобы не подвергать судей наказанію за поставляемыя ими рѣшенія за исключеніемъ случаевъ личнаго ихъ преступнаго дѣйствія (взяточничества, неправосудія и т. д). Онъ полагалъ, что въ Россіи безъ такого наказанія судъ быть не можетъ. Онъ равнымъ образомъ не хотѣлъ слышать объ увеличеніи чиновникамъ содержанія, объ установленіи закономъ сборовъ при дѣлопроизводствѣ, потому что всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что судьи, получай они большое или малое жалованье, не будутъ воздерживаться отъ взятокъ и побочныхъ доходовъ [2]). Онъ полагалъ, что никакой пользы не будетъ отъ отступленія существующихъ порядковъ. Я же не могъ никакъ отступиться отъ моихъ воззрѣній. Позднѣе отъ этой теоріи денежныхъ наказаній судей наконецъ отказались, но очень многое другое осталось безъ измѣненія. Это доказываетъ только то, что всѣ улучшенія совершаются медленно, постепенно вмѣстѣ съ временемъ, какъ и постройка какого-либо города. Первыя постройки постепенно съ годами старѣютъ, приходятъ все болѣе и болѣе въ негодность, и съ каждымъ годомъ на ихъ фундаментѣ возвышаются, если можно такъ выразиться, вторыя и третьи поколѣнія новыхъ зданій.

При первомъ же докладѣ государь приказалъ послать мой проектъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы истребовать мнѣніе онаго (такъ какъ губернскія правленія и всѣ прочія исполнительныя власти въ губерніи находятся въ его вѣдѣніи), а затѣмъ съ возраженіями на оное со стороны коммиссіи законовъ представить вновь его величеству.

---

[1]) Этотъ общій порядокъ покоится совершенно на началахъ русскаго права; онъ позднѣе обсуждался въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ принятъ имъ и напечатанъ въ 5-мъ томѣ трудовъ законодательной коммиссіи въ 1820—1821 годахъ.

[2]) Въ одномъ своемъ процессѣ, который князь велъ въ губерніи, гдѣ находились его земли, онъ находилъ вполнѣ естественнымъ, что его управляющій показывалъ по отчетамъ расходы на подарки судьямъ.

*

Противъ этого конечно ничего нельзя было возражать, но именно въ томъ министерствѣ (внутреннихъ дѣлъ) проектъ мой нашелъ себѣ противника въ Сперанскомъ, который имѣлъ въ виду не столько отстраненіе недостатковъ мѣстнаго управленія или улучшенія онаго, сколько желаніе взять въ свои руки руководство нашими работами. Онъ былъ въ то время еще директоромъ у графа Кочубея, пользовался особеннымъ его довѣріемъ и имѣлъ сильное на него вліяніе. Мнѣ необходимо здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этомъ въ то время еще молодомъ человѣкѣ; ему было тогда лѣтъ 30 не болѣе.

Сынъ бѣднаго деревенскаго священника, Сперанскій былъ воспитанъ въ семинаріи и кромѣ богословскихъ познаній пріобрѣлъ и другія, которымъ обучали въ то время въ семинаріи, какъ-то въ языкахъ: латинскомъ, греческомъ, французскомъ (нѣмецкаго онъ не зналъ), въ логикѣ по Баумейстеру и т. д. Онъ скоро былъ признанъ достойнымъ занять каѳедру въ семинаріи и если бы пожелалъ принять монашескій санъ, то безъ сомнѣнія достигъ бы званія епископа и архіепископа. Но его тянулъ къ себѣ свѣтъ со всѣми его наслажденіями. Онъ старался перейти въ гражданскую службу. Ему удалось сперва получить мѣсто учителя при дѣтяхъ въ домѣ князя Куракина, въ то время генералъ-прокурора, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть зачисленнымъ въ канцелярію онаго.

Обладая очень счастливыми дарованіями, привлекательною наружностью и при томъ въ высшей степени искусствомъ, лестью, уступчивостью соглашаться со всѣми мнѣніями лицъ высшихъ, уступавшихъ ему въ дарованіяхъ, ему удалось быстро пройти по первымъ ступенямъ служебной лѣстницы, отодвигая въ сторону сослуживцевъ, при чемъ не было недостатка съ его стороны въ различныхъ всякаго рода интригахъ.

Князь Куракинъ вмѣстѣ съ должностію генералъ-прокурорскою передалъ Сперанскаго своему преемнику князю Лопухину, а сей послѣдній въ свою очередь—Беклешеву. При вступленіи на престолъ императора Александра I, Сперанскій домогался расположенія Трощинскаго, работалъ съ нимъ вмѣстѣ по составленію перваго положенія о Государственномъ Совѣтѣ 1801 года и достигъ этимъ должности начальника одного изъ 4-хъ отдѣленій, на которыя дѣлился Совѣтъ въ то время, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ титулъ статсъ-секретаря. Его сотоварищами тогда были Энгель (уже статсъ-секретарь при Павлѣ), гораздо болѣе его основательно образованный, не менѣе интриганъ и быть можетъ не столь дѣятельный, а также Оленинъ и князь Циціановъ, впослѣдствіи начальникъ войскъ въ Грузіи, гдѣ онъ былъ убитъ.

Когда Трощинскій утратилъ довѣріе императора и были учреждены въ 1802 г. министерства, Сперанскій перешелъ къ Кочубею, въ качествѣ директора, и составлялъ вышеупомянутую записку о министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отъ іюля 1803 г., которою основныя начала системы

министерствъ, находившейся еще въ соотношеніи съ бывшею ранѣе системою коллегій, были совершенно вытѣснены абсолютною системою централизаціи, составленной еще болѣе по французскому образцу.

Пока графъ Кочубей сохранялъ за собою министерство, Сперанскій пользовался своимъ вліяніемъ, чтобы положить основаніе своему матеріальному положенію, приблизиться къ государю и играть еще бо́льшую роль. При уходѣ Кочубея, Сперанскій неоднократно являлся съ докладами къ его величеству, такъ какъ товарищъ графа Кочубея, графъ Строгановъ, не отправлялъ уже этой обязанности. Сперанскій съумѣлъ своимъ прекраснымъ даромъ слова, своими дарованіями произвести для себя выгодное впечатлѣніе на государя, поддѣлаться подъ его воззрѣнія и скоро очаровалъ Александра I.

Сперанскій былъ назначенъ состоящимъ при немъ по особымъ дѣламъ, безъ болѣе точнаго обозначенія какихъ именно дѣлъ. Онъ тогда сталъ громко выражать желаніе принять участіе въ дѣлахъ коммиссіи законовъ и объявилъ, что намѣренъ вполнѣ подчиниться составленному плану ея занятій и методу работъ коммиссіи. Меня лично онъ увѣрялъ, что считаетъ себя моимъ ученикомъ. Князь Лопухихъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ ранѣе уже и который его спасъ, когда онъ сдѣлался подозрительнымъ императору Павлу I, не задумался на вопросъ государя о назначеніи Сперанскаго въ коммиссію законовъ высказать, что рабочія силы коммиссіи законовъ будутъ значительно усилены, коль скоро Сперанскій будетъ назначенъ третьимъ ея членомъ.

Между тѣмъ проектъ улучшенія тяжебнаго дѣлопроизводства въ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстахъ поступилъ еще во время министерства графа Кочубея къ Сперанскому, который не упустилъ случая съ начала до конца раскритиковать его. Онъ съумѣлъ объяснить иначе всѣ мною указанныя злоупотребленія и выставить другія для нихъ причины. Кто прочтетъ съ истиннымъ вниманіемъ и знаніемъ дѣла его разборъ моего проекта, мнѣ сообщенный, тотъ легко усмотритъ, что все изложенное имъ несравненно неудовлетворительнѣе, имѣетъ много пробѣловъ и несравненно слабѣйшія основанія.

Въ его возраженіяхъ заключалось множество ничего не значущихъ общихъ фразъ объ общемъ судебномъ порядкѣ и особенномъ, придававшихъ его замѣчаніямъ видъ какъ бы обстоятельности. Эти фразы, при поверхностномъ воззрѣніи на предметъ, могли вести къ ложнымъ заключеніямъ и заблужденіямъ. Критика и оппозиція всегда полезны, но для этого, особенно въ дѣлахъ законодательныхъ, въ которыхъ все покоится на основательномъ знаніи дѣла, требуется самое тщательное изслѣдованіе, чтобы представить дѣло въ истинномъ его видѣ. Мнѣ потребовалось не мало времени на возраженія, которыя

были пространны и обстоятельны. Но князь Лопухинъ относился къ нимъ равнодушно; государь находился большею частію въ отсутствіи, а Новосильцовъ близился уже къ немилости. Случись все это двумя годами ранѣе, проектъ послужилъ бы къ основательному пересмотру нашего законодательства.

Паденіе Новосильцова проявлялось постепенно. Онъ одинъ за другимъ лишался докладовъ у государя по разнымъ дѣламъ, и доклады его, при отсутствіи уже благосклонности къ нему государя, не имѣли большаго значенія. Прежнія его отношенія къ государю прекратились совершенно. Чарторыйскій также почти его не видѣлъ. Недостатка въ недругахъ не оказалось; всякій, недовольный Новосильцовымъ, или надѣявшійся что-либо выиграть отъ оставленія его и перехода на сторону Сперанскаго, старался приблизиться къ послѣднему. Новосильцовъ былъ хотя и абсолютистъ, но въ лучшемъ значеніи сего слова. Онъ не стоялъ за особенныя права, или мѣстные законы, а также за народности, за отдѣльныя сословія, корпораціи и муниципальныя учрежденія; по его мнѣнію, все это не являлось основнымъ условіемъ для управленія, которое онъ, во что бы то ни стало, непремѣнно хотѣлъ централизировать, сдѣлать зависимымъ единственно отъ воззрѣній министра и его замѣстителей. Всѣ народности въ государствѣ должно было, по его мнѣнію, слить въ одну. Освобожденіе народа, т. е. эмансипацію земледѣльческаго и промышленнаго класса, онъ соглашался едва допускать. Онъ признавалъ пользу пэровъ, но не допускалъ свободы для лицъ, отъ нихъ зависѣвшихъ. Онъ основательно оспаривалъ предъ государемъ крайне либеральныя воззрѣнія Лагарпа, но не понималъ совмѣщенія элементовъ монархическаго государственнаго организма съ надлежащею либеральностью въ управленіи страною, хотя вообще нельзя отрицать въ немъ недостатка ума и проницательности.

Такова была однако его система. Поэтому еще во время его наибольшаго сближенія съ Чарторыйскимъ я замѣчалъ разладъ между ними въ отношеніи этихъ пунктовъ, столь близкихъ сердцу Чарторыйскаго, но о которыхъ онъ очень мало высказывался, понимая невозможность возвести эти взгляды въ Россіи на степень государственной догмы. Я тогда уже предвидѣлъ, что если бы царь пожелалъ раздѣлить мои воззрѣнія вполнѣ, то противоположное имъ мнѣніе должно было бы разсѣяться, потому что между этими двумя системами съ трудомъ могла быть средняя, переходная; эти системы обоюдно уничтожали другъ друга, имѣя однако совершенно одно и то же стремленіе, именно дѣлать все для укрѣпленія монархіи и законности. Во всякомъ случаѣ Новосильцовъ, въ томъ видѣ, какимъ онъ являлся въ то время (позднѣйшія его воззрѣнія мнѣ неизвѣстны; и я не хочу

повторять разныя клеветы лицъ, говорящихъ по слухамъ), заслуживалъ полной признательности, и это является тѣмъ болѣе справедливо, когда видишь его среди Строганова и Чарторыйскаго. Новосильцовъ, увидѣвъ, что его не понимаютъ и отодвигаютъ назадъ, не съумѣлъ умѣрить своихъ порывовъ порицанія. Онъ считалъ себя оскорбленнымъ и громко порицалъ оскорбившаго его, который презрѣлъ его добрые совѣты. Чарторыйскій же напротивъ того, ближе всѣхъ стоявшій къ царю и пользовавшійся одно время болѣе всѣхъ его довѣріемъ, былъ дотого преисполненъ превосходствомъ своихъ побудительныхъ причинъ, что считалъ недостойнымъ для себя говорить объ этомъ и тѣмъ менѣе нисходить до оправданія самого себя, когда онъ, въ свою очередь, оказался также непонятымъ. Въ бесѣдахъ съ классическими писателями древности, которыхъ онъ никогда не забывалъ, находилъ онъ себѣ утѣшеніе и вознагражденіе за непостоянство воззрѣній и нрава своего царственнаго друга. Новосильцовъ же не умѣлъ такъ терпѣливо, какъ онъ, сносить несправедливость и непризнанность, и громко порицалъ: Тильзитскій миръ, занятіе Финляндіи, преданность Румянцева ко всему французскому, предстоящій разрывъ съ Англіею и т. д. Будучи не столь высокаго происхожденія и не столь прекрасно образованъ, какъ Чарторыйскій, Новосильцовъ сталъ въ открытую оппозицію. Неосторожныя слова, произнесенныя имъ на какомъ-то, не помню хорошо, обѣдѣ въ общественномъ собраніи, были доведены до свѣдѣнія императора и ускорили ихъ разрывъ.

Находясь въ несравненно низшемъ служебномъ положеніи, нежели этотъ нѣкогда любимецъ царя, согрѣвавшій меня непосредственными лучами своего величія, я усмотрѣлъ, однако, въ его удаленіи, приближеніе и моего собственнаго паденія, а вмѣстѣ со мною—паденіе законодательныхъ трудовъ моихъ. Этотъ случай произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; я твердо рѣшился какъ можно скорѣе и при первой возможности удалиться отъ дѣлъ. Я совершенно откровенно сообщилъ объ этомъ только моему другу Козодавлеву, назначенному тѣмъ временемъ товарищемъ князя Куракина. Онъ хотя и не порицалъ моего намѣренія, но, какъ вполнѣ разумный человѣкъ, вовсе не желавшій быть только министромъ, но и желавшій умереть въ этомъ званіи, какъ онъ не разъ увѣрялъ меня въ этомъ, посовѣтовалъ мнѣ обождать первую грозу и затѣмъ посмотрѣть что дѣлать.

Сперанскій долженъ былъ въ скоромъ времени быть товарищемъ министра юстиціи, а Козодавлевъ въ такомъ случаѣ являлся нѣкоторымъ образомъ посредникомъ между имъ и мною. Мои работы, въ продолженіе четырехъ съ половиною лѣтъ существованія коммиссіи, значительно подвинулись. Лежавшая на мнѣ ея задача была очень

обширна; она учреждалась на долгое время, но я могъ уже предъявить каждому доказательства, что ею сдѣлано не мало.

Я всегда презиралъ мнимую славу составленія эфемерной книги законовъ и всегда имѣлъ предъ собою важную цѣль выдвинуть впередъ общественныя сословныя учрежденія въ соотвѣтствующемъ Россійской имперіи видѣ, и при посредствѣ моихъ законодательныхъ историческихъ таблицъ, составленныхъ для всей имперіи, составить одновременно редакцію русскихъ пандектовъ и русскихъ институцій.

Козодавлевъ находилъ, что хотя Сперанскій и явится моимъ естественнымъ противникомъ и будетъ стараться приписать себѣ лично все сдѣланное мною, но лучше всего дать ему время осмотрѣться вполнѣ съ занятіями коммиссіи и ознакомиться со всѣми ея работами; Козодавлевъ полагалъ, что я этимъ могу обезпечить себѣ отставку болѣе выгодную, нежели показавшись обиженнымъ имъ, ранѣе чѣмъ со мною что-либо послѣдуетъ. «Всегда будетъ время», говорилъ онъ, «удалившись, или получить мѣсто губернатора въ какой-либо губерніи, или совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ».

Онъ отъ себя уже началъ необходимые по этому поводу переговоры и находилъ, что государь имѣетъ намѣреніе не отстранять меня отъ занятій по коммиссіи законовъ.

Первое время все оставалось въ коммиссіи по-прежнему, но все остановилось. Сперанскій сдѣлался дѣйствительнымъ ея начальникомъ, а князь Лопухинъ собственно самъ не зналъ, при чемъ онъ остался. Сперанскій нашелъ излишними совсѣмъ ежемѣсячные отчеты, въ которыхъ я излагалъ подробно о всемъ происходившемъ въ коммиссіи; эти отчеты болѣе не докладывались государю. Мои редакторы и прочіе чиновники обратились къ новому начальнику; каждый изъ нихъ остался доволенъ его внѣшнимъ обхожденіемъ, обѣщаніями, данными имъ, и различными надеждами, всѣ они дѣлались менѣе привязанными ко мнѣ. Я узналъ, что Сперанскій отзывается съ малымъ уваженіемъ о нашихъ работахъ, но приписалъ это болѣе одностороннему отзыву мелкихъ чиновниковъ, изъ числа которыхъ только самая небольшая часть постигла и мой планъ и мой методъ. Я настаивалъ строго на правильномъ и постоянномъ трудѣ; они всѣ были рады освободиться отъ подобнаго принужденія. Насколько было возможно, я продолжалъ работы по-прежнему. Я преимущественно занимался программою предстоящаго публичнаго экзамена въ школѣ, и мнѣ было очень прискорбно, что и въ отношеніи школы нашелъ я нѣкоторыхъ, измѣнившихъ прежнее о ней мнѣніе.

Наступила поѣздка въ Эрфуртъ; Сперанскій, дѣлавшійся все болѣе и болѣе любимцемъ государя, былъ назначенъ сопровождать его величество. Графъ Румянцевъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, и

князь Александръ Голицынъ также отправлялись съ Александромъ I. Наполеонъ имѣлъ очень обстоятельныя свѣдѣнія объ окружающихъ государя лицахъ; онъ стремился расположить къ себѣ вполнѣ императора, а потому и не пренебрегъ никакими средствами къ тому, чтобы и каждаго изъ свиты государя расположить къ себѣ и къ французской системѣ правленія, которой должна была покориться Россія, когда настанетъ къ тому часъ. Онъ постоянно бывалъ только у Александра I, который былъ преисполненъ къ нему удивленія, но давно уже рѣшилъ въ самомъ себѣ надѣть на него оковы, которыя временно допустилъ наложить на себя.

Сперанскій, до отъѣзда еще въ Эрфуртъ, безъ моего вѣдома занимался съ нѣкоторыми редакторами, добивавшимися его расположенія, которымъ онъ сулилъ золотыя горы, хотя позднѣе онъ ихъ всѣхъ, кромѣ единаго, бывшаго наименѣе даровитымъ, удалилъ отъ себя, и они были точно такъ же обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, какъ и государь. Я показывалъ видъ, какъ будто ничего не знаю объ этихъ мелкихъ поступкахъ, и собственно говоря не могъ нисколько этимъ обижаться. Въ самый день отъѣзда Сперанскаго въ Эрфуртъ, я бесѣдовалъ съ нимъ и представилъ ему схему всего государственнаго управленія и новаго губернскаго учрежденія въ особенности. Онъ хвалилъ мою работу, оставилъ ее у себя, и мы разстались въ хорошихъ отношеніяхъ.

По возвращеніи его изъ Эрфурта, я нашелъ въ немъ совершенно другаго человѣка. Онъ принялъ меня гордо, какъ обыкновенно выскочки принимаютъ подчиненнаго. Онъ прошелъ по кабинету раза два, и мои вступительныя слова къ приглашенію его посѣтить коммиссію законовъ вызвали съ его стороны выраженія, указывавшія мнѣ, что предо мною злой, надменный выскочка, вполнѣ созданный для этой роли; онъ считалъ себя вознесеннымъ особыми геніальными крыльями превыше всѣхъ затрудненій, представляемыхъ состояніемъ русскаго законодательства. Еще ранѣе, вполнѣ ревностный приверженецъ французской системы централизаціи (которой онъ былъ обязанъ своимъ служебнымъ поприщемъ, своимъ имѣніемъ, домомъ, деньгами), совершенно преданный кодексу Наполеона, какъ мастерскому произведенію геніальнаго человѣка, Сперанскій, почерпнувъ теперь непосредственно у самаго источника различныя воззрѣнія, явился вполнѣ убѣжденнымъ, что подобное же мастерское произведеніе должно и можно сотворить и у насъ въ Россіи. Весь французскій кодексъ содержалъ въ себѣ 1.800 статей, которыя онъ полагалъ возможнымъ легко изложить, въ какой-нибудь годъ, въ лучшемъ русскомъ обликѣ, послѣ того какъ подчиненные его соберутъ весь необходимый для него матеріалъ. Онъ мнѣ выразилъ, что въ настоящую минуту ничего другаго мнѣ

сказать не можетъ, какъ то, что коммиссіи должно дать совершенно иное устройство и новый планъ ея занятій по всѣмъ отраслямъ законодательства и что онъ неупустительно этимъ и займется. Изъ этихъ словъ я могъ легко уже заключить, какое направленіе примутъ всѣ наши работы. Я хотѣлъ объясниться съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ, но онъ казался такъ занятымъ, такъ обремененнымъ посѣтителями, дѣлами, аудіенціями, что я не успѣлъ ничего сказать ему. Взоры всѣхъ были устремлены на новаго великаго государственнаго мужа, который теперь съ большею самоувѣренностію, съ большею бѣглостію сталъ говорить по-французски, нежели ранѣе, до поѣздки своей въ Эрфуртъ.

Я ушелъ отъ него и болѣе къ нему не ходилъ, ожидая развязки Сперанскій во время поѣздки въ Эрфуртъ имѣлъ удобный случай и полную возможность совсѣмъ расположить къ себѣ императора, и сей послѣдній былъ столько же и еще болѣе имъ восхищенъ, чѣмъ, повидимому, Наполеономъ, такъ какъ сей послѣдній могъ современемъ сдѣлаться его врагомъ, чего онъ не допускалъ со стороны Сперанскаго, находившагося въ его власти. Императоръ въ то время смотрѣлъ глазами Сперанскаго, осыпалъ его различными знаками своей милости и всякаго рода доказательствами своего довѣрія къ нему. Сперанскому могло быть не трудно изобразить его величеству столь часто затрагиваемую картину худо устроеннаго и еще хуже осуществляемаго на дѣлѣ порядка управленія, въ самыхъ яркихъ краскахъ, такъ какъ имѣлось много къ тому основаній, и при томъ никто менѣе Сперанскаго не сомнѣвался въ разсказахъ о недостаткахъ управленія и никто менѣе его не смотрѣлъ на самыя дѣла и указы, которые трудно было провѣрить. Личный составъ бывшихъ министровъ давалъ ему обильный къ тому матеріалъ, и онъ никого не щадилъ. Система управленія была до сего времени ввѣрена вообще слабымъ рукамъ; она являлась какимъ-то слабымъ очеркомъ, ожидавшимъ отъ государя дальнѣйшаго своего развитія и усовершенствованія. Эти вполнѣ на личность государя разсчитанныя картины вызывали, конечно, обсужденіе о необходимости лучшей организаціи Государственнаго Совѣта, учрежденнаго по образцу бывшаго въ Парижѣ, но примѣненнаго къ особенностямъ Россіи, также Сената, и преимущественно учрежденія министерствъ, департаментовъ и т. д.; все это проложило Сперанскому дорогу къ должности государственнаго секретаря, который, въ сущности, являлся главнымъ министромъ.

Въ отношеніи же законодательства, Сперанскій внушилъ государю, что работы коммиссіи законовъ совершенно неудачны, что для осуществленія въ Россіи хорошаго законодательства необходимо совсѣмъ иначе руководиться занятіями, именно дать имъ направленіе, соотвѣт-

ствующее видамъ государя. Между тѣмъ императоръ неоднократно выражался одобрительно и о моемъ планѣ, и о моей дѣятельности, и Сперанскій нѣкоторымъ образомъ соглашался съ этимъ, утверждалъ также, что я вполнѣ пригоденъ для обработки книги гражданскихъ законовъ, но не въ состояніи руководить общимъ ходомъ всѣхъ законодательныхъ работъ уже потому, что не владѣю достаточно русскимъ языкомъ. Кромѣ того, поручивъ мнѣ руководство подробностями законодательныхъ работъ, Сперанскій признавалъ необходимымъ высшее главное руководство сосредоточить въ Государственномъ Совѣтѣ, чрезъ который восходятъ законодательныя дѣла къ его величеству.

Все это я услыхалъ тремя днями позже, изъ устъ самого государя, а также отъ Аракчеева, которому его величество передалъ подробно весь разговоръ свой съ Сперанскимъ. Въ словахъ Сперанскаго были перемѣшаны истина и ложь. Его утвержденіе, что я не владѣю русскимъ языкомъ, являлось клеветою, потому что хотя я и не говорилъ на русскомъ языкѣ съ тою же легкостью и развязностію, какъ природный русскій, но тѣмъ не менѣе могъ вполнѣ объясняться по-русски и писалъ по-русски совершенно правильно. Хотя я и не обладалъ такимъ обиліемъ словъ, какъ Сперанскій, но вполнѣ владѣлъ русскою рѣчью и безъ затрудненія велъ пренія на русскомъ языкѣ, что̀ и оказалось на дѣлѣ позднѣе, когда съ 1812 г. я докладывалъ дѣла по законодательной части Совѣта и въ теченіе 10 лѣтъ послѣдовательно составилъ на русскомъ языкѣ не мало книгъ законовъ и болѣе, нежели 200 проектовъ отдѣльныхъ законовъ и заключеній, которые были приняты всѣми членами Государственнаго Совѣта. Все это доказываетъ, что я владѣю достаточно русскимъ языкомъ, чтобы выражаться на немъ ясно и основательно по различнымъ предметамъ и вопросамъ, не только юридическимъ и законодательнымъ, но также историческимъ. Это подтверждаютъ мои институціи русскаго права, мои мнѣнія, представленныя Совѣту, мой трудъ объ источникахъ каноническаго права, а также и другія мои историческія изслѣдованія, которыхъ Сперанскій не былъ въ состояніи написать, потому что онъ никогда не изучалъ основательно источниковъ ни законодательныхъ, ни историческихъ. Кто изъ насъ являлся способнѣе и боднѣе быть органомъ государя при обсужденіяхъ законодательныхъ и другихъ предметовъ въ Государственномъ Совѣтѣ—еще вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ того, кто изъ насъ двоихъ правильнѣе понималъ устройство государственнаго механизма и общественные элементы, входящіе въ составъ онаго, и кто изъ насъ могъ лучше проводить высшія, руководствующія начала.

Сперанскій одновременно представилъ государю, что Новосильцовъ и князь Лопухинъ одинаково не способны руководить законодательными работами. О первомъ я уже высказался ранѣе достаточно, въ особен-

ности же сравнительно съ Чарторыйскимъ. Что же касается князя Лопухина, то онъ не являлся къ чему-либо препятствіемъ, коль скоро узналъ волю объ этомъ государя. Сперанскій, въ отношеніи Лопухина, встрѣчался вполнѣ съ мнѣніемъ Александра I, который о князѣ не могъ имѣть большаго выгоднаго понятія изъ прежнихъ своихъ о немъ воспоминаній.

Результатомъ впечатлѣній, произведенныхъ въ Эрфуртѣ, было то, что Александръ I довѣрилъ Сперанскому исключительное руководство законодательствомъ и администраціею въ имперіи. Государь, подобно Сперанскому, имѣлъ непреодолимое стремленіе къ образованіямъ; каждый изъ нихъ при этомъ преслѣдовалъ особый идеалъ. Но все дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ вполнѣ яснаго представленія объ этомъ идеалѣ, а потому это ихъ согласіе въ стремленіяхъ не могло быть продолжительнымъ. На время однако законодательство и управленіе Россіею находились въ рукахъ Сперанскаго. Въ его власти было если не вполнѣ достичь желаемой цѣли, то по крайней мѣрѣ положить прочное къ тому основаніе, именно тѣмъ, чтобы основательно и правильно постигнуть значеніе общественныхъ учрежденій. Сперанскій въ состояніи былъ бы это сдѣлать, если бы эту большую заслугу не принесъ въ жертву своему стремленію къ новшествамъ, своему пустому тщеславію все передѣлать. Онъ бредилъ только блестящими, красивыми фразами и отдалялъ отъ себя все болѣе и болѣе истинную цѣль.

Скоро, послѣ вышеупомянутаго разговора, меня потребовалъ князь Лопухинъ. Отправляя все по-прежнему свои служебныя обязанности, я захватилъ съ собою разные журналы и доклады. У князя я встрѣтился съ Сперанскимъ, который немедленно однако удалился.

Князь вручилъ мнѣ составленное безъ моего участія, но уже совсѣмъ начисто переписанное постановленіе, съ приказаніемъ привести его въ исполненіе. Въ этомъ постановленіи заключались побудительныя причины къ преобразованію коммиссіи, основныя начала новаго ея устройства, а также новое распредѣленіе работъ между чиновниками и т. д., все это должно было быть представлено установленнымъ порядкомъ на утвержденіе государя. Я послѣ этого простился съ княземъ и пожелалъ ему много счастья и преуспѣянія, при предстоящемъ преобразованіи коммиссіи, и затѣмъ уже и не ходилъ къ нему въ домъ до самаго 1812 года. Я очистилъ даже занимаемую мною комнату въ помѣщеніи коммиссіи и не касался болѣе ея дѣлъ занятій.

Новое положеніе о коммиссіи [1]), дѣйствительно, вскорѣ состоялось.

---

[1]) Новое преобразованіе коммиссіи составленія законовъ состоялось на основаніи высочайше утвержденнаго 7-го марта 1806 г. доклада (I. П. С. 3.

Сперанскій чрезъ нѣсколько дней созвалъ циркуляромъ всѣхъ служащихъ въ коммиссіи, чтобы открыть новую коммиссію, дать каждому изъ нихъ новое назначеніе и предписать каждому новыя его занятія. Это новое положеніе, вскорѣ напечатанное, представляло собою не что иное, какъ сокращенное и испорченное изложеніе прежняго положенія о коммиссіи, о которой даже почти и не упоминалось. Новаго существеннаго въ положеніи было очень мало; всѣ нововведенія состояли въ переименованіяхъ и въ измѣненіяхъ формъ. Моя должность перваго референдаря и главнаго секретаря дирекціи упразднялась, также упразднялись редакторы и ихъ помощники. На ихъ мѣста явились начальники отдѣленій (для гражданскаго права, уголовнаго, торговаго, мѣстныхъ законовъ и т. д.), при чемъ каждый имѣлъ при себѣ канцелярію и юрисконсульта. Мнѣ предназначалось завѣдывать отдѣленіемъ гражданскихъ законовъ, которые я долженъ былъ разработать по новому, мнѣ сообщенному плану. Этотъ планъ содержалъ въ себѣ рубрики, почти тѣ же самыя, которыя встрѣчаются въ кодексѣ Наполеона, и которыя по мѣрѣ надобности могли быть расширены.

Единственно новымъ въ положеніи являлось назначеніе особаго верховнаго совѣта для разсмотрѣнія гражданскихъ законовъ, который долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ лицъ: князя Лопухина, графа Завадовскаго (который ни разу не явился), Новосильцова, Чарторыйскаго, графа Северина Потоцкаго, сенаторовъ: Алексѣева и Карнѣева. Сперанскій былъ собственно директоромъ коммиссіи, а князь Лопухинъ, особымъ на то указомъ, былъ устраненъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ коммиссіи.

Такимъ образомъ прежняя коммиссія составленія законовъ, учрежденная нѣкогда по моему проекту, была совершенно упразднена; по революціонерному принципу, которому вполнѣ предался Сперанскій, не должно было ничего остаться отъ стараго порядка вещей и еще менѣе отъ моего метода и направленія моего руководительства работами. Для меня это было совершенно безразлично, потому что я терялъ при этомъ менѣе, нежели теряло самое дѣло, хорошее само по себѣ. Но мнѣ были крайне непріятны слѣдующія, принятыя вмѣстѣ съ преобразованіемъ коммиссіи мѣры.

Еще въ 1805 году государь одобрилъ сдѣланное ему представленіе коммиссіею законовъ о приглашеніи извѣстныхъ заграничныхъ профессоровъ и государственныхъ дѣятелей въ корреспонденты или почетные члены коммиссіи, при чемъ назначалось имъ по 400 р. въ годъ вознагражденія (тогда рубль по курсу стоилъ 25 пенсовъ или штюве-

---

№ 23525), при чемъ былъ опредѣленъ и личный составъ ея и труды, на нее возлагаемые.

ровъ). Предложенные мною кандидатами въ эти члены: Гекингъ, Піатоли, Ерхаргъ, Кирхейзенъ, Клейнъ, Гуго-Шлецеръ, Тибо, Фейербахъ [1]), все достопочтенные люди, которые могли быть очень полезны коммиссіи,—были утверждены государемъ. Подписанные Новосильцовымъ и мною дипломы этимъ лицамъ на это званіе были имъ посланы, и каждый изъ нихъ прислалъ мнѣ что-нибудь изъ трудовъ своихъ или письма съ весьма полезными замѣчаніями. Два раза возникавшая съ 1805 года война и поѣздка государя замедлили уплату этимъ лицамъ назначеннаго имъ вознагражденія, но наконецъ послѣдовало положительное объ этомъ приказаніе. При вступленіи Сперанскаго въ управленіе коммиссіею, я вновь возбудилъ вопросъ объ уплатѣ вознагражденія корреспондентамъ, но Сперанскій, ничего не знавшій о трудахъ нѣмецкихъ юристовъ, потому что не умѣлъ читать по-нѣмецки, не пожелалъ упустить случая меня скомпрометтировать и хотя не могъ отмѣнить состоявшагося высочайшаго повелѣнія о ихъ назначеніи, убѣдилъ однако князя Лопухина, что лучше не выплачивать имъ вознагражденія, потому, что отъ нихъ не было никакой пользы коммиссіи и ничего они для нея не дѣлаютъ.

Я повторялъ два раза мое представленіе, но получалъ тотъ же отвѣтъ; въ слѣдствіе чего дальнѣйшая переписка съ этими лицами была прекращена. Князь Лопухинъ позднѣе не раздѣлялъ этого мнѣнія Сперанскаго, принятаго имъ теперь исключительно изъ экономическихъ соображеній. Одинъ Фейербахъ получилъ при содѣйствіи графа Брея знаки ордена св. Анны, но слѣдуемое ему вознагражденіе не было уплачено, какъ и остальнымъ. Объ этомъ предметѣ я коснусь еще разъ позднѣе. Я также увѣдомилъ государственнаго министра Глобига, что

---

[1]) Къ поясненію, почему именно были приглашены вышепомянутыя лица, достаточно упомянуть въ немногихъ словахъ слѣдующее: Фейербахъ (Павелъ Аксельмъ, р. 1775—1833 г.) былъ извѣстный составитель уголовнаго уложенія для Баваріи и знаменитый криминалистъ своего времени; Тибо (Антонъ Фридрихъ, р. 1772—1840 г.), извѣстный знатокъ римскаго права, доказывавшій необходимость имѣть одно общее гражданское уложеніе для всей Германіи; Гуго (Густавъ, р. 1764—1844), основатель вмѣстѣ съ Савиньи школы историческаго изученія права въ Германіи и профессоръ римскаго права въ Геттингенѣ; Клейнъ (Эрнестъ р. 1743 г. въ Бреславлѣ и умеръ 1810 въ Берлинѣ), профессоръ уголовнаго права въ Галле, принимавшій большое участіе въ переработкѣ прусскаго законодательства; Шлецеръ (Августъ, р. 1735—1809 г.), извѣстный помощникъ нашего исторіографа Миллера, а затѣмъ профессоръ въ Геттингенѣ, гдѣ онъ и умеръ: Эрхардъ, профессоръ государственнаго права, авторъ сочиненія „Ueber das Recht des Volkes zur Revolution. 1795. Iena и т. д. Противъ выбора такихъ лицъ для содѣйствія коммиссіи законовъ въ ея трудахъ—едва-ли можно возражать. Насколько достигалась желаемая цѣль ихъ приглашенія—также нельзя было сказать заранѣе.

за присланный имъ проектъ онъ получитъ орденъ св. Анны, но и эта награда была отмѣнена.

Еще болѣе чувствительнымъ для меня явилось послѣдовавшее закрытіе школы правовѣдѣнія. Сперанскій доложилъ государю, что до тѣхъ поръ, пока не составлена общая книга законовъ, совершенно излишне имѣть эту школу и, что университеты даютъ достаточно средствъ къ образованію по юридическимъ факультетамъ [1]). Это очевидно было неправильное заключеніе, потому что не во всѣхъ университетахъ находились въ достаточномъ числѣ профессора юридическихъ наукъ и не во всѣхъ имѣлись средства къ познанію русскаго права, которыми бы могли пользоваться профессора, и за отсутствіемъ которыхъ они могли читать только одни подготовительные къ тому курсы. Направленіе и цѣль школы были чисто практическія, и въ эту школу принимались лица, уже кончившія курсъ, чтобы приготовить изъ нихъ для практической дѣятельности судей и ученыхъ юристовъ. Эта спеціальная школа должна была дополнять полученное уже университетское образованіе. Первыя два публичныя испытанія въ школѣ достаточно доказали характеръ преподаванія въ оной, и я былъ убѣжденъ, что это заведеніе доставитъ пользу, каждые три года формируя хорошихъ юристовъ и судей.

Сперанскій смотрѣлъ на эту школу со свойственнымъ ему пренебреженіемъ къ существующему, не имъ сдѣланному. Послѣ послѣдняго экзамена студенты были по уставу распредѣлены по присутственнымъ мѣстамъ, но о новомъ комплектованіи этого учрежденія не было уже и рѣчи.

Наконецъ нѣкоторые изъ редакторовъ, мною ранѣе назначенныхъ, и нѣкоторые чиновники коммиссіи были принуждены Сперанскимъ просить о своемъ увольненіи.

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, Сперанскій предложилъ каждому начальнику отдѣленія изложить подробное развитіе общаго, составленнаго имъ плана, который онъ намѣревался представить на утвержденіе государя. Я ему передалъ чрезъ нѣкоторое время таковое изложеніе по гражданскимъ законамъ, которымъ онъ, повидимому, остался доволенъ по прочтеніи, и сказалъ мнѣ, что о дальнѣйшемъ ходѣ работѣ поставитъ меня въ извѣстность. Я не ходилъ къ Сперанскому съ осени 1808 года, занимался приведеніемъ въ порядокъ юридическихъ матеріаловъ, собранныхъ мною, и забылъ собственно объ обѣщанія Сперанскаго сообщить мнѣ о дальнѣйшемъ ходѣ работъ.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что хотя положеніемъ коммиссіи 1809 г. высшее училище правовѣдѣнія и упразднялось, но оно, просуществовало до 1816 г., когда было упразднено по докладу князя Лопухина (см. I. П. С. З. № 26710).

Прошло не мало времени, пока я снова съ нимъ свидѣлся. Поводомъ этого явилось то, что онъ склонился убѣжденіями нѣкоторыхъ изъ моихъ редакторовъ поручить имъ составленіе проекта первой части книги законовъ (права личныя); быть можетъ, онъ и самъ склонилъ ихъ просить объ этомъ.

Въ концѣ февраля 1809 года я узналъ дальнѣйшее о себѣ отъ самого Сперанскаго. Онъ прошелъ неожиданно въ мою рабочую комнату съ большою пачкою бумагъ подъ руками и показалъ мнѣ, по его словамъ, совершенно готовый кодексъ. Я пожелалъ ему счастья съ этою работою, но онъ не принялъ этого пожеланія и признался мнѣ, что ошибся въ лицахъ, взявшихся составлять гражданскіе законы, и что ихъ крайне неудачную работу онъ никакъ не можетъ представить Совѣту, который долженъ открыться 1-го мая. Поэтому онъ просилъ меня теперь же заняться, какъ можно скорѣе, изложеніемъ личныхъ правъ въ законахъ гражданскихъ.

Какъ начальникъ отдѣленія, я не могъ отказаться отъ этого порученія, но возражалъ только противъ краткаго срока, назначеннаго мнѣ на эту работу до 1-го мая. Онъ высказалъ мнѣ по этому поводу самыя лестныя для меня фразы и намѣревался довести до свѣдѣнія государя о моихъ заслугахъ, но конечно воздержался что-либо замолвить объ этомъ его величеству. Я обѣщалъ ему сдѣлать наилучшее, что могу, и въ нашемъ продолжительномъ разговорѣ обратилъ его вниманіе на необходимость и значеніе изложенія всѣхъ положеній законовъ, которое должно предшествовать окончательнымъ новымъ проектамъ законовъ. Это изложеніе должно быть сдѣлано не по рубрикамъ указовъ, но по ихъ содержанію, часто разбросанному и очень разностороннему.

Въ эту минуту Сперанскій вполнѣ съ этимъ согласился и предоставилъ мнѣ указать составныя части книгъ законовъ изъ различныхъ источниковъ по моему желанію. Онъ заботился только о томъ, чтобы скорѣе справиться съ этимъ дѣломъ. Онъ хотѣлъ жать, не только не посѣявъ, но даже и не пахавъ земли. Повсюду обнаруживалась его поверхностность. Какая же была возможность приступить въ маѣ мѣсяцѣ въ Совѣтѣ министровъ къ разсмотрѣнію свода, ни одной строчки котораго не было написано въ февралѣ, и къ чему для этого созывать Совѣтъ? Сперанскій остался при томъ, что при моихъ подготовительныхъ работахъ и при моемъ признанномъ дарованіи мнѣ не трудно будетъ справиться съ возлагаемой на меня задачею къ назначенному сроку. Я и самъ надѣялся что справлюсь, но желалъ по возможности менѣе поверхностно работать и быть возможно болѣе самъ доволенъ своею работою.

Я не требовалъ удаленія тѣхъ плохихъ мастеровъ, которые вмѣшались въ мое дѣло, но Сперанскій уже ихъ уволилъ. Я поставилъ

условіемъ, чтобы онъ самъ аккуратно, правильно просмотрѣлъ со мною въ коммиссіи и обсудилъ каждую отдѣльную главу проекта, потому что я не могъ таскать съ собою къ нему всѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ были составлены означенныя главы, и Сперанскій исправно исполнялъ это условіе и приходилъ въ коммиссію. Обработка законовъ о личныхъ правахъ по началамъ русскаго права являлась дѣломъ не легкимъ, въ особенности глава о бракѣ, для которой имѣютъ большое значеніе славянскіе и греческіе источники, а также инструкція Синода 1768 г.; все это смѣшивалось въ этой главѣ. Я на эту главу и ранѣе обратилъ большое вниманіе, какъ это можно усмотрѣть изъ источниковъ, приведенныхъ мною во второмъ томѣ русскихъ пандектовъ, гдѣ они всѣ собраны и изложены мною.

Сперанскій почти каждодневно являлся на наши совѣщанія въ коммиссію. Ссылки на отдѣльные указы и другія законныя опредѣленія, относившіяся къ нашей работѣ, которая на нихъ и основывалась и для которой они являлись частію источниками, частію доводами, были означены буквами. Присоединенное изложеніе мотивовъ на манеръ французскаго образца приводило все въ стройное цѣлое, совершеннѣйшую гармонію.

1-го мая 1809 г. члены новаго Совѣта собрались въ законодательную коммиссію. Всѣмъ имъ было сообщено, что государю угодно, чтобы прежде всего читался текстъ главы, подлежащей обсужденію. Новосильцовъ, Чарторыйскій, а также графъ Потоцкій сдѣлали при чтеніи очень основательныя замѣчанія, которыя частію въ томъ же засѣданіи, частію въ слѣдующемъ были опровергнуты или разъяснены. Въ особенности это случилось при вопросахъ о правахъ родительской власти, о раздѣлѣ имущества между дѣтями и т. д. Князь Лопухинъ не разъ значительно поглядывалъ на меня. Сенаторъ Алексѣевъ, очень большой приверженецъ всего стараго, хотя и подписалъ журналъ, но находилъ, что новое изложеніе, даже и оправдываемое ссылками на законы, тѣмъ не менѣе являетъ собою нѣчто чуждое, новое, не совсѣмъ понятное русскимъ судебнымъ дѣятелямъ. Въ то время я еще совсѣмъ не зналъ этого Алексѣева, о которомъ мнѣ придется говорить позднѣе. Сперанскій сообщилъ мнѣ, что онъ несвѣдущій рутинеръ, котораго потому только посадили въ Совѣтъ, что онъ пользуется репутаціею знатока русскихъ законовъ, такъ какъ онъ долго сидѣлъ въ Сенатѣ. Недѣлю за недѣлею тянулось чтеніе главы новаго проекта и подписывались журналы. Въ октябрѣ мѣсяцѣ отдѣлъ о личныхъ правахъ былъ оконченъ разсмотрѣніемъ и началось печатаніе онаго. Сперанскій лично держалъ корректуру и дозволялъ себѣ при томъ различныя исправленія въ словахъ и выраженіяхъ. Заданный мнѣ урокъ на этотъ годъ былъ такимъ образомъ оконченъ.

Я очень рѣдко посѣщалъ Новосильцова, мнѣ было больно напоминать ему о прошедшемъ. Чарторыйскаго видѣлъ я по временамъ у любезнаго и пріятнаго графа Строганова (старика), который оказывалъ мнѣ свое благосклонное расположеніе и повидимому лучше понималъ положеніе дѣлъ, чѣмъ это казалось многимъ.

Однажды въ осенній вечеръ, въ своемъ прекрасномъ дачномъ домѣ на Малой Невкѣ, онъ устроилъ прекрасный фейерверкъ, и когда я къ нему подошелъ, онъ сказалъ мнѣ со свойственною ему шутливостью: «Voila, mon cher, comme nous lançons nos fusées; chacun à sa manière. Mais vous voyez que l'obscurité y succède immediatement». (Вотъ, мой дорогой, какъ мы пускаемъ ракеты; всякій на свой ладъ. Но вы замѣчаете, что темнота наступаетъ немедленно).

Я ему отвѣтилъ: «La lumière est toujours bonne à quelque chose, ne fut ce que pour quelques moments. (Свѣтъ всегда къ чему-либо годенъ, хотя бы и на нѣсколько минутъ).

Старый графъ, въ то время президентъ Академіи художествъ, былъ очень занятъ постройкою Казанскаго собора. «Non omnis moriar». (Не весь умру), сказалъ онъ, когда соборъ былъ построенъ и освященъ.

Вскорѣ послѣ этого я имѣлъ случай видѣть его въ послѣдній разъ, когда поздравлялъ его съ назначеніемъ въ особы перваго класса, за успѣшное сооруженіе собора. Въ тотъ же день единственный его внукъ, сынъ графа Павла Строганова, молодой юноша, подававшій большія надежды, былъ произведенъ въ офицеры. Нѣсколько дней послѣ этого старый графъ окончилъ свою земную жизнь и со всѣми своими чинами и прекрасными качествами былъ погребенъ въ сооруженномъ имъ соборѣ.

Во все время обсужденій главъ и статей новаго кодекса мои отношенія со Сперанскимъ были самыя дружественныя. Мы разсуждали съ нимъ о многихъ другихъ законодательныхъ вопросахъ, и я всегда удивлялся поверхностности и неустойчивости его мыслей, выражаемыхъ имъ съ цвѣтистымъ краснорѣчіемъ. Такъ напр. онъ утверждалъ однажды, что законодатель долженъ совершенно отречься отъ понятія о собственности и что можно совсѣмъ обойтись безъ этого понятія потому, что одно государство—единственный собственникъ въ настоящемъ значеніи этого слова; всѣмъ же прочимъ предоставляется право пользованія на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Право частной собственности быть можетъ являлось полезнымъ въ прошлыя, отдаленныя времена, но при современномъ положеніи цивилизаціи можно обойтись безъ этого права. Начало централизаціи онъ считалъ самымъ совершеннымъ типомъ управленія, принятымъ Наполеономъ, этимъ по его мнѣнію величайшимъ изъ геніевъ; этотъ типъ ни въ какой странѣ не можетъ

имѣть такого полезнаго примѣненія, какъ въ Россіи, гдѣ съ верху до низу все должно быть преобразовано.

Все должно зависѣть отъ одного. Сообщество въ матеріальныхъ интересахъ Сперанскій еще допускалъ, но отнюдь не въ государственныхъ отношеніяхъ. Сохраненіе коллегій онъ считалъ за нѣчто пагубное, препятствующее твердому неуклонному примѣненію законовъ.

Отдохновеніемъ для Сперанскаго являлось чтеніе мистическихъ сочиненій, и его библіотека изобиловала произведеніями этого рода. Онъ не любилъ занятій историческихъ и философскихъ во всѣхъ ихъ отрасляхъ. Должно было по его мнѣнію стремиться прозрѣть сквозь матеріальную оболочку, насъ облекающую, съ тѣмъ, чтобы такимъ путемъ нашъ глазъ могъ взирать въ безконечность. На второмъ планѣ у него стоялъ піэтизмъ, въ который легко впадаетъ простой народъ и менѣе образованные классы его.

Выписка, сдѣланная мною для него изъ сочиненія Захарія о гернгутерахъ [1]), доставила ему большое удовольствіе. Это направленіе, которое позднѣе много разъ видоизмѣнялось въ Сперанскомъ и которое онъ былъ принужденъ не разъ покидать, являлось въ немъ господствующимъ въ то время; оно проглядываетъ во всѣхъ его письменныхъ работахъ за это время. При этомъ онъ обнаруживалъ пренебреженіе въ отношеніи различныхъ другихъ воззрѣній и смотрѣлъ на всѣхъ лицъ съ какой-то недосягаемой высоты.

Такъ какъ онъ самъ дошелъ до всего своими личными заслугами, то и смотрѣлъ на все его окружавшее какъ на сырой матеріалъ (металлъ или камень), который надлежитъ выкинуть, коль скоро изъ него выдѣлана уже извѣстная фигура. Онъ хвалилъ и уважалъ въ данную минуту только тѣхъ, которые по его предположеніямъ могутъ ему пригодиться для его цѣлей, и нерѣдко хвалилъ даже людей, которыхъ мало очень зналъ и конечно не желалъ бы хвалить. Такъ напр. князя Чарторыйскаго онъ называлъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, хотя воззрѣнія ихъ обоихъ до крайности расходились и въ законодательной и публицистической дѣятельности. Короля Густава-Адольфа [2]) онъ считалъ за величайшую личность, которую только можетъ указать исторія царственныхъ особъ. Только одинъ Наполеонъ по его мнѣнію

---

[1]) Гернгутеры или моравскіе или богемскіе братья—особая религіозная секта, возникшая въ Богеміи въ началѣ XV столѣт., стремившаяся возвратиться къ первымъ временамъ христіанства. Она получила свое названіе отъ деревни Гернгутъ, гдѣ впервые проявилась. Гернгутеры поселились и у насъ въ Сарептѣ.

[2]) Густавъ-Адольфъ, р. 9-го декабря 1594 г., знаменитый шведскій король, герой тридцатилѣтней войны, убитый въ сраженіи при Люценѣ 16-го ноября 1632 года.

*

стоялъ выше его, потому что онъ съумѣлъ все обнять, все подчинить своей личности, своей политикѣ, своему господству, тогда какъ шведскій король проявилъ болѣе глубокую проницательность тѣмъ, что предпочелъ скорѣе потерять тронъ, нежели измѣнить свой образъ дѣйствія. Такихъ правителей, какъ Фридриха-Вильгельма [1]) и Франца [2]), при всѣхъ признанныхъ за ними качествахъ, онъ считалъ только куклами въ рукахъ ихъ министровъ и генераловъ. Вся Европа до появленія Наполеона имѣла учрежденія на половину устарѣлыя, на половину пришедшія въ упадокъ. Русскій государственный строй долженъ былъ быть совершенно преобразованъ до самаго его основанія. Императрица Екатерина II дѣйствовала при этомъ преобразованіи въ потьмахъ, а Александру I недостаетъ твердой воли, что тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что французскій идеалъ находился во всемъ своемъ блескѣ предъ его глазами.

Сперанскій былъ врагъ родоваго дворянства; всѣ титулы, званія почетныя, чины должны быть по моему мнѣнію только личными. Крестьянское сословіе должно быть прикрѣплено къ землѣ и ему должно уступить пользованіе землею за опредѣленные оброки.

Владѣльцы прочихъ земельныхъ участковъ должны подлежать различнымъ ограниченіямъ. Сперанскому казалось великою ошибкою государственнаго управленія, что вся большая масса производительныхъ силъ государства предоставлена произволу трехъ, четырехъ сотъ тысячъ лицъ. Городскія общественныя управленія должно считать обыкновенными общинами, которыя должны вполнѣ подчиняться тому направленію, которое признаетъ за благо дать имъ правительство; они должны управляться сверху.

Прочіе органы мѣстнаго управленія должны зависѣть равнымъ образомъ отъ центральныхъ мѣстъ, и губернское управленіе—являться въ меньшемъ только размѣрѣ ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же министерствами и снимкомъ съ государственнаго управленія.

Позднѣе Сперанскій сталъ допускать, что Сенатъ съ отдѣленіемъ отъ него судебныхъ обязанностей долженъ составить одно центральное административное учрежденіе, которое должно быть поставлено въ самую тѣсную связь съ министерствами, чтобы имѣть полную возможность производить во всякое время контроль надъ управленіемъ. Въ та-

---

[1]) Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, р. 1770 г. и умеръ въ 1845 г.; онъ вступилъ въ бракъ въ 1793 г. съ герцогинею мекленбургъ-стрелицкою Луизою, а послѣ ея кончины въ 1810 г. состоялъ въ морганатическомъ бракѣ съ графинею Гаррахъ, княгинею Лигницъ.

[2]) Францъ II Іосифъ, императоръ австрійскій, р. 12-го февраля 1768 г. въ Флоренціи и умеръ въ Вѣнѣ 12-го марта 1835 г. Онъ велъ неудачныя войны съ Наполеономъ и выдалъ дочь свою Марію-Луизу за Наполеона I въ 1810 г.

комъ видѣ онъ выставилъ это отношеніе и въ своемъ проектѣ объ учрежденіи Сената, представленномъ имъ въ 1811 году государю. Сперанскій уже тогда сознавалъ всѣ замѣшательства, произведенныя его запискою 1803 года, и потому принималъ на себя трудъ исправить прежнюю свою непослѣдовательность новою. Самъ государь это замѣтилъ, и это явилось одною изъ первыхъ причинъ, поколебавшихъ его довѣріе къ Сперанскому.

Высшее духовенство было Сперанскому ненавистно, а также и монашество; то и другое притѣсняло и угнетало низшее свѣтское духовенство, въ особенности сельское. Первыя впечатлѣнія юности, а также вынесенныя имъ изъ семинаріи должны были освоить и познакомить Сперанскаго болѣе, чѣмъ-кого либо другаго, съ недостатками и потребностями русскаго духовенства вообще; но когда государь поставилъ его во главѣ комитета, долженствовавшаго упорядочить положеніе обоихъ видовъ духовнаго состоянія, Сперанскій не сдѣлалъ ничего для улучшенія приходскаго духовенства.

Правда, мѣстныя семинаріи и духовныя училища были надѣлены денежными средствами, потому что на то послѣдовала высочайшая воля, но за то у нихъ отняты были свѣчныя деньги, а самое управленіе семинаріями и школами отнято у епархіальныхъ епископовъ и сосредоточилось въ высшемъ управленіи школъ при духовной академіи. Все должно было быть направляемо изъ Петербурга.

Таковы были неимовѣрно сбивчивыя воззрѣнія (colossal verworene Ansichten), высказываемыя Сперанскимъ при различныхъ случаяхъ. Я избѣгалъ всякаго подробнаго о нихъ разсужденія потому отчасти, что большая часть оныхъ не соотвѣтствовала моимъ воззрѣніямъ, а также и потому, что самъ Сперанскій часто мѣнялъ свои собственныя. Онъ какъ творецъ стоялъ среди хаоса матеріаловъ и обломковъ, составленныхъ частью изъ развалинъ существовавшаго, частью же изъ его собственныхъ уложеній, и извлекалъ изъ этого хаоса и обращалъ вниманіе то на одно, то на другое, Сперанскій даже не всегда былъ въ согласіи съ самимъ собою; часто было достаточно одного слова, чтобы склонить его на другія воззрѣнія.

Я припоминаю, что когда онъ разъ опровергалъ мои предположенія и воззрѣнія о губернскомъ управленіи и другихъ различныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, я указалъ ему между прочимъ на нѣсколько его собственныхъ отзывовъ объ этомъ трудѣ моемъ. Но Сперанскій, едва взглянувъ на нихъ, немедленно сталъ опровергать ихъ, говоря, что они были высказаны имъ съ поспѣшностью, безъ зрѣлаго обсужденія. Онъ такъ же скоро чуждался своихъ собственныхъ мыслей, какъ и выраженныхъ другими, въ особенности когда не имѣлъ передъ собою книги или источника, которымъ пользовался ранѣе.

Главнѣйшимъ предметомъ занятій Сперанскаго осенью 1809 г. являлось учрежденіе новаго Государственнаго Совѣта.

Русскіе цари и императоры всегда имѣли при себѣ совѣщательное собраніе изъ бояръ. На востокѣ и на сѣверѣ совѣтъ подобныхъ лицъ сопровождалъ властителей всегда. Петръ I совѣтовался съ подобными совѣтниками только въ рѣдкихъ случаяхъ, пока не постигъ должнымъ образомъ системы и формъ внутренняго управленія государствомъ и пока не учредилъ Сената въ качествѣ высшаго центральнаго учрежденія въ государствѣ для дѣлъ управленія и суда. Совѣтъ же, какъ государственное учрежденіе, явился въ нашемъ отечествѣ въ первый разъ при императрицѣ Екатеринѣ I съ опредѣленными протоколами своихъ засѣданій. При Аннѣ Іоанновнѣ Совѣтъ получилъ болѣе обширныя обязанности и права, которыя подчинили ему даже Сенатъ, такъ какъ Совѣтъ именемъ государыни издавалъ указы. Сенатъ по-прежнему продолжалъ наименоваться высокій Сенатъ, но уже не назывался правительствующій.

Императрица Елизавета возвратила Сенату прежнія его права и принадлежности, а Совѣтъ явился только чисто совѣщательнымъ учрежденіемъ. Таковымъ застала Совѣтъ Екатерина II, при которой онъ и оставался въ томъ же видѣ во все продолженіе ея царствованія. Императрица хорошо понимала петровскую коллегіальную систему управленія, а также элементы русскаго государственнаго организма. Она хотя быть можетъ и являлась самою полною представительницею абсолютизма, но путемъ изученія понимала потребности своей страны и соотношеніе различныхъ частей управленія и кромѣ того сохранила съ благоразуміемъ и твердостью то, что она создала. Она не благоволила ни отдѣльнымъ партикулярнымъ (частнымъ) правамъ, ни отдѣльнымъ національностямъ, ни личной свободѣ; она разрушила Польшу, лишила многія провинціи ихъ особыхъ правъ и учрежденій по древнимъ статутамъ, обратила два милліона свободныхъ казаковъ въ крѣпостныхъ (Leibeigene), наблюдая впрочемъ за тѣмъ, чтобы имъ въ этомъ новомъ положеніи было по возможности хорошо. Она не увеличивала податей, держала небольшія арміи, была снисходительна къ мелкимъ хищеніямъ, но противодѣйствовала большимъ злоупотребленіямъ. Прежде всего она упорядочила низшія правительственныя учрежденія. Въ 1766, 1772, 1783 и 1785 году она дополнила изданныя Петромъ I учрежденія въ ихъ настоящемъ духѣ. Хозяинъ, хорошо знающій всѣ части своего хозяйства и своей земли, а также умѣющій прилагать съ умомъ и бережливостью всѣ свои силы, всегда будетъ процвѣтать, хотя быть можетъ его рабочіе и его сосѣди не всегда будутъ имѣть возможность хвалить его поступки. Мудрость пользуется всѣмъ и дѣлаетъ даже жестокость менѣе чувствительною. Въ этомъ состоитъ искусство упра-

влять большимъ и малымъ. Императрица держала бразды повидимому мягко, но съ неумолимою строгостью, если это было нужно. Она была въ высшей степени не благосклонна къ либеральнымъ идеямъ, хотя сама написала книгу о правахъ и обязанностяхъ и отмѣнила цензуру. Но горе тому, кто хвалилъ свободу, и за нѣсколько строкъ, за нѣкоторыя выраженія былъ наказанъ извѣстный Новиковъ [1]), оказавшій столько услугъ изученію историческихъ источниковъ, а также разжалованъ и сосланъ въ Сибирь Радищевъ [2]). Все это не мѣшало однако тому, что императрица была великою правительницею государства и оставила свое государство въ цвѣтущемъ состояніи.

Неосновательно упрекаютъ императрицу въ томъ, что она первая отмѣнила учрежденіе коллегій, возложивъ въ губерніяхъ все руководство новымъ экономическимъ управленіемъ на камеральные суды и передавъ исполнительную власть въ губерніи особымъ правленіямъ, а судебную особымъ палатамъ (гражданскаго и уголовнаго суда), какъ составившимъ третью аппеляціонную инстанцію. Чрезъ это многія центральныя коллегіи, бывшія въ Петербургѣ, становились конечно излишними. Когда Екатерина II по введеніи губернскихъ учрежденій упразднила мануфактуръ и ревизіонную коллегіи, она однако не заявила, что должны быть отмѣнены центральныя административныя управленія. Этимъ не разрушилась система коллегій, напротивъ того, она усиливалась, ибо всѣ мѣстныя провинціальныя коллегіи находились подъ вѣдомствомъ центральной коллегіи, т. е. Сената. Вопросъ шелъ только о томъ, что независимо отъ этихъ 50 провинціальныхъ коллегій необходима тѣмъ не менѣе еще средняя инстанція, коммерцъ и мануфактуръ-коллегіи, а также бергъ-коллегія и другія, чтобы не слишкомъ обременять различными мелочными дѣлами и подробностями Сенатъ, какъ центральную коллегію.

Въ царствованіе императора Павла I было принято это вполнѣ правильное воззрѣніе (по предложенію Васильева), и коллегіи были снова возстановлены, при чемъ необходимо было сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ положеніи о губернскомъ управленіи; единство управленія и контроль вполнѣ были сохранены. Но эта лучшая система правленія, вполнѣ соотвѣтствующая природѣ вещей, была, какъ и мѣстныя особенности управленія, несовмѣстима съ тѣми личными воззрѣніями,

---

[1]) Новиковъ, Николай Ивановичъ, р. 1744 г. извѣстный ревнитель народнаго просвѣщенія при Екатеринѣ II, издатель журналовъ, собиратель матеріаловъ для исторіи Россіи и ея литературы, учредитель типографской компаніи и т. д. Онъ умеръ въ 1818 году.

[2]) Радищевъ, Александръ Николаевичъ, р. 1749 г., авторъ извѣстнаго описанія Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву, сильно разгнѣвавшаго императрицу Екатерину II. Онъ умеръ въ 1802 году.

подъ вліяніемъ которыхъ директоръ разсматривалъ все дѣло. Только путемъ этихъ личныхъ его воззрѣній, защищаемыхъ слабыми софизмами, было проведено расширеніе министерскаго наказа и Сенатъ утратилъ чрезъ это всѣ свои исполнительныя права и преимущества. Легкомысліе, съ которымъ при этомъ поступали, было превзойдено только поверхностнымъ выполненіемъ этого преобразованія. Сохранялся первый департаментъ Сената, въ которомъ были сосредоточены всѣ обязанности Сената относительно управленія государствомъ; онъ остался наравнѣ съ министрами и комитетомъ министровъ. Въ этомъ крылась двойная непослѣдовательность, которая стала теперь очевидною и для лицъ, создавшихъ всю эту аномалію. Съ переходомъ всей исполнительной власти вполнѣ въ руки министровъ, прекратилось на самомъ дѣлѣ значеніе Сената. Самое выдающееся въ этой аномаліи заключается въ томъ, что тѣ же министры—въ то же время всѣ члены Сената и часто въ комитетѣ министровъ отмѣняютъ распоряженія Сената и измѣняютъ то, что они, какъ министры, сами одобрили и подтвердили.

Всѣ эти недостатки я не разъ указывалъ какъ въ составленномъ мною въ 1803 г. проектѣ о Сенатѣ, такъ и при другихъ случаяхъ. Конечно, этотъ же вопросъ долженъ былъ возникнуть, когда Сперанскій сталъ заниматься устройствомъ Государственнаго Совѣта, Сената и комитета министровъ, и хотя онъ во многихъ отношеніяхъ соглашался съ моими воззрѣніями, но я сомнѣвался, чтобы онъ принялъ ихъ въ какое-либо соображеніе. Тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыми онъ руководствовался ранѣе, теперь уже не существовало. Государственный человѣкъ, стоявшій на такой новой, высокой степени, конечно, долженъ бы былъ поступить не столь легкомысленно, но Сперанскій, думая только о своемъ собственномъ *я*, о вліяніи, которое *онъ* можетъ оказывать на всѣхъ министровъ, упустилъ совершенно изъ виду матеріальные интересы всѣхъ государственныхъ сословій. Онъ добивался *единства* административныхъ началъ въ Государственномъ Совѣтѣ и сдѣлалъ себя независимымъ, всемогущимъ государственнымъ секретаремъ онаго. Но это была слишкомъ слабая опора; — ему по крайней мѣрѣ слѣдовало бы сгладить нѣкоторыя отдѣльныя коллизіи между Сенатомъ и министерствами. И если для него лично дѣло шло о томъ, чтобы на мѣсто Сената поставить Государственный Совѣтъ, то ему слѣдовало бы освободить Совѣтъ отъ коллегіальныхъ формъ, отъ всѣхъ порядковъ дѣлопроизводства коллегій, отъ внѣшнихъ и внутреннихъ связей съ коллегіями или департаментами министерскими, короче сказать—отъ связи и отношеній между всѣмъ государственнымъ организмомъ, безъ чего Государственный Совѣтъ, конечно, не могъ ни дѣйствовать, ни контролировать. Въ отношеніи управленія онъ являлся

какъ бы за кулисами стоящій авторитетъ, къ которому не могло обращаться ни одно учрежденіе и также ни одно частное лицо. Онъ не имѣлъ никакихъ способовъ слѣдить за ходомъ управленія.

Я допускаю, что при этомъ, какъ и при составленіи кодекса на французскій манеръ, положенъ въ основаніи эрфуртскій типъ. Таковы были уже убѣжденія Сперанскаго и его привязанности. Но стоитъ только устройство французскаго государственнаго совѣта со всѣми его департаментами, докладчиками, съ его формами, порядками дѣлопроизводства и т. д. сравнить съ положеніемъ и ходомъ дѣлъ нашего Государственнаго Совѣта, гдѣ все неопредѣленно, гдѣ члены никогда не знаютъ, что будетъ имъ доложено, гдѣ имъ даже не дозволено брать съ собою документовъ и бумагъ, чтобы имѣть возможность обсудить дѣло [1]), гдѣ предсѣдатель лишенъ всякой власти, а государственный секретарь являлся всемогущимъ и всевѣдущимъ, — то легко скоро убѣдиться въ пустотѣ и совершенной безполезности подобнаго преобразованія. Въ Россіи же, кромѣ того, гдѣ едва было столько интеллигенціи, столько знаній прошлаго, столько охранительныхъ формъ и опытности дѣловой, сколько требовалось для того, чтобы ходъ управленія по крайней мѣрѣ не сдѣлать еще хуже, еще произвольнѣе,—новая система, которая собою все подрывала, ничего не основывала, должна была причинить сумбуръ, который становился съ каждымъ днемъ все чувствительнѣе и значительнѣе.

Опытъ уже достаточно указалъ, что въ ходѣ этихъ перемѣнъ не было никакой связи, никакой руководящей мысли, и если по временамъ какому-либо министру удавалось осуществить или провести что-либо полезное, то это достигалось скорѣе о б х о д о м ъ Государственнаго Совѣта, нежели при его содѣйствіи. Точно такъ же при осуществленіи чего-либо вреднаго, Государственный Совѣтъ не имѣлъ возможности этому препятствовать. Его учрежденіе и составъ въ такой степени недостаточны, что онъ не можетъ содѣйствовать къ осуществленію чего-либо полезнаго или воспрепятствовать совершенію чего-либо вреднаго.

---

[1]) По правиламъ образованія Государственнаго Совѣта 1-го января 1810 г. (I П. С. З. № 24064) всѣ дѣла докладывались государственнымъ секретаремъ (§ 45); чтеніе дѣла никѣмъ не прерывается до самаго окончанія онаго (§ 46). По прочтеніи дѣла каждый членъ могъ требовать поясненія или повторенія тѣхъ статей кои представятся неяснымн (§ 49). Никакое дѣло, Совѣту предложенное, не можетъ быть сообщено внѣ онаго безъ особеннаго на то высочайшаго дозволенія; но каждый членъ можетъ потребовать дѣла для особеннаго прочтенія въ самомъ Совѣтѣ (§ 56). Никакихъ записокъ по дѣламъ не разсылалось членамъ Совѣта для предварительнаго прочтенія.

*

Руководство и контроль какъ отдѣльныхъ министерствъ, такъ и всего управленія государствомъ являлись одною изъ обязанностей, включенныхъ въ сферу дѣятельности Государственнаго Совѣта, и должны были сосредоточиваться въ такъ называемомъ отдѣленіи государственнаго хозяйства.

Вторымъ предметомъ являлась судебная дѣятельность, возложенная на отдѣленіе гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ.

Сенатъ, именно судебные его департаменты, являлись ничѣмъ инымъ, какъ высшею или третью аппеляціонною инстанціею. При несостоявшемся единогласіи между членами отдѣльныхъ департаментовъ или по предложенію министра юстиціи, судебныя дѣла переходятъ въ общее собраніе нѣкоторыхъ департаментовъ, такимъ образомъ имѣется нѣсколько общихъ собраній, и никто не станетъ отрицать, что вполнѣ достаточно этихъ 3 или 4 судебныхъ инстанцій. Можно однако еще упомянуть п я т у ю, именно при министерствѣ юстиціи, когда министръ юстиціи предлагаетъ обсудить дѣло своимъ юрисъ-консультамъ въ своемъ присутствіи и потомъ даетъ заключеніе свое Сенату. При этомъ происходитъ потеря времени, интриги и происки тяжущихся сторонъ и пр. пр., точно такъ же, какъ и при всякой обыкновенной судебной инстанціи.

Сперанскій къ этому добавилъ еще н о в ы я и н с т а н ц і и и открылъ тѣмъ безконечное поле для неопредѣленности законовъ и правъ, для медленности суда, для протекціи и т. д., не прибавивъ никакихъ охранительныхъ формъ для лучшаго отправленія правосудія. Учрежденіе Государственнаго Совѣта повлекло за собою то именно, что послѣ того какъ Сенатъ рѣшитъ дѣло окончательно, стороны получаютъ право просить государя о новомъ пересмотрѣ дѣла. Если ходатайство будетъ уважено, то государственный секретарь требуетъ извлеченіе изъ дѣла отъ канцеляріи Сената, и по этому извлеченію дѣло разсматривается сперва въ отдѣленіи Государственнаго Совѣта, а затѣмъ и въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ Совѣта и разрѣшается тамъ. Стороны ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ при разсмотрѣніи ихъ дѣлъ въ Совѣтѣ; нѣтъ публичности дѣлопроизводства и нѣтъ никакихъ охранительныхъ формъ. Стороны имѣли только возможность познакомиться тайно съ извлеченіемъ изъ дѣла; они составляютъ и роздаютъ маленькія выписки изъ извлеченія и стараются склонить на свою сторону мнѣніе Канцеляріи и членовъ Совѣта, въ особенности же государственнаго секретаря и статсъ-секретаря того отдѣленія, въ которомъ разсматривается дѣло, и ихъ подчиненныхъ. Но формально, установленнымъ порядкомъ, стороны не узнавали ничего о состоявшемся рѣшеніи (ибо все сохранялось въ тайнѣ), а только п о л ю б е з н о с т и Канцеляріи. Рѣшеніе же Государственнаго Совѣта препровождалось въ Сенатъ, ко-

торый и сообщалъ оное указомъ сторонамъ и подчиненнымъ ему въ губерніяхъ учрежденіямъ для надлежащаго приведенія рѣшенія въ исполненіе. Изъ губерній же опять генералъ-губернаторъ могъ остановить исполненіе этого рѣшенія, сдѣлавъ о томъ представленіе, которое могло часто явиться основаніемъ или поводомъ къ тому, что дѣло вновь возвращалось въ Сенатъ, опять поступало въ консультацію, опять переходило въ Государственный Совѣтъ и нерѣдко даже въ комитетъ министровъ, прежде нежели восходило до высочайшаго утвержденія. Государь или утверждалъ мнѣніе большинства или меньшинства или же иногда постановлялъ совершенно иное рѣшеніе. Что при этомъ соблюдается величайшая тайна—это подразумѣвается само собою.

Законодательство Имперіи было возложено на отдѣленіе законодательное, дѣятельность котораго возникала или по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ или по почину кого-либо изъ министровъ, когда онъ вносилъ на разсмотрѣніе проектъ новаго положенія или закона, или по почину Сената, когда сей послѣдній признавалъ необходимость новаго опредѣленія по вопросамъ, на которые существующіе законы не могли дать отвѣта. Во всѣхъ сихъ случаяхъ дѣло поступало къ государственному секретарю, какъ директору законодательной коммиссіи, и прежде всего въ законодательное отдѣленіе, а послѣ онаго въ общее собраніе, гдѣ предложеніе принималось или отвергалось или измѣнялось и затѣмъ съ мнѣніемъ коммиссіи представлялось государю. Тотъ же порядокъ соблюдался и при законопроектахъ, разработанныхъ самою коммиссіею подъ руководствомъ директора оной. Никакой новый законъ, никакое измѣненіе существующаго не должно было въ будущемъ состояться безъ предварительнаго разсмотрѣнія онаго вышеуказаннымъ порядкомъ. Это правило, которое отчасти имѣлось въ прежнемъ учрежденіи, являлось единственно полезнымъ и въ то же время послѣдовательно проведеннымъ во всемъ планѣ.

При этомъ изложеніи самъ государь, всѣ его министры должны были сами ограничить свою власть и волю, но по общему положенію дѣлъ это было невозможно и неисполнимо. Стремленіе къ централизаціи, деспотизмъ и тщеславіе Сперанскаго обнаружились здѣсь вполнѣ. Онъ одинъ былъ все, всѣ остальные—ничто. Администрація—это я! (L'administration—s'est moi); но онъ не считалъ хозяина. Наконецъ при Совѣтѣ было еще четвертое отдѣленіе, учрежденное на тѣхъ же началахъ для дѣлъ военныхъ.

Коммиссія составленія законовъ являлась теперь только какимъ-то чуждымъ придаткомъ, подчиненнымъ не столько Государственному Совѣту, сколько государственной канцеляріи или, точнѣе, государственному секретарю.

Коммиссія прошеній была вторымъ подобнымъ придаткомъ и госу-

дарственная канцелярія, во главѣ которой былъ Сперанскій—третьимъ, которое включало въ себѣ оба первые. Все это было снабжено введеніемъ, въ которомъ излагались такъ называемыя конституціонныя опредѣленія или основныя начала, и кромѣ того различными образцами формъ. Изъ всего этого возникли въ обществѣ самые странные толки объ этомъ учрежденіи. Я часто толковалъ объ этомъ съ Козодавлевымъ (въ то время уже министромъ внутреннихъ дѣлъ), который, будучи неопытенъ въ изслѣдованіи, не могъ постичь, какъ и многіе другіе, сущность и цѣль всего учрежденія. Румянцовъ (Н. П.), скоро послѣ Фридрихсгамскаго мира назначенный государственнымъ канцлеромъ (онъ назначался въ предсѣдатели будущаго Государственнаго Совѣта), былъ приглашенъ для виду только къ обсужденію положенія о Совѣтѣ, т. е. ему дали только прочесть проектъ онаго. Сперанскій, который вполнѣ уже обворожилъ государя и овладѣлъ имъ, не нуждался ни въ какомъ совѣтѣ. Самъ графъ Кочубей не могъ ничего узнать объ этомъ проектѣ, хотя онъ еще 30-го декабря два или три раза останавливался у дверей Сперанскаго, но не былъ принятъ. Сперанскій говорилъ о немъ: «c'est un homme qui jamais n'a eu une idée» (это человѣкъ, у котораго никогда не было ни единой мысли).

Моя частная жизнь въ то время была очень пріятна. Кромѣ дома Козодавлева я съ женою моею посѣщалъ еще дюка Серра Капріола, прекраснаго человѣка, даровитаго, обладавшаго силою сужденія, здравымъ смысломъ и со всею подвижностью веселаго неаполитанца; онъ былъ очень ко мнѣ благожелателенъ. Мы часто бывали также у Анны Никитичны Нарышкиной [1]), тетки Румянцова и нѣкогда подруги молодости императрицы Екатерины II; она принимала насъ очень ласково; князя Куракина, князей Михаила и Бориса Голицыныхъ и т. д. Меня очень часто посѣщалъ очень достопочтенный дипломатъ Наварро (Navarro), позднѣе баронъ de Villa Secca, графъ Мэстръ [2]), очень разговорчивый, свѣдущій человѣкъ, и многіе ученые и художники. Моя молодая супруга развивала все болѣе свой умъ и свои таланты. Учите-

---

[1]) Нарышкина, Анна Никитична, рожденная Румянцова, род. 1730 г., была другомъ Екатерины II и повѣренною личныхъ ея тайнъ и статсъ-дамою. При Павлѣ I сдѣлана гофмейстериной и умерла въ глубокой старости въ 1820 году. Она вступила въ бракъ въ 1746 г. съ оберъ-гофмаршаломъ Алекс. Алекс. Нарышкинымъ.

[2]) Мэстръ, графъ Жозефъ, р. 1754 г., французскій философъ, представитель ученія о церковномъ абсолютизмѣ, авторъ извѣстныхъ сочиненій «Soirées de St. Petersbourg, Etude sur la Souverenité» и т. д. Онъ былъ посланникомъ Савойскаго герцогства въ Петербургѣ съ 1803 по 1817 годъ. Онъ умеръ въ 1821 году.

лями ея въ музыкѣ были Фильдъ [1]) и Клементи [2]); она занималась много рисованіемъ и дѣлала значительные въ этомъ успѣхи. Она получила въ Эрмитажѣ особую комнату, гдѣ срисовывала многія знаменитыя картины итальянской школы съ особеннымъ тщаніемъ.

Такъ истекъ 1809 годъ, и 31-го декабря министры и прочіе сочлены получили приглашеніе явиться 1-го января къ открытію засѣданія Совѣта въ Императорскомъ дворцѣ.

Первое засѣданіе было одною простою формальностью. Государь открылъ его краткою вступительною рѣчью, обращенною къ членамъ. Я въ тотъ день получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ газетахъ былъ распубликованъ этотъ конституціонный статутъ.

Въ напыщенномъ манифестѣ, служившемъ ему введеніемъ, были изложены обычныя общія мѣста и упомянуто о неудавшихся до сего времени попыткахъ законодательства, а также о необходимости болѣе совершеннаго управленія. Старая тема, что начатое еще Петромъ I и продолженное его преемниками должно быть усовершенствовано въ настоящее время болѣе цѣлесообразно, повторялась съ новыми фразами и красивыми оборотами. Манифестъ возвѣщалъ еще, что проектъ первой части новой книги законовъ «благодаря помощи Всевышняго, къ великому нашему удовольствію уже законченъ и что послѣдующія части будутъ тѣмъ же порядкомъ закончены».

Этими словами признана была оффиціально, насколько возможно, и моя работа [3]).

Я только вкратцѣ изложилъ основныя черты новаго учрежденія. Кто прочтетъ положеніе о немъ со вниманіемъ или съ знаніемъ доселѣ существовавшаго учрежденія, тотъ скоро признаетъ мощную руку, касавшуюся различныхъ частей существующаго государственнаго организма,

---

[1]) Фильдъ, Джонъ, р. 1782 г., англійскій піанистъ и композиторъ, ученикъ Клементи, поразительно игравшій фуги Баха. Онъ имѣлъ необычайный успѣхъ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ окончательно поселился въ 1820 году и умеръ въ 1853 году.

[2]) Клементи, Муціо, р. 1752 г., извѣстный итальянскій піанистъ и композиторъ множества сонатъ и Gradus ad Parnassum. Жилъ преимущественно въ Лондонѣ и Петербургѣ. Онъ умеръ въ 1832 г.

[3]) Г. Розенкампфъ говоритъ о манифестѣ 1-го января 1810 (I П. С. З. №24064), которымъ возвѣщалось также, что первая часть гражданскаго уложенія окончена, а другія — постепенно и непрерывно за нею послѣдуютъ. При этомъ указывалось, что Государственный Совѣтъ обратитъ вниманіе: 1) на гражданское уложеніе, а затѣмъ на уголовное; 2) на различныя части, министерствамъ ввѣренныя, и главныя основанія общаго Наказа министерствамъ; 3) на положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ, которые требуютъ неукоснительно разсмотрѣнія и опредѣленія.

чтобы дать ему другой составъ и достигнуть, разорвавъ старое, поверхностнаго подражанія французской наполеоновской монархіи...

На этомъ прекращаются листки записокъ Розенкампфа, хранящіеся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Трудно рѣшить вопросъ, было ли написано Розенкампфомъ дальнѣйшее продолженіе этихъ листковъ. Быть можетъ, онъ не успѣлъ ихъ написать, а быть можетъ написанные листки испытали ту же участь, которой весьма часто подвергаются у насъ различные историческіе памятники и важные документы дорогаго нашего отечества. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что не имѣется дальнѣйшаго продолженія записокъ Розенкампфа, въ которыхъ ему предстояло говорить о паденіи Сперанскаго, о его возвращеніи въ Петербургъ и вторичномъ назначеніи въ коммиссію составленія законовъ, въ которой Розенкампфъ продолжалъ трудиться все время. Въ заключеніе нашей статьи считаемъ не лишнимъ сказать въ немногихъ словахъ о дальнѣйшей судьбѣ и дѣятельности Розенкампфа.

Необходимо прежде всего упомянуть, что еще въ 1809 году, вскорѣ послѣ завоеванія Финляндіи, для ближайшаго завѣдыванія ея дѣлами была учреждена въ Петербургѣ особая коммиссія, но скоро, 6-го ноября 1811 года, по предложенію Сперанскаго преобразованная въ комитетъ, который долженъ былъ разсматривать и подготовлять къ докладу дѣла, требовавшія высочайшаго утвержденія или разрѣшенія. Первымъ предсѣдателемъ этого комитета былъ извѣстный Густавъ-Морицъ Армфельдъ [1]), пользовавшійся большимъ расположеніемъ Александра I. Членомъ комитета былъ назначенъ также Розенкампфъ [2]), который и

---

[1]) Армфельтъ, Густавъ-Морицъ, р. въ 1757 г. въ Финляндіи, любимецъ короля шведскаго Густава III, участвовавшій въ заговорѣ противъ его преемника Карла XIII и бѣжавшій въ Россію. Позднѣе Армфельтъ былъ прощенъ Густавомъ IV, осыпанъ милостями, назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи въ 1805 г., но скоро навлекъ на себя неудовольствіе короля и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ радушно и возведенъ въ графское достоинство. Онъ сопровождалъ императора Александра I въ армію въ 1812 г., возбудилъ въ немъ мысль объ освобожденіи Польши и усердно работалъ на пользу своего отечества—Финляндіи, будучи президентомъ комитета по финляндскимъ дѣламъ. Онъ скоропостижно умеръ въ 1814 году. Сынъ его, графъ Александръ Армфельдъ, былъ долгое время статсъ-секретаремъ по дѣламъ Финляндіи.

[2]) Прочими членами этого комитета были Іоаннъ Аминовъ, Яковъ Хизингеръ и Карлъ Валлэнъ. Статсъ-секретаремъ комитета былъ Робертъ Ребиндеръ, горячій приверженецъ Финляндіи. Вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Николая I этотъ комитетъ по финляндскихъ дѣламъ былъ упраздненъ 17-го марта 1826 года, и оставленъ только одинъ статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ (каковымъ былъ Ребиндеръ до самой его кончины въ 1841 году), при которомъ была канцелярія для дѣлопроизводства.

занималъ это мѣсто до самаго упраздненія комитета въ 1826 году. Это назначеніе очень сблизило Розенкампфа съ Армфельдомъ (скоро впрочемъ скончавшимся, въ 1814 году), который находился съ нимъ въ интимной перепискѣ во время поѣздки своей съ императоромъ Александромъ I въ Вильно въ 1812 г., какъ это можно заключить изъ писемъ Армфельда къ Розенкампфу.

Въ томъ же 1811 г. Розенкампфъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [1]) и назначенъ предсѣдателемъ особаго комитета для устройства нерѣшенныхъ дѣлъ по Финляндіи.

Въ началѣ марта 1812 г. послѣдовало удаленіе Сперанскаго.

Князь Лопухинъ, которому, по предсѣдательству его во всѣхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, было ввѣрено императоромъ и управленіе коммиссіею составленія законовъ, передалъ на разсмотрѣніе означенной коммиссіи составленную Розенкампфомъ записку или, точнѣе, обозрѣніе о дѣйствіяхъ коммиссіи составленія законовъ отъ начала ея учрежденія, въ которомъ выражалась самая ожесточенная критика всѣхъ распоряженій и мѣръ Сперанскаго съ того времени, какъ она была ввѣрена его управленію. (Корфъ, ч. II, стр. 42).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лопухинъ поручилъ Розенкампфу, какъ старшему изъ начальниковъ отдѣленія, наблюденіе за производствомъ дѣлъ коммиссіи и за занятіями чиновниковъ, съ тѣмъ однако, чтобы представленія коммиссіи вносились къ нему, Лопухину, за подписаніемъ не только Розенкампфа, но и Тургенева (тогда помощника статсъ-секретаря Госуд. Совѣта). Не много позднѣе, 11-го мая, Розенкампфъ былъ назначенъ въ вновь учрежденный при коммиссіи составленія законовъ особый совѣтъ (состоящій изъ него, Тургенева и Дружинина). Этотъ совѣтъ замѣнялъ собою прежняго директора коммиссіи и учреждался съ цѣлью сохраненія единообразія въ дѣлопроизводствѣ. Въ этотъ совѣтъ поступали отъ начальниковъ отдѣленій всѣ ихъ проекты для внесенія въ Государственный Совѣтъ отъ Лопухина.

Такимъ образомъ Розенкампфъ явился однимъ изъ главныхъ руководителей работъ коммиссіи составленія законовъ.

Въ 1812 г., когда изыскивались средства всякаго рода для борьбы съ Наполеономъ, Розенкампфъ вмѣстѣ съ Армфельдомъ внесъ въ Госу-

---

[1]) Если припомнить, что Розенкампфъ, назначенный въ 1809 г. начальникомъ отдѣленія въ коммиссіи законовъ, былъ 1-го января 1810 г. награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени, а черезъ годъ произведенъ въ чинъ, то должно заключить, что онъ и въ глазахъ Сперанскаго выдавался по своимъ трудамъ изъ среды лицъ, служившихъ въ коммиссіи. Нежелательно допустить, чтобы Сперанскій, подъ начальствомъ котораго состояла въ то время коммиссія, представлялъ бы къ такимъ наградамъ лицъ безъ всякаго къ тому основанія.

дарственный Совѣтъ свой проектъ о земельныхъ облигаціяхъ [1]). При прочтеніи первой статьи этого проекта соединенные департаменты Совѣта замѣтили, что достаточно оной одной, дабы во всемъ народѣ возродить величайшее безпокойство, и что мѣры, въ запискѣ излагаемыя, произвести могутъ самыя вредныя впечатлѣнія. Проектъ этотъ былъ отклоненъ. По словамъ графа Мордвинова, писавшаго возраженіе на проектъ Розенкампфа, таковой представляетъ собою не что иное, какъ списокъ съ поземельныхъ мандатовъ, введенныхъ во Франціи въ 1790 г. (mandats territoriaux) и уничтоженныхъ въ 1797 году, въ самое лютѣйшее время французской революціи. Съ введеніемъ ихъ изчезла и цѣна монеты и способы исправленія оной. Правительство должно было объявить себя банкротомъ, и только хитрые выдумщики мандатовъ нажились. У насъ это не осуществилось. Воспрещеніемъ выпуска такихъ облигацій Россія спасена была отъ подобнаго бѣдствія и поставлена преграда похищенію за безцѣнокъ казенныхъ имѣній (Арх. графа Мордвинова, т. IV, стр. 147 и дал.). Розенкампфъ, будучи старшимъ членомъ Совѣта коммиссіи составленія законовъ, былъ также назначенъ въ 1812 г. помощникомъ статсъ-секретаря Энгеля въ департаментъ финансовъ Государственнаго Совѣта.

Работа по коммиссіи законовъ тѣмъ временемъ подвигалась, и она вскорѣ закончила подготовленную 3-ю часть гражданскаго уложенія и составила 1-ю часть устава гражданскаго судопроизводства и напечатала съ измѣненіями прежніе проекты уложенія торговаго и уголовнаго, а также сводъ указовъ къ двумъ первымъ частямъ гражданскаго уложенія. Въ воздаяніе неусыпныхъ трудовъ по коммиссіи составленія законовъ Розенкампфъ удостоился получить при рескриптѣ 4-го декабря 1812 г. изъ [2]) Карлсруе орденъ Св. Анны 1-й степени, а позднѣе, 13-го іюня 1817 г., онъ былъ вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ возведенъ въ баронское достоинство вел. кн. Финляндскаго, при чемъ ему данъ гербъ, въ золотомъ полѣ котораго помѣщались двѣ лавровыя вѣтви а между ними серебряный столбъ, увѣнчанный императорской короною, а на столбѣ доска со словомъ «законъ». При этомъ былъ девизъ: principi, legi, patriae (Царю, закону, отечеству) [3]).

Такая награда вызвала слѣдующія строки М. М. Сперанскаго въ

---

[1]) Надо замѣтить, что этотъ проектъ Розенкампфа и проектъ манифеста объ этихъ облигаціяхъ до насъ не сохранились; въ архивѣ Госуд. Совѣта имѣется одна обложка журнала 1812 г. № 1 (см. архивъ графа Мордвинова, т. IV, стр. 147).

[2]) См. Сборникъ истор. матер., извлеченныхъ изъ архива I отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, т. III, стр. 154.

[3]) См. россійская родословная книга князя Долгорукова, ч. III, стр. 380. Дѣтей Розенкампфъ не имѣлъ, какъ видно изъ этой родословной книги.

письмѣ его къ Столыпину изъ Пензы отъ 31-го іюля 1817 года: «правда, у васъ такъ много совершается невозможностей, что и мѣру теряешь, чего можно желать и чего нельзя. Напримѣръ, какъ можно было угадать, что Розенкампфъ будетъ возведенъ и съ племянникомъ его въ баронское достоинство. Правду говорятъ, что на милость образца нѣтъ». (См. «Рус. Архивъ», 1870 г., стр. 1143). Нельзя при этомъ не замѣтить, что Розенкампфъ не забывалъ своего начальника, находившагося въ опалѣ, и послалъ ему всѣ труды коммиссіи составленія законовъ при самомъ учтивомъ письмѣ, по словамъ самого же Сперанскаго. (См. «Рус. Архивъ» 1870 г., стр. 1181, письмо къ Столыпину 27-го марта 1817 г.).

Нельзя не упомянуть также, что Розенкампфъ составилъ новый штатъ коммиссіи составленія законовъ, который удостоился высочайшаго утвержденія 25-го февр. 1816 г. (1 П. С. З. № 26170). По этому штату при коммиссіи полагался Совѣтъ; однимъ изъ членовъ его былъ Розенкампфъ, и кромѣ того при ней находились прежніе ея корреспонденты.

Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи различныхъ проектовъ уложеній, внесенныхъ Розенкампфомъ, нашелъ необходимымъ, чтобы своды прежнихъ законовъ, находящіеся въ виду коммиссіи составленія законовъ, были приведены въ систематическій порядокъ и напечатаны по матеріямъ для большаго удобства разсмотрѣнія самихъ уложеній. Вслѣдствіе этого Розенкампфъ занялся составленіемъ «систематическаго свода существующихъ законовъ въ Россійской имперіи съ основаніями правъ, изъ оныхъ извлеченныхъ», который былъ напечатанъ и состоялъ изъ немалаго числа частей.

Кромѣ того Розенкампфъ съ 1817 г. издавалъ такъ называемый Журналъ законодательства, который выходилъ до 1819 года.

Вскорѣ послѣдовало возвращеніе Сперанскаго изъ ссылки въ 1821 году, при чемъ за отъѣздомъ князя Лопухина за границу Сперанскому поручено было управлять коммиссіей составленія законовъ. Это, конечно, не было особенно благопріятно Розенкампфу, ранѣе порицавшему всѣ дѣйствія Сперанскаго по означенной коммиссіи, и 13-го апрѣля 1822 г. послѣдовало увольненіе Розенкампфа изъ коммиссіи законовъ, на основаніи особаго указа на имя князя Лопухина.

Весьма часто удаленіе Розенкампфа изъ коммиссіи составленія законовъ объясняется крайнимъ нерасположеніемъ къ нему Сперанскаго и совершенною противоположностію взглядовъ его и Сперанскаго на законодательство и кодификацію. Но такое объясненіе является предположеніемъ, не имѣющимъ твердаго основанія и при томъ опроверга-

емымъ заявленіемъ самого Розенкампфа о причинахъ его удаленія [1]). Если бы причиною онаго являлся Сперанскій, то конечно Розенкампфъ упомянулъ бы объ этомъ. Между тѣмъ онъ не только не указываетъ этого, но даже ни словомъ не намекаетъ объ этомъ, онъ прямо говоритъ, что причиною удаленія его изъ коммиссіи законовъ является князь Лопухинъ и вотъ по какому поводу. Государственный Совѣтъ, при разсмотрѣніи внесенныхъ коммиссіею составленія законовъ проектовъ гражданскаго и уголовнаго уложенія, призналъ необходимымъ напечатать законодательные источники, служившіе основаніемъ для этихъ проектовъ, а также различные объяснительные къ нимъ проекты и предложилъ князю Лопухину привести это въ исполненіе.

Осуществленіе этого требовало не мало расходовъ, и князь Лопухинъ, отличавшійся вообще чрезмѣрнымъ сбереженіемъ казенныхъ денегъ, предложилъ Розенкампфу принять изданіе этого сборника на себя, съ тѣмъ условіемъ, что у него будетъ пріобрѣтено извѣстное количество экземпляровъ по опредѣленной цѣнѣ, чѣмъ и покроются всѣ издержки изданія и устройства необходимой для этого типографіи. Розенкампфъ на это согласился, въ виду полезности подобнаго изданія не только для законодательныхъ работъ, но и для чиновъ судебнаго вѣдомства. Вслѣдствіе сего и было сдѣлано княземъ Лопухинымъ надлежащее представленіе комитету министровъ, утвердившему это распоряженіе князя Лопухина, при чемъ цѣна каждаго тома въ 40—50 листовъ опредѣлена по 8 руб. за томъ. Въ то же время на Розенкампфа было возложено изданіе особаго періодическаго изданія, подъ названіемъ «Журналъ русскаго законодательства». Съ Розенкампфомъ было заключено условіе на изданіе въ 1820—21 годахъ этого систематическаго свода, въ размѣрѣ 12 томовъ, по 8 рублей каждый, при чемъ Лопухинъ обѣщалъ ему взять у него до 680 экземпляровъ, на сумму около 50.000 руб. Розенкампфъ приступилъ къ работамъ и къ устройству типографіи, затративъ на это весьма значительную часть своего состоянія, чтобы не задерживать принятую на себя работу, которую и окончилъ къ сроку. Между тѣмъ князь Лопухинъ, всячески заботясь о сбереженіи денегъ, не взялъ обѣщаннаго числа экземпляровъ, но гораздо меньшее, и платилъ за нихъ по частямъ, изъ процентовъ, получаемыхъ по сберегаемымъ суммамъ. Министръ же юстиціи князь Лобановъ-Ростовскій возбудилъ къ тому же вопросъ, не имѣется ли въ

---

[1]) Все нижеслѣдующее извлечено нами изъ рукописнаго сочиненія Розенкампфа на нѣмецкомъ языкѣ. Übersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peter des Grossen bis zum Tode Alexandre I, написаннаго имъ послѣ увольненія отъ службы и послѣ преобразованія коммиссіи составленія законовъ во II отдѣленіе соб. его императорскаго величества канцеляріи въ 1826 году.

систематическомъ сводѣ произвольныхъ вставокъ и добавленій. Уклоненіе князя Лопухина отъ исполненія своего обѣщанія побудило Розенкампфа изложить все это дѣло его величеству и просить объ увольненіи его изъ коммиссіи составленія законовъ [1]). Вслѣдствіе этого и состоялся высочайшій указъ Лопухину 13-го апрѣля 1822 года объ увольненіи Розенкампфа отъ должности старшаго члена коммиссіи составленія законовъ. При этомъ Розенкампфу никакой пенсіи назначено не было, но онъ продолжалъ получать по-прежнему содержаніе, оставаясь членомъ комитета по Финляндскимъ дѣламъ. Однако вскорѣ, въ 1826 году, и этотъ комитетъ былъ закрытъ, и Розенкампфъ, по его словамъ, остался безъ содержанія и безъ пенсіи. Онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, оставленный и забытый прежними знакомыми, гдѣ-то на Садовой ул. въ деревянномъ домѣ, довольно ветхой наружности, по словамъ Печорина, оставившаго намъ въ своихъ запискахъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ годахъ жизни Розенкампфа. Печоринъ приходилъ къ нему каждое утро въ 8—9 часовъ и садился съ нимъ за работу по историческимъ и филологическимъ изысканіямъ о Кормчей книгѣ, предпринятую по желанію канцлера графа Н. П. Румянцова.

Оба они, Розенкампфъ и Печоринъ, занимались вмѣстѣ до 4 часовъ, когда приходилъ старый, какъ лунь, парикмахеръ, причесывалъ посѣдѣлыя кудри барона, послѣ чего послѣдній отправлялся къ своей супругѣ, особѣ лѣтъ сорока не болѣе. Она была очень блѣдна, какое-то облако грусти висѣло на ея челѣ, но видны были слѣды прежней красоты; она нѣкогда блистала при дворѣ Александра I. Дѣтей у нихъ не было. Рѣдко кто заходилъ въ этотъ опальный домъ, въ которомъ господствовала оппозиція; всѣ дѣйствія новаго правительства были безпощадно порицаемы [2]). Окончивъ изслѣдованіе Кормчей книги, Розенкампфъ написалъ къ ней предисловіе и посвятилъ этотъ трудъ графу Румянцову [3]).

---

[1]) Розенкампфъ при этомъ ни слова не упоминаетъ о Сперанскомъ, который только всего нѣсколько мѣсяцевъ какъ вступилъ вновь въ сношенія съ коммиссіею. Сперанскому, какъ извѣстно, по возвращеніи его изъ Сибири было поручено заниматься трудами коммиссіи составленія законовъ, поступающими въ Государственный Совѣтъ, только въ 1821 году (ноября 3-го) и при томъ безъ всякаго участія въ управленіи означенною коммиссіею. Такимъ образомъ Розенкампфъ могъ находиться въ сношеніяхъ съ Сперанскимъ не болѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ, при чемъ Сперанскій вовсе не являлся начальникомъ его.

[2]) См. „Русскій Архивъ“ 1870 года, стр. 1334 и слѣд.

[3]) Этотъ трудъ изданъ въ 1829 г. Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при импер. Московск. университетѣ. Второе изданіе онаго сдѣлано Анастасевичемъ съ немалыми прибавленіями въ 1839 г. послѣ кончины Розенкампфа.

*

Самъ Розенкампфъ былъ большой почитатель канцлера графа Румянцова, какъ это можно заключить изъ письма его отъ 25-го апрѣля 1825 года къ кіевскому митрополиту Евгенію (см. сочиненіе Ивановскаго, «Госуд. канцлеръ графъ Румянцовъ»), съ которымъ Розенкампфъ находился въ перепискѣ, какъ это видно изъ сообщенія г. Шмурло въ журналѣ «Библіографъ», Лиссовскаго, 1889 г., стр. 64.

Вскорѣ послѣ этого занимаясь новымъ изданіемъ Обозрѣнія Кормчей книги, Розенкампфъ прилегъ отдохнуть и вскорѣ 16-го апрѣля 1831 года умеръ. Онъ погребенъ на кладбищѣ св. Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ.

Розенкампфъ умеръ въ великой бѣдности, такъ что не нашлось ста рублей на его похороны. Деньги, необходимыя на погребеніе, были выданы изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія. Вдова же его, баронесса Розенкампфъ, продала библіотеку покойнаго своего мужа и лучшую мебель, чтобы дать обычный послѣ погребенія обѣдъ духовенству, а затѣмъ она перебралась на маленькую квартиру и, по словамъ Погодина, умерла съ голода [1]).

Розенкампфъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго университета, а также членомъ: общества исторіи и древностей россійскихъ при означенномъ университетѣ, общества вольно-экономическаго въ Петербургѣ и Минералогическаго. Кромѣ упомянутаго Обозрѣнія Кормчей книги, онъ написалъ также на французскомъ языкѣ записку по поводу ссылки Сперанскаго, напечатанную въ полномъ объемѣ въ сочиненіи барона Корфа «Жизнь Сперанскаго» (т. II, стр. 31). Ранѣе этого Розенкампфъ составилъ еще записку о ходѣ финансоваго управленія. По словамъ барона Корфа («Жизнь Сперанскаго», т. II, стр. 42) Розенкампфъ оставилъ послѣ себя въ рукописи рядъ мемуаровъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, которыми пользовался баронъ Корфъ при составленіи біографіи Сперанскаго, но гдѣ таковые мемуары хранятся, въ настоящее время не извѣстно; въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки имѣются только отрывки этихъ мемуаровъ, нами выше помѣщенные, а также еще слѣдующія бумаги Розенкампфа: 1) Sur les basiliques—краткое обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ; 2) Materialien und Vorarbeitungen zur geschichtlichen Darstellung des russischen Kirchenrecht—матеріалы и предварительныя работы къ историческому изложенію русскаго церковнаго права; 3) Über den Ursprung des älteren russischen und nordischen Rechts—о происхожденіи древняго русскаго права.

Кромѣ этого имѣется переписка Розенкампфа съ различными лицами по поводу изслѣдованія о Кормчей книгѣ и описанія списковъ

[1]) См. Жизнь и труды Погодина—Н. Барсукова, т. II, стр. 35.

Кормчей книги. Розенкампфъ самъ упоминаетъ о слѣдующихъ своихъ литературныхъ трудахъ:

1) Essai sur la statistique de la Russie. Leipzig 1785 г. (Опытъ статистики Россіи).

2) Einzelne Abhandlungen über verschiedene juristische Gegenstände.

3) Materialien zur Liwländischen Bauerverfassung. Dorpat 1797 г. (Матеріалы по освобожденію крестьянъ въ Лифляндіи).

4) Über den Tarif (russischen) mit einer Vorrede von O. P. Kosodovleff. (О русскомъ тарифѣ съ предисловіемъ Козодавлева).

5) Übersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peters des Grossen bis zum Tode Alexander I,—дошедшее до насъ въ рукописи въ двухъ спискахъ.

П. Майковъ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

и

Россія шестнадцатаго вѣка.

X [1]).

Въ 1565 г., въ то время, когда война въ Ливоніи велась съ перемѣннымъ счастьемъ, на Швецію обрушились, одно за другимъ, два бѣдствія: въ январѣ мѣсяцѣ король датскій Фридрихъ II, желая изолировать эту державу, воспретилъ судамъ проходъ черезъ Зундъ, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ императоръ Максимиліанъ издалъ манифестъ, коимъ шведы обвинялись въ нарушеніи мира и въ союзѣ съ монархомъ варварской страны. Между тѣмъ представители нѣмецкихъ торговыхъ домовъ, которые вели дѣла съ Москвою, старались настроить общественное мнѣніе въ пользу Іоанна. Одинъ изъ нихъ, Вейтъ Зенге, повѣренный въ дѣлахъ герцога Баварскаго въ Любекѣ, утверждалъ, что Іоаннъ хвалился своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ и что онъ охотно далъ бы императору 30.000 своей отборной конницы и большую сумму денегъ для войны съ турками, за честь состоять съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ и получить отъ него орденъ, и не только отказался бы отъ Ливоніи, но даже подчинилъ бы православную церковь папской власти. По словамъ Зенге, это сближеніе, которое было чрезвычайно желательно съ точки зрѣнія всего христіанскаго міра, могло быть скрѣплено брачными узами: у

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1904 г.

Іоанна были сынъ и дочь на возрастѣ, а московскія красавицы могли плѣнить любаго нѣмецкаго принца.

Эти фантастичные планы обсуждались на германскихъ сеймахъ и не могли не повліять на рѣшеніе германскаго императора, который и безъ того былъ склоненъ къ нейтралитету.

Въ 1566 г. Магнусъ, тѣснимый шведами, сдѣлалъ попытку сблизиться съ Польшею, но высказалъ при этомъ чрезмѣрныя требованія: онъ просилъ руки одной изъ сестеръ Сигизмунда-Августа и выражалъ желаніе получить за нею въ приданое Ливонію. Сигизмундъ не придалъ его словамъ никакого значенія, а на слѣдующій годъ самъ повелъ войска въ Ливонію; но походъ былъ для поляковъ неудаченъ. Тѣмъ не менѣе русскіе, послѣ первыхъ же столкновеній съ ними, выразили желаніе начать переговоры о мирѣ, заключенія котораго Польша, съ своей стороны, страстно желала. Но Іоаннъ потребовалъ уступки Ревеля и Риги и завелъ въ то же время непріязненную переписку съ литовскими магнатами, — два обстоятельства, которыя не могли содѣйствовать мирному соглашенію.

Между тѣмъ въ Польшѣ полагали, что опричина должна была создать въ Москвѣ массу недовольныхъ, которые, подобно Курбскому, были готовы «отъѣхать» изъ ея предѣловъ и съ которыми, поэтому, было бы выгодно войти въ сношеніе, и до свѣдѣнія Іоанна дошло, что нѣкоторые изъ его бояръ получили письма отъ великаго гетмана литовскаго Ходкевича, отъ литовскихъ магнатовъ и отъ самого короля. Взволнованный и раздраженный этимъ, онъ созвалъ соборъ, который высказался единогласно противъ какихъ бы то ни было уступокъ въ Литвѣ. Пограничные литовскіе землевладѣльцы заявили, со своей стороны, рѣшительно, что они готовы скорѣе умереть, нежели уступить хотя бы клочекъ своей земли. Успокоенный съ этой стороны, царь самъ продиктовалъ отвѣты тѣмъ польскимъ панамъ, которые вступили въ переписку съ его подданными; и даже Сигизмундъ-Августъ, предлагавшій князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому великолѣпный удѣлъ въ Литвѣ, если онъ «отъѣдетъ» изъ Москвы, увидѣлъ, что значило предлагать подданнымъ царя подобнаго рода сдѣлки.

«У меня у самого достаточно земли»,—писалъ ему Бѣльскій, титулуя его братомъ;—«а вамъ лучше всего было бы уступить Литву моему царю, тогда вы были бы, по крайней мѣрѣ, спокойны, что сохраните верховную власть надъ Польшей и будете такъ же, какъ и я, подданнымъ наилучшаго изъ монарховъ».

Въ такомъ же духѣ были написаны, подъ диктовку царя, и прочіе отвѣты.

Въ это время дѣла приняли снова оборотъ благопріятный для Іоанна; Эрикъ согласился исполнить всѣ его требованія, не исключая выдачи

Екатерины, лишь бы царь предоставилъ ему полную свободу свести счеты съ Польшей. Дальманъ (Dahlman: Dissertatio de occasione foederum regis Erici XIV cum Russia, Упсала, 1783) утверждаетъ, на основаніи подлинныхъ дипломатическихъ актовъ, что король шведскій обсуждалъ въ 1566 г. вопросъ о возможности сдѣлать Іоанну эту уступку, но такъ какъ его совѣтники не соглашались на это, то онъ далъ своему посланнику Гюлленштерну повелѣніе упорствовать до послѣдней возможности, но все же уступить, ежели союзъ могъ быть заключенъ цѣною подобной уступки.

Такимъ образомъ Гюлленштернъ подписалъ 16-го февраля 1567 г., въ Александровской слободѣ, союзный договоръ, всѣ статьи коего были подчинены вышеупомянутому требованію.

Русскіе историки отзываются съ особеннымъ восторгомъ объ этомъ дипломатическомъ актѣ: безспорно, Іоаннъ прекрасно обезпечилъ имъ свои интересы; выговоривъ себѣ обладаніе Ригою, онъ могъ убить этимъ торговлю шведскаго Ревеля и лишалъ такимъ образомъ Польшу повода оспаривать Ливонію у Швеціи и Россіи, но всѣ выговоренныя этимъ преимущества были подчинены, быть можетъ, неосуществимому, но во всякомъ случаѣ постыдному условію: выдачѣ наслѣдницы Ягеллоновъ Екатерины. Іоаннъ настойчиво добивался осуществленія запавшей ему въ голову мысли, вопреки всякому благоразумію и всякой видимой возможности, ибо дѣло шло о женщинѣ замужней; это доказываетъ, что внутренній кризисъ, который переживала его страна, не поглощалъ всецѣло его мысли, какъ полагаютъ иные, и что упоенный злобою и кровью, онъ все же стойко преслѣдовалъ свои планы.

Къ счастью, договоръ, заключенный въ Александровской слободѣ, не могъ быть выполненъ: когда уполномоченные царя явились въ маѣ мѣсяцѣ 1567 г., въ Швецію для ратификаціи договора, то Эрикъ XIV не могъ принять ихъ, онъ былъ помѣшанъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1568 г. вступилъ на престолъ его братъ, Іоаннъ.

Женатый на Ягеллонской принцессѣ, выдачи которой такъ давно добивался Іоаннъ, новый шведскій король былъ естественнымъ союзникомъ Сигизмунда-Августа и силою вещей долженъ былъ стать во главѣ католиковъ, противниковъ протестантизма. Такимъ образомъ, Іоаннъ очутился лицомъ къ лицу со шведами и поляками, которые намѣревались дѣйствовать противъ него соединенными силами.

Но ключомъ къ Балтійскому морю оставалась по-прежнему Ливонія, въ которой Іоаннъ сохранилъ преобладающее положеніе и гдѣ ни поляки, ни шведы не могли нанести ему рѣшительнаго удара.

Продолжая съ преемникомъ Эрика XIV непріязненныя дѣйствія, Іоаннъ обмѣнялся съ нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, посольствами. Но шведскіе послы ничего не могли добиться въ Москвѣ, такъ какъ царь настаивалъ

по-прежнему на точномъ исполненіи договора 1567 г. Послы были задержаны въ Новгородѣ, затѣмъ ихъ повезли изъ Москвы въ Муромъ, изъ Мурома въ Клинъ и, если вѣрить ихъ донесеніямъ, то съ ними обращались какъ съ военноплѣнными, самымъ грубымъ и жестокимъ образомъ. Связавъ имъ за спину руки, ихъ водили по улицамъ, гдѣ толпа встрѣчала ихъ криками и свистомъ и грозила избить ихъ палками, если они не согласятся на всѣ требованія царя, не исключая и передачи въ его руки Екатерины. Ея супругъ, бывшій великій князь Финляндскій, несомнѣнно былъ живъ, ибо онъ царствовалъ, но Іоаннъ не хотѣлъ ничего знать и дѣлалъ видъ, что ему ничего не извѣстно: «мало-ли что говорятъ!»

Въ это время, кромѣ внутреннихъ смутъ, вызванныхъ его преобразованіями, царя волновала опасность, угрожавшая Москвѣ со стороны татаръ, которыхъ старалась натравить на него Польша. Всѣ усилія Іоанна были направлены къ тому, чтобы предотвратить ихъ нашествіе, но онъ тщетно посылалъ хану великолѣпные подарки и заискивалъ его дружбы. Польша, съ своей стороны, домогалась расположенія хана, который, будучи раздраженъ завоеваніемъ Казани и Астрахани, благоволилъ болѣе къ полякамъ.

Въ 1569 г. татары, соединясь съ турками, угрожали Астрахани, и Іоаннъ, желая умилостивить турецкаго султана, согласился снести возведенное, незадолго передъ тѣмъ, укрѣпленіе на Терекѣ. Тогда Селимъ II потребовалъ возврата Казани и Астрахани, настаивая на томъ, чтобы царь принялъ титулъ его вассала. Переговоры, само собою разумѣется, были прерваны, и въ маѣ мѣсяцѣ 1571 г. татары переправились черезъ Оку, не встрѣтивъ сопротивленія, и появились подъ стѣнами Москвы. Этотъ разъ Іоаннъ удалился, по обычаю предковъ, въ Серпуховъ, а оттуда въ Александровскую слободу и въ Ростовъ. Покинутая имъ столица была предана огню и мечу. Митрополитъ, запершись съ духовенствомъ въ Успенскомъ соборѣ, ожидалъ смерти, а князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, которому была поручена оборона столицы, задохнулся въ погребѣ, гдѣ онъ искалъ спасенія. Пощадивъ Кремль, татары отступили; но ханъ послалъ царю дерзкое письмо, въ которомъ онъ настойчиво требовалъ сдачи Казани и Астрахани. Приходилось смириться. Іоаннъ отвѣчалъ въ покорномъ тонѣ. Прося заключить перемиріе, онъ предлагалъ хану Астрахань, но въ то же время въ инструкціяхъ, посланныхъ Нагому, находившемуся въ Крыму, писалъ, что Астрахань будетъ управляться однимъ изъ сыновей хана, при которомъ будетъ состоять бояринъ, по назначенію царя.

Начались переговоры. Ханъ настаивалъ на безусловной сдачѣ Казани и Астрахани и такъ какъ переговоры затянулись, то онъ потребовалъ въ счетъ будущей дани 2.000 р., которые, по его словамъ, были

ему необходимы для покупки посуды и другихъ предметовъ по случаю какого-то семейнаго праздника. Но тѣмъ временемъ Іоаннъ успѣлъ принять мѣры: онъ быстро мобилизовалъ всѣ свои силы и подъ предлогомъ полнаго истощенія средствъ и разоренія, вызваннаго недавнимъ нападеніемъ татаръ, послалъ хану «200 рублей—все, что у него было подъ рукою». Мехмедъ-Гирей понялъ, что царь хотѣлъ только выиграть время, перешелъ снова Оку (въ 1572 г.), но, встрѣтивъ на Лопастѣ, въ 50 в. отъ Москвы, войска князя Михаила Ивановича Воротынскаго, былъ вынужденъ отступить, послѣ чего Іоаннъ сразу перемѣнилъ тонъ и отказался отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ уступокъ. Пережитое волненіе повергло царя въ страшное раздраженіе, котораго онъ былъ не въ силахъ побороть. Приписывая всю бѣду боярамъ, дѣйствовавшимъ яко бы заодно съ врагомъ, въ чемъ одинъ изъ нихъ, Мстиславскій, былъ вынужденъ признаться, царь многихъ казнилъ и сорвалъ свой гнѣвъ на злополучныхъ шведскихъ послахъ. «Если бы ему прислали Екатерину»,—говорилъ онъ,—«то все устроилось бы какъ нельзя лучше. Бракъ Іоанна съ этой полькой испортилъ все дѣло. Онъ былъ увѣренъ, что Екатерина овдовѣла, иначе онъ не подумалъ бы отнимать жену у мужа, мать у дѣтей. Но сдѣланнаго не воротишь».

На благополучный исходъ переговоровъ не было надежды, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ, какъ дошло до свѣдѣнія шведскаго короля, завязалъ сношенія съ Магнусомъ.

Онъ давно уже хотѣлъ назначить правителемъ Ливоніи одного изъ бывшихъ гросмейстеровъ Ливонскаго ордена, но такъ какъ Фюрстенбергъ и Кетлеръ отъ этого отказались, то онъ вспомнилъ о Магнусѣ.

Можно себѣ представить радость послѣдняго, когда къ нему явились, для переговоровъ отъ имени царя, два ливонскихъ перебѣжчика, Таубе и Крузе, и предложили ему, ни болѣе ни менѣе, какъ корону Ливоніи, подъ верховной властью царя. Для вида Магнусъ обратился за согласіемъ къ Фридриху II, увѣряя его, что новое королевство будетъ находиться въ зависимости отъ Даніи. Въ то же время онъ послалъ въ Москву своихъ уполномоченныхъ, которые вернулись со слѣдующими великолѣпными условіями: Іоаннъ объявлялъ престолъ Ливоніи наслѣдственнымъ въ семействѣ новаго короля, отказывался въ его пользу отъ всѣхъ сдѣланныхъ и будущихъ завоеваній въ Ливоніи, обѣщалъ помочь ему завоевать Ригу и другіе города, и все это подъ единственнымъ условіемъ,—служить въ его войскѣ въ военное время.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1570 г. Магнусъ отправился въ Москву со свитой изъ 400 человѣкъ и получилъ изъ рукъ Іоанна корону и невѣсту, родную племянницу царя, Евѳимію, которой послѣдній обѣщалъ дать въ приданое пять бочекъ золота.

Это былъ сонъ на яву! но таковымъ онъ и остался.

Первые шаги новаго ливонскаго короля были неудачны: рѣшивъ отнять у шведовъ Ревель, онъ двинулся во главѣ наемнаго войска и вспомогательнаго русскаго отряда, но былъ вынужденъ отступить послѣ продолжительной осады, распустивъ войско.

Между тѣмъ въ Польшѣ произошло непредвидѣнное и важное событіе: 7-го іюля 1572 г. скончался отъ простуды Станиславъ-Августъ—послѣдній изъ Ягеллоновъ.

Наслѣдіе, оставленное имъ въ Ливоніи и въ Польшѣ, породило не мало хлопотъ.

Политика, которую онъ велъ съ Кетлеромъ, со скандинавскими державами и съ крымскимъ ханомъ, была успѣшна; союзъ, заключенный съ Литвою противъ Москвы, также могъ считаться побѣдою; но борьба, возгорѣвшаяся въ это время въ католической Польшѣ съ протестантствомъ и диссидентами, вызвала въ средѣ православнаго населенія присоединенныхъ къ Польшѣ земель противодѣйствіе, которое побуждало его тяготѣть къ Москвѣ. Дѣятельная проповѣдь іезуитовъ, основавшихся въ Виленскомъ епископствѣ, еще болѣе разжигала страсти; когда же они распространили свою дѣятельность на Ливонію, то это породило новое осложненіе. Блокада Нарвы, при отсутствіи флота, была фиктивной, но создавала недоразумѣнія съ сосѣдними морскими державами, а при недостаткѣ регулярнаго войска, трудно было разсчитывать нанести пораженіе болѣе многочисленнымъ силамъ Іоанна. Поэтому, тотчасъ послѣ кончины Сигизмунда-Августа, въ Литвѣ и главнымъ образомъ въ Польшѣ возникла мысль обезпечить странѣ болѣе прочныя блага, нежели сулилъ ей самый выгодный миръ съ Москвою.

Польско-литовскій посланникъ, Воропай, прибывшій въ Кремль, чтобы возвѣстить царю о кончинѣ Станислава-Августа, сообщилъ ему о желаніи поляковъ и литовцевъ имѣть королемъ его сына Ѳеодора.

Само собою разумѣется, это желаніе не было единодушно и даже, быть можетъ, вполнѣ искренно; это былъ скорѣе компромиссъ, на который согласилось большинство вліятельныхъ избирателей въ виду невозможности предложить корону самому Іоанну.

Въ Польшѣ, такъ же точно, какъ въ Литвѣ, магнаты были противъ избранія Іоанна, такъ какъ оно было несовмѣстимо съ ихъ олигархическими стремленіями.

Тѣ же причины заставляли шляхту оказывать предпочтеніе Іоанну. По крайней мѣрѣ въ Польшѣ шляхта говорила съ восторгомъ объ его кандидатурѣ. Нельзя допустить, чтобы ей былъ неизвѣстенъ характеръ Грознаго, ибо въ избирательныхъ манифестахъ подробно обсуждались качества и недостатки Іоанна, и упоминалось объ опричинѣ.

Поляки имѣли всѣ свѣдѣнія отъ Курбскаго и другихъ перебѣжчиковъ, они хорошо знали, что Іоаннъ былъ строгъ и немилосердъ, но,

думали они, въ Московіи онъ имѣлъ дѣло съ подданными, которые своимъ измѣнническимъ образомъ дѣйствій оправдывали его поведеніе. Иное дѣло въ Польшѣ, гдѣ избиратели обезоружили бы его гнѣвъ своей лояльностью и гдѣ его нравъ смягчился бы отъ соприкосновенія съ высшей культурою. Въ лицѣ Іоанна Польша имѣла бы царя твердаго, энергичнаго, смѣлаго и предпріимчиваго. Словомъ, поляки были отъ него заранѣе въ восторгѣ и, какъ засвидѣтельствовали посланные Іоанна, въ Варшавѣ уже подражали русскимъ въ одеждѣ, экипажахъ и сбруѣ [1]).

Въ Литвѣ не замѣчалось въ этомъ случаѣ подобнаго единодушія. Получивъ недавно льготы, привилегіи и вольности, коими пользовалась Польша, литовская шляхта боялась утратить ихъ, но, съ другой стороны, она находилась еще подъ впечатлѣніемъ взятія Іоанномъ Полоцка и колебалась между боязнью имѣть его своимъ монархомъ или своимъ врагомъ; даже магнаты соглашались съ тѣмъ, что избраніе Іоанна будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ продолжить перемиріе, между тѣмъ въ глубинѣ души они надѣялись, что избраніе его не состоится. Какъ бы то ни было, на сторонѣ Іоанна было большинство, и надобно признать, что въ этомъ случаѣ политическій смыслъ и широта взглядовъ оказались на сторонѣ шляхты, которая, приступивъ къ реформѣ народныхъ учрежденій, надѣялась довести ее до конца при содѣйствіи грознаго, но могущественнаго царя, котораго она призывала на престолъ, въ надеждѣ создать при его помощи обширную славянскую монархію, достаточно могущественную для того, чтобы выполнить историческую задачу, которую, въ отдѣльности, не могли взять на себя ни Москва, ни Польша.

Іоаннъ выслушалъ Воропая благосклонно.

— Но почему же поляки хотятъ избрать Ѳеодора?—сказалъ онъ,—это только упрочитъ соперничество двухъ странъ.

Онъ долго и пространно развивалъ свою мысль, жаловался на преступныя дѣйствія бояръ и доказывалъ, что было бы предпочтительнѣе соединить обѣ короны въ рукахъ одного лица.

— Разумѣется, поляки не могли бы сдѣлать ему столько зла, какъ его бояре, и предать его,—говорилъ царь, поэтому и онъ относился бы къ нимъ иначе, уважалъ бы ихъ привилегіи и вольности и даже увеличилъ бы ихъ. Но если Польша не хочетъ имѣть его королемъ, то онъ все-таки готовъ заключить съ нею миръ, согласенъ даже возвратить ей Полоцкъ, если ему будетъ предоставлена Ливонія вплоть до Двины.

Важнѣе всего, по словамъ Іоанна, было заключить миръ и рѣшить вопросъ о границахъ; только это одно и было важно; избраніе Ѳеодора не дало бы возможности покончить этого вопроса.

---

[1]) Сборн. имп. ист. общ., т. LXXI, стр. 763.

Польскіе и литовскіе магнаты отлично понимали это; поэтому они и остановились на мысли объ избраніи Ѳеодора, въ надеждѣ, что оно не состоится, такъ какъ оно не представляло никакихъ выгодъ. Но въ виду того, что большинство избирателей настаивало на своемъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Москву явился новый польско-литовскій посолъ, Михаилъ Гарабурда, съ предложеніемъ, чтобы Іоаннъ либо самъ принялъ корону, либо предоставилъ ее своему сыну. Этотъ разъ предложеніе было обставлено извѣстными условіями, о коихъ Воропай не упоминалъ, а именно поляки требовали исправленія границъ, въ силу котораго къ Польшѣ должны были отойти кромѣ Полоцка Смоленскъ и Усвятъ.

Іоаннъ былъ далекъ отъ мыслей, что ему надобно было просить поляковъ о своемъ избраніи, а тѣмъ болѣе вознаграждать ихъ за это. Развѣ онъ нуждался въ Польшѣ? Напротивъ, Польшѣ нуженъ былъ подходящій король. Если она избирала его, то ей слѣдовало просить и изъявить покорность, какъ дѣлали всѣ тѣ, кои просили царя о какой-нибудь милости. Таковъ былъ его отвѣтъ Гарабурдѣ.

Но такъ какъ предложеніе поляковъ понравилось ему, то онъ далъ наконецъ посланному согласіе исполнить ихъ желаніе, но на слѣдующій же день вернулъ Гарабурду съ дороги и заявилъ рѣшительно, что союзъ Польши и Москвы возможенъ только подъ его скипетромъ и что, такъ какъ онъ долженъ доставить выгоды обѣимъ сторонамъ, то Польша получитъ Полоцкъ и Курляндію, а Россія—Ливонію и Кіевъ. Кромѣ того титулъ «царь всея Россіи» будетъ писаться впереди королевскаго титула.

Требованія Іоанна были чрезмѣрны, но, быть можетъ, онъ понялъ своимъ проницательнымъ умомъ, чего именно добивались польскіе магнаты, торгуясь съ нимъ изъ-за короны. Вѣроятно, ему было ясно, что они старались только выиграть время, дабы непріязненныя дѣйствія не возобновились во время междуцарствія.

По пути Гарабурду нагналъ гонецъ Іоанна, везшій въ Польшу новыя, еще болѣе неподходящія условія.

Въ Варшавѣ полагали, что Іоаннъ приметъ католическую вѣру, между тѣмъ царь заявлялъ, что его будетъ короновать въ Варшавѣ митрополитъ, безъ участія польскихъ епископовъ, которые не будутъ даже допущены присутствовать при церемоніи; кромѣ того онъ предоставлялъ себѣ право выстроить въ Польшѣ столько православныхъ церквей, сколько онъ пожелаетъ, а на старости лѣтъ удалиться въ монастырь.

Несмотря на предъявленныя царемъ требованія, шляхта упорно стояла за своего кандидата. Но рѣчь, произнесенная царскимъ посланнымъ въ Варшавѣ, которая дала полякамъ понятіе о высокомѣрномъ и неуступчивомъ характерѣ царя, испортила все дѣло, и на польскій

престолъ былъ избранъ Генрихъ Валуа. Его избраніе было для Іоанна весьма чувствительнымъ ударомъ, такъ какъ оно перепутало всѣ политическія отношенія.

Въ оцѣнкѣ созданнаго этимъ положенія Іоаннъ выказалъ вполнѣ вѣрный взглядъ и истинно политическій умъ; съ Польшею въ данное время ему не было надобности считаться.

Вновь избранному королю было, на первыхъ порахъ, безъ того не мало дѣла, въ Ливоніи же командующій польскими силами располагалъ всего 200 чел. кавалеріи и тщетно ожидалъ присылки 3.000 флориновъ для уплаты имъ жалованія.

Прекрасно освѣдомленный и вполнѣ владѣвшій собою, царь рѣшилъ сдѣлать сначала то, что было всего неотложнѣе, и поставилъ себѣ задачею сокрушить прежде всего силы шведовъ въ Эстоніи. «Очередь поляковъ настанетъ послѣ»,—думалъ онъ; поэтому, совершивъ угрожающее движеніе на границѣ Литвы, царь изъявилъ согласіе вступить съ новымъ королемъ польскимъ въ переговоры о продленіи перемирія и высказалъ даже готовность идти на уступки, какъ вдругъ бѣгство Генриха Валуа изъ Варшавы разрушило всѣ его планы.

Польшѣ предстояло избрать новаго короля.

Іоаннъ не могъ не интересоваться новыми выборами, точно такъ же, какъ и поляки и литовцы не могли не возобновить съ нимъ игры, которая однажды удалась имъ. Теперь дѣло представлялось въ еще болѣе благопріятномъ свѣтѣ, такъ какъ, подъ вліяніемъ католической пропаганды, озлобившей мѣстное населеніе, и военной демонстраціи, совершенной русскими войсками, число сторонниковъ Москвы въ Литвѣ и въ русскихъ провинціяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, возросло, тѣмъ болѣе, что и Магнусъ не дремалъ въ Ливоніи.

Іоаннъ поступилъ съ этимъ искателемъ приключеній не особенно хорошо, хотя онъ и женилъ его, 12-го апрѣля 1573 г., на одной изъ своихъ племянницъ, Маріи Владиміровнѣ, сестрѣ Евеиміи, скончавшейся до вступленія въ бракъ. На бракосочетаніи, совершенномъ съ большою торжественностью, царь, стоя на клиросѣ, самъ управлялъ пѣвчими, помахивая своимъ посохомъ съ желѣзнымъ наконечникомъ, вмѣсто дирижерской палочки, и отбивая ею время отъ времени тактъ по головѣ пѣвчихъ. Но обѣщанное приданое—пять бочекъ золота и все остальное, такъ и осталось обѣщаніемъ. Живя въ маленькомъ городѣ Каркузѣ, на весьма скромныя средства, Магнусу приходилось добыть денегъ и королевскую корону, которой онъ все еще не получилъ.

Отказавшись отъ мысли овладѣть хорошо укрѣпленными шведскими крѣпостями, онъ напалъ съ отрядомъ татаръ и нѣмецкихъ войскъ на польскія земли и угрожалъ Пернову и Ригѣ. Это послужило польскимъ и литовскимъ магнатамъ новымъ поводомъ настаивать на избра-

ніи Іоанна и «забавлять» своего грознаго московскаго сосѣда приманкою короны, а шляхта говорила: «пусть будетъ хоть Ѳеодоръ, хоть Ягеллонъ,—было бы намъ хорошо».

Донесенія папскаго нунція, Викентія Лаурео, подтверждаемыя свидѣтельствомъ хорошо освѣдомленныхъ датскихъ агентовъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно намѣреній шляхты, но Іоаннъ не съумѣлъ воспользоваться ими, такъ какъ онъ не зналъ достаточно хорошо почвы, на которой ему приходилось дѣйствовать. Онъ не понималъ огромной разницы, существовавшей въ условіяхъ политической жизни Польши и Москвы. Введенный въ заблужденіе высказаннымъ поляками желаніемъ имѣть его своимъ королемъ и объясняя это, какъ монархъ полуазіатской страны по-своему, Іоаннъ не подумалъ послать въ Варшаву посольство, которое привлекло бы на его сторону избирателей, а сталъ ожидать посольства изъ Польши, и поляки были чрезвычайно изумлены, когда на предварительномъ избирательномъ сеймѣ, происходившемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1575 года, появился простой царскій гонецъ, который не былъ уполномоченъ Іоанномъ сдѣлать какія бы то ни было предложенія отъ имени царя и дать какія бы то ни было обѣщанія. Они надѣялись, что посольство явится, по крайней мѣрѣ, на сеймъ. Примасъ Ушанскій, стоявшій во главѣ правленія во время междуцарствія, былъ увѣренъ въ томъ, что царь объявитъ о своемъ намѣреніи принять католическую вѣру, и поэтому горячо поддерживалъ мысль объ избраніи Іоанна и даже послалъ ему образцы писемъ, которыя онъ долженъ былъ разослать наиболѣе значительнымъ магнатамъ.

Депутаты и сенаторы, со своей стороны, съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія московскихъ пословъ и выслали имъ навстрѣчу гонцовъ, но были весьма разочарованы, когда, въ концѣ концовъ, отъ Іоанна было получено высокомѣрное письмо, въ которомъ онъ обѣщалъ прислать «со временемъ» посольство изъ второстепенныхъ лицъ, какъ подобало въ отсутствіе монарха.

Что же произошло въ это время въ Москвѣ? Ожидаемое поляками посольство было отправлено еще въ августѣ мѣсяцѣ 1575 г. и должно было прибыть на сеймъ своевременно. Послу Лукѣ Захарьевичу Новосильцову было поручено хлопотать объ избраніи Ѳеодора и поддержать его кандидатуру обѣщаніями денежныхъ подарковъ и наградъ знатнѣйшимъ магнатамъ. Но посольство было задержано по пути, по повелѣнію царя, который вздумалъ послать одновременно своего довѣреннаго человѣка, Скобельцына, въ Вѣну, съ порученіемъ вывѣдать мысли императора относительно совмѣстныхъ дѣйствій съ цѣлью завладѣть наслѣдіемъ Станислава-Августа. Такъ какъ вакантный престолъ не былъ предложенъ царю, на желательныхъ для него условіяхъ, и по-

ляки и литовцы не спѣшили преподнести ему корону на золотомъ блюдѣ, то Іоаннъ, дѣлая видъ, что онъ готовъ уступить ихъ желанію, былъ занятъ мысль о раздѣлѣ «выморочнаго имущества».

Однимъ изъ кандидатовъ на польскій престолъ былъ сынъ императора, Эрнестъ, который, по мнѣнію Іоанна, могъ взять себѣ Польшу, между тѣмъ какъ Іоаннъ, отказавшись отъ соисканельства польской короны, взялъ бы себѣ Литву.

Скобельцынъ вернулся изъ Вѣны ни съ чѣмъ: императоръ полагалъ, что дѣло могло быть улажено безъ посторонняго вмѣшательства. Но затѣмъ, до Іоанна дошло извѣстіе, что въ Вѣнѣ раскаивались по поводу нелюбезнаго пріема, оказаннаго его посланному, и что въ Москву было отправлено посольство. Поэтому Новосильцову было приказано не спѣшить въ Варшаву, а выждать результата переговоровъ.

Но рѣшая по своему личному усмотрѣнію вопросъ, въ которомъ его самодержавная власть была безсильна, Іоаннъ ошибся въ разсчетѣ. Сеймъ не сталъ ожидать. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1575 г. депутаты высказались рѣшительно противъ московскаго кандидата, и избранными оказались одинаковымъ числомъ голосовъ Стефанъ Баторій и Максиміліанъ.

Это еще давало Іоанну надежду на осуществленіе его плана; но переговоры, начатые съ императорскими посланными въ Можайскѣ въ январѣ 1576 г., не привели ни къ чему. Максиміліанъ не только не постарался упредить Баторія въ Польшѣ, но упорно настаивалъ на кандидатурѣ своего сына Эрнеста и просилъ царя поддержать ее, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы изъ Ливоніи были выведены русскія войска, за что онъ предлагалъ Іоанну Константинополь и восточную имперію!

Іоаннъ попытался еще разъ поправить дѣло.

Онъ разослалъ польскимъ и литовскимъ магнатамъ письма, совѣтуя первымъ избрать Эрнеста, подъ страхомъ жестокаго возмездія, если они отдадутъ предпочтеніе кандидату султана, Баторію, а вторымъ онъ предлагалъ избрать королемъ польскимъ или литовскимъ его, Іоанна. Новосильцовъ, которому было приказано продолжать путь, поддержалъ царя въ его заблужденіи, сообщивъ ему, что Ходкевичъ и Радзивиллъ заявляли, что они не желаютъ имѣть королемъ Баторія, и подали голосъ за Максиміліана съ отчаянія, видя, что царь не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы добиться престола. Получивъ это извѣстіе, Іоаннъ рѣшилъ, что все находится еще въ его власти. Неудивительно, что онъ ошибся, ибо даже нунцій Лаурео писалъ въ Римъ, что при новыхъ выборахъ, которые были неизбѣжны въ виду того, что голоса раздѣлились, избраніе русскаго царя было почти обезпечено, такъ какъ поляки ненавидѣли Эрнеста. Какъ бы то ни было, Максиміліану и Іоанну было не-

обходимо спѣшить; между тѣмъ императоръ терялъ драгоцѣнное время въ переговорахъ съ поляками, а царь послалъ въ Вѣну князя Захара Ивановича Сугорскаго, чтобы возобновить переговоры, начатые въ Можайскѣ; Баторій же, въ это время, поспѣшилъ въ Варшаву и короновался.

Но Іоаннъ и тутъ не потерялъ надежды и предложилъ императору дѣйствовать совмѣстно противъ «похитителя престола». Но съ Максиміліаномъ трудно было сговориться, точно такъ же, какъ и съ его преемникомъ Рудольфомъ, вступившимъ на престолъ въ томъ же, 1576 г., послѣ кончины Максиміліана. Какъ бы то ни было, о переизбраніи короля уже не могло быть рѣчи: Іоаннъ оставилъ мечты и со свойственной ему проницательностью постарался воспользоваться обстоятельствами.

Желая имѣть свободу дѣйствій въ Польшѣ, онъ рѣшилъ прекратить непріязненныя дѣйствія со Швеціей и согласился заключить съ нею миръ, коимъ были пріостановлены военныя дѣйствія въ Финляндіи и въ Новгородской области. Сосредоточивъ всѣ свои силы въ Ливоніи, царь осадилъ Перновъ—важный стратегическій пунктъ, при взятіи котораго русскіе потеряли 7.000 человѣкъ. Вслѣдъ за Перновомъ сдалось еще нѣсколько городовъ. Тогда Іоаннъ вернулся къ своему первоначальному плану, заключавшемуся въ томъ, чтобы покончить сперва со шведами, и, оставивъ поляковъ въ покоѣ, двинулся въ Эстляндію.

Весною 1576 г. русскимъ сдались, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, безъ сопротивленія Лоде, Фикель, Гапсаль. Въ послѣднемъ, въ день капитуляціи, жители устроили банкеты и танцы.

«Странный народъ, эти нѣмцы!—говорили русскіе. Если бы намъ пришлось сдать безъ нужды такой городъ, намъ совѣстно было бы взглянуть въ глаза честному человѣку, да и царь не зналъ бы, какъ казнить насъ».

Въ 1577 г. русскіе подъ начальствомъ князя М. Ф. Мстиславскаго и И. В. Шереметева появились подъ стѣнами Ревеля, но послѣ шестинедѣльной осады вынуждены были отступить. Шведы оборонялись геройски. Шереметевъ поклялся взять городъ или умереть: онъ былъ убитъ. Увидавъ, что со Швеціей трудно справиться, Іоаннъ рѣшилъ долѣе не упорствовать и вмѣсто того, чтобы осадить вторично Ревель, напалъ неожиданно на польскую Ливонію и не встрѣтилъ никакого сопротивленія, вся страна была вскорѣ въ его рукахъ.

Неудачи, испытанныя въ Варшавѣ и подъ стѣнами Ревеля, привели Іоанна въ бѣшенство, и онъ учинилъ въ Ливоніи суровую расправу. Въ Леневарденѣ онъ приказалъ вырвать глаза старику маршалу Гаспару фонъ-Мюнстеру, послѣ чего велѣлъ засѣчь его до смерти. Ко-

менданты прочихъ крѣпостей были четвертованы, посажены на колъ, изрублены въ куски.

Дошедшіе въ это время до Іоанна слухи о новыхъ подвигахъ Магнуса повергли его въ страшное озлобленіе. Онъ подозрѣвалъ его въ сношеніяхъ съ поляками. Это оказалось невѣрно, но когда ливонцамъ пришлось выбирать между Магнусомъ и царемъ, то они не задумались избрать меньшее зло; Магнусъ воспользовался этимъ и сталъ дѣйствовать въ Ливоніи какъ полновластный хозяинъ страны и король.

Онъ быстро занялъ своимъ войскомъ многіе города и заявилъ желаніе, чтобы русскіе не тревожили его «вѣрныхъ подданныхъ». Іоаннъ поспѣшилъ въ Кокенгузенъ, казнилъ пятьдесятъ человѣкъ нѣмцевъ изъ свиты «короля» и приказалъ послѣднему прибыть къ нему. «Повинуйся или убирайся туда, откуда пришелъ» заявилъ онъ Магнусу. «Мы недалеко другъ отъ друга, и у меня хватитъ солдатъ и сухарей». Несчастный Магнусъ попытался вступить въ переговоры; Іоаннъ приказалъ высѣчь присланныхъ имъ парламентеровъ и повторилъ свое приказаніе. На слѣдующій день Магнусъ былъ у его ногъ.

«Дуракъ!—закричалъ, царь увидя его,—нищій, принятый мною въ мою семью, котораго я обулъ, одѣлъ; ты вздумалъ противиться мнѣ!» Онъ приказалъ запереть его и продержать нѣсколько дней въ избѣ, на соломѣ; затѣмъ повезъ его въ Дерптъ, гдѣ Магнусъ ожидалъ казни, но, вопреки всякимъ ожиданіямъ, былъ помилованъ.

Полагая, что дѣло съ поляками было покончено и что ему остается только вести переговоры со шведами, Іоаннъ жестоко ошибся. Ему слѣдовало поступить наоборотъ. Въ началѣ Баторій не отказался бы вѣроятно войти съ нимъ въ соглашеніе: такъ какъ въ моментъ его восшествія на польскій престолъ составился заговоръ, съ цѣлью возвести его на венгерскій престолъ, который въ глазахъ этого искателя приключеній, безъ сомнѣнія, стоилъ Ливоніи. Напавъ на Ливонію, Іоаннъ лишилъ его свободы выбора; «король польскій» не могъ не отплатить ему за это; иначе его дальнѣйшее пребываніе въ Варшавѣ сдѣлалось бы немыслимымъ.

Война съ Іоанномъ была для Баторія неизбѣжна.

Въ оправданіе Іоанна можно сказать, что ни прошлое Польши, ни предъидущая карьера ея новаго короля не давали возможности предугадать, что онъ перейдетъ изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и обрушится, подобно урагану, на Москву въ тотъ моментъ, когда она еще не успѣла справиться съ тяжелымъ внутреннимъ кризисомъ, который переживала въ ту пору страна.

XI.

Война съ Ливоніей и вызванныя ею дипломатическія осложненія и переговоры, которые вынудили Іоанна войти въ сношеніе съ западными державами, оживили умственное движеніе, начавшееся въ Московскомъ государствѣ при его вступленіи на престолъ.

Еще при отцѣ Грознаго, въ Москвѣ возникла Нѣмецкая слобода; поселившіеся въ ней поляки и литовцы очень скоро слились съ остальнымъ населеніемъ; послѣ побѣдоносныхъ войнъ Іоанна, въ Москвѣ появился новый контингентъ иностранцевъ: то были военноплѣнные и невольные переселенцы, подобранные на поляхъ битвы или увезенные силою изъ ливонскихъ городовъ и селъ. Предмѣстье, въ которомъ они были поселены, на правомъ берегу Яузы, сдѣлалось средоточіемъ западной образованности и разсадникомъ людей, игравшихъ впослѣдствіи видную роль въ исторіи Россіи. Многіе изъ ливонцевъ, обитавшихъ въ этой слободѣ, были впослѣдствіи приближенными къ царю лицами и принимали дѣятельное участіе въ дипломатическихъ переговорахъ.

Англійскіе мореплаватели, высадившіеся въ 1554 г. на берегу Бѣлаго моря, открыли европейскому вліянію новый доступъ въ Россію; въ то же время русскіе стали посѣщать Европу, и ихъ паломничества на востокъ, которыя предпринимались ранѣе исключительно съ религіозной цѣлью, приняли иной характеръ.

Москва выходила, мало-по-малу, изъ берлоги, въ которой она дремала въ теченіе пяти вѣковъ.

Вліяніе Европы, проникавшее разными путями въ Москву 16-го вѣка, отразилось на ней различно. Въ высшемъ, наиболѣе доступномъ иноземному вліянію классѣ, среди начитанныхъ бояръ, самымъ яркимъ представителемъ коихъ былъ Курбскій, оно вызвало склонность къ критикѣ, къ свободѣ, къ отстаиванію личныхъ правъ, что привело неизбѣжно къ столкновенію его съ самодержавной властью, которая въ то же самое время развивалась и крѣпла.

Между тѣмъ царь почерпалъ въ урокахъ, которые преподавалъ ему западъ, практическія указанія для преобразованія образа правленія на болѣе современныхъ, но отнюдь не либеральныхъ началахъ.

Возникшее въ то время въ Московскомъ государствѣ двоякое религіозное и умственное теченіе соотвѣтствовало антагонизму политическихъ идей. Между тѣмъ какъ Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи проповѣдывали византійскую доктрину неограниченной самодержавной власти, приверженцы древнихъ вольностей встрѣтили поддержку со стороны «заволжскихъ старцевъ». Представители политической и религіозной оппозиціи сошлись въ вопросѣ объ ограниченіи царской власти: одни изъ нихъ требовали, чтобы боярамъ было предоставлено право

участвовать въ совѣтѣ царя, другіе настаивали на участіи въ этомъ совѣтѣ духовныхъ іерарховъ.

Положеніе, занятое по отношенію къ этому вопросу Іоанномъ, сложилось частью подъ давленіемъ историческихъ традицій, частью подъ вліяніемъ личнаго характера самого царя.

Возможно ли считать Грознаго, этого типическаго представителя неограниченной и сильно централизованной монархической власти, тѣмъ разочарованнымъ идеалистомъ, каковымъ представляютъ его себѣ нѣкоторые славянофилы, который, въ порывѣ отчаянія, разрушалъ собственноручно все то, что ему не удавалось преобразовать, доходилъ до изступленія при видѣ нагроможденныхъ имъ развалинъ и опьянялся картинами разрушенія и убійствъ?

Безъ сомнѣнія, Іоаннъ былъ опьяненъ кровью и доходилъ, быть можетъ, иногда до умоизступленія, но несомнѣнно также, что его политика и его личность не всегда вызывали порицаніе, но имѣли и горячихъ поклонниковъ. Дѣятельность его не прошла безслѣдно; нѣкоторыя изъ его реформъ придаютъ донынѣ политическому строю Россіи и ея соціальной организаціи тотъ своеобразный отпечатокъ, коимъ она отличается отъ прочихъ государствъ Европы.

Точно также въ немъ нельзя видѣть трагическаго актера, любителя эффектныхъ драматическихъ положеній, какимъ рисуетъ его Константинъ Аксаковъ, или низменнаго и пошлаго деспота, какимъ изобразилъ его Костомаровъ, или, наконецъ, маніака, причисленнаго Михайловскимъ къ разряду самыхъ заурядныхъ психопатовъ. Унаслѣдовавъ отъ предковъ государство съ обветшалымъ административнымъ строемъ, но вступившимъ уже на путь прогресса и преобразованій, Іоаннъ старался уничтожить остатки обветшалой удѣльной системы, сохраняя, однако, все то, что соотвѣтствовало требованіямъ современной жизни. Онъ былъ глубоко проникнутъ взглядами своихъ духовныхъ учителей: Іосифа Волоцкаго и Вассіана Топоркова, которые учили, что его власть происходитъ отъ Бога, что она должна находиться безраздѣльно въ его рукахъ, должна быть безгранична и безконтрольна; при этомъ онъ былъ отъ природы раздражителенъ, жестокъ, обладалъ пылкимъ, необузданнымъ воображеніемъ, живымъ, проницательнымъ, но неуравновѣшеннымъ и безпокойнымъ умомъ, склоннымъ къ преувеличеніямъ и крайностямъ.

Все это отражалось на выработанномъ имъ представленіи о прерогативахъ царской власти. По понятію Іоанна, его роль была очень высока, и все должно было подчиняться ему. Встрѣчая противодѣйствіе, онъ сокрушалъ его, такъ же точно, какъ и его предки, но такъ какъ онъ встрѣчалъ болѣе сильное сопротивленіе, то онъ долженъ былъ употребить и бо̀льшее усиліе, чтобы сломить его, а будучи жестокъ и неумолимъ отъ природы, онъ поступалъ при этомъ болѣе сурово и безжа-

лостно. Подобно своимъ предкамъ, онъ не допускалъ ни малѣйшаго противодѣйствія своей волѣ и не терпѣлъ совѣтовъ тогда, когда онъ ихъ не спрашивалъ. Но при этомъ царь шелъ неуклонно къ намѣченной имъ цѣли и, не желая сознаться въ томъ, что онъ дѣйствовалъ деспотично, онъ выработалъ, для оправданія своихъ поступковъ, цѣлую теорію, заимствованную у самой туманной идеологіи.

«Какую цѣль преслѣдовалъ онъ, подчиняя своихъ подданныхъ строгимъ законамъ и требуя отъ нихъ жертвъ, отъ коихъ они старались уклониться? Стремился ли онъ создать великую державу, завоевать вслѣдъ за Казанью и Астраханью Ливонію, одержать побѣды, покрыть себя славою? Отнюдь нѣтъ. Единственная цѣль, къ которой онъ стремился, была дать познать своимъ подданнымъ божественную истину. Напрасно обвиняли его и возставали противъ его правленія, ибо оно не только не было деспотично, но оно не было даже его личнымъ дѣломъ. Имъ руководили: божественная благодать, милосердіе Богородицы, молитвы всѣхъ святыхъ и благословеніе всѣхъ почившихъ государей. Онъ былъ только живымъ воплощеніемъ всѣхъ этихъ ипостасей. Съ человѣкомъ, который приписывалъ себѣ подобную власть и подобное назначеніе, очевидно, не было возможности вступать въ споръ, и ясно, что никто не могъ раздѣлять его власти.

Что касается тѣхъ двухъ лицъ, вліянію которыхъ Іоаннъ подчинялся одно время и мнѣніемъ коихъ онъ руководствовался, то о нихъ судятъ различно, точно такъ же, какъ и о той роли, которую они играли.

Начиная съ 1551 г. боярская дума собиралась рѣдко и дѣла рѣшались царемъ при участіи нѣсколькихъ близкихъ къ нему лицъ, среди которыхъ первую роль вмѣстѣ съ Курбскимъ играли Адашевъ и Сильвестръ. Духовное званіе Сильвестра, его властный характеръ и качества тонкаго и ловкаго царедворца обезпечили ему огромное вліяніе на глубоко религіознаго монарха, который не былъ еще вполнѣ увѣренъ въ своихъ силахъ. Но уже въ 1553 г. между ними произошло охлажденіе.

Послѣ извѣстнаго спора бояръ во время болѣзни Іоанна, по поводу присяги Дмитрію, Іоаннъ не могъ забыть происшедшаго, и между нимъ и боярами возникло взаимное недовѣріе и охлажденіе. Въ послѣдующіе годы оппозиція еще болѣе усилилась, а съ 1554 года стали все чаще и чаще повторяться тревожные факты «отъѣзда» бояръ изъ Москвы. Въ іюлѣ мѣсяцѣ былъ задержанъ князь Никита Дмитріевичъ Ростовскій, ѣхавшій въ Литву. И тогда же стало извѣстно, что его семья и многочисленные его родственники: Лобановы, Пріимковы и другіе вступили въ переговоры съ королемъ польскимъ. Съ точки зрѣнія удѣльновѣчевой въ этомъ не было ничего преступнаго. Это было только пользованіе правомъ «ухода»; сила старинныхъ взглядовъ и обычаевъ была еще такъ велика, что царь не посмѣлъ наказать ихъ за это особенно

строго: Ростовскій благодаря ходатайству нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ былъ только заточенъ въ Бѣлозерскій монастырь. Въ числѣ его защитниковъ оказался опять-таки Сильвестръ.

Въ это время положеніе Сильвестра и Адашева было значительно поколеблено; но оно еще болѣе ухудшилось во время ливонской войны, когда они приняли рѣшительно сторону тѣхъ бояръ, которые громко осуждали этотъ походъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1560 г. Адашевъ былъ удаленъ отъ двора, а Сильвестръ добровольно удалился въ Бѣлозерскій монастырь, — всегдашнее убѣжище опальныхъ бояръ. Вообще, вся эта часть царствованія Іоанна весьма темна. Также точно намъ ничего не извѣстно о послѣднихъ дняхъ жизни Сильвестра. Адашевъ умеръ въ тюрьмѣ два года спустя; многіе родные и близкіе бывшаго любимца были казнены. Въ это время было пролито много крови. По словамъ Гваньино, между другими погибъ молодой князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ изъ-за распри съ новымъ царскимъ любимцемъ Ѳедоромъ Басмановымъ, котораго онъ жестоко оскорбилъ.

— Мои предки служили государю какъ честные люди, такъ же, какъ и я служу ему,—сказалъ князь Басманову, а ты служишь ему какъ житель Содома.

Напуганные опалами и казнями, бояре бѣжали изъ Москвы; если ихъ удавалось задержать, то оправданные или помилованные, они должны были дать подписку въ томъ, что они впредь не покинутъ страны и представятъ поручителей.

Это показываетъ, что правительство какъ бы признавало за ними право ухода. Въ теоріи, право это дѣйствительно существовало какъ наслѣдіе удѣльной системы, но въ объединенной Россіи оно имѣло смыслъ только какъ протестъ со стороны недовольныхъ. Впрочемъ, правомъ ухода пользовалось и сельское населеніе, а начиная съ XV вѣка движеніе переселенцевъ изъ Москвы въ Польшу и обратно особенно усилилось.

Въ числѣ «отъѣхавшихъ» изъ Москвы былъ и знаменитый князь Андрей Михайловичъ Курбскій, потомокъ Владиміра Мономаха, принадлежавшій къ старшей линіи Рюриковичей.

Живя въ Польшѣ, Курбскій воспользовался досугомъ, чтобы написать исторію Іоанна, которая представляетъ настоящій обвинительный актъ его правленія и панегирикъ тѣхъ лицъ, кои составляли ближайшій совѣтъ царя. Сообразно этому, царствованіе Грознаго раздѣлено Курбскимъ на двѣ части: эпоха славы до паденія Сильвестра, Адашева и Курбскаго и мрачная эпоха казней.

Въ перечнѣ взведенныхъ княземъ на Іоанна обвиненій встрѣчается не мало плодовъ его воображенія, хотя многіе факты не были опровергнуты его царственнымъ противникомъ, а нѣкоторые даже подтвер-

ждены другими документами. Въ своемъ, витіевато и страстно написанномъ, обвинительномъ актѣ Курбскій перечисляетъ оказанныя имъ услуги и нанесенныя ему обиды, громитъ злоупотребленіе Іоанномъ властью и совершенныя имъ злодѣянія, его распутную жизнь, гнусные поступки его новыхъ любимцевъ, развратныхъ и кровожадныхъ Басманова и Малюты Скуратова, но не касается вовсе сущности вопроса, глубокихъ и сложныхъ причинъ разлада, возникшаго между царемъ и той группой людей, которые не хотѣли признавать его нововведеній. Это значительно умаляетъ историческое значеніе ихъ переписки; но тотъ фактъ, что Курбскій могъ вызвать «царя всея Россіи» на этотъ литературный поединокъ, и что Іоаннъ принялъ брошенный ему вызовъ, имѣлъ, самъ по себѣ, огромное значеніе и отмѣтилъ собою весьма важный моментъ въ исторіи Россіи. Эта переписка, въ которой воплотилась вѣковая борьба между прошлымъ и будущимъ, между приверженцами стараго и новаго порядка, между двумя соперничавшими вѣтвями Рюриковичей, говорила краснорѣчиво о вступленіи великой сѣверной державы на путь прогресса.

Въ виду своего высокаго положенія, Іоаннъ могъ бы пренебречь нападками Курбскаго; казалось бы, гордость должна была побудить его къ этому. Но его увлекъ инстинктъ современнаго человѣка, и благодаря этому потомство обладаетъ драгоцѣннымъ историческимъ документомъ; отвѣчая Курбскому на его обвиненія, Іоаннъ писалъ горячо, съ вдохновеніемъ, удивительно мѣтко выбирая выраженія; слова его, подобно стрѣламъ, бьютъ мѣтко въ цѣль; письма изобилуютъ ссылками на св. писаніе, которыя свидѣтельствуютъ объ его огромной начитанности. Возражая Курбскому, который, также ссылаясь на священное писаніе, доказывалъ, что государь долженъ слушаться своихъ совѣтниковъ, царь развивалъ теорію неограниченной самодержавной власти: «мы вольны наказывать и награждать кого хотимъ, писалъ онъ; никогда еще русскій государь не давалъ отчета въ своихъ поступкахъ кому бы то ни было».

Знаменитый противникъ Грознаго имѣетъ среди русскихъ историковъ одинаково убѣжденныхъ защитниковъ и порицателей. По мнѣнію первыхъ, Курбскій, несмотря на всѣ свои недостатки, былъ выдающимся представителемъ передовыхъ идей, усвоенныхъ Россіей шестнадцатаго вѣка. Это доказываетъ, до какого, сравнительно высокаго, уровня, могли возвыситься русскіе люди того времени, несмотря на ихъ отчужденность отъ западнаго просвѣщенія, и на то, что они были стѣснены въ исканіи истины и подавлены правительственнымъ гнетомъ.

Курбскій, говорятъ его поклонники, былъ человѣкъ науки, старался расширять свои познанія, коими удовлетворялось большинство его соотече-

ственниковъ; это былъ первый русскій публицистъ, поклонникъ прогресса не побоявшійся возвысить свой голосъ противъ грубаго деспотизма.

Но надобно замѣтить, что дѣятельность Курбскаго въ Москвѣ менѣе извѣстна, нежели подробности его пребыванія въ Польшѣ; послѣднія же не особенно говорятъ въ его пользу. Вполнѣ обезпеченный и владѣвшій обширными помѣстьями, онъ былъ прескверный хозяинъ, непріятный сосѣдъ и самый отвратительный и непокорный подданный. Переводя сочиненія Іоанна Златоуста и возставая въ своей перепискѣ съ Грознымъ противъ деспотизма, онъ самъ совершилъ и дозволялъ своимъ управляющимъ совершать такія злоупотребленія и беззаконія, которыя были не менѣе чудовищны, нежели поступки Іоанна; такъ, напр., съ его вѣдома заключали жидовъ въ темницы, наполненныя водою и піявками! Онъ ссорился со всѣми, начиная съ короля, который былъ далеко не тиранъ, и съ властями, изъ-за уплаты податей и рекрутскаго набора въ своихъ новыхъ владѣніяхъ и этимъ заслужилъ въ Польшѣ всеобщую ненависть.

Въ Россіи Курбскій явился представителемъ той партіи, съ коей Іоанну было неизбѣжно вступить въ борьбу: это были люди доступные нѣкоторой цивилизаціи, но понимавшіе свободу въ узкомъ, сословномъ или партійномъ смыслѣ.

Въ Москвѣ постоянною заботою Курбскаго было оберечь отъ посягательства правительства свои наслѣдственныя владѣнія и даже увеличить ихъ на счетъ казны, отвоевать себѣ право присутствовать въ совѣтѣ царя, имѣть въ немъ первый голосъ и повиноваться царю лишь постолько, посколько это соотвѣтствовало его личнымъ интересамъ. Поэтому, Курбскій, несмотря на всю кажущуюся его прогрессивность, былъ, въ сущности, консерваторъ, приверженцъ старинныхъ традицій, и коронованный его противникъ, несмотря на всѣ его навѣты, изображается въ народныхъ сказаніяхъ не угнетателемъ невинныхъ, а карателемъ измѣны. Русскій народъ не видѣлъ ничего инаго въ драмѣ, разыгравшейся между Курбскимъ и царемъ; по понятіямъ народа, преслѣдуя и казня бояръ, царь защищалъ только малыхъ и слабыхъ.

Большинство историковъ, занимавшихся царствованіемъ Грознаго, не допускаетъ, чтобы народъ могъ быть на сторонѣ этого деспота. Что сдѣлалъ онъ для массы крестьянъ, говорятъ они, которые такъ недавно были свободными землепашцами и которые въ его царствованіе были почти прикрѣплены къ землѣ и, по мѣрѣ возростанія государственныхъ потребностей, все болѣе и болѣе обременялись налогами.

Но факты говорятъ за себя: эти рабы, коихъ бѣдность и рабство возрасли при Іоаннѣ, воспѣли, превознесли его и восхищались имъ. Отъѣздъ Курбскаго, которому предшествовали другіе, подобнаго рода

факты, долженъ былъ навести Іоанна на раздумье и поставить въ затруднительное положеніе и полную неизвѣстность относительно будущаго.

Достиженіе тѣхъ цѣлей внутренней и внѣшней политики, которыя онъ себѣ поставилъ, ибо внутреннія реформы служили подготовкой къ внѣшнимъ завоеваніямъ, требовало людей и денегъ. Гдѣ же было взять ихъ царю? Одни бѣжали, заботясь болѣе о своихъ правахъ, нежели о благѣ государства, другіе проигрывали сраженія, ссорясь между собою за мѣста, или вступали въ соглашеніе съ непріятелемъ.

Деньги находились также въ рукахъ бояръ, которые, занимая извѣстныя должности или владѣя землею, составлявшею главное богатство страны, расходовали ихъ безконтрольно. Бояре были воеводами, намѣстниками, судьями, членами верховнаго совѣта, въ ихъ рукахъ было все; сидя въ своихъ древнихъ вотчинахъ, содержа въ нихъ дворъ и милицію, чиня судъ и расправу и отказываясь, подчасъ открыто, платить подати, они корчили изъ себя независимыхъ царьковъ и, ссылаясь на права старшинства, предъявляли къ царствовавшему въ Москвѣ представителю младшей линіи Рюриковичей такія требованія, которыя, при всей ихъ тщетности и недѣйствительности, все-таки внушали ему опасенія.

О преобразованіи кадра гражданской и военной организаціи нечего было и думать; Москва XVI-го вѣка жила традиціями старины. Царь былъ въ ней полновластнымъ хозяиномъ надъ личностью своихъ подданныхъ, но его власть была безсильна надъ тѣмъ строемъ, съ которымъ были тѣсно связаны его собственное положеніе, его вліяніе и власть. Князья и бояре, привыкшіе къ тому, что управленіе страною находилось въ ихъ рукахъ и что вотчины принадлежали имъ по праву, считали утвержденіе ихъ въ служебныхъ должностяхъ не подлежащимъ контролю правительства и видѣли въ мѣстничествѣ гарантію своихъ наслѣдственныхъ привилегій; царю было бы трудно оспаривать этотъ взглядъ, такъ какъ его собственная власть проистекала изъ того же источника и основывалась на томъ же правѣ. Бояре и великіе князья, потомки Рюрика или Гедемина, управляли нѣкогда Россіей самостоятельно въ своей вотчинѣ; теперь они управляли ею совмѣстно, кто сидя на престолѣ, кто правя областью или приказомъ; всѣ были одного происхожденія, одной семьи.

Да и кѣмъ могъ бы Іоаннъ замѣнить ихъ? Нѣсколько Скуратовыхъ и Грязныхъ, коимъ онъ предоставилъ власть послѣ Сильвестра и Адашева, «вытащивъ ихъ изъ грязи», какъ онъ выражался, не могли ни матеріально, ни нравственно сравниться съ ними. Помимо боярской среды, съ которой политика Іоанна заставила его вступить въ борьбу, ему не за кого было взяться. Окончательный разрывъ между бояр-

ствомъ и самодержавіемъ былъ немыслимъ. Въ этотъ трудный моментъ, надобно было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Царь на это и рѣшился, никому не открывая своей мысли.

XII.

3-го декабря 1564 г., въ одинъ прекрасный день, онъ уѣхалъ изъ столицы, взявъ съ собою свою вторую жену, Марію Темрюковну. За ними потянулись многочисленныя повозки съ его сокровищами, серебромъ, посудою, драгоцѣнными камнями, мебелью, иконами, множество бояръ, весь его дворъ и его многочисленная челядь. Въ столицѣ долгое время никто не зналъ, куда и зачѣмъ царь уѣхалъ.

Эта неизвѣстность продолжалась до 3-го января 1565 г., когда въ Москву прискакалъ изъ Александровской слободы (близъ Владиміра) посланный отъ царя съ грамотою къ митрополиту, въ которой Іоаннъ исчислялъ подробно вины бояръ, воеводъ и служилыхъ людей, высшаго и низшаго духовенства, и говорилъ, что онъ налагаетъ на всѣхъ опалу и, не желая терпѣть измѣны, рѣшилъ оставить государство и поселиться, «гдѣ Богъ ему укажетъ».

Но въ царской грамотѣ заключалось противорѣчіе: съ одной стороны, царь какъ будто отказывался отъ престола, а съ другой—онъ проявлялъ свою власть, наказывая подданныхъ, налагая на нихъ опалу. Впрочемъ, одновременно была получена грамота къ купечеству и къ «православному христіанству града Москвы», въ которой государь заявлялъ, что на нихъ онъ не имѣетъ гнѣва.

Весьма вѣроятно, что въ то время, такъ же точно, какъ и впослѣдствіи, никто не понялъ хорошенько, что все это значило, но такъ какъ народъ уже привыкъ къ тому, что царь задавалъ ему загадки, то рѣшеніе было тотчасъ принято.

Бояре, какъ и полагалось, были смущены, народъ волновался, кричалъ и былъ умиленъ, купцы предложили денегъ—самый краснорѣчивый способъ присоединиться къ общему чувству, и всѣ обратились къ митрополиту съ просьбою, чтобы онъ умолялъ царя не оставлять государство, править имъ по своей волѣ и казнить измѣнниковъ какъ ему угодно.

Съ этой просьбой были посланы въ Александровскую слободу уполномоченные; выслушавъ ихъ, царь изъявилъ свое согласіе исполнить просьбу народа, но предъявилъ свои условія, сказавъ, что онъ будетъ казнить измѣнниковъ, конфискуетъ ихъ имущество и вернется въ Мо-

скву не иначе, какъ выдѣливъ себѣ изъ государства и двора часть, которая будетъ называться опричиной.

Припомнимъ указъ 10-го октября 1550 г., въ силу котораго тысяча боярскихъ дѣтей, набранныхъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, получили помѣстья въ Московскомъ и сосѣднихъ съ нимъ округахъ и образовали ядро новаго, избраннаго класса служилыхъ людей, организованное на новыхъ началахъ. Опричина 1568 г. была, въ сущности, только дальнѣйшимъ развитіемъ этого первоначальнаго плана.

Іоаннъ раздѣлилъ государство на двѣ части, изъ коихъ одна сохранила прежнюю организацію и прежнее управленіе, т. е. сохранила своихъ воеводъ, намѣстниковъ, судей и всякаго рода кормленщиковъ, а другая, въ составъ которой вошло нѣсколько волостей и городовъ, и даже нѣсколько московскихъ кварталовъ, составила какъ бы особую вотчину или удѣлъ царя, гдѣ было поселено тысяча человѣкъ князей, бояръ и дѣтей боярскихъ по собственному выбору Іоанна.

Все остальное государство было названо земщиной.

Весь смыслъ произведеннаго, такимъ образомъ, опыта заключался въ преобразованіи наслѣдственныхъ вотчинъ—въ жалованныя помѣстья и въ перемѣщеніи служилыхъ людей изъ одной вотчины въ другую.

Оторвать владѣльца наслѣдственной и свободной отъ всякихъ податей вотчины отъ того клочка земли, гдѣ искони накоплялось и упрочивалось его состояніе и значеніе его рода, вырвать его изъ родной среды, порвать узы, связывавшія его съ этой средой, и поселить оторваннаго, такимъ образомъ, отъ земли одинокаго человѣка въ новомъ мѣстѣ, какъ можно далѣе, дать ему новую вотчину, но не иначе, какъ пожизненно и на извѣстныхъ условіяхъ, съ обязательствомъ нести государеву службу и платить налоги, словомъ, сдѣлать изъ него человѣка безъ прошлаго, безъ защиты и поддержки—таковъ былъ смыслъ нововведенія, именуемаго опричиной.

Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, ибо Іоаннъ никому не открылъ своей сокровенной мысли.

Хотя связь, существующая между указами 1550 и 1565 годовъ, не была до сихъ поръ подмѣчена, но она несомнѣнно существуетъ и доказываетъ, что Іоаннъ придерживался въ своихъ дѣйствіяхъ извѣстной, вполнѣ опредѣленной системы.

Все, что касалось учрежденія опричины, хранилось въ глубочайшей тайнѣ, какъ при жизни Іоанна, такъ и послѣ его смерти.

Отправляя въ 1565 году посольство въ Польшу, царь предвидѣлъ, что его будутъ разспрашивать объ опричинѣ и, такъ какъ московская дипломатія имѣла обыкновеніе оберегать себя отъ непрошеннаго любопытства, то Іоаннъ приказалъ посламъ отвѣчать, если ихъ спросятъ, что такое опричина:

«Мы не знаемъ, о чемъ вы говорите. Никакой опричины нѣтъ. Царь живетъ въ избранномъ имъ мѣстѣ; подлѣ него находятся тѣ изъ его слугъ, коими онъ доволенъ, они живутъ по близости отъ него; другіе живутъ не много далѣе: вотъ и все тутъ. А коли мужики, ничего не понимая, говорятъ о какой-то опричинѣ, то на ихъ рѣчи не стоитъ обращать вниманіе».

Но факты говорятъ за себя.

Количество земли, отведенной первоначально подъ опричину, постепенно увеличивалось, такъ что она занимала чуть не половину государства; вмѣстѣ съ тѣмъ число опричниковъ было увеличено до 6 тысячъ человѣкъ.

Въ 1565 году къ опричинѣ были причислены: Вологда, Устюгъ, Каргополь, Можайскъ, Вязьма; въ 1566 г. всѣ земли Строгановыхъ; въ 1571 году часть Новгородской области; это расширеніе сопровождалось каждый разъ раздачею помѣстій, отобранныхъ у прежнихъ владѣльцевъ, которые получали взамѣнъ земли въ другихъ областяхъ; при этой перетасовкѣ подъ опричину отошли въ центрѣ страны тѣ округа, въ которыхъ остатки прежнихъ удѣловъ были наиболѣе густо заселены.

Опричина проникла въ наслѣдственныя владѣнія князей Ростовскихъ, Стародубскихъ, Суздальскихъ, Черниговскихъ, поглотила земли за «Окой» и старинныя наслѣдственныя вотчины удѣльныхъ князей Одоевскихъ, Воротынскихъ, Трубецкихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: князья Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой и Никита Ивановичъ Одоевскій вступили въ опричину; другіе были вынуждены перемѣнить мѣстожительство. Вмѣсто Одоева князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій получилъ Стародубъ-Ряполовскій, въ нѣсколькихъ верстахъ западнѣе отъ Одоева. Другіе заволжскіе помѣщики получили земли въ подмосковныхъ округахъ, по близости отъ Коломны, Дмитрова и Звенигорода.

Въ Тверскомъ округѣ, въ которомъ числилось 272 вотчины, владѣльцы 53 вотчинъ не несли никакой государственной службы: одни изъ нихъ платили повинности двоюродному брату царя, князю Владиміру Андреевичу, другіе—потомкамъ бывшихъ удѣльныхъ князей: Оболенскимъ, Мстиславскимъ, Голицынымъ и др. Опричина все это измѣнила; она уничтожила частныя милиціи, изъ-за которыхъ строптивые подданные нерѣдко для царя были страшнѣе внѣшнихъ враговъ; провозгласила принципъ личной службы;со всѣхъ принадлежавшихъ опричникамъ земель стали взимать въ пользу казны прямые и косвенные налоги.

Руководствуясь финансовыми и экономическими соображеніями, Іоаннъ отвелъ подъ опричину города, лежавшіе на большихъ торговыхъ трактахъ, и любопытно отмѣтить, что купцы не протестовали противъ

этого, а представители англійской торговой компаніи даже просили, какъ особой милости, быть включенными въ новую систему.

Въ 1572 году опричина утратила свое первоначальное названіе и стала именоваться «дворомъ». Въ это время она уже имѣла характеръ вполнѣ организованнаго государственнаго учрежденія, которое, наравнѣ съ земщиной, вѣдало дѣлами и отнюдь не играло, какъ это принято думать, исключительно полицейской роли.

Опричина не была въ состояніи искоренить окончательно боярскаго элемента, но она сильно подорвала его значеніе. Родовитые бояре, зачисленные въ опричину, тѣмъ самымъ были обезоружены; изъ числа остальныхъ были пощажены весьма немногіе, какъ, напримѣръ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, люди совершенно безличные, стоявшіе во главѣ земщины.

Роль, которую играли выдвинутые опричиной выскочки: Захарьины, Годуновы и др., свидѣтельствуетъ о томъ, что политическое значеніе бояръ было окончательно подорвано.

Чтобы пополнить недостатокъ въ людяхъ, созданный массовыми казнями и уходомъ людей за предѣлы Россіи, въ опричину вербовали не мало простыхъ людей, казаковъ и татаръ, которые образовали довольно значительный контингентъ, ставшій могущественнымъ орудіемъ демократизаціи служилаго класса.

Этотъ переворотъ, ибо таковымъ надобно считать учрежденіе опричины, не могъ, разумѣется, совершиться безъ потрясеній, ибо онъ затронулъ слишкомъ много интересовъ, а вслѣдствіе раздробленія крупной земельной собственности былъ созданъ новый видъ земледѣльческаго и промышленнаго пролетаріата.

Выполненіе этого плана сопровождалось многочисленными злоупотребленіями, которыя заслуживаютъ, разумѣется, самаго строгаго порицанія, но они неизбѣжны при всякомъ крупномъ переворотѣ, поэтому исторія не можетъ произносить своего сужденія объ опричинѣ, не взвѣсивъ всѣхъ обстоятельствъ и не принявъ во вниманіе, что описаніе насилій, которыя запятнали эту реформу въ глазахъ современниковъ и исказили ея смыслъ и истинную цѣль въ глазахъ потомства, несомнѣнно сильно преувеличено. Къ этимъ разсказамъ, исходящимъ по большей части отъ такихъ пристрастныхъ свидѣтелей, какимъ былъ, напримѣръ, Курбскій, или отъ людей завѣдомо недоброжелательныхъ, какими было большинство иностранцевъ, слѣдуетъ относиться въ высшей степени критически. Къ сожалѣнію, мы почти не имѣемъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы провѣрить эти разсказы и выяснить истину.

За отъѣздомъ Курбскаго изъ Москвы, гнѣвъ Іоанна обрушился на дѣйствительныхъ и мнимыхъ его сообщниковъ; такъ, были казнены

князь Александръ Борисовичъ Шуйскій, его сынъ Петръ и нѣкоторые ихъ родственники, два Ховригина, князь Иванъ Сухой-Кашинъ, князь Иванъ Куракинъ, Шевыревъ и многіе другіе. Множество бояръ было сослано и имущество ихъ конфисковано; только удовлетворивъ свою злобу и приступивъ къ казнямъ, Грозный согласился вернуться въ столицу.

По свидѣтельству современниковъ, царь былъ неузнаваемъ: лицо его осунулось, волосы вылѣзли. Это показаніе особенно любопытно, ибо оно показываетъ, до какой степени разыгравшееся воображеніе можетъ преувеличить безъ того мрачную картину событій. Такъ какъ царь, подобно всѣмъ его современникамъ, имѣлъ обыкновеніе брить волосы, то его плѣшивость, разумѣется, не могла никому броситься въ глаза.

По возвращеніи Іоанна въ Москву, началось слѣдствіе о перехваченной перепискѣ бояръ съ Польшею. Всѣ тѣ, кои были уличены въ этомъ, какъ, напримѣръ, князь Иванъ Куракинъ-Булгаковъ, трое князей Ростовскихъ и нѣкоторые другіе, подверглись жестокимъ пыткамъ и казнямъ.

Затѣмъ настала очередь духовныхъ лицъ, коихъ связывала съ жертвами новаго режима общность интересовъ. Событія, совершавшіяся на глазахъ духовенства, давали ему болѣе, чѣмъ когда-либо, право вмѣшиваться въ дѣйствія царя и ходатайствовать за опальныхъ; это составляло самую драгоцѣнную привилегію церкви. Но она навлекла на себя вскорѣ царскій гнѣвъ, въ лицѣ одного изъ преемниковъ Макарія, митрополита Филиппа.

Происходя изъ извѣстной фамиліи Колычевыхъ, Филиппъ былъ вынужденъ удалиться отъ двора, когда его родныхъ постигла опала; онъ постригся въ монахи и, ставъ игуменомъ Соловецкаго монастыря, при высокихъ нравственныхъ качествахъ, выказалъ выдающіяся административныя способности. Іоаннъ зналъ его съ дѣтства и, какъ полагаютъ, любилъ. Поэтому, когда изъ Москвы былъ изгнанъ митрополитъ Германъ [1]), требовавшій отмѣны опричины, то царь, якобы по совѣту своихъ новыхъ любимцевъ, предложилъ Филиппу занять его мѣсто. Вначалѣ Филиппъ соглашался на это только подъ условіемъ, чтобы опричина была уничтожена. Но затѣмъ онъ уступилъ и далъ письменное обязательство не вмѣшиваться ни въ политику, ни въ частную жизнь царя, который призналъ за нимъ, однако, право «ходатайства и заступничества», сдѣлавъ оговорку, что «его обязанность состояла не въ томъ, чтобы идти противъ воли царя, а чтобы смягчать его гнѣвъ».

---

[1]) Германъ, архіепископъ казанскій, изъ рода Полевыхъ, былъ назначенъ въ 1566 году въ митрополиты московскіе, † 1568 г.

Результатомъ было то, что царь сталъ скоро избѣгать митрополита. Но они жили слишкомъ близко другъ отъ друга, чтобы возможно было не встрѣчаться. Даже, живя въ Александровской слободѣ, Іоаннъ не могъ не посѣщать время отъ времени столицы и ея храмовъ, поэтому встрѣчи были неизбѣжны.

Однажды, въ воскресный день, 31-го мая 1568 г., войдя въ Успенскій соборъ съ опричниками, которые были въ монашескомъ одѣяніи, царь подошелъ, по обыкновенію, къ митрополиту и просилъ его благословенія.

Филиппъ безмолвствовалъ.

Царь трижды повторилъ свою просьбу, не получивъ отвѣта.

Наконецъ, побуждаемый боярами, митрополитъ прервалъ молчаніе и, къ ужасу присутствующихъ, сталъ громить преступныя дѣйствія Іоанна, который тщетно пытался прервать его рѣчь.

— Если живые люди молчатъ, то камни этого храма заговорятъ и произнесутъ твой приговоръ—такъ закончилъ свою рѣчь Филиппъ.

— Молчи! говорю тебѣ. Молчи и благослови насъ!—повторилъ царь... Мои подданные, мои родные возстали противъ меня и замышляютъ мою погибель. Не бунтуй вмѣстѣ съ ними, или откажись отъ своего сана.

— Я не добивался его,—отвѣчалъ Филиппъ,—я не прибѣгалъ для этого ни къ подкупу, ни къ интригамъ. Для чего вывелъ ты меня изъ моего уединенія?

Іоаннъ подавилъ свой гнѣвъ и сдѣлалъ видъ, что онъ смиряется, но его вторая встрѣча съ митрополитомъ, происшедшая въ іюлѣ мѣсяцѣ, рѣшила участь Филиппа.

Надъ нимъ былъ наряженъ судъ. Не дожидаясь приговора, митрополитъ хотѣлъ сложить съ себя знаки своего высокаго сана.

— Подожди! ты не долженъ самъ произносить надъ собою приговора,—сказалъ Іоаннъ и повелѣлъ ему служить на слѣдующій день обѣдню. Это происходило 8-го ноября 1568 г. Во время службы, въ храмъ вошли опричники, совлекли съ митрополита облаченіе, надѣли на него разодранную монашескую рясу и, усадивъ его въ сани, увезли, заметая за нимъ слѣдъ и ударяя его метлами. Онъ былъ заточенъ въ Твери, куда Іоаннъ послалъ къ нему въ слѣдующемъ году самаго лютаго изъ своихъ опричниковъ, Малюту Скуратова.

Печальный конецъ митрополита извѣстенъ.

Рѣшивъ не щадить никого, Іоаннъ не могъ, разумѣется, допустить, чтобы кто-либо становился между нимъ и тѣми жертвами, которыхъ онъ считалъ нужнымъ устранить съ своего пути. Онъ не щадилъ даже членовъ своей семьи. Упомянувъ въ своемъ разговорѣ съ Филиппомъ о родныхъ, которые точили противъ него козни, онъ имѣлъ

въ виду своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, котораго царь подозрѣвалъ еще въ 1563 г. въ участіи въ заговорѣ. Въ 1566 г. у него былъ отнятъ удѣлъ, а въ 1569 г., когда Владиміръ, по словамъ лѣтописца, предложилъ королю польскому перейти къ нему на службу, несчастный князь исчезъ навсегда; былъ ли онъ зарѣзанъ, обезглавленъ или отравленъ, не извѣстно. Въ слѣдующемъ году цѣлый городъ поплатился за тотъ поступокъ, за который пострадалъ Владиміръ, т. е. за сношенія съ Польшею. Нѣкто Петръ Волынецъ, бродяга, за что-то озлобленный противъ новгородскихъ властей, донесъ, что жители Новгорода были не прочь перейти въ подданство Сигизмунда-Августа и будто бы они заключили даже съ нимъ письменный договоръ, который хранился за образомъ Богоматери въ Софійскомъ соборѣ. Означенный документъ дѣйствительно былъ найденъ въ указанномъ мѣстѣ; подписи архіепископа Пимена и многихъ именитыхъ гражданъ были признаны подлинными. Произведенное слѣдствіе обнаружило, что заговорщики хотѣли предать Новгородъ и Псковъ Литвѣ и возвести на московскій престолъ, при помощи Польши, Владиміра. Карамзинъ упоминаетъ въ своей Исторіи Россіи о подлинномъ дѣлѣ объ этомъ заговорѣ, но онъ не могъ видѣть его, такъ какъ въ его время дѣло это только значилось въ архивныхъ спискахъ, а въ дѣйствительности оно давно исчезло безслѣдно.

Этотъ разъ Іоаннъ совершилъ страшную расправу, превзошедшую все, когда-либо видѣнное въ Московскомъ государствѣ, даже въ его царствованіе.

Іоаннъ часто посѣщалъ Новгородъ, и его отношенія къ архіепископу и ко всему духовенству были до тѣхъ поръ превосходны. Пименъ только-что провелъ въ Москвѣ двѣ недѣли и уѣхалъ оттуда, увозя съ собою довольно значительную сумму денегъ, пожертвованную государемъ для возобновленія одной изъ новгородскихъ церквей. Ничто не предвѣщало грозы, обрушившейся на Новгородъ въ январѣ 1570 г., когда Іоаннъ двинулся туда, какъ въ походъ, со своей опричиной и цѣлымъ отрядомъ войска.

Экзекуція началась на границѣ Тверской губерніи систематическимъ разореніемъ окрестной мѣстности. По пути, пройденному царемъ отъ Клина до Новгорода, вся мѣстность обратилась въ пустыню. 2-го января войско появилось подъ стѣнами Новгорода и обложило его со всѣхъ сторонъ. Монастыри, находившіеся въ предмѣстьяхъ, были разграблены; монахи, числомъ 500, уведены. На слѣдующій день опричники, проникнувъ въ городъ, захватили во всѣхъ церквахъ священниковъ и дьяконовъ и отправили ихъ на правежъ, гдѣ ихъ били палками ежедневно, съ утра до вечера, требуя выкупа по 20 рублей съ головы. Судя по сохранившимся документамъ, только нѣкоторымъ счастливцамъ уда-

лось откупиться; остальныхъ ожидала самая грозная участь. Въ то же время опричники грабили дома и загоняли жителей въ ограду, охраняемую солдатами. 6-го января прибылъ въ Новгородъ самъ Іоаннъ, въ сопровожденіи 1.500 стрѣльцовъ, и отдалъ приказъ забить подъ кнутомъ всѣхъ монаховъ, бывшихъ на правежѣ.

Настала очередь бѣлаго духовенства. Два дня спустя, въ то время, какъ царь кушалъ обѣдъ у архіепископа Пимена, опричники, по данному имъ сигналу, бросились грабить домъ архіепископа, сорвали съ него облаченіе и заключили его со всѣми домочадцами въ темницу. Въ послѣдующіе дни царь творилъ судъ на одной изъ городскихъ площадей; жители были подвергнуты допросу, ихъ жгли на медленномъ огнѣ и топили въ рѣкѣ; привязавъ несчастныхъ къ санямъ, ихъ опускали въ рѣку по откосу къ тому мѣсту, гдѣ рѣка, вслѣдствіе быстраго теченія никогда не замерзаетъ.

По словамъ новгородской лѣтописи, избіенія продолжались пять недѣль; рѣдкій день не топили свыше пяти или шести сотъ человѣкъ обоего пола. Бывали дни, когда число жертвъ доходило до 1.500 человѣкъ.

Быть можетъ, эти цифры преувеличены, но во всякомъ случаѣ рѣзня была ужасная; когда жертвъ осталось мало, то злоба царя обратилась на неодушевленные предметы. Въ предмѣстьяхъ, гдѣ сосредоточивалась главнымъ образомъ торговая и промышленная жизнь, и самомъ городѣ, всѣ лавки и многіе дома были разграблены и снесены до тла.

Наконецъ, когда болѣе нечего было разрушать, 13-го января 1570 г. Іоаннъ повелѣлъ привести къ нему самыхъ именитыхъ изъ оставшихся въ живыхъ гражданъ Новгорода, по нѣсколько человѣкъ съ каждой улицы. Ни живы, ни мертвы отъ страха, несчастные ожидали ужасной пытки, но царь успокоился и, противъ всякаго ожиданія, взглянулъ на нихъ благосклонно и произнесъ милостивую рѣчь, сказавъ, что они могутъ впредь жить безбоязненно и мирно, и молить Господа избавить царя и Россію отъ измѣнниковъ, подобныхъ Пимену. Это было его прощальное слово Новгороду. Въ тотъ же день Грозный уѣхалъ въ Москву.

Новгородъ вздохнулъ свободно, но ему былъ нанесенъ такой жестокій ударъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. Съ гибелью именитыхъ гражданъ благосостояніе этого торговаго города погибло на вѣки.

Каковъ бы ни былъ поводъ къ столь жестокой расправѣ, она превзошла, несомнѣнно, всякую мѣру. Но необходимо принять во вниманіе, что всѣ описанія этого мрачнаго эпизода, несомнѣнно, преувеличены; не слѣдуетъ также забывать, что незадолго передъ тѣмъ и въ западной Европѣ разыгрывались подобныя же драмы. Если сравнить

описаніе Новгородскаго погрома хотя бы съ разгромомъ Литтиха, совершеннымъ въ 1468 г. Карломъ Смѣлымъ, при участіи войскъ французскаго короля, то оказывается, что погромъ Новгорода былъ лишь его слабымъ подражаніемъ.

«Весь ужасъ этого событія»,—говоритъ Мишле въ своей Исторіи Франціи (т. VIII, 148),—«заключается въ томъ, что это была не рѣзня, сопровождающая штурмъ города, а неистовая расправа побѣдителя, разгромъ, продолжавшійся цѣлыхъ три мѣсяца. Всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать, заключали подъ стражу и топили въ Мозелѣ. Городъ былъ сожженъ съ соблюденіемъ полнаго порядка»... Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «женщины и монахини были изнасилованы, а затѣмъ убиты; священнослужители были зарѣзаны у престола... Всѣ плѣнные, пощаженные солдатами, были повѣшены или утоплены въ Мозелѣ».

Копія точь въ точь походитъ на оригиналъ. И тутъ число жертвъ насчитывали свыше 50 тысячъ; расправа происходила также въ зимнее время, въ ноябрѣ и въ декабрѣ мѣсяцахъ.

Изъ Новгорода царь отправился въ Псковъ. Но пресыщенный кровью и обезоруженный покорностью жителей, онъ ограничился тѣмъ, что предоставилъ городъ разграбленію.

По возвращеніи въ Москву, Іоаннъ потѣшилъ себя, устроивъ торжественный въѣздъ, въ родѣ тѣхъ маскарадныхъ шествій, которыя такъ любилъ впослѣдствіи Петръ Великій. Предшествуемый шутомъ, который ѣхалъ верхомъ на быкѣ, царь выступалъ во главѣ своихъ опричниковъ съ ихъ атрибутами: метлою и собачьей головой.

Затѣмъ начался судъ надъ виновными новгородцами и псковитянами, который тянулся нѣсколько мѣсяцевъ. 25-го іюля 1570 г., послѣ предварительной жестокой пытки, было казнено до 120 человѣкъ.

Безъ сомнѣнія, Грозный былъ мастеръ въ искусствѣ причинять страданіе и совершать казни, но и въ этомъ отношеніи у него было много общаго съ современниками; при сужденіи о его поступкахъ не слѣдуетъ забывать, что къ разсказамъ иноземцевъ, коими приходится пользоваться за неимѣніемъ иныхъ источниковъ, надобно относиться крайне осторожно. Между тѣмъ многіе историки, слѣпо довѣряя ихъ словамъ, дошли до утвержденія, будто Іоаннъ превзошелъ жестокостью Нерона и Калигулу, и высказали предположеніе, будто онъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ, граничившимъ съ умопомѣшательствомъ. Между тѣмъ завѣщаніе, составленное Іоанномъ въ описываемую эпоху (1572 г.), свидѣтельствуетъ о вполнѣ нормальномъ состояніи его умственныхъ способностей.

Зная любовь Іоанна къ лирическимъ эффектамъ и преувеличеніямъ, нельзя понимать все то, что онъ говоритъ, буквально. Но именно его стараніе говорить красно и всѣ хитрости, къ которымъ онъ при-

бѣгаетъ, стараясь оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, исключаютъ всякую мысль о помраченіи его умственныхъ способностей.

«Онъ не чувствовалъ себя безопаснымъ на престолѣ, будущность семьи не внушала ему спокойствія, онъ былъ одинокъ и вынужденъ грозными врагами вести войну, коей не предвидѣлось конца, его силы были истощены, умъ не зналъ покоя»,—такъ писалъ Іоаннъ въ своемъ завѣщаніи. «Его тѣлесныя и душевныя раны умножились, у него не было никого, кто бы излѣчилъ ихъ, кто бы сочувствовалъ его страданіямъ и утѣшилъ его. Ему отплатили зломъ за добро, ненавистью за любовь. Но онъ готовъ видѣть въ этихъ испытаніяхъ справедливое возмездіе за свои многочисленные проступки, за кои онъ обреченъ влачить скитальческую жизнь вдали отъ столицы, откуда его изгнали себялюбивые бояре. Быть можетъ, его сыновья будутъ счастливѣе и съумѣютъ положить конецъ этому бѣдственному положенію. Поэтому онъ хотѣлъ дать имъ кое-какіе совѣты. Это не означаетъ, что онъ готовится къ смерти, которая была бы для него сладка и желанна, но вѣроятно Господь откажетъ ему въ этомъ благѣ, дабы онъ могъ искупить грѣхи, влача на землѣ горестную жизнь».

Въ такомъ духѣ было написано все завѣщаніе. Возможно ли считать его бредомъ больнаго? Отнюдь, ибо совѣты, которые онъ даетъ дѣтямъ, прекрасны и внушены свѣтлымъ и твердымъ умомъ, хотя въ нихъ и проглядываетъ крайнее ко всѣмъ недовѣріе. Іоаннъ склоненъ вездѣ видѣть враговъ и измѣну; но когда, предостерегая своихъ сыновей отъ козней, онъ совѣтуетъ имъ слѣдить за всѣмъ лично и никогда ни въ чемъ не полагаться на другихъ, если они не хотятъ, чтобы послѣдніе присвоили себѣ на дѣлѣ власть, которой они будутъ пользоваться фиктивно, то въ этихъ словахъ слышится мудрый правитель, а отнюдь не безумный [1]).

Мы имѣемъ еще доказательство необычайной ясности ума, проявленной царемъ въ тотъ моментъ, когда самый стойкій человѣкъ могъ бы обнаружить на его мѣстѣ, хотя временно, нѣкоторые симптомы слабости и упадка духа.

Тотчасъ послѣ страшныхъ московскихъ казней, совершенныхъ вслѣдъ за погромомъ Новгорода, Іоаннъ изъявилъ свое согласіе вести, въ присутствіи многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, богословскій споръ съ членомъ богемскаго братства Іоанномъ Рокитою, который сопровождалъ въ Москву посольство, снаряженное Станиславомъ-Августомъ къ Іоанну Грозному, и царь вышелъ побѣдителемъ изъ этого

[1]) Завѣщаніе Іоанна напечатано въ историческихъ актахъ. Прилож. I, № 222.

пренія о вѣрѣ, которое могло поставить въ затруднительное положеніе и сбить съ толку любаго свѣтскаго человѣка.

По ясности мысли, твердости и логичности сужденій и обилію высказанныхъ во время спора знаній, превосходной памяти и тонкой діалектикѣ ясно видно, что Іоаннъ обладалъ вполнѣ всѣми способностями своего яснаго ума.

Въ довольно темной, вообще говоря, исторіи опричины встрѣчается однако одинъ эпизодъ, который, повидимому, плохо вяжется съ мыслью о полномъ обладаніи Іоанномъ его умственными способностями.

Этотъ эпизодъ представляетъ собою самый загадочный и не поддающійся объясненію фактъ царствованія Іоанна Грознаго.

Въ 1574 или 1575 г. (дата не вполнѣ установлена), при жизни Іоанна, въ Россіи появился новый государь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ [1]).

Num. 69.

Pawlowsk, ce 2 Septembre 1815.

Je suis revenue chez moi pour le dîner, mes chers amis, après avoir fait beaucoup de choses cette matinée. Elle a commencé par un travail avec notre petite promise pour des arrangements pour le mariage sous le rapport des cadeaux à faire aux anciens serviteurs, instituteurs, gouvernantes, charges de cour etc. etc.; après quoi j'ai dû faire le même travail pour moi qui a été suivi d'une visite de ..... [2]) pour le tierçal. Ensuite j'ai été à la communauté où j'ai travaillé avec Madame Adlerberg, l'inspecteur des études et Villamof pour les cours d'études à suivre pour les classes que nous précisons davantage. Revenue au Palais Taurique, j'ai eu des visites, nous avons déjeuné, après quoi nous sommes allées à pied au canal pour voir et monter un bâtiment qui marche par la pompe à feu: cette imitation anglaise sera de la plus grande utilité pour la navigation de nos navires et ouvre une perspective d'une nouvelle et grande prospérité pour la Russie. Nous nous sommes promenées dans le bassin; la machine à feu a la force de 16 chevaux, sa composition est égale aux autres à l'exception des balanciers qui se trouvent placés de côté pour prendre moins de place.

---

[1]) См. «Русскую Старину», августъ 1904 г.

[2]) Слово осталось неразобраннымъ.

La marche du bâtiment est très légère et tourne avec la plus grande facilité; c'est Beard qui en est le propriétaire. Après cette visite nous nous sommes mises en voiture et sommes venues ici. Après le dîner j'ai été voir mon nouvel arrangement derrière la volière qui réussit très bien: le jardin y gagne beaucoup et sera plus gai de ce côté qui était encombré. Ensuite j'ai été voir mes neveux et ma nièce, puis j'ai travaillé, après les 8 heures nous sommes sorties dans la salle, nous avons travaillé et Wolf nous a fait lecture. Voici le précis de ma journée; je voudrais bien savoir celui de la vôtre, mais je n'ai pas cette satisfaction et me voici 15 jours sans lettre et d'un mois et 4 jours de distance de la date de vos dernières nouvelles: c'est désolant et, je l'avoue, impatientant, car je n'en comprends pas la raison. Bonsoir, mes amis, dites-moi, si vous pensez encore à nous? Je vous embrasse de tout mon coeur. À propos, Blok est devenu père aujourd'hui d'un fils.

Ce Vendredi, 3 Septembre.

Encore pas de courrier. Nous nous en désespérons Annette et moi tout en nous inquiétant: nous voici à 36 jours de date de votre dernière lettre; jamais retard pareil n'eut lieu; il me paraît inconcevable et paralyse mes facultés écrivantes, mais non pas les aimantes, car je me dis que ce retard n'est de votre faute et que si vous l'eûtes connu, vous vous en affligeriez avec nous et souffririez de la pensée que vos lettres restent dans le gouffre des chancelleries sans être expédiées. Notre temps a été très beau aujourd'hui; on prétend qu'il a gelé un peu la nuit; je suppose que c'était plutôt une rosée blanche. Nous avons monté à cheval et j'ai marché ensuite. Rien au monde de nouveau chez nous. L'étonnement est grand de ce retard de courrier si extraordinairement prolongé. Bonsoir, mes bons amis. Bonsoir, mes bons amis, je vous aime bien et vous embrasse de tout mon coeur. Puisse-je bientôt revoir votre écriture, vous savoir bien portants et au moment de nous revoir au plus tôt.

Ce Samedi, 4 Sept(embre).

Enfin il y a une demi heure qu'un courrier de l'empereur est arrivé et m'a apporté sa lettre du 5 et du 12 Août, le porteur de la première étant tombé malade; il m'a remis de même une seule lettre de vous, mes amis, du 5 Août: enfin du moins c'est quelque chose et je vous en remercie de tout mon coeur. J'aurais bien désiré que celle de Michel fût un peu plus longue; vos lettres sont de si peu de lignes que nous nous demandons, comment vous avez si peu à nous dire écrivant si rarement. Vos lettres, cher Nicoche, sont plus détaillées, ce qui me fait grand plaisir.

Je suis persuadée, mes enfants, qu'il y en a de perdues des vôtres; il faudrait prier le prince Wolkonski de voir s'il n'y en a pas d'oubliées. Je vous dirai, mes amis, que j'ai reçu une lettre charmante du prince d'Orange, à laquelle j'ai répondu d'abord: elle satisfait bien mon cœur, car il paraît content de s'unir à nous. Dieu veuille rétablir sa santé. Il me paraît un jeune homme bien intéressant. Je suis charmée, chers enfants, de ce que vous employez votre temps utilement, mais je voudrais en avoir des détails. Faites mes compliments au g(énéral) Konovnitzin et dites-lui que depuis bien longtemps je n'ai pas reçu de ses nouvelles; quant à vos messieurs, ils sont bien fautifs ne me donnant pas signe de vie, et surtout monsieur de Savrassof qui en était plus particulièrement chargé, devant m'envoyer le relevé des dépenses chaque mois. Je vous remercie, mes enfants, de l'envoi des deux livres. Je voudrais bien que vous me parliez de Pougens et me répondiez à son sujet. Avez-vous fait mes achats, cher Nicoche, d'après la petite liste que je vous ai donnée à votre départ; vous ne m'en dites rien; je vous ai donné ensuite un supplément de commissions, mais vous ne m'en parlez non plus.

Vous m'assurez, cher Nicoche, que jusqu'à ce moment votre conduite est irréprochable: j'en bénis Dieu et vous conjure tous deux, au nom de mon coeur maternel, de continuer à marcher toujours le sentier austère de la vertu: votre bonheur demestique vous en recompensera. Si l'empereur va à Bruxelles et à Berlin, certainement vous l'y suivrez et reverrez Alexandrine, cher Nicolas; je voudrais qu'elle pût être des nôtres pour acquérir tout ce qu'il lui faut pour captiver tous les suffrages ici, au reste on la dit charmante; mais il faut s'instruire de la religion et se familiariser avec nos usages et coutumes. Lorsque l'empereur nous arrivera, je lui parlerai, et mon Nicoche se dira que tout ce que je pourrai faire pour son bonheur sera ma tâche la plus douce et la plus sacrée pour mon coeur. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse de toute mon âme et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments à tous nos braves. Que font Benkendorf et Woronzof? J'espère, cher Michel, que vous vous êtes remis de votre abcès; qu'était-ce et cela vous a-t-il fait beaucoup souffrir? Félicitez le bon Rühl de sa décoration.

Répondez-moi donc au sujet du tierçal: faut-il vous envoyer tout le reste ou une partie, ou faut-il le garder en caisse pour votre retour? Il y a 4 semaines que je vous ai fait la demande sans avoir de réponse.

Павловскъ, 2-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Я вернулась домой къ обѣду, дорогіе друзья мои, проведя утро очень дѣятельно. Прежде всего я была занята съ нашей милой невѣстой разными распоряженіями относительно свадьбы: мы распредѣляли подарки, которые надо будетъ сдѣлать старымъ слугамъ, преподавателямъ, гувернанткамъ, придворнымъ и т. д. и т. д. Послѣ того я должна была заняться тѣмъ, какіе мнѣ придется сдѣлать подарки имъ же; затѣмъ посѣтилъ меня .....[1]), для врученія третныхъ денегъ. Потомъ я была въ Смольномъ, гдѣ я занималась съ г-жой Адлербергъ, инспекторомъ классовъ и Вилламовымъ; мы выработали съ ними болѣе точно программы учебныхъ предметовъ. По возвращеніи въ Таврическій дворецъ, я принимала визиты; позавтракавъ, мы пошли пѣшкомъ на каналъ, чтобы взглянуть на судно, движущееся при помощи паровой машины; это англійское изобрѣтеніе будетъ въ высшей степени полезно для нашихъ судовъ и обѣщаетъ Россіи въ будущемъ большія, крупныя выгоды. Мы прошлись по доку; паровая машина имѣетъ шестнадцать лошадиныхъ силъ; она построена по тому же типу, какъ и другія, съ тою лишь разницею, что коромысла помѣщены сбоку, чтобъ они занимали менѣе мѣста: судно очень легко на ходу и очень легко поворачивается; оно принадлежитъ Берду. Осмотрѣвъ судно, мы сѣли въ экипажъ и вернулись сюда. Послѣ обѣда я ходила осматривать новый цвѣтникъ позади птичника, онъ вышелъ весьма удачный, садъ отъ этого очень выигралъ и будетъ гораздо веселѣе съ этой стороны, тогда какъ прежде онъ былъ загроможденъ. Затѣмъ я была у моихъ племянниковъ и у племянницы, потомъ работала; около восьми часовъ мы вышли въ залу; мы работали, а Вольфъ намъ читалъ вслухъ. Вотъ вамъ точное описаніе проведеннаго мною дня; я бы очень хотѣла знать, какъ вы провели его, но я лишена этого удовольствія. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я не имѣю писемъ; прошелъ мѣсяцъ и четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ получила отъ васъ извѣстія: это приводитъ меня въ отчаяніе и, признаюсь, выводитъ даже изъ терпѣнія, такъ какъ я не понимаю причины этого молчанія. Прощайте, друзья мои; скажите мнѣ, вспоминаете ли вы еще объ насъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Кстати, у Блока родился сегодня сынъ.

Пятница, 3-го сентября.

Курьера все нѣтъ: мы приходимъ съ Аннетой въ отчаяніе и тревожимся; уже тридцать шесть дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ было получено ваше послѣднее письмо. До сихъ поръ еще не было подобной задержки; для меня это непостижимо, и это парализуетъ мою способность

[1]) Слово осталось въ подлинникѣ неразобраннымъ.

писать вамъ, но не мою любовь къ вамъ, ибо я увѣрена, что задержка произошла не по вашей винѣ и что если бы вы знали это, то вы горевали бы вмѣстѣ съ нами и страдали бы при мысли, что ваши письма пропали гдѣ-то въ канцеляріи, не будучи отправлены. Сегодня у насъ была прекрасная погода; говорятъ, будто ночью слегка морозило; но я думаю, что это былъ просто-на-просто утренникъ. Мы катались верхомъ, затѣмъ я сдѣлала прогулку пѣшкомъ. У насъ нѣтъ ничего новаго. Всѣ очень удивлены тѣмъ, что курьера нѣтъ такъ долго. Прощайте, добрые друзья мои, покойной ночи, я очень люблю васъ и отъ всего сердца цѣлую. Какъ бы мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть вашъ почеркъ, знать, что вы здоровы и что вы собираетесь скоро къ намъ.

Суббота, 4-го сентября.

Наконецъ-то, съ полчаса тому назадъ, прибылъ курьеръ отъ императора и привезъ мнѣ его письма отъ 5-го и 12-го августа, такъ какъ курьеръ, посланный съ первымъ письмомъ, заболѣлъ по пути. Онъ привезъ мнѣ также письмо отъ васъ, друзья мои, помѣченное 5-мъ августа; это хоть что-нибудь; благодарю васъ за него отъ всей души. Мнѣ было бы очень пріятно, еслибъ письмо Михаила было немного длиннѣе; ваши письма такъ коротки, что мы недоумѣваемъ, какъ вы имѣете такъ мало сказать намъ, когда вы такъ рѣдко пишете. Вы, дорогой Никошъ, пишете подробнѣе, что доставляетъ мнѣ большое удовольствіе. Я увѣрена, дѣти мои, что нѣкоторыя изъ вашихъ писемъ пропали; надо будетъ попросить князя Волконскаго освѣдомиться, не позабыли ли ихъ гдѣ-нибудь. Могу сообщить вамъ, друзья мои, что я получила прелестное письмо отъ принца Оранскаго, на которое я немедленно отвѣчала; оно очень меня порадовало, такъ какъ онъ повидимому радъ войти съ нами въ родство. Молю Господа, чтобъ здоровье его возстановилось. Мнѣ кажется, что онъ очень интересный молодой человѣкъ. Я въ восторгѣ, дорогія дѣти, что вы употребляете время съ пользой, но я хотѣла бы знать подробно, чѣмъ вы занимаетесь. Передайте мой привѣтъ генералу Коновницыну и скажите ему, что я давно уже не имѣла отъ него извѣстій; что касается вашихъ кавалеровъ, то они очень виноваты передъ мной, не подавая признака жизни, въ особенности Саврасовъ, которому это было спеціально приказано, такъ какъ онъ долженъ былъ посылать мнѣ ежемѣсячно отчетъ въ произведенныхъ расходахъ. Благодарю васъ, дѣти мои, за присланныя двѣ книги; мнѣ очень хотѣлось бы, чтобъ вы сообщили мнѣ о Пуженсѣ и чтобъ вы отвѣтили на мои вопросы о немъ. Сдѣлали ли вы, дорогой Никошъ, для меня покупки по маленькому списку, который я вамъ дала при отъѣздѣ; вы ничего не пишете мнѣ объ этомъ; я дала

вамъ съ тѣхъ поръ новыя порученія, но вы также не упоминаете объ этомъ.

Вы пишете, дорогой Никошъ, что поведеніе ваше до сихъ поръ безупречно; благодарю за это Бога и умоляю васъ обоихъ, во имя моей материнской любви, идти всегда суровой стязей добродѣтели; наградою за это будетъ вамъ семейное счастье. Если императоръ поѣдетъ въ Брюссель и Берлинъ, разумѣется, вы будете сопровождать его, дорогой Никошъ, и снова увидите Александрину; я хотѣла бы, чтобъ она была съ нами, чтобъ пріобрѣсти всѣ необходимыя качества и заслужить всеобщее одобреніе; впрочемъ, говорятъ, что она прелестна; но ей необходимо познакомиться съ нашей религіей и свыкнуться съ нашими нравами и обычаями. Когда императоръ пріѣдетъ, я поговорю съ нимъ, и мой Никошъ можетъ быть увѣренъ, что я сочту самой пріятной и священной для себя обязанностью сдѣлать все отъ меня зависящее для его счастья. Прощайте, добрые друзья мои, обнимаю васъ отъ всей души и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой привѣтъ всѣмъ нашимъ молодцамъ-военнымъ. Что подѣлываютъ Бенкендорфъ и Воронцовъ? Надѣюсь, дорогой Михаилъ, что вашъ нарывъ прошелъ. Что это такое было? и много ли вы страдали отъ него? Поздравьте добраго Рюля съ орденомъ.

Отвѣтьте же мнѣ по поводу вашего третнаго жалованья. Надо ли вамъ выслать все или часть его, или же его слѣдуетъ хранить до вашего возвращенія? Вотъ уже четыре недѣли, какъ я васъ спрашивала объ этомъ, но не получила отвѣта.

Num. 70.

Ce Dimanche, 5 Sept(embre) 1815.

Mon Dieu, mes amis, combien mes yeux vous ont cherchés aujourd'hui comme il me paraissait absolument que vous devriez être dans le salon et avec quel plaisir j'ai vu que beaucoup de personnes de la société pensaient comme moi. Voilà le fait: la fête a été célébrée comme de coutume, messe, dîner, beaucoup de monde: nous étions 112 personnes à table; il fallait faire passer la soirée agréablement, et comme grâce à Dieu notre sang ne coule plus, on a dansé. Chers enfants, que j'aurais voulu vous voir vous amuser sous mes yeux et jouir du plaisir de vous voir contents et gais. Toutes nos jolies danseuses étaient de la partie: la princesse Serge Soltikof, la Troubetzkoi, la Sablukof, la Lopuchin etc. La princesse Troubetzkoi m'a parlé de vous avec bien de l'amabilité; beaucoup de personnes en ont fait de même; le bon Gortchakof m'a chargée de mille choses pour vous; il se remet de sa maladie et a meil-

leure mine. On nous avait donné hier la fausse nouvelle que notre digne et respectable papa Lamsdorf était arrivé; j'en étais d'une joie d'enfant et vite j'avais fait préparer un appartement pour lui, finalement il s'est trouvé que la nouvelle était fausse, ce qui m'a fait peine, il me tarde de revoir le digne vieillard. Bonsoir, mes bons amis, notre temps est affreux.

Ce Lundi, 6 Sept(embre).

Nous avons une journée de mois d'Octobre, c'est bien complètement désagréable. Je vous dirai comme nouvelle que la princesse Tscherbatof se marie et épouse le gentilhomme de chambre Polikarpof; ensuite je vous dirai encore que monsieur Жуковскій est ici depuis Samedi et que nous avons passé une partie de la soirée du Samedi et toute celle de ce soir à lire de ses productions et pour la bonne bouche nous avons lu le Пѣвецъ et le Посланіе: que de beaux et de touchants souvenirs cette lecture ne me retrace-t-elle pas! Je désire une (lettre) de l'empereur espérant que je recevrais vos lettres du 12 qui me manquent, j'en ai perdu plusieurs des vôtres qui reposent apparemment dans la chancellerie où vous les avez envoyées. Parlez-moi je vous en prie du pr(ince) r(oyal) de W(urtemberg), vient-il chez vous et vous voyez-vous en frère? êtes-vous sur un pied amical? Enfin dites-moi, comment est-il, comment se conduit-il à Paris? Est-il effectivement attaché à Catherine? et sa conduite le prouve-t-elle? Que Dieu veille sur son bonheur. Les gazettes disent que monsieur Paul s'est retiré et établi en Suisse; que bien lui fasse, mais je ne serai pas étonnée s'il se faisait renvoyer de là-bas par sa conduite et les mauvais propos. Adieu, mes chers amis; dites-moi, cher Nicoche, si vous vous êtes occupé de mes commissions données à votre départ, dont vous avez la liste, et comment elles me parviendront. Répondez-moi de même au sujet de Pougens et dites-moi finalement, si vous avez vu le fils de Villamof. Bonsoir, mes enfants, bonne nuit et dormez bien. J'ai reçu une lettre de Constantin qui me dit avoir reçu l'ordre de l'empereur de venir le rejoindre: il en est bien content. On dit ici que la princesse Bagration est arrivée à Paris; cela est-il-vrai?

Ce Mardi, 7 Sept(embre).

Bonjour, mes chers amis! Où êtes-vous?Je suppose que si l'empereur ira à Bruxelles vous l'accompagnerez, peut-être alors reverrez-vous Guillaume, je le voudrais; tout ce que j'entends dire de ce jeune homme me présage le bonheur d'Annette; et cette espérance fait le mien; les nôtres l'aiment beaucoup, le disent bien aimable et d'une tournure charmante; cela ne déplaira pas à Annette qui aime le comme-il-faut

dans les manières. L'autre n'est pas aimé chez nous, son ton moqueur et ses manoeuvres ont fait grand tort: on ne le croit pas même fidèle à C(atherine): son avenir me donne bien des inquiétudes, je crains que mes pressentiments ne se vérifient et qu'elle se repentira de son choix. Parlez-moi de lui, je vous en prie. Tâchez que vos lettres me parviennent, chers enfants, et informez vous pourquoi je n'en ai pas reçu par le courrier du 12. Mes compliments au général, à vos messieurs, à nos braves. Ne m'oubliez pas, rappelez-vous des mes conseils, chers enfants, et donnez-moi le bonheur, la jouissance de vous estimer toujours vous-mêmes, alors vous le serez par vos compatriotes et bénis par votre mère qui vous serre dans ses bras et vous embrasse bien tendrement.

Marie.

Au cas que Pougens soit mort, informez-vous, cher Nicoche, à qui je pourrais m'adresser pour le remplacer pour les soins de ma bibliothèque et l'achat des livres.

Воскресенье, 5-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Боже мой, друзья мои, какъ я васъ искала глазами сегодня; мнѣ положительно казалось, что вы должны быть въ залѣ; и какъ мнѣ было пріятно видѣть, что многіе изъ собравшихся думали то же. Праздникъ прошелъ какъ обычно; была отслужена обѣдня, былъ обѣдъ и много гостей; насъ сидѣло за столомъ 112 человѣкъ; такъ какъ надо было позаботиться, чтобы гости провели вечеръ пріятно, и такъ какъ, благодаря Бога, русская кровь болѣе не проливается, то мы танцовали; дорогія дѣти, какъ мнѣ было бы отрадно, если бы вы веселились вмѣстѣ съ нами, и какъ было бы пріятно видѣть, что вы довольны и веселы. Всѣ наши хорошенькія танцующія дамочки были на лицо: княгиня Салтыкова, супруга князя Сергѣя, Трубецкая, Саблукова, Лопухина и т. д. Княгиня Трубецкая очень любезно говорила о васъ, такъ же, какъ и многія другія; добрый Горчаковъ просилъ меня передать вамъ его привѣтъ; онъ поправляется отъ болѣзни и имѣетъ лучшій видъ. Вчера намъ сообщили, будто нашъ достойный и многоуважаемый папаша Ламсдорфъ пріѣхалъ, но это оказалось невѣрно; я обрадовалась, какъ дитя, и велѣла какъ можно скорѣе приготовить для него комнату, но когда оказалось, что это была неправда, то я была очень огорчена; я желала бы скорѣе увидѣть этого достойнаго старика. Прощайте, добрые друзья мои; погода у насъ отвратительная.

Понедѣльникъ, 6-го сентября.

Сегодня была настоящая октябрьская погода, это очень непріятно. Скажу вамъ новость: княжна Щербатова выходитъ замужъ за камеръ-

юнкера Поликарпова; затѣмъ скажу вамъ, что Жуковскій здѣсь съ субботы и что мы провели часть вечера въ субботу и весь сегодняшній вечеръ, читая его произведенія, а на закуску прочли «Пѣвца» и «Посланіе»; какъ много прекрасныхъ и трогательныхъ воспоминаній вызвало во мнѣ это чтеніе! Я съ нетерпѣніемъ ожидаю письма отъ императора; надѣюсь получить отъ васъ письма отъ 12-го числа, которыхъ недостаетъ; нѣсколько вашихъ писемъ пропало: очевидно, они находятся въ канцеляріи, куда они были отданы вами. Напишите мнѣ пожалуйста о наслѣдномъ принцѣ Виртембергскомъ, бываетъ ли онъ у васъ и встрѣчаетесь ли вы съ нимъ по-братски? Въ дружескихъ ли вы съ нимъ отношеніяхъ? Словомъ, скажите мнѣ, каковъ онъ и какъ онъ ведетъ себя въ Парижѣ? Дѣйствительно ли онъ любитъ Екатерину, доказываетъ ли онъ это своимъ поведеніемъ? Да пошлетъ ей Господь счастье. Въ газетахъ пишутъ, что Павелъ [1]) удалился въ Швейцарію, гдѣ онъ окончательно поселился. Дай Богъ ему всего хорошаго, но я не удивлюсь, если его вышлютъ оттуда за его поведеніе и неумѣстныя рѣчи. Прощайте, друзья мои; скажите мнѣ, дорогой Никошъ, исполнили ли вы мои порученія, данныя вамъ при отъѣздѣ, коихъ вы имѣете списокъ, и какимъ путемъ они будутъ мнѣ доставлены. Отвѣтьте мнѣ также насчетъ Пуженса и скажите мнѣ наконецъ, видѣли ли вы сына Вилламова. Прощайте, дѣти мои, спокойной ночи, спите спокойно. Я получила письмо отъ Константина; онъ пишетъ мнѣ, что императоръ приказалъ ему пріѣхать къ нему, чѣмъ онъ очень доволенъ. Здѣсь носится слухъ, будто въ Парижъ пріѣхала княгиня Багратіонъ; правда ли это?

7-го сентября, вторникъ.

Здравствуйте, мои добрые, дорогіе друзья. Гдѣ вы? Я полагаю, что если императоръ поѣдетъ въ Брюссель, то вы будете сопровождать его и, быть можетъ, увидитесь тогда съ Вильгельмомъ; я очень желала бы этого. Все, что я слышу объ этомъ молодомъ человѣкѣ, предвѣщаетъ мнѣ счастье для Аннеты, и отъ этого я чувствую себя счастливой; всѣ наши очень любятъ его, говорятъ, что онъ очень любезенъ и изященъ; это понравится Аннетѣ, которая любитъ изящныя манеры. Того—другого у насъ не любятъ, его насмѣшливый тонъ и продѣлки очень повредили ему; думаютъ даже, что онъ невѣренъ Екатеринѣ. Ея будущность внушаетъ мнѣ большія опасенія; я боюсь, чтобы мои предчувствія не оправдались и чтобъ она не раскаялась въ сдѣланномъ ею выборѣ. Прошу васъ, напишите мнѣ о немъ. Постарайтесь, чтобы ваши письма были получены мною, дорогія дѣти, и справьтесь, почему я не получила отъ васъ

---

[1]) Принцъ Виртембергскій.

письма съ курьеромъ, посланнымъ 12-го числа. Шлю привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Не забывайте меня, помните мои совѣты, дорогія дѣти, и доставьте мнѣ счастье и радость видѣть, что вы уважаете себя; тогда васъ будутъ уважать и ваши соотечественники и будетъ благословлять ваша мать, которая горячо обнимаетъ и цѣлуетъ васъ. Марія.

Въ случаѣ, если Пуженсъ умеръ, разузнайте, дорогой Никошъ, кому бы мнѣ поручить вмѣсто него заботы о моей библіотекѣ и покупку книгъ?

Num. 71.

Ce Mercredi, 8 Sept(embre) 1815.

Partagez ma satisfaction, mes bons, chers amis: notre bon et digne général Lamsdorf est arrivé et viendra demain chez moi. Je m'en réjouis du fond de mon coeur, nous causerons de vous et nos âmes seront à l'unisson pour vous chérir et demander à Dieu votre maintien dans la voie du devoir, de l'ordre, de la règle, de la vertu; je vous manderai demain comment je l'aurai trouvé. Nous avons eu une journée superbe, il a fait une rosée ou une gelée blanche qui nous a valu un ciel pur et serein, et le soleil a réchauffé l'air. Nous avons dîné chez la comtesse Golowkin dans sa nouvelle galerie, qu'elle a construite sur la place que j'avais donnée à la ..... [1]) et qu'elle a vendue à la comtesse. L'emplacement est très beau, la vue délicieuse, mais la galerie me paraît manquée dans les proportions. Paschkof m'a annoncé ce soir que le g(énéral) Lévachof était arrivé et demandait à m'être présenté, je l'ai fixé à demain; il précède son régiment pour affaires. Cher Michel, que nous penserons à vous. Dans peu tous nos militaires reviendront, ce qui nous fait plaisir. On dit que le comte Miloradovitch fait une excursion à Kiew. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien.

Ce Jeudi, 9 Sept(embre).

Notre bon papa Lamsdorf est arrivé ce matin à 9 heures, frais, gai, dispos, avec la mine brillante de santé, bien content de vous, mes bons amis, de vos lettres, il venait d'en recevoir une de vous, cher Nicoche, du 7 Août. Les éloges qu'il entend faire de vous rajeunissent ce respectable vieillard, il me répétait ce matin avec l'accent du sentiment: J'espère qu'ils quitteront Paris purs, vertueux, dignes de vos bontés, et qu'en se retrouvant dans vos bras ils pourront vous dire: Maman, vous pouvez être contente de nous. C'est ce dont je me flatte aussi, chers enfants, c'est ce que je demande à Dieu avec ardeur. Nous avons passé

[1]) Слово не разобрано.

la matinée à parler de vous, ensuite à midi, par un temps superbe, nous avons fait une longue promenade à pied; il a dîné chez moi et m'a quittée après le dîner pour rejoindre sa femme qui était un peu souffrante. Nous nous verrons, s'il plaît à Dieu, le 14 en ville et il m'a promis de venir passer quelques jours à Gatschina. Il a trouvé le bon Glinka chez moi et s'en est bien réjoui. Je ne puis vous exprimer, mes bons amis, ce que j'ai éprouvé en le revoyant, c'est un avant-goût du bonheur que j'éprouverai à vous embrasser, mais comme mes yeux vous ont cherchés et ne concevaient pas que vous n'étiez pas des nôtres. J'ai béni Dieu de trouver le bon vieillard aussi bien, mais il est bien certainement plus frais et mieux qu'à son départ. Il m'enverra Dimanche une lettre pour vous. Le général Lévaschof a été des nôtres à dîner, il a pris les devants pour arranger ses réserves et les préparer; il a été à Varsovie et est enchanté et émerveillé des travaux de Constantin; il dit que la troupe qu'il a formée est superbe. Voilà toutes mes nouvelles, mes bons amis, que je vous donne en terminant ces lignes, en vous embrassant de tout, tout mon coeur et vous donnant mille bénédictions.

Ce Vendredi, 10 Sept(embre).

Nous avons un temps des dieux, mes amis, le plus beau ciel possible, une température délicieuse à midi, mais il gèle toutes les nuits; mon jardinier de Gatschina m'a dit qu'il a même gelé de la glace et que les fleurs sont abîmées, ce qui n'est pas le cas ici. Je viens de faire une grande promenade sur votre place avec l'ami Gonzague; elle devient belle; le bois tombe derrière votre palais, nous nous efforçons à vous plaire, chers enfants, pour que vous trouviez le séjour à nous agréable. Rien de nouveau à vous mander d'ici; ainsi, comme j'ai encore à faire, adieu, mille bénédictions et autant d'assurances d'amitié et de tendresse.

Marie.

Mes compliments au général et à vos messieurs, de même qu'à nos braves. On dit ici que Pougens existe: de grâce, mes enfants, tâchez d'en avoir des nouvelles: peut-être M-r Cuvier pourra-t-il vous en donner.

Среда, 8-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Порадуйтесь вмѣстѣ со мной, добрые, дорогіе друзья мои; нашъ добрый и достойный ген. Ламсдорфъ пріѣхалъ и будетъ завтра у меня, я отъ души радуюсь этому, мы будемъ говорить о васъ, наши души сольются въ любви къ вамъ, и мы будемъ вмѣстѣ съ нимъ просить Бога поддержать васъ на пути долга, порядка и добродѣтели; я напи-

шу вамъ завтра, какъ я нашла его. У насъ была великолѣпная погода; по утру былъ иней, небо было ясное, и солнце согрѣло воздухъ; мы обѣдали у графини Головкиной въ ея новой галереѣ, построенной на мѣстѣ, которое я подарила ..... [1]) и которое она продала графинѣ. Мѣстность очень красивая, видъ прелестный, но галерея, по моему мнѣнію, не пропорціональна. Пашковъ доложилъ мнѣ сегодня вечеромъ, что пріѣхалъ генералъ Левашовъ и желаетъ представиться мнѣ; я приму его завтра; онъ пріѣхалъ раньше полка по дѣламъ. Дорогой Михаилъ, какъ мы будемъ думать о васъ. Въ скоромъ времени всѣ наши военные вернутся, чему мы очень рады. Говорятъ, будто графъ Милорадовичъ ѣдетъ въ Кіевъ. Покойной ночи, добрые друзья мои; спите спокойно.

Четвергъ, 9-го сентября.

Нашъ добрый папаша Ламсдорфъ пріѣхалъ сегодня по утру въ 9 часовъ, свѣжій, веселый, бодрый; его лицо дышетъ здоровьемъ, и онъ очень доволенъ вами, добрые друзья мои, и вашими письмами; онъ только-что получилъ письмо отъ васъ, дорогой Никошъ, отъ 7-го августа. Похвалы, которыя онъ слышитъ о васъ, подбодряютъ этого почтеннаго старца; онъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ съ искреннимъ чувствомъ: «Я надѣюсь, что они уѣдутъ изъ Парижа чистые, добродѣтельные, достойные вашихъ милостей и, очутившись въ вашихъ объятіяхъ, они будутъ имѣть право сказать: «Мамаша, вы можете быть довольны нами». Я также надѣюсь на это, дорогія дѣти, и горячо молю объ этомъ Господа. Мы все утро говорили о васъ; а затѣмъ въ полдень совершили большую прогулку пѣшкомъ, погода была великолѣпная; Ламсдорфъ обѣдалъ у меня, но послѣ обѣда уѣхалъ, онъ торопился къ женѣ, которая немного нездорова. Мы увидимся, Богъ дастъ, 14-го числа въ городѣ, онъ обѣщалъ мнѣ пріѣхать на нѣсколько дней въ Гатчину. Онъ былъ очень доволенъ, заставъ у меня добраго Глинку. Не могу выразить вамъ, добрые друзья мои, что я испытала, увидавъ его; это было предвкушеніе того счастья, которое я испытаю, обнявъ васъ; но какъ я васъ искала глазами, я не могла помириться съ мыслью, что васъ не было съ нами. Благодарю Бога за то, что добрый старикъ чувствуетъ себя очень хорошо, онъ сталъ несомнѣнно гораздо свѣжѣе и на видъ лучше, нежели передъ отъѣздомъ. Въ воскресенье онъ пришлетъ мнѣ письмо для передачи вамъ. Генералъ Левашовъ обѣдалъ съ нами; онъ пріѣхалъ впередъ, чтобы приготовить резервы; онъ былъ въ Варшавѣ и восхищенъ работою Константина; онъ говоритъ, что сформированное имъ войско великолѣпно. Вотъ и всѣ мои новости, добрые

[1]) Слово не разобрано.

друзья мои. Заканчиваю эти строки, благословляя васъ отъ всей, отъ всей души, и посылаю вамъ тысячу благословеній.

10-го сентября, пятница.

У насъ божественная погода, друзья мои, небо восхитительное, въ полдень температура пріятная, но каждую ночь слегка подмораживаетъ; мой гатчинскій садовникъ сказалъ мнѣ, что вода даже замерзла и цвѣты попорчены; здѣсь этого не было. Я только-что совершила большую прогулку съ моимъ другомъ Гонзаго въ вашей части парка; она становится очень красивою; позади вашего дворца вырубаютъ лѣсъ; мы стараемся дѣлать вамъ пріятное, дорогія дѣти, чтобы вы чувствовали себя съ нами хорошо. Я не имѣю сообщить вамъ отсюда ничего новаго, поэтому прощайте, такъ какъ у меня еще есть дѣло; тысячу разъ благословляю васъ и столько же разъ увѣряю васъ въ своей любви и дружбѣ. Марія.

Мой привѣтъ генералу и вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Здѣсь говорятъ, будто Пуженсъ живъ. Бога ради, дѣти мои, постарайтесь разузнать о немъ; быть можетъ, г. Кювье можетъ дать вамъ какія-нибудь свѣдѣнія о немъ.

Num. 72.

Ce Samedi, 11 Sept(embre) 1815.

Il y a 8 jours que nous avons reçu vos dernières lettres, mes bons amis, et elles étaient du 6 et 7 Août, ainsi je suis à un mois et 3 jours de sa date: c'est bien bien long. Dieu sait d'où viennent ces retards des courriers. Le temps est superbe, ainsi les chemins doivent être parfaits, car il gèle toutes les nuits, mais la journée est magnifique. Les gazettes m'alarment, car il me paraît que les esprits sont bien agités en France. Est-il vrai que les jours de la d(uchesse) d'Angoulème ont été en danger à Poitiers? Elles nous disent aussi que l'empereur va à Milan, mais le Ciel nous préservera du malheur de voir prolonger son absence: ce serait réduire tout le monde au désespoir. Bonsoir, mes enfants, rien de nouveau au monde, je finis par mon vieil adage en vous répétant l'assurance de mon souvenir et renouvellant ma bénédiction.

Ce Dimanche, 12 Sept(embre).

Nous avons eu encore la plus belle journée possible et la promenade a été des plus agréables. J'ai passé la journée en retraite comme toujours, elle est riche en tristes souvenirs pour moi. Pas de courrier encore. Nous faisons nos paquets pour partir avec l'aide de Dieu après-demain; par le temps superbe qu'il fait je quitte Pawlovsk à regret. On

nous a dit aussi que M-r Swistunof le chambellan est mort au Caucase où il avait été, je crois, envoyé par commission. Rien de nouveau du reste, je n'ai vu personne, aussi Pawlovsk à ce Dimanche ne se ressemble pas avec ceux des autres semaines. Bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de coeur et d'âme.

Ce 13 Sept(embre).

Adieu, mes chers enfants, je pars demain et j'empaquète, je n'ai un moment à moi. Voici une lettre de papa Lamsdorf. Pas de vos nouvelles depuis 10 jours, c'est désolant. Je vous embrasse bien tendrement et vous aime de même. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Mes compliments à qui appartient.

Суббота, 11-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Уже недѣля прошла съ тѣхъ поръ, какъ мы получили ваши послѣднія письма, друзья мои; они были помѣчены 6-мъ и 7-мъ августа, слѣдовательно, писаны мѣсяцъ и три дня тому назадъ, это очень давно. Богъ знаетъ, почему курьеры такъ запаздываютъ. Погода стоитъ великолѣпная, и дороги должны быть очень хороши, такъ какъ ночью подмораживаетъ, а днемъ стоитъ великолѣпная погода. Газеты тревожатъ меня, такъ какъ изъ нихъ видно, что умы во Франціи очень возбуждены. Правда ли, что жизнь герцогини Ангулемской подверглась опасности въ Пуатье? Въ газетахъ пишутъ также, что императоръ собирается въ Миланъ. Не дай Богъ, чтобы отсутствіе его продолжилось долго: это было бы большое несчастіе и привело бы всѣхъ въ отчаяніе. Прощайте, дѣти мои, у насъ нѣтъ ничего новаго; кончаю своимъ вѣчнымъ припѣвомъ, повторяя вамъ увѣреніе въ томъ, что я васъ помню и благословляю.

Воскресенье, 12-го сентября.

Сегодня у насъ была опять великолѣпнѣйшая погода, я совершила очень пріятную прогулку; сегодняшній день я провела по обыкновенію въ уединеніи; онъ полонъ для меня грустныхъ воспоминаній. Курьера все еще нѣтъ. Мы укладываемся и съ Божьей помощью собираемся уѣхать послѣ-завтра. Погода такъ хороша, что я покидаю Павловскъ съ сожалѣніемъ. Намъ сообщили также, что камергеръ Свистуновъ умеръ на Кавказѣ, куда онъ былъ посланъ, кажется, съ порученіемъ. Впрочемъ, у меня нѣтъ никакихъ новостей, я никого не

видѣла, и Павловскъ въ это воскресенье не былъ похожъ на всѣ другія воскресенья. Прощайте, добрые друзья мои; ваша душой и сердцемъ.

13-го сентября.

Прощайте, дорогія дѣти, я уѣзжаю завтра, укладываюсь и не имѣю свободной минутки. Прилагаю письмо отъ папаши Ламсдорфа. Вотъ уже 10 дней, какъ отъ васъ нѣтъ извѣстій; это приводитъ меня въ отчаяніе. Нѣжно цѣлую васъ и также нѣжно люблю. Не забывайте меня. Марія.

Мой привѣтъ кому слѣдуетъ.

Num. 73.

St. Pétersbourg, ce Mardi, 14 Sept(embre), 1815.

Je suis ici depuis le dîner, mes chers enfants. Toute mon après-dînée je l'ai employée à visiter les instituts. La journée était digne du mois de Juillet, aussi, à force d'avoir été en mouvement, je me sens fatiguée et mes yeux me tombent. Bonsoir donc, mes bons amis; le reste, s'il plaît à Dieu, demain.

Ce 15 Sept(embre), Mercredi.

Cher Nicolas, j'ai passé et hier et aujourd'hui dans vos chambres, les miennes sont démeublées, on les nettoie et arrange un peu, il n'y a que ma chambre à coucher qui reste telle qu'elle a été et dont la tapisserie ne peut pas se laver; ainsi je dors chez moi et dès ce que j'ai fait ma première toilette de matin j'ai passé chez vous, pour déjeuner, m'habiller et recevoir du monde. Nous avons dîné hier et aujourd'hui dans votre chambre d'étude et avons pris le café sur votre balcon. Je ne puis vous exprimer, cher Nicoche, ce que j'éprouve de me trouver chez vous sans vous voir: je me crois plus rapprochée de vous, je crois vous voir, vous entendre, et mon coeur se serre en voyant que vous n'y êtes pas. Le bon papa Lamsdorf a dîné chez moi hier, il était un peu enrhumé, ce qui l'a empêché de venir me voir aujourd'hui, mais son incommodité est sans conséquence. Annette est chez vous, cher Michel, et éprouve les mêmes sentiments: nous nous disons que vous aurez plaisir à nous avoir hébergées. J'ai été à l'église de Casan par un temps du mois de Juillet; Annette n'a pas été avec moi ayant pris hier accidentellement un peu de colique, alors Chreithon n'a pas voulu qu'elle s'expose à l'humidité de l'église, mais du reste elle se porte bien et a dîné et soupé avec moi. Nous comptons aller voir demain l'exposition des tableaux et puis nous irons à Gatchina. Je désire que le temps nous

*

y favorise comme il l'a fait ces jours-ci, où nous avons eu la plus belle journée d'été. J'ai vu aujourd'hui le bon général Sipägin et le prince Dmitri Galitzin. Sipägin m'a dit que notre bon comte Miloradovitch voulait aller à Kief, mais que pour la mi-d'Octobre il serait de retour. J'espère bien que pour la mi-Octobre je reverrai aussi mes petits amis: je m'en meurs d'envie et demande au Ciel de vous ramener tous au plus tôt. Il est grandement temps et essentiel que l'empereur revienne: son absence désole. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse de tout mon coeur et vous écris toujours, quoique vous ne m'écrivez pas. Nous voici 13 jours sans vos nouvelles et à un mois et 7 jours de notre dernière lettre; c'est cruel, mais je sais que ce n'est pas votre faute. Bonsoir, chers et bien aimés enfants, que Dieu soit avec vous.

Gatchina, ce 16 Sept(embre).

Chers, bien aimés enfants, me voici arrivée ici, je vous cherche partout, je crois vous entendre, je vais chez vous, enfin mon coeur est ..... [1]) de ne pas vous voir près de moi et j'en éprouve une peine qui ne s'exprime pas, mais qui (se) sent profondément. J'ai eu le bonheur de recevoir ce matin trois de vos lettres à la fois, du 12, 17 et 22 Août et vous en remercie de tout mon coeur: elles me donnent une jouissance inexprimable et vous valent toujours des bénédictions. Que je vous suis obligée, cher Nicoche, de me parler avec cette franchise et cet abandon: c'est le seul langage à admettre entre mère et fils, mes bons enfants, le seul qui établit la confiance et la légitime par l'estime. Je bénis Dieu de vous savoir vous maintenir dans les principes que je vous ai souvent prêchés, cher Nicolas, de même que notre digne et respectable Lamsdorf; tenez-vous y constamment, mon bon ami, et alors vous descendrez toujours avec satisfaction au fond de votre conscience et vous vous direz: Dieu sera content de moi, ainsi maman le sera. Je vous dis la même chose, cher et bien aimé Michel, et voudrais bien que vous aussi me parliez avec toute l'ouverture possible. Il m'est pénible, mes bons amis, de voir par vos occupations continuellement militaires du matin que vous ne pouvez donner nul temps à une occupation sérieuse et ..... [2]) qui soit au profit de votre esprit, de votre jugement, de vos connaissances. Voilà bien du temps perdu, mes bons amis; souvenez-vous du précepte de feu mon père que je vous ai cité si souvent: le jour qu'on n'avance pas en connaissance, on recule. Enfin j'espère, s'il plaît à Dieu, que votre séjour à Paris tire à sa fin et que bientôt vous reprendrez la route qui vous ramènera chez nous, où vous tâcherez, j'en suis sûre, de

[1]) Слово не разобрано.
[2]) Слово не разобрано.

regagner le temps perdu. L'empereur nous fait espérer son retour, ce qui me rend d'un grand bonheur: je ne peux assez répéter, combien il est essentiel qu'il revienne au plus tôt. Je vois, cher Nicoche, que vous avez l'espérance de revenir par Berlin et de vous y arrêter quelques jours, je m'en réjouis avec vous; je suis bien aise de voir qu'Alexandrine paraît être portée pour vous, mais ménagez sa délicatesse, cher Nicoche, et ne la faites pas apercevoir que vous savez son secret: il faut vous le dissimuler à vous-même pour être d'autant plus heureux dans la suite. Je me réjouis beaucoup des bonnes nouvelles de la santé de Guillaume: tout le temps que j'entends dire de cet estimable jeune homme me le rend toujours plus cher. Il est bien heureux de le voir aimé par les nôtres: ils sont bons juges. Il est cruel de voir que l'autre ne l'est pas; le sort de Cateau me donne des angoisses mortelles: elle l'aime de si bonne foi, elle en a une si haute opinion que si jamais elle est obligée d'en décompter, elle en sera bien malheureuse. Elle se loue beaucoup de son amitié, de sa confiance, de sa grande exactitude, dernièrement elle m'a marqué qu'il lui avait parlé de la manière la plus avantageuse de Guillaume et qu'il paraissait qu'ils s'étaient liés d'amitié. Il est très particulier que l'empereur ne me nomme plus le W(urtemberg); c'est comme s'il n'existait pas; j'observe donc le même silence sur lui dans mes lettres: pour vous, mes bons amis, soyez prudents, il a certainement de l'esprit et de la finesse, ainsi soyez sur vos gardes pour ne pas lui faire voir que vous n'en avez pas bonne opinion. Je plains Catherine du fond de mon coeur. Ne savez-vous rien des intentions du prince de W(urtemberg): vient-il ici? ne vient-il pas? y-a-t-il quelque chose de décidé sur le temps et les lieux de la noce? Assisterez-vous au couronnement du r(oi) des Pays-Bas? Et vers quel temps croyez-vous que vous pourrez arriver chez nous? Puis-je me livrer à l'espoir de vous voir le 14 Oct(obre)? Grand Dieu, que je serai heureuse! Avant mon départ de ce matin j'ai été à l'académie des beaux-arts. Voilà un superbe établissement qui périclite et qui ne se ressemble plus depuis la mort du comte Stroganof, c'est bien dommage. Notre temps est superbe. Je ne puis rien vous dire d'ici, si non que j'ai logé Petruche dans vos chambres, Nicoche, pour avoir un enfant près de moi; cela me donne quelques moments d'heureuse illusion.

J'ai vu ce matin papa Lamsdorf à qui j'ai remis votre lettre, cher Michel; elle lui a fait grand plaisir. Bien obligée, mon bon ami, pour votre superbe robe, mais c'est trop beau, cher enfant, et je suis peinée de vous voir faire de la dépense pour moi, mon bon ami; recevez tous mes remercîments et mes tendres embrassements. Dites-moi, cher Nicoche, si vous avez fait toutes mes emplettes, sans avoir oublié les fleurs; j'espère que vous nous enverrez des listes pour que nous ne nous trompions pas avec Annette. Je vois, mes bons amis, que tous ces grands

dîners vous ennuient beaucoup, et ne m'en étonne pas; j'ai été surprise de vous voir dîner chez la duchesse de Courlande, femme bien méprisable, à laquelle je ne rendrai pas les compliments qu'elle m'a fait faire. Comment vous êtes-vous amusé à Grosbois? La princesse est-elle aimable? Adieu, chers et bons enfants, faites mes compliments à vos messieurs, à tous nos braves militaires, surtout à Constantin Benckendorf; mille choses au bon Rühl, dites-lui qu'il n'oublie pas de me faire une bonne provision de pastilles pour la toux qui m'ont fait tant de bien. Répondez-moi, je vous en prie, sur Pougens. Est-il mort ou vivant? Cette ignorance nuit à ma bibliothèque qui languit et ne reçoit rien depuis le mois de Mars. Adieu mille fois, chers et bien aimés enfants, je vous embrasse de toute mon âme, de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

On dit le g(énéral) Kleinmichel mort d'un coup d'apoplexie; il était en Pologne.

С.-Петербургъ. 14-го сентября, вторникъ, 1815 г.

(Переводъ). Я здѣсь съ обѣда, дорогія дѣти; все послѣобѣденное время я обозрѣвала институты. Погода была чисто-іюльская, и такъ какъ я много двигалась, то я чувствую себя утомленной и глаза у меня слипаются; поэтому прощайте, добрые друзья мои; остальное, если Богу будетъ угодно, напишу завтра.

15-го сентября, среда.

Дорогой Николай, я провела сегодняшній и вчерашній день въ вашихъ комнатахъ; изъ моихъ комнатъ вынесена вся мебель, ихъ чистятъ и приводятъ немного въ порядокъ. Только моя спальня осталась не тронутой, въ ней нельзя мыть обои, поэтому я сплю у себя и, совершивъ по утру свой туалетъ, тотчасъ отправляюсь къ вамъ, завтракаю, одѣваюсь и принимаю гостей. Вчера и сегодня мы обѣдали въ вашемъ кабинетѣ и пили чай на вашемъ балконѣ; не могу выразить вамъ, дорогой Никошъ, что я чувствую, находясь въ вашихъ комнатахъ и не видя васъ: мнѣ кажется, что я ближе къ вамъ, мнѣ кажется, что я вижу и слышу васъ, и сердце сжимается у меня отъ боли, видя, что васъ нѣтъ. Вчера у меня обѣдалъ добрый папаша Ламсдорфъ; у него былъ маленькій насморкъ, потому онъ не могъ быть у меня сегодня, но его болѣзнь пустяшная. Аннета помѣщается у васъ, дорогой Михаилъ, и испытываетъ тѣ же чувства; мы думаемъ, что вамъ будетъ пріятно слышать, что вы пріютили насъ. Воспользовавшись чисто-іюльской по-

годой, я побывала въ Казанскомъ соборѣ; Аннета со мной не ѣздила, такъ какъ у нея случайно сдѣлались желудочныя спазмы и Крейтонъ не хотѣлъ, чтобы она ѣздила въ церковь, боясь сырости; впрочемъ, она чувствуетъ себя хорошо и обѣдала и ужинала вмѣстѣ со мною. Завтра мы намѣрены побывать на выставкѣ картинъ, а затѣмъ поѣдемъ въ Гатчину. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ погода намъ благопріятствовала такъ же, какъ всѣ эти дни, которые были совершенно лѣтніе. Я видѣла сегодня добраго генерала Сипягина и князя Дмитрія Голицына. Сипягинъ сказалъ мнѣ, что нашъ добрый графъ Милорадовичъ собирается въ Кіевъ и что онъ вернется въ половинѣ октября. Надѣюсь также въ половинѣ октября увидѣть моихъ милыхъ друзей; я страстно желаю этого и прошу Господа, чтобы вы всѣ вернулись какъ можно скорѣе; императору давно уже пора вернуться, это необходимо, его отсутствіе приводитъ всѣхъ въ отчаяніе. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца; я постоянно пишу вамъ, хотя вы мнѣ ничего не пишете. Вотъ уже 13 дней, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій, а съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ писали послѣдній разъ, прошелъ мѣсяцъ и 6 дней; это жестоко, но я знаю, что вы въ этомъ не виноваты. Прощайте, дорогія, любезныя дѣти, да сохранитъ васъ Господь.

Гатчина, 16-го сентября.

Дорогія, любезныя дѣти, вотъ я и пріѣхала въ Гатчину; я повсюду ищу васъ; мнѣ кажется, что я васъ слышу; я иду въ ваши комнаты, словомъ, я тоскую всѣмъ сердцемъ, что васъ нѣтъ со мною, и испытываю такую грусть, которую нельзя передать словами, но которую я чувствую глубоко. Я имѣла удовольствіе получить сегодня утромъ отъ васъ три письма сразу отъ 12-го, 17-го и 22-го августа; отъ всего сердца благодарю васъ за нихъ, они доставляютъ мнѣ несказанное удовольствіе, и я благословляю васъ за нихъ.

Какъ я благодарна вамъ, дорогой Никошъ, за вашу откровенность и искренность; это единственный языкъ, возможный между матерью и сыномъ; добрыя дѣти мои, онъ одинъ только и можетъ вызвать довѣріе и оправдать его взаимнымъ уваженіемъ. Я благодарю Бога за то, что вы не отступаете отъ тѣхъ правилъ, которыя я такъ часто внушала вамъ, дорогой Николай, точно такъ же, какъ нашъ достойный и уважаемый Ламсдорфъ; держитесь ихъ всегда, добрый другъ мой, тогда вы всегда будете прислушиваться къ голосу вашей совѣсти и скажете себѣ: «Богъ доволенъ мной, мамаша тоже будетъ довольна». Повторяю то же самое и вамъ, дорогой и любезный Михаилъ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы и вы писали мнѣ также со всевозможною откровенностью. Мнѣ грустно видѣть, добрые друзья мои, что, будучи заняты все утро военными упражненіями, вы не можете посвятить времени серьезнымъ заня-

тіямъ, которыя были бы полезны для вашего ума, для вашего разсудка, для вашихъ знаній. Вы теряете такимъ образомъ очень много времени, добрые друзья мои; припомните правило моего покойнаго отца, которое я вамъ не разъ повторяла: въ тотъ день, когда человѣкъ не пріобрѣтаетъ новыхъ знаній, онъ идетъ назадъ. Я надѣюсь однако, что съ Божьей помощью ваше пребываніе въ Парижѣ скоро кончится и что вы вскорѣ пуститесь снова въ путь къ намъ и, пріѣхавъ сюда, постараетесь, я увѣрена, наверстать потерянное время.

Императоръ подаетъ намъ надежду, что онъ скоро вернется; это насъ несказанно радуетъ. Я не могу достаточно выразить вамъ, до какой степени необходимо, чтобы онъ вернулся какъ можно скорѣе. Я вижу, дорогой Никошъ, что вы разсчитываете на обратномъ пути быть проѣздомъ въ Берлинѣ и остановиться тамъ на нѣсколько дней; я радуюсь этому вмѣстѣ съ вами; я очень довольна, что Александрина повидимому расположена къ вамъ, но пощадите ея деликатность и не показывайте ей, что вамъ извѣстенъ ея секретъ: вы должны это скрывать отъ самого себя, чтобъ быть счастливѣе впослѣдствіи. Меня очень радуютъ добрыя вѣсти о здоровьи Вильгельма; все, что я слышу объ этомъ достойномъ молодомъ человѣкѣ, дѣлаетъ его еще дороже для меня. Я очень рада, что наши полюбили его: они хорошіе судьи; тяжело видѣть, что того-другого не любятъ; судьба Като меня теперь сильно тревожитъ; она его такъ искренно любитъ и такого хорошаго о немъ мнѣнія что она была бы очень несчастлива, если бы ей пришлось измѣнить это мнѣніе. Она не нахвалится его любовью, его довѣріемъ, его аккуратностью; еще недавно она писала мнѣ, что онъ отозвался самымъ выгоднымъ образомъ о Вильгельмѣ, и они какъ будто бы подружились. Удивительно, что императоръ не упоминаетъ болѣе о (принцѣ) Виртембергскомъ, какъ будто его не существуетъ; поэтому и я также умалчиваю о немъ въ своихъ письмахъ; что касается васъ, добрые друзья мои, будьте осторожны, онъ несомнѣнно уменъ и хитеръ, поэтому будьте осмотрительны, чтобы не показать ему, что вы дурного о немъ мнѣнія. Я отъ всей души жалѣю Екатерину. Не извѣстно ли вамъ что-нибудь о намѣреніяхъ принца Виртембергскаго, собирается ли онъ пріѣхать сюда или нѣтъ? Рѣшено ли что-нибудь окончательно относительно времени и мѣста свадьбы? Будете ли вы присутствовать на коронаціи короля Нидерландскаго и когда вы разсчитываете пріѣхать къ намъ? Могу ли я надѣяться видѣть васъ 14-го октября? Боже мой, какъ я была бы счастлива! Сегодня утромъ передъ отъѣздомъ я была въ академіи художествъ: это великолѣпное учрежденіе приходитъ въ упадокъ, оно совершенно измѣнилось послѣ смерти графа Строганова; это очень жаль. Погода стоитъ у насъ великолѣпная. Я не могу вамъ сообщить ничего новаго кромѣ того, что я помѣстила Петрушу въ ваши

комнаты, Никошъ, чтобы имѣть подлѣ себя ребенка: это даетъ мнѣ нѣсколько минутъ пріятной иллюзіи.

Я видѣла сегодня утромъ папашу Ламсдорфа, которому я передала ваше письмо, дорогой Михаилъ; оно доставило ему большое удовольствіе. Я очень благодарна вамъ, добрый другъ мой, за присланное вами великолѣпнѣйшее платье; оно слишкомъ хорошо, дорогое дитя; мнѣ непріятно, что вы тратитесь для меня, дорогой другъ мой; искренно благодарю васъ за него и нѣжно цѣлую. Скажите мнѣ, дорогой Никошъ, сдѣлали ли вы для меня всѣ покупки и не забыли ли вы цвѣты. Надѣюсь, что вы намъ пришлете списки, чтобы мы съ Аннетой не ошиблись. Я вижу, добрые друзья мои, что всѣ эти парадные обѣды очень надоѣдаютъ вамъ, и это меня не удивляетъ; я была изумлена, что вы обѣдали у герцогини Курляндской, женщины весьма недостойной, которой я не пошлю съ своей стороны поклона, хотя она мнѣ и послала свой. Веселились ли вы въ Гробуа? Была ли принцесса любезна? Прощайте, добрыя, дорогія дѣти мои; передайте отъ меня поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ, всѣмъ нашимъ молодцамъ военнымъ, въ особенности Константину Бенкендорфу; привѣтъ доброму Рюлю, скажите ему, чтобъ онъ не забылъ сдѣлать для меня хорошій запасъ пастилокъ отъ кашля, которыя принесли мнѣ такую пользу. Отвѣтьте мнѣ пожалуйста на счетъ Пуженса, живъ онъ или умеръ; эта неизвѣстность вредитъ моей библіотекѣ, которая хирѣетъ и не пополняется съ марта мѣсяца. Прощайте, тысячу разъ, дорогія, любезныя дѣти, цѣлую васъ отъ всей души и всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Говорятъ, будто генералъ Клейнмихель скончался отъ апоплексическаго удара, въ Польшѣ.

Num. 74.

Gatschina, Vendredi, ce 17 Sept(embre) 1815.

Mon Dieu, mes bons amis, combien vous me manquez, vous ne saurez vous en faire une idée; tout est vide autour de moi et j'éprouve un véritable sentiment d'angoisse de ne pas vous voir avec moi, près de moi, à côté de moi; j'entre dix fois dans la journée dans vos chambres, cher Nicoche, je voudrais pouvoir m'asseoir à ma place, vous écouter, et je reviens chez moi le cœur serré. Heureusement que le petit se trouve placé chez vous, de même ses cris enfantins de joie et de contentement me donnent quelque satisfaction. Le temps nous favorise, il a fait une journée délicieuse: j'ai parcouru mes orangeries et me suis beaucoup promenée. J'attends avec impatience les semences que vous m'avez promis de m'envoyer et les ai annoncées déjà à M. Weimar,

qui m'a fait une profonde révérence pour me remercier. Le bon Nélédinski est des nôtres. Nous avons fait une lecture le soir, la petite Anrep a touché ensuite le clavecin. Nous sommes peu de monde encore à cause de l'approche du 20, ainsi personne n'arrive, surtout que je ne reçois pas ce jour; ensuite nous recevrons des visites de la ville. J'ai oublié de vous dire hier que j'ai vu Adlerberg qui vous présente ses respects; il se porte bien et a bonne mine, il reste ici, s'y trouvant par commission: son pauvre chef est constamment malade. Bonsoir, mes amis, je vous embrasse de tout mon cœur.

Ce Samedi, 18 Sept(embre).

Nous avons eu encore une bien belle journée et j'ai fait un tour de promenade immense; j'ai marché deux heures et demie sans m'arrêter. J'ai bien pensé à vous, mes bons amis, car j'ai trouvé Gatschina très beau; Weimar l'a embelli par les clumbs de fleurs; mais il est singulier combien les arbres sont jaunes ici, il n'y a pas de comparaison à faire avec Pawlowsk. Les gazettes du jour nous disent l'empereur parti de Paris pour Vertus; les français disent, selon les gazettes, qu'il tiendra la revue de ses troupes dans ses domaines (vertu): voilà qui est aimable et rappelle le bon temps des français, où ils savaient dire des choses flatteuses et spirituelles. Comme l'empereur tiendra la revue le 29 Août, Constantin n'aura pas eu le temps d'arriver; il me paraît qu'il se trouvera au départ de l'empereur de Paris, car j'espère bien que le séjour ne sera plus prolongé. Dieu le veuille, car en vérité il n'y a qu'un cri pour demander au Ciel le retour de l'empereur. Rien de nouveau à vous mander d'ici, mes bons amis, je n'ai vu personne encore et ce ne sera que la semaine prochaine que nous attendons de la société. Bonsoir, mes bons amis. Toute à vous de cœur et d'âme. Je crains que vu la fatigue de revue nous n'aurons de longtemps pas de vos nouvelles. Dites-moi, si vous verrez Catherine en chemin. Reviendra-t-elle ici, ou le mariage se fera-t-il en pays étranger? Répondez-moi sur cette question, mes enfants.

Dimanche, ce 29 Sept(embre).

Mes bons amis, que vous nous avez manqué à la messe, que j'aurais voulu vous attirer chez moi, votre absence jette un voile de tristesse sur tout. Dieu veuille que cet état de choses cesse. J'ai fait prendre des chantres avec nous cette fois, ainsi même sous ce rapport vos bonnes oreilles n'auraient pas eu à souffrir. Le temps est superbe et j'en ai rofité. Je n'ai pas reçu de monde de la ville à cause de la veille de l'anniversaire de papa, à qui, j'en suis sûre, vous penserez particulière-

ment demain et prierez Dieu pour lui. Les officiers de notre garnison ont dîné selon l'ancienne habitude avec nous aujourd'hui et à votre retour nous vous conterons certaine anecdote qui vous fera rire tout en vous étonnant. Adieu, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et fais mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves militaires. Ne m'oubliez pas et dites-vous que je pense sans cesse à vous et vous renouvelle à chaque instant toutes mes bénédictions.

Marie.

Гатчина, пятница, 17-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Боже мой, добрые друзья мои, вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ васъ недостаетъ, вокругъ меня все пусто, и я испытываю настоящую тоску, не видя васъ со мною, подлѣ меня, рядомъ со мной; я вхожу по десяти разъ въ день въ ваши комнаты, дорогой Никошъ, мнѣ хотѣлось бы сѣсть на мое обычное мѣсто, послушать васъ, и я возвращаюсь къ себѣ съ сердцемъ, преисполненымъ грусти. Къ счастью, маленькій помѣщенъ у васъ, и его дѣтскіе крики, выражающіе радость и удовольствіе, доставляютъ мнѣ нѣкоторое удовлетвореніе. Погода благопріятствуетъ намъ, сегодня день былъ прелестный, я обошла свои оранжереи и много гуляла. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ сѣмена, которыя вы обѣщали выслать мнѣ, я уже говорила объ этомъ Веймару, который поблагодарилъ меня, отвѣсивъ глубокій поклонъ. Добрый Нелединскій гоститъ у насъ. Вечеромъ мы читали, а затѣмъ маленькая Анрепъ играла на фортепіано. У насъ мало гостей въ виду того, что приближается 20-ое число; поэтому никто не пріѣзжаетъ, въ особенности потому, что я въ этотъ день не принимаю, а послѣ этого числа мы ожидаемъ гостей изъ города. Я позабыла вамъ сказать вчера, что я видѣла Адлерберга, который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе; онъ здоровъ и имѣетъ прекрасный видъ; онъ остается здѣсь, такъ какъ посланъ сюда съ порученіемъ; его бѣдный начальникъ то и дѣло хвораетъ. Прощайте, друзья мои, цѣлую васъ отъ всего сердца.

Суббота, 18-го сентября.

Сегодня у насъ была опять прекрасная погода, и я совершила весьма большую прогулку; я ходила два съ половиной часа, не останавливаясь. Я много думала о васъ, добрые друзья мои; Гатчина показалась мнѣ прелестной. Веймаръ украсилъ ее цвѣточными клумбами; удивительно, какъ здѣсь деревья пожелтѣли, нѣтъ никакого сравненія съ Павловскомъ. Въ сегодняшнихъ газетахъ сказано, что императоръ уѣхалъ изъ Парижа въ Вертю; въ газетахъ пишутъ, что французы говорятъ, что онъ про-

изведетъ смотръ войскамъ «въ своихъ владѣніяхъ» (т. е. въ vertu) *(игра словъ; vertu означаетъ здѣсь добродѣтель)*; это любезно и напоминаетъ доброе старое время, когда французы умѣли говорить пріятныя и остроумныя вещи. Такъ какъ императоръ будетъ производить смотръ 29-го августа, то Константинъ вѣроятно не успѣетъ пріѣхать; я полагаю, что онъ будетъ въ Парижѣ къ отъѣзду императора, ибо я надѣюсь, что его пребываніе будетъ тамъ непродолжительно. Дай Богъ, такъ какъ, по правдѣ сказать, всѣ единодушно молятъ Господа, чтобъ онъ вернулся какъ можно скорѣе. Я не могу сообщить вамъ отсюда никакихъ новостей, добрые друзья мои, я еще никого не видѣла, и мы ожидаемъ гостей не ранѣе будущей недѣли. Прощайте, добрые друзья мои. Ваша душой и сердцемъ. Я боюсь, что мы долго не будемъ имѣть отъ васъ извѣстій, такъ какъ вы будете утомлены смотромъ. Напишите мнѣ, увидитесь ли вы по пути съ Екатериной. Вернется ли она сюда, или же бракосочетаніе будетъ совершено за границей? Отвѣтьте мнѣ на этотъ вопросъ, дѣти мои.

Воскресенье, 19-го сентября.

Добрые друзья мои, какъ васъ недоставало намъ за обѣдней; какъ я хотѣла бы привлечь васъ къ себѣ; ваше отсутствіе омрачаетъ все; дай Богъ, чтобы оно поскорѣй окончилось. Я велѣла взять этотъ разъ съ нами пѣвчихъ; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи вашему нѣжному слуху не пришлось бы страдать. Погода стоитъ великолѣпная, и я воспользовалась ею сегодня. У меня никого не было изъ города, такъ какъ это канунъ памяти папаши, о которомъ, я увѣрена, вы особенно вспомните завтра и помолитесь за него Богу. Офицеры нашего гарнизона, по старой привычкѣ, обѣдали сегодня съ нами; когда вы вернетесь, мы разскажемъ вамъ одинъ анекдотъ, который посмѣшитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивитъ васъ. Прощайте, дорогія дѣти, отъ души цѣлую васъ и прошу передать мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Не забывайте меня и будьте увѣрены, что я постоянно думаю о васъ и каждую минуту посылаю вамъ свое благословеніе.

Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ портрету Св. о. Серафима Саровскаго.

Портретъ, фотографическій снимокъ съ котораго прилагается [1]), присланъ былъ святителемъ Серафимомъ Саровскимъ моей бабушкѣ Татьянѣ Гурьевнѣ Моревой.

Дѣло было такъ. Въ началѣ августа 1832 года дѣдъ мой, отецъ моей матери, протоіерей Петръ Ивановичъ Моревъ, переѣхалъ съ своимъ семействомъ изъ Бѣжецка (Тверск. губ.) въ Нижній Новгородъ, перемѣщенный сюда въ качествѣ настоятеля въ Косьмо-Даміановскую церковь. Но не суждено было ему пожить въ новомъ приходѣ. Простудившись, вѣроятно, во время дороги, онъ въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Нижній Новгородъ тяжко занемогъ и 9-го сентября скончался.

Бабушка моя съ пятью дѣтьми—двумя сыновьями и тремя дочерьми осталась безъ всякихъ средствъ. Положеніе ея было бы ужасно, если бы не было у нея сильнаго покровителя родственника въ лицѣ мѣстнаго архіерея Амвросія (Морева), бывшаго впослѣдствіи епископомъ въ Пензѣ. Преосвященный, весьма заботливо относившійся ко всѣмъ своимъ родственникамъ, принялъ горячее участіе въ осиротѣвшей семьѣ своего роднаго брата. Взявши въ архіерейскій домъ двухъ своихъ племянниковъ, онъ заявилъ своей невѣсткѣ, что заботу объ ихъ образованіи всецѣло принимаетъ на себя. Вдову же съ тремя ея дочерьми помѣстилъ въ мѣстномъ женскомъ монастырѣ, гдѣ она и прожила до 9-го сентября 1833 года—до времени переѣзда въ Пензу.

Благодаря попеченію и покровительству преосвященнаго, бабушка

---

[1]) Фотографическій снимокъ сдѣланъ не непосредственно съ портрета, а съ копіи, исполненной карандашомъ. Неоднократныя попытки фотографировать портретъ совершенно не удались: краски настолько потемнѣли отъ времени, что даже на ортохроматической пластинкѣ не получилось изображенія у опытнаго фотографа-спеціалиста. Теперь, благодаря И. А. Козакову, указавшему мнѣ для снятія копіи съ портрета на молодаго художника Н. С Чеодаева, своего ученика, я имѣю художественную копію, сдѣланную послѣднимъ отъ руки, за что считаю долгомъ выразить названнымъ лицамъ глубокую благодарность и искреннюю признательность.

Съ этой копіи уже снята фотографія домашнимъ образомъ.

не испытала острой нужды; но тѣмъ не менѣе и нелегко жилось ей, пока не выросли и не пристроились дѣти. Особенно тяжело чувствовалось ей въ первое время вдовства, такъ какъ приходилось послѣ самостоятельной жизни привыкать къ положенію человѣка, живущаго милостями покровителя. Внимательный и заботливый къ сиротамъ, владыка былъ строгъ до суровости и своенравенъ. Облагодѣтельствованная вниманіемъ и заботами своего покровителя, бабушка жила однимъ желаніемъ постоянно выражать свою признательность благодѣтелю и внушить тѣ же чувства своимъ дѣтямъ. Боясь огорчить и раздражить владыку, она не осмѣливалась высказать своихъ мыслей и желаній относительно воспитанія и образованія своихъ дѣтей и была глубоко благодарна за все, что дѣлалось для нихъ заботливымъ дядею. Преосвященный же, уважая права матери, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся сиротъ, совѣтовался съ бабушкою. Но эти совѣты, соображенія и предположенія сообщались ей обыкновенно въ видѣ обдуманныхъ рѣшеній, гдѣ надо было не обсуждать—хорошо ли, плохо ли предпринимаемое, а благодарить. А между тѣмъ материнскому сердцу нелегко было примириться съ необходимостью почти что отказаться отъ правъ матери, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ своимъ сыновьямъ, помѣщеннымъ въ архіерейскомъ домѣ съ архіерейскими пѣвчими, нравы которыхъ въ то время далеко не отличались безупречностью.

Безропотно перенося горе, тая въ глубинѣ души огорченія, считая свое несчастіе испытаніемъ Божіимъ и испытывая чувство глубочайшей благодарности къ Господу, пославшему сиротамъ покровителя, бабушка, вообще очень религіозная, поселившись въ монастырѣ, всецѣло предалась религіознымъ размышленіямъ, находя въ нихъ утѣшеніе и нравственную поддержку. Сосредоточиваясь болѣе и болѣе на мысляхъ религіознаго характера, она особенное удовольствіе находила въ чтеніи житій святыхъ угодниковъ и въ бесѣдахъ объ ихъ подвигахъ. Ей страстно хотѣлось, между прочимъ, повидать о. Серафима Саровскаго, о святой жизни котораго приходилось слышать много удивительныхъ разсказовъ; хотѣлось ей принять отъ него благословеніе и услышать слово поученія и ободренія изъ устъ высокаго подвижника. Желаніе это, однако жъ, казалось бабушкѣ настолько неосуществимымъ, что она даже никому и не высказывала своихъ мыслей. Путь отъ Нижняго Новгорода до Саровской пустыни при тогдашнихъ условіяхъ передвиженія былъ не легкимъ да и не дешевымъ. И ей ли, имѣющей при себѣ трехъ дочерей и живущей въ монастырѣ изъ милости архіерея, ей ли отправляться въ далекое, продолжительное и недешевое путешествіе? Бабушкѣ казалось даже неловкимъ высказывать свое желаніе и приходилось скрывать его въ тайникахъ своей души.

Но вотъ въ скоромъ времени желаніе бабушки видѣть святаго

старца сбылось, но такимъ образомъ, какъ бабушка и ожидать не могла. Въ монастырь явился монахъ-послушникъ изъ Саровской пустыни, разыскалъ келью, гдѣ жила вдова протоіерея Морева, и вручилъ ей портретъ о. Серафима, писанный масляными красками и вставленный въ простую деревянную рамку, окрашенную простою краскою. Вмѣстѣ съ портретомъ монахъ передалъ бабушкѣ и пять сухариковъ чернаго хлѣба—по числу ея сиротъ. Вручая послушнику посылаемое, о. Серафимъ, какъ сообщилъ посланный, благословилъ свой портретъ, т. е. сдѣлалъ надъ нимъ крестное знаменіе рукою, и, передавая монаху сухарики, приказалъ сказать бабушкѣ: «Не печалься, вдова! Трудно живется тебѣ, но Богъ милостивъ. Онъ прокормитъ твоихъ сиротъ. Вотъ тебѣ сухарики».

Портретъ этотъ бабушка, жившая въ Пензѣ съ моими родителями, берегла, какъ святыню, и неоднократно разсказывала съ благоговѣніемъ исторію его. Онъ постоянно висѣлъ въ ея комнатѣ, и я сталъ помнить его съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя. Къ сожалѣнію, я не помню, говорила ли бабушка, въ какомъ мѣсяцѣ и какого числа былъ присланъ ей портретъ; да этому обстоятельству я тогда по малолѣтству (бабушка скончалась въ 1868 году) и не могъ придавать особаго значенія. Двѣ же дочери ея—моя мать, Елизавета Петровна Смирнова, и тетка, Марья Петровна Бурлуцкая, проживающія въ Пензѣ, не помнятъ точнаго времени присылки портрета. Достовѣрно, однако, то, что онъ присланъ въ періодъ времени отъ 9-го сентября 1832 года до 2-го января 1833 года.

Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ портретѣ. Онъ, какъ уже выше упомянуто, написанъ на полотнѣ масляными красками, вѣроятно, домашнимъ монастырскимъ художникомъ. Полотно натянуто на тонкую сосновую доску 38,5 сантим. въ высоту и 31 сантим. въ ширину.

В. Смирновъ.

Поправка

къ воспоминаніямъ барона Густава Андреевича Розенкампфъ.

На стр. 184 (октябрьская книжка «Р. Стар.» сего года) Розенкампфъ говоритъ, что дочь князя Лопухина, Анна Петровна, вышла замужъ за князя Гагарина *въ 1805 г.* Это не точно, бракосочетаніе князя Гагарина съ княжной Лопухиной состоялось 8 февраля *1800 г.* въ Высочайшемъ присутствіи; посаженнымъ отцомъ жениха былъ гр. Н. И. Салтыковъ, а невѣсты—гр. А. С. Строгановъ; посаженною матерью жениха была гр. Ш. К. Ливенъ; вѣнцы держали: надъ женихомъ—поручикъ Кавалергардскаго полка Ушановъ, а надъ невѣстою—камергеръ кн. Львовъ. (См. Камеръ-Фурьер. журн. 1800 г. стр. 144—146).

Михаилъ Соколовскій.

Дурной сонъ.

Въ 1768 году пасторъ нѣмецкой Саратовской колоніи Бурмейстеръ подалъ въ контору опекунства иностранныхъ бумагу, въ которой описывалъ сонъ, видѣнный имъ въ день коронаціи Екатерины II.

По словамъ Бурмейстера, «сидѣлъ онъ, будто, за великолѣпнымъ столомъ съ дамою, которая подавала тайно любовные знаки раздающему кушанья, о которомъ всѣ думали, что онъ супругъ, но не государь. Подлѣ духовной особы во всемъ облаченіи стояла императрица въ готовности къ коронованію, но какъ той духовной особѣ все что за столомъ невѣжливаго происхожденія было непріятно, то она, изъявивъ неудовольствіе и снявъ съ себя великолѣпную шапку, возложила на императрицу. Шапка сія однако показалась поношеннымъ колпакомъ, и императрица разгнѣвалась и перемѣнялась въ разные виды, а духовная особа смѣялась, доколѣ не сдѣлался ужасный въ небѣ трескъ, отчего всѣ разбѣжались. Бурмейстеръ бѣжалъ какъ будто изъ Петергофа и примѣтилъ вдали государыню и прочихъ, за коими слѣдовалъ странный звѣрь: голова его ослиная, хвостъ змѣиный; и онъ хвостомъ зацѣпился за пень. Бурмейстеръ же, видя, по взгляду государыни, что должно дать ему помощь, освободилъ его»...

Бурмейстеръ былъ взятъ и заключенъ подъ стражу при канцеляріи опекунства иностранныхъ. Но здѣсь онъ вторично написалъ свое сновидѣніе и выбросилъ изъ окна на улицу.

По освидѣтельствованіи докторомъ, сновидецъ былъ признанъ помѣшаннымъ въ умѣ и отосланъ въ Кексгольмъ «на житіе подъ присмотромъ», а затѣмъ, въ виду его безпокойнаго характера, въ 1795 г. посаженъ въ крѣпость.

Кексгольмскій комендантъ де-Жерве 15-го іюня 1801 г. писалъ государю:

«Пасторъ Бурмейстеръ съ начала вступленія моего въ нынѣшнюю мою должность до сего числа, также и по сдѣланной мною выправкѣ и при предмѣстникахъ моихъ велъ себя всегда скромно, тихо и смирно. Нынѣ въ разсужденіи старости его лѣтъ, которыхъ онъ уже имѣетъ шестьдесятъ три года, слабость его корпуса, зрѣнія и памяти, не имѣя уже на свѣтѣ никакихъ желаній кромѣ покоя, неуповательно, чтобъ онъ могъ какъ себѣ самъ, равно и другимъ быть въ свободѣ опасенъ. Образъ жизни его, Бурмейстера, состоитъ единственно только въ томъ, что онъ препровождаетъ время чтеніемъ нѣкоторыхъ старинныхъ или молитвенныхъ книгъ, иногда занимался нѣкоторыми художественными рукодѣліями, въ коихъ онъ прежде сего былъ искусенъ. Нынѣ однако жъ какъ зрѣніе и силы его уже оставляютъ и симъ совсѣмъ заниматься не можетъ и ни къ чему не способенъ».

Въ 1801 г. 2-го іюля состоялось высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Бурмейстера изъ крѣпости и объ отдачѣ на попеченіе и призрѣніе сыну его лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка лѣкарю Бурмейстеру.

Сообщилъ Д. У.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

щихъ начальниками своими офицеровъ изъ англичанъ и шотландцевъ. Упадокъ сихъ полезныхъ началъ при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, показавшемъ впрочемъ сильное желаніе поддержать столь знаменитое заведеніе своего родителя и послѣдовавшее за кончиною его смутное правительствованіе, предавшее оное къ совершенному забвенію, было бы крайняго и невозвратнаго сожалѣнія достойно, если бы въ императорѣ Петрѣ Великомъ не воскресъ духъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича.

Прежнее войско состояло, во-первыхъ, изъ дворянъ, имѣющихъ собственныя свои вотчины и верстанныхъ помѣстными окладами, по которымъ повинны они были отправлять службу не только сами до своей смерти, но еще по числу состоящихъ за ними крестьянъ водить на собственномъ своемъ иждивеніи какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ воиновъ. Къ ихъ сословію принадлежали всѣ древніе именитые роды и тѣ особы, которыя назывались родословными, такъ какъ и чиновники, извѣстные подъ именемъ стольниковъ, стряпчихъ, окольничихъ и другихъ царедворцевъ; однако, слово дворянинъ сдѣлалось всѣмъ имъ общимъ уже при Петрѣ Великомъ; во-вторыхъ: изъ дѣтей боярскихъ, которые были подобны стрѣльцамъ или казакамъ, т. е. были люди свободные и составляли родъ конной ландмилиціи: они получали также помѣстья, по мѣрѣ коихъ и военную службу отправляли; въ-третьихъ: изъ городовыхъ дворянъ, которые находились въ вѣдомствѣ начальника того города и уѣзда, гдѣ были помѣщены, и въ военное время ходили на войну, а въ мирное исправляли всякія службы по городу; въ 4-хъ,—изъ московскихъ дворянъ, которые сверхъ того, что составляли московское охранное войско, яко имѣющіе помѣстья близъ Москвы, обязаны были ходить и въ походы, какъ скоро только будутъ потребны, и тѣ изъ нихъ, которые назначались собственно для охраненія Москвы, назывались жильцами, и въ пятыхъ,—изъ войска стрѣлецкаго, которое какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ было содержано на жалованьи и провіантѣ и, по разности службы, называлось просто стрѣлецкимъ, т. е. пѣхотою, рейтарами, драгунами, копейщиками и тому подобными названіями, означавшими ихъ должности. Башкиры, татары, иноземцы, служившіе въ Россіи, и всѣ тѣ, кои помѣстій за собою не имѣли, получали въ военное время жалованье и провіантъ и назывались кормовымъ войскомъ. Образъ ополченія воинскаго составляли шесть полковъ, и именно: полкъ большой, подобный нынѣшнему коръ де арме, полкъ передовой или авангардъ, полкъ правой руки, т. е. правое крыло, полкъ лѣвой руки, т. е. лѣвое крыло, сторожевой полкъ или арріергардъ и ертаульный полкъ, состоявшій изъ легкихъ войскъ. Вооруженіе какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ состояло изъ ружей безъ замковъ, изъ копій и изъ сабель.

Неудачные во время малолѣтства Петра Великаго походы въ Крымъ, безнадежность въ твердости мира со стороны сосѣдей и духъ мятежа, вкоренившійся въ стрѣльцовъ, вселили въ великаго монарха еще большую охоту къ учрежденію войскъ по правиламъ военной науки, и Ф. Лефортъ, яко изъ лучшихъ тогдашняго времени военачальниковъ и пользовавшійся всею довѣренностью государя, долженствовалъ, по волѣ его, составлять новые полки, въ числѣ коихъ въ 1687 г. первые учреждены Лефортовскій и Бутырскій изъ старыхъ стрѣлецкихъ полковъ; а потѣшное войско, которое между тѣмъ знатно умножилось, раздѣлено на два полка: Лейбъ-Гвардіи Преображенскій и Семеновскій. Стройность сихъ новыхъ войскъ, ихъ вооруженіе, введенный порядокъ, искусство въ военныхъ оборотахъ и дѣйствіи ружьемъ, оказанныя на опытахъ при частныхъ примѣрныхъ сраженіяхъ и осадахъ городовъ, нарочно сдѣланныхъ, въ сравненіи съ прежними необученными стрѣльцами, толико были очевидны, что императоръ все тщаніе свое употребилъ, чтобы исправить или, лучше сказать, преобразовать старое военное учрежденіе, и, вслѣдствіе того, около 1690 года находился уже подъ командою генерала Гордона корпусъ войскъ, обученныхъ по правиламъ въ числѣ 5.000 чел. Въ 1699 г. изъ собранныхъ 32.000 рекрутъ составлено 29 полковъ пѣхоты и конницы во всемъ по европейскому обряду.

Съ 1762 г., когда Россійская имперія начала отъ благодѣйствующей руки Великой Екатерины воспринимать новыя учрежденія, пользу и внутреннее ея спокойствіе составляющія, и когда неусыпнымъ монархини сея промысломъ предѣлы пространныя ея имперіи учинились отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ не только безопасными, но и весьма распространенными, то и армія Россійская, какъ учрежденіемъ новыхъ полковъ и другихъ военныхъ командъ знатно увеличилась, такъ и иныя по временамъ и обстоятельствамъ сдѣланы въ ней перемѣны, о коихъ подробныя описанія слѣдуютъ подъ симъ.

Далѣе приведено описаніе полковъ.

Не лишена интереса и записка о военныхъ школахъ. Въ 1721 г., по состоявшемуся въ военной коллегіи указу, учреждены въ гарнизонахъ школы, въ которыхъ опредѣлено имѣть по 50 ваканцій, а на той суммѣ содержать въ наукахъ малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей отъ каждаго полка по 50 чел. Въ тѣ школы опредѣлялись дѣти отъ 7-ми до 15-ти лѣтъ, для того „что меньше 7-ми лѣтъ къ наукамъ не такъ способны, точію напрасной будетъ имъ, въ такомъ сущемъ малолѣтствѣ, трудъ и на нихъ излишній расходъ“.

Изъ изложеннаго видно, насколько интересны матеріалы, помѣщенные въ разсматриваемомъ нами 16-мъ выпускѣ Сборника.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1904 г.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

1. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1903 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXV-й. ДЕКАБРЬ. 1904 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго ..... 489—524
II. Бытовые очерки В. П. Лободовскаго..... 525—557
III. Замѣтки и воспоминанія Михаила Чайковскаго. (Садыкъ-паши)..... 558—594
IV. Восточная политика Наполеона..... 595—617
V. Царство польское послѣ Вѣнскаго конгресса..... 618—640
VI. Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I. Г. А. Воробьева. ..... 641—650
VII. Нѣсколько словъ по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова. Р. Ю. ..... 651—653
VIII. Изъ записокъ Д. Философова..... 654—656
IX. «Десять лѣтъ въ Прибалтійскомъ Краѣ». (Воспоминанія бывшаго редактора одной изъ прибалтійскихъ газетъ). М. М. Лисицына..... ... 657—692
X. Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову. Сообщилъ В. И. Шенрокъ..... 693—710
XI. Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ. (Его первое знакомство съ депутатами втораго призыва редакц. коммиссіи по крестьянскому дѣлу. Сообщилъ Ст. Звѣревъ..... 711—713
XII. Два письма А. И. Тургенева князю А. Н. Голицыну..... ..... 714—716
XIII. Письма Д. П. Трощинскаго къ А. Л. Николаи. Сообщ. Д. И. Успенскій..... 717—719
XIV. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. 720—726
XV. Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала и ея послѣдствія. (Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату). 727—728
XVI. Указатель личныхъ именъ въ «Русской Старинѣ» за 1904 годъ.
XVII. Библіографич. листокъ. (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: **Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1905 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1904.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1904 года.

Библіографическій листокъ.

Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. Составилъ М. Коваленскій. Изданіе журнала „Правда“. Москва. 1905 г. Цѣна 20 к.

Вспыхнувшая такъ внезапно русско-японская война требуетъ немедленнаго отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ, недостаточное освѣщеніе которыхъ лишаетъ возможности правильно оріентироваться въ событіяхъ, имѣющихъ для всѣхъ очевидную важность.

На многіе изъ такихъ вопросовъ мы находимъ обстоятельные отвѣты въ разсматриваемой нами книгѣ г. Коваленскаго.

Матеріаломъ для этой книги послужили: „Японія“, полковника Богуславскаго, и особенно приложенныя къ ней таблицы; кромѣ того труды токійскаго профессора Анри Дюмоляра, а также работы Гессе Вартега, Инадзо Ота Нитобе и заграничныя справочныя изданія Пертеса, Гикмана и Брокгауза.

Японія меньше Россіи въ 53 раза, но населеніе ея только въ три раза меньше Россіи. Въ Россіи считается около 117 милл., а въ Японіи 48 милл. Нижеслѣдующія данныя показываютъ густоту населенія на одинъ квадратный километръ: въ Японіи 114, въ соб. Китаѣ 60, въ Кореѣ 46 (по послѣдней переписи 26), въ Маньчжуріи 6, въ Россіи 6, въ Азіатской Россіи 1,4; въ Сибири и Пріамурьѣ 0,5; въ намѣстничествѣ Дальняго Востока 0,4.

Нормальный приростъ населенія считается обыкновенно въ 1%. Въ настоящее время естественный приростъ даетъ въ Японіи 1,09% въ годъ,—меньше, чѣмъ въ Россіи и Америкѣ (1,13 и 2,09%), но больше, чѣмъ въ Англіи, Австріи, Франціи (1,07; 1,04; 0,08). Больше половины всего населенія Японіи, около 60%, до сихъ поръ живетъ земледѣліемъ. Главные продукты земледѣлія: рисъ, чай, шелковица. Съ пріобрѣтеніемъ Формозы, къ нимъ прибавился сахаръ. Такимъ образомъ, Японія является страной преимущественно земледѣльческой, съ очень интенсивной земледѣльческой культурой, съ мелкой формой земельнаго хозяйства. Средняя величина крестьянскаго хозяйства составляетъ всего 0,8 десятины. Такое малоземелье ведетъ къ тому, что японцамъ не хватаетъ своего риса, и они принуждены, несмотря на то, что рисъ занимаетъ у нихъ половину всѣхъ полей,—ввозить его на 12—13 милл. іенъ, а съ другими хлѣбами—на 19 милл.

Этимъ малоземельемъ объясняется и неразвитость въ Японіи тѣхъ отраслей народнаго хозяйства, для которыхъ требуется особенно большой земельный просторъ. Таково положеніе скотоводства и коневодства; вслѣдствіе этого Японія почти не питается мясомъ; въ составѣ японской арміи меньше всего развита кавалерія, а для перевозки пассажировъ въ извозчичьи экипажи впрягаются не лошади, а люди.

Сильно развито въ Японіи горное дѣло, особенно добыча мѣди и каменнаго угля. Мѣдные рудники и угольныя залежи ея чрезвычайно богаты. Добыча мѣди въ 1898 г. доходила до 1.233.000 пуд., каменнаго угля—до 415 милл. пуд. Вывозъ мѣди въ милліонахъ іенъ былъ въ 1898 г.: 7,3; 99 г.—11,4; въ 1900 г.—12,99; въ 1901 г.—14,19; угля—12,24; 15,1; 20,45; 17,91.

Японская обрабатывающая промышленность также работаетъ не только на внутренній, но и на внѣшній рынокъ. Исключеніе составляютъ суконные, пороховые, оружейные, судостроительные заводы, работающіе на казенный спросъ. Старо-японская кустарная промышленность выпускаетъ на рынокъ: лакированныя и соломенныя издѣлія, бронзу, фарфоръ и фаянсъ, бумагу, напитокъ саке и приправу соя. Новыя производства выпускаютъ: спички, шелковыя ткани, хлопчатобумажныя матеріи. Цифровыя данныя за 1900 и 1901 гг. показываютъ, что вывозъ растетъ, а ввозъ падаетъ.

Въ развитіи своихъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ Японія опередила Нидерланды, Швецію, Бельгію. Если же сравнить съ Россіей, то получимъ: желѣзныхъ путей на 100 кв. километр.—въ Россіи 0,8 кил., въ Японіи 2 кил.; что касается развитія почтовыхъ сношеній, то въ Россіи на одного жителя придется 6 почтовыхъ отправленій, а въ Японіи 13 (въ Англіи 89).

Коммерческій флотъ Японіи насчитывалъ къ 1-му января 1901 г.: паровыхъ судовъ 1.321, парусныхъ 3.850, вмѣстимостью 800 тысячъ тоннъ; судовъ японской постройки—911.

Съ появленіемъ фабрикъ, Японія должна была познакомиться и съ рабочимъ вопросомъ въ его европейскихъ формахъ. Японское рабочее движеніе привело уже къ организаціи рабочихъ союзовъ по образцу англійскихъ трэдъ-уніоновъ; стачки также знакомы Японіи. Программа японскаго рабочаго движенія сводится къ повышенію платы, къ законодательной защитѣ правъ и интересовъ рабочаго класса, особенно женщинъ и дѣтей, и къ расширенію

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I-го.

Записки Василія Антоновича Инсарскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

XI [1]).

Наше движеніе въ горахъ.—Картина выступленія въ походъ.—Рубка лѣса въ непріятельской странѣ.—«Веденъ», бывшая столица Шамиля.—Расположеніе нашего лагеря на позиціяхъ.—Проложеніе дорогъ для дальнѣйшаго нашего слѣдованія.—Шествіе надъ пропастями.—Страшная высота.—Облака и грозы подъ нами.—Прибытіе князя въ нашъ лагерь.—Какъ говорятъ полководцы съ войсками.—Опытъ глазомѣра.—Мое участіе въ рекогносцировкахъ.—Наша позиція «на Андійскихъ высотахъ», близъ аула «Тандо».—Занятіе аула Тандо нашими войсками.—Постоянные кутежи свиты.—Безуспѣшная борьба князя съ этими кутежами.—Почетные обѣды въ палаткѣ князя.—Походные верблюды.—Жалкая участь ихъ.—Безуспѣшное попеченіе о нихъ самого князя.

Наконецъ объявленъ былъ день дѣйствительнаго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было, что князь опять отправляется куда-то въ сторону, для обзора какихъ-то мѣстностей, до взятія Веденя бывшихъ недоступными для насъ, и потомъ чрезъ нѣсколько дней присоединится къ намъ уже на походѣ.

Я живо помню день нашего выступленія изъ Грозной. Часовъ въ пять утра весь штабъ князя былъ уже въ сборѣ на указанномъ мѣстѣ. По данному кѣмъ-то знаку или приказанію тронулась въ путь безконечная вереница всадниковъ, вьюковъ и солдатъ. Надобно замѣтить впрочемъ, что войска имѣли расположеніе и движеніе, отдѣльное отъ насъ. Группа солдатъ, въ составѣ нѣсколькихъ ротъ

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1904 г.

или баталіоновъ, составляла только наше прикрытіе. Оживленіе въ этой движущейся медленно вереницѣ было величайшее. Всѣ съѣзжались и разъѣзжались безпрерывно, осматривая походный видъ каждаго, какъ будто бы какой-то праздникъ наступилъ. Всѣ смотрѣли весело и радостно. Погода стояла дивная и солнце съ раннихъ поръ начало припекать сильнѣйшимъ образомъ, а въ полдень палило уже невыносимо, такъ что многіе солдаты, какъ намъ говорили, падали на дорогѣ отъ жары и утомленія. Казаковъ, линейныхъ и донскихъ въ нашемъ отрядѣ было безчисленное множество; они, какъ мухи, порхали по всѣмъ направленіямъ. Первыя впечатлѣнія нашего походнаго движенія были великолѣпны. Подъ вліяніемъ ихъ тотчасъ начались взаимныя угощенія, потому что рѣшительно не было человѣка, принадлежащаго къ штабу, который не счелъ бы долгомъ запастись или бутылкою вина, или фляжкою рома и водки. У тѣхъ же, за которыми, какъ за мною, слѣдовали казаки, подобные запасы представляли значительное обиліе и разнообразіе. Я, лично, положительно стоялъ на первомъ планѣ въ этомъ отношеніи, и какъ только фактъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ въ кругу моихъ свитскихъ пріятелей, они стали безпрерывно налетать ко мнѣ, какъ саранча.

Первый привалъ, сколько могу припомнить, былъ Шали, какое-то военное укрѣпленіе, гдѣ и было устроено нашимъ милымъ комендантомъ Тромповскимъ нѣчто въ родѣ завтрака. Второй привалъ, помню очень хорошо, былъ въ подобномъ же укрѣпленіи Бердикель, помню потому, что здѣсь именно сдѣланъ былъ починъ тому страшному разгулу, которымъ занималась исключительно свита князя во все время похода, за рѣшительнымъ отсутствіемъ всякихъ другихъ занятій. Въ укрѣпленіе это мы прибыли значительно уже подготовленные бывшимъ въ Шали завтракомъ, а главное почти безпрерывными возліяніями, которыя мы совершали во время самыхъ переходовъ. Въ Бердикеляхъ приготовленъ былъ распоряженіями того же Тромповскаго обѣденный столъ, который на первыхъ же порахъ показалъ, что этому кроткому и добродушному человѣку не по силамъ и не по характеру управляться съ такою буйною и размашистою толпою, какую представляла изъ себя свита намѣстника. Она шумѣла, пѣла, сбивала съ толку прислугу, однимъ словомъ, производила страшный хаосъ. Бѣдный Тромповскій метался во всѣ стороны и безуспѣшно старался водворить какое-нибудь подобіе порядка.

Среди обѣда свитскіе вдругъ стали куда-то изчезать, одинъ за другимъ. За ними и я потянулся. Оказалось, что гдѣ-то подъ горой открытъ какой-то дрянной духанъ, гдѣ мои пріятели и расположились пировать. Когда я пріѣхалъ туда съ моимъ казакомъ, я нашелъ тамъ, какъ говорится, «дымъ коромысломъ». Смѣтливый армянинъ, хозяинъ

духана, имѣлъ благоразуміе запастись шампанскимъ, и я былъ истинно удивленъ, когда, войдя въ грязный хлѣвъ съ земляным поломъ, увидѣлъ хлопающія пробки Клико и Редерера. Вѣроятно этотъ день нашествія свиты остался самымъ лучшимъ днемъ въ грязной жизни этого грязнаго духанщика. Пито и выпито необъятное количество, такъ что и я, считавшійся крѣпкимъ изъ крѣпкихъ, почувствовалъ сильное опьяненіе.

Обращаясь къ серьезной сторонѣ похода, надо сказать, прежде всего, что мы на пути своемъ видѣли блистательное практическое приложеніе той великолѣпной, принадлежащей безспорно князю Воронцову, системы вырубки лѣсовъ, о которой мы всѣ такъ часто читали въ кавказскихъ извѣстіяхъ и реляціяхъ, плохо понимая сущность дѣла. Дѣло въ томъ, что скалы и лѣса всегда были самыми страшными и неодолимыми союзниками и защитниками горцевъ. Отсюда происходило то, что горцы, безпрепятственно пропуская насъ впередъ, никогда не выпускали насъ безнаказанно назадъ. Разсѣянные въ дремучихъ лѣсахъ, они и въ маломъ числѣ были страшны, потому что были недоступны, неуловимы и поражали наши войска на выборъ. Люди опытные, и въ томъ числѣ краснорѣчивый Фадѣевъ, утверждаютъ, что десятокъ невидимыхъ оборвышей останавливали цѣлые баталіоны. Кто не знаетъ исторіи Ичеринскихъ лѣсовъ, изъ которыхъ самъ князь Воронцовъ, съ громадными силами, едва успѣлъ спастись. Отсюда явилась система вырубки лѣсовъ, т. е. проложеніе въ лѣсахъ такихъ просѣкъ, по которымъ наши отряды могли бы безпрепятственно и безопасно двигаться внутрь вражеской страны и также безопасно возвращаться назадъ.

Что дѣлалось по этой части въ другихъ мѣстахъ—не знаю; но что сдѣлано на пути, намъ лежащемъ, всѣ мы видѣли своими изумленными глазами, потому что проходили именно этими баснословными просѣками, шириною на ружейный выстрѣлъ. Зрѣлище по истинѣ изумительное. Трудно было усвоить себѣ понятіе, что все это сдѣлано руками человѣческими, руками безпримѣрныхъ кавказскихъ солдатъ. Нельзя былъ понять, что эти вѣковыя, страшныя деревья, ужасающихъ размѣровъ въ вышину и ширину, пали не отъ какой-нибудь страшной силы самой природы, а отъ пилъ и топоровъ этихъ солдатъ. Надо замѣтить, что по общимъ отзывамъ эти невѣроятные результаты и недешево намъ доставались. Я не говорю уже о вражескихъ пуляхъ, которыми осыпались войска, занимавшіяся рубкой. Самый трудъ этой рубки былъ хуже всякихъ битвъ. Въ этомъ отношеніи Евдокимовъ подвергался справедливымъ и общимъ укоризнамъ. Онъ не щадилъ солдатъ и заботился только объ исполненіи воли князя и, слѣдовательно, о личныхъ своихъ интересахъ, осуществленіе которыхъ вполнѣ и единственно зависѣло именно отъ исполненія этой воли. Онъ держалъ войско, не

только по нѣскольку мѣсяцевъ, но цѣлые годы на работахъ и въ походахъ, такъ что только съ терпѣніемъ русскаго человѣка и особенно русскаго солдата можно было переносить тѣ ужасающія лишенія, которымъ они подвергались. Не ручаюсь за истину, но мнѣ говорили нѣкоторые господа, близко знающіе эту процедуру, что нѣкоторые солдаты предпочитали смерть существованію. Когда подпиленное или подрубленное вѣковое дерево начинало валиться, солдатики подбѣгали къ его стволу, кричали товарищамъ: «прощайте, братцы» и раздавливались страшною тяжестью. Но сколько я понимаю, никакіе великіе успѣхи недостижимы безъ разнородныхъ жертвъ; а потому я полагаю, что лучше накинуть покрывало на прошедшія наши несчастія, жертвы и неудачи и возблагодарить Евдокимова, что такъ или сякъ—онъ все-таки привелъ дѣло къ концу.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, до конца было еще далеко, хотя начала, положенныя Евдокимовымъ, были уже блистательны и обѣщали много въ будущемъ. Въ ряду этихъ началъ взятіе Веденя, резиденціи Шамиля, того Веденя, къ которому мы подвигались этими невѣроятными просѣками, конечно, стояло на первомъ планѣ. Я знаю и помню, какъ это событіе стояло высоко въ глазахъ самого князя, знаю потому, что еще до взятія Веденя князь уже готовилъ собственноручно различные благодарственные приказы по арміи и, какъ всегда, сдѣлалъ меня участникомъ этой работы; знаю потому, что князь, въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ этими готовыми приказами, постоянно и напряженно ждалъ радостнаго извѣстія о взятіи Веденя, кажется, задержанномъ нѣсколько дождями и распутицей.

Когда мы пришли въ Ведень,—это уже была штабъ-квартира Куринскаго полка, а командиромъ его былъ тогда Чертковъ. Мѣстоположеніе Веденя представилось намъ довольно живописнымъ. Сколько могу припомнить, это довольно обширная, продолговатой формы, долина, въ концѣ которой стоялъ замокъ или дворецъ Шамиля. Съ понятнымъ любопытствомъ мы бросились смотрѣть этотъ дворецъ и, разумѣется, испытали величайшее разочарованіе: смотрѣть было нечего, потому что ни дворца, ни замка никакого не было; была какая-то груда дикаго камня, имѣвшая форму большой сакли, да и та была на половину разрушена нашими пушечными выстрѣлами. Груда эта оказалась ни къ чему негодною даже для нашей штабъ-квартиры потому, что она расположилась совершенно на другомъ мѣстѣ и обстроилась на русскій ладъ. Наше любопытство гораздо болѣе было удовлетворено многоразличными разсказами о подробностяхъ взятія Веденя, которыя здѣсь не могутъ имѣть мѣста по той простой причинѣ, что я уже рѣшительно ихъ не помню.

Не помню даже хорошо порядка дальнѣйшаго нашего слѣдованія.

Знаю только, что, приходя на какую-нибудь позицію, мы комфортабельно располагались, стояли здѣсь день, два, три, кутили, играли въ карты и разъѣзжали изъ одной походной части въ другую въ гости къ начальникамъ ихъ и командирамъ, такъ какъ всѣ части занимали огромное пространство и одна отъ другой располагались иногда на весьма значительное разстояніе. Средоточіемъ, разумѣется, былъ штабъ князя. Собственно этотъ штабъ располагался слѣдующимъ образомъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ставилась палатка князя, довольно обширная, но не имѣвшая ничего блестящаго дотолѣ, пока ему не прислали или не подарили какую-то круглую татарскую палатку, составленную изъ безчисленныхъ кусковъ косимы и обитую внутри шелковою матеріею съ окномъ въ верху, отъ которой князь сначала отказывался, отдавъ ее въ пользованіе Тромповскаго, но которую потомъ взялъ себѣ. Въ нѣкоторомъ, впрочемъ довольно близкомъ. разстояніи отъ палатки князя располагалась громаднѣйшая, кажется, лазаретная, палатка, образующая столовую залу для всѣхъ состоящихъ при князѣ, которыхъ число простиралось отъ 80 до 100 человѣкъ. За этою палаткою располагались походныя кухни, повара, прислуга, конвой и т. п. Все это составляло, такъ сказать, главный центръ.

Отъ этого центра въ обѣ стороны шли улицы, образуемыя палатками и заселенныя свитою князя и разными лицами, принадлежащими къ штабу. Одна улица, идущая въ правую сторону отъ палатки князя, заключала въ себѣ собственно свиту и, какъ впослѣдствіи окажется, причиняла много хлопотъ и безпокойствъ князю, потому что эта веселая улица буквально никогда не умолкала. Первый, ближайшій къ палаткѣ князя, пунктъ на этой улицѣ занимался моею палаткою, и отъ нея уже шли палатки другихъ членовъ свиты. Другая улица, идущая отъ палатки князя въ лѣвую сторону, улица, несравненно болѣе благонравная, чѣмъ наша, начиналась палаткою Д. А. Милютина, начальника главнаго штаба, отъ которой шли палатки начальника артиллеріи, начальника инженеровъ и т. п. Само собою разумѣется, что за главными палатками разныхъ лицъ шли палатки ихъ прислуги, казаковъ и т. д., такъ что все это въ совокупности составляло значительный городъ. Съ окончаніемъ нашей свитской улицы ставилась палатка Евдокимова, отъ которой тянулись палатки различныхъ мѣстныхъ начальниковъ и другихъ чиновъ. Затѣмъ на различныхъ точкахъ кругомъ главнаго лагеря располагались разнородныя части войскъ, такъ что, куда ни взглянешь кругомъ,—всюду палатки. Съ наступленіемъ вечера всѣ окрестности оглашались музыкою и пѣснями. Потомъ, когда князь пріѣхалъ къ намъ, онъ не одинъ разъ замѣчалъ, что нашъ штабный городъ, по числу палатокъ, долженъ представляться непріятелю самой грозной силой.

Между тѣмъ, какъ мы стояли на одномъ мѣстѣ и занимались исключительно кутежами, невѣдомо для насъ, дѣлались рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности и прокладывались дороги, по которымъ мы должны пробираться впередъ. Это прокладываніе и устройство дорогъ для нашего пути составляло также предметъ, не лишенный занимательности. Я помню, на одной позиціи мы оставались довольно долго. Прямо отъ этой позиціи поднималась, совершенно стѣной, громадная гора, и намъ говорили, что мы должны будемъ взбираться на эту гору, что̀ казалось дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Между тѣмъ, одному изъ путейскихъ офицеровъ, старому кавказцу, Богъ вѣсть когда и какими судьбами, туда занесенному, умному и образованному Декроа, поручено было дѣйствительно разработать подъемъ на эту стѣну. Декроа сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлаютъ на Кавказѣ, при проложеніи горныхъ дорогъ—т. е. безчисленные зигзаги, которыми онъ изрѣзалъ гору, и по этимъ зигзагамъ пробилъ узенькую тропиночку, по которой едва, едва могла проходить одна лошадь. Если взять эту гору прямо въ вышину, то разстояніе ея подножія отъ верхушки составитъ, быть можетъ, версту или полторы; устроенные Декроа зигзаги образовали протяженіе верстъ въ десять.

Въ назначенное время мы стали взбираться на эту достопамятную гору, и странно было видѣть змѣеобразное наше восхожденіе. Разумѣется, въ теченіе двухъ или трехъ часовъ мы безпрерывно вертѣлись почти на одномъ мѣстѣ, такъ что вы постоянно могли разговаривать съ вашими знакомыми, находящимися вверху, или внизу; такъ они были близки отъ васъ, а между тѣмъ, чтобъ соединиться съ ними, вамъ нужно было полчаса, или даже часъ пути. Это восхожденіе памятно тѣмъ еще, что мой сотоварищъ и сотрудникъ Зиссерманъ, представлявшійся дотолѣ отчаяннымъ джигитомъ, подвергался здѣсь величайшей опасности. На одномъ изъ безчисленныхъ зигзаговъ, лошадь его чего-то испугалась, повернула въ сторону и, неудержавшись на чрезвычайно узкомъ пространствѣ дорожки, покатилась внизъ и съ всадникомъ. Они катились довольно долго съ зигзага на зигзагъ, и всѣ ожидали самаго печальнаго конца; но какъ всѣ тропинки заняты были сплошь идущими вверхъ лошадьми и людьми, то этому только Зиссерманъ и конь были обязаны своимъ спасеніемъ: гдѣ-то внизу, на одномъ изъ поворотовъ, ихъ задержали.

Надобно замѣтить, что главная задача этого проложенія дорогъ, заключалась въ томъ, чтобъ пробить въ горныхъ скалахъ, надъ страшными пропастями, какую-нибудь тропинку, по которой можно было бы пробраться въ одну лошадь, и эта задача не всегда разрѣшалась удовлетворительно. Я уже не говорю о паденіяхъ вьючныхъ лошадей, которыя, невольно ударяясь своими вьюками о скалы, валились въ

кручь. Приведу случай, который былъ предъ моими глазами. Ужъ не помню, гдѣ, мы поднимались на величайшую крутизну, по самой узенькой тропинкѣ, по одну сторону которой стояли отвѣсныя скалы, а по другую виднѣлись бездонныя пропасти. Шли мы въ одну лошадь, самымъ осторожнымъ образомъ. Случилось такъ, что впереди меня шелъ Лимановскій, потомъ дежурный генералъ Кавказской арміи, впереди какой-то казакъ и т. д. Вдругъ чрезъ Лимановскаго я замѣтилъ, что казакъ пропалъ, и въ ту же минуту въ пропасть посыпалось съ безконечнымъ шумомъ множество камней. Я былъ убѣжденъ, что съ этими камнями полетѣлъ и казакъ... Лимановскій мгновенно остановился и соскочилъ съ лошади, я послѣдовалъ его примѣру. Оказалось, что ленточка, по которой мы тянулись, такъ была узка и ненадежна, что лошадь казака проломила ее задними ногами и оборвалась, но казакъ такъ былъ ловокъ, что успѣлъ не только соскочить съ сѣдла самъ, но и вытянуть за поводья висящую на переднихъ ногахъ лошадь. Нѣсколько мгновеній мы съ Лимановскимъ остановились предъ этимъ неожиданнымъ проваломъ; дальше раздумывать было нечего, потому что нечего было ожидать, чтобы намъ стали чинить эту дорогу или прокладывать другую, или наконецъ подали покойные экипажи, на лежачихъ рессорахъ; мы перепрыгнули сами чрезъ этотъ провалъ и заставили перескочить нашихъ лошадей, потомъ сѣли на нихъ и продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Такимъ же конечно образомъ поступили и всѣ тѣ, которые слѣдовали за нами.

Есть пословица: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился». Эту пословицу, по всей справедливости, можно было бы приложить къ нашему походу, если бы не существовало другой пословицы: «на людяхъ смерть красна». Эта послѣдняя пословица находила полнѣйшее примѣненіе къ моему личному поведенію во время похода, да безъ сомнѣнія и къ поведенію всѣхъ. Вслѣдствіе той же черты великороссійскаго характера, о которой я выше говорилъ, послѣ первыхъ, не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя производили на меня невообразимыя горы, страшныя пропасти и горныя тропинки, я совершенно освоился съ ними. Теперь, вспоминая все то, что было и происходило во время похода, я самъ недумѣваю, неужели это я самъ лично тамъ былъ и дѣйствовалъ именно такъ, какъ дѣйствовалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, если бы мнѣ обѣщали разомъ десять звѣздъ за то, чтобы я повторилъ все то, что выдѣлывалъ въ походѣ, я постыдно уклонился бы отъ этой выгодной сдѣлки. Между тѣмъ въ то время я плавалъ въ разнородныхъ опасностяхъ, какъ рыба въ водѣ. Я не только не испытывалъ чувства какого-либо смущенія и робости тамъ, гдѣ никто не робѣлъ и не смущался, но подстрекаемый тѣмъ стремленіемъ къ молодечеству во всѣхъ родахъ и видахъ,

о которомъ я выше говорилъ, я считалъ долгомъ выказать и проявить наибольшее презрѣніе къ опасностямъ, наибольшее потому именно, что я былъ гражданскій человѣкъ и при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны на меня посыпались бы насмѣшки и я сдѣлался бы непремѣнно предметомъ различныхъ анекдотовъ, не столько дѣйствительныхъ, сколько вымышленныхъ, для чего въ мірѣ, меня окружавшемъ, имѣлись величайшіе художники.

По мѣрѣ нашего движенія впередъ, замѣтно становилось, что мы поднимались къ небесамъ. Страшныя, большею частію скалистыя горы, среди которыхъ, казалось, ничего разобрать нельзя было, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Люди знающіе, указывая по сторонамъ, говорили, что это вотъ то, а это вотъ то. Я ничего разобрать и различить не могъ. Повсюду торчали сѣрые пики или вершины горъ, отъ которыхъ вѣяло какою-то страшною дикостью и безжизненностью. Казалось, мы зашли въ какой-то невѣдомый и необитаемый міръ, въ которомъ человѣческому глазу не представлялось рѣшительно ничего жизненнаго.

Первое проявленіе страшной высоты, на которую мы взобрались, я замѣтилъ въ томъ, что я лично сталъ испытывать какое-то удушье. Дышать для меня становилось чрезвычайно тяжело, и я уже думалъ, что пріобрѣлъ какую-нибудь новую болѣзнь; но доктора, находившіеся въ отрядѣ, увѣрили меня, что это происходитъ отъ сильной разрѣженности горнаго воздуха. Потомъ стали являться болѣе положительные признаки нашего черезчуръ возвышеннаго положенія: это тучи и облака, плавающія внизу насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я не увижу уже никогда такихъ картинъ, которыя въ то время развертывались предъ моими глазами. Такъ, напр., случалось часто, особенно по утрамъ, что все лежащее подъ нами пространство казалось наполненнымъ необъятнымъ количествомъ растрепанной хлопчатой бумаги, сквозь которую рѣшительно ничего нельзя разглядѣть. Это были облака, окружавшія насъ и разсыпавшіяся подъ нами. Случалось также, что въ этой массѣ облаковъ, плавающихъ подъ нами, гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Все это поражало меня въ высшей степени, и я чрезвычайно удивлялся, что другіе такъ мало удивляются этимъ невиданнымъ мною и дѣйствительно дивнымъ картинамъ. Доказательствомъ страшной высоты нашего положенія служило и то, что тѣ маленькіе пригорки, которые представлялись намъ внизу, оказывались, когда мы спускались къ нимъ при рекогносцировкахъ, также значительными горами.

Во время пребыванія нашего на этихъ возвышенностяхъ мы большею частію испытывали чувство холода; такъ что для Фадѣева, прибывшаго потомъ въ нашъ лагерь, изъ отряда барона Врангеля, не

было болѣе высшаго наслажденія, какъ поставить самоваръ, внести его въ мою палатку и закрыть ее со всѣхъ сторонъ. Часто поднимались самые свирѣпые вѣтры, такъ что для противодѣйствія ихъ неистовымъ порывамъ палатка князя обставлялась вплотную другъ къ другу солдатами, которые такимъ образомъ и удерживали ее. Многія изъ другихъ палатокъ просто срывались и уносились вѣтромъ, обнажая весь внутренній бытъ ихъ владѣтелей. Крутизны, которыми мы были постоянно окружены, представляли ужасающій видъ. Казацкія и вьючныя лошади, пущенныя на пастьбу съ стреноженными ногами, взбираясь осторожно вверхъ, или спускаясь внизъ, казались едва замѣтными точками, меньше барановъ. Однажды, сидя у своей палатки, я видѣлъ, какъ одна изъ этихъ несчастныхъ лошадей оступилась, покатилась съ страшной высоты, почти по отвѣсной горѣ, внизъ и осталась на мѣстѣ. Вообще о какой-нибудь площадкѣ, ровномъ, хотя небольшомъ пространствѣ, мы забыли и думать.

Само собою разумѣется, что наши позиціи располагались на такихъ мѣстахъ, гдѣ была вода. Но по этой части горы были крайне скудны, и вода большею частію добывалась изъ ключей и родниковъ. Въ двухъ, или трехъ мѣстахъ мы видѣли великолѣпныя озера съ такимъ обиліемъ великолѣпной форели, что, по выраженію князя, солдаты ловили ее «портками». Видъ этихъ озеръ былъ великолѣпенъ. Такъ и видно было, что если мы любуемся ихъ чистотою и прозрачностію, то и они сами какъ будто немало удивлены нашимъ нежданнымъ нашествіемъ; видно было, что отъ сотворенія міровъ ихъ чистыя воды не осквернялись прикосновеніемъ человѣка, такъ какъ кругомъ не было никакихъ ауловъ. Собственно рѣку, или, лучше сказать, маленькую горную рѣченку я только видѣлъ одну и не только видѣлъ, но даже купался въ ней. Я помню, лагерь нашъ расположился на горѣ. Скоро стало извѣстно, что вблизи, въ двухъ, или трехъ верстахъ, внизу есть какая-то рѣчка Страшный охотникъ купаться, я тотчасъ отправился съ моимъ камердинеромъ отыскивать ее. Поиски наши продолжались недолго. Мы увидѣли не рѣку, въ русскомъ смыслѣ слова, а маленькій горный и потому сердитый ручеекъ, въ которомъ мнѣ и уложиться было трудно. Увлеченный, однако же, ожидаемымъ наслажденіемъ погрузиться въ холодныя струи, я рѣшился все-таки совершить мое купанье, во что бы то ни стало. Раздѣвшись, я уложился въ ручей сначала однимъ бокомъ, потомъ другимъ, потомъ спиной и т. д. Во время этой операціи, на противоположномъ берегу стояло нѣсколько туземныхъ оборвышей, въ косматыхъ шапкахъ, съ винтовками въ рукахъ, и смотрѣли на мои переворачиванія. Когда я возвратился въ лагерь и разсказалъ объ этихъ молчаливыхъ свидѣтеляхъ моего купанья товарищамъ, мнѣ сначала не хотѣли вѣрить, а когда повѣрили, стали упрекать меня

за мое величайшее безразсудство, которое могло очень дурно кончиться, и удивительно, что не такъ кончилось, потому что для горца нѣтъ выше удовольствія, да удовольствія, еще священнаго, какъ подстрѣлить гяура.

Кстати о горцахъ. Я рѣшительно не знаю, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ намъ въ этотъ моментъ. Замѣтно было, однако же, что вслѣдствіе взятія Веденя, нѣкоторыя ближайшія племена или аулы рѣшились сдержать свои враждебныя дѣйствія. Объ этомъ я заключаю потому, что меня не застрѣлили во время купанья моего, а еще болѣе потому, что на нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ переходовъ, близъ Веденя и преимущественно въ палаткахъ нашего знаменитаго маркитанта Лебедева, которыя мы не оставляли постоянными нашими посѣщеніями, насъ окружали иногда толпы туземныхъ горцевъ, мирныхъ или немирныхъ, это я уже плохо знаю. Въ желаніи привлечь ихъ окончательно на нашу сторону гражданскими дѣйствіями, я обильно осыпалъ ихъ различными сластями, которыя Лебедевъ, вмѣстѣ съ другими припасами, передвигалъ въ огромныхъ количествахъ. Помню очень хорошо, что они относились къ этимъ сластямъ съ величайшимъ недовѣріемъ, такъ что я долженъ былъ самъ все это ѣсть передъ ихъ глазами для удостовѣренія, что тутъ нѣтъ никакой отравы. За всѣмъ тѣмъ, однако же, невозможно было истребить ихъ подозрительности. Когда одни, повидимому, рѣшались рискнуть, другіе начинали на нихъ шумѣть по-татарски и удерживали ихъ. Такимъ образомъ мои гражданскіе опыты окончательнаго умиротворенія этихъ людей оказались неудачными, такъ что, подъ вліяніемъ нѣкоторой досады, я спрашивалъ всѣхъ: «что же это за народъ? мирный или немирный?». «А чортъ его знаетъ!» отвѣчали мнѣ: «сегодня мирный, среди нашихъ штыковъ, а завтра, если придется, отлично зарѣжетъ каждаго изъ насъ!»

Наконецъ, наступилъ день прибытія князя въ нашъ лагерь. Ужъ не помню, на какой позиціи это было; помню только, что мѣстоположеніе было не блистательно и изобиловало въ особенности какими-то буграми и пригорками. Встрѣча князя была великолѣпна. Войскъ сосредоточено было на этой позиціи весьма много. Съ ранняго утра все пришло въ движеніе и стало располагаться на назначенныхъ мѣстахъ. Длинныя линіи войскъ, разставленныя по неровной мѣстности, представляли оригинальную картину, слишкомъ различную отъ тѣхъ, какія представляютъ намъ всевозможные петербургскіе парады. Вся свита, къ которой и я былъ примкнутъ, имѣла свое отдѣльное мѣсто и старалась, елико можно, выравняться, что̀ представляло немалый трудъ, сколько потому, что наши кабардинскіе кони не очень-то способны были сохранять стройное и почтительное положеніе, столько же и потому, что многіе изъ всадниковъ, послѣ нѣкоторыхъ чарочныхъ пріе-

мовъ, съ трудомъ уже отличали линію ровную отъ неровной. Ожиданіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, длилось долго. Наконецъ, изъ-за безчисленныхъ бугровъ и пригорковъ стали показываться несущіеся во весь опоръ передовые всадники, а затѣмъ появился и самъ князь, съ своимъ значкомъ и своимъ конвоемъ.

Я ие могу удержаться, чтобъ не сказать для людей, конечно, мало знакомыхъ съ военнымъ бытомъ на Кавказѣ, что значекъ—вещь великолѣпная! Это какое-то личное знамя, которое всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кому оно принадлежитъ. Такимъ образомъ этотъ значекъ былъ не только у князя, но и у Евдокимова и многихъ другихъ значительныхъ лицъ. Я не знаю, опредѣлено ли закономъ, кто можетъ имѣть эти значки и кто не можетъ; не знаю даже, составляютъ ли они исключительную принадлежность Кавказа, или употребляются въ другихъ мѣстахъ, но дѣло въ томъ, что во время нашего похода я видѣлъ много и у многихъ — этихъ значковъ, которые напоминаютъ что-то рыцарское. Само собою разумѣется, что у князя былъ наивеликолѣпнѣйшій значекъ! Это было большое знамя, вышитое и расшитое золотомъ и серебромъ, среди котораго изображенъ былъ родовой княжескій гербъ князя. Это знамя вѣчно развѣвалось среди группы, сопровождавшей князя. У другихъ эти значки, конечно, были менѣе роскошны и представляли или также родовые гербы, или другія эмблематическія изображенія. Именно по этимъ значкамъ можно было узнавать на далекомъ разстояніи, кто именно ѣдетъ, ибо развѣвающееся знамя и находящееся на немъ изображеніе тотчасъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Громогласное «ура!» встрѣтило появленіе князя. Среди этихъ кликовъ князь объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи различныхъ генераловъ и свиты, къ нему примкнувшихъ, и потомъ сталъ на возвышенное мѣсто, заблаговременно избранное. Съ этого мѣста, снявъ фуражку, князь сталъ говорить войскамъ, что самъ государь велѣлъ ему благодарить ихъ за отличную службу, что государь надѣется, что, сдѣлавъ такъ много, они въ досталь покорятъ горы и т. п.

Здѣсь я позволяю себѣ замѣтить, что, читая часто въ заграничныхъ извѣстіяхъ, что такой-то король или такой-то ораторъ говорилъ то-то и то-то народу, или читая различныя исторіи, изображавшія, какъ такой-то полководецъ воодушевилъ своею рѣчью войска и т. п., я всегда недоумѣвалъ, какъ это дѣлается на практикѣ? Недоумѣніе это было для меня тѣмъ мучительнѣе, что я самъ нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ числу немногихъ публичныхъ говоруновъ; одаренный отъ природы крѣпкимъ и здоровымъ голосомъ, я по опыту зналъ, что даже въ залѣ, густо набитой слушателями, трудно говорить такъ, чтобы и задніе ряды могли слушать внятно всѣ слова оратора! Какимъ

же образомъ всѣ эти короли и полководцы могли воодушевлять своихъ слушателей, которыхъ уже было не сотни, а тысячи, и когда они размѣщались не въ залѣ какой-нибудь, какъ бы ни была она обширна, а на поляхъ и долахъ? Поэтому я съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидалъ, не разрѣшитъ ли моихъ недоумѣній рѣчь, обращенная княземъ къ войску.

Увы! сколько онъ ни кричалъ, сколько онъ ни махалъ своей фуражкой—солдаты ничего не слыхали и не понимали. Услыхали только «ура!» раздавшееся въ группѣ, окружавшей князя, и во слѣдъ ему какъ-то безсознательно и вяло стали кричать свое «ура!». Князь тотчасъ все это понялъ и сообразилъ и потому мгновенно разослалъ во всѣ концы своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ объявить солдатамъ, что самъ государь ихъ благодаритъ. Тогда по рядамъ войскъ понеслось болѣе сознательное, болѣе рѣшительное и болѣе крѣпкое новое «ура!». Когда крики эти стихли, началось такъ называемое церемоніальное прохожденіе всѣхъ войскъ мимо князя. Оно было похоже на всѣ подобныя упражненія этого рода съ тѣмъ только различіемъ, что видъ солдатъ, уступая во внѣшнемъ изяществѣ гвардейскимъ солдатамъ, далеко превосходилъ ихъ со стороны безконечной отваги, которая, прежде всего, кидалась въ глаза на смуглыхъ, загорѣлыхъ физіономіяхъ кавказцевъ. Для меня всего удивительнѣе было видѣть въ этихъ стройныхъ рядахъ какую-то далеко не изящную толпу грязныхъ оборвышей, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ огромными папахами на головахъ, съ клочьями бараньей шерсти, спускающимися отъ папахъ на ихъ и безъ того непривлекательныя физіономіи! Это были такъ называемые охотники Кабардинскаго полка, впервые учрежденные княземъ во время командованія имъ этимъ полкомъ. Главная обязанность этихъ охотниковъ состояла въ томъ, чтобъ одичать, на сколько можно, шляться по лѣсамъ и подстрѣливать горцевъ, какъ дичь, всюду, гдѣ только можно. Въ этихъ обованныхъ и страшныхъ фигурахъ, когда они проходили предъ княземъ, менѣе всего можно было узнать русскихъ солдатъ!

По окончаніи парада князь, а за нимъ все знатное и значительное направилось къ той громадной столовой палаткѣ, о которой я говорилъ и въ которой, на этотъ разъ, приготовленъ былъ общій парадный обѣдъ. Предназначалось, что и князь будетъ съ нами обѣдать; но онъ пріѣхалъ къ намъ полубольной: проклятая подагра снова начинала къ нему придираться, и потому онъ обѣдать съ нами не могъ, хотя оставался все время въ этой палаткѣ и, уложивъ покойно свои больныя ноги въ извѣстномъ положеніи, продолжалъ переговаривать то съ тѣмъ, то съ другимъ. Когда обѣдъ кончился, кругомъ князя образовалась значительная группа и слушала разнообразные его разсказы. Тутъ-то именно и зашла рѣчь о способности нѣкоторыхъ измѣрять однимъ взглядомъ про-

странство. Многіе изъ окружающихъ князя стали замѣчать, что и они не чужды этой способности. Князь указалъ на какой-то пунктъ вдали и спросилъ этихъ хвастуновъ: «сколько, по ихъ мнѣнію, шаговъ до этого пункта?» Явились мнѣнія ужасающаго различія. Князь засмѣялся. «А я полагаю—столько-то»,—сказалъ онъ. Многіе стали опровергать предложенную имъ мѣру и защищать свою. «Въ такомъ случаѣ надо повѣрить, у кого глазомѣръ вѣрнѣе»,—сказалъ князь. Дѣло стало принимать занимательный оборотъ: князь поручилъ кому-то записать мѣру, назначаемую каждымъ, равно какъ и свою. Потомъ избранъ былъ одинъ изъ казаковъ и, послѣ сдѣланныхъ ему внушеній и наставленій, отправленъ для измѣренія и опредѣленія дѣйствительнаго пространства. Казакъ началъ усердно шагать и считать. Всѣ напряженно смотрѣли на него и съ понятнымъ безпокойствомъ ожидали его возвращенія. Когда вернувшійся казакъ объявилъ результатъ своихъ трудовъ, сначала всѣ изумились, а потомъ засмѣялись. Это была какая-то чушь, ни къ чему неподходящая. Ясно было, что казакъ или вовсе считать не умѣлъ, или, отъ излишняго старанія повѣрнѣе, сосчитать, сбился и все перепуталъ. Мѣру, имъ объявленную, никто не признавалъ вѣроятною, ни тѣ, которые назначали много, ни тѣ, которые назначали мало.

Послѣ различныхъ воззрѣній на безполезный трудъ сконфуженнаго казака, князь сказалъ: «а жаль, что нашъ споръ остался неразрѣшеннымъ!» «Если вашему сіятельству угодно, я приму на себя измѣрить спорное пространство!»—сказалъ я. «Помилуйте!»—возразилъ князь,—«стоитъ ли того»... Но я уже зашагалъ въ гору и для точности сталъ записывать каждую пройденную сотню шаговъ на своей бѣлой фуражкѣ. Дойдя до опредѣленнаго пункта, я быстро вернулся и предъявилъ самый вѣрный учетъ сдѣланныхъ мною шаговъ. Побѣда была на сторонѣ князя. Послѣ разрѣшенія такимъ образомъ спора, князь сказалъ мнѣ: «какъ я завидую вамъ, Василій Антоновичъ, какъ молодецки ходите, какія у васъ желѣзныя ноги». Дѣйствительно, во всей моей натурѣ ноги самая крѣпкая вещь; тѣмъ не менѣе князь никогда ни обратилъ бы на это вниманія, если бы не возился безпрерывно съ своими больными ногами. Въ насъ всегда возбуждаетъ зависть именно то, чего у насъ нѣтъ. Такъ точно и князь, безъ сомнѣнія, считалъ величайшимъ счастіемъ имѣть только и исключительно здоровыя ноги, упуская изъ виду, что для здоровья человѣка мало однѣхъ крѣпкихъ ногъ и что при желѣзныхъ, какъ онъ выражался, ногахъ можно имѣть аневризмы, ракъ, разстроенную печень и т. п. Справедливо только то, что всякія болѣзни, а въ томъ числѣ и подагра въ ногахъ, вовсе не шли къ тому положенію, въ которомъ князь находился въ это время, положенію, въ которомъ онъ обязанъ былъ дѣйствовать самымъ усиленнымъ образомъ нравственно и физически...

Съ прибытіемъ князя въ нашъ лагерь, начались усиленныя рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности. Начинались онѣ съ самаго ранняго утра, часовъ въ пять, и часто продолжались до пяти часовъ вечера, такъ что люди совершенно изнемогали, а лошади у многихъ казаковъ и у свитскихъ или просто падали или становились въ тупикъ и не доходили до мѣста. Въ первыхъ рекогносцировкахъ я съ понятнымъ чувствомъ любопытства охотно участвовалъ; но потомъ и онѣ, какъ все на свѣтѣ, наскучили мнѣ и представляли одно утомленіе. «Я вѣдь гражданскій чиновникъ»,—подумалъ я себѣ,—«эти военныя обозрѣнія до меня не относятся; съ какой же стати я буду по десяти часовъ сряду мучиться». Подъ вліяніемъ такого успокоительнаго соображенія я прекратилъ эти поѣздки.

Объ этихъ продолжительныхъ поѣздкахъ, за исключеніемъ тѣхъ общихъ чертъ, которыя приведены мною выше, мнѣ не предстоитъ уже сказать много. Отличительный ихъ характеръ состоялъ въ томъ, что мы безпрерывно поднимались на скалы и спускались съ нихъ въ пропасти и ущелья. Непріятеля мы мало видѣли, на что̀ ужасно злобствовали мои воинственные друзья свиты, жаждавшіе подраться; изрѣдка только гдѣ-нибудь, въ отдаленіи, покажется непріятельскій пикетъ и скоро скроется. Замѣчательной чертой этихъ путешествій можно считать то, что, почти постоянно находясь между скалъ и пропастей, т. е. предъ зубами смерти, и находясь при томъ всегда несовсѣмъ въ нормальномъ положеніи въ слѣдствіе чарочныхъ пріемовъ, мы почти не имѣли никакихъ несчастій, а если что и было, то такъ ничтожно, что и упоминать не стоитъ.

Лично я только разъ задумался надъ вопросомъ: останусь ли живъ или умру? При одной изъ подобныхъ поѣздокъ, спустившись съ нашей возвышенной позиціи, мы должны были переходить какую-то топкую ложбину. Я шелъ вблизи князя, рядомъ съ Евдокимовымъ. Предъ нами очутилось что-то въ родѣ канавы или рва. Евдокимовъ спокойно повернулъ свою лошадь и объѣхалъ это памятное мѣсто. Я поѣхалъ прямо и, по манежнымъ правиламъ, желая предупредить свою лошадь объ этой канавѣ, прибралъ поводья и, нѣтъ сомнѣнія, что этимъ испортилъ все дѣло. По общимъ отзывамъ знатоковъ и линейныхъ казаковъ—при всѣхъ опасныхъ переходахъ, какого бы свойства они ни были, самое лучшее средство для исполненія ихъ дать туземной лошади полнѣйшую свободу. Я нарушилъ это правило и порядкомъ поплатился за то. Едва я подобралъ поводья, какъ въ тотъ же моментъ лошадь моя передними ногами провалилась въ эту проклятую яму. Мнѣ предстояло перелетѣть чрезъ ея голову и, запутавшись въ стременахъ, представить довольно драматическое зрѣлище; но я удержался и висѣлъ, такъ сказать, надъ лошадиною головою. Все это однако же продолжалось одно мгновеніе.

Сильная лошадь быстро рванулась всѣмъ передомъ изъ канавы, и я получилъ при этомъ движеніи сильнѣйшій ударъ въ грудь. Въ глазахъ потемнѣло, дыханіе стѣснилось, и тутъ-то я подумалъ: кончено! Если бы ударъ этотъ нанесенъ былъ головою лошади—дѣйствительно все было бы кончено; но къ счастію лошадь ударила меня только своею шеею. Безсознательно я отъѣхалъ въ сторону и ждалъ, что будетъ. У меня до такой степени захватило духъ, что я слова произнести не могъ, такъ что всѣ проносились мимо меня, рѣшительно ничего не замѣчая. Чрезъ нѣсколько секундъ или минутъ я почувствовалъ возможность дышать, и хотя грудь страшно ломило, но я видѣлъ, что обстановка, въ которой я находился, исключала всякую мысль о какихъ-либо нѣжныхъ и попечительныхъ пособіяхъ. Всѣ неслись, какъ угорѣлые, и мнѣ рѣшительно ничего не оставалось, какъ нестись за ними, предоставивъ остальное на волю Божію. Дѣло кончилось такъ хорошо, что на обратномъ пути я уже рѣшительно ничего не чувствовалъ и когда разсказывалъ этотъ случай своимъ товарищамъ, на ихъ физіономіяхъ было написано подозрѣніе, что все это я сочинилъ. Затѣмъ рѣшительно нигдѣ я не подвергался никакой опасности, хотя, по природному стремленію моему къ молодечеству, пускался на разныя штуки. Много разъ случалось спускаться съ какой-нибудь крутизны. На лошадяхъ надобно было извиваться по безконечнымъ зигзагамъ, о которыхъ я выше говорилъ, и проходить большое протяженіе, тогда какъ спуститься прямо можно было тотчасъ, если только не разобьешься самъ въ пухъ и прахъ. Въ подобныхъ случаяхъ я отдавалъ свою лошадь казаку, который и велъ ее по дорогѣ, а самъ спускался на прямки. Сильныя ноги и крѣпкія желѣзныя подковы подъ походными сапогами всегда сносили меня благополучно къ величайшему изумленію слабоногаго князя, на глазахъ котораго я продѣлывалъ эти штуки. Впрочемъ, я пускался на нихъ отнюдь не столько изъ тщеславія, сколько собственно для спокойствія. Нѣтъ ничего хуже и утомительнѣе, какъ спускаться на лошади съ крутыхъ мѣстъ, особенно на англійскомъ сѣдлѣ, какое у меня было. Это просто мученіе и для лошади, и для сѣдока! Между тѣмъ спуститься на ногахъ для меня рѣшительно не было ни труда, ни опасности.

Не могу при этомъ не вспомнить комическихъ случаевъ, когда милый Горшельтъ, «богомазъ», какъ называли его свитскіе пріятели, также предпринималъ спускаться прямо, избѣгая объѣздовъ. Какъ теперь вижу его долговязую, тонконогую фигуру и его маленькую верховную лошадку. Однажды онъ сталъ спускаться на ногахъ вмѣстѣ со мною съ довольно кругой горы. У него не было своего казака, и потому онъ повелъ лошадь за собою въ поводу. Конечно, это была картина, единственная въ своемъ родѣ. Я долженъ былъ останавливаться нѣсколько разъ, положительно умирая отъ смѣху. Дѣло въ томъ, что самъ Гор-

шельтъ и его маленькая лошадь ежеминутно падали и, что̀ всего комичнѣе—спасали другъ друга! Горшельтъ съ поводомъ въ рукахъ упадетъ и покатится; его маленькая лошадь остановится, упрется и посредствомъ этого повода удержитъ своего хозяина; потомъ маленькая лошадка его спотыкнется, оступится, упадетъ и покатится. Длинный Горшельтъ упрется, схватится обѣими руками за поводъ и въ свою очередь удержитъ коня...

Послѣ этихъ рекогносцировокъ и передвиженій съ одной позиціи на другую мы прибыли наконецъ на позицію, которая на моихъ оффиціальныхъ бумагахъ называлась: «на Андійскихъ высотахъ близъ аула Тандо». На этой позиціи мы стояли долго, и на ней собственно совершилось покореніе Восточнаго Кавказа; а потому и я долженъ посвятить ей большую часть моихъ воспоминаній.

Прежде чѣмъ мы окончательно заняли эту позицію, мы предварительно обозрѣвали ее разъ или два. Изобразить ее со стороны природы едвали въ состояніи самое искусное перо. На этой-то преимущественно позиціи мы видѣли плавающія внизу облака и грозы, въ нихъ разражавшіяся. Съ высотъ, на которыхъ мы стояли, въ лѣвую сторону мы видѣли безконечный рядъ скалистыхъ, сѣрыхъ, какихъ-то безжизненныхъ вершинъ. Люди знающіе и опытные, показывая на эти вершины, говорили, что тамъ находятся какія-то Андійскія ворота, тамъ же находится мѣсто или аулъ, кажется, «Urura̱hu», а въ немъ стоитъ самъ Шамиль съ своими мюридами и пушками. Для неопытнаго глаза ничего ни понять, ни разглядѣть было невозможно: все сливалось въ какую-то сѣрую мглу, сѣдой туманъ, въ которомъ прорѣзывались безчисленные горные пики. Въ правую сторону отъ насъ на первомъ планѣ, далеко внизу, виднѣлся аулъ Тандо, за нимъ ровная повидимому плоскость, потомъ берега Андійскаго Койсу, бѣшеной горной рѣки, а за нимъ лагерь сына Шамиля, немногія палатки котораго и происходившее тамъ движеніе составляли предметъ особенныхъ наблюденій съ нашей стороны. Прямо предъ нами, внизу, открывалась необозримая долина, съ нѣкоторыми пригоркам и, оказавшимися впослѣдствіи, когда мы спускались туда, тоже большими горами.

Я помню очень хорошо день занятія этой позиціи. Когда мы пришли къ ней, князь сошелъ съ лошади и сѣлъ на краю возвышенности. Его примѣру послѣдовали всѣ. Посредствомъ зрительныхъ трубъ и другихъ способовъ найдено было, что лежащій внизу аулъ Тандо не очищенъ еще жителями, и потому князь приказалъ немедленно занять его. Ужъ не знаю почему начальникомъ дѣйствующихъ войскъ считался въ этотъ моментъ баронъ Николаи, братъ статскаго барона Николаи, нынѣ генералъ-адъютантъ. Занятіе аула предоставлено было Кабардинскому полку, части котораго немедленно и отправились внизъ. Всѣ мы, распо-

ложенные на обрывахъ возвышенности, сидѣли, какъ въ партерѣ, и ожидали занятія аула, какъ ожидаютъ въ театрѣ начала какого-нибудь спектакля. Само собою разумѣется, что для меня это ожиданіе было исполнено наибольшаго интереса вслѣдствіе самой новости подобныхъ дѣлъ. Ожиданіе наше длилось очень долго, потому что самый спускъ, по которому шли наши войска, оказался необъятнаго протяженія. Вдругъ сдѣлалось замѣтнымъ величайшее движеніе въ аулѣ; стали раздаваться выстрѣлы, постепенно учащаясь. Я помню, что я былъ очень удивленъ звукомъ этихъ выстрѣловъ: отъ свойства ли горной атмосферы, или отъ устройства винтовокъ—звукъ этотъ вовсе не походилъ на звукъ нашихъ обыкновенныхъ выстрѣловъ; это былъ скорѣе какой-то деревянный стукъ, сухой и короткій. Прислушиваясь къ этому стуку, я понялъ, почему на Кавказѣ, говоря о горцахъ, вмѣсто, напр. «начали стрѣлять» говорятъ: «застукали», или вмѣсто: «застрѣлили», говорятъ «устукали». Стукотня эта была впрочемъ непродолжительна; прежде, нежели мы могли замѣтить приближеніе нашихъ войскъ къ аулу, мы видѣли, что изъ аула потянулись конныя партіи горцевъ, продолжая стрѣлять назадъ, кажется, больше для собственнаго удовольствія, чѣмъ для дѣйствительной пользы. Такое поспѣшное отступленіе рѣшительно разочаровало насъ, ожидавшихъ видѣть зрѣлище свалки; но оно тотчасъ объяснилось, когда мы увидѣли фигуры той охотничьей команды Кабардинскаго полка, о которой я говорилъ, заходившія съ обѣихъ сторонъ аула на значительномъ отъ него разстояніи; этотъ обходъ, повидимому, и заставилъ горцевъ убираться по добру, по здорову.

Когда такимъ образомъ аулъ занятъ былъ нашими войсками, князь потребовалъ коня, сѣлъ на него и сталъ спускаться къ аулу. Разумѣется, его примѣру послѣдовали всѣ. Я никогда не забуду этого достопамятнаго спуска. Онъ превосходилъ все, что мы до тѣхъ поръ видѣли и проходили. Начать съ того, что онъ тянулся, какъ говорили, пять верстъ. Крутизну онъ представлялъ невообразимую. Лошади, спускаясь, положительно садились на задъ. Всадники предоставляли себя Богу, да ловкости коня. Къ этому надобно прибавить, что дорога по этому спуску представляла почву изрытую, обрывистую, усѣянную громадными камнями, такъ что лошади почти на каждомъ шагу должны были преодолѣвать эти препятствія. Но что всего было отвратительнѣе—это то, что спускъ этотъ не имѣлъ прямой линіи внизъ, а безпрерывно извивался и загибался. Спускаясь, напр., съ одного поворота, ждешь, когда онъ кончится, въ надеждѣ, что за поворотомъ дорога будетъ лучше. Повернулъ и обомлѣлъ! Еще круче, еще хуже!

Я помню, когда пріѣхалъ въ нашъ лагерь остроумный Челяевъ (зачѣмъ онъ пріѣзжалъ—ужъ Богъ его знаетъ), князь нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы онъ также участвовалъ въ дальнѣйшихъ реко-

гносцировкахъ, которыя, разумѣется, должны были начинаться съ этого милаго спуска. Надо замѣтить, что Челяевъ природный грузинъ, слѣдовательно, природный ѣздокъ, хотя уже немножко отяжелѣвшій и отвыкшій отъ джигитскихъ замашекъ. Онъ нѣсколько разъ порывался исполнить желаніе князя и спуститься внизъ, но каждый разъ возвращался съ дороги и выдумывалъ для представленія князю различные уважительные предлоги. Въ дружеской же бесѣдѣ чрезвычайно остро и забавно разсказывалъ дѣйствительныя причины, заставлявшія его возвращаться. «Это чортъ знаетъ, что такое?»,—говорилъ онъ между прочимъ: «развѣ можно порядочнымъ людямъ ѣздить по такимъ дорогамъ? Постоянно висишь надъ пропастью, а подъ ногами камень на камнѣ. Думаешь, вотъ поверну—пойдетъ ровно. Не тутъ-то было. Еще хуже. Можетъ быть за новымъ поворотомъ будетъ лучше. Еще хуже. Я думаю, что черти въ адѣ спускаются покойнѣе. Нѣтъ, слуга покорный! Если Шамиля суждено поймать—поймаютъ и безъ меня. А я по-пусту, изъ одной любви къ искусству, головы ломать не намѣренъ!» и т. п.

Но я по этому спуску въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, ѣхалъ въ первый разъ подлѣ самаго князя, и само собою разумѣется, что мысль о возвращеніи не могла мнѣ и въ голову придти уже потому, что исполненіе ея покрыло бы меня вѣчнымъ позоромъ. Князь ѣхалъ спокойно и съ улыбкою смотрѣлъ, какъ моя лошадь спускалась на хвостѣ. Всему бываетъ конецъ; былъ конецъ и этому проклятому спуску. Мы въѣхали въ занятой аулъ по узенькой извивающейся улицѣ и въ слѣдъ за княземъ вошли на какую-то башню или крѣпость, съ которой открывался обширный видъ. Свитскіе товарищи мои недолго, однако же, наслаждались этимъ видомъ и потребовали у меня открытія на пользу общую всѣхъ моихъ запасовъ. Мы спустились съ башни и дружно принялись за поиски моего казака, у котораго находился мой подвижной запасный магазинъ. Когда казакъ былъ отысканъ, мы расположились на берегу какого-то ручья и такъ дружно занялись своимъ завтракомъ и преимущественно разными питіями, что даже прозѣвали жаркую схватку, происшедшую на противоположной сторонѣ аула. Дѣло въ томъ, что когда князь находился на башнѣ, противъ ея, въ отдаленіи, показалась партія конныхъ горцевъ. Преслѣдовать и разсѣять ее предоставлено было какому-то туземному полку или отряду, недавно предъ тѣмъ въ чемъ-то оплошавшему. Нашъ конный отрядъ, чтобъ смыть лежавшее на немъ пятно, яростно кинулся на вражескую партію и быстро разсѣялъ ее, при чемъ было убито нѣсколько человѣкъ. Дѣло было исполнено такъ мгновенно, что не только мы, бывшіе въ отдаленіи и углубившіеся въ свои спеціальныя занятія, но и многіе другіе ничего не видали.

Обозрѣвъ открывающуюся изъ этого аула мѣстность, князь потя-

нулся назадъ, а за нимъ двинулась и безконечная вереница, составлявшая его хвостъ. Подъемъ былъ столь же утомителенъ, сколько и скученъ, только съ другой стороны: если при спускѣ вы должны были, во избѣжаніе удовольствія полетѣть чрезъ голову лошади, ложиться ей на спину, то при подъемѣ вы должны были держаться за гриву лошади, чтобъ не съѣхать съ сѣдла и не остаться за хвостомъ вашего коня. Поднявшись, мы расположились «на Андійскихъ высотахъ, близъ аула Тандо».

На этой позиціи, какъ я сказалъ уже, мы стояли весьма долго. Замѣтно было, что здѣсь совершались важныя военныя соображенія, ожидались извѣстія изъ другихъ отрядовъ, велись переговоры, дѣлались окончательныя предположенія. Но эта часть была мнѣ и моимъ пріятелямъ мало знакома, и потому я объ этомъ умолчу.

Бывшій въ свитѣ князь Голицынъ самъ создалъ для себя должность безсмѣннаго моего адъютанта и усердно исполнялъ ее. Голицыныхъ на бѣломъ свѣтѣ и въ русскомъ мірѣ нѣсть числа. Какую отрасль въ этомъ вѣтвистомъ древѣ составлялъ мой адъютантъ, я плохо знаю, потому что нисколько не интересовался этимъ; знаю только, что онъ былъ сынъ того Голицына, который былъ генералъ-губернаторомъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, служилъ прежде въ кавалергардахъ или конногвардейцахъ, жилъ долго въ Парижѣ, потомъ попалъ на Кавказъ и поступилъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ онъ и состоялъ во время похода. Такимъ образомъ онъ собственно не принадлежалъ къ свитѣ намѣстника, но примкнулъ къ ней вслѣдствіе частію родовыхъ, а частію прежнихъ петербургскихъ отношеній, точно такъ же, какъ къ ней примкнули много и другихъ личностей, какъ, напр., князь Долгоруковъ, бывшій во время похода солдатомъ какого-то полка, разжалованный въ это званіе за какую-то петербургскую исторію, братъ своей сестры, впослѣдствіи Альбединской; Бутурлинъ, состоявшій тогда при Евдокимовѣ, какой-то Нарышкинъ и много другихъ. Князь Голицынъ былъ милый, но уже потерянный человѣкъ. Безъ вина онъ уже положительно жить не могъ. Можно было догадываться, что какая-нибудь романтическая драма дала сильный толчекъ его существованію. Владѣя прекраснымъ теноромъ, онъ великолѣпно пѣлъ пѣсни своего сочиненія. Слова этихъ пѣсенъ, манера, съ которою онъ ихъ пѣлъ, показывали, что въ сердцѣ у него сидѣла глубокая заноза. Однимъ словомъ, это была широкая русская даровитая натура, сбившаяся съ толку. Въ качествѣ моего адъютанта, онъ постоянно докладывалъ мнѣ о потребности тѣхъ или другихъ питей и, получая мои приказанія, передавалъ ихъ тѣмъ, у кого хранились винные запасы.

Казалось бы, при такихъ раннихъ и безспорно обильныхъ обѣдахъ и ужинахъ, не было уже ни мѣста, ни времени никакимъ другимъ за-

*

тѣмъ, тѣмъ болѣе, что, какъ я сказалъ уже, князь, постоянно обѣдая въ своей отдѣльной палаткѣ, подобно тому, какъ заведено было въ Тифлисѣ, ежедневно приглашалъ къ себѣ обѣдать человѣкъ шесть, восемь, десять изъ наиболѣе почетныхъ и близкихъ лицъ и въ силу этого порядка выдергивалъ, такъ сказать, изъ среды нашей веселой молодости, то одного, то другаго, то по-двое и по-трое вдругъ. Всего этого для праздной и богатой свиты, однако же, было недостаточно. Началось съ того, что она изобрѣла очередные завтраки, разумѣется, роскошные въ той степени, въ какой только было возможно, при той обстановкѣ, въ какой мы находились. Сегодня завтракъ былъ у одного, завтра у другаго, потомъ у третьяго и т. д. Такимъ образомъ съ ранняго утра свита становилась уже на веселую ногу. И этого оказалось мало.

Всѣ пиры, болѣе или менѣе, походили одинъ на другой. Изящества не требовалось, потому что и требовать его нельзя было; но численность ихъ и страшная роскошь были ужасающихъ размѣровъ, что можно было заключать изъ того, что многіе господа, пустившіеся въ походъ съ соотвѣтственными денежными запасами, стали разыскивать почти неизбѣжнаго спутника ихъ молодой и веселой жизни — кредита Мы ловили малѣйшій случай созидать пиры. Пріѣхалъ кто-нибудь—пиръ Уѣзжаетъ кто-нибудь—пиръ! Получилъ кто-нибудь награду — пиръ! Именинникъ — пиръ! Если ничего этого не было, вспоминалось какое-нибудь дѣло, событіе, обстоятельство—и во славу или память его — опять пиръ!

Въ то время, когда на лѣвой, Милютинской улицѣ царствовала дѣловая, серьезная сторона, на нашей, Свитской улицѣ—пиры, большею частью, продолжались всю ночь. Пѣніе, сопровождавшее наши кутежи, гремѣло, постоянно и, конечно, мало содѣйствовало спокойствію тѣхъ, кто въ своихъ походныхъ постеляхъ искалъ сна, не исключая и самого князя...

Палатка моя, какъ я сказалъ уже, стояла первою отъ палатки князя по Свитской улицѣ, и ею именно начиналась эта улица; поэтому нисколько не удивительно, что наши оргіи не только доходили до слуха князя, но и значительно безпокоили его. Безконечно деликатный, онъ и къ нашему шуму вначалѣ относился чрезвычайно деликатно. Потомъ, среди нашихъ ночныхъ пировъ, являлся къ намъ нашъ милый комендантъ Тромповскій и съ своимъ польскимъ акцентомъ говорилъ: «Господа! ради Бога потише! Самъ князь проситъ васъ не шумѣть такъ! Вы никому спать не даете! Князь никакъ не можетъ заснуть и самъ прислалъ меня просить васъ»... Тромповскаго всѣ чрезвычайно любили; но я говорилъ уже, что онъ не имѣлъ рѣшительно никакого серьезнаго значенія, не имѣлъ до такой степени, что даже и въ этомъ случаѣ,

когда онъ говорилъ отъ имени самого князя, на его слова не было обращено рѣшительно никакого вниманія; свитскіе господа продолжали пѣть и шумѣть по-прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало. Князю однако же дѣлалось, повидимому, невыносимо, такъ что онъ горько жаловался на свиту Милютину и пригласилъ его, какъ начальника главнаго штаба, принять соотвѣтственныя мѣры, все-таки избѣгая, по той же деликатности, необходимости сдѣлать лично выговоръ и замѣчаніе своимъ приближеннымъ.

Упомянувъ выше объ отдѣльныхъ обѣдахъ у князя, въ его собственной палаткѣ, я долженъ прибавить, во-первыхъ, что они по достоинству, какъ и само собою разумѣется, были гораздо выше тѣхъ, которые поѣдались «саранчею» въ общей палаткѣ, и, во-вторыхъ, что въ порядкѣ ихъ соблюдался тотъ же этикетъ, какой существуетъ въ отношеніи тифлисскихъ обѣдовъ съ тою только разницею, что здѣсь, въ походѣ, отъ гражданскихъ лицъ не требовались бѣлые галстуки, непремѣнное условіе тифлисскихъ обѣдовъ. За всѣмъ тѣмъ, когда въ нѣкоторые царскіе дни, мы съ Всеволожскимъ, секретаремъ князя для иностранной переписки, являлись въ палатку къ обѣду въ бѣлыхъ галстукахъ, князь былъ весьма доволенъ и положительно выражалъ свое удовольствіе.

Честь обѣдать въ палаткѣ у князя, завидная для многихъ, доставалась мнѣ довольно часто. Князь какъ будто видимо желалъ поддержать и ободрить меня своимъ благоволеніемъ въ этомъ новомъ для меня мірѣ. Между прочимъ какъ-то однажды, послѣ моего доклада, князь сказалъ мнѣ: «приходите сегодня ко мнѣ обѣдать». Я молчаливо поклонился. Надо замѣтить, что это было во время разгара нашихъ завтраковъ, о которыхъ я выше говорилъ. Въ этотъ именно день былъ очередной завтракъ у близнецовъ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ, племянниковъ князя. Среди этого завтрака я и былъ потребованъ къ князю съ моимъ докладомъ. На мой молчаливый поклонъ князь вопросительно взглянулъ на меня и сказалъ: «а что? вѣрно затѣянъ кутежъ какой-нибудь?» «Нѣтъ, ваше сіятельство», отвѣчалъ я, «мы только завтракаемъ сегодня у графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ». «Ну, я знаю эти завтраки!» весело сказалъ князь: «въ такомъ случаѣ приходите лучше завтра обѣдать ко мнѣ, а то съ вами, пожалуй, поносъ сдѣлается!» Я очень радъ былъ этой льготѣ потому, что нашъ завтракъ, веселый и свободный, протянулся далеко за полночь.

За этими обѣдами, какъ и въ Тифлисѣ, князь, большею частью одинъ ораторствовалъ; всѣ другіе почтительно слушали или столь же почтительно улыбались и поддакивали. До какой степени опасно было вмѣшиваться въ разговоры князя и до какой степени проникнутъ онъ былъ мнительностью и подозрительностью въ отношеніи къ тому, что

ему или при немъ говорятъ, приведу слѣдующій случай. Если этотъ случай разсказанъ уже выше гдѣ-нибудь, то я прошу извиненія у великодушнаго читателя за повтореніе. За однимъ изъ этихъ обѣдовъ князь, между прочимъ, разсказывалъ, что когда-то ему нужно было купить лошадь и что для этой цѣли онъ отправился въ какую-то крѣпость или станицу, гдѣ по слухамъ была именно такая лошадь, какая была нужна князю, принадлежавшая одному изъ туземныхъ офицеровъ. Едва онъ прибылъ въ эту крѣпость или станицу, какъ къ нему тотчасъ явился одинъ изъ прежнихъ его знакомыхъ, человѣкъ хорошей фамиліи и значительнаго достатка, но прокутившійся, замотавшійся и стоявшій уже на рубежѣ мазурничества. Когда господинъ этотъ узналъ цѣль, для которой пріѣхалъ князь, онъ тотчасъ предложилъ свои услуги. Князь холодно отвѣчалъ, что онъ уже имѣетъ въ виду такую-то лошадь; господинъ этотъ началъ расхваливать ее и даже объявилъ, какую именно цѣну хозяинъ проситъ за нее. Князь беретъ эту сумму, запечатываетъ ее въ пакетъ и при коротенькой запискѣ отправляетъ ее съ казакомъ хозяину, прося прислать лошадь. Отвѣтъ былъ таковъ, что лошадь посылается, но что вѣроятно князь забылъ вложить въ пакетъ сумму, о которой онъ пишетъ потому, что въ пакетѣ ея не оказалось. Удивленный князь, прежде всего, отправляетъ вновь такую же сумму и затѣмъ обращается къ вопросу: какимъ образомъ могла изчезнуть сумма, прежде отправленная? Никакихъ подозрѣній къ личности хозяина лошади не могло быть отнесено потому, что это былъ господинъ, довольно извѣстный и съ безукоризненною репутаціею. Оставалось обратить эти подозрѣнія на казака, носившаго письмо съ деньгами, что̀ князь и высказалъ господину, присутствовавшему при всей этой операціи. Къ удивленію, этотъ господинъ выразилъ самый энергическій протестъ противъ этихъ подозрѣній и даже укорилъ князя именно этими словами: «какъ можно, ваше сіятельство, такъ поспѣшно и такъ бездоказательно чернить человѣка; впослѣдствіи вѣроятно очень просто объяснится это недоумѣніе». Князь бросилъ это дѣло; но потомъ, при свиданіи съ хозяиномъ лошади, онъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ. «Да не былъ ли кто-нибудь у вашего сіятельства въ то время, какъ вы отправляли деньги?» спросилъ онъ. Князь отвѣчалъ, что былъ такой-то господинъ, о которомъ нечего и говорить, потому что на него не можетъ падать рѣшительно никакого подозрѣнія, какъ на человѣка порядочнаго и стараго знакомаго князя. «Напротивъ, ваше сіятельство!» возразилъ хозяинъ лошади, «теперь все ясно; онъ-то и укралъ деньги. Это уже не первая его штука въ этомъ родѣ». При этомъ онъ дѣйствительно разсказалъ нѣсколько штукъ именно въ этомъ родѣ, великолѣпно исполненныхъ этимъ господиномъ.

Князь заключилъ свой разсказъ сожалѣніемъ, что такъ низко иногда

падаютъ люди, хорошо рожденные, хорошо воспитанные... Послѣ этого разсказа наступила значительная пауза. Подъ вліяніемъ множества подобныхъ случаевъ, которые были мнѣ извѣстны еще въ Петербургѣ, я рѣшился выступить на сцену. «Сколько мнѣ извѣстно, ваше сіятельство», сказалъ я, «изъ всѣхъ потерянныхъ людей, такъ называемыхъ въ Петербургѣ «мазуриковъ», самые опасные именно тѣ, которые хорошо образованы и имѣли состояніе, ими растраченное. По привычкѣ ли къ прежнимъ сладостямъ и удобствамъ жизни или уже по испорченности своей натуры — они не останавливаются ни предъ какими подлостями, чтобъ поправить свое матеріальное положеніе. Однимъ словомъ, это самый опасный разрядъ подлецовъ и т. п.» Во время моей, какъ всегда, оживленной рѣчи князь съ какою-то значительною улыбкою посматривалъ то на меня, то на Едлинскаго, который тоже обѣдалъ у князя въ этотъ разъ. Я видѣлъ, что улыбка, князя, съ которою онъ переносилъ свой взоръ съ меня на Едлинскаго, а съ Едлинскаго на меня, значитъ что-то; но что именно она значитъ — я рѣшительно понять не могъ. Послѣ обѣда, по обыкновенію, скоро всѣ разошлись, и я разумѣется тотчасъ забылъ всѣ происходившіе за нимъ разговоры.

Но когда въ тотъ же вечеръ или на другое утро, ужъ не помню, я снова увидалъ князя, онъ встрѣтилъ меня словами: «ну, батюшка! отдѣлали вы насъ съ Едлинскимъ... Молодецки!» Слова эти произнесены были милымъ и шутливымъ тономъ. Рѣшительно ничего не понимая, я спросилъ: «какимъ образомъ ваше сіятельство?» «А какже!» продолжалъ князь: «вы великолѣпно доказали, что изъ всѣхъ мошенниковъ самые отчаянные тѣ, которые были богаты и потеряли свое состояніе! А мы съ Едлинскимъ именно подходимъ подъ этотъ разрядъ!» «Помилуйте, ваше сіятельство!»,—сказалъ я, чрезвычайно изумленный,— «развѣ я утверждалъ, что всѣ, которые были богаты, непремѣнно дѣлаются дурными людьми?» Но князь видимо шутилъ, и ясно было, что ему не были нужны никакія опроверженія съ моей стороны сдѣланнаго имъ столь оригинальнаго вывода изъ моихъ воззрѣній. «А знаете ли», продолжалъ весело князь: «послѣ обѣда я подозвалъ къ себѣ Едлинскаго и сказалъ ему: каково отдѣлалъ насъ съ вами Василій Антоновичъ? Едлинскій отвѣчалъ: Василій Антоновичъ совершенно упустилъ изъ виду пословицу: «въ домѣ повѣшеннаго о веревкѣ не говорятъ». Я хотѣлъ было подсказать ему эту пословицу, но онъ сидѣлъ на другой сторонѣ стола: неловко было!» Все это разумѣется, обращено было въ шутку; но и въ шуткѣ этой видна та мнительность, которая составляла весьма рельефную черту въ характерѣ князя.

Что подѣлывалъ, между тѣмъ, мой Зиссерманъ? Увы! Прежде всего я долженъ замѣтить, что несмотря ни на какія старанія съ моей сто-

роны я никакъ не могъ ввести его въ сферу дѣйствительной свиты, которая не чувствовала къ нему симпатій. Съ этой стороны положеніе его было весьма затруднительно. Самолюбіе, какъ справедливо утверждалъ князь, самая щекотливая вещь, и громадное самолюбіе Зиссермана страдало невыносимо. Нѣкоторое утѣшеніе онъ находилъ только въ занятіяхъ верблюдами. «Какъ верблюдами?»—восклицаетъ изумленный читатель. «Да также», отвѣчаю я. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода какое-то общество, народъ или племя предложило на общую пользу, безплатно, нѣсколько верблюдовъ съ такимъ впрочемъ условіемъ, что если верблюдъ падетъ во время похода, то въ этомъ случаѣ за него должно быть выплачено жертвователямъ 50 р. Для какихъ именно надобностей могли быть употреблены эти верблюды—я не знаю; но только мы видѣли на нашихъ позиціяхъ, что эти неуклюжія животныя съ длинными шеями, съ огромными горбами какъ-то уныло бродили или стояли по окрестнымъ скаламъ. Скоро мы стали видѣть трупы этихъ животныхъ. Они начали падать! Соображенія о причинахъ этого падежа были чрезвычайно разнообразны. Одни утверждали, что они не способны переносить горныхъ походовъ; другіе, что въ скалахъ они не находятъ достаточной пищи; большинство же было такого мнѣнія, что мошенники татары, предложившіе ихъ для похода, съ уплатою за каждаго павшаго верблюда по 50 р., нашли въ этомъ весьма выгодную спекуляцію и по всей вѣроятности поручили приставленнымъ къ нимъ погонщикамъ скорѣе переморить ихъ, чтобъ скорѣе получить слѣдующія за нихъ деньги.

Между тѣмъ князь, по прибытіи въ нашъ лагерь, обратилъ на этотъ предметъ самое ближайшее вниманіе и занялся верблюдами съ обычною, хотя скоропреходящею, энергіею. Повидимому, онъ хотѣлъ разрѣшить положительнымъ образомъ задачу о годности верблюдовъ для горныхъ кавказскихъ походовъ. Въ сотрудники по разработкѣ этой задачи онъ взялъ именно Зиссермана. Явились откуда-то брошюры объ участіи верблюдовъ въ военныхъ передвиженіяхъ по Алжиру; составлялись извлеченія изъ этихъ брошюръ, писались спеціальныя инструкціи объ уходѣ за верблюдами; наконецъ, избранъ былъ одинъ изъ офицеровъ для ближайшаго попеченія надъ ними, который постоянно являлся съ докладами къ Зиссерману о состояніи ихъ здоровья. Но увы! чѣмъ болѣе самъ князь, Зиссерманъ и этотъ офицеръ, ближайшій ихъ попечитель, старались объ улучшеніи судьбы несчастныхъ верблюдовъ, тѣмъ сильнѣе они падали. Каждое утро, выходя изъ своихъ палатокъ, мы привыкли уже смотрѣть въ мѣсто расположенія верблюдовъ и всегда замѣчали новые трупы. Громадные трупы этихъ громадныхъ животныхъ чрезвычайно рельефно вырисовывались на окрестныхъ возвышеніяхъ и отмѣчали, такъ сказать, слѣды нашего побѣдо-

носнаго шествія впередъ. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ верблюды передохли, и Зиссерманъ снова оставался безъ дѣла, до тѣхъ поръ, пока военныя событія или, лучше сказать, начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа не предоставило ему въ высшей степени интересныхъ матеріаловъ для тѣхъ писемъ, которыя онъ сталъ высылать изъ похода въ редакцію петербургскихъ газетъ и которыя, сколько извѣстно, читались въ свое время съ величайшимъ любопытствомъ!

X.

Покореніе Восточнаго Кавказа.—Бѣгство Шамиля съ его позиціи.—Замѣчательная манера князя сообщать секреты. — Государственный успѣхъ и негодованіе свиты.—Отступленіе князя отъ собственныхъ словъ.—Вопросъ: ожидалъ или не ожидалъ князь покоренія Восточнаго Кавказа.—Разливъ миролюбиваго настроенія между горцами. — Безчисленныя депутаціи, ежедневно являвшіяся въ нашъ лагерь. — Туземные ораторы. — Успѣхи отряда барона Врангеля.—Знаменитая переправа этого отряда чрезъ рѣку.—Покореніе Аваріи. — Громадная депутація аварцевъ. — Русскіе выходцы изъ непріятельскихъ ауловъ.—Плѣнные и перебѣжчики.—Пособія, которыми свита надѣляла ихъ.—Развивающееся негодованіе свиты на такой оборотъ дѣлъ.—Скука, заглянувшая въ нашъ лагерь.—Обманутыя надежды на битвы и отличія.—Начавшійся разъѣздъ свитскихъ господъ.—Моя рѣшимость тоже уѣхать. — Обратный мой путь въ Грозную. — Выѣздъ изъ Грозной. — Впечатлѣніе, выраженное моимъ камердинеромъ.

Начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа! Я по истинѣ затрудняюсь, съ какой стороны приступить къ этому важному событію. Чуждый всякаго участія всѣхъ военныхъ соображеній и обстоятельствъ, изъ которыхъ создалось это покореніе, я, само собою разумѣется, не могу имѣть ни малѣйшей претензіи разсматривать это событіе именно съ этой серьезной стороны. Да эта сторона, во-первыхъ, не была бы мнѣ подъ силу ни въ какомъ случаѣ, а во-вторыхъ, она уже разработана во всевозможныхъ реляціяхъ и оффиціальныхъ донесеніяхъ, разумѣется, нечуждыхъ «украшенія истины». Поэтому мнѣ кажется, что я поступлю лучше, если, не становясь на ходули, буду просто разсказывать только то, что видѣлъ и слышалъ, съ сохраненіемъ единственнаго условія, положеннаго мною въ основаніе моихъ разсказовъ: не допускать ни одного слова сочиненнаго.

Продолжая оставаться на позиціи, называвшейся «Андійскими высотами близъ аула Тандо», князь много разъ спускался съ этихъ высотъ, обозрѣвалъ внизу лежащую мѣстность и даже избралъ на ней пунктъ для нашего укрѣпленія, которое 6-го августа дѣйствительно

было заложено и названо «Преображенскимъ». Мы продолжали кутить въ томъ порядкѣ, какъ я выше разсказалъ, и мало останавливались надъ вопросомъ: почему мы не двигались дальше? За Андійскимъ Койсу, по-прежнему, виднѣлся лагерь сына Шамиля и оставался въ томъ же недвижимомъ положеніи, какъ и нашъ лагерь. Замѣтно было, впрочемъ, что въ высшихъ сферахъ что-то обдумывается, соображается, что-то ожидается. Предъ палаткою князя, по-прежнему, стояли зрительныя трубы всевозможныхъ размѣровъ, направленныя въ ту сторону, гдѣ, по слухамъ и разсказамъ, стоялъ самъ Шамиль съ своими мюридами и своими пушками. Люди опытные, умѣющіе обращаться съ этими трубами, часто смотрѣли въ нихъ и разсказывали, что они видѣли. Я тоже много разъ принимался смотрѣть въ эти трубы, но кромѣ неба, да горъ никогда ничего не умѣлъ замѣтить, несмотря на многоразличныя наставленія, которыми меня осыпали.

Я очень живо помню одно истинно прекрасное утро, когда я, вмѣстѣ съ другими, находился близъ палатки князя. Князь, замѣтивъ меня въ толпѣ свитскихъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я приблизился къ нему. «Ну, батюшка!»,—весело и таинственно сказалъ мнѣ князь,—«я скажу вамъ славную вещь; только смотрите—не говорите никому... У Шамиля революція! Онъ бѣжалъ. Дѣло наше принимаетъ оборотъ, какого и ожидать было нельзя. Ну, ступайте, да Бога ради не разболтайте!» По правдѣ сказать, я плохо понялъ, въ чемъ тутъ дѣло; тѣмъ не менѣе мнѣ очень пріятно было видѣть, съ одной стороны, что князь спѣшилъ подѣлиться со мной извѣстіями, которыя онъ просилъ не разглашать, а съ другой, что дѣла приняли, по его собственнымъ словамъ, оборотъ, для него самого неожиданный! Но если князь впослѣдствіи справедливо называлъ меня «болтуномъ», то справедливость же требуетъ сказать, что онъ самъ не чуждъ былъ женской, такъ сказать, слабости разсказать окружающимъ его что-нибудь новое и интересное. Замѣчательно, что, передавая какую-либо новость, князь каждаго приглашалъ не разсказывать ее другимъ. Отъ этого являлось разомъ множество лицъ, воображающихъ, что они хранятъ большую, ввѣренную самимъ княземъ, тайну, а потомъ обнаруживалось, что тайна эта извѣстна всѣмъ и изъ одного и того же источника.

Такъ точно было и въ настоящемъ случаѣ. Возвратившись отъ князя, я слышалъ со всѣхъ сторонъ таинственные вопросы: «знаешь? Шамиль бѣжалъ и бросилъ пушки?» Не трудно представить то комическое положеніе, въ которомъ я находился, слушая эти вопросы и видя, что вложенная въ меня тайна у всѣхъ на устахъ! Оказалось, что изъ мѣста, гдѣ находился Шамиль, явились въ нашъ лагерь нѣсколько горскихъ старшинъ или начальниковъ. Объявивъ, что Шамиль бѣжалъ, они сказали, что сами драться не хотятъ, и просили взять оста-

вленныя Шамилемъ пушки. Это извѣстіе принято въ нашемъ лагерѣ съ радостію, къ которой примѣшивалась значительная доля недовѣрія, и потому этимъ подозрительнымъ парламентерамъ графомъ Евдокимовымъ объявлено было, что теперь отправлять наши войска за пушками не удобно и что они, старшины, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, должны охранять эти пушки до того времени, когда наши отряды придутъ туда. Впрочемъ, всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи скоро разсѣялись при посредствѣ азіатовъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ, которые изслѣдовали ближайшимъ образомъ это важное событіе и подтвердили несомнѣнность его къ общей нашей радости. Я впрочемъ не вѣрно выразился, назвавъ нашу радость общею. Свитскіе пріятели мои, напротивъ, начали ругать и Шамиля, и мюридовъ его за то, что они сдаются безъ боя и тѣмъ лишаютъ военную молодежь возможности подраться и нахватать побольше крестовъ.

Какъ бы то ни было, при встрѣчѣ въ тотъ же день съ Д. А. Милютинымъ, я поспѣшилъ его поздравить съ такимъ громаднымъ успѣхомъ. «Да, да!»,—отвѣчалъ онъ—«ужъ это сверхъ всякихъ ожиданій!» На другой день, когда я снова увидѣлъ князя, онъ спросилъ меня: «ну, что говорятъ въ лагерѣ?» «Всѣ радуются успѣху, который превосходитъ всѣ ожиданія»,—отвѣчалъ я. «Какъ превосходитъ ожиданія?»—живо и довольно сурово возразилъ князь: «я именно этого и ожидалъ; тутъ нѣтъ ничего неожиданнаго; это мои разсчеты» и т. п. Я стоялъ предъ княземъ, какъ говорится, совершенно огорошенный. Вчера, не далѣе, онъ самъ мнѣ лично сказалъ, что событіе это превосходитъ всѣ ожиданія; вчера же Д. А. Милютинъ мнѣ сказалъ, что оно превосходитъ также всѣ ожиданія. Сегодня тотъ же князь утверждаетъ, что тутъ нѣтъ ничего неожиданнаго и что все это есть послѣдствіе его военныхъ разсчетовъ. Едва-ли нужно говорить, какъ нехорошъ показался мнѣ въ эту минуту князь. Ясно было, что онъ нашелъ невыгоднымъ относить это ссбытіе къ счастливой случайности и предпочелъ поставить его, какъ результатъ военныхъ его соображеній; но все это было сшито, какъ говорится, ужъ черезчуръ бѣлыми нитками и произвело на меня самое дурное впечатлѣніе, какъ всякое отступленіе отъ истины. Но, оставляя въ сторонѣ эту несовсѣмъ искусную метаморфозу, я долженъ остановиться на соображеніи нѣкоторыхъ данныхъ, именно относящихся къ покоренію Восточнаго Кавказа.

Въ этомъ отношеніи я долженъ противупоставить два, повидимому противуположные, факта. Извѣстно было, что князь, въ бытность свою, предъ походомъ, въ Петербургѣ, обѣщалъ государю прислать въ Петербургъ Шамиля, прислать именно съ Тромповскимъ и просилъ уже заранѣе опредѣленной награды за это Тромповскому. Въ какой именно формѣ дано было это обѣщаніе и испрошено это награжденіе, разу-

мѣется, никому положительно не извѣстно. Быть можетъ, все это имѣло только шутливый характеръ, которымъ князь такъ плѣнительно умѣлъ облекать свои блестящія фантазіи. Предположеніе это имѣетъ тѣмъ большую вѣроятность, что если и можно было надѣяться на сохраненіе, во время похода, въ совершенной цѣлости милѣйшаго Тромповскаго, то трудно было ручаться за то, чтобы можно было получить живьемъ такого господина, какъ Шамиль, и послать его на показъ русскимъ людямъ, какъ невиданнаго звѣря. Впрочемъ, я беру голый фактъ: князь обѣщалъ государю Шамиля! Но вотъ другой фактъ: когда Шамиль бѣжалъ съ своей позиціи, князь назвалъ это обстоятельство превосходящимъ всѣ ожиданія, что подтвердилъ и Милютинъ, ближайшій его помощникъ и участникъ всѣхъ его военныхъ цѣлей и предположеній! Какъ согласить эти факты?

Чуждый всякаго участія въ военной сторонѣ похода, я не имѣю рѣшительно никакой возможности достигнуть этого соглашенія собственными силами. Спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ событій, когда, оставивъ Кавказъ, я жилъ уже въ Петербургѣ и писалъ эти записки, пріѣхалъ туда тотъ Фадѣевъ, о которомъ я такъ много уже говорилъ. Самъ князь приписывалъ Фадѣеву отличный военный взглядъ, и я помню, что, во время похода, Фадѣевъ, находясь первоначально въ отрядѣ барона Врангеля, присылалъ князю какія-то письма относительно хода и веденія дѣлъ. Въ Петербургѣ, при общихъ воспоминаніяхъ нашихъ о быломъ, я замѣтилъ Фадѣеву, что для меня остается неяснымъ сопоставленіе именно тѣхъ двухъ фактовъ, которые выше приведены. «Тутъ нѣтъ рѣшительно ничего неяснаго»,—съ обычною рѣзкостію отвѣчалъ мнѣ Фадѣевъ и принялся объяснять, какъ было дѣло, выставляя себя, по своему обычаю, однимъ изъ главныхъ двигателей его. Я не стану повторять изложенныхъ имъ обстоятельствъ и приведу только сущность ихъ. По словамъ Фадѣева, князь, предъ отправленіемъ въ Петербургъ, дѣйствительно имѣлъ рѣшимость ввести въ горы громадныя силы со всѣхъ сторонъ и вести войну въ Восточномъ Кавказѣ до конца. Въ этой рѣшимости вѣроятно онъ и говорилъ государю о присылкѣ Шамиля. Но когда онъ пріѣхалъ на мѣсто дѣйствій, то Д. А. Милютинъ и Евдокимовъ сбили его представленіемъ величайшей опасности заходить далеко въ горы, особенно въ наступавшее осеннее время. Этимъ и объясняется продолжительное нахожденіе на одной позиціи: «на Андійскихъ высотахъ». Когда Шамиль бѣжалъ дѣйствительно, вопреки всѣхъ ожиданій, дѣла приняли другой оборотъ, и Восточный Кавказъ окончательно покоренъ! Приводя здѣсь объясненія Фадѣева, я слагаю съ себя всякую отвѣтственность за дѣйствительность и основательность его и перехожу къ вещамъ, болѣе упрощеннымъ.

Старые кавказцы говорили, что горскіе народы тѣмъ еще страшны что чрезвычайно воспріимчивы, такъ что какъ воинственное, такъ и мирное настроеніе мгновенно обхватываетъ всѣ аулы, всѣ племена! Такъ было и здѣсь. Съ бѣгствомъ Шамиля какъ будто уничтожилась плотина, удерживавшая горцевъ отъ шумнаго проявленія ихъ мирныхъ заявленій. Все ринулось въ нашъ лагерь съ заявленіями покорности. Каждый день являлись къ князю различныя общества съ своими старшинами и наибами. Имена многихъ изъ этихъ наибовъ были знамениты по тѣмъ битвамъ, въ которыхъ они рѣзались съ нашими войсками. Для свиты и штаба князя ежедневно совершались самые любопытные, занимательные спектакли. Толпы офицеровъ тѣснились, чтобъ взглянуть на какого-нибудь «Кибитъ-Магому», извѣстнаго давно своею безпримѣрною храбростью и наиболѣе ожесточенными схватками съ нашими отрядами. Князь торжественно, окруженный блестящею свитою, появлялся предъ этими представителями племенъ и ауловъ и говорилъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Среди каждой прибывающей толпы непремѣнно находился туземный ораторъ; послѣ словъ князя, онъ выдвигался впередъ и торжественно, съ особыми жестами и особенною интонаціею, говорилъ много и долго. Замѣтно было, что сотоварищи его слушали его съ уваженіемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Сущность этихъ рѣчей относилась, разумѣется, къ преданности и вѣрности ихъ нашему государю. Эту сущность наши переводчики передавали князю, который, милостиво отпуская однѣ толпы, тѣмъ же порядкомъ принималъ другія. Послѣ торжественнаго представленія князю толпы эти разсѣевались по нашему лагерю и, большею частью, или садились въ кружки и что-то тихо толковали, сомкнувъ свои головы внутрь круга, или разъѣзжались по лагерю и продавали нашимъ свои окровавленные кинжалы и другое оружіе и даже лошадей.

Общій видъ этихъ людей, вчера бывшихъ нашими страшными и злѣйшими врагами, не производилъ на насъ особеннаго впечатлѣнія. Какъ и во всѣхъ толпахъ, были физіономіи истинно звѣрскія; но были личности и милѣйшія. Общій характеръ этихъ физіономій сильно смахивалъ на птичій: особенно вострые и немного загнутые носы чрезвычайно походили на клювъ орла. Мы старались быть всевозможно любезными съ этими господами и братались съ ними. Я какъ теперь вижу предъ собою молодаго, чрезвычайно красиваго и чрезвычайно симпатичнаго, человѣка съ такими пріятными и мягкими манерами, съ такимъ милымъ выраженіемъ въ лицѣ, что какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ могъ участвовать въ свирѣпыхъ битвахъ и рѣзать людей. Однако же знаки многочисленныхъ ранъ, которые онъ намъ показывалъ, доказывали, что его видимая нѣжность не мѣшала ему обра-

щаться, когда надо было, въ ожесточеннаго врага нашего. Къ счастію, онъ говорилъ немного по-грузински. Я подхватилъ одного изъ состоящихъ при князѣ грузинскихъ офицеровъ, именно князя Сумбатова, и при его пособіи разспрашивалъ этого горца съ величайшимъ любопытствомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, окружавшихъ жизнь горцевъ. Отвѣты его были въ высшей степени умны и интересны. Изъ нихъ, между прочимъ, видно было, что къ грузинамъ собственно горцы относились болѣе дружелюбно и ненавидѣли всѣми силами только русскихъ. «Стало быть»,—сказалъ я,—«если бы я попался въ плѣнъ, мнѣ было бы плохо?» Когда князь Сумбатовъ перевелъ ему этотъ вопросъ, нашъ новый пріятель быстро подошелъ ко мнѣ и, столь же быстро проведя рукой по моей шеѣ, тѣмъ самымъ молчаливо и выразительно объяснилъ, какъ бы со мною было поступлено.

Всѣ эти приходящія и представляющіяся князю толпы не вдругъ покидали нашъ лагерь; напротивъ, располагаясь гдѣ-нибудь по близости его, они проводили тутъ по нѣскольку дней и ночей. Случалось такъ, что численность этихъ пришельцевъ далеко превышала численность нашего лагеря. Я не знаю, принимались ли въ этомъ отношеніи съ нашей стороны какія-либо предохранительныя мѣры. Если и принимались, то какъ-нибудь таинственно, потому что никакихъ видимыхъ мѣръ не было, и многіе въ нашемъ лагерѣ справедливо замѣчали, что если бы эти милые гости вздумали «пошалить», то могли бы надѣлать страшную кутерьму. Впрочемъ, князь былъ храбръ и довѣрчивъ. Близкіе ему люди замѣчали, что при самомъ появленіи его къ этимъ гостямъ надо принимать предосторожности, потому что въ этихъ толпахъ могутъ быть фанатики и изувѣры; но князь отвергалъ всѣ эти предосторожности и равнодушно отвѣчалъ: «да вѣдь кругомъ меня есть адъютанты, казаки. Чего же еще?»

Въ одно время съ представленіемъ этихъ покоряющихся горцевъ въ лагерь нашъ стали доходить со всѣхъ сторонъ благопріятныя извѣстія. Такъ, напримѣръ, намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Шамиль, во время своего бѣгства, былъ ограбленъ своими же, такъ что отбитыя у него книги доставлены были горцами въ нашъ лагерь. Къ удивленію, въ числѣ этихъ книгъ оказалось много русскихъ, что́ и дало вѣрный поводъ заключить, что они принадлежали третьему умершему сыну Шамиля, который воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, и потомъ, будучи промѣненъ на знаменитыхъ плѣнницъ: княгиню Орбеліани и княгиню Чавчавадзе, велъ въ горахъ, сколько извѣстно, самую печальную и уединенную жизнь, не имѣя уже никакой возможности войти въ дикіе нравы и обычаи горцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что Шамиль, оставленный и ограбленный своими, успѣлъ таки съ самымъ

небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ ему мюридовъ пробраться на Гунибъ.

Потомъ до насъ дошли свѣдѣнія, что отрядъ барона Врангеля, двигавшійся на соединеніе съ нами, совершилъ какую-то удивительную переправу, кажется, чрезъ тотъ же Андійскій Койсу, при содѣйствіи веревочнаго моста, предложеннаго и изобрѣтеннаго даровитымъ офицеромъ Девелемъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ разсказывали, что та единственная переправа, на которую разсчитывалъ отрядъ, была разрушена или защищена такъ, что ею нельзя было воспользоваться. Другихъ удобныхъ мѣстъ для переправы не было. Поэтому рѣшено было сдѣлать ее тамъ, гдѣ высокіе берега наиболѣе сближаются надъ рѣкою. Первый вопросъ заключался въ томъ, чтобъ передать на другой берегъ конецъ каната. Многіе охотники вызывались на этотъ подвигъ, бросались въ яростную рѣку и гибли; за ними бросались другіе и конецъ каната доставленъ таки на другой берегъ и укрѣпленъ; по этому канату пересланъ другой и также укрѣпленъ. Эти два каната и были основаніемъ воздушнаго моста, по которому изобрѣтательный Девель сталъ передвигать, на страшной высотѣ надъ рѣкою, придуманную имъ корзинку, заключавшую въ себѣ солдата. Когда эта движущаяся корзинка перенесла на тотъ берегъ достаточное число людей, они съ криками: «ура!» бросились на горцевъ, защищавшихъ въ другомъ мѣстѣ естественную переправу, и очистили ее.

Мнѣ передавали ужасающія сцены, происходившія при этой схваткѣ: это была уже просто бойня людей. Надо замѣтить, что въ составѣ нашихъ войскъ были, такъ называемые, конномусульманскіе полки, образованные изъ жителей только-что покоренныхъ ауловъ. По общимъ отзывамъ, это были не люди, а звѣри! О пощадѣ непріятелю они не имѣли понятія. Эти-то люди и занимались, преимущественно, истребленіемъ горцевъ, захваченныхъ на переправѣ. Въ виду всего отряда, стоявшаго на другомъ берегу, они прокалывали насквозь горцевъ своими громадными кинжалами и сталкивали ихъ въ бушующую рѣку. Вообще эта переправа, сколько можно было судить въ моей неопытности, имѣла громадное значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій. Потомъ я помню очень живо, что въ одно прекрасное утро князю представили лазутчика, пробравшагося въ нашъ лагерь чрезъ непокоренные еще аулы, съ извѣстіемъ о покореніи отрядомъ барона Врангеля Аваріи. Вслѣдъ за тѣмъ объ этомъ же покореніи привезъ оффиціальное донесеніе тотъ милый и красивый Граббе, который былъ потомъ убитъ во время польскаго возмущенія. На основаніи этого извѣстія Шереметеву, бывшему начальникомъ конвоя князя, приказано отправиться курьеромъ къ государю, а князю Суворову поручено принять конвой, вслѣдствіе чего, взявъ у одного изъ казаковъ казацкое

одѣяніе, онъ тотчасъ облекся въ него и къ удивленію оказался въ немъ очень некрасивымъ, какимъ-то длиннымъ и несуразнымъ... Скоро послѣ того явились въ нашъ лагерь сами аварцы, огромной массой, тысячи въ двѣ. Встрѣча этого многочисленнаго отряда составила для насъ новый спектакль. Впереди ѣхалъ на прекрасной бѣлой лошади почтенный старикъ, сѣдой, какъ лунь, въ бѣлой чалмѣ, означавшей духовное его достоинство.

За нимъ тянулась безконечная вереница всадниковъ. Наслышавшись со всѣхъ сторонъ, что аварцы самый храбрѣйшій народъ въ мірѣ, я жадно всматривался въ фигуры этихъ всадниковъ и, къ удивленію, не нашелъ въ нихъ рѣшительно ничего, подтверждающаго ихъ воинственную славу.

Невзрачные, большею частью малорослые, одѣтые пестро и бѣдно, они представляли собою массу бѣдныхъ оборвышей, но нисколько—храбрыхъ героевъ. Соображенія и замѣчанія свои я сообщалъ наиболѣе опытнымъ и боевымъ людямъ, и они мнѣ отвѣчали: «посмотрѣли бы вы, какъ эти оборвыши дерутся! страсть!»

Аварцы прибыли къ намъ вечеромъ, ночевали близъ лагеря, а на другой день представлялись князю. По обычаю выступилъ впередъ ихъ ораторъ, молодой человѣкъ, съ чрезвычайно умнымъ и кроткимъ лицомъ, и говорилъ много и одушевленно. Аварцы слушали его съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, какъ будто бы онъ говорилъ имъ самимъ, а не отъ ихъ имени князю. Нѣтъ сомнѣнія, что, при содѣйствіи нашихъ переводчиковъ, краснорѣчіе этого оратора утрачивало значительную долю того обаянія, которое производило оно на его соплеменниковъ. Едва-ли не вмѣстѣ съ аварцами прибылъ въ нашъ лагерь и аварскій ханъ, нашъ флигель-адъютантъ, свергнутый или удаленный во время владычества Шамиля. Кончилось все тѣмъ, что этотъ ханъ, молодой и весьма красивый человѣкъ, возстановленъ во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Восточнаго Кавказа, стали почти ежедневно являться въ нашъ лагерь русскіе выходцы изъ горскихъ ауловъ. Объ этихъ выходцахъ я говорилъ уже выше; здѣсь остается прибавить, что эти выходцы оказывались частью захваченными въ плѣнъ русскими солдатами, а частью, и даже большею, нашими перебѣжчиками въ аулы; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ было особенно много поляковъ, и на лицахъ ихъ написано было, что возвращеніе ихъ опять къ намъ не приносило имъ радости. Почти всѣ эти выходцы приволокли съ собой пріобрѣтенныхъ въ аулахъ женъ и кучи дѣтей. Они разсказывали, что по распоряженію Шамиля русскіе селились въ аулахъ отдѣльными слободами и пользовались свободой относительно своей вѣры и обычаевъ. Съ началомъ покоренія аулы стали изгонять ихъ

отъ себя, отбирая, разумѣется, все ихъ имущество. И, дѣйствительно, люди эти являлись къ намъ въ самомъ ужасномъ видѣ, который и побудилъ насъ тотчасъ образовать особый комитетъ для роздачи имъ пособій.

По богатству свитскихъ господъ, изъ которыхъ образованъ былъ этотъ комитетъ, пособія наши были довольно щедры; но въ раздачѣ ихъ мы полагали рѣзкую границу между людьми, попавшимися въ плѣнъ, и подлыми перебѣжчиками. Впослѣдствіи было извѣстно, что князь объявилъ всѣмъ этимъ людямъ амнистію съ нѣкоторыми только ограниченіями и предполагалъ, по видамъ Общества распространенія христіанства на Кавказѣ, поселить ихъ въ горахъ и образовать изъ нихъ, такъ сказать, первый христіанскій свѣточъ между горцами.

Совершавшееся, такимъ образомъ, покореніе Восточнаго Кавказа, если въ государственномъ отношеніи представляло громадное значеніе, то въ то же время оно наполняло величайшимъ негодованіемъ молодыя и храбрыя сердца моихъ товарищей, ибо лишало ихъ возможности совершать достославные подвиги, для которыхъ они и шли въ походъ, и получать награды, которыхъ они нетерпѣливо ожидали. Отъ этого происходило, что всѣхъ являющихся съ покорностію горцевъ они называли величайшими подлецами и вначалѣ еще утѣшались надеждами, что тотъ или другой аулъ, извѣстный своею свирѣпостію и независимостію, не покорится и будетъ драка; но надежды постепенно падали, и въ нашъ лагерь, какъ я сказалъ уже, являлись съ покорностію знаменитѣйшіе въ исторіи Кавказской войны наибы и старшины и заставляли всѣхъ удивляться, что это именно тѣ люди, имена коихъ, связанныя со всѣми кровавыми битвами, были знамениты на всемъ Кавказѣ. Ясно было, что покореніе Восточнаго Кавказа совершится безъ особенныхъ подвиговъ съ нашей стороны, и, удивительное дѣло!— ясность этого факта породила какое-то печальное настроеніе въ нашемъ лагерѣ или по крайней мѣрѣ среди нашей свиты. Походъ, начавшійся такъ весело и блистательно и обѣщавшій украситься славными дѣлами—потерялъ, такъ сказать, свой букетъ. Всѣ видѣли, что славныхъ дѣлъ не будетъ, а слѣдовательно и случаевъ отличаться различными блистательными подвигами тоже не будетъ.

О томъ, что князь предприметъ дальше, никто не хотѣлъ ни думать, ни говорить, потому что, что бы онъ ни предпринялъ—все-таки ничего великолѣпнаго произойти уже не можетъ. Если нѣкоторые и замѣчали, что до тѣхъ поръ, пока не пойманъ или не истребленъ Шамиль, дѣло нельзя еще считать конченнымъ, то большинство было такого мнѣнія, что въ покорившемся краѣ, потерявъ всякое значеніе, онъ уже ничего не можетъ сдѣлать и что не сегодня, такъ завтра свои же затравятъ его, какъ волка. При подобныхъ сужденіяхъ, точно также, и при происходившихъ въ началѣ похода сужденіяхъ о способахъ веденія нами

войны, я постоянно повторялъ одну и ту же комическую фразу, что Шамиля «надо взять во флангъ» единственно на томъ основаніи, что почти во всѣхъ военныхъ реляціяхъ я непремѣнно читалъ эту фразу и пріобрѣлъ какое-то смутное убѣжденіе, что для того, чтобы слѣлать отлично военное дѣло, надо непремѣнно «взять во флангъ». Фраза эта, разумѣется, очень смѣшила моихъ товарищей и, какъ впослѣдствіи оказалось, дошла до князя. Вообще покореніе Восточнаго Кавказа произвело на тотъ міръ, среди котораго я находился, такое же впечатлѣніе, какое производитъ на зрителей окончаніе какого-нибудь спектакля... Подобно этимъ зрителямъ всѣ стали расходиться по домамъ и даже не интересовались знать: не будетъ ли еще чего-нибудь?

И дѣйствительно, тотчасъ началась самая усиленная эмиграція изъ нашего лагеря, и онъ пустѣлъ ежедневно. Ежедневно мы провожали цѣлыми группами нашихъ пріятелей; остававшіеся начали завидовать имъ и въ свою очередь тоже отпрашиваться. Къ полученію отпусковъ не только не представлялось затрудненій; напротивъ, они сильно поощрялись потому, что самъ князь объявилъ, что, рѣшившись пройти по покоренному краю, онъ желаетъ, чтобы свита и принадлежащіе ей вьюки уменьшились до крайней степени. Такое вольное и невольное сокращеніе того веселаго міра, среди котораго я такъ весело жилъ, не могло не подѣйствовать и на меня и не поселить во мнѣ размышленій: идти ли впередъ или вернуться назадъ? Какъ только замѣчено было это колебаніе, мои собиравшіеся въ обратный путь пріятели засыпали меня доказательствами, что впереди ничего не будетъ, кромѣ одного безпокойствія и скуки. Нѣкоторые изъ нихъ, отправлявшіеся въ Пятигорскъ, и особенно тотъ Челяевъ, о которомъ я выше говорилъ, стали рисовать тѣ великолѣпныя увеселенія, которыя обыкновенно происходятъ на минеральныхъ водахъ, а въ этотъ сезонъ будутъ еще великолѣпнѣе отъ присутствія тамъ блистательнѣйшихъ изъ кавказскихъ дамъ, м-me Капгеръ, напр., жены тифлисскаго губернатора, княгини Анеты М—кой, красавицы, жены третьяго М—каго и др., однимъ словомъ, тѣхъ дамъ, за которыхъ уже тамъ начали стрѣляться и князь Г—въ убилъ уже бѣднаго Фи—фа. Рисъ, одинъ изъ моихъ чиновниковъ, вѣчно больной, присланный изъ Пятигорска, гдѣ онъ лѣчился, съ донесеніемъ къ князю объ этомъ событіи, тоже подтверждалъ, что тамъ весело, и совѣтовалъ мнѣ взглянуть туда.

Слушая всѣ эти коварныя убѣжденія, я думалъ про себя, что независимо отъ этой веселой стороны, было небезполезно для моего значительно расшатаннаго организма, особенно послѣ походныхъ кутежей, войти въ ближайшее соотношеніе съ Кавказскими минеральными водами и преимущественно съ знаменитымъ нарзаномъ, о цѣлительной силѣ котораго я слышалъ истинныя чудеса. Конецъ былъ тотъ, что я рѣшился проситься у князя въ Пятигорскъ. Какъ я ни былъ увѣренъ

въ готовности князя удовлетворять всѣмъ моимъ просьбамъ, но тутъ я сильно, какъ школьникъ, боялся, что онъ не отпуститъ меня. Въ подобныхъ случаяхъ у меня всегда есть вѣрное предчувствіе. И дѣйствительно, какъ только я началъ излагать свою просьбу, князь тотчасъ нахмурился, и на лицѣ его ясно было написано, какъ не нравится ему моя затѣя. «Да зачѣмъ вы туда поѣдете?»—спросилъ онъ. «Лѣчиться, ваше сіятельство»—отвѣчалъ я,—«у меня печень сильно разстроена». «Ну да! сочиняйте! Но кто же будетъ докладывать мнѣ гражданскія дѣла?»—снова спросилъ князь. «Булатовъ», отвѣчалъ я. «Онъ много разъ исполнялъ уже подобныя обязанности при вашемъ сіятельствѣ». «Очень жаль», сказалъ князь—«я думалъ, что вы меня не оставите»... «Если бы я сознавалъ пользу и необходимость находиться при вашемъ сіятельствѣ»—началъ было я—«тогда я не осмѣлился бы»... «Ну, да! конечно. Поѣзжайте съ Богомъ!» сказалъ князь. Я мгновенно сдалъ мою походную канцелярію, включительно съ Зиссерманомъ, продолжавшимъ писать въ Петербургскія газеты свои письма, Булатову, сгруппировалъ вокругъ себя значительную толпу возвращающихся изъ похода и, ознаменовавъ обильными струями шампанскаго мое разставанье съ нимъ, отправился въ обратный путь, по-прежнему, верхомъ съ состоявшими при мнѣ казаками и вереницею вьючныхъ лошадей.

Въ этомъ обратномъ путешествіи я не могу припомнить ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ того только, что скоро послѣ моего прибытія въ Ведень, къ несказанному моему удивленію, примчалась туда во весь опоръ, въ сопровожденіи громаднаго конвоя, прекрасная коляска, на лежачихъ рессорахъ, на прекрасной шестеркѣ лошадей. Это былъ знаменитый Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи, о которомъ говорили, что онъ ежегодно получаетъ сотни тысячъ рублей доходу и котораго такъ сильно хотѣлъ замѣстить Д—въ. Не столько удивительно было то, что коляска пронеслась по только-что прорубленнымъ просѣкамъ, сколько то, откуда явилась въ такихъ мѣстахъ эта прекрасная коляска и эти прекрасныя лошади? Изъ объясненій Колосовскаго оказалось, что то и другое принадлежитъ знаменитому Лебедеву, маркитанту и поставщику походныхъ отрядовъ, который богатѣлъ и разбогатѣлъ страшно, разумѣется, не иначе, какъ по благословенію Колосовскаго и который, потому самому, былъ и долженъ быть покорнѣйшимъ его слугою. Дальше однако эта изящная коляска слѣдовать не могла и должна была возвратиться въ обратный путь, т. е. въ путь, предлежащій мнѣ. Я такъ давно не имѣлъ случая ѣхать въ покойномъ экипажѣ, что тотчасъ предложилъ Колосовскому распорядиться, чтобъ эта коляска приняла въ свои объятія мою персону. Съ великимъ спокойствіемъ и наслажденіемъ я пролетѣлъ верстъ пятнадцать до слѣдующаго пункта и удивлялся еще разъ, смотря на лебедевскихъ приказчиковъ, обратившихся на этотъ разъ въ великолѣп-

ныхъ кучеровъ, разнороднымъ способностямъ русскаго человѣка. Къ сожалѣнію—все и ограничилось этимъ небольшимъ переѣздомъ. Въ томъ пунктѣ, куда я пріѣхалъ, была какая-то основная станція Лебедева, и я долженъ былъ дожидаться тутъ своего вьючнаго каравана и затѣмъ слѣдовать оттуда прежнимъ походнымъ порядкомъ.

Когда еще въ отдаленіи предстала моимъ взорамъ крѣпость Грозная, я мысленно возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе самаго замѣчательнаго періода въ моей жизни, въ которомъ хотя не было никакихъ кровавыхъ сраженій, но тѣмъ не менѣе рѣшительно на каждомъ шагу предстоялъ отличный случай сломать себѣ шею. Въ крѣпости Грозной я остановился у того же татарина-офицера, гдѣ мы стояли предъ походомъ и гдѣ оставались наши экипажи и другія вещи, неудобныя для похода. Хозяинъ извивался предо мной «мелкимъ бѣсомъ», надоѣдалъ угощеніями и въ то же время осыпалъ меня всевозможными просьбами. Гостепріимствомъ его я долженъ былъ поневолѣ пользоваться два дня, въ теченіе которыхъ приводился въ порядокъ туземными мастерами мой тарантасъ. На третій день мнѣ привели казацкихъ лошадей, и я раннимъ восхитительнымъ утромъ, осѣняемый лучами только-что восходящаго солнца, покатился по ровнымъ степямъ, предо мною открывавшимся. Я помню живо то восхитительное душевное настроеніе, въ которомъ я находился въ минуты выѣзда изъ Грозной. Нѣтъ! дикія горы, при всей ихъ грозной красотѣ, не для русскаго человѣка! Красота ихъ поразительна, но не привлекательна для него! Ровныя поля, зеленыя рощи, широкія, спокойныя рѣки—вотъ картины, милыя, дорогія, родныя для русской души! Мои радостныя ощущенія весьма рельефно выразились въ невольномъ увлеченіи моего камердинера. Усѣвшись на козлахъ, онъ сначала покойно ѣхалъ. Потомъ, когда, по выѣздѣ изъ Грозной, предъ нами открылись необозримыя зеленыя равнины, онъ обернулся ко мнѣ, снялъ шапку и, крестясь, сказалъ: «Господи! какъ изъ аду вырвались!» Я улыбнулся на эту фразу, сохраняя свое достоинство; но въ то же время понималъ и раздѣлялъ всю глубину того смысла, который въ ней заключался. Несомнѣннымъ казалось то, что мы дѣйствительно откуда-то вырвались! Несмотря на блистательную обстановку, въ которой я находился, на безпрерывные кутежи, которые превращали каждый день походной жизни въ шумный и веселый праздникъ, въ душѣ неисходно гнѣздилось какое-то томительное чувство, чувство невольнаго ожиданія: «когда же все это кончится». Понятно, что когда эта исключительная жизнь среди громадныхъ горъ, надъ пропастями, кончилась для насъ съ моимъ камердинеромъ, мы не могли не испытать великаго наслажденія, которое и вырвалось у него въ его безъискусственныхъ словахъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.

VI [1]).

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ губернскаго города *, по большой дорогѣ московской, подъ ракитами, отдыхали, лежа на спинѣ, два человѣка: одинъ, очень молодой, въ подрясникѣ и скуфейкѣ, походилъ на послушника монастырскаго. Онъ держалъ въ рукахъ въ красной обложкѣ маленькую книжонку и громко, пѣвучимъ голосомъ, читалъ ее. У другаго лицо было прикрыто бѣлымъ полотенцемъ, и Перепелкинъ почему-то призналъ въ немъ Кулика.

— Кто это лежитъ съ вами?—обратился Перепелкинъ къ читавшему книгу.

Полотенце быстро было сброшено, и Куликъ, протирая глаза, проворно вскочилъ на ноги и чуть не кинулся на шею Перепелкину.

— Голубчикъ мой, Савва Саввичъ,—говорилъ старикъ растроганнымъ голосомъ,—я всѣ глаза проглядѣлъ, ищучи васъ. Да какъ васъ Богъ милуетъ... я ужъ раздумывалъ, не случилось ли чего, борони Боже... а тутъ на вотъ... нежданно-негаданно, какъ снѣгъ на голову!—изливался онъ въ чистосердечной радости, которая, какъ выяснилось впослѣдствіи, происходила отъ его сочувствія заступничеству Перепелкина за сиротъ-малютокъ.

Оказалось, что имъ дважды приходилось ночевать въ одной и той же деревнѣ, но съ разныхъ концовъ, а приходили и уходили въ разное время, а потому и не сошлись, хотя и тотъ и другой разспрашивали и

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1904 г.

прохожихъ и въ деревняхъ, не видать ли было съ такими-то примѣтами человѣка.

Личность Кулика интересовала Перепелкина въ томъ отношеніи, что онъ казался ему очень добродушнымъ, набожнымъ, а между тѣмъ его душу, повидимому, тяготила какая-то тайна, на что намекали и слова, сказанныя имъ на прощанье семейству и раньше, предъ сборомъ въ дорогу, въ кладовкѣ, и остроты офеней у кабака, пущенныя ему въ догонку и такъ сильно взволновавшія его. Онъ не терялъ надежды осторожно навести его на этотъ щекотливый вопросъ. Правда, третій спутникъ могъ быть помѣхой въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что Куликъ относился къ нему какъ-то пренебрежительно. Да и было за что. Это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя, выучившись разбирать коекакъ грамотку, шляются по святымъ мѣстамъ, испрашивая подаянія на «чудотворный образъ святаго, имя рекъ, на ризу Господню, на святой елей для неугасимой лампады предъ Гробомъ Господнимъ» и проч. Сборы эти, конечно, никогда не употребляются по назначенію, но прокучиваются въ трактирахъ и непотребныхъ мѣстахъ, а иногда, впрочемъ, тщательно зашиваются въ мѣшечки и приносятся домой на потребу присным. Умѣющіе писать занимаются списываніемъ сновъ Пресвятой Богородицы, страшно перевирая текстъ его, и всегда отличаются пылкой фантазіей и необыкновенной способностью къ самымъ диковиннымъ розсказнямъ по части видѣній и душеспасенія. Такъ и этотъ спутникъ Кулика сообщилъ ему, между прочими небылицами, такую сказку: «Иду я единожды,—говорилъ онъ умилительнымъ голосомъ,—ко храму Господню, и вдругъ, на глазахъ всѣхъ мимоидущихъ, голубокъ взлетѣлъ мнѣ на плечо десной руки и человѣческимъ голосомъ провѣщалъ: «бѣги міра, спасай душу».

Узнавъ объ этомъ чудѣ, Перепелкинъ полюбопытствовалъ услышать, какъ это было дѣло.

— Иду я единожды...—повторилъ онъ слово въ слово, какъ и Кулику передавалъ.

— Ну, а больше никакихъ чудесъ съ вами не было?

Тульцевъ,—такъ прозывался новый спутникъ,—подозрительно взглянулъ на Перепелкина, покраснѣлъ и сталъ смотрѣть въ сторону; но, немного погодя, оправился и съ паѳосомъ заговорилъ:

— Вы, можетъ быть, не вѣрите, такъ напишите нашему священнику письмо, онъ вамъ подтвердитъ, что многіе видѣли голубка и слышали его слова.

Перепелкина взорвало отъ этой наглости.

— Да вы бы постыдились разсказывать такой вздоръ, съ цѣлію морочить людей; да еще взводите поклепъ на своего священника, будто онъ подтвердитъ вашу выдумку,—горячо запротестовалъ онъ.

Маска лицемѣрнаго умиленія мгновенно слетѣла съ лица Тульцева и замѣнилась свирѣпостію, выразившеюся въ лицѣ и взорѣ. Онъ нагло смѣрялъ глазами Перепелкина съ головы до ногъ и, не сказавъ ничего, быстро зашагалъ впередъ.

— А полтинку-то мою, Степанычъ,—закричалъ ему вслѣдъ Куликъ, но тотъ только прибавилъ шагу и не оглянулся даже назадъ. Ну, песъ тебя возьми, коли ты такой!—махнулъ старикъ вслѣдъ ему рукой. Можетъ быть, и больше бы еще пришлось переплатить за него, какъ бы дальше прошли. А то, слышь, еще приговаривался на свѣчку, да на елей къ святынямъ ерусалимскимъ, куда-де пойдетъ отъ преподобнаго Сергія.

— А много такихъ обманщиковъ и обманщицъ бродитъ тутъ?—полюбопытствовалъ Перепелкинъ.

— Нѣтъ, признаться, я что-то такихъ не видалъ,—отвѣчалъ простодушный старикъ.

— А богомолка-то, что ночевала съ нами и маслицо іерусалимское предлагала.

— Что жъ богомолка!—изумился Куликъ,—богомолка—ничего, какъ есть богомолка! и маслицо святое настоящее ерусалимское, потому помогаетъ, вонъ просвирнѣ-то какъ глаза открыло!

Плохо дѣло съ такимъ легковѣріемъ! невольно подумалось Перепелкину. Этотъ эпизодъ послужилъ началомъ охлажденія старика къ Перепелкину. Скептическій взглядъ на богомолку и цѣлебную силу ея маслица заронилъ въ душу Кулика сомнѣніе относительно религіозности его спутника, что̀ не замедлило выразиться и въ его отношеніяхъ къ нему. Куда дѣвалась теплота, искренность тона, словоохотливость Кулика послѣ этого случая. Онъ точно переродился, на всѣ заговариванья Перепелкина отвѣчалъ коротко, неохотно, иногда и совсѣмъ не отвѣчалъ, повидимому, занятый своими мыслями, и какъ-то слишкомъ часто уже сталъ испускать тяжелые вздохи, сопровождаемые возгласомъ: «о, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ!» Такое положеніе стало тяготить Перепелкина, и онъ уже дня черезъ два подумывалъ, какъ-бы отстать отъ своего скучнаго спутника, не нанося ему тѣмъ огорченія. Ну, еще потерплю нѣсколько дней, думалъ онъ, и если отношенія старика не направятся къ лучшему, то отстану отъ него, какое бы давленіе на меня ни оказывала мысль, что я нарушаю какъ бы обязательство, вытекающее изъ добровольнаго моего вызова быть его спутникомъ до Москвы. Но на шестой день, послѣ того какъ они снова сошлись, случились два обстоятельства, изъ которыхъ одно вновь вызвало сердечность старика къ Перепелкину, и въ такой степени, что онъ уже съ полною увѣренностію надѣялся выслушать при-

знаніе сокровенныхъ тайнъ его души, а другое было причиной невольной ихъ разлуки навсегда.

Въ воскресенье, рано утромъ, когда они проходили длиннѣйшимъ, вытянутымъ въ одну линію по дорогѣ, селомъ, на встрѣчу имъ шла женщина, которая ревмя ревѣла и, вся въ слезахъ, причитывала что-то душу раздирающимъ голосомъ; ревѣли и четверо дѣтей, сопровождавшихъ ее, изъ которыхъ двѣ маленькія дѣвочки держались ручками за подолъ матери. Сзади ихъ, шагахъ въ двадцати разстоянія, плелась старушка, съ грудным ребенкомъ на рукахъ, и тоже голосила, горькими слезами обливаясь. Происходила душу раздирающая сцена.

— Что такое, что такое?—говорилъ взволнованный Перепелкинъ, останавливая рукой женщину.

— Бу-у-ре-ну-шку, бу-у...—всхлипывала она, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Да что же сталось съ буренушкой?

— У-у-ве-е-ли,—захлебывалась она, поддерживаемая дѣтскимъ ревомъ.

Подошла старуха и хоть тоже завывала, но все-таки объяснила, что увели коровушку въ волость и сегодня погонятъ въ городъ продавать «за недо-о-о-имку»,—взвизгнула она.

— Что же развѣ у васъ мужика нѣту?

Оказалось, что есть и хорошій кормилецъ вдобавокъ, да на работахъ въ Москвѣ сломалъ ногу и третій мѣсяцъ лежитъ тамъ въ больницѣ.

— Полегчало, писалъ, слышь, да не выпущаютъ еще на свѣтъ Божій,—разливалась старуха.

— А много ли требуется въ волость?—освѣдомился Перепелкинъ.

— Одиннадцать рублевъ съ гривной, касатикъ,—проговорила старуха, взглянувъ на него безжизненнымъ, потухающимъ взоромъ, въ которомъ на одно мгновеніе какъ будто скользнулъ лучъ надежды.

— Ну, пойдемте жъ въ волость,—сказалъ Перепелкинъ,—я выкуплю вашу коровушку.

Онъ и Куликъ зашагали впередъ, но оглянулись—бабы стоятъ и ни съ мѣста.

— Что же вы?

— Да ты, касатикъ, для себя хошь купить.

— На что мнѣ она! — засмѣялся Перепелкинъ, — я внесу за васъ деньги, а вы берите свою коровушку да гоните ее домой.

Бабы, въ тупомъ изумленіи, смотрѣли то на пилигримовъ, то одна на другую и не трогались съ мѣста.

— Можа, ты шутки шутишь надъ нами,—всхлипнула вдругъ старуха, вызвавъ и у невѣстки прежнія рыданія, которымъ вторили дѣти.

Перепелкинъ досталъ деньги и совалъ ихъ то одной, то другой женщинѣ, но онѣ совершенно обезумѣли и не думали ихъ брать.

— Да что жъ вы кобянитесь?—сказалъ мужичокъ изъ начинавшей уже тутъ собираться группы постороннихъ людей: странничекъ Божій, по своему милосердію, оказываетъ милость на ихъ убожество, а онѣ кобянятся.

Перепелкинъ опять сталъ совать деньги старухѣ, но та отъ радости чуть ребенка не выронила изъ рукъ. Невѣстка бросилась ему въ ноги, и онъ на силу поднялъ ее.

— Нѣтъ, ужъ ты, касатикъ, лучше отдай деньги въ волости, а то придерутся, пожалуй: гдѣ вы, скажутъ, такую «уйму» денегъ достали такъ скоро?

Пилигримы тронулись по направленію къ волости, за ними поплелись владѣтельницы буренушки и многіе изъ собравшейся публики. Начальства въ волости не было. Писарь спалъ, былъ только сотскій, который увелъ сегодня корову, въ силу приказанія, отданнаго съ вечера начальствомъ.

— Разбуди писаря,—скомандовалъ ему Перепелкинъ.

Сотскій зашипѣлъ и замахалъ руками, давая понять, что этотъ чинъ гдѣ-то близко покоится.

— Да я жъ тебѣ говорю: разбуди!—еще громче сказалъ Перепелкинъ, къ великому ужасу сотскаго, который, заглянувъ въ щелку сосѣдней комнаты, тихо замѣтилъ: «какъ можно намъ будить начальство! сами встанутъ».

Но начальство, какъ видно, уже проснулось и слышало всю эту сцену. Оно крякнуло, закашляло густымъ басомъ и, наконецъ, гаркнуло: кто тамъ и чего надыть?

— Выйдите, пожалуйста, сюда,—громко сказалъ Перепелкинъ: я студентъ академіи, иду на богомолье (прибавилъ онъ во избѣжаніе всякихъ разспросовъ и «сумленій»), и мнѣ нужно васъ видѣть поскорѣе.

Писарь не заставилъ долго ждать себя. Онъ накинулъ на плечи какую-то легкую, довольно засаленную хламиду, изъ-подъ которой виднѣлось грязное рваное бѣлье, и предсталъ предъ публику босикомъ, съ лохматой, не чесанной головой. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 22, высокаго роста и не дуренъ собой даже въ такомъ видѣ.

Перепелкинъ объяснилъ въ чемъ дѣло и просилъ поскорѣе принять отъ него деньги и сейчасъ же возвратить корову по принадлежности.

Босоногое и лохматое начальство прежде освѣдомилось у сотскаго, не уведена ли ужъ корова на продажу въ городъ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, объявило, что доложитъ головѣ, и скоро юркнуло въ свое логово.

Быстро принарядившись въ какой-то тоже сильно неказистый хи-

тонъ, оно отобрало отъ путниковъ паспорты и отправилось къ головѣ. Хотя разстояніе между волостью и жилищемъ головы было весьма незначительно, но сановниковъ пришлось дожидаться около двухъ часовъ, потому что они еще ходили къ батюшкѣ приходскому для совѣщанія объ этомъ дѣлѣ и для совокупнаго тщательнаго осмотра «пачепортовъ». И хотя все было найдено священникомъ въ порядкѣ и онъ самъ собрался было идти съ ними въ волость, но помѣшалъ дьячекъ, пришедшій за разрѣшеніемъ благовѣстить къ обѣднѣ, — тѣмъ не менѣе, старшій сановникъ, приземистый, рыжій, сыто откормленный мужиченка, съ лицомъ, напоминающимъ свиное рыло, напустивши на себя важности, приступилъ къ допросамъ: кто, да что, да зачѣмъ? И все это съ единственною цѣлію и тономъ человѣка, желающаго показать свою власть.

Куликъ замѣтно сталъ конфузиться и трусить, подъ вліяніемъ продолжительнаго вытягиванія отъ него отвѣтовъ, да при томъ еще съ возвышеніемъ голоса со стороны начинавшаго все болѣе и болѣе входить въ роль своей власти начальства. Дошло, наконецъ, до того, что оно перешло на ты въ отношеніи къ Перепелкину, что̀ страшно взорвало послѣдняго.

— Да откеда-жъ у тебя взялись такія шальныя деньги?—буркнулъ голова, уставившись ястребиными глазами на юношу.

Перепелкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ—это всегда было признакомъ сильнаго волненія въ немъ.

Ничего не отвѣчая на этотъ вопросъ, онъ положилъ на столъ деньги и голосомъ, отъ котораго, въ свою очередь, вздрогнули оба сановника, быстро проговорилъ: деньги сію минуту записать въ уплату недоимки вотъ этихъ женщинъ — указалъ онъ рукой — корову немедленно имъ возвратить, а если этого не будетъ сдѣлано сію минуту, то сейчасъ же нанимаю лошадей и скачу къ исправнику или становому—кто ближе—и худо тебѣ будетъ, мужикъ—голова, за непониманіе своихъ обязанностей и грубое, дерзкое обращеніе съ благородными людьми.

Опѣшившій голова хотѣлъ было что-то, повидимому, возразить, но писарь бросилъ на него какой-то особенный взглядъ и даже дернулъ его за кафтанъ.

— Запиши,—сказалъ онъ писарю сильно смущеннымъ голосомъ; а ты отдай имъ корову, обратился онъ къ сотскому.

Старуха стала на колѣни (ей нельзя было повалиться въ ноги, такъ какъ она на рукахъ держала уснувшаго младенца), въ знакъ благодарности, предъ всѣмъ синклитомъ, а невѣстка, только заслышала: запиши, отдай, съ быстротою лани вылетѣла на дворъ къ своей буренушкѣ.

— Да вы, ваше благородіе, не серчайте,—обратился голова къ Пе-

репелкину, когда тотъ вошелъ на крыльцо посмотрѣть, какъ будутъ гнать коровушку: «мы такъ, значитъ, для порядка только, а не то што»... Но Перепелкинъ не слушалъ его и направилъ глаза на сарай, изъ котораго выгоняли корову. «Петруха», мальчикъ лѣтъ восьми, сынъ невѣстки, запасся уже «хлѣбушкой» и шелъ впереди коровы, поманивая ее кусочками, чтобы «не стреконула» въ поле.

Боже мой! сколько тутъ шумной радости проявилось, какъ со стороны старухи и ея невѣстки, такъ,—если еще не больше,—со стороны малыхъ ихъ ребятъ!

Такихъ искреннихъ овацій, какихъ удостоилась неказистая на видъ, безсловесная тварь, можетъ быть, мало перепадаетъ даже на долю людей. Чего тутъ не слышалось: и буренушка, и голубушка, и кормилка ты наша, «ѣшь, ѣшь хлѣбушка—Христосъ со тобой!» И тутъ же сыпались со всѣхъ сторонъ предостереженія: «мотри, мотри, Петька, какъ-бы не «махонула» въ поле! Давай, давай хлѣбушко! Дунька, иди съ праваго боку!»

Поровнявшись съ крыльцомъ, невѣстка опять повалилась на землю, но Перепелкинъ поспѣшилъ поднять ее и сунулъ ей въ руку, незамѣтно для другихъ, еще рубль.

Стоявшія на улицѣ бабы тоже любовно посматривали на возвращавшуюся изъ плѣна коровушку и съ неподдѣльною радостію причитывали: «иди, иди, кормилица, до дому, Христосъ съ тобою! Ишь дѣло-то какое! Пошли Богъ странничку-то счастья и здоровья»,—тихонько напутствовали онѣ проходившаго мимо нихъ Перепелкина.

Когда путники вышли за околицу села, Куликъ остановилъ Перепелкина и, смотря на него глазами, на которыхъ навернулись слезы, съ чувствомъ проговорилъ: «ну, и добрый же вы, Савва Саввичъ! такихъ людей мало на свѣтѣ бываетъ». Потомъ онъ вдругъ прыснулъ со смѣха: «А онъ-то, онъ-то, голова-то какъ поджалъ хвостъ!» И обуяла его такая веселость, къ какой Перепелкинъ вовсе не считалъ его способнымъ. Идетъ, идетъ, болтаетъ уже что-нибудь, не касающееся этого дѣла, и вдругъ опять: «а онъ-то, голова-то... вотъ ужъ одолжили вы его!» И зальется самымъ веселымъ смѣхомъ.

Такимъ образомъ, впечатлѣніе отъ выраженнаго Перепелкинымъ сомнѣнія на счетъ цѣлебности маслица богомолки, повидимому, окончательно исчезло въ старикѣ и, стало быть, можно было питать надежду, что онъ раскроетъ свою душу предъ спутникомъ и повѣдаетъ ему тайну, очевидно, сильно тяготившую его.

Но черезъ два дня произошелъ случай, послѣ котораго Куликъ, страха ради іудейска, улепетнулъ изъ села одинъ, не сказавшись Перепелкину.

Проходя въ полдень черезъ село Ракитино, они оба видѣли, какъ,

подходя къ окнамъ, собирали милостыню двѣ цыганки, сопровождаемыя своими черномазыми курчавыми ребятишками. Всѣ онѣ шли сначала вмѣстѣ, а потомъ пошли порознь — одна по правой сторонѣ улицы, другая—по лѣвой. За первою слѣдовали два мальчика, лѣтъ 7—8, за другою — дѣвочка и мальчикъ, 4—5 лѣтъ, да сверхъ того за спиной у ней торчалъ черный, какъ уголь, остроглазый карапузикъ. Перепелкинъ и Куликъ, идя слѣдомъ за этой цыганкой, любовались на этого карапузика, съ какимъ любопытствомъ онъ посматривалъ на все изъ своего гнѣзда-мѣшка за спиной матери. Послѣдняя остановилась у лавочки просить милостыни. Въ это время мальчуганы-цыганята перебѣжали съ противоположной стороны къ этой же лавочкѣ и спугнули цыплятъ, которымъ тутъ около ступенекъ насыпанъ былъ кормъ. Выскочилъ изъ лавочки мальчикъ, лѣтъ 16, и щелкъ, щелкъ цыганятъ!

— Ты что жъ дерешься, разбойникъ!—прикрикнулъ на него Перепелкинъ.

— А тебѣ какое дѣло!—отвѣчала за него толстая красная морда, высунувшаяся изъ-за дверей лавки.

Это былъ отецъ драчуна. Перепелкинъ далъ въ утѣшеніе по пятаку цыганятамъ и побрелъ себѣ дальше. Вдругъ раздается визгъ, крикъ, на который опрометью летитъ цыганка съ противоположной стороны. Перепелкинъ тотчасъ же бросился назадъ. Это негодный мальчикъ, поощренный своимъ безсмысленнымъ отцомъ, отстегалъ виноватаго и невиноватаго кнутомъ, да такъ, что у цыганки и у ея младенца за спиной оказались рубцы на щекахъ и кровь. Визгъ и крикъ усилились, такъ какъ онъ стегнулъ и прибѣжавшую съ противоположной стороны улицы цыганку. Перепелкинъ схватилъ его сзади за руки. Начала собираться публика, преимущественно, изъ ребятъ и старухъ.

— А ты что озорничаешь?—кричитъ на Перепелкина гнусная толстая морда отъѣвшагося, какъ закормленный кабанъ, лавочника, осторожно спускавшагося по ступенькамъ крыльца.

— Какое у васъ тутъ есть начальство на селѣ?—обращается Перепелкинъ къ публикѣ.

Гробовое молчаніе.

— Я васъ спрашиваю,—опять кричитъ расходившійся Перепелкинъ: есть ли у васъ какое начальство на селѣ?

Какой-то подростокъ крикнулъ: «Тутъ становой». Но ему дали изъ публики тумака въ спину, и онъ умолкъ.

Перепелкинъ выпустилъ изъ рукъ драчуна, такъ какъ отецъ все равно вырвалъ бы его, и пошелъ разыскивать начальство.

— Мотри, самого посадятъ въ кутузку!—кричали изъ толпы.

— Бросьте, Савва Саввичъ,—говорилъ старикъ, неохотно плетясь за нимъ: вѣдь изъ жалобы ничего не выйдетъ, окромя задержки для насъ.

Но Перепелкинъ былъ такъ взволнованъ, что не внялъ совѣту старика, да, по своей натурѣ, едва-ли былъ въ состояніи и въ спокойномъ духѣ оставить такое возмутительное дѣло, не выведя его на свѣтъ Божій. Ему указали квартиру становаго, и онъ одинъ направился туда, сопровождаемый шедшими сзади, на почтительномъ разстояніи, ребятишками, кричавшими: «У-у-у-у! Ату яго, ату яго!» Становой былъ дома, но предстать сейчасъ же предъ его чиновное величество было не такъ легко, какъ думалось наивному Перепелкину. Его только допустили, и то не безъ колебаній, къ письмоводителю, занимавшемуся въ отдѣльной лачужкѣ двора. Когда Перепелкинъ переступилъ порогъ его помѣщенія, онъ увидѣлъ передъ собой, за большимъ столомъ, стараго, морщинистаго, съ мелкими чертами лица человѣчка, который сквозь неуклюжія, невиданнаго фасона, желто-мѣдныя очки разбиралъ какую-то бумагу съ такимъ стараніемъ, что не обратилъ и вниманія на вошедшаго, а, можетъ быть, не слышалъ и не видѣлъ его. Прошло нѣсколько минутъ, и Перепелкинъ кашлянулъ, чтобы привлечь на себя вниманіе, но старичокъ только перевернулъ страницу, не отрывая глазъ отъ бумаги, и опять углубился въ чтеніе, или, правильнѣе, въ разборъ мелкаго и, повидимому, весьма нечоткаго письма. Переждавъ, пока онъ дочиталъ новую страницу, Перепелкинъ подошелъ близко къ столу и, кашлянувъ (чѣмъ все-таки не обратилъ на себя никакого вниманія со стороны старца), заговорилъ:

— Позвольте на минуту обезпокоить васъ.

Старикъ снялъ очки, протеръ глаза, вынулъ вату изъ ушей и, вытянувши шею по направленію къ Перепелкину, обратился весь въ слухъ и вниманіе, ради чего даже ротъ разинулъ.

Когда Перепелкинъ горячо передалъ глубоко возмутившую его сцену безчеловѣчія, старикъ все еще продолжалъ стоять въ той же позѣ и съ тѣми же аксессуарами ея, но ни одной чертой и намека не сдѣлалъ на то, чтобы эта, тепло разсказанная подъ давленіемъ чувства негодованія, вырывавшагося изъ наболѣвшаго сердца, исторія сколько-нибудь поразила его, тронула, вызвала сожалѣніе, или хоть какъ-нибудь задѣла за живую струну сердца.

— Такъ что же собственно вамъ нужно?—спросилъ онъ совершенно спокойно, видя, что Перепелкинъ уже все кончилъ.

— Какъ что нужно?—вспылилъ Перепелкинъ.—Надо наказать дряннаго мальчишка за разбойничество, да отца привлечь къ отвѣтственности за...

— Это за поганыхъ цыганятъ-то и воровокъ-цыганокъ?

— Ну, такъ доложите, пожалуйста, становому, что я хочу видѣть его и просить разобрать это дѣло.

— А какъ онъ скажетъ: какое ему дѣло до того, что цыганъ били?—возразилъ старичокъ, пожавъ плечами.

— Ну, тамъ чтобъ ни сказалъ, а я хочу его видѣть,—упорствовалъ Перепелкинъ.

— Хорошо, приходите часа черезъ два: раньше трехъ часовъ и меня къ нему не допустятъ, развѣ экстренное какое дѣло случится.. нарочный пріѣдетъ отъ губернскаго правленія, либо что другое такое важное.

Перепелкинъ вышелъ. На улицѣ ни цыганъ, ни Кулика нигдѣ не видать было. Онъ сталъ разспрашивать, куда они дѣвались, но. никакихъ отвѣтовъ на эти разспросы не получилъ. Всѣ посматривали на него угрюмо, а ребятишки дразнили его и показывали ему языки. Ему самому пришло теперь на мысль, что не лучше ли въ самомъ дѣлѣ отступиться теперь отъ своей затѣи и поспѣшить въ догонку за своимъ спутникомъ; но, во-первыхъ, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что спутникъ его вышелъ уже изъ деревни; во-вторыхъ, такой шагъ казался ему ужь очень непослѣдовательнымъ: какъ-таки, думалось ему, побезпокоить начальство такимъ горячимъ протестомъ противъ разбойничества и вдругъ отступиться, не дождавшись даже, какъ оно взглянетъ на это дѣло! Предупредить письмоводителя, чтобъ онъ не докладывалъ становому, было не ловко уже, да и нельзя, потому что онъ заперся на крючокъ, во избѣжаніе непредвидѣнныхъ посѣщеній, очевидно, мѣшавшихъ ему справиться съ нужнымъ дѣломъ. Оставалось ждать. Перепелкинъ зашелъ въ ближайшій постоялый домъ и потребовалъ себѣ чего-нибудь горячаго поѣсть. Только-что онъ успѣлъ дурную похлебку запить чаемъ, какъ отъ становаго прибѣжалъ за нимъ разсыльный. «Чтобъ это значило?»—подумалъ Перепелкинъ: «вѣдь еще далеко до трехъ часовъ».

— Чего вамъ надо?—встрѣчаетъ его довольно приличный на видъ становой.

Перепелкинъ начинаетъ исторію...

— Да знаю ужъ все это!—перебиваетъ онъ его нетерпѣливо:—но вамъ-то лично чего нужно? Вѣдь васъ же никто ничѣмъ не тронулъ.

— Я вступаюсь за другихъ изъ состраданія..,

— Изъ состраданія!—язвительно улыбнулся земскій чинъ. Коли у васъ есть состраданіе къ людямъ, такъ удѣлите его хоть немного на мою долю и на долю большаго моего семейства. Вотъ я, по-вашему, долженъ былъ бы наказать драчуна, а наказать, конечно, пришлось бы розгами, а онъ одинъ сынъ и вообще одно дитя у родителей, которые въ немъ души не чаютъ, а деньжищъ у нихъ, пожалуй, тысячъ трид-

цать наберется... и что же, вы думаете, они могли бы сдѣлать со мной?—остановился онъ предъ Перепелкинымъ, въ упоръ смотря ему въ глаза.

Перепелкинъ молчалъ.

— А вотъ что,—продолжалъ становой, пріотворивъ дверь въ переднюю и посмотрѣвъ, нѣтъ ли тамъ кого: поѣхалъ бы толстопузый мужланъ въ городъ и бросилъ бы только приказной саранчѣ какихъ-нибудь рублей двѣсти, чтобъ меня перевели въ худшій станъ, и непремѣнно перевели бы; а если бы мазепа раскошелился со злости сотъ на пять, на шесть, чтобы совсѣмъ отставили отъ должности, то сдѣлайте милость,—заключилъ онъ, расшаркиваясь,—никакого препятствія къ тому ни отъ кого не встрѣтилось бы и я вылетѣлъ бы въ трубу.

Перепелкинъ не могъ не признать справедливости въ его предположеніяхъ и извинился, что обезпокоилъ его.

— Да это что еще! Вотъ если бы вы явились съ такимъ заступничествомъ къ какому-нибудь старому ужь очень человѣку, у котораго совсѣмъ притупились чувствительные нервы, то онъ бы прямо посадилъ васъ за это въ холодную дня на два и былъ бы правъ: не мѣшайтесь въ чужія дѣла! Даже вотъ что я вамъ скажу: произойди эта сцена тутъ близко отъ моей квартиры, да съ шумомъ, гвалтомъ со стороны обиженныхъ и заступающихся за нихъ, я поневолѣ долженъ былъ бы задержать васъ подъ арестомъ дня на два, а можетъ быть, и больше, потому скопище людей и скандалъ въ виду начальства, а намъ нельзя руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ состраданіемъ къ другимъ, а надо не забывать про свою собственную шкуру. Такъ-то,—заключилъ онъ, раскланивась съ протестантомъ въ знакъ того, что аудіенція кончилась.

— Вотъ оно что!—думалъ Перепелкинъ, выходя отъ становаго въ такомъ настроеніи, какъ будто его тамъ облили помоями: разжившійся на счетъ другихъ какой-нибудь злой мужикъ можетъ творить, что угодно, и держать въ страхѣ не только сельчанъ, но и такую земскую власть, какъ становой приставъ. Какое жь тутъ можетъ быть правосудіе, когда вся администрація доступна подкупу!

VII.

Верстъ за сорокъ отъ Москвы обогналъ Перепелкина священникъ ближайшаго уѣзднаго города, тащившійся на своихъ лошадкахъ въ бѣлокаменную столицу по дѣламъ служебнымъ. Всмотрѣвшись въ быстро шагающаго по большой дорогѣ, съ немаленькимъ грузомъ на спинѣ, юношу, онъ узналъ въ немъ Левитово племя, догадался о цѣли его путешествія и усердно предложилъ довезти его до столицы. Это былъ

еще, сравнительно, молодой батька, лѣтъ за тридцать съ небольшимъ, но получившій уже нѣкоторыя значительныя награды за шестилѣтнее отправленіе должности благочиннаго.

— Смотрю на юнаго паломника и смекаю, что онъ долженъ быть нашего полка знаменосецъ,—обратился онъ къ Перепелкину, когда возница его остановилъ лошадей: скучновато ѣхать одному, все дремлется, а потому душевно буду радъ, если посопутствуете мнѣ до столицы.

Пошли разспросы: кто, что, куда, зачѣмъ и проч.

— Мысль дерзновенная,—замѣтилъ онъ, когда Перепелкинъ сказалъ, что намѣренъ выйти въ свѣтское званіе и поступить въ университетъ:—но не скажу, чтобы оная не могла осуществиться, тѣмъ паче, коли вы обладаете способностями и силой воли.

Говорилъ онъ вообще докторальнымъ тономъ, котораго Перепелкинъ терпѣть не могъ въ комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ человѣкѣ недальнемъ, какимъ ему представлялся батюшка, и безъ высшаго образованія; но онъ уже по опыту зналъ, что это вообще манера людей, волею судебъ поставленныхъ на широкій путь почестей, или добравшихся, наконецъ, до генеральскихъ чиновъ.

Перепелкину пріятно было воспользоваться предложеніемъ священника, во-первыхъ, вслѣдствіе усталости, которую онъ началъ чувствовать, усиливая дневные переходы отъ нетерпѣливаго желанія скорѣе увидѣть Москву; во-вторыхъ, по разспросамъ у спутника, онъ надѣялся лучше оріентироваться въ предварительно составленномъ имъ планѣ осмотра достопримѣчательностей древней столицы. Но самой интересной для себя задачей онъ считалъ поразузнать о бытѣ духовенства, его отношеніяхъ къ паствѣ и обратно, наконецъ, о главѣ московской митрополіи, знаменитомъ Филаретѣ, котораго племянникъ маіора, игуменъ одного изъ новгородскихъ монастырей, не любитъ «за честолюбіе и сухость сердца». Но по всѣмъ этимъ пунктамъ легкомысленный батька не могъ удовлетворить Перепелкина. Онъ преимущественно любилъ разсказывать анекдоты, отъ которыхъ самъ до слезъ хохоталъ. Такъ, на вопросы Перепелкина: «каковъ владыка? Правда-ли, что онъ очень честолюбивъ, гордъ и сухъ сердцемъ»,—священникъ только сказалъ: «строгъ, строгъ!» и, покачавъ головой, сообщилъ о немъ анекдотъ, передразнивая своимъ голосомъ дѣйствующихъ лицъ.

Однажды Филаретъ велѣлъ посадить своего протодіакона за пьянство въ чуланъ, который находился подъ лѣстницей покоевъ его высокопреосвященства. Заслышавъ шаги сводившихъ подъ руки владыку въ церковь, на служеніе, отецъ протодіаконъ оглушительнымъ басомъ заревѣлъ: «Изведи изъ темницы душу мою, высокопреосвященнѣйшій владыко». На что Филаретъ тоненькой фистулой пропищалъ: «Мене ждутъ праведницы въ храмъ Вышняго».

Анекдотъ бы самъ по себѣ и ничего, да непріятны были для Перепелкина частыя повторенія его, сопровождавшіяся варіированіемъ подражанія голосамъ протодіакона и владыки и такимъ неистовымъ хохотомъ, отъ котораго съ непривычки дрожь пробирала Перепелкина.

Видя, что Перепелкинъ не поддается вліянію его закатистаго смѣха, наивный отецъ Варсонофій сказалъ:

— Я вамъ могу представить, какъ владыка и протодіаконъ могли въ это время дѣйствовать головой, глазами и руками. Для изображенія всего этого, въ отношеніи протодіакона, потребовалось далеко назадъ запрокинуть голову и выпятить грудь, а предъ ртомъ держать, въ видѣ щитка, правую «пятерню»—(по привычкѣ, изъ боязни, чтобъ не такъ разило винищемъ, пояснилъ онъ), а въ отношеніи владыки, только поднять глаза горѣ и закатить ихъ подъ лобъ.

Продѣлавъ все это старательно, онъ до того расхохотался, что даже схватился за бока и животъ, къ немалой потѣхѣ возницы, посматривавшаго на него въ полъ-оборота изъ-подъ руки и чистосердечно ухмылявшагося на проказы батьки.

Успокоившись мало-по-малу, онъ все-таки смекнулъ, что спутника своего ему не занять этими фокусами, а потому на предложенный, со стороны послѣдняго, вопросъ о бытѣ духовенства, онъ поразсказалъ, хотя и докторальнымъ тономъ и съ излишними амплификаціями, немало интересныхъ для Перепелкина вещей. Оказалось, что между подчиненнымъ ему сельскимъ духовенствомъ пьянство сильно развито, что пастырскія обязанности исполняются механически, проповѣдничествомъ никто не занимается, объ умственномъ развитіи дочерей никакой заботы не прилагается, такъ что многія поповны ни читать, ни писать не умѣютъ. Живутъ, большею частью, не чистоплотно, имѣя ту же обстановку и привычки, что̀ и въ крестьянскомъ быту, хотя иные и пользуются хорошими доходами съ прихожанъ. Эта характеристика великорусскаго, подмосковнаго духовенства, выведенная Перепелкинымъ изъ многословныхъ разсказовъ отца Варсонофія объ отдѣльныхъ личностяхъ, высоко подняла въ его понятіяхъ родное ему, малорусское духовенство, которое вообще, несмотря иногда на скудныя средства и личное исполненіе полевыхъ работъ, живетъ очень чистоплотно, чѣмъ подаетъ примѣръ и крестьянству, гдѣ всякая хата, при всемъ убожествѣ своемъ иногда, все-таки въ отношеніи опрятности и чистоты представляется почти безукоризненной. Не только поповны и дьяконскія дочери, но не въ рѣдкость, что дьячковскія и пономарскія хорошо обучены грамотѣ. Пьяницы тоже есть, но не въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь, и при томъ совсѣмъ не слыхать о такихъ скандалезностяхъ, какія творятся здѣсь распившимися духовными, и о которыхъ отецъ Варсонофій нашептывалъ на ухо Перепелкину, чтобъ не слыхалъ

возница. Проповѣдничествомъ тоже не занимаются, но нельзя сказать, чтобы къ обязанностямъ пасторскимъ относились небрежно или механически. Въ чемъ же выражается строгость владыки? вертѣлся вопросъ въ головѣ Перепелкина, и онъ предложилъ его отцу Варсонофію.

— Во всемъ,—отвѣтилъ тотъ,—предписаніе за предписаніемъ летитъ изъ консисторіи и насчетъ проповѣдничества, и насчетъ воздержанія отъ горячихъ напитковъ, и насчетъ воспитанія дочерей—да мало ли насчетъ чего еще!—Но ничего не подѣлаешь. Конечно, до него рѣдко доходитъ то, что̀ творится у насъ; ну, а дойдетъ, тогда погибъ человѣкъ и съ семьей: строгъ, очень строгъ!—добавилъ онъ, покачавъ головой.

— Мнѣ кажется, что если бы знаменитый владыка сталъ въ болѣе близкія отношенія къ духовенству, то однимъ обаяніемъ своего ума и нравственнаго авторитета несравненно болѣе сдѣлалъ бы, чѣмъ бумажной перепиской, дѣйствуя чрезъ продажную консисторію,—замѣтилъ Перепелкинъ.

Отецъ Варсонофій такъ и прыснулъ со смѣха.

— Вотъ простота, такъ простота!—сказалъ онъ, смотря на Перепелкина и покачивая головой: этакому-то лицу и на такомъ мѣстѣ возиться съ нами, мужланами! И онъ опять захохоталъ, да такъ, что даже возница изъ-подъ руки взглянулъ на Перепелкина съ укоризненной ироніей.

— А вы забываете слова Спасителя: «Тако да просвятится»...

— Такъ онъ и есть свѣтильникъ велій, вверху стояй!—перебилъ его батюшка, къ удовольствію возницы, который не утерпѣлъ-таки, чтобъ не обернуться назадъ въ полъ-оборота и не взглянуть подъ рукой на Перепелкина съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говорилъ: что̀, съѣлъ грибъ!

Сытыя поповскія лошадки довезли диспутировавшихъ философовъ до бѣлокаменной столицы въ шесть часовъ вечера. Отецъ Варсонофій предлагалъ Перепелкину остановиться вмѣстѣ съ нимъ на одномъ подворьѣ, но онъ уклонился отъ этого предложенія, подъ предлогомъ желанія начать осмотръ Москвы съ Поклонной горы. Когда съ этого пункта раскинулся предъ изумленными глазами юноши въ первый разъ этотъ своеобразный живописный городъ, онъ чуть не дрожалъ отъ волненія, вслѣдствіе нахлынувшихъ съ неудержимымъ натискомъ чувствъ и мыслей. Такъ вотъ она, собирательница и оберегательница русскаго народа, отнявшая главенство отъ Кіева, а вольности отъ Новгорода и Пскова! Вотъ оно сердце Россіи, облившееся кровью въ теченіе вѣковъ отъ наносимыхъ ей ранъ сѣвера, востока, запада и юга!—невольно воскликнулъ онъ съ паѳосомъ.

Пофланировавъ нѣсколько времени по ближайшимъ улицамъ, онъ

оставилъ свою ношу въ постояломъ домѣ и, умывшись, отправился въ ближайшій монастырь ко всенощной.

Какъ въ наукѣ онъ искалъ только живаго, плодотворнаго знанія, такъ и въ нѣмыхъ памятникахъ старины онъ интересовался только тѣмъ, что указывало на присутствіе жизни изчезнувшихъ поколѣній съ ихъ радостями и печалями. Монастыри, огражденные высокими, зубчатыми каменными стѣнами, укрывали беззащитный многострадальный народъ отъ неистовствъ татарвы. Тамъ поддерживалась вѣра въ Бога и въ лучшую жизнь. Туда стекались для успокоенія страстей и для исцѣленія душевныхъ ранъ. Посмотримъ, что они теперь, думалъ любознательный юноша. Стройное пѣніе хорошихъ голосовъ расположило его къ душевному умиленію. Здѣсь ли не чувствовать человѣку живой связи съ Богомъ и не дѣлаться добрымъ, кроткимъ, справедливымъ!—думалось ему. Но чѣмъ больше онъ всматривался и вдумывался во все, происходившее предъ его глазами, тѣмъ больше иллюзіи его разсѣвались. Ни на одномъ лицѣ онъ не замѣтилъ отпечатка того благоговѣйнаго настроенія, которое свидѣтельствовало бы, что вся душа занята здѣсь только помыслами о Богѣ. У многихъ видна была тупая привычная сосредоточенность, чуждая движеній живаго религіознаго чувства; другіе были разсѣяны и невнимательны къ богослуженію; иные только тѣмъ и занимались, что оглядывали внимательно вновь входившихъ въ храмъ и иногда знаками указывали на нихъ другимъ монахамъ. Но несноснѣе всѣхъ были тѣ, которые, очевидно, очень занимались собой, умащая свои главы благовонными мазями и духами, кокетничая голосомъ, искусственно выдержаннымъ взглядомъ и граціозною важностію движеній: въ походкѣ, поклонахъ, въ перстосложеніи и пріемахъ для изображенія креста. Нѣтъ—думалъ онъ, и сюда затянетъ многихъ честолюбіе или эгоистическій разсчетъ купить себѣ блаженство легкой цѣной механическаго исполненія монашескихъ обязанностей! Потому-то они и не приходятъ къ мыслямъ быть распространителями божественныхъ глаголовъ среди русскихъ инородныхъ подданныхъ, идолопоклонствующихъ, или увлекаемыхъ десятками тысячъ къ магометанство; потому-то они не только не сожалѣютъ, но даже и не думаютъ о судьбѣ кореннаго русскаго народа, загнаннаго, забитаго, страдающаго какъ отъ собственнаго невѣжества, такъ и отъ всякихъ неправдъ, водворившихся въ землѣ русской, и въ вѣковѣчной темнотѣ своей положительно не понимающаго, въ чемъ состоятъ христіанскія обязанности. И упрекнетъ когда-нибудь исторія первосвятителей русскихъ, да и тебя, знаменитый митрополитъ, что вамъ и въ голову не приходило сдѣлать полезное употребленіе изъ этихъ, даромъ пропадающихъ здѣсь, силъ, разославъ ихъ по окраинамъ нашего обширнаго отечества, для распространенія христіанства между полудикими ино-

*

родцами, и никогда не забудется то обстоятельство, что киргизы, многочисленный народъ, бывшій совершенно индифферентнымъ въ отправленіяхъ своего идолопоклонническаго культа, на нашихъ глазахъ наэлектризовываются фанатизмомъ ислама, который быстро, безъ всякаго затрудненія, распространили между ними хитрые, хотя и совершенно невѣжественные татарскіе муллы. А развѣ не могли бы эти праздные люди заводить обширныя школы здѣсь для простаго народа? Развѣ такой человѣкъ, какъ митрополитъ Филаретъ, не могъ бы убѣдить кого слѣдуетъ въ необходимости и пользѣ такихъ учрежденій? Отъ бездѣлья, отъ недостатка разумной дѣятельности и здѣсь можетъ человѣкъ зажирѣть, зачерствѣть, предаться пьянству, чревоугодію и другимъ порочнымъ страстямъ, унижающимъ иноческій санъ. А сколько можетъ развратиться посѣщающихъ монастыри людей, которые, по своему невѣжеству, всегда могутъ составить себѣ, для обихода въ жизни, такой афоризмъ: «Ужъ если-де монахи, которые отреклись отъ міра, и которымъ лучше знать, въ чемъ состоитъ спасеніе души, творятъ то-то и то-то, то почему же намъ, мірянамъ, не дѣлать этого!»

Было около десяти часовъ вечера, когда Перепелкинъ вернулся на свою квартиру. Чтобы попасть въ свою комнату, ему надобно было пройти чрезъ кухню и другую очень длинную комнату, биткомъ теперь набитую разнокалибернымъ народомъ: кто ужиналъ, кто молился Богу и укладывался спать, а кто уже и спалъ, прикрывши голову, чтобъ не такъ безпокоилъ неугомонный говоръ.

— Баринъ, а баринъ, прочитай намъ грамотки!—остановилъ Перепелкина мужичокъ, укладывавшійся спать вмѣстѣ съ другими на полу какъ разъ у самыхъ дверей комнаты, имъ занятой.

Ему подали три распечатанныхъ и очень уже засаленныхъ письма. Намъ, слышь, читали ужъ, да одинъ плохо разбиралъ, а другой съ пьяныхъ-то глазъ, можа, и навралъ.

Перепелкинъ сталъ читать ужаснѣйшимъ образомъ написанныя эпистолы, въ которыхъ, за множествомъ вводныхъ вещей, дѣйствительно трудно было уловить настоящій смыслъ; но все-таки несомнѣнно можно было вычитать: въ одномъ, что «мнѣ свекоръ голову проломилъ—самъ знашь за что—и я съ дѣтьми бѣжала къ матери и теперь маемся и колотимся какъ рыба объ ледъ». Снохачъ, вишь, замѣтилъ адресатъ и сквернымъ словами выругалъ развратника-родителя своего. Въ другомъ категорически заявлялось мужу, что «если ты, Сидоръ Карпичъ, не вернешься домой къ «Спожинкамъ», то-вотъ-те Христосъ—петлю на шею надѣну, потому ни мнѣ, ни твоимъ дѣтямъ нѣтъ житья отъ свекрови и безпутныхъ дѣвокъ-золовокъ: поѣдомъ насъ ѣдятъ дѣвки-де связались съ солдатами, каждый день пьянствуютъ, а она

одна поспѣвай за всѣхъ. Да еще за космы таскаютъ меня и дочку Параньку».

— Ну, задамъ же я перцу вамъ, чортовы шлюхи!—со злостью заговорилъ тотъ, кому адресовано письмо. Да и тебя, старую вѣдьму, оттаскаю такъ, что всю жисть будешь помнить.

— Это мать-то родную!—ужаснулся Перепелкинъ, бросивъ на него изумленный взглядъ.

— А что жъ, что мать! И ей сверну на бокъ морду,—свирѣпѣлъ онъ, неистово жестикулируя громадными ручищами и пресквернымъ словами ругаясь по адресу своей родительницы.

Да, этотъ дикій звѣрь можетъ привести въ исполненіе свою кровожадную угрозу, убѣждался Перепелкинъ, разсматривая его исказившуюся отъ злости физіономію.

Въ третьемъ письмѣ обстояло все благополучно относительно дома адресата, но въ игривомъ тонѣ сообщались сторонніе деревенскія новости: «Кумъ Вавило сгорѣлъ съ вина, Пашутку отравила золовка и угодила въ острогъ, Бражкины дочиста погорѣли и разбрелись по міру кто куда, бабушка Савельевна запарилась въ банѣ, а внучата съ угару померли».

«Русь ты, Русь! Что же ты все дремлешь и не сорвешь съ глазъ пелены, застилающей предъ тобою свѣтъ Божій? Не развернешься своими силами, но не въ томъ ребро-сокрушительномъ направленіи, которое рекомендовала фантазія твоихъ древнихъ богатырей, постоянно подвергавшихся разбоямъ со стороны внѣшнихъ враговъ, а въ направленіи мирномъ, стремясь къ тому, чтобы до мозга костей проникнуться кроткимъ, гуманнымъ ученіемъ Богочеловѣка, принявшаго крестную смерть за указаніе человѣчеству путей, ведущихъ къ возможному счастію на землѣ и блаженству въ загробной жизни? Почему ты и до сихъ поръ не стараешься усвоить хоть нѣкоторые плоды европейской культуры, выражающейся и въ бо̀льшей чистоплотности, и въ болѣе замѣтной мягкости формъ общежитія, а, главное, въ несравненно высшемъ умѣніи пользоваться дарами природы, которыми ты нисколько не обдѣлена противъ другихъ?» Такъ фантазировалъ юный мечтатель-путешественникъ и опять обратился съ укоромъ къ монашествующимъ, почему-де они, вмѣсто того, чтобъ праздно проводить время въ келіяхъ и нагуливать себѣ иногда изрядныя тѣлеса, не разносятъ по лицу русской земли свѣта евангельскаго ученія, достодолжнымъ образомъ выясняя его высокія истины и внушая согласныя съ этими истинами правила общежитія.

Окончивъ свой скудный ужинъ и запивъ его двумя стаканами чая, Перепелкинъ устроилъ себѣ ложе на диванѣ, который запиралъ входъ въ комнату, отдѣлявшуюся отъ его комнаты досчатою перегородкою,

и, не долго думая, уснулъ богатырскимъ сномъ. Сновъ не видалъ, но чувствовалъ какой-то особенный зудъ во всемъ тѣлѣ, подъ вліяніемъ котораго рѣзко стала выступать въ головѣ мысль: «И бьютъ-то тебя, Русь, и щиплютъ, и кусаютъ, однимъ словомъ, поѣдомъ ѣдятъ, а ты себѣ ничего: какъ деревяшка стоишь и глазомъ не моргнешь!»

— Что за чортъ такой!—вскрикнулъ не вдолгѣ послѣ того Перепелкинъ, вскочивъ, какъ ужаленный змѣей, съ своего ложа и обѣими руками неистово скребя себя по всему тѣлу. Онъ зажегъ свѣчку и увидѣлъ, что засѣвшая въ головѣ мысль вызвана была реальнымъ фактомъ, вслѣдствіе разбойническаго нападенія на него такой массы клоповъ, что у него руки и бѣлье окрасились при очищеніи всего тѣла отъ этихъ злыхъ насѣкомыхъ, обсѣвшихъ его кругомъ и упитавшихся его кровью. У него былъ персидскій порошокъ, но разсыпать его по дивану было безполезно, такъ какъ по стѣнамъ ползали легіоны насѣкомыхъ и могли падать на него безъ риска наткнуться на противное ихъ натурѣ зелье. Оставалось устроиться посреди комнаты на стульяхъ и табуреткахъ, осыпавшись кругомъ на полу порошкомъ. Только-что успѣлъ Перепелкинъ окончить эту процедуру и погасилъ свѣчку, за перегородкой послышались шаги грузно входившихъ въ сосѣднюю комнату. Сначала слышно было только, какъ происходило раздѣваніе, сопровождаемое сопѣніемъ и швырянiемъ сапогъ. Потомъ ясно стало, что молились Богу: слышались вздохи, шопотъ молитвенныхъ словъ, наконецъ, затрещали диваны, какъ-бы на нихъ свалились стопудовые грузы, и все замолкло. Но тонкая струя свѣта гдѣ-то пробивалась къ Перепелкину сквозь перегородку—значитъ, сосѣди еще не спали.

— Я все забываю, Памфилъ Макаровичъ, спросить васъ, за что вы отказали своему прикащику Савелію?—раздался звонкій, изъ здоровыхъ легкихъ выходящій голосъ.

— А перво-на-перво за то, что своихъ коммерческихъ дѣловъ не знатъ,—отвѣчалъ грубый, немного надтреснувшій голосъ.

— Гмъ! Какъ, кажись бы, ему не знать: двадцать годовъ у васъ живетъ, почитай, съ-измалолѣтства!

— Вотъ поди жъ ты! 20 годовъ тута-ка, въ подмосковномъ городѣ, да лѣтъ семь въ Ростовѣ, когда тамъ мы торговали. А взялъ я его по 12 году, и бойкій былъ малый: эфто сосчитать, зазвать въ лавку покупателя, показать товаръ лицомъ—ну, словомъ, на всѣ руки!

— Да что жъ съ нимъ попритчилось такое?

— Знать, лѣшій обошелъ! заразился, слышь, правилой какой: не могу, говоритъ, таперича клятвенно увѣрять покупателя, что товаръ хорошъ, коли онъ на самомъ дѣлѣ худой; совѣсть, говоритъ, претитъ.

— Ишь, дура-то голова! А намъ-то какъ товаръ сбываютъ съ фабрикъ, гниль да бракъ, безъ обмана что-ли, по совѣсти?

— Я и то ему говорилъ: самъ знашь, молъ, что безъ обмана намъ нельзя вести каммерцыю, насъ тоже, вѣдь, обманываютъ. Ты обманываешь, молъ, покупателя по нуждѣ, а нужда-то и заставляетъ тебя божиться. Да и божиться не стать тебя учить! ты покупателю кричишь: Ей Богу, вотъ-те Христосъ! а самъ про себя прибавляшь: «нѣтъ, нѣтъ!» Такъ какая жъ тутъ божба?

— Вѣстимо такъ. Божишься ли такъ, али, примѣрно, бѣду каку на себя накликашь: «Лопни, молъ, мои глаза, разрази меня громъ и молнія, съ мѣста мнѣ не сойти,—только, знай, прибавляй про себя: нѣтъ, нѣтъ, а то и просто: не, не. Какая жъ тутъ божба?

— Божбы тутъ нѣтъ,—говорю ему. А онъ все свое твердитъ: не могу, совѣсть претитъ, коли ежели таперича товаръ плохой. Ну, потаскалъ его, признаться, раза два подъ пьяную руку, а онъ отлежался, эфто, въ больницѣ, да опять за свое: не могу, совѣсть претитъ. Такъ я пашпортъ ему въ зубы и «але» маширъ!

— А у насъ слухи, было, прошли, что вы прогнали его изъ-за Аленки?

— Что жъ, Аленка! Аленка, точно, жаловалась, что пристаетъ, дескать, Савелій Емельяновичъ и надсмѣшки дѣлаетъ,—такъ это что мнѣ—наплевать!

— А все еще съ нею проклаждаетесь?

— А почто жъ не проклаждаться! Вѣдь ты жъ не бросишь своей Малашки.

— Да у меня одна, и то про эфто дѣло жена ничего не знатъ, а, вѣдь, вы состоите въ «абажаніи» и съ другою еще!

— Ну, что жъ, абажаемъ и Наташку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ!

— Ну, а благовѣрная-то какъ?

— Что-жъ благовѣрная... благовѣрная «нишни»! А пикни только—оттаскаю такъ, что и роду-племени закажетъ не вмѣшиваться въ эфти дѣла николи; я, вѣдь, не такъ, какъ ты: блудливъ, какъ кошка,—трусливъ, какъ заяцъ.

«Фи, какая скверная нравственная атмосфера здѣсь!»—подумалъ про себя Перепелкинъ, совершенно еще цѣломудренный, и, укрывши голову, уснулъ опять на новомъ мѣстѣ богатырскимъ сномъ.

На другой день, въ 7 часовъ утра, когда Перепелкинъ за чаемъ обдумывалъ планъ своихъ похожденій по Москвѣ, въ комнату его то и дѣло заглядывали разныя личности: то съ предложеніемъ купить что-нибудь, то съ просьбами «пожертвовать отъ трудовъ праведныхъ» на построеніе храма Господня, на паникадило, на иконостасъ новопостроенной церкви, а то и просто, на поминаніе своихъ родителей. Назойливѣе всѣхъ были потомки бывшихъ властителей Россіи, татары, которые, несмотря на предупрежденіе, что ничего не надо, безцере-

монно входили въ комнату и совали подъ носъ то халатъ, то мыло или духи, пока Перепелкинъ не разогналъ ихъ и не заперся на крючокъ. Но вотъ стучится кто-то. Разъ, два и все сильнѣе.

— Позвольте-съ имѣть честь видѣть васъ,—раздается изъ-за дверей голосъ.

Перепелкинъ отперъ дверь. Въ комнату прошмыгнула тщедушная личность въ поношенномъ фракѣ съ металлическими желтыми пуговицами.

— Титулярный совѣтникъ,—рекомендовался онъ, подавая руку Перепелкину: по происканъ враговъ долженъ былъ выйти въ отставку.

— Вѣрите ли,—говорилъ онъ, сложивъ руки на груди и сокрушительно качая наклоненной внизъ головой:—двухъ мѣсяцевъ не дали дослужить до чина коллежскаго ассесора, понимаете? двухъ мѣсяцевъ только!—патетически воскликнулъ онъ.

— Да какая жъ вамъ надобность въ такомъ чинѣ?—спросилъ Перепелкинъ только лишь для того, чтобъ какъ-нибудь выразить сочувствіе его горю.

— Ай, ай, а-ай!—протянулъ онъ, качая головой и смотря съ укоромъ въ глаза Перепелкину: это чинъ-то коллежскаго ассесора зачѣмъ понадобился? Помилуйте!

Перепелкинъ вспомнилъ ходившіе когда-то по рукамъ въ бурсѣ рукописные стихи (Нахимова, кажется), гдѣ тоже патетически восклицалось: «О чинъ ассесора толико вожделѣнный». Но онъ никакъ не могъ понять, какое практическое употребленіе, кромѣ права имѣть крѣпостныхъ людей, могъ бы сдѣлать изъ него бѣдный отставной чиновникъ.

— Помилуйте, помилуйте! Первое слово: мундиръ... весь шитый золотомъ... тутъ, здѣсь, тамъ... затѣмъ шпага, треуголка... и—(тутъ онъ вскочилъ со стула, принялъ позу человѣка съ такими именно декоративными знаками величія и сталъ расшаркиваться) въ дворянское собраніе на выборы... да рѣчь предъ дворянствомъ...

— Да, вѣдь, у васъ же крестьянъ нѣтъ, а такіе дворяне, кажется, не участвуютъ на выборахъ.

— Помилуйте, помилуйте!—горячился онъ: только бы узнали, что есть въ этой головѣ—постучалъ онъ себѣ въ лобъ—только бы узнали... всѣмъ надѣлили бы, и землей, и людьми, потому что такіе доки—онъ ткнулъ себя въ грудь—нужны по дѣламъ опекунскимъ, гдѣ всѣ нагрѣваютъ...

Внезапно отворилась дверь, и въ комнату вошелъ не безъ важности выступая, великорослый брюнетъ въ полувоенной формѣ.

— А, стрекулистъ уже здѣсь!—захохоталъ онъ такъ, что стекла задрожали: видно, просьбицу изобразить предлагалъ?

Не дослужившій двухъ мѣсяцевъ до вожделѣннаго чина быстро отретировался, приговаривая: я къ вамъ заверну послѣ . . . я здѣсь близехонько.

— Отставной штабсъ-капитанъ Михалкинъ,—рекомендовался новый посѣтитель: а позвольте васъ спросить, кого я имѣю честь видѣть?

— Бурсака!—сказалъ Перепелкинъ, чтобъ скорѣй отдѣлаться.

— Это фамилія ваша?

— Нѣтъ: званіе.

Штабсъ-капитанъ, безъ всякаго приглашенія, подсѣлъ къ самовару, ополоснулъ стаканъ, бросилъ въ него четыре большихъ куска сахару, налилъ самаго крѣпкаго чая и преспокойно попивалъ его съ московскими сайками, которыя также безъ церемоніи придвинулъ къ себѣ въ полное свое распоряженіе, точно онъ тутъ на правахъ хозяина.

— Вотъ бы ромкомъ подправить,—отлично бы было... ну, да ужь этотъ стакашку такъ допью, а на другой извольте-ка выкинуть рублишко: мигомъ слетаю за ромкомъ-клоповничкомъ... настоящій ромъ, надо вамъ замѣтить, клопами пахнетъ... вотъ увидите,—говорилъ онъ съ такою развязностью, какъ будто они съ коихъ поръ знакомы.

Перепелкинъ молчалъ и только внимательно разсматривалъ этого оригинальнаго посѣтителя. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35, съ правильными, хотя и сильно помятыми, чертами лица, покрытаго густой и красивой растительностью на щекахъ, въ видѣ круглыхъ, искусно подстриженныхъ бакенбардъ и ловко отпущенныхъ усовъ съ завитками внизъ. Большіе сѣрые глаза на выкатѣ производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, но нельзя сказать, чтобъ въ нихъ не замѣчалось въ иной моментъ проблесковъ ума. Говорилъ онъ немного въ носъ, но отчетливо, даже рѣзко. Костюмъ его былъ староватъ, но безъ изъяновъ и не засаленъ, точно также и фуражка, которую онъ молодцовато бросилъ на столъ, когда садился за чайный приборъ.

Допивъ стаканъ чая и прожовывая послѣдній кусокъ другой сайки, онъ преспокойно протянулъ руку къ Перепелкину со словами:

— А нуте-ка рублишко... вотъ услышите, какими клопами понесетъ: это самый, что называется, забористый ромъ... ямайскій настоящій.

Перепелкинъ молчалъ и только пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Что жъ вы? аль вамъ жаль рубля? Ну, въ такомъ случаѣ, два двугривенныхъ на ерофеичъ.

Перепелкинъ далъ полтинникъ, чтобы только развязаться съ нимъ, и какъ только онъ вышелъ, хотѣлъ было сейчасъ же собраться и совсѣмъ уйти изъ этой квартиры; но не прошло и десяти минутъ, какъ штабсъ-капитанъ вернулся, поставилъ на столъ посудину съ ерофеичемъ и отрапортовалъ по формѣ, вытянувшись и приложивъ руку къ фуражкѣ:

— Сдачи нѣтъ: употребилъ на двѣ рюмки полынной. Затѣмъ онъ крикнулъ кухаркѣ, чтобъ подбавила угольковъ въ самоваръ, перемылъ стаканы, прибавилъ чаю и, наливъ два стакана на половину чаемъ и ромомъ, предложилъ одинъ изъ нихъ Перепелкину съ такимъ гостепріимствомъ, какъ будто это распоряжался самъ хозяинъ у себя дома. А когда Перепелкинъ сказалъ, что онъ не употребляетъ хмѣльныхъ напитковъ, то онъ не безъ удовольствія замѣтилъ:

— Тѣмъ лучше: мнѣ больше останется!

Онъ преспокойно попивалъ пуншъ и изрѣдка взглядывалъ на Перепелкина, который глазъ съ него не спускалъ.

— А я знаю, что вы теперь думаете, созерцая такъ внимательно мою особу,—сказалъ онъ, принимаясь за другой стаканъ пунша:—вотъ, дескать, свинья затесалась! Конечно, свинья! Да что дѣлать... ѣсть, пить надо, а въ карманахъ пусто, хоть выверти.

Онъ залпомъ допилъ простывшій уже пуншъ и сталъ опять приготовлять разомъ уже три.

— Не бойтесь, скандаловъ не надѣлаю. Допью до чиста ерофеичъ и спокойно уйду... а тамъ думайте обо мнѣ, что хотите.

— Вамъ бы служить еще, зачѣмъ вы оставили службу? — сказалъ Перепелкинъ, заинтересовываясь уже своимъ гостемъ.

— Оставилъ! — саркастически произнесъ онъ: — предложили-съ. Онъ отпилъ немного и прошелся по комнатѣ.

— Да-съ, предложили,—говорилъ онъ, ероша на головѣ волосы и остановившись предъ Перепелкинымъ:—а теперь куда сунешься... позади грязь, съ боковъ грязь, да и впереди тоже грязь!

— Да за что же?—участливо спросилъ Перепелкинъ.

— А за то, что не держалъ языка на привязи, не слушался мудрыхъ предостереженій: знай, сверчокъ, свой шестокъ! а во всеуслышаніе порицалъ, во время кампаніи, всѣхъ воровъ, грабителей, казнокрадовъ, съ волчьей жадностью набивавшихъ себѣ карманы казенными деньгами, въ стачкахъ съ подрядчиками и коммиссіонерами, и, буквально, моривших людей и лошадей. А, вѣдь, собаки-то какія были! Самъ знаю, въ одномъ замкѣ у магната-мадьяра всѣ драгоцѣнности обобрали, даже серьги повырывали изъ ушей женщинъ.

— Ну, это, можетъ быть, дѣлали какіе-нибудь казаки,—замѣтилъ Перепелкинъ.

— Казаки!—иронизировалъ онъ:—да между нашимъ братомъ, прошедшимъ кадетскую школу, найдется много такихъ, которые по части грабежа заткнутъ за поясъ какихъ-угодно казаковъ. Потому, какое наше воспитаніе, чему насъ серьезно обучали? Что дала кому природа хорошаго—умъ ли, сердце ли—съ тѣмъ и остались, и то, можетъ быть, не безъ изъянцевъ уже, а благопріобрѣтеннаго хорошаго нечего и спра-

шивать ни у кого. Были у насъ и добрые начальники: директора, батальонные, ротные, всѣ-то они заботились о насъ, всѣ ухаживали за нами и только и думали о томъ, чтобы мы сыты были, одѣты какъ слѣдуетъ, а, главное, непремѣнно дотянули бы до офицерства, въ крайнемъ случаѣ, хоть въ гарнизонъ, пройдя только четыре класса по неспособностямъ. Да въ этомъ ли развѣ состоитъ воспитаніе и образованіе?

Онъ выпилъ простывшіе стаканы одинъ за другимъ, приготовилъ себѣ вновь три и опять зашагалъ по діагонали комнаты.

— Мы росли свиньями: не знали Бога, никого не любили, не почитали, не уважали, хотя по наружности никто бы этого не сказалъ; ханжество, лицемѣріе намъ было знакомо по преданіямъ. Мозги наши дремали, да и какъ имъ было работать. Уроковъ, за небольшими исключеніями, никогда не готовили, учителей обманывали самымъ безсовѣстнымъ образомъ: урокъ отвѣчали по написанному на стѣнѣ, на доскѣ, на пришпиленной къ спинѣ товарища бумажкѣ, а у близорукихъ и задумчивыхъ учителей просто считывался отвѣтъ съ открытой книги. Да и къ чему намъ нужно было учиться или быть хорошей нравственности, когда мы знали, что насъ ни въ какомъ случаѣ не выдадутъ, умѣй только хоронить концы, что начальство само боится, какъ бы заведеніе не оказалось хуже другихъ, и потому только и думаетъ о томъ, какъ бы не по существу, а по наружности все обстояло какъ слѣдуетъ, какъ требуется предписаніями и инструкціями высшаго начальства. А инструкціи-то такія, что зачитаться можно: сколько въ нихъ душевной теплоты, сердечной заботливости о нравственномъ воспитаніи молодыхъ людей, о добромъ направленіи ихъ воли, объ умственномъ развитіи! Все взвѣшено, предусмотрѣно, кромѣ одного: кто будутъ исполнители и не связаны ли они формализмомъ, рутинными пріемами, пустившими глубокіе корни въ кадетской педагогикѣ.

Онъ опять принялся за пунши, а Перепелкинъ все время думалъ: вотъ куда бы внести свѣта! Вѣдь, шутка ли сказать: воинъ, защитникъ отечества, престола, святыхъ правъ человѣческихъ! И у него пошли уже развиваться планы: какъ онъ, въ качествѣ педагога въ какомъ-нибудь корпусѣ, будетъ и самъ стремиться и другихъ направлять къ тому, чтобъ инструкціи просвѣщеннаго, заботливаго высшаго начальства исполнялись по существу, а не съ формальной только стороны.

— Что я теперь, куда гожусь: ни знаній, ни убѣжденій, ни привычки къ труду, а между тѣмъ ѣсть, пить хочется, а средствъ нѣтъ, ну, и свинствую, дѣлаюсь нахаломъ, хорошо еще, что наклонностей къ воровству не имѣю.

— Да какъ же вы живете здѣсь, не имѣя никакихъ средствъ?

— А вотъ такъ же, какъ и у васъ теперь: безъ церемоніи поѣмъ, попью и уйду. А денегъ нужно, выпрошу. Вотъ на дняхъ у митропо-

лита позаимствовался 15-ю рубликами. Выходитъ худенькій старичокъ, еле слышнымъ голосомъ спрашиваетъ: «что вамъ нужно?» Такъ и такъ говорю, ваше высокопреосвященство: безъ службы, средствъ нѣтъ; нуждаюсь, жена, дѣти—конечно, это ужь вралъ, потому что никогда не былъ женатъ—имѣйте состраданіе, говорю, отвѣшивая ему низкій поклонъ. «Хорошо»,—сказалъ онъ и выслалъ 15 рублей. У викарія тоже раза два выклянчилъ по 5 рублей. Ничего, жить можно. Только не подумайте, чтобъ я ужь такъ опустился, чтобъ не чувствовалъ, что это низко, подло. Да что жь мнѣ дѣлать? не топиться же.

— Ну, поискали бы себѣ мѣста.

— Ищу, батенька, ищу-съ,—сказалъ онъ, облобызавъ Перепелкина на прощанье.

VIII.

Собираясь совсѣмъ оставить эту квартиру, Перепелкинъ потребовалъ счетъ и не могъ не ужаснуться, что за тарелку скверныхъ щей, да за два самовара и ночлегъ въ клоповникѣ требуется заплатить два рубля.

— Ассигнаціями?—спросилъ онъ стараго хозяина, подавшаго счетъ.

— Нѣтъ, мы на ассигнаціи давно позабыли считать. А дорого кажется, такъ надо было сперва рядиться, а безъ ряды что толковать: что записано, то и давай.

«Вотъ она—благочестивая Москва!»—не безъ злости подумалъ Перепелкинъ.

Оказалось, что на подворьяхъ, въ центрѣ города, можно имѣть номеръ за 50 коп. въ сутки. Онъ и перебрался въ одно изъ нихъ близъ Кремля.

Осмотрѣвъ Кремль снаружи и внутри, побывавъ въ его церквяхъ, также у Василія Блаженнаго, онъ присѣлъ на ступенькахъ этого храма и сталъ наблюдать проѣзжавшихъ и проходившихъ чрезъ Красную площадь москвичей. Прежде всего бросилось въ глаза наружное благочестіе, проявлявшееся здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ, видѣнныхъ имъ, великорусскихъ городахъ, и несравненно больше, чѣмъ въ Малороссіи. Особенно это замѣтно было у часовни Иверской Божіей Матери. Несомнѣнно, что эта набожность была искренняя, нелицемѣрная, неподдѣльная; почему же наше духовенство не пользуется этимъ стимуломъ, чтобъ весь нравственный строй жизни этого народа подчинить кроткимъ правиламъ Христова ученія? Почему оно не позаботится о такомъ религіозномъ воспитаніи его, чтобъ исчезли звѣроподобныя при-

вычки, стоящія въ такомъ противорѣчіи съ духомъ этого ученія? Ну, вотъ эти, напримѣръ, растолстѣвшіе, до безобразія расползшіеся коммерсанты и ихъ жены—что они изъ себя представляютъ? Вѣдь, каждый и каждая изъ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ только грубую массу почти неодухотворенной матеріи, а между тѣмъ эта масса подчасъ бываетъ зла, груба, дерзка, а, главное, воровата, наклонна къ всяческимъ обманамъ, объегориваніямъ, и въ высшей степени несправедлива, вслѣдствіе своекорыстія и жадности къ наживѣ.

Недалеко отъ храма остановились двое дрогъ, ѣхавшихъ навстрѣчу, и между съ сидѣвшими на нихъ женщинами, повидимому, купчихами, завязался разговоръ.

— Вы отъ блаженнаго?

— Отъ него.

— Что жъ вы возили ему?

— Головку сахару, два фунта чаю, варенья три банки.

— Какъ будто сговорились мы: я тоже вотъ везу въ кулькѣ сахару, чаю и варенья, только побольше.

Разговаривавшія разъѣхались въ разныя стороны.

— Кто бы это такой былъ «блаженный»?—схимникъ что-ли какой пророчествующій?—раздумывалъ Перепелкинъ.

— Послушай,—обратился онъ къ церковному сторожу, который возился тутъ съ молоткомъ, приколачивая скобу на ступенькахъ храма:—гдѣ тутъ живетъ блаженный?

— Да вамъ какого надо? Здѣсь, вѣдь, ихъ не одинъ. Сторожъ указалъ адреса трехъ пророчествующихъ въ Москвѣ.

Перепелкинъ сейчасъ же отправился по ближайшему адресу. Близъ стараго деревяннаго дома, въ кривой и тѣсноватой улицѣ, стояло нѣсколько извозчичьихъ экипажей—это и было мѣстопребываніе одного изъ блаженныхъ. Ходъ къ нему былъ со двора, содержимаго весьма нечисто, не только для Москвы, но даже для послѣдняго провинціальнаго города. Поднявшись по небольшой лѣсенкѣ, Перепелкинъ отворилъ дверь и прямо попалъ въ пріемную, гдѣ дожидались очереди предстать предъ блаженнаго всѣ посѣтители, какого бы званія и чина они ни были. Тутъ теперь находилось до десятка женщинъ, въ числѣ которыхъ были три прилично одѣтыя дамы и трое мужчинъ, не похожихъ на купцовъ. Почти у всѣхъ были свертки, или кульки, или корзинки съ приношеніями. Только у одной дамы и у одного мужчины, повидимому, не было таковыхъ. Это ободрило Перепелкина, но не надолго, потому что три прилично одѣтыя дамы вошли въ комнату блаженнаго вмѣстѣ, хотя подарки понесли только двѣ изъ нихъ.

— Обязательно нести подарокъ?—спросилъ онъ одного изъ мужчинъ.

— Денегъ можно сунуть,—отвѣчалъ тотъ.

Перепелкину, какъ послѣ всѣхъ прибывшему, пришлось дожидаться больше часа, хотя аудіенція у блаженнаго рѣдко при немъ продолжалась болѣе 7—8 минутъ. Народъ все-таки прибывалъ. Но вотъ, наконецъ, дошла до него очередь. Онъ вступилъ въ такую же большую комнату, какъ и пріемная, но раздѣленная двумя боковыми перегородками, доходящими почти до потолка. Перепелкинъ не зналъ, куда ему идти, и остановился въ недоумѣніи. Но вотъ зашуршало что-то за правой перегородкой, куда онъ и направился. Ориентироваться тутъ сразу было весьма мудрено, тѣмъ болѣе, что окна тутъ не было, или оно было закрыто, а падавшій сверху свѣтъ былъ недостаточенъ даже для того, чтобъ разглядѣть, гдѣ тутъ находится самъ блаженный. Когда онъ искалъ его глазами по всѣмъ угламъ, рядомъ съ нимъ, у самыхъ дверей перегородки, закопошилось что-то. Это и былъ искомый пророкъ. Онъ лежалъ ницъ, на длинной деревянной голой скамейкѣ и что-то сталъ бурчать себѣ подъ носъ, когда Перепелкинъ остановилъ на немъ взглядъ. Лица его Перепелкинъ не могъ видѣть. «Уйди»,—прорычалъ онъ.

— Зачѣмъ же уходить? Я тебѣ подарокъ сдѣлаю, если скажешь что дѣльное мнѣ.

— Охъ, Саваоѳъ! Доколѣ всякія... и разруши десницею своею... и ту мгла... и бысть, еже не бысть,—бормоталъ онъ.

Перепелкинъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и тоже пророческимъ гласомъ возопилъ: «Да будетъ проклятъ и урѣзанъ языкъ, глаголяй ложь людемъ моимъ».

— «У-у-й-й-ди!»—закричалъ онъ. Явилась женщина какая-то, повязанная платкомъ, и попросила Перепелкина выйти, сказавъ ему въ утѣшеніе, что «они не со всякимъ охочи разговаривать».

— Что такое съ вами случилось?—спрашивали Перепелкина въ пріемной: «Да, вы, вѣрно, или грѣшникъ большой, или не положили ничего святому»,—сказала добродушно купчиха.

— А развѣ непремѣнно нужно класть святому?—ощетинился Перепелкинъ.

— Кладутъ, значитъ, для Бога,—пояснилъ брюхачъ, державшій полновѣсный кулекъ.

Перепелкинъ не пожелалъ уже искать другихъ пророковъ, а разразился мысленно цѣлымъ потокомъ негодованія противъ равнодушія нашего духовенства къ такимъ явленіямъ. Неужели же, думалъ онъ, не доходятъ слухи до митрополита объ этихъ эксплоататорахъ невѣжественнаго народа? Отчего же онъ не приметъ никакихъ мѣръ, чтобы они за свои юродства, по крайней мѣрѣ, ничего ни съ кого не брали. Вѣдь, библейскій пророкъ жилъ созерцаніемъ Бога, углублялся въ таинственныя явленія жизни, и его горячее, убѣжденное слово, никѣмъ и

ничѣмъ не оплачиваемое—могло ли оно имѣть смыслъ прозрѣнія въ таинственное будущее, или нѣтъ—будило живую мысль и въ другомъ, такъ какъ оно, во всякомъ случаѣ, исходило изъ сердца, переполненнаго живымъ чувствомъ. Таковъ ли этотъ невѣжественный балбесъ, занятый только размышленіями о кулькахъ съ приношеніями, да о карбованцахъ. Вотъ источникъ зла для темнаго люда. Эхъ ты Русь, Русь! прозришь ли ты когда-нибудь?—заключилъ онъ свои разсужденія, возвратившись на свою новую квартиру.

Невыгодныя понятія его о видѣнномъ имъ, юродствующемъ субъектѣ дополнилъ, познакомившійся съ нимъ, сосѣдъ по номеру, чиновникъ Клинскаго уѣзднаго суда. Онъ пріѣхалъ сюда на казенный счетъ за гербовой бумагой и предложилъ Перепелкину доѣхать съ нимъ даромъ, до Клина, который отстоитъ отъ столицы на 80 верстъ. Онъ окончилъ курсъ въ Виѳанской семинаріи и не задолго до выпуска раза три посѣщалъ этихъ блаженныхъ, но всякій разъ выносилъ убѣжденіе въ томъ, что это хитрые и безсовѣстные обманщики, даже самые безстыжіе развратники. Но о схимникѣ онъ сдѣлалъ отзывъ хорошій, сказавъ, что о пророчествахъ его онъ отъ духовныхъ лицъ не слыхалъ ничего, а знаетъ, что онъ—строгій подвижникъ, и его весьма многіе посѣщаютъ, какъ человѣка святой, безукоризненной жизни, отъ котораго можно услышать и умное слово, и умный совѣтъ. Эта рекомендація подстрекнула любопытство Перепелкина.

На другой день оба они отправились въ монастырь, гдѣ былъ этотъ подвижникъ. Выслушавъ дорогой еще много подробностей о немъ отъ своего спутника, Перепелкинъ такъ заинтересовался имъ, что сталъ выражать опасенія, какъ бы не помѣшало что-нибудь увидѣть этого замѣчательнаго человѣка. Когда они пришли въ монастырь, обѣдня была на исходѣ, а на вопросъ—здѣсь ли схимникъ Н., имъ отвѣтили, что онъ по слабости силъ очень рѣдко выходитъ изъ келіи, куда и провелъ ихъ сторожъ. Это была не келія, а просто землянка, аршинъ 5 въ квадратѣ, съ крошечнымъ окошечкомъ надъ землей. Въ ней буквально ничего не было, кромѣ двухъ образовъ Спасителя и Божіей Матери, стоявшихъ въ углу, на вбитыхъ въ землю камняхъ. Предъ ними теплилась лампада и освѣщала тусклымъ свѣтомъ маленькое, колѣнопреклоненное существо, стоявшее на молитвѣ. Когда Перепелкинъ, тихонько отворивъ дверь, увидѣлъ эту сцену, онъ почувствовалъ дрожь въ тѣлѣ и сильное біеніе сердца, такъ какъ онъ самъ когда-то въ дѣтствѣ, начитавшись житій святыхъ, мечталъ о такомъ именно подвижничествѣ. Онъ также тихо притворилъ дверь, не желая прерывать молитвы подвижника и думая дождаться, когда онъ кончитъ ее. Но пришлось бы и уйти, не дождавшись конца ея, если бы не принесъ монахъ просфоры для подвижника, который только

ею одной и поддерживаетъ свою жизнь, употребляя ее при томъ въ такихъ микроскопическихъ дозахъ, по словамъ принесшаго, что она составляетъ шестидневное его пропитаніе, кромѣ воды.

— Да чѣмъ же онъ живъ?—спросилъ Перепелкинъ, когда монахъ, не входя въ келью, отодвинувъ оконце въ земляной разрѣзъ, положилъ на земляной же косякъ просфору, и, задвинувъ опять оконце, подошелъ къ нему.

— А Господь его вѣдаетъ. Вотъ спросите объ этомъ его самого.

— Да, вѣдь, онъ стоитъ теперь на молитвѣ.

— А вы думаете дождаться, когда онъ кончитъ молитву?—это напрасно, потому что онъ день и ночь вотъ такъ стоитъ на молитвѣ. А войдите къ нему такъ, чтобъ онъ услышалъ, и онъ сейчасъ же встанетъ.

Перепелкинъ и спутникъ его такъ и сдѣлали. Лишь только оба они вошли, подвижникъ всталъ и земно поклонился имъ. Когда они подошли подъ благословеніе, онъ медленно благословилъ каждаго, тихо и съ вниманіемъ произнося слова молитвы, но руки своей цѣловать не далъ. Это оригинально, подумалъ Перепелкинъ. Подвижникъ былъ маленькаго роста, чрезвычайно худой, изможденный, но не старый, и съ лицомъ необыкновенно симпатичнымъ, добрымъ. Ни угрюмости, ни суровости, ни строгости, свойственныхъ аскетамъ, оно не выражало; напротивъ, было нѣчто, напоминавшее какъ бы застывшую на немъ полуулыбку, которая, обыкновенно, не сходитъ съ лица людей мягкихъ, чистосердечныхъ и добродушныхъ. Онъ кротко и пріятно смотрѣлъ въ глаза то одного, то другаго посѣтителя, но такъ какъ оба они молчали, смотря на него съ благоговѣніемъ, то онъ отворилъ дверь и предложилъ посидѣть съ нимъ на скамейкѣ, стоявшей подъ деревомъ въ трехъ шагахъ отъ его келіи. Вѣроятно, отъ свѣжаго воздуха онъ сильно раскашлялся и сталъ отплевывать мокроту, въ которой сначала показывались сгустки крови, а потомъ почти голая кровь. Перепелкинъ извинился, что побезпокоили его, и просилъ возвратиться въ келію.

— У васъ скорѣе пройдетъ кашель, а то я боюсь, какъ бы это не имѣло послѣдствій дурныхъ для вашего слабаго здоровья,—говорилъ онъ, участливо смотря на тщедушнаго подвижника и поддерживая его, когда онъ, въ припадкѣ кашля, сгибался и присѣдалъ.

Подвижникъ махнулъ рукой и присѣлъ на скамейку. Перепелкинъ и спутникъ его помѣстились возлѣ него по бокамъ, съ правой и лѣвой стороны.

— Безъ Божіяго допущенія,—сказалъ едва слышнымъ голосомъ подвижникъ, когда унялся кашель,—и волосъ съ главы человѣка не упадетъ.

Онъ прикрылъ рукой ротъ, какъ бы въ предупрежденіе возврата

кашля. Послѣдовало молчаніе, продолжавшееся минуты двѣ и заставившее Перепелкина думать, что безъ вопросовъ ничего не услышишь отъ подвижника.

— При входѣ къ вамъ, на меня сильное впечатлѣніе произвела подвижническая обстановка вашей келіи. Я вспомнилъ, какъ я въ дѣтствѣ, на одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ году, начитавшись житій святыхъ, мечталъ сдѣлаться подвижникомъ, но теперь объ этомъ уже не думаю и даже хочу выйти изъ духовной академіи и, по увольненіи въ свѣтское званіе, поступить въ университетъ,—сказалъ Перепелкинъ, вызывая на разговоръ. Подвижникъ все время внимательно слушалъ и смотрѣлъ на Перепелкина, пока тотъ не кончилъ, а потомъ опустилъ глаза внизъ и молчалъ.

— А хорошо ли я дѣлаю, что измѣняю задушевнымъ мечтамъ дѣтства?

Подвижникъ все-таки молчалъ и только взглянулъ кроткими своими глазами на вопрошающаго.

— Я желалъ бы знать ваше мнѣніе, святой подвижникъ.

— Святъ Богъ,—съ живостію, хотя и кротко возразилъ подвижникъ,—а я—грѣшный и недостойный рабъ Его.

Перепелкинъ покраснѣлъ: ему досадно было на себя, что онъ худо взвѣшеннымъ словомъ отвлекъ вниманіе инока отъ прямаго отвѣта на его вопросъ.

Но отвѣтъ послѣдовалъ, хотя и прошло минуты двѣ молчанія.

— Всякъ воленъ поступать по своему разумѣнію, лишь бы оно не противорѣчило святымъ велѣніямъ Божіимъ,—сказалъ подвижникъ тихо, съ передышкой.

И опять послѣдовало продолжительное молчаніе. Перепелкинъ рѣшительно недоумѣвалъ, какимъ образомъ и на какомъ основаніи могли произойти тѣ легенды, которыя, по словамъ его спутника, распространены въ Москвѣ и внѣ ея о пророческомъ дарѣ этого кроткаго и смиреннаго инока, по своей натурѣ совершенно неспособнаго ни къ какой экзальтаціи.

— Говорятъ, въ Москвѣ есть изъ мірянъ блаженные, которые имѣютъ даръ пророчества—возможно ли это?—обратился Перепелкинъ къ иноку.

Тотъ посмотрѣлъ долгимъ кроткимъ взглядомъ прямо въ глаза спрашивающаго и задумался, опустивъ голову внизъ.

— Для Бога все возможно,—сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія,—дается и вѣдѣніе мудрымъ.

— Да, вѣдѣніе, но не предвидѣніе,—подхватилъ Перепелкинъ, думая, что напалъ на тему, которая развяжетъ языкъ иноку. Но ожиданія его были напрасны. Подвижникъ уставился на него своими крот-

кими глазами, какъ бы выжидая, не будетъ ли еще какого вопроса, затѣмъ всталъ и сдѣлалъ земной поклонъ посѣтителямъ, что̀ заставило ихъ протянуть руки подъ благословеніе и отретироваться, не получивъ никакого отвѣта на возраженіе Перепелкина.

— Какъ вамъ показался этотъ схимникъ?—спросилъ клинскій чиновникъ Перепелкина, когда они уже далеко были отъ монастыря.

— Личность въ высшей степени симпатичная, но, глядя на него, я все думалъ, сколько бы такой человѣкъ могъ принести пользы въ дѣлѣ народнаго воспитанія въ духѣ истиннаго христіанства, если бы, вмѣсто того, чтобы томиться въ этомъ затхломъ стойлѣ, положительно убивая свою жизнь, онъ пошелъ съ проповѣдью по весямъ и градамъ!

— Ну, въ городахъ есть кому поучать и безъ него, а вотъ въ селахъ, пожалуй, что не дурно бы было.

Въ это время раздались дикіе раскаты адскаго хохота, вырвавшагося изъ такихъ здоровенныхъ трескучихъ глотокъ, что оба путника вздрогнули. На противоположной сторонѣ улицы, шагахъ въ тридцати отъ будки и стоявшаго возлѣ нея полицейскаго стража, толпа жирныхъ лабазниковъ и мясниковъ окружила кого-то и потѣшалась тѣмъ, что обсыпала мукой эту личность, голосъ которой показался Перепелкину какъ будто знакомымъ.

— Пихай, ребята, ему въ ротъ и въ уши муки.

— Такъ, какъ!—гоготала толпа. Раздался отчаянный вскрикъ несчастной жертвы, покрытый бурнымъ взрывомъ неистоваго, клокочущаго гоготанья.

— Да что жъ вы, разбойники, дѣлаете это, среди бѣла дня, да еще въ столицѣ?—закричалъ не своимъ голосомъ Перепелкинъ, отъ волненія трясясь всѣмъ тѣломъ и подбѣгая къ группѣ.

— А тебѣ что надо, замухрышка?—зарычалъ на него толстый, съ лоснящеюся мордой, мясникъ: али и самъ хошь попробовать мучки?

— Будочникъ!—вскрикнулъ Перепелкинъ: что жъ ты смотришь—стоишь и ничего не дѣлаешь?

Будочникъ, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся спиной къ нему и преспокойно продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ. Тѣмъ временемъ несчастная жертва потѣхи этихъ мерзавцевъ успѣла выскочить изъ круга, перебѣжать на другую сторону улицы и, при взрывахъ хохота, какъ виновниковъ потѣхи, такъ равно проходившей и проѣзжавшей публики, начала очищать отъ муки уши, носъ и ротъ, поминутно отплевываясь, къ немалой потѣхѣ всѣхъ и каждаго порознь изъ глазѣвшихъ тутъ. Какъ ни перепачканъ былъ сверху до низу мукой

этотъ субъектъ, Перепелкинъ узналъ въ немъ отставнаго титулярнаго совѣтника, бывшаго у него вчера на постояломъ дворѣ.

— За что это они такъ отдѣлали васъ?—обратился Перепелкинъ къ нему.

— А вотъ, подите же,—заговорилъ онъ плаксивымъ голосомъ и все продолжая сплевывать: всегда такъ дѣлаютъ, какъ позабудешься и проходишь по ихъ сторонѣ!

— Такъ почему жъ вы не жалуетесь?

— Сколько разъ жаловался, да что толку! Какъ бы было сунуть что полиціи, тогда и вышелъ бы толкъ, а такъ что!

— Не можетъ быть!—сказалъ Перепелкинъ, направляясь къ полицейской будкѣ.

— Замухрышка! стрижъ!—кричали лабазники по адресу заступника.

— Ты что же и съ мѣста не двигаешься, когда видишь, какъ безобразничаютъ звѣри надъ прохожимъ?—говорилъ, волнуясь, Перепелкинъ стражу, какъ пень стоявшему все на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Стражъ уставился на него глазами и молчалъ.

— Что жъ ты глухой что-ли?

— Стрижъ... стрижъ.. замухрышка, замухрышка!—гудѣла толпа отъ лабаза, кривляясь, показывая языки и кулаки по направленію Перепелкина, выводящаго полиціанта изъ летаргическаго сна.

Публика стала напирать сюда.

— Пойдемъ же своей дорогой!—тронувъ его за рукавъ, сказалъ Перепелкину клинскій чиновникъ.

Но тотъ продолжалъ волноваться, тѣмъ болѣе, что очистившійся, до нѣкоторой степени, отъ муки титулярный совѣтникъ, повѣствуя о своемъ приключеніи, началъ всхлипывать, при видѣ жалкаго своего вицмундира, отъ котораго озорники всѣ пуговицы оборвали, или срѣзали.

— Запиши мнѣ всѣхъ этихъ лабазниковъ,—настойчиво прикрикнулъ впечатлительный юноша на будочника, подавая ему бумагу и карандашъ.

— Замухрышка, стрижъ, стрижъ, замухрышка!—гоготала толпа, собирая любопытныхъ.

Стражъ тронулся, наконецъ, съ мѣста, подошелъ къ будкѣ и постучалъ въ окошечко. Вышелъ другой стражъ съ очками на носу, имѣя въ лѣвой рукѣ сапогъ, а въ другой дратву и шило. Оба полиціанта переглянулись только, не промолвивъ ни одного слова. Затѣмъ послѣдній удалился опять въ будку, принарядился въ форму и, выйдя, подалъ первому засаленный перешлетъ и занялъ его мѣсто.

— Пойдемъ-те!—въ первый разъ обмолвился словомъ, стоявшій на

*

посту въ нѣмомъ созерцаніи происходившаго предъ нимъ, полицейскій стражъ, обращаясь къ Перепелкину.

— Куда? зачѣмъ?—удивился Перепелкинъ.

— Извѣстно куда—въ кварталъ, а тамъ ужъ разберутъ.

— Бросьте, Савва Саввичъ,—толкаетъ Перепелкина сзади клинскій чиновникъ.

— Нѣтъ, теперь ужъ поздно: публика собралась,—въ голосъ заговорили оба полиціанта.

Перепелкинъ отправился.

— Стрижъ, стрижъ! замарашка, замарашка!—кричали лабазники, пока онъ съ полиціантомъ не завернулъ за уголъ. Перепелкинъ оглянулся: ни клинскаго чиновника, ни титулярнаго совѣтника не видать: «И оставиша мя вси присные мои»,—подумалъ онъ.

Кварталъ былъ не близко. Когда они туда пришли, онъ былъ введенъ въ дежурную комнату, гдѣ, одинъ, сидѣлъ на подоконникѣ молодой человѣкъ въ форменной одеждѣ и внимательно разсматривалъ свои ногти.

Полиціантъ объяснилъ, что трунили-де лабазники и мясники надъ титулярнымъ совѣтникомъ Гречухинымъ, а онъ-де вступился и собралъ толпу.

Перепелкинъ принялся было горячо, по обыкновенію, излагать это дѣло, но чиновникъ, выславъ полиціанта изъ комнаты и приперевъ за нимъ дверь, взялъ Перепелкина за руку и спросилъ: вы фамиліи своей не говорили будочникамъ? Они васъ не знаютъ лично? и на отрицательный отвѣтъ быстро проговорилъ, не безъ видимаго участія: изъ вашей жалобы ничего не выйдетъ, кромѣ задержки для васъ дня на три, и при томъ здѣсь, вмѣстѣ съ арестантами, а потому совѣтую вамъ, не теряя ни минуты, уходить вотъ сюда—онъ указалъ другой выходъ,—и безъ оглядки улепетывать къ себѣ домой, да при томъ же другими улицами, а не тѣми, гдѣ васъ видѣли. Онъ всталъ и отворилъ дверь. Перепелкину ничего не оставалось дѣлать, какъ прошмыгнуть оттуда.

Когда онъ прибылъ въ квартиру, клинскій чиновникъ, страха ради Іудейска, собравшійся совсѣмъ ужъ уѣзжать, даже руками всплеснулъ, при видѣ его.

— Какъ это вы такъ счастливо отдѣлались?—воскликнулъ онъ, кидаясь навстрѣчу Перепелкину.

— Нѣтъ, какъ это вы такъ не по-товарищески улизнули, оставивъ меня одного въ рукахъ полицейскихъ?

— Отецъ родной, пощадите меня! У меня срокъ отпуска на исходѣ, а съ полицейскими только свяжись, особенно еще здѣсь, въ столицѣ, то и чрезъ недѣлю не раздѣлаешься, да еще и выйдешь ли сухъ изъ

воды. Вотъ что!—прибавилъ онъ и очень былъ удивленъ, когда Перепелкинъ ему сообщилъ о такомъ отеческомъ совѣтѣ полицейскаго дежурнаго.

— Ну, это что-то диковинное съ вами произошло,—говорилъ клинскій чиновникъ, разводя руками отъ удивленія: тутъ кроется непремѣнно какое-то недоразумѣніе, потому что великодушныхъ или благодушныхъ полицейскихъ чиновниковъ нѣтъ у насъ и не можетъ быть: или онъ думалъ, что вы за это сунете ему что-нибудь въ руку, или же, видя, что имѣетъ дѣло съ горячимъ человѣкомъ, самъ струсилъ, какъбы въ самомъ дѣлѣ и для участника не вышло чего опаснаго изъ этой исторіи, потому что, я вамъ говорю, человѣкъ, участливый къ людямъ, не пойдетъ служить въ полицію, а если и пойдетъ, то его скоро оттуда выживутъ, а то и самъ уйдетъ: нервы не вынесутъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія Михаила Чайковскаго [1]).

(Садыкъ-паша).

Такъ какъ я пишу для своихъ близкихъ, а не для публики, то я разскажу здѣсь нѣкоторые эпизоды польскихъ ухищреній противъ меня, нерѣдко весьма комичныхъ.

Въ первомъ казацкомъ полку служилъ офицеръ Деверне, принявшій исламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имя Мехмедъ-Садыкъ, т. е. то самое имя, какое я носилъ между турками. Это былъ весьма порядочный и ловкій офицеръ, молодой и необыкновенно красивый; онъ любилъ общество женщинъ, забывался въ немъ совершенно, и онѣ дѣлали съ нимъ, что хотѣли. Однажды, въ праздникъ Божія Тѣла, я получаю отъ сестры милосердія Изабеллы Домбровской просьбу командировать взводъ казаковъ въ полной парадной формѣ на церковную церемонію, и чтобы этимъ взводомъ командовалъ непремѣнно поручикъ Деверне, мусульманинъ, что это будетъ доказательствомъ религіозной терпимости турокъ и произведетъ самое хорошее впечатлѣніе на европейскую католическую публику. Сестра Изабелла была полька, весьма пріятная особа, но я не зналъ еще, въ то время, что она состояла въ тѣсной политической дружбѣ съ барономъ Окшей. Я поспѣшилъ сообщать ея желаніе военному министру и получилъ разрѣшеніе удовлетворить ея просьбу.

Деверне, нарядившись въ мундиръ съ иголочки, явился куда ему было приказано. Послѣ церемоніи онъ былъ приглашенъ къ сестрѣ Изабеллѣ и встрѣтилъ у нея нѣсколько кокетливыхъ и смазливенькихъ полекъ-католичекъ. Ихъ пріятныя улыбки и сладкія рѣчи сдѣлали свое дѣло: послѣ пріема у сестры Изабеллы, Деверне отрекся

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1904 г.

отъ ислама, исповѣдался и причастился въ костелѣ передъ взводомъ своей команды и въ присутствіи многочисленной публики, а на слѣдующій день во французской газетѣ появилась замѣтка слѣдующаго содержанія: «Mehmed-Sadyk est rentré dans le giron de l'église catholique Apostolique Romaine. La cérémonie a eu lieu hier à l'église de St.-Benoit à Galata» [1]).

Не успѣлъ я хорошенько прочесть эту статейку, какъ ко мнѣ стали являться съ визитами и поздравленіями разные католики, и въ то же время явилась депутація офицеровъ казацкаго полка съ формальнымъ прошеніемъ удалить изъ полка Деверне за это непростительное оскорбленіе ислама и власти султана, которому мы служили и отъ котораго получали благодѣянія. Я принужденъ былъ поѣхать съ объясненіемъ къ военному министру, гдѣ много смѣялись по поводу этого образчика монастырской католической дипломатіи, но всѣ рѣшили единогласно, что эта выходка была внушена барономъ Окшей. Бѣдный Деверне принужденъ былъ выйти изъ полка, и мнѣ не оставалось ничего, какъ выхлопотать ему мѣсто въ гражданской службѣ, чтобы доставить ему средства къ жизни. Польки только посмѣялись надъ его легкомысліемъ, но ничего для него не сдѣлали.

До прибытія въ Турцію коммиссаровъ и агентовъ варшавскаго невѣдомаго правительства 1863 г., я находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ западною дипломатіей. Мнѣ удавалось неоднократно располагать ее въ пользу славянъ и оказывать чрезъ нее непосредственно или при ея содѣйствіи добрыя услуги славянамъ, что входило въ программу моей политической дѣятельности. Я покровительствовалъ католической миссіи въ Турціи, во главѣ коей стоялъ ксендзъ Карлъ Каченовскій, бывшій храбрый капитанъ конной артиллеріи, съ которымъ мы воевали когда-то вмѣстѣ, но я повторялъ ему постоянно, что религіозная пропаганда ни къ чему не поведетъ, что она вредна славянству и отвращаетъ славянъ отъ поляковъ. Я доказывалъ, что было бы цѣлесообразнѣе не жалѣть стараній на организацію учебныхъ заведеній, какъ это дѣлаютъ отцы-лазаристы въ Бебекѣ и братья христіанскихъ школъ въ Галатѣ [2]). По просьбѣ Каченовскаго я оказывалъ покровительство болгарскому уніатскому епископу Рафаилу,

---

[1]) Мехмедъ-Садыкъ возвратился въ лоно католической апостольской церкви; церемонія состоялась вчера, въ церкви св. Бенедикта въ Галатѣ.

[2]) Вѣроятно, авторъ разумѣетъ такъ называемыхъ fratres scholarum piarum, или орденъ піаровъ, главную задачу котораго, по уставу, составляетъ учрежденіе школъ и забота о доставленіи воспитанія въ духѣ христіанскаго благочестія.

но заявлялъ обоимъ откровенно, что я противникъ всякой религіозной пропаганды въ Болгаріи и другихъ славянскихъ земляхъ, при чемъ не дѣлаю никакого различія между пропагандой уніи и латинскаго католицизма.

Въ моментъ моего прибытія въ Константинополь, у кормила правленія не было государственныхъ людей лично знакомыхъ съ княземъ А. Чарторыйскимъ или поддерживавшихъ съ нимъ сношенія.

У власти былъ Хассанъ-Риза-паша, любимецъ еще султана Махмуда, назначенный сыномъ его Абдулъ-Меджидомъ саркъ-сераскиромъ, или джихамъ-сераскиромъ (сераскиръ сераскировъ, сераскиръ міра), т. е. въ званіи, которое дѣлало его военнымъ министромъ и главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ Оттоманской имперіи. Онъ правилъ государствомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Молодой султанъ питалъ къ нему безграничное довѣріе. Общественное мнѣніе считало его архи-гордымъ и противникомъ европейцевъ и ихъ цивилизаціи, всѣми средствами стремившимся освободиться отъ вліянія и опеки европейской дипломатіи.

Англія ненавидѣла его, никто изъ дипломатовъ не любилъ его, но турки предъ нимъ трепетали. Я рѣшилъ представиться ему безъ всякой рекомендаціи и отправился къ нему въ сопровожденіи драгомана изъ уроженцевъ Алеппо. Самъ я по-турецки не понималъ ни слова.

Онъ принялъ меня вѣжливо, я прямо сказалъ ему, что я полякъ, пріѣхалъ работать политически во славянствѣ на пользу польскаго дѣла, и такимъ образомъ могу служить Турціи и быть ей полезенъ. Онъ смѣрилъ меня взглядомъ съ головы до ногъ и спросилъ, чѣмъ я былъ въ Польшѣ: министромъ или корпуснымъ командиромъ? Я отвѣтилъ, что казацкимъ поручикомъ въ полку, который носилъ названіе Волынскаго коннаго полка.

Паша улыбнулся и прибавилъ: «Имѣете ли вы по крайней мѣрѣ въ карманѣ сто тысячъ солдатъ?»

— Не имѣю, но могу имѣть, если Порта позволитъ мнѣ дѣйствовать и поддержитъ мою дѣятельность.

Тутъ я началъ излагать ему свои взгляды на польско-славянскую политику въ связи съ турецкой. Въ то время въ Константинополѣ находились сербскіе сановники: Абрамъ Петроневичъ, Вучичъ, Стоянъ Симичъ, Илья Гарашанинъ и другіе, изгнанные изъ отечества княземъ Михаиломъ Обреновичемъ. Русское посольство не привлекало ихъ къ себѣ, но было не прочь, чтобы они сами искали сближенія съ нимъ.

Сербы же не знали, у кого искать покровительства, но очевидно содрогались при мысли броситься въ объятія турокъ. Я доказывалъ,

что было бы большою политическою побѣдой, еслибъ изгнанники открыто отдались подъ покровительство и въ распоряженіе Оттоманской Порты, какъ своей верховной повелительницы. Риза-паша слушалъ меня весьма внимательно, требовалъ объясненій по многимъ предметамъ и наконецъ спросилъ, знаю ли я этихъ сербовъ. Я отвѣчалъ, что знаю. Тогда онъ сказалъ:

«Я кота въ мѣшкѣ не покупаю. Дѣлайте дѣло съ сербами; когда сдѣлаете, тогда мы поговоримъ съ вами и посмотримъ, что дѣлать».

Переговоры съ сербами были удачны; они отдались подъ покровительство Оттоманской Порты, какъ вѣрные вассалы султана. Риза-паша пригласилъ меня къ себѣ и, привѣтствуя меня при входѣ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Теперь мы съ вами союзники. Дѣлайте, что хотите; я вамъ во всемъ помогу».

И онъ свято сдержалъ слово до самаго конца моего пребыванія въ Турціи.

Знакомство съ Риза-пашой, начавшееся при столь необычной обстановкѣ, было для меня весьма полезно въ моихъ сношеніяхъ съ французскимъ посольствомъ, съ лазаристами и даже впослѣдствіи со славянами; ибо я являлся уже въ ихъ глазахъ не просителемъ, а лицомъ, которое вело съ ними переговоры, какъ равный съ равными.

Я объявилъ французскому посланнику и отцамъ-лазаристамъ рѣшительно, что я отнюдь не буду поддерживать религіозной католической пропаганды между славянами и даже не стану вмѣшиваться въ это дѣло. Баронъ де-Буркенэ и отецъ Лелу вполнѣ одобрили это. Мы дѣйствовали совмѣстно на этой почвѣ много лѣтъ съ пользой для польскаго дѣла и для славянъ и не безъ выгоды для Турціи и для Франціи.

Меня безпокоило нѣсколько лишь слѣдующее соображеніе. Отношенія эти, согласныя съ моими политическими убѣжденіями, установились благодаря умнымъ, практическимъ, чуждымъ фанатизма людямъ, каковы были г.г. де-Буркенэ, Лелу и Антоній Аллеонъ. «Но что я буду дѣлать съ другими людьми, думалъ я, которые могутъ занять ихъ мѣста, если они будутъ болѣе фанатичны, не будутъ въ состояніи понять моей политики и станутъ требовать, чтобы я поддерживалъ религіозную пропаганду западно-католической церкви?» Я рѣшилъ, что въ такомъ случаѣ мнѣ придется порвать съ ними всякія отношенія, ибо оградить себя отъ ихъ требованій мнѣ было бы немыслимо. Событія благополучно устранили однако съ моего пути эту опасность.

Старецъ Неофитъ, болгарскій попъ, извѣстный учебниками для болгарскихъ и сербскихъ школъ, а еще болѣе своей идеей создать болгарскую народную церковь, освободить ее отъ гнета греческой вселенской патріархіи, будучи преслѣдуемъ, бѣжалъ въ Сербію, откуда

онъ обратился ко мнѣ съ просьбой оказать ему защиту, при чемъ посредникомъ между нами былъ Абрамъ Петроневичъ.

У Риза-паши я выхлопоталъ для этого достойнаго священника оффиціальное разрѣшеніе прибыть въ Константинополь, а для большей безопасности выпросилъ ему у ксендза Лелу дозволеніе жить въ принадлежащемъ лазаристамъ монастырѣ Св. Бенедикта въ Галатѣ. При этомъ я поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ никто не безпокоилъ католическою пропагандой этого достойнаго болгарскаго священника, полагавшаго первый камень болгарской народной церкви. Видя личность отца Неофита столь обезпеченной, другіе болгары стали группироваться около него, въ томъ числѣ отецъ Иларіонъ, человѣкъ способный, энергичный, который, уже по признаніи болгарской церкви, сдѣлался архіепископомъ въ Тырновѣ, древней болгарской столицѣ, гдѣ и скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Такимъ образомъ началась борьба изъ-за православной болгарской церкви. Польская агентура князя Адама Чарторыйскаго была ея первою покровительницею. Эта же агентура поставила дѣло такъ, что и католическая Франція волей неволей поддерживала православіе въ Болгаріи. Мнѣ это было весьма на руку; я получилъ возможность отражать напоръ неразумной пропаганды польскихъ католиковъ и дѣйствовать энергично и согласно съ моею политическою программой.

Почти въ то же самое время старообрядцы въ Россіи, подвергаясь гоненію, лишенные епископовъ, выслали изъ Бѣлой Криницы двухъ монаховъ, Павла и Олимпія, искать православнаго епископа, который согласился бы принять старообрядчество и сдѣлаться митрополитомъ. Предварительно они получили за хорошій подарокъ согласіе стараго митрополита, что если найдется такой епископъ, то онъ будетъ признанъ австрійскимъ правительствомъ. Некрасовцы, съ которыми, сейчасъ по пріѣздѣ въ Турцію, я завелъ знакомство и завязалъ тѣсныя политическія отношенія, привезли этихъ двухъ посланцевъ прямо ко мнѣ. При содѣйствіи боснійскаго францисканца ксендза Филиппа Пашалича и босняка Мустафы-паши-Бабича, я отыскалъ епископа Амвросія, который долгое время архіерействовалъ въ Босніи; онъ согласился на предложенныя ему монахами условія и съ даннымъ ему мною въ секретари сербомъ Огняновичемъ, человѣкомъ необыкновенно умнымъ и честнымъ, отправился въ сопровожденіи обоихъ монаховъ въ Бѣлую Криницу. Такимъ образомъ я, или агентура князя Адама Чарторыйскаго сдѣлалась покровительницей старообрядческой церкви на Востокѣ, и я получилъ юридическое, логическое и политическое основаніе защищать и поддерживать православіе въ славянскихъ земляхъ. Я продолжалъ дѣйствовать въ этомъ духѣ до того момента, когда настоянія императора Николая объ удаленіи меня изъ Турціи не побу-

дили султана Абдулъ-Меджида предложить мнѣ принять имя мусульманина и турецкое подданство и остаться на его службѣ.

Я сталъ мусульманиномъ изъ признательности и преданности къ султану и туркамъ, которые сдѣлали мнѣ столько добра, а также для того, чтобы не потерять плоды моей дѣятельности, ибо смѣло могу сказать, что польское имя и польская дѣятельность между славянами на Востокѣ стала настоящей силой, и лестное обаяніе окружило особу князя Адама Чарторыйскаго и его политику, которая упрочила его вліяніе на западѣ.

Въ этотъ второй періодъ моей дѣятельности на Востокѣ, не забывая ни о полякахъ, ни о польскомъ дѣлѣ, я опирался на казачество, надѣясь на пробужденіе воинственныхъ чувствъ между славянами, на примиреніе ихъ съ султаномъ, на сближеніе мусульманъ со славянами и даже, до нѣкоторой степени, на отуреченіе этихъ послѣднихъ. Выполненіе политической программы князя Адама Чарторыйскаго было ввѣрено графу Владиславу Косцельскому, человѣку весьма способному, понимавшему славянство и Востокъ, имѣвшему прекрасныя связи въ свѣтѣ и въ дипломатическомъ кругу. Не знаю почему, но веденіе этой политики перешло вскорѣ въ руки польскаго эмигранта Владислава Іордана, я не слѣдилъ за ходомъ этой политики подъ руководствомъ Іордана; я былъ въ то время на боевой линіи съ казацкими сотнями, но я слышалъ, что всѣ отношенія, которыя были завязаны княземъ Чарторыйскимъ въ южно-славянскихъ земляхъ, въ Румыніи и на всемъ турецкомъ Востокѣ, порвались одно за другимъ.

Въ эпоху войны 1854 года дѣятельность польскихъ католиковъ открылась выпиской нѣсколькихъ ксендзовъ-поляковъ и требованіемъ, чтобы я назначилъ ихъ капелланами въ казацкія сотни. Находившійся подъ моимъ начальствомъ отрядъ казаковъ состоялъ тогда изъ регулярнаго полка въ шесть эскадроновъ и иррегулярнаго своднаго полка, сформированнаго изъ некрасовцевъ, старообрядцевъ и раскольниковъ. За исключеніемъ шестидесяти съ небольшимъ поляковъ и такого же числа другихъ иновѣрцевъ, большинство казаковъ, всего до 1.500 человѣкъ, принадлежали къ православной церкви. На знамени регулярнаго полка, который, по смыслу султанскаго фирмана, долженъ былъ служить символомъ возрожденія Запорожскаго войска, находились золотой крестъ православной церкви на серебряномъ полѣ и серебряный полумѣсяцъ на пурпуровомъ полѣ. Это было то самое знамя, которое получилъ гетманъ Дорошенко, отдавшійся подъ власть султана, заключивъ союзъ съ Турціей. Это знамя было выдано мнѣ изъ патріархіи вмѣстѣ съ письменнымъ свидѣтельствомъ о его подлинности, скрѣпленнымъ подписями и печатями двѣнадцати епископовъ и патріарха. Это была грамота, данная полку, на право называться стариннымъ Запорожскимъ

войскомъ короля польскаго и Рѣчи Посполитой, его традиціонный символъ.

Католики хотѣли, чтобы я замѣнилъ крестъ восточной церкви крестомъ церкви западной и перекрестилъ православныхъ въ католическую вѣру. Это практиковалось позже, по сформированіи втораго казацкаго полка и переходѣ его на содержаніе и подъ власть Англіи. Казаковъ крестили въ католическую вѣру, перемѣняли имъ имена и прозвища. Одинъ изъ такихъ перекрещенцевъ, на вопросъ Адама Мицкевича, какъ его зовутъ, отвѣчалъ: «Во святомъ, христіанскомъ, крещеніи Борисъ Золотухинъ, а въ крещеніи графа Замойскаго—Янъ Злотницкій».

Я наотрѣзъ отказался исполнить столь неполитическое и смѣшное требованіе. Въ большихъ городахъ Турціи почти вездѣ были католическіе костелы и священники этого исповѣданія, а во всѣхъ селахъ православныя церкви съ приходскими священниками; слѣдовательно, въ исполненіи религіозныхъ требъ не встрѣчалось ни малѣйшаго затрудненія. Такимъ образомъ въ моемъ отрядѣ не было ни католическихъ, ни православныхъ священниковъ; былъ только казенный имамъ для служившихъ въ полку нѣсколькихъ помаковъ и босняковъ мусульманъ, да дьяконъ, въ сотняхъ некрасовцевъ, который читалъ часы и молитвы и исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности войсковаго писаря.

Другою попыткою въ томъ же родѣ со стороны католиковъ была подача главнокомандующему Омеръ-пашѣ мемуара, въ коемъ, послѣ преувеличенныхъ похвалъ моимъ дипломатическимъ и «даже поэтическимъ» способностямъ, предлагалось назначить мнѣ въ помощники или замѣстители католика изъ прусскихъ военныхъ, близко знакомаго съ мелочами европейскаго военнаго быта, которыя не могли быть мнѣ хорошо извѣстны. Предложеніе мотивировалось тѣмъ, что это было бы весьма полезно для новой военной организаціи, облегчило бы мои труды и послужило бы ободреніемъ для поляковъ, которымъ было бы лестно видѣть при мнѣ послѣдователя западно-католической церкви. При этомъ замѣстителѣ долженъ былъ состоять его личный капелланъ съ викаріемъ или помощникомъ. Турецкіе сановники много смѣялись подъ этимъ маневромъ, и записка была препровождена имъ для пріобщенія къ дѣламъ.

Послѣ этихъ двухъ нападковъ со стороны католиковъ и по оборонѣ Силистріи, за каковую предъ фронтомъ всего войска приказано было прочесть благодарственный фирманъ султана казакамъ и мнѣ за нашу отличную и полезную службу, съ засвидѣтельствованіемъ Омеръ-паши, что мы были «ухомъ, окомъ и рукой» султанскаго войска, совершился нашъ переходъ на лѣвый берегъ Дуная. Здѣсь произошла

кавалерійская стычка подъ Журжевомъ, при чемъ десять сотенъ, казаковъ, отрядъ пѣхоты и кавалеріи принудили четыре полка русской конницы отступить изъ подъ Слободзи въ лагерь подъ Фратешти, и удержали его тамъ съ самаго утра до наступленія ночи, давъ Омеръ-пашѣ время укрѣпить предмостный шанцъ, безъ чего турецкое войско не могло бы перейти на Румынскій берегъ.

Англійскій агентъ Симонсъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ не расположенный къ полякамъ, и вслѣдствіе того бывшій со мною не въ хорошихъ отношеніяхъ, въ своемъ рапортѣ въ Лондонъ слѣдующимъ образомъ отозвался объ этой стычкѣ: «чтобы судить о казакахъ Садыкъ-паши, надобно видѣть ихъ въ дѣлѣ». За эту стычку я получилъ Меджидіе на шею, а офицерамъ и солдатамъ Омеръ-паша и турецкое войско дали банкетъ въ Журжевѣ.

Дня за два до этой стычки пріѣхалъ въ мой лагерь графъ Вл. Замойскій. При встрѣчѣ со мною онъ бросился въ мои объятія и сказалъ: «я ничего не сдѣлалъ и ничего не могу сдѣлать. Я знаю ваше польское сердце; дѣлайте для Польши, что хотите и знаете, распоряжайтесь мною какъ вамъ угодно».

Я поцѣловалъ его отъ всего сердца и, не дѣлая никакихъ ему упрековъ; сказалъ: «будемте трудиться вмѣстѣ, согласно, больше для Польши и меньше для католицизма, который обойдется и безъ нашей помощи; тогда можетъ быть мы и сдѣлаемъ что-нибудь хорошее».

Омеръ-паша былъ такъ нами доволенъ, что повторялъ мнѣ нѣсколько разъ, чтобъ я требовалъ чего пожелаю, а онъ все исполнитъ. Я просилъ о сформированіи другаго полка казаковъ съ назначеніемъ графа Вл. Замойскаго организаторомъ этого полка. Омеръ-паша телеграфировалъ въ Константинополь, и чрезъ нѣсколько дней пришло султанское ираде, разрѣшавшее сформировать второй полкъ съ тѣмъ, чтобы онъ, такъ же какъ и первый, находился подъ моимъ непосредственнымъ начальствомъ.

Организація началась тотчасъ въ Рущукѣ. Императоръ Наполеонъ III далъ на этотъ полкъ полный комплектъ обмундированія, конской сбруи и оружія, а Турція дала хорошихъ коней.

Все шло хорошо, но вскорѣ организаторъ уѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ, давъ своему преемнику приказъ не спѣшить окончаніемъ организаціи, чтобы не пойти вмѣстѣ съ православнымъ полкомъ сражаться за Польшу.

Въ Лондонѣ графъ Замойскій успѣлъ перевести второй казацкій полкъ на содержаніе Англіи съ присоединеніемъ его къ турецко-англійскому контингенту. Въ ираде, разрѣшавшемъ эту перемѣну, было сказано, что если первый и иррегулярный полки захотятъ перейти на такое же положеніе, то это будетъ имъ разрѣшено. Но эти два полка

отвергли предложеніе продать за англійскіе фунты военный народный бытъ и отступиться отъ народныхъ историческихъ знаменъ.

Награждая этотъ поступокъ, султанъ повелѣлъ причислить казацкій полкъ къ постоянному контингенту другихъ турецкихъ полковъ съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ и привилегій этихъ послѣднихъ и съ сохраненіемъ за нимъ наименованія и преимуществъ Запорожскаго войска.

Это ясно показывало, что переходъ полка графа Замойскаго на содержаніе Англіи не понравился ни султану, ни Оттоманской Портѣ.

Послѣдствіемъ этого перехода было, что этотъ второй казацкій полкъ утратилъ прежде всего свое названіе, которое сближало его съ православіемъ и славянствомъ, и былъ раздѣленъ на два кавалерійскихъ и три пѣхотныхъ полка съ артиллеріей, которые были наименованы: первый—линейнымъ пѣхотнымъ полкомъ, второй—коннымъ стрѣлковымъ, третій—пѣхотнымъ стрѣлковымъ, четвертый—линейно-пѣхотнымъ. Солдаты были старые, польскіе солдаты, прошедшіе хорошую военную школу, офицеры все отборные изъ польскихъ войскъ, которыми командовалъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Это былъ прекрасный отрядъ; графъ Замойскій былъ назначенъ его командиромъ въ чинѣ дивизіоннаго генерала. Но англійская власть не дозволила ему имѣть знамя съ польскимъ орломъ и литовскимъ всадникомъ и даже предписала, чтобы дѣловая переписка велась на англійскомъ, а не на польскомъ языкѣ.

Полкамъ были розданы особыя полевыя знамена въ родѣ тѣхъ, какія англійское правительство даетъ индійскимъ сипаямъ или давало лицамъ, составлявшимъ наемное войско во время войнъ съ Наполеономъ I.

Но все же это была могучая сила и надежда для польскаго дѣла. Матеріально дивизія ни въ чемъ не нуждалась. Англійское и французское правительства обильно снабжали ее всѣмъ, что было нужно; турецкое правительство также не отказывало ни въ чемъ; изъ Польши деньги текли, какъ говорится, рѣкой. Магазины были такіе, что ихъ хватило бы на цѣлый корпусъ.

Въ отношеніи матеріальномъ дивизія была сразу поставлена въ положеніе противоположное тому, въ какомъ находились казацкіе полки, бывшіе подъ моимъ предводительствомъ. То же самое можно сказать до нѣкоторой степени про нихъ и въ отношеніи моральномъ и военно-интеллигентномъ.

Турецкое правительство, бывшее тогда въ критическомъ финансовомъ положеніи, не могло поставлять для моего отряда все нужное ни во-время, ни въ должномъ количествѣ; по качеству же все было отвратительное. Императоръ Наполеонъ III прислалъ оружіе и обувь для

офицеровъ, и только этихъ предметовъ и было достаточно. Казацкая организація, отъ начала и во все время ея существованія, не получила изъ Польши и отъ поляковъ ни полушки. Католицизмъ не позволялъ поддерживать православныхъ, шедшихъ въ бой за польское дѣло, или служившихъ польскому дѣлу.

За то нашу организацію всюду поддерживали своими дарами бояре Молдавіи и Валахіи, чорбаджіи, болгары и нѣкоторые греки изъ духовенства и купечества. Такимъ образомъ казаки ни въ чемъ не нуждались: они были одѣты и вооружены не только красиво, но даже великолѣпно, и сидѣли на добрыхъ коняхъ.

Регулярный полкъ моего отряда состоялъ исключительно изъ казаковъ; полкъ иррегулярный изъ охотниковъ, принадлежавшихъ по именному происхожденію къ тридцати одной народности, по большей части изъ людей, которые на первыхъ порахъ не имѣли ни малѣйшаго представленія о военной службѣ. Что касается моральнаго настроенія этихъ охотниковъ, то достаточно сказать, что между ними было до ста славянскихъ гайдуковъ (разбойниковъ), выпущенныхъ изъ турецкихъ тюремъ, по заявленію, что они хотятъ служить султану въ войскѣ, въ казакахъ. Это были болгары, сербы, черногорцы и босняки.

Было нѣсколько офицеровъ изъ польскаго войска 1831 года, столько же изъ русскаго, а остальные—молодежь изъ такъ называемаго венгерскаго войска, люди усердные, дѣльные, но оставлявшіе многаго желать въ отношеніи военной выправки и знанія военнаго дѣла.

И въ то время какъ этотъ полкъ, при такихъ недостаткахъ и составленный изъ такихъ элементовъ, служилъ какъ во время войны, такъ и послѣ нея, въ гражданскомъ и въ военномъ отношеніи образцомъ для всей арміи, польская дивизія генерала Замойскаго теряла время въ молитвахъ, во враждѣ и внутреннихъ интригахъ, а подъ конецъ кавалерія возстала противъ своихъ начальниковъ и потребовалось призвать турецкое войско для усмиренія бунта.

Графъ Влад. Замойскій несомнѣнно былъ выдающійся политикъ и военный. Между всѣми нашими магнатами, которые умѣли и умѣютъ жертвовать для отечества личностью и достояніемъ, онъ былъ, говоря по совѣсти, безспорно первый и самый достойный. Но его ослѣпляли религіозный фанатизмъ и необъяснимая въ такомъ человѣкѣ ненависть къ православію; отсюда его отвращеніе къ славянству, недовѣріе къ нему и боязнь сношеній съ нимъ.

Такъ какъ я пишу эти замѣтки для моихъ дѣтей и внуковъ, а не для печати, то я считаю себя вправѣ опровергнуть мнѣніе, распространенное на мой счетъ въ Турціи, въ самомъ началѣ моей политической карьеры, моими политическими и религіозными противниками

поляками, безъ сомнѣнія съ цѣлью ослабить этимъ довѣріе, которое оказывали мнѣ турецкое правительство и мои подчиненные.

За мной признавали способности дипломата, поэта, но отнюдь не военнаго, а когда не удалось доказать это на дѣлѣ, такъ какъ факты говорили за меня и свидѣтельствовали противное, то мои успѣхи на этомъ поприщѣ были приписаны удачѣ, слѣпому счастью.

По возвращеніи моемъ въ Россію, на меня посыпались подобнаго рода инсинуаціи въ журналахъ и частныхъ письмахъ, а въ Галиціи меня обвиняли даже въ томъ, что во время моего пребыванія въ Турціи султанъ Абдулъ-Азисъ поручилъ мнѣ инспектированіе и завѣдываніе арсеналами Турецкой имперіи (что, между прочимъ, никогда не было мнѣ поручено) и будто я вошелъ въ соглашеніе съ русскимъ посланникомъ и въ одинъ прекрасный день передалъ ему всѣ орудія изъ турецкихъ арсеналовъ Топхане и Цейтунъ-бурну, въ Константинополѣ и будто бы орудія эти были отправлены на русскихъ судахъ въ Одессу, а бѣдный султанъ лишился такимъ образомъ почти всей своей артиллеріи: тогда баронъ Окша, Іорданъ и Лонгевичъ, движимые патріотизмомъ, взялись доставить султану Крупповскія пушки, чтобы пополнить его артиллерію. Я слышалъ даже, что одна полька, занимающая высокое положеніе по своему происхожденію и горячая патріотка, горько оплакивала подобный поступокъ съ моей стороны. Я написалъ ей, чтобы она успокоилась на этотъ счетъ, такъ какъ въ Турціи мнѣ никогда не поручали ни инспектированія, ни завѣдыванія арсеналами и, уѣзжая изъ этой страны, я не увезъ съ собою никакого оружія кромѣ сабли, наслѣдованной мною отъ отца и которую я передалъ не въ русскіе арсеналы, а моему сыну, служащему нынѣ въ русской арміи.

Одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Турцію, какъ политическое государство, заключается въ томъ, что болгары, вмѣсто того чтобы служить въ рядахъ ея войска, что было вполнѣ возможно послѣ восточной войны, были вынуждены перейти въ ряды оппозиціи и приняли участіе въ возстаніи, которое подорвало могущество Турецкой имперіи и султана.

Отвѣтственность за эту капитальную политическую ошибку, ибо иначе ее нельзя назвать, падаетъ не на турокъ, ибо многіе изъ нихъ понимали необходимость привлечь на службу христіанъ и славянъ и стремились къ достиженію этой цѣли; въ этомъ смыслѣ дѣйствовали султанъ Абдулъ-Меджидъ и его государственные дѣятели: Риза, Решидъ и Фуадъ-паша; доказательствомъ этого была казацкая организація, существовавшая подъ ихъ покровительствомъ семнадцать лѣтъ.

Но всѣ ихъ намѣренія были парализованы совѣтами посланниковъ и нерѣдко протестами западныхъ кабинетовъ, въ особенности англійскаго и австро-венгерскаго.

Вслѣдствіе сдѣланнаго мною турецкому правительству предложенія, появился ираде или указъ султана, коимъ повелѣвалось организовать казацкій полкъ съ тѣмъ, чтобы всякій славянинъ, подданный султана, имѣлъ право поступить въ него волонтеромъ.

Прослуживъ положенныя пять лѣтъ, онъ освобождался отъ службы и пользовался, наравнѣ съ мусульманами, всѣми гражданскими и политическими правами. Даже въ самомъ началѣ число волонтеровъ-поляковъ въ полку было не велико; двѣ трети его составляли болгары, среди которыхъ желаніе носить саблю и военный мундиръ было такъ велико, что менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли было сформировано два эскадрона исключительно изъ волонтеровъ-болгаръ.

Все время, пока существовали эти полки, не было недостатка въ волонтерахъ-болгарахъ, которые являлись сами, не ожидая офицера-вербовщика. Я былъ даже вынужденъ отказывать многимъ, чтобы не превысить норму, опредѣленную для наличнаго состава войска.

Омеръ-паша, къ которому жители часто обращались съ жалобою по поводу того, что въ полкахъ не было вакансій, доложилъ объ этомъ военному министру Риза-пашѣ, и послѣдній приказалъ не отказывать волонтерамъ и разрѣшилъ увеличить составъ полковъ съ 1.200 до 1.600 человѣкъ, сказавъ, что слѣдуетъ поощрять рвеніе славянъ служить султану въ рядахъ турецкаго войска, но впослѣдствіи составъ турецкихъ кавалерійскихъ полковъ былъ уменьшенъ до 750 чел. Мехмедъ-Руджи-паша, бывшій въ то время военнымъ министромъ, человѣкъ, въ высшей степени достойный и преданный своему отечеству, но не одобрявшій того, что въ турецкомъ войскѣ служили христіане, писалъ мнѣ по этому поводу, что хотя новый законъ касался также казацкихъ полковъ, но, принимая во вниманіе ихъ доблесть и оказанныя ими услуги, имъ будетъ выдаваться по его распоряженію жалованіе и паекъ не по новому положенію о кавалерійскихъ полкахъ, а по числу солдатъ, находившихся въ тотъ моментъ на службѣ.

Многіе солдаты оставались на службѣ по выслугѣ установленнаго срока и имъ было предоставлено впослѣдствіи право на пенсію по выслугѣ опредѣленнаго числа лѣтъ.

Выходившіе въ отставку казаки получали мѣста при желѣзной дорогѣ, телеграфѣ. Митхадъ-паша, бывшій губернаторомъ придунайской провинціи, принялъ многихъ отставныхъ казаковъ въ мѣстное жандармское управленіе и былъ очень доволенъ ими. Во время смутъ, бывшихъ въ этой провинціи, никто изъ отставныхъ солдатъ не принималъ въ нихъ участія; напротивъ того, они, своимъ присутствіемъ, нерѣдко

удерживали турокъ отъ противузаконныхъ поборовъ и имѣли также большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ-болгаръ; я не разъ былъ свидѣтелемъ этого; сами турки отдавали имъ полную справедливость. Вмѣстѣ съ христіанами служило въ казацкомъ войскѣ до сотни мусульманъ-босняковъ, помаковъ и др., всѣ они жили дружно, не выказывая ни малѣйшаго фанатизма и нетерпимости.

Казацкіе полки помѣщались рядомъ съ турецкими мусульманскими полками и несли одинакія съ ними обязанности какъ на сборныхъ пунктахъ, такъ и въ большихъ городахъ, гдѣ они занимали гарнизоны. Между ними никогда не возникало ссоръ; на Пасху солдаты-мусульмане приглашались нерѣдко за столъ къ своимъ товарищамъ-христіанамъ, а послѣдніе приглашались на мусульманскій праздникъ Байрама.

Въ 1856 г. я получилъ оффиціальное письмо отъ великаго визиря Решида-паши, въ которомъ, поздравляя меня съ примѣрнымъ поведеніемъ войскъ во время войны, онъ писалъ, что благодаря моимъ постояннымъ и неусыпнымъ заботамъ доказана возможность совмѣстной службы солдатъ мусульманъ и христіанъ, и что онъ видитъ въ этомъ самое лучшее средство къ уравненію ихъ правъ и къ рѣшенію вопроса объ ихъ политическомъ равенствѣ.

Военный министръ Риза-паша, производя въ 1866 г. смотръ гвардейскимъ полкамъ, отправляемымъ на Дунай въ составъ обсерваціоннаго корпуса, и замѣтивъ, что одинъ изъ офицеровъ, командовавшій дивизіономъ казацкаго полка, который стоялъ гарнизономъ въ Константинополѣ, желая, вѣроятно, выслужиться, сталъ командовать на турецкомъ языкѣ, подошелъ къ нему и приказалъ произносить командныя слова на славянскомъ языкѣ. Затѣмъ, обратившись къ посламъ и офицерамъ, стоявшимъ подлѣ него, онъ присовокупилъ:

«Я не желаю, чтобы въ турецкой арміи было двумя кавалерійскими полками болѣе, хотя бы эти полки были лучшіе въ мірѣ; это не имѣетъ значенія для войска, но правительство желаетъ, чтобы эти два полка сохранили свой славянскій характеръ, который составляетъ ихъ силу и оправдываетъ ихъ существованіе».

Великій визирь Фуадъ-паша зачислилъ двухъ болгаръ унтеръ-офицеровъ этого полка въ конвой султана и назначилъ къ нему ординарцами двухъ поляковъ, двухъ болгаръ и одного босняка православнаго исповѣданія. Имъ же былъ составленъ проектъ сформировать изъ христіанъ два новыхъ полка; проектъ этотъ былъ одобренъ султаномъ, но съ отъѣздомъ Фуадъ-паши за границу исполненіе его было отложено, а съ назначеніемъ военнымъ министромъ, по смерти Фуада-паши, Гуссейнъ-Авни-паши одержала верхъ политика враждебная христіанамъ и славянамъ, и всѣ эти планы были окончательно оставлены.

Все это доказываетъ, что многіе государственные люди Турціи понимали необходимость допустить мало-по-малу христіанъ къ службѣ въ турецкомъ войскѣ. Это было бы наилучшимъ средствомъ возстановить ихъ личное достоинство, приниженное многими лѣтами рабства.

Турецкое населеніе не выказывало къ этимъ полкамъ ни ненависти, ни антипатіи, точно такъ же, какъ и высшее мусульманское духовенство, относившееся къ нимъ гораздо болѣе безпристрастно, нежели католическое духовенство, которое не могло равнодушно видѣть эти полки, состоявшіе изъ православныхъ солдатъ.

Западные кабинеты отнюдь не хотѣли, чтобы христіане были допущены въ военную службу, и такъ какъ они не могли противиться этому открыто, то дѣйствовали окольными путями, намекая турецкому правительству на опасность даровать политическую равноправность одинаково побѣжденнымъ и побѣдителямъ, дозволивъ тѣмъ и другимъ носить оружіе. Турокъ побуждали къ судебнымъ реформамъ, къ преобразованію правъ поземельной собственности, къ реформѣ народнаго образованія и даже къ дарованію нѣкоторой свободы прессѣ, но умалчивали о военной службѣ, дающей извѣстныя права и преимущества, и даже старались всѣми силами удержать турецкое правительство отъ подобной реформы, въ чемъ я имѣлъ неоднократно случай убѣдиться во время моей многолѣтней дѣятельности на политическомъ поприщѣ въ Турціи.

Въ 1856 г., по заключеніи Парижскаго трактата, я представилъ оттоманскому правительству записку, въ которой доказывалъ, что обладаніе Румыніей Дунайскимъ устьемъ будетъ чрезвычайно невыгодно для Турціи, такъ какъ это дастъ нѣмцамъ и мадьярамъ поводъ завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ, и они будутъ стремиться къ достиженію этой цѣли, или при помощи колонизаціи, допущенной трактатами въ принципѣ, или стараясь поселить смуты между разноплеменнымъ населеніемъ Добруджи. Единственное средство предотвратить эту опасность заключалось, по моему мнѣнію, въ заселеніи острововъ Дунайскаго устья военнымъ элементомъ.

Эта мысль была одобрена султаномъ и его министрами, и меня командировали съ нѣсколькими офицерами, чтобы снять планъ этой мѣстности, намѣтить пункты для колонизаціи и переписать мѣстныхъ жителей казаковъ, подъ именемъ редифовъ или резервовъ казацкаго корпуса.

Добровольное зачисленіе казаковъ Добруджи въ резервъ совершилось весьма охотно и быстро; нѣсколько тысячъ казаковъ праваго и лѣваго берега Дуная внесли свои имена въ списки. Старовѣры, распущенные по окончаніи войны, вооружили добровольно, по моемъ пріѣздѣ,

сотню казаковъ, которая должна была сопровождать меня, предложивъ содержать эту сотню, во все время моего пребыванія у нихъ, безъ всякаго вознагражденія со стороны правительства.

Я не могъ разсчитывать въ этомъ случаѣ на содѣйствіе поляковъ, жившихъ въ Добруджѣ и по берегамъ Дуная, такъ какъ они относились враждебно ко мнѣ и къ турецкому войску. Во главѣ ихъ стоялъ нѣкто Мильковскій, принадлежавшій къ демократической партіи, но дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ заодно съ католиками, и они старались повліять, главнымъ образомъ, на казаковъ изъ малороссовъ, населявшихъ деревень двадцать по обоимъ берегамъ Дуная.

Это были, по большей части, крестьяне, бѣжавшіе изъ Малороссіи, чтобы избѣгнуть крѣпостной зависимости и уклониться отъ военной службы въ Россіи. Поляки успѣли поселить въ нихъ недовѣріе ко мнѣ и къ казацкому войску, твердя имъ, что я пріѣхалъ съ цѣлью поработить ихъ. Мои поѣздки по Добруджѣ, въ сопровожденіи сотни казаковъ, доставили полякамъ прекрасный случай распространять эти слухи, и они донесли французскому посланнику въ Константинополѣ, что, находясь въ дружественныхъ отношеніяхъ съ многими румынами и въ особенности съ кн. Георгіемъ Стурдзою, Вогоридесомъ, Конаки и другими, я пріѣхалъ съ цѣлью помѣшать союзу двухъ княжествъ и организую съ этой цѣлью въ этой мѣстности казацкое войско.

Этотъ союзъ придунайскихъ княжествъ былъ излюбленною мыслію Наполеона III.

Французскій посланникъ Тувенель повѣрилъ доносу, на что онъ имѣлъ полное основаніе, такъ какъ, встрѣчаясь и бесѣдуя съ нимъ въ Константинополѣ, я высказывалъ ему не разъ откровенно, что созданіе Румынскаго княжества будетъ первымъ шагомъ къ отдѣленію его отъ Турціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ распаденію Турецкой имперіи, а ему было извѣстно мое усердіе къ службѣ султану и его правительству.

Тувенель заявилъ рѣшительно протестъ противъ моего плана, и я былъ отозванъ изъ Добруджи. Однако, по возвращеніи моемъ въ Константинополь, я представилъ правительству вполнѣ выработанный планъ колонизаціи въ устьѣ Дуная 4 батальонами пѣхоты и 12 эскадронами кавалеріи и передалъ списки казаковъ, изъявившихъ желаніе принадлежать къ этой военной колоніи; вскорѣ появился ираде султана, коимъ разрѣшалось устройство этого военнаго поселенія.

Я узналъ впослѣдствіи, какую бурю вызвалъ этотъ проектъ.

Прежде всего подняло тревогу посольство католической Австріи, такъ какъ предполагаемое поселеніе образовывалось изъ православныхъ славянъ. Интернунцій не хотѣлъ протестовать открыто, но обратился съ жалобою къ лорду Редклиффу. Послѣдній, по своему обыкно-

венію, поднялъ крикъ и надѣлалъ не мало шума, обвиняя меня въ томъ, что я хочу быть новымъ Ермакомъ, что я хочу идти по стопамъ Богдана Хмельницкаго и не даромъ нахожусь въ подозрѣніи у поляковъ-католиковъ. Онъ этимъ не ограничился; дѣло было предоставлено французскому посланнику.

Тувенель, крайне озлобленный моей поѣздкою въ Валахію, подобно Донъ-Кихоту, началъ сражаться съ вѣтряными мельницами.

— Всѣ польскіе эмигранты примкнутъ къ этой военной колоніи,— говорилъ онъ;—Россія не допуститъ у своихъ границъ подобнаго поселенія, которое будетъ угрожать спокойствію Европы, тогда какъ мы заботимся о сохраненіи мира и не желаемъ новой войны.

Протестъ Тувенеля былъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ онъ былъ вызванъ тайной боязнію панславизма и православія и постояннымъ желаніемъ западныхъ державъ, чтобы силы и значеніе Турецкой имперіи не возростали, и чтобы она находилась постоянно въ шаткомъ положеніи и, слѣдовательно, въ зависимости отъ прихоти западныхъ державъ.

Султанъ не измѣнилъ даннаго имъ указа, но повелѣлъ отложить его выполненіе до болѣе удобнаго времени, иначе сказать,—въ долгій ящикъ.

Нѣсколько времени спустя мнѣ было приказано изложить письменно мой взглядъ относительно допущенія христіанъ въ военную службу, и султанъ повелѣлъ обсудить представленный мною проектъ совмѣстно съ посланниками западныхъ державъ.

Послѣдніе отнеслись къ нему крайне неодобрительно.

Лордъ Редклиффъ воскликнулъ: «Такимъ образомъ христіанскіе подданные будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи чрезъ нѣсколько лѣтъ цѣлую армію, вполнѣ обмундированную и обученную, способную сражаться; этого не должно быть, мы вовсе не для того заботимся о неприкосновенности Турецкой имперіи и не для того старались обезпечить ее трактатами».

Того же мнѣнія было и австрійское посольство; оно опасалось кромѣ того пробужденія воинственнаго духа въ славянахъ Турецкой имперіи, что отнюдь не соотвѣтствовало ея видамъ.

Турецкое правительство встрѣтило со всѣхъ сторонъ оппозицію, и въ концѣ концовъ ему не дозволили провести эту реформу, которая имѣла бы вѣроятно ближайшимъ послѣдствіемъ усиленіе могущества имперіи.

Такимъ образомъ, въ политической ошибкѣ недопущенія своевременно христіанскихъ подданныхъ Турціи въ военную службу наравнѣ съ мусульманами надобно обвинять не турецкое правительство, а западныя державы.

Прослѣдивъ внимательно исторію Польши въ то время, когда она находилась на вершинѣ своего могущества и славы, мы наталкиваемся вездѣ на тотъ фактъ, что поляки, славяне, по происхожденію, обычаямъ и языку, самою судьбою предназначенные стать во главѣ славянскихъ народовъ и сдѣлаться первою и самою сильною державою восточной Европы, отказались добровольно отъ этой миссіи.

Въ первые вѣка своего историческаго существованія они не имѣли среди славянскихъ націй соперницъ, которыя могли бы взять на себя эту великую задачу.

Поляки отнеслись съ презрѣніемъ ко всему, что было имъ доступно, и вопреки всякому здравому политическому смыслу стали дѣйствовать въ противуположномъ направленіи. Дѣлая ошибку за ошибкою, они дошли до добровольнаго, смѣшнаго, чтобы не сказать преступнаго отрицанія своего славянскаго происхожденія, забывъ его и отрицая будущность того племени, къ которому они принадлежатъ, и роль, которую оно призвано играть въ исторіи, они вынудили Россію, силою вещей, взяться за эту задачу и стать во главѣ славянства.

Въ этомъ случаѣ они не могутъ даже оправдываться незнаніемъ, ибо первые два короля этой воинственной націи, Болеславъ Храбрый и Болеславъ Смѣлый, самые даровитые ихъ правители, понявъ или, лучше сказать, предугадавъ истинную задачу Польши и значеніе славянства, указали полякамъ путь, по которому имъ надлежало идти, обративъ свои взоры на востокъ, на русскія земли, на Кіевъ.

Всѣ короли династіи Пястовъ по чувствамъ и стремленіямъ были славяне, но ихъ держала въ рукахъ римско-католическая западная церковь.

Ягеллоны были хорошими монархами и относительно порядка и умѣнья управлять стояли выше Пястовъ, лучше ихъ понимали обязанности правителей, но они не были славянами по происхожденію и не понимали того, что соотвѣтствовало интересамъ этого племени и къ какой цѣли его слѣдовало вести. Они не могли имѣть племенной любви къ славянамъ, и поэтому трудно было ожидать, чтобы они постигли ихъ нужды.

Поляки должны хорошо взвѣсить и обдумать свое положеніе, ибо имъ придется волей неволей высказаться и рѣшить вопросы: быть имъ славянами или не быть.

На Россіи лежитъ великая задача объединенія славянъ; она должна быть для нихъ тѣмъ же, чѣмъ стала Пруссія для германскихъ народовъ. Ей дано все необходимое для выполненія этой великой задачи; славяне, оставивъ свое соперничество и свои личные интересы, должны повиноваться голосу политической необходимости и соединиться съ Россіей, чтобы дѣйствовать съ нею заодно.

Поляки должны хоть разъ воспользоваться опытомъ прошлаго и понять, что Польша пала вслѣдствіе того, что она отшатнулась отъ славянства, тогда какъ она имѣла возможность стать во главѣ его; но она добровольно отказалась отъ этой роли и пошла по стопамъ западныхъ державъ.

Поляки должны безъ всякой задней мысли сознаться въ своей ошибкѣ и покаяться въ ней, такъ какъ почти всѣ они, за весьма малымъ исключеніемъ, находились всегда въ лагерѣ враждебномъ славянамъ.

Они должны протянуть братскую руку Россіи и стремиться къ лучшему будущему, признавъ могущество русскаго монарха, который держитъ въ своихъ рукахъ судьбу всѣхъ славянъ,—вотъ въ чемъ состоитъ задача поляковъ.

Что касается прочихъ славянскихъ народовъ, то сербы должны остерегаться инсинуацій Австріи и Германіи, имѣя передъ глазами прошлое и настоящее положеніе Польши, и должны признать чистосердечно, что сила и могущество находятся на сторонѣ Россіи.

По примѣру поляковъ и сербовъ всѣ прочіе славяне также присоединились бы къ Россіи, и когда, такимъ образомъ, всѣ славянскіе народы составили бы, по чувствамъ и стремленіямъ, одно цѣлое, ихъ могущество было бы несокрушимо.

Правда, германскіе народы имѣютъ въ своемъ распоряженіи всѣ техническія усовершенствованія, сдѣланныя въ послѣднее время въ военномъ искусствѣ, имѣютъ хорошо обученныхъ солдатъ, вполнѣ организованную армію и опытныхъ, способныхъ предводителей. Но все это могутъ имѣть и славяне; между тѣмъ какъ ни одна нація въ мірѣ не имѣетъ такого множества превосходныхъ кавалеристовъ и верховыхъ лошадей, какъ славяне. Значительное превосходство кавалеріи, употребленной въ дѣло съ умѣньемъ, можетъ пополнить многіе пробѣлы и загладить не одну ошибку.

Я представилъ турецкому правительству въ 1874 г. слѣдующую записку:

Въ настоящее время для правительства не составляетъ особенной необходимости привлекать на службу поляковъ, но эта мѣра можетъ принести большую пользу въ будущемъ. Поляки, вслѣдствіе сдѣланныхъ ими политическихъ ошибокъ, дошли до того, что у нихъ нѣтъ ни настоящихъ политическихъ вождей, ни кружковъ, ни обществъ, опирающихся на національную политику; ихъ дѣйствія не имѣютъ никакого основанія, никакого исходнаго пункта. Легкомысленное поведеніе нѣкоторыхъ личностей, дѣйствовавшихъ болѣе изъ спекулятивныхъ цѣлей, нежели подъ вліяніемъ честолюбія, невысокія качества массы польскаго населенія, ихъ полное непониманіе своихъ политическихъ и соціаль-

ныхъ нуждъ—все это погубило безъ возврата ихъ матеріальныя и нравственныя силы, погубило ихъ будущность. Не имѣя ни руководителей, ни опредѣленной національной цѣли, поляки предоставлены теперь на произволъ событій и интригъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ.

Во Франціи поляки утратили всякое уваженіе правительства благодаря своему участію въ коммунѣ, неумѣстной храбрости, выказанной ими въ рядахъ германскаго войска, въ которомъ сражалось нѣсколько поляковъ изъ Познани—и своему нежеланію стать на защиту Франціи въ то время, какъ они могли это сдѣлать. Въ то же время, благодаря своимъ интригамъ и политической безтактности, они утратили и въ Турціи положеніе, пріобрѣтенное ими благодаря военной организаціи, существовавшей въ этой странѣ 17 лѣтъ, и сдѣлались агентами тайной политической полиціи, служа одинаково туркамъ, австрійцамъ, мадьярамъ и всякому, кто пожелаетъ.

Польскіе эмигранты разсѣяны по всему свѣту; по большей части это люди экзальтированные, не имѣющіе опредѣленныхъ средствъ къ жизни, доступные всѣмъ искушеніямъ нищеты и отчаянія.

Въ 1863 г., эмигранты не доставили почти ни одного солдата для поддержанія этого злополучнаго возстанія, окончательно погубившаго Польшу, несмотря на то, что среди нихъ были еще старые опытные вояки. Изъ числа пятисотъ поляковъ, служившихъ въ казацкомъ войскѣ въ Турціи, не болѣе десяти человѣкъ присоединилось къ мятежникамъ, несмотря на всѣ происки лицъ, состоявшихъ на службѣ и занимавшихся пропагандою, и на равнодушное отношеніе къ этимъ проискамъ турецкаго правительства. Эта апатія, этотъ недостатокъ сочувствія объясняются тѣмъ, что во Франціи и въ Турціи существовали тогда польскіе кружки, польскія общества, успѣвшіе внушить своимъ соотечественникамъ нѣкоторую осмотрительность въ ихъ политическихъ поступкахъ. Нынѣ эти кружки болѣе не существуютъ, и польскіе эмигранты, въ особенности эмигранты 1863 г., поддаются вліянію перваго встрѣчнаго, возстановляющаго ихъ противъ Россіи.

Несмотря на неблагопріятныя условія, въ какихъ находятся эмигранты, несомнѣнно, что они имѣютъ сношенія со своими соотечественниками, живущими въ Россіи, и можно думать, что въ случаѣ подстрекательства со стороны Англіи, Германіи или какой бы то ни было иной державы, враждебной Россіи, они поднимутъ знамя возстанія подъ которое стекутся многіе изъ ихъ соотечественниковъ.

Даже не вступивъ въ борьбу съ Россіей они уже послужатъ ея врагамъ, какъ защитники волненій и заговоровъ и какъ клеветники, выступающіе въ органахъ печати съ превратнымъ толкованіемъ всего того, что дѣлается въ Россіи.

Наиболѣе разсудительные эмигранты, понявъ наконецъ свое политическое и соціальное положеніе, пугаются отчаянныхъ воплей своихъ товарищей, но вмѣстѣ съ тѣмъ они относятся недовѣрчиво къ актамъ, обнародованнымъ русскимъ правительствомъ, видя, съ какимъ недовѣріемъ ихъ принимаютъ западныя державы. По этой причинѣ немногіе эмигранты возвращаются на родину; большинство остается за границею.

Эмигрантовъ, имѣющихъ смѣлость дѣлать то, что имъ подсказываетъ ихъ внутреннее убѣжденіе, и рѣшающихся безъ всякой задней мысли возвратиться на родину, съ тѣмъ, чтобы быть вѣрными Россіи, считаютъ агентами русскаго правительства, и имена ихъ становятся достояніемъ клеветы и памфлетовъ; они лишаются того вліянія, которое они имѣли за границею, и становятся силою вещей болѣе вредными, нежели полезными дѣлу примиренія двухъ родственныхъ націй, соединенныхъ подъ одною монархическою властью.

Феликсъ Веселовскій издалъ брошюру, подъ заглавіемъ «Примиреніе русскихъ съ поляками», посвященную полякамъ и русскимъ, которая увеличила собою значительное число разныхъ сочиненій, появившихся по этому вопросу, имѣющему огромное значеніе для Россіи и для всего славянства.

Веселовскій приводитъ документы, которые имѣютъ несомнѣнно историческую важность и извлечены имъ вѣроятно изъ архивовъ какого-нибудь семейства, игравшаго видную роль при раздѣлѣ Польши. Въ своемъ краткомъ историческомъ очеркѣ онъ громитъ Фридриха II и Пруссію, превозноситъ Марію-Терезію и министра Кауница и австрійскую политику, говоритъ мелькомъ о томъ, что Россія была, такъ сказать, увлечена къ участію въ этомъ раздѣлѣ, къ которому Англія отнеслась съ безпечнымъ равнодушіемъ, и въ заключеніе говоритъ, что въ гибели Польши виновата Франція и что эту несчастную страну погубилъ Людовикъ XV.

Открытіе, сдѣланное Веселовскимъ, не принадлежитъ ему лично, а есть выраженіе тайныхъ взглядовъ, распространенныхъ между эмигрантами 1863 года.

Веселовскій обвиняетъ Людовика XV подобно тому, какъ другіе обвиняли Наполеона I и князя Ад. Чарторыйскаго, въ томъ, что они старались внушить полякамъ довѣріе къ ихъ собственнымъ силамъ и хотѣли, чтобы они дѣйствовали самостоятельно, не нуждаясь въ посторонней опекѣ.

Людовикъ XV говорилъ барскимъ конфедератамъ: «изберите себѣ короля, который могъ бы и умѣлъ бы управлять вами, организуйте войско для защиты, и тогда я приду вамъ на помощь».

Но конфедераты, несмотря на свою преданность отечеству и на

свою военную доблесть, постоянно враждовали между собою и не съумѣли устроить себѣ какое бы то ни было правительство.

Назвавъ Фридриха II и Людовика XV главными виновниками раздѣла Польши, Веселовскій едва касается дѣйствій польскихъ магнатовъ и анархіи, господствовавшей въ королевствѣ; очевидно, онъ не хочетъ возбудить неудовольствіе привилегированнаго сословія и вѣроятно по той же причинѣ, не желая возстановить противъ себя русское правительство, онъ приводитъ политическіе документы о раздѣлѣ Польши только до эпохи Барской конфедераціи, совершенно умалчивая о томъ, что происходило послѣ этого событія до нашего времени.

Вопросъ о сліяніи поляковъ и русскихъ въ одно государство поднятъ не въ наше время; онъ обсуждается подъ разными видами уже нѣсколько столѣтій. Но вліяніе католицизма и германства поселило раздоръ, зависть и недоброжелательство между двумя сосѣдними народами, принадлежащими къ одному и тому же имени, ибо если бы эти двѣ націи слились въ одно государство, подъ властью одного монарха, то онѣ составили бы такую могущественную державу, которая привлекла бы къ себѣ всѣ прочіе славянскіе народы, создавъ на Востокѣ силу грозную для западныхъ державъ. Онѣ не могли желать этого и стали дѣйствовать при помощи своего духовенства. Православная церковь не имѣла политически организованнаго духовенства и воинственныхъ религіозныхъ орденовъ, поэтому она не могла поддерживать политику православныхъ народовъ и бороться съ западною церковью равнымъ оружіемъ.

Іезуиты старались пріобрѣсти вліяніе надъ русскими православными княгинями и княжнами, и когда имъ не удавалось оторвать ихъ отъ ихъ вѣры, то они находили средство наполнить ихъ жизнь огорченіями и заботами. Самый выдающійся примѣръ этой низкой дѣятельности представляетъ Елена, дочь Іоанна III и супруга короля Александра изъ династіи Ягеллоновъ.

Преслѣдуя ту же политическую цѣль, іезуитамъ удалось обратить въ католицизмъ магнатовъ малороссійскихъ губерній, прельстивъ ихъ разными привилегіями и преимуществами.

Іезуиты помѣшали королю Владиславу, дѣйствовавшему въ духѣ и направленіи Ягеллоновъ, сдѣлаться русскимъ царемъ, такъ какъ это повело бы къ сліянію Россіи съ Польшею.

Король Янъ Казиміръ, неудачное правленіе котораго подчинило его іезуитамъ и западнымъ державамъ, обладалъ твердымъ, добродѣтельнымъ характеромъ и былъ гораздо образованнѣе своихъ подданныхъ и многихъ современныхъ ему монарховъ; предвидя будущность, ожидавшую Польшу, онъ сдѣлался горячимъ сторонникомъ соединенія русскихъ и поляковъ въ одно государство. Онъ любилъ свое отечество

болѣе самого себя и своей власти. Онъ понялъ будущность славянства.

Въ сочиненіи Веспасіана Роховскаго, озаглавленномъ: «Исторія царствованія Яна Казиміра», изданномъ въ Познани въ 1839 г., на 329 стр. перваго тома находимъ циркуляръ этого короля къ сейму, который долженъ былъ открыться въ Варшавѣ 10-го августа 1658 г.

Вотъ подлинныя его слова:

«Мы дали е. в. царю Россіи доказательства нашего искренняго желанія присоединиться къ Россіи. Теперь мы созываемъ сеймъ для того, чтобы обсудить, какимъ путемъ соединить Россію и Польшу въ одно государство, такъ какъ онѣ состоятъ съ незапамятныхъ временъ изъ народовъ славянскаго племени и, находясь подъ властью одного монарха, сдѣлались бы державою грозною для внѣшнихъ враговъ. Исполненію этого проекта препятствовали до сихъ поръ войны, которыя намъ пришлось вести со шведами, венгерцами, казаками и татарами.

«Въ настоящее время, благодаря всемогущему Провидѣнію, мы обезпечены отъ нападенія, непріятель изгнанъ съ нашей территоріи, поэтому теперь наступило время привести этотъ планъ въ исполненіе; пора подкрѣпить славянскіе народы этимъ союзомъ. Вотъ почему мы обращаемся съ этимъ циркуляромъ къ сейму, который долженъ собраться въ Варшавѣ 10-го августа» и т. д.

Это были слова короля мученика и пророка. Онъ былъ мученикомъ вслѣдствіе интриги германцевъ и католической церкви. Онъ говорилъ, что польскимъ королемъ слѣдовало избрать русскаго царя или его сына, и предсказывалъ всѣ бѣдствія и несчастія, которыя должны были обрушиться на страну, предсказывалъ даже будущій раздѣлъ Польши въ томъ случаѣ, ежели таковаго выбора не будетъ сдѣлано. Но этого не случилось вслѣдствіе происковъ католическаго духовенства и западныхъ державъ; и страну дѣйствительно постигли всѣ несчастія, какія предсказывалъ ей этотъ король мученикъ и пророкъ.

Въ царствованіе императора Александра I князь Адамъ Чарторыйскій разсматривалъ циркуляръ короля Яна Казиміра съ тѣмъ, чтобы привести его въ дѣйствіе и соединить эти два народа «безъ всякихъ условій», какъ онъ говорилъ въ своихъ запискахъ, которыя онъ далъ мнѣ прочесть.

Результатомъ его занятій и первымъ шагомъ на пути къ этому сліянію была попытка создать польскіе легіоны подъ знаменемъ русскаго императора съ цѣлью уменьшить этимъ вліяніе польскихъ легіоновъ, сражавшихся подъ знаменами Наполеона.

Но противъ осуществленія этого проекта энергично возстало «семейство» (Familia), такъ назывался тѣсный кружокъ, руководившій

въ послѣдніе годы существованія Польши политикой Чарторыйскихъ и Замойскихъ; въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ этого кружка находились кн. Константинъ Чарторыйскій и графъ Андрей Замойскій, которые, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ кн. Меттернихомъ и высшей вѣнской аристократіей, отклонили князя Адама отъ политики, согласной съ циркуляромъ короля Яна Казиміра.

Графъ Андрей Замойскій, послѣ свиданія съ кн. Меттернихомъ, далъ князю Адаму слѣдующій совѣтъ:

«Вы не должны, князь, отказываться отъ тѣхъ правъ, какія вы имѣете, какъ потомокъ династіи Ягеллоновъ; ваше отреченіе можетъ, при болѣе подходящихъ обстоятельствахъ, принести бо́льшую пользу, если оно будетъ вызвано необходимостью».

Смыслъ этого отвѣта выяснился въ 1830 г., когда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вспыхнуло возстаніе. Княгиня Анна Чарторыйская, супруга князя Адама, женщина молодая, энергичная, живая, видя несогласія и распри, существовавшія между руководителями революціоннаго движенія, бросилась передъ мужемъ на колѣни, въ присутствіи гр. Владислава Замойскаго и Карла Зенкевича, и умоляла провозгласить себя королемъ или уѣхалъ за границу, такъ какъ, не будучи королемъ, онъ своимъ присутствіемъ только вредилъ дѣлу отчизны. Графъ Замойскій сообщилъ объ этомъ Малаховскому, который въ свою очередь передалъ его слова австрійскому консулу въ Варшавѣ, а тотъ отправилъ съ этимъ извѣстіемъ эстафету въ Вѣну.

Нѣсколько дней спустя, въ отвѣтъ на это сообщеніе, ему было поручено кн. Меттернихомъ выразить полное его сочувствіе полякамъ и ихъ дѣлу и передать имъ, что если кн. Адамъ Чарторыйскій обратится къ императору и предложитъ польскій престолъ одному изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ, то поляки получатъ его и будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи деньги, нужныя для продолженія войны.

Князь Адамъ медлилъ обратиться къ императору съ этой просьбою, но требованія во имя блага отечества стали такъ настойчивы, что князь уступилъ и сдѣлалъ то, что отъ него требовали. Получивъ эту просьбу, Меттернихъ сказалъ съ улыбкою:

«Теперь въ моихъ рукахъ отреченіе Ягеллона, князя Адама Чарторыйскаго, революціонное движеніе зависитъ теперь отъ меня, я могу вести переговоры съ тѣмъ, кто дастъ мнѣ больше».

Событіе это не имѣло никакихъ послѣдствій, но оно любопытно какъ доказательство того, какимъ образомъ западныя державы и нѣмцы въ особенности относились къ полякамъ.

Польское королевство, созданное послѣ Вѣнскаго конгресса, не имѣло ни малѣйшей политической симпатіи къ славянству.

Войско, чиновничество, все населеніе было проникнуто нравами и

обычаями и стремленіями запада; въ этой организаціи не было никакой связи, которая бы соединила и скрѣпила эти два родственные народа въ одно государство; малѣйшее недоразумѣніе могло повести къ разрыву, что̀ и случилось дѣйствительно въ 1830 и 1831 гг.

Война, послѣдовавшая за возстаніемъ и положившая конецъ политическому существованію страны, привела за границу множество эмигрантовъ, можно сказать безъ преувеличенія, весь цвѣтъ націи, какъ по благородству чувствъ, такъ и по безкорыстію стремленій. Эти эмигранты, движимые патріотизмомъ, быть можетъ плохо понятымъ, но тѣмъ не менѣе возвышеннымъ и безкорыстнымъ, еще болѣе усилили разладъ своими враждебными манифестаціями, доставивъ немалое торжество Западу.

То была пора тайныхъ обществъ, заговоровъ противъ правительства, пропаганды въ народѣ. Эмигранты также заразились эпидеміей, свирѣпствовавшей въ то время въ обществѣ; они составляли заговоры и пропагандировали въ народѣ, но не прибѣгали къ револьверамъ и кинжаламъ, которые не были еще тогда въ ходу, а старались распространить свои демократическія утопіи въ народѣ, который не понималъ ихъ и не хотѣлъ понять.

Всѣ эти враждебныя дѣйствія были направлены противъ Россіи и порождались желаніемъ отомстить ей и возвратить отечеству прежнюю независимость; они поддерживались также наущеніями западныхъ державъ и различныхъ тайныхъ обществъ, а равно и постояннымъ подстрекательствомъ западнаго католическаго духовенства.

Надобно сознаться, что въ то время никому не приходила еще мысль о соединеніи и сліяніи съ русскими; несмотря на то, что нѣкоторые начинали уже изучать славянство и славянъ, даже начинали брататься съ ними и, что̀ еще важнѣе, поляки, служившіе въ казацкихъ полкахъ и имѣвшіе сношенія съ старовѣрами, начинали примиряться съ православіемъ и не относились уже къ нему съ тѣми насмѣшками и упреками, какъ прежде,—польское населеніе литовскихъ и русскихъ губерній было гораздо менѣе фанатично, нежели жители собственно Польши или «Конгрессовки», какъ ее называли. Эти послѣдніе далеко не одобряли подобную вѣротерпимость, но не высказывались, чувствуя, какъ смѣшонъ былъ бы подобный протестъ; одно только духовенство по обыкновенію не переставало интриговать и дѣйствовать неустанно противъ православія.

Это продолжалось до 1856 г. Послѣ смерти императора Николая I, всѣ поляки какъ жившіе въ Россіи, такъ и эмигранты, отнеслись чрезвычайно сочувственно къ молодому императору; всѣ письма, которыя мы получали изъ родины, были наполнены похвалами его доброму сердцу, его дружелюбному отношенію къ полякамъ; его превозносили

до небесъ. Старые эмигранты, посѣдѣвшіе за границею, стали поговаривать, что имъ слѣдуетъ возвратиться на родину; «такова очевидно воля Господа,—говорили они,—чтобы мы послужили молодому императору и, подчинясь его державной волѣ, позабыли наши распри съ русскими и соединились съ ними въ одну монархію. Превратности нашей скитальческой жизни въ чужихъ краяхъ сдѣлали насъ опытнѣе, и этимъ опытомъ мы должны воспользоваться».

Если бы въ то время была объявлена всеобщая амнистія, безъ всякихъ ограниченій и съ предоставленіемъ полякамъ всѣхъ правъ и привилегій, которыми они пользовались прежде, то за границею остались бы лишь весьма немногіе эмигранты, всѣ остальные воспользовались бы дарованнымъ прощеніемъ, и это было бы самое практическое средство къ сліянію двухъ родственныхъ націй въ одну монархію. Въ средѣ эмигрантовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «старыхъ эмигрантовъ», было много благородныхъ, талантливыхъ людей, обогащенныхъ къ тому же многолѣтнимъ опытомъ; поэтому на нихъ можно было вполнѣ положиться.

Не разъ приходилось мнѣ слышать разсужденія старыхъ офицеровъ-эмигрантовъ, служившихъ въ нашихъ полкахъ: «почему бы намъ не служить вмѣстѣ съ русскими,—говорили они,—правда, мы сражались съ ними, но сражались открыто и честно на полѣ брани; между нами нѣтъ особеннаго различія ни въ нравахъ и обычаяхъ, ни въ языкѣ, мы исповѣдуемъ одну и ту же христіанскую вѣру. Почему не признать намъ своимъ императоромъ молодаго монарха, только-что вступившаго на престолъ. Если будетъ объявлена общая амнистія, то мы не замедлимъ воспользоваться ею; наша честь и долгъ, возлагаемый на насъ благодарностью, могутъ служить гарантіей того, что мы будемъ его вѣрными и преданными подданными».

Таково было настроеніе, таковы были желанія эмигрантовъ не только въ 1831 г., но и въ 1848 г. Первые эмигранты извѣстны подъ именемъ «старыхъ», а эмигранты 1848 г. раздѣляются на венгерскихъ и итальянскихъ, названныхъ такъ потому, что одни изъ нихъ служили въ Венгріи, а другіе въ Италіи во время революціонныхъ смутъ, бывшихъ въ это время въ Европѣ.

Въ 1860 году въ Польшѣ раздались молитвы, призывы, увѣщанія, сочиненныя польскими змартвыхвстанцами, жившими въ Римѣ. Они воскрешали во имя предковъ, во имя католичества улегшееся недоброжелательство поляковъ къ русскимъ. Вслѣдъ за этой первой попыткой изъ Вѣны, Парижа, Лондона были присланы новыя увѣщанія, новые совѣты поддерживать оппозицію; полякамъ намекали, что въ Европѣ готовятся къ новымъ войнамъ и что прежнія границы Польши несомнѣнно будутъ возстановлены. Все это можно формулировать въ весьма

эффектной, но комичной въ настоящемъ случаѣ формулѣ usque ad finem, «упорствуй до конца».

Въ 1866 г., вслѣдствіе слуховъ о готовившемся возстаніи въ Болгаріи и Румыніи, я получилъ приказаніе немедленно выступить на Дунай съ кавалеріей султанской гвардіи, которая находилась въ то время въ Константинополѣ и къ которой принадлежали также казацкіе полки.

Столь неожиданное и поспѣшное выступленіе многочисленной кавалеріи и артиллеріи обратило вниманіе общества, слѣдившаго за текущими событіями, и чрезвычайно заинтересовало поляковъ, вообразившихъ, что султанъ объявляетъ войну Россіи.

Нѣсколько поляковъ, участвовавшихъ въ возстаніи 1863 г., которыхъ я знавалъ еще въ Польшѣ, явились ко мнѣ депутатами, съ просьбою не забыть польскаго дѣла и, пользуясь моимъ вліяніемъ, выхлопотать, чтобы турецкое правительство послало сильный отрядъ башибузуковъ съ цѣлью занять Подолію, Волынь и Украйну.

Подобное желаніе, признаюсь, нѣсколько удивило меня, и я спросилъ его, на что имъ понадобились эти башибузуки?

— Для того, чтобы поскрести кожу съ крестьянъ и сдѣлать ихъ умнѣе,—отвѣчалъ онъ.

— Откуда же происходитъ подобное недоброжелательство, вы же были однимъ изъ редакторовъ «Золотой грамоты», сулившей крестьянамъ золотыя горы.

— Это правда, но мы дѣлали это съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону.

— Ну, а если бы это вамъ удалось?

— Тогда мы уничтожили бы всѣ эти привилегіи и возвратились бы къ старому порядку вещей.

— Такъ въ этомъ и заключалась настоящая ваша цѣль?

— Иной цѣли у насъ не было, иначе мы не взялись бы за оружіе.

Къ этому онъ присовокупилъ, что одинъ изъ его сосѣдей, землевладѣлецъ, говорилъ, что крестьянъ нужно надувать какъ глупцовъ, и что землю не слѣдуетъ отдавать этимъ потомкамъ хама, ибо земля, оставленная намъ нашими предками, составляетъ нашу неотъемлемую собственность.

Депутатъ, передавшій мнѣ все это, былъ человѣкъ вполнѣ искренній, настоящій джентльменъ, говорившій всегда только то, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ.

Меня обвиняли въ стараніи примирить поляковъ съ православіемъ, съ Россіей, называли будущимъ Хмѣльницкимъ, врагомъ западныхъ державъ, католицизма и польскаго дѣла. Австро-венгерскій посланникъ поддерживалъ всѣми возможными средствами поляковъ въ ихъ уси-

ліяхъ устранить славянскій элементъ изъ казацкаго войска и удалить меня со службы.

Въ этомъ случаѣ поляковъ поддерживали также посланники прочихъ державъ, не исключая французскаго, несмотря на то, что французское правительство дважды предлагало мнѣ орденъ Почетнаго Легіона, первый разъ въ царствованіе Людовика-Филиппа, и затѣмъ при первой республикѣ, но я отказался отъ этого знака отличія подъ тѣмъ предлогомъ, что это могло возбудить недовѣріе со стороны турокъ, внушивъ имъ мысль, будто я служу Франціи, что̀, въ свою очередь, могло уменьшить мое вліяніе на нихъ.

Подобнаго рода отношеніе ко мнѣ, по крайней мѣрѣ, со стороны австро-венгерскаго правительства поддерживалось, быть можетъ, воспоминаніемъ о слѣдующемъ эпизодѣ.

Во время венгерскаго возстанія 1848 г. Кошутъ и графъ Батьяни предложили мнѣ мѣсто главнаго дипломатическаго агента Венгріи въ Константинополѣ и убѣдительно просили меня принять его, а въ подкрѣпленіе своей просьбы ссылались на письмо князя Чарторыйскаго, въ которомъ говорилось, что онъ будетъ очень доволенъ, если я соглашусь принять его, такъ какъ это вполнѣ согласуется съ интересами польскаго дѣла. Я отвѣтилъ князю, что я считаю союзъ съ Венгріей пагубнымъ для насъ, ибо онъ не согласуется съ интересами славянства. Кошуту и Батьяни я написалъ, что такъ какъ Венгрія воспользовалась первымъ раздѣломъ Польши къ своей выгодѣ, то въ настоящее время долгъ справедливости требуетъ, чтобы венгерцы, объявивъ войну Австріи, издали манифестъ, коимъ они отказались бы признать первый раздѣлъ Польши и возвратили бы этому государству земли, доставшіяся на долю Венгріи. Во-вторыхъ, венгерцы должны бы возвратить Турціи историческія знамена Герцеговины и Болгаріи, находящіяся въ Венгріи, а равно вычеркнуть изъ текста присяги, произносимой королями при вступленіи на венгерскій престолъ, слова, которыми они клянутся употребить все свое стараніе къ тому, чтобы присоединить эти провинціи къ Венгріи. Если эти два условія будутъ выполнены, то я, какъ полякъ, буду имѣть возможность служить по совѣсти венгерскому дѣлу и вести переговоры съ турками, иначе я торжественно объявляю, что я не могу этого сдѣлать и не приму предложеннаго мнѣ мѣста.

Послѣ этого отвѣта съ моей стороны, въ Константинополь былъ посланъ гр. Юлій Андраши, котораго Кошутъ и Батьяни снабдили письмами ко мнѣ, прося оказать ему содѣйствіе. Онъ передалъ мнѣ также письмо отъ князя Ад. Чарторыйскаго, въ которомъ тотъ убѣдительно просилъ меня сдѣлать это, оставивъ на этотъ разъ въ сторонѣ мои славянскія тенденціи. Онъ писалъ, что онъ вполнѣ понимаетъ и

раздѣляетъ мои мысли, но что теперь дѣло идетъ о совмѣстномъ дѣйствіи съ венгерцами противъ Австріи, паденіе которой освободитъ Венгрію и можетъ послужить началомъ освобожденія Польши.

Между мною и гр. Андраши установились самыя дружескія отношенія, хотя я и не скрывалъ отъ него своихъ симпатій къ славянамъ и не разъ высказывалъ откровенно, что для поляковъ было бы гораздо выгоднѣе, если бы Польша была присоединена къ одной державѣ.

Быть можетъ впослѣдствіи, достигнувъ власти, гр. Андраши вспомнилъ мои слова, такъ какъ его агенты особенно старались объ искорененіи славянскаго элемента изъ казацкихъ полковъ. Между прочимъ, гр. Андраши особенно покровительствовалъ барону Окшѣ и его товарищамъ 1863 года.

Я привожу здѣсь мало кому извѣстныя подробности факта, который прошелъ незамѣченный и не имѣетъ, быть можетъ, особеннаго значенія, хотя онъ и занималъ въ свое время европейскихъ дипломатовъ; я самъ былъ участникомъ въ этомъ событіи, которое, несмотря на всю его маловажность, свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ западныя державы и католическое духовенство слѣдятъ за всякой попыткой со стороны славянъ-католиковъ къ сближенію съ ихъ православными единоплеменниками, не пренебрегая никакимъ средствомъ, чтобы помѣшать славянамъ не только слиться въ одну монархію, но даже образовать славянскій союзъ.

Въ 1877 г. я получилъ изъ Львова письмо отъ г. Бенкевича, съ которымъ я былъ уже много лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Этотъ подольскій землевладѣлецъ поселился, по окончаніи крымской кампаніи, на жительство въ Парижѣ, гдѣ, по моей рекомендаціи, познакомился съ Гортензіей Корну, молочной сестрою Наполеона III, женщиною образованной и энергичной, благодаря которой, ему удалось вступить въ сношеніе не только со многими государственными людьми того времени, но и съ самимъ императоромъ французовъ.

Послѣ неудачъ, понесенныхъ Франціей въ франко-прусскую войну, онъ переселился въ Галицію и поддерживалъ сношенія съ представителями всѣхъ польскихъ политическихъ партій. Это былъ человѣкъ въ высшей степени честный, прямой, горячій патріотъ, понимавшій вполнѣ польское дѣло. Вотъ что онъ писалъ мнѣ:

«Вамъ извѣстно, любезный генералъ, что я давно вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ на славянскій и польскій вопросы и на отношеніе ихъ къ славянскому племени и къ Россіи. Поляки находились слишкомъ долго подъ гнетомъ и вліяніемъ запада.

«Они родились, воспитались и жили подъ вліяніемъ римско-католической церкви; чѣмъ менѣе они понимаютъ, что такое религія;

чѣмъ менѣе они въ дѣйствительности исповѣдуютъ ее, тѣмъ болѣе въ нихъ развивается фанатизмъ, доходящій въ политикѣ до крайнихъ предѣловъ; это выражается не только въ ихъ словахъ, но и въ ихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, если они таковые имѣютъ.

«Западъ съ его римско-католическою церковью является вѣковымъ и непримиримымъ врагомъ востока, т. е. востока европейскаго, который есть не что иное, какъ славянство съ его православною церковью. Западъ поддерживается его вѣчно борющимся духовенствомъ, его іезуитами въ рясахъ, фракахъ и даже въ юбкахъ, это не бездѣлица.

«Люди половчѣе и подальновиднѣе идутъ по этому пути ради своихъ личныхъ выгодъ, или для того, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе; люди болѣе простые и менѣе дальновидные надѣются достигнуть этимъ спасенія души и вѣчнаго блаженства.

«Вотъ мои мысли о тайной политической борьбѣ, происходящей между западомъ и востокомъ, или между западными державами и славянскимъ племенемъ, такъ какъ о турецкой монархіи нечего и говорить, ибо она близится къ концу, такъ какъ западныя державы не позволятъ туркамъ искать поддержки въ южныхъ славянахъ, какъ вы совѣтывали, доказавъ на дѣлѣ, что это мыслимо и возможно.

«Когда, въ 1853 г., по вашей иниціативѣ, на турецкую службу были призваны польскіе генералы и офицеры и вы добились организаціи казацкаго полка, въ который могли поступать волонтерами славяне всѣхъ націй и славянскій языкъ былъ допущенъ въ этомъ полку и въ то же время вамъ было ввѣрено начальство надъ казаками Добруджи и надъ некрасовцами, то польское католическое духовенство немедленно принялось за дѣло. Во-первыхъ, оно стало отговаривать поляковъ отъ поступленія въ этотъ полкъ, утверждая, будто вы хотите ославянить ихъ и склонить къ православію, вотъ причина, почему у васъ вначалѣ было такъ мало польскихъ волонтеровъ.

«Когда, послѣ первыхъ успѣховъ, одержанныхъ въ началѣ кампаніи, послѣ снятія осады Силистріи, множество волонтеровъ, несмотря на запрещеніе духовенства, записалось въ казацкіе полки и вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ самъ Адамъ Мицкевичъ, то второй полкъ, который было поручено организовать графу Замойскому, тотчасъ былъ включенъ въ контингентъ англо-турецкаго войска и къ нему были сформированы кадры изъ польской дивизіи, находившейся на жалованьи Англіи».

Я видѣлъ копію съ донесенія французскаго посланника въ Константинополѣ, Тувенеля, которую показала мнѣ г-жа Корну. Онъ писалъ: «Агентъ кн. Чарторыйскаго сообщилъ мнѣ, что главная мысль Садыкъ-паши состоитъ въ устройствѣ казацкой колоніи въ устьѣ Дуная съ цѣлью поддерживать постоянныя сношенія между сѣверными и юж-

ными славянами и помѣшать западнымъ державамъ колонизировать этотъ пунктъ».

Начиная съ 1864 г. баронъ Окша постоянно писалъ и доносилъ, что вы намѣреваетесь обратить поляковъ въ православіе и внушить имъ мысль о союзѣ съ Россіей. Пропаганда доставляла ему матеріальную помощь; онъ встрѣтилъ также могучую поддержку въ австро-венгерскомъ посланникѣ. Баронъ Окша дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и послѣ вашего удаленія со службы и отъѣзда изъ Турціи; его памфлеты и обвиненія преслѣдовали васъ вездѣ. Къ дѣйствіямъ; направленнымъ противъ васъ, слѣдуетъ отнести и сдѣланное книгопродавцемъ запрещеніе продавать ваши сочиненія и брошюры, разъясняющія цѣль и направленіе вашей политики на Востокѣ.

«Всѣ вышеприведенные факты доказываютъ безспорно, вмѣстѣ съ послѣдними политическими событіями въ Европѣ, на сколько западныя державы тревожатся всѣмъ тѣмъ, что клонится къ освобожденію славянъ и къ развитію славянскаго племени, какъ имъ непріятенъ союзъ поляковъ съ русскими и возможность сліянія этихъ двухъ родственныхъ націй въ одну монархію, ибо подобное сліяніе неизбѣжно внушитъ всѣмъ славянамъ мысль составить одно политическое цѣлое подъ какою бы то ни было формою».

Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ Бенкевича; вскорѣ послѣ этого онъ скончался во Львовѣ.

Слѣдующія замѣтки написаны мною въ Кіевѣ въ 1874 г.

Недовольство поляковъ противъ Россіи и русскихъ не только не прекращается, но повидимому еще болѣе усилилось новымъ политическимъ соображеніемъ, я говорю о симпатіи поляковъ къ нѣмцамъ, о развивающемся въ нихъ стремленіи къ германизаціи и ко всему нѣмецкому; это стремленіе, какъ говорятъ, особенно распространяется между учащеюся молодежью Львовскаго и Краковскаго университетовъ, на которую имѣютъ вліяніе нѣкоторые изъ предводителей эмиграціи 1863 г.

Программа этого новаго политическаго движенія резюмируется повидимому въ слѣдующемъ:

Многолѣтній опытъ и въ особенности послѣднія событія убѣдили наконецъ поляковъ въ невозможности возстановить независимость Польши; утративъ всякую надежду къ достиженію этой цѣли и къ поддержанію польскаго элемента при помощи возстаній и революцій, они не желаютъ въ то же время соединиться съ Россіей, чтобы не отстать отъ католицизма и не принять православія, религіи, исповѣдуемой большей частью славянъ. Поэтому они предлагаютъ соединиться съ нѣмцами, огерманиться даже, если это будетъ неизбѣжно, ибо нѣмецкая цивилизація болѣе подходитъ къ полякамъ и будетъ могучимъ средствомъ ихъ умственнаго политическаго развитія.

*

Эта программа не оставалась долго въ области теоріи, но стала осуществляться на практикѣ. Я не могу допустить, чтобы большинство поляковъ раздѣляло эти убѣжденія и даже понимало эту новую политику, но предводители возстанія 1863 г. такъ напугали поляковъ невидимымъ правительствомъ и слишкомъ видными жандармами его, что этотъ страхъ не скоро пройдетъ. Масса народа вѣритъ до сихъ поръ въ существованіе невидимаго правительства и, по ея понятіямъ, оно поддерживается католическимъ духовенствомъ, фанатичными ханжами и цѣлымъ легіономъ политическихъ борцовъ, представителями коихъ служатъ журналисты Галиціи и отчасти Познани. Масса боится также невидимыхъ жандармовъ, вѣра въ существованіе которыхъ укоренилась въ ней и даетъ предводителямъ партій, агитаторамъ и заговорщикамъ возможность говорить отъ имени всѣхъ поляковъ и поддерживать недовольство противъ русскаго правительства и народа. Дѣйствія предводителей и безмолвіе напуганной массы заставляютъ думать, что всѣ поляки согласны съ этой политикой, лишенной здраваго смысла и которую даже трудно понять.

Трудно допустить, чтобы люди, руководящіе этой политикой, дѣйствовали искренно, пропагандируя польско-германскій союзъ; эта безумная выходка, вѣроятно, не что иное, какъ новая уловка съ цѣлью сохранить власть надъ массою эмигрантовъ, которые не знаютъ, чего имъ держаться, и надъ напуганной польской націей, а можетъ быть и для того, чтобы извлечь побольше денегъ отъ Австріи.

Эти новые политики желаютъ убѣдить нѣмцевъ, что поляки порвали всякую связь съ Франціей, какъ они и доказали это своимъ поведеніемъ въ 1870 г., и что, желая поддержать дружескія отношенія съ западными державами, они перенесли свои симпатіи на австрійцевъ и пруссаковъ.

Эта новая комбинація нравится, повидимому, полякамъ, которые, къ сожалѣнію, никогда не хотятъ отнестись серьезно къ тому, что происходитъ у нихъ и вокругъ нихъ.

До вступленія на престолъ императора Александра II можно было устраивать либеральные и соціальные крестовые походы противъ Россіи, противъ крѣпостнаго права, самодержавія, противъ того замкнутаго положенія, въ какомъ Россія держалась по отношенію къ Европѣ; словомъ, для громкихъ фразъ и оппозиціи было достаточно пищи.

Но послѣ гуманныхъ реформъ Александра II Россія развивается такъ быстро, что въ предѣлахъ возможнаго она опередила не одно государство, а поляки, ослѣпленные политическими утопіями, не хотятъ видѣть и понять этихъ преобразованій.

Я помню, что говорилъ по поводу крестьянской реформы старый наполеоновскій служака, гусарскій капитанъ Тржецякъ графу Влади-

славу Замойскому, живо интересовавшемуся вопросомъ объ улучшеніи участи крестьянъ.

— Крестьянинъ лошадь дворянина, графъ, а вы помышляете объ его образованіи; это равносильно, тому какъ будто вы выучили свою лошадь опрокидывать васъ изъ сѣдла. Вы дворянинъ и прекрасный наѣздникъ, поэтому должны знать, что если лошадь научится опрокидывать васъ, то потомъ ее не обуздаешь; когда вы дадите крестьянамъ образованіе, они съумѣютъ безо всякихъ контрактовъ свергнуть ваше иго; образованіе научитъ ихъ, какъ этого достигнуть.

Въ настоящее время существованія Польскаго королевства, сеймъ, названный четырехъ-лѣтнимъ, объявилъ во всеуслышаніе, что польское дворянство изыскиваетъ средства сравнять крестьянъ въ отношеніи политическихъ и гражданскихъ правъ съ привилегированнымъ классомъ дворянъ. На этомъ сеймѣ и на всѣхъ прочихъ собраніяхъ, созванныхъ для обсужденія этого вопроса, обсуждались всевозможныя дѣла, но о крестьянскомъ вопросѣ сказано было всего нѣсколько словъ. Нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ по этому вопросу, не обратили вниманія собравшейся публики и послужили только поводомъ отложить обсужденіе вопроса до другаго времени.

Всѣ манифестаціи и злополучныя событія 1861—1863 гг. были вызваны единственно оппозиціей противъ освобожденія крестьянъ и надѣла ихъ землею. Поляки были гораздо болѣе ожесточены противъ Россіи, нежели противъ Австріи, такъ какъ католическое духовенство подстрекало ихъ въ этомъ случаѣ къ дѣйствію противъ православнаго русскаго правительства, отнюдь не затрогивая въ то же время австрійскаго, преданнаго католицизму.

Польскіе магнаты считаютъ себя какъ бы оскорбленными русскимъ правительствомъ, отнявшимъ у нихъ крестьянъ, и до сихъ поръ не могутъ забыть этого. Бросивъ взглядъ на прошлое, мы увидимъ, съ какимъ ожесточеніемъ, съ какимъ упорствомъ магнаты защищали всегда свои привилегіи и свою помѣщичью власть, поэтому недовольство магнатовъ становится ясно; г рудно только объяснить ослѣпленіе дворянства, которое должно было знать нравственную и политическую доблесть этого сословія. Также точно были ослѣплены и революціонные агенты послѣдняго возстанія, которые были лишь агентами недовольныхъ магнатовъ и антиславянской политики и дѣйствовали противъ Россіи, противъ славянскаго духа и владычества.

Подобное заблужденіе дворянства можно объяснить лишь полнѣйшимъ незнаніемъ того, что происходитъ въ странѣ и за границею, и желаніемъ оставаться въ этомъ невѣдѣніи. Къ этому присоединяется еще, какъ я уже сказалъ, тайная боязнь невидимаго правительства, существующая до сихъ поръ въ воображеніи этого дворянства, кото-

рое не любитъ анализировать и изслѣдовать свои собственныя мысли и чувства.

Польскіе журналисты Галиціи и отчасти Познани стараются умышленно поддержать это заблужденіе поляковъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ совершенно въ духѣ нѣмецкихъ журналистовъ Австріи.

Три года тому назадъ польскіе журналисты, идя по стопамъ австро-венгерской прессы, обвиняли Россію въ панславизмѣ, теперь тѣ же самые журналисты обвиняютъ ее въ отсутствіи славянскихъ тенденцій въ ея европейской политикѣ и въ отсутствіи христіанства въ ея азіатской политикѣ.

Государственный дѣятель Австро-Венгріи, г. Андраши, отлично понялъ, что желаніе и надежда магнатовъ сохранить власть надъ крестьянами какимъ бы то ни было образомъ составляетъ довольно могучее средство привязать поляковъ къ Австріи.

Между тѣмъ, до сихъ поръ, повидимому, не понимаютъ, что нежеланіе эмигрантовъ явиться на защиту Франціи во время франко-прусской войны и участіе ихъ въ коммунѣ, а равно энергія, съ которой польскіе офицеры и солдаты изъ Познани сражались въ рядахъ прусской арміи, не могли имѣть благотворнаго вліянія на расположеніе французскаго народа и правительства къ полякамъ.

Политическіе дѣятели Франціи, слѣдящіе безъ предубѣжденія за современными событіями, поняли вполнѣ, что по мнѣнію поляковъ возстаніе 1863 г. нанесло смертельный ударъ польскому дѣлу; то же можно сказать о здравомыслящей французской журналистикѣ, ибо возстаніе 1863 г. было явнымъ протестомъ населенія собственно польскихъ и литовскихъ губерній; народъ не хочетъ отдѣльнаго существованія Польши, и послѣднее возстаніе только доказало, что русскія губерніи, бывшія подъ властью Польши, не имѣютъ съ нею прочной связи и удерживались ею до сихъ поръ только силою. Такое положеніе, доказанное фактами, говоритъ въ пользу Россіи и совершенно оправдываетъ ея политику.

Подобные факты и подобные выводы произвели, разумѣется, большое впечатлѣніе на французскій народъ, который болѣе всякаго другаго уважаетъ желанія всякаго народа и признаетъ ихъ законность.

Нынѣ поляки значительно утратили вліяніе, которое они имѣли въ прежнее время, когда они были могучей націей; теперь это небольшая нація, окруженная могучими сосѣдями, не имѣющая естественныхъ границъ; ея высшій классъ не можетъ даже разсчитывать на свой собственный народъ, который, имѣя съ нимъ одинъ языкъ и одну религію, предпочитаетъ находиться подъ властью государствъ, раздѣлившихъ Польшу, нежели образовать самостоятельную націю. Въ политикѣ люди уважаютъ только тѣхъ политическихъ друзей, которые

имѣютъ дѣйствительное и существенное значеніе, но уваженіе ихъ охлаждается, когда за помощь, оказанную этимъ друзьямъ, они не видятъ отъ нихъ никакой выгоды.

Это именно и охладило французовъ къ полякамъ и къ ихъ дѣлу но особенно повліяло на нихъ то глубокое уваженіе, какое заслужила во Франціи Россія и ея монархъ-освободитель.

Реформы, совершаемыя въ Россіи, и прогрессъ, ими вызванный, были вполнѣ оцѣнены французами, несмотря на всѣ жалобы поляковъ на русское правительство; политическое мнѣніе Франціи теперь окончательно на сторонѣ Россіи. Честное и даже великодушное положеніе, принятое Россіей по иниціативѣ императора Александра II во время франко-прусской войны, заслужило симпатію всего французскаго народа.

Англія никогда не симпатизировала особенно польскому дѣлу; она пользовалась услугами поляковъ, но всегда игнорировала ихъ патріотизмъ, давала имъ денегъ—и только; а польскимъ эмигрантамъ позволяла кричать и дѣлать заговоры противъ Россіи не потому, чтобы она сочувствовала ихъ дѣлу, а единственно по своему соперничеству съ Россіей въ азіатскихъ дѣлахъ.

Турція предлагала полякамъ искреннее, честное политическое гостепріимство; она позволяла имъ не только лелѣять надежду на освобожденіе, но даже вступить въ сношенія съ южными славянами, подданными султана. Эмигранты имѣли нѣкоторую политическую будущность въ лицѣ національнаго войска, существовавшаго въ арміи султана. Турки, оказывавшіе полякамъ въ теченіе многихъ лѣтъ симпатію и покровительство, со временемъ оставили ихъ вслѣдствіе интригъ самихъ поляковъ и зависти, существовавшей между ними, которая тутъ, какъ и вездѣ, разрушила все созданное для нихъ и уничтожила окончательно польскій характеръ этого войска.

Польскіе эмигранты утратили въ глазахъ турокъ всякое политическое значеніе вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ и своего поведенія, и если турки оказываютъ имъ до сихъ поръ гостепріимство и даютъ имъ средства къ жизни, то они обязаны этимъ единственно великодушію и благородству турецкаго населенія и стараніямъ генерала Игнатьева, который избѣгаетъ всякаго столкновенія съ эмигрантами и никогда не жалуется на нихъ турецкому правительству. Какъ бы то ни было, они утратили окончательно свое значеніе въ глазахъ турокъ и по всей вѣроятности навсегда.

Хотя та часть польской націи, которую можно назвать ультрапольскою, еще не обрусѣла, но она искренно расположена къ Россіи за то благосостояніе, которымъ она пользуется при настоящемъ монархѣ [1]);

[1]) Александръ II.

и несмотря на всѣ усилія католическаго духовенства, несмотря на пропаганду революціоннаго пролетаріата, она должна черезъ нѣсколько поколѣній позабыть всѣ свои польскія традиціи.

Достойно сожалѣнія польское дворянство, недовольство котораго поддерживается постоянно революціонными агитаторами 1863 г., встрѣчающими въ свою очередь поддержку въ пролетаріатѣ и западныхъ революціонерахъ. Оно становится все болѣе и болѣе одиноко, и ему остается только эмигрировать или предстоитъ онѣмечиться или наконецъ перенести въ новый свѣтъ убитую имъ національность, населивъ пустыни Америки или Австраліи, между тѣмъ какъ, соединившись съ Россіей въ одну монархію, поляки могли бы сохранить свою національность, составляя часть Россійской имперіи. Мысль о союзѣ, о соединеніи съ Россіей не представляетъ новость; я изложилъ здѣсь тѣ попытки, которыя были сдѣланы съ этой цѣлью государственными людьми, вдохновленными Провидѣніемъ и дѣйствовавшими подъ вліяніемъ искренняго патріотизма и здраваго политическаго смысла.

Я прибавлю ко всему изложенному мною въ этихъ замѣткахъ письмо, написанное Игнатіемъ Ягелловичемъ, бывшимъ офицеромъ Сумскаго гусарскаго полка, человѣкомъ честнымъ, вполнѣ понимавшимъ положеніе польскаго дѣла и польской націи.

«Многіе поляки стараются доказать,—писалъ мнѣ Ягелловичъ,—что благосостояніе и будущность не только поляковъ, но и многихъ славянъ заключается въ соединеніи ихъ подъ властью германскаго императора; я не раздѣляю этого взгляда и имѣю достаточно историческихъ данныхъ въ настоящей и прошлой исторіи поляковъ, чтобы утверждать, что ни одна нѣмецкая династія не обладаетъ необходимыми качествами для того, чтобы привести славянъ къ свободѣ и благосостоянію: эта роль принадлежитъ единственно династіи, царствующей нынѣ въ Россіи. Я объявляю смѣло, что въ этомъ заключается истина, и говорю это самымъ ярымъ сторонникамъ германизаціи; пусть они оспариваютъ меня, я съумѣю отвѣтить имъ.

«Кто даровалъ амнистію нашему національному герою, Ѳаддею Костюшкѣ, и принялъ его съ уваженіемъ и благосклонностью; кто возвратилъ свободу ему и нѣсколькимъ тысячамъ поляковъ, сражавшихся противъ Россіи? Кто сдѣлалъ это съ такою добротою и великодушіемъ? Блаженной памяти императоръ Павелъ. Это первый примѣръ.

«Вторымъ примѣромъ служитъ императоръ Александръ I. Гдѣ найти монарха подобнаго ему по добротѣ и возвышенности чувствъ? Кто возвысилъ Польшу послѣ ея паденія, поставилъ ее на ноги и образовалъ Польское королевство? Ѳаддей Костюшко написалъ этому великодушному монарху благодарственное письмо и получилъ отъ него отвѣтъ, исполненный великодушія и доброты, который подобно лучу весенняго солнца

озарилъ послѣдніе дни стараго польскаго героя. Кто дозволилъ перевести въ Польшу остатки князя Іосифа Понятовскаго и приказалъ отдать имъ всѣ почести, щадя этимъ самолюбіе поляковъ? Все это было сдѣлано императоромъ Александромъ I.

«Императоръ Николай I во многихъ случаяхъ былъ добръ и великодушенъ къ полякамъ, и я испыталъ на себѣ его великодушіе.

«Развѣ императоръ Александръ II не простилъ васъ самихъ, не произнесъ вашей амнистіи и не предалъ всего забвенію, тогда какъ вы были, можно сказать, самымъ вреднымъ и самымъ послѣдовательнымъ врагомъ Россіи между всѣми поляками? Принявъ васъ съ чисто отеческою добротою, онъ сказалъ вамъ:

«Я люблю поляковъ и желаю имъ добра. Я хотѣлъ бы, чтобы всѣ они отличались такою же гражданскою доблестью, какую вы выказали».

«Александръ II не имѣетъ себѣ равнаго по добротѣ и великодушію.

«Если бы мои слова могли имѣть вліяніе на моихъ соотечественниковъ то я сказалъ бы имъ: «братья, подумаемъ серьезно и, ударивъ себя въ грудь, повторимъ: это наша вина». Этимъ мы выскажемъ только истину и не должны стыдиться ея. Богъ любитъ правду и прощаетъ тому, кто серьезно раскаивается.

«Я думаю и даже убѣжденъ въ томъ, что большая часть польскаго дворянства раздѣляетъ мое мнѣніе, только они не смѣютъ высказать этого по недостатку гражданскаго мужества, а равно изъ боязни, внушенной имъ революціонерами 1863 г. и религіознымъ фанатизмомъ ихъ духовенства.

«Однако пора бы собраться съ силами и высказаться рѣшительно. Пусть потомки освободителей Вѣны и былые товарищи нѣмцевъ, побѣдителей французовъ, подумаютъ о томъ, какова будетъ участь поляковъ славянъ, если они будутъ подчинены нѣмцамъ.

«Гогенцоллерны не скрываютъ своихъ намѣреній и той будущности, которую они готовятъ полякамъ и польскому дѣлу. Мы имѣемъ передъ глазами Померанію, восточную Пруссію и даже Познань; ихъ внутренняя организація свидѣтельствуетъ ясно о томъ, чего хотятъ нѣмцы: они хотятъ отнять у поляковъ землю и онѣмечить ихъ.

«Въ Германіи поляковъ не защититъ католицизмъ. Католическое духовенство далеко не пользуется въ Германіи тѣми преимуществами, какъ въ Россіи; послѣднія событія доказали, что германское правительство не остановится передъ самыми строгими мѣрами, когда дѣло идетъ объ огражденіи его основныхъ правительственныхъ принциповъ, и что оно преслѣдуетъ всегда свою цѣль до конца.

«Въ Галиціи издавна замѣчается антагонизмъ между польскимъ и русскимъ населеніемъ, принадлежащимъ къ одному и тому же племени, и между польскими вельможами и крестьянами; это извѣстно австрій-

скимъ властямъ, а между тѣмъ правительство не только не принимаетъ мѣръ къ устраненію подобнаго порядка вещей, но даже старается продлить и усилить его. Мнимая симпатія Австро-Венгріи къ возстаніямъ 1830 и 1863 гг., о которой такъ много говорили магнаты, скрывала только ихъ желаніе создать новыя затрудненія Россіи и парализовать во-время революціонныя тенденціи поляковъ. Всѣ эти симпатіи были лишь плодомъ уклончивой политики стараго Меттерниха, девизомъ котораго было «разъединить, чтобы властвовать», не давать никакихъ опредѣленныхъ правъ и привилегій, чтобы всегда имѣть возможность отмѣнить ихъ.

«Что касается симпатіи венгерцевъ, то я повторю по этому поводу то, что я говорилъ уже много разъ: въ 1848 г. поляки сражались вмѣстѣ съ венгерцами, польскіе генералы командовали венгерскими войсками, и польскіе политическіе дѣятели помогали венгерскому дѣлу своимъ вліяніемъ и своими трудами, поэтому поляки потребовали отъ венгерскихъ революціонеровъ, чтобы они отказались, отъ имени Венгріи, отъ польскихъ земель, доставшихся ей вслѣдствіе раздѣла Польши; съ этимъ требованіемъ поляки обращались къ Кошуту, Батьяни и Андраши, но венгерцы послѣ многихъ преній отвѣчали имъ: «нѣтъ, мы не можемъ (или, лучше сказать, не хотимъ) этого сдѣлать. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ симпатіи къ намъ венгерцевъ».

Таково было содержаніе этого письма.

Я не задавался цѣлью обсуждать въ своихъ запискахъ положеніе польскаго вопроса, но чистосердечно изложилъ въ нихъ нѣкоторые факты, которые я и предлагаю на обсужденіе поляковъ, совѣтуя имъ поторопиться, покуда еще есть время, чтобы не упустить благопріятнаго случая исправить сдѣланныя ими ошибки; вмѣстѣ съ тѣмъ я искренно желаю, чтобы соединеніе двухъ главныхъ славянскихъ народовъ въ одну монархію совершилось какъ можно скорѣе и чтобы поляки примкнули снова къ славянскимъ народамъ и, возвратившись къ исполненію своего долга, могли бы пользоваться вмѣстѣ съ русскимъ народомъ благодѣяніями монарха-освободителя и его преемниковъ.

Восточная политика Наполеона [1]).

По истеченіи столѣтія, насталъ наконецъ моментъ приступить къ безпристрастному изученію исторіи Наполеона, говоритъ профессоръ Дріо въ предисловіи къ своему труду, «La politique orientale de Napoléon, появившемуся въ Парижѣ въ текущемъ году. До сей поры весьма трудно было судить о немъ по тѣмъ произведеніямъ, которыя имѣются, и избавиться отъ чувства восхищенія, или ненависти къ его личности, вслѣдствіе чего въ теченіе долгаго времени трудно было выяснить истину. Казалось бы, что среди европейскихъ народовъ итальянцы могли первые отдать должную справедливостъ дѣйствіямъ Наполеона, ибо, хотя имъ пришлось долго ждать независимости и объединенія, которыя они надѣялись получить черезъ него, но все же они обязаны ему возрожденіемъ своей національности. Однако, подпавъ современемъ подъ иго Австріи и папства, итальянцамъ трудно было выказать благодарность тому, кто въ XIX вѣкѣ былъ первымъ королемъ Италіи, и ихъ историческая литература крайне бѣдна въ этомъ отношеніи. Исторія нуждается въ свободѣ.

Нѣмцы могутъ забыть зло, которое онъ сдѣлалъ имъ, теперь, когда совершилось ихъ объединеніе; но они съ трудомъ сознаются въ томъ, что онъ отчасти содѣйствовалъ этому великому дѣлу; они приписываютъ славу его исключительно своимъ собственнымъ государственнымъ дѣятелямъ. Англичане скорѣе дѣлаютъ исторію, чѣмъ пишутъ ее, и они посвятили императору Наполеону лишь небольшія сочиненія, имѣющія впрочемъ значительную цѣнность.

Что касается насъ, французовъ, имѣющихъ болѣе всего возмож-

[1]) Ed. Driault. La politique orientale de Napoléon. 1806—1808. Paris. 1904.

ности къ изученію исторіи императора Наполеона I и коихъ долгъ обязываетъ взять на себя этотъ трудъ, то мы не можемъ забыть зло, которое Наполеонъ причинилъ Франціи, оставя ее гораздо менѣе великой, чѣмъ онъ получилъ ее отъ Конвента, и того, что наслѣдникъ его продолжалъ идти по его стопамъ. Однако, избавляясь мало-по-малу отъ созданной имъ административной централизаціи, которая сдѣлалась современемъ чѣмъ-то въ родѣ крѣпостничества, возвращаясь къ привычкамъ свободнаго правленія и работая надъ исправленіемъ бѣдствій, причиненныхъ первой Имперіей, мы въ тайнѣ восхищаемся славными дѣяніями, совершенными Наполеономъ во главѣ великой арміи, сознавая, что онъ подготовилъ революціонный переворотъ, совершившійся въ Европѣ. Мы стали бы сожалѣть, если бы эта несравненная роль, послѣдствія которой чувствуются до сихъ поръ во всемъ свѣтѣ, не была бы съиграна французомъ. Такимъ образомъ, по отношенію къ Наполеону въ насъ выработалась смѣсь злобы съ благодарностью, изъ которыхъ получается безпристрастіе.

Главная суть Наполеоновскихъ дѣяній состоитъ въ интернаціональности ихъ характера; дѣянія эти болѣе европейскія и міровыя, чѣмъ французскія. Наполеонъ ускорилъ, самъ того не зная и не желая, развязку кризиса, подготовлявшагося уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, въ организаціи политической и соціальной Европы. Италія была въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій подъ иноземнымъ игомъ, но въ концѣ XVIII вѣка она болѣе не хотѣла мириться съ этимъ; у нея явилось тайное желаніе возродиться, и со времени Генриха IV и Ришелье политическою традиціею французовъ было изгнаніе изъ Италіи испанцевъ, а впослѣдствіи австрійцевъ. Въ этомъ отношеніи уже были достигнуты желанные результаты; въ Испаніи и Неаполѣ существовало уже стремленіе къ латинскому объединенію. Но эта эволюція шла медленно; нуженъ былъ сильный толчекъ, чтобы вызвать какой-либо существенный результатъ.

Россія подвигалась между тѣмъ гигантскими шагами къ Средиземному морю и къ центральной Европѣ; она, съ ужасающей скоростью, направлялась по «пути къ Византіи». Христіанское населеніе Балканскаго полуострова было этимъ взволновано и вслѣдствіе вѣковой ненависти къ Турціи звало къ себѣ московскихъ царей.

Италія, Германія и христіанское населеніе Турціи желали самостоятельности, хотѣли избавиться отъ посторонней власти сильныхъ государствъ, съ болѣе или менѣе неограниченной властью, т. е. Священной Римско-Германской имперіи, и блистательной Порты.

Эта національная эволюція была лишь извѣстнымъ проявленіемъ революціонной дѣятельности, мало-по-малу овладѣвшей умами восточной Европы. Французскіе философы работали главнымъ образомъ надъ чело-

вѣческой эмансипаціей; но эмансипація народовъ вытекла изъ побѣдъ революціи, ибо послѣдняя не только взывала къ правамъ человѣка и гражданина, но также къ правамъ народовъ, которые приняли ее съ энтузіазмомъ. Революція представляла собой неизбѣжный кризисъ, въ которомъ приняли участіе итальянскія, нѣмецкія и балканскія національности. Наполеонъ явился орудіемъ распространенія революціи во всей Европѣ, онъ удалилъ послѣднія препятствія, удерживавшія ее, и главнымъ образомъ Священную Римскую имперію, очищая все тамъ, гдѣ должна была образоваться обновленная Европа; былъ моментъ, когда вся Европа стала черезъ него мѣстомъ революціи, или полемъ, гдѣ должны были возрасти сѣмена революціи. Личная дѣятельность Наполеона была недолговременна; его имперія—это политическое зданіе изъ самыхъ непрочныхъ, которое когда-либо существовало; даже имперія Карла Великаго и та была прочнѣе. Вслѣдствіе понесенныхъ имъ пораженій, границы Франціи съузились. Императоръ хотѣлъ подавить Англію, онъ почти уничтожилъ Пруссію, побѣдилъ Россію при Аустерлицѣ и Фридландѣ, взялъ Москву. Но этимъ онъ лишь возбудилъ энергію ихъ національнаго генія, и вскорѣ послѣ него Англія, Пруссія и Россія стали самыми могущественными державами XIX вѣка.

Сѣмена, посѣянныя революціей, не были заглушены реакціей Священнаго Союза; народы не забыли свободу, которую надѣялись получить отъ Франціи; но имъ было отказано въ ней, и они потребовали ее, вслѣдствіе чего политическій обликъ Европы совершенно измѣнился. Несомнѣнно, что народы, благодаря присущей имъ внутренней силѣ, отстояли бы свои права и безъ участія Наполеона, новыя національности завоевали бы себѣ, по всей вѣроятности и безъ посторонняго вмѣшательства, право на существованіе, ибо народъ, который хочетъ жить, обладаетъ несокрушимой силой. Но кризисъ, вызванный наполеоновскими войнами, усилилъ и превратилъ въ потокъ революціонныя стремленія; безъ Наполеона революція быть можетъ ограничилась бы лишь одной Франціей, и кто знаетъ, не была ли она бы подавлена и во Франціи? Человѣчество такъ создано, что сила оружія необходима для побѣды идеи. Вслѣдствіе могущества революціи и толчка даннаго Наполеономъ, на развалинахъ, созданныхъ ими, выросли и стали выдѣляться національности, измѣнивъ карту современной Европы. Въ Италіи карбонаріи, которые требовали свободу въ началѣ царствованія Наполеона, продолжали требовать ее отъ Священнаго Союза; они взялись за оружіе, потерпѣли пораженіе и снова принялись за него. Либералы молодой Италіи совершили революцію 1848 г., они также были побѣждены, но также продолжали добиваться своего при помощью Піемонта и Наполеона III. Имъ посчастливилось, и Италія стала свободной, начиная отъ Альпъ до Средиземнаго моря;

Наполеонъ свергнулъ папу, итальянцы отняли у него Римъ, и новая Италія представляетъ какъ бы осуществленіе Наполеоновской идеи.

Германія, раздавленная Наполеономъ, познавъ невзгоды иностраннаго ига, сознала необходимость объединенія; Германія, исполненная ненависти къ Наполеону, можетъ считать 1813 годъ эпохой своего возрожденія. Впослѣдствіи нѣмецкіе либералы забыли Наполеона и изъ ненависти къ Австріи и Священному Союзу начали возлагать надежды на Пруссію; въ 1848 г. они старались соединить любовь къ свободѣ съ объединеніемъ великой Германіи, но были покинуты Пруссіей, побѣждены Австріей и наконецъ подпали подъ прусское иго, и Гогенцоллерны довершили въ свою пользу объединеніе нѣмецкой національности. Наполеонъ III далъ возможность свершиться Садовѣ; Седанъ и Эльзасъ-Лотарингія скрѣпили объединеніе нѣмецкаго народа.

Наполеонъ I остановилъ своимъ оружіемъ Россію въ ея поступательномъ движеніи къ Дунаю и къ Средиземному морю. Во время его царствованія русскіе цари не подвинулись ни на шагъ къ Константинополю, и послѣ его паденія имъ не удалось снова взяться за планы, которымъ онъ помѣшалъ. Вслѣдствіе этого Турція получила еще нѣсколько лѣтъ жизни, достаточныхъ для того, чтобы стать преградою для русскихъ, однако не достаточныхъ для того, чтобы помѣшать возрожденію христіанскихъ національностей. Болгары, сербы, румыны, албанцы и греки вздохнули подъ менѣе тяжелымъ игомъ мусульманъ. Франція временъ Реставраціи содѣйствовала освобожденію Греціи; Франція временъ Людовика-Филиппа помогла Египту почти окончательно освободиться изъ подъ власти Турціи. Наполеонъ III, продолжая защищать Порту противъ русскихъ царей, поощрялъ образованіе Румыніи. Однако мало-по-малу турки были заперты въ Константинополѣ, и, какъ сказано въ Тильзитскомъ договорѣ, «всѣ провинціи Оттоманской имперіи, исключая Константинополя и Румеліи, избавлены отъ турецкаго ига и напастей». Но это не принесло пользы ни русскимъ, ни французамъ. Тѣмъ не менѣе, когда присматриваешься въ наше время къ тому, какое вліяніе пріобрѣли нѣмцы на Балканскомъ полуостровѣ, въ проливахъ и въ Малой Азіи, вплоть до Багдада, то въ этомъ можно видѣть осуществленіе на практикѣ идей Талейрана и Наполеона, когда они хотѣли двинуть Австрію къ востоку, чтобы оттѣснить Россію въ Азію. Вообще мало существуетъ чертъ политической исторіи современной Европы, которыя не были бы созданы во времена Первой Имперіи. Вліяніе Наполеона и революціи чувствуется не только въ нѣкоторыхъ фактахъ, коснувшихся и послѣдующихъ поколѣній, но оно создало и измѣнило общій духъ Европы. Наполеоновская армія, казалось, шла впередъ для того, чтобы открыть до-

рогу могучему вліянію свободы и человѣческой эмансипаціи. Подобно предводителю революціонной шайки, онъ побѣждалъ лишь съ тѣмъ, чтобы уничтожить феодальный режимъ, барщину, господскую юрисдикцію, несправедливость, терпимую несчастнымъ простолюдиномъ, монополію высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, предоставленную до тѣхъ поръ дворянству. Задачей Наполеона было несомнѣнно уничтоженіе въ Германіи,Италіи и вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, отвратительной системы мелкихъ владѣтельныхъ княжествъ, пробудить народный духъ, смести остатки феодальной системы и очистить поле для развитія новыхъ, лучшихъ формъ общественной жизни. Въ странахъ, гдѣ власть Наполеона просуществовала настолько, чтобы дать время развитію революціонныхъ идей, которыя вносила эта власть, напримѣръ, въ Бельгіи, въ Рейнскихъ провинціяхъ, въ восточной Германіи, Швейцаріи и Италіи, тамъ не могла уже возродиться феодальная система; и эти страны сохранили съ соціальной точки зрѣнія родство съ новой Франціей, родство революціонное. А кто можетъ предугадать, гдѣ это вліяніе окончится? Когда Англія, вслѣдствіе реформъ 1832 г., вступила на путь демократизма, послѣ продолжительныхъ треволненій, совпавшихъ съ концомъ Первой Имперіи, развѣ не либеральныя идеи, пришедшія туда изъ Франціи, содѣйствовали этому?

Далѣе, не началась ли и въ отдаленной Россіи съ той поры агитація либеральнаго свойства? декабрскій переворотъ 1825 г. былъ первой большой манифестаціей въ этомъ духѣ, которая произошла довольно скоро послѣ смерти Наполеона; смѣло можно сказать, что польская революція также была отголоскомъ нашей іюльской революціи. Наполеонъ лично не желалъ этихъ переворотовъ, онъ даже не понималъ ихъ; революція, безсознательнымъ орудіемъ которой онъ является, повернулась противъ него. Но потому что Наполеонъ уничтожилъ старый режимъ, разрушилъ привилегіи, смялъ на пути своемъ травы, которыя никогда больше не могли подняться, потому что въ минуту возвращенія съ острова Эльбы, враги его, короли, уже совершили на Вѣнскомъ конгрессѣ реставрацію прошлаго, потому что окончательное его паденіе было во Франціи тріумфомъ Реставраціи и Бурбоновъ, потому-то цѣли его больше, чѣмъ когда-либо, слились съ цѣлями революціи; и его племянникъ воспользовался этимъ. Французская революція не была неожиданнымъ проявленіемъ новой эпохи, но центральнымъ кризисомъ политической и соціальной эволюціи, которая съ начала XVIII вѣка передѣлывала свѣтъ на демократическій ладъ. Вся исторія Наполеона представляетъ собой кризисъ, во время котораго, при самой драматической обстановкѣ розыгралась развязка великихъ національныхъ вопросовъ, стоявшихъ на очереди уже болѣе ста лѣтъ. Совершенно невозможно писать исторію политическихъ событій со-

временной Европы, не возвращаясь постоянно къ личности Наполеона, коего политика является какъ бы главною ихъ основою, также какъ наполеоновская Европа представляетъ собой какъ бы эскизъ или набросокъ новой Европы. Эта философія исторіи Наполеона не могла быть понята его современниками, ни даже послѣдующимъ поколѣніемъ. Она стала понятна лишь современемъ, главнымъ образомъ послѣ великаго національнаго движенія, начавшагося во всѣхъ странахъ въ царствованіе Наполеона III, и съ тѣхъ поръ какъ явилась возможность точнаго изученія великихъ законовъ современной исторіи.

Мнѣ кажется, что политику Наполеона невозможно понять, не изучивъ его восточной политики, которая составляетъ какъ бы первую главу современной исторіи. Въ этомъ отношеніи наполеоновская политика составляетъ также первую главу современной исторіи.

I.

Со времени своего возвращенія изъ Египта и до Аустерлица Наполеонъ мало обращалъ вниманія на Востокъ; онъ былъ занятъ упроченіемъ своей императорской власти; для чего онъ даже пожертвовалъ первыми морскими успѣхами, отказался отъ Іоническихъ острововъ и продалъ Луизіану Соединеннымъ Штатамъ. Прежде, чѣмъ расширить свою дѣятельность за предѣлами своей страны, онъ энергично забиралъ въ свои руки всѣ силы молодой Франціи; потомъ уже Аустерлицъ открылъ для него Востокъ; по Пресбургскому трактату Франція получила Истрію и Далмацію, а Италія Венеціанскую область; казалось, все наслѣдіе Венеціи на Средиземномъ морѣ сосредоточилось въ рукахъ Наполеона. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ отдалъ Востоку свои силы и энергичную дѣятельность; былъ моментъ, когда онъ посвятилъ Восточному вопросу всѣ силы своего геніальнаго ума. Затѣмъ другія заботы отвлекли вновь его вниманіе на Западъ, и онъ никогда уже не могъ серьезно приняться за прерванное дѣло. Восточная политика поглощала императора Наполеона съ іюня 1806 г. по мартъ 1808 г.; главнымъ довѣреннымъ лицомъ его въ этомъ дѣлѣ былъ генералъ Себастіани. Оттоманская Порта была въ то время громадной силой; это была одна изъ самыхъ обширныхъ имперій въ мірѣ, обширнѣе, чѣмъ когда-либо была Восточная или Греческая имперія и способная играть крупную роль въ политическихъ дѣлахъ Европы, и возбуждать всякіе аппетиты, съ той минуты, когда рѣшено было ея неминуемое паденіе. Мнѣніе это было всеобщее въ началѣ XIX вѣка, факты подтверждали его; опи-

бались лишь во времени, когда слѣдовало ожидать этого паденія; Турецкая имперія подвергалась въ теченіе 30 лѣтъ такимъ сильнымъ ударамъ и ея могущество въ XVIII столѣтіи было настолько поколеблено, что подобный взглядъ былъ вполнѣ понятенъ. Черное море не было уже исключительной собственностью Оттоманской имперіи; «эта дочь султановъ была изнасилована русскими»; границы имперіи были отодвинуты отъ воротъ Вѣны къ воротамъ Бѣлграда, и Россія совмѣстно съ Австріей, или каждая отдѣльно, тщательно изучали путь въ Византію. Поэтому необходимо точно выяснить положеніе этой страны въ тотъ моментъ, когда наполеоновская политика должна была ея коснуться.

Султанъ Селимъ III, съ которымъ Наполеонъ обмѣнялся выраженіемъ самыхъ дружескихъ чувствъ, вступилъ на престолъ 7-го апрѣля 1789 г., во время второй войны Екатерины II съ Портой, когда Суворовъ разрушалъ укрѣпленія на нижнемъ теченіи Дуная. Селимъ энергично продолжалъ начатую борьбу и удержалъ Россію на Востокѣ въ тотъ моментъ, когда происходили первыя европейскія осложненія, вызванныя французской революціей. Екатерина II вовсе не была намѣрена вести крестовый походъ противъ якобинцевъ во Франціи, изъ-за монархической власти. Съ другой стороны, революціонная Франція, ниспровергнувъ Людовика XVI, привлекла этимъ на свою голову австрійское оружіе и отвлекла его такимъ образомъ отъ границъ Турціи, Какъ и въ эпоху Франциска I, Франція и Порта имѣли общихъ враговъ; между Портой и революціонной Франціей уже давно существовали живыя симпатіи; въ Константинополѣ возникали якобинскіе клубы, гдѣ распѣвали революціонныя пѣсни и носили красные колпаки.

Съ самаго начала побѣдъ республиканской арміи, Селимъ III восхищался ея энергіей и способностями, и задумалъ преобразовать по ея примѣру военную силу Турціи; ему принадлежитъ великая заслуга военнаго возрожденія Турціи, остановившаго паденіе оттомановъ и продлившаго болѣе чѣмъ на сто лѣтъ ихъ пребываніе въ Европѣ. Въ 1796 г. генералъ Оберъ-Дюбайэ, посланный въ Константинополь Директоріей въ качествѣ посланника, привезъ съ собою, инженеровъ и офицеровъ; его пріѣзду предшествовала молва о его геройскихъ подвигахъ при осадѣ Майнца въ 1793 г., и ему были оказаны при пріѣздѣ выраженія самаго горячаго восторга. Селимъ надѣялся, что онъ создастъ ему армію героевъ, но для этого потребовалось бы болѣе времени, чѣмъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Оберъ-Дюбайэ, который умеръ нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Къ тому же французская республика возбудила въ султанѣ вскорѣ болѣе опасеній, чѣмъ восторга. Послѣ мира, заключеннаго въ Кампо-Форміо, онъ сильно безпокоился о томъ, чтобы французы не заняли Іоническіе острова, и предпочиталъ сосѣдство Венеціи сосѣдству Бона-

парта. Какъ бы велико было его волненіе, если бы ему была извѣстна корреспонденція Наполеона съ Талейраномъ, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Директоріи. «Іоническіе острова для насъ интереснѣе всей Италіи, взятой вмѣстѣ,—писалъ Бонапартъ. Я думаю, что если бы мы были вынуждены выбирать, то лучше было бы отдать Италію императору и оставить эти острова себѣ».

«Ничего нѣтъ важнѣе для насъ,—отвѣчалъ Талейранъ,—какъ встать твердой ногою въ Албаніи, въ Греціи, Македоніи и т. д.».

Это «и т. д.» заставило бы султана призадуматься. Съ этого времени Бонапартъ завязалъ переписку съ пашами Янины и Скутари, съ греками и эмирами Ливана; султану не была извѣстна эта корреспонденція и всѣ эти происки; тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ безпокоиться относительно намѣреній французскаго правительства, и когда армія Бонапарта высадилась въ Египтѣ, Директорія тщетно старалась увѣрить Порту въ своемъ доброжелательствѣ, заявивъ, что она собирается лишь наказать мамелюковъ за ихъ постоянное неповиновеніе султану. Селимъ не понялъ, что французы хотѣли только быть ему полезными, и Франціи была объявлена война; жившіе въ Оттоманской имперіи французы были заключены въ тюрьму и имущество ихъ конфисковано. Руфенъ (Ruffin), повѣренный въ дѣлахъ Франціи, былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ [1]).

«Восточный романъ» Бонапарта былъ блестящъ, но кратокъ; сраженіе подъ Пирамидами подняло энтузіазмъ французовъ, сраженіе при Абукирѣ подняло духъ англичанъ. Бонапартъ не взялъ С. Жанъ-д'Акра, покинулъ Египетъ, и Франція потеряла его, а впослѣдствіи и Мальту; она перестала быть опасной для турокъ, и имъ приходилось бояться скорѣе Россіи, Австріи и даже Англіи, которая, утвердившись съ той поры на Средиземномъ морѣ, не хотѣла покинуть его, охраняла путь въ Индію и выражала желаніе покровительствовать султану, который былъ встревоженъ именно этой новой и горячей дружбой. Переставъ быть сосѣдкой, Франція перестала быть врагомъ, и прежнія отношенія могли завязаться вновь. Такимъ образомъ, 9-го октября 1801 г. были заключены предварительныя условія мира, подписаннаго 26-го августа того же года. Первый консулъ возвратилъ султану Египетъ, и въ Египтѣ не осталось ни одного французскаго солдата; онъ гарантировалъ цѣлость Оттоманской имперіи и даже возвратилъ ей Іоническіе острова, которые должны были образовать республику Семи-Острововъ, подъ протекторатомъ Турціи и Россіи. Оттоманское правительство въ свою очередь возвращало Франціи ея конфискованныя владѣнія, подтвердило точнымъ образомъ прежнія капитуляціи, выгодныя для француз-

[1]) 12-го сентября 1798 г.

ской торговли, въ особенности капитуляціи 1740 г., и предоставило французскимъ купцамъ право плавать въ Черномъ морѣ. Руфенъ былъ вышущенъ изъ Семибашеннаго замка. Генералъ Брюнъ былъ назначенъ французскимъ посломъ въ Константинополь и отправился туда въ январѣ 1803 г., а Магометъ-Саидъ Галетъ-эфенди назначенъ турецкимъ посломъ въ Парижъ.

Бонапартъ отказался однако отъ Востока не безъ тайной мысли вернуться туда. Дня два спустя послѣ подписанія предварительныхъ условій мира 11-го октября 1801 г., или 21-го вендеміера X года, полковникъ Себастіани былъ посланъ въ Константинополь съ письмомъ отъ перваго консула къ султану. Онъ ѣхалъ черезъ Мюнхенъ, Вѣну, Рущукъ и прибылъ въ Константинополь 5-го фримера (24-го ноября 1801 г.). Несмотря на оппозицію пословъ русскаго, Тамары, и англійскаго, лорда Эльджина, Себастіани былъ принятъ хорошо. Лордъ Эльджинъ въ особенности проявлялъ желаніе дѣйствовать въ Константинополѣ въ высшей степени деспотично. Себастіани хотѣлъ представиться султану въ формѣ французскаго полковника; изъ-за этого возникла цѣлая исторія; онъ грозилъ уѣхать обратно, не передавъ письма Бонапарта, и въ концѣ концовъ настоялъ на своемъ.

На своемъ пути Себастіани видѣлъ всѣ оттоманскія провинціи разоренными, вслѣдствіе возстаній и разбоевъ. «Возстанія и анархія свирѣпствуетъ не только въ Босніи и Сербіи, но почти во всей имперіи,—писалъ онъ. Оттоманская держава, въ прошломъ столь могущественная, распадается со всѣхъ сторонъ, и мнѣ кажется, что ея существованіе близится къ концу». Близъ Виддина на Дунаѣ былъ всесиленъ Пасванъ-Оглу; капитанъ-паша и начальникъ янычаровъ были его друзьями вслѣдствіе того, что Пасванъ былъ противникомъ военныхъ реформъ султана. «Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы этому мятежнику пришла въ голову смѣлая мысль завладѣть Константинополемъ и даже имперіей, онъ могъ бы осуществить свой планъ. Но Пасванъ также ограниченъ въ своихъ проектахъ, какъ и въ моральномъ отношеніи, онъ не умѣетъ ни вести войну, ни жить въ мирѣ». Въ этомъ безпорядкѣ Себастіани видѣлъ выгоду для дѣйствій французовъ. «Быть можетъ, какой-нибудь ловкій посредникъ добился бы разрѣшенія Порты пустить въ дѣло французскій корпусъ для усмиренія или покоренія инсургентовъ... Весьма трудно заставить янычаръ рекрутовъ идти на войну, и такъ какъ они почти всѣ отцы семействъ, ремесленники, земледѣльцы и въ особенности слуги, то они боятся войны и страшны только для своихъ начальниковъ... Порта не скрываетъ, что жители Египта привязаны къ республикѣ и особенно къ первому консулу. Самъ лордъ Эльджинъ, говоря со мной объ этой странѣ, признался, что тамъ сильно жалѣютъ о французахъ».

*

Три мѣсяца спустя послѣ окончательнаго заключенія мира въ Парижѣ въ сентябрѣ 1803 г., Бонапартъ возложилъ на полковника Себастіани торговую миссію въ Средиземномъ морѣ, отъ Триполи въ Египетъ и Сирію. Этотъ необыкновенный коммерческій агентъ долженъ былъ «составить списокъ о состояніи портовъ, средствахъ арсеналовъ, посѣтить шейховъ въ Каирѣ и привлечь ихъ, предложивъ имъ посредничество французовъ, для улаженія недоразумѣній между турецкимъ пашой и мамелюкскими беями, осмотрѣть укрѣпленія въ Яффѣ, въ Іерусалимѣ и въ С. Жанъ-д'Акрѣ». Прибывъ въ Александрію, Себастіани, въ силу Аміэнскаго договора, потребовалъ очищеніе города отъ англійскаго войска, находившагося тамъ подъ командой генерала Стюарта. Въ Каирѣ Себастіани былъ принятъ съ большимъ почетомъ, и паша Куршидъ-Ахмедъ обѣщалъ самый радушный пріемъ французскимъ торговымъ агентамъ. Полковникъ навѣстилъ шейховъ и роздалъ имъ портреты Бонапарта, что̀ возбудило среди нихъ большой энтузіазмъ; «когда мы проходили по улицамъ,—говоритъ Себастіани,—всѣ вставали и кланялись намъ; каирскіе астрологи дѣлаютъ ежедневно предсказанія, касающіяся перваго консула».

То же самое происходило, повидимому, и въ С. Жанъ-д'Акрѣ. Полковникъ вернулся черезъ о. Занте, гдѣ онъ встрѣтилъ такое же сочувственное отношеніе къ французамъ: «я не разойдусь съ правдой,—говоритъ онъ,—утверждая, что острова Іоническаго моря когда угодно объявятъ себя французскими». Описавъ состояніе укрѣпленій и состояніе англійскаго и турецкаго войска, Себастіани присовокуплялъ: «Для завоеванія Египта было бы достаточно шести тысячъ французовъ». Донесеніе его было помѣщено въ «Moniteur» 30-го января 1803 г. и возбудило негодованіе Англіи. Султанъ также относился къ французскому правительству недовѣрчиво, и съ нимъ не удалось заключить союза противъ третьей коалиціи; въ 1804 г. Селимъ не соглашался даже въ началѣ признать Наполеона императоромъ; этотъ новый титулъ безпокоилъ его, онъ боялся, чтобы честолюбивые замыслы новаго императора не обратились противъ Востока еще съ большей силой, чѣмъ это было въ 1798 г. Тогда французскій посланникъ покинулъ Константинополь, оставивъ тамъ повѣреннаго въ дѣлахъ Руфена. Русскій и англійскій послы въ Константинополѣ, Италинскій [1]) и Стратонъ, не упускали случая поддержать дурное расположеніе Порты къ Франціи. Они выражали между прочимъ полнѣйшее презрѣніе къ новому императору, предсказывая въ недалекомъ будущемъ полное пораженіе его смѣшному честолюбію; восхваляли силу третьей коалиціи и увѣряли, что вся Европа поднимется противъ корсиканскаго узурпатора и отомститъ

[1]) Италинскій, Андр. Яковл., дипломатъ, р. 1743 † 1827.

за всѣхъ монарховъ, уже давно терпящихъ оскорбленіе. Они надѣялись добиться, какъ было въ 1799 г., союза Турціи.

Французовъ не было болѣе въ Египтѣ; но Селимъ не считалъ нужнымъ высказываться противъ Наполеона, полагая, что это было бы неосторожно; онъ выжидалъ и могъ впослѣдствіи поздравить себя за это. Въ тотъ моментъ, когда союзники объявили ему о предстоящемъ нашествіи на Францію, онъ узналъ о сраженіи подъ Аустерлицемъ, о Пресбургскомъ трактатѣ, о пораженіи Россіи, о неучастіи Пруссіи въ союзѣ, о пораженіи Австріи, о томъ, что Франція была полною хозяйкою въ Венеціи, Истріи, Далмаціи и Неаполитанскомъ королевствѣ, столь близкомъ къ Балканскому полуострову, и что Наполеонъ могъ бы наказать султана за его недоброжелательство. Тогда Селимъ поспѣшилъ признать Наполеона императоромъ,ославъ по этому случаю къ нему чрезвычайнымъ посломъ Мухиба-эфенди, принятаго торжественно 5-го іюня 1806 г. и сказавшаго императору: «Вы самый вѣрный, самый старый и самый необходимый союзникъ Оттоманской имперіи». Наполеонъ отвѣтилъ послу: «Все, что будетъ счастіемъ или несчастіемъ для Оттоманской имперіи, будетъ счастіемъ или несчастіемъ для французовъ». Въ тотъ же день, въ присутствіи оттоманскаго посла, Людовикъ Бонапартъ былъ объявленъ королемъ Голландіи, дядя Наполеона, кардиналъ Фешъ, былъ назначенъ коадъюторомъ и преемникомъ великаго канцлера Германской имперіи; Талейранъ получилъ титулъ принца Беневентскаго, а Бернадотъ названъ принцемъ Понто-Корво; нѣсколько дней спустя Наполеонъ былъ признанъ протекторомъ Рейнскаго союза. «Все это—писалъ Талейранъ Руфену,—докажетъ Портѣ могущество Франціи». День этотъ послужилъ началомъ тѣснаго союза Франціи съ Портой, который въ всѣхъ отношеніяхъ былъ очень цѣннымъ для Турціи; онъ оберегалъ ее отъ поползновеній Россіи.

II.

Необходимо мысленно перенестись за столѣтіе назадъ, чтобы судить объ опасности, которая угрожала неприкосновенности Оттоманской имперіи. Необходимо также изслѣдовать путь, пройденный русскими за послѣднюю четверть XVIII столѣтія, и принять во вниманіе, что скорость, съ которой этотъ путь былъ совершенъ, казалось, могла черезъ нѣсколько лѣтъ привести русскихъ къ Босфору. Царствованіе Екатерины II потому и считается столь славнымъ, что она, почти въ такой же степени, какъ и Петръ Великій, была основательницей русской политики; ея греческій проектъ еще болѣе, чѣмъ завѣщаніе Петра Ве-

ликаго, вдохновлялъ русскихъ царей XIX столѣтія и какъ знать— быть можетъ, онъ будетъ завѣтною мечтою и монарховъ XX вѣка.

Появленіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ въ 1771 г. было большимъ сюрпризомъ для Европы и историческимъ событіемъ капитальнаго значенія.

Флотъ покинулъ Петербургъ, взявъ съ собой англійскихъ лоцмановъ и офицеровъ, тогда еще не боявшихся честолюбія «московитовъ». Онъ подошелъ къ берегамъ Греціи, призвалъ грековъ къ борьбѣ за свободу и затѣмъ, оставивъ ихъ въ жертву турецкой мести, пошелъ уничтожать флотъ капитана-паши на Чесменскомъ рейдѣ.

Вся Европа ждала извѣстія о появленіи русскаго флота въ Константинополѣ, быть можетъ, даже о занятіи этого города и избавленіи Святой Софіи. Но русскіе не рѣшились испробовать свое счастье; они не появились подъ Константинополемъ, который баронъ Тотъ и французское посольство поспѣшили привести въ оборонительное положеніе.

Порта была однако такъ поражена всѣмъ случившимся, что поторопилась подписать 21-го іюля 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскій мирный договоръ, первый и самый характерный изъ трактатовъ, въ которыхъ мало-по-малу обрисовалась русская политика на Балканахъ. Было бы излишне перечислять статьи этого договора, изъ которыхъ нѣкоторыя оставались еще въ силѣ въ началѣ XIX столѣтія. Въ итогѣ трактата— независимость Крыма, занятіе Азова, Керчи и Кинбурна открывали Россіи окно въ Черное море, другими словами, на владѣнія, которыя Порта ревниво охраняла въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Россія становилась какъ бы покровительницей христіанъ Оттоманской имперіи, главнымъ образомъ, господарей Молдавіи и Валахіи. И, принявъ во вниманіе, что населеніе Балканскаго полуострова состоитъ, преимущественно, изъ христіанъ, становятся понятными слова дипломатическаго агента Австріи при Портѣ, Тугута: что «весь наборъ словъ, именуемый Кучукъ-Кайнарджійскимъ договоромъ, есть образецъ ловкости русскихъ дипломатовъ и рѣдкій примѣръ глупости турецкихъ посредниковъ. Вслѣдствіе ловкой комбинаціи отдѣльныхъ пунктовъ вышеупомянутаго трактата, Оттоманская имперія становится съ этого момента чѣмъ-то вродѣ русской провинціи».

Итакъ, на Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ можно смотрѣть какъ на главную основу всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій Россіи въ Оттоманской имперіи.

Екатерина встрѣтила въ лицѣ императора Іосифа II любезнаго корреспондента, и они выработали совмѣстно «греческій проектъ», окончательныя условія котораго видны изъ переписки, коей обмѣнялись оба монарха въ 1781 и 1782 г. Необходимо напомнить здѣсь эти условіи, дабы отмѣтить ту опасность, которая грозила Портѣ отъ

Россіи, и противъ которой Порта искала поддержки. Россія и Австрія намѣтили для себя лишь небольшія частички Оттоманской имперіи, но обращались съ ними уже какъ съ своей собственностью. Россія предполагала взять лишь землю между Бугомъ и Днѣстромъ, Очаковъ и одинъ или два изъ острововъ Архипелага, въ интересахъ торговли; Австрія оставляла себѣ Хотинъ, Малую Валахію, Никополь, Виддинъ, Орсово и Бѣлградъ; она собиралась также отнять у венеціанцевъ Истрію, Критъ, Кипръ и большинство острововъ Архипелага. Объ интересахъ Франціи на Востокѣ совсѣмъ забыли.

Изъ всей совокупности европейскихъ владѣній султана оба монархамечтатели созидали два христіанскихъ государства. Валахія, Молдавія и Бессарабія должны были образовать независимое христіанское государство, подъ названіемъ Дакіи; о томъ, кто будетъ властвовать надъ послѣднимъ, умалчивалось, быть можетъ, императрица не хотѣла точнѣе выяснить этотъ вопросъ, готовая властвовать тамъ, пока не выяснятся подробности. Остальная часть полуострова предназначалась для образованія Греческой имперіи, монархомъ которой долженъ былъ быть великій князь Константинъ, внукъ Екатерины II, родившійся 8-го мая 1779 г.; было условлено, что эта Греческая имперія никогда не будетъ присоединена къ Россіи. Эти два новыхъ государства, Дакія и Греческая имперія, должны были образовать прочную конфедерацію на нижнемъ теченіи Дуная, съ условіемъ не вредить австрійской торговлѣ пошлинами до самаго устья этой рѣки.

Греческій проектъ остался безплодной манифестаціей, представляющей интересъ лишь съ точки зрѣнія исторіи и обрисовывающей русское честолюбіе. Однако Екатерина II энергично старалась осуществить его, это было великой цѣлью ея царствованія, и она думала, что онъ составитъ ея славу. Императрица не потрудилась даже пріискать предлога для выполненія своего плана и мало стѣснялась съ оттоманскимъ правительствомъ, уже давно мысленно приговоривъ его къ паденію.

8-го января 1784 г. Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи, чѣмъ формально былъ нарушенъ Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ.

Усилены были херсонскія укрѣпленія и хорошо вооруженъ Севастополь. Русскій флотъ увеличился въ Черномъ морѣ и сталъ грозой для всѣхъ. Русская армія, состоявшая изъ 130.000 человѣкъ, была сосредоточена на югѣ Россіи. Греческій архіепископъ Булгарисъ былъ водворенъ въ Херсонѣ, и на него была возложена обязанность состоять въ постоянномъ сношеніи съ единовѣрцами въ Оттоманской имперіи, гдѣ онъ являлся такимъ образомъ агентомъ религіознаго протектората Россіи.

Русскій посолъ въ Константинополѣ Булгаковъ поддерживалъ въ турецкомъ совѣтѣ интриги и подкупалъ нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ должностныхъ лицъ. Согласно со смѣло обдуманнымъ и твердо выпол-

неннымъ планомъ русское вліяніе проникало въ самое сердце Турецкой имперіи

Послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта петербургское правительство снова принялось съ той же энергіей и постоянствомъ за колонизацію Новороссіи. Потемкинъ, изучая и эксплоатируя земледѣльческія богатства новаго края; населяя переселенцами мѣста, до той поры пустынныя; строя, какъ по мановенію жезла, города и деревни; пролагая дороги, дѣлая рѣки при годными для навигаціи, полагалъ основу блестящей будущности Одессы. Продукты черноземной полосы шли уже по рѣкамъ въ Черное море, и «русскій ледникъ» скользилъ, подобно фатальной силѣ, все ближе къ югу.

Екатерина II отправилась на югъ, чтобы видѣть первые результаты этой дѣятельности, принимала въ Херсонѣ императора Іосифа II, путешествовавшаго подъ именемъ графа Фалькенштейна; проѣзжала подъ тріумфальными воротами, надъ которыми она приказала поставить надпись «Путь въ Византію»; отказалась дать Портѣ потребованное ею объясненіе по этому поводу и была довольна, получивъ 26-го іюля 1787 г. объявленіе войны изъ Константинополя. Она надѣялась, что это былъ первый сигналъ къ крестовому походу противъ невѣрныхъ, и двинула съ горячей вѣрой суворовскую армію на Дунай; Австрія, самая страшная соперница, занявшая Сербію, являлась ея союзницей. Екатерина не боялась Франціи, занятой финансовыми и соціальными затрудненіями и разстроенной революціею.

За годъ передъ тѣмъ только-что умеръ Фридрихъ II (1786), и преемникъ его не обладалъ его геніемъ. Англія не имѣла еще никакихъ интересовъ въ Средиземномъ морѣ, слѣдовательно, не существовало преградъ на пути въ Византію.

Казалось, что слухи о побѣдахъ Суворова предвѣщали скорый конецъ существованію Турецкой имперіи въ Европѣ. Но въ 1790 г. умеръ императоръ Іосифъ II. Его братъ Леопольдъ II не увлекался химерами; онъ боялся, что Россія, ставъ владѣтельницей на Балканахъ, закроетъ для Австріи дорогу въ Средиземное море, составляющую естественный выходъ бассейна Дуная; онъ обратилъ вниманіе на событія во Франціи, принялъ участіе въ положеніи своего зятя Людовика XVI; слѣдилъ за интригами Пруссіи на Рейнѣ, и ему пришлось подавить революцію въ Брабантѣ; онъ отказался отъ грандіозныхъ мечтаній своего предшественника и повелъ болѣе практическую политику.

4-го августа 1791 г. онъ подписалъ вмѣстѣ съ Портой Систовскій трактатъ и сохранилъ, какъ плодъ своихъ побѣдъ, только Старое-Орсово и округъ Унны. Онъ не допустилъ Екатерину разрѣшить Восточный вопросъ безъ себя и предложилъ ей свое посредничество; онъ употре-

билъ всю свою власть для прекращенія непріятельскихъ дѣйствій, указалъ Екатеринѣ и прусскому королю на необходимость принять мѣры обороны противъ революціонныхъ идей, пришедшихъ изъ Франціи. Проектъ, отъ котораго Екатерина ожидала такъ много, не удался. Она была принуждена подписать съ султаномъ Селимомъ III миръ въ Яссахъ (9-го января 1792 г.), который, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, былъ лишь подтвержденіемъ трактата 1774 г. Россія сохранила отъ своихъ побѣдъ только Очаковъ и территорію между Бугомъ и Днѣстромъ, вмѣстѣ съ Крымомъ. Кромѣ того, Порта обязалась воздерживаться отъ всякихъ нападеній на грузинскихъ царей и на ихъ вассаловъ, обѣщая русской торговлѣ гарантію противъ варварійскихъ пиратовъ.

Слѣдовательно, миръ, заключенный въ Яссахъ, не былъ дальнѣйшимъ успѣхомъ Россіи въ ея поступательномъ движеніи къ югу и былъ скорѣе задержкою, встрѣченною ею на этомъ пути.

Такимъ образомъ, всѣ успѣхи, достигнуты Екатериною II въ этомъ смыслѣ, заключались почти всецѣло въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ, пункты этого трактата были, впрочемъ, такъ счастливо составлены для Россіи, что для нея оказывалось совершенно достаточнымъ ждать ихъ естественныхъ результатовъ; на помощь Россіи явился еще союзъ, заключенный Портою съ нею и съ Англіей противъ Франціи въ 1799 г. Въ то время казалось, что конецъ власти султана ускорился. Господари Молдавіи и Валахіи, греки, населявшіе Фанаръ, Мурузи и Ипсиланти, появились агитаторами въ пользу Россіи. «Они сыпали золото турецкому совѣту и подготовляли во всей имперіи революцію», писалъ Себастіани, пріѣхавъ въ 1806 г. въ Константинополь. Все греческое населеніе было призвано къ участію въ этой дѣятельности; первый сигналъ былъ данъ Сербіей, остальныя придунайскія провинціи должны были возстать въ свою очередь. Мурузи и Ипсиланти находились въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ греческимъ епископомъ въ Черногоріи; начиная отъ Чернаго моря вплоть до Адріатическаго, составился обширный заговоръ христіанскихъ населеній, подъ руководствомъ русскаго правительства и его агентовъ.

Но это было еще не все. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ давалъ Россіи право, предоставленное капитуляціей 1740 г. Франціи, т. е. право давать оттоманскимъ подданнымъ «бераты» или патенты на натурализацію; «бератли», или обладатели этихъ бератовъ, становились, такимъ образомъ, подданными французскаго или русскаго правительства, освобождаясь отъ повинностей и подчиненія турецкимъ законамъ. Начиная съ 1774 г., Россія стала злоупотреблять этимъ правомъ въ крупныхъ размѣрахъ, выдавая ежегодно тысячи такихъ бератовъ, и, отнимая у Порты, и пріобрѣтала тысячи новыхъ подданныхъ; этимъ Россія

угрожала распространить свое владычество, если не на территорію султана, то во всякомъ случаѣ надъ большинствомъ жителей его имперіи. Россія выжимала мало-по-малу соки Оттоманской имперіи. Вдобавокъ, Селимъ III, желая защититься въ виду опасностей, помощью необходимыхъ военныхъ реформъ, возбуждалъ этимъ противъ себя старыхъ турокъ, улемовъ и янычаръ, ненавистниковъ всякихъ реформъ.

И такъ, въ то время, когда русское вліяніе проникало какъ ядъ въ сердце Оттоманской имперіи, Султанъ былъ обезоруженъ: янычары болѣе не повиновались ему, не имѣли прежнихъ военныхъ качествъ и не соглашались на введеніе необходимыхъ военныхъ реформъ. Никогда еще Турецкая имперія не казалась такъ близка къ гибели; Селимъ еле держался въ Константинополѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, и на берегу Малой Азіи; авторитетъ его былъ поколебленъ и въ Европѣ и въ Азіи; всюду были непокорные паши или народы. Для довершенія полнаго паденія, не требовалось даже вмѣшательства которой-нибудь изъ европейскихъ державъ, оно совершалось само собой.

Если присмотрѣться къ турецкимъ провинціямъ, начиная отъ границъ Россіи и до Іоническаго моря, то вездѣ встрѣчались развалины султанской власти; Румынія составляла аванпостъ русскаго вліянія. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ создалъ для Россіи нѣчто похожее на протекторатъ этой страны. Въ сентябрѣ 1802 г. Россія получила отъ Порты хатти-шерифъ съ заявленіемъ, что господари будутъ впредь назначаться на 7 лѣтъ и не могутъ быть смѣняемы, безъ серьезной вины и безъ согласія на то петербургскаго правительства. Это обезпечивало Молдавіи и Валахіи нѣчто похожее на автономію, подъ соединеннымъ протекторатомъ Турціи и Россіи, вслѣдствіе чего онѣ переставали быть исключительно турецкими провинціями. Но оба господаря, Константинъ Ипсиланти и Александръ Мурузи, обращались чаще всего за инструкціями въ Петербургъ, а не въ Константинополь, вслѣдствіе чего Порта скоро стала смотрѣть на нихъ какъ на измѣнниковъ.

Болгарія, отдѣленная Дунаемъ отъ русскаго вліянія и находившаяся ближе къ Константинополю, была, несмотря на это, почти совершенно независима, подъ управленіемъ Пасвана-Оглу. Его примѣръ породилъ анархію и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ. Правительство не могло ограничить пашей, стремившихся къ независимости, такъ какъ сами министры входили въ соглашеніе съ ними и были одновременно ихъ сообщниками и покровителями, составляя себѣ этимъ способомъ громадныя состоянія. «Каждый непокорный паша имѣлъ сообщника въ министерствѣ». Формула турецкой администраціи была очень проста: «Бери все, что хочешь, но отдай мнѣ львиную часть».

Среди всѣхъ пашей Пасванъ былъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, самымъ могущественнымъ. Онъ былъ хозяиномъ Болгаріи и Восточной

Сербіи, могъ мечтать о низверженіи султана и объ образованіи великой Болгарской имперіи, но, какъ истый мусульманинъ ненавидя и презирая райю, онъ явился самымъ могучимъ противникомъ сербовъ, когда они возстали въ 1804 г. противъ власти султана подъ предводительствомъ Карагеоргіевича; точно также когда, въ 1806 г., русскіе вступили въ Молдавію и двинулись къ Бѣлграду, который былъ взятъ въ то время сербами, Пасванъ явился и ихъ грознымъ противникомъ; онъ энергично уничтожилъ всѣ интриги, которыя на его взглядъ были полезны русскимъ и сербамъ, и съ этой цѣлью приказалъ обезглавить епископа въ Виддинѣ и четырехъ священниковъ. Одно время онъ былъ могучимъ властелиномъ своего положенія и съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ, что относилось къ ожидаемому распаденію Оттоманской имперіи, надѣясь получить при этомъ и свою долю. Онъ уже готовъ былъ возстать, чтобы создать этимъ Портѣ новое затрудненіе, но удержался вслѣдствіе вліянія французскаго посольства, съ которымъ онъ поддерживалъ дружескія сношенія.

Въ то время Пасвану-Оглу не было еще 50 лѣтъ и если Оттоманская имперія была приговорена къ скорой гибели, какъ казалось тогда, то онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые могли болѣе всего этимъ воспользоваться.

Пасванъ былъ силенъ и богатъ, имѣлъ въ концѣ 1806 г. на 25 милліоновъ золота и драгоцѣнныхъ камней, огромные магазины съ провіантомъ и аммуниціей, 360 пушекъ, 1.200 лошадей и громадную движимость. Это былъ необыкновенный человѣкъ, по отзыву Меріажа, посланнаго Наполеономъ въ Виддинъ, чтобы слѣдить за событіями. Правленіе Пасвана было чисто восточной смѣсью самой строгой справедливости съ жестокостью; онъ представлялъ изъ себя типъ султановъ изъ тысячи и одной ночи; онъ принуждалъ турокъ къ покорности, покровительствовалъ грекамъ и болгарамъ, которыхъ находилъ необходимыми для земледѣлія и промышленности; наказывалъ палками тѣхъ, которые затягивали уплату купцамъ, поступая такъ въ интересахъ торговли. Однажды онъ пришелъ къ одному греку и спросилъ у него молока; грекъ, не имѣвшій у себя молока, отправился за поисками въ ближайшую деревню; на слѣдующій день онъ получилъ въ подарокъ отъ Пасвана 24 буйвола. Желая женить своего вѣрнаго слугу на дочери богатаго аги, онъ обезглавилъ послѣдняго за несогласіе его на этотъ бракъ и выдалъ въ тотъ же день его дочь за этого человѣка. Пасванъ былъ небольшаго роста, худой, съ вѣчно безпокойнымъ умомъ. Онъ давалъ аудіенціи съ утра до вечера; у его подчиненныхъ, которые были принуждены стоять во время аудіенціи въ глубинѣ его аппартаментовъ безъ всякаго движенія, не хватало силъ. Вслѣдствіе постояннаго стоянія на ногахъ, опираясь о стѣну, чтобы спать стоя, одинъ изъ его

приближенныхъ получилъ неизлѣчимую болѣзнь ногъ. Самъ Пасванъ часто не могъ удержаться, чтобы не задремать на диванѣ, изнемогая отъ усталости; если ему въ такое время приносили кушать, приказано было избѣгать малѣйшаго шума, и слуга, державшій блюдо обѣими руками, долженъ былъ оставаться такъ до пробужденія своего господина; одинъ изъ нихъ былъ обезглавленъ, потому что не умѣлъ простоять такъ, а другой сталъ калѣкой. Трупы жертвъ Пасвана бросались собакамъ на гласисахъ крѣпостей, это было обыкновеннымъ зрѣлищемъ. До чего дошелъ бы этотъ тиранъ, если бы онъ прожилъ долѣе? Въ концѣ 1806 г. онъ является орудіемъ паденія Оттоманской имперіи; черезъ него Болгарія становится независимой отъ Константинополя.

Сербія была уже въ ту эпоху аванпостомъ австрійскаго вліянія на Балканахъ.

Черногоріи почти удалось избѣгнуть турецкаго завоеванія; однако эти здоровые горцы были всегда вооружены противъ сосѣднихъ пашей, неоднократно, хотя и тщетно пробовавшихъ подчинить ихъ. Въ 1796 г. Селимъ III призналъ независимость Черногоріи и даже согласился подтвердить, что «черногорцы никогда не были подданными Высокой Порты». Съ цѣлью получить еще бо́льшую гарантію своей свободы, черногорцы, подобно сербамъ, искали союза съ Россіей, отъ которой они въ 1804 г. получили оружіе и субсидію.

Для французской Далмаціи они часто являлись безпокойными сосѣдями. Паши Босніи и Герцеговины были, въ описываемую эпоху, почти подвластны Константинополю, и управляемое ими населеніе было почти спокойно. Греки не успѣли еще придти въ себя отъ того смущенія, которое произвело среди нихъ появленіе русскаго флота въ 1770 г. Клефты становились все отважнѣе въ горахъ, а пираты на островахъ. Купцы ихъ образовывали въ крупныхъ портахъ Средиземнаго моря богатыя колоніи, гдѣ ревностно поддерживалась любовь къ отечеству; то были предвѣстники и первые признаки великаго крестоваго похода за свободу. При малѣйшемъ событіи вся Грецiя содрогалась, волнуемая радостною надеждою. Когда французы заняли послѣ мира, заключеннаго въ Кампо-Форміо, Іонійскіе острова, греки ожидали найти въ нихъ избавителей и проявили къ нимъ горячій энтузіазмъ.

Бонапартъ вздумалъ извлечь нѣкоторую пользу изъ этого настроенія и поддерживалъ интересную переписку съ янинскимъ пашой, Али Тебенели. Этотъ Али-паша, судя по отзывамъ разныхъ французскихъ агентовъ, былъ отчаяннымъ бандитомъ, находившимъ удовольствіе проливать кровь, но не лишеннымъ политическихъ вожделѣній. Въ Янинѣ онъ властвовалъ съ своими бандитами, которыхъ размѣстилъ въ частныхъ домахъ, гдѣ они безпрепятственно предавались разврату; замѣтивъ однажды въ городѣ молодую женщину изъ хорошей семьи и

замѣчательной красоты, по имени Ефросинія, онъ сталъ добиваться ея расположенія. Сыну Али, Мухтаръ-пашѣ она также нравилась, но не отвѣчала на его ухаживаніе; тогда послѣдній ворвался къ ней въ домъ и силой заставилъ исполнить свое желаніе. Объ этомъ узналъ Али и проявилъ на ней свою месть. Онъ отправился къ Ефросиніи съ шайкой убійцъ и отдалъ несчастную въ ихъ распоряженіе. Потомъ онъ имѣлъ наглость объяснить свой поступокъ заботою о поддержаніи нравственности: 16 молодыхъ женщинъ были вмѣстѣ съ Ефросиніей приговорены къ смерти и брошены въ сосѣднее озеро, обвиняемыя въ томъ, что состояли въ связи съ сыновьями паши. Али-паша былъ страшно корыстолюбивъ. Онъ объявлялъ себя наслѣдникомъ всѣхъ богатыхъ семействъ, грабилъ цѣлыя деревни, царилъ лишь посредствомъ убійствъ и пожаровъ; населеніе бѣжало и толпами скрывалось въ Венеціи и въ Тріестѣ; если бы полиція не старалась удерживать жителей, городъ опустѣлъ бы совсѣмъ. Съ помощью денегъ, онъ поддерживалъ смуты въ сосѣднихъ провинціяхъ, для того, чтобы ни въ комъ не имѣть соперниковъ. Али хотѣлъ силой завладѣть Бератскимъ пашалыкомъ, но Ибрагимъ-паша имѣлъ сильную поддержку въ храбромъ населеніи сулліотовъ, и въ 1792 г. армія Али была окончательно уничтожена сулліотами въ Ахеронской долинѣ. Гнѣвъ Али былъ ужасенъ, и месть его наступила не скоро, но была ужасна. Снова образовавъ армію, онъ пошелъ въ страну сулліотовъ и, блокируя ихъ въ скалахъ, продержалъ такимъ образомъ въ осадномъ положеніи три года (1801—1803). Не имѣя силъ терпѣть дольше, они сдались; первые сдавшіеся были убиты, но сначала подверглись пыткѣ; остальные сами покончили съ собой, чтобы не попасть въ руки побѣдителямъ, женщины кидались въ пропасти со своими дѣтьми. Послѣ этого Али сдѣлался еще болѣе жестокимъ, если это было возможно, стараясь навести на всѣхъ страхъ. Онъ грабилъ селенія, въ преданности которыхъ не былъ увѣренъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они помогаютъ «бандитамъ», свои же собственныя злодѣянія считалъ побѣдами надъ бандитами.

Золото дѣлало его всемогущимъ въ глазахъ Порты, и злодѣянія его награждались. Онъ занялъ Охриду, крѣпость на границахъ Албаніи и Македоніи, отнялъ ее у скутарійскаго паши, котораго объявилъ мятежникомъ. Посредствомъ подкуповъ онъ возбуждалъ безпорядки въ Софіи, въ Филиппополѣ до самаго Адріанополя, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, не былъ безучастенъ въ волненіяхъ янычаръ. Порта назначила его бейлербеемъ Румеліи съ цѣлью возстановленія тамъ порядка, и какъ по волшебству тамъ явился порядокъ, и Али-паша совершилъ тріумфальное путешествіе черезъ Монастырь въ Филиппополь. Султанъ, обезпокоенный его близостью, послалъ Али въ Янину; онъ подчинился волѣ султана, но послѣ него Румелія снова

впала въ анархію, и константинопольское правительство въ теченіе многихъ лѣтъ не могло справиться съ этой провинціей. Вслѣдствіе всего этого, престижъ Али былъ громадный и авторитетъ его страшенъ даже для Порты. Въ Греціи онъ имѣлъ репутацію непреклоннаго и жестокаго человѣка и былъ полнымъ хозяиномъ въ Албаніи и въ Эпирѣ. Онъ мечталъ о блестящей судьбѣ короля Пирра, объ уничтоженіи династіи Оттомановъ и о возрожденіи Балканъ подъ его властью.

Много было вообще такихъ людей, которые мечтали о преобразованіи Оттоманской имперіи въ свою пользу. Поэтому, Селимъ III имѣлъ основаніе безпокоиться, понимая поползновенія Махмеда-Али въ Египетѣ, Пасвана-Оглу въ Болгаріи, Карагеоргіевича въ Сербіи, и Али-паши въ Эпирѣ. Распаденіе Оттоманской имперіи началось уже тогда, неизвѣстнымъ казалось лишь то, какое имя будетъ носить тотъ герой, который построитъ на развалинахъ ея новое зданіе.

Въ августѣ 1806 г., когда Наполеонъ завязалъ вновь сношенія съ Востокомъ, принялъ султанскаго посла и назначилъ Себастіани въ Константинополь, Оттоманская имперія, какъ мы видѣли, была близка къ гибели. Дѣйствительно, правительство султана было безсильно; старая армія янычаровъ не повиновалась ему; паши въ Европѣ и въ Азіи становились самостоятельными, и нѣкоторые даже опасными; но, несмотря на это, ни одинъ изъ нихъ не могъ, повидимому, остановить замысловъ Россіи, которая все еще стремилась къ осуществленію греческаго проекта; она покровительствовала подданнымъ султана, привлекая ихъ къ себѣ и завоевывая сначала подданныхъ султана, собиралась завоевать и его территорію. Россія ожидала лишь случая, чтобы довершить окончательное паденіе Оттоманской имперіи, такъ искусно ею подготовленное.

Но у Наполеона также были свои замыслы относительно Турціи. Въ 1806 году онъ не хотѣлъ допустить Россію къ Средиземному морю и не былъ расположенъ дѣлить съ нею древній римскій міръ. Это составляло главную суть его восточной политики какъ до Тильзита, такъ и послѣ него. Дѣйствуя противъ Россіи силой или хитростью, онъ постоянно сдерживалъ ее, и пока былъ живъ Наполеонъ, русскіе не сдѣлали ни одного шага впередъ на пути къ Византіи. Никто не сомнѣвается въ томъ, что онъ желалъ царить въ Средиземномъ морѣ; быть можетъ, онъ даже мечталъ, давая свободу своему воображенію, сдѣлать изъ Константинополя, какъ онъ это сдѣлалъ изъ Рима и Аахена, одну изъ своихъ столицъ. Какъ бы то ни было, онъ не дозволилъ ни русскому императору, который по его понятіямъ былъ не что иное, qu'un tzar, или азіатскій ханъ, ни австрійскому императору, преемникомъ котораго считалъ себя,—преградить ему

путь на востокъ. Всѣмъ извѣстна знаменитая записка Талейрана изъ Страсбурга къ Наполеону въ окт. 1805 г. Предугадывая положеніе Австріи, министръ совѣтовалъ императору заключить съ нею прочный миръ, представивъ ей условія, которыя могли бы быть ею приняты. Австрію, изгнанную изъ Италіи и Германіи, достаточно было бы вознаградить на Востокѣ, у нижняго Дуная; тамъ она нашла бы для себя новое поприще и сдѣлалась бы грозной соперницей Россіи, двинувъ послѣднюю къ Азіи. Россія, въ свою очередь, отодвинутая отъ Дуная и Босфора, была бы принуждена войти въ глубь Азіи и стала бы тамъ страшной соперницей Англіи на границахъ Индіи. Для Франціи осталась бы Западная Европа и Средиземное море, для Австріи,—Восточная Европа и Балканы, а Россіи—Азія.

Какъ ни грандіозна была мысль Талейрана, однако она уступала идеѣ Наполеона. Императоръ хотѣлъ раздробить Австрію, у которой намѣревался отнять императорскій титулъ и титулъ римскихъ королей. Онъ хотѣлъ удалить Россію, и, по его понятіямъ, весь міръ долженъ былъ составить одно грандіозное политическое единство. Онъ хотѣлъ быть «императоромъ» и вновь возсоздать обаяніе этого всеобъемлющаго титула.

Наполеонъ не желалъ видѣть въ Константинополѣ ни Австріи, ни Россіи и мечталъ сохранить для себя наслѣдіе ослабленнаго султана, подобно наслѣдію изнеможенной Священной имперіи. По Пресбургскому трактату онъ отнялъ у нея Венецію и Далмацію, безъ серьезнаго вознагражденія, и послалъ въ Константинополь Себастіани, чтобы остановить Россію. Пресбургскій трактатъ далъ Франціи Далмацію и бухты, называемыя Бокка ди Каттаро. Австрійскій военачальникъ Каттаро сдалъ городъ русскимъ до прихода французовъ. Въ отвѣтъ на это, генералъ Лористонъ занялъ Рагузу, небольшую республику, признававшую сюзеренство Порты.

Оттоманское правительство протестовало, опасаясь французскаго утвержденія на Балканскомъ полуостровѣ. Руфенъ успокоилъ Порту оффиціальной нотой отъ 17-го іюня, объяснивъ, что оккупація Рагузы лишь временная и что необходимо было помѣшать русскимъ завладѣть республикой. Русскіе, высадивъ свои войска въ Каттаро, соединились съ черногорцами числомъ въ 1.200 человѣкъ и атаковали Лористона въ Рагузѣ. Генералъ Молиторъ подоспѣлъ съ подкрѣпленіемъ, и русскіе потерпѣли неудачу; «какой позоръ для русскихъ присоединиться къ такимъ разбойникамъ черногорцамъ,—писалъ по этому случаю французскій консулъ въ Рагузѣ. «Франція и тутъ является представительницею цивилизаціи противъ варварства,—писалъ онъ далѣе. А Талейранъ просилъ оттоманскаго посла въ Парижѣ принять энергичныя мѣры противъ черногорцевъ, смѣнить требинскаго пашу, пропу-

стившаго черногорцевъ, для атаки французовъ, и доказывалъ ему, что было бы въ интересахъ Турціи уничтожить это гнѣздо бандитовъ, въ чемъ Наполеонъ охотно пришелъ бы на помощь турецкому правительству, платилъ бы жалованіе турецкимъ солдатамъ, посланнымъ въ Черногорію, и съ разрѣшенія Порты присоединилъ бы къ нимъ французское войско».

Было также необходимо усмирить возстаніе въ Сербіи, столь благопріятное для русскихъ и австрійскихъ предпріятій. Наполеонъ предложилъ вскорѣ султану помощь французской арміи, взамѣнъ чего хотѣлъ получить Родосъ. Наполеону было необходимо войти въ соглашеніе съ Турціей и въ тѣсный союзъ съ ней. Порта, повидимому, была къ этому склонна, но боялась Россіи и Англіи; ей вообще было трудно соблюдать равновѣсіе между Франціей и ея врагами. Однако, послѣ Аустерлица, было бы неосторожно со стороны Порты отклонять по-прежнему предложенія, дѣлаемыя Наполеономъ, и поэтому къ нему было послано чрезвычайное посольство, съ извѣщеніемъ о томъ, что оттоманское правительство оффиціально признаетъ его императорскій титулъ. Наполеонъ хотѣлъ придать особенное торжество этой церемоніи; онъ хотѣлъ заставить Порту высказаться откровенно по отношенію къ нему; произошелъ обмѣнъ самыхъ дружескихъ манифестацій.

Главнымъ представителемъ Наполеона на Востокѣ, спеціальнымъ орудіемъ, избраннымъ имъ для осуществленія его мысли, былъ генералъ Себастіани. Поэтому инструкціи, данныя ему, имѣютъ большое значеніе. Эти инструкціи были продиктованы самимъ императоромъ, прежде чѣмъ попасть подъ перо Талейрана, который облекъ ихъ въ болѣе корректную дипломатическую форму. Вотъ краткія замѣтки, продиктованныя императоромъ:

1) Внушить Портѣ довѣріе и чувство безопасности; Франція желаетъ лишь укрѣпить ее.

2) Тройственный союзъ, состоящій изъ меня, Порты и Персіи, противъ Россіи.

3) Дѣйствовать не высокомѣріемъ, а дружбою, стараться, чтобы Порта сообщала послу намѣренія Россіи и Англіи.

4) Я нигдѣ не буду поддерживать бунтовщиковъ.

5) Чтобы союзъ съ Портой былъ ясенъ Россіи, Англіи и всей Европѣ.

6) Относиться непріязненно къ Россіи; не допускать никакой интимности съ ея посольствомъ.

7) Закрыть Босфоръ для Россіи; закрыть всѣ порты и вернуть Портѣ владычество въ Молдавіи и Валахіи.

8) Я не желаю дѣлить съ кѣмъ бы то ни было владычество въ

Константинополѣ; если бы даже мнѣ предложили три четверти этого владычества, я не пожелаю его. Я намѣренъ утвердить и укрѣпить эту великую имперію и употребить ее таковой для сопротивленія Россіи.

Себастіани тотчасъ же отправился въ Константинополь. 10-го іюля онъ уже былъ въ Вѣнѣ, а 28-го прибылъ въ Бухарестъ. Въ это время, 20-го іюля, былъ заключенъ миръ между Россіей и Франціей, по которому Россія отдавала Франціи Каттаро и признавала независимость Іоническихъ острововъ. Рагуза также должна была получить снова независимость подъ гарантіей Порты. Франція и Россія обезпечивали независимость и неприкосновенность Оттоманской имперіи. Это соглашеніе могло поставить Себастіани въ крайне затруднительное положеніе, отнимая у данныхъ ему инструкцій большую часть ихъ значенія.

Наполеонъ получалъ безъ выстрѣла драгоцѣнные преимущества на Востокѣ, а Россія отказывалась отъ всѣхъ своихъ позицій на Средиземномъ морѣ и удалялась въ Черное море. Одновременно съ этимъ, Наполеонъ становился полнымъ хозяиномъ въ Западной Германіи и трактовалъ о мирѣ съ англійскимъ правительствомъ. Всеобщій миръ казался близкимъ; Аустерлица, казалось, было достаточно для того, чтобы утвердить преобладаніе Наполеона въ Европѣ.

Но договоръ не былъ ратификованъ русскимъ царемъ, и Убри, подписавшій его, былъ немедленно отозванъ. 10-го сентября Талейранъ увѣдомилъ объ этомъ Себастіани въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «отказъ въ ратификаціи происходитъ отъ доброжелательнаго отношенія Россіи къ Турціи. Россія не желаетъ обезпечить ни ея независимость, ни независимость Рагузы, ни покинуть черногорцевъ. Она не желаетъ укрѣпленія Оттоманской имперіи. Россія хотѣла бы постоянно поддерживать въ ней безпорядки и воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы напасть на страну, изнуренную внутренними неурядицами. Слѣдовательно, надо дѣйствовать энергично, закрыть русскимъ Босфоръ и помѣшать имъ окружать Турцію происками со всѣхъ сторонъ». Такимъ образомъ, инструкціи, данныя Себастіани, получили вновь свою силу. Отказъ въ ратификаціи являлся новымъ оскорбленіемъ, произведшимъ на Наполеона сильное впечатлѣніе.

Со смертью Фокса прекратились переговоры съ Англіею. Въ то же время Пруссія, въ свою очередь, вступила въ борьбу, образовавъ вмѣстѣ съ Россіей и Англіей четвертую коалицію. Политическое положеніе становилось все мрачнѣе, и непріязненныя чувства высказывались съ болѣе страстной горячностью; Константинополь сдѣлался неожиданно полемъ сраженія, въ которомъ собиралась принять участіе вся Европа. Миссія Себастіани становилась весьма важной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса.

Послѣ двухъ десятилѣтій наполеоновскихъ войнъ, истощившихъ Европу, настало время мирнаго ея развитія, при чемъ все болѣе пріобрѣтало значеніе чувство національности въ каждомъ государствѣ, а также сознаніе общности европейскихъ интересовъ, выразившееся въ нѣсколькихъ конгрессахъ [1]) державъ, которыя собирались для обсужденія положенія дѣлъ въ томъ или другомъ государствѣ, почему-либо внушавшаго опасенія общему спокойствію Европы. Такія явленія возникали не разъ.

Такъ въ Пруссіи, которой королевскимъ указомъ 20-го мая 1815 г. обѣщаны были представительное правленіе и земское представительство, развивались всякія патріотическія надежды и пламенныя мечты среди молодежи, подъ вліяніемъ составившихся въ 1815 г. товариществъ (Burschenschaft), преимущественно среди студентовъ, имѣвшихъ цѣлію между прочимъ составить изъ нѣмецкой молодежи нѣмецкій народъ. По случаю празднованія 8-го октября 1817 г. въ Эйзенахѣ трехсотъ-лѣтняго юбилея реформаціи студенты и депутаты другихъ нѣмецкихъ университетовъ зажгли большой костеръ, въ который бросали разныя реакціонерныя сочиненія, австрійскую капральную палку, гессенскую косу, прусскую гвардейскую шнуровку и т. д., при чемъ произносились рѣчи и одинъ изъ говорившихъ сравнивалъ это съ сожженіемъ Лютеромъ папской буллы въ 1520 г.

---

[1]) Подобные конгрессы, не упоминая уже о Вѣнскомъ 1815 года, собирались въ Троппау въ октябрѣ 1820 г., Лайбахѣ въ 1821 г., и въ Веронѣ въ октябрѣ 1822 г., для обсужденія волненій, происходившихъ въ Италіи и Испаніи по преимуществу.

Всему этому придали большое политическое значеніе. Не много спустя полупомѣшанный студентъ Зандъ убилъ писателя Коцебу, не пользовавшагося въ нѣмецкой литературѣ особенно лестною репутаціею, а немного позже было сдѣлано покушеніе на жизнь нассаускаго государственнаго сановника Ибеля. Все это повлекло за собою различныя преслѣдованія, и австрійское правительство, для прекращенія такихъ явленій, предложило принять рядъ крутыхъ мѣръ, которыя были выработаны на совѣтѣ уполномоченныхъ отъ различныхъ нѣмецкихъ правительствъ, собравшихся въ Карлсбадѣ въ 1819 году, подъ предсѣдательствомъ самого Меттерниха. Рѣшено было, для поддержанія порядка и безопасности въ Германіи, подвергнуть университеты строгому надзору особыхъ коммиссаровъ, обязанныхъ слѣдить за студентами и профессорами, подчинить строгой цензурѣ всѣ книги и періодическія изданія менѣе 20 листовъ каждое, уничтожать всякое сочиненіе вредное для спокойствія, достоинства и безопасности одного изъ нѣмецкихъ государствъ и т. д.

Пруссія также подчинилась этимъ карлсбадскимъ постановленіямъ, несмотря на противодѣйствія извѣстнаго Вильгельма Гумбольдта.

На югѣ Европы также стало проявлять свою дѣятельность тайное общество карбонаріевъ (угольщиковъ), давно уже существовавшее въ Италіи и Испаніи, и имѣвшее стройную организацію. Итальянскія государства своими суровыми преслѣдованіями всего, что напоминало революцію и господство французовъ, и своею реакціонерною политикою вообще вызвали большое неудовольствіе въ различныхъ частяхъ Италіи, и карбонаріи, пользуясь этимъ, произвели наконецъ открытыя возстанія въ Неаполѣ, Моденѣ, Туринѣ, которыя были подавлены при содѣйствіи австрійскихъ войскъ.

Отдаленные отголоски этихъ безпорядковъ доносились и до Польскаго королевства, въ которомъ также проявились и безпорядки среди студентовъ и тайныя общества карбонаріевъ. Великій князь Константинъ Павловичъ 27-го февраля 1820 года [1]) доносилъ его величеству, что получилъ свѣдѣнія отъ жандармовъ, что семь студентовъ учебныхъ заведеній въ Калишѣ образовали общество въ духѣ демагогіи, распространенной въ Германіи, по программѣ, доставленной изъ Бреславля. Къ этому обществу принадлежали и нѣкоторые ученики Варшавскаго лицея. Но это общество было открыто начальствомъ и участники его удалены изъ учебныхъ заведеній. Позднѣе Заіончекъ, донося, что вредный духъ неповиновенія все болѣе и болѣе распространяется среди учащейся молодежи Краковскаго университета, находилъ нужнымъ принять мѣры предохраненія отъ этой заразы молодежи въ царствѣ Поль-

[1]) Дѣло 1820 года № 128.

скомъ, тѣмъ болѣе, что три студента Варшавскаго университета были уже уличены въ намѣреніи составить уставъ тайнаго общества среди варшавскихъ студентовъ и въ принадлежности ихъ къ подобному же обществу въ Краковѣ. Для предупрежденія подобныхъ явленій Заіончекъ предлагалъ воспретить юношеству царства посѣщать университеты и школы какъ въ Краковѣ, такъ и въ Германіи. Почти одновременно, 4-го апрѣля 1820 г., было сдѣлано распоряженіе въ Варшавѣ, чтобы никто изъ студентовъ для сохраненія приличія не посѣщалъ кондитерскихъ, кофеенъ и другихъ публичныхъ мѣстъ, такъ какъ юношеству, посвятившему себя наукамъ, не подобаетъ находиться въ подобныхъ мѣстахъ. Заіончекъ докладывалъ о вредномъ настроеніи умовъ молодежи и студентовъ Варшавскаго университета и о необходимости остановить дальнѣйшее распространеніе этого направленія. Съ этою цѣлію онъ предлагалъ: наблюдать не только за учащеюся молодежью, но и за образомъ дѣйствій и взглядами профессоровъ, добавляя, что лучшіе уставы окажутся безполезными безъ дѣятельнаго содѣйствія лицъ, на которыхъ возложено ихъ исполненіе.

Немного позже въ 1823 г. Заіончекъ докладывалъ, что разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ въ царствѣ Польскомъ даетъ полное основаніе заключать, что еще въ 1819 г. въ царствѣ возникло общество, подъ названіемъ «народные свободные каменщики» (franc maçon national). Цѣль этого общества, намѣренія его и уставъ—въ точности неизвѣстны. Было заарестовано нѣсколько лицъ, но они ничего толкомъ не выяснили.

Можно однако усмотрѣть, что членами этого общества были и военныя лица; члены дѣлились на учредителей (fondateurs) и совѣтниковъ (consultants). Общество дѣятельно распространялось среди офицеровъ какъ на дѣйствительной службѣ, такъ и отставныхъ, а также среди гражданскихъ чиновъ. Члены составляли общины (гмины), не болѣе какъ изъ десяти лицъ каждая. Нѣсколько гминъ составляли округъ, а нѣсколько округовъ—провинцію. Цѣль обществъ—возрожденіе отечества въ прежнихъ его предѣлахъ, доставленіе ему свободы и независимости собственными усиліями всѣхъ членовъ общества, которое должно было распространиться по всей Польшѣ въ границахъ 1766 года. Отдѣльные эмиссары общества должны въ качествѣ путешественниковъ проникнуть въ Германію и Швейцарію и вступить въ сношеніе съ тайными обществами этихъ странъ. Члены общества должны быть готовы на всѣ пожертвованія для достиженія желаемой цѣли—образовать новую польскую республику—и вмѣстѣ съ тѣмъ принимать всѣ мѣры, чтобы скрыть это общество и его цѣль отъ лицъ, не принадлежащихъ къ его составу; каждый членъ зналъ только лицо, посвятившее его въ члены общества. Никакими внѣшними знаками члены

общества не отличаются отъ другихъ лицъ; члены узнавали другъ друга только по словамъ и мыслямъ, высказываемымъ въ разговорѣ вскользь, какъ бы мимоходомъ. Результаты, достигнутые обществомъ, пока незначительны; народъ вообще и войско также не сочувствуютъ, повидимому, дѣлямъ общества и не увлекаются его обольщеніями и внушеніями. Но вообще Заіончекъ находилъ настроеніе умовъ въ королевствѣ не совсѣмъ надежнымъ.

Все это отразилось на внутреннихъ дѣлахъ Польскаго королевства. На происходившихъ, съ высочайшаго разрѣшенія, 25-го октября (6-го ноября) 1821 г. сеймикахъ, для выбора новыхъ лицъ, взамѣнъ выбывающихъ по очереди изъ посольской избы, а также нѣкоторыхъ членовъ палатинатскихъ совѣтовъ, проявились въ 1822 году во многихъ мѣстахъ безпорядки.

Партія, не расположенная правительству, всѣми мѣрами старалась провести своихъ кандидатовъ, лицъ враждебныхъ правительству. Такъ 9-го (21-го) февраля 1822 г. Заіончекъ доносилъ, что въ Влоцлавскѣ (Мазовецкомъ палатинатствѣ) дворяне, несмотря на убѣжденія маршала, всячески препятствовали избранію въ нунціи нѣкоего Суминскаго, и безпорядки дошли до того, что маршалъ закрылъ сеймикъ.

«Несмотря на это,—писалъ Заіончекъ,—есть дерзновенные нахалы, утверждающіе, что Польша никогда не была болѣе спокойна и болѣе преисполнена преданности монарху, какъ въ настоящее время. Поляки спокойны, но потому, что слабы; сомнѣваюсь очень, чтобы они были преданы, и не знаю, чѣмъ они полагаютъ доказать эту преданность». Его величество цесаревичъ, донося 11-го (23-го) февраля о тѣхъ же безпорядкахъ и еще о другихъ подобныхъ же, бывшихъ въ Опочнѣ, добавлялъ, что Заіончекъ судитъ поляковъ слишкомъ строго. Конечно, между поляками есть, которые заблуждаются, худо понимаютъ свои дѣйствительные интересы и пользу отечества, не познаютъ щедрую руку, даровавшую имъ столько благодѣяній, но таковыхъ вообще немного. «Смѣю увѣрить ваше величество по чистѣйшей совѣсти,—добавляетъ великій князь,—что я вполнѣ убѣжденъ, что поляки, напротивъ того, проникнуты признательностію и преданностію вашему величеству, вполнѣ соотвѣтствующими благосклонности и пользѣ, несомнѣнныя и лестныя доказательства которыхъ они ежедневно усматриваютъ».

Въ особенности были сильны безпорядки въ Куявахъ, гдѣ собраніе было закрыто, а виновные подвергнуты уголовному преслѣдованію, а также въ Калишѣ, гдѣ партія поляковъ хотѣла провести въ нунціи или въ совѣтъ палатинатства калишскаго братьевъ Нѣмоевскихъ, съ которыми, по словамъ Заіончека, «было бы мученіе». Самыя засѣданія сеймика Калишскаго, благодаря принятымъ мѣрамъ, прошли

довольно спокойно, но братья Нѣмоевскіе были однако избраны [1]). Донося объ этомъ, Заіончекъ добавлялъ, что духъ, господствующій среди польскаго дворянства (la noblesse de Pologne), совершенно враждебенъ видамъ правительства. Это общій духъ, по всей Польшѣ, и палатинатства, въ этомъ отношеніи, отличаются между собою только большею или меньшею смѣлостью и отважностью. Въ городахъ это совершенно иначе; нѣтъ ни одного города, который бы не былъ преданъ его величеству.

Поэтому, испрашивая высочайшее разрѣшеніе о томъ, необходимо ли дѣлать распоряженіе о созваніи въ установленный срокъ общаго сейма, Заіончекъ 16-го (28-го) марта 1822 г. добавлялъ, что, по его мнѣнію, лучше созваніе сейма отложить, и вотъ по какимъ основаніямъ: 1) проекты уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, подлежащіе внесенію на разсмотрѣніе сейма, не составлены окончательно, спѣшить въ этомъ важномъ дѣлѣ едва-ли желательно и полезно. Къ тому же едва-ли эти проекты и будутъ приняты сеймомъ, въ виду общаго настроенія членовъ сейма, 2) произведенные весьма недавно, изъ осторожности и необходимости, аресты студентовъ и другихъ лицъ вызовутъ невольно, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія, толки и запросы на сеймѣ, которые могутъ повести къ нежелательнымъ объясненіямъ. Время значительно изгладитъ эти впечатлѣнія и предастъ даже забвенію всѣ эти аресты, если сеймъ будетъ отложенъ. 3) Запрещеніе Нѣмоевскому являться на сеймъ можетъ также повліять на общее настроеніе депутатовъ.

Отвѣта на это прямаго изъ Петербурга не послѣдовало, но только 12-го (24-го) августа 1824 г. было сообщено намѣстнику, что его величество, находя необходимымъ посѣтить восточныя губерніи Имперіи, не имѣетъ возможности прибыть въ теченіе этого же года въ Варшаву и присутствовать при открытіи сейма.

Поэтому его величество льститъ себя надеждою, что эта неизбѣжновызванная отсрочка обратится на пользу и выгоду общественнаго дѣла, доставивъ правительству время необходимое для лучшаго составленія проектовъ законовъ, которые его императорское величество

---

[1]) Необходимо замѣтить, что всѣ эти выборы и распоряженія сеймика въ Калишѣ были признаны сенатомъ незаконными, и самый сеймикъ объявленъ распущеннымъ. Когда позднѣе, въ 1823 г., возникло ходатайство о предоставленіи Калишу произвести новые выборы, то было объявлено въ декабрѣ 1823 г., что его величеству благоугодно сохранить временный порядокъ дѣлъ въ Калишѣ, впредь до того времени, когда поведеніе представителей Калиша на сеймѣ или при другихъ случаяхъ представитъ его величеству достаточныя обезпеченія относительно образа ихъ дѣйствій въ будущемъ.

признаетъ за благо внести на обсужденіе сейма. Пусть государственный совѣтъ королевства и законодательная депутація неотложно займутся этимъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ его императорское величество имѣетъ намѣреніе созвать сеймъ 1-го (13-го) мая будущаго 1825 года, если не представится какихъ-либо непреодолимыхъ къ тому препятствій.

Согласно этому, въ царствѣ Польскомъ были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія о созваніи сейма въ Варшавѣ къ высочайше указанному сроку.

Тѣмъ временемъ Новосильцовъ представилъ его величеству два доклада 4-го (16-го) іюня 1824 г., относившіеся до измѣненій нѣкоторыхъ статей хартіи королевства, именно объ отмѣнѣ публичности засѣданія сейма и объ отмѣнѣ преданія гласности путемъ печати рѣчей, произносимыхъ въ засѣданіяхъ сейма. По мнѣнію Новосильцова, неудобства публичности рѣзко проявились въ засѣданіяхъ предшествовавшаго сейма; она нарушаетъ счастье и спокойствіе обывателей, производитъ въ нихъ вѣчное раздраженіе и лишаетъ ихъ благодѣяній, которыхъ можно было ожидать отъ хартіи. Публичность порождала безпорядки и въ другихъ странахъ, но нигдѣ не производила столь великихъ, какъ въ Польшѣ въ силу особыхъ обстоятельствъ, проистекающихъ отъ старыхъ привычекъ поляковъ. Ораторы на сеймѣ предаются пустымъ разглагольствованіямъ, стремясь къ популярности, и уклоняются отъ прямаго дѣла.

Присутствующіе въ засѣданіяхъ (т. е. публика) считаютъ себя судьями или посредниками, а не простыми зрителями, присоединяются нерѣдко къ нунціямъ, садятся на ихъ скамьи, внушаютъ имъ мысли и т. д., такъ что сеймъ обращается въ клубъ. Обсужденіе важныхъ дѣлъ, появленіе хорошихъ мыслей возможно только среди тишины, спокойствія, сосредоточенности, а никакъ не среди всякаго рода проявленій страстей на аренѣ битвъ, происходящихъ предъ глазами. Точно то же должно сказать и о печатаніи произносимыхъ рѣчей. Онѣ производятъ часто опасныя впечатлѣнія, а потому, чтобы избѣгнуть этого, можно въ протоколахъ засѣданій сейма и его отчетахъ ограничиться помѣщеніемъ однихъ результатовъ бывшихъ преній, не приводя произнесенныхъ при этомъ рѣчей и даже не упоминая ни объ ораторахъ, ни ихъ рѣчахъ.

Эти оба измѣненія въ хартіи, утвержденной его величествомъ, вовсе не касаются существа хартіи; это только правила распорядительныя о порядкѣ засѣданій сейма, которыя могли бы быть и даже должны были быть опущены изъ хартіи при ея составленіи, и могутъ быть измѣнены, по усмотрѣнію его величества, не испрашивая на то согласіе сейма. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ указъ 1-го (13-го)

февраля 1825 года о дополненіи нѣкоторыхъ статей (31, 72, 87, 90, 91, 93) хартіи королевства, въ которомъ говорилось, что гласность преній въ обѣихъ палатахъ сейма побуждаетъ ораторовъ обращать вниманіе болѣе на эффекты и болѣе заботиться о мимолетной своей популярности, нежели о пользѣ общаго дѣла, и что въ силу этого пренія обратились въ пустыя декламаціи, которыя могутъ разрушить столь желаемое единеніе и изгнать то спокойствіе и достоинство, съ которыми должно происходить всякое важное обсужденіе. Чтобы въ корнѣ отстранить это зло, предотвратить необходимость всякаго вліянія на выборы и подачу мнѣній и доставить всѣмъ подданнымъ нашего королевства возможность пользоваться всѣми благодѣяніями, обезпеченными за ними хартіею, мы признали за благо упрочить изданную нами хартію, измѣнивъ дополнительными статьями нѣкоторыя распорядительныя статьи оной, важныя неудобства которыхъ указаны опытомъ. Согласно этому всѣ засѣданія сейма, какъ для выборовъ различныхъ коммиссій, такъ и для обсужденія различныхъ вопросовъ и законопроектовъ, должны происходить при закрытыхъ дверяхъ; посторонняя публика къ нимъ не допускается. На этомъ основаніи произносимыя въ этого рода засѣданіяхъ рѣчи и пренія, въ нихъ происходившія, не печатались болѣе, а публика допускалась только въ тѣ засѣданія, въ которыхъ читались или постановленія сейма или проекты законовъ, удостоившіеся высочайшаго утвержденія.

Въ другомъ отношеніи статсъ-секретаря Грабовскаго отъ того же числа, 1-го (13-го) февраля 1825 г. изъ Царскаго Села, сообщалось намѣстнику, что не усматривается никакой необходимости и ни малѣйшей выгоды, чтобы по закрытіи сейма упоминались бы въ протоколахъ его засѣданій имена сенаторовъ, нунціевъ и депутатовъ, произносившихъ рѣчи въ засѣданіяхъ, и не приводились бы самыя ихъ рѣчи; напротивъ того, подобный порядокъ является средствомъ поддерживать внутреннія разногласія между обывателями. Потому его величеству благоугодно было приказать, чтобы на будущее время всѣ протоколы засѣданій сейма, печатаемые по его закрытіи, ограничивались бы изложеніемъ только результатовъ происходившихъ обсужденій и сообщеніемъ числа голосовъ, которымъ то или другое предложеніе, или законопроектъ было принято или отвергнуто палатами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ изготовленъ былъ указъ о созваніи сейма, въ которомъ было слѣдующее обращеніе къ сенаторамъ, нунціямъ и депутатамъ: «Два сейма предшествовали уже вновь открываемому. Сеймъ 1818 года, руководимый духомъ согласія и единенія, удовлетворилъ настоятельнымъ нуждамъ отечества, одобривъ мудрые законы и народныя учрежденія. Сеймъ же 1820 года терялъ драгоцѣнное время въ безплодныхъ спорахъ и почти не оставилъ никакихъ слѣдовъ своихъ

трудовъ (travaux) [1]). Столь различные результаты не будутъ упущены вами изъ вида; вы съумѣете избѣжать, хочу вѣрить этому, какъ эти послѣдствія, такъ и заблужденія ложно понятаго самолюбія и пагубныя послѣдствія, порождаемыя раздорами. Вѣрные вашему порученію, вы будете обсуждать съ спокойствіемъ проекты важныхъ законовъ, которые будутъ вамъ представлены, и, пользуясь указаніями опыта, вы въ третій разъ будете пользоваться самымъ драгоцѣннѣйшимъ вашимъ правомъ, съ тою любовію общаго дѣла,—въ чемъ я не сомнѣваюсь,—которая оживляетъ васъ всѣхъ и дастъ вамъ несомнѣнное право на признательность къ вамъ вашихъ согражданъ».

Одновременно было предложено графу Мостовскому заняться составленіемъ къ открытію сейма, по бывшимъ примѣрамъ, отчета о положеніи королевства. При этомъ ему предлагалось обратить особенное вниманіе на то, что затруднительное положеніе землевладѣльцевъ и различныя бѣдствія, ихъ постигшія, вызваны были причинами, не зависѣвшими отъ правительства, а также указать на увеличеніе торговли и развитіе всякаго рода промышленности въ краѣ, результаты котораго являются очень удовлетворительными и полезными для всего королевства.

По прибытіи въ Варшаву 28-го апрѣля (10-го мая) 1825 года императоръ Александръ въ тотъ же день подписалъ указъ о назначеніи маршаломъ палаты пословъ на сеймѣ 1825 г. Станислава Пивницкаго, депутата города Калиша, и затѣмъ одобрилъ составленный государственнымъ совѣтомъ королевства отчетъ по управленію страною, который долженъ былъ быть представленъ сейму.

Императоръ произнесъ при открытіи сейма 13-го мая (нов. стиля) 1825 г. слѣдующую рѣчь:

«Представители Польскаго королевства! Когда четыре года тому назадъ я разставался съ вами, печальныя событія вызвали въ Европѣ общее волненіе, угрожавшее благосостоянію всѣхъ народовъ. Я хотѣлъ дать время мыслямъ установиться, а страстямъ — успокоиться. Ваше третье созваніе было замедлено; но это замедленіе, я увѣренъ, подготовило успѣхъ вашимъ занятіямъ, и я съ истиннымъ удовольствіемъ и всѣми чувствами любви, неоднократно уже доказанными вамъ, нахожусь еще разъ среди васъ.

«Въ продолженіе времени, прошедшаго со дня послѣдняго сейма, вѣрный моимъ обязанностямъ и моимъ предначертаніямъ, вамъ уже явленнымъ, я, замѣтивъ только зародыши неустройствъ, воспротивился дальнѣйшему ихъ развитію. Чтобы упрочить мое дѣло, чтобы обезпе-

---

[1]) Въ проектѣ было написано разновременно passage, existence, но это зачеркнуто и написано на поляхъ de ses travaux.

чить за нимъ продолжительность, чтобы обезпечить вамъ мирное пользованіе, я добавилъ въ основный законъ королевства новую статью. Эта мѣра, которая отвращаетъ всякую необходимость вліять на выборы сеймовъ и ваши обсужденія, свидѣтельствуетъ объ участіи, принимаемомъ мною къ укрѣпленію учрежденій, которыя управляютъ вами. Эта мѣра не имѣетъ какой-либо иной цѣли, и я имѣю твердое убѣжденіе, что поляки съумѣютъ ее оцѣнить. Министръ внутреннихъ дѣлъ начертитъ вамъ картину состоянія королевства и различныхъ правительственныхъ мѣропріятій, осуществленныхъ въ послѣдніе четыре года.

«Вы будете пользоваться быстрыми успѣхами промышленности и признаете, что если общественное благосостояніе и не достигло еще той степени, къ которой стремятся возвести его и мои желанія и заботливость правительства, то причины этому должно искать въ общемъ застоѣ, постигшемъ почти во всѣхъ странахъ торговлю земледѣльческими произведеніями. Въ прочихъ отрасляхъ хозяйства достигнуты уже значительные результаты. Народный долгъ приближается къ окончательному погашенію. Два трактата опредѣлили, какія части этого долга причитаются на долю Австріи и Пруссіи. Скоро новый финансовый законъ установитъ всѣ доходы и всѣ расходы королевства. Разорительный дефицитъ угрожалъ вашимъ самымъ дорогимъ интересамъ. Онъ теперь совершенно исчезъ. Избытокъ государственныхъ доходовъ будетъ еще болѣе тщательно обращенъ на погашеніе народнаго долга.

«Переговоры, начатые съ Берлинскимъ дворомъ для опредѣленія торговыхъ отношеній Польши и Пруссіи, были увѣнчаны самымъ счастливымъ успѣхомъ рядомъ тѣхъ взаимно-примирительныхъ и откровенныхъ распоряженій, составляющихъ самую драгоцѣнную основу моихъ отношеній къ моимъ союзникамъ. Конвенція, ратификованная мною, открываетъ удобные сбыты всей вашей внѣшней торговли. Что же касается вашихъ торговыхъ сношеній съ Россіею, то они съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ бо́льшіе размѣры и бо́льшую дѣятельность. Удобства, на которыхъ они основаны, представляютъ двойную пользу; они способствуютъ взаимно развитію благосостоянія обоихъ государствъ и укрѣпляютъ еще болѣе новыми узами связь обоихъ народовъ.

«Долги, тяготѣющіе на частной собственности, обратили на себя особенное мое вниманіе. Вамъ будетъ представленъ проектъ общества владѣтелей поземельной собственности; онъ является результатомъ многочисленныхъ обсужденій и мнѣній, высказанныхъ палатинатскими совѣтами.

«Религія, этотъ источникъ всякаго рода добродѣтелей, эта неизбѣжная основа всѣхъ учрежденій человѣческихъ, повидимому, вызываетъ пересмотръ нѣкоторой части вашего гражданскаго уложенія. Коммиссія

избранная изъ среды васъ, много содѣйствовала этому важному труду. Проектъ 1-ой книги гражданскихъ законовъ, разсмотрѣнный уже ею, будетъ сообщенъ на ваше обсужденіе.

«Моя мысль будетъ сопровождать васъ при отправленіи вашихъ обязанностей; вы встрѣтите меня готовымъ принять всѣ улучшенія, которыя будутъ мнѣ предложены, но также готовымъ отвергнуть всѣ попытки, враждебныя вашему счастью...

«Представители Польскаго королевства! Чуждые всякаго посторонняго вліянія, обуждайте дѣла съ спокойствіемъ. Будущность вашего отечества въ рукахъ вашихъ. Имѣйте въ виду единственно только благо родины, только ея выгоды; пожертвуйте ей всѣ труды ваши, которые она ожидаетъ отъ вашего собранія, и содѣйствуйте мнѣ въ осуществленіи моихъ ей пожеланій, которыя я не перестаю возносить».

Въ отвѣтъ на эту рѣчь Александра I, послѣ краткихъ словъ маршала палаты нунціевъ Пивницкаго, говорили довольно долго президентъ сената, графъ Замойскій и каштелянъ Чарнецкій. Первый выражалъ признательность монарху за все, имъ оказанное Польшѣ, добавивъ, что эта признательность за возстановленіе нашего отечества, нашей родины и сохраненіе имени поляки, возлагаетъ на насъ обязанность, при пользованіи предоставленными намъ конституціонною хартіею правами, сообразоваться строго съ великимъ предначертаніемъ его императорскаго величества. «Это одна изъ нашихъ священныхъ обязанностей. Какъ жаль, что властителямъ не дано въ удѣлъ проникать въ сердца ихъ подданныхъ. Ваше величество усмотрѣли бы въ нихъ неизгладимыя чувства безграничной признательности и непоколебимой преданности къ возстановителю нашей родины, предметъ нашихъ желаній и пожертвованій, которой посвящали мы столько лѣтъ всю нашу жизнь».

Чарнецкій въ блестящей своей рѣчи выразилъ между прочимъ: «Польша въ концѣ XVIII вѣка исчезла; но поляки остались. Сколько геройскихъ подвиговъ и жертвъ проявили они, но все безплодно, къ возстановленію ихъ отечества. Въ XIX вѣкѣ явился Александръ I и воскресилъ и Польшу, и поляковъ. Онъ выбралъ намѣстникомъ своимъ поляка, храбраго воина, отличавшагося въ бояхъ, далъ представительство народу, свободу выборовъ и обсужденія дѣлъ, отдѣлилъ судебную власть отъ административной и т. д. Все это вселяетъ въ полякахъ признательность и преданность къ монарху... При обсужденіи дѣлъ на предстоящемъ сеймѣ, поляки конечно отрѣшатся отъ всѣхъ личныхъ взглядовъ и интересовъ, отринутъ всѣ страсти и внимательно отнесутся къ дѣламъ» и т. д.

«Пусть поляки отнесутся съ любовью и довѣріемъ къ словамъ возлюбленнаго монарха, принимаютъ съ уваженіемъ всѣ сдѣланныя имъ

предложенія и соглашаются на все, что, по зрѣломъ обсужденіи, окажется полезнымъ дорогому отечеству. Воспользуемся дарованнымъ намъ (палатѣ нунціевъ) правомъ предъявлять прошенія, клонящіяся къ благу и выгодѣ нашихъ. Будемъ осмотрительны въ ихъ выборѣ и изложимъ ихъ ясно съ основательными и справедливыми доводами. Страсти слишкомъ присущи людямъ, но, обладая разсудительнымъ вниманіемъ, рвеніемъ къ благу государства и въ особенности познаніями, вы съумѣете водворить въ вашихъ засѣданіяхъ спокойствіе, столь необходимое при публичныхъ обсужденіяхъ и преніяхъ. Все пойдетъ хорошо, и Европа, съ завистью взирая на наше счастье, будетъ принуждена признать, что поляки, постоянно воодушевленные должною признательностью къ великодушному возстановителю ихъ политическаго существованія, достойны тѣхъ неоцѣнимыхъ благъ, которыя они получили отъ монарха по его добротѣ и любви къ нимъ. Докажемъ нашему великодушному монарху, что онъ не ошибся въ довѣріи, оказанномъ намъ его великою мудростію».

Министръ внутреннихъ дѣлъ королевства, графъ Мостовскій, представилъ очеркъ дѣятельности правительства за истекшіе четыре года. Онъ подробно изложилъ, что за это время для усиленія сбыта различныхъ произведеній королевства и бо́льшаго развитія взаимныхъ сношеній было приступлено правительствомъ къ сооруженію ж е л ѣ з н ы х ъ д о р о г ъ на протяженіе 66 нѣмецкихъ миль, отъ Варшавы къ границѣ Пруссіи и отъ Калиша къ Бресту. Кромѣ того устроено не мало шоссейныхъ дорогъ въ палатинатствахъ Краковскомъ, Люблинскомъ, Полоцкомъ и Августовскомъ, при чемъ построенъ большой мостъ у Златоріи чрезъ р. Наревъ для непрерывнаго сообщенія съ Россіею; сооружено много почтовыхъ станціонныхъ домовъ и учреждены сообщенія въ дилижансахъ и почтовыхъ каретахъ во многихъ мѣстахъ. Равнымъ образомъ въ тотъ же періодъ времени произведено не мало работъ по урегулированію рѣкъ, какъ-то Вислы—отъ Прусской границы до Кракова, Варты, Бзуры, Пилицы и т. д., и приступлено къ сооруженію канала для соединенія Нарева съ Нѣманомъ.

Для бо́льшаго развитія всякаго рода промышленности, правительство оказывало щедрыя пособія вновь возникавшимъ фабрикамъ и заводамъ, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ, и въ особенности суконныя и шерстяныя, достигли цвѣтущаго состоянія, и издѣлія ихъ не уступаютъ по качеству заграничнымъ; таковы суконныя фабрики Френкеля, Фидлера, Репхана и пр. пр. Это развитіе фабричной промышленности дало возможность ограничить ввозъ иностранныхъ товаровъ, такъ что и на внутреннихъ рынкахъ и ярмаркахъ сбывались по преимуществу товары внутренняго производства. Вмѣстѣ съ этимъ получило значительное развитіе овцеводство страны; правительство учре-

дило большія овчарни племянныхъ мериносовъ, а также образцовые конскіе заводы въ Яновѣ и окрестностяхъ для улучшенія породы лошадей въ королевствѣ и племянныя стада рогатаго скота въ Подляхіи, близъ Сѣдлеца. Развитію раціональнаго сельскаго хозяйства въ странѣ не мало содѣйствуетъ учрежденный въ Маримонтѣ земледѣльческій институтъ, выпускающій свѣдущихъ агрономовъ.

Наравнѣ съ сельскимъ хозяйствомъ получило значительное развитіе и горное дѣло, въ особенности разработка цинка, каменнаго угля, желѣза и другихъ металловъ.

Мостовскій упомянулъ о заботливости правительства и въ особенности великаго князя о польской арміи, которая снабжается всѣмъ необходимымъ произведеніями страны, о сооруженіи множества казармъ и другихъ воинскихъ помѣщеній, съ цѣлью освободить населеніе отъ тягостей квартирной или постойной повинности, а также объ устройствѣ многихъ военныхъ, техническихъ и учебныхъ заведеній и въ особенности о прекрасномъ состояніи различнаго рода военныхъ госпиталей и связанныхъ съ ними учрежденій, на которыя обращается большое и постоянное вниманіе правительства.

Переходя къ дѣятельности коммиссіи духовныхъ дѣлъ, Мостовскій указалъ на вновь сооруженный соборъ въ Сувалкахъ, на исправленіе множества церквей, на лучшее распредѣленіе приходовъ, въ особенности сельскихъ, и на мѣры правительства къ достиженію лучшей дисциплины среди духовенства.

Онъ также упомянулъ о цвѣтущемъ состояніи Варшавскаго университета, объ учрежденіи училища для глухо-нѣмыхъ, о воскрéсныхъ школахъ для ремесленниковъ, учрежденныхъ во многихъ городахъ. Недостатокъ денежныхъ средствъ у правительства и бѣдность сельскаго населенія замедляли распространеніе среди крестьянскаго сословія первоначальнаго обученія, столь для нихъ необходимаго. Мостовскій указывалъ при этомъ на тяжкое положеніе землевладѣльцевъ въ королевствѣ; они обременены всякаго рода повинностями, налогами и долгами, которые не въ состояніи выплатить при низкой цѣнѣ сельскохозяйственныхъ произведеній, не покрывающей даже издержекъ на ихъ производство. Это тяжкое положеніе вызвано многими причинами, отвратить которыя правительство не въ силахъ; онѣ, по мнѣнію Мостовскаго, будутъ устранены временемъ, при постепенномъ увеличеніи населенія королевства, при развитіи т р у д а — этого могущественнаго двигателя къ достиженію благосостоянія и общественнаго порядка. Это и побуждало правительство создавать различныя новыя отрасли примѣненія этого труда, на сколько дозволяли ему денежныя его средства. Средства эти были довольно скудны; государственныя имущества всякаго рода приносили столь же мало дохода, какъ и частная земельная

собственность, и только нѣкоторые косвенные налоги давали средства не только къ избѣжанію ежегоднаго дефицита по финансовой росписи, но и къ ежегодному погашенію долговъ, лежащихъ на королевствѣ. Для выполненія этой обязанности заключены уже конвенціи съ Австріею и Пруссіею, и остается только учинить разсчетъ съ Саксоніею и Франціею, послѣ чего можно будетъ приступить къ составленію прочнаго финансоваго закона (или бюджета) для королевства.

Рѣчь графа Мостовскаго и обширный отчетъ по управленію краемъ, въ продоженіе истекшихъ 4 лѣтъ, явились предметами подробнаго разсмотрѣнія, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ нунціевъ, представившихъ весьма много по нимъ замѣчаній.

Сенатъ, выразивъ благодарность правительству за все имъ сдѣланное на пользу края, находилъ необходимымъ поднять уровень просвѣщенія въ странѣ, учредить въ большомъ количествѣ элементарныя школы, ввѣрить ихъ надзору и руководству просвѣщенныхъ лицъ и возложить обученіе въ этихъ школахъ на мѣстное приходское духовенство, для чего озаботиться о лучшемъ образованіи духовенства, особенно сельскаго, улучшивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его матеріальное положеніе. Сенатъ указывалъ при этомъ на необходимость принять мѣры къ просвѣщенію евреевъ, съ цѣлію обратить ихъ въ полезныхъ странѣ гражданъ.

При этомъ сенатъ коснулся цензуры и выразилъ, что никогда въ странѣ не печаталось такъ мало книгъ на польскомъ языкѣ, какъ въ послѣдніе годы, какъ это видно изъ отчета. Но книги являются орудіемъ распространенія просвѣщенія. Если особыя обстоятельства времени дѣлаютъ цензуру необходимою, то, тѣмъ не менѣе, должно пользоваться ею съ осмотрительностью и осторожностью, необходимыми, чтобы не заставить просвѣщеніе идти назадъ. По мнѣнію сената, надлежитъ учредить изъ извѣстнаго числа достойныхъ лицъ свѣтскихъ и духовныхъ особый комитетъ, которому и предоставить рѣшеніе вопроса, на сколько извѣстное произведеніе печати можетъ быть дозволено къ обращенію.

Крайне неудовлетворительное и даже жалкое положеніе земледѣлія въ странѣ, низкія цѣны сельско-хозяйственныхъ произведеній побудили сенатъ отклонить новые налоги на поземельную собственность и просить объ уменьшеніи таковыхъ, уже существующихъ. Сенатъ высказывался въ пользу различныхъ косвенныхъ налоговъ и въ особенности о необходимости общаго финансоваго закона (государственнаго бюджета) и объ отмѣнѣ сборовъ съ различныхъ съѣстныхъ припасовъ, установленныхъ во многихъ городахъ и взимаемыхъ при ввозѣ ихъ въ городъ. Равнымъ образомъ, по мнѣнію сената, необходимо уменьшить значительно очень тяжелый для сельскаго населенія налогъ на соль,

которая составляетъ предметъ первой необходимости населенія. Кромѣ того сенатъ ходатайствовалъ объ устройствѣ судебной части во всемъ согласно конституціонной хартіи, о преобразованіи тюремъ, объ уваженіи существующихъ законовъ правительственными лицами и т. д.

Замѣчанія, представленныя палатою нунціевъ, во многомъ совпадали съ высказаннымъ сенатомъ, но были несравненно многочисленнѣе и отличались большимъ рвеніемъ о соблюденіи дарованной краю конституціи. Такъ палата указывала, что до настоящаго времени (1825 года) не учрежденъ еще высшій апелляціонный судъ въ королевствѣ, какъ это установлено ст. 132 конституціонной хартіи. Равнымъ образомъ не существуетъ административныхъ судовъ, согласно ст. 162 этой же хартіи. Между тѣмъ, всѣ административныя учрежденія сами рѣшаютъ спорныя съ казною дѣла, налагаютъ штрафы и даже ограничиваютъ свободу обывателей по дѣламъ, которыя должно передать вѣдѣнію судебныхъ учрежденій, такъ какъ по хартіи власть административная должна быть отдѣлена отъ судебной. Кромѣ того администрація нерѣдко вліяетъ на суды, чрезъ что́ извращается правосудіе; нерѣдко состоявшіяся уже судебныя рѣшенія не приводятся вовсе въ исполненіе, и даже бывали случаи смѣщенія судей, которые по закону пользуются несмѣняемостью. Помимо всего этого граждане подвергаются лишенію свободы по произволу администраціи, въ явное нарушеніе статей 18—22 хартіи.

Такъ называемая общая коллегія прокуроровъ, при веденіи казенныхъ дѣлъ, пользуется привилегіями, стѣснительными для частныхъ лицъ и не согласными съ хартіею; какъ, напримѣръ, она можетъ просить объ отложеніи дѣла вообще, о разсмотрѣніи его не въ судебномъ порядкѣ, а въ административномъ, или о разсмотрѣніи его въ судѣ извѣстной мѣстности, куда и обязаны непремѣнно всѣ ѣхать и т. д. Палата нунціевъ находила желательнымъ это все устранить, а также принять мѣры къ уменьшенію централизаціи вообще и предоставленію большой самостоятельности и значенія властямъ мѣстнымъ.

Помимо этого палата, признавая, что всѣ три власти (законодательная, судебная, административная) сосредоточиваются въ лицѣ монарха и отъ него исходятъ, находила, что посредствующимъ между ними звеномъ является совѣтъ королевскій, по хартіи зависящій только отъ короля и ни отъ одной изъ трехъ властей. Между тѣмъ въ настоящее время многіе члены этого совѣта состоятъ на службѣ въ различныхъ министерствахъ и такимъ образомъ подчиняются министрамъ и ихъ вліянію. Этимъ самымъ совѣтъ, подпавъ вліянію министровъ, утрачиваетъ свою независимость и значеніе и встрѣчаетъ не мало различныхъ затрудненій при разрѣшеніи недоумѣній, возникающихъ по дѣламъ административнымъ и судебнымъ. Палата нунціевъ ходатайство-

вала объ освобожденіи членовъ означеннаго совѣта отъ какихъ-либо служебныхъ обязанностей по министерствамъ о томъ, чтобы, согласно ст. 29 хартіи, предоставлять это званіе лицамъ, владѣющимъ земельною собственностію, чтобы такимъ образомъ высшая въ странѣ власть находилась въ рукахъ просвѣщенныхъ лицъ страны и открывался доступъ къ участію въ управленіи талантамъ, знаніямъ и т. д. Палата нунціевъ также рѣзко высказывалась противъ ограниченій свободы печати и существованія цензуры, установленной, вопреки статьямъ хартіи, декретами намѣстника, которыми цензура сперва была возложена на коммиссію духовныхъ дѣлъ, а позднѣе — на одного изъ ея членовъ, только и была предоставлена такимъ образомъ полному усмотрѣнію его самого и неспособныхъ его помощниковъ. Палата просила его величество ограничить дѣятельность цензуры положительнымъ закономъ, а до изданія таковаго, предоставить каждому недовольному мѣрами цензуры приносить жалобы на оныя въ особый комитетъ изъ ученыхъ и членовъ сената. По мнѣнію палаты нунціевъ, цензура все тормозитъ, дѣйствуетъ губительно на просвѣщеніе страны и ея литературу, является причиною упадка въ королевствѣ образованія.

Отдавая должную справедливость заботливости правительства о высшемъ образованіи въ королевствѣ, о развитіи учебныхъ пособій Варшавскаго университета и учрежденіи другихъ различныхъ учебныхъ заведеній, палата нунціевъ высказывала сожалѣніе, что университетъ лишенъ надлежащей самостоятельности. Ректоры и деканы его подлежатъ утвержденію правительства, чего по уставу не требуется; профессора назначаются коммиссіею духовныхъ дѣлъ, которая при этомъ не обращаетъ вниманія на представленія университета. Къ тому же не мало каѳедръ не замѣщаются вовсе, и даже не всѣ факультеты, положенные по уставу, открыты въ университетѣ. Палата нунціевъ просила расширить курсъ исторіи и философіи, и въ особенности курсъ исторіи Польши; она находила неудобнымъ, что многіе предметы читаются на языкѣ латинскомъ, языкѣ мертвомъ и далеко не всѣмъ доступномъ.

Учрежденную за учебными заведеніями особую инспекцію, отдѣльную совсѣмъ отъ коммиссіи духовныхъ дѣлъ, палата нунціевъ считала несогласною съ конституціею и вредною для самаго дѣла. Такая инспекція, раздробляя педагогическую власть, даетъ весьма нежелательные результаты, вліяетъ пагубно на профессоровъ и студентовъ и вызываетъ большіе расходы. Палата нунціевъ обратила особенно вниманіе на общее уменьшеніе числа учениковъ въ сельскихъ первоначальныхъ школахъ. Причину этого она усматривала въ недостаточности средствъ сельскаго населенія вносить школьную плату; въ установленіи обязательной формы одежды для учениковъ; въ строгомъ съ ними обра-

щеніи; въ очень строгомъ надзорѣ и т. д. Палата, исходя изъ того, что невѣжество и мракъ не могутъ служить основаніемъ человѣческому обществу, потому что образуютъ не гражданъ, а слѣпую толпу, руководящуюся только страстями, находила необходимымъ всего болѣе заботиться объ элементарныхъ школахъ, потому что достаточные классы всегда найдутъ средства къ обученію своихъ дѣтей; бѣдное же населеніе лишено этихъ средствъ, а между тѣмъ для него обученіе является еще болѣе настоятельнымъ. Не всегда обыватели въ состояніи содержать школу; нѣкоторые землевладѣльцы желали учредить школы на свои средства, но встрѣчали много къ этому затрудненій. Конгрегація же піаровъ, очень много сдѣлавшая для обученія народа, находится въ жалкомъ положеніи, не получая пособій отъ правительства, и принуждена закрывать свои школы. Поэтому правительству необходимо ассигновать на эти школы особый не малый фондъ и въ дѣлѣ образованія явиться на помощь земледѣльческому населенію страны.

Польша—страна чисто земледѣльческая. Всѣ ея богатства—въ земледѣліи, которое, доставляя казначейству денежныя средства и выставляя своихъ сыновъ на защиту родины, вполнѣ заслуживаетъ, чтобы о немъ заботились. Между тѣмъ, земледѣліе въ жалкомъ положеніи. При этомъ палата, выражая благодарность за поощреніе конскихъ заводовъ и овцеводства, находила, что необходимо все болѣе и болѣе распространять мериносовъ и стремиться къ тому, чтобы частные земледѣльцы въ скорѣйшемъ времени обзавелись стадами тонкорунныхъ овецъ. Въ видахъ этого правительству слѣдовало бы ежегодно раздавать имъ хорошіе экземпляры барановъ, вмѣсто того, чтобы продавать ихъ съ аукціона. Предлагалось также учредить школу пастуховъ, умѣющихъ обходиться съ тонкорунными овцами, соединить институтъ агрономическій съ ветеринарнымъ и т. д.

Кромѣ того палата нунціевъ просила для облегченія сельскаго населенія, измѣнить систему податей, падающихъ исключительно на землю, (отмѣнить офіару, подушную и дорожную повинность, контингенсъ и т. д.), ввести преимущественно налоги косвенные, издать финансовый законъ, заключить трактаты съ другими странами о ввозѣ въ нихъ хлѣба изъ Польши, учредить консуловъ и факторіи польскія и т. д.

Палата нунціевъ находила также, что правительство, обезпечивъ щедро высшее католическое духовенство, мало заботится о положеніи сельскаго духовенства, которое терпитъ крайнюю нужду, что плачевно отражается на ихъ нравственности и дѣятельности. Равнымъ образомъ правительство преимущественно заботится объ украшеніяхъ и исправленіяхъ церквей по городамъ, оставляя безъ вниманія сельскія приходскія церкви, которыя по бѣдности обывателей въ самомъ жалкомъ положеніи; во многихъ общинахъ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ.

Всѣ означенныя замѣчанія по отчету какъ сената, такъ и палаты нунціевъ были уже послѣ закрытія сейма препровождены на усмотрѣніе его величества въ Петербургъ и, вслѣдствіе этого, позднѣе статсъ-секретарь Грабовскій въ 1825 г. писалъ намѣстнику, что прежде всего весьма трудно постичь, что представляютъ изъ себя эти замѣчанія; являются ли они мнѣніемъ всей палаты, или одной изъ ея коммиссій или даже только нѣкоторыхъ ея отдѣльныхъ членовъ. По характеру своему это скорѣе полемическое сочиненіе, посвященное разбору дѣйствій правительственныхъ коммиссій, нежели оффиціальный актъ палаты нунціевъ, потому что не отличается безпристрастіемъ, столь свойственнымъ высокому значенію палаты. Имѣя предубѣжденіе противъ правительственныхъ коммиссій, составители замѣчаній старались порицать не только всѣ ихъ дѣйствія и распоряженія, но даже намѣренія и такимъ образомъ составили формальный обвинительный актъ противъ правительства, при чемъ нарушены самымъ явнымъ образомъ не только истина и справедливость, но даже и установленныя приличія.

Не находя достаточныхъ основаній къ обвиненію въ дѣйствительности, авторы замѣчаній создаютъ себѣ предположенія и даже призраки съ тѣмъ, чтобы опровергнуть ихъ и подвергать критикѣ дѣйствія правительственныхъ учрежденій. Подобною критикою палата преступаетъ предѣлы своихъ правъ; никакой законъ не предоставляетъ этого палатѣ. Кромѣ того такая критика противорѣчитъ началамъ монархическаго правленія. Всѣ правительственныя коммиссіи дѣйствуютъ подъ наблюденіемъ намѣстника государя, имѣющаго власть прекращать всякіе непорядки и злоупотребленія. Критика дѣйствій всей исполнительной власти, допущенная палатою, является какъ-бы урокомъ со стороны палаты, желающій указать правительству, какимъ образомъ и въ какомъ случаѣ оно должно дѣйствовать. Подобная критика колеблетъ независимость исполнительной власти, посѣваетъ начало разложенія тѣмъ, что періодически, на всякомъ сеймѣ, будетъ подрывать довѣріе народа къ власти, ослаблять авторитетъ ея въ общественномъ мнѣніи и вселять въ умы эту постоянную перемѣнчивость (versabilité), которая не дозволитъ ни одному учрежденію достигнуть зрѣлости.

Подобная систематическая оппозиція, явно несогласная съ началомъ монархическаго порядка, неизбѣжно влечетъ къ ослабленію всѣхъ пружинъ правительственной власти и слѣдовательно ведетъ къ анархіи. Правительство будетъ принуждено или вовсе не обращать вниманія на замѣчанія палатъ, или принимать ихъ всѣ и постоянно приступать къ новымъ мѣрамъ и планамъ, которые ему предлагаться будутъ на каждомъ сеймѣ.

Кромѣ того палата распространила критику свою на предметы, вовсе не входившіе въ отчетъ, представленный ей, и судила о нихъ по слухамъ,

частнымъ свѣдѣніямъ, не всегда вѣрнымъ, и указывала факты вовсе не существующіе. Палатѣ предоставлено безспорно важное право дѣлать замѣчанія на отчетъ государственнаго совѣта по управленію краемъ; этимъ путемъ монархъ пріобрѣталъ возможность убѣдиться въ томъ, что отчетъ, ему представленный, о положеніи страны и ходѣ администраціи дѣйствительно ли правиленъ и согласенъ съ истиною. Но палата не пользовалась лично этимъ важнымъ, предоставленнымъ ей правомъ; она передала его коммиссіямъ и даже отдѣльнымъ лицамъ и не разсмотрѣла составленныя ими замѣчанія на отчетъ по управленію. Такимъ образомъ эти замѣчанія нельзя считать мнѣніемъ палаты, и нѣтъ основанія повергать ихъ на высочайшее воззрѣніе. Нельзя же допустить, чтобы соображенія и порицанія отдѣльныхъ лицъ доходили бы до престола, облеченныя какъ-бы авторитетомъ палаты.

Такой порядокъ не согласенъ съ цѣлью самаго правила, потому что вмѣсто полезныхъ указаній и обоснованныхъ твердыхъ положеній, представлялись бы положенія не доказанныя, объясненія несправедливыя и теоріи совершенно не примѣнимыя, т. е. до престола доходилъ бы матеріалъ, которымъ правительство не въ состояніи воспользоваться.

Но вернемся къ самому сейму, который по выслушаніи отчета графа Мостовскаго приступилъ къ разсмотрѣнію различныхъ законопроектовъ, внесенныхъ на обсужденіе сейма по приказанію императора. Въ числѣ ихъ были весьма важные, какъ-то: объ устройствѣ католическаго духовенства въ царствѣ Польскомъ, о гражданскомъ уложеніи края, ипотекѣ, о земельномъ кредитѣ и т. д., вызвавшіе на сеймѣ продолжительныя и горячія обсужденія. По разсмотрѣніи законопроектовъ и выслушаніи различныхъ ходатайствъ предъ правительствомъ со стороны нунціевъ разныхъ мѣстностей послѣдовало обычное, уже изложенное нами ранѣе, торжественное закрытіе сейма.

При этомъ закрытіи сейма 13-го іюня 1825 г. его величество произнесъ слѣдующую рѣчь, сохранившуюся въ дѣлѣ сейма 1825 г., только на польскомъ и французскомъ языкахъ; была ли она въ то же самое время переведена и на русскій языкъ, изъ дѣлъ не усматривается.

«Представители Польскаго королевства! Ваше третье собраніе представляетъ результаты, съ которыми не могу достаточно сильно васъ поздравить. Вы обсуждали съ спокойствіемъ и мудростію; осуществили ожиданіе вашего отечества и оправдали мое къ вамъ довѣріе.

«Религія получила отъ васъ законное и справедливое воздаяніе. Права ея были согласованы съ учрежденіями и порядками, сохраненіе которыхъ требовалось общественнымъ интересомъ, и первая книга вашего новаго гражданскаго кодекса положила основаніе системѣ законодательства, соотвѣтствующей положенію, нравамъ и потребно-

*

стямъ общества, которымъ оно должно руководить; ваши собранія въ будущемъ завершатъ этотъ важный трудъ.

«Въ изданныхъ законахъ объ ипотекахъ и во многихъ частяхъ уголовнаго уложенія опытъ жизни указалъ нѣкоторыя неудобства; вы ихъ отстранили.

«Ваши продолжительныя бѣдствія обременили поземельную собственность долгами. Являясь поддержкою государства, она требовала неизбѣжнаго облегченія. Вы сознали необходимость придти ей на помощь. Затрудненія, которыя могли препятствовать развитію закона о поземельныхъ обществахъ, будутъ устранены, и послѣдніе слѣды вашихъ бѣдствій, при дѣятельной заботливости его исполнителей, желаю надѣяться, исчезнутъ, благодаря вліянію этого закона и при особенномъ содѣйствіи правительства, обезпеченномъ имъ на случай, когда благодѣянія самаго закона оказались бы почему либо-недостаточны.

«Я поспѣшилъ принять всѣ поправки въ законопроектахъ, вами мнѣ предложенныя. Съ вашей стороны, вы приняли всѣ проекты законовъ, препровожденныхъ по моему приказанію на ваше обсужденіе. Этотъ обмѣнъ желаній и познаній, это взаимное согласіе, являясь средствами укрѣпить еще болѣе учрежденія, которыми вы пользуетесь, является въ то же время истинною цѣлію и самою существенною ихъ выгодою. Чтобы скрѣпить такое счастливое единеніе, чтобы поддержать сообщенія, результатомъ которыхъ оно является, особый комитетъ, избранный изъ среды вашей, будетъ принимать участіе въ составленіи проектовъ законовъ въ продолженіе времени, которое истечетъ до ближайшаго сейма въ будущемъ.

«Вы представили мнѣ различныя ходатайства. Я подвергну ихъ всѣ зрѣлому обсужденію, и вы узнаете побудительныя причины моихъ рѣшеній по этимъ ходатайствамъ; насколько дозволятъ обстоятельства, они всѣ будутъ удовлетворены.

«Представители царства Польскаго! Съ сожалѣніемъ покидаю васъ, но видя съ удовольствіемъ, что вы содѣйствовали вашему счастью согласно вашимъ интересамъ и моимъ желаніямъ. Раздѣляйте это чувство, распространите его среди вашихъ согражданъ и повѣрьте, что я съумѣю признать довѣріе, доказательства котораго явило собою это настоящее собраніе ваше. Они не будутъ утрачены.

«Я сохраняю глубоко впечатлѣніе, которое всегда соединится съ желаніемъ явить вамъ, на сколько искренна питаемая мною къ вамъ любовь и насколько вашъ образъ дѣйствій будетъ имѣть вліяніе на вашу будущность».

Послѣ этихъ словъ императора, маршалъ палаты нунціевъ Станиславъ Пивницкій въ очень краткихъ словахъ выразилъ величайшую признательность императору за многіе дарованные плодотворные за-

коны и въ особенности за то, что онъ мощною рукою своею извлекъ польскую націю изъ забвенія и предохранилъ ее отъ полнаго разрушенія.

На другой день Александръ I покинулъ Варшаву, вѣроятно нисколько не подозрѣвая, что покидаетъ на всегда облагодѣтельствованныхъ имъ поляковъ. Очень многіе изъ членовъ сейма едва успѣли доѣхать до своихъ отдаленныхъ помѣстій, какъ получилось въ Варшавѣ печальное извѣстіе о кончинѣ императора Александра I въ Таганрогѣ, а затѣмъ князь Алексѣй Куракинъ сообщилъ 20-го декабря 1825 г. о траурѣ, наложенномъ по поводу этой кончины, которая повергла обывателей царства Польскаго въ глубокую скорбь и уныніе. Изъ дѣлъ усматривается также, что въ самый день перенесенія тѣла скончавшагося императора изъ Казанскаго собора въ Петербургѣ въ Петропавловскій соборъ для преданія землѣ, въ Варшавѣ, при огромномъ стеченіи народа совершалось, съ особою торжественною церемоніею, при многочисленномъ духовенствѣ, печальное шествіе изъ Краковскаго предмѣстья по улицамъ Вержбовой, Бѣлянской, Медовой, Сенаторской къ Саксонской площади, а затѣмъ къ собору св. Яна. Дорогою печальная колесница съ гробомъ и все шествіе по особому церемоніалу останавливались у каждой церкви, для совершенія краткаго богослуженія; всѣ лица, желавшія стоять на улицахъ или въ окнахъ домовъ, должны были быть въ глубокомъ траурѣ; окна первыхъ этажей домовъ должны были быть заперты, во второмъ же и слѣдующихъ или зачерты или открыты; въ семъ послѣднемъ случаѣ завѣшаны, равно какъ и балконы, матеріею чернаго цвѣта или краснаго (ponceau). Въ соборѣ св. Яна былъ устроенъ катафалкъ, на которомъ и былъ поставленъ гробъ, привезенный на колесницѣ, и окруженъ царскими регаліями.

Особый церемоніалъ опредѣлялъ, кто изъ обывателей Варшавы имѣлъ право входа въ соборъ для присутствованія при печальномъ обрядѣ и въ какомъ именно мѣстѣ въ соборѣ долженъ находиться. Множество дамъ присутствовало и въ процессіи и въ соборѣ. Духовенство, стоя на колѣняхъ у гроба, совершало торжественно погребальное богослуженіе, во время котораго былъ произведенъ сборъ съ благотворительною цѣлію, именно на бѣдныхъ вообще, на бѣдныхъ школьниковъ, бѣдныхъ учениковъ семинарій, на глухо-нѣмыхъ и на пособія монастырямъ. Богослуженіе завершилось печальнымъ колокольнымъ звономъ, пушечными выстрѣлами и ружейными залпами.

По окончаніи богослуженія одинъ изъ военныхъ мундировъ усопшаго императора былъ при отрядѣ войскъ отнесенъ въ арсеналъ для храненія, гдѣ его и принялъ генералъ Гаукъ, а другой въ замокъ для храненія въ Сенатѣ, гдѣ его принялъ предсѣдатель Сената и два сенатора

Для сохраненія въ памяти потомства—этого послѣдняго выраженія преданности и любви поляковъ къ возстановителю ихъ отечества,—была выбита особая медаль и 15 золотыхъ экземпляровъ ея были присланы въ Петербургъ для врученія нѣкоторымъ лицамъ столицы, какъ-то: кн. А. Н. Голицыну, Грабовскому и т. д.

Изъ дошедшаго до насъ письма А. Н. Оленина къ Грабовскому отъ 24-го іюня 1826 г. [1]), усматривается, что для Варшавы были заказаны мастеру Ковшенкову два бронзовые бюста императора Александра I, которые должны были быть воспроизведеніемъ извѣстнаго мраморнаго его бюста, сдѣланнаго знаменитымъ Торвальдсеномъ. Означенные бюсты были сдѣланы и деньги за нихъ всего двѣ тысячи рублей уплачены. Но помимо этихъ двухъ бюстовъ, Сенатъ въ Варшавѣ пожелалъ увѣковѣчить память императора Александра I сооруженіемъ для него памятника въ Варшавѣ. Президентъ Сената, графъ Замойскій, выражая это желаніе Сената, въ всеподданнѣйшемъ адресѣ 17-го января 1826 г. выразилъ между прочимъ: «неизмѣримая потеря постигла человѣчество и вызвала всеобщую скорбь, начиная отъ императорской столицы Петра Великаго до крайнихъ предѣловъ цивилизаціи. Властители, могущество которыхъ согласуется съ ихъ добродѣтелями и просвѣщенными взглядами, не принадлежатъ исключительно какому-либо одному народу; жизнь ихъ дѣлается достояніемъ всего свѣта, а смерть ихъ бѣдствіемъ всемірнымъ. Воспоминанія о нихъ и примѣръ, ими представляемый—наслѣдіе всѣхъ грядущихъ поколѣній».

Поэтому Сенатъ, проникнутый общимъ желаніемъ народа сохранить навсегда въ полякахъ память о благодѣтелѣ Польши, желалъ бы соорудить ему приличный памятникъ на общія средства, при чемъ каждый полякъ могъ бы принести свою посильную лепту. Это побуждаетъ Сенатъ испрашивать разрѣшенія его величества на внесеніе на обсужденіе предстоящаго сейма проекта закона объ образованіи путемъ общаго сбора капитала, достаточнаго для сооруженія монумента народной признательности, достойнаго памяти короля и благодѣтеля Польши. Опредѣлить самый родъ и видъ этого памятника представляется усмотрѣнію непосредственному его императорскаго величества.

Императоръ Николай I не замедлилъ отвѣтить на это графу Замойскому слѣдующимъ рескриптомъ 9-го—14-го февраля 1826 г.

«Господинъ президентъ Сената графъ Замойскій! Я съ живымъ участіемъ прочелъ адресъ вашъ, мнѣ доставленный отъ имени Сената Польскаго королевства. Меня глубоко тронуло высказанное въ немъ благоговѣніе къ памяти нашего августѣйшаго благодѣтеля; я усмотрѣлъ въ немъ печать несокрушимой преданности, которая отличаетъ учреж-

[1]) Вся, предшествующая этому письму, переписка не нашлась.

деніе, находящееся подъ вашимъ предсѣдательствомъ. Прошедшее является для меня драгоцѣннымъ залогомъ будущаго, и я съ удовольствіемъ и довѣріемъ принимаю выраженія чувствъ Сената, высказанныя мнѣ при вашемъ посредствѣ. Прошу васъ въ мою очередь передать Сенату мои искреннія расположенія къ вашему учрежденію королевства.

«Въ глубинѣ моего сердца, я обрадовался желанію Сената воздвигнуть народный памятникъ, посвященный признательности поляковъ къ безсмертному возстановителю ихъ отечества, и спѣшу одобрить предложенный вами способъ его исполненія. Вѣрные подданные Польскаго королевства, связанные общею любовію къ оплакиваемому ими государю, должны быть всѣ допущены къ тому, чтобы увѣковѣчить память ихъ о немъ сожалѣній и ихъ обожанія его. Поэтому я и разрѣшилъ моему намѣстнику предложить Совѣту обсудить проектъ закона о порядкѣ сооруженія памятника въ бозѣ почившему императору, подлежащій внесенію на разсмотрѣніе предстоящаго сейма.

«Примите, г. президентъ Сената, графъ Замойскій, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и искренней моей преданности».

При этомъ его величество, желая явить Сенату особую свою милость, высочайше повелѣть соизволилъ тотъ генеральскій мундиръ польскихъ войскъ, который императоръ Александръ I имѣлъ обыкновеніе носить, когда являлся въ Варшавѣ среди представителей основаннаго имъ королевства, передать на храненіе въ Сенатъ въ высшее учрежденіе Польскаго королевства съ тѣмъ, чтобы видъ этого мундира оживлялъ бы еще болѣе воспоминанія поляковъ о безсмертномъ возстановителѣ ихъ отечества.

Относительно предлагаемаго памятника императору Александру, Совѣтъ выработалъ слѣдующій планъ: соорудить конную статую почившаго государя, по срединѣ площади Красинской, прилегающей къ большому саду дворца Красинскаго, всю площадь привести въ правильный видъ и украсить ее вокругъ зданіями для различныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. Равнымъ образомъ дать благоустроенный видъ площади, находящейся у церкви св. Александра, окруживъ эту площадь исключительно зданіями благотворительности, какъ-то домомъ для ветерановъ (или инвалидовъ), институтомъ для глухонѣмыхъ, зданіемъ для недостаточныхъ воспитанниковъ лицея и университета, родители которыхъ не живутъ въ Варшавѣ и т. д. Сюда же предполагалось перевести, учрежденную императоромъ Александромъ, апликаціонную школу, которая помѣщалась на Медовой улицѣ, но это предложеніе было отклонено.

Всѣ эти предположенія были значительно измѣнены при ихъ разсмотрѣніи Сенатомъ, находившимъ цѣлесообразнѣе устроить въ память

Александра I въ различныхъ мѣстахъ королевства часовни во имя св. Александра и кромѣ того близъ Варшавы особое убѣжище или колонію для нищихъ и нуждающихся въ призрѣніи. Это убѣжище, которое предполагалось назвать Alexandzyn (Александровское), должно было состоять изъ собственно убѣжища для лицъ, требующихъ призрѣнія, и колоніи, въ которой лица, нуждающіяся въ работѣ, могли бы находить примѣненіе своему труду и тѣмъ снискивать себѣ пропитаніе. Необходимыя на все средства предполагалось собрать путемъ дополнительнаго сбора по грошу съ каждаго злота уплачиваемыхъ податей различныхъ наименованій; это могло доставить въ годъ около 1.500.000 злотыхъ.

Палата нунціевъ приняла также это предложеніе при восторженныхъ крикахъ Niech zyie Król i Konstytucya, т. е. да здравствуетъ король и конституція. Согласно этому на сеймѣ 1830 г. былъ составленъ проектъ закона объ учрежденіи подобнаго рода памятника и объ установленіи для собранія необходимыхъ къ тому средствъ особаго сбора на 4 года, начиная съ 1-го января 1831 г. Вспыхнувшее вскорѣ возстаніе въ Польшѣ было причиною, что проектъ этого закона утвержденъ не былъ и мысль о сооруженіи подобнаго рода памятника въ Варшавѣ императору Александру I не получила осуществленія.

Въ заключеніе упомянемъ, что вскорѣ послѣ кончины императора Александра I, въ Варшавѣ въ 1826 г. скончался и преданный ему намѣстникъ королевства, князь Заіончекъ. Императоръ Николай I по-этому поводу удостоилъ его вдову слѣдующимъ рескриптомъ 6-го—18-го августа 1826 г. изъ Москвы: «я узналъ, княгиня, съ живѣйшимъ сожалѣніемъ о несчастномъ событіи, которое насъ постигло и въ то же время лишило Польшу—одного изъ самыхъ выдающихся ея согражданъ; королевство—перваго ея сановника, и армію—самаго достойнѣйшаго ея ветерана. Присоединяя мои сожалѣнія къ сожалѣніямъ всей страны и вашего сіятельства, я не буду стараться выразить вамъ какія-либо по этому поводу утѣшенія; хочу полагать, что вы ихъ найдете въ благочестивомъ подчиненіи велѣніямъ Промысла, въ единодушіи чувствъ, вызванныхъ этою потерею, и въ убѣжденіи, что вы исполнили все отъ васъ зависѣвшее для продолженія этой жизни, посвященной всецѣло служенію государству.

«Соблаговолите, княгиня, вѣрить что, я всегда поспѣшу явить вамъ доказательства истиннаго моего къ вамъ участія и принять увѣреніе» и т. п.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I.

Недавно разбирая сокровища одной изъ библіотекъ, я нашелъ книгу на польскомъ языкѣ, интереснымъ содержаніемъ которой считаю своимъ долгомъ подѣлиться съ читателями.

Заглавіе этой книги: «Opis żałobnego obchodu po wiekopomnej pamięci Najiaśnejszym Alexandrze I Cesarzu wszech Rossyi Królu Polskim w Warszawie, w dniach 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 23 Kwietnia 1826 roku uroczyscie odbytego», т. е.: «Описаніе печальной церемоніи по достойномъ вѣчныя памяти, всепресвѣтлѣйшемъ Александрѣ I, императорѣ всея Россіи, царѣ польскомъ, происходившей въ Варшавѣ 7, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 19 и 23 апрѣля 1826 года». Издана inf. «w Warszawie, nakładem i drukiem N. Glücksberga, księgarza i typografa królewsko-warszawskego uniwersytetu. MDCCCXXIX» [1]). Состоитъ изъ двухъ частей и приложеній къ нимъ. Въ обѣихъ частяхъ (стран. 1—18), напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, содержится описаніе чествованія памяти императора Александра съ 7-го по 23-е апрѣля 1826 г. Приложенія—самая обширная часть книги—составляютъ: 1) рѣчи въ память Александра I, произнесенныя: въ каѳедральномъ костелѣ епископомъ краковскимъ Яномъ-Павломъ Вороничемъ, 7-го апрѣля, въ евангелическо-реформатской кирхѣ—пасторомъ

[1]) Объ этой книгѣ упоминаетъ покойный Н. К. Шильдеръ въ IV томѣ своего труда „Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе“ (СПБ. 1898), какъ о рѣдкой (стран. 342—352, прим. 500), но съ содержаніемъ ея не знакомитъ, ограничиваясь воспроизведеніемъ изъ нея двухъ рисунковъ (часть погребальной процессіи и поминовеніе имп. Александра въ варшавской синагогѣ). Г. В.

Дилемъ (de Diehl), 9-го апрѣля, въ евангелическо-аугсбургской церкви пасторомъ Карломъ Ляуберомъ, 23-го апрѣля, и въ молитвенномъ собраніи евреевъ, въ зданіи еврейской больницы на Зеленой улицѣ, равиномъ варшавской еврейской гмины І. Глюксбергомъ, 17-го апрѣля; 2) списки лицъ, принимавшихъ участіе въ похоронной процессіи 7-го апрѣля (стран. I—XXXIV) и 3) иллюстраціи: шесть листовъ—изображеніе похоронной процессіи, при чемъ каждый листъ дѣлится горизонтально на четыре части, такъ что процессію можно видѣть всю отъ начала ея до конца, четыре раскрашенные листа—изображенія орденовъ, которые несли въ процессіи, процессія на Саксонской площади, она же на Замковой площади, въ евангелической кирхѣ, три сцены въ каѳедральномъ костелѣ, въ молитвенномъ собраніи евреевъ, катафалкъ въ колонной залѣ королевскаго замка, иллюминованный рисунокъ катафалка и воздруженной надъ нимъ сѣни въ каѳедральномъ костелѣ св. Яна и планъ этого костела, съ обозначеніемъ мѣста нахожденія катафалка. Рисунки исполнены литографскимъ способомъ и, на сколько можно судить, съ натуры. Подъ нѣкоторыми имѣются подписи. Такъ, подъ изображеніями орденовъ на всѣхъ четырехъ листахъ подписано: w Warzawie w Instytucie Litograficz Szkólnym и кромѣ того на 1-мъ и 3-мъ листахъ Slawinski litogr., а на четвертомъ I. Si; подъ рисункомъ, изображающимъ похоронную процессію на Саксонской площади, находятся подписи: Courtin lith. fig. par V. Adam-Ludwik Horward del-Imp. lith. de Bove dir par Noela et C.; подъ иллюстраціею похоронная процессія на Замковой площади подписано: Courtin del fig. par V. Adam Piwarski delt. Imp lith. de Bove dir par Noela et C.; подъ сценою въ кирхѣ — Renoux lith. Karol Liszewski delt. Imp. lith. de Bove dir par Noela et C.; подъ рисункомъ: въ костелѣ св. Яна, видъ на алтарь—подпись: Henri Labielo delt. Imp. Lith. de Bove dir par Noel aine et C.—Courtin Lith. fig. par V. Adam.; подъ такимъ же рисункомъ,—видъ отъ главнаго алтаря: A. Wysocki delt. — Imp. lith de Bove dir par Noel aine et C.—Courtin del fig. par V. Adam.; подъ рисункомъ: въ костелѣ св. Яна видъ на катафалкъ отъ входа—F. Piwarski delt.—Imp. lith. de Bove. Renoux lith.; подъ рисункомъ: въ молитвенномъ собраніи евреевъ—Mon voisin aine delt. — Imp. lith de Bove dir par Noela et C.; подъ изображеніемъ катафалка въ колонной залѣ королевскаго замка: Courtin delt. Imp. Lith de Bove Noel aine et C. и, наконецъ, подъ иллюминованнымъ рисункомъ того же катафалка и сѣни подъ нимъ у св. Яна—w Warszawie w Inst. litogra. Szkólnym. I. Slawinski litograf.

Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ 19-го ноября (1-го декабря) 1825 года.

Вѣсть объ этомъ достигла Варшавы черезъ восемь дней.

Печаль была непритворная.

Александра вообще любили за его мягкій характеръ. Полякамъ же онъ былъ особенно дорогъ, какъ воскреситель ихъ отчизны, «Wskrzesiciel Ojczyzny»—его такъ и называли въ Польшѣ.

По полученіи извѣстія о кончинѣ Александра рѣшено было почтить его память въ столицѣ, возстановленнаго имъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, царства достойнымъ образомъ.

У поляковъ существовалъ древній обычай оказанія почестей умершему королю при погребеніи его.

Состоялъ онъ въ слѣдующемъ.

Въ печальной грандіозной процессіи, въ которой принимали участіе представители всѣхъ сословій королевства, за тѣломъ короля, ѣхалъ рыцарь въ блестящемъ вооруженіи, держа королевскій мечъ, обращенный остріемъ къ себѣ. За нимъ пахолекъ или гермекъ, въ траурѣ,—съ копьемъ и щитомъ королевскимъ. Дальше сенаторы несли державу, мечъ и корону. Когда тѣло короля опускали въ гробъ, гермекъ бросалъ мечъ на землю, ломалъ копье о гробъ и самъ падалъ—это должно было обозначать, что могущество короля на землѣ кончилось. Ломали булавы и жезлы, склонялись знамена земель и воеводствъ, весь народъ преклонялъ колѣна... И, вотъ, наслѣдникъ покойнаго бралъ въ руки знаки могущества: мечъ и остріе надломленнаго копья, а сенаторы уносили державу, скипетръ и корону и возлагали на алтарь въ знакъ того, что власть, представитель коей на землѣ умеръ, никогда не исчезаетъ, но возвращается къ источнику, изъ котораго проистекла.

Но такая церемонія возможна была только при наличности тѣла государя. Поэтому рѣшено было примѣнить въ данномъ случаѣ другую программу. Прототипомъ для послѣдней послужили церемоніалы похоронъ Казиміра Великаго, Сигизмунда-Августа и Августа III, описанія которыхъ сохранились.

Церемоніалъ удостоился одобренія императора Николая Павловича.

Исполнявшій обязанности намѣстника въ царствѣ Польскомъ кн. Іосифъ Заіончекъ [1]) образовалъ комитетъ, которому поручили озаботиться устройствомъ похоронной процессіи въ Варшавѣ.

Въ немъ были разсмотрѣны и одобрены рисунки и планы Кубиц-

---

[1]) I. Заіончекъ, род. въ 1752 г., умеръ въ 1826 г., боевой генералъ, съ 1815 г. былъ намѣстникомъ царства Польскаго. Въ 1818 г. ему была предоставлена власть почти диктаторская. Оставилъ любопытные мемуары (изданы въ Познани Жупанскимъ въ собраніи „Pamiętnik. do XVIII w.“, т. II). Г. В.

каго [1]), касавшіеся украшенія каѳедральнаго костела св. Яна, который избрали мѣстомъ религіозной процессіи, и колонной залы королевскаго замка, гдѣ предполагалось воздвигнуть катафалкъ; установленъ порядокъ, какого должны были держаться лица, принимавшія участіе въ процессіи; наконецъ, рѣшено было выбить въ память покойнаго императора медаль съ его изображеніемъ и надписями: «Alexander wskrzesiciel królewstwa Polskiego roku 1815» и «DoBroczyńcę Swoiego opłakuiąca Polska roku 1826» [2]).

Стоявшая нѣсколько дней подъ рядъ ненастная погода не позволяла приступить къ выполненію программы до 7-го апрѣля.

Въ этотъ день съ 7 час. утра начали собираться въ замкѣ, въ парадныхъ мундирахъ и въ траурѣ, сенаторы, министры, члены государственнаго совѣта, депутаціи отъ воеводствъ, придворные чины, генералы, офицеры главнаго штаба, знатные иностранцы и консулы иностранныхъ державъ. Остальные участники въ процессіи заняли Замковую площадь, ул. Канонія, Старе-място и ул. Длугу до арсенала. Войска расположились шпалерами, въ парадной формѣ и въ траурѣ, на улицахъ, по которымъ долженъ былъ слѣдовать печальный кортежъ.

Въ колонной залѣ королевскаго замка, задрапированной трауромъ, посерединѣ, на катафалкѣ стоялъ царскій гробъ, покрытый императорскою мантіею, на гробѣ былъ поставленъ бюстъ умершаго государя, вокругъ размѣщены ордена и знаки отличія покойнаго Александра.

Когда часы на Замковой башнѣ пробили 9, великій маршалъ императорскаго двора подалъ знакъ къ началу процессіи. Раздался звонъ во всѣхъ костелахъ Варшавы, послышались ежеминутные пушечные выстрѣлы.

Кортежъ выступилъ изъ замка.

Состоялъ онъ изъ десяти отдѣленій. Всего участвовало въ процессіи 3.128 человѣкъ.

Печальный кортежъ растянулся на огромное пространство, такъ что, когда послѣднее отдѣленіе его выступило съ Замковой площади, голова его находилась уже на половинѣ пути. Дома, мимо которыхъ онъ проходилъ, были убраны пунсовымъ и чернымъ сукномъ. Зрители, смотрѣвшіе изъ оконъ или съ балконовъ — были въ траурѣ. Во все время шествія печальной процессіи похоронная музыка чередовалась съ погребальными маршами на барабанахъ. Русскія войска, послѣ того

---

[1]) Яковъ Кубицкій, талантливый архитекторъ, строитель Бельведера, лютеранской кирки, Лазенковскаго дворца въ Варшавѣ, род. въ 1753 † 1833 г. Г. В.

[2]) Т. е. „Александръ, воскреситель царства Польскаго 1815 года“ и „Польша, оплакивающая своего благодѣтеля 1826 года“. Г. В.

какъ носилки прослѣдовали мимо нихъ, взяли «на молитву», и передъ полками были совершены панихиды.

Когда процессія поровнялась съ костеломъ бернардиновъ, одинъ изъ камергеровъ, вынувъ изъ «шкатулки благотворительности» черный мѣшокъ, вошелъ въ костелъ и подалъ ксендзу, со словами: «именемъ въ Бозѣ почивающаго, всепресвѣтлѣйшаго Александра I, императора и короля, съ высшаго соизволенія, вручаю царскую милостыню, прося памятовать въ молитвахъ о душѣ нашего благодѣтеля, о чемъ онъ самъ къ намъ взываетъ»; при послѣднихъ словахъ камергеръ вручилъ, вмѣстѣ съ милостынею, печатное извлеченіе изъ завѣщанія покойнаго государя [1]), въ которомъ Александръ проситъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ вознести горячія моленія къ Господу Нашему Іисусу Христу, дабы Онъ, по безконечному Своему милосердію, благоизволилъ принять душу его въ Свое вѣчное Царствіе. По выходѣ камергера изъ костела, ксендзъ громко прочиталъ находившемуся въ храмѣ народу слова покойнаго императора и пригласилъ всѣхъ помолиться за его душу. Началось заупокойное богослуженіе. По окончаніи его, священнослужитель одѣлилъ милостынею присутствовавшихъ бѣдняковъ.

Процессія снова двинулась въ путь. Останавливалась она для той же цѣли передъ помѣщеніемъ Благотворительнаго общества, костелами: кармелитовъ, визитокъ (panien wizytek), евангелическимъ, св. Андрея, оо. піаровъ, базиліановъ и капуциновъ. Каждый разъ какъ только камергеръ входилъ въ костелъ и выходилъ изъ него, военная музыка играла погребальный маршъ.

Черезъ три часа печальный кортежъ достигъ митрополитальнаго костела св. Яна.

У дверей храма ожидалъ его архіепископъ варшавскій и примасъ царства Войцѣхъ Скаржевскій, 80 лѣтній старецъ, съ епископами и прелатами, архикаѳедральнымъ капитуломъ и главною семинаріею. Генералы и сенаторы сняли гробъ и бюстъ Александра, внесли ихъ, въ предшествіи архіепископа, въ храмъ и поставили на катафалкѣ. Катафалкъ восьмиугольный, увѣнчанный куполомъ съ королевскою короною, его поддерживаютъ восемь колоннъ коринѳскаго ордена. На немъ надпись «Podobała się dusza Iogo Bogu i wezwał ią do Swoiego wiecznego królevstwa» [2]). Прочія особы, участвовавшія въ процессіи, положили при гробѣ ордена и знаки отличія, а также размѣстили у колоннъ храма хоругви воеводствъ. Двѣнадцать офицеровъ разныхъ полковъ гвардіи, съ обнаженными шпагами, встали на караулъ вокругъ ката-

[1]) Манифестъ 16-го сентября 1823 г.

[2]) Угодна была душа его Богу, и Онъ воззвалъ ее въ свое вѣчное царство.
Г. В.

фалка. Всѣ присутствовавшіе встали. Вел. кн. Константинъ Павловичъ во главѣ генералитета и главнаго штаба занялъ мѣсто по правой сторонѣ катафалка.

Величественный костелъ облекся въ глубокій трауръ. Всѣ его стѣны, колонны и органъ были затянуты чернымъ флеромъ, главный алтарь завѣшенъ яркокрасною матеріею съ изображеніемъ по серединѣ золотаго креста—символа спасенія, на колоннахъ помѣщены гербы воеводствъ и иниціалы усопшаго государя. Во избѣжаніе тѣсноты костелъ раздѣлили на семнадцать частей. Впускали по билетамъ. Помощники церемоніймейстера указывали входившимъ мѣста. Какъ только собравшіеся заняли свои мѣста, началась заупокойная обѣдня. Служилъ архіепископъ-примасъ съ епископами и высшимъ духовенствомъ. Хоръ, состоящій изъ 250 артистовъ, исполнилъ Requiem Козловскаго. По прочтеніи апостола, исполнявшіе обязанности министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—Каетанъ Козьмянъ и гр. Люд. Плятеръ встали со своихъ мѣстъ и взяли—первый хлѣбъ и вино, а второй блюдо съ ампулками [1]). Министръ исповѣданій взялъ служебникъ (mszal), а министръ юстиціи—скатерть и полотенце. Всѣ четверо приблизились къ главному алтарю. За ними двое камергеровъ принесли царскую милостыню. Одинъ изъ епископовъ и пять прелатовъ выступили впередъ взять ее. Министръ исповѣданій произнесъ ту же самую рѣчь, которую говорили въ костелахъ камергеры, вручая милостыню. Епископъ куявско-калишскій Іосифъ Козьмянъ, въ сопровожденіи двухъ прелатовъ и двухъ канониковъ, подошелъ къ катафалку и прочиталъ, извѣстное уже намъ, извлеченіе изъ манифеста отъ 16-го сентября 1823 года. Затѣмъ епископъ съ духовенствомъ и всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна и епископъ громогласно прочиталъ слѣдующую молитву. Приводимъ ее въ переводѣ. «Боже, милосердіе котораго безгранично, пріими милостиво моленія уничиженія нашего и душу Александра, отца и воскресителя королевства Польскаго, которой на сей юдоли плача познаніе Всесвятѣйшаго имени Твоего даровалъ, благоволи въ вѣчномъ мирѣ и свѣтѣ соблюсти. Молимся Тебѣ ради заслугъ, страданій и крови Господа и Спаса Нашего Іисуса Христа. Аминь». Послѣ евангелія, краковскій епископъ Янъ-Павелъ Вороничъ произнесъ слово, формою своею напоминающее классическую рѣчь Ѳеофана Прокоповича на смерть Петра Великаго (1725 г.)

Упомянувъ о томъ потрясающемъ впечетлѣніи, которое повсюду въ Европѣ и въ томъ числѣ въ Польшѣ вызвала внезапная кончина Александра, маститый ораторъ приглашаетъ слушателей искать утѣ-

---

[1]) Ампулка сосудъ, употребляемый въ р.-к. церкви во время обѣдни, въ которомъ содержится вино и вода. Г. В.

шенія въ книгахъ Завѣта вѣчнаго «писанныхъ для всего рода человѣческаго». Покойный монархъ былъ посланъ Провидѣніемъ для того, чтобы міръ безбожіемъ смятенный одарить покоемъ. Онъ былъ сосудомъ благости Творца, возложивъ на насъ руку милосердія Его. Итакъ, надобно не оплакивать его, но веселиться о славѣ и высокомъ предназначеніи его. Каждый изъ владыкъ земныхъ—орудіе Промыслителя вселенной. Одинъ является выразителемъ благости и милосердія Его, другой исполнителемъ Его правосудія. Разница между ними лишь въ томъ, что первыхъ, какъ своихъ возлюбленныхъ избранниковъ, Творецъ отличаетъ добротою, дабы черезъ нихъ излить полные источники милосердія Своего. Вторымъ же, какъ суровымъ выполнителямъ правосудія, предоставляетъ на время ихъ мимолетной славы грозныя и страшныя средства Своего могущества. Первыхъ Самимъ Собою награждаетъ. Вторыхъ же, какъ недостойныхъ Себя, за суетность суетностію запечатлѣваетъ. Первыхъ міръ оплакиваетъ по причинѣ того, что жили мало, вторыхъ,—что долго властвовали. Въ качествѣ примѣра беретъ Кира, царя персидскаго, о которомъ еще за двѣсти лѣтъ до его рожденія Отецъ міра предрекъ устами Своего пророка: «тебя еще нѣтъ, но я тебя вижу и называю тебя твоимъ именемъ Киръ. Я пойду предъ тобою въ бой, при приближеніи твоемъ противниковъ твоихъ разсѣю, мѣдныя врата сокрушу, ибо Я есмь тотъ, который небеса простираетъ и держитъ землю. Я называю то—чего еще нѣтъ такъ, какъ бы уже было». (Исаіи XLV). И исполнилось это на Кирѣ. Сокрушилъ онъ мощь вавилонскую. Позналъ, что не солнце, которому сначала поклонялся, а Богъ Израиля царствуетъ на небеси и на земли. И, вотъ, наказанный народъ его возвратилъ въ родную землю, первый Его въ свѣтѣ храмъ возстановилъ изъ развалинъ, миръ и свободу водворилъ на Востокѣ... Ораторъ находитъ сходство между библейскимъ Киромъ и почившимъ Александромъ. «Почти четверть вѣка вращались мы въ кровавой пучинѣ несчастій и огорченій». Явился тотъ, котораго оплакиваемъ нынѣ. На немъ исполнились слова Бога воинствъ: Я пойду предъ тобою. Онъ одолѣлъ враговъ. Уже отъ Волги и до Сены все успокоилось. Древняя столица франковъ открыла предъ нимъ свои врата. Александръ, жившій постоянно съ Богомъ, всѣ свои побѣды относилъ къ Нему. «Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему, дай славу» (Пс CXIII) Богъ управлялъ сердцемъ его, какъ нѣкогда управлялъ сердцемъ Кира. И сказалъ онъ; «Будьте свободны! Забываю все. Живите! вотъ, вамъ ваша отчизна, безъ которой вы не можете жить»... Но какое значеніе имѣла бы неограниченная свобода? Первый человѣкъ воспріялъ

ее отъ Самого Творца, но и скоро погибъ, какъ только восхотѣлъ быть непослушнымъ. Держите въ рукахъ этотъ залогъ и гарантію вашихъ вольностей. Чѣмъ они будутъ, если съ ними не свяжете сердецъ своихъ, если ихъ такъ же, какъ благодѣтель, ихъ подарившій, цѣнить и пѣстовать не будете? Что же онъ начерталъ на ихъ челѣ? А, вотъ, что польскій тронъ и самое существованіе Польши соединяются съ могуществомъ и славою Россіи.

И будетъ одно тѣло, которое одинъ духъ жизни проникать долженъ. Отсюда—не стремиться къ этой цѣли—значитъ не способствовать собственному своему существованію. Какіе же дары и благодѣянія онъ (Александръ) обезпечилъ намъ въ этомъ союзѣ? Всѣ, до какихъ только душа его могла возвыситься. Во-первыхъ, главное основаніе каждаго общества, религію отцовъ нашихъ, окружилъ тщательнѣйшимъ попеченіемъ. Напрасно думать о заложеніи государствъ и установленіи правительствъ, если эта достойная посланница небесъ не сочетается достойнымъ себя союзомъ. Пережила она и переживетъ всѣ перемѣны вѣковъ и народовъ... Предоставивъ власть въ краѣ брату своему «испытанному другу, постоянному товарищу отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, попечительностію своею въ отношеніи насъ хорошо извѣстному», достопамятный воскреситель нашего имени расточилъ неоцѣненные для насъ дары вольности и спокойствія... Сохранилъ онъ и дорогую для насъ колыбель древней народности нашей—Краковъ, существующій подъ опекою достойныхъ союзниковъ, гдѣ священный прахъ первыхъ созидателей прежней монархіи нашей не перестанетъ благословлять новой династіи королей польскихъ въ могущественномъ императорско-россійскомъ домѣ ожившей и возсіявшей... «О, Россія!—восклицаетъ ораторъ—охранительница обширныхъ троновъ! сколько вѣковъ будешь гордиться единовластителемъ своимъ, котораго оплакиваешь нынѣ вмѣстѣ съ нами! Онъ увѣнчалъ имя твое новымъ блескомъ славы. Онъ знамена твои водрузилъ на вершинахъ Татровъ и Альповъ. Онъ твоими кораблями неизвѣданныя моря, заливы и острова съ пользою твоею объѣхалъ. Онъ на лонѣ твоемъ новые зачатки свѣта наукъ, промышленности, могущества посѣялъ, установилъ, укрѣпилъ! А что же о бокъ тебя—для насъ, побратимовъ твоихъ, сдѣлалъ? Больше нежели это все! Ибо насъ изъ небытія, изъ гроба вызвалъ! О братія! уже одно то, что сегодня мы оплакиваемъ собственнаго короля, доказываетъ міру, что мы живемъ, что королей и любить, и оплакивать умѣемъ, что цѣпь нашихъ Мечиславовъ и Болеславовъ, прерванная на время, снова возстановилась, что именемъ отцовъ нашихъ называться намъ и поколѣніямъ нашимъ не возбранено»... «Но къ кому

теперь мы, малые и недорослые птенцы безъ матери, обратимся? куда обратимъ взоръ свой?—спрашиваетъ проповѣдникъ далѣе и отвѣчаетъ: «къ тебѣ, всепресвѣтлѣйшій наслѣдникъ трона его, Николай I, надежда и утѣха Россіи, а нашъ милостивѣйшій король! Послѣ Кира Богъ послалъ Артаксеркса, дабы то, что первый началъ, другой завершилъ. Пускай же въ лицѣ Николая продолжится царствованіе Александра и печаль польскаго народа въ радость претворится. Но, какъ бы то ни было—владыки міра, отображая могущество и величіе Божіе на землѣ, не престаютъ быть людьми преходящими и временными. Есть еще владыка надъ ними и надъ нами. Примиримся съ Нимъ! Примиримся съ Нимъ, который будетъ давать намъ Кировъ, Аргаксерксовъ, Титовъ... Примиримся съ Нимъ, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ нѣкогда отцы наши съ друзьями своими, по здравомъ размышленіи, мирились. Не внѣшнимъ только образомъ, но правдою и искренностію, не скупостію ростовщиковъ, но сердцемъ благороднымъ и открытымъ, не на глазъ и видъ, но въ восторгѣ истинной любви, въ которой всѣ добродѣтели христіанскія и общественныя сливаются». Словами: «Боже, ниспосли на поколѣнія эти духа отцовъ ихъ! и да возрадуется душа Александра, стоящая предъ Престоломъ Твоимъ, непоколебимымъ счастьемъ поляковъ!» проповѣдникъ закончилъ свое слово.

Послѣ обѣдни все духовенство собралось у катафалка и пропѣло погребальный гимнъ Salve Regina. При послѣднихъ звукахъ величественнаго гимна, министры, сенаторы, камергеры и камеръ-юнкеры приблизились къ катафалку, сняли съ него ордена и знаки отличія монарха и отнесли къ главному алтарю. Тамъ принялъ ихъ архіепископъ, прочиталъ краткую молитву и положилъ ихъ на престолъ. Въ это время изо всѣхъ орудій и ружей гарнизона былъ произведенъ троекратный залпъ.

Такъ окончилась печальная церемонія въ архикаѳедральномъ костелѣ.

Такія же самыя богослуженія были отправлены въ прочихъ костелахъ Варшавы и цѣлаго царства Польскаго. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ они отличались особеннымъ великолѣпіемъ. Такъ, напр., въ Пулавахъ и въ Конской-волѣ, благодаря близости Сибиллы[1]), этого знаменитаго собранія польскихъ рѣдкостей и предметовъ, составлявшихъ личную собственность королей польскихъ, представилась возможность богато и со вкусомъ украсить «катафалкъ» Александра.

Польское войско пожелало еще разъ отдать почести покойному государю. Назначено было 9-го апрѣля снова собраться въ костелѣ св.

---

[1]) Храмъ Сибиллы—готическій домикъ-музей въ паркѣ, въ Пулавахъ (нынѣ Новая Александрія) Люблинской губ. Г. В.

Яна на заупокойное богослуженіе офицерамъ всѣхъ частей и родовъ оружія.

Для народа, который, за неимѣніемъ въ архикаѳедральномъ костелѣ мѣста, не былъ впущенъ въ него 7-го апрѣля,—были отправлены заупокойныя богослуженія, со всѣми церемоніями перваго дня, 7-го, 10-го, 11-го и 12-го апрѣля.

13-го апрѣля совершено въ томъ же костелѣ богослуженіе съ церемоніею для лицъ греко-уніатскаго исповѣданія; въ сопровожденіи почетной стражи—двухъ отрядовъ польской гвардіи,—отвезли знаки королевскаго достоинства въ скарбецъ короны польской во дворцѣ Красинскихъ. Тамъ ихъ принялъ замѣститель министра финансовъ, гр. Плятеръ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ были отправлены описанныя выше богослуженія съ церемоніями за душу императора Александра Павловича въ храмахъ католическаго исповѣданія,—совершены были заупокойныя богослуженія и въ храмахъ другихъ исповѣданій.

17-го апрѣля чествовали память Александра варшавскіе евреи.

Такъ почтили поляки память своего государя, который, по свидѣтельству суроваго въ своихъ приговорахъ, независимаго историка, дѣйствительно сдѣлалъ для нихъ много добра [1]), которому соотечественники по праву дали имя Благословеннаго.

Въ заключеніе прибавлю, что чествованіе памяти императора Александра въ Варшавѣ было увѣковѣчено выбитіемъ особой медали. Для государя и императорской фамиліи изготовлены были восемнадцать медалей золотыхъ большаго формата, для министровъ и высшихъ русскихъ и польскихъ сановниковъ—золотыя малаго формата, для прочихъ должностныхъ лицъ и жителей царства Польскаго серебряныя—большія и малыя и бронзовыя. Кромѣ того, медали были разосланы во всѣ заграничные нумизматическіе кабинеты, а также во всѣ кабинеты и библіотеки въ краѣ.

Г. А. Воробьевъ.

---

[1]) Станиславъ Тарновскій „Nasze dzieje“, Krakow, 1896, 34, 35, 60.

Нѣсколько словъ по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова.

Въ добавленіе къ письму Г. А. Литвинова по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова, помѣщенному въ январской книгѣ «Русской Старины» 1904 года, позволяю себѣ въ видахъ выясненія истины сказать еще нѣсколько словъ.

Упомянутый Сеидъ-Азимъ-Мухаметъ-Баевъ состоялъ во главѣ русской партіи г. Ташкента и занималъ должность старшаго совѣтника при завѣдующемъ ташкентскимъ населеніемъ, войсковомъ старшинѣ Сѣровѣ; но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ злоупотребленій, былъ съ этой должности смѣщенъ. Кромѣ того въ числѣ туркестанскихъ депутатовъ было нѣсколько духовныхъ лицъ; Романовскій же среди нихъ особенной популярностью не пользовался, такъ какъ его дѣятельность была направлена къ ослабленію ихъ вліянія; особенно же вооружилъ онъ противъ себя духовенство учрежденіемъ такъ называемаго мегкемэ (народнаго суда), тогда какъ до сихъ поръ вся судебная власть сосредоточивалась въ рукахъ Баева и часто служила источникомъ различныхъ злоупотребленій. Ослабленіе же вліянія духовенства являлось тѣмъ болѣе необходимымъ, что оно отражалось весьма вредно на русскую политику: такъ, напримѣръ, ташкентскій казы-килянъ (главное духовное лицо) относился весьма сочувственно къ эмиру бухарскому и былъ даже уличенъ въ сношеніяхъ съ нимъ.

Небезъинтересно поведеніе нѣкоторыхъ депутатовъ по возвращеніи въ область. Вотъ что пишетъ по этому поводу генералъ Мантейфейль, замѣстившій въ области Романовскаго, въ одномъ изъ своихъ писемъ послѣднему:

«Сеидъ-Азимъ, негодяй первостепенный, писалъ уже изъ Петербурга своей партіи, Богъ знаетъ какія нелѣпости; между прочимъ, что онъ назначенъ вали (правителемъ) Ташкента и взволновалъ мнѣ цѣлый городъ.

*

«Когда онъ прибылъ, то я его принялъ чрезвычайно сурово и сказалъ ему, чтобъ онъ себя держалъ тише травы, а въ противномъ случаѣ посажу его до прибытія новаго начальника. Байтыкъ на лѣвомъ флангѣ тотчасъ по прибытіи изъ Петербурга набралъ шайку въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и напалъ на бея Рустамъ-Бека, ограбилъ его родъ до тла и ушелъ со всѣмъ родомъ и ограбленнымъ имуществомъ въ горы. Ярошхинъ, котораго я послалъ для производства слѣдствія, давъ ему полномочіе съ отрядомъ двинуться въ горы, успѣлъ его схватить и заключить въ Ауліе-ата.

«Депутатъ отъ киргизъ ташкентскаго района то же самое вообразилъ, что онъ начальникъ всѣхъ киргизъ, и началъ возбуждать киргизъ противъ управляющаго».

Коснувшись записокъ Залѣсова, необходимо ввести въ нихъ нѣкоторыя поправки для болѣе вѣрнаго освѣщенія дѣятельности г. Романовскаго.

Какъ-то странно звучитъ фраза: «Для Барятинскаго было хорошо пользоваться наставленіями простаго рядоваго или офицера младшихъ чиновъ, ибо никто не могъ заподозрить, чтобы всемогущій намѣстникъ могъ жить умомъ такого маленькаго смертнаго, какъ Романовскій».

Заслуги Барятинскаго внѣ всякаго сомнѣнія, ему мы обязаны быстрому замиренію Кавказа и плѣненію Шамиля, и конечно для памяти Романовскаго было бы весьма лестно играть въ этой плодотворной дѣятельности руководящую роль, если бы вышесказанное въ запискахъ было справедливо.

Дѣйствительно, Романовскій пользовался большимъ расположеніемъ Барятинскаго, и покойный фельдмаршалъ часто бесѣдовалъ съ нимъ о Кавказѣ, такъ какъ оба были преданы ему всей душою, но лично при Барятинскомъ Романовскій состоялъ съ августа 1856 по апрѣль 1858 года, когда былъ переведенъ въ Петербургъ. Если бы Барятинскій такъ нуждался въ умѣ Романовскаго, то держалъ бы его постоянно при себѣ и не разставался съ нимъ въ эпоху своей самой напряженной дѣятельности. Г. Залѣсовъ пишетъ, что Романовскій былъ назначенъ въ 1865 г. редакторомъ газеты «Русскій Инвалидъ», въ дѣйствительности же послѣдній состоялъ на этой должности съ 1862 г. по апрѣль 1865 г., и въ указываемое въ запискахъ время уже сдалъ ее.

Затѣмъ въ запискахъ говорится: Романовскій разбилъ войска бухарскаго эмира, потерявъ не больше, кажется, 8 человѣкъ за что, однако же, получилъ Георгія 3-й степени. Развѣ результатъ сраженія измѣряется потерей? Основной принципъ военнаго дѣла съ возможно меньшими потерями достигнуть наибольшихъ результатовъ Залѣсовъ, какъ близко знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ области, не могъ не знать, что результаты Ирджардскаго боя были весьма существенны.

Послѣ отступленія г. Черняева отъ Джизака (вслѣдствіе недостатка продовольствія) дерзость эмира достигла небывалыхъ размѣровъ, и отступленіе это объяснялось имъ, какъ наше пораженіе; престижъ нашъ въ Азіи былъ въ значительной степени поколебленъ, ибо эмиръ въ глазахъ азіатовъ пользовался громаднымъ авторитетомъ, тѣмъ болѣе, что ему еще не приходилось испытать на себѣ тяжесть русскаго оружія. Самое сраженіе, въ которомъ участвовало русскихъ 3.000, а бухарцевъ свыше 40.000 при 21 орудіи, нельзя не признать блестящимъ дѣломъ; погромъ бухарской арміи былъ полный, почти вся артиллерія попала въ наши руки, такъ что орденъ Георгія 3-й степени вполнѣ заслуженъ по статуту.

Взятіе такихъ сильныхъ крѣпостей, какъ Джизакъ и Ура-Тюбе, съ весьма незначительными потерями также обращаетъ на себя вниманіе, если мы вспомнимъ, что наши дѣйствія въ Средней Азіи не всегда были удачны (неудачный штурмъ Акъ-Мечети въ 1852 г. и первый Черняевскій штурмъ Ташкента).

Вообще оцѣнка дѣятельности генерала Романовскаго въ запискахъ носитъ нѣсколько пристрастный характеръ. Если нѣкоторыя его административныя распоряженія, быть можетъ, подлежатъ критикѣ (хотя много ли могъ онъ сдѣлать въ 8 мѣсяцевъ, изъ коихъ 4 были проведены въ походахъ, область же онъ принялъ далеко не въ блестящемъ состояніи), то военныя его заслуги внѣ всякаго сомнѣнія.

Ю. Р.

Опечатка.

Въ ноябрьской кн., въ стат. «Іоаннъ Грозный и Россія XVI вѣка», на стран. 435, 16 строка снизу, напечатано: Станиславъ-Августъ, слѣдуетъ читать: Сигизмундъ-Августъ.

В. Т.

Изъ записокъ Д. Философова.

Апрѣля 1-го родился въ Тифлисѣ великій князь Александръ Михайловичъ. Я былъ назначенъ для возвѣщенія государю императору объ этомъ событіи и 3-го числа утромъ отправился въ С.-Петербургъ. Проѣзжая 5-го числа около 2-хъ часовъ по полудни черезъ г. Ставрополь, я узналъ отъ генералъ-маіора Тергукасова, что въ соборѣ въ этотъ день было совершено благодарственное молебствіе по случаю счастливаго избавленія государя императора отъ руки неизвѣстнаго злодѣя, выстрѣлившаго въ его величество изъ пистолета, наканунѣ, въ 4 часа у рѣшетки Лѣтняго сада. Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе, и я пустился въ дальнѣйшій путь озабоченный и тревожимый мыслью о томъ, какими словами и какими выраженіями изъявить его величеству мои вѣрноподданническія чувства по случаю этого грустнаго происшествія. По дорогѣ о покушеніи было уже всѣмъ извѣстно, и вездѣ чудесное избавленіе праздновалось шумно и восторженно: помню, что напримѣръ въ Ельцѣ, черезъ который я проѣзжалъ ночью, было выставлено нѣсколько транспарантовъ, передъ которыми народъ пѣлъ: «Боже, царя храни». Я прибылъ въ Петербургъ 14-го числа въ 8 часовъ вечера и со станціи желѣзной дороги прямо отправился въ Зимній дворецъ.

Желая свято сохранить малѣйшія подробности столь многозначительной минуты въ моей жизни, я изложу здѣсь разсказъ о моемъ представленіи его величеству и слова, сказанныя мнѣ государемъ. Слова эти неизгладимы изъ моей памяти.

Я подъѣхалъ къ Зимнему дворцу съ такъ называемаго Салтыковскаго подъѣзда. Одинъ изъ дежурныхъ рейткнехтовъ, предварительно разспросивъ, кто я и откуда пріѣхалъ—ввелъ меня въ билліардную

комнату и торжественно объявилъ, что «государь императоръ изволили отправиться къ королевѣ Виртембергской, но скоро вернутся».

Нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ ожиданіи: я вынулъ изъ сумки письмо великаго князя къ его величеству и приготовилъ шапку, которая подносилась государю Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ. Наконецъ, двери съ шумомъ растворились, и вошелъ государь, одѣтый, какъ обыкновенно, въ конно-гвардейскій сюртукъ. Его величество милостиво протянулъ мнѣ руку, сказавъ:

— А, здравствуй.

Я поцѣловалъ государя въ плечо и, собравшись съ силами, началъ было: «позвольте и мнѣ, ваше величество, выразить вамъ мои...», но государь не далъ договорить и, сказавъ: «благодарю»—повелъ меня въ кабинетъ, разспрашивая дорогой о здоровьѣ великаго князя и объявилъ мнѣ, что его высочество страдаетъ карбункуломъ на шеѣ, но что изъ полученной сегодня телеграммы видно, что ему лучше, наконецъ, что курьеромъ ѣдетъ для поздравленія его величества полковникъ Бюнтингъ.

Я невольно оторопѣлъ, узнавъ о такомъ назначеніи Бюнтинга, что̀ заставило государя повторить:

— Бюнтингъ, командиръ моего полка.

Войдя въ кабинетъ, государь сѣлъ за письменный столъ и, взявъ въ руки карандашъ, началъ имъ что-то чертить на бумагѣ. Я стоялъ, какъ вкопанный, по ту сторону стола, противъ его величества. Послѣ нѣкотораго молчанія, государь спросилъ:

— Гдѣ ты узналъ о покушеніи?

Я отрапортовалъ, что узналъ о немъ проѣздомъ черезъ Ставрополь, гдѣ уже 5-го числа былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, такъ что Кавказъ, прибавилъ я, чувствуя въ себѣ нѣкоторую храбрость, можетъ гордиться тѣмъ, что первый благодарилъ Бога за спасеніе вашего величества. Все это было сказано робко и не громко, какъ бы стыдясь чего-то. Государь возразилъ:

— Да, я отъ брата удивительно скоро получилъ въ этотъ день отвѣтъ: я ему телеграфировалъ въ $5^1/_2$ часовъ, а получилъ его поздравленіе уже въ $9^1/_2$.

Прошло еще нѣсколько минутъ въ молчаніи. Государь все продолжалъ какъ-то нервно водить карандашомъ по бумагѣ и началъ вдругъ такъ:

— Да, Богъ спасъ... Богъ спасъ. Единственное утѣшеніе есть то, что жизнь наша въ Его рукахъ. Если я еще въ Россіи нуженъ, то я не умру. А если я Ему болѣе не... то да будетъ Его святая воля.

Я былъ тронутъ до глубины души и удивленъ столь откровенному разговору, но рѣшилъ замѣтить, что заявленія со всѣхъ концовъ Рос-

сіи должны также служить къ немалому утѣшенію его величества. При этомъ слегка упомянулъ о транспарантѣ въ Ельцѣ.

— Да, это служитъ мнѣ большимъ утѣшеніемъ,—сказалъ государь и продолжалъ:—Богъ спасъ... и если бы не этотъ костромской...—(нѣсколько запнулся) мѣщанинъ, такъ плохо бы пришлось. Камердинеръ даже говоритъ, что нѣсколько опалило фуражку. Пистолетъ былъ двухствольный. Я тамъ же съ заряженнаго ствола снялъ пистонъ: вотъ онъ здѣсь.

Я полюбопытствовалъ посмотрѣть на пистонъ, который лежалъ на столѣ. Государь продолжалъ:

— Я садился въ коляску и, обернувшись къ толпѣ, надѣвалъ шинель, какъ вдругъ слышу выстрѣлъ. Я никакъ не могъ себѣ вообразить, что въ меня стрѣляютъ. Повернувшись, я увидѣлъ, что какой-то человѣкъ падаетъ, и подумалъ, что онъ себя застрѣлилъ. Я подошелъ, тутъ мнѣ говорятъ, что было. Я обратился къ нему и говорю: кто ты такой. Первое его слово: «я, русскій» и потомъ, обратившись ко всѣмъ окружающимъ и показавъ на меня, онъ сказалъ: «я въ него стрѣлялъ, потому что онъ васъ всѣхъ обманулъ»—я ихъ обманулъ.

Я былъ пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ восхищенъ, что мнѣ выпало на долю услышать объ этомъ событіи изъ устъ самого государя. Удивительная храбрость проявилась во мнѣ, и я возымѣлъ намѣреніе сказать что-нибудь въ родѣ того: что вѣроятно, это есть дѣло какого-нибудь фанатика, но языкъ у меня выговорилъ совсѣмъ другое, и вышло такъ: «не можетъ быть, ваше величество, что тутъ дѣло одного человѣка, а вѣроятно есть цѣлый заговоръ, который слѣдуетъ открыть».

Государь на это отвѣтилъ, что большаго заговора, кажется, нѣтъ, но что злодѣй закоренѣлый и только вчера у него какъ будто проявилось сознаніе о своемъ преступленіи. Когда ему замѣтили, какъ онъ, русскій дворянинъ, рѣшилъ поднять руку на своего царя, онъ отвѣтилъ: «да, къ несчастью, я принадлежу къ этому проклятому сословію, но этимъ дѣйствіемъ я себя изъ него вымаралъ».

Послѣ этого его величество изволилъ выразить, что онъ очень чувствителенъ къ тому, что отецъ мой, больной, всталъ съ кровати, чтобы поздравить его. Потомъ спросилъ, видѣлъ ли я отца, и сказалъ:

— Ну, ступай, отдохни.

Но у меня было еще письмо къ императрицѣ, о чемъ и заявилъ его величеству. Государь всталъ и пошелъ въ кабинетъ ея величества и черезъ нѣсколько времени позвалъ меня. Тамъ я передалъ письмо государынѣ.

Вотъ все, что я помню.

Д. Философовъ.

„Десять лѣтъ въ Прибалтійскомъ Краѣ".

(Воспоминанія бывшаго редактора одной изъ прибалтійскихъ газетъ).

I.

Пріѣхалъ въ край остзейскихъ бароновъ и эсто-латышскихъ мужиковъ въ 1886 году,—какъ разъ въ годъ начала существенныхъ реформъ и важныхъ нововведеній для Прибалтійскаго края.

Великій князь Владиміръ Александровичъ только-что посѣтилъ лѣтомъ тогдашній Дерптъ и сказалъ тамъ свою извѣстную рѣчь о непреклонной волѣ покойнаго государя Александра III начать органическое объединеніе Прибалтійской окраины съ остальной Россіей. Прибалтійское общественное мнѣніе было вслѣдствіе этого настроено тревожно, хотя повсюду, однако, господствовала твердая увѣренность, что дальше этой рѣчи русское правительство не пойдетъ. Впрочемъ, среди кореннаго эсто-латышскаго населенія края царили другіе взгляды на этотъ счетъ. Всѣмъ еще была памятна ревизія сенатора Манассеина и результаты ея...

Я пріѣхалъ въ Дерптъ первоначально послушать лекціи въ мѣстномъ ветеринарномъ институтѣ [1]) и, конечно, имѣлъ сначала для наблюденій и обобщеній лишь скромный и ограниченный кругъ студентовъ и профессоровъ. Но такъ какъ нигдѣ, кажется, въ другомъ мѣстѣ въ то время учащаяся молодежь не отражала на себѣ такъ ярко доминировавшаго въ средѣ отцовъ настроенія, то мнѣ кажется, и мои скромныя тогдашнія наблюденія имѣли нѣкоторое значеніе, тѣмъ болѣе,

---

[1]) 14-го января этого года онъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своего существованія.

что много явленій тогдашней академической жизни въ настоящее время уже отошло въ область преданій и никогда не вернется, такъ что описаніе ихъ представляетъ кое-какой историческій интересъ. Прежде всего, что поразило мое молодое воображеніе по пріѣздѣ въ Дерптъ и явкѣ къ институтскому начальству,—это необыкновенное со стороны учебнаго начальства довѣріе къ молодежи и показавшееся мнѣ тогда очень удивительнымъ—отсутствіе излишнихъ отяготительныхъ формальностей.

У меня съ собой почти не было бумагъ, удостовѣряющихъ мою личность и образовательныя права, и тѣмъ не менѣе меня условно приняли, т. е. позволили ходить слушать лекціи и готовиться къ повѣрочнымъ экзаменамъ. Директоръ института, проф. К. К. Раупахъ отличался прекрасными свойствами какъ руководитель молодежи и пользовался въ средѣ ея большою популярностью, любовью и уваженіемъ. Какъ впослѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, онъ и самъ очень любилъ молодежь, стоялъ за нее горою и входилъ во всѣ ея нужды и дѣла. Какъ профессоръ, онъ былъ также популяренъ, и лекціи его посѣщались студентами охотно, но болѣе всего онъ славился какъ отличный клиницистъ.

Гордостью института въ ученомъ отношеніи былъ извѣстный бактеріологъ проф. Е. М. Земмеръ, работавшій съ увлеченіемъ надъ своимъ микроскопомъ и напечатавшій довольно много цѣнныхъ работъ по бактеріологіи въ заграничныхъ нѣмецкихъ журналахъ. Дерптскій университетъ въ то время также имѣлъ въ своемъ составѣ не мало крупныхъ научныхъ именъ. Тамъ былъ извѣстный физіологъ Александръ Шмидтъ, творецъ теоріи свертыванія крови, прозванный поэтому студентами въ шутку «Fibrinfater»'омъ; былъ химикъ Карлъ Шмидтъ суровый Драггендорфъ и др. Студенческая жизнь университетскихъ кружковъ и ветеринарной молодежи близко походила другъ на друга. Въ университетѣ студенчество дѣлилось на корпораціи («Curonia», «Livonia», «Estonia», «Lettonia», Rigensis», «Academia», («Neobaltica»), общества (Русское, Польское и Еврейское) и «вильдеровъ» или дикихъ, т. е. студентовъ, не организованныхъ ни въ какой союзъ; въ Ветеринарномъ институтѣ была одна нѣмецкая корпорація: «Fraternitas veterinorum dorpatensis», одно польское общество «Lutycia» и три русскихъ, носившихъ также громкія латинскія названія: «Societas», «Collegium» и «Concordia». Какъ университетское, такъ и ветеринарное студенчество, поступая въ учебное заведеніе, подписывало «команъ»—общестуденческій уставъ съ правилами студенческаго поведенія, воззрѣніямя на честь, порядочность и т. п. Этотъ «команъ», помню, служилъ вѣчнымъ источникомъ «войны алой и бѣлой розы», по шутливому выраженію одного изъ стариковъ профессоровъ, т. е. столкновеній

между русскими и нѣмецкими студентами. Дѣло въ томъ, что въ основу «комана» были положены начала, совершенно несвойственныя духу русскаго студенчества — неравенство между младшими и старшими товарищами, излишняя и казавшаяся русскимъ комическою обрядность внутренней жизни обществъ или землячествъ (корпорацій) и т. п. Однако, несмотря на все это, жилось въ то время въ Дерптѣ хорошо. Академическая свобода пользовалась тамъ широкимъ гостепріимствомъ. Профессора (молодые) и студенты жили почти одною жизнью, часто сходились на такъ называемыхъ «конвентахъ», а иногда на «коммершахъ», гдѣ свободно и непринужденно и обсуждали свои дѣла.

Самая организація академическаго міра была создана такимъ образомъ, что содѣйствовала этому естественному сближенію. Самымъ старымъ и вліятельнымъ обществомъ у насъ въ институтѣ была нѣмецкая корпорація «Fraternitas veterinorum dorpatensis», къ которой между прочимъ принадлежали всѣ профессора института и которая отличалась наибольшею сплоченностью и дисциплинировкою своихъ членовъ. Каждый годъ при началѣ ученія, когда съѣзжались студенты и прибывали молодые новички, корпоранты устраивали въ своей «конвенцъ-квартирѣ» пивное угощеніе, на которое приглашались новоприѣзжіе, и тутъ же, послѣ ласковаго пріема, они записывались иногда въ число членовъ нѣмецкой корпораціи, хотя сами принадлежали къ русской національности. Побуждало ихъ къ тому желаніе хорошо изучить нѣмецкій языкъ, образцовый порядокъ, господствовавшій въ корпораціи, и возможность при помощи «деккеля» (цвѣтная шапочка, даваемая старшимъ членамъ корпораціи) хорошо составить карьеру, такъ какъ среди студентовъ почему-то господствовало убѣжденіе, что корпорантамъ покровительствуютъ ихъ филистры-профессора и люди съ виднымъ общественнымъ положеніемъ...

Во главѣ корпораціи, также какъ и русскихъ студенческихъ обществъ стояли: семестрально избираемые «представитель», его товарищъ, казначей, секретарь, библіотекарь и два делегата или «шаржиртера», спеціальное назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы представлять свое общество на общестуденческихъ собраніяхъ.

Кромѣ экстренныхъ случаевъ собранія эти или «конвенты» происходили ежемѣсячно. Созывала ихъ обыкновенно очередная «президирующая» корпорація или общество для обсужденія текущихъ студенческихъ дѣлъ, приглашая въ случаѣ надобности и «филистровъ», т. е. профессоровъ. Помню, такіе конвенты на насъ, русскихъ, производили сильное впечатлѣніе вслѣдствіе своей новизны и необычайности. Вотъ собирается въ «конвенцъ-квартирѣ» очередной корпораціи такой «шаржиртеръ-конвентъ» съ участіемъ профессоровъ. Комнаты яркой

освѣщены, посреди самой большой изъ нихъ стоитъ длинный продолговатый, окрашенный въ голубоватую масляную краску столъ, къ которому придвинуты такія же скамьи. Делегаты или «шаржиртеры» обществъ стоятъ попарно у оконъ и угловъ и вполголоса бесѣдуютъ между собою. Филистры-профессора собираются въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ имъ приготовленъ чай. Но вотъ президентъ очередной корпораціи звонитъ торжественно въ колокольчикъ, занимаетъ свое предсѣдательское мѣсто, а делегаты и профессора разсаживаются вкругъ стола, и засѣданіе начинается. Одинъ за другимъ выступаютъ делегаты-шаржиртеры отъ разныхъ обществъ или землячествъ и излагаютъ желанія своихъ избирателей. Такъ какъ корпораціи и общества какъ нѣмецкія, такъ и русскія существовали съ разрѣшенія попечителя округа, то здѣсь на конвентахъ молодежь свободно и открыто обсуждала то, что предварительно дебатировалось на частныхъ студенческихъ сходкахъ. И ничего страшнаго или противозаконнаго не выходило. Тогдашній попечитель Дерптскаго учебнаго округа т. с. М. И. Капустинъ, занятый серьезною и важною политическою работою по введенію въ Прибалтійскій край учебной реформы, вынося на своихъ плечахъ всю тяжесть этого гигантскаго труда и стойко отражая всѣ нападенія враждебной нѣмецкой оппозиціи, въ то же время обладалъ большимъ административнымъ тактомъ, относясь любовно и бережно къ молодежи безъ различія національности и вѣры, и не ломая круто установившейся академической жизни. Онъ зналъ, конечно, про всѣ студенческія собранія, сходки и «конвенты» и справедливо полагалъ, что довѣріе и искренность по отношенію къ молодежи—лучшая мѣра по управленію ею. Профессура и начальство учебныхъ заведеній также руководились. правиломъ, что лучше быть въ курсѣ студенческихъ дѣлъ и слышать явныя и гласныя заявленія о желаніяхъ молодежи, нежели считаться съ подпольною работою. И, право, ничего изъ этого кромѣ хорошаго не выходило. Даже въ мѣстной гимназіи и реальномъ училищѣ существовали товарищескія общества, организація которыхъ походила на студенческія. Послѣднія подкупали начальство еще тѣмъ, что въ частномъ уставѣ или маломъ «команѣ» каждаго изъ нихъ неизмѣнно существовалъ параграфъ, гласившій, что «вопросы политики, религіи и національнизма не должны имѣть мѣста на студенческихъ собраніяхъ». «Команъ», между прочимъ, предписывалъ иногда и такія элементарныя правила общежитія, какъ «держать данное слово», вѣрить товарищу, оберегать свою студенческую честь и т. п. Вообще «общій команъ» (Algemeine-comann) стремился къ самой точной регламентаціи студенческой жизни и пользовался въ средѣ нѣмецкихъ буршей несокрушимымъ авторитетомъ, несмотря на всѣ нападки на него людей несочувствующихъ. Кромѣ признанія обязательнаго для всѣхъ общаго комана,

каждое землячество, корпорація или ферейнъ имѣли свой собственный частный команъ или уставъ. Впрочемъ, въ него обязательно должны были входить главнѣйшія основанія общаго комана, дополненныя особыми постановленіями, характеризовавшими то или иное студенческое общество. Въ корпораціяхъ членовъ бывало до 80—100 человѣкъ. Существовали русскія и нѣмецкія землячества на членскіе взносы,—у насъ, русскихъ,—и на процентныя отчисленія съ получаемаго изъ дому содержанія у нѣмцевъ—корпорантовъ, поляковъ и евреевъ. На эти средства нанималась общая квартира («конвенцъ-квартира»), гдѣ происходили собранія членовъ и засѣданія, тамъ же находилась «читальня», гдѣ лежало десятка два получаемыхъ безплатно или по уменьшенной цѣнѣ газетъ и журналовъ. Въ такую «конвенцъ-квартиру» могъ являться каждый членъ землячества во всякое время дня и ночи—для чего ключъ отъ квартиры всегда хранился гдѣ-нибудь въ условленномъ мѣстѣ. Иногда въ такой квартирѣ жилъ кто-нибудь изъ бѣдныхъ товарищей-общественниковъ или въ нее пріѣзжали послѣдніе прямо со станціи желѣзной дороги, не имѣя своей квартиры и средствъ на номеръ въ гостиницѣ. Благодаря этому обычаю, многіе изъ бѣдняковъ-студентовъ пользовались даровымъ пристанищемъ. Въ этихъ же квартирахъ происходили «коммерши», т. е. студенческіе кутежи и попойки. Обстановка конвецъ-квартиръ вообще была до крайности проста. Но нѣмецкія, въ особенности же университетскія эстонская и латышская корпораціи, располагавшія довольно значительными денежными средствами, своими домами и лошадьми, обставляли свои «конвенцъ-квартиры» хотя и просто, но богато и оригинально.

II.

Въ Дерптъ я пріѣхалъ вмѣстѣ съ товарищемъ по гимназіи.

Не имѣя квартиры и знакомыхъ, мы со станціи Балтійской желѣзной дороги отправились на «фурманѣ» прямо въ дешевую гостиницу, или по-мѣстному «отель». Эти фурманы и отели заслуживаютъ упоминанія, потому что носили въ то время своеобразный наполовину мѣстный, наполовину заграничный характеръ.

Дерптскій фурманъ принадлежалъ къ хорошо организованной въ то время ассоціаціи или обществу, имѣвшему своего предсѣдателя, старшинъ, свой уставъ и клубъ или общественную квартиру, при которой, конечно, состоялъ особый извозчичій кабачекъ или «кнейпъ», гдѣ время отъ времени и проводили свое время свободные члены общества. Къ сожалѣнію, фурманы не пользовались репутаціей нравственныхъ людей, но за то изъ ихъ среды часто выходили разбогатѣвшіе

и разжирѣвшіе мѣстные буржуа. Хотя Дерптъ отличается сравнительно небольшими размѣрами, но въ то время въ его университетѣ слушало лекціи много юношей изъ богатѣйшихъ нѣмецкихъ, польскихъ и русскихъ фамилій, а въ числѣ профессоровъ было также немало состоятельныхъ людей. Весь этотъ людъ не любилъ ходить пѣшкомъ по маленькимъ тѣснымъ и узенькимъ улицамъ стараго Дерпта, и фурманамъ поэтому доставалось много работы. Костюмъ фурмана составляли лѣтомъ: черная куртка съ желтыми лацканами, такою же выпушкою и ясными металлическими пуговицами; кожаная фуражка, черные запущенные въ сапоги штаны и большая шинель съ капюшономъ, зимой дополняла этотъ эффектный нарядъ. Экипажи — пролетки у нихъ у всѣхъ были однообразные, женоподобныя лица бриты, а нравы—грубы и упрямы. Ни на какомъ другомъ языкѣ кромѣ эстонскаго, съ прибавленіемъ кое-какихъ общеупотребительныхъ нѣмецкихъ словъ, фурманы не говорили, и поэтому русскому или пріѣхавшему изъ внутреннихъ губерній было очень трудно объясняться съ ними. Нѣкоторые изъ фурмановъ, впрочемъ, составляли исключеніе: читали, сидя въ кнейпѣ и даже на козлахъ, свои народныя эстонскія и латышскія газеты, разсуждали о политикѣ и серьезно полагали, что обрусительныя начала не коснутся, по крайней мѣрѣ, сферы ихъ жизни и промысла. Надзоръ за ними имѣла полиція, въ то время пользовавшаяся широкими полномочіями, тѣмъ не менѣе, несмотря на эту суровую опеку, фурманское общество долго сохраняло свою самобытную физіономію, традиціи и порядки, защищая ихъ хотя пассивно, но стойко отъ разрушительнаго вліянія новыхъ вѣяній.

Главнѣйшимъ контингентомъ фурманскихъ сѣдоковъ были, конечно, студенты, въ особенности университетскіе бурши, съ шумомъ и трескомъ разъѣзжавшіе по улицамъ и окрестностямъ Дерпта. Извозчики дѣлились на одноконныхъ и пароконныхъ (Zweispenner), услуги которыхъ оплачивались дороже. Взявшій насъ съ товарищемъ на станціи фурманъ везъ насъ на парѣ сытыхъ и очень бойкихъ мѣстныхъ эстонскихъ клипперовъ, служащихъ у здѣшнихъ крестьянъ и выѣздными и рабочими лошадьми. Мы живо домчались до эстонской дешевой гостиницы, носившей нѣмецкое названіе «Hotel Dorpat» и содержимой, какъ говорили, разбогатѣвшимъ фурманомъ А., давно оставившимъ свое ремесло.

Въ этомъ «отедѣ» мы прожили потомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Тамъ же квартировало много и другихъ ветеринарныхъ студентовъ. Отель былъ двухъэтажный, внизу помѣщался дешевый ресторанъ для рабочихъ и пріѣзжихъ крестьянъ, а вверху номера. Ресторанъ, по назначенію соотвѣтствовавшій нашимъ «ресторацiямъ», по внутреннему благоустройству, чистотѣ и порядкамъ былъ далеко не родня нашимъ заведеніямъ подобнаго типа. Хотя, какъ я уже сказалъ, онъ посѣщался почти исклю-

чительно нашимъ классомъ населенія, но ни страшнаго крика, ни буйствъ, ни пьяныхъ пѣсенъ и безобразныхъ ругательствъ слышно въ немъ не было.

Въ базарный или праздничный день сельскіе «кули» (такъ прозвали ихъ мы, русскіе, за безпрестанное употребленіе слова «кульче»—слушай, съ которымъ они обращались другъ къ другу) понаѣдутъ изъ своихъ деревень въ прочныхъ «купеческихъ» телѣжкахъ на желѣзныхъ осяхъ, запряженныхъ круглыми сытенькими лошадками и украшенныхъ яркоцвѣтными домотканными коврами, съ толстухами-женами въ громадныхъ сѣрыхъ, ручнаго тканья, платкахъ, продадутъ на базарѣ свое чухонское масло, яйца и молоко и придутъ, бывало, въ ресторанъ нашего отеля возсѣдать за маленькими, грубо, но чисто сервированными столиками—пить пиво, читать свою излюбленную народную газету и курить длинную фарфоровую трубку.

Вотъ важный «кохтамисъ»,—деревенскій судья,—усѣлся солидно у окна, потребовалъ пару бутылокъ пива, жирной свинины съ яйцами и любимую газету «Olevik», и благодушествуетъ себѣ, закусывая, попивая и почитывая. За другими столами сидятъ также пріѣзжіе селяки за тѣми же занятіями. Насъ особенно, бывало, поражалъ видъ крестьянина въ сѣрой, родъ солдатскаго сукна, курткѣ, такихъ же штанахъ и съ платкомъ, вмѣсто галстука, на шеѣ, читавшаго внимательно газету. Народныхъ періодическихъ изданій въ Прибалтійскомъ краѣ въ то время издавалось даже болѣе, чѣмъ теперь, и всѣ они стремились служить цѣлямъ какой-нибудь своей партіи. Такъ одна служила выразительницей стремленій и вожделѣній пасторско-нѣмецкой, другая—дворянской, третья—народническихъ, четвертая—рабочихъ и т. д. О необходимости объединенія съ Имперіей, руссофильствѣ и т. п. вопросахъ тогда говорили только одна—двѣ газеты и съ русскимъ элементомъ въ составѣ редакцій или поддерживаемыя правительствомъ. Вообще эти темы были щекотливы, и ихъ старались обѣгать по возможности. Только впослѣдствіи, когда окончательно установилось мнѣніе, что обрусеніе края послѣдуетъ неизбѣжно, нѣкоторые дальновидные и ловкіе редакторы эсто-латышскихъ народныхъ газетъ поспѣшили незамѣтно, но очень рѣшительно, повернуть фронтъ и заговорить о «великомъ общемъ отечествѣ», необходимости для народа изученія русскаго языка и т. п. благонамѣренныхъ вещахъ

Ресторанъ работалъ на славу. За буфетомъ его стояли то самъ хозяинъ,—необыкновенно плотный, съ толстымъ заплывшимъ лицомъ и маленькими свиными глазками эстонецъ, то его молодая, бѣлокурая и очень привлекательная женка, «Madame A.»—предметъ ухаживаній и масляныхъ взглядовъ для всей жившей въ гостиницѣ молодежи. На дворѣ и въ корридорахъ орудовалъ и работалъ Самуэль—молодой, очень

блѣдный и очень дѣятельный эстонскій парень, впослѣдствіи снявшій у хозяина, пожелавшаго подъ конецъ жизни отдохнуть, его ресторанъ и успѣшно поведшій свое дѣло,—и служанка Лиза. Ни тотъ, ни другая ни слова не понимали по-русски, и намъ сначала долго пришлось помучиться съ ними, пока мы привыкли понимать другъ друга, объясняясь на томъ невообразимомъ жаргонѣ, который мы именовали нѣмецкимъ, а они русскимъ языкомъ. Спустя три—четыре года я какъ-то встрѣтилъ и Самуэля, и Лизу, и оба они уже хорошо говорили по-русски—такова настойчивость эстонскаго крестьянина, когда онъ захочетъ чего-нибудь добиться.

Въ номерахъ отеля жили преимущественно студенты ветеринары, но было нѣсколько поляковъ, служащихъ въ конторѣ ново-строящейся Псково-Рижской желѣзной дороги, и еще какая-то темная таинственная личность не то литовскаго, не то польскаго происхожденія, которую, однако, «паны» очень ненавидѣли и таинственно предупреждали насъ остерегаться ея, говоря, что это—«шпіонъ». Жизнь въ верхнемъ этажѣ шла своеобразная. Утромъ во всѣ номера несли жестяныя «чайныя машины» (Theemaschinen), а единственный настоящій русскій самоваръ подавался съ соблюденіемъ строгой очереди. Просыпавшееся студенчество пило чай, разговаривало, шутило другъ съ другомъ и съ служанкою, и шло затѣмъ на занятія. Послѣ трехъ слѣдовало возвращеніе домой и обѣдъ, который приносился снизу изъ ресторана. Вечеръ же проводился самымъ разнообразнымъ образомъ.

Иногда собирались въ чей-нибудь одинъ номеръ, пѣли русскія пѣсни, и, конечно, не обходилось безъ возліяній, впрочемъ, очень умѣренныхъ. Разъ какъ-то послѣ такого вечера русская молодежь отправилась въ прекрасную лунную ночь гулять по средневѣковымъ улицамъ стариннаго города, чрезъ гранитный, временъ Екатерины, висячій мостъ перешла старую Амовжу или Эмбахъ и вступила на Ратушную площадь. Въ виду готической городской ратуши студентамъ захотѣлось спѣть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», они и затянули стройнымъ громогласнымъ хоромъ любимую пѣсню. Было уже около полуночи, бюргеры спали мирно съ своими бюргершами, и уличная р у с с к а я серенада разбудила ихъ. Стояла теплая августовская ночь. Ночные сторожа или «нахтвехтеры», мирно прикурнувшіе было въ укромныхъ уголкахъ, живо пробуждались и этимъ шумомъ и раздававшимися сверху, изъ оконъ, нѣмецкими ругательствами пробужденныхъ горожанъ. Нахтвехтеры и подоспѣвшіе затѣмъ городовые вступили съ русскими студентами сначала въ пререканія, а затѣмъ и въ рукопашную схватку, силясь или разогнать ихъ шествіе или завлечь въ полицію для составленія протокола. Студенты защищались, наконецъ, уступили и дали отвести себя въ ратушу, гдѣ помѣщалась тогда полиція. Обѣ стороны были преду-

бѣждены другъ противъ друга на почвѣ расходившихся національныхъ страстей. Стража полагала, что русскіе хотѣли нарочно нарушить уличный порядокъ и разбудить мирныхъ нѣмецкихъ обывателей, а молодежь негодовала, что стражники-«нѣмцы» трогаютъ ихъ потому только, что они русскіе студенты и находятся внѣ покровительства «нѣмецкихъ властей»...

Возбужденіе было такъ значительно, что, войдя въ зданіе полиціи, молодежь начала кричать, что «слѣдуетъ разрушить это чухонское гнѣздо!», а тогдашніе полицейскіе чиновники съ своей стороны давай сочинять протоколъ объ угрозахъ и сопротивленіи властямъ. Все это было бы смѣшно... еслибы не окончилось, спустя нѣкоторое время, судебнымъ процессомъ, увольненіемъ нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновъ и арестомъ студентовъ. Въ то же время въ русскихъ столичныхъ газетахъ горячія головы, изъ студентовъ же, напечатали нѣсколько страстныхъ корреспонденцій на тему о притѣсненіяхъ нѣмцами русскихъ, своевольствѣ буршей и безправіи студентовъ-русскихъ и т. п.

Такъ создавалась вообще исторія. Стоило нѣсколькимъ пьянымъ дерптскимъ студентамъ разныхъ національностей подраться между собою или какому-нибудь нѣмецкому лавочнику не понять русскаго покупателя и не продать ему поэтому своего товара, какъ въ газеты уже летѣли широковѣщательныя донесенія, и вопросъ неизмѣнно сводился къ одному, что «Карѳагенъ долженъ быть разрушенъ»... Правда, много было и безобразій въ существовавшемъ строѣ; но заключался-то онъ совсѣмъ не въ томъ, о чемъ тогда повѣствовали. Впрочемъ, эта газетная агитація и возбужденіе сослужили свою пользу тѣмъ, что ускорили введеніе нѣкоторыхъ реформъ.

А многіе пользовались «смутнымъ временемъ» въ Прибалтійскомъ краѣ въ личныхъ видахъ, съ цѣлью половить рыбки въ мутной водицѣ, и я знаю многихъ общественныхъ дѣятелей, которые, благодаря этой травлѣ національностей и возбужденію антагонизма народностей, отлично устроили свои личныя дѣлишки и выплыли на поверхность житейскаго моря, только исключительно благодаря газетному трезвону и конфиденціальнымъ донесеніямъ куда и кому слѣдуетъ о неблагополучномъ состояніи умовъ среди населенія Остзейскаго края...

Какъ бы то ни было, но ни въ какомъ другомъ вопросѣ русская печать не сыграла такой важной роли, какъ въ Прибалтійскомъ...

III.

Удивительно быстро мчатся студенческіе годы. Лучшія ли воспоминанія связаны съ ними или эти годы—обѣтованные годы молодости, свѣжихъ силъ и розовыхъ мечтаній, но все, что такъ или иначе связано съ ними въ воспоминаніяхъ, носитъ теплый, жизнерадостный и примирительный характеръ. Въ то время всѣ эти столкновенія съ полиціей, начальствомъ, суровою житейскою дѣйствительностью волновали, огорчали и подчасъ доводили до крайне курьезныхъ трагикомическихъ положеній. Теперь же, оглядываясь въ далекое невозвратное прошлое, становится непонятнымъ, какъ все это могло волновать и тревожить, и какъ много было въ этомъ молодаго легкомыслія и юнаго задора.

Дали намъ, ветеринарамъ, форму, показавшуюся всѣмъ сначала красивой. Но такъ какъ институтъ отличался прогрессивностью въ дѣлѣ русскихъ нововведеній у себя, то начальство наше и распорядилось, чтобы младшіе курсы непремѣнно сдѣлали себѣ форму. Пока послѣдняя приготовлялась, многіе студенты-франты купили себѣ форменныя фуражки съ значками въ родѣ кокардъ и стали щеголять въ нихъ по городу. Университетскимъ буршамъ, доселѣ не знавшимъ соперниковъ въ дѣлѣ украшенія своихъ головъ цвѣтными маленькими шапочками, показалось обиднымъ, что у нихъ «пекудисты» (отъ латинск. pecu—скотъ) отбиваютъ пальму первенства въ этомъ отношеніи. И вотъ время отъ времени стали повторяться случаи столкновенія, конечно вечеромъ или ночью, «форменныхъ» ветеринаровъ съ цвѣтоносцами-корпорандами. Разъ ночью мы были разбужены страшнымъ шумомъ на улицѣ. Ночные сторожа трубными звуками сзывали какъ на пожаръ охранителей порядка, фурманы бѣшено неслись съ сѣдоками, и студенты-ветеринары и университетскіе бурши спѣшили куда-то, словно добрые католики въ Варѳоломеевскую ночь. Оказывается, большая толпа ветеринаровъ и буршей учинили межь собой ночную баталію въ большихъ размѣрахъ, такъ что потребовалось вмѣшательство не только полиціи (городской и университетской, состоявшей изъ педелей; въ то время Дерптскій университетъ пользовался автономнымъ управленіемъ, своимъ судомъ и полиціей), но и мѣстнаго старшаго учебнаго начальства. Буянновъ насилу розняли; назавтра состоялся университетскій судъ, а газетныя корреспонденціи полетѣли въ столицу и чрезъ недѣлю будоражили общественное мнѣніе. Такіе эпизоды разнообразили нашу тихую до чрезвычайности и однообразную жизнь. А она въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ для насъ, русскихъ, ни слова не понимавшихъ на мѣстныхъ языкахъ, была скучна и монотонна. Лекціи частью читались

на русскомъ языкѣ, частью—по-нѣмецки. Но этотъ русскій языкъ въ устахъ нашихъ руссофицируемыхъ профессоровъ принималъ такую форму и отличался такимъ акцентомъ, что мы его слушали съ трудомъ. Впрочемъ, въ нашихъ руководителяхъ мы цѣнили не языкъ, даже не форму изложенія, а ту степень ихъ научныхъ достоинствъ и количество ученыхъ трудовъ, о которыхъ мы имѣли свѣдѣнія. Высоко цѣнилось еще нами безпристрастіе, чуждое націонализма и малѣйшей несправедливости отношеній къ намъ профессора. Чувства уваженія и благодарности, возбуждаемыя такими отношеніями, настолько переполняли насъ, что когда одному изъ старыхъ профессоровъ, д-ру Розенбергу, читавшему у насъ физіологію по-нѣмецки, предстояло выйти изъ состава профессоровъ за незнаніе русскаго преподавательскаго языка, мы собрались всѣ безъ различія національностей и неотступно просили директора института похлопотать предъ учебнымъ округомъ объ оставленіи любимаго профессора еще на пятилѣтіе, говоря, что намъ не важенъ его языкъ, а его научное руководство нами и справедливое отношеніе. Не знаю, благодаря ли этому или чему другому, но профессоръ Розенбергъ остался послѣ этого въ институтѣ еще на пятилѣтіе.

Скука и монотонность жизни дѣлали то, что многія слабыя натуры изъ русской молодежи начинали пить съ болѣзненною страстью, предаваться оргіямъ и кутежамъ. Чтобы нѣсколько отвлечь отъ такого убійственнаго времяпрепровожденія и ввести облагораживающій элементъ въ развлеченія, въ 1887 году я, переговоривъ кое съ кѣмъ изъ болѣе развитыхъ своихъ товарищей, обратился къ директору института К. К. Раупаху съ просьбою разрѣшить намъ, студентамъ, устраивать въ стѣнахъ института научно-литературные вечера съ преніями и дебатами. Директоръ сказалъ, что если нашу мысль и программу одобритъ и поддержитъ профессоръ П. А. Висковатовъ, читавшій въ институтѣ курсъ русской литературы, и руководительство научнымъ отдѣломъ возьметъ на себя кто-либо изъ другихъ профессоровъ, то онъ, директоръ, войдетъ съ ходатайствомъ къ попечителю округа. Отправились къ П. А. Висковатову[1]). Онъ принялъ самое горячее участіе въ нашей затѣѣ и направилъ насъ къ С. Л. Залѣсскому[2]), читавшему тогда въ институтѣ физіологическую химію и минералогію. И этотъ молодой и энергичный лекторъ сочувственно отнесся къ нашей просьбѣ и обѣщалъ свое содѣйствіе. Дѣло закипѣло. Изъ округа скоро было получено разрѣшеніе, и «Общество по устройству научно-литературныхъ вечеровъ при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ» было открыто. Организація его была простая. Изъ числа студентовъ участниковъ избиралось шесть «се-

[1]) Нынѣ старшій цензоръ иностранной литературы.
[2]) Нынѣ профес. женскаго медицинскаго института.

кретарей», а проф. Висковатовъ и Залѣсскій являлись предсѣдателями и руководителями его. Предсѣдатели и секретари составляли «распорядительный комитетъ» «Общества». Всѣ рефераты предварительно прочтенія представлялись на разсмотрѣніе комитета, который и постановлялъ допустить или нѣтъ къ чтенію рефератъ. Положено было, что вечера будутъ общедоступны и открыты для всѣхъ. Директоръ отвелъ намъ для занятій актовый залъ института, украсилъ его стѣнными лампами, и мы по подпискѣ между собою купили для предсѣдателей колокольчикъ, керосину и запасъ письменныхъ принадлежностей. Первый вечеръ былъ назначенъ недѣли черезъ двѣ. Темами для рефератовъ были выбраны критич. разборъ «Власть тьмы» гр. Л. Н. Толстаго и научная работа «Психологія домашнихъ животныхъ». Слухъ о «вечерахъ» разошелся по всему городу и привлекъ на первое засѣданіе не только всѣхъ профессоровъ и студентовъ нашего института, но и многихъ университетскихъ. Какъ водится, предъ открытіемъ занятій профессора-преподаватели сказали приличныя случаю рѣчи, и затѣмъ секретари стали записывать и вести протоколы перваго засѣданія. Пренія были оживленны, увлекательны, наши профессора принимали самое дѣятельное въ нихъ участіе, и первый нашъ научно-литературный вечеръ оставилъ во всѣхъ присутствующихъ самое пріятное впечатлѣніе. Послѣ того вечера эти стали повторяться чрезъ каждыя двѣ—три недѣли. Читались на нихъ рефераты на самыя разнообразныя темы. Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ нихъ: по литературному отдѣлу:

«Основные мотивы поэтической дѣятельности Надсона»; «О личности Полежаева»; «Первая эпоха дѣятельности Н. Щедрина» [1]) и др. По научному отдѣлу: «О переходѣ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ въ красные»; «О птомаинахъ или животныхъ ядахъ»; «Теорія фагоцитовъ» и др. Кромѣ этихъ темъ, мы пользовались вопроснымъ ящикомъ, въ который опускались вопросы по самымъ разнообразнымъ предметамъ научнаго и литературнаго характера. Вопросы эти дебатировались и разрѣшались на вечернихъ собраніяхъ.

Несомнѣнно, что эти литературно-научные вечера имѣли бы на насъ самое благотворное развивающее вліяніе, еслибы они не прекратились послѣ седьмаго вечера. А произошло это вотъ почему. Просматривалъ и допускалъ къ чтенію рефераты, какъ было уже выше упомянуто, распорядительный комитетъ изъ секретарей и предсѣдателей общества. Желая быть какъ можно болѣе осторожнымъ и осмотрительнымъ въ выборѣ матеріала для чтенія, комитетъ иногда отвергалъ нѣкоторыя сочиненія на литературныя темы, и, между прочимъ, если

---

[1]) Которому, кстати сказать, въ день сорокалѣтняго юбилея его дѣятельности мы послали адресъ.

не ошибаюсь, отклонилъ такимъ образомъ рефератъ, предложенный студентомъ философіи Е. А. Бобровымъ [1]) не помню ужъ на какую тему написанный. Изъ-за этого произошли непріятныя объясненія съ сторонниками реферата, и по адресу комитета стали раздаваться упреки въ излишней придирчивости, благонамѣренности и т. п.

Конечно, членамъ комитета эти нареканія товарищей были крайне непріятны, и вотъ при разсмотрѣніи слѣдующаго реферата, сколько помнится, носившаго тенденціозное заглавіе «Капитализмъ, какъ главная причина, вліяющая на разореніе крестьянъ во всѣхъ государствахъ»— было допущено послабленіе, и рефератъ этотъ допустили къ прочтенію Послѣ чтенія его послѣдовали очень жаркія пренія и дебаты по нѣкоторымъ возбужденнымъ острымъ вопросамъ, при чемъ выражались казавшіяся тогда очень странными въ устахъ студента немного крайнія убѣжденія; все это возбудило толки и напугало наше доброе начальство. А тутъ скоро подошли майскіе экзамены, и вечера сами собою прекратились въ этомъ учебномъ году, какъ-то не возобновились въ будущемъ... Однако, мы успѣли, когда получилось извѣстіе о смерти Всев. Гаршина, собраться еще разъ и посвятить чествованію памяти этого молодаго, талантливаго беллетриста, тогдашняго любимца молодежи, цѣлый вечеръ, а вдовѣ его послали прочувствованную телеграмму.

Мнѣ остается упомянуть еще о возникшемъ было движеніи среди студентовъ къ учрежденію своего ветеринарно-студенческаго суда по образцу университетскаго «буршенгерихта», разбиравшаго жалобы не только между своими членами, студентами, но и между послѣдними и горожанами. Дѣло въ томъ, что и у насъ, въ институтѣ, студенчество входило иногда въ столкновенія между собою и студенческимъ собраніямъ приходилось иногда долго разбираться въ нихъ и судить своихъ членовъ. Такъ, когда была основана общестуденческая столовая на артельныхъ началахъ [2]), то въ ней, во время происходившей общей сходки, одинъ студентъ тяжко оскорбилъ дѣйствіемъ другаго, и студенчеству пришлось разбирать и обсуждать это дѣло цѣлую ночь напролетъ, и все же состоявшейся резолюціей остались недовольны обѣ стороны и перенесли это дѣло въ совѣтъ института. Непріятно пораженный безурядицей въ нашемъ веденіи судебныхъ процессовъ, директоръ института предложилъ студенческимъ обществамъ выработать какую-нибудь организацію суда по общимъ студенческимъ дѣламъ и представить ему на утвержденіе. Я лично, какъ предсѣдатель студенческаго общества «Collegium», очень сочувствовалъ этой идеѣ и въ 1888 г.

---

[1]) Нынѣ профессоръ Казанскаго университета.

[2]) Впослѣдствіи къ ней присоединены были чайная и потребительная лавочка.

выработалъ «проектъ устава студенческаго суда при Дерптскомъ ветеринарномъ институтѣ», состоявшій изъ двадцати параграфовъ. Однако студенты въ большинствѣ отнеслись холодно къ мысли директора объ учрежденіи суда, и проектъ мой не получилъ осуществленія.

Таковы были наши общестуденческія треволненія, печали, радости, заботы и житейская проза. А по обществамъ шла своя особая кружковая жизнь съ обычными кружковыми интересами, мелкими событіями и личными счетами. Она въ миніатюрѣ отражала бытъ всего маленькаго нѣмецкаго ученаго городка, тѣсно связавшаго свою судьбу, дѣятельность и весь складъ жизни съ бытомъ и жизнью мѣстной академической семьи, въ немъ жившей.

Изъ бѣдной событіями своей личной тогдашней жизни я долженъ отмѣтить только путешествія пѣшкомъ, которыя я предпринималъ сначала по Прибалтійскому краю, а потомъ, страшно соскучившись по родинѣ,—по смежнымъ русскимъ, Псковской и Смоленской губерніямъ. Къ этому же періоду относится мое личное знакомство съ гр. Л. Н. Толстымъ, посѣщеніе его въ Ясной Полянѣ и послѣдовавшая затѣмъ переписка съ нимъ. Но обо всемъ этомъ—когда-нибудь послѣ. Путешествіе же по эстонскимъ поселеніямъ, полямъ и лѣсамъ пѣшкомъ дало мнѣ возможность ближе и глубже заглянуть въ мѣстную народную жизнь, чтобы впослѣдствіи вѣрнѣе судить о ней. Пока мы учились, переживали молодые годы и жадно стремились къ развитію и свѣту, эта народная жизнь вступала въ новую колею исторіи, готовилась вылиться въ новыя формы и пойти новымъ историческимъ путемъ.

Прежде чѣмъ останавливаться на знакомствѣ съ нею и отмѣчать характернѣйшія явленія того историческаго десятилѣтія, которое памятно, конечно, всѣмъ прибалтійцамъ, я долженъ сказать, что жизнь и бытъ всѣхъ слоевъ населенія Остзейскаго края представляютъ очень сложную и весьма поучительную цѣпь явленій, фактовъ и отдѣльныхъ эпизодовъ, въ которыхъ не легко разобраться и очень опытному наблюдателю и изслѣдователю. Но при этомъ главное правило, котораго онъ долженъ держаться въ своей нелегкой работѣ,—это полнѣйшая объективность и строгое безпристрастіе при изученіи явленій.

IV.

Приближалось время выпуска. Шелъ 1889 годъ. Мы усердно готовились къ экзаменамъ: сдавали практическія работы, исторіи болѣзней, сданныхъ нашему попеченію четвероногихъ пацієнтовъ, дѣлали проб-

ныя операціи, вскрытія и т. п. Основнымъ методомъ нашихъ руководителей и руководящимъ принципомъ было—приготовить изъ насъ хорошихъ практическихъ ветеринаровъ. Клиническаго матеріала у насъ было достаточно: нигдѣ въ другомъ мѣстѣ крестьяне не ведутъ на клинику ветеринарнаго института такъ охотно своихъ домашнихъ животныхъ, какъ въ Дерптѣ. Въ свою очередь институтъ относительно владѣльцевъ животныхъ отличался большимъ вниманіемъ и предупредительностью. Не только амбулаторный пріемъ больныхъ былъ безплатный, но даже нерѣдко студенты выпускнаго четвертаго курса посылались начальствомъ въ окрестныя деревни для оказанія медицинской помощи заболѣвшимъ животнымъ, если послѣднія почему-либо не могли быть доставлены въ городъ на ветеринарную клинику [1]).

Помню разъ, съ товарищемъ пришлось и мнѣ побывать на такой практикѣ, въ деревнѣ. Слово «деревня», впрочемъ, не примѣнимо къ эстонскимъ поселеніямъ. Эсты и латыши не живутъ, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко живутъ, большими селами и деревнями, а селятся отдѣльными дворами или усадьбами. Обыкновенно такую усадьбу арендуетъ у помѣщика или выкупаетъ въ собственность старшій сынъ какого-нибудь (стараго) зажиточнаго дворохозяина («вирта»), въ силу закона и крѣпко установившагося мѣстнаго обычая получившій послѣ смерти отца все его хозяйство и выплатившій другимъ своимъ братьямъ ихъ части деньгами или принявшій ихъ къ себѣ въ домъ на правахъ и положеніи работниковъ.

Хорошая, крѣпкая и очень сытая лошаденка бойко мчала насъ въ удобныхъ, съ задкомъ, крестьянскихъ санкахъ, чрезъ снѣжныя поля и густой сосновый лѣсъ. Лѣсовъ въ Прибалтійскомъ краѣ много, такъ какъ они хорошо и разумно эксплоатируются. Законы о браконьерствѣ соблюдаются также весьма строго, и лѣсничіе, а также владѣльцы лѣсовъ съ нарушителями ихъ правъ поступали не только сурово, но подчасъ жестоко, подстрѣливая иногда ихъ, какъ зайцевъ.

Когда мы пріѣхали, насъ ввели въ просторную довольно чистую избу хозяевъ, въ общемъ напоминающую нашу крестьянскую, но безъ обычной огромной печки, вымощенную поломъ и украшенную по стѣнамъ фотографіями и большимъ литографированнымъ въ рамкѣ портретомъ доктора Якобсона – эстонскаго народнаго трибуна. Въ то время и среди сельскаго населенія дѣятельно пропагандировалась идея національнализма, провозглашалась эстская самобытность, и дѣятельность такихъ людей, какъ Якобсонъ, особенно подчеркивалась

[1]) Въ университетѣ медики послѣднихъ курсовъ также для практики посылались безплатно въ дома больныхъ горожанъ для оказанія медицинской помощи. Занятіями ихъ руководители профессора, въ исключительныхъ случаяхъ также пользовавшіе ихъ безплатныхъ паціентовъ.

Конечно, главную роль въ этой агитаціи играла народная печать, представляемая еженедѣльно выходившими листками, брошюрами и другими изданіями. Интересно, какимъ способомъ набирались первоначально подписчики нѣкоторыхъ эстонскихъ журналовъ. Издатель нанималъ предъ началомъ подписки ловкаго агента съ лошадью и телѣжкой, давалъ ему кипу объявленій о подпискѣ, проспектовъ, образцовыхъ пробныхъ номеровъ, наконецъ квитанціонныя книжки и со всѣмъ этимъ багажомъ отправлялъ его по деревнямъ, усадьбамъ и полумызкамъ.

Такой агентъ, разъѣзжая по глухимъ сельскимъ угламъ и выставивъ надъ телѣгою на палкѣ объявленіе о подпискѣ на свое изданіе, собиралъ своимъ появленіемъ вокругъ себя простодушныхъ селяковъ и начиналъ расхваливать имъ свое изданіе, читать выдержки изъ него и затѣмъ собирать подписку, убѣждая внести деньги хотя за мѣсячный абонементъ на газету. И нерѣдко такая тактика давала хорошіе результаты.

Такъ какъ ни я, ни мой товарищъ не говорили по-эстонски, то хозяева пригласили въ качествѣ переводчика, говорящаго по-нѣмецки и почетнаго гостя, способнаго составить «молодымъ докторамъ» компанію, мѣстнаго сельскаго учителя. Теперешніе народные просвѣтители—учителя начальныхъ эстскихъ училищъ, вызванные къ жизни реформою, и тогдашніе,—большею частью безвозвратно снесенные ею,—далеко не походятъ типомъ другъ на друга. Начать съ того, что тѣ были почти поголовно питомцы нѣмецкой школы, нѣмецкой педагогики и большіе приверженцы старыхъ мѣстныхъ школьныхъ традицій. Ставленники помѣщиковъ и пасторовъ, они, естественно, тѣснѣе стояли къ верхнимъ слоямъ земства, чѣмъ администраціи, но съ населеніемъ они жили очень дружно и тѣсно. Этому способствовало, во-первыхъ, то обстоятельство, что приглашала и увольняла учителей вмѣстѣ съ приходскимъ конвентомъ та же волостная община, а во-вторыхъ, сельскіе учителя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ исполняли обязанности «кистеровъ» и даже неоффиціальныхъ помощниковъ пасторовъ. Они, въ отдаленныхъ отъ пастората поселеніяхъ, говорили по воскресеньямъ проповѣди крестьянамъ и исполняли другія мелкія требы, донося потомъ обо всемъ совершенномъ ими пасторамъ. Кромѣ того, большинство школъ были школами грамоты, не требовавшими отъ занимавшихъ въ нихъ мѣста учителей обширныхъ педагогическихъ познаній, и потому въ число ихъ шли часто простые грамотные крестьяне, не оставлявшіе и на школьной каѳедрѣ занятій своихъ плугомъ, сохой и косой. Такіе учителя, стоя на равной ногѣ съ крестьянами, душой и сердцемъ будучи погружены въ интересы окружающей ихъ крестьянской среды, тѣмъ не менѣе стояли нѣсколько

выше этой среды по своему развитію, отличались любознательностью и, въ особенности молодые, самообразованіемъ стремились восполнить недостатки своего развитія и воспитанія. Учитель служилъ центромъ, вокругъ котораго группировалось все тянущееся изъ деревенской тьмы къ свѣту знанія, и потому пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ и уваженіемъ среди своихъ односельчанъ. Несмотря на свое крайне скудное матеріальное обезпеченіе, нѣкоторые учителя служили въ одной и той же школѣ по тридцати— сорока лѣтъ.

Представленный намъ въ качествѣ собесѣдника и переводчика учитель, впрочемъ, былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ. По-нѣмецки онъ говорилъ свободно, по-русски—ни слова. Онъ вѣжливо разспросилъ насъ о Дерптѣ, институтѣ, нашей національности и въ свою очередь сообщилъ кое-что о себѣ, своей дѣтельности и нашихъ хозяевахъ. Отъ имени послѣднихъ онъ предложилъ намъ угощеніе: свинину жареную съ яйцами, вареное молоко, творогъ и хлѣбъ съ свѣжимъ масломъ. Медицинско-ветеринарная помощь наша была окончена, и хозяинъ чрезъ того же учителя спросилъ насъ, сколько онъ долженъ заплатить за наши труды,—и когда мы разъяснили ему, что командированы безплатно—очень удивился и еще съ бо́льшимъ почетомъ отнесся къ нашимъ особамъ, отвозя насъ обратно въ Дерптъ...

Вотъ, наконецъ, наступили и благополучно прошли выпускные экзамены. Мы получили дипломы и ученыя степени ветеринаровъ. Я уже подумывалъ о командировкѣ «на чуму» или «сибирскую язву», куданибудь въ глушь астраханскихъ или оренбургскихъ степей и мысленно прощался съ Прибалтійскомъ краемъ, какъ вдругъ капризная судьба повернула мою жизнь и дѣятельность въ другую сторону. Этотъ поворотъ и задержалъ меня въ краѣ еще на семь—на восемь лѣтъ.

Я уже ранѣе упоминалъ имя профессора П. А. Висковатова, читавшаго и у насъ и въ университетѣ лекціи по русской литературѣ. Кромѣ этихъ чтеній, П. А. Висковатовъ игралъ довольно видную роль въ Дерптѣ и въ краѣ по обрусенію его. Вокругъ него группировался небольшой кружокъ русскихъ гимназическихъ учителей, считавшихъ своею миссіею руссофикацію молодаго поколѣнія; къ нему, по пріѣздѣ въ Дерптъ, долгомъ считалъ явиться каждый русскій; онъ принималъ участіе въ русскомъ благотворительномъ обществѣ, искалъ популярности среди русскихъ студентовъ, и онъ же стоялъ во главѣ русской общественной библіотеки, субсидируемой правительствомъ уже съ 1874 г. въ виду ея большаго значенія. Вотъ завѣдывать этой-то библіотекой и развивать находящуюся при ней русскую книжную торговлю и пригласилъ меня по окончаніи моего курса П. А. Висковатовъ, говоря, что это завѣдываніе будетъ полезно и мнѣ и самому дѣлу.

Меня соблазняла возможность не только заняться библіотечнымъ

дѣломъ, къ которому я давно чувствовалъ склонность, но и общественная дѣятельность въ новой реформируемой средѣ. П. А. Висковатовъ говорилъ также, что, занимаясь книжнымъ дѣломъ, я скорѣе могу развить и свои литературныя способности. Всѣмъ этимъ доводамъ я уступилъ и съ 13-го апрѣля 1889 г. принялъ на себя завѣдываніе русской публичной библіотекой и книжной торговлей въ Дерптѣ.

Русское общественное книгохранилище, основанное еще въ 1872 г. русскими университетскими студентами, представляло собою, въ сущности, очень скромное вмѣстилище произведеній русской литературы, съ которыми по уставу должно было знакомить «инородцевъ». Было тысячи полторы томовъ разныхъ сочиненій — очень истрепанныхъ и собранныхъ не столько покупкою, сколько въ видѣ пожертвованій,— отъ академіи наукъ, географическаго общества, редакцій и разныхъ частныхъ лицъ; было нѣсколько русскихъ журналовъ и газетъ, безплатно или по уменьшенной цѣнѣ высылаемыхъ редакціями. При библіотекѣ была и читальня, въ которую и ходили читать мѣстные студенты и кое-кто изъ русской колоніи. Управлялась наша общественная библіотека совѣтомъ изъ десяти выбранныхъ изъ числа ея годовыхъ подписчиковъ. Этотъ «совѣтъ десяти» выбиралъ изъ своей среды предсѣдателя, казначея и библіотекаря, которые составляли ближайшее правленіе библіотеки, распоряжаясь съ вѣдома совѣта какъ субсидіей, такъ и всѣми поступающими суммами. Подписчики хотя по уставу и именовались «членами», но никакого активнаго участія въ дѣлахъ библіотеки не принимали, да и было-то ихъ очень немного, 50 — 60 человѣкъ постоянныхъ и сотня—двѣ временныхъ.

И уставъ, и всѣ дѣйствующія правила въ библіотекѣ носили какой-то оборонительно-боевой характеръ: составители страшно боялись, чтобы въ составъ совѣта не забрались нѣмцы или, какъ именовали ихъ тогда обрусители—«балты»,—и не взяли въ свои руки бразды правленія съ цѣлью, по мнѣнію авторовъ устава, погубить молодое неокрѣпшее русское учрежденіе. Въ видахъ этого-то подписчики, носившіе званіе членовъ библіотеки, стояли далеко отъ дѣлъ; неблагонадежные изъ нихъ, заподозрѣнные въ симпатіяхъ къ «балтамъ», не допускались въ составъ совѣта и правленія, и все дѣло, несмотря на его общественное и даже государственное (по крайней мѣрѣ этимъ мотивировалась выдача субсидіи изъ государственнаго казначейства) значеніе, велось какъ-то патріархально, по-домашнему и крайне упрощеннымъ способомъ.

Впрочемъ, непремѣннымъ членомъ совѣта библіотеки былъ директоръ мѣстной классической гимназіи,—въ то время (нынѣ покойный) Ѳедоръ Карловичъ Гёекъ, закоренѣлый, какъ считали его крайніе изъ русской партіи, нѣмецъ, но въ то же время пользовавшійся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ у покойнаго министра народн. просв. гр. И. Д. Де-

лянова, какъ энергичный проводникъ въ гимназіи русскихъ началъ и какъ преданный борецъ за идею обрусенія края. Несомнѣнно Ѳ. К. Гёекъ былъ умный и ловкій политиканъ,—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ типовъ политиканствующихъ дѣятелей, которыми изобилуютъ переходныя эпохи, подобныя пережитымъ Прибалтійскимъ краемъ за время введенія реформъ. Зная отлично ту среду, среди которой ему приходилось дѣйствовать, и служа подъ непосредственнымъ начальствомъ такого дальновиднаго и тактичнаго государственнаго дѣятеля, какимъ являлся въ то время тогдашній попечитель округа, М. Н. Капустинъ, Ѳ. К. Гёекъ сумѣлъ себя поставить такъ, что, не разрывая окончательно съ нѣмецкимъ обществомъ, въ то же время, казалось, дѣйствительно значительно способствовалъ обрусенію Дерптской гимназіи. Изъ положительныхъ качествъ этого директора надо отмѣтить его безграничную любовь къ дѣтямъ и молодежи. Онъ до послѣдней крайности не исключалъ гимназиста, а исключивъ, нерѣдко принималъ обратно его опять въ гимназію. За это ему нѣмецкая фронда прощала многое, хотя въ общемъ ему и его семьѣ жилось не легко въ Дерптѣ, такъ какъ онъ въ мѣстныхъ нерусскихъ кругахъ считался, какъ я уже выше сказалъ, однимъ изъ столповъ обрусительства.

Вообще, мнѣ пришлось выступать въ Дерптѣ въ качествѣ библіотекаря и книжника въ самый острый моментъ борьбы двухъ началъ: новаго русскаго и стараго нѣмецкаго. Балтійскіе обыватели верхнихъ слоевъ сначала все еще ждали и надѣялись на политику словъ и однихъ обрусительныхъ намѣреній. Имъ казалось, что и начатая школьная, завершившаяся полицейская, по городскому самоуправленію и вводимая судебная реформы — есть нѣчто временное, преходящее и вводимое лишь въ видѣ опыта. Никому не хотѣлось вѣрить, что отжившее—уже отжило, что эпоха обособленности, исключительности и замкнутости невозвратно миновала. Однако факты ежедневной жизни и непреклонная рѣшимость и твердость, проникавшія, впрочемъ, всѣ мѣропріятія въ царствованіе Александра III, начинали смущать самыхъ самоувѣренныхъ. Когда въ селахъ началось почти поголовное исчезновеніе народныхъ учителей, не хотѣвшихъ или не могшихъ усвоить русскаго преподавательскаго языка, а въ волостныхъ правленіяхъ появилась фигура коммиссара по крестьянскимъ дѣламъ, объяснявшаго народу всю неизбѣжность признанія новаго порядка вещей, — селяки и сельская интеллигенція первые стали колебаться и не довѣрять увѣреніямъ, что всѣ реформы—временныя и скоропреходящія правительственныя мѣры и что «скоро все будетъ снова по-старому!». Но окончательный ударъ нанесло и съ стремительною энергіею сокрушило всѣ остатки этихъ сомнѣній введеніе въ край новыхъ судовъ.

V.

Ни одна реформа, кажется, не имѣла такого значенія для цѣлаго края, какъ судебная на прибалтійской нашей окраинѣ. Когда вводилась школьная, когда отъ подростающаго поколѣнія начали требовать знанія русскаго языка,—старики, взрослые, вообще дѣйствовавшее въ сферѣ практической жизни поколѣніе спокойно, равнодушно относилось къ этому нововведенію, думая, что ему, по крайней мѣрѣ лично, не придется такъ или иначе нести послѣдствія реформы и считаться съ знаніемъ или непониманіемъ русскаго языка. Но когда начали дѣйствовать новые русскіе суды, когда мировые судьи и судебные слѣдователи стали судить и опрашивать населеніе исключительно на одномъ только русскомъ языкѣ, а призываемые переводчики передавать вопросы и отвѣты по-своему, продавая иногда свое краснорѣчіе и переводческіе труды за дешевую цѣну той сторонѣ, которая догадывалась «подмазать»—тогда старшее поколѣніе прибалтійцевъ вдругъ живо и сильно почувствовало всю необходимость усвоенія русскаго языка, стало торопить даже дѣтей и само на склонѣ жизни усѣлось за русскую книгу. Вновь введенные суды, между тѣмъ, энергично принялись за работу. Они были завалены переданными имъ недоконченными дѣлами изъ старыхъ «герихтовъ». Прокурорскій надзоръ, мировые судьи, члены судовъ—все это едва выносило тяжесть непосильнаго бремени. Надо сказать, что нигдѣ такъ не развито сутяжничество, какъ въ остзейскихъ губерніяхъ, а тутъ еще толки о томъ, что русскій судъ будетъ расположенъ въ пользу низшихъ слоевъ населенія при постановленіи приговоровъ, и подпольная дѣятельность тучи налетѣвшихъ адвокатовъ — частныхъ повѣренныхъ — подлили, что называется, масла въ огонь. Однако, ожиданія селяковъ, что новые русскіе судьи безусловно станутъ на ихъ сторону, не совсѣмъ оправдались. Русское правосудіе тотчасъ по прибытіи въ край постаралось стать на строгообъективную почву формальной законности и начало руководствоваться въ своей дѣятельности исключительно подлежащими узаконеніями. Мѣстные землевладѣльцы-помѣщики, крупные собственники и т. п., ожидавшіе встрѣтить въ представителяхъ новаго судопроизводства чуть не личныхъ враговъ, сплошь враждебно настроенныхъ противъ нихъ, были пріятно изумлены, когда новые судьи, прокуроры, судебные пристава не только стали на стражѣ ихъ законныхъ интересовъ, правъ собственности и всѣхъ прерогативъ, но еще любезно исполняли роль хозяевъ, желающихъ оказать особое вниманіе своимъ гостямъ. Взысканія по исполнительнымъ листамъ, скорѣйшее разбирательство дѣлъ и т. п. мелкія, но существенныя одолженія въ сферѣ гражданскихъ правоограженій — вотъ

что выпало на долю недавно трепетавшихъ за мѣстный правовой порядокъ бароновъ и «фоновъ». Понятно, что отношенія къ нимъ, этимъ новымъ русскимъ мѣстнаго высшаго общества сейчасъ же установились самыя доброжелательныя, и за ними установилась кличка «образованныхъ и развитыхъ людей». Конечно, и судебный персоналъ не могъ иначе поступать съ одной стороны въ видахъ особаго политическаго такта, а съ другой—будучи не въ силахъ измѣнить существующій мѣстный аграрный и экономическій строй. Вообще судейскіе въ этотъ первый періодъ ихъ жизни и дѣятельности въ Прибалтикѣ заслужили себѣ признанную и нѣмцами, и русскими репутацію «новыхъ людей», «либераловъ» и т. п. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности переведенные (а затѣмъ вновь переведенные на другія окраины) къ намъ изъ царства Польскаго, съ первыхъ же шаговъ вооружили противъ себя населеніе своею рѣзкостью и грубостью. Такъ, въ одномъ изъ съѣздовъ мировыхъ судей былъ предсѣдатель, который не могъ равнодушно вести ни одного засѣданія, въ которомъ участвовали, въ качествѣ подсудимыхъ ли или свидѣтелей, простые эстонскіе мужики.

— Да скажите вы этому идіоту, чтобы онъ пересталъ молоть вздоръ!— кричалъ онъ, выходя изъ себя, переводчику, когда непонимающій русскаго языка, но словоохотливый, мужичекъ-эстонецъ стремился излить предъ судейскимъ столомъ накипѣвшее горе.

— Да уведите, приставъ, этого мерзавца!— вопіялъ онъ изступленнымъ голосомъ въ другомъ засѣданіи, если подсудимый попадался строптивый и настойчиво добивавшійся, чтобы судъ слушалъ всѣ его розсказни.

Правда, предсѣдатель этотъ былъ больной, изнуренный службою человѣкъ, но все же мѣстное культурное общество поражалось такими проявленіями невоздержанности на языкъ. Предсѣдателя этого скоро, впрочемъ, перевели изъ Прибалтійскаго края въ болѣе отдаленную и некультурную окраину. Впрочемъ, такіе субъекты встрѣчались не въ одномъ судейскомъ вѣдомствѣ. Я помню, напр., одного педагога, руководившаго занятіями воспитанниковъ-семинаристовъ, подготовлявшихся къ учительскому званію, который систематически унижалъ ихъ человѣческое достоинство, на каждомъ шагу твердилъ имъ, что «чухны— идіоты по природѣ», что «еслибы русскіе ихъ не взяли въ составъ своего государства остзейскихъ губерній, то они пропали бы» и т. п. Результатъ получился самый плачевный: ученики изъ семинаріи выносили ненависть не только къ своему наставнику, но и ко всему русскому. И много было въ то время такихъ непутевыхъ обрусителей, портившихъ русское дѣло. Изъ нихъ, при вступленіи въ край представителей новыхъ судовъ, и образовалась та «старо-русская партія»,

которая потомъ вела такую ожесточенную борьбу съ «новыми русскими людьми».

Несмотря на все это, въ мѣстномъ нѣмецко-эстонскомъ обществѣ въ это время интересъ ко всему русскому поднялся до значительной высоты и предѣльнаго напряженія. Я, въ качествѣ завѣдывающаго русской публичной библіотекой, находящейся въ университетскомъ городѣ и въ то время бывшей почти единственной въ краѣ, могъ наглядно убѣдиться въ этомъ. Число подписчиковъ стало быстро расти. Записывались интеллигенты, нѣмецкіе бароны, студенты, учителя, купцы и врачи,— все это жадно устремилось къ русской книгѣ. Закипѣла въ это время и дотолѣ находившаяся въ жалкомъ состояніи русская книжная торговля. Не говоря уже объ учебникахъ, въ ходъ пошли не только классическіе русскіе авторы, знакомые нѣмцамъ по переводамъ: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и др., но и молодые русскіе беллетристы: Короленко, Чеховъ, Гаршинъ и др.

Ко мнѣ приходили не только за книгами, но и за совѣтами: что прочесть и даже что перевести на нѣмецкій языкъ для напечатанія въ мѣстныхъ и заграничныхъ журналахъ. Нѣмцевъ особенно интересовалъ нашъ Щедринъ, но всѣ попытки овладѣть его своеобразнымъ языкомъ и манерою писанія, съ цѣлью перевода, оканчивались неудачами, и наконецъ нѣмцы-переводчики принуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Зато переводы сочиненій Лугового на нѣмецкій языкъ, кажется, удавались вполнѣ и даже полюбились мѣстной не русской публикѣ, читавшей въ своихъ газетахъ эти переводы въ отдѣлѣ фельетоновъ. Изъ русскихъ книгъ болѣе всего шли тогда беллетристическаго содержанія: — романы, повѣсти, разсказы и т. п. Только бѣдные народные учителя, тщетно силясь дополнить чтеніемъ недостатокъ своего образованія и такимъ образомъ удовлетворить требованіямъ своихъ строгихъ судей — инспекторовъ народныхъ училищъ, — читали изо всѣхъ силъ сочиненія по педагогикѣ, дидактикѣ и друг. воспитательнымъ наукамъ. Книги брали и въ уѣздѣ. Многимъ приходилось выбирать подходящее чтеніе, указывать, совѣтывать, руководить. При библіотекѣ была, какъ я уже упоминалъ, читальня. Ее посѣщало десятка три—четыре читателей, слѣдящихъ за текущей періодической литературой. Контингентъ ихъ опять таки преимущественно состоялъ изъ студентовъ разныхъ націй и двухъ учебныхъ заведеній—университета и института. Кромѣ русской, въ городѣ существовали нѣмецкая и эстонская частныя библіотеки, съ гораздо бо́льшимъ количествомъ подписчиковъ, значительнымъ запасомъ книгъ и болѣе льготными правилами пользованія ими.

Но въ нашу библіотеку зато шло все, что было болѣе интеллигентно и прогрессивно въ мѣстномъ обществѣ. Нѣмцы шли, желая ознако-

миться съ языкомъ и литературой, эстонцы вслѣдъ за нѣмцами, а русскіе—отъ скуки и хандры въ чуждомъ незнакомомъ городѣ, а также вслѣдствіе понятнаго стремленія поддержать связь съ родиной хотя чрезъ печатное слово. Въ библіотекѣ поэтому сходились всѣ слои мѣстнаго общества, и нерѣдко на этой нейтральной почвѣ происходило взаимное общеніе разныхъ «племенъ, нарѣчій, состояній» нашего маленькаго университетскаго городка.

Всѣ новоприѣзжающіе въ Дерптъ на службу или по другимъ дѣламъ считали своимъ долгомъ побывать у профессора русской словесности Висковатова, о которомъ я упоминалъ выше, и записаться въ русской библіотекѣ.

Главенствовалъ въ послѣдней и направлялъ всѣ ея внутреннія и внѣшнія дѣла тотъ же П. А. Висковатовъ, распоряжавшійся всѣмъ по своему усмотрѣнію съ помощью большинства голосовъ въ совѣтѣ библіотеки. Онъ же былъ и предсѣдателемъ совѣта, играя кромѣ того значительную роль, какъ видный дѣятель, въ мѣстномъ русскомъ благотворительномъ обществѣ, основанномъ имъ русскомъ семейномъ учительскомъ кружкѣ «Родникъ», а также въ гимназіи и университетѣ,

Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ также дерптскимъ почетнымъ мировымъ судьею. Жилъ онъ въ своемъ домѣ, на окраинѣ города; въ переднихъ комнатахъ его убранство было въ русскомъ стилѣ: съ вышитыми полотенцами по стѣнамъ, разными поставцами, деревянными чашками кустарнаго издѣлія и т. п. Я думаю, многимъ, окончившимъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ или институтѣ, памятна профессорская пріемная, убранная такимъ образомъ, съ громаднымъ краснымъ щитомъ на одной изъ стѣнъ, на которомъ развѣшено было множество пистолетовъ, ятагановъ, ружей и т. п.

Если кто удивится, зачѣмъ въ профессорской пріемной висѣло смертоносное оружіе, тому я могу сказать въ объясненіе, что П. А. Висковатовъ былъ во время русско-турецкой кампаніи 1877—78 г. прикомандированъ къ уполномоченному Краснаго Креста и въ память своего пребыванія тамъ и вывезъ кое-какое рѣдкое восточное оружіе.

Двери висковатовскаго дома были широко открыты для всѣхъ, и самъ почтенный хозяинъ съ большою лысою головою, свѣтлорусою бородою и массивной фигурою настоящаго русскаго барина, отличался большою доступностью и внимательностью къ нуждамъ обращающихся къ нему съ различными просьбами русскихъ, нѣмцевъ, эстовъ, поляковъ и др. Онъ помогалъ имъ протекціей, кое-какими связями съ мѣстной и столичной администраціей, пристраивалъ къ мѣстамъ, наконецъ, ссужалъ деньгами.

Многіе оставались надолго признательными П. А. Висковатову за его помощь, но были у него и многочисленные враги. Вражда эта

возникала чаще всего на почвѣ такъ сказать quasi-политической; въ университетѣ вѣчно боролись за преобладаніе въ дѣлахъ совѣта и автономной жизни университета партіи профессоровъ русскихъ, заграничныхъ нѣмецкихъ и мѣстныхъ уроженцевъ или, какъ звали ихъ тогда, «балтовъ».

Конечно, П. А. Висковатовъ стоялъ во главѣ русскихъ и, пользуясь иногда безтактностью и оплошностью противниковъ, а также своими связями въ Петербургѣ, очень вредилъ имъ, особенно когда началась реформа университета и потребовалось знаніе русскаго языка, а многіе нѣмецкіе профессора не могли или не хотѣли ему учиться. Въ университетѣ былъ также особый курсъ наукъ, въ шутку прозванный «висковатовскимъ факультетомъ», прослушавъ который можно было получить свидѣтельство на званіе учителя частнаго средняго учебнаго заведенія. И я знаю даже теперь одного преподавателя Рижской женской городской гимназіи, Т., который, не окончивъ курса въ институтѣ, при помощи «висковатовскаго фалькутета» сдѣлалъ карьеру и достигъ положенія въ обществѣ, чиновъ и матеріальныхъ благъ.

Оба тогдашніе губернатора, лифляндскій — генералъ-лейтенантъ М. А. Зиновьевъ и эстляндскій князь С. Шаховской находились въ эпоху обрусенія съ дерптскимъ профессоромъ русской словесности въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Любимымъ дѣтищемъ, созданіемъ рукъ своихъ, П. А. Висковатовъ въ то время считалъ русскій учительскій клубъ «Родникъ».

Семейный русскій учительскій кружокъ «Родникъ» возникъ въ 1886 г. въ Дерптѣ, благодаря усиліямъ П. А. Висковатова и нѣсколькихъ гимназическихъ учителей. Сначала, когда ихъ было всего десять — двѣнадцать человѣкъ, они собирались другъ у друга проводить свои досуги, а затѣмъ, когда русскаго народу стало прибавляться, стали подумывать объ основаніи своего клуба. Эти первые годы существованія «Родника», по словамъ его учредителей и основателей, были самые счастливые и хорошіе: не было ни дрязгъ, ни ссоръ, ни буйныхъ засѣданій, какъ впослѣдствіи, ни дѣленія на «новыхъ» и «старыхъ», и т. п.

Какъ ни грустно, а приходится сознаться, что взаимныя дрязги, сплетни и интриги наѣзжавшихъ въ Прибалтійскій край русскихъ вредили дѣлу обрусенія болѣе, нежели всѣ противодѣйствія нерусскихъ недоброжелателей, и оппозиція фрондерствующаго балтійскаго меньшинства

Нѣмецкое и онѣмеченное эсто-латышское общество стояло твердо и прочно на своихъ ногахъ и сора изъ своей избы не выносило.

Каждый помнилъ, что есть общій врагъ, противъ котораго надо дѣйствовать сообща; каждому казалось, что онъ долженъ дѣйствовать во имя отстаиванія насажденной старой культуры отъ врывавшагося

русскаго варварства, во имя защиты родной земли отъ неминуемаго разоренія и разрушенія новыми началами; наконецъ, каждый нѣмецъ и онѣмеченный эстъ или латышъ былъ увѣренъ въ правотѣ своего дѣла, своей страстной оппозиціи. Не то было въ лагерѣ русскихъ...

VI.

Жизнь многочисленныхъ нѣмецкихъ и эстскихъ ферейновъ и клубовъ въ Дерптѣ въ то время отличалась строгою замкнутостью отъ всего русскаго, и попасть туда членомъ свѣжему человѣку было довольно-таки трудно. Но когда въ край хлынули волной новые порядки и люди, нѣмцы стали мало-по-малу отворять свои двери и даже осторожно сближаться съ людьми новаго порядка. Такъ, когда мѣстный нѣмецкій клубъ «Bürgermusse» праздновалъ столѣтіе своего существованія, то онъ прислалъ радушное приглашеніе и русскому клубу «Родникъ» прислать депутатовъ на торжество. Этотъ «Bürgermusse» былъ самый старый и строгій по чопорности въ нашемъ городѣ клубъ. Хотя большинство членовъ въ немъ были дерптскіе торговцы и ремесленники, но когда тамъ устраивались балы и маскарады, человѣку, не имѣющему фрака, попасть туда было невозможно. Намъ, русскимъ, странно и смѣшно было смотрѣть, какъ какой-нибудь мѣдныхъ и жестяныхъ дѣлъ мастеръ выступалъ важно въ фрачной парѣ и бѣломъ галстукѣ рядомъ съ своей расфранченной дамой, ведя ее подъ руку, или дирижировалъ танцами. Въ эстонскомъ клубѣ «Vaimujne», считавшемся самымъ демократическимъ и простонароднымъ, господствовали такіе же порядки и чопорность относительно костюма. Допекали и тотъ и другой клубъ только нѣмецкіе студенты-корпоранты, врывавшіеся въ пьяномъ видѣ къ чиннымъ бюргерамъ и скандалившіе въ клубахъ напропалую. Третьимъ и самымъ многолюднымъ дерптскимъ клубомъ было «ремесленное общество» (Handverkerferein). Въ немъ числилось до семисотъ человѣкъ и хотя оно называлось «ремесленное», но въ составъ его входила почти вся интеллигенція Дерпта. Тамъ были профессора университета, директора и учителя гимназіи правительственной и двухъ частныхъ, реальнаго училища, городскаго, женскаго высшаго (Töchterschule) и др., врачи, адвокаты, чиновники, богатые купцы и домовладѣльцы. Кромѣ обычныхъ клубныхъ развлеченій: картъ, ресторана, билліарда, кеглей, сада съ прудомъ, гигантскими шагами, лѣтнимъ театромъ и т. п., въ ремесленномъ обществѣ читались публичныя лекціи образовательнаго характера профессорами-членами, устраивались музыкальные и семейные вечера, и вообще время проводилось не только пріятно, но и съ пользою. Русскій клубъ «Родникъ» также пытался устраивать все это

и у себя, но все затѣянное какъ-то выходило неудачно: то семейный вечеръ окажется безъ дамъ, то лекція не удастся, то, наконецъ, и это чаще всего, члены «Родника», число которыхъ подъ конецъ моего пребыванія въ Дерптѣ дошло до восьмидесяти,—перессорятся или съ предсѣдателемъ или другъ съ другомъ.

Подъ конецъ эта разладица стала повторяться все чаще и чаще. Основатели кружка «Родникъ», гимназическіе учителя, относились къ другимъ членамъ, въ особенности судейскаго званія, покровительственно, какъ къ новичкамъ и на каждомъ шагу давали имъ чувствовать, что старожилы въ клубѣ и краѣ—они, учителя, что «для русскаго дѣла» они сдѣлали болѣе, чѣмъ кто-либо другой, и что пальма первенства принадлежитъ вообще имъ. Конечно, это не могло нравиться остальнымъ. Inde iга. Но «Родникъ» все же имѣлъ значеніе центральнаго мѣста, гдѣ по крайней мѣрѣ наружно русское общество объединялось и являлось хотя по внѣшности сплоченнымъ, организованнымъ. Когда кто-либо изъ губернскихъ или столичныхъ властей посѣщалъ Дерптъ, онъ непремѣнно заглядывалъ и въ скромное помѣщеніе «Родника». Въ числѣ его почетныхъ членовъ значились архіепископъ рижскій Арсеній, попечитель округа, губернаторъ, рижскій жандармскій генералъ и др.

Покойный министръ народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ вмѣстѣ съ т. с. Аничковымъ и Хрущевымъ двукратно посѣтилъ «Родникъ», познакомившись почти со всѣми его членами, которые были ему представлены. Впослѣдствіи, когда правительство задалось мыслью поддерживать въ краѣ русскую общественность и субсидировать русскіе клубы, «Родникъ» съ помощью М. А. Зиновьева получилъ на три года субсидіи въ 500 руб. ежегодно. Собственныхъ же средствъ его, при десятирублевомъ членскомъ взносѣ, далеко не хватало на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, часть членовъ, принадлежавшая къ «новымъ людямъ», потребовали и послѣ долгихъ споровъ и хлопотъ добились пересмотра Родниковскаго устава, при чемъ вмѣсто названія «учительскій кружокъ» ему присвоено было имя «Русскаго общественнаго собранія». Такія же «собранія» были и въ Ревелѣ, и въ Митавѣ, и въ Перновѣ. Но, положа руку на сердце, слѣдуетъ признаться, что нигдѣ они не играли никакой культурной миссіи и никакимъ объединяющимъ, въ истинномъ значеніи этого слова, центромъ не служили: инородцевъ въ нихъ поступало мало, да и тѣ были чиновники, дѣлавшіе это въ чаяніи этимъ понравиться своему губернскому начальству, а среди своихъ членовъ русскихъ вѣчно господствовали дрязги и ссоры.

Даже клубнаго своего назначенія они не всегда достигали, такъ какъ въ нихъ царила изрядная скука, и записнымъ клубистамъ въ нихъ многаго недоставало.

Вообще слѣдуетъ сказать, что въ то время въ реформируемомъ краѣ большее значеніе имѣли и больше вреда или пользы приносили отдѣльныя личности, нежели такія учрежденія, какъ русскія общественныя собранія. И какихъ-какихъ господъ не наѣзжало тогда въ Прибалтійскія губерніи.

Сижу какъ-то я однажды въ читальной залѣ библіотеки, какъ вдругъ докладываютъ, что меня желаетъ видѣть какой-то военный.

Приказываю просить. Чрезъ нѣсколько минутъ, звякая шпорами, входитъ небольшаго роста, очень тучный, съ длинной сѣдой бородой и совершенно голымъ черепомъ, полковникъ въ жандармской формѣ, съ аксельбантами и рекомендуется вновь назначеннымъ въ нашъ городъ штабъ-офицеромъ Рижскаго жандармскаго управленія, А. П. Николинымъ [1]). Прошу садиться. Маленькіе хитрые, глубокоушедшіе подъ сѣдыя брови, глазки зорко и быстро пробѣгаютъ по мнѣ, по стѣнамъ читальни и столамъ съ газетами. Словно обыскъ дѣлаютъ. Послѣ обычныхъ разспросовъ о томъ, какъ идутъ дѣла, много ли подписчиковъ, сѣдобородый «ловецъ человѣковъ» вдругъ кидаетъ мнѣ, какъ бы невзначай, вопросъ, нѣтъ ли у меня послѣднихъ сочиненій Кеннана: ему, видите-ли, хочется познакомиться съ ними... Я шутя отвѣтилъ, что самъ хотѣлъ просить у г. полковника любезнаго одолженія—дать мнѣ возможность достать эту очень интересную запрещенную книгу, такъ какъ я много о ней слышалъ... Видя, что ловкій пріемъ — поймать врасплохъ неопытнаго библіотекаря не удался,—Николинъ сейчасъ же все обратилъ въ шутку и сталъ меня увѣрять, что онъ Кеннаномъ интересуется такъ потому, что когда завѣдывалъ Карійской политической каторгой, то онъ, Кеннанъ, въ бытность свою тамъ, познакомился съ нимъ и даже срисовалъ съ него портретъ, который долженъ былъ появиться въ иллюстрированныхъ англійскихъ изданіяхъ. Николинъ на этотъ разъ ограничилъ свой визитъ краткимъ временемъ, но затѣмъ на слѣдующій же день записался въ число подписчиковъ библіотеки и сталъ посѣщать меня чуть не ежедневно, приглашая посѣтить и его.

Когда я отдавалъ ему отвѣтный визитъ, онъ страшно старался показать, что онъ намѣренъ быть со мной откровеннымъ до крайности и держаться на распашку. О себѣ любилъ разсказывать много и подробно и сообщилъ мнѣ, что былъ нѣкогда у гр. М. Н. Муравьева-Виленскаго правою рукою. Къ своей профессіи, сознавался онъ, чувствуетъ сильное призваніе и отличительною чертою своего характера считалъ прямолинейность и независимость.

— За это меня далѣе какъ въ подполковники и не производятъ!—

---

[1]) Нынѣ уже покойникъ.

говорилъ онъ горделиво, — потому что я не остановлюсь во имя долга обвинить хоть кого!..

По его словамъ, когда онъ пріѣхалъ съ особыми полномочіями завѣдывать политическою каторгой, то прямо по пріѣздѣ явился въ казарму, гдѣ содержались политическіе ссыльные, и заявилъ имъ, что отнынѣ время поблажекъ для нихъ и административнаго произвола для мѣстной власти миновало; онъ повѣситъ на стѣнѣ казармы «инструкцію» и будетъ самъ слѣдовать и отъ заключенныхъ требовать точнаго исполненія ея правилъ.

— Поднялся страшный шумъ и даже угрозы убить меня, — повѣствовалъ Николинъ,—но я сказалъ: господа, если меня убьете, то ничего этимъ не достигнете. Семью мою обезпечитъ правительство, мнѣ жить осталось и такъ недолго, а свою участь вы ухудшите.

— И хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, М. М., но когда я покидалъ свой постъ,—говорилъ онъ мнѣ,—всѣ они страшно обо мнѣ сожалѣли...

— Когда я зашелъ затѣмъ въ казарму, занимаемую политическими женщинами, всѣ онѣ сидѣли за большимъ столомъ и пили изъ громаднаго самовара чай. Я объявилъ имъ то же, что и кавалерамъ... Поднялся шумъ, пискъ и протесты. Я сказалъ: mes dames, вы все-таки интеллигентныя женщины—поговоримъ миромъ... А прежде напойте меня чаемъ. Это ихъ страшно удивило сначала, а затѣмъ мы спокойно объяснились и modus vivendi былъ найденъ...

Николинъ зналъ французскій и нѣмецкій языки, внимательно читалъ всѣ мѣстныя газеты и быстро перечиталъ всю нашу библіотеку. Его пріѣздъ имѣлъ большое вліяніе на жизнь нашего маленькаго городка и уѣзда. Мѣстные жандармы—хладнокровнѣйшіе и неповоротливѣйшіе эсты,—вдругъ подтянулись, стали зорче и внимательнѣе смотрѣть на вся и на всѣхъ, и число такъ назыв. «секретныхъ» дѣлъ быстро возросло. Въ «Родникъ» онъ не захотѣлъ, по примѣру своего предшественника, вступать членомъ, а съ П. А. Висковатовымъ у него установились натянутыя и даже враждебныя отношенія. Нѣкоторымъ учителямъ, вслѣдствіе его внушеній, было сдѣлано замѣчаніе, а кое-кого изъ проживающихъ въ уѣздѣ пасторовъ отдали подъ судъ за «агитацію» противъ православія... Даже православныхъ священниковъ, пользующихся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ правами миссіонеровъ и получающихъ, къ слову сказать, по 1.300 руб., кромѣ содержанія натурой, жалованья, А. П. Николинъ не оставилъ въ покоѣ и сталъ кому слѣдуетъ указывать, что нѣкоторые изъ нихъ ведутъ нетрезвый образъ жизни. Изъ-за этого у него стали выходить столкновенія и съ духовной властью. Отчасти его же стараніями, какъ говорятъ, былъ присланъ и расквартированъ у насъ 95-й Красноярскій полкъ,—первый послѣ многолѣтняго, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, перерыва отсутствія въ нашей мѣстности русскихъ войскъ.

А. П. Николинъ пробылъ въ Дерптѣ, сравнительно, не долго и скончался внезапно отъ удара, послѣдовавшаго совсѣмъ неожиданно. Пасторскіе процессы въ это время поражали своей частотой. Почти въ каждую сессію окружнаго суда разбирались «пасторскія дѣла». Впослѣдствіи разборъ ихъ почему-то происходилъ при закрытыхъ дверяхъ. Населеніе относилось къ своимъ духовнымъ пастырямъ, «страдающимъ за вѣру», какъ тогда говорили, съ горячимъ сочувствіемъ и всѣми мѣрами старалось скрыть ихъ отъ преслѣдованія правосудія за нарушеніе полузабытаго закона о смѣшанныхъ бракахъ и крещеніи дѣтей православнаго и лютеранки въ лютеранство и друг. нарушеній церковнаго права. Я помню живо врѣзавшуюся мнѣ въ память и разыгравшуюся предъ моими глазами одну изъ такихъ судебныхъ сценъ. Судили какого-то пастора за вѣнчаніе православной по крещенію, но воспитанной въ лютеранствѣ, крестьянской женщины съ лютераниномъ. Въ качествѣ свидѣтельницы вызвана была обвѣнчанная. Ее стали приводить къ присягѣ. Православный священникъ, знающій эстскій языкъ, приблизился, чтобы исполнить обрядъ. Баба черезъ переводчика энергично заявляетъ предсѣдателю, что она у православнаго священника принимать присягу не будетъ, такъ какъ она—лютеранка. Предсѣдатель перелистываетъ дѣло, находитъ метрическое православное свидѣтельство, устанавливаетъ наконецъ показаніями односельчанъ, что она окрещена въ православіе и должна поэтому принять присягу по православному обряду—все напрасно. Баба стоитъ на своемъ. Предсѣдатель грозитъ составить протоколъ и привлечь ее къ отвѣтственности—упрямица не поддается. Протоколъ хотя и составленъ, но все же баба поставила на своемъ и присяги у нашего «батюшки» не приняла. И такой случай былъ не одинъ. Надо говорить правду, попадались тогда и пасторы фанатики, проповѣдывавшіе религіозную вражду и въ слѣпомъ фанатизмѣ доходившіе до издѣвательства надъ православіемъ и глумленія надъ его обрядами. Было ли то слѣдствіемъ болѣе строгаго отношенія правительства къ пасторской дѣятельности по вышеуказанному поводу, или, какъ увѣряли наши священники, представители лютеранства негодовали за ярко проявлявшееся въ это время стремленіе эсто-латышей къ переходу въ православіе (къ слову сказать, далеко не вездѣ и всегда искреннему и безкорыстному), но война между пастырями той и другой религіи обострилась до крайности. Православные священнослужители доносили по начальству о прегрѣшеніяхъ своихъ лютеранскихъ коллегъ, а тѣ, въ свою очередь, жаловались на нихъ, а преимущественно вели личную войну при помощи мелкихъ уколовъ самолюбія, насмѣшекъ, осмѣиванія передъ прихожанами и т. п. И только кое-гдѣ, какъ свѣтлое исключеніе, священникъ и пасторъ жили дружно и взаимно уважая одинъ другаго.

Къ счастью, такое ненормальное положеніе дѣлъ и страшная обостренность въ отношеніяхъ представителей двухъ религій — государственной и фактически господствующей въ краѣ,—продолжалось весьма не долго. Правительство смягчало строгіе приговоры судовъ надъ пастырями, а многимъ мелочнымъ преслѣдованіямъ не дано было ходу. Съ другой стороны и благоразумная часть лютеранскаго духовенства стала сдержаннѣе и критически относиться къ легкомысленному поведенію своихъ коллегъ, позволявшихъ себѣ глумиться надъ православіемъ или допускать нарушенія постановленія нашихъ законовъ о правахъ и прерогативахъ государственной церкви. Мало-по-малу кризисъ притуплялся и дѣла входили въ обычную колею. Однако все же надо признаться, что лютеранство вышло изъ этой неравной борьбы не побѣдительницей, а побѣжденной, горько оплаканной въ заграничной печати и совершенно утратившей свою прежнюю роль въ краѣ.

VII.

Въ самый разгаръ реформаціонной работы въ Прибалтійскомъ краѣ стала все сильнѣе ощущаться потребность въ русскомъ печатномъ словѣ. Изъ газетъ тогда издавались въ Ригѣ старѣйшій «Рижскій Вѣстникъ», созданный усиліями прибалтійскаго историка и почтеннаго русскаго дѣятеля Евграфа Васильевича Чешихина, которому удалось воодушевить и на нѣкоторое время сплотить мѣстное рижское общество, а также пріобрѣсти расположеніе эстовъ и латышей, впослѣдствіи, впрочемъ, утраченное. Въ Ревелѣ сначала кромѣ «Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» ничего не выходило, но вскорѣ основался «Ревельскій Городской Листокъ», переименованный затѣмъ въ «Колывань» и выпускаемый въ свѣтъ М. М. Ляшенко.

Эта газета, при помощи губернатора, покойнаго кн. Шаховскаго, получила отъ бывшаго министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, десятитысячную ссуду, устроила было себѣ типографію, но существовала все же недолго [1]). Сотрудниковъ—русскихъ тогда въ краѣ было очень немного, и редакціи этихъ двухъ газетъ просили меня работать у нихъ въ качествѣ корреспондента. Особенно нуждалась въ этомъ «Колывань». И хотя я жилъ въ Дерптѣ (тогда уже переименованномъ, къ величайшему ужасу и негодованію нѣмцевъ, въ русскій «Юрьевъ»), а газета выходила въ Ревелѣ (древней Колывани), но мнѣ приходилось писать для нея не только корреспонденціи, фельетоны, замѣтки и статьи по разнымъ вопросамъ, но даже и передовицы. Не лишено оригиналь-

[1]) Годъ съ небольшимъ.

ности и наше первое знакомство съ редакторомъ «Колывани». Онъ задумалъ проѣхаться по краю и телеграммой предупредилъ меня, когда онъ будетъ въ Дерптѣ, прося встрѣтить его. Но такъ какъ мы въ лицо другъ друга не знали, то условились, что я выйду на дебаркадеръ желѣзной дороги, имѣя въ рукахъ «Колывань». Такъ и сдѣлали. Результатъ получился вполнѣ хорошій.

«Колывань» существовала годъ съ небольшимъ. Издатель-редакторъ ея запутался въ денежныхъ дѣлахъ, съ «княземъ», т. е. съ губернаторомъ С. Шаховскимъ, отношенія его также испортились, и онъ принужденъ былъ покинуть Ревель, оставивъ на удовлетвореніе кредиторовъ свою газету и типографію. Запутавъ до крайности дѣла и сильно дискредитировавъ газету, онъ пытался предварительно навязать ее мнѣ, предлагая самыя льготныя условія и отыскавъ меня для этого даже въ Петербургской губерніи, куда я былъ посланъ въ это время въ командировку въ качествѣ ветеринара. Однако, къ счастью моему, меня не утвердили въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, и горькая чаша миновала меня. Особаго значенія и видной роли «Колывань» не сыграла и въ исторіи русской печати въ Прибалтикѣ прошла какъ фейерверкъ, разбросавъ много быстро погасшихъ искръ. Спустя нѣкоторое время изданіе это пріобрѣтено было директоромъ гимназіи Янчевецкимъ и стало выходить подъ именемъ «Ревельскихъ Извѣстій».

Въ Митавѣ также были попытки основать русскую газету. Въ концѣ 1889 г. учитель мѣстной гимназіи Петровъ въ соединеніи съ однимъ изъ митавскихъ типографовъ вздумали издавать два раза въ недѣлю русскую газету. Правительство дало разрѣшеніе, и скоро появилось объявленіе о подпискѣ на новое русское изданіе «Прибалтійскій Край», куда меня также пригласили сотрудничать. Подписка пошла успѣшно, благодаря тому, что новая русская газета съ первыхъ же шаговъ заявила себя сторонницей примирительнаго начала въ отношеніяхъ между русскими и нѣмцами и стала взывать (правда, въ нѣсколько повышенномъ и патетическомъ тонѣ) о справедливости и равноправности народностей. Однако, такая попытка въ то время была преждевременна и окончилась неудачею. На газету изъ извѣстнаго лагеря мѣстныхъ охранителей посыпались обвиненія въ недостаткѣ патріотизма, въ продажности нѣмцамъ и даже измѣнѣ! Впрочемъ, тогда это былъ обычный пріемъ въ борьбѣ политиканствовавшихъ въ краѣ русскихъ партій. Газета просуществовала всего нѣсколько мѣсяцевъ и пріостановилась вслѣдствіе отсутствія средствъ на дальнѣйшее изданіе и разногласій между издателями. Послѣдніе номера ея были, кромѣ того, составляемы въ направленіи совершенно иномъ, чѣмъ первые—въ крайне враждебномъ настроеніи ко всему нѣмецкому. По прошествіи семи—восьми мѣсяцевъ послѣ выхода послѣдняго ея номера, ко мнѣ обратился

М. Е. Виноградовъ [1]) съ просьбой принять на себя редактированіе «Прибалтійскаго Края», право на изданіе котораго онъ пріобрѣлъ и который онъ намѣревался перенести въ Ригу или Юрьевъ. Я послѣ долгихъ колебаній согласился и по порученію Виноградова отправился въ Ригу къ тогдашнему губернатору ген.-лейт. М. А. Зиновьеву хлопотать объ этомъ дѣлѣ.

Не могу здѣсь не упомянуть о личности этого покойнаго лифляндскаго губернатора, особенно рельефно выдѣляющейся въ ряду дѣятелей по обрусенію Прибалтійскаго края и по направленію своей дѣятельности рѣзко отличавшагося отъ сосѣда своего по губерніи—тогдашняго эстляндскаго губернатора, кн. Шаховскаго.

Генералъ-лейтенантъ М. А. Зиновьевъ именно ставилъ своею задачею обрусеніе Прибалтійскаго края «спокойно, миролюбиво» и на началахъ признанія равноправности всѣхъ русскихъ гражданъ предъ закономъ, безъ различія ихъ національности. По пріѣздѣ въ Лифляндскую губернію въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ энергично принялся за проведеніе реформъ и заслужилъ даже репутацію крутаго губернатора. Къ нѣмецкому режиму и въ особенности къ помѣщикамъ отнесся сначала очень строго и даже, по отзывамъ ближайшихъ сотрудниковъ, запальчиво, но природный умъ и тактъ скоро подсказали ему неправильность такого административнаго пути. Всмотрѣвшись ближе въ мѣстную жизнь и ея особенности, ознакомившись съ характеромъ населенія и вѣрно угадавъ тѣ струны балтійской души, на которыхъ слѣдовало играть, чтобы добиться успѣха для русскаго дѣла, покойный генералъ Зиновьевъ вскорѣ измѣнилъ образъ дѣйствій и началъ «дружить съ нѣмцами», какъ говорили его многочисленные враги, и дѣлать имъ въ мелочахъ поблажки. Однако, въ крупныхъ и серьезныхъ вопросахъ реформированія онъ оставался неизмѣнно преданнымъ и стойкимъ сторонникомъ самаго полнаго объединенія окраины съ Имперіей. И дѣйствительно, въ его управленіе Рига и вся Лифляндская губернія сдѣлала значительные шаги впередъ. Русскій языкъ сталъ разговорнымъ, русскія общественныя учрежденія расширились и окрѣпли, а эсто-латышское населеніе очень полюбило своего губернатора, который былъ для всѣхъ доступенъ, посѣщалъ народныя пѣвческія празднества и выстроилъ дамбу, соединяющую острова Эзель и Моонъ, раздѣленные моремъ, которое осенью и весною совершенно отрѣзало эзельцевъ и моонцевъ отъ остальнаго міра. Дамба эта по высочайшему повелѣнію названа «Зиновьевскою».

Но, несмотря на все это, кажется, не было въ Прибалтійскомъ краѣ губернатора, про котораго не было бы распускаемо столько

[1]) Впослѣдствіи издатель «Школьнаго Обозрѣнія».

гнусныхъ сплетенъ, невѣроятно глупыхъ измышленій и выдумокъ, какія выпали на долю покойнаго М. А. Зиновьева.

Ему ставили на счетъ и мнимую дружбу съ баронами (потому что онъ былъ джентльменъ въ обращеніи съ ними), и снисходительность къ мѣстнымъ купцамъ за то, что онъ входилъ въ разсмотрѣніе ихъ торговыхъ нуждъ, и простое доступное отношеніе къ крестьянамъ эстамъ и латышамъ,—коренному населенію края. Генералъ-лейтенантъ М. А. Зиновьевъ, артиллеристъ по роду оружія, держался взгляда, что изъ пушекъ по воробьямъ стрѣлять смѣшно и глупо, и потому относился къ печатнымъ и устнымъ сплетнямъ очень хладнокровно. Печать вообще, а мѣстную русскую въ особенности онъ ставилъ высоко и потому былъ очень недоволенъ и рѣзко осуждалъ направленіе одной мѣстной русской газеты, проповѣдывавшей травлю инородцевъ и разжигавшей національныя страсти. Редакція этой газеты ненавидѣла мѣстнаго губернатора, и между ними шла постоянная глухая, но ожесточенная борьба.

Меня М. А. Зиновьевъ встрѣтилъ въ просторномъ кабинетѣ своего средневѣковаго рижскаго «замка» привѣтливо и, прочитавъ письмо отъ П. А. Висковатова, которымъ я былъ снабженъ, усадилъ въ удобномъ креслѣ и сталъ разспрашивать о задуманномъ предпріятіи.

— А знаете ли вы что-нибудь про затѣваемый эстами русскій листокъ?—спросилъ онъ меня. Я сказалъ, что ничего не слыхалъ. Тогда онъ мнѣ объяснилъ, что редакторъ еженедѣльной эстонской дерптской газеты «Olevik» А. Гренцштейнъ уже подалъ въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе о разрѣшеніи издавать ему при своей газетѣ, въ видѣ приложенія, еженедѣльный «Дерптскій Листокъ». Я сказалъ, что хотя это конечно усложняетъ дѣло, но вѣроятно моего издателя не остановитъ такое препятствіе, тѣмъ болѣе, что мы задумываемъ издавать русскую газету въ Ригѣ, а не въ Дерптѣ. Тогда генералъ Зиновьевъ [1]) сталъ мнѣ говорить о высокомъ назначеніи и значеніи печатнаго слова на здѣшней окраинѣ и необходимости относиться къ нему и обращаться съ нимъ бережно и осторожно. Губернаторъ долго и внимательно бесѣдовалъ со мною и отпустилъ съ обѣщаніемъ содѣйствовать съ своей стороны основанію нами русской газеты въ предѣлахъ его губерніи. Къ сожалѣнію, главное управленіе по дѣламъ печати не разрѣшило намъ перенести «Прибалтійскій Край» ни въ Ригу, ни въ Дерптъ, и газета чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ тихо скончалась за невыходомъ номеровъ въ теченіе года.

Возвратившись въ Дерптъ, я дѣйствительно скоро узналъ о разрѣ-

---

[1]) Кстати сказать, родной братъ теперешняго нашего константинопольскаго посла.

шеніи эстамъ выпускать въ свѣтъ маленькую русскую газетку «Дерптскій Листокъ».

Какъ-то вечеромъ ко мнѣ въ библіотеку явились самъ издатель-редакторъ «Olevik'a» А. И. Гренцштейнъ и его друзья И. А. Юркатамъ (личность очень популярная среди мѣстнаго эстскаго населенія; онъ принималъ дѣятельное участіе, въ качествѣ переводчика, въ ревизіи сенатора Манассеина, служилъ нѣкоторое время переводчикомъ при новомъ Рижскомъ окружномъ судѣ, постоянная же его профессія была — учительство. Нынѣ онъ состоитъ фактическимъ редакторомъ земледѣльческаго журнала «Pollumes») и А. А. Нэу, эстонскій патріотъ, убѣжденный и горячій приверженецъ Россіи и русскихъ началъ, принявшій православіе еще ребенкомъ вмѣстѣ съ семьею своею въ эпоху нѣмецкаго гоненія на такіе переходы.

Они пришли всѣ ко мнѣ (мы были знакомы и ранѣе) радостные, возбужденные, съ бумагами изъ главнаго управленія по дѣламъ печати въ рукахъ, съ утвержденною программою «Дерптскаго Листка» и объяснительными комментаріями на устахъ. По ихъ словамъ, среди эстовъ уже давно чувствуется нужда въ такомъ русскомъ печатномъ органѣ, который помогъ бы имъ упражняться въ русскомъ языкѣ, не забывая школьныхъ знаній, и былъ бы доступенъ по цѣнѣ. Въ такомъ смыслѣ была ими подана и докладная записка при прошеніи въ главное управленіе. Программа «Дерптскаго Листка», однако, заключала въ себѣ довольно большое число рубрикъ и отдѣловъ. Подписная цѣна была назначена самая доступная,—два рубля въ годъ, а для подписчиковъ «Olevik'a»—всего одинъ рубль. Въ городѣ же можно было получать его даже за восемьдесятъ копѣекъ. Редакторомъ отвѣтственнымъ былъ Юркатамъ, а фактическимъ Нэу. Издатель и редакторъ пришли, собственно, просить меня принять участіе въ ихъ изданіи. Я, подумавъ немного, согласился, оговорившись, что такъ какъ связанъ работою въ другихъ столичныхъ и провинціальныхъ изданіяхъ, кромѣ занятій по библіотекѣ, то не могу обѣщать имъ дѣятельнаго и частаго сотрудничества, въ принципѣ же очень радъ возникновенію такого симпатичнаго народнаго листка, какимъ мнѣ представляется въ будущемъ «Дерптскій Листокъ». Тутъ же рѣшено было, когда приступить къ выпуску перваго номера. Черезъ нѣсколько времени, послѣ распубликованія о появленіи новаго органа русской прибалтійской печати и состава сотрудниковъ, я получилъ отъ издателя-редактора «Ревельскаго Городскаго Листка» (впослѣдствіи переименованнаго въ «Колывань») М. М. Ляшенко, о которомъ говорилъ выше, горячее письмо, убѣждающее меня отказаться отъ сотрудничества въ новомъ изданіи и угрожающее многими литературными непріятностями. «Рижскій Вѣстникъ», вообще недоброжелательно въ то время относившійся ко всяка-

го рода гатетнымъ русскимъ начинаніямъ въ краѣ въ виду могущей возникнуть для него конкурренціи, также отнесся къ маленькому эстскому предпріятію не совсѣмъ доброжелательно, но тѣмъ не менѣе эта газетка стала выходить въ размѣрѣ свернутаго полулиста писчей бумаги.

Въ пробномъ номерѣ были, между прочимъ, напечатаны мои воспоминанія о посѣщеніи гр. Л. Н. Толстаго въ Ясной Полянѣ. Сейчасъ же по выпускѣ въ свѣтъ номера, въ ревельской «Колывани» появилась противъ меня ругательная, крайне неприличная по тону статья, послужившая къ тому, что я прекратилъ свое сотрудничество въ этой ревельской газеткѣ.

«Дерптскій Листокъ» просуществовалъ годъ съ небольшимъ, но успѣха не имѣлъ, и по малочисленности подписчиковъ изданіе было пріостановлено. Издатель его А. И. Гренцштейнъ предложилъ тогда мнѣ пріобрѣсти его въ собственность. Я согласился. Въ это время П. А. Висковатовъ вышелъ въ отставку и, покинувъ университетъ, выбылъ изъ Юрьева. Въ библіотекѣ нашей завелись иные порядки, появились новые люди и новыя отношенія къ библіотекарю со стороны Совѣта... Я рѣшилъ покинуть свою службу въ библіотекѣ. Принявъ въ свои руки изданіе «Дерптскаго Листка», я выхлопоталъ себѣ дозволеніе переименовать его въ «Прибалтійскій Листокъ» и рѣшилъ значительно увеличить форматъ и объемъ изданія.

Пробный номеръ газеты вышелъ въ декабрѣ 1893 года. Передовая статья этого номера и нѣкоторыхъ послѣдующихъ были написаны мною и редактированы при негласномъ, но горячемъ участіи тогда вновь назначеннаго ректора Юрьевскаго университета А. С. Бу—ча, очень живо интересовавшагося моимъ издательствомъ и настойчиво совѣтывавшаго мнѣ создать изъ своей газеты органъ русско-эсто-латышской партіи, стремящейся къ объединенію окраины съ Имперіей на началахъ полнаго духовнаго сліянія съ русскимъ народомъ. Намъ казалась передовая пробнаго номера очень умѣренной и примирительной, однако въ ночь послѣ выхода номера съ нею, въ моей квартирѣ при библіотекѣ, гдѣ помѣщалась и редакція «Прибалтійскаго Листка», были выбиты окна въ знакъ протеста противъ направленія новой русской газеты, а когда я поѣхалъ, въ качествѣ редактора, знакомиться съ представителями мѣстнаго городскаго самоуправленія, то городской голова фонъ Б—къ отказался принять меня.

Я не стану перечислять подробно всѣхъ непріятностей и испытаній, какія выпали въ первый же годъ на долю моей маленькой газеты и лично меня, какъ ея редактора, за то примирительное направленіе, которое она усвоила съ первыхъ же шаговъ. Скажу только, что эстолатышское населеніе встрѣтило «Прибалтійскій Листокъ» моего изда-

нія (1893—1896 г.) самымъ сочувственнымъ образомъ, равно какъ и «новые» русскіе люди съ губернаторомъ М. А. Зиновьевымъ во главѣ. Послѣдній настолько сочувственно относился къ газетѣ и находилъ полезнымъ для русскаго дѣла ея существованіе, что когда я задумалъ превращеніе изданія своего изъ еженедѣльнаго въ ежедневное, а денежныя средства мои были для этого недостаточны, то М. А. Зиновьевъ предлагалъ мнѣ выхлопотать субсидію и ручался за успѣхъ своихъ хлопотъ. Въ дни, когда вся Россія съ глубокимъ напряженіемъ и волненіемъ слѣдила за извѣстіями газетъ изъ Ливадіи, съ трепетомъ ожидая исхода болѣзни государя Александра III, редакція «Прибалтійскаго Листка» стала выпускать ежедневно листки русскихъ телеграммъ съ извѣстіями о ходѣ болѣзни, жадно расхватываемые мѣстною русскою публикою. День кончины Царя-Миротворца въ Юрьевѣ оставилъ неизгладимое впечатлѣніе по пережитому населеніемъ волненію... Но объ этомъ когда-нибудь послѣ.

Незадолго до скоропостижной смерти ген.-лейт. М. А. Зиновьева мы рѣшили и выхлопотали разрѣшеніе на перенесеніе изданія «Прибалтійскаго Листка» въ Ригу, гдѣ онъ издается и теперь, но уже другимъ издателемъ и подъ другой редакціей. Черезъ годъ послѣ этого перенесенія я покинулъ Прибалтійскій край.

М. М. Лисицынъ.

Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову.

Начало знакомства П. А. Кулиша съ С. Т. Аксаковымъ относится къ тому времени, когда первый въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ сталъ собирать матеріалы о Гоголѣ для своихъ будущихъ трудовъ: «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя» и «Записки о жизни Гоголя».

Находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ профессоромъ Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ, Кулишъ просилъ послѣдняго быть посредникомъ въ знакомствѣ съ Аксаковымъ, но Бодянскій, по неизвѣстной причинѣ, уклонился отъ исполненія этой просьбы, и Кулишу пришлось искать другихъ путей для достиженія желанной цѣли. Добившись, наконецъ, знакомства съ Аксаковымъ, Кулишъ встрѣтилъ со стороны послѣдняго самое горячее сочувствіе своему предпріятію и сохранилъ навсегда объ Аксаковѣ самое благодарное воспоминаніе. «Это былъ чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячій ко всякой полезной предпріимчивости»,—отозвался впослѣдствіи П. А. Кулишъ въ письмѣ къ князю Н. В. Шаховскому («Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 202). Горячо полюбилъ Кулишъ и все семейство Аксаковыхъ, но особенно «чудеснаго Консту», т. е. Константина Сергѣевича. Отношенія его къ Ивану Сергѣевичу были менѣе восторженными, а впослѣдствіи съ обѣихъ сторонъ послѣдовало сильное охлажденіе и взаимное несочувствіе.

В. Шенрокъ.

13-го апрѣля 1857 г., С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій другъ
Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Я дѣйствительно виноватъ передъ Гиляровымъ, но вижу и чувствую это только теперь, когда пиво уже заварено. Несмотря на всѣ мои

старанія перешагнуть черезъ формальность, дѣло приняло оффиціальный видъ, и теперь я, можно сказать, содержусь подъ арестомъ въ Петербургѣ, до тѣхъ поръ, пока Гоголь явится на божій свѣтъ, въ новомъ изданіи, обнюханномъ со всѣхъ сторонъ князьями и генералами. Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости. Если бы она не опиралась на матеріальныя выгоды, то я довелъ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите.

Но съ изданіемъ сочиненій Гоголя, сверхъ всего этого, связана еще судьба двухъ человѣкъ, для которыхъ и завожу типографію [1]). Это люди высокой душевной чистоты, и жаль было бы потерять ихъ изъ виду въ минутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился привязать ихъ къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общества ихъ непоколебанную до сихъ поръ никакими искушеніями честность. Одинъ изъ нихъ великороссіянинъ, другой малороссъ. Видите, какъ я чуждъ пристрастія къ землякамъ, въ ущербъ любви къ тому, что есть хорошаго у вашихъ соотечественниковъ!

И такъ я завожу типографію. Если бы все пошло такъ, какъ предполагалось, я бы получилъ за изданіе Гоголя деньги въ началѣ мая. Теперь я получу ихъ гораздо позже. Поэтому прошу васъ, почтеннѣйшій другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, слѣдующіе вамъ отъ меня 870 (?) рублей серебромъ получить не отъ Кошелева, а отъ Базунова [2]), или отъ меня по продажѣ изданія, а Кошелева попросить, чтобы онъ выдалъ вамъ для пересылки ко мнѣ 1.000 р. до разсчета за «Черную раду». (Я знаю, что въ ней будетъ больше 15 листовъ).

Что касается до назначенія цѣны новому изданію Гоголя, то я боялся сплоховать въ роли хранителя чужихъ интересовъ; но меня можетъ соблазнять тутъ и бѣсъ собственной выгоды, бѣсъ, какъ извѣстно, весьма опасный; а потому я радуюсь, что вы произнесли такое рѣшительное мнѣніе, и по даннному мнѣ Марьей Ивановной полномочію, соглашаюсь, чтобы цѣна экземпляру была 12 р. Разсчетъ вашъ, однакожъ, не вѣренъ. Уступивъ книгопродавцу 25%, я получу не до 4.000, а ровно 3.200 р. сер., слѣдовательно, наслѣдники Гоголя получатъ 29.700 р.

Впрочемъ, я не счелъ еще издержекъ на изданіе, потому что не извѣстно количество печатныхъ листовъ и бумаги.

Напрасно отвергаете вы законность моей надписи на книгѣ: вы

---

[1]) Одинъ изъ нихъ былъ будущій сотрудникъ Гоголя въ типографскомъ дѣлѣ Д. С. Каменецкій, письма къ которому Кулиша были напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“, 1898, VII, VIII, XII.

[2]) Извѣстный книгопродавецъ.

не знаете, въ какомъ состояніи духа задумана она и какую роль въ этомъ предпріятіи играла мысль о васъ.

Всею душою вашъ П. Кулишъ.

9-го марта 1853 г., С.-Петербургъ.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ наказало моего пріятеля, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. Онъ торжественно проситъ прощенія у васъ и у вашего почтеннѣйшаго семейства. Проводя въ вашемъ домѣ незабвенный для него вечеръ, онъ не думалъ ни о матеріалахъ для біографіи Гоголя, ни о возраженіяхъ на статью Данилевскаго [1]). Это было слѣдствіемъ послѣдней вечерней бесѣды его съ О. М. Б. [2]).

Требованіе ваше вполнѣ законно, и если автору такой статейки, о которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтетъ пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что̀ сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства.

Отъ всей души благодарю васъ за ваше желаніе доставить мнѣ мѣсто въ Москвѣ. Если бы вы и успѣли въ немъ, то я не могъ бы воспользоваться вашимъ одолженіемъ: я уѣзжаю на постоянное жительство въ Малороссію. Это, однакожъ, не лишаетъ меня пріятной надежды видѣться съ вами, потому что я намѣренъ изрѣдка посѣщать Москву и Петербургъ.

Прошу васъ передать мои почтительные поклоны вашей маменькѣ и сестрицамъ.

Истинно васъ почитающій
П. Кулишъ.

23-го марта 1853 г., С.-Петербургъ.

Отъ всей души благодарю васъ, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, васъ и ваше милое семейство за повтореніе радушнаго приглашенія меня въ вашу подмосковную, но не могу на этотъ разъ воспользоваться онымъ, и вотъ почему. Съ того времени, какъ меня опредѣлили въ уѣздное училище для вытверживанія наизусть учебниковъ,

---

[1]) Здѣсь рѣчь идетъ о Г. П. Данилевскомъ.

[2]) Кулишъ издавалъ свои труды, пользуясь именемъ своего друга Н. М. Макарова; самъ онъ былъ тогда лишенъ права печатать свои сочиненія.

изданныхъ «по повелѣнію императрицы Екатерины II», а было мнѣ тогда лѣтъ якоже седмь—я не видалъ ни одинъ разъ малороссійской весны въ деревнѣ. Въ то время, когда бы мнѣ слѣдовало дышать запахомъ розъ, я дышалъ уличною пылью, и вмѣсто соловьиныхъ пѣсенъ слушалъ «учительское объясненіе Якова Яковлевича» [1]). Съ каждымъ новымъ періодомъ моей жизни, я переходилъ въ новый, болѣе или менѣе тѣсный ящикъ, то въ качествѣ шаловливой мыши, то въ качествѣ серьезнаго кота. О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственныя воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда мнѣ что-нибудь мѣшало.

Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые благоразумные разсчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по-человѣчески. Я бы этого не сдѣлалъ, если бы пользовался болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуетъ мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и зелени. Мало есть людей, которые, зная мои ничтожныя средства для жизни и другія обстоятельства, не назовутъ меня легкомысленнымъ человѣкомъ. Совершенно съ ними согласенъ, да жить-то хочется... Но я удалился отъ причины, которая мѣшаетъ мнѣ заѣхать къ вамъ въ деревню.

Я спѣшу захватить въ Малороссіи начало весны. Кто знаетъ, много ли разъ суждено мнѣ еще ее видѣть! И такъ войдите въ мои чувства и не осудите меня за неисполненіе даннаго мною обѣщанія. Если дѣла мои пойдутъ хорошо, то я буду имѣть не одинъ случай завернуть къ вамъ въ Абрамцево [2]).

Прошу свидѣтельствовать мое почтеніе вашей матушкѣ и сестрицамъ.

Почитающій васъ и преданный
П. Кулишъ.

Текущія дѣла.

Книга съ билетомъ, книги для цензурнаго комитета и рукопись отправлены мною лично 7-го апрѣля.

Рукопись на 1 р., о которой объявленіе вы получили 17-го апрѣля, отправлена нѣсколькими днями прежде.

---

[1]) Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, учитель Кулиша въ Новгородсѣверской гимназіи, изображенный въ повѣсти того же имени въ „Воспоминаніяхъ дѣтства“.

[2]) Имѣніе Аксаковыхъ въ Московской губерніи, на рѣкѣ Вори, недалеко отъ Сергіевскаго посада.

Изъ этого видно, что и тѣ посылки достигнутъ Москвы скоро. Но я сдѣлаю розыскъ на почтѣ и, можетъ быть, пришлю еще экземпляръ съ билетомъ, т. е. въ случаѣ безнадежности прихода оныхъ посылокъ въ Москву.

Объявленія отправлены въ Москву всѣ, сколько ихъ напечатано. Я виноватъ только въ томъ, что положился на опытность типографщика. Извините меня, ради Бога, передъ цензоромъ.

Не знаю, стоитъ ли печатать въ Москвѣ объявленія вновь. Я напечаталъ ихъ тѣмъ наборомъ, который былъ сдѣланъ для оглавленія при книгѣ. Впрочемъ, я всегда готовъ дѣйствовать по 15-му стиху 12-й главы Притчей Соломона, и потому дѣйствуйте, какъ заблагоразсудите.

Спросите у цензора, могу ли я въ заглавіи книги зачеркнуть слово: Этнографическія, такъ чтобы осталось только: Записки о Южной Руси. Это мнѣ нужно для того, чтобы въ будущихъ томахъ не стѣсняться подборомъ матеріаловъ. Можно ли такъ же написать слова: издалъ П. Кулишъ.

Объ этомъ потрудитесь меня увѣдомить немедленно: я до тѣхъ поръ не велю тискать перваго листа, на которомъ есть заглавіе: Записки о Южной Руси.

Рукопись Костомарова я отправилъ къ вамъ также лично.

Обнимаю васъ и Сергѣя Тимоѳеевича отъ всей души.

П. Кулишъ.

Былъ я въ почтамтѣ. Тамъ увѣрены, что посылки пришли въ Москву 8-го апрѣля и что только по разсѣянности выписывавшаго адресъ и доставляющаго объявленія онѣ залежались на почтѣ. Прилагаю росписку.

3-го мая 1856 г.

Дорожа репутаціею человѣка исправнаго, отвѣчаю на сообщенное вами, почтеннѣйшій другъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, практическое замѣчаніе Ив. В. Базунова, что, по полученіи съ почты выпускнаго билета, я не промедлилъ ни одного часа въ отправкѣ книгъ во всѣ мѣста, куда слѣдовало ихъ отправить.

Подробности моихъ дѣйствій и остановки, зависѣвшія никакъ не отъ меня, а отъ такихъ случаевъ, какъ, напримѣръ, майское гулянье [1]), исчислять было бы скучно. Предварительно доставить книги въ Москву я не могъ, потому что типографія не дала мнѣ безъ билета даже полъ-

[1]) Все набѣжало изъ города, какъ стадо козъ!

десятка экземпляровъ для васъ. Но, какъ бы то ни было, вѣрьте мнѣ, что я себѣ не врагъ, а сверхъ того надѣленъ отъ природы характеромъ, для котораго всякая медленность мучительна.

Очень обрадовали меня ваши распоряженія о записках ъ о Южной Руси, которыя печатаю съ наслажденіемъ—не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ, въ моихъ глазахъ, нѣтъ цѣны! Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это священное писаніе, и надѣюсь, что по внѣшнему исполненію мои записки будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что̀ совершенно справедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала нѣмецкимъ и англійскимъ изданіямъ и въ которой видно бы было серьезное изученіе предмета. Пріятно было бы взвалить этотъ трудъ на другія плеча, но таковыхъ покамѣстъ не обрѣтается, и я долженъ въ одно и то же время быть архитекторомъ и каменщикомъ. Впрочемъ, мнѣ болѣе или менѣе помогаютъ, и можетъ быть я подготовлю одного или двухъ пріятелей къ изданію дальнѣйшихъ томовъ «Записокъ о Южной Руси».

Да снидетъ огненный языкъ на главу цензора Безсомыкина и озаритъ ее познаніемъ того, что говорится въ «Чорной Радѣ!» Но позвольте спросить васъ: въ какой степени перо его можетъ для меня быть пагубно? О Крузе! твое имя Малороссія-поставитъ на-ряду съ именемъ Гуттенберга!..

«Русской Бесѣды» я еще не получилъ, узнавъ о возможноети полученія оной только вчера вечеромъ. Но вотъ кончу письма и тотчасъ отправлюсь за нею къ Базунову.

Изъ молчанія вашего о здоровьи Ольги Семеновны [1]) вижу, что безпокойство ваше миновало, а два новые отрывка подтверждаютъ мою догадку самымъ утѣшительнымъ образомъ.

Вашъ всею душою. П. Кулишъ.

Почтеннѣйшій другъ
Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Получили ли вы письмо мое, въ которомъ я пишу о подвигахъ Игнатьева? Князь Долгоруковъ, начальникъ III отдѣленія, сказалъ Игнатьеву нѣсколько словъ о Бѣлозерскомъ, по указанію котораго назначены въ 1-е отдѣленіе управы благочинія новые чиновники. Онъ называлъ Бѣлозерскаго славянистомъ, т. е. такимъ человѣкомъ, котораго

[1]) Жены С. Т. Аксакова.

слушаться вредно. На что Игнатьевъ отвѣчалъ, что онъ и зналъ его за славяниста и что если всѣ славянисты таковы, то слава Богу. Но дѣло въ томъ, что Долгоруковъ могъ узнать о внушеніяхъ Бѣлозерскаго и объ именахъ указанныхъ имъ людей только изъ моего письма къ вамъ. Одно письмо мое къ вамъ въ эту зиму, адресованное вскорѣ по моемъ возвращеніи изъ Малороссіи, пропало. Я впрочемъ доволенъ, что мои письма читаются, нечестно только перехватывать и уничтожать удовольствіе, которое пріятель желаетъ доставить пріятелю. Увѣдомьте меня пожалуйста, получили ли вы упомянутое письмо. Для вашего спокойствія скажу, что всѣ мои письма исполнены чистаго смысла, свойственнаго русскому гражданину, и что только невѣжество и низость души могутъ находить въ нихъ что-нибудь противное духу кроткаго монархическаго правленія, которымъ мы теперь наслаждаемся.

Всею душою вашъ П. Кулишъ.

1856, декабря 24, С.-Петербургъ.

4 декабря, 1856, С.-Петербургъ.

Почтеннѣйшій другъ
Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Я уже отвѣчалъ А. И. Кошелеву о томъ, что вы пишете отъ 1-го декабря, касательно «Чорной Рады». Наши взаимные интересы сами собой сходятся довольно близко, а если мое изданіе запоздаетъ отъ какой-нибудь причины, тогда они сойдутся совершенно. Но если бы Александръ Ивановичъ не согласился на такихъ условіяхъ печатать «Чорной Рады», тогда я сдѣлаю въ газетахъ объявленіе, что я оставляю за собой право перевести свою книгу на русскій языкъ, и каждому цензору пошлю по экземпляру этого объявленія. Я знаю, что отдѣльное изданіе «Чорной Рады» на русскомъ языкѣ черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіяне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: «Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радъ», или «На безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдьи и Ѳома дворянинъ». Бѣдняжки будутъ носиться съ «Чорною Радою», какъ чортъ съ писанною торбою, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ. А русскій народъ вы знаете: хоть онъ издавна привыкъ называть всѣхъ, кромѣ себя, глупыми; но остановитесь посреди улицы и начните смотрѣть въ одну сторону, вокругъ васъ соберется цѣлая толпа самаго смышленаго люду, и всѣ будутъ смотрѣть въ одну сторону. Слѣдовательно, я ничего не потеряю, не напечатавъ теперь «Чорной Рады» въ «Рус. Бесѣдѣ». Впрочемъ, я увѣренъ, что все у насъ съ Москвою пойдетъ ладно.

Во второмъ письмѣ моемъ по возвращеніи въ Петербургъ (вы получили третье) я писалъ къ вамъ о томъ, что непремѣнно пріѣду проститься съ вами передъ отъѣздомъ въ чужіе края. Вѣроятно, это все удобнѣе будетъ сдѣлать мнѣ по напечатаніи «Чорной Рады» и втораго тома «Записокъ о Южной Руси», который пріостановленъ для ускоренія ея изданія, но при всякомъ удобномъ случаѣ будетъ подвигаться къ концу и выйдетъ, можетъ быть, къ 1-му марта. О нотахъ не безпокойтесь: мы набрали 25 пѣсенъ, и онѣ уже гравируются. Будутъ и портреты пѣвцовъ малороссійскихъ.

Есть на свѣтѣ польская книга: «Opis Poviatu Wusyłovskiego, przez Rulikovskiego». Въ ней описаны по документамъ малороссійскіе паны Аксаки, жившіе въ XVI и началѣ XVII вѣка въ окрестностяхъ Кіева. Не предки ли это почтеннѣйшаго Степана Михайловича? Вѣдь въ тѣ времена было въ обычаѣ переселяться изъ Украйны королевства Польскаго въ Украйну государства Московскаго!

Всею душою вашъ П. Кулишъ.

Взглядъ русскаго на польскій журналъ: Слово (Słovo). Нѣсколько литературно образованныхъ поляковъ, собранные, волею судебъ, различными путями въ приморской столицѣ Русской имперіи, сознали необходимость новаго литературнаго органа, посредствомъ котораго можно бы было воздѣйствовать на развитіе польской народности въ направленіи, указываемомъ самою силою вещей. Въ центрѣ административной дѣятельности славянскаго сѣвера зоркіе умы могли опредѣлить себѣ это направленіе скорѣе, нежели въ центрѣ историческихъ воспоминаній Польши, или посреди чужихъ, не славянскихъ народовъ. Поляки, унесенные непреодолимыми обстоятельствами изъ родной среды своей въ общество, образованное иными историческими вліяніями, не перестали быть поляками по любви къ родному краю, но пріобрѣли преимущество передъ болѣе счастливыми своими земляками въ томъ отношеніи, что узнали русскій народъ во многоразличныхъ его образцахъ и составили себѣ опредѣленное понятіе о Русскомъ государствѣ. Живыя и мертвящія начала русской жизни сдѣлались имъ извѣстны не по газетамъ и пересказамъ заѣзжихъ: они узнали Русь тѣмъ самымъ способомъ, какимъ узнаемъ ее мы, воспитавшіеся опытами жизни у себя дома. Не могли они не полюбить насъ, по нашимъ лучшимъ представителямъ; не могли они не уразумѣть нашего стремленія къ свѣту и добру. Они собственными глазами увидѣли, что здѣсь происходитъ та же самая драма жизни, что и въ народѣ польскомъ; они убѣдились, что желать ей благопріятнаго развитія значитъ—желать и польскому народу лучшей будущности. Они, сойдясь, по естественному закону, въ образѣ мыслей

съ просвѣщенными русскими людьми, увеличили собою ихъ количество въ Россіи, такъ какъ человѣческіе интересы ихъ оказались тѣми же самыми, что и интересы мыслящихъ русскихъ людей. Все различіе между ними и нами осталось въ историческихъ воспоминаніяхъ и въ томъ, что разумѣется подъ именемъ народности, какъ результата бытовой исторіи. Если бы польскій и русскій языки были одно и то же, то наши журналы могли бы быть органами этихъ поляковъ, при дѣятельномъ ихъ сотрудничествѣ. Но, какъ языкъ есть также результатъ бытовой исторіи народа и при томъ самый существенный, самый близкій къ жизни каждой личности; то оказалась необходимость въ отдѣльномъ органѣ, который бы глубже проникалъ въ понятія и чувства польскихъ читателей. Этимъ органомъ явилось Słovo, газета и при ней, въ видѣ приложенія, журналъ, обнимающій всѣ современные интересы поляка, какъ члена своей родной націи, какъ члена Русской имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—великой семьи славянской. Къ участію въ «Словѣ» призваны всѣ польскіе писатели, но направленіе его будетъ зависѣть отъ людей, знающихъ не одну Польшу и способныхъ судить не по слухамъ обо всѣхъ явленіяхъ политическаго и общественнаго русскаго міра. Преимущество этого изданія передъ всѣми періодическими польскими изданіями—очевидно. Ничего лучшаго по задачѣ его, объясненной въ программахъ, и по характеру главныхъ его дѣятелей, невозможно желать ни полякамъ, желающимъ сблизиться съ нами путемъ просвѣщенія чрезъ посредство искушенныхъ жизнію земляковъ своихъ, ни намъ, которые желаемъ слышать слово о польскомъ мірѣ отъ людей, знающихъ нашъ русскій міръ. Здѣсь не можетъ быть той узости взгляда на Россію, которая неизбѣжна въ людяхъ, глядящихъ на нее издали. Здѣсь нельзя предположить тѣхъ односторонностей увлеченій своею народностью, которыя столь естественны въ журналистахъ, лишенныхъ возможности взвѣшивать относительную важность того или другаго явленія народной жизни въ его внутренней связи съ явленіями сосѣдняго родственнаго и вѣчно вліяющаго и вліяемаго міра. Повидимому, странно избрать полякамъ русскую столицу мѣстомъ для изданія журнала; но это именно та позиція, съ которой виднѣе, нежели откуда-либо, истинное положеніе польской націи въ политическомъ и моральномъ отношеніяхъ. Здѣсь слышно біеніе всѣхъ жизненныхъ артерій славянскихъ. Ошибочное, несообразное съ ходомъ современной политики увлеченіе одного или нѣсколькихъ литературныхъ авторитетовъ—здѣсь ощутительнѣе. Редакція имѣетъ полную возможность знать, какими идеями живутъ отдаленные литературные кружки поляковъ; но они, эти кружки, не имѣя здѣсь общаго для нихъ литературнаго органа, оставались бы въ невѣдѣніи о многомъ, что совершается въ обществѣ, представляющемъ собою болѣе или менѣе живую рѣчь всего русскаго

міра. Такимъ образомъ «Слово» заняло позицію очень важную, и отъ дѣятельности направляющихъ его людей будетъ зависѣть многое, какъ въ моральномъ развитіи польскаго народа, такъ и во взаимныхъ внутреннихъ отношеніяхъ польскаго и русскаго просвѣщеннаго общества. Но кромѣ этой общей черты его вліянія, представляется еще намъ частная, съ перваго взгляда не очень замѣтная, но, по нашему убѣжденію, достойная полнаго вниманія черта. Поляки разсѣяны по всей Россіи, не говоря уже объ остальномъ мірѣ. Получать газету и журналъ изъ Вильны, изъ Варшавы для нихъ пріятно, но не столь необходимо, какъ изъ столицы имперіи. Поэтому многіе изъ нихъ или выписываютъ польскія и русскія періодическія изданія, или даже отказываются отъ польскихъ и ограничиваются русскими, какъ болѣе близкими къ насущнымъ ихъ интересамъ. Такимъ образомъ они мало-по-малу отстаютъ отъ движенія родной народности, а будучи католиками и сохраняя употребленіе польскаго языка въ семейныхъ бесѣдахъ, не сродняются съ народностью русскою. Въ нихъ теряютъ, слѣдовательно, не одна Польша, но и все человѣчество, для котораго не то важно, сколько единицъ служатъ развитію одной и сколько другой народности, а то, какъ велико число единицъ, участвующихъ въ развитіи различныхъ народностей. «Слово», издаваясь въ Петербургѣ, и издаваясь людьми, чуждыми односторонности и исключительности, естественно заинтересуетъ множество лицъ, знающихъ польскій языкъ по семейному наслѣдству, но отрозненныхъ силою обстоятельствъ отъ участія въ общемъ дѣлѣ поляковъ посредствомъ духовнаго общенія съ ними. Эти люди, оставаясь, по своей нравственной инерціи, ни поляками, ни русскими, охладѣвая болѣе и болѣе къ интересамъ народности (идея, безъ которой не возможно ничто истинно великое въ человѣчествѣ), пробудятся подъ вліяніемъ «Слова» отъ онѣмѣнія самыхъ поэтическихъ чувствъ своихъ, сознаютъ себя членами великой польской семьи и увеличатъ собою не только число народа польскаго (это еще не столь важно), но и вообще число личностей, которыя знаменуютъ истинную жизнь огромныхъ разнообразныхъ семействъ человѣческихъ (что необъятно важно въ моральномъ развитіи человѣчества). И такъ вотъ причина, почему мы, русскіе люди, смотримъ съ восхищеніемъ на появленіе среди нашего общества иноязычнаго журнала, который будетъ развивать не наши, русскія, начала и долженъ имѣть стремленія, повидимому, противоположныя нашимъ національнымъ стремленіямъ. Враждебны между собой могутъ быть только политическія системы, но не народности. Успѣхъ какой бы то ни было народности въ развитіи человѣческихъ началъ, подъ своеобразными формами, есть успѣхъ всего мыслящаго человѣчества, слѣдовательно, достояніе каждой изъ народ-

ностей, составляющихъ великій, живущій огромными семьями народъ—человѣчество. П. Кулишъ.

1859, января 3. С.-Петербургъ.

Многоуважаемый
Иванъ Сергѣевичъ!

Намѣреніе знакомыхъ вамъ дамъ взять изъ нашего края къ себѣ на воспитаніе трехъ бѣдныхъ дѣвушекъ или сиротъ духовнаго званія заслуживаетъ полнаго сочувствія; полагаю, что это дѣло всего удобнѣе и скорѣе можно устроить при участіи здѣшнихъ священниковъ: Пеколко и Кургановича, которымъ я уже сообщилъ ваше предложеніе; они охотно взялись его исполнить, конечно, этимъ дѣломъ нужно поспѣшить, такъ чтобы отъѣздъ отсюда дѣвушекъ состоялся въ лѣтнее время. Когда будутъ пріисканы кандидатки, сообщу вамъ, а потомъ при надежномъ человѣкѣ съ Богомъ и въ дорогу.

Не далѣе какъ вчера получили мы изъ министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ на наше представленіе о братствѣ; по разсмотрѣніи проекта устава въ западномъ комитетѣ, послѣдовалъ отказъ; перепугало высокихъ мужей названіе: «братство», западный комитетъ предлагаетъ учредителямъ, буде они пожелаютъ, составить новый проектъ устава «Общества для распространенія образованія въ западномъ краѣ», примѣнительно къ высочайше утвержденнымъ правиламъ для церковныхъ братствъ; составимъ и такъ; надо же дойти до конца и убѣдиться, въ какую игру съ нами играютъ.

Есть у меня двѣ—три статейки, начатыя для Дня, но кончить нѣтъ времени: оффиціальной работы, несмотря на вакаціи, пропасть; иной разъ пишешь цѣлую ночь напролетъ; къ сожалѣнію, не могу, однако, сказать, чтобы отъ нашего письма было много проку... Присылаю вамъ двѣ русскія книжечки, изданныя въ Вильнѣ, и мою карточку, для которой прошу удѣлить мѣстечко въ вашемъ альбомѣ, а взамѣнъ позвольте попросить вашу. Очень радъ, что г. Крыловъ получилъ мѣсто мироваго; такихъ людей подавай намъ Богъ; по прежней своей службѣ онъ оставилъ у насъ прекрасную память.

Присылаю росписку священника Паньковскаго въ полученіи 100 экземпляровъ Новаго Завѣта для Дзенціольскаго (Дятловскаго) прихода; извините за позднюю доставку.

Глубоко и искренне уважающій васъ П. Кулишъ.

12-го іюля 1864 г. Вильна.

Съ новаго учебнаго года, въ нашихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ римско-католическій катихизисъ будетъ преподаваться по-русски, по литографированнымъ запискамъ, какъ въ корпусахъ.

С.-Петербургъ. 1858, ноября 28.

Если бы у насъ существовала свобода мнѣнія, повѣряемаго только просвѣщеннымъ обществомъ, то мы съ вами, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, не тратили бы времени на слово для одного читателя. Но возражать московской школѣ печатно нѣтъ возможности. Доказательствомъ собственно для меня служитъ моя статья противъ васъ, въ которой я доказываю, что андрусовскій миръ не былъ историческимъ правосудіемъ, что «охранительныя кондиціи» не были лишены народнаго историческаго значенія, что гражданское устройство старинной Малороссіи, «основанное на избирательномъ началѣ», не было вполнѣ ей чуждо, что оно-то именно и было противопоставлено нами враждебной польской администраціи, что строгая честность международной политики столь же обязательна для правительства на судѣ исторіи, какъ и для частныхъ лицъ въ повседневныхъ ихъ кондиціяхъ на судѣ общества и проч. и пр. Вы написали безпрепятственно, что вамъ было угодно о Малороссіи: неужели же вамъ не было извѣстно, что вы становитесь подъ знамя московскихъ царей Ивановъ, собирателей земли Русской, противъ котораго намъ не дозволено идти съ словомъ опроверженія? Вамъ ли освѣщать своимъ добровольнымъ судомъ тѣ мѣры, которыя принимаются относительно Малороссіи централизаторами? Если вы убѣждены въ пользѣ централизаціи, то позвольте же и намъ стремиться къ децентрализаціи, а зная, что противъ насъ оффиціальная власть, не оскорбляйтесь письменнымъ упрекомъ, который въ печати былъ бы подробнымъ трактатомъ. Послѣ вашего историческаго взгляда на нашу родину, оскорбившаго меня до глубины души, вы пишете свое имя въ дѣлѣ, вертящемся на розгахъ, защищая личность, уваженіе къ которой высказали даже тѣ, которые вооружились противъ ея голоса въ пользу варварства. Увѣряю васъ, что когда я увидѣлъ, не читая еще статьи, только ваше имя, то меня покоробило! и первая моя мысль была: «Парусъ!» какая рекомендація для губителя!» Я позабылъ въ это время о томъ, что вы не считаете нашей народности отдѣльной отъ сѣверно-русской: я подумалъ о «Парусѣ» только, какъ о вашемъ дѣлѣ. Потомъ уже, по прочтеніи статьи, мнѣ пришло на мысль: «Можетъ быть, князь Черкасскій и правъ относительно своего мужика, но то, что примется правительствомъ для сѣверно-русскихъ губерній, то будетъ распространено на Малороссійскія. Даже «Незабвенный» въ инструкціи о малороссійскихъ рекрутахъ постановилъ, чтобы на нихъ дѣйствовали убѣжденіемъ и стыдомъ, а не розгами, а князь Черкасскій, заботясь о благосостояніи своей родины, отступаетъ шагъ назадъ относительно нашей, и И. С.

Аксаковъ, защищая его личность, противъ которой не сказано было ни слова «Русскимъ Вѣстникомъ», и умалчивая о вопіющей винѣ его сіятельства, этимъ самымъ какъ бы подаетъ свой голосъ въ пользу розогъ!» Находившіяся мои статьи у васъ ничтожны, и польза отъ нихъ вашей газетѣ не могла бы быть; но мнѣ было горько думать, что онѣ напечатаются въ «Парусѣ». Считайте меня чѣмъ угодно, но не оставьте безъ вниманія мое чувство: оно болѣе или менѣе отразится и въ другихъ. Идея малороссійскаго журнала обязана вамъ внезапнымъ переходомъ въ дѣло. Хотя намъ и нельзя возражать противъ такихъ вещей, какъ андрусовское правосудіе, какъ оправдываемое вами нарушеніе кондиціи и т. д., но мы общимъ тономъ журнала защитимъ свой край отъ страннаго взгляда на него сѣверно-русскаго человѣка, а можетъ быть, явится случай сказать что-нибудь и выразительно. Мы не перестали и не перестанемъ считать себя русскими, но свое прошедшее, настоящее и будущее хотимъ обсудить съ своимъ толкомъ; слиться же въ одинъ языкъ съ московскимъ (въ обширномъ значеніи слова) не желаемъ, изъ уваженія къ ихъ разнохарактерности и изъ любви къ красотѣ и богатству родной поэзіи. Ни Петербургъ, ни космополитизмъ не по душѣ намъ: вы сдѣлали не тотъ выводъ изъ моихъ двухъ-трехъ словъ, какой, надѣюсь, сдѣлаете изъ нашего журнала, когда онъ будетъ существовать въ печати. Мнѣ могутъ не дозволить его годъ и два, но существовать онъ долженъ, и если мы, воспитавшись по навязаннымъ столицамъ, великорусскимъ учебникамъ, и пройдя длинную школу сѣверно-русскаго централизирующаго образованія, остались тѣмъ, чѣмъ вы насъ видите, то въ два года ни «Русская Бесѣда», ни «Парусъ» не переиначатъ нашихъ понятій и чувствъ. Да и если бы даже и того, кто съ вами споритъ, не было на свѣтѣ, то сила вещей и тогда возьметъ свое. Мое мнѣніе, взятое въ отдѣльности, значитъ весьма мало. Я твердо убѣжденъ, что со временемъ и камни въ Малороссіи возопіютъ противъ того, чего опровергать не даетъ покамѣстъ цензура. Въ заключеніе прошу васъ вѣрить, что если вы, по моему толку, заблуждаетесь насчетъ Малороссіи и Москвы, то я увѣренъ, что вы заблуждаетесь въ желаніи добра той и другой. Слѣдовательно, между нами есть только досада, не болѣе, по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Вы на своемъ знамени написали: «Русская Бесѣда» — Москва, а мы на своемъ въ смыслѣ литературномъ напишемъ народную пословицу: Шкода москаля дядькомъ звати!

Преданный вамъ П. Кулишъ.

P. S. Такъ какъ, вѣроятно, вы больше писать ко мнѣ не станете, разойдясь со мной въ дѣлѣ жизни, то чтобы не оставить у васъ въ душѣ горечи, пишу вамъ еще слова два.

Вы напрасно приняли мое письмо, какъ человѣкъ, и называете его неприличнымъ, чтобы не сказать болѣе. Я писалъ его къ И. С. Аксакову, извѣстному мнѣ изъ печати, писалъ къ представителю литературной партіи и никакъ не посягалъ на чисто человѣческое его достоинство, которому цѣну очень хорошо знаю. Вы въ вашемъ письмѣ наговорили разныхъ колкостей, но, если бы вы не были литературный дѣятель, вы бы не имѣли повода дѣлать предложенія, которыя я надѣюсь опровергнуть своими литературными дѣйствіями. Внѣ литературнаго несогласія, я остаюсь къ вамъ съ истиннымъ душевнымъ расположеніемъ, а вамъ относительно ко мнѣ какъ угодно. Но я надѣюсь, что и вы со временемъ взглянете на меня благосклоннѣе.

Еще замѣтка. Вы говорите, что «не называли въ своемъ объявленіи ни великоруссовъ, ни малоруссовъ, ни бѣлоруссовъ». Вотъ ваша оцѣнка малороссійской народности! Чѣмъ проявили себя бѣлоруссы, которыхъ вы ставите рядомъ съ нами? Польша ли, Москва ли претворитъ въ свою народность, отъ этого не будетъ ни убытка человѣчеству, ни пользы пріобрѣтателямъ. По претворивши насъ въ москалей (что́ невозможно), вы изгладили бы народность самобытную и богатую, которая развелась на свободѣ, много бы помогла и вашей народности; слиться же съ вашею она можетъ только вслѣдствіе совершеннаго упадка. Вотъ мы на чемъ стоимъ и вотъ почему намъ больно видѣть ваши стремленія обобщить обѣ Руси, пользуясь тѣмъ, что на вашей сторонѣ административная сила. Воля ваша, а это не по-русски— это по-московски.

Еще маленькая замѣточка. Я не о литераторахъ говорилъ, когда писалъ, что петербургскіе русскіе люди позволяютъ существовать нашей народности, а о тѣхъ, которые вызвались хлопотать о моемъ журналѣ изъ любви къ свободѣ мнѣнія. Съ литераторами я почти не вижусь и вовсе съ ними не въ компаніи. Мы и здѣсь, какъ и въ Москвѣ, поемъ свою пѣсню на землѣ чуждей.

К. С. Аксаковъ—князю В. А. Черкасскому.

Хотя я ко многому сталъ равнодушенъ, но не къ рѣшенію участи русскаго народа, которое совершается теперь въ Петербургѣ, и вотъ почему считаю я необходимымъ написать вамъ, князь, и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли. Когда дѣло идетъ о большемъ или меньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадьбы, я, во-первыхъ, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во-вторыхъ, это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души русскаго народа, до его жизненнаго об-

щиннаго начала, до міра, до сходки, то я, сколько-нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

Я прочелъ докладъ административнаго отдѣленія № 5 и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни русскаго народа преслѣдуетъ въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ государства. Когда разнеслась вѣсть объ эмансипаціи, я писалъ къ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу, такъ это помѣщикамъ: за нихъ можно было положительно радоваться и поздравить ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права; по что касается до крестьянъ, то здѣсь надежда на лучшее казалась мнѣ не вполнѣ вѣрною. Помѣщичья власть, въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣньяхъ чисто оброчныхъ, служила для крестьянъ вообще какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи наружнаго административнаго благоустройства. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ шла жизнь нашего народа при всей самобытности своихъ началъ, при отсутствіи той чуждой нашему народу опредѣленности, которая равняется ограниченности и уродуетъ живое, изнутриобразующее себя начало. Здѣсь-то (въ оброчныхъ имѣньяхъ Ярославской губерніи, напр.) является міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ-нибудь господиномъ, ничего не разумѣющимъ въ дѣлѣ русской жизни, міръ самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своемъ единогласіемъ и съ своей окончательной верховностью. Когда же эмансипаціей, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты и эти по мѣстамъ встрѣчающіяся крышки, подъ которыми спасалось начало русской жизни, русской общины (не Киселевской), я боялся, чтобы государственность учрежденій не легла всѣмъ гнетомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ вызваны были въ Петербургъ вы и Самаринъ. Вы засѣдаете въ административномъ отдѣленіи. Можно было думать, что русскій народъ въ васъ найдетъ хоть какую-нибудь защиту. Явился докладъ административнаго отдѣленія № 5 о сходахъ, подписанный вами, а вы еще, какъ слышно, въ Москвѣ на товарищей вашихъ имѣете вліяніе. Что же видимъ мы въ этомъ докладѣ?

Ни болѣе, ни менѣе, какъ нарушеніе всей сущности русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе своей самобытной общественной свободы русскаго народа и предоставленія ему на чужой образецъ составленнаго подобія гражданскихъ общественныхъ правъ. Самостоятельность, жизнь, принципъ,—все выкидывается вонъ, что же остается? Чисто механическое, совершенно безполезное существованіе уже не общества, а извѣстнаго множества людей.

Вы предоставляете себѣ опредѣлить: «когда міръ есть міръ».

Первый nonsens и первая дерзость противъ народа. Когда міръ признаетъ себя міромъ, тогда онъ и міръ. Другаго опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорите: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшить дѣло всего общества. Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобы нѣсколько человѣкъ не рѣшали за него дѣло. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаетъ и опредѣляетъ. Предоставьте что-нибудь человѣку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслитъ гораздо побольше васъ, членовъ благороднаго собранія съ правомъ голоса и шара на знаменитыхъ дворянскихъ выборахъ. Пожалуй, Перовскій дошелъ до того въ образцовыхъ селахъ, что даже разставилъ въ избѣ крестьянина всю его утварь, такъ что ведро дол но было стоять на этой, а ухватъ на той сторонѣ: за несоблюденіе благодѣтельнаго порядка—палка! Но далѣе; посягнувши на самостоятельность его рѣшенія, осмѣливаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни: именно единогласіе. Вы вводите большинство, ту дикую, матеріальную силу, которая большею частью изъ чувства рабскаго подобострастія передъ Европой не признается нами за такую—большинство, столь противное духу русской земли. Запустивъ руку прямо въ душу русскаго человѣка, вы идете еще далѣе. Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лицо—староста. Когда міръ собранъ, то первое лицо здѣсь одно: міръ, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Какой тутъ староста на міру. Міръ разошелся—староста опять явился. Хорошъ міръ, на которомъ есть начальникъ, или по крайней мѣрѣ первое лицо и распорядитель. Вы говорите: первое мѣсто на сходкахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. И такъ староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ. Широкое поприще открывается черезъ сохраненіе должнаго порядка. Мало-ли что можетъ показаться ему нарушеніемъ должнаго порядка. Міръ подъ предсѣдательствомъ, подъ руководствомъ старосты! Жалкій міръ! И даже въ случаѣ равенства голосовъ, на чьей половинѣ голосъ старосты, та и права. Что же это за міръ? Да такого рода міръ можно найти въ любомъ клубѣ, и въ англійскомъ, и въ дворянскомъ. И все это извращеніе міра, все это нравственно-общественное обезображеніе сдѣлается вѣдь насильственно. Не та же ли это все Петрова палка, за которую взялись, въ свою очередь, и вы?! Это гораздо похуже насильственнаго бритья бороды, къ которому былъ такъ пристрастенъ августѣйшій цирюльникъ отечества.

Такимъ образомъ, вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу русскую свободу, нашу общину, нашъ міръ,

обращая его въ какое-то жалкое подобіе дворянскихъ выборовъ. Я ужъ не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобы крестьяне въ нетрезвомъ видѣ на сходъ не допускались. Предоставьте самому міру: кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основанія, есть свой тысячелѣтній обычай. Онъ допуститъ и не допуститъ, кого хочетъ; инаго пьянаго онъ прогонитъ, а инаго пьянаго, который скажетъ дѣло, выслушаетъ. Какая надобность тутъ еще соваться? Не стоило бы, кажется, и говорить объ этомъ? Нѣтъ, элементъ полицейской благопристойности такъ силенъ, видно, въ администраторахъ, что они никакъ не могли при сей вѣрной оказіи не проявить его. Вы скажете: но какъ однако же узнать, что это рѣшилъ міръ, и что онъ именно такъ рѣшилъ? Спрашивается, кому нужно узнать? Если самому міру, такъ онъ всего короче это знаетъ; или лучше, ему и узнавать нечего: онъ ли рѣшилъ или нѣтъ и какъ рѣшилъ? а если правительству нужно узнать, по тѣмъ только дѣламъ, разумѣется, въ которыхъ съ правительствомъ соприкасается крестьянство (надо кого отдать въ рекруты), для этого довольно выборныхъ отъ крестьянъ, которые и завѣрятъ, что это рѣшеніе міра. Если же (чего быть не можетъ) кто бы нибудь изъ крестьянъ назвались выборными или сообщили бы небывалое рѣшеніе міра, то потомъ пришлось бы этимъ крестьянамъ сильно поплатиться передъ міромъ. Но это случай просто невѣроятный. Впрочемъ, для большаго удостовѣренія, или для того, чтобы имѣть у себя документъ, правительство можетъ получать грамоту отъ міра за руками; вотъ все, чего можетъ оно хотѣть, но не болѣе. Это дѣлалось и въ старину; въ такихъ грамотахъ встрѣчается и формула: «во всѣхъ крестьянъ мѣсто, по ихъ велѣнью, такой-то руку приложилъ». Грамоты за руками встрѣчаются въ древней Руси во многихъ случаяхъ; напр. при выборахъ въ цѣловальники, въ старосты и въ цари. Да и чего вы боитесь? Что кто-нибудь прикинется міромъ? Успокойтесь. Давно стоитъ міръ; у насъ бывали самозванцы-цари, а самозванца-міра не бывало.

Когда оставляетъ васъ духъ русскаго народа, тогда васъ оставляетъ и языкъ его. Что за смыслъ въ выраженіяхъ: мірской сходъ, волостной сходъ? Почему міръ есть только сельское явленіе? Хотѣли ли вы сказать, что въ волости собирается на міръ? Нѣтъ изъ вашихъ словъ видно, что вы этого сказать не хотѣли. Какая путаница происходитъ при такомъ употребленіи словъ! Вдругъ міръ будетъ только въ селѣ, а въ волости міра не будетъ. Ужъ Божій міръ значитъ только село? Ужъ говорили бы вы: «сельскій сходъ», «волостной сходъ». По понятіямъ русскаго духа и языка (sic) міръ можетъ быть и вся Русь, міръ можетъ быть и губернія, и волость, и деревня. Міръ есть собраніе народное большей или меньшей мѣстности. Міръ

есть народъ, какъ мыслящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Ал. Мих., въѣзжая въ Москву, весь міръ спрашивалъ о здоровьѣ. Говоря о совѣщаніи всенародномъ, бывшемъ о царѣ Василіи, Гермогенъ выражается: «весь міръ», а по-вашему не такъ, по-вашему это былъ не «міръ», а «городской сходъ».

Больно и отвратительно было мнѣ читать въ 5 № доклада административной коммиссіи. И добро бы это были все петербуржцы или западники, а то тутъ вы! Я думалъ, что вы русскій, и что вамъ сколько-нибудь близокъ русскій народъ. Къ чему было все дѣло наше, все изученіе русскихъ началъ, быта древней Руси, крестьянскаго устройства? Неужели плодъ всего этого—нѣсколько пустыхъ фразъ о самоуправленіи общественномъ, о возможно большемъ устраненіи вліянія администраціи на мірскія дѣла—пустыхъ фразъ, повторяю, ибо тамъ же дѣлается совсѣмъ другое. Вы подняли руку на народъ: злое дѣло! Худое дѣло! Вы посягнули на душу народа,—это ужъ настоящее душегубство! Остается утѣшаться тѣмъ, что не всегда же будетъ русская исторія сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душегубство надъ русскимъ народомъ—на дѣлѣ не удастся. Васъ не смутитъ мое письмо — что васъ смутитъ! Но задумайтесь хоть на одну минуту. Припомните: жиды, распиная Христа, не смущались тѣмъ, что ихъ ожидаетъ, и, конечно, не думали, что станутъ живымъ позоромъ между людьми, и имя ихъ обратится въ брань. Вы распинаете теперь русскій народъ и не думаете, конечно, что имена ваши станутъ браннымъ словомъ и что поношеніе ляжетъ на память вашу.

Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письмо вашимъ товарищамъ и кому угодно.

К. Аксаковъ.

Сообщилъ **В. И. Шенрокъ.**

Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ.

Его первое знакомство съ депутатами втораго призыва редакц. коммиссіи по крестьянскому дѣлу.

Въ статьѣ «Графъ В. Н. Панинъ, министръ юстиціи» («Русск. Стар.» изд. 1887 г. кн. XI и XII), г. Колмаковъ, касаясь дѣятельности графа Панина, какъ предсѣдателя редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, старается опровергнуть мнѣніе о томъ, что графъ былъ противникомъ крестьянскаго дѣла до назначенія его предсѣдателемъ редакціонной коммиссіи и въ доказательство вѣрности своего взгляда приводитъ слово его, сказанное членамъ редакціонной коммиссіи 21-го февраля 1860 г. (кн. XI, стр. 305—306). Мы нашли въ бумагахъ графа Дмитрія Николаевича Толстаго подробный разсказъ о первомъ знакомствѣ графа Панина съ депутатами втораго призыва редакціонной коммиссіи съ дословнымъ воспроизведеніемъ и той рѣчи, на которую ссылается г. Колмаковъ и которую приводитъ въ сжатомъ видѣ и съ пропусками. Въ виду великаго историческаго значенія крестьянской реформы, въ особенности важно для правдиваго сужденія какъ о ходѣ дѣла, такъ и о характерѣ дѣятелей, сохранить точныя свѣдѣнія о томъ и другомъ; и мы сообщаемъ найденный нами разсказъ, писанный со словъ очевидца. Вотъ этотъ разсказъ.

Графъ Панинъ выразилъ желаніе познакомиться съ депутатами втораго призыва, которыхъ просилъ прибыть запросто, во фракахъ, 22 (sic) февраля [1]) въ $12^1/_2$ часовъ въ домъ министерства юстиціи. Почти всѣ

---

[1]) Мы не имѣли возможности точно установить, когда былъ пріемъ у гр. Панина: 21-го или 22-го февраля. Ред.

депутаты собрались за исключеніемъ немногихъ, которые по недоразумѣнію явились въ собственный домъ графа Панина.

Предъ появленіемъ графа Панина министерскій чиновникъ въ аванзалѣ переписалъ имена, чины, фамиліи, губерніи депутатовъ, пригласилъ ихъ въ пріемную залу, куда вышелъ вскорѣ и самъ графъ, при чемъ произнесъ:

«Господа! Слова государя императора глубоко должны быть врѣзаны въ памяти каждаго изъ васъ; мнѣ остается повторить ихъ и добавить, въ качествѣ предсѣдателя редакціонной коммиссіи, что прямая наша обязанность—трудиться для столь важнаго дѣла единодушно и какъ бы семейно, предположивъ себѣ въ немъ главную цѣль, выраженную государемъ императоромъ, благо Россіи. При этомъ считаю долгомъ обратить вниманіе ваше и на то, что всѣ дѣйствія и труды, какъ я сказалъ, по нашему семейному дѣлу должны оставаться между нами, безъ разглашенія, въ особенности не слѣдуетъ ничего сообщать за границу. Равно полезнымъ для дѣла считаю необходимымъ указать и на то, что, по убѣжденію моему, въ предлежащемъ вопросѣ значительно вредили съ одной стороны неосновательныя опасенія дворянства, съ другой ожиданія несбыточныя крестьянъ; того и другаго мы должны сколь возможно устраняться. Депутаты перваго призыва увлеклись своими взглядами на вопросъ и нерѣдко укоряли редакціонную коммиссію опрометчиво и неосновательно; по моему мнѣнію, вовсе не слѣдуетъ впадать въ тѣ же самыя ошибки и, не придерживаясь прошедшаго, заняться токмо настоящимъ въ нашемъ дѣлѣ, сохраняя сколько возможно ваши собственныя убѣжденія.

«По моимъ обширнымъ занятіямъ, я не могъ внимательно слѣдить за дѣйствіями редакціонной коммиссіи; въ настоящее время, какъ предсѣдатель, я исключительно посвящаю себя на всемѣрное изученіе трудовъ ея. Повторяю, намъ прошедшее не нужно для дѣла, мы должны заняться пристально настоящимъ и, какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: озаботиться обезпеченіемъ быта крестьянъ нашихъ, не упуская изъ виду, что за нихъ между нами представителей нѣтъ и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не должны мы забывать, что богатымъ людямъ, какъ я, напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ; но что наша обязанность озаботиться положеніемъ неимущихъ дворянъ и оградить ихъ интересы.

«Инструкція 11-го августа положительно опредѣляетъ обязанности ваши въ предлежащихъ работахъ, надѣюсь, что вы согласно съ ней выполните добросовѣстно все, на васъ возложенное.

«Кому нужно будетъ меня видѣть, двери мои открыты; но въ настоящее время я принимать васъ не могу по причинамъ, которыя сей-

часъ же выражу. У каждаго изъ васъ могутъ быть убѣжденія не всегда согласныя съ моими; слѣдовательно, въ такихъ столкновеніяхъ различныхъ взглядовъ на вещи утратилось бы только много времени безъ всякой пользы. Сверхъ того со стороны полагать бы могли, что я раздѣлилъ бы одно изъ таковыхъ убѣжденій или мнѣній и что нахожусь подъ исключительнымъ его вліяніемъ.

«Остается мнѣ въ видѣ предостереженія сообщить вамъ еще слѣдующее. Извѣстно мнѣ, что многіе изъ васъ бываютъ у графа Шувалова, у котораго передъ выборами собираются петербургскіе дворяне и множество постороннихъ лицъ; они могутъ имѣть въ предметѣ составленіе различныхъ предположеній не согласныхъ съ началами, по которымъ мы работаемъ. Петербургскій комитетъ свои занятія давно окончилъ, депутаты ихъ свою обязанность касательно проектовъ, представленныхъ въ редакціонную коммиссію, тоже окончили, а потому всякое ваше вмѣшательство въ предположенія петербургскаго дворянства было бы совершенно безполезно и замедлитъ только ходъ вашихъ собственныхъ занятій. Вообще совѣтовалъ бы держаться своихъ убѣжденій, не увлекаясь сторонними внушеніями. Я кончилъ.

«Не имѣете ли вы что сказать, господа»?

Нѣкоторые изъ депутатовъ предложили вопросъ о срокахъ подачи отвѣтовъ, такъ какъ дополнительные доклады хозяйственнаго отдѣленія, какъ самые важные, еще не доставлены и о томъ, что графъ не упомянулъ объ особыхъ мнѣніяхъ и замѣчаніяхъ, которыя государю императору благоугодно было дозволить депутатамъ представлять, то какимъ путемъ представлять ихъ?

Графъ объявилъ, что доклады хозяйственнаго отдѣленія будутъ вскорѣ доставлены, что, судя по своей привычкѣ работать, онъ считаетъ достаточнымъ двухнедѣльный срокъ; касательно же соображеній и особыхъ мнѣній, дозволенныхъ его величествомъ, замѣтилъ: «каждому изъ насъ должно быть извѣстно, что слова государя императора не подлежатъ никакимъ комментаріямъ; но я говорю о дѣлѣ, добавилъ онъ, его слѣдуетъ вести логично, т. е. согласно инструкціи 11-го августа, и дѣйствовать по точному смыслу, въ ней выраженному».

Такъ заключилось знакомство депутатовъ съ предсѣдателемъ.

Сообщилъ **Ст. Звѣревъ.**

Два письма А. И. Тургенева А. Н. Голицыну.

1.

23-го декабря 1831. Москва.

Прослуживъ болѣе 14 лѣтъ подъ начальствомъ вашего сіятельства и не зная нынѣ, къ кому я долженъ обратиться въ затруднительномъ моемъ положеніи, прибѣгаю къ вамъ. Обстоятельства, коихъ я не могъ предвидѣть, удержали меня въ Москвѣ болѣе, нежели я полагалъ пробыть здѣсь. Вслѣдствіе моего непріятнаго положенія, я едва не лишился всего моего имѣнія; но я не жаловался и не жалуюсь.

Между тѣмъ положеніе мое становится несноснымъ. Я рѣшился, не кончивъ дѣлъ моихъ, ѣхать отсюда опять въ чужіе края, для устройства находящагося тамъ моего капитала. Отпускъ мой безсрочный. Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, объявилъ мнѣ, что ничто не мѣшаетъ мнѣ ѣхать, куда мнѣ угодно; но я не знаю, обязанъ ли я просить о продолженіи отпуска или могу, съ паспортомъ здѣшняго военнаго генералъ-губернатора, отправиться, на прежнемъ основаніи, за границу, не утруждая снова никого о семъ просьбою.

Могила одного изъ братьевъ моихъ—въ Парижѣ, откуда я выѣхалъ, по полученіи приказанія русскимъ не оставаться во Франціи, оставивъ вещи и бумаги мои у банкира моего. Если запрещеніе русскимъ жить во Франціи еще существуетъ, то я свято буду теперь, какъ и прежде, сообразоваться съ онымъ; но осмѣливаюсь представить вашему сіятельству, что какъ устройство дѣлъ моихъ, такъ и спокойствіе духа за послѣднюю судьбу оставшагося моего брата требуютъ моего присутствія въ Парижѣ, и позволеніе на сіе принялъ бы я какъ благо-

дѣяніе. Но—повторяю—нога моя не ступитъ на французскую землю, если не получу на сіе высочайшаго разрѣшенія [1]).

Какъ бы ни рѣшилась участь моя,—вездѣ сохраню вѣрную преданность государю и уставамъ его; вѣрную, святую любовь къ отечеству,—все еще не теряя надежды, что невинность, совершенная невинность моя,—успокоитъ наконецъ мою душу, терзаемую шестилѣтними, неизъяснимыми страданіями за себя и за другихъ.

Проведя съ вами 14 лѣтъ подъ одною кровлею и не скрывая поступковъ моихъ ни по службѣ, ни въ частной жизни, я конечно могъ быть замѣченъ и вами и другими въ неосновательности сужденій или въ ошибкахъ, слабому, человѣческому уму свойственныхъ; но я служилъ болѣе 25 лѣтъ дѣятельно и честно; былъ не разъ жертвою клеветы; но окончательно награжденъ покойнымъ государемъ императоромъ,—награжденъ, когда уже былъ за границею.

Приведите, милостивый государь, на память мою жизнь подъ вашимъ начальствомъ и дайте мнѣ свидѣтельство по сердцу вашему и по правдѣ, которую видитъ Богъ. Мнѣ необходимо успокоеніе отъ прежнихъ тревогъ и отъ здѣшнихъ новыхъ огорченій всякаго рода.

По силамъ моимъ я старался не терять времени и въ чужихъ краяхъ: осматривалъ, замѣчалъ, собиралъ, описывалъ многое общеполезное. Когда страшная для Россіи година наступила и холера въ ней начала свирѣпствовать,—я не оставался въ праздности. По совѣщаніи съ медиками въ Парижѣ и Лондонѣ я выслалъ ихъ мнѣнія и все, что только могъ найти въ публичныхъ и частныхъ библіотекахъ, г. министру внутреннихъ дѣлъ въ Казань, Москву и, наконецъ, въ Петербургъ. Я бы не упоминалъ о семъ, если бы, къ несчастію, не видѣлъ себя въ необходимости обращать вниманіе другихъ на прошедшую жизнь мою, для спокойствія настоящей. Я даже и теперь всею душою готовъ не быть безполезнымъ и внѣ Россіи службѣ государя и почту себя счастливымъ, если меня удостоятъ употребить тамъ на дѣло, смотря по способностямъ моимъ.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть и проч.

На этомъ письмѣ рукою князя Александра Николаевича Голицына написано: «Доведено до свѣдѣнія государя императора 16-го генваря 1832. Его величество дозволилъ господину Тургеневу ко мнѣ сообщать новыя установленія по части просвѣщенія и благотворительныхъ заве-

[1]) При этомъ письмѣ приложена записка А. Бенкендорфа слѣдующаго содержанія: „Я спрашивалъ у его величества позволеніе Тургеневу воспользоваться еще его отпускомъ, чтобы ѣхать за границу. Его величество позволяетъ ему выѣхать изъ Россіи, но не желаетъ, чтобы онъ жилъ во Франціи (Записка на французскомъ языкѣ, безъ числа).

деній съ тѣмъ, чтобы я уже препровождалъ оныя къ министрамъ на разсмотрѣніе, до кого касаться будетъ, о чемъ я своеручно и увѣдомилъ г. Тургенева».

2.

6-го февраля 1832. Москва.

Я имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства отъ 31-го генваря, въ коемъ вамъ угодно было сообщить мнѣ высочайшее соизволеніе на отъѣздъ мой за границу и согласіе его императорскаго величества на доставленіе мною свѣдѣній по министерствамъ просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и по благотворительной части. Пріемля съ глубочайшею признательностію позволеніе посвятить таковой дѣятельности труды мои, я буду строго сообразоваться съ предписаніемъ вашего сіятельства, въ письмѣ вашемъ изъясненнымъ.

Главною мыслію всей моей заграничной жизни будетъ заслужить довѣренность правительства, а вмѣстѣ съ симъ оправдать и ваше предстательство у государя императора.

Письма Д. П. Трощинскаго къ А. Л. Николаи [1].

1.

29-го января 1802 г.

По предъидущимъ отношеніямъ моимъ вашему превосходительству извѣстенъ уже россійскій путешественникъ г. Лебедевъ, представившій къ изданію собранныя имъ сочиненія, до восточныхъ индійскихъ письменъ и хронологіи принадлежащія. Государь императоръ, пожаловавъ ему на напечатаніе ихъ подъ собственнымъ его смотрѣніемъ 10.000 рублей изъ Кабинета, высочайше предназначить ему соизволилъ званіе профессора восточныхъ языковъ при С.-Петербургской Академіи наукъ съ жалованіемъ по 1.800 рублей изъ почтовыхъ доходовъ. Я счелъ нужнымъ, предваривъ о семъ ваше превосходительство, просить васъ увѣдомить меня, можетъ ли Академія по правиламъ ея исполнить отъ себя сіе высочайшее предназначеніе и облечь г. Лебедева въ семъ званіи, или потребно ей къ тому имѣть особенный высочайшій указъ. Въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

2.

12-го февраля 1802 г.

Находя, что изобрѣтенія и открытія въ разныхъ частяхъ ремеслъ, художествъ и земледѣлія разными учеными обществами и лицами, на иностранныхъ языкахъ издаваемыя, для россіянъ, кои могли бы обратить ихъ по хозяйству своему и мануфактурамъ въ употребленіе, оста-

[1] Баронъ Андрей Львовичъ Николаи былъ въ то время президентомъ Академіи наукъ.

ются по большей части неизвѣстными,—его императорское величество желаетъ, чтобы описаніе таковыхъ открытій въ Академіи наукъ изъ иностранныхъ журналовъ и сочиненій были извлекаемы и по переводѣ ихъ на россійскій языкъ издаваемы при публичныхъ вѣдомостяхъ, наблюдая, чтобы стиль ихъ и образъ изложенія былъ сколько можно простъ и приспособленъ къ практическому употребленію. При чемъ воля его императорскаго величества есть, чтобы извѣстія сіи прежде напечатанія ихъ читаны были и одобряемы въ общемъ академическомъ собраніи и представляемы на высочайшее государя императора утвержденіе.

Сообщая вашему превосходительству сію высочайшую волю къ надлежащему исполненію, честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

3

21-го февраля 1802 г.

При представленіи государю императору отзыва вашего превосходительства на письмо мое отъ 12-го сего мѣсяца его императорское величество соизволилъ изъявить волю свою, чтобы въ изданіи при вѣдомостяхъ любопытныхъ извѣстій Академія не ограничивала себя одними ремеслами, художествами и земледѣліемъ, но помѣщала бы въ нихъ краткія понятія о всѣхъ новыхъ открытіяхъ въ разныхъ частяхъ наукъ, а особливо къ познанію природы относящіяся и могущія служить къ возбужденію общей дѣятельности, испытаній и вкуса къ просвѣщенію.

Сообщая вашему превосходительству сію высочайшую волю, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

4.

23-го марта 1802 г.

Я имѣлъ счастіе представлять его императорскому величеству доставленныя отъ вашего превосходительства статьи любопытныхъ извѣстій, изготовленныя гг. академиками для напечатанія въ вѣдомостяхъ. Государь императоръ нашелъ ихъ всѣ соотвѣтствующими цѣли и, утверждая предположеніе вашего превосходительства, чтобъ прилагать оныя при вѣдомостяхъ въ видѣ прибавленій, соизволилъ только замѣтить, что количество ихъ вначалѣ должно быть умѣренно, дабы, завлекая любопытство народное, мало-по-малу пріучить его вниманіе, и по мѣрѣ сей привычки можно будетъ дать симъ статьямъ и большее пространство.

Въ семъ разсужденіи его императорское величество соизволилъ, что статья о ночникахъ, яко наименѣе ощутительная какъ для пользы, такъ и для любопытства, отложена была до другаго времени. Въ прочемъ его императорское величество предполагаетъ, что и на будущее время статьи сіи по мѣрѣ ихъ изготовленія вносимы будутъ на высочайшее утвержденіе прежде ихъ изданія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

Сообщ. **Д. И. Успенскій.**

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ [1]).

Num. 75.

Ce Lundi, 20 Sept(embre) 1815.

J'espère, mes bons et chers amis, que vous aurez doublé vos prières aujourd'hui pour votre bon et respectable père: à cette occasion vous aurez pensé à moi; quant à mon souvenir il est constamment occupé de vous, et vous n'avez pas d'idée combien votre absence m'est cruelle et pénible, surtout ici, où je vous voyais encore davantage et à toutes les heures du jour. J'avoue bonnement qu'il faut que je me travaille pour vaincre ma peine: marquez-moi donc au nom du Ciel, vers quel temps il m'est permis d'espérer vous voir; mon espérance faiblit parfois et me fait craindre de devoir retarder l'époque au-delà du 14 Oct(obre): cela me ferait grande peine, je l'avoue, car finalement aucun but militaire essentiel n'oblige votre absence, et certainement il vaudrait mieux être en place et employer sérieusement et solidement le peu de temps qu'il vous reste encore à donner aux études; ces derniers instants sont si importants que chaque jour est une perte conséquente pour vous, mes bons amis; ainsi tout se réunit à me faire désirer vivement votre retour. Veuille

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1904 г., ноябрь.

l'Être Suprême combler mes voeux et vous ramener chez nous. Notre temps est superbe; il a fait si beau cette après-dînée que j'ai fait une promenade en calèche avec Annette; nous avons philosophé; elle a commencé aujourd'hui sa première leçon hollandaise, mais n'en parlez pas, mes amis, à personne, je veux en faire une surprise générale. Son maître ressemble à lord Walpole. Voilà la seule nouveauté à vous mander, mes bons amis. Ayant été en retraite aujourd'hui, je n'ai vu personne et ne sais rien d'intéressant. Bonsoir, mes bons amis, dormez bien, je vous embrasse tendrement.

Ce 21 Sept(embre).

Chers enfants, je vous donnerai une nouvelle bien fâcheuse de l'incendie de la ville de Casan, qui a mis en cendre les deux tiers de cette ville; la flamme s'est étendue à deux werstes et a embrasé la cathédrale, la forteresse, plusieurs couvents, églises paroissiales, établissements de charité, gymnases, magasins, écoles, moulins et ponts, de même que les boutiques. La perte doit être très grande et des milliers sont sans feu ni lieu, et cela au moment où l'hiver va venir: il y a de quoi en pleurer de peine et d'inquiétude pour ces pauvres malheureux. J'en suis d'autant plus peinée, que vous vous rappelez, chers enfants, avec quel zèle et empressement la ville de Casan a reçu tous les établissements de Moscou qui y ont cherché asyle. J'ai proposé au prince Galitzin du Synode d'ouvrir une quête à laquelle je contribuerai par un don de dix mille roubles, Annette en donne trois et je vous propose, mes bons amis, d'y verser chacun de vous quatre mille roubles et de m'autoriser à les prendre de vos fonds pour cet effet pour les remettre en votre nom au prince Galitzin. Répondez-moi d'abord sur cet article; quoique vous m'en eussiez donné l'autorisation, je n'ai pas voulu le faire sans vous le demander, mes amis, pour pouvoir dire avec vérité que vous m'en avez chargée. Ce malheur est inconcevable, car la flamme s'est montrée à différentes parties de la ville à la fois: on soupçonne des incendiaires et on dit avoir arrêté plusieurs êtres qui paraissent suspects, mais gardez ceci pour vous seuls. Notre temps est superbe et j'en profite tant que je puis. Adieu, mes bons amis. Dites à Costi Benckendorf que son père est chez moi.

Ce 22 Sept(embre), Mercredi.

La journée a encore été magnifique et j'ai montré mes belles fleurs au comte Tolstoi. D'où vient que vous ne m'envoyez plus de lettres de

son fils? Gatschina est superbe, il ne m'a jamais paru plus beau: n'oubliez pas les semences de fleurs, mes bons amis, et faites plaisir à maman en lui donnant le moyen d'embellir son jardin. Adieu, mes bons amis; mes compliments au général, à vos messieurs et à mes connaissances militaires. Je vous embrasse de tout, tout mon cœur et vous donne mille bénédictions. Je sais par les gazettes que vous êtes revenus à Paris le 2 (14) Sept(embre): ainsi les gazettes me donnent des nouvelles de vous de 15 jours de plus fraîche date que les dernières lettres de l'empereur qui sont du 19 Août. Adieu, chers enfants, je vous aime bien tendrement.

Marie.

Понедѣльникъ, 20-го сентября 1815 г.

(Переводъ). Надѣюсь, добрые, дорогіе друзья мои, что вы удвоили сегодня ваши молитвы за вашего добраго и достойнаго отца; по этому случаю вы, вѣроятно, вспомнили и обо мнѣ; что касается меня, то мои мысли всегда заняты вами; вы не можете себѣ представить, какъ ваше отсутствіе для меня мучительно и тягостно; въ особенности здѣсь, гдѣ я видѣла васъ чаще и во всякое время дня. Признаюсь откровенно, мнѣ приходится постоянно работать надъ собой, чтобъ побѣдить мою грусть; напишите же мнѣ, ради Бога, когда я могу разсчитывать увидѣться съ вами; иной разъ я теряю на это надежду и начинаю бояться, что вы пріѣдете позже 14-го октября; признаюсь вамъ, это чрезвычайно огорчило бы меня, такъ какъ въ концѣ концовъ ваше отсутствіе не оправдывается никакой серьезной военной цѣлью, и, разумѣется, вамъ было бы лучше быть на мѣстѣ и употребить на серьезныя и основательныя занятія то время, которое вы можете еще посвятить наукѣ, его остается уже немного; эти послѣднія минуты такъ важны, что каждый день составляетъ для васъ важную потерю, добрые друзья мои; поэтому все заставляетъ меня горячо желать вашего возвращенія. Если бы Господь исполнилъ мое желаніе и вы вернулись къ намъ. Погода стоитъ у насъ великолѣпная; сегодня послѣ обѣда было такъ прекрасно, что я каталась въ коляскѣ съ Аннетой, и мы философствовали. Она взяла сегодня первый урокъ голландскаго языка, но не говорите объ этомъ никому, друзья мои: я хочу, чтобъ это былъ для всѣхъ сюрпризъ. Ея учитель похожъ на лорда Вальполя.

Вотъ единственная новость, которую я могу вамъ сообщить, мои добрые друзья. Такъ какъ я проводила сегодняшній день одна, то я никого не видѣла и не знаю ничего интереснаго. Прощайте, добрые друзья мои, спите спокойно, нѣжно обнимаю васъ.

21-го сентября.

Дорогія дѣти, сообщу вамъ очень прискорбныя извѣстія о пожарѣ, бывшемъ въ Казани, который испепелилъ двѣ трети города; пламя распространилось на двѣ версты и охватило соборъ, крѣпость, нѣсколько монастырей, приходскихъ церквей, богоугодныхъ заведеній, гимназій, магазиновъ, школъ, мельницъ и мостовъ, а также много лавокъ. Убытки, причиненные имъ, должны быть огромны; тысяча людей осталась безъ крова, а теперь какъ разъ наступаетъ зима; есть о чемъ горевать и безпокоиться объ этихъ несчастныхъ. Я тѣмъ болѣе огорчена этимъ, что вы навѣрное помните, дорогія дѣти, какъ охотно Казань приняла всѣ учебныя заведенія Москвы, которыя искали въ ней убѣжища. Я предложила князю Голицыну синодскому произвести сборъ, при чемъ я дамъ отъ себя десять тысячъ рублей, Аннета даетъ три тысячи, и я предлагаю вамъ, добрые друзья мои, чтобы каждый изъ васъ далъ по четыре тысячи и чтобъ вы уполномочили меня взять ихъ изъ вашихъ фондовъ, предназначенныхъ для этой цѣли, для передачи князю Голицыну отъ вашего имени. Отвѣтьте мнѣ поскорѣе относительно этого; хотя вы мнѣ и разрѣшили тратить эти деньги, но я не хотѣла дѣлать этого, не спросясь васъ, друзья мои, чтобы имѣть полное право сказать, что я дѣлаю это по вашему порученію. Это событіе необъяснимое, такъ какъ пламя появилось одновременно въ разныхъ частяхъ города; подозрѣваютъ поджогъ; говорятъ, будто арестовано нѣсколько подозрительныхъ личностей; но не говорите объ этомъ никому. Погода стоитъ у насъ великолѣпная, и я пользуюсь ею по мѣрѣ возможности. Прощайте, добрые друзья мои; передайте Костѣ Бенкендорфу, что его отецъ у меня.

Среда, 22-го сентября.

Сегодня была опять великолѣпная погода, и я показывала мои прелестные цвѣты графу Толстому. Почему вы мнѣ не присылаете болѣе писемъ отъ его сына? Гатчина прелестна, я никогда не находила ея столь прекрасною; не забудьте о цвѣточныхъ сѣменахъ, добрые друзья мои, и доставьте удовольствіе вашей мамашѣ, давъ ей возможность украсить свой садъ. Прощайте, добрые друзья мои; поклонъ генералу, вашимъ кавалерамъ и моимъ знакомымъ военнымъ. Обнимаю васъ отъ всего, отъ всего сердца и посылаю вамъ тысячу благословеній. Я знаю изъ газетъ, что вы возвратились въ Парижъ 2-го (14-го) сентября, слѣдовательно, газеты сообщаютъ мнѣ болѣе новыя извѣстія о васъ недѣли на двѣ сравнительно съ письмомъ императора, которое помѣчено 19-мъ августа Прощайте, дорогія дѣти, нѣжно цѣлую васъ.

Num. 76.

Ce 23 Sept(embre), Jeudi, 1815.

Encore pas de courrier, mes bons amis. Savez-vous que c'est désolant; nous voici de nouveau un mois et 4 jours sans vos nouvelles et la pauvre maman cependant écrit toujours, mais ne reçoit pas de réponse. Enfin, s'il plaît à Dieu, vous arriverez un jour et alors votre présence me dédommagera de toutes mes privations. Notre journée a été superbe encore, mais il a gelé fortement cette nuit, nous avons eu deux degrés et demi de froid, et au moment que je vous écris le thermomètre marque de nouveau deux degrés de froid, mais au milieu de la journée il a fait superbe, le soleil étant ardent, aussi j'ai fait une grande promenade à pied. Nous avons eu à dîner le comte Kotschoubei. Madame Zagrewski va mieux et sa jambe permettra qu'on la transporte en ville dans huit ou dix jours; elle avait fait une simple chûte dans la chambre qui avait apparemment lésé un nerf et lui avait ôté le mouvement libre de la jambe, cependant il n'y avait ni enflure ni rougeur, mais elle éprouvait des douleurs terribles, présentement elle est mieux. J'ai perdu un bien ancien et bon serviteur à Gatschina, le bon vieux Panof; il avait été à la chasse il y a quelque temps et était tombé dans un marrais, après quoi il lui est venu un grand abcès sur le dos avec de la fièvre et il est mort ce matin; j'en suis bien fâchée et j'ai d'abord pensé à vous, mes amis, qui l'aimiez. Bonsoir, mes bons amis, que Dieu vous conserve et vous conduise chez nous. Je vous embrasse de tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Ce 24 Sept(embre), Vendredi.

Hélas, je n'ai à vous répéter, mes bons amis, que le même adage: pas de courrier. Vous m'avouerez que c'est désolant. Certainement ce ne sont pas les chemins qui empêchent son arrivée, car ils sont parfaits, les gelées de nuit les rendent tels. Je ne peux vous mander d'ici que l'arrivée de notre cher papa Lamsdorf qui m'a fortement remué le cœur de le voir ici sans vous. Je l'ai d'abord mené chez vous, Nicoche, mais vous n'y étiez pas: arrivez donc pour l'amour de Dieu. Papa Lamsdorf se porte bien et s'est promené avec nous à pied. Le temps est superbe et à midi il fait très agréable, mais il a gelé 4 degrés cette nuit. Madame d'Adlerberg m'écrit que le colonel Mordvinof est venu reprendre son fils de chez madame Baranof, elle le lui a rendu plus fort et mieux portant qu'il ne lui avait remis. J'ai dit à la bonne Adlerberg que certainement vous me chargeriez de remercier sa fille de sa grande complaisance. Bonsoir, mes amis. Comment écrire à ceux qui ne répon-

dent pas? Je vous embrasse de tout mon coeur et vous aime de même quoique vous m'oubliez. Adieu mille fois.

Ce 25 Sept(embre), Samedi.

Je me suis promenée à cheval et à pied; à cette promenade-là j'ai eu le cher papa Lamsdorf pour conducteur; m'a peiné à rentrer, car le temps est divin, et malgré que nous avons 4 degrés de gelée cette nuit, il fait chaud à midi et j'ai encore des fleurs dans le jardin. Pas de courrier, pas de vos nouvelles, voilà qui est insupportable. J'ai eu aujourd'hui le prince Lobanof qui vous a vus à Vertus en activité: c'est tout ce qu'il a pu me dire, c'est à dire il m'a dit que vous, Nicoche, commandez une brigade et Michel de l'artillerie. Voici, cher Michel, une lettre de papa Lamsdorf. Adieu mille et mille fois, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Mes compliments au général, à vos messieurs et à nos braves militaires. Toute à vous de coeur et d'âme. Marie.

Четвергъ, 23-го сентября.

(Переводъ). Курьера все нѣтъ, добрые друзья мои; знаете ли, это можетъ привести въ отчаяніе; вотъ уже мѣсяцъ и четыре дня, какъ мы не имѣемъ отъ васъ извѣстій, а между тѣмъ бѣдная мамаша все пишетъ, но отвѣта не получаетъ. Но, Богъ дастъ, вы когда-нибудь пріѣдете же, и тогда я буду вознаграждена вашимъ присутствіемъ за всѣ мои лишенія День простоялъ у насъ еще прекрасный, но сегодня ночью сильно подморозило: было $2^1/_2$ градуса мороза, и въ ту минуту, какъ я вамъ пишу, термометръ снова показываетъ 2 градуса мороза; но въ серединѣ дня погода была прекрасная, солнце свѣтило ярко, и потому я совершила большую прогулку пѣшкомъ. У насъ обѣдалъ графъ Кочубей. Госпожа Закревская поправляется; дней черезъ восемь или черезъ десять ея нога настолько поправится, что больную можно будетъ перевезти въ городъ; она упала просто въ комнатѣ и, очевидно, повредила себѣ нервъ, вслѣдствіе чего не могла двигать ногой, но у нея не было ни опухоли, ни красноты, однако она испытывала страшную боль; въ настоящее время ей лучше. Въ Гатчинѣ у меня умеръ старый, отличный слуга, добрый старикъ Пановъ; онъ былъ на охотѣ нѣсколько времени тому назадъ и упалъ въ болото, послѣ чего у него сдѣлался большой нарывъ на спинѣ, что сопровождалось лихорадкой, и сегодня утромъ онъ скончался; я очень этимъ огорчена и тотчасъ подумала о васъ, друзья мои, такъ какъ вы его любили. Прощайте, добрые друзья мои, да сохранитъ васъ Господь и да приведетъ Онъ васъ къ намъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца, посылаю вамъ тысячу благословеній.

Пятница, 24-го сентября.

Къ сожалѣнію, я могу повторить вамъ одно и то же, мои добрые друзья: курьера все нѣтъ; согласитесь, что это можетъ привести въ отчаяніе; конечно, его не можетъ задержать плохое состояніе дорогъ, такъ какъ онѣ должны быть прекрасны, благодаря ночнымъ морозамъ. Могу вамъ сообщить только о пріѣздѣ добраго папаши Ламсдорфа; я была очень взволнована, увидавъ его безъ васъ; я тотчасъ повела его въ ваши комнаты, Никошъ, но васъ тамъ не было; пріѣзжайте же ради Бога. Папаша Ламсдорфъ здоровъ, онъ совершилъ съ нами прогулку пѣшкомъ. Погода великолѣпная; въ полдень было очень пріятно, но ночью было 4 градуса мороза. Г-жа Адлербергъ пишетъ мнѣ, что полковникъ Мордвиновъ пріѣзжалъ за своимъ сыномъ къ г-жѣ Барановой; она возвратила его отцу болѣе здоровымъ и болѣе сильнымъ, нежели получила его; я сказала доброй Адлербергъ, что вы навѣрно поручите мнѣ поблагодарить ея дочь за ея большую любезность. Прощайте, друзья мои; возможно ли писать людямъ, которые не отвѣчаютъ? Цѣлую васъ отъ всего сердца и люблю васъ такъ же, хотя вы меня забываете. Прощайте, тысячу разъ.

Суббота, 25-го сентября.

Я совершила прогулку верхомъ и пѣшкомъ; въ послѣдней меня сопровождалъ дорогой папаша Ламсдорфъ; мнѣ было жаль вернуться домой, такъ какъ погода была божественная; несмотря на то, что ночью было 4 градуса мороза, въ полдень было тепло, и въ моемъ саду все еще есть цвѣты. Нѣтъ ни курьера, ни извѣстій отъ васъ; это невыносимо. Я видѣла сегодня князя Лобанова, который видѣлъ васъ въ Вертю дѣятельными: вотъ все, что онъ могъ мнѣ сказать; то-есть онъ сказалъ мнѣ, что вы, Никошъ, командовали бригадой, а Михаилъ—артиллеріей. Вотъ, дорогой Михаилъ, письмо отъ папаши Ламсдорфа. Прощайте, тысячу и тысячу разъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю вамъ тысячу благословеній. Мой привѣтъ генералу, вашимъ кавалерамъ и нашимъ молодцамъ военнымъ. Ваша душой и сердцемъ. Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала и ея послѣдствія.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

4-го іюля 1828 г. № 8794.

Статсъ-секретарь Муравьевъ объявилъ комитету гг. министровъ слѣдующее высочайшее повелѣніе:

Государь императоръ въ нынѣшнее присутствіе свое въ городѣ Одессѣ, къ удивленію его величества, изволилъ самъ лично видѣть, что такъ называемый тамъ чумный кварталъ, два года назадъ тому выстроенный, не только выстроенъ дурно, но даже угрожаетъ паденіемъ; сводъ надъ окномъ совершенно провалился, стѣны вездѣ въ трещинахъ, столь отверстыхъ, что руку въ нихъ проложить можно. Его величество, лично осмотрѣвши таковую худобу сего строенія, изволитъ находить, что оная не могла произойти иначе, какъ отъ небреженія, или явно дурнаго намѣренія завѣдывающаго и производившихъ сіе строеніе: корпуса инженеровъ путей сообщенія генералъ-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова, и потому высочайше повелѣваетъ: 1) маіора Гаю и капитана Морозова, арестовавъ, отдать подъ военный судъ при резервныхъ баталіонахъ 3-го пѣхотнаго корпуса и дѣло сіе тамъ кончить безъ очереди, нарядивъ въ оный судъ за ассессора одного штабъ-офицера корпуса путей сообщенія; 2) на имѣніе генералъ-маіора Потье, маіора Гаю и капитана Морозова наложить запрещеніе; 3) новороссійскому генералъ-губернатору графу Воронцову предписать, чтобъ сей чумный кварталъ былъ сломанъ и на мѣсто онаго построенъ новый, надлежаще прочный, произведя сію разломку прежняго и возведеніе новаго на счетъ имѣнія оныхъ Потье, Гаю и Морозова, кото-

рое и продать съ публичнаго торга, если доходовъ съ онаго для того не будетъ достаточно; 4) о таковомъ его величества высочайшемъ соизволеніи, въ надлежащую заботливую осторожность другимъ объявить по всѣмъ вѣдомствамъ. Государю императору угодно, чтобъ комитетъ министровъ сдѣлалъ свои неуклонныя распоряженія къ приведенію въ исполненіе таковой его величества воли.

По положенію комитета гг. министровъ для объявленія о семъ высочайшемъ повелѣніи въ осторожность по всѣмъ вѣдомствамъ и имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что къ исполненію онаго сообщено отъ комитета по принадлежности главноуправляющему путями сообщенія и министру внутреннихъ дѣлъ.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1904 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Записки Василія Антоновича Инсарскаго. 5—29, 249—299, 489—524

II. Воспоминанія педагога. В. Г. фонъ-Бооля. 74—101, 300—348

III. Записки Михаила Чайковскаго (Мехметъ-Садыкъ-паши). Перев. В. В. Тимощукъ. 222—243, 558—594

IV. Изъ записокъ Д. Философова . . . . . 654—656

V. Десять лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ. (Воспоминанія бывшаго редактора одной изъ прибалтійскихъ газетъ). М. М. Лисицына. 657—692

Портреты.

I. Портретъ св. о. Серафима Саровскаго. (При 11-ой книгѣ).

II. Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 году въ память императора Александра I. (При 12-й книгѣ)

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка. В. В. Тимощукъ.	30—61, 430—460
II.	Тарговицкая конфедерація. В. В. Тимощукъ.	62—73
III.	Изъ быта стараго духовенства. А. Лотоцкаго.	102—129
IV.	Неизданная рукопись И. И. Лажечникова. (Архивная справка къ юбилею). Проф. Евгенія Боброва	130—139
V.	Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ. Пав. Майкова.	140—185, 371—429
VI.	Бытовые очерки В. П. Лободовскаго.	186—221, 349—370, 525—557
VII.	Стихотвореніе кн. П. Шаликова по поводу событій 14-го декабря 1825 г. Письмо Шаликова къ Николаю Назарьевичу Муравьеву. 23-го мая 1826 г. Москва.	244—246
VIII.	Изъ Варшавскихъ архивовъ (1883 г.). Рѣчь варшавскаго генералъ-губернатора І. В. Гурко при пріемѣ чиновъ Варшавскаго военнаго округа. 11-го іюля 1883 года. Сообщилъ С. Никольскій.	247—248
IX.	Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщилъ В. В. Щегловъ. .	461—484, 720—726
X.	Къ портрету святого о. Серафима Саровскаго. В. Смирнова	485—487
XI.	Дурной сонъ. Сообщ. Д. У.	488
XII.	Восточная политика Наполеона	595—617
XIII.	Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. .	618—640
XIV.	Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 г. въ память императора Александра І. Г. А. Воробьева	641—650
XV.	Нѣсколько словъ по поводу записокъ Н. Г. Залѣсова. Р. Ю.	651—653
XVI.	Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову. Сообщ. В. И. Шенрокъ	693—710
XVII.	Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ. Сообщ. С. Звѣревъ.	711—713
XVIII.	Два письма А. И. Тургенева къ князю А. Н. Голицыну	714—726
XIX.	Письма Д. П. Трощинскаго къ А. Л. Николаи. Сообщ. Д. И. Успенскій	717—719
XX.	Дурная постройка Одесскаго чумнаго карантиннаго квартала и ея послѣдствія	727—728
XXI.	Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 117, 118, 119 и 120 томахъ «Русской Старины» изданія 1904 года	

Библіографическій листокъ.

1. Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ I. Рукописи богослужебныя. С.-Петербургъ. 1904 г. —Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ октябрьской книги).

2. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ XVI. Записки, собранныя по повелѣнію императора Павла I о началѣ регулярнаго войска, о ново и славянско-сербскихъ поселеніяхъ, о полкахъ гусарскихъ и пандурскихъ и военныхъ школахъ.—Его же (на оберткѣ ноябрьской книги).

3. **Японія.** Очерки японской культуры. Причины войны. Сост. М. Ковалевскій. Изданіе журнала „Правда". Москва. 1904 г. Цѣна 20 коп. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“,** независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ,** а новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.) первыя 20 книгъ Шеллера-Михайлова за 1904 г., получатъ ихъ при первомъ № „Нивы“ 1905 г. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1905 ГОДЪ
(36-й годъ изданія)
на еженедѣльн. иллюстрирован.
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями

НИВА

СПЕЦІАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ НА ТЕАТРѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ: академ. **Н. С. Самокишъ,** художн. **В. А. Табуринъ,** фотографъ **В. К. Булла.**

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1905 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1200 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 8.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПЕРВЫЯ 10 КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

(„Губернскіе очерки“, „Помпадуры и помпадурши“, „Господа Головлевы“ и друг.). Съ портретомъ автора и „Матеріалами для біографіи“, **К. К. Арсеньева.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 21 руб.).

ОСТАЛЬНЫЯ 30 КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

Подъ редакціею и со вступительною статьею **А. М. Скабичевскаго.**

(Цѣна полн. собр. въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.).

12 КНИГЪ „Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ рисунк.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, выпильныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

И „СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1905 годъ, отпечатанный въ 10 красокъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.** съ доставкой—**7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р.
За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

☞ Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1905 г. со всѣми ея приложеніями, еще **ПЕРВЫЯ 20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА за 1904 г.,** доплачиваютъ единовременно при подпискѣ: безъ доставки въ С.-Петербургѣ—2 р. 50 к., безъ дост. въ Москвѣ и Одессѣ 2 р. 75 коп.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—3 руб. ☜

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛІОТЕКУ НИВЫ“ на 1905-й годъ,

ВЪ СОСТАВЪ КОТОРОЙ ВОЙДЕТЪ НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

проф. ОСКАРА ІЕГЕРА

въ 12-ти **ежемѣсячныхъ** выпускахъ, которые составятъ 4 большихъ тома, заключающ. въ себѣ около 2.600 стр. текста большого 8°, около 1000 художественно-исполненныхъ гравюръ, 80 отдѣльн. приложеній, отпечат. золотомъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и около 40 историч. картъ и плановъ. Первые 3 тома—въ переводѣ и съ дополненіями (по русской исторіи) **П. Н. Полевого**—вновь пересмотрѣны и исправлены **Л. З. Слонимскимъ** по **послѣднему нѣмецкому изданію,** а 4-й томъ—въ новомъ переводѣ подъ редакц. и съ дополн. **Л. З. Слонимскаго. — Изложеніе событій доведено до 1905 г.,** со включеніемъ иллюстрирован. **очерка русско-японской войны.**

„Всеобщая исторія“ проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ и еще болѣе по чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала, которымъ авторъ владѣетъ въ совершенствѣ, а потому и передаетъ его въ удивительно простой, ясной и доступной формѣ. Важнымъ преимуществомъ этого прекраснаго труда слѣдуетъ, конечно, считать строго критическое отношеніе проф. Іегера къ историческому матеріалу, но авторъ не упускаетъ изъ виду и другихъ весьма важныхъ сторонъ: онъ постоянно выдвигаетъ на первый планъ то, что естественно должно болѣе интересовать, болѣе привлекать вниманіе образованнаго человѣка, не утомляетъ читателя сухимъ сопоставленіемъ историческихъ фактовъ, а предлагаетъ ему рядъ картинъ, вѣрно и живо изображающихъ возникновеніе, возрастаніе и гибель государствъ, возвышеніе, процвѣтаніе и паденіе народовъ.

Одно изъ важныхъ достоинствъ труда О. Іегера составляетъ чрезвычайное обиліе строго согласованныхъ съ текстомъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ и живописующихъ эпоху, къ которой онѣ относятся.

„Всеобщая Исторія“ въ 1-мъ изданіи, нынѣ совершенно распроданномъ, была: 1) допущ. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. въ ученич. средн. и старш. возраст. библіотеки средне-учебн. завед.; 2) разсмотр. Военно-Учен. Комит., и о выходѣ ея объявлено въ цирк. Главн. Штаба 17 окт. 1896 г. № 284.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на все изданіе въ 12 выпуск., по одному въ мѣсяцъ:

Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ—12 р. **Съ дост. въ СПБ. и съ перес. во всѣ мѣста Россіи — 14 р.** За границу — 16 руб.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА ВЪ 2, 3, 4 и 6 СРОКОВЪ.

☞ Для ознакомленія съ изданіемъ, ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ ПРОДАЕТСЯ ОТДѢЛЬНО и высылается иногороднимъ за ОДИНЪ РУБЛЬ (можно ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ). Подробное иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ: въ Контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, улица Гоголя, № 22.

9-й годъ изданія Открыта подписка на **1905 г.**

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

РОДНАЯ РѢЧЬ,

издающійся въ Москвѣ А. А. Петровичемъ подъ редакціей Ф. Н. Берга, бывшаго десять лѣтъ редакторомъ журнала „Нива".

Въ 1905 году гг. подписчики получатъ

всего за **ЧЕТЫРЕ** рубля

безъ всякой доплаты за пересылку слѣдующія изданія:

50 **№№ литературнаго иллюстрированнаго журнала**—около 500 иллюстрацій, 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, статьи, смѣсь. **Описаніе текущихъ событій съ иллюстраціями.** Рисунки, портреты и пр.

50 **№№ большой политической и общественной газеты**, въ которой печатаются передовыя статьи, хроника, фельетонъ, обозрѣнія столичной жизни, корреспонденціи изъ провинціи, замѣтки, иностранныя извѣстія.

Подробное описаніе Русско-Японской войны

съ иллюстраціями, рисунками, портретами и картами, которыя помѣщаются въ журналѣ.

24 КНИГИ собранія сочиненій извѣстнаго писателя **Графа Е. А. Саліаса.**

Пугачевцы I—IV ч.—Военные мужики.—Барыни-крестьянки.—Названецъ.—Ширь и махъ.—Французъ.—Змѣй-Горынычъ.—Неслыханное дѣло.—Пятое колесо.—Кудесникъ и др.

24 ВЫПУСКА иллюстр. изданія **НАПОЛЕОНЪ ВЪ РОССІИ.**

Подробное описаніе **нашествія французовъ въ 1812 году** съ рисунками и портретами. Большой томъ—около 400 страницъ текста.

Независимо отъ этого всѣ годовые подписчики получатъ еще особое приложеніе:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

К. Н. Батюшкова,

ВЪ ОДНОМЪ БОЛЬШОМЪ ТОМѢ

съ біографіей, портретомъ и автографомъ автора и крит. статьей Л. Майкова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ съ приложеніями: газеты, собр. соч. гр. Саліаса, иллюстр. соч. «Наполеонъ въ Россіи» и полнаго собранія сочиненій К. Н. Батюшкова на годъ съ пересылкой: **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля—1 р., къ 1 іюля—1 р.

Черезъ книжные магазины подписка въ разсрочку **не принимается.**

Подписку просимъ адресовать въ контору журнала «РОДНАЯ РѢЧЬ»: Москва, Кузнецкій Мостъ, Кузнецкій пер., домъ Соколъ.

3—1

Открыта подписка на 1905 годъ (изд. XX годъ)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакціею
И. Д. ѲЕОДОРОВСКАГО и при участіи
Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

1 руб. за два мѣс. съ дост. и перес.

52 №№ журн. до 2400 столбц. текста и до 300 иллюстр. Очерки, разсказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и пред. русск. старины, отклики на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой печати, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и разсказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святынь и т. п.

и кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 КНИГЪ больш. форм. 1200 стр. до 350 иллюстр. **соч. Ф. В. Фаррара**
Жизнь и труды св. апостола Павла.
ПОЛНОЕ иллюстр. изданіе. Перев. съ поясним. примѣч. свящ. **М. П. Ѳивейскаго.**

УПЛАТИВШІЕ СПОЛНА подписную сумму получатъ въ началѣ года, а подписавшіеся съ разсрочкой—по уплатѣ послѣдняго взноса, исполненную **НА МЕТАЛЛѢ** — въ двадцать красокъ, въ рельефной рамѣ,

Копію съ портъ-артурскія иконы Богоматери,
написанной художн. П. Ѳ. Штрондой (въ Кіевѣ) по случаю русско-японской войны.

Въ 12 книгахъ „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“ будетъ дано:

1) **Японія и японцы.** Страна, религіозный, государственный, общественный и домашній бытъ японцевъ. Очеркъ Мих. Федорова. 2) **Врасплохъ.** Повѣсть изъ событій русско-японской войны. Ал. Лаврова. 3) **Святая княгиня.** Историческая повѣсть изъ временъ Батыева нашествія. Вл. П. Лебедева. 4—5) **Аврелія.** Повѣсть изъ перваго вѣка христіанства, въ 2 книгахъ. Переводъ съ французскаго. Л. Окр—ко. 6) **Огневый еретикъ.** Церковно-историческая повѣсть изъ XVII в. Н. Алексѣева-Кунгурцева. 7) **Вороногрaй.** Историческая повѣсть изъ XV в. Н. Лихарева. 8) **Въ мірѣ сказаній.** Очерки народныхъ взглядовъ и повѣрій. А. А. Коринфскаго. 9) **Въ грозную пору.** Историческая пов. изъ 1812 г. Н. Бутупова. 10) **Въ стародавніе годы.** Истор. повѣсть изъ первой половины XI-го в. Л. Волкова. 11) **Золотыя слова.** (Посвящ. Іоанну Кронштадтскому). Сборникъ проповѣдей русскихъ церковныхъ витій. Сост. Ф. Думскій. 12) **Жидовское плѣненіе.** Историческія картины изъ быта Руси конца XV в., въ двухъ частяхъ. Н. Стрѣшнева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. **ПЯТЬ** р., съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** р., за границу **ДЕСЯТЬ** р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

Главная Контора: СПБ., Стремянная улица, 12, собственный домъ.

Издатель П. П. СОЙКИНЪ.

3—1

Открыта подписка на 1905 годъ
на иллюстрированный еженедѣльный журналъ

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 №№ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА. Путешествія.—Этнографія.—Романы и повѣсти, изображающіе разныя приключенія на сушѣ и на морѣ.—Очерки и разсказы.—Стихотворенія.—Спортъ.—Картины.—Иллюстраціи.—Портреты.—1.200 столбцовъ текста.

12 №№ ежемѣсячнаго МОДНАГО ЖУРНАЛА съ изящными, но общедоступными дамскими и дѣтскими нарядами.

12 образцовъ изящныхъ ДАМСКИХЪ РАБОТЪ по лучшимъ русскимъ и иностраннымъ образцамъ.

Въ качествѣ премій подписчикамъ „ВОКРУГЪ СВѢТА“ будетъ дано

безплатное приложеніе

два чрезвычайно цѣнныхъ и богатыхъ изданія.

1 ТОМЪ въ 375 стр. „Мысли мудрыхъ людей“.

Эпиктета, Діогена, Марка Аврелія, Сократа, Конфуція, Будды, Лао-Тее, Аристотеля, Платона, св. Августина, Паскаля, Руссо, Спинозы, Канта, Шопенгауера, Достоевскаго, Рескина и мн. др., на каждый день собранныя знаменитымъ писателемъ **Львомъ Николаевичемъ ТОЛСТЫМЪ**.

24 ТОМА ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНОВЪ (отъ 150—200 печат. листовъ)
Александра ДЮМА (отца),

куда войдутъ шесть произведеній знаменитаго романиста: **Графъ Монте-Кристо.—Виконтъ де-Бражелонъ.—Двѣ Діаны.—Королева Марго.—Графиня де-Монсоро.—Сорокъ пять.**—Подписчики „Вокругъ Свѣта“ получатъ ихъ въ полномъ видѣ, безъ какихъ-либо сокращеній. **Въ отдѣльной продажѣ романы Дюма стоятъ 15 р.**

Выданные ранѣе въ премію „Вокругъ Свѣта“ и вышедшіе затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ при цѣнѣ въ 3 р. романы **Три мушкатера** и **Двадцать лѣтъ спустя** высылаются годовымъ подписчикамъ нашего журнала **за 1 р.**

Кромѣ того, съ приплатою **одного рубля**, подписчики „Вокругъ Свѣта“ **получатъ НЕБЫВАЛУЮ ПРЕМІЮ**: богатую художественную галлерею стѣнныхъ картинъ:

Война и ея герои,

12 ОЛЕОГРАФІЙ, т. е. художественно исполненныхъ во множествѣ красокъ картинъ и портретовъ (размѣромъ каждая въ 40×52 сант.), посвященныхъ наиболѣе величественнымъ и потрясающимъ событіямъ войны Россіи съ Японіей и воспроизводящихъ съ мельчайшими подробностями выдающіеся моменты кровавой грозы на Дальнемъ Востокѣ: КАРТИНЫ: Наша армія и флотъ.—На сушѣ и морѣ.—Выдающіеся бои, стычки, схватки, штурмы и т. п.—Мирная работа подъ грохотъ пушекъ.—Коварный врагъ.—Взрывы и гибель судовъ.—Доблестные подвиги русскаго оружія.—Защитники величія Россіи: Куропаткинъ, Стессель и др. военонач.

4 р. ЦѢНА НА ГОДЪ **безъ картинъ Война и ея герои** съ пересылкою и доставкою.

5 р. ЦѢНА НА ГОДЪ **съ 12 картинами въ краскахъ Война и ея герои** съ пересылкою и доставкою.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ **2** руб., къ 1 апрѣля **2** руб., къ 1 іюля **1** руб.

АДРЕСЪ: Москва, Петровка, д. Матвѣевой. Редакція журнала «Вокругъ Свѣта».

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

3—1

Открыта подписка на **1905** годъ

на ежедневную общественную, политическую и литературную газету

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА".

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ).

(ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ).

ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИМУТЪ ПОСТОЯННОЕ УЧАСТІЕ:

В. К. Агафоновъ, Д. Я. Айзманъ, Ю. И. Безродная, С. М. Беклевъ, проф. А. В. Васильевъ, П. И. Вейнбергъ, проф. В. И. Вернадскій, Е. Н. Водовозова, Е. А. Ганейзеръ, І. В. Гессенъ, прив.-доц. В. М. Гессенъ, прив.-доц. П. М. Головачевъ, П. А. Голубевъ, А. А. Горнфельдъ, проф. И. М. Гревсъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, С. Елеонскій, В. С. Елпатьевскій, А. И. Иванчинъ-Писаревъ, М. И. Ипполитовъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. Кузьминъ-Караваевъ, Н. Г. Кулябко-Корецкій, П. И. Крукинъ, Н. И. Лазаревскій, Г. А. Ландау, М. А. Ладыженскій, Н. Н. Львовъ, П. Н. Милюковъ, В. Д. Набоковъ, проф. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, А. И. Новиковъ, проф. С. Ѳ. Ольденбургъ, Л. Ф. Пантелеевъ, проф. Л. І. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, проф. А. С. Посниковъ, А. В. Пѣшехоновъ, М. А. Рейснеръ, Ѳ. И. Родичевъ, Вл. А. Розенбергъ, К. Румынскій, Евг. В. Святловскій, В. И. Семевскій, А. Серафимовичъ, А. А. Стаховичъ, С. Н. Сторожевскій, А. С. Фейгельсонъ, Б. І. Харитонъ, акад. А. А. Шахматовъ, Г. И. Шрейдеръ, Д. И. Шрейдеръ, С. П. Юрицынъ, А. А. Яблоновскій, В. Е. Якушкинъ.

Собственные корреспонденты въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, Неаполѣ, Нью-Іоркѣ, Парижѣ и Римѣ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	12 м. руб.	11 м. руб.	10 м. руб.	9 м. руб.	8 м. руб.	7 м. руб.	6 м. руб.	5 м. руб.	4 м. руб.	3 м. руб.	2 м. руб.	1 м. руб.
I изданіе . .	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу .	20	19	18	17	15	13	11	10	8	6	4	2

II изданіе: годъ—4 р., ½ года—2 р., 3 м.—1 р.
Заграницу „ 12 „ „ 6 „ „ 3 „

1-й № перваго изданія вышелъ 18-го ноября 1904 года.

Подписная цѣна до конца 1904 г. 1 руб.

Второе изданіе начнетъ выходить съ 1-го декабря 1904 г. Годовые подписчики на второе изданіе получаютъ газету до конца года безплатно.

Редакторъ-издатель **С. П. Юрицынъ.**

Редакція и главная контора: Невскій, 90. Телеф. 5989.

Для пріема подписки и объявленій Главная Контора открыта отъ 10 ч. утра до 5 час. вечера. Въ праздники отъ 1 час. до 3 час. дня.

3—1

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
НА 1905 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. **Въ отдѣлѣ наукъ:** ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонних лицъ.

II. **Въ отдѣлѣ критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. **Университетская лѣтопись:** извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету; обозрѣніе преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. **Приложенія:** университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 р. Подписка принимается въ Правленіи университета.

3—1 Редакторъ А. Александровъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 117, 118, 119 и 120 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1904 года.

А.

Абаза, оф. кон.-арт., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 601.

Аввакумовъ, Петръ, свящ., 1752 г., т. CXX, окт., 119.

Августинъ, архіеп. моск., †1819 г., т. CXVII, февр., 444, т. CXIX, сент., 661.

Авиловъ, В. В., ревизоръ, 1868 г., т. CXX, нояб., 348.

Адамовичъ, Б., сообщ: „Князь Иванъ Ѳедоровичъ Барятинской“, т. CXIX, авг., 443—456.

Адашевъ, Алексѣй Ѳед., †1561 г., т. CXIX, авг., 408, т. CXX, окт., 31, 32, 39, 42.

Адашевъ, Даніилъ Ѳед., †1561 г., т. CXX, окт., 49, 54, 55, нояб., 446.

Адлербергъ, гр., Влад. Ѳед., м-ръ дв., ген.-ад., р. 1790†1884 г., т. CXVII, янв., 80, 81, т. CXIX, сент. 666, 667.

Адлербергъ, Юлія Ѳед., въ зам. Баракова, воспит. имп. Николая I, т. CXVIII, іюнь, 527, 528, 533, т. CXIX, авг., 479, т. CXX, нояб., 483, декаб , 726.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн., р. 1817†1900 г., т. CXIX, авг., 263.

Айвазовскій, Гавр., архіеп., род. 1812†1886 г., т. CXIX, авг., 263, 265.

Аксакова, Ольга Семен., т. CXX, декаб., 698.

Аксаковъ, Ив. Серг., писат., род. 1823†1886 г., т. CXVII, мартъ, 715, т. CXVIII, 182—186, 190—192, т. CXX, декаб., 693, 695, 703—706.

Аксаковъ, Конст. Серг., писат., р. 1817†1860 г., т. CXVII, февр., 443, т. CXVIII, апр., 183—189, май, 469, 475, т. CXIX, сент., 554, т. CXX, декаб., 693, 694, 710.

Аксаковъ, Серг. Тимоф., писат., род. 1791†1859 г., т. CXVIII, апр., 185, 187, 190, 194, т. CXIX, іюль, 12, 20, 22, т. CXX, окт., 139, дек., 693–710.

Алабинъ, управл. государст. имущ., 1863 г., т. CXVIII, апр., 144.

Алединскій, ген., 1859 г., т. CXX, нояб., 284.

Александра Николаевна, великая княгиня, †1844 г., т. CXVII, янв., 80.

Александра Павловна, великая княжна, 1794 г., т. CXIX, сент., 695.

Александра Ѳеодоровна, императрица, род. 1798†1860 г., т. CXVII, янв., 75, 80, 97, 185, 190, 202—205, 207, февр., 284, 296, мартъ, 588, 595, 623, т. CXVIII, май, 474, іюнь, 544, 549, 618, т. CXIX, іюль, 60, 95—111, сент., 656, 661, т. CXX, нояб., 466.

Александровъ, К. О., 1836 г., т.,

CXVIII, іюнь, 506, т. CXIX, іюль, 21, 35.

Александръ I, императоръ, род. 1777 †1825 г., т. CXVII, янв., 5—28, 67, 70, 89, 100, 167, 196, 199—203, 231—239, февр., 241—274, 291, 292, 358, 444, 474, 478, 480, мартъ, 481—515, 519—528, 537, 547, 576, 601, т. CXVIII, апр., 5—34, 43, 49, 68, 93—99, 105—110, 112, 126—135, май, 255—258, 263, 264, 289, іюнь, 532, 536, 538, 543, 698, 716, т. CXIX, іюль, 90—98, 107, 111, 230—238, авг., 361, 459—479, сент., 648—651, 660—667, 691, т. CXX, окт., 140—185, нояб., 378—392, 396—404, 412, 413, 423, 427, 480, декаб., 592, 593, 618—640, 641—650, 717, 718.

Александръ II, императоръ, род. 1818 †1881 г., т. CXVII, янв., 75, 222, февр., 304, 347, 348, 352—355, 369, 456, 465, мартъ, 581—598, 603, 614, 678—682, 698, т. CXVIII, апр., 48, 49, 150—152, 207, 227, 233, 234, май, 371, іюнь, 547, 559, 560, 566, 574, т. CXIX, іюль, 24, 28, 60, 128, авг., 256, 264, 296—319, 369—378, 425, сент., 486—502, 587, 595—600, 610, 623, 640, 706, 713, т. CXX, окт., 13, 14, 19, 77, 84—91, 99, 238, нояб., 309, 342, 343, декаб., 588, 591, 593, 654—656.

Александръ III, императоръ, род. 1845†1894 г., т. CXVII, февр., 369, т. CXIX, сент., 587, т. CXX, декаб. 657, 675, 692.

Александръ Михайловичъ, великій князь, т. CXX, декаб., 654.

Алексѣй, ростовскій еписк., 1551 г. т. CXX, окт., 39.

Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629†1676 г. т. CXVII, янв., 105, февр., 418, 419, 442, т. CXVIII, май, 455, т. CXIX, іюль, 114, 139, сент., 692, т. CXX, окт., 170, декаб, 710.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, †1690 г., т. CXIX, іюль, 113, авг., 448, т. CXX, окт., 183.

Алексѣевъ, сенат., 1805 г., т. CXX, нояб., 405, 409.

Алланъ-Деспро, Луиза-Розалія, актриса, р. 1810†1856 г., т. CXVIII, іюнь, 572.

Лопухинъ, Александра, по второму браку кн. Лопухина, т. CXVII, янв., 201.

Лопухинъ, гр., Давыдъ Максим., послан. въ Берлинѣ, р. 1769†1831 г., т. CXVII, мартъ, 527, т. CXVIII, іюнь, 692.

Альтести, секретарь кн. Зубова, 1792 г., т. CXIX, сент., 543.

Амановъ, К. С., 1864 г., т. CXX, дек.. 706.

Амвросій, архіеп. казанск. и свіяжскій, 1799 г., т. CXVII, февр., 386, т. CXIX, сент., 695, 698.

Амбразанцевъ, ген., 1798 г., т. CXIX, авг., 358.

Анастасія Романовна, царица, супруга Іоанна Грознаго, т. CXX, окт., 43, 59.

Андро, Ан. Ал., рожд. Оленина, т. CXVII, мартъ, 554.

Андрониковъ, кн., т. CXX, нояб., 262.

Андросовъ, В. П., издат. «Московскаго Наблюдателя», 1835 г., т. CXVII, мартъ, 710.

Аничковъ, т. с., 1887 г., т. CXX, декабр., 682.

Анна Іоанновна, имп-ца, герцогиня Курляндская, род. 1693†1740 г., т. CXIX, іюль, 113, 114, авг., 453, 454, т. CXX, нояб., 414.

Анна Павловна, вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, род. 1795 †1865 г., т. CXVIII, іюнь, 524, 527, 532, 542—544, т. CXIX, іюль, 90, 95, 98, 106, 107, авг., 457—480, т. CXX, нояб., 464, 478—481, декаб., 723.

Анна Петровна, вел. княжна, т. CXIX, авг., 452.

Анненковъ, Никол. Никол., р. 1799 †1865, т. CXVII, янв., 210—212.

Анненковъ, Пав. Вас., писат., род. 1812†1887 г., т. CXVII, янв., 36, 37, мартъ. 639, 640, 644—646, т. CXVIII, апр., 182, 189, т. CXIX, сент., 558, 562, 572, 573, 617.

Анненскій, юрисъ-консультъ, 1814 г., т. CXVII, мартъ, 512.

Анрепъ, ген.-ад., 1801 г., т. CXVIII, май, 267, 269, т. CXX, нояб., 390.

Антонелли, чиновн. тайн. полиціи, 1849 г., т. CXX, нояб., 320—322.

Антоновскій, т. CXVII, февр., 423.

Анучинъ, Дм. Гавр., т. CXVIII, іюнь, 647.

Апехтинъ, Андр. Ив., маіоръ, т. CXVIII, іюнь, 483.

Апехтинъ, А. П., 1853 г., т. CXIX, іюль, 34.

Апехтинъ, Николай Андр., т. CXVIII, іюнь, 483.

Апехтинъ, Пав. Андр., т. CXVIII, іюнь, 483.

Аполлосъ, архимандр., 1841 г., т. CXIX, сент., 653, 657, 662, 663.

Аппони, гр., австрійск. послан. 1839 г., т. CXVII, янв., 172, 175, 177, 183, 188.

Апраксинъ, гр., Ѳед. Матв., ген.-адмир., †1738 г., т. CXIX, авг., 444—449, 456.

Апраксинъ, гр., 1835 г., т. CXVII, янв., 200, т. CXVIII, іюнь, 499.
Апраксинъ, гр., 1861 г. т. CXVIII, май, 454.
Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., род. 1769†1834 г., т. CXVII, янв., 5—23, 74, 232, 233, февр., 265, 292, 432, 479, 480, мартъ, 497, 502, 512, т. CXVIII, апр., 14, 15, 99, 134, май, 255, т. CXIX, іюль, 86, 91, сент., 649, т. CXX, окт., 93, 94, 132, 163, 164. нояб., 403.
Арендтъ, Никол. Өед. лейбъ-медикъ, 1838, г., т. CXVII, янв., 80, 88, февр., 279, 287.
Аристовъ, Евг. Ф., проф. 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 507.
Армфельдъ, Густавъ-Морицъ, ген.-губер. въ Финляндіи 1805 г., р. 1757† 1814 г., т. CXX, нояб., 422, 423.
Армфельдъ, гр., Александръ, ст. секрет. по дѣламъ Финляндіи, т. CXX, ноябр., 422.
Арнольдъ, Юрій Карлов., композ. писат. р. 1811†1880 г., т. CXIX, авгус., 435.
Арсеньевъ, подпор., 1798 г., т. CXIX, авг. 354.
Арсеньевъ, Констант. Ив., историкъ, воспитат. Александра II, †1865 г., т. CXVIII, іюнь, 579, т. CXIX, сент., 560.
Артемій, настоятель Троицко-Сергіева монаст., 1571 г., т. CXIX, авг., 390, т. CXX, окт., 37.
Архангельскій, А. С., проф., 1835 г., т. CXIX, іюль, 8.
Арцимовичъ, самарск. губерн., 1861 г., т. CXVII, февр., 321, мартъ, 560—562.
Арцыбашевъ, Н. С., 1821 г., т. CXVII, янв., 116, мартъ, 709, 710.
Асенкова, актриса, †1841 г., т. CXVIII, іюнь, 571.
Ахвердовъ, ген.-м., преподав. вел. кн. Николая Павловича, т. CXIX, іюль, 107, т. CXX, окт., 161.
Аѳонасьевъ, Семеонъ, свящ. 1735 г., т. CXX, окт., 118.

Б.

Бабкинъ, Алексд. Петр., 1858 г., т. CXVII, мартъ, 557.
Бабкинъ, Арадій Африкан., помѣщ., 1858 г., т. CXVII, мартъ, 557—560,
Баженовъ, Вас. Яков.. инспек. каз. унив., 1825 г., т. CXX, окт., 138.
Базили, 1856 г., т. CXVII, февр., 467—469, мартъ, 683, 684, 696.
Базуновъ, Ив. Ник., книгопрод., 1888 г., т. CXX, декаб., 694, 697, 698.
Байковъ, Матв. Андр., директ. удѣльнаго землед. учил. въ Спб., р. 1800† 1849 г., т. CXIX, авг., 417.
Байковъ, ген.-лейт., 1812 г., т. CXIX, сент., 664.
Бакунинъ, Алексд. Павл., новгород. вице-губерн., т. CXVIII іюнь 551.
Бакунинъ, Мих., р. 1814†1876 г., т. CXIX, сент., 554, 565, 572—576.
Балабинъ, посолъ въ Вѣнѣ, 1859 г., т. CXVII, мартъ, 681.
Балашовъ, ген.-маіоръ, 1798 г., т. CXIX, авг., 365.
Балугьянскій, Мих. Андр., сенат., проф., род. 1769†1847 г., т. CXVII, янв., 62, 98, февр., 297.
Баннеръ, ген.-маіоръ, 1769 г., т. CXVIII, іюнь, 649.
Бантышъ-Каменскій, Дм. Никол., тобольск. и затѣмъ виленск. губерн., писат., р. 1788†1850 г., т. CXIX, авг., 454, 455, сент., 643—667.
Баранова, гр—ня, Юлія Өед., рожд. Адлербергъ, 1841 г., т. CXVII, мартъ, 588, т. CCXX, декаб., 726.
Барановскій, Викт. Ив , 1849 г., т. CXIX, сент., 684.
Баранцовъ, поруч., 1800 г., т. CXIX, авг., 363, 364.
Баратынская, Софья Львовна, жена поэта, 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 509.
Баратынская, Софья Мих., по перв. браку Дельвигъ, т. CXVII, іюнь, 521.
Баратынскій, Евг. Абрам., поэтъ, р. 1800†1844 г., т. CXVII, февр., 380, т. CXVIII, апр., 195—198, 201, май, 370, іюнь, 489—493, 496, 507—509, 511—522, т. CXIX, іюль, 6—10, 33, 35.
Баратынскій, Сер. Абр., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 520.
Баратынскій, ген., т CXIX, авг., 337.
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богд, фельдмарш., р. 1761 † 1818 г., т. CXVII, мартъ, 634, т. CXIX, авг., 475, т. CXX, нояб., 389, 390.
Барклай-де-Толли, дворяне, 1827 г., т. CXVII, мартъ, 634.
Барминъ, Өед., 1547 г., т. CXIX, авг., 411.
Барсовъ, Елпидиф. Вас., археол., писат., т. CXVII, февр., 476.
Барсуковъ, Никол. Платоновъ., писат., 1820 г., т. CXVII, февр., 474, мартъ, 609, 707., т. CXVIII, апр., 203, 205, т. CXX, окт., 141.
Бартеневъ, Юрій Никол., т. CXVIII, май, 393.
Бартоломей, В. А., сообщ.: «Посольство князя Меншикова въ Персію

въ 1826 г., т. CXVIII, апр., 65—92, май, 291—320.
Бартоломей, Өед. Өед., губ. Пскова, ген.-лейт., р. 1800†1862 г., т. CXVIII, апр., 65—92, май, 291—320.
Барятинская, княг., Анна, 1714† 1726 г., т. CXIX, авг., 444, 445.
Барятинскій, кн., Алекд. Ив., фельдмарш., р. 1814†1879 г., т. CXIX, авг., 242—266, сент., 481—504, т. CXX, окт., 5—29, нояб., 250—298, декаб., 491—524, 652.
Барятинскій, кн., Влад. Ив., 1854 г., т. CXVIII, май, 337.
Барятинскій, кн., Ив. Өед. ген.-аншефъ 1737 г., т. CXIX, авг., 443—456.
Барятинскій, кн., Өед. Юрьев., окол., т. CXIX, авг., 444, 456.
Батенковъ, Гавр. Степ., декабр., р. 1793†1863 г., т. CXVII, янв., 21, т. CXIX, іюль, 115.
Батюшковъ, Конст. Никол., писат., р. 1787†1855 г., т. CXVIII, іюнь, 511, т. CXIX, сент., 595, 608.
Батуринъ, 1848 г., т. CXVII, май, 275.
Баулеръ, Вас. Яковл., педаг., 1864 г., т. CXX, нояб., 329—333.
Баумгартенъ, Евгеній Карл., директ. I воен. гимн., ген.-маіоръ, 1864 г., т. CXI, авг., 304, т. CXX, окт., 95, 96, нояб., 300—337.
Бахтинъ, Никол. Ив., ст.-секр., р. 1796†1869 г., т. CXVII, февр., 288, 289, т. CXVIII, іюнь, 547, т. CXX, окт., 92.
Бахтинъ, директ. Орловск. корпуса, 1864 г., т. CXX, окт., 92.
Бебутовъ, кн., Вас. Осип., ген.-отъ-инф., р. 1796†1858 т., т. CXX, окт., 8.
Бедрагъ, Михаилъ, маіоръ, 1828 г., т. CXIX, сент., 704, 705.
Безакъ, Алексд. Павл., оренбургск. ген.-губерн., † 1869 г., т. CXVIII, апр., 141—144, іюнь, 607, 610.
Безбородко, кн. Алексѣй Андреев., канцл., р. 1747†1799 г., т. CXVIII, апр., 169—175, май, 409—414, 418—421, іюнь, 671, 684—687, 692—695, т. CXIX, іюнь, 200, 230, т. CXIX, сент., 534, 540, 542, 547, т. CXX, окт., 144, 147.
Безбородко, И. А., гр., † 1815 г., т. CXIX, іюль, 234.
Безродный, А. В., сообщ.: «Великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ переписки по своей административной дѣятельности въ царствѣ Польскомъ», т. CXVII, февр., 324. «Пожалованіе дворянства племянникамъ фельдмаршала кн. Барклая-де-Толли», мартъ, 634.
Безсомыкинъ, цензоръ, 1853 г., т. CXX, декаб., 693.
Бекетовъ, Андр. Никол., профес., т. CXVII, мартъ, 563.
Бекетовъ, ценз., 1853 г., т. CXVII, 441.
Беккеръ, воен. комм. 1820 г., т. CXVII, янв., 166.
Беклешевъ, Алексд. Андр., ген.-отъ-инфан., сенат., ген.-прок., р. 1745† 1808 г., т. CXX, окт., 148, 149, нояб., 396.
Бекманъ, капит. 1846 г., т. CXVIII, май, 386.
Беллинсгаузенъ, Өед. Өед., адмир., † 1852 г., т. CXIX, іюль, 15.
Бемъ, ген., 1830 г., т. CXX, окт., 230, т. CXVIII, май, 277, 283, 285.
Бенедиктовъ, Влад. Григ., писат., р. 1807†1873 г., т. CXVIII, іюнь, 573.
Бенедиктовъ, свящ., 1850 т., т. CXIX, іюль, 227.
Бенкендорфъ, гр—ня Анна, въ зам. граф. Аппони, 1839 г., т. CXVII, февр., 284.
Бенкендорфъ, гр., Алексд. Христоф., шефъ жандарм., ген.-ад., р. 1783† 1844 г., т. CXVII, янв., 80, 81, 231—238, февр., 276, 280, 294, мартъ, 712—714, т. CXVIII, май, 267—271, т. CXIX, іюль, 161, 162, 234, сент., 704, т. CXX, декаб., 714.
Бенкендорфъ, Констат. Христоф., ген.-ад., р 1785 † 1829 г., т. CXIX, іюль, 92, т. CXX, нояб., 466, 487, декаб., 723.
Бенкендорфъ, адъют. 1768 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Бенкендорфъ, гр., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 549.
Беннигсенъ, гр., Леонтій Леонтіев., ген.-отъ-кав., р. 1746 †1826 г., т. CXVIII, іюнь, 510, т. CXX, нояб., 388—391.
Бентамъ, Іеремія, публиц., р. 1748† 1832 г., т. CXX, окт., 179, 180.
Бентковскій, пздат. «Познанскаго Дневника», 1863 г., т. CXX, окт., 223, 228.
Бервинскій, Ричардъ, оф. польск. войскъ, 1863 г., т. CXIX, сент., 630, 638, т. CXX, окт., 223.
Бергъ, гр., Өед. Өед., намѣстн. цар. Польск., р. 1794†1874 г., т. CXVII, февр., 328, т. CXVIII, май, 286, 287, т. CXIX, іюль, 125, 126.
Беренсъ, офиц., 1856 г., т. CXIX, сент., 586.
Бержье, Адольфъ Петр., археологъ, предсѣд. кавк. археол. комм., р. 1828†1886 г., т. CXIX, сент., 483, 484.
Берлинскій, 1839 г., т. CXIX, сент., 652.
Бернсторфъ, гр., 1823 г., т. CXVII, мартъ, 528.

Бестужева, П. М., 1852 г., т. CXVIII, май, 466.
Бестужева-Рюмина, гр.—ня, рожд. княжна Долгорукова, во втор. бракѣ княгиня Вишгенштейнъ, т. CXIX, сент., 666.
Бестужевъ, (Марлинскій), Алексд. Алексд., писат., декаб., р. 1797†1837 г., т. CXVII, мартъ, 489, 495, 507, 511.
Бестужевъ-Рюминъ, гр., Алексѣй Петр., госуд. канцл., р. 1593†1766 г., т. CXVIII, май, 346.
Вецкій, Ив. Ив., р. 1704†1795 г., т. CXVII, мартъ, 622, т. CXIX, іюль, 215.
Бибиковъ, Алексд. Ильичъ, ген.-аншефъ, р. 1729†1774 г., т. CXVIII, іюнь, 647, 650, 659.
Бибиковъ, Илья, 1816 г., т. CXVII, мартъ, 494.
Бибиковъ, Юрій, 1774 г., т. CXVIII, іюнь, 660.
Бибиковъ, директ. департ. внѣш. торговли, т. CXVII, янв., 93.
Бильбасовъ, Вас. Алексѣев., проф., сообщ.: «Записки русскихъ женщинъ», т. CXVII, янв., 99—113, февр., 413—424, «Оцѣнка канцелярской отписки», 647—650, упом. т. CXVIII апр., 235—239, т. CXX, окт., 141.
Бильсъ, Денисъ Яковл., полк., ком. 2-мъ гренад. полк., 1714 г., т. CXIX, авг., 445, 446.
Бирономъ, герцогъ, 1763 г., т. CXX, окт., 184.
Бирюковъ, Алексд. Степ., цензоръ, 1824 г., т. CXVII, янв., 119.
Біанки, Валентина, пѣвица, † 1884 г., т. CXIX, авг., 434.
Благосвѣтловъ, Григ. Евлампіев., педагогъ, р. 1824†1880 г., т. CXIX, іюль, 214.
Бланкистъ, Алексд. Андр., помѣщ., т. CXVII, янв. 160, февр., 387—391, 395—406, мартъ, 674, 651—674, т. CXIX, іюль, 61—85.
Бланкъ, Петръ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 40.
фонъ-Бларамбергъ, Марія, въ зам. Розенкампфъ, 1797 г., т. CXX, окт., 166.
Блиновъ, маіоръ, 1798 г., т. CXIX, авг., 354.
Блудова, гр—ня, Антонида Дм., камеръ-фрейл., р. 1812†1891 г., т. CXVIII, май, 472, 474, т. CXIX, іюль, 153.
Блудова, гр-ня, урожд. Бутурлина, т. CXVIII, апр., 52.
Блудовъ, Дм. Ник., ст.-секрет., мн-ръ народ. просвѣщ., р. 1785 † 1864 г., т. CXVII, янв., 96, февр., 295, 324, мартъ, 707, 708, т. CXVIII, апр., 203, 206, т. CXIX, іюль, 153, 232—237, сент., 486.
Бнинскій, 1791 г., т. CXIX, іюль, 50.
Бобровъ, Евг. А., профес., т. CXVII, февр., 445, сообщ.: «Эпизодъ изъ жизни Н. И. Костомарова», мартъ, 603—614, т. CXVIII, апр., 216, «А. А. Фуксъ и казанскіе литераторы 30—40-хъ годовъ», т. CXVIII, іюнь, 481 — 509, т. CXIX, іюль, 5—35, «Неизданная рукопись И. И. Лажечникова», т. CXX, окт., 130—139, упом. дек., 669.
Бодянскій, Осипъ Максим., профес., р. 1808 † 1877 г., т. CXVII, янв., 99, 100, 107, мартъ, 711, т. CXX, декаб., 693, 695.
Богуславскій, профес., 1791 г., т. CXIX, іюль, 47.
Богуславскій, ген., т. CXIX, авг., 279.
Бойсманъ, капит., 1855 г., т. CXIX, іюль, 224, 225.
Болотовъ, Андр. Тимоѳ., писат., 1710 г. т. CXX, окт., 113, 126.
Болоховскій, кн., 1861 г., т. CXVII, февр., 304, 305.
Болтинъ, Ив. Никит., историкъ, р. 1735 † 1792, т. CXX, окт., 111.
Большаковъ, Н. С., педагогъ, 1864 г., т. CXX, нояб., 318.
Бонстеттенъ, Карлъ-Викторъ, писа т. р. 1745 † 1832 г., т. CXV III, ап р 212.
Бонъ, ген., 1728 г., т. CXIX, авг. 453.
Боньотъ, Елизав. Никол., воспит-ца Александр. кад. корпуса, 1843 г., т. CXVII, мартъ, 621, т. CXVIII, апр., 115.
Боньотъ, Марія Ив., воспит-ца Александр. корпуса, 1843 г., т. CXVIII, апр., 112—115.
фонъ-Бооль, Вл. Георг., ген.-маіоръ, р. 1836 † 1899 г., т. CXVII, мартъ, 615—630, «Воспоминанія педагога», т. CXVIII, апр., 111—123, май, 379—392, т. CXIX, іюль, 213—227, т. CXX, окт., 74—101, нояб., 300—348.
Боржецкій, Станисл., помѣщ., 1791 г. т. CXVIII, апр., 160.
Борисовъ, В. Л., 1858 г., т. CXVII мартъ, 612.
Боровскій, Пафнутій, 1530 г., т. CXIX, авг., 404.
Бороздинъ, дѣйст. стат. совѣтн. 1816 г., CXVII, февр., 268.
Боскампъ, посолъ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 161, т CXX, окт., 70.
Боткинъ, Вас. Петр., писат., р. 1811

† 1869 г., т. CXVII, янв., 36, мартъ, 635—646, т. CXVIII, апр., 188, 200.
Боткинъ, Серг. Петров., докт., профес., † 1889 г., т. CXVIII, май, 333.
Фонъ-Брадке, Е. О., 1814 г., т. CXVII, янв., 21.
Бразинскій, поэтъ, 1830 г., т. CXVII, февр., 344.
Брандтъ, ген.-губерн. казанск., 1774 г., т. CXVIII, іюнь, 659.
Брандтъ, академ., 1840 г., т. CXVII, февр., 361, 362.
Браницкая, граф., Александра Вас., 1791 г., т. CXVIII, май, 406, 410, іюнь, 686, т. CXIX, сент., 540.
Браницкій, Францискъ-Ксаверій, гетманъ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 161—163, 168, 171, 172, 178, май, 408—413, 417, іюнь, 666, 679, 685, 686, т. CXIX, сент., 533—542.
Брашманъ, Никол. Дмит., профес., 1825 г., т. CXX, окт., 138.
Бриггенъ, 1814 г., т. CXVIII, май, 251.
Брискорнъ, помѣщица, 1814 г., томъ CXVII, мартъ, 496.
Брискорнъ, директ. канцел. воен. министерства, 1834 г., т. CXVII, февр., 288, 289, 293.
Брогліо (Брогли), гр., Сильвестръ Францов., лицеистъ, 1816 г., томъ CXVIII, іюнь, 550.
Бродовскій, Станисл., капит., 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 708, 710.
Брокъ, Θед. Петр., мин. фин., 1854 г., т. CXVII, янв., 220.
Брунновъ, гр., Филип. Ив., послан. въ Лондонѣ, 1839 г., т. CXVII, янв., 169, 181, 182, 193, т. CXVIII, май, 361.
Брылкинъ, т. CXIX, іюль, 33.
Брюэръ, Пелагея, дочь Ив. С. Тургенева, т. CXVII, янв., 29—38.
Брянчаниновъ, Игнатій, архимандр. Сергіевск. пустыни, 1833 г., томъ CXVIII, іюнь, 559.
Де-Буалеконтъ, франц. повѣренный въ дѣлахъ въ Спб., т. CXVIII, апр., 132.
Будбергъ, бар., Андрей, послан. въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, р. 1830 † 1881 г., т. CXVII, мартъ, 681.
Будбергъ, бар., Андрей Яковл., мн-ръ ин. дѣлъ, 1802 г., р. 1750 † 1812 г., т. CXX, окт., 161, ноябрь, 385—390.
Будбергъ, бар., Богданъ Вас., дипломатъ, вносл. эстляндск. губ., р. 1766 † 1833 г., т. CXVII, янв., 139.
Будкевичъ, капит., 1774 г., т. CXVIII, іюнь, 658—660.
Буксгевденъ, Θед. Θед., спб. воен. губерн., р. 1750 † 1811 г., т. CXX, нояб., 389.
Булатовъ, директ. походной канцеляріи кн. Барятинскаго, 1858 г., т. CXIX, сент., 485, т. CXX, окт., 15, 17, нояб., 254, 255, 265, 278—280, декаб., 523.
Булгаковъ, Яковъ Ив., дипломатъ, р. 1743 † 1809 г., т. CXVIII, апр., 158, 161, 162, 165, 170, 171, 175, 177, 178, май, 409, 411, іюнь, 666, 671, 680, 682, 686, 687, 695, 696, т. CXIX, іюль, 41, 49—59, сент., 538, 543, 547, 549, 552, т. CXX, декаб., 607.
Булгаковъ, ген., 1861 г., т. CXX, нояб., 321.
Булгакъ, Іосафатъ, митроп. грекоуніат. церквей въ Россіи, † 1838 г., т. CXVII, янв., 73.
Булгари, гр., 1814 г., т. CXVII, февраль, 264.
Булгаринъ, Θад. Венедикт., писат., р. 1789 † 1860 г., т. CXVII, янв., 27, 215, февр., 377, 378, 441, 452, т. CXVIII, апр., 200, 207, май, 372, 395, 398, 399, іюнь, 566, 575, 585, т. CXIX, іюль, 201, 217, 218, сент., 619, 621.
Буличъ, Н. Н., проф., 1840 г., т. CXVIII, іюнь, 482—485, 489, 500, 501, т. CXIX, авг., 352, 421.
Булычевъ, тайн. совѣтн., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Булыгинъ, Влад. Яков., проф., 1825 г., т. CXX, окт., 132.
Буль, скрипачъ, р. 1810 † 1880 г., т. CXVIII, май, 372.
Бунге, Никол. Христіанов., проф., мн-ръ финанс., р. 1823 † 1895 г., т. CXX, нояб., 331.
Бунинъ, 1882 г., т. CXIX, сент., 710.
Бурачковъ, И. Θ., педагогъ, 1862 г., т. CXX, нояб., 318.
Бурелли, полковн., 1856 г., т. CXIX, сент., 578—580.
Буржинскій, казац. офиц., 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 705, 711, т. CXIX, авг., 286, сент., 630.
Бурнашевъ, юнкеръ арт. уч., 1845 г., т. CXVIII, май, 435, 436.
Бурцовъ, Ив. Григор., полк., декабр., т. CXVIII, апр., 26, май, 242.
Буташевичъ-Петрашевскій, Мих., † 1867 г., т. CXX, нояб., 320.
Бутеневъ, Аполлинарій Петров., дипломатъ, чл. Госуд. Сов., р. 1787 † 1866 г., т. CXVII, февр., 464, 468, 472, мартъ, 681, 699.
Бутковъ, 1857 г., т. CXIX, авг., 252, 262, сент., 487, 499, т. CXX, окт., 15.
Бутурлинъ, гр., Дм. Петр., директ. публ. библ., † 1849 г., т. CXVIII, апр., 52, 53, т. CXIX, сент., 648.
Буслаевъ, Θед. Ив., проф. москов.

унив., 1854 г., т. CXVII, янв., 216, т. CXIX, іюль, 196.
Вухъ, Л., 1840 г., т. CXVII, февр., 363.
Вушенъ, ген.-маіоръ, директ. Орловскаго кадет. корп., 1863 г., томъ CXX, окт., 82, нояб., 315.
Бушъ, лейбъ-медикъ, 1839 г., томъ CXVII, февр., 279.
Быковъ, Николай Дм., т. CXIX, іюль, 60.
Быстрицкій, Мих., протоп., 1752 г., т. CXX, окт., 122.
Быстроновскій, польск. войск., 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 703, томъ CXIX, авг., 271, т. CXX, окт., 243.
Бухарскій, Андрей Ив., сенат., переводч., р. 1767 † 1833 г., т. CXIX, сент., 688, 689.
Бычковъ, Аѳанас. Ѳед., акад., род. 1818 г., т. CXVII, янв., 115, февр., 473, мартъ, 631, т. CXVII, апр., 178.
Бычковъ, И. А., сообщ.: «Два письма князя П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Воейкову», т. CXVII, янв., 115—122, «Изъ переписки князя В. Ѳ. Одоевскаго», февр., 371—385, мартъ, 705—716 т. CXVIII, апр., 193—217, май, 367—378, іюнь, 569—590, т. CXIX, іюль, 151—166, авг. 413—442, «Письма графа Н. П. Румянцова и записка Н. М. Карамзина къ А. И. Ермолаеву», февр., 473—478. Виды на торговлю съ Азіею въ началѣ XIX в., мартъ, 631—633, «Англо-французскій флотъ предъ Одессою въ 1854 г.», т. CXVIII, апр., 179—180, «В. А. Жуковскій и А. И. Тургеневъ въ 1812 и 1814 г.», т. CXIX сент., 688—690.
Бышевскій, ген., 1791 г., т. CXVIII, апр., 164.
Бѣгичевъ, Степ. Никит., † 1857 г., т. CXVII, февр., 379, т. CXIX, авг., 427, 428.
Бѣлинскій, Виссар. Григ., писат., р. 1810 † 1848 г., т. CXVII, янв., 161, 162, февр., 388, 389, 404, мартъ, 636, 640, 644, т. CXVIII, апр., 182, 185, 198—201, май, 472, 473, іюнь, 576, 585, т. CXIX, авг., 413, 414, сент., 554, 556, 572, 573, 615.
Бѣлосельская, княгиня, 1815 г., т. CXVIII, іюнь, 528.
Бѣлоха, Порфирій Никит., инспект. клас. Спб. воен. гимназ., 1864 г., т. CXX, нояб., 300, 308—319, 329—332, 336.
Бѣльскій, Ив. Дм., боярин, воевода, 1543 г., т. CXIX, авг., 405, 406.
Бѣльскій, Симеонъ, воевода, 1543 г., т. CXIX, авг., 405, т. CXX, окт., 41, 42.
Бѣльскій, Ѳед., боярин, 1543 г., т. CXIX, авг., 405.
Бѣляевъ, поруч., 1756 г., т. CXIX, сент., 585.
Бэръ, Карлъ Максим., академ., род. 1792 † 1876 г., т. CXVII, февр., 361, 362, 367, 368.
Бюлеръ, баронъ, Андрей Яков., 1818 г., т. CXVII, янв., 60, 62, 86, т. CXVIII, май, 409, 410, т. CXIX, сент., 548—552, т. CXX, окт., 73.
Бюловъ, Гансъ, піанистъ, 1864 г., т. CXIX, авг., 435.
Бюнтингъ, полковн., командиръ полка, т. CXX, декаб., 655.
де-Бюсси, гра-ня, 1815 г., т. CXIX, авг., 477.

В.

Ваврженцкій, Ѳома, польск. ген. † 1816 г., т. CXVII, февр., 250—256, т. CXVIII, май, 414.
Вагнеръ, Рихардъ, композиторъ, т. CXIX, авг., 432, 433.
Валанскій, еписк., 1865 г., т. CXVII, янв., 138.
Вальберхъ, артистка, 1837 г., т. CXVIII, іюнь, 570.
Валевскій, гр., Алексд., дипломатъ, † 1868 г. т. CXVII, янв. 192, февр., 347, 348, 455, 457, 462, мартъ, 677, 685, 688—694, 698—701, т. CXVIII, апр., 219—222, 229, 230, май, 357, т. CXIX, сент. 547.
Валишевскій, писат., т. CXVIII, іюнь, 529—645, іюль, 131—149, авг., 385—412.
Валуевъ, Д. А., † 1845 т., т. CXVIII, май, 479.
Валуевъ, гр., Петръ Алекс., мн-ръ вн. дѣлъ, р. 1815†1890 г., т. CXVIII апр., 138, май, 323—332, т. CXIX авг., 307, 309, 378.
Вальховскій, Влад. Дм., начальн. шт. Кавказск. корпуса, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 552, 553.
Ванновскій, Петръ Сем., ген.-ад., воен. ми-ръ, † 1904 г., т. CXIX, авг., 302, 303, сент., 587, 588, т. CXX, окт., 76—83, 95, нояб., 339—344.
Варенцовъ, Викт. Гавр., адъюнктъ проф. по рус. словесн. казан. унив., р. 1825†1867 г. т. CXVII, февр., 445.
Варсонофія, монахиня, 1798 г., т. CXIX, сент., 692.

Варсонофій, монахъ, 1841 г., т. CXVII, янв., 147, 150, 155.
Василій III, вел. кн. московскій т. CXIX, авг., 401—405, 409, 410.
Васильевъ, гр., Алексѣй Ив., мн-ръ финанс., р. 1742†1807 г., т. CXX, окт., 156, 163, нояб., 389.
Васильчиковъ, кн., Иллар Вас., предсѣд. госуд. сов., ген.-ад., р. 1777 †1847 г., т. CXVII, янв., 79—92, февр., 275, 282, 283, 286, 297, 300, 302, мартъ, 491, т. CXVIII, апр., 17, іюнь, 547, 564, 565.
Вацлавъ-Собѣскій, т CXVII, янв., 123, 126.
Введенскій, А. И., писат. 1841 г., т. CXIX, авг., 414.
Введенскій, Иринархъ Ив., педагогъ, † 1855 г., т. CXVIII, іюнь, 592, 593.
фонъ-деръ-Вейде, Мих. Яковл., директ. приготовит. пансіона Пажеск. корпуса 1877 г., т. CXVIII, май, 382, 383, т. CXIX, іюль, 224.
Веймарнъ, оберъ-прокур. I департам. Сената, 1839 г., т. CXVII, февр., 295.
Вейдем йеръ, директ. канцел., тайн. совѣтн., 1802 г., т. CXX, окт., 148.
Вейсенгофъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 53.
Велепольскій, маркизъ, Александр., польск. гос. дѣят. р. 1803†1877 г., т. CXVII, февр., 344—355, т. CXIX, іюль, 38, т. CXX, окт., 230.
Величкинъ, актеръ, 1837 г., т. CXVIII, іюнь, 572.
Величко, Пав. Елпсѣев., директ. оренбург. таможни, †1821 г., т. CXVIII, мартъ, 631.
Веліо, бар., симбирск. губ., директ. почт. департ., 1869 г., т. CXVIII, май, 333.
Венгржецкій, президентъ Варшавы, 1813 г., т. CXVII, февр., 432.
Веневитинова, Анна Никол., рожд. княж. Оболенская, † 1841 г., т. CXVIII, апр., 204.
Веневитинова, Аполлинарія Мих., рожд. гр-ня Вѣльгорская, р. 1818 †1884 г., т. CXIX, авг., 421.
Веневитиновъ, Алексѣй Влад., тов. мн-ра удѣловъ, р. 1806†1872 г., т. CXVII, мартъ, 715, т. CXVIII, апр., 203, 216, т. CXIX, авг., 441, 442.
Веневитиновъ, Дм. Влад., писатель, †1827 г., т. CXVII, мартъ, 706, т. CXVIII, апр., 196, 203, май, 459, 462, 463, 472, т. CXIX, іюль, 9.
Вердеревскій, Вас. Евграф., перевод., т. CXVIII, апр., 194.
Верещагинъ, студентъ, 1845 г., т. CXIX, сент., 656.
Верстовскій, Алексѣй Никол., комп., р. 1799†1866 г., т. CXVIII, апр., 202.
Веселаго, Ѳеодос. Ѳед., писатель, р. 1817 г., т. CXVII, мартъ 612, 613.
Веселаго, Ѳед. Власьев., морск. оф., 1852 г., т. CXIX, авг., 323.
Веселовскій, К., 1857 г., т. CXIX, сент, 702.
Веселовскій, Серг. Сем., полковн., 1825 г., т CXVII, февр., 378.
Веселовскій, Феликсъ, авторъ брош. „Примиреніе русскихъ съ поляками“, т. CXX, декабр., 577.
Вигель-Панчулидзева, П., сообщ.: „Свиданіе двухъ императоровъ въ Черновцахъ въ 1823 г.“, т. CXVIII, апр., 125—135. Поправка къ этой статьѣ: кн. апр. стр. 240.
Вигель, Филиппъ Филип., управл. деп. духов. дѣлъ ин. исповѣд., р. 1786 †1856 г., т. CXIX, іюль, 156.
фонъ-Визинъ, Мих. Александр., декабр., т. CXVII, мартъ, 489, т. CXVIII, апр., 26—32.
Вилламовъ, Григ. Ив., секрет. императрицы Маріи Ѳеодоровны, т. CXVII, янв., 91, т. CXIX, авг., 466—470.
Виноградовъ, Гавр. писат., †1842 г., т. CXIX, авг., 426.
Виноградовъ, Г. К., педаг., 1860 г., т. CXIX, іюль, 198.
Виноградовъ, М. Е., издат. „Тобольскаго Обозрѣнія“, 1889 г., т. CXX, декабр., 688.
Виртембергскій, герц. Александръ, главноупр. пут. сообщ. р. 1771†1833 г., т. CXVII, мартъ, 502.
Виртембергскій, принцъ, Евгеній, 1814 г., т. CXVII, янв., 19, т. CXVIII, май, 319, т. CXIX, іюль, 106, 111, авг., 470, 476, сент., 666.
Виртембергскій, принцъ, Людвигъ, ген.-поруч., 1792 г., т. CXX, окт. 63.
Висковатовъ-Висковатый, Павелъ Александр, проф., сообщ.: „Карлъ Карловичъ Зейдлицъ“, т. CXIX, сент., 708—714, упом. т. CXX, дек., 667, 668, 673, 674, 679, 680, 684, 689, 691.
Витгенштейнъ, см. Бестужева-Рюмина.
Витгенштейнъ, кн., Людов., фельдм., р. 1768†1843 г., т. CXVII, мартъ, 494, т. CXIX, сент., 663—666.
Витте, начальн. отдѣл. въ экспед. госуд. имущ. на Кавказѣ 1858 г., т. CXX, окт., 24, нояб., 249.
Виттенгеймъ, Отто, 1823 г., т. CXVII, янв., 62, 86.
Вишневецкій, кн., Адамъ, 1602 г., т. CXVII, янв., 123—128.

Вишневецкій, Дмитрій, 1605 г., т. CXVII, янв., 124, т. CXX, окт., 49.
Вишневецкій, кн., Конст., †1641 г., т. CXVII, янв., 127.
Вишневскій, Гавр. Өед., 1825 г., т. CXX, окт., 138.
Віардо, Полина, артистка, 1850 г., т. CXVII, янв., 33—38, т. CXIX, авг., 435.
Віельгорская, гр-ня, Аполлин. Мих., см. Веневитинова.
Віельгорскій, гр., Мих. Юрьевичъ, об.-шенкъ, чл. комитета управл. имп. театр., р. 1788†1856 г., т. CXVII, янв., 81, т. CXVIII, апр., 194, 195, май, 373, іюнь, 570, 580, т. CXIX, іюль, 60, 153, 164.
Віельгорскій, Юрій, 1790 г., т. CXIX, сент., 539, т. CXX, окт., 71.
Владиміровъ, Л. Е., проф., т. CXVIII, май, 480.
Владимірскій, А. П., протоіерей, 1858 г., т. CXVII, мартъ, 604, 613.
Владиміръ Александровичъ, великій князь, 1886 г., т. CXX, декабр., 657.
Владиславлевъ, Влад. Андр., писат., полковн., р. 1807†1856 г., т. CXVIII, май, 395, 399, іюнь, 571, т. CXIX, іюль, 156, 161, 162.
Владиславлевъ, жанд. оф., 1844 г., т. CXIX, іюль, 8.
Водзицкая, Марія, игуменья, 1791 г., т. CXVIII, апр., 157.
Водовозовъ, Вас. Ив., педагогъ, писат., †1886 г., т. CXVII, февр., 450.
Воейковъ, Алексд. Өед., проф., писат., р. 1773†1839 г., т CXVII, янв., 115—122, февр., 375, т. CXVIII, апр., 216, іюнь, 545, 571, 573, т. CXIX, іюль, 154.
Вознесенская, клас. дама Алексд., корп., 1844 г., т. CXVIII, апр., 116.
Воейкова, Алексд. Андр., см. Протасова.
Войцеховичъ, Алексѣй Ив., сенат., чл. Государ. Совѣта, † 1881 г., т. CXVIII, іюнь, 584.
Вознесенская, воспит-ца Алексд. кад. корп., т. CXVII, мартъ, 620, 621.
Волконская, Алина, княжна, 1825 г., т. CXVII, янв., 198—201.
Волконская, княг., Зинаида Алексд., рожд. княж. Бѣлосельская, т. CXVIII, апр., 203, 204, 217.
Волконская, кн-ня, Софія, 1825 г., т. CXVII, янв., 198—201.
Волконскій, кн., Гр. Петр., попеч. Спб. учебн. окр., 1843 г., т. CXVII, мартъ, 714, т. CXVIII, іюнь, 574, 583.
Волконскій, кн., Мих. Никитичъ, 1813 г., т. CXIX, сент., 644.
Волконскій, кн., Пав. Мих., 1813 г., т. CXIX, сент., 644.
Волконскій, кн., Петръ Мих., мн-ръ двора, фельдмарш., р. 1776 † 1852 г., т. CXVII, янв., 80, 201, 204, февр., 267, 283, мартъ, 576, 599—602, 714, т. CXVIII, апр., 49, т. CXVIII, апр., 110, май, 444.
Волловичъ, кн., референдар. литовскій, 1791 г., т. CXIX, іюль, 50.
Воловскій, польск. эмигр., 1830 г., т. CXVII, мартъ, 546, т. CXVIII, апр., 57.
Волосовъ, полковн., 1853 г., т. CXVII, янв., 47.
Волоцкой, помѣщ., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 498.
Вольскій, ген., директ. Кіевск. корп., 1864 г., т. CXX, окт., 96.
Вольскій, ген.-ад. польск. войскъ, 1791 г., т. CXVIII, май, 408, 414.
Вольфъ, Мавр. Осипов., книгопр., 1861 г., т. CXX, нояб., 322.
Воробьевъ, Г. А., сообщ.: „Похоронная церемонія въ Варшавѣ въ 1826 г., въ память императора Александра I“, т. CXX, декаб., 641—650.
Вороничъ, архіеп. варш., † 1829 г., т. CXX, нояб., 373, декабр., 641, 646.
Воронцова, гр-ня, 1815 г., т. CXIX, іюль, 107.
Воронцовъ, гр., Александръ Роман., госуд. канцл., р. 1741†1805 г., т. CXVIII, іюнь, 685, 694.
Воронцовъ, гр., Ив. Иллар., сенат., 1762 г., т. CXVIII, апр., 124.
Воронцовъ, гр., Мих. Сем., новорос. ген.-губ., намѣстн. Кавказ., р. 1781 †1856 г., т. CXVII, февр., 358, т. CXIX, авг., 258, 324, сент., 489, 703, т. CXX, окт., 6, 22, декаб., 491, 727.
Воронцовъ, гр., Сем. Ром., послан. въ Англіи, р. 1774†1832 г., т. CXVII, янв., 9, 24, т. CXVIII, апр., 28, 169, 170, 173, 175, іюнь, 562.
Воронцовъ, Өед. Сем., т. CXIX, авг., 406—408.
Воронцовъ-Вельяминовъ, Николай Павл., полковн., 1863 г., т. CXIX, авг., 302, 304, т. CXX, окт., 87—90.
Воротынскій, кн., Мих. Ив., 1554 г., т. CXX, окт., 37, 45.
Ворошиновъ, Сергѣй, студентъ Греко-Латин. акад., 1748 г., т. CXX, окт., 112.
Востоковъ, Алексд. Христоф., акад., р. 1781†1868 г., т. CXVII, февр., 433—435, 474—477, мартъ, 708.

*

Врангель, бар., Алексд. Евстафьев., шемахинск. воен. губерн. 1856 г., впосл. начальн. Прикаспійск. края 1859 г., т. CXX, нояб., 259, 271, декаб., 519.
Врангель, Ферд. Петр., адмир., р. 1796†1870 г., т. CXVIII, іюнь, 554.
Врангель, гр. Фридрихъ ген., †1877 г., т. CXVIII, апр., 60—63, май, 271.
Врангель, подпоруч., 1799 г., т. CXIX, авг., 359.
Враскій, Бор. Алексѣев., чиновн. собств. е. в. канцел., 1840 г., т. CXVIII, апр., 196, іюнь, 576, т. CXIX, іюль, 151.
Вреде, гр., 1814 г., т. CXIX, сент., 665.
Времевъ, слободско-украинск. предвод. двор., 1828 г., т. CXIX, сент., 705.
Всеволожская, жена церемонійм., 1839 г., т. CXVII, февр., 284.
Всеволожскій, Андрей, 1858 г., т. CXX, окт., 23, 24.
Всеволожскій, Всеволодъ, 1858 г., т. CXX, окт., 23.
Всеволожскій, Никита, т. CXX, окт., 23.
Всеволожскій, Николай, тверск. губерн., 1820 г., т. CXVIII, апр., 110.
Второвъ, Ив. Алексѣев., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 482, 502—504, 507, т. CXIX, іюль, 21, 35.
Второвъ, Никол. Ив., вице-директ. деп. мин. вн. дѣлъ, р. 1818†1865 г., т. CXVIII, іюнь, 502—507, т. CXIX, іюль, 21, 30, 35.
Вульфъ, Викторъ Констант., помощн. инспектора полтав. воен. гимназ., 1866 г., т. CXX, нояб., 343, 346.
Выходцевскій, Алексд. Петр., ген.-маіоръ, 1852 г., т. CXVIII, май, 382, т. CXX, нояб., 303.
Вышнеградскій, Ив. Алексѣев., мнръ финанс., р. 1831†1892 г., т. CXIX, сент., 586, т. CXX, декаб., 686.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., товар. мн-ра народн. просв., писат., р. 1792†1878 г., т. CXVII, янв., 18, 20, 115—122, т. CXVIII, апр., 21, 195, май, 370, 373, 378, іюнь, 571—575, т. CXIX, іюль, 9, авг., 441, сент., 620.
Вяземскій, кн., Петръ Александр., 1855 г., т. CXIX, сент. 670—672.
Вяземскій, кн., калужск. губернскій предвод. дворянства, 1814 г. т. CXVIII, май, 261—264.
Вяземскій, кн., 1832 г., т. CXVIII, май, 473, іюнь, 515, 518, т. CXIX, іюль, 152, 155, 164, авг., 422.
Вязмитиновъ, гр., Серг. Козьмичъ, воен. мин. съ 1802—1808 гг., спб. ген. губерн., р. 1749†1819 г., т. CXVII, февр., 292, 444, мартъ, 601, т. CXIX, авг., 469, 476, т. CXX, окт., 156.
Вяткинъ, А. С., виленск. коменд., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.

Г.

Гавріилъ (Петровъ), спб., и новгор. митр., †1801 г., т. CXIX, сент., 692, 699, 700, т. CXX, окт., 107.
Гагаринъ, кн., Гавр. Петр., президент. коммерцъ-коллегіи, р. 1745 † 1808 г., т. CXVII, мартъ, 631.
Гагаринъ, кн., Григ. Григ., вице-президент. Имп. акад. худож., р. 1810 г., т. CXIX, сент., 495, 502.
Гагаринъ, кн., Ив. Серг., писат., іезуитъ, р. 1814 † 1882 г., т. CXVII, янв., 109.
Гагаринъ, кн., 1802 г., т. CXX, окт., 184.
Гагринъ, маіоръ, 1774 г., т. CXCIII, іюнь, 659.
Гадолинъ, Аксель Вильгельм., полковн., 1856 г., т. CXIX, сент., 585.
Гаевскій, Викт. Павл., писат., р. 1826 † 1888, т. CXIX, сент., 670.
Галанинъ, 1856 г., т. CXIX, сент., 673.
Галаховъ, Алексд. Павл., ген.-ад., спб. об.-полиціймм., 1855 г., томъ CXVIII, апр., 211.
Галаховъ, Алексѣй Дмитр., писат., р. 1807 † 1892 г., т. CXVIII, іюнь, 584.
Галаховъ, Г., 1866 г., т. CXVII, февр., 450.
Галаховъ, Пав. Александр., р. 1776 † 1838 г., т. CXVIII, апр., 211.
Гальбергъ, Самуилъ Ив., скульпт., р. 1787 † 1839 г., т. CXVIII, апр., 204.
Ганибалъ, ген., 1762 г., т. CXIII, апр., 240.
Ганике, педаг., 1864 г., т. CXX, нояб., 318.
Ганнотъ, педагогъ, 1868 г., т. CXX, нояб., 345.
Гансъ, Эдуардъ, Берлинск. унив. проф. естеств. права и прусскаго гражд. права, р. 1798 † 1839 г., томъ CXIX, іюль, 158.
Ганъ, стат. совѣтн., управл. Саратовск. губ., 1854 г., т. CXVII, янв., 220.
Гапоновъ, протопопъ, 1814 г., томъ CXVII, мартъ, 496, 497.

Гартманъ, Даніилъ, ген.-директ. медиц. вѣдомства въ Финляндіи, томъ CXVIII, май, 373.
Гартманъ, Карлъ, врачъ, томъ CXVIII, май, 373.
Гартонгъ, Никол. Павл., ген., директ. I корпуса, 1862 г., т. CXIX, авг., 301, 302, т. CXX, окт., 76—78, 85, 86, 95, 96, нояб., 300.
Гауке, Іосифъ, участн. польск. войскъ, 1863 г., т. CXVIII, апр., 116.
Гаукъ, ген., 1825 г., т. CXX, декаб., 637.
Гаю, маіоръ, 1828 г., т. CXX, декаб., 727.
Гваренги, архит., 1815 г., т. CXIX, іюль, 232.
Ге, педагогъ, 1854 г., т. CXIX, іюль, 188.
Гебгардтъ, Ѳедоръ, 1849 г., т. CXIX, сент., 684.
Гебель, Оскаръ, директ. моск. гимн., т. CXIX, іюль, 189.
Гевеліоти, Ксенофонтъ Ѳедосѣев., р. 1823 † 1880 г., т. CXVII, янв., 165.
Гезкъ, Ѳед. Карл., директ. дерп. классич. гимназ., 1888 г., т. CXX, декаб., 674, 675.
Гейденъ, гр., Логинъ Петров., адм., ревельск. воен. губерн., р. 1772 г., † 1850 г., т. CXVIII, май, 290.
Генингъ, Леопольдъ, совѣтникъ финансовъ, тайн. совѣтн., р. 1748, † 1828 г., т. CXX, нояб., 378.
Генынгъ, М. М., т. CXIX, авг., 326, 335.
Геннади, Григ. Никол., почетн. чл. Имп. Публич. Библіот., библіографъ, † 1880 г., т. CXVIII, апр., 179.
Геннадій, архіеп. новгор. XVI вѣка, т. CXIX, іюль, 142.
Гераковъ, Н. С., полковн., 1863 г., т. CXIX, авг., 304
Гергей, предводит. горцевъ, 1848 г., т. CXVIII, май, 286.
Гердъ, Александръ Яковл., педаг., 1864 г., т. CXX, нояб., 318—323.
Германъ, Лука Лукичъ, инжен., полковн., 1855 г., т. CXIX, іюль, 218—220.
Германъ, профес., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 488.
Гермогенъ, патріархъ, † 1612 г., т. CXX, декаб., 710.
Герцбергъ, прусск. мин. ин. дѣлъ, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 664.
Герценъ, Александръ Ив., писат., р. 1812 † 1870 г., т. CXVII, февр., 415, 416, мартъ, 636—639, т. CXVIII, апр., 192, 201, 236, май, 474, 475, т. CXIX, сент., 560.
Гессенъ, ген.-маіоръ, 1800 г., т. CXIX, авг., 367.
Гессъ, Германъ Ив., химикъ, академ., р. 1802 † 1850 г., т. CXVIII, іюнь, 571, 582.
Гизо, историкъ, франц. государст. дѣят., р. 1787 † 1875 г., т. CXVII, янв., 169—195, т. CXVIII, май, 368, іюнь, 579.
Гильдебрантъ, кол. сов., 1798 г., т. CXIX, сент., 691.
Гильфердингъ, Александръ Ѳед., славяноф., ученый и писат., р. 1831 † 1872 г., т. CXVIII, май, 477, 478.
Гиляровъ-Платоновъ, Никита Петров., писат., † 1887 г., т. CXIX, іюль, 176.
Гиппингъ, завѣдующ. библіот. канцлера Румянцова, 1822 г., т. CXVII, февр., 476, 477.
Гиржевъ, Ив., 1828 г., т. CXIX, сент., 704, 705.
Глаголевъ, А. Г., докторъ филос., т. CXVIII, май, 459.
Глазуновъ, прапорщ., 1799 г., томъ CXIX, авг., 362.
Глинка, Юстина Карловна, рожд. Кюхельбекеръ, 1825 г., т. CXVII, февр., 378.
Глинка, Влад. Андр., 1825 г., томъ CXVII, февр., 378.
Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г., т. CXVIII, май, 367, т. CXIX, іюль, 153, 154, авг., 433.
Глинка, Серг. Никол., писат., р. 1774 † 1847 г., т. CXVII, янв., 24, мартъ, 504, т. CXVIII, май, 373, 374.
Глинка, Ѳед. Никол., писат., † 1880 г., т. CXVII, мартъ, 490, 494, 508, 512—514, т. CXVIII, апр., 21, іюнь, 511, т. CXIX, сент., 620.
Глинская, Елена Вас., жена Василія III, т. CXIX, авг., 403—405, 410, 411.
Глинскій, Вас. Львов., 1493 г., томъ CXIX, авг., 403.
Глинскій, кн., Мих. Вас., 1547 г., т. CXIX, авг., 403, 412.
Глинскій, кн., Юрій Мих., 1547 г., т. CXIX, авг., 412.
Глотовъ, юнкеръ артил. училища, 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 615.
Гнѣдичъ, Никол. Ив., поэтъ, писат., р. 1784 † 1833 г., т. CXVII, янв., 208, февр., 375, 385, т. CXVIII, іюнь, 511, 514, 517, 518, т. CXIX, сент., 612, 613, 620.
Гогенлоге, гр-ня, Луиза, рожд. гр-ня Столбергъ-Россельская, 1794 г., томъ CXVIII, апр., 64.
Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., т. CXVII, февр., 429, 430, 436—440, мартъ, 640, 641, т. CXVIII,

апр., 189, 190, іюнь, 586, 588; томъ CXIX, іюль, 216, авг., 421, 422, 437, сент., 594, 595, 613—620, 677, 683, 709, т. CXX, декаб., 693—695.

Годуновъ, Борисъ, царь, т. CXVII, янв., 124.

Голензовскій, прапорщ., 1856 г., т. CXIX, сент., 582, 583.

Голенищева-Кутузова, Авдотья Ильинишна, 1798 г., т. CXIX, сент., 693.

Голенищевъ-Кутузовъ, Смоленскій, Мих. Иллар., р. 1745 † 1813 г., т. CXIX, сент., 544.

Голицына, М. Г., княгиня, 1816 г., т. CXVII, янв., 17.

Голицынъ, кн. Алекс-д. Мих., ген.-фельдм., р. 1718 † 1783 г., т. CXVIII, іюнь, 648.

Голицынъ, кн., Алекс-д. Никол., об.-прокур. синода, мин. дух. дѣлъ и просв., р. 1773 † 1844 г., томъ CXVII, янв., 17, 18, 74, февр., 292, т. CXVIII, іюнь, 716, т. CXIX, іюль, 36, сент., 647, 666, 686, томъ CXX, окт., 157, 161, нояб., 387, 391, 401, декаб., 638, 714, 715.

Голицынъ, кн., Алекс-д. Ѳед., ст.-секр., 1838 г., т. CXVII, янв., 78, 82.

Голицынъ, кн., Борисъ, 1859 г., томъ CXX, нояб., 284.

Голицынъ, кн., Вас. Вас., р. 1633, † 1713 г., т. CXX, окт., 109.

Голицынъ, кн., Дм. Влад., ген.-отъ-кавал., моск. воен. ген.-губерн., р. 1771 † 1844 г., т. CXVII, янв., 232—234, мартъ, 713, т. CXVIII, апр., 203, 204, іюнь, 562, 564, томъ CXIX, сент., 654, т. CXX, нояб., 479, 487.

Голицынъ, кн., Ив., ген.-ад., 1762 г., т. CXVIII, апр., 124.

Голицынъ, кн., Мих. Мих., ген.-аншефъ, сенат., р. 1685 † 1764 г., т. CXIX, авг., 445—447.

Голицынъ, кн., С. Ѳ., лифл., эстл. и курлянд. воен. губерн. 1801 г., т. CXX, декаб., 507.

Голицынъ, Ѳед. Никол., 1813 г., т. CXIX, сент., 644.

Голицынъ, кн., Ѳед. Серг., 1813 г., т. CXIX, сент., 644.

Голицынъ, кн., офиц., 1859 г., т. CXIX, сент., 699, т. CXX, декаб., 507.

Головачевъ, П., сообщ.: „Дѣло о философіи Круга“, т. CXIX, авг., 340—352.

Головина, гр-ня, Варв. Никол., рожд. княжна Голицына, „ея записки“ (1766—1819), т. CXVII, янв., 99—113, февр., 413—422, мартъ, 648—650, 704, т. CXVIII, апр., 235—239.

Головинъ, Е. А., ген.-губерн. при балтійск. края, †1858 г., т. CXVII, февр., 370.

Головинъ, Ив. Мих., ген.-маіоръ, 1722 г., т. CXIX, авг., 449.

Головкина, гр-ня, Натал. Гавр., зам. Апраксина, р. 1689 г., т. CXIX, авг., 444, 451.

Головкинъ, гр., Гавр. Ив., канцл., 1714 г., † 1734 г., т. CXIX, авг., 444, 448, 452, 455.

Головкинъ, гр., послан. въ Вѣнѣ, 1818 г., т. CXVII, мартъ, 521, 524, т. CXIX, авг., 480.

Головкинъ, гр., помѣщ., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 496.

Головнинъ, Алексд. Вас., мин. нар. просв., р. 1821†1886 г., т. CXVII, февр., 366, мартъ, 639, т. CXIX, сент., 496, 501, т. CXX, нояб., 326.

Головнинъ, Вас. Мих., адм., р. 1776 †1831 г., т. CXVIII, іюнь, 554, т. CXIX, авг., 337.

Голубцовъ, начальн. Александр. кадетск. корп., 1844 г., т. CXVIII, апр., 117.

Гонзаго, архитект., 1815 г., т. CXX, нояб., 473.

Гончаровъ, Ив. Алексд., писат., р. 1814†1891 г., т. CXVII, янв., 239, т. CXIX, сент., 675.

Горбатый, кн., Алексд. Бор., 1552 г., т. CXX, окт., 46.

Гордонъ, эмигр., 1863 г., т. CXX, окт., 225.

Горженскій, ген., 1792 г., т. CXX, окт., 70.

Горкоженко, адм., т. CXIX, авг., 326.

Горловъ, помѣщ., 1861 г., т. CXVIII, май, 451.

Горловъ, проф., 1856 г., т. CXIX, сент., 586.

Городчаниновъ, Григ. Николаев., проф., поэтъ, проф. казанск. унив., р. 1771†1852 г., т. CXVIII, іюнь, 489, 503, 504, т. CXIX, іюль, 11—13, 22, 35, авг., 344, 350—352, т. CXX, окт., 137.

Горсткинъ, декабр., т. CXVIII, май, 253, 254.

Горчаковъ, кн., Алексд. Мих., канцл., р. 1799†1883 г., т. CXVII, февр., 346, 352—354, 458, мартъ, 678, 681, 682, т. CXVIII, апр., 151, 220, май, 357, 358, іюнь, 551, 555, 563, т. CXIX, сент., 486—488, т. CXX, окт., 242.

Горчаковъ, кн., Мих. Дм., ген.-ад., варшав. ген.-губ., р. 1793†1861 г., т. CXVIII, апр., 59, т. CXIX, іюль, 98.

Горюшкинъ, поруч., 1798 г., т. CXIX, авг., 363.

Гофенъ, г-жа, 1815 г., т. CXIX, авг. 473.

Гофманъ, кап., 1800 г., т. CXIX, авг., 367.
Грабовскій, стат.-секр., 1825 г., т. CXX, декаб., 624, 634, 638.
Грановскій, Тимоѳ. Никол., проф., †1855 г., т. CXVIII, апр., 185, 201, т. CXIX, іюль, 157, 193, сент., 562, 565–569.
Гревенитцъ, бар., Пав. Ѳед., дипломатъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 554, 555.
Грей, гр., (лордъ) мн-ръ въ Англіи, р. 1764†1845 г., т. CXVII, янв., 174.
Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адм., коменд. черноморск. флота, р. 1775 †1845 г., т. CXVII, янв., 91, т. CXVIII, апр., 67.
Грековъ, поруч., 1798 г., т. CXIX, авг., 354.
Грекъ, Максимъ, 1525 г., т. CXIX, авг., 389, 403, т. CXX, окт., 39
Гренквистъ, почтмейст., т. CXVIII, апр, 93.
Гренцштейнъ, А. И., редакт. еженед. эстонской газеты „Olevik“, 1889 г., т. CXX, декаб., 689—691.
Гречъ, Никол. Ив., писат , р. 1787 †1867 г , т. CXVII, янв., 28, 116, 119, февр., 377, 380, т. CXVIII, апр., 200, май, 373, 374, 398, іюнь, 567, т. CXIX, іюль, 217, 218.
Грибовскій, Адріанъ Моисеев., ст.-секр., 1792 г., т. CXIX, сент., 543.
Грибоѣдова, Настасья Ив., т. CXVIII, май, 456.
Грибоѣдовъ, Алексд. Серг., писат., р. 1795†1829 г., т. CXVII, янв., 121, 122, февр., 379, 434, т. CXVIII, май, 458, іюнь, 586, 588, т. CXIX, авг., 425—428.
Григорьевъ, В. В., писат., т. CXVIII, май, 399, т. CXIX, сент., 559.
Гривцовъ, инсп. моск. гимн., 1857 г., т. CXIX, іюль, 190, 191.
Григоровичъ, А., сообщ.: «Къ біографіи А. А. Фета (Шеншина)», т. CXVII, янв., 165—168.
Григорьевъ, Вл. Вас., педагогъ, 1854 г., т. CXIX, іюль, 189.
Гринева, Софья Вас., 1825 г., т. CXVII, февр., 378, 380.
Гротъ, К. Я., сообщ.: «Е. А. Баратынскій и П. А. Плетневъ. (Нѣсколько писемъ Баратынскаго)», т. CXVIII, іюнь, 511—522.
Гротъ, Яковъ Карл., акад., р. 1812 †1893 г., т. CXVIII, май, 373, іюнь, 512, 517, т. CXIX, сент., 601, 608—610, 622—627.
Грузинскій, кн., Ив., 1859 г., т. CXX, нояб., 284.
Грушевскій, полк., 1800 г., т. CXIX, авг., 367.
Грыглашевскій, капит., т. CXIX, сент., 629—631.
Гудимъ, Алексд. Вас., воспит. полтавск. воен. гимназ., 1866 г., т. CXX, нояб., 343.
Гудимъ, Петръ Вас., завѣдующ. обмундиров. въ полтавск. воен. гимназ., 1866 г., т. CXX, нояб., 343.
Гулакъ-Артемовскій, писатель, т. CXIX, сент., 673.
Гулевичъ, Бенедиктъ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 159, май, 413, 417, т. CXIX, іюль, 42, 43.
Гулевичъ, Францишекъ, 1790 г., т. CXIX, сент., 539.
Гурій (въ мірѣ Григ. Руготинъ), казанск. архіеп., р 1500†1563 г., т. CXIX, іюль, 124, т. CXX, окт., 47.
Гурко, Іосифъ Влад., варш. ген.-губерн., фельдмарш., 1883 г., т. CXX, окт., 247, 248.
Гурьева, г-жа, 1815 г., т. CXVIII, іюнь, 528.
Гурьевъ, гр., Алексѣй Дмитр., ген.-маіоръ, 1826 г., т. CXIX, авг., 343, 347.
Гурьевъ, гр., Дм. Алексд., мин. удѣл. 1809 г., впосл. мин. финанс , 1819 г., т. CXVII, янв., 201, февр., 293, т. CXVIII, апр., 134, т. CXIX, авг., 480, т. CXX, окт., 156, 157.
Гурьевъ, М. В., 1839 г., т. CXVII, февр , 294.
Гурьевъ, гр., кіевск. ген.-губ., 1838 г., т. CXVII, янв., 91, т. CXVIII, іюнь, 626.
Гундоровъ, кн., 1628 г., т. CXIX, авг., 400.
Гурцевъ, 1841 г., т. CXIX, авг., 413, 414.
Гутьяръ, Н., сообщ.: «И. С. Тургеневъ и его дочь Полина-Брюэръ», т. CXVII, янв., 29—38, «И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ», мартъ, 635—646, «Ив. Серг. Тургеневъ въ Берлинскомъ университетѣ» (1838—1840 гг.), т. CXIX, сент., 553—577.
Гуфеландъ, врачъ, р. 1762†1836 г. т. CXVII, янв., 105.
Гюббенетъ, Адольфъ Яковл., управл. госуд. имущ., 1863 г., т. CXVIII, апр., 147. 148.
Гюне, Алексд. Ѳед., чл. спб. по крест. дѣламъ присутствія, 1869 г., т. CXVIII, май, 333.

Д.

Давыдова, Елисав. Дмитр., 1858 г., т. CXX, окт., 18, 22, 23.
Давыдовъ, Денисъ Вас., партизанъ, писат., р. 1784 † 1839 г., т. CXVII, янв., 85.

Давыдовъ, Ив. Ив., проф. московск. унив., р. 1794 † 1863 г., т. CXVII, февр., 374, 375, 381, т. CXIX, іюль, 8, сент., 659, 663.
Давыдовъ, К., 1822 г., т. CXIX, сент., 648.
Дадіанъ, владѣт. князь Мингреліи, т. CXVII, мартъ, 560, 561.
Даллеръ, полковн., 1845 г., т. CXVIII, май, 425.
Даль, Е. В., г-жа, 1879 г., т. CXIX, авг., 321—339.
Даль, Влад. Иван., писат., р. 1801 г. † 1872 г., т. CXVII, февр., 434—436, т. CXIX, авг., 321—339, 417, 441.
Даль, Карлъ Ив., т. CXIX, авг., 322.
Делянovъ, гр., Ив. Давыд., мн-ръ народн. просв., 1888 г., т. CXX, декаб., 674, 675, 682.
Данзасъ, Констант. Карл., генералъ, р. 1800 † 1870 г., т. CXVIII, іюнь, 551.
Данзасъ, директ. въ департам. мин. юстиціи, 1839 г., т. CXVII, февр., 295.
Данненбергъ, ген., 1854 г., т. CXVIII, май, 343.
Данилевскій, Гр. Петр., писатель, р. 1829 † 1890 г., т. CXVIII, іюнь, 549, 621—625, т. CXIX, сент., 670—675, т. CXX, декаб., 695.
Данилевскій, К. Г., сообщ.: „Три письма къ Григорію Петровичу Данилевскому", т. CXVIII, іюнь, 621—625.
Даниловичъ, Григ. Григ., ген.-адъют. генер.-отъ-инф., директ. 2 корпуса, 1863 г., воспит. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и вел. князя Георгія Александровича, т. CXIX, авг., 301, 302, т. CXX, нояб., 326.
Данковъ, Гавріилъ, протоіер., духовн. великой княгини Елены Павловны, т. CXIX, іюль, 23.
Даннекеръ, Іоганнъ-Генрихъ, скульпторъ, р. 1758 † 1851 г., т. CXVIII, апр., 209.
Дараганъ, генералъ-маіоръ, 1857 г., т. CXIX, авг., 287, 294, 295.
Дашкова, княгиня, Екат. Романов., рожд. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., т. CXVII, янв., 100, 101, т. CXVIII, апр., 206.
Дашковъ, Дмит. Вас., мин. юстиціи, р. 1784 † 1839 г., т. CXVII, февр., 289, 299, мартъ, 707, т. CXVIII, іюль, 567, т. CXIX, сент., 706.
Дашковъ, Д. Я., 1838 г., т. CXVII, янв., 91.
Двермановскій, участн. польскаго возст., 1863 г., т. CXIX, іюль, 120.
Дверницкій, Іосифъ, польскій ген., р. 1779 † 1867 г., т. CXIX, сент., 633, т. CXX, окт., 229, 233.
Дверницкій, маіоръ, т. CXIX, сент., 633.
Деболи, польскій послан. въ спб., 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 671, томъ CXIX, іюль, 38—41, сент., 538, т. CXX, окт., 72.
Дегай, П. И., статсъ-секрет., 1839 г., т. CXVII, февр., 295.
Декроа, оф., пут. сообщ., 1859 г., т. CXX, декаб., 494.
Де-ла-рю, Мих. Данилов., писатель, р. 1811 † 1868 г., т. CXVIII, іюнь, 503, т. CXIX, іюль, 10, 11.
Дельвигъ, бар., Антонъ Антоновичъ, писат., р. 1798 † 1831 г., т. CXVIII, іюнь, 511—515, 519, 551, т. CXIX, іюль, 8, 10, сент., 620.
Демидова, г-жа, 1815 г., т. CXIX, іюль, 107.
Демидовъ, Никита Акинф., 1762 г., т. CXVIII, апр., 124.
Демидовъ, Никол., полковн., помѣщ., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 497.
Демидовъ, Пав. Григ., дѣйствит. ст. совѣт., р. 1738 † 1821 г., т. CXIX, іюль, 116.
Демидовъ, Пав., курскій губернат., 1838 г., т. CXVII, февр., 276.
Депрерадовичъ, Никол. Ив., ген.-адъют., ген.-отъ-кавалеріи, р. 1767 † 1843 г., т. CXVII, янв., 231.
Дербышъ, ханъ, 1554 г., т. CXX, окт., 48.
Державина, жена поэта, 1838 г., т. CXVII, янв., 74.
Державинъ, Гавр. Романов., мн-ръ юстиціи, писат., р. 1743 † 1816 г., т. CXVII, янв., 7, 164, февр., 403, 404, мартъ, 484, 580, 705, 706, томъ CXIX, іюль, 14, 24, т. CXX, окт., 130, 134, 145, 146, 151, 152, 156, 178, 184.
Дерфельденъ, ген.-поручикъ, 1792 г., т. CXIX, сент., 542—545.
Дзюбинъ, поруч., 1800 г., т. CXIX, авг., 364.
Дибичъ, гр., Ив. Ив., фельдмаршалъ, р. 1785 † 1851 г., т. CXVII, февр., 261, мартъ, 529, 532, 533, 536—539, 541, 547, т. CXVIII, апр., 49, іюнь, 567, т. CXIX, авг., 322.
Димитрій Іоанновичъ, царевичъ, † 1551 г., т. CXX, окт., 46.
Димитрій, Самозванецъ, 1602 г., томъ CXVII, янв., 123—128.
Дитерихсъ, Конст. Егор., оф., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 611.
Дихеусъ, Александр. Богдан., педагогъ, 1846 г., т. CXVII, мартъ, 526, т. CXVIII, апр., 114, 123.

Дмитріевъ, Ив. Ив., мн-ръ юстиціи, баснописецъ, р. 1760 † 1837 г., томъ CXVII, янв., 115—118, февр., 384, 385, т. CXVIII, май, 473, т. CXIX сент., 651, 655, 658.
Дмитріевъ, Мих. Александр., об.-прокур. моск. сената, стихотвор., писат., р. 1796 † 1866 г., т. CXVII, янв., 118—122, 215, т. CXVIII, апр., 194.
Дмитріевъ, помѣщ., 1863 г., т. CXVIII, май, 333, 334.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр., 1814 г. т. CXVII, мартъ, 491.
Добровольскій, педагогъ, 1855 г., т. CXIX, іюль, 222, 223.
Добролюбовъ, Никол. Александр. критикъ, р. 1836 † 1861 г., т. CXVII, мартъ, 638, т. CXX, нояб., 331.
Довбышевъ, ген., 1853 г., т. CXIX, авг., 292.
Довгирдъ, ковенск. губерн. предвод., 1857 г., т. CXIX, авг., 372, 373.
Долгоруковъ, кн., А. А., мн-ръ юст., 1829 г., т. CXVII, янв., 111, томъ CXVIII, іюнь, 506.
Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., шефъ жанд., воен. мин-ръ, р. 1804 † 1868 г., т. CXVII, февр., 373, т. CXX, дек., 698, 699.
Долгоруковъ, кн., Илья Андр., дек., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 488, 494, 512, т. CXVIII, апр., 19, 21, 27, май, 253.
Долгоруковъ, кн., Петръ Серг., ген.-маіоръ, 1769 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Долгоруковъ, кн., 1858 г., т. CXIX, сент., 486—488.
Долецкій, Титъ, участн. возст., 1863 г. т. CXIX, іюль, 120.
Домбровская, Изабелла, сестра милосерд., 1854 г., т. CXIX, авг., 271, т. CXX, декаб., 558.
Домбровскій, Ив. Генрихъ, польск. ген., р. 1755 † 1818 г., т. CXVII, февр., 270.
Домбровскій, Ярославъ, участникъ польск. возст., р. 1835 † 1871 г., т. CXVIII, апр., 55, т. CXX, окт., 229, 236.
Домейко, А. Ѳ., виленск. предводит. дворян., 1864 г., т. CXIX, іюль, 120, авг., 370—373.
Донаурова, Марія Ѳедотов., рожд. Веригина, р. 1714 † 1848 г., т. CXVII, февр., 377.
Донауровъ, Александ. Мих., † 1823 г., т. CXVII, февр., 373, 377.
Донауровъ, Мих. Ив., сенат. р. 1758 † 1817 г., т. CXVII, февр., 377.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Мих. Александр., р. 1794 † 1869 г., попечит. спб. учебн. округа и предсѣдат. спб. цензурнаго комитета, т. CXVIII, май, 377, іюнь, 577, 578.
Досиѳей (Ильинъ), орловск. архіер., 1814 г., т. CXIX, сент., 688—690.
Достоевскій, Ѳед. Мих., писатель, р. 1821 † 1881 г., т. CXVII, мартъ, 642, т. CXVIII, апр., 52, іюнь, 584.
Дрентельнъ, А. Р., 1864 г., т. CXIX, авг., 308.
Дружининъ, Александр. Вас., писат., р. 1824 † 1864 г., т. CXVII, мартъ, 641, т. CXIX, сент., 670.
Дружининъ, Я. А., т. CXX, окт., 160, нояб., 391, 423.
Друцкой-Любецкій, кн., Ксаверій Францовичъ, † 1846 г., т. CXVII, янв., 90, февр., 250—256, т. XVIII, іюнь, 561.
Дубельтъ, Леонт. Вас., ген.-лейт., начал. шт. корп. жандар., р. 1792 † 1862 г., т. CXVII, февр., 437, 439, мартъ, 713.
Дубенскій, Никол. Порфиріев., директ. департам. податей и сборовъ, 1823 г., т. CXVII, янв., 62.
Дубровинъ, Никол. Ѳед., † 1904 г., ген.-лейт., акад., писатель, сообщ.: „Послѣ отечественной войны". (Изъ русской жизни въ началѣ XIX в.), т. CXVII, янв., 5—28, февр., 241—274, мартъ, 481—515, т. CXVIII, апр., 5—34, май, 241—264, іюнь, 647; „Къ исторіи наводненія въ С.-Петербургѣ въ 1824 г.", т. CXVII, янв., 231—239, хром., сент., 704.
Дудышкинъ, полковникъ, 1866 г., т. CXX, нояб., 343, 344.
Дунинъ, ген., 1791 г., т. CXIX, сент., 544, 545, т. CXX, окт., 70.
Дурново, ген., 1826 г., т. CXVIII, май, 319.
Думашевъ, секундъ-маіоръ, 1796 г., т. CXVII, февр., 341, 342.
Душинскій, польск. писат., 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 704.
Дьяковъ, ген.-ад., 1849 г., т. CXVIII, май, 281.
Дьяковъ, предсѣд. гражд. палаты, т. CXIX, іюль, 233.
Дѣдева, Пелагея Петр., рожд. Каменева, т. CXVIII, іюнь, 483—486, 489, т. CXIX, іюль, 30, 31.
Дѣдевъ, Гавр. Ив., помѣщ., т. CXVIII, іюнь, 483.
Дюлоранъ, участн. возст., 1863 г. т. CXIX, іюль, 120.
Дюмонъ, Петръ-Стефанъ, проповѣдникъ, р. 1759 † 1829 г., т. CXX, окт., 178—180.

Е.

Евгеній, митроп. кіевск., въ мірѣ Евфимій Болховитиновъ, 1822 г., т. CXVII, февр., 276, 473, томъ CXVIII, іюнь, 627, т. CXIX, іюль, 12, авг., 351, сент., 648 — 662, томъ CXX, нояб., 428.

Евдокимовъ, гр., Н. И. генер., †1873 г., т. CXX, нояб., 259, 261, 283, 293—297, декаб., 491—493, 499, 502, 515, 516.

Евсевій, митроп. кіевск., 1858 г., т. CXIX, сент., 485, 489, 490.

Елагина, Авд. Петр., рожд. Юшкова, въ перв. бракѣ Кирѣевская, томъ CXVII, февр., 383, т. CXVIII, апр., 205, май, 464, т. CXIX, сент., 710, 713.

Елагинъ, Алексѣй Андр , † 1846 г., т. CXVII, февр., 387.

Елагинъ, Вас. Алексѣев., т. CXIX, сент., 710, 713.

Елена Павловна, вел. княг. (принцесса Виртембергская), р. 1806 † 1873 г., т. CXVII, янв., 109, 203, февр., 361, т. CXIX, іюль, 23, авг , 436.

Елисавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 † 1826 г., т. CXVII, янв., 104, 107, 108, 168, 199, 200, т. CXVIII, апр., 92, т. CXIX, сент., 647, 651, 667, т. CXX, окт., 162.

Елисавета Петровна, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. CXVII, февр., 341, т. CXVIII, май, 346, т. CXIX, іюль, 136, сент., 692, т. CXX, окт., 147, нояб., 414.

Ельскій, стародубскій посолъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 52.

Екатерина I, императрица, р. 1679 † 1727 г., т. CXIX, авг., 450, т. CXX, окт., 183, нояб., 414.

Екатерина II, императрица, р. 1729 † 1796 г., т. CXVII, янв., 17, 99—109, 114, 240, февр , 414—419, 424, мартъ, 616, 622, 648, т. CXVIII, апр., 64, 159—162, 165, 166, 169—178, 236, май, 258, 307, 401 — 421, 456, іюнь, 564, 565, 646—651, 657—661, 665—697, т. CXIX, іюль, 38—59, 166, 212—215, авг., 361, сент., 532—552, 587, 656, 657, 663, 666, т. CXX, окт., 49, 65—73, 107, 143—147, 154—184, 381, нояб., 412—415, 420, дек., 605—609.

Екатерина Павловна, вел. княгиня, въ зам. принц. Голшт.-Ольденбургская, во второмъ бракѣ королева Виртембергская, † 1818, т. CXIX, іюль, 106, 111, авг., 465, 470, т. CXX нояб., 469, 480, 484.

Ермакъ, атам. донск. казак., 1577 г. т. CXX, окт., 48.

Ермолаевъ, Александръ Ив., археологъ, р. 1780 † 1828 г., т. CXVII, февр., 473—478.

Ермолаевъ, капитанъ, т. CXX, окт., 196.

Ермолинскій, поруч., 1799 г., т. CXIX, авг., 362.

Ермоловъ, Алексѣй Петров., генер.-отъ-инфант., начальн. штаба дѣйст. арміи 1812 г., род. 1772 † 1861 г., т. CXVII, январь, 84, февраль, 294, т. CXVIII, май, 305, іюнь, 562.

Еропкинъ, Петръ Мих., архитек., † 1740 г., т. CXIX, іюль, 150.

Есаковъ, Сем. Сем., полковн., команд. артиллерійской роты, † 1831 г., т. CXVIII, іюнь, 552.

Есиповъ, Г. В., т. CXVII, янв., 103.

Есиповъ, Сергѣй Петр., казанскій помѣщ., 1825 г., т. CXIX, іюль, 19.

Ефремовъ, А. П., педагогъ, 1845 г., т. CXIX, сент., 567.

Ефремовъ, Петръ Александ., 1821 г., т. CXVII, янв., 116.

Ж.

Жадовская, 1838 г., т. CXVII, янв. 74.

Жандръ, Андр. Андр., писат.-драмат., сенат., р. 1789 † 1873 г., т. CXVIII, май, 458.

Жандръ, морск. оф., 1839 г., т. CXVII, февр., 278.

Ждановъ, офицеръ, 1856 г., т. CXIX, сент., 581.

Жебелевъ, издат., 1839 г., т. CXVIII, май, 398.

Жегулинъ, бѣлорус. губерн., тайн. совѣтн., 1798 г., т. CXIX, сент., 692, 694.

Желеховскій, воспит. артил. учил., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 593, 594.

Желтухинъ, генер., 1863 г., т. CXX, окт., 96.

Жемчужниковъ, Александ. Лукичъ, 1846 г., т. CXIX, сент., 686.

Жиговскій, офиц., 1848 г., т. CXVIII, май, 440.

Жилинскій, митроп. катол. церквей, 1864 г., т. CXVII, янв., 134, 135, т. CXIX, іюль, 129, 130.

Жмакинъ, П. А., 1839 г., т. CXIX, іюль, 28.

Жобаръ, проф., 1825 г., т. CXX, окт., 138.

Жолкевичъ, Станиславъ Осиповичъ, педагогъ, 1855 г., т. CXIX, іюль, 222.
Желобовъ, полков., 1774 г., т. CXVIII, іюнь, 659.
Журавлевъ, шт.-кап., 1853 г., т. CXIX, авг., 294.
Жуковскій, Александръ Кириллов. (псевдонимъ Е. Бернетъ), писат., р. 1810 † 1864 г., т. CXVIII, май, 371.
Жуковскій, Вас. Андреев., писат., р. 1788 † 1852 г., т. CXVII, янв., 25, 81, 121, 122, февр., 368, 375, 379, 383, 425, 426, 430, мартъ, 593, томъ CXVIII, апр., 207, май, 371, 373, 378, 445, іюнь, 483, 497, 511, 516, 567—581, т. CXIX, іюль, 24, 60, 151—155, сент., 568, 594—627, 683, 688—690, 708—714, т. CXX, нояб., 469.
Жуковъ, табачный фабр., 1837 г., т. CXVIII, іюнь, 571.

З.

Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Порф., писат., государств. дѣятель, чл. государств. совѣта, служилъ въ 1838—1859 г. по мин. госуд. имуществъ, р. 1807†1881 г., т. CXIX, авг., 416—418.
Заблоцкій, консулъ въ Херсонѣ, 1792 г., т. CXIX, іюль, 41.
Заболоцкій, ген., 1863 г., т. CXIX, іюль, 122.
Заборовскій, Рафаилъ, митр. кіевск., 1752 г., т. CXX, окт. 120—123.
Заборскій, капит., 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 713.
Забѣлло, инфляндскій посолъ, 1791 г., т. CXVIII, май, 407, 413, т. CXIX, іюль. 44.
Завадовскій, гр., И. В., 1787 г., т. CXIX, іюль, 231—237.
Завадовскій, Петръ Вас., мн-ръ нар. просвѣщ., р. 1738†1812 г., т. CXVIII, іюнь, 694, т. CXIX, сент., 552, т. CXX, октяб., 145, 155, нояб., 405.
Завалишинъ, Дм., сообщ.: „Нѣкоторыя обстоятельства жизни Владиміра Ивановича Даля», по поводу статьи: «В. И. Даль», т. CXIX, авгус., 321—339.
Завитневичъ, проф., т. CXVIII, май, 461, 479.
Загорскій, Янъ, 1790 г., т. CXIX, сент., 539.
Загорскій, поруч., 1863 г., т. CXIX, авг., 303, 304.
Загоскинъ, Мих. Никол., писатель, р. 1789†1852 г., т. CXVIII, апр., 202, т. CXIX, іюль, 161, авг., 415, 416.
Загоскинъ, Никол. Павл., историкъ русс. права, ординар. проф., 1840 г., т. CXVIII, іюнь, 496, т. CXX, іюль, 28, 29.
Заіончекъ, Іосифъ, ген., съ 1815 г. намѣстн. царства Польскаго, р. 1752†1826 г., т. CXVII, февр., 267, 268, т. CXX, декаб., 620—622, 643.
Зайцевскій, Ефимъ Петр., морякъ, 1828 г., впосл. чиновн. мин. ин. дѣлъ, †1860 г., т. CXVIII, апрѣль, 209, 211.
Закревскій, гр., Арсеній Андр., мн-ръ внут. дѣлъ, моск. ген. губ., род. 1783†1865 г., т. CXVII, янв., 234, т. CXVIII, май, 444, 474, т. CXIX, іюль, 233.
Закревскій, Игнатій, президентъ Варшавы, 1791 г., т. CXIX, іюль, 37, 38, 48.
Закржевскій, президентъ гор. Варшавы, 1791 г., т. CXIX, іюль, 46.
Залевскій, шт.-капит., т. CXXI, авг., 284.
Заленицкій, Маріанъ, офиц., т. CXX, октяб., 240.
Заленскій, студентъ, 1868 г., т. CXIX, сент., 673.
Залускій, гр., каноник. краковск. 1769 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Залѣсовъ, Никол. Гавр., ген.-отъ-инф., р. 1828†1896 г., сообщ. „Записки адъютанта“ т. CXVII, янв., 39—58, упом. янв. 223—224, т. CXX, декаб., 651—653.
Залѣсскій, С. Л., проф., женскаго медиц. институт., 1888 г., т. CXX, декаб., 667, 668.
Залѣсскій, шт.-капит., т. CXIX, авг., 270—273, 285.
Замойскій, гр., Андрей, польск. эмигр. р. 1800†1874 г. т. CXX, декаб., 580,
Замойскій, гр. Владиславъ, 1863 г., т. CXVII, февр., 256, 344, т. CXVIII, іюнь, 708, т. CXIX, іюль, 125, 126, сент., 535, т. CXX, октяб., 226, декабрь, 565—589, 627—639.
Замойскій, Янъ, польск. госуд. кан. †1605 г., т. CXVII, янв., 123—127.
Замятина, Елиз. Андр., рожд. графиня Толстая, т. CXVII, мартъ, 573.
Замятнинъ, Никол Александровичъ, самарск. губер., 1861 г., т. CXVII, мартъ, 562—569, 573, 574, т. CXVIII, май, 321—333.
Запѣнинъ, Александръ Петр., учит.

русскаго яз. и естеств. исторіи, 1857 г., т. CXVII, мартъ. 627—629.
Захаркевичъ, писат., 1791 г., т. CXVIII, апр., 161.
Захаровъ, Вас., 1543 г., т. CXIX, авг. 408.
Захарьина-Кошкина, Анастасія Роман., 1547 г., т. CXIX, авг., 410, 411.
Захарьинъ-Кошкинъ, Романъ Юрьевичъ, боярин., 1547 г., т. CXIX, авг., 410.
Збоинскій, 1791 г., т. CXVIII, май, 413, 414, т. CXIX, іюль, 48.
Звѣревъ, Ст., сообщ.: «Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ», т. CXX, декаб., 711—713.
Звѣрковскій, Людвигъ, польск. эмигрантъ, 1863 г., т. CXX, октябрь, 225.
Здановичъ, кандидатъ спб. универс., 1864 г., т. CXIX, іюль, 120.
Здекауеръ, Никол. Ѳед., профес., докт., т. CXVIII, май, 333.
Зебахъ, Марія, въ зам. Ниманъ, пѣвица, р. 1834 г., т. CXIX, авг., 431.
Зедделеръ, ген., 1885 г., т. CXIX, сент., 589.
Зейдлицъ, Карлъ Карл., профес., р. 1798†1885 г., т. CXIX, сент., 708—714. Поправка на этой ст. октябрь, 248.
Зейдлицъ, Георгъ, докторъ, т. CXVII, февраль, 368.
Зеленская, въ зам. Бакунина, т. CXVIII, іюнь, 551.
Зеленый, Александ. Алексѣев., мн-ръ государ. имущ., р. 1814†1880 г., т. CXIX, авг., 313, 319.
Зельгеймъ, педагогъ, 1855 г., т. CXIX, іюль, 222.
Земмеръ, Е. М., проф. Дерпт. унив., 1886 г. т. CXX, декаб., 658.
Зенгбушъ, педаг., 1857 г., т. CXIX, іюль, 192.
Зефировъ, 1863 г., т. CXVIII, май, 321.
Зиновьевъ, М. А., ген.-лейт., лифляндскій губер., 1888 г., т. CXX, дек., 680, 682, 688—692.
Зиссерманъ, чиновн., 1859 г., т. CXX, нояб., 280, 282, декаб., 494, 511—513, 523.
Злотницкій, Антоній, хорун. 1791 г., CXIX, іюль, 52, сент, 539, 542, 546.
Знаменскій, проф., т. CXX, окт., 106.
Зонтагъ, Генріетта, пѣвица, р. 1805† 1854 г., т. CXVIII, апр., 204.
Зосима, З. П., †1827 г., т. CXVII, февр., 475.
Зотовъ, Григор., 1824 г., управ. Верхне-Исетскаго завода, т. CXVIII, апр., 93—102.
Зотовъ, Пав. Дм., ген.-отъ-инф., р. 1824†1879 г., т. CXIX, іюль, 223.
Зубовъ, кн., Платонъ Александр., р. 1767†1822 г., іюнь, 677, 686—694, т. CXIX, сент. 538—543, 672.
Зубрицкій, учен. I моск. гимназіи, 1854 г., т. CXIX, іюль, 176.
Зыковъ, Александръ Кондрат., полк., 1722 г. т. CXIX, авг., 448.

И.

Ибрагимова, Ѳедора Гаврінл., т. CXIX, іюль, 23, 25.
Ибрагимовъ, Левъ Никол., писат., т. CXVIII, іюнь, 489, 504, 507, т. CXIX, іюль, 22—25.
Ибрагимовъ, Николай Мисаиловичъ, инспекторъ казанск. гимназ., р. 1778†1818 г., т. CXIX, іюль, 12, 22, 23, т. CXX, окт., 139.
Иваницкій, ген., т. CXIX, авг., 258, сент., 484.
Ивановъ, И., писат., муз. критикъ, т. CXIX, сент., 615, 627.
Ивановъ, тульск. гражд. губерн., 1801 г., т. CXIX, іюль, 150.
Игельстромъ, гр., командиръ кирасир. полка, 1799 г., т. CXIX, авг., 356, 357.
Игнатьевъ, Алексѣй Дм., саратовск. губерн., 1855 г., т. CXVII, мартъ, 612, 614.
Игнатьевъ, Никол. Павл., посолъ въ Турціи 1871 г., мн-ръ вн. дѣлъ 1882 г., т. CXX, окт., 239, 241.
Игнатьевъ, Яковъ Яковл., педагогъ, т. CXX, декаб., 696.
Игнатьевъ, подполк., 1799 г., т. CXIX, авг., 366.
Изабей, художн., 1815 г., т. CXIX, авг., 466.
Измайловъ, Алексд. Ефим., баснопис. р. 1779†1831 г., т. CXVIII, іюнь, 511.
Измайловъ, В. В., 1815 г., т. CXVII, янв., 115.
Измайловъ, Алексд. Ефимов., писат. р. 1799 † 1831 г., т. CXVII, февр., 434.
Измайловъ, Ив. Мих., ген.-маіоръ, 1769 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Измайловъ, Петръ Ив., 1798 г., т. CXIX, сент., 694.
Иконниковъ, Влад. Степ., профес., т. CXVIII, іюнь, 642.
Илличевскій, Алексѣй Демьян., чиновн. мин. финанс., † 1837 г., т. CXVIII, іюнь, 554.
Ильенковъ, юнкеръ арт. уч., 1845 г., т. CXVIII, май, 436.

Ильинскій, Л., сообщ.: «Шуточныя басни И. А. Крылова», т. CXVII, мартъ, 553—556.
Иннокентій, (Борисовъ) архіеписк. херсонск., † 1857 г., т. CXVII, мартъ, 716, т. CXVIII, апр., 179, 180, т. CXIX, сент., 652, 653.
Иннокентій, архим., 1720 г., т CXX, окт., 104.
Инсарскій, Анат. Вас., т. CXIX, авг., 241.
Инсарскій, Вас. Антон., его записки, т. CXIX, авг., 241—266, сент., 481—504, т. CXX, окт., 5—29, нояб., 249—299, декаб., 491—524.
Ириней, (Клементьевскій), архіеп. тверск., 1798 г., р. 1751†1818 г., т. CXIX, сент., 692.
Исаковъ, Никол. Васил., чл. госуд. сов., ген. отъ инфант. †1891 г., т. CXIX, авг., 301—304, сент., 588—593, т. CXX, окт., 74—99, нояб., 306, 308, 317, 332, 336—342.
Исаковъ, Яковъ Алексѣев., книгопр., 1863 г., т. CXX, нояб., 314, 324—328.
Исидоръ, кіевск. митр., 1858 г., т. CXIX, сент., 485, 489.
Исидоръ, митроп. кіевск., † 1472 г., т. CXIX, іюль, 142.
Италійскій, Андр. Яковл., диплом., р. 1743 † 1827 г., т. CXVII, февр., 478, т. CXX, декаб., 604.

I.

Іакинѳъ, Карпинскій, духовн. писат., † 1795 г., т. CXIX, сент., 662.
Іезекіиль, монахъ, т. CXVII, янв., 146—155.
Іоаннъ III, вел. князь, р. 1462†1505 г., т. CXVII, янв., 116, т. CXVIII, іюнь, 636, 645, т. CXIX, іюль, 138, авг., 397, 402—405, т. CXX, окт., 34.
Іоаннъ IV, Грозный царь, р. 1530 †1584 г., т. CXVII, янв., 124, 125, т. CXVIII, іюнь, 629—645, т. CXIX, іюль, 131—149, авг., 385—412, т. CXX, окт., 30—61, нояб., 430—460.
Іоаннъ V, Алексѣевичъ, царь, р. 1666†1682 г., т. CXIX, іюль, 114.
Іоасафъ, (Горленко), еписк. бѣлогородскій съ 1748†1754 г., т. CXX, окт., 120, 121.
Іоасафъ, архимандр., 1795 г., т. CXVII, янв., 240.
Іоасафъ, патріархъ константинопол., 1561 г., т. CXIX, авг., 409, т. CXX, окт., 37—42.
Іорданъ, Владиславъ, 1863 г., т. CXX, окт., 227.
Іосифъ, Сѣмашко, митроп. литовск., 1863 г., т. CXVII, февр., 327, т. CXIX, іюль, 123, 124.

K.

Кавелина, Марія Павловна, 1837 г., т. CXVII, мартъ, 587—590, 593—598.
Кавелинъ, Александръ Александр., спб. воен губ., воспитат. имп., Александра II, р. 1793†1850 г., т. CXVII, янв., 80, мартъ, 581—598, т. CXIX, іюль, 28.
Кавелинъ, Конст. Дмит., проф., р 1818 † 1885 г., т. CXVIII, іюнь, 638 т. CXIX, іюль, 165, 166.
Кавелинъ, П. А., сообщ.: „А. А. Кавелинъ и письма къ нему великаго князя Александра Николаевича“ (впослѣдствіи императора Александра II), т. CXVII, мартъ, 581—598.
Кавеньякъ, ген., 1848 г., т. CXVIII, апр, 58.
Кайдановъ, Ив. Кузьмичъ, педагогъ, †1843 г., т. CXIX, іюль, 193.
Калайдовичъ, Конст. Ѳед., историкъ, археологъ, р. 1792 †1832 г., т. CXVII, февр., 474, 477, т. CXIX, сент., 645.
Калачовъ, Никол. Вас., историкъ-юристъ, сенат., р. 1819 † 1885 г., т. CXIX, авг., 426.
Калиновскій, участн. польск. возст., 1863 г., т, CXIX, іюль, 117—119.
Калиновъ, Викентій, 1863 г., т. CXIX, іюль, 120.
Каменева, Анна Петровна, зам. Апехтина, т. CXVIII, іюнь, 483.
Каменева, П. Г., урож. Крохина, т. CXVIII, іюнь, 506.
Каменевъ, Гавр. Петр., поэтъ, т. CXVIII, іюнь, 482, 493, 507, т. CXIX, іюль, 33.
Каменецкій, Д. С, т. CXX, декаб., 694.
Каминскій, Вячеславъ, сообщ.: „П. А Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину“, т. CXIX, сент., 594 – 627.
Кампенгаузенъ, бар., Балтазаръ Балтазар., сенат., чл. Госуд. Совѣта, мн-ръ внут. дѣлъ, р. 1772 † 1823 г., т. CXVII, янв., 23, т. CXX, окт., 184, 185.
Кандалинцовъ, С. Ѳ., 1824 г., т. CXVII, янв., 238.
Кандалинцовъ, Ѳ. Н., т. CXVII янв., 239.

Де-Кандоль, ботаникъ, р. 1778 †1841 г., т. CXVII, апр., 211.
Кенелли, маіоръ, т. CXIX, авг., 284, сент., 630.
Канищевъ, шт.-кап., 1800 г., т. CXIX, авг., 359.
Канкрина, Зинаида Егор., зам. гр. Кейзерлингъ, 1844 г., т. CXVII, февр., 366.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финанс., съ 1823—1844 г., р. 1774 †1845 г., т. CXVII, янв., 62—89, февр., 361-364, мартъ, 539, т. CXVIII, іюнь, 558, 567, 568, т. CXIX, іюль, 5, сент., 715.
Каннистъ, Вас. Васил., писат., †1823 г., сент., 646.
Каподистрія, гр., Ив. Ант., ст.-секрет., мн-ръ ин. дѣлъ, р. 1776 †1831 г., т. CXVII, янв., 8, февр., 246, 247, мартъ, 576, апр., 133, т. CXVIII, май, 459, т. CXX, нояб., 373.
Капустинъ, Мих. Никол., попечит. Дерпт. учебн. окр., 1886 г., т. CXX, декаб., 660, 675.
Капферъ, проф., 1823 г., т. CXIX, іюль, 16.
Капцевичъ, Петръ, 1826 г., т. CXIX, сент., 650.
Карабановъ, А., оф., 1848 г., т. CXVIII, май, 388.
Караблиновъ, Яковъ Миничъ, проф., 1826 г., т. CXIX, авг., 340—352, т. CXX, окт., 138.
Карамзинъ, Вас. Вас., 1825 г., т. CXIX, сент., 703.
Карамзинъ, Вас. Назар., проф., писат., р. 1773 † 1842 г., т. CXVII, янв., 16, т. CXVIII, май, 259, 260, 264, т. CXIX, сент., 701—707.
Карамзинъ, помѣщ., 1814 г., т. CXVIII, апр., 16.
Карамзина, Екат. Андр., рожд. Колыванова, т. CXVIII, май, 462.
Карамзина, Софья Николаевна, дочь исторіографа, р. 1802 † 1856 г., т. CXVIII, іюнь, 582.
Карамзинъ, Никол. Мих., писат., р. 1766 † 1826 г., т. CXVII, янв., 21, 23, 116—120, февр., 473—478, мартъ, 503, 705, 709, т. CXVIII, іюнь, 497, 511, 518, 567, т. CXIX, іюль, 9, авг., 351, сент., 608, 613, 626, 651, т. CXX, окт., 141, 145, 161, 245.
Карамзины, 1848 г., т. CXIX, іюль, 164.
Каратыгинъ, Василій Андреевичъ, драмат. арт., р. 1802 † 1854 г. т. CXVII, іюнь, 570, 571, 578, 579.
Карачинскій, Никол. Ив., управл. Воронеж. палат. госуд. имущ., 1843 г. т. CXIX, авг., 415.
Карнѣевъ, сенат., 1805 г., т. CXX, нояб., 450.
Карнѣевъ, минск. губерн., дѣйст. ст. совѣт., 1799 г., т. CXIX, сент., 696.
Карповъ, ген., 1830 г., т. CXVIII, іюнь, 626.
Карпѣнскій, Симеонъ, свящ., 1735 г., т. CXX, окт., 118, 120, 127.
Картвелинъ, харьковск. вице-губерн., 1802 г., т. CXVIII, іюнь, 698.
Карцевъ, П. Н., адм., сенат., чл. Госуд. Сов., т. CXIX, авг., 328.
Карцевъ, команд. войск. харьковскаго воен. окр., т. CXIX, іюль, 223.
Катенинъ, капит., 1814 г., т. CXVIII, апр., 34.
Катковъ, Меѳодій Никифор., 1855 г., т. CXIX, сент., 669. 670.
Катковъ, Мих. Никиф., публиц., р. 1818 † 1887 г., т. CXVII, февр., 369, мартъ, 638, т. CXIX, іюль, 158, сент., 554, 564, 669, т. CXX, окт., 88, 89.
Кауфманъ, Конст. Петр., ген.-ад. виленск. ген.-губ., 1865 г., т. CXIX, авг., 307—320.
Каховскій, гр., Мих. Вас., команд. украинск. арміи, 1791 † 1880 г., т. CXVIII, іюнь, 692, 694, т. CXIX. сент., 538, 542—552, т. CXX, окт. 71—73.
Каховскій, астраханск. вице-губерн., 1799 г., т. CXIX, сент., 696, 697.
Каховскій, саратовск. помѣщ., 1835 г., т. CXIX, іюль, 5.
Качановскій, Мих. Троф., проф., р. 1775 † 1842 г., т. CXVII, янв., 116—120, т. CXIX, іюль, 8.
Качковскій, Северинъ, червоноградскій кравчій, 1792 г., т. CXX, окт., 72.
Кашинъ, Даніилъ Никит., композ., р. 1769 † 1842 г., т. CXIX, іюль, 153.
Кашинцева, клас. дама Александр. корп., 1843 г., т. CXVIII, апр., 115.
Кашкадамовъ, Никол. Ив., над. сов., его библіограф. листокъ на оберткѣ каждой книги журнала «Русская Старина».
Кашкинъ, Серг. Никол., декаб., т. CXVIII, май, 255.
Квалецкій, каштелянъ калишск., 1791 г., т. CXVIII, апр., 156.
Квитка, Григор. Ѳед., писат., р. 1778 † 1843, т. CXVIII, іюнь, 576.
Кейзерлингъ, гр., Александ. Андр., р. 1815 † 1891 г., попечит. дерп. учеб. окр., т. CXVII, февр., 359—370.
Кенигъ, Генрихъ-Іосифъ, писат. 1837 г., р. 1790 † 1870 г., т. CXIX, іюль, 158.
Кеппенъ, Каролина Ив., 1726 г., т. CXIX, сент., 702, 703.
Кеппенъ, Петръ Ив., т. CXIX, сент., 701, 702.

Киндеревъ, препод. матем. великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, т. CXVIII, іюнь, 596—598, т. CXIX, іюль, 226.
Кипіани, чл. совѣт. намѣстника кавказск., 1858 г., т. CXIX, сент., 485.
Кирикова, въ зам. Чайковская, т. CXIX, авг., 275.
Кириллъ, митроп., т. CXVIII, іюнь, 644.
Кирпичниковъ, А. И., проф., 1838 г., т. CXVIII, май, 368, т. CXIX, іюль, 159.
Кирпичниковъ, учен. I моск. гимн., 1854 г., т. CXIX, іюль, 187.
Кирпичниковъ, шт.-кап., 1798 г., т. CXIX, авг., 360.
Кирѣевская, Марія Алексѣевна, 1836 г., т. CXVIII, май, 456, 457.
Кирѣевскій, Ив. Вас., славяноф. писат., р. 1806 † 1856 г., т. CXVII, февр., 383, т. CXVIII, апр., 205, 215—217, май, 464, 475, 491, 509, т. CXIX, іюль, 7, сент., 657.
Кирѣевскій, Петръ Вас., 1851 г., т. CXVIII, апр., 184.
Кирѣевъ, Александръ Дм., 1847 г., т. CXVIII, іюнь, 580, 581.
Киселевскій, Платонъ, чиновн., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 503.
Киселевъ, гр., Д., 1830 г., т. CXVIII, апр., 49.
Киселевъ, Никол. Дм., послан., въ Парижѣ, 1839 г., р. 1800 † 1869 г., т. CXVII, янв., 171—192, мартъ, 678, 681, 701, т. CXVIII, апр., 56, 220, май, 356.
Киселевъ, гр., Пав. Дм., мн-ръ госуд. имущ., фл.-ад., р. 1788 † 1872 г., т. CXVII, янв., 7, 87—92, февр., 294, 299—302, т. CXVIII, апр., 18, май, 275, іюнь, 483, 565, т. CXX, нояб., 262.
Китаевъ, 1824 г., управл. Верхъ-Исетск. завод., т. CXVIII, апр., 94, 96.
Китеръ, Александръ, проф., 1835 г., т. CXIX, іюль, 21.
Клайгилсъ, фридрихсгамск. исправн., 1796 г., т. CXIX, іюль, 212.
Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-ад., р. 1793 † 1869 г., т. CXX, окт., 93, нояб., 481.
Кленрикардъ, супруга англійскаго посла, 1839 г., т. CXVII, февр., 284.
Клингеръ, ген., 1815 г., т. CXIX, авг., 473, т. CXX, окт., 155.
Клингспорнъ, ген., 1796 г., т. CXIX, іюль, 212.
Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ, бар., Влад. Карл., препод. начертат. геометріи и черченія въ артил. училищѣ 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 594.
Княжевичъ, Александр. Максим., мн-ръ финанс., р. 1792 † 1870 г., т. CXVII, февр., 293, т. CXVIII, май, 397.
Княжевичъ, Дм. Максим., попечит. одесскаго учебнаго округа, 1837 г., р. 1788 † 1844 г., т. CXVIII, май, 396, 399, т. CXIX, іюль, 95.
Кобенцель, гр., Людвигъ, послан. въ Копенаг. 1774, Берлинѣ 1777 и Петербургѣ съ 1779 — 1797 г., р. 1753 † 1809 г., т. CXVIII, апр., 169.
Кобервейнъ, Жозефина Осип., клас. дама, 1844 г., т. CXVIII, апр., 116, 121.
Кобылецкій, Мих., полковн., 1790 г., т. CXIX, сент., 539.
Кобылинъ, капит., 1730 г., т. CXIX, авг., 455.
Ковалевскій, Григ., свящ., 1752 г., т. CXX, окт., 123.
Ковалевскій, Евгр. Петр., мн-ръ народнаго просвѣщ., 1855 г., т. CXVII, мартъ, 612—614, т. CXVIII, апр. 215.
Ковалевскій, Іосифъ Мих., ректоръ казанск. ун., 1858 г., т. CXVII, мартъ 612.
Коваленко, т. CXIX, сент., 639.
Кожанчиковъ, книгопродавец., 1862 г., т. CXVIII, іюнь, 586, 588.
Кожуховъ, 1857 г., т. CXIX, авг., 256.
Козельскій, помѣщ., 1857 г., т. CXIX, сент., 584.
Козловскій, кн., Петръ Бор., диплом., р. 1783 † 1840 г., т. CXVIII, іюнь, 586.
Козловскій, докторъ, т. CXIX, авг 286.
Козловъ, А., 1860 г., т. CXVIII, май 467.
Козловъ, В., 1824 г., т. CXVII, янв., 118.
Козловъ, Ив. Ив., поэтъ, р. 1779 † 1840 г., т. CXVII, мартъ, 706, т. CXVII, іюнь, 517
Козловъ, офиц., 1864 г., т. CXX, нояб., 308, 318.
Козминъ, Н. К., сообщ.: «Изъ переписки Н. И. Надеждина», т. CXVIII, май, 393—399.
Козодавлевъ, Осипъ Петров., тов. мн. вн. дѣлъ, сенат., писат., р. 1753 † 1819 г., т. CXVII, февр., 292, 293, 479, 480, т. CXIX, іюль, 230, 232, т. CXX, окт., 142, 145, 150, 151, 174, 177, 184, нояб., 379, 387, 399, 400, 420.
Козмянъ, Іосифъ, еписк. калишск., 1826 г., т. CXX, декаб., 646,

Козьмянъ, Каетанъ, исполн. обязан. мин-ра, внутр. дѣлъ, 1826 г., т. CXX, декаб. 646.
Коковцевъ, 1859 г., т. CXX, нояб., 258, 259.
Кокошкинъ, Ѳед., Ѳед., писатель, управл. Московск. театра, р. 1773† 1833 г., т. CXVIII, апр., 194, 195.
Кокошкинъ, черниг., харьковск. и полтавск. ген.-губерн., 1857 г., т. CXIX, іюль, 239.
Коксъ, Вилліамъ англ. истор., р. 1747 † 1828 г., т. CXVIII, апр., 212.
Коллонтай, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 679, 681, 685, т. CXIX, іюль, 43, 50, 54.
Колмаковъ, Н. М., 1887 г., т. CXIX, сент., 505, т. CXX, декаб., 710.
Колосовскій, интендантъ Кавказск. арміи, 1859 г., т. CXX, декаб., 523.
Колошинъ, Никол. Никол., чл. сов. мин. вн. дѣлъ 1862 г., т. CXVIII, май, 325.
Колошинъ, Петръ И., декабр., томъ CXVIII, апр., 26, 27, май, 242.
Кольцовъ, Алексѣй Вас., поэтъ, 1841 г., т. CXIX, авг., 414, 415.
Колюпановъ, Н, 1831 г., т. CXVIII, апр., 205.
Комаровскій, Іосифъ, полк., 1791 г., т. CXVIII, апр., 157.
Комаровскій, гр., Евгр. Ѳедот., ген.-адъют., р. 1769 † 1843 г., т. CXVII, янв., 231, февр., 373.
Комбурлей, управл. Волынскою губ., 1815 г., т. CXVII, февр., 262.
Комендантовъ, полковн., 1856 г., т. CXIX, сент., 585, 586.
Комовскій, Серг. Дм., секрет. въ Смольн. монастырѣ, 1839 г., томъ CXVIII, іюнь, 552.
Конапасевичъ, Даніилъ, свящ. 1863 г., т CXIX, іюль, 121–123.
Конарскій, капит., т. CXIX, сент., 629.
Коновницынъ, гр., Петр. Петров., ген -ад., р. 1766 † 1822 г., томъ CXVII, мартъ, 601, т. CXVIII, іюнь, 524, 528—544, т. CXIX, іюль, 95, 99—101, т. CXX, нояб., 465.
Коноплевъ, Сергѣй, свящ. Петропавловск. собора, 1755 г., т. CXX, окт., 111.
Константинъ Николаевичъ, великій князь, р. 1827 † 1892 г., т. CXVII, янв., 97, февр., 435, 436, мартъ, 586, т. CXVIII, май, 270, 360, 442, томъ CXIX, авг., 436, сент., 672, т. CXX, окт., 88, 89.
Константинъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. CXVII, янв., 67 — 70, 80, 112, февр., 254 — 268, 324, мартъ, 540, 541, т. CXVIII, апр., 30, 49, т. CXX, окт., 162, 164, 229, нояб., 390, 472, декаб., 619, 646.
Копосовъ, инспект. моск. гимн., 1857 г., т. CXIX, іюль, 190—192.
Коппъ, Густавъ Ив., учен. секрет. Румянцевскаго лицея, учит. франц. яз., 1854 г., т. CXIX, іюль, 187.
Кореневъ, тверск. земск. исправн., 1820 г., т. CXVIII, апр., 110.
Корниловъ, Александръ Алексѣев., дѣйств. ст. совѣт., тамбовск. губ. 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 555.
Корниловъ, Влад. Алексѣев., адм., начальн. шт. черноморск. флота, † 1854 г., т. CXVIII, май, 337 — 345.
Корниловъ, И. П., попечит. Виленск. учеб. окр., 1863 г., томъ CXVII, февр., 328.
Корнухъ-Троцкій, П. Я., проф. ботаники, 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 507.
Корсаковъ, Никита Вас., ген., 1862 г., т. CXIX, авг., 301, сент., 589, томъ CXX, окт., 75, нояб., 340, 342.
Корсаковъ, Никол. Александ., дипломатъ, † 1820 г., т. CXVIII, іюнь 552.
Корсаковъ, Петръ Александр., цензоръ, писат., р. 1790 † 1844 г., т. CXVIII, іюнь, 575.
Корсаковъ, капит., помѣщ., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 497.
Корсаковъ, бригадиръ, 1797 г., томъ CXIX, авг., 354, 357.
Корфъ, бар., впосл. гр., Модестъ Андр., р. 1800 † 1876 г., «изъ его дневника», т. CXVII, янв., 59—98, февр., 275 — 302, т. CXVIII, іюнь, 545 — 568, упом. янв., 210 — 222, февр., 435, апр., 52, 179, 214, томъ CXIX, авг., 292, окт., 166, нояб., 428.
Корфъ, Ѳед. Ѳед., бар., † 1853 г., т. CXVIII, іюнь, 575.
Косаговскій, Пав. Павл, директ. департ. полиц. въ Саратовѣ 1866 г., т. CXVIII, май, 325.
Коссаковская, каштелянша, 1791 г., т. CXIX, іюль, 46.
Коссаковскій, епископъ инфлянтскій, 1791 г., т. CXVIII, май, 408, іюнь, 689, т. CXX, окт., 70.
Коссаковскій, Симеонъ, ген., 1791 г., т. CXVIII, май, 408, 411, 421, томъ CXIX, іюль, 41, 43, сент., 533, 537—547.
Коссаковскій, Янъ, коадъюторъ виленск., т. CXIX, іюль, 47.
Костовъ, Егоръ, драгунск. поруч., т. CXIX, авг., 282.
Костровъ, Ермилъ Ив., писат.,

† 1796 г., т. CXIX, сент., 656, 657, 672.
Костомаровъ, Никол. Ив., проф. Казанск. унив., р. 1817 †1885 г., т. CXVII, мартъ, 603 — 614, томъ CXIX, іюль, 113, 115, авг., 424, 425, т. CXX, декаб., 697.
Костюшко, Ѳаддей, главноком. въ Польшѣ, р. 1746 † 1817 г., т. CXVII, февр., 244, 262, т. CXVIII, май, 418, т. CXIX, іюль, 40, т. CXX, окт., 229, декаб., 592.
Косцялковскій, вилькомирскій посолъ, 1791 г., т. CXVIII, май, 412.
Котельниковъ, Г. В., педагогъ полтав. воен. гимназ., 1866 г., т. CXX, нояб., 343.
Крамеръ, коллежскій секрет., 1815 г., т. CXVII, янв., 206.
Котляревскій, А. Н., проф. Дерпт. унив., 1868 г., т. CXIX, сент., 709, 710.
Котовичъ, маіоръ, т. CXIX, авг., 284.
Кохановъ, полковн., нач. главн. управл. таможен. частью на Кавказѣ 1858 г., т. CXX, окт., 9.
Коховскій, П., 1814 г., т. CXVII, янв., 8, 24, мартъ, 487, 488, 511.
Коцебу, гр., Пав., новороссійскій ген.-губерн., р. 1801 † 1884 г., т. CXVIII, май, 327, 335.
Коцебу, нач. гл. управл. таможен. частью на Кавказѣ 1856 г., т. CXX, окт., 9.
Кочановскій, Карлъ, офиц. польск. артил. 1831 г., монахъ, свящ. въ Турціи, т. CXVIII, іюнь, 700, 701.
Кочетовъ, Іакимъ Семен., протоіер., акад., 1853 г., т. CXVII, февр., 433—435.
Кочубей, гр-ня, 1815 г., т. CXIX, іюль, 107, авг., 465.
Кочубей, князь, Александръ Вас., 1831 г., т. CXVII, янв., 61, 77.
Кочубей, гр., Викт. Павл., мн—ръ вн. дѣлъ, р. 1768 † 1834 г., томъ, CXVII, янв., 7, 18, 23, 61 — 64, 92, 95, февр, 290, 292, т. CXVIII, іюнь, 366, 529, т. CXIX, іюль, 232—236, авг., 465, сент., 705, т. CXX, окт., 144—150, 156, 174—179, нояб., 374, 391, 396, 397, 420.
Кочубей, дѣйст. ст. совѣтн. 1815 г., т. CXVII, мартъ, 503, 504.
Кочубей, подполковн., 1815 г., томъ CXVII, мартъ, 502.
Кошелева, Ольга Ѳед., рожд. Петрово-Соловово, т. CXVIII, апр., 217.
Кошелевъ, Александ. Ив., пр. канц. мн-ства ин. дѣлъ, 1831 г., т. CXVIII, апр., 205 — 217, май, 460 — 463, 466—469, т. CXX, декаб., 699.
Краевскій, Андрей Александровичъ, издат. «Голоса», р. 1810 † 1889 г., т. CXVII, мартъ, 712, т. CXVIII, апр., 195—200, май, 369, 370, 377, 378, 393—396, іюнь, 569—590, томъ CXIX, іюль, 160, авг., 413, 429, 430, сент., 675.
Красинскій, римско-католич. еписк. въ Вильнѣ 1864 г., т. CXVII, янв., 134, 138.
Красицкій, маіоръ, 1791 г., т. CXVIII, май, 412—417.
Крашевскій, Іосифъ, писат., † 1887 г., т. CXX, окт., 234.
Крейтонъ, лейбъ-мед., 1836 г., томъ CXVII, мартъ, 586, т. CXX, нояб., 479.
Крейцеръ, Георгъ-Фридрихъ, проф., р. 1771 † 1858 г., т. CXVIII, апр., 210.
Крестовскій, Всев., писат., 1864 г., т. CXX, нояб., 327.
Кречетниковъ, Мих. Никит., ген., 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 692, 694, т. CXIX, іюль, 41, сент., 545—548, 552.
Кржановскій, полковн., инспек. клас. въ Николаев. кавалер. учил., 1866 г., т. CXX, нояб., 339.
Криднеръ, 1839 г., т. CXVII, февр., 284.
Кронъ, начальн. Александр. корп., 1844 г., т. CXVIII, апр., 117.
Кропотовъ, Дм. Андр., ген.-маіоръ, † 1875 г., т. CXVIII, май, 388.
Кропотовъ, ген.-маіоръ, 1798 г., томъ CXIX, сент., 693.
Кроткова, помѣщ-ца, 1861 г., томъ CXVII, февр., 311, 322, 323.
Кротковъ, т. CXVII, мартъ, 565.
Кругликовъ, полковн., директ. Полтавск. корп., 1886 г., т. CXIX, сент., 592, т. CXX, нояб., 340—347.
Кругъ, Филиппъ Ив., акад., р. 1764 г. † 1844 г., т. CXVII, мартъ, 708, т. CXIX, авг., 340—352.
Крузенштернъ, Ив. Ѳед., адм., р. 1770 † 1846 г., т. CXVII, февр., 278, т. CXIX, іюль, 94.
Крузенштернъ, директ. канц. намѣстн. Кавказ. 1859 г., т. CXX, нояб., 258, 271.
Крупениковъ, Л. Ф., купецъ, 1835 г., т. CXIX, іюль, 31.
Крупскій, юнкеръ артил. училища, 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 595.
Крутицкій, юнкеръ артил. училища, 1845 г., т. CXVIII, май, 432, 433, 438.
Крыжановскій, Никол. Андр., оренб. ген.-губ., т. CXVII, янв., 223, т. CXIX, сент., 580, 585, 587, т. CXX, окт., 98.

Крыловъ, Александръ Лукичъ, цензоръ, р. 1801 † 1853 г., т CXVIII, май, 378, іюнь, 573.
Крыловъ, Андр. Лук., проф., цензоръ, 1853 г., т. CXVII, янв., 208.
Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., р. 1768 † 1844 г., т. CXII, янв., 115, 116, февр., 434, мартъ, 553 — 557, т. CXVIII, іюнь, 511, 517, 518, 567, 571—573, т. CXIX, іюль, 152—156, 184, авг., 417, сент., 594, 608—613, 623, 654.
Крыловъ, поруч., 1846 г., т. CXVIII, май, 386, т. CXIX, авг., 296.
Крюденеръ, Юліана, баронесса, † 1824 г., т. CXVII, янв., 18, 19.
Кубицкій, Яковъ, архитект., р. 1753 † 1833 г., т. CXX, декаб., 644.
Кудрицкій, педагогъ, 1802 г., томъ CXVIII, іюнь, 698.
Кудрявцевъ, Петръ Никол., проф. Московск. унив., р. 1816 † 1858 г., т. CXIX, іюль, 193.
Кудряшовъ, Порфирій Тимоф., томъ CXIX, сент., 565.
Кузьминъ-Короваевъ, Г. П., ген., директ. 2-й моск. воен. гимназіи, 1865 г., т. CXX, окт., 100, нояб., 333.
Кузьминъ, полковн., 1845 г., томъ CXVIII, май, 430.
Кукольникъ, Несторъ Вас., писат., р. 1812 † 1868 г., т. CXVIII, май, 373.
Кулишъ, Пантелеймонъ Александ. писат., р. 1819 † 1897 г., т. CXIX, авг., 418, 419, т. CXX, декаб., 693—710.
Куляба, полковой командиръ, полк., т. CXX, окт., 195.
Купферъ, проф., 1826 г., т. CXIX, авг., 347, 348.
Куракина, княг., Н. И., т. CXVII, янв., 28, 100, 111—113.
Куракинъ, кн., Александръ Борисов., посолъ въ Вѣнѣ и потомъ въ Парижѣ, сенаторъ, вице-канцлеръ, р. 1752 † 1818 г., т. CXIX, іюль, 98, авг., 476, сент., 643, 644, т. CXX, окт., 159, 160.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борисович., ген.-прокур., мн-ръ внут. дѣлъ, чл. Госуд. Совѣта, † 1829 г., т. CXVII, янв., 113, 232, 234, т. CXIX, іюль, 229, 230, т. CXX, окт., 159, 160, нояб., 396, 399, декаб., 637.
Курбскій, кн., Андр. Мих., бояр., 1851 г., т. CXX, окт., 32, 46, 56, нояб., 435, 443—448, 453.
Курбскій, кн., Симонъ, т. CXIX, авг., 403.
Кургановичъ, свящ., 1860 г., т. CXX, дек., 703.
Курисъ, помѣщица, 1856 г., т. CXIX сент., 672.
Курисъ, чиновн., т. CXIX, сент., 672.
Курута, Дм. Дм., ген., р. 1770 † 1838 г., т. CXVII, февр., 261.
Кутайсовъ, гр., Ив. Пав., оберъ-гофмарш., † 1834 г., т. CXIX, авг., 473, CXX, окт., 163.
Кутузова, княгиня, 1815 г., т. CXIX, іюль, 95.
Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Илар., фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. CXIX, сент., 664, 667, т. CXX, окт., 70, нояб., 378.
Кушакевичъ, Александръ Як., инспект., дѣйств. ст. совѣт., чл. совѣт. воен.-учебн. завед., 1852 г., т. CXIX, іюль, 216—221, 225, 226.
Кушелевъ-Безбородко, гр., Григ. Григ., издав. въ спб. журн. „Русск. Слово“, †1876 г., т. CXIX, августъ, 426—428.
Кушнеревъ, 1826 г., т. CXIX, сент., 650.
Кушниковъ, Серг. Серг., сенат., р. 1765 † 1838 г., т. CXVII, янв., 90, февр., 283, 287, 288.
Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карлов., декабр., писат., р. 1797 † 1846 г., т. CXVII, февр., 377—384, мартъ, 505, т. CXVIII, 374, іюнь, 511, 555.
Кюхельбекеръ, Карлъ, декабр., 1851 г., т. CXVII, мартъ, 577—579.
Кюхельбекеръ, Мих. Карл., декабр., †1857 г., т. CXVII, февр., 379.
Кюхельбекеръ, Юстина Яковл., рожд. Ломенъ, р. 1756 † 1841 г., т. CXVII, февр., 380.

Л.

Лаббу, дѣйст. ст. совѣтн., т. CXVII, мартъ, 633.
Лаваль, гр., 1814 г., т. CXVII, янв., 28.
Лавровскій, Н. А., харьковск. проф., 1868 г., т. CXIX, іюль, 11.
Лавровъ, Петръ Лавров., полковн., редакт. „Заграничнаго Вѣстника“, 1861 г., т. CXIX, авг., 299, сент., 583—585, т. CXX, нояб., 322.
Лагарпъ, Фредерикъ-Цезарь, воспит. великихъ князей Александра и Константина Павловичей, род. 1754 † 1838 г., т. CXVIII, апр., 13, томъ CXX, окт., 161, 162, 170, 181, нояб., 398.
Лагинъ, кап., 1799 г., т. CXIX, авг., 361.
Лаваревъ, Александ. Вас., композит., 1859 г., т. CXIX, авг., 432.

Лазаревъ, Андр. Петр., адм., † 1849 г., 1854 г., т. CXVIII, май, 339.
Лажечниковъ, Ив. Ив., писатель, р. 1792 † 1869 г., т. CXX, окт., 130—139.
Ламсдорфъ, воспит. Николая I, ген., 1814 г., т. CXVIII, іюнь, 538, томъ CXIX, авг., 473, т. CXX, нояб., 471—481, декаб., 726.
Лангеръ, Валеріанъ Плат., цензоръ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 575.
Ланжеронъ, гр., Александр. Ѳедор., ген.-отъ-инфант., управл. Новорос. краемъ, р. 1763 † 1831 г., т. CXVII, янв., 225—230.
Ланская, Варвара Ив., рожд. княжна Одоевская, † 1884 г., т. CXVII, февр., 385.
Ланская, Зинаида Степан., 1840 г., т. CXVIII, апр., 196.
Ланская, Наталья Никол., въ первомъ бракѣ Пушкина, т. CXIX, іюль, 164.
Ланская, Ольга Степ., р. 1797 † 1872 г., т. CXVII, февр., 384, 385.
Ланской, Вас. Серг., мин. вн. дѣлъ, ген.-губерн. герцогства Варшавск. 1813 г., † 1831 г., т. CXVII, февр., 250—259, 432, т. CXIX, авг., 369, 373.
Ланской, гр., Серг. Степ., мин. вн. дѣлъ, род. 1787 † 1862 г., т. CXVII, февр., 264, 265, 385, т. CXVIII, май, 258.
Лантуховъ, Адріанъ, секрет. Лобанова-Ростовскаго, 1832 г., т. CXIX, іюль, 235, 236.
Ласкинъ, ген.-маіоръ, помѣщ., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 498.
Ласси, гр. Петръ, ген., † 1751 г., т. CXIX, авг., 455.
Ласси, ген.-маіоръ, 1790 г., т. CXIX, авг., 368.
Лаудонъ, ген.-фельдм., 1761 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Лачиновъ, прапорщикъ, 1861 г., т. CXIX, авг., 300.
Лебедевъ, инспект., т. CXIX, іюль, 181.
Лебедевъ, 1802 г., т. CXX, декаб., 717.
Лебедевъ, саратовск. губ., тайн. сов., 1800 г., т. CXIX, сент., 699.
Лебенъ, гр., посолъ польск. 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 696.
Лебцельтернъ, рожд. Лаваль, 1825 г., т. CXVII, янв., 198.
Леванда, кіевск. протоіер., 1839 г., т. CXIX, сент., 652.
Леванидовъ, ген., 1791 г., т. CXIX, сент., 544, 545.
Левачевъ, полковн., 1884 г., т. CXIX, сент., 589.
Левашевъ, Александ. Ник., казанск. помѣщ., 1835 г., т. CXVIII, іюнь, 503.
Левашевъ, гр., ген.-губерн. кіевск., подольск. и волынск., 1830 г., томъ CXVII, янв., 91, 96, февр., 280—284, 299, мартъ, 511, т. CXVIII, іюнь, 555, 626, т. CXX, нояб., 472.
Левашевъ, гр., В. В., харьковскій, черниг. и полтавск. ген.-губерн., 1836 г., т. CXIX, іюль, 237, 238.
Левашевъ, бригадиръ, 1722 г., томъ CXIX, авг., 448.
Левшинъ, А. Д., чиновн., 1864 г., т. CXIX, авг., 316, 384.
Левшинъ, Вас. Алексѣев., писатель, р. 1746 † 1826 г., т. CXVIII, май, 400.
Левшинъ, В. Д., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Ледоховскій, гр., Янъ, сенаторъ, 1830 г., т. CXVIII, апр., 45.
Лежневъ, т. CXIX, сент., 574, 575.
Лейкинъ, юнкеръ арт. уч., 1845 г., т. CXVIII, май, 439.
Лейхтенбергскій, герцогъ, Максиміліанъ, ген.-маіоръ, † 1852 г., томъ CXVII, янв., 97, т. CXIX, авг., 418.
Лейхтъ, Степ. Андр., воспит. I воен. гимназіи, 1866 г., т. CXX, нояб., 301, 316, 317, 334.
Ленцъ, В., музыкальный критикъ, 1852 г., т. CXVIII, іюнь, 585.
Ленцъ, Э. Ф., акад., 1856 г., т. CXIX сент., 585.
Леоновъ, подпор., 1800 г., т. CXIX, авг., 357.
Леонтьевъ, П., 1852 г., т. CXIX, сент., 668—670.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., т. CXVIII, іюнь, 516, 582, т. CXIX, сент., 582, 709.
Лефортъ, А. А. авт. соч. „Исторія царствованія государыни императрицы Екатерины II“, 1838 г., томъ CXVIII, іюнь, 576.
Лефортъ, Францъ Яковл., род. 1653 † 1699 г., сподвиж. Петра Великаго, т. CXIX, сент., 662.
Ливенъ, гр-ня, Дарья Христофор., рожд. Бенкендорфъ, р. 1785 † 1857 г., ея переписка съ разными лицами, т. CXVII, янв., 169—195.
Ливенъ, кн., Карлъ Андреев., ген.-лейт., мин. нар. просв., род. 1767 † 1845 г., т. CXVII, янв., 91, мартъ, 708.
Ливенъ, Павелъ, 1855 г., т. CXVII, янв., 192.
Ливенъ, гр., Христ. Андреев., посолъ въ Лондонѣ, р. 1814 † 1838 г., т. CXVII, февр., 276, 280, 287.

*

Ливенъ, гр., завѣдыв. экспедиц. воен. дѣлъ 1802 г., т. CXX, окт., 157.
Линденъ, Конст. Александр., директ. корп. въ Омскѣ, ген.-маіоръ, 1861 г., т. CXIX, іюль, 225, 226, авг., 302, т. CXX, окт., 87, 98, нояб., 333.
Лисицынъ, М., сообщ.: „Десять лѣтъ въ Прибалтійскомъ краѣ“, т. CXX, декаб., 657—692.
Листъ, піанистъ, 1859 г., т. CXIX, авг., 430, 436.
Литвиновъ, А., сообщ.: „По поводу записокъ Н. Г. Залѣсова“, т. CXVII, янв., 223—224.
Литинская, Маріанна, монах., 1744 г., т. CXVII, янв., 134.
Литта, гр-ня, 1825 г., т. CXVIII, янв., 199, т. CXIX, авг., 460, 476.
Литта, гр., 1839 г., т. CXVII, янв., 78—91, февр., 279—284.
Литтровъ, проф. астрон., т. CXIX, іюль, 15.
Лихачевъ, Н., сообщ.: „Въ Севастополѣ 50 лѣтъ тому назадъ“, томъ CXVIII, май, 337—345.
Лихачевъ, Н. П., 1886 г., т. CXIX, іюль, 12, авг., 352.
Лихонинъ, Орестъ Семен., полковн., директ. Александр. корп., 1847 г., т. CXVIII, май, 383—389, т. CXIX, іюль, 216—226, авг., 298, 300, т. CXX, окт., 95.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борис., мин. иностр. дѣлъ, р. 1824 † 1896 г., т. CXVIII, май, 325, т. CXIX, авг., 444.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Ив., ген.-отъ-инф., мн-ръ юстиціи, род. 1758 † 1838 г., т. CXVII, янв., 60, 85, 87, февр., 287, мартъ, 497, 512, т. CXX, нояб., 390.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Яковъ Ив., малороссійскій генер.-губерн., р. 1760 † 1831 г., т. CXVII, мартъ, 497, т. CXIX, іюль, 107. 231—238.
Лобановъ, Мих. Естафьев., писатель, ордин. академ. акад. наукъ, р. 1787 ум. 1846 г., т. CXVII, мартъ, 553.
Лобановъ, кн., 1804 г., т. CXX, нояб., 373.
Лобачевскій, Никол. Ив., математ., ректк. казанск. унив., р. 1793 † 1856 г., т. CXVII, мартъ, 503, т. CXIX, іюль, 33, авг., 347, 348.
Лободовскій, Вас. Петр., ст. совѣтн., † 1900 г., сообщ.: „Бытовые очерки“, т. CXVII, янв., 145—163, февр., 387—407, мартъ, 651—674, т. CXIX, іюль, 61—85, т. CXX, окт., 186—221, нояб., 349—370, декаб., 525—557.
Ловичъ, княгиня, Жанета Антонов. (Іоанна Грудзинская), супруга цес. Константина Павловича, род. 1795 † 1831 г., т. CXVII, янв., 70.
Лодыгинъ, Никол. Ив., ген.-маіоръ, губерн., 1841 г., т. CXIX, авг., 414.
Ломанъ, казац. офиц., 1863 г., томъ CXVIII, іюнь, 706, 710.
Ломанъ, Никол. Логинов., преподав. русскаго языка, 1864 г., т. CXX, нояб., 312, 327—329, 339.
Ломоносовъ, Сергѣй Григ., дипломатъ, послан. въ Гаагѣ, род. 1799 † 1857 г., т. CXVIII, іюнь, 555.
Лопухинъ, Ив. Влад., масонъ, р. 1758 † 1816 г., т. CXVIII, іюнь, 698, т. CXIX, сент., 690, т. CXX, окт., 183.
Лопухинъ, кн., Пав. Петр., фл.-ад., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 494, т. CXVIII, апр., 19, 24, 27—32.
Лопухинъ, кн., Петръ Вас., предсѣд. Госуд. Сов., мн-ръ юстиц., † 1827 г., т. CXVII, янв., 67, 68, 69, февр., 409—412, т. CXVIII, май, 400, томъ CXX, окт., 178, 183, 184, нояб., 371—375, 380, 382, 392—409, 423—427.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Таріел., ген.-адм., †1888г., т. CXIX, авг., 264.
Лосевъ, А. М., жандарм. полковн., 1864 г., т. CXIX, іюль, 117—119.
Лотоцкій, А., сообщ.: „Изъ быта стараго духовенства“, т. CXX, окт., 102—129.
Лохвицкій, юристъ, 1863 г., т. CXX, нояб., 317.
Луве-де-Кувре, франц. пис., р. 1760 † 1797 г., т. CXIX, авг., 416.
Луговой (псевдонимъ), см. Тихоновъ А. А.
Лужинъ, Ив. Дм., моск. об.-полиц., почетный опекунъ, † 1868 г., томъ CXVII, февр., 373.
Лукашевскій, учит. латинск. яз. при казанск. гимн., 1835 г. т. CXIX, іюль, 6.
Лунинъ, Мих. Ив., 1817 г., т. CXVIII, апр., 29—33.
Лунинъ, Мих. Сергѣев., декабристъ. † 1815 г., т. CXVII, мартъ, 494.
Лунинъ, Петръ, декабр., т. CXVII, мартъ, 481, 510.
Лутковскій, полк., 1718 г., т. CXIX, авг., 448.
Луцкій, Влад. Конст., екатеринослав. вице-губерн., род. 1818 † 1887 г., изъ его записокъ, т. CXVII, февр., 303—323, мартъ, 557—575, т. CXVIII, апр., 137—150, май, 321—336.
Львовъ, Алексѣй Ѳед., директ. пѣвч. капеллы, композ., р. 1798 † 1870 г., т. CXIX, авг., авг., 434, 436.
Львовъ, кн., Влад. Влад., литераторъ, цензоръ, † 1856 г., т. CXVII, февр., 371.

Львовъ, кн., Влад. Семен., т. CXVII, февр., 371.
Лѣсковъ, Никол. Семен., писатель, р. 1831 † 1895 г., т. CXVIII, іюнь, 623—625.
Любарскій, студентъ, 1868 г., томъ CXIX, сент., 673.
Любимовъ, юнкеръ арт. уч., 1845 г., т. CXVIII, май, 433, 438, 439.
Любомировъ, Триф. Егор., медикъ-хирургъ, директ. казанск. унив., 1825 г., т. CXX, окт., 138.
Любомирскій, кн., Іосифъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 49.
Любомирскій, кн., Мих., 1792 г., т. CXX, окт., 62, 63.
Лясковскій, В., т. CXVIII, май, 468.
Ляшенко, М. М., издат. газ. „Колывань", 1887 г., т. CXX, декаб., 686, 690.
Лэуберъ, Карлъ, пасторъ, 1826 г., т. CXX, декаб., 642.

М.

Мавринъ, Сем. Филип., 1823 г., т. CXVII янв., 61, 90, 91.
Маврокордато, кн., 1821 г., т. CXVIII, май, 459.
Магницкій, Ник. Леонт., попеч. казанск. учебн. окр.; р. 1778 † 1884 г.; т. CXVII, февр., 292, 293; т. CXVIII, іюнь, 488, т. CXIX, іюль, 15, 16; авг., 340—352, т. CXX, окт., 130—139.
Магницкій, Пав. Петр., учит. русскаго яз., 1854 г.; т. CXIX, іюль, 181—184, 189.
Мадатовъ, кн., Валеріанъ Григ., ген.-лейт., р. 1782 † 1829 г.; т. CXVIII, апр., 89, май, 295, 464.
Майковъ, Леонидъ Никол., акад.; р. 1839 † 1900 г., т. CXVII, янв., 115; т. CXVIII; апр., 181.
Майковъ, П. М., сообщ.: „Соображенія гр. Ланжерона о необходимости уменьшить обширныя пространства ген.-губернаторствъ", т. CXVII; янв., 225—230; „Баронъ Густавъ Андреевичъ Розенкампфъ", т. CXX, окт. 140—185; нояб., 371—429.
Маіевскій, проф. артил. акад., 1856 г., т. CXIX, сент., 581, 586.
Макарій, митропол., 1525, т. CXIX, іюль, 140, 148, 149, авг., 390, т. CXX, окт., 38, 43, 54.
Макаровъ, Н. М., 1853 г.; т. CXX, декаб., 695.
Макинъ, В. П., препод. исторіи, 1855 г.; т. CXIX, іюль, 220—223.
Маковъ, Левъ Саввичъ, ст. совѣтн., 1863 г.; т. CXVII, февр., 328; т. CXVIII, май, 325; т. CXIX, іюль, 123.
Максимовичъ, М. А., проф., 1850 г.; т. CXVIII, май, 393; т. CXIX, сент., 652.
Максимовъ, А. М., артистъ, † 1861 г.; т. CXIX, іюль, 193.
Максимовъ, Іоаннъ, свящ., 1752 г.; т. CXX, окт., 127.
Макшеевъ, 1866 г.; т. CXX, нояб., 343.
Малаховскій, польскій маршалъ, 1791 г.; т. CXVIII, апр., 161, 166, 167; май, 402, 403; іюнь, 666, 668, 683; т. CXIX, іюль, 37, 45, 46, 56, сент., 547; т. CXX, окт., 70.
Малевичъ, Влад. Степ., полковн.; 1850 г., т. CXIX, іюль, 227.
Малиновскій, Алексѣй Ѳедоров., управл. Московск. архивомъ мин. иностр. дѣлъ, † 1840 г.; т. CXVII, февр., 476, 477.
Малиновскій, Ив. Вас., полковн., 1825 г., уѣздн. предвод. двор., томъ CXVIII. іюнь, 550.
Малиновскій. ксендзъ, 1791 г., томъ CXIX, іюль, 45.
Мальтицъ, бар., Апол. Петр., съ 1841—1868 г., русск. повѣрен. въ дѣлахъ въ Веймарѣ; р. 1795 г., † 1870 г., т. CXIX, авг., 433.
Мальцовъ, Ив. Серг., дѣйств. тайн. сов., р. 1805 г., † 1880 г.; т. CXVII, мартъ, 707, т. CXVIII, апр., 204, 216.
Манасеинъ, сенаторъ, 1886 г., томъ CXX, декаб., 657, 690.
Мандрыка, Варвара Никол.; т. CXIX, іюль, 6.
Мандрыка, Елена Никол., въ монаш. Есѳирь, 1835 г.; т. CXVIII, іюнь, 492; т. CXIX, іюль, 6.
Мандрыка, Н. Я., ген., 1830 г., томъ CXVIII, іюнь, 492.
Маннъ, Ипполитъ Александр., драматургъ и музыкальный критикъ, р. 1823 г., † 1894 г.; т. CXIX, авг., 430.
Мансурова, въ зам. Мясоѣдова, т. CXVIII, іюнь, 550.
Мансуровъ, Никол. Павл., самарскій губерн., 1863 г., т. CXVIII, апр., 141—146, май, 321—325, 335.
Мантейфейль, ген., т. CXX, дек., 651.
Маргулецъ, докт., 1838 г.; т. CXVII, янв., 88,
Марія Александровна, императрица, р. 1824 г., † 1880 г.; т. CXVII, мартъ, 681; т. CXIX, сент., 486—499, 623; т. CXX, окт., 19, дек., 656.
Марія Николаевна, вел. княг., въ супруж. герцог. Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1879 г., т. CXVII, янв., 97, февр., 284, 296; т. CXIX, сент., 595.

Марія Павловна, вел. княг., въ супруж. герц. Саксенъ-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г.; т. CXVIII, апр., 209; т. CXIX, авг., 431.

Марія Ѳеодоровна, императрица, р. 1759 г., † 1828 г., т. CXVII, янв., 68, 72, 186, 199—203, мартъ, 581; т. CXVIII, апр., 14, іюнь, 523—544; т. CXIX, іюль, 87—112, авг., 457—480, сент., 647, т. CXX, окт., 63, 161, 164, нояб., 375, 460—488, дек., 720—726.

Маркевичъ, въ зам. Стевенъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 550.

Маркевичъ, Ал., сообщ.: „Алексѣевскій равелинъ", т. CXIX, іюль, 113—115.

Марковскій, бар., Ор., 1799 г., т. CXIX, сент., 696.

Марковъ, Алексѣй Тарасов., акад., историч. живопис., р. 1801, г., † 1878 г.; т. CXIX, сент., 568, т. CXX, нояб., 331.

Марковъ, ген., 1792 г., т. CXX, окт., 71.

Мартенсъ, проф. междунар. права, т. CXVII, мартъ, 547, т. CXVIII, апр., 46.

Мартыновъ, Ив. Ив., директ. деп. мин-ва нар. просв., 1821 г., писат., р. 1771 г., † 1833 г., т. CXX, окт., 104.

Марченко, Вас. Ром., госуд. секр., р. 1782 г., †1838 г., т. CXVII, янв., 22, 90, февр., 267.

Масальскій, казацк. офиц., 1863 г., т., CXVIII, іюнь, 706—710.

Масальскій, кн., виленск. еписк., 1792 г., т. CXIX, сент., 546; томъ CXX, окт., 70.

Масловъ, Дм. Никол., ст. совѣтн., ст.-секрет. въ департ. законовъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 554.

Матвѣевъ, Пав. А., сообщ.: „Тургеневъ и славянофилы", т. CXVIII, апр., 181—192, „Алексѣй Степановичъ Хомяковъ", т. CXVIII, май, 455—480.

Матушевичъ,, брестъ-литовск. посолъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 40.

Матюнинъ, студ., 1826 г., т. CXIX, авг., 343—348.

Матюшкинъ, Ѳед. Ѳед., флотск. оф., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 554.

Матюшкинъ, ген.-маіоръ, 1722 г., т. CXIX, авг., 448, 449.

Мацневичъ, цензоръ, 1853 г., томъ CXVII, февр., 441.

Медемъ, гр., † 1838 г., т. CXVII, янв., 73.

Межевичъ, Вас. Степ., переводч., ред. «Вѣдомостей спб. Городской Полиціи» въ 1843—1849 гг. и «Пантеона русскаго театра» въ 1843—1846 гг., † 1849 г., т. CXVIII, іюнь, 579.

Мейендорфъ, бар., Алексѣй Казимір., предсѣд. мануфактуръ совѣта, р. 1798 г., † 1865 г., т. CXVII, февр., 360—363; т. CXVIII, апр., 37, 40, 50—54, 60, 62, май, 267, 270—274, 277—289.

Мейеръ, директ. Саратовск. училища, 1854 г., т. CXVII, янв., 220.

Мелжинскій, познанскій посолъ, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 682, томъ CXX, окт., 70.

Мельгуновъ, Ник. Александ., писат., р. 1804 г., † 1867 г., т. CXVIII, апр., 196, 198, май, 367, 371, 372, іюнь, 566, 582; т. CXIX, іюль, 158, 159.

Мельниковъ, Авраамъ Ив., архит., ректоръ акад. худож., р. 1784 г., † 1854 г., т. CXIX, іюль, 237.

Мельниковъ, Пав. Ив., (псевдонимъ Андрей Печерскій), беллетристъ-этнографъ, р. 1819 г., т. CXIX, авг., 321.

фонъ-Менгденъ, командиръ 1-го гренад. полка, 1714 г., т. CXIX, авг., 445.

Менженскій, сендомірск, депутат., 1791 г., т. CXVIII, апр., 160,

Меншикова, княжна, Марія Александровна, невѣста Петра II, томъ CXIX, авг., 452.

Меншиковъ, кн. Александръ Даниловичъ, генералисимусъ, р. 1673 г., † 1729 г., т. CXIX, іюль, 114, авг., 444—451.

Меншиковъ, кн., Александръ Серг., адм., ген.-адъют., начальн. морск. штаба, р. 1787 † 1869 г., т. CXVII, февр., 278, 289, 294, 465, т. CXVIII, апр., 52, 65—92, 134, 135, май, 291—320, 343.

Мердеръ, Алексѣй, сообщ.: „Осквернѣніе православнаго храма евреемъ", т. CXIX, іюль, 228.

Мердеръ, Карлъ Карл., воспитат. Александра II, † 1834 г., т. CXVII, мартъ, 583.

Мерзляковъ, Алексѣй Ѳед., проф., р. 1778 † 1830 г., т. CXVIII, май, 445—450.

Мертваго, въ зам. Маслова, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 555.

Месетниковъ, Анисимъ Кириллов., казанск. городск. голова, 1850 г., т. CXIX, іюль, 20.

Метельскій, полковн., т. CXIX, авг., 334—336.

Меттернихъ, австр. дипломатъ, томъ CXVII, мартъ, 518—526, т. CXVIII, апр., 40, 41, 44, 46.

Мецъ, Θед. Θед., полковн. инсп. Александр. корп., т. CXVII, мартъ, 626, 628, т. CXVIII, апр., 119.
Мечковскій, 1791 г., т. CXIX, іюль, 50.
Мещерскій, кн., спб. гражданскій губерн., 1800, т. CXIX, сент., 698.
Микулинъ, Ив., 1827 г., т. CXVIII, апр., 195.
Микулинъ, кн., Семенъ Ив., воевода, 1552 г., т. CXX, окт., 42, 43.
Милковичъ, подполк., 1774 г., томъ CXVIII, іюнь, 661.
Миллеръ, Іоганнъ, истор., р. 1752 † 1809 г., т. CXVIII, апр., 212.
Миллеръ, Як. Андр., инспект. каз. унив., 1825 г., т. CXX, окт., 138.
Миллеръ, ген., 1792 г., т. CXVIII, май, 401, 402, іюнь, 649.
Миловидовъ, А., сообщ.: „Изъ переписки по освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края", т. CXIX, авг., 369—384.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., спб. воен. ген.-губ., род. 1771 г. † 1825 г., т. CXVII, янв., 67, 68, 231, 232, т. CXIX, іюль, 98, авг., 330, 479, т. CXX, нояб., 472, 479.
Милославскій, влад. зав. 1810 г., т. CXVIII, апр., 99.
Милькѣевъ, Евг. Лукичъ, 1837 г., т. CXVIII, май, 371.
Милюковъ, Александръ Петровичъ, 1872 г., т. CXVIII, іюнь, 623—625.
Милютинъ, гр., Дм. Алексѣев., воен. ми-ръ, ген.-ад., р. 1816 г., томъ CXVII, февр., 355, т. CXIX, авг., 301, сент., 498—501, 586, 589, томъ CXX, окт., 78, 89, 96, 99, нояб., 258, 264—273, 309, 317, 342, 493, 509, 515, 516.
Милютинъ, Никол. Алексѣев., тов. мн-ра вн. дѣлъ, директ. хозяйств. деп. минист., р. 1818 † 1872 г., томъ CXIX, авг., 370, 374—376.
Милютиновъ, корнетъ, 1798 г., томъ CXIX, авг., 362, 363.
Минихъ, гр., Бурхардъ Христоф., ген.-фельдм., сибирск. ген.-губерн., р. 1683 † 1767 г., т. CXVIII, апр., 240.
фонъ-Минихъ, Христіанъ, инжен. и полковн., т. CXIX, іюль, 114.
Мирковичъ, Александръ Яковлев., 1847 г., т. CXVII, мартъ, 594, 597.
Мирковичъ, Θед. Яков., ген.-губ. С.-З. края 1847 г., т. CXVII, мартъ, 595.
Мистаки, проф., 1826, т. CXIX, авг., 351.
Митрофанъ, воронежск. еписк., въ схимѣ Макарій, т. CXVIII, апр., 218.
Михаель, Ив. Карлов., подполк., директ. тульск. неранжирован. кадетск. корп. 1847 г., т. CXVIII, май, 379—382.
Михайловскій-Данилевскій, Алекс. Иван., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848, т. CXVII, янв., 6—26, февр., 264, 267, мартъ, 486, 502, т. CXVIII, апр., 6, т. CXIX, авг., 414.
Михайловъ, Аѳанасій, свящ., 1720 г., т. CXX, окт., 109.
Михаилъ Николаевичъ, вел. князь, ген.-фельдцейхм., т. CXVII, янв., 81, 83, 197, мартъ, 586, т. CXVIII, май, 344, іюнь, 618, т. CXIX, іюль, 226, авг., 299—301, сент., 502—504, т. CXX, окт. 26, 27, декаб., 655.
Михаилъ Павловичъ, велик. князь, р. 1798 † 1849 г., т. CXVII, янв., 68—75, 203, 205, февр., 278, 287, 293, т. CXVIII, апр., 115, 122, май, 385, 386, 390, 391, 423, 442, 443, іюнь, 523—544, 547, 548, 606—609, 614—616, т. CXIX, іюль, 5, 87—112, 223, 224, авг., 292, 457—480, сент., 583, т. CXX, окт., 158, ноябр., 460—488, декаб., 720—726.
Михальскій, подпор., 1799 г., томъ CXIX, авг., 366.
Михальскій, препод. полтав. воен. гимн. 1868 г., т. CXX, нояб., 345.
Михельсонъ, помѣщица Невельскаго уѣзда, 1814 г., т. CXVII, мартъ, 502.
Михельсонъ, подполк., 1774 г. томъ CXVIII, іюнь, 660.
Мицкевичъ, Адамъ, писат., р. 1758 † 1855, т. CXVII, февр., 344, томъ CXX, окт., 234, 236.
Мицкевичъ, Влад., польск. писат., 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 704.
Мнишекъ, Марина, жена перваго самозванца, т. CXVIII, янв., 127.
Мнишекъ, гр., Андрей, 1883 г., томъ CXVII, янв., 109.
Мнишекъ, гр., маршалъ польскаго сейма, 1792 г., т. CXIX, іюль, 43—46.
Могилевскій, Вас., намѣстникъ кобеляцкій, 1752 г., т. CXX, окт., 122.
Модзалевскій, Б. Л., сообщ.: „Къ біографіи В. Г. Варенцова", томъ CXVII, февр., 445—451.
Модзалевскій, Левъ Никол., педагогъ, р. 1837 † 1896, т. CXVII, февр., 450, 445—459.
Мойеръ, Екат. Ив., въ зам. Елагина, т. CXIX, сент., 713.
Молоствовъ, Вад. Влад., 1861 г., т. CXVIII, май, 453, 454.
Молчановъ, тайн. совѣтн., 1815 г., т. CXVII, янв., 22.
Молчановъ, Петръ Степан., писат., ст.-секр. Александра I, род. 1772 † 1831 г., т. CXIX, сент., 620.

Монастырскій, маіоръ, томъ CXIX, авг., 284, 285.
Моралевскій, воспитатель въ полт. воен. гимн., маіоръ, 1868 г., томъ CXX, нояб., 345—348.
Мордвиновъ, гр., Никол. Сем., адм., чл. Госуд. Сов., р. 1754 † 1845 г., т. CXVII, февр., 283, мартъ, 503, т. CXX, окт., 179, нояб., 424.
Мордвиновъ, гр., П. С., т. CXX, окт., 140—143.
Мордовцевъ, Лука, 1863 г., томъ CXVIII, іюнь, 622.
Морицъ, секр. императр., т. CXIX, сент., 495, 499.
Марковъ, гр., Аркадій Ив., диплом., р. 1747 † 1827 г., т. CXVIII, іюнь, 686, 687, 692, 694, т. CXIX, сент., 538.
Морозовичъ, Адамъ, польскій эмигрантъ 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 704, 707, т. CXIX, сент., 634, 638.
Морозовъ, капит., 1828, т. CXX, декаб. 727.
Морошкичъ, Мих. Яковл., писат., т. CXVII, янв., 108.
Мосоловъ, В. Н., чиновн., 1863 г., т. CXVII, февр., 329.
Мостовскій, гр., Іосифъ, посолъ инфляндскій, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 672, т. CXIX, іюль, 53, т. CXX, окт., 64.
Мостовскій, гр. мн-ръ внутр. дѣлъ Ц. Польск., 1825 г., т. CXX, дек., 625—630, 635.
Мочаловъ, артистъ, 1840 г., томъ CXVIII, апр., 199.
Мощенскій, Адамъ, депутатъ 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 681, т. CXIX, іюль, 50, 52, сент., 539, 542—546.
Мощинскій, Владиславъ, инженеръ, 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 703.
Музовскій, священ., духовникъ имп. Николая I, т., CXVIII, іюнь, 546.
Муравьева, гр-ня Пелагея Васил., 1864 г., т. CXIX, авг., 314—316.
Муравьевъ, Андрей Никол., писат., р. 1806 † 1874 г., т. CXIX, іюль, 128.
Муравьевъ, Александр. Николаев., полковн., декабр., р. 1792 † 1864 г., т. CXVII, мартъ, 486—489, 493—495, т. CXVIII, апр., 19, 20, 23—29, 34, май, 242, 243, 253, 254, 264.
Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матвѣев., р. 1762 † 1851 г., т. CXVII, мартъ, 489, 494.
Муравьевъ-Апостолъ, Матвѣй Ив., подполк., декабр., р. 1783 † 1886 г., т. CXVII, мартъ, 489, 494, 495, 514, т. CXVIII, апр., 19, 20, 27, 29, 32.
Муравьевъ, Мих. Никит., товар. мин. нар. просв., попечит. Моск. учебн. окр., сенат., писат., р. 1757 † 1807 г., т. CXVIII, іюнь, 512, том. CXX, окт., 155, 161.
Муравьевъ, гр. Мих. Никол., мн-ръ гос. имущ., ген.-губ. Сѣв.-Зап. края, р. 1796 † 1866 г., т. CXVII, янв., 129—143, февр., 325—339, 355, томъ CXVIII, апр., 26, 27, май, 242, томъ CXIX, іюль, 117—130, 240, авг., 252, 306—320, 370—384, сент., 488, 505, 506, т. CXX, декаб., 683.
Муравьевъ, Никита Мих., декабр., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 488, 494, 495, 513, 514, т. CXVIII, апр., 20, 21, 26—29, 34, май, 242, 251, 252.
Муравьевъ Никол. Мих., ковенскій губерн., † 1869 г. CXVII, февр., 335.
Муравьевъ, Никол. Назар., новгород. губерн., 1831 г., писат.-арх., ст.-секр., р. 1775 † 1845 г., т. CXVIII, апр., 14, т. CXX, окт., 244—246, дек., 727.
Муравьевъ, Николай Никол., ген.-адъют., ген.-отъ-инф., начальн. шт. арміи, корпусн. команд., р. 1794, † 1866 г., т. CXVIII, іюнь, 563, 626, 627.
Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Ив., подполковн. черниг. полка, декабр., р. 1796 † 1826 г., т. CXVII., мартъ, 495, 513, т. CXVIII, апрѣль, 19, 25, 28—32.
Мурзановъ, Н. А., сообщ.: „Высочайшее разрѣшеніе Г. Р. Державину съѣздить на одинъ день въ Царское Село“, т. CXVII, янв., 164, „Московскій университетъ и князь П. В. Лопухинъ“, февр., 409—412, „Письмо Г. Р. Державина къ генералъ-прокурору П. Х. Обольянинову о формѣ одежды губернскихъ чиновниковъ“, мартъ, 580, „Письмо В. А. Левшина къ князю П. В. Лопухину“, т. CXVIII, май, 400, „Къ біографіи В. Н. Каразина“ (Письмо В. Н. Каразина П. И. Кеппену), т. CXIX, сент., 701—707.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ив., р. 1744 † 1817 г., т. CXIX, сент., 644, 645.
Мусинъ-Пушкинъ, Мих. Николаев., попечит. казанск., спб. учебн. окр., предсѣд. цензурн. комит., р. 1795 † 1862 г., т. CXIX, іюль, 23, 24.
Мухановъ, Н. А., чл. Госуд. Совѣта, тов. мин. ин. дѣлъ, 1823 г. томъ XCVIII, май, 460—463.
Мухановъ, Пав. Александр., попечит. Варш. учебн. окр., впослѣд. чл. Госуд. Совѣта и предсѣд. Археогр. коммисіи, р. 1798 † 1871 г., томъ CXVIII, іюнь, 581.
Мухановъ, шт.-капит., 1826 г., томъ CXVIII, май, 253.

Мухранскій, кн., Георгій, директ. судебн. депар., 1858 г., т. CXIX, авг., 257, т. CXX, окт., 15, 24, нояб., 250.
Мухранскій, кн., Ив., т., CXX, окт., 23.
Мѣрославскій, участн. въ польск. возст., 1848 г., т. CXVII, февр., 344, 347, т. CXVIII, апр., 53, 55, май, 270, т. CX1X, іюль, 40.
Мясоѣдовъ, Пав. Николаев., 1839 г., т. CXVII, февр., 328, т. CXVIII, іюнь, 550.

Н.

Набель, ген.-маіоръ, директ. тульск. кад. корп., 1863 г., т. CXX, окт., 81.
Нагель, ген.-маіоръ, правитель Иркутскаго намѣстнич., 1795 г., томъ CXVII, янв., 240.
Надаржинская, маіорша, 1799 г., т. CXIX, сент., 697.
Надеждинъ, Никол. Ив., профес., р. 1804 † 1856 г., т. CXVIII, апр., 216, „Изъ переписки", май, 393—399.
Надеждинъ, свящ. I моск. гимназ., 1854 г., т. CXIX, іюль, 185, 199.
Назимовъ, Влад. Ив., ген.-адъют., попечит. моск. универ., ген.-губ. С.-З. края, р. 1802†1874 г., томъ CXVII, янв., 133, 207, февр., 328—331, 337, мартъ, 589, т. CXIX, авг., 308, 369, 370.
Наполеонъ I, императоръ, т. CXVII, янв., 8—27, 241—273, т. CXVIII, апр., 6, 11, 12, іюнь, 626, т. CXIX, іюль, 36.
Наполеонъ III, императоръ, т. CXVII, февр., 343—357, мартъ, 675—681, 688, 698, 702, т. CXVIII, май, 353, 359, 361, т. CXIX, авг., 275, томъ CXX, декаб., 595—617.
Нарушевичъ, монах., 1744 г., томъ CXVII, янв., 134.
Нарышкина, Анна Никит., рожд. Румянцова, статсъ-дама при Екатеринѣ II, р. 1730 † 1820 г., т. CXX, нояб., 420.
Нарышкина, Марія Антонов., рожд. Четвертинская, р. 1779 † 1854 г., т. CXVII, янв., 106, т. CXX, нояб., 387.
Нарышкинъ, Александръ Львов., об.-камергеръ, р. 1760 † 1826 г., т. CXVII, февр., 383.
Нарышкинъ, Дм. Львов., †1838 г., т. CXVII, янв., 78.
Нарышкинъ, Кириллъ Александр., об.-гофмарш., президт. придворной конторы, р. 1786†1838 г., т. CXVII, февр., 287.
Нарышкинъ, Левъ Никол., бояр., 1740 г., т. CXX, окт., 108.
Нарышкинъ, ген., 1859 г., т. CXX, нояб., 284.
Нассаускій, принцъ, 1791 г., томъ CXVIII, іюнь, 672.
Насѣкинъ, полковн., витебск. помѣщ., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 499.
Наумовъ, Александръ Аполлоновичъ, 1813 г., т. CXIX, сент., 645.
Наумовъ, Мих. Мих., 1863 г., томъ CXVII, мартъ, 568, 569, т. CXVIII, апр., 144—149.
Нахимовъ, Пав. Степ., адм., род. 1803†1853 г., т. CXVIII, май, 337—345.
Невѣровъ, Яннуарій Мих., писат. и педагогъ, съ 1864—1879 гг. попеч. Кавказск. учебнаго окр., р. 1801 †1893 г., т. CXIX, іюль, 157, 159, 165, сент., 565—667.
Нейдгардтъ, корпус. команд., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 563.
Нейманъ (Іоганнъ-Георгъ), Иванъ Егор., проф., секрет. совѣта отдѣл. гражд., законовъ, р. 1780†1855 г., т. CXIX, іюль, 178, авг. 419, 421.
Нейманъ, Юлій Өед., полковн., инспекторъ клас. въ кавал. Николаев. училищѣ, 1866 г., т. CXX, нояб., 337.
Неклюдовъ, Никол. Адріанов., товарищъ мн-ра внут. дѣлъ, CXVII, февр. 447.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писат., р. 1821†1877 г., т. CXVII, февр., 402, 403, т. CXVIII, май, 328, 374, іюнь, 584, т. CXIX, авг., 438, 440, 441.
Нелединскій, 1815 г., т. CXIX, іюль, 98, авг., 476, т. CXX, нояб. 483.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, сенат., 1802 г., томъ CXVIII, іюнь, 698.
Нелидова, Екат. Ив., фрейл., 1838 г., т. CXVII, янв., 80.
Неовіусъ, капит., педагогъ, 1863 г., т. CXIX, авг., 302.
Нерсесъ, католикосъ, т. CXIX, авг., 261, 263.
Нессельроде, графиня, 1843 г., томъ CXVII, янв., 184.
Нессельроде, гр-ня, 1838 г., томъ CXVII, янв., 82.
Нессельроде, гр., Карлъ Вас., мн-ръ ин. дѣлъ, р. 1780†1862 г., т. CXVII, янв., 8, 10, 81, февр., 296, мартъ, 520, 540, 541, 544, т. CXVIII, апр., 46, 49, 51, 126, 130—135, іюнь, 555.
Нефедьевъ, ген.-лейт., 1798 г., томъ CXIX, авг., 365.

Нефловъ, П. Ф., надворн. совѣтн., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Никаноръ, спб. митроп., 1850 г., т. CXVII, мартъ, 586.
Никифоровъ, подпор., 1800 г., CXIX, авг., 367, 368.
Никитенко, Александръ Вас., проф., впослѣд. академикъ, р. 1805†1877 г., т. CXVIII, іюнь, 570, 573, 582, 587, т. CXIX, авг., 419—423, „Изъ его архива", сент., 668—687.
Никитенко, Казиміра Казиміровна, т. CXIX, сент., 674—686.
Николаи, бар., Александръ Павлов., попечит. кавказ. учебн. окр., 1858 г., т. CXX, окт., 9, декаб., 504.
Николаи, бар., Андр. Львов., президентъ академ. наукъ, 1802 г., т. CXX, декаб., 717—719.
Николай I, императоръ, р. 1796 †1855 г., т. CXVII, янв. 14, 59—98, 100, 111, 130—133, 169, 174, 183—192, 197, 201—205, 207—222, 225, 230, февр., 276—302, 430, 433—443, 462, мартъ, 517—551, 582, 603, 623, т. CXVIII, апр., 14, 35—63, 66, 82, 100, 122, май, 265—289, 301—305, 345, 386—391, 398, 423, 441, 442, іюнь, 546—568, 609, 614, 618—620, 626, т. CXIX, іюль, 79, 87—112, 166, 201—210, 225—240, авг., 291, 298, 342, 457—480, сент., 505, 506, 554—557, 653, 658, 660, 666, 705, 706, т. CXX, окт., 77, 91, 157, 244, 246, нояб., 373, 460—488, декаб., 581, 593, 638—643, 649, 720—728.
Николай Александровичъ, великій князь, т. CXVII, мартъ, 583—585.
Николай Николаевичъ, вел. князь, р. 1831†1891 г., т. CXVII, янв., 81, 83, 97, 197, мартъ, 586, т. CXVIII, май, 344, іюнь, 618, т. CXIX, іюль, 226, т. CXX, окт. 26, 27.
Николинъ, А. П., штабъ-оф. Рижск. жандар. управл., 1887 г., т. CXX, декаб., 683, 684, 685.
Никольскій, С. П., сообщ.: «Изъ Варшавскихъ архивовъ», (1883 г.), т. CXX, окт., 247—248.
Никотинъ, Ив. Акимов., его записки, т. CXVII, янв., 129—144, февр., 325—340, т. CXIX, іюль, 117—130, авг., 306—320.
Никотинъ, Н. И., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Нилова, П. М., т. CXVIII, іюнь, 485.
Нобилевъ, Ив. Сем., проф. философ., т. CXVII, янв., 145—155.
Новиковъ, Николай Ив., род. 1744 †1818 г., т. CXIX, сент., 659, 660, т. CXX, нояб., 415.
Новиковъ, правит. канц. малорос. ген.-губ., 1816 г., т. CXVI, мартъ, 493, 494.
Новицкій, Л. О., инспект. I моск., гимн., 1854 г., т. CXIX, іюль, 175, 179.
Новицкій, М., дѣлопр. департ. нар. просв., 1818 г., т. CXIX, сент. 507.
Новосильцевъ, Никол. Никол., предсѣд. гос. сов., р. 1761†1838 г., т. CXVII, янв., 7, 15, 16, 64—82, 122, февр., 250—256, 268, 287, т. CXX, окт., 144—158, 165—168, 174—184, нояб., 371—410, декаб., 623.
Новосильцевъ, воевода, 1570 г., т. CXX, окт., 48.
Новосильскій, адм., 1854 г., т. CXVII, май, 342.
Ноинскій, ген.-аудиторъ, 1839 года, т. CXVII, февр., 293.
Норманъ, С. сообщ.: «Наполеонъ III и князь Бисмаркъ во время польскаго мятежа», т. CXVII, февраль, 343—357.
Норовъ, Абр. Серг., мин-ръ нар. пр. съ 1853—1858 г., р. 1795†1869 г., т. CXVII, янв., 209—221, февраль, 433—436, 440—442, т. CXVIII, апр., 215, май, 377, т. CXIX, сент., 668—674.
Носовичъ, ген.-маіоръ, 1864 г., т. CXX, окт., 95.
Ностицъ, гр., команд. нижегородск. драгунск. полка, т. CXX, окт., 24.
Нудатовъ, бугурусланскій мировой посредникъ, т. CXVIII, апр., 149.
Нуджевскій, плацъ-адъют., 1800 г., т. CXIX, авг., 367.
Нѣмекша, прелатъ, визитат. римско-катол. мон., 1864 г., т. CXVII, янв., 135, 138, 139, 140.
Нѣмцевичъ, Юліанъ, польск. писат., 1614 г., т. CXVII, февр., 272—274, т. CXVIII, май, 419, 420, т. CXIX іюль, 46.
Нэу, А. А., редакторъ «Дерптскаго Листка», 1889 г., т. CXX, декаб., 690.

О.

Обломьевскій, Дм. Ѳед., старшій докт. Александр. корпуса, 1849 г., томъ CXVIII, май, 390, 391, т. CXIX, іюль, 214.
Ободовскій, Плат. Григ., драмат., р. 1803 † 1864 г., т. CXVIII, апр., 211.
Оболенскій, кн., Ев. Петр., декабр., т. CXVIII, апр, 21, май, 246.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанфов., ген.-прокур. съ 1800 по 1801 г.,

р. 1751 † 1841 г., т. CXVII, янв., 164, мартъ, 580, т. CXIX, авг., 365.
Обуховъ, самарск. губерн. предвод., 1863 г., т. CXVIII, апр., 141, 147, май, 321—324.
Овандеръ, ген., 1853 г., т. CXIX, авг., 292, 293.
Овсинскій, 1791 г., томъ CXIX, іюль, 46.
Огаревъ, Никол. Платонов., писат., р. 1813 † 1877 г., томъ CXVIII, апр., 201.
Огинскій, гр., польск. патріотъ, 1814 года, т. CXVII, февр., 241, 242, 266, 267.
Огинскій, литовскій мечникъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 43, 48.
Одоевская, княг., Ольга Степ., рожд. Ланская, 1856 г., т. CXVIII, апр., 196, т. CXIX, авг., 423.
Одоевская, княжна, Прасковья Александровна, т. CXVII, февр. 372.
Одоевская, княжна, Прасковья Серг., въ зам. кн. Щербатова, т. CXVII, февр., 375.
Одоевскій, князь, Александр. Ив., поэтъ, декабр., р. 1802 † 1839 г., т. CXVII, февр., 371—385, т. CXIX, іюль, 161.
Одоевскій, кн., Влад. Ѳед., писат., р. 1803 г., † 1869 г., сенат. „Изъ его переписки", т. CXVII, февр., 371—385, мартъ, 705—716, т. CXVIII, апр., 193—217, май, 367—378, 398, 462, іюнь, 518, 569—590, т. CXIX, іюль, 151—166, авг. 413—442.
Одоевскій, кн., Ив. Серг., ген.-маіоръ, т. CXVII, февр., 372.
Ожаровскій, гр., К. Ф., чиновн. особыхъ поруч., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Ожаровскій, кастелянъ виницкій, 1791 г., т. CXIX, іюль, 43, сент., 547.
Ожаровскій, гр., 1815 г., т. CXVII, февр., 261.
Озенъ, докторъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 578.
Озноби шинъ, Дм. Петр., поэтъ, р. 1803 † 1877 г., т. CXVIII, іюнь, 489, 493, 508, т. CXIX, іюль, 8—10.
Оксеншернъ, Аксель, шведскій дипломатъ, р. 1583 † 1654 г., т. CXX, нояб., 392.
Окуловъ, шт.-к., 1857 г., т. CXIX, авг., 295.
Олендзскій, камергеръ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 156.
Олендскій, жмудскій посолъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 48, 52.
Оленина, Варвара Алексѣевна, р. 1802 † 1877 г., т. CXVII, мартъ, 553, 554.
Оленинъ, Алексѣй Никол., дѣйств. тайн. совѣтн., директ. публич. библ., през. акад. худ., р. 1763 † 1843 г., т. CXVII, янв., 67, февр., 474—478, мартъ, 552, т. CXVIII, апр., 204, іюнь, 573, т. CXIX, іюль, 152—156, т. CXX, окт., 148, нояб., 389, 396, декаб., 638.
Олешкевичъ, врачъ, 1857 г., т. CXIX, авг., 288.
Ольга Николаевна, великая княгиня, въ зам. корол. Виртембергская, р. 1822 † 1892 г., т. CXVII, янв., 97, 204, т. CXVIII, май, 269, т. CXIX, авг., 436, сент., 595, 623.
Ольдекопъ, Евстаѳій Ив., цензоръ театральныхъ произведеній, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 578, 579.
Ольденбургскій, принцъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 548.
Ольхинъ, 1845 г., т. CXIX, сент., 657.
Ольшанскій, Леонидъ, свящ., 1752 г., т. CXX, окт., 123.
Опочининъ, 1859 г., т. CXX, нояб., 295, 296.
Оранскій, принцъ Вильгельмъ, т. CXIX, іюль, 90—111, авг., 457—477.
Орачевскій, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 683, т. CXIX, іюль, 38.
Орбеліани, кн., Григ., ген., т. CXX, нояб., 263.
Ордынскій, Б. И., адъюнктъ-проф. въ Казани, 1835 г., т. CXIX, іюль, 33.
Ореусъ, тайн. совѣтн., 1841 г., т. CXVII, февр., 363.
Оржеховскій, Ѳаддей (бар. Окша), польск. эмигрантъ, 1863 г., т. CXX, окт., 227, 241, 243, декаб., 587.
Орлова-Чесменская, гр-ня, Анна Алек., † 1848 г., т. CXVII, янв., 6, 74.
Орловъ-Чесменскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-аншефъ, р. 1737 † 1808 г., т. CXVII, янв., 114.
Орловъ, кн., Мих. Ѳед., ген.-м., фл.-ад., р. 1788 † 1842 г., т. CXVII, мартъ, 491—493, т. CXVIII, апр., 26, май, 251—254.
Орловъ, кн., Алексѣй Ѳед., ген.-ад., нач. III отд., р. 1787 † 1862 г., т. CXVII, янв., 80, февр., 279, 350, март. 532—536.
Орловъ-Денисовъ, гр., 1815 г., т. CXIX, іюль, 90, 91.
Орловскій, тифлис. вице-губернат., 1859 г., т. CXX, нояб., 258.
Орѣшниковъ, препод. русск. языка, 1855 г., т. CXIX, іюль, 215, 216.
Оскерко, капит., 1856 г., т. CXIX, сент., 585.
Осиповъ, 1827 г., т. CXVIII, апр. 195.
Остенъ-Сакенъ, бар., графъ съ 1855 г.,

Дм. Ерофеев., р. 1763 † 1881 г., т. CXVIII, май, 460.
Остенъ-Сакенъ, гр., Ив., камергеръ, 1839 г., т. CXIX, сент. 652.
Остенъ-Сакенъ, кн., Фабіанъ Вильгельмов., ген.-фельдм., † 1837 г., т. CXVIII, май, 317, іюнь, 626—628, т. CXIX, сент., 652.
Остервальдъ, Дидрихъ, препод. вел. кн. Павла Петровича, сенаторъ, р. 1727 † 1794 г., т. CXX, окт., 161.
Остерманъ, Ив. Андр., вице-канцлеръ, 1790 г., † 1811 г., т. CXVIII, іюнь, 685, т. CXIX, сент., 540.
Остерманъ-Толстой, гр., т. CXIX, авг., 330, 338.
Островскій, Александр. Никол., писат., р. 1823 † 1886 г., т. CXVII, мартъ, 640, т. CXIX, сент., 614.
Островскій, гр., Ѳома, президентъ Сената въ Варшавѣ, † 1817 г., т. CXVII, февр., 249, 250, 259, 267, мартъ, 483.
Острогорскій, Викт. Петр., педагогъ, писат. 1864 г., т. CXX, нояб., 321, 329, 331.
Остроградскій, Мих. Вас., акад., матем., р. 1801 † 1851 г., т. CXVIII, іюнь, 593, 594, 598, т. CXIX, іюль, 224, сент., 581—585.
Острожскій, князь, Конст. воевода кіевск., 1602 г., т. CXVII, янв., 124, 125.
Отвиновскій, краков. посолъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 40.
Очкинъ, Амплій Никол., редакторъ „Спб. Вѣд.“, р. 1802 † 1865 г., т. CXVIII, іюнь, 577, 582, 585, т. CXIX, авг., 429.

П.

Павелъ, іеромон., 1720 г., т. CXX, окт., 104.
Павелъ I, императоръ, р. 1754 † 1801 г., т. CXVII, янв., 19, 22, 70, 144, 164, февр., 281, 341, 342, 409—414, мартъ, 616, 649, т. CXVIII, апр., 105, 108, іюнь, 662, т. CXIX, іюль, 215, 230, авг., 353—368, сент., 587, 660, 663, 664, 691—700, т. CXX, окт., 142—147, 156—164, 178, 184, нояб., 390, 397, 415, декаб., 592.
Павловскій, ген., директ. полоцк. корп., 1864 г., т. CXX, окт., 96.
Павловскій, И. Фр., сообщ.: „О шведской могилѣ и капиталѣ Судіенка“. т. CXIX, іюль, 229—239.
Павловскій, митроп. Римско-католич. церквей 1840 г., т. CXVIII, іюнь, 546.
Павловъ, А. С., подполковн., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Павловъ, Викторъ, сообщ.: «Замѣтка о Константиновскомъ межевомъ институтѣ, 1849 г., т. CXIX, сент., 505—506.
Павловъ, Никол. Филип., писат., журналистъ, р. 1805 † 1864 г., т. CXVIII, апр., 193—202, май, 370.
Паецъ-де-ла-Каденъ, испанскій послан. въ Россіи 1838 г., т. CXVII, янв., 66.
Паленъ, бар., Петръ Алексѣев., спб. воен. губ., р. 1746 † 1826 г., т. CXVII, янв., 107, т. CXIX, сент., 665, 695, т. CXX, окт. 143, 144, 163, 164.
Паленъ, гр., Петръ Петров., посолъ во Франціи, 1839 г., † 1864 г., т. CXVIII, іюнь, 546, 563.
Палеологъ, Андрей, 1480 г., т. CXIX, авг., 402—404.
Палеологъ, Софія (Зоя), супруга вел. кн. Іоанна III, т. CXIX, авг., 397, 402.
Пальчиковъ, вице-дирек. въ департ. мин. юстиціи, 1839 г., т. CXVII, февр., 295.
Панаева, Поликсена Ив., въ зам. Рындовская, 1811 г., т. CXIX, іюль, 20.
Панаевъ, Вл. Ив., писат., 1811 г., т. CXIX, іюль, 20, сент., 666, 667.
Панаевъ, Ив. Ив., писат., 1860 г., т. CXVII, мартъ, 636, т. CXVIII, май, 394—396, 399, т. CXIX, іюль, 20, авг., 438.
Панаевъ, директ. канц. мн-ра имп. дв., 1838 г., т. CXVII, янв., 74, т. CXVIII, апр., 49.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиціи, р. 1801 † 1874 г., т. CXIX, авг., 371, сент., 505, т. CXX, декаб., 711—713.
Панинъ, гр., Петръ Ив., ген., 1777 г., т. CXVIII, іюнь, 661.
Пановъ, Вас. Макс., писат., изд. «Сельскій хозяинъ XIX вѣка», т. CXVIII, іюнь, 576.
Панчулидзевъ, авторъ ист. кавалерг., т. CXVIII, апр., 238.
Панютинъ, Степ. Ѳед., управл. канц. виленск. ген.-губ. 1863 г., т. CXVII, янв., 135, 141, 142, февр., 328, т. CXIX, іюль, 124.
Папавъ, Александръ Вас., секундъ-маіоръ, 1773 г., т. CXVIII, іюнь, 647—662.
Паскевичъ, гр., Ив. Ѳед., ген.-фельдм., р. 1782 † 1856 г., т. CXVII, янв., 78, февр., 296, мартъ, 547, т. CXVIII, апр., 47—63, май, 266—289, 317, 464, іюнь, 553, 558.

Пассекъ, Петръ Богдановъ., бѣлорус. ген.-губ., р. 1736 † 1804 г., т. CXVII, янв., 131.
Паткуль, оф., 1838 г., т. CXVII, янв., 81.
Патрикеевъ-Косой, кн., Вас. Ив., постриг. въ 1499 г., Вассіанъ Косой, т. CXIX, авг., 389, 390, 403, т. CXX, окт., 33.
Паукеръ, инж.-капит., 1855 г., впослѣд. мн-ръ путей сообщ., т. CXIX, іюль, 220.
Паульсонъ, І. И., педаг., 1864 г., т. CXX, нояб., 321, 323.
Пашковъ, 1815 г., т. CXIX, авг., 469.
Пеликанъ, Евг. Венцеслав., проф. спб. медико-хирургич. акад., директ медицинск. департ., писат., † 1884 г., т. CXVIII, май, 325.
Перевлѣсскій, педаг., 1857 г., т. CXIX, іюль, 192.
Перевощиковъ, Дм Матв., проф. астрон. Москов. унив., цензоръ москов. цензурнаго комитета, р. 1788 † 1880 г., т. CXVIII, май, 368.
Перепелкинъ, Савва Саввичъ, семинаристъ, т. CXVII, янв., 146—163 фев., 387—407, мартъ, 671, 672, 652—672, т. CXIX, іюль, 61—85, т. CXX, окт., 186—221, нояб., 349—370, декаб., 525—557.
Переславскій, еписк., 1782 г., т. CXIX, сент., 662.
Перовскій, Вас. Алексѣев., ген.-ад., оренб. воен. губерн. 1839 г., † 1857 г., т. CXVII, февр., 298—302, т. CXIX, авг., 321.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ вн. дѣлъ, р. 1722 † 1856 г., т. CXVIII, апр., 34, т. CXIX, авг., 416.
Перскій, ген., т. CXIX, іюль, 215.
Перцова, урожд. Вишнякова, 1835 г., т. CXIX, іюль, 5.
Перцовъ, Петръ Алексѣев., 1835 г., т. CXIX, іюль, 5, 6.
Перцовъ, Эрастъ Петр., надворный совѣтн., р. 1804 † 1873 г., т. CXVIII, іюнь, 498, 503, т. CXIX, іюль, 5—7, 28.
Пестель, Ив. Борисов., ген.-губерн. Восточн. Сибири, р. 1765 † 1844 г., т. CXVII, янв., 23.
Пестель, Пав. Ив., декабр., † 1825 г., т. CXVII, мартъ, 488, 490, 494, 495, 509, 513, 514, т. CXVIII, апр., 19—25, 33, 34, май, 252, 255.
Петерсенъ, дѣйст. ст. совѣт., 1863 г., т. CXIX, авг., 376.
Петерсонъ, т. CXIX, авг., 325.
Петрашевскій, Мих. Вас., (Буташевичъ-Петрашевскій), т. CXVIII, апр., 52.
Петровъ, Осипъ Аѳанас., пѣвецъ † 1878 г., т. CXIX, авг., 434.
Петровъ, учит. гимназ. въ Митавѣ, 1889 г., т. CXX, декаб., 687.
Петрусенко, Сергѣй Ив., учит., т. CXIX, іюль, 84.
Петръ, митроп., † 1326 г., т. CXVIII, іюнь, 643.
Петръ, II, † 1730 г., царь, т. CXIX, авг., 452, 453, т. CXX, окт., 183.
Петръ I, императоръ, р. 1672 † 1725 г., т. CXVII, февр., 321, 427, т. CXVIII, май, 378, іюнь, 570, т. CXIX, іюль, 136, 229—234, авг., 444—452, сент., 697, т. CXX, окт., 50, 51, 102—109, 110, 115, 142, 149, 153, 160, 165—183, нояб., 414.
Пецолко, священ., 1860 г., т. CXX, декаб., 703.
Печоринъ, 1844 г., т. CXIX, сент., 681, 686, т. CXX, нояб., 427.
Пивницкій, Станиславъ, депутатъ города Калиша, 1805 г., т. CXX, декаб., 625, 627, 636.
Пирамовичъ, кн., 1791 г., т. CXIX, іюль, 54.
Пирлингъ, П., сообщ.: «Названный Димитрій и Адамъ Вишневецкій», т. CXVII, янв., 123—128, упом. янв., 108, 109, февр., 415, мартъ, 704.
Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, р. 1800 † 1881 г., т. CXVII, февр., 447, т. CXIX, сент., 557, 561.
Писанскій, кап., 1798 г., т. CXIX, авг., 360.
Писаревъ, Александръ Ив., водевилистъ, р. 1803 † 1828 г., т. CXVII, янв., 120—122, т. CXVIII, апр., 194.
Піатоли, (Сципіонъ), ксендзъ, р. 1750 † 1809 г., т. CXIX, іюль, 53, т. CXX, окт., 64, 67, нояб., 378, 383.
Плаксинъ, Вас. Тимоѳ., педаг., 1864 г., т. CXIX, іюль, 217, т. CXX, нояб., 332.
Платеръ, гр., 1826 г., т. CXX, декаб. 641—650.
Платовъ, Александръ Степ., писат. по артил., проф. арт. учил., р. 1817 † 1891 г., т. CXIX, сент., 585, 586.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказный атаманъ войска Донск., р. 1751 † 1818 г., т. CXVII, янв., 85, мартъ, 482.
Платонъ, (Левшинъ), митроп. моск., р. 1737 † 1812 г., т. CXIX, сент., 660, 695, т. CXX, окт., 107, 129.
Плетнева, Ольга Петровна, † 1852 г., т. CXIX, сент., 598.
Плетневъ, Петръ Александр., акад., р. 1792 † 1865 г., т. CXVII, февр., 383, т. CXVIII, май, 373, 378, іюнь, 511—522, 569, т. CXIX, іюль, 10, 156, 162 авг., 441, 442, сент., 594—627.

Плещеева, г-жа, 1815 г., т. CXIX, авг., 473.
Плюшарт, Адольфъ Александр., издатель словаря, книгопрод., т. CXVII, мартъ, 710, т. CXVIII, май, 367, 376, 398, іюнь, 573.
Погодина, Елиз. Вас., 1841 г., томъ, CXVII, мартъ, 712, 713.
Погодинъ, Мих. Петр., акад., проф., р. 1800 † 1875 г., т. CXVII, янв., 218, 219, февр., 385, мартъ, 609, 705—716, т. CXVIII, апр., 203—205, 216, май, 373, 463—456, 472, 473, т. CXIX, іюль, 8, 33, сент., 655—658, т. CXX, окт., 141, нояб., 428.
Погожевъ, Е. Н., сообщ.: «Къ исторіи наводненія въ С.-Петербургѣ въ 1824 г.», т. CXVII, янв., 231—239.
Погоржельскій, воспитан. корпуса, 1855 г., т. CXIX, іюль, 218.
Подчертковъ, И. А., педаг., т. CXIX, авг., 326.
Поздѣевъ, О. А., массонъ, т. CXVIII, май, 258, 259.
Позенъ, Мих. Павл., ст.-секретарь, 1839 г., т. CXVII, февр., 288, 289, 293, т. CXVIII, іюнь, 561, 563.
Полевой, Ксенофонтъ Алексѣев., писат., т. CXVIII, апр., 194, май, 398, іюнь, 497.
Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 † 1846 г., т. CXVII, февр., 379, 382, 385, мартъ, 608, 707, 711, т. CXVIII, апр., 195, 197, 200, 207, май, 368—374, 398, 473, іюнь, 579, т. CXIX, іюль, 159, 160, авг., 420.
Полежаевъ, А. И., поэтъ, т. CXVIII, апр., 216.
Поливановъ, Матв. Мих., прапорщ., 1858 г., т. CXIX, авг., 426.
Поликарповъ, камеръ - юнкеръ, 1815 г., т. CXX, нояб., 469.
Полиновскій, адъюнктъ по каѳедрѣ латинскаго языка, 1832—1834 г., издат. «Заволжскаго муравья», т. CXIX, іюль, 19.
Полововъ, подполковн., 1720 г., томъ CXIX, авг., 447.
Полтавцева, Зинаида Никол., 1834 г., т. CXVIII, май, 465.
Поляковъ, 1815 г., т. CXVII, мартъ, 484.
Поляновъ, 1843 г., т. CXIX, сент., 675, 679, 680.
Понинскій, Адамъ, диктаторъ, маршалъ 1773—1775 г., польск. политическій дѣятель, † 1798 г., т. CXIX, сент., 534, 535.
Понятовскій, кн., Іосифъ, гл. начальн. польск. войскъ, 1816 г., т. CXVII, февр., 269, 270, 432, т. CXIX, іюль, 42, 49, 59, т. CXX, окт., 62, 73.
Понятовскій, кн., Казим., 1792 г., т. CXX, окт., 70.
Попова, жена подполковн., 1799 г., т. CXIX, сент., 696.
Поповъ, Алексѣй, свящ., 1748 г., т. CXX, окт., 112, 121.
Поповъ, Андр. Ник., историкъ, род. 1841 † 1881 г., т. CXVIII, май, 467.
Поповъ, Вас. Степ., ген.-лейт., управлявшій кабинетомъ его импер. величества при императорѣ Павлѣ I, 1797 г., т. CXVII, февр., 342, мартъ, 484, т. CXVIII, май, 407—410, іюнь, 687, 688, 692, 694.
Поссевинъ, Антоній, іезуитъ, † 1611 г., т. CXIX, іюль, 142.
Потаповъ, Александръ Львов., виленск. ген.-губ., 1865 г., т. CXIX, авг., 307.
Потемкинъ-Таврическій, гр., Ал., 1792 г., т. CXIX, сент., 548.
Потемкинъ, кн., Григор. Александ., р. 1739 † 1791 г., т. CXVII, янв., 102, мартъ, 493, т. CXVIII, апр., 166, 169—177, май, 402—410, іюнь, 669, 670, 685—687, т. CXIX, сент., 535—540.
Потоцкая, гр-ня, Софія, 1806 г., томъ CXX, нояб., 391.
Потоцкій, гр., Игнат., маршалъ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 161, 162, 166, 167, май, 402, 403, 407, 409, іюнь, 681, т. CXIX, іюль, 42—58, т. CXX, окт., 65—67.
Потоцкій, кн., Іосифъ, 1792 г., томъ CXX, окт., 63.
Потоцкій, гр., Северинъ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 166, т. CXX, нояб., 405, 409.
Потоцкій (Щенсный), гр., Станиславъ-Феликсъ, маршалъ тарговиц. конфедерац., р. 1752 † 1805 г., томъ CXVIII, апр., 166—169, 172, 176, 178, май, 401—421, іюнь, 670, 681—689, 695, т. CXIX, іюль, 41—43, 52, 53, сент., 532—552, т. CXX, окт., 63, 71—73.
Потоцкій, гр., Станиславъ, генер., 1815 г., т. CXVII, февр., 268, томъ CXVIII, май, 403, іюнь, 663, 664, т. CXIX, іюль, 53, 56, 58, сент., 537, т. CXX, окт., 64, 70.
Потье, ген.-маіоръ корпуса инженер. пут. сообщен., 1828 г., т. CXX, декаб., 727.
Посошковъ, Ив. Тихонов., писат., † 1726 г., т. CXX, окт., 108, 119.
Потуловъ, Ник. Мих., изслѣдоват. древн. русск. пѣнія, 1864 г., томъ CXVII, мартъ, 716.
Поццо-ди-Борго, гр., Карлъ Андр., дипломатъ, посолъ въ Лондонѣ, р. 1764†1842 г., т. CXVIII, іюнь, 563.

Почобушъ, ректоръ главн. Виленск. школы, 1791 г., т. CXIX, іюль, 47.
Пратцъ, Эдуардъ, 1844 г., т. CXVIII, іюнь, 583.
Прейсъ, 1844 г., т. CXIX, сент., 683.
Приклонскій, чиновн. департ. госуд. имущ., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 503.
Прозоровская, зам. княгиня Голицына, 1813 г., т. CXIX, сент., 644.
Прозоровскій, Петръ Ив., 1813 г., т. CXIX, сент., 644.
Прозоровскій, фельдмарш., 1839 г., т. CXIX, сент., 652.
Прокоповичъ, Н. Я., педаг., 1855 г., т. CXIX, іюль, 216.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, архіеп. новгород., р. 1681 † 1736 г., т. CXIX, авг., 454.
Пронскій, кн., Юрій Ив., 1554 г., т. CXX, окт., 47, 48.
Протасова, Александр. Андр., въ зам. Воейкова, т. CXVII, янв., 117.
Протасова, Екат. Аѳан., 1814 г., томъ CXIX, сент., 689, 690.
Протасова, Марія Андр., въ зам. Мойеръ, р. 1793 г.. т. CXIX, сент., 689, 711, 713.
Протасовъ, гр., Никол. Александр., об.-прокур. синода, р. 1799 † 1855 г., т. CXVII, янв., 210.
Протасовъ, 1882 г., т. CXIX, сент., 710.
Протопоповъ, дѣйствит. ст. совѣт., 1863 г., т. CXIX, авг., 375.
Пршецлавскій, чл. главн. управл. по дѣл. печати, 1851 г,, т. CXVII, февр., 440.
Прянишниковъ, воспит. артил уч., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 602.
Пугачевъ, Емельянъ, † 1774 г., томъ CXVIII, іюнь, 647—662, т. CXIX, іюль, 30, 31.
Пукаловъ, И. А., 1814 г., т. CXVII, янв., 10, 20, 23.
де-Пуле, М. Ѳ., т. CXVIII, іюнь, 482, 484, 485, 502, т. CXIX, іюль, 21, 32.
Путкамеръ, племян. Бисмарка, оф, т. CXIX, авг., 283.
Пурцеладзе, проф., дѣлопроизвод. Осетинск. коммис., 1858 г., т. CXIX, сент., 490 494, 497, 504.
Путята, Николай Вас., писат., род. 1802 † 1877 г., т. CXIX, іюль, 165.
Путята, ген., помощ. начальн. штаба, бывш. директоръ 2 кадет. корпуса, 1860 г., т. CXIX, авг., 298—301.
Пушкина, Наталья Николаев., рожд. Гончарова, во второмъ бракѣ Ланская, р. 1812 † 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 570.
Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., т. CXVII, янв., 39, 116—120, февр., 378—385, мартъ, 554, 705, 706, 712, т. CXVIII, апр., 191, 204, 206, май, 370, 377, 378, 472, 473, іюнь, 482, 486, 492—500, 505, 511—515, 519, 551, 554, 567, 569—572, 580, 581, 586—588, т. CXIX, 6—13, 27—35, 151—164, сент., 564, 570—572, 594—627.
Пушкинъ, Вас. Львов., писат., р. 1770 † 1830 г., т. CXVII, янв., 115.
Пущина, зам. Малиновская, томъ CXVII, іюнь, 550.
Пущинъ, Ив. Ив., декабр., 1825 г., т. CXVII, іюнь, 553.
Пщолко, Антоній Ив., виленск. протоіерей, 1864 г., т. CXIX, іюль, 123, 124, 127.
Пыпинъ, Александ. Никол., проф., писат., р. 1833 г., т. CXVIII, іюнь, 585, т. CXIX, сент., 616, 617, 627, т. CXX, окт., 179.
Пѣвцовъ, Вас. Герас., законоучит., 1864 г., т. CXX, нояб., 332.
Пясковскій, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 681, т. CXIX, іюль, 43.

Р.

Рагозинъ, подпор., 1798 г., т. CXIX, сент., 693.
Раденъ, баронесса, Эдита, фрейлина великой княгини Елены Павловны, т. CXVII, февр., 361.
Радецкій, фельдмарш., шефъ Бѣлорус. гусарск. полка, р. 1766†1858 г., т. CXVIII, май, 268, 278—281, 285.
Радзивиллъ, Николай, виленскій воев., 1560 г., т. CXX, октяб., 58, 60.
Радищевъ, Александръ Николаевичъ, авторъ описан. путешест. изъ С.-Петерб. въ Москву, р. 1749 †1802 г., т. CXX, нояб., 415.
Разуваевъ, Николай, архіер., 1748 г., т. CXX, окт., 112.
Разумовская, гр-ня, 1838 г., т. CXVII, янв., 72.
Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., м-ръ нар. просв., р. 1748†1822 г., т. CXVII, янв., 8, мартъ, 483, т. CXVIII, апр., 136, май, 258.
Разумовскій, Дм. Вас., протоіер. †1889 г., т. CXVII, мартъ, 716.
Раевскій, Николай Никол., ген.-отъ-кавал., команд. егерскою бригадою, род. 1771†1829 г., т. CXVII, февр., 358.
Раевскій, Никол. Ѳед., протоіер., духовный пис., † 1857 г., т. CXIX, іюль, 226, 227.

Ржевскій, дьякъ, 1556 г., т. CXX, окт., 49.
Раичъ, изд. журнала «Галатея» 1829—1830 г., т. CXIX, іюль, 8.
Раменскій, Александръ Тимоф., уч. I моск. гимназ., 1854 г., т. CXIX, іюль, 172—178, 182, 186.
Растопчина, гр-ня, Евдокія Петр., 1838 г., т. CXVIII, іюнь, 573, 575.
Растопчинъ, гр., Ѳ. В., см. Ростопчинъ.
Ратомскій, Михаилъ, староста Остерскій 1603 г., т. CXVII, янв., 126.
Раупахъ, К. К., проф. Дерпт. унив., 1886 г., т. CXX, декаб., 658, 667.
Раухъ, ген., прус., 1846 г., т. CXVIII, апр., 41.
Рачинскій, Казиміръ, маршалъ сейма, 1791 г., т. CXIX, іюль, 43, 50, сент., 547.
Рачинскій, гр., Эдуардъ, капит.-лейт., †1854 г., т. CXVIII, май, 341.
Рачинскій, польскій депутатъ, 1841 г. т. CXVIII, апр., 39.
Реадъ, ген., 1848 г., т. CXVIII, май, 268.
Ребиндеръ, Ив. Мих., нижегор. и пензен. ген.-губерн., ген.-поруч., 1791 г., т. CXIX, іюль, 200.
Ребиндеръ, бар. (гр.) Робертъ Ив., ст.-секрет. Финляндіи 1811 г., чл. гос. сов., р. 1777†1841 г., т. CXVII, янв., 234.
Редклифъ, лордъ Стратфордъ, англ. послан. въ Конст. 1856 г., т. CXVII, февр., 453—472, мартъ, 675—703.
Резановъ, Александ. Ив., архитект., проф., р. 1817 †1887 г., т. CXIX, іюль, 127.
Резенеръ, Ѳед., Ѳед. †1881 г., т. CXX, нояб., 318—329.
Рейнгардтъ, Ник. Викт., т. CXIX, іюль, 34.
Рейнеке, полковн., 1884 г., т. CXIX, сент., 589.
Рейтернъ, Александра Андр., зам. Воейкова, т. CXIX, сент., 713.
Рейтернъ, Марія Андр., зам. Жуковская, т. CXIX, сент., 713.
Ренкевичъ, Александра Александр., рожд. Пашкова, р. 1770†1825 г., т. CXIX. іюль, 161.
Ренкевичъ, Александр. Ефим., дек., т. CXVII, февр., 373, т. CXIX, іюль, 161.
Ренкевичъ, Ефимъ Ефим., въ 1818—1821 г. московск. вице-губерн., съ 1830 г. вятск. губерн., р. 1772†1834 г., т. CXIX, іюль, 161.
Ренне, бар., ст. совѣт., 1826 г., т. CXVIII, май, 320.
Репнинъ, кн., Ник. Вас., ген.-фельдм., р. 1734†1801 г., CXVIII, іюнь, 648.
Репнинъ, кн., ген.-ад. 1814 г. т. CXVII, февр., 432.
Репнинъ, кн., Никол. Григор., малорос. ген.-губерн., 1820 г., ген.-ад., †1845 г., т. CXVIII, май, 256, 260, 263, т. CXIX, іюль, 232—238, сент., 647.
Рехневскій, Юлій Семен., редакторъ журнала мн-ства народ. просв. съ 1862—1866 г., †1887 г., т. CXVII, февр., 447.
Ржевскій, Никол. Александ., прапорщикъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 556.
Ржевскій, моск. цензоръ, 1854 г., т. CXVII, янв., 219.
Ржевусскій, Северинъ, гетманъ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 162—164, 167—169, май, 403—421, іюнь, 670, 681—689, т. CXIX, іюль, 41, 52, сент., 533—546.
Рибасъ, секретарь кн. Зубова, 1792 г., т. CXIX, сент., 543.
Рибопьеръ, послан. 1834 г., т. CXVIII, апр., 37.
Ридигеръ, подполк., 1812 г., т. CXIX, сент., 664.
Ридигеръ, 1848 г., т. CXVIII, май, 286.
Рикордъ, Петръ Ив., адм., р. 1779 †1855 г., т. CXVII, февр., 278.
Римскій-Корсаковъ, Александръ Вас., ген.-маіоръ, 1771 г., т. CXVIII, іюнь, 649.
Рихтеръ, П. А., управл. удѣльн. контор., 1863 г., т. CXVIII, апр., 144, 147, 148, май, 322, 324.
Ришелье, герцогъ, начальн. Риш. лицея, 1815 г., т. CXVIII, апр., 136.
Рогалевскій, Иларіонъ, чернигов. архіер., 1737 г., т. CXIX, авг., 455.
Рогожинскій, 1791 г., т. CXIX, іюль, 50.
Родзенко, Сем. Емельян., 1800 г., т. CXVIII, май, 450.
Родіоновъ, подпор., 1800 г., т. CXIX, авг., 364.
Родофиникинъ, Конст. Конст., чл. сов. мин-ва ин. дѣлъ, впосл. директ. азіатск. деп., † 1838 г., т. CXVII, янв., 81, 82, февр., 287.
Рождественскій, Пав. Григ., чиновн. 1860 г., т. CXVII, мартъ, CXVIII, май, 323.
Рождественскій, свящ., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 592, 593.
Рожковъ, авт. «Русское земледѣліе въ шестнадцатомъ вѣкѣ», т. CXVIII, іюнь, 637.
Розбергъ, Мих. Петр., акад. импер. акад. наукъ, по отдѣл. русск. яз. и словесн., р. 1804 †1874 г., т. CXIX, авг., 419, 420.

Розенбергъ, д-ръ, проф., 1888 г., т. CXX, декаб., 667.
Розенбергъ, т. CXIX, авг., 326.
Розенкампфъ, бар., Густавъ Андр., чл. комис. составленія законовъ, р. 1764†1832 г., т CXX, окт., 140—185, нояб., 371—429.
Розенъ, г-жа, клас. дама, 1844 г., т. CXVIII, апр., 116.
Розенъ, бар., Андр. Евген., декабр., р. 1800†1884 г., т. CXVII, мартъ, 485, т. CXVIII, іюнь, 621, 622.
Розенъ, бар., В. Р., 1858 г., т. CXVII, мартъ, 613.
Розенъ, бар., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 553.
Розенъ, бар., начальн. Артилер. училищ. 1845 г., т. CXVIII, май, 429, 430, 438, іюнь, 615.
Романовичъ, ген.-маіоръ, 1832 г., т. CXVII, мартъ, 592.
Романовскій, ген., т. CXVII, янв., 223, 224.
Романовскій, ген., редакт. газеты «Русскій Инвалидъ», съ 1862—1865 г., т. CXX, декаб., 651—653.
Романовъ, протоіер., 1864 г. т. CXIX, сент., 485, т. CXX, нояб., 332.
Росковшенко, Ив. Вас., переводчикъ, т. CXVIII, іюнь, 569, т. CXIX, сент., 685.
Россетъ, Александр. Осип., зам. Смирнова, 1831 г., т. CXVIII, апр., 213.
Россетъ, Аркад. Осип., виленск. губ. 1851 г., т. CXIX, авг., 422.
Росси, гр-ня, рожд. Зонтагъ, актриса, супруга сардинскаго посла, 1839 г., т. CXVII, февр., 284.
Росси, гр., Пеллегрино-Луиджи-Одоардо, итальянск. госуд. дѣят., род. 1787†1848 г., т. CXVIII, апр., 211.
Россильонъ, бар., почтмейст., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Ростовецкій, Николай, свящ., 1733 г., т. CXX, окт., 116.
Ростовцевъ, гр., Як. Ив., ген.-ад., начальн. шт. воен. учеб. завед., р. 1803 † 1860 г., т. CXVII, февр., 293, т. CXVIII, май, 381, 386, 388, 467, іюнь, 610, т. CXIX, іюль, 214—225, авг., 298, 299, сент., 579, 583, 588, т. CXX, окт., 75, нояб., 334.
Ростопчина, гр-ня, Евдокія Петр., 1843 г., т. CXVII, мартъ, 715, т. CXIX, іюль, 160—165.
Ростопчинъ, гр., Ѳед. Вас., москов. главноком., р. 1763†1826 г., т. CXVII, янв., 23—27, 218, т. CXVIII, апр., 28.
Ростопчинъ, прапорщ., 1798 г., т. CXIX, авг., 365.
Ротъ, ген., 1848 г., т. CXVIII, май, 286, т. CXX, окт., 6.
Роховъ, т. CXVIII, апр., 37.
Рубановъ, Вас. Ив., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 507.
Рубинштейнъ, Ант. Григ., композит., т. CXIX, авг., 433, 441.
Ружицкій, Карлъ, оф., т. CXX, окт., 233.
Руктешель, полковн., 1863 г., т. CXIX, авг., 303.
Румель, полковн., инспект. въ полтав. воен. гимн. 1866 г., т. CXX, нояб., 343.
Румовскій, Степ. Яковл., чл. акад. наукъ, 1819 г., т. CXX, окт., 155.
Румъ, артиллер. 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 604, 605.
Румянцовъ, гр., Никол. Петр. мн-ръ иностр. дѣлъ, канцл., р. 1754†1826 г., т. CXVII, февр., 473—478, т. CXVIII, апр., 133, май, 402, іюнь, 561, 584, т. CXIX, іюль, 116, т. CXX, окт., 142, 156, нояб., 384, 399, 400, 427, 428.
Руничъ, Дм. Павл., попеч. спб. учеб. окр., р. 1778†1860 г., т. CXVII, янв., 18.
Руничъ, владим. губерн., дѣйст. ст. совѣтн., 1798 г., т. CXIX, сент., 694.
Рутковскій, чиновн. 1859 г., т. CXX, нояб., 279.
Рыбниковъ, собират. былинъ сѣвернаго края, т. CXVIII, май, 467.
Рыбушкинъ, Мих. Самсон., адъюнктъ россійск. словесности, испол. должн. директ. училищъ казанской губерніи, р. 1792†1849 г., т. CXVIII, іюнь, 498, т. CXIX, іюль, 19, 20, т. CXX, окт., 137.
Рылѣевъ, 1823 г., т. CXVIII, май, 461.
Рындовскій, Ѳед. Мих., медикъ, р. 1783†1839 г., т. CXVIII, іюнь, 503, т. CXVIII, іюнь, 503, т. CXIX іюль, 20.
Рыттеръ, подпор., 1798 г., т. CXIX, авг., 363.
Рычковъ, Д. Н., 1863 г., т. CXVII, мартъ, 573, 574.
Рѣдкинъ, 1858 г., т. CXIX, авг., 426.
Рѣзвой, Модестъ Дмит., авторъ «Словаря музыки», р. 1807†1853 г., т. CXVIII, май, 376.
Рѣзвой, полковн., 1845 г., т. CXVIII, май, 430.
Рѣпинскій, К. Гр., 1827 г., сенат., т. CXVII, янв., 230.
Рѣпинъ, полковн., 1884 г., т. CXIX, сент., 589.
Рюль, лейбъ-медикъ, 1815 г., CXIX, авг., 480, т. CXX, нояб., 466.

Рюмина, Елена Θед., 1824 г., т. CXVII, янв., 238.
Рязанская, княжна, 1538 г., т. CXIX, авг., 405.

С.

Сабурова, Елизав. Владим., т. CXIX, сент., 712.
Сабурова, Саломонія, жена Василія III, т. CXIX, авг., 403, 404.
Савицкій, троцкій посолъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 40—43.
Саврасовъ, Петръ Θед., полковн. † 1831 г., т. CXVIII, іюль, 554.
Сазоновъ, Вас. Кондрат., акад. исторической живописи, р. 1789 † 1870 г., т. CXVII, февр., 477, 478.
Саитовъ, В. И., 1821 г., т. CXVII, янв., 115.
Салтыкова, княгиня, урожд. княжна Долгорукова, т. CXIX, сент., 666.
Салтыкова, княгиня, 1815 г., т. CXX, нояб., 468.
Салтыковъ, кн., Александръ Никол., мн—ръ ин. дѣлъ 1806 г., т. CXX, окт., 161, 179, 184.
Салтыковъ, гр., Ив. Петр., фельдм., моск. воен. губ., р. 1730 † 1805 г., т. CXVIII, іюнь, 646, т. CXIX, сент., 666, 695—699.
Салтыковъ, гр., Никол., Ив., воспит. Александра I, р. 1736 † 1826 г., т. CXVII, февр., 265.
Салтыковъ, Сергѣй, кн., 1815 г. т. CXVII, янв., 22, т. CXIX, авг., 466.
Самаринъ, В. Θ., 1863 г., шт.-ротмистръ, т. CXVII, февр., 321, 328, т. CXIX, авг., 313.
Самаринъ, Юрій Θед., писат., р. 1819 † 1876 г., т. CXVII, февр., 310, 370, мартъ, 574, 575, т. CXVIII, апр., 184, 186, май, 467—470, 476—479, т. CXIX, авг., 376, сент. 709, т., CXX, декаб., 707.
Самоваловъ, ученикъ I моск. гимназ., 1854 г., т. CXIX, іюль, 174.
Самойлова, гр.-ня, 1839 г., т. CXVII, февр., 282.
Самойловичъ, педагогъ, 1855 г., т. CXIX, іюль, 222.
Самойловъ, протоп., 1752 г., т. CXX, окт., 123.
Самсоновъ, ген., 1861 г., т. CXVII, февр., 307.
Сандуновъ, Никол. Никол., юристъ, р. 1768 † 1832 г., т. CXIX, сент., 660.
Сандуновъ, Сила Никол., актеръ, р. 1756 † 1820 г., т. CXVII, мартъ, 504.
Санинъ, Ив., въ монаш. Іосифъ Волоцкій, † 1515 г., т. CXIX, авг., 388—390.
Санти, гр., Вас. Александ., † 1841 г., т. CXVIII, апр., 208.
Сапѣга, кн., канцлеръ, литовскій, 1791 г., т. CXVIII, апр., 161, май, 413, т. CXIX, іюль, 45—47, сент., 542, 546—548, т. CXX, окт., 70.
Саранчевъ, М. А. полицеймейстеръ, полковн., 1865 г., т. CXVII, янв., 141, 142, февр., 328, т. CXIX, іюль, 117.
Саркисъ, еписк. тифлис., 1857 г., т. CXIX, авг., 263, 265.
Сатинъ, Никол. Мих., поэтъ, р. 1814 † 1873 г., т. CXIX, авг., 414.
Сахаровъ, И. П., издат. „Сказаній рус. народа“, т. CXVIII, іюнь, 571
Сбоевъ, 1835 г., т. CXIX, іюль, 29.
Свенторжецкій, Болеславъ, помѣщ., 1863 г., т. CXIX, іюль, 121.
Свербѣевъ, Дм. Никол., 1814 г., т. CXVII, янв., 22.
Свиньинъ, Пав. Петр., писат., р. 1787 † 1839 г., т. CXVII, февр., 475, т. CXIX, іюль, 114.
Свистунова, 1814 г., т. CXVII, янв., 28.
Свистуновъ, 1815 г., т. CXX, нояб., 474.
Свѣйковскій, Янъ, воевода подольскій, 1790 г., т. CXIX, сент., 539.
Свѣчина, Софья Петров., пис-ца, р. 1882 † 1859 г., т. CXVII, янв., 108, февр., 422—424.
Северинъ, гр., попеч. харьк. учеб. окр., сенат., 1802 г., т. CXX, окт., 155.
Селивановскій, Сем. Алексѣев., моск. книгопрод. и типографъ, † 1835 г., т. CXVII, февр., 379.
Селинъ, проф., кіевск., 1849 г., т. CXIX, сент., 683, 684.
Семевскій, Вас. Ив., историкъ, р. 1848 г., т. CXIX, авг., 299, т. CXX, окт., 110.
Семевскій, Мих. Ив., основат. журн. „Рус. Старины“, р. 1837 † 1892 г., т. CXIX, авг., 299.
Семеновъ, протопопъ, 1735 г., т. CXX, окт., 118, 125.
Семенъ, Августъ Ив., типографщикъ, 1824 г., т. CXVII, янв., 118.
Сенкевичъ, Иванъ-Карлъ, польскій библіографъ и историкъ, р. 1792 †1860 г., т. CXX, окт., 234.
Сенковскій, Осипъ-Юліанъ Иван., оріенталистъ, критикъ, журналистъ, издат. „Библіотеки для чт.“, 1836 г.,

р. 1800†1858 г., т. CXVII, мартъ, 710, т. CXVIII, апр., 198, 200, май, 368, 374, 398, т. CXIX, іюль, 29.
Сенявина, урожд. Агеръ, т. CXVII, февр., 275.
Сенявинъ, тов. мин. иностр. дѣлъ, губернат. новгородск., 1839 г., т. CXVII, февр., 275.
Серапіонъ, митроп., 1839 г., т. CXIX, сент., 652.
Серафимъ (Глаголевскій), петерб. митроп., р. 1763†1843 г., т. CXVII, янв., 97, 233, т. CXIX, іюль, 11, сент., 659—663.
Сербиновичъ, Конст. Степ., директ. канц. об.-прокур. свят. сунода, писат., т. CXVII, февр., 425—431, р. 1797†1874 г., т. CXVII, февр., 425—431, т. CXIX, сент., 658, 671.
Сергѣевъ, Петръ, проф., 1826 г., т. CXIX, авг., 340—352, т. CXX, окт., 138.
Серебренный, кн., Вас. Семен., бояринъ, 1552 г., т. CXX, окт., 46.
Сеславинъ, Александръ Никит., партизанъ, участникъ войнъ 1812—1814 гг., р. 1780†1858 г., т. CXVII, мартъ, 599—602.
Сибирскій, кн., ген., начальн. провіантск. вѣдомства, 1802 г., т. CXX, окт., 163.
Сиверсъ, Іоахимъ, ген.-поруч., р. 1720†1779 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Сиверсъ, гр., Эммануилъ Карлов., директ. деп. духов. дѣлъ иностр. исповѣд., 1862 г., впосл. сенат., об.-гофмейст., р. 1817 г., т. CXVIII, май, 325.
Сиверсъ, сенат., 1814 г., т. CXVII, февр., 262.
Сиверсъ, уч. нѣмец. яз. въ I моск. гимназ., 1854 г., т. CXIX, іюль, 188.
Сигизмундъ-Августъ, польскій король, 1560 г., т. CXX, окт., 58—60.
Сильвестръ, 1551 г., т. CXX, окт., 39, 40, нояб., 446.
Симашко, Францъ Ив., полковн., директ. классовъ въ Полтавѣ, 1866 г., т. CXX, нояб., 340—348.
Симеоновъ, Петръ, протоіер., 1798 г., т. CXIX, сент., 692.
Симанскій, ген., 1826 г., т. CXVIII, май, 319.
Симоновъ, Ив. Мих., ректоръ унив., экстраордин. проф. астрономіи, р. 1795†1855 г., т. CXVIII, іюнь, 505, 507, т. CXIX, іюль, 14—18.
Синичка, Ив., свящ., профес., 184 г., т. CXVII, янв., 145, 153.
Синюхаевъ, Георг., сообщ.: «Наставленія воронежскаго епископа Митрофанія, въ схимонасѣхъ Макарія», т. CXVIII, апр., 218.
Сипягинъ, ген., 1815 г., т. CXX, нояб., 479.
Скабичевскій, писат., т. CXIX, сент., 595.
Скандовскій, Н. А. докторъ медиц., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 507.
Скаржевскій, Войцѣхъ, архіеп. варш. 1826 г., т. CXX, декаб., 645.
Скино, Алексд. Троф., учит. I моск. гимназ., 1854 г., т. CXIX, іюль, 185, 186.
Скорковскій, посолъ Сендомірскаго воеводства, 1791 г., т. CXVIII, апр., 160.
Скржинецкій, ген., 1863 г., т. CXX, окт., 230.
Скрипицынъ, маіоръ, 1774 г., т. CXVIII, 655—659.
Скульскій, секр. варш. суда, 1791 г., т. CXVIII, апр., 159.
Славацкій, 1830 г., т. CXVII, февр., 344.
Сленинъ, Ив. Вас., книгопр.-издатель, † 1836 г., т. CXVII, февр., 380.
Слуцкій, Сергѣй Алексд., директ. кіевск. корп., 1863 г., т. CXX, сент., 96, окт., 89, 96.
Случевскій, К. К., писат., 1862 г., т. CXVII, мартъ, 642, т. CXIX, іюль, 217, т. CXX, нояб., 327.
Слѣпцовъ, 1859 г., т. CXX, нояб., 294.
Смарагдовъ, педагогъ, 1854 г., т. CXVII, янв., 220, 221, т. CXIX, іюль, 193.
Смецкій, Никол. Павл., ген.-маіоръ, директ. межевого института, т., CXIX, сент., 505, 506.
Смирдинъ, Алексд. Филип., издат., р. 1795†1857 г., т. CXVII, мартъ, 712, т. CXVIII, апр., 216, май, 374, 376, 398, іюнь, 575, 581, 582, т. CXIX, іюль, 160, сент., 602, 605.
Смирнова, Александра, Осип., рожд. Россетъ, 1851 г., т. CXIX, авг., 422.
Смирновъ, Александръ Вас., библ., р. 1854 г., т. CXIX, авг., 425.
Смирновъ, Дм. Алексд., собиратель матеріал. для біографіи Грибоедова, р. 1819†1866 г., т. CXIX, авг., 425—428.
Смирновъ, Никол. Мих., 1831 г., т. CXVIII, апр., 213.
Смирновъ, Як. Вас., педагогъ, р. 1806 †1868 г., т. CXIX, іюль, 194, 195, 199.
Смирновъ, протоіерей, проф. Тульской семинаріи, 1852 г., т. CXVII, янв., 210.

*

Снегиревъ, Ив. Мих., археологъ, р. 1793†1868 г., т. CXIX, сент., 652—662.
Снегиревъ, Мих. Матв., проф. московск. унив., т. CXVIII, май, 395.
Снедецкій, Янъ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 53.
Собакинъ, полковн., 1800 г., т. CXIX, авг., 363, 364.
Соболевскій, Серг. Александр., библіофилъ и библіографъ, р. 1804 †1870 г., т. CXVIII, апр., 211.
Соболевскій, ген., 1864 г., т. CXIX, іюль, 119.
Совриновичъ, полковн., 1862 г. т. CXIX, авг., 300.
Соймоновъ, Ѳ. И., т. CXIX, авг., 449.
Соколовскій, Мих., сообщ.: „Указъ императора Александра графу Штейнгелю по поводу неповиновенія крестьянъ Выборгской губерніи", т. CXVII, янв., 196; „Походъ Россіи на Индію, какъ средство ослабить Англію", мартъ, 599—602; „Изъ русской военно-уголовной старины". (Высочайшія конфирмаціи императора Павла I по военно-уднымъ дѣламъ), т. CXIX, авг., 353—368; „Проектъ генералъ-интенданта Канкрина о новомъ способѣ поселенія войскъ", сент., 715—716.
Соколовскій, педагогъ, 1855 г., т. CXIX, іюль, 221, 222.
Соколовъ, Петръ Ив., секрет. Россійск., Акад., † 1835 г., т. CXVII, февр, 375.
Сокольницкій, депутатъ познанскій, 1791 г., т. CXVIII, май, 407, 414.
Солль-Денгофъ, бар., ген.-маіоръ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 44.
Соловьевъ, Серг. Мих., акад., исторіогр., р. 1820†1879 г., т. CXVIII, май, 475, 476.
Соллогубъ, гр-ня, Софія Михайловна, рожд. Віельгорская, т. CXIX, сент., 709, 712.
Соллогубъ, гр., Влад. Алекс., писат., р. 1814†1882 г., т. CXVII, февр., 307, 311, 318, т. CXVIII, іюнь, 518, 575, т. CXIX, авг., 441.
Соллогубъ, гр., гофмейстеръ, 1825 г., т. CXVII, янв., 199.
Солтановъ, юнкеръ, 1884 г., т. CXIX, сент., 590, 591.
Солтыковъ, Никол. Ив., ген., 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 666, 685.
Солтыкъ, краковск. посолъ, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 679, т. CXIX, іюль, 37, 40.
Сончаковъ, В. И., препод. исторіи, 1854 г., т. CXIX, іюль, 193, 194, 199.
Сорскій, Нилъ, святитель, р. 1433 † 1508 г., т. CXIX, авг, 388—390, т. CXX, окт., 33, 37—40.
Сосновскій, т. CXVII, мартъ, 574, т. CXVIII, апр., 145.
Софія Алексѣевна, царевна, правительница, р. 1657†1704 г., т. CXX, окт., 109, 110.
Сохацкій, 1788 г., т. CXIX, сент., 660.
Сперанская, въ зам. Багрѣева, 1839 г., т. CXVII, февр., 286, 288.
Сперанскій, Мих. Мих., р. 1772 † 1839 г., т. CXVII, янв., 7—18, 61—98, 215, февр., 275, 279, 285—293, т. CXVIII, іюнь, 483, 567, т. CXIX, іюль, 86, авг., 421, сент., 659, т. CXX, окт., 104, 141, 147—150, 177—180, нояб., 396—428.
Спиридовъ, М. М., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 505
Спѣшневъ, полковн., 1798 г., т. CXIX, авг., 359, 360.
Срезневскій, Вяч. Изм., сообщ.: „Къ біографіи В. Н. Каразина. Письма В. Н. Каразина П. И. Кеппену", т. CXIX, сент., 701—703.
Срезневскій, Изм. Ив., профессоръ, † 1880 г., т. CXVII, февр., 475, 477, т. CXIX, сент., 674, 683.
Ставицкій, Іоаннъ, свящ., 1710 г., т. CXX, окт., 113.
Станкевичъ, Никол. Влад., писат., р. 1813†1840 г., т. CXIX, іюль, 157, сент , 558—575.
Станиславъ-Августъ, король польск. 1791 г., т. CXVIII, апр., 153—178, май, 412—421, іюнь, 663—697, т. CXIX, іюль, 58, сент., 534—552, т. CXX, окт., 64—67.
Станюковичъ, М. Н., адм., 1854 г., т. CXVIII, май, 342—345.
Старицкій, И. М., ген.-отъ-инф., изъ его воспоминаній: къ біографіи фельдмаршала ген. ф.-ц., Остенъ-Сакена, т. CXVIII, 626—628.
Старынкевичъ, Ник. Алексд., сенат. варш. департ. сената, р. 1784 † 1857 г., т. CXVII, мартъ, 492.
Стасовъ, Вас. Петр., придворн. архитект., ак., р. 1769†1848 г., т. CXIX, іюль, 231, 232, авг., 437.
Стасюлевичъ, Михаилъ Матв., публицистъ, историкъ, р. 1826 г., т. CXIX, іюль, 193, сент., 711, 712.
Сташицъ, предсѣдат. Варшав. общ. любит. наукъ, 1818 г., т. CXVII, февр., 273.
Стебницкій, художн., 1872 г., т. CXVIII, іюнь, 623, 624.
Стевенъ, Ѳед. Христіанов., губерн. въ Выборгѣ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 550.

Стемпковскій, Іосифъ, офиц., т. CXX, окт., 240.
Степановъ, Яковъ, наборщ., „Дѣло о покупкѣ его въ казну въ 1818 г.“, т. CXIX, сент., 531.
Степановъ, директ. 2-го кадет. корп., ген.-лейт., 1863 г., т. CXIX, авг., 299.
Степановъ, редакт. «Искры», т. CXX, нояб., 327.
Степановъ, капит., 1800 г., т. CXIX, авг., 364.
Столыпинъ, 1817 г., т. CXX, нояб., 425.
Стояновскій, Никол. Ив., чл. Гос. Сов., 1868 г., т. CXVII, мартъ, 553, т. CXIX, іюль, 153.
Стояновъ, Истома, 1543 г., т. CXIX, авг., 408.
Страховъ, Н. Н., 1867 г., т. CXVIII, апр., 181. 191.
Строгановъ, гр., Александръ Серг., президт. акад. худ., р. 1773†1811 г., т. CXX, окт., 147, нояб., 410.
Строгановъ, гр., Г. С., т. CXVII, февр., 415.
Строгановъ, гр., Пав. Александр., товар. мн-ра внут. дѣлъ, р. 1772 † 1817 г., т. CXX, окт., 147—150, 155—161, 165, 166, 174—181, нояб., 374, 377, 385, 391, 397, 399, 410.
Строгановъ, гр., Серг. Григ., попеч. моск. учебн. окр., 1845 г., т. CXVII, мартъ, 713, т. CXVIII, май, 474.
Строгановъ, гр., 1839 г., т. CXVII, февр. 283, мартъ, 704, т. CXIX, сент., 653—666.
Строгановы, т. CXVIII, іюнь, 640, т. CXIX, іюль, 138.
Строевъ, Пав., Мих., археол., 1820 г., т. CXVII, февр., 474.
Стороженко, А. П., дѣйст. статск. совѣтн., чиновн. особ. поруч. мн-ра внутр. дѣлъ, 1864 г., т. CXVII, янв., 135.
Стройновскій, Іеронимъ, чл. Римско-католич. коллегіи въ Спб., съ 1808 г., виленск. еписк., р. 1752 † 1815 г., т. CXVIII, апр., 156, т. CXIX, сент., 688, 689.
Стромиловъ, Никол. Мих., писат., 1868 г., CXIX, авг., 424.
Струйскій, Дм. Юрьев., поэтъ, музыкальн. крит., 1830—1840 гг., т. CXVIII, апр., 216, май, 376, іюнь, 581.
Струковскій, учит. истор., т. CXIX, авг., 326.
Струковъ, 1814 г., т. CXVII, мартъ, 497
Суворовъ, кн., Алексд., Аркад., остзейск. ген.-губ., 1861 г., т. CXVII, февр., 370, т. CXVIII, май, 267.
Суворовъ-Рымнинскій, кн. итал., Александръ Вас., фельдм., р. 1729 †1800 г., т. CXVII, февр., 434, т. CXVIII, апр., 166, іюнь, 561, т. CXIX, авг., 366, сент., 657, 672.
Суворовъ, 1848 г., т. CXX, нояб., 284, 285, декаб., 519.
Судіенко, Іосифъ Степ., тайн. сов., † 1811 г., т. CXIX, іюль, 230—233.
Судіенко, Мих. Іосиф., штабъ-ротмистръ, новгор. сѣверск. предвод. дворянства съ 1835—1841 г., адъют. графа А. Х. Бенкендорфа въ 1837—1828 г., † 1872 г., т. CXIX, 234—237.
Судіенко, Осипъ Ив., т. CXIX, іюль, 229—239.
Сукинъ, Ѳед. Ив., окольнич., 1543 г., т. CXIX, авг., 408, т. CXX, окт., 59.
Сукинъ, комендантъ Спб. крѣпости, 1828 г., т. CXVII, янв., 63, 232.
Сумароковъ, предсѣд. казен. палаты, 1863 г., CXVIII, апр., 144.
Сумбатовъ, грузин. оф., 1859 г., т. CXX, декаб., 518.
Суровцевъ, Григ. Степ., профессоръ, 1825 г., т. CXIX, авг., 350, т. CXX, окт., 136.
Сутгофъ, ген., директ. школы гвард. подпрапорщ., 1855 г., т. CXIX, іюль 221, т. CXX, нояб., 309.
Суходольскій, депутатъ холмскій, 1789 г., CXVIII, май, 402.
Сухомлиновъ, Мих. Ив., профес., 1823 г., т. CXIX, іюль, 16, т. CXIX, авг., 351, сент., 674.
Сухоруковъ, И. А., купецъ, 1835 г., т. CXIX, іюль, 30.
Сухоржевскій, Янъ, депутатъ калишскій, 1791 г., т. CXVIII, апр., 156, 159, іюнь, 684, 688, т. CXIX, іюль, 52, сент., 539.
Сухтеленъ, гр., Петръ Корнил., инж. ген., р. 1751†1836 г., т. CXVIII, май, 290, 422.
Сущинская, Теофила, сестра милос., т. CXIX, авг., 271.
Сытинъ, Ѳед., 1632 г., т. CXIX, авг., 400.
Сѣраковскій (Доленго), предв. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., т. CXIX, іюль, 120, т. CXX, нояб., 319.
Сѣрова, Валентина Семен., 1864 г., т. CXIX, авг., 435.
Сѣровъ, А. Н., композит., 1859 г., т. CXIX, авг., 428—438.
Сѣровъ, войсковой старшина, т. CXX, декаб., 651.
Сѣченова, Е. А., 1839 г., т. CXVIII, апр., 195.

Т.

Танѣевъ, Александ. Серг., статсъ-секрет., р. 1785 † 1866 г., т. CXVII, янв., 221, февр., 289.

Тараканова, княжна, Анна Петровна, т. CXIX, іюль, 113, 115.

Таракановъ, ген.-маіоръ, 1733 г., т. CXIX, авг., 455.

Тарковъ, Александръ Дм., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 551.

Татищевъ, Дм. Павл., дипломатъ, † 1845 г., т. CXVII, янв., 111, мартъ, 524—526, т. CXVIII, апр., 44, 46, 126, 127, 131—135.

Татищевъ, гр., 1812 г., т. CXX, нояб., 389.

Таубе, Максимъ Ант., ген.-маіоръ, начальн. Николаев. кавал. учил., 1866 г., т. CXX, нояб., 337, 339.

Таубе, бар., Никол., сообщ.: „Характеристика декабристовъ Кюхельбекера, Торсона и Фаленберга," т. CXVII, мартъ, 577—579.

Тваневъ, Н. И., офиц., 1864 г., томъ CXX, нояб., 315.

Твелькмейеръ, препод. ист., 1855 г., т. CXIX, іюль, 220.

Тверитиновъ, воспитан. Александровскаго корпуса, 1841 г., т. CXVII, мартъ, 629.

Тейльсъ, Игнатій Антоновъ, сенат., 1815 г., т. CXVII, янв., 206.

Тейльсъ, тверск. губерн., дѣйств. ст. сов., 1799 г., т. CXIX, сент., 696.

Телепневъ-Ободенскій, кн., 1853 г., т. CXIX, авг., 404, 405.

Телеповъ, юнкеръ арт. учил., 1845 г., т. CXVIII, май, 432, 433, 438, 439.

Тепловъ, портупей-юнкеръ артил. уч., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 609.

Тергукасовъ, ген.-маіоръ, т. CXX, декаб., 654.

Теубель, ст.-секр., 1839 г., т. CXVII, февр., 285.

Тибо, Антонъ Фридрихъ, профес. римскаго права, р. 1772 † 1840 г., т. CXVIII, апр., 210.

Тизенгаузенъ, гр-ня, фрейл., 1838 г., т. CXVII, янв., 80.

Тизенгаузенъ, хорунжій, 1791 г., т. CXIX, іюль, 38, 47.

Тизенгаузенъ, гр., дѣйст. тайн. совѣтн., 1799 г., т. CXIX, авг., 361.

Тилло, Вас. Карл., препод. артил. уч., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 595—598.

Тимашевъ, Алекс-д. Егор., мин. вн. дѣлъ, 1869 г., т. CXVIII, май, 332—335.

Тимощукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами", т. CXVII, январь, 169—195; „Петербургская жизнь въ 1825—1827 г.г.", янв., 197—205; „Графъ А. А. Кейзерлингъ", февр., 359—370; „Восточный вопросъ въ 1856—1859 г.г.", февр., 453—472, мартъ, 675—703, т. CXVIII, апр., 219—234, май, 347—366; „Польская конституція 3-го мая 1791 г., и отношеніе къ ней Россіи", апр., 153—178, май, 401—421, іюнь, 663—697, т. CXIX, іюль, 37—59; „Іоаннъ Грозный и Россія шестнадцатаго вѣка", іюнь, 629—645, іюль, поправка къ этой статьѣ, декаб., 131—149, авг., 385—412, сент., 30—61, т. CXX, 430—460; „Записки Михаила Чайковскаго. (Мехмедъ-Садыкъ-паши)", іюнь, 699—715, авг., 267—286, сент., 628—642; „Замѣтки и воспоминанія Михаила Чайковскаго", окт., 222—243, декаб., 558—594; „Тарговицкая конфедерація", сент., 532—552, окт., 62—73.

Тимоѳеевъ, Алексѣй Вас., поэтъ, р. 1812 † 1883 г., т. CXVIII, май, 371.

Титовъ, Герасимъ, свящ., 1748 г., т. CXX, окт., 113.

Титовъ, Влад. Павловичъ, послан. въ Конст. и Штутгардѣ и чл. Госуд. Совѣта, † 1891 г., т. CXVII, февр., 384, мартъ, 705, 707, т. CXIX, іюль, 8.

Тихановъ, препод. артил. учил., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 601.

Тихонравовъ, 1854 г., т. CXVII, янв., 218, 219.

Тихонъ, еписк. воронежск., 1748 г., т. CXX, окт., 112, 119, 121.

Тіетцъ, Фридрихъ, писат., директ. театра въ Ревелѣ въ 1844 г., р. 1803 † 1879 г., т. CXIX, іюль, 158.

Товянскій, Андрей, польск. мистикъ, р. 1799 г., † 1878 г., т. CXVII, февр., 344.

Толстая, Прасковья Мих., рожд. Кутузова, т. CXVIII, май, 457.

Толстая, графиня, зам. Корнилова, т. CXVIII, іюнь, 555.

Толстая, рожд. Бенкендорфъ, 1839 г., т. CXVII, февр., 285.

Толстой, гр., Дм. Андреев., мин. нар. просв., потомъ внутр., дѣлъ, р. 1823 † 1889 г., т. CXVII, мартъ, 573, т. CXIX, сент., 686, т. CXX, окт., 99.

Толстой, гр., Дм. Ник., 1860 г., т. CXX, декаб., 711.

Толстой, гр., Левъ Никол., писат., т. CXVII, янв., 34, 35, т. CXIX, сент., 569, т. CXX, декаб., 668, 670, 691.
Толстой, гр., Ник. Александ., об.-гофмарш., 1814 г., т. CXVIII, іюнь, 716.
Толстой, Пав., помѣщ., 1815 г., томъ CXVII, мартъ, 497.
Толстой, гр., Петръ Алекс-д., посолъ въ Парижѣ, чл. Госуд. Сов. и комитета мин., р. 1761 † 1844 г., т. CXX, окт., 157, нояб., 390.
Толстой, гр., Ѳед. Андр., 1820 г., т. CXVII, февр., 475.
Толстой, Ѳеофилъ Матв., псевдонимъ Ростиславъ, композит. и критикъ, род. 1809 † 1881 г., т. CXIX, авг., 433.
Толстой, гр., 1815 г., т. CXVIII, іюнь, 528, 529, 539, т. CXIX, авг., 469, 472, 476.
Толченовъ, актеръ, 1837 г., томъ CXVIII, іюнь, 572.
Толь, бар., (гр. съ 1830 г.), Карлъ Ѳед., ген., р. 1778 † 1842 г., томъ CXVIII, іюнь, 549, 558, 563—567, т. CXIX, іюль, 237.
Томашевскій, 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 684, 689, т. CXIX, сент., 539.
Томсонъ, педагогъ, 1854 г., т. CXIX, іюль, 188.
Торвальдсенъ, скульпторъ, р. 1770 † 1844 г., т. CXVIII, апр., 203.
Тормасовъ, Алекс-д. Петр., ген.-отъкав., моск. ген.-губ., р. 1736 † 1819 г., т. CXVII, февр., 444, мартъ, 481, 506, 516, т. CXVIII, май, 263, томъ CXIX, авг., 330.
Торсонъ, декаб., 1851 г., т. CXVII, мартъ, 577—579.
Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., воен. инжен., р. 1818 † 1884 г., т. CXVIII, май, 342.
Тотлебенъ, гр., ген.-маіоръ, 1761г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Точаловскій, виленск. суфраганъ 1791 г., т. CXVIII, апр., 156.
де-Траверсе, маркизъ, морской мин., т. CXIX, авг., 331.
Трачевскій, А., (1877 г.), т. CXVII, янв., 106, февр., 418, 419.
Трегубовъ, ген.-маіоръ, 1800 г., томъ CXIX, авг., 366.
Трезинъ, Андрей, инженеръ-полковникъ, крѣпостнымъ архитект. съ 1703—1734 г., т. CXIX, іюль, 114, 115.
Треповъ, Ѳ. Ѳ., варшавск. ген.-полицеймейст., 1863 г., т. CXIX, іюль, 125.
Трескинъ, Н. И., иркут. губернат., 1839 г., т. CXVII, февр., 295.
Тришатный, ген.-лейт., 1843 г., томъ CXVII, мартъ, 592.
Тройницкій, Александ. Григор., ред. „Одесск. Вѣсти.“, тов. мин. внутр. дѣлъ, р. 1864 † 1871 г., т. CXVIII, май, 325.
Тройницкій, Г. А., 1898 г., т. CXIX, авг., 420.
Тромповскій, оф., 1859 г., т. CXX, декаб , 490, 493, 515.
Трощинскій, Дм. Прок., мин. юст. сенат, р. 1754 † 1829 г., т. CXVII, янв., 85, февр., 480, т. CXX, окт., 147—149, 156, нояб., 396, декаб., 717—719.
Трубецкая, гр-ня, Екат. Ив., рожд. Лаваль, жена дек., т. CXVII, янв., 28, т. CXX, нояб., 468.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., дек., р. 1790 † 1860 г., т. CXVII, янв., 28, мартъ, 487, 488, 494, 511, 513, т. CXVIII, апр., 18—25, 28—33, май, 242, 243.
Трубецкой, кн., 1815 г., т. CXVIII, іюнь, 534—537.
Тувенель, франц. дипломатъ, послан. въ Констант. 1856 г., т. CXVII, февр., 453—472, мартъ, 675—703, т. CXVIII, апр., 219—234, май, 347—366.
Тулуба, цензоръ, 1853 г., т. CXVII, февр., 442.
Тумановъ, А. Д., правит. канц. Виленск. ген.-губерн., 1864 г., томъ CXVII, февр., 328, 330, 336, томъ CXIX, іюль, 123, авг., 309.
Тумановъ, кн., Исаакъ, 1858 г. томъ CXX, окт., 23.
Тургенева, Варв. Петр., рожд. Лутовинова, 1850 г., т. CXVII, янв., 30, 33.
Тургеневъ, Александр. Ив., дир. деп. дух. дѣлъ, писат., р. 1784 † 1845 г., т. CXVII, янв., 22, 117, 119, 122, 232, т. CXVIII, май, 445, т. CXIX, сент., 688—690, т. CXX, декаб., 714—716.
Тургеневъ, Андрей Ив., † 1803 г., т. CXVIII, май, 450.
Тургеневъ, Ив. Петр., директ. московск. унив., 1799 г., т. CXVII, февр., 412, т. CXIX, сент., 690.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т. CXVII, янв., 29—38, мартъ, 635—646, т. CXVIII, апр., 181—192, т. CXIX, авг., 423, 424, 435, 441, сент., 553—577.
Тургеневъ, Леонт. Борис., помѣщ., 1861 г., т. CXVII, февр., 310, 311, 322, т. CXVIII, апр. 145—149, май, 322.
Тургеневъ, Мих. Борис., 1861 г., т. CXVII, февр., 311.

Тургеневъ, Ник. Ив., писат., дек., р. 1789 † 1871 г., т. CXVII, мартъ, 491, 514.
Тургеневъ, Ник. Ник., 1859 г., томъ CXVII, янв., 33.
Тургеневъ, Ник. Сергѣев., 1865 г., т. CXVII, янв., 37.
Тургеневъ, П. Н., сообщ.: „Письмо А. Ѳ. Мерзлякова къ одному изъ его друзей", т. CXVIII, май, 445—450.
Тургеневъ, Юрій Борис., губерн. во Владимірѣ, 1861 г., т. CXVII, февр., 307, 310, 311, мартъ, 574.
Тургеневъ, 1872 г., т. CXVIII, іюнь, 624.
Туржанскій, преподав. въ Полтав. воен. гимназ., 1868 г., т. CXX, нояб., 345.
Турчанинова, Анна Александровна, 1798 г., т. CXIX, сент., 695.
Тутолминъ, Ив. Вас., сенат., 1839 г., т. CXVII, февр., 297.
Тутолминъ, Тимоѳ. Ив., ген.-губ., волынск. и подольскій, род. 1740 † 1809 г., т. CXVII, янв., 130.
Тучковъ, 1839 г., т. CXVII, февр., 283.
Тыманъ, Виргинія Констанція, настоят. виленск. женск. монаст. Визитокъ, 1861 г., т. CXVII, янв., 135—137.
Тышкевичъ, Ив., виленск. предвод. двор., 1860 г., т. CXVIII, апр., 152.
Тютчева, фрейлина, 1857 г., томъ CXVIII, апр., 186.
Тютчевъ, Ѳед. Ив., поэтъ, р. 1803 † 1873 г., т. CXVII, февр., 443.

У.

Убри, Петръ Яковл., диплом., род., 1774 † 1847 г., т. CXVIII, апр., 126, 129, т. CXX, ноябр., 383—386, 390.
Уваровъ, гр., Серг. Сем., мин. нар. пр., † 1855 г., т. CXVII, февр., 441, мартъ, 483, 484, 713, т. CXVIII, май, 368, 369, іюнь, 573, т. CXIX, сент., 654—659.
Уваровъ, Ѳед. Петр., ген.-ад., команд. гвард. корп., р. 1769 † 1824 г., т. CXVII, мартъ, 600, т. CXVIII, май, 444.
Уваровъ, дѣйст. ст. сов., 1814 г., т. CXVIII, іюнь, 716.
Уманецъ, поруч., 1798 г., т. CXIX, авг., 363.
Урусовъ, кн., А. И., литер., адвокатъ, 1860 г., т. CXIX, іюль, 198.
Усларъ, бар. Петръ Карлов., ген.-м., р. 1816 г. † 1875 г., т. CXIX, сент., 497, 498.
Усовъ, Степ. Мих., проф. спб. унив., редакторъ «Земледѣльческой Газеты», р. 1797 † 1859 г., т. CXIX, авг., 418.
Усовъ, капит., препод. артил. учил., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 601.
Успенскій, Александръ, сообщ: „Императрица Екатерина и графъ Орловъ-Чесменскій", т. CXVII, янв., 114; „Православная миссія въ Америкѣ въ 1795 г.", янв., 240; „Награда за цѣлованіе ножки императ. Павла I," февр., 341, 342; «Императрица Екатерина II и ея землячки», т. CXVIII, апр., 64; „Отобранный высочайшій подарокъ въ 1820 г.," апр., 110; «Дамскіе костюмы въ Лондонѣ въ половинѣ XVIII, столѣтія», май, 346; «Письмо императрицы Екатерины II графу И. П. Салтыкову», іюнь, 646; «Изъ жизни поволжскихъ раскольниковъ», т. CXIX, іюль, 200; «Донесеніе изъ Фридрихсгама отъ 25-го марта 1796 года о государственномъ переворотѣ въ Швеціи;» іюль, 212; «Изъ рескриптовъ императора Павла I», сент., 691—700.
Успенскій, Д. И., сообщ.: «Противъ Пугачева»., т. CXVIII, іюнь, 647—666; «Рескриптъ Александра I Лопухину и Нелединскому-Мелецкому», іюнь, 698; «Письма Д. П. Трощинскаго къ А. Л. Николаи», т. CXX, декаб., 717—719.
Устимовичъ, т. CXVII, мартъ, 554.
Устряловъ, Никол. Герасим., проф. акад., историкъ, р. 1805 † 1870 г., т. CXVII, мартъ, 613, т. CXIX, сент., 671, 673.
Ушаковъ, самарск. вице-губерн., т. CXVIII, май, 330.
Ушинскій, Конст. Дмит., педагогъ, 1856 г., т. CXVII, февр., 445—448.

Ф.

Фадѣевъ, 1858 г., т. CXIX, сент., 489, 504, т. CXX, нояб., 267—281, декаб., 491, 496, 516.
Фаленбергъ, Петръ, декабр., 1851 г. т. CXVII, мартъ, 577—579.
Фанъ-деръ-флитъ, педагогъ, 1866 г., т. CXX, нояб., 322.
Фарнгагенъ, 1839 г., т. CXIX, іюль, 158.
Фарнезе, польск. эмигрантъ, оф. 1860 г., т. CXIX, авг., 270—286, сент., 629—639, т. CXX, окт., 243.
Федорченко, учит. матем., 1864 г., т. CXX, нояб., 318.

Фелькнеръ, г-жа, 1818 г., т. CXIX, сент., 507.
Ферзенъ, спб. начальн. егермейстер. части, т. CXX, нояб., 295.
Ферзенъ, гр., 1859 г., т. CXX, нояб., 295, 297.
де-ла Ферроне, гр., франц. посл., 1823 г., т. CXVIII, апр., 125—135.
Фетъ, (Шеншинъ) Аѳанасій Аѳанас., поэтъ, р. 1820 † 1892 г., т. CXVII, янв., 34, 36, 165—168, мартъ, 641, 646, т. CXIX, сент. 559, 560.
Фетъ, Шарлота Карловна, т. CXVII, 165—168.
Фигнеръ, штабсъ-капит., т. CXIX, іюль, 71.
Филаретъ (Амфитеатровъ), митроп. кіевск., 1837 г., † 1857 г., т. CXVII, февр., 276, 287, т. CXIX, сент., 661.
Филаретъ (Василій Дроздовъ.), митр. московск., род. 1782 † 1867 г., т. CXVII, янв., 143, 207, февр., 386, т. CXIX, іюль, 127, 128, сент., 486.
Филипповъ, Алексѣй Алексѣев., товарищъ предсѣдателя палаты уголовнаго и гражданск. суда, 1840 г., т. CXVII, февр., 383.
Филипповъ, Евграфъ Вас., вице-губерн., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 503, т. CXIX, іюль, 20.
Филиппъ, митроп., 1568 г., т. CXVIII, іюнь, 645, т. CXX, нояб., 454, 455.
Филипсонъ, ген ,1859 г., т. CXX, нояб., 273, 274.
Философовъ, Д., его „записки", т. CXX, декаб., 654—656.
Философовъ, Ник. Иларіон., ген., 1845 г., т. CXVIII, май, 427.
Финкенштейнъ, гр-ня, зам. Витгенштейнъ, т. CXIX, сент., 666.
Фишеръ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 578.
Фогель, проф., 1826 г., т. CXIX, авг., 347, 348.
фонъ-Фокъ, Максимъ Яковлевичъ, правит. канц. шефа жанд., 1829 г., т. CXIX, іюль, 115.
Фотій, юрьевск. архиман., † 1838 г., т. CXVII, янв., 73, 74, т. CXVIII, іюнь, 559, т. CXIX, сент., 661.
Фредро, гр-ня, 1883 г., т. CXVII, янв., 109.
Фредро, гр., Максиміліанъ, камеръ-юнкеръ, 1883 г., т. CXVII, янв., 109.
Фрейгангъ, Андрей Ив., цензоръ, 1844 г., т. CXVIII, іюнь, 582, 583.
Фрейгангъ, Вас. Ив., русск. генер. консулъ въ Саксоніи р. 1783 † 1849 г., т. CXVIII, апр., 207.
Фролова, урожд. Галахова, 1837 г., т. CXIX, сент., 563—567.
Фроловъ, А. Ѳ., препод. матем., 1864 г., т. CXX, нояб. 312.
Фроловъ, Н. Г., 1837 г., т. CXIX, сент., 563, 567.
Фроловъ, капит., 1863 г., т. CXX, нояб., 314, 315.
Фуке, учит. франц. яз. I моск. гимн., 1854 г., т. CXIX, іюль., 186, 187.
Фуксъ, Александра Андр., урожден. Апехтина, поэтесса † 1853 г., т. CXVIII, іюнь, 481—509, т. CXIX, іюль, 5—35.
Фуксъ, Софья Карл., въ зам. Брылкина, т. CXIX, іюль, 33.
Фуксъ, Карлъ Ѳед., проф.-медикъ, писат., † 1846 г., т. CXVIII, іюнь, 480—507, т. CXIX, іюль, 13, 27—35, авг., 340, 343, 350, 352.
Фуксъ, Пав. Никол., академ., секр. Акад. Наукъ, р. 1798 † 1855 г., т. CXIX, авг., 418.

Х.

Хавовъ, Вас., свящ. 1752 г., т. CXX, окт., 128.
Ханыковъ, прапорщ., 1856 г., т. CXIX, сент., 586.
Харитоновъ, директ. финанс. департ., 1858 г., т. CXX, окт., 24, нояб., 249.
Харитоновъ, 1810 г., т. CXVIII, апр., 100.
Харламовъ, офиц, 1798 г., т. CXIX, авг., 360.
Хатовъ, Ив. Ильичъ, ген.-маіоръ, директоръ Александр. корп. † 1876 г., т. CXVII, мартъ, 619—621, т. CXVIII, апр., 118, 122.
Хвостовъ, гр. Дм. Ив., писат., т. CXVIII, іюнь, 497, т. CXIX, авг., 352.
Херасковъ, Мих., Матв., тайн. сов., писат., курат. моск. унив., р. 1733 † 1807 г., т. CXVII, февр., 409—412, т. CXIX, сент., 691, 698.
Хитрово, Елисавета Мих., рожд. княжна Кутузова-Смоленская, т. CXIX, іюль, 162.
Хлѣбовскій, Станис., польск. эмигрантъ, 1863 г., т. CXIX, авг., 269.
Хмѣльницкій, Богданъ, гетманъ, т. CXIX, сент., 649.
Фонъ-деръ Ховенъ, бар., Христоф. Христоф., сенат., ген.-отъ.-инфант., р. 1795 † 1890 г., т. CXIX, авг., 414.
Ховенъ, капит., 1800 г., т. CXIX, авг., 368.
Хованскій, кн., И. И., витебск. ген.-губ., ген.-лейт., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 499.
Ховрина, Александра, т. CXIX, сент., 568—572.

Хоецкій, посолъ на польск. сеймѣ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 46, 48.
Хомутовъ, чиновн. департ. госуд. имущ. 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 503.
Хомякова, Марія Алекс., † 1857 г., т. CXVIII, май, 465.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат., р. 1804 † 1860 г., т. CXVIII, апр. 184—186, 195—198, 201, 204, май, 370, 455—480, іюнь, 509, 577, 578, т. CXX, декаб., 707.
Хомяковъ, Кир. Ив., помѣщ. 1750 г., т. CXVIII, май., 455, 456.
Хомяковъ, Степ. Александр., помѣщ. † 1836 г, т. CXVIII, май, 455—457.
Хомяковъ, Фед. Степ., помѣщ. 1787 г., т. CXVIII, май, 456, 458, 460—465.
Храповицкій, Матв. Евграф., ген.-ад., † 1847 г., т. CXVII, мартъ, 582.
Хржановскій, ген. польск. войскъ, 1848 г, т. CXVIII, май, 267, 276.
Хрептовичъ, литовск. вице-канцлеръ 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 666—671, 684, т. CXIX, іюль, 38—41, 49—58, т. CXX, окт., 64—67.
Христофоровичъ, поруч., т. CXIX, авг., 285, сент., 630, 631.
Хрущовъ, Дм. Петр., товар. мн-ра госуд. имущ., директ. деп. духовн. дѣлъ 1857 г., CXIX, авг., 261, 262.
Хрущовъ, ген.-лейт., 1865 г., т. CXIX, авг., 307.

Ц.

Циммерманъ, Апол. Эрнестов., нач. окруж. шт. 1863 г., т. CXVII, февр., 329, 330.
Цихоцкій, ген.-маіоръ, 1792 г., т. CXX, окт., 70.
Циціановъ, кн., Петръ Дм., астрах. губерн., главнок. въ Грузіи, р. 1754 † 1806 г., т. CXX, окт., 148, нояб., 396.
Циціановъ, кн., т. CXIX, авг., 323.
Цинскій, Левъ Мих., моск. об.-полиціймейст., 1839 г., т. CXVIII, апр., 196.
Цитовичъ, Плат. Степ., директ. Омской воен. гимназіи, 1863 г., т. CXX, нояб., 317, 318.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковл., писат., р. 1793†1856 г., т. CXVII, мартъ, 710, т. CXVIII, май, 367.
Чагинъ, Н. М., губернск. архитект., 1863 г., т. CXIX, іюль, 127.
Чайковскій (Тимуръ-бей), Адамъ, оф., т. CXIX, сент., 638, 641, т. CXX, окт., 240.
Чайковскій (Музафферъ-бей), Владиславъ, оф., т. CXIX, авг., 275, 286.
Чайковскій, Мих., (Мехмедъ-Садыкъ-паша) † 1886 г., его записки, т. CXVIII, іюнь, 699—715, т. CXIX, авг., 267—286, сент., 628—642, т. CXX, окт., 222—243, т. CXX, дек., 558—594.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, р. 1734 † 1823 г., т. CXX, окт., 63, 67.
Чарторыйскій, кн., Адамъ Адамов., р. 1770 † 1861 г., попечит. Виленск. учеб. окр., т. CXVII, янв., 16, февр., 242—270, 344, т. CXVIII, апр., 155, 162, май, 267, іюнь, 670—673, 684, 696, т. CXIX, іюль, 38, 39, 56, 58, 124, т. CXX, окт., 147—166, 174—181, 224, 225, 230, нояб., 372—386, 398, 399, 404—411, декаб., 560, 563, 579, 580, 584.
Чарторыйскій, Владиславъ, т. CXVII, февр., 347, 348.
Чарторыйскій, кн., Констан., т. CXX, окт., 161, т. CXX, декаб., 580.
Чарторыйскій, ген.-маіоръ, 1769 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Чарыковъ, Валерій Ив., уѣздн. предв., 1863 г., т. CXVII, мартъ, 575, т. CXVIII, апр., 141, май, 322, 324.
Чебыкинъ, юнкеръ артиллер. учил., 1845 г., т. CXVIII, май, 429, іюнь, 594, 596, 598.
Чевкинъ, Конст. Влад., главноуправл. пут. сообщ., 1862 г., † 1875 г., т. CXVII, февр., 364, 369, т. CXVIII, май, 451.
Чевкинъ, ген.-маіоръ, 1798 г., CXIX, авг., 358.
Чегодаевъ, кн., помѣщ., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 496.
Человъ, В. К., педагогъ, 1864 г., т. CXX, нояб., 318.
Червинская, О. В., сообщ.: „Изъ записокъ В. К. Луцкаго“, т. CXVII, февр., 303—323, мартъ, 557—575, т. CXVIII, апр., 137—150, май, 321—336.
Черевинъ, Петръ Александр., 1863 г., т. CXVII, февр., 327, 329, 332, т. CXIX, авг., 315.

Черкасова, баронесса, Марія Алексѣев., 1814 г., т. CXIX, сент., 689.
Черкасовъ, бар., Ив. Антон., кабинетъ-секретарь, 1751 г., т. CXVIII, май, 346.
Черкасовъ, бар., Ив. Петр., 1814 г., т. CXIX, сент., 689.
Черкасскій, кн., Александръ Андр., смоленск. губернат., 1814 г., т. CXIX, авг., 444.
Черкасскій, кн., Алексѣй Мих., госуд. канцлеръ, р. 1680 † 1742 г., т. CXIX, авг., 454.
Черкасскій, кн., Влад. Александр., чл. редакц. ком. 1863 г., управл. гражд. частью въ Болгаріи 1877 г., † 1878 г., т. CXIX, авг., 376, т. CXX, декаб., 706.
Черкасскій, кн., Гавр. Ив., 1730 г., т. CXIX, авг., 454.
Черкасскіе, князья, 1730 г., т. CXIX, авг., 454.
Чернецкій, 1863 г., т. CXVIII, іюнь, 703.
Чернышева, рожд. Зотова, т. CXVII, февр., 294.
Чернышевскій, Никол. Гаврилов., писат., т. CXVIII, мартъ, 609, т. CXX, нояб., 321.
Чернышевъ, гр., Александр. Ив., ген.-ад., воен. мин., р. 1785 † 1852 г., т. CXVII, янв., 10, 65, февр., 288, 289, 294, 301, 302, мартъ, 482, 483, 532, 538—541, т. CXVIII, апр., 49, т. CXIX, іюль, 106, авг., 467.
Чернышевъ, гр., Зах. Григ., 1761 г., т. CXVIII, іюнь, 648.
Чернышевъ, гр., Петръ Григ., дѣйствит. камерг. и послан., въ Лондонѣ, 1751 г., т. CXVIII, май, 346.
Чернышевъ, гр., 1795 г., т. CXVIII, нояб., 646.
Чернышевъ, полковн., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 558.
Черняевъ, т. CXVII, янв., 224.
Чертковъ, командиръ Куринскаго полка, 1859 г., т. CXX, декаб., 492.
Черухинъ, Никол. Ив., препод. физики, химіи и физич. геогр., 1855 г., т. CXIX, іюль, 222.
Четвертинскій, сенат., 1791 г., т. CXVIII, апр., 159, 162, май, 421, т. CXIX, іюль, 52, сент., 539.
Чешихинъ, Евгр. Вас., издат. Рижск. Вѣст., 1837 г., т. CXX, декаб., 686.
Чижовъ, Ѳ., 1843 г., т. CXIX, сент., 675—685.
Чистяковъ, Александръ Ив., директ. 1-ой Спб. гимназ., 1863 г., т. CXVII, февр., 447—449.
Чихачевъ, Петръ Александр., географъ и путеш., р. 1808 † 1890 г., т. CXIX, іюль, 163.
Чумиковъ, 1876 г., т. CXVIII, апр., 93.

Ш.

Шакѣевъ, препод. истор., его пансіонъ, 1855 г., т. CXIX, іюль, 221, т. CXX, окт., 97.
Шаликовъ, кн., Петръ Ив., писат., р. 1768 † 1852 г., т. CXVII, янв., 117—120, т. CXIX, іюль, 26, т. CXX, окт., 244—246.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. CXIX, сент., 487, т. CXX, окт., 225, нояб., 271, 276, 293, декаб., 492, 515—522, 652.
Шаньявскій, государств. референтъ, 1815 г., т. CXVII, февр., 250.
Шафарикъ, писат., т. CXVII, мартъ, 711.
Шаховской, кн., Александр. Александр., драм., писат., чл. театр. коммис., † 1846 г., томъ CXVII, февр., 375.
Шаховской, кн., Н. В., томъ CXX, декаб., 693.
Шаховской, кн., С., эстляндск. губ., 1888 г., т. CXX, декаб., 680, 686, 688.
Шаховской, кн., Ѳед. Петр., декаб., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 488, 494, т. CXVIII, апр., 19, 25—29, 34.
Шаховъ, Александръ Ник., старшій предсѣдат. московск. судебн. палаты, 1864 г., т. CXVII, мартъ, 716.
Шварценбергъ, кн., 1814 г., т. CXIX, сент., 665.
Шевченко, Тарасъ Григ., писат., т. CXIX, іюль, 60, 113, 115.
Шевыревъ, Степ. Петр., проф., писат., р. 1806 † 1864 г., т. CXVII, февр., 425—431, мартъ, 708—715, т. CXVIII, апр., 196, 198, 203, 205, 216, май, 367—375, 463, т. CXIX, іюль, 8.
Шейнъ, Пав. Васил., этнографъ, т. CXVIII, май, 375.
Шелашниковъ, Степ. Петр., помѣщ., 1863 г., т. CXVIII, апр., 137, май, 322, 324.
Шелгуновъ, полковн., 1864 г., томъ CXIX, іюль, 119.
Шеллингъ, 1838 г., томъ CXVIII, май, 372.
Шенрокъ, Влад. Ив., сообщ.: „Письма П. А. Кулиша къ С. Т. Аксакову“, т. CXX, декаб., 693—710, упом., т. CXIX, авг., 421, 422.
Шеншинъ, Аѳан. Аѳан., см. Фетъ.
Шеншинъ, Аѳан. Неофитов., предвод дворянства, 1820 г., томъ CXVII янв., 165.

Шервашидзе, кн., Мих., 1826 г., т. CXVIII, апр., 69.
Шереметевъ, Ил. Вас. Меньшой, въ 1559 году пожалованъ въ бояре, † 1578 г., т. CXX, окт., 49.
Шереметевъ, С. С., 1864 г., т. CXIX, авг., 309, 317.
Шереметевъ, начальн. конвойной команды, 1858 г., т. CXX, окт., 23, декаб., 519.
Шидловскій, 1791 г., томъ CXIX, іюль, 40.
Шильдеръ, Ник. Карлов., ген.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., т. CXVII, февр., 413, т. CXVIII, апр., 49, т. CXX, декаб., 641.
Шипова, Анна Евграф., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 505.
Шиповъ, Ив., декабр., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 494, томъ CXVIII, апр., 20.
Шиповъ, Серг. Павл., ген.-отъ-инф.-сенат., ген.-ад., р. 1790 † 1876 г., т. CXVIII, іюнь, 505.
Шиповъ, костромск. помѣщ., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 494, 498, 499, 510.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Александр., мн-ръ нар. просв., р. 1790 † 1853 г., т. CXVII, янв., 74, 207—209, февр., 330, 425—431, 433, т. CXIX, сент., 658.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., Серг. Александр., въ иночествѣ Аникита, академ., р. 1783 † 1837 г., т. CXVII, янв., 74, февр., 381, т. CXIX, авг., 323, 326, 337.
Ширяевъ, А. С., книгопродавецъ, т. CXVII, янв., 117—120.
Шитцъ, полковн., инспект. клас. уч. и академ., 1856 г., т. CXIX, сент., 585, 586.
Шишковъ, Александр. Семен., мин. нар. просв., р. 1763 † 1841 г., т. CXIX, іюль, 201—211, сент., 653.
Шишковъ, проф. химіи, 1856 г., т. CXIX, сент., 586.
Шишко, учит. полт. воен. гимназіи, 1868 г., т. CXX, нояб., 345.
Шлейденъ, тайн. совѣтн., 1664 г., т. CXVII, февр., 367, 369.
Шлецеръ, профес., 1816 г., т. CXVII, мартъ, 488.
Шлиппенбахъ, ген.-лейт., директоръ Александр. корпуса, 1847 г., т. CXVIII, май, 383.
Шлиппенбахъ, поруч., 1799 г., т. CXIX, авг., 361, 362.
Шляпкинъ, И. А., 1824 г., т. CXVII, янв., 121.
Шпейеръ, Ив. Абрамов., ген., морякъ, директ. 1 моск. гимн., 1854 г., т. CXIX, іюль, 167, 170, 175.
Штакельбергъ, гр., Отто-Магнусъ, русск. послан. при испанск. и польскомъ дворахъ, р. 1736†1800 г., т. CXVIII, апр., 172.
Штакельбергъ, гр., Эрнестъ-Густавъ, р. 1814 † 1870 г., т. CXVII, мартъ, 520, 521.
Штейнгель, бар., Влад. Ив., декабр., р. 1784 † 1862 г., т. CXVII, янв., 14, 196.
Штиглицъ, банкиръ, 1838 г., т. CXVII, янв., 71.
Штукенбергъ, Ив. Христіан., библ. Румянцовск. музея, 1856 г., т. CXIX, авг., 424, 425.
Шуваловъ, Ив. Ив., сенат., р. 1727 † 1798 г., т. CXIX, сент., 656, 657.
Шуваловъ, гр., 1815 г., т. CXIX, іюнь, 542—544, т. CXIX, авг., 470.
Шуваловъ, гр., 1860 г., т. CXX, декаб., 713.
Шуйскій, кн., Андрей, боярин, 1543 г., т. CXIX, авг., 405, 407, 412.
Шуйскій, Вас. Ив., царь, т. CXIX, авг., 405.
Шуйскій, кн., Вас., Вас., боярин, 1606 г., т. CXIX, авг., 405.
Шуйскій, кн., Петръ Ив., † 1564 г., т. CXIX, авг., 412, т. CXX, окт., 55, 60.
Шуйскіе, 1853 г., т. CXIX, августъ, 405.
Шулепникова, зам. Бакунина, т. CXVIII, іюнь, 551.
Шульгинъ, Ив. Петр., проф. акад. генер. штаба, 1855 г., т. CXIX, іюль, 221.
Шульманъ, Евг. Ив., препод., 1893 г., т. CXX, нояб., 332, 333.
Шульманъ, Рудольфъ Густавовичъ, полковн., 1845 г., т. CXVIII, іюнь, 614.
Шульцъ, Ив. Петр., 1826 г., т. CXIX, сент., 701.
Шульцъ, маіоръ, 1791 г., т. CXIX, іюль, 44.
Шумахеръ, Александр. Данилов., директ. хоз. деп. мин-ва вн. дѣлъ, въ 1861—1878 г., † 1898 г., т. CXVIII, май, 325.
Шубинскій, С. Н., редакт. Историч. Вѣстника, 1899 г., т. CXVIII, апр., 338.
Шумигорскій, Ев. Севастьянов., д. ст. сов., писат., историкъ, т. CXVIII, янв., 101—109, сообщ.: „Отвѣтъ по поводу статьи: „Записки русскихъ женщинъ“, февр., 413—424, мартъ, 647—650, „Послѣднее слово г. Бильбасову“, т. CXVIII, апр., 235—239.
Шюллеръ, подполк. польск. артил., 1792 г., т. CXX, окт., 70.
Щегловъ, В. В., сооб. „Письма импера-

трицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ", т. CXVIII, іюнь, 523—544, т. CXIX, іюль, 87—112, авг., 457—480, т. CXX, нояб., 461—482, декаб., 720—726.
Щегловъ, Дм. Ѳед., 1865 г., т. CXX, нояб., 324, 331.
Щедринъ (Салтыковъ), Мих. Евгр., писат., вице-губерн. въ Рязани, потомъ предсѣд. казен. палаты въ Тулѣ, р. 1826 † 1889 г., т. CXVIII, май, 328, т. CXX, декаб., 678.

Щ.

Щепкинъ, Мих. Сем., артистъ, род. 1788†1863 г., т. CXVII, янв., 121, мартъ, 640, т. CXIX, іюль, 6.
Щепкинъ, Пав. Степ., проф., род. 1793†1836 г., т. CXVIII, май, 459.
Щербань, 1862 г., т. CXVII, мартъ, 642, 644.
Щербатова, княжна, въ замуж. Поликарпова, 1815 г., т. CXX, нояб. 468.
Щербатова, въ зам. кн. Васильчикова, 1839 г., т. CXVII, февр., 284.
Щербатовъ, кн. Александръ Алекс., 1823 г., т. CXVII, февр., 375.
Щербатовъ, кн., Д. М., 1836 г., томъ CXVII, мартъ, 710.
Щербатовъ, Ѳ. Ѳ., правитель Выборгскаго намѣстнич., 1796 г., т. CXIX, іюль, 212.
Щербинина, Настасья Мих., рожд. княж. Дашкова, †1830 г., т. CXVIII, апр., 206.
Щербининъ, Андрей Евдок., 1830 г., т. CXVIII, апр., 206.
Щербининъ, Мих. Павл. предсѣд. москов. цензурн. комит., сенат. 1860 г., т. CXIX, авг., 244.
Щербинъ, 1856 г., т. CXIX, сент. 673.

Э.

Эвенгофъ, Петръ Петр., докторъ, 1844 г., т. CXIX, сент., 682, 684.
Эверсъ, проф., 1815 г., т. CXIX, сент. 708.
Эзовъ, вице-директ. департ. народн. просвѣщ., 1818 г., т. CXIX, сент., 507.
Эйхенъ, капит., дивиз. ад., 1853 г., т. CXIX, авг., 294.
Эммануэль, поруч., 1798 г., т. CXIX, авг., 362, 363.
Энгель, ст.-секрет. при Павлѣ, 1802 г., т. CXX, окт., 148, нояб., 396, 424.
Энгельгардтъ, Настасья Львовна, зам. Баратынская, 1825 г., т. CXVIII, іюнь, 515.
Энгельгардтъ, Левъ Никол., 1836 г., т. CXVIII, іюнь, 509, 515.
Энгельгардъ, Пав. Ив., подполк., 1812 г., т. CXVII, янв., 7.
Энгельгардтъ, бѣлорусскій вице-губ., 1801 г., т. CXVII, мартъ, 580.
Эпинусъ, Францъ-Ульрихъ, чл. акад. наукъ въ спб., тайн. совѣт., р. 1724 † 1802 г., т. CXX, окт., 161.
Эрдманъ, Ф. И., проф. 1826 г., т. CXIX, іюль, 13, авг., 347, 348.
Эристовъ, кн., Дм. Алексѣев., писат., сенат., р. 1797 † 1858 г., т. CXVII, февр., 378, 379.
Эспе, Шарлотта Фридер., урожд. Киль, 1794 г., т. CXVIII, апр., 64.
Эспе, маіоръ, 1794 г., т. CXVIII, апр., 64
Этингеръ, Ѳед. Ив., т. CXVIII, май, 333.

Ю.

Юдинъ, Пав. Мих., служилъ въ мин. ин. дѣлъ, 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 555.
Юдицкій, ген., 1791 г., т. CXVIII, іюнь, 666, т. CXX, окт., 64.
Юзефовичъ, Мих. Влад., предсѣдат. Кіевск. коммис. для разбора древн. актовъ, р. 1802†1899 г., т. CXIX, авг., 418, 419.
Юркатъ, И. А., педагогъ, 1889 г., т. CXX, декаб., 690.
Юсуповъ, кн., 1839 г., т. CXVII, февр., 281.
Юшковъ, Пав. Никол., поручикъ, 1863 г., т. CXX, окт., 88.

Я.

Яблоновская, княгиня, 1791 г., т. CXIX, іюль, 44.
Яблоновскій, польск. мн-ръ въ Берлинѣ, 1791 г., т. CXVIII, апр., 158, іюнь, 663, 664.
Ягужинскій, ген.-прокур., 1730 г., т. CXIX, авг., 453, 454.
Язвинскій, Александръ Феликсов., писат., педагогъ, 1848 г., т. CXIX, іюль, 192.
Языкова, Екат. Мих., зам. Хомя-

кова, †1852 г., т. CXVIII, май, 370, 465.
Языковъ, Д. Н., 1841 г., т. CXIX, сент., 653, 677, 683.
Языковъ, Никол. Мих., писат., род. 1803 † 1846 г., т. CXVIII, апр., 204, іюнь, 489—493, т. CXIX, іюль, 8, 33.
Якименко, юнкеръ арт. уч. 1845 г., т. CXVIII, май, 434, 435.
Якимовъ, педагогъ, 1864 г., т. CXX, нояб., 332.
Якобичка, капельмейстеръ, чехъ, т. CXIX, сент., 633.
Яковкинъ, И. Ѳ., педагогъ, 1811 г., т. CXVIII, іюнь, 484, т. CXIX, іюль, 22, 23.
Яковлевъ, Мих. Лукьян., композит., директоръ типогр. II отд. собств, Е. В. канц., 1839 г., томъ CXVIII, іюнь, 552.
Яковлевъ, коллежск. совѣтн., 1863 г., т. CXVII, февр., 328.
Якубовскій, Тихонъ, преосвящен., 1860 г., т. CXX, окт., 108.
Якушкинъ, Ив. Дм., дек., 1815 г., т. CXVII, мартъ, 494, 495, 514, т. CXIII, апр., 25—34, т. CXIX, іюль, 115.
Янишевскій, Эрастъ Петр., проф., т. CXIX, іюль, 17—19.
Янкау, Адольфъ Ив., надзиратель I-й моск. гимн., 1854 г., т. CXIX, іюль, 169—174, 178, 186, 189.
Ярошкинъ, т. CXX, декаб., 652.
Ястребцовъ, Н. М., 1839 г., т. CXVIII, іюнь, 576.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Н. П., ген., проф. химіи, 1856 г., т. CXIX, сент., 580.
Ѳедосѣевъ, Стеф., діаконъ, 1748 г., т. CXX, окт., 113.
Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, р. 1557 † 1598 г., т. CXIX, іюль, 139.
Ѳеодосій, Яновскій, новгор. архіер., 1721 г., т. CXX, окт., 114.
Ѳеоктистъ, еписк. курскій, 1798 г., т. CXIX, сент., 693.
Ѳеофилактъ (Горскій), 1782 г., т. CXIX, сент., 662.

Указатель составила **В. В. Тимощукъ**.

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ**.

[illegible] фонд
Московской обл. библиотека

избирательнаго права. Рабочій день продолжается отъ 12 до 14 часовъ, и это одинаково для взрослыхъ мужчинъ, для женщинъ и для дѣтей; минимальное число—8, максимальное—17 ч. При этомъ широко практикуется ночная работа; она введена во всѣхъ бумагопрядильняхъ, гдѣ занято 75.000 рабочихъ, изъ нихъ 55.000 женщинъ и дѣтей. Работы на фабрикахъ начинаются въ 6 час. утра; оканчиваются въ 8 или 10 ч. веч., при чемъ за день рабочіе отдыхаютъ всего 40 минутъ: 20 мин. дается на обѣдъ и 20 мин. на ужинъ. Заработная плата въ 4 или въ 5 разъ меньше обычной европейской нормы. Рабочій классъ составляется изъ двухъ элементовъ: пролетаріевъ, которымъ фабрика—единственный исходъ, и крестьянъ, не порвавшихъ еще совсѣмъ съ землею. Необходимо отмѣтить сильное, за послѣднія десятилѣтія, развитіе въ Японіи пауперизма. Это явленіе, общее всему свѣту, быстро растетъ и въ этой странѣ, и вызвало уже къ жизни рядъ благотворительныхъ учрежденій. Особенно широко взялось за дѣло общество, и по общественной иниціативѣ выросли попечительства, общества, госпитали. Число кліентовъ одной изъ благотворительныхъ ассоціацій доходило въ 1903 г. до 4 милл.

Японское населеніе дѣлится по сословіямъ на квазоку, шизоку и хеймінъ. Квазоку—высшее дворянство, образовавшееся изъ соединенія бывшей феодальной знати—дайміосовъ и бывшей придворной знати—куге. Шизоку—бывшее военное дворянство, японское рыцарство,—называвшееся самураи. Хеймінъ, все остальное населеніе,—простой народъ.

Въ настоящее время никакія привилегіи не вытекаютъ въ Японіи изъ принадлежности къ тому или другому сословію. Равенство всѣхъ передъ закономъ есть признанный принципъ новаго режима. До революціи 1868 г., только куге могли лицезрѣть микадо; только нѣкоторые роды дайміосовъ могли занимать высшія должности. Теперь всѣ эти привилегіи отмѣнены, всѣмъ сословіямъ открытъ доступъ ко всѣмъ, въ томъ числѣ самымъ важнымъ, должностямъ. Исчезли также всякія различія между составными элементами третьяго сословія. Хеймины дѣлились тогда на крестьянъ, ремесленниковъ, купцовъ; въ самомъ низу, „на днѣ“, стояли японскіе паріи, такъ называемые ета; къ этимъ паріямъ принадлежали, напримѣръ, кожевники и башмачники. При новомъ порядкѣ всѣ простые граждане сравнялись. Политическую власть высшія феодальныя сословія сохранили и при новомъ режимѣ, и это послужило имъ компенсаціей за отмѣну феодализма. Дѣйствующая японская конституція дала двѣ вещи: гарантію личной свободы и представительное правленіе.

Къ правамъ гражданъ, по §§ 18—32 конституціи, относятся: свобода выбора и перемѣны мѣста жительства; арестъ, задержаніе, допросъ и осужденіе только на законномъ основаніи, подсудность только суду, опредѣленному закономъ; неприкосновенность частнаго жилища, и обыскъ лишь съ согласія гражданина; неприкосновенность корреспонденціи и частной собственности; свобода вѣроисповѣданія, выраженія мнѣній словесно, письменно и печатно; свобода сборищъ и ассоціацій; право петицій.

Японская конституція оставила верховную власть въ рукахъ императора, который только допускаетъ парламентъ вмѣстѣ съ нимъ участвовать въ пользованіи этою властью. По словамъ полковника Богуславскаго, императоръ пользуется всѣми прерогативами верховной власти, объявляетъ войну, заключаетъ миръ и договоры съ иностранными державами, утверждаетъ законы; исполнительную власть раздѣляетъ съ назначенными имъ, отвѣтственными передъ нимъ, министрами, а въ законодательной—ограниченъ имперскимъ парламентомъ.

Въ случаѣ разногласія парламента съ министрами, въ парламентѣ дѣлается запросъ министрамъ; если ихъ отвѣтъ неудовлетворителенъ, или если они совсѣмъ не отвѣчаютъ,—парламентъ дѣлаетъ имъ представленіе. Если и это представленіе остается безъ результата, парламентъ подаетъ адресъ императору, и онъ становится судьей конфликта.

„Рынки на-ряду съ землей, — замѣчаетъ г. Коваленскій, - важнѣйшая для нея (Японія) экономическая потребность. Рынки и земли—вотъ боевой кличъ новой Японіи“. Таковы основныя пружины экономической жизни этой страны, и ими вызвана и нынѣшняя борьба Японіи съ Россіей. Корейскій вопросъ—вопросъ о землѣ для японскихъ эмигрантовъ и о рынкахъ для японской промышленности. И Японіи, и Россіи не такъ важно самимъ завладѣть Кореей, какъ не дать завладѣть ею другимъ; японская Корея была бы угрозой русской Сибири; русская Корея грозила бы берегамъ Японіи.

Вотъ въ общихъ чертахъ картина Японіи, рисуемая г. Коваленскимъ въ своемъ интересномъ очеркѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1905 г.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „**Русская Старина**", Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи „**Русскую Старину**" за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1904 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ",

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна **2** р., съ пересылкою.
Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель С. Зыковъ.